18(1)

БЫЛИНЫ

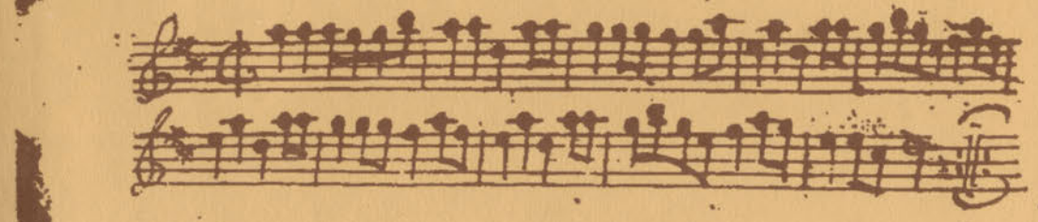
ПУДОГА

СВОД
РУССКОГО
ФОЛЬКЛОРА

БЫЛИНЫ
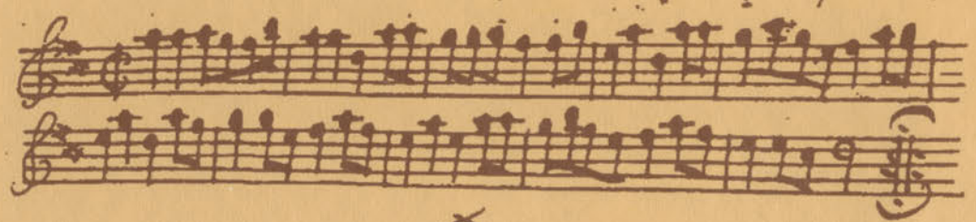
Соловья Будимировича

Высота-ли высота поднебесная, глубота-глубота Окиян-море, широко раздолье товсь жили, губины синие непроглядные, изузморья-моря синева. Из Цыхломорья Белынова царя жить заморить. Набили триста-ста братьтова молода, и караблю изустроили, было сорока управля, одною полхайту — рожи собольи ящиковы, уса было вотянуто — место умки было вотъ мия два горилатыя, ния утово было сокола, зе мисцы бурнастыя, было сокол правле, не норма потурином, утъ полбороду шихту — к сокол править — ушк была бесъда, бесъда постоить — путавъ молоцыя, из каторыя соловы, караблецыи ивс, ну я хороль, из мисца буду

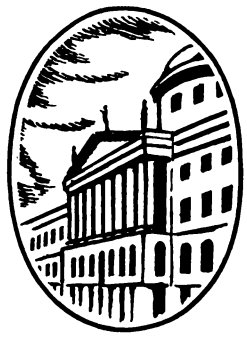

Иванъ Гостиной сынъ № 7.

В столномъ городе Кіеве у славнова князя Влади
мера было тированья пасхе стной пиръ было столованья
пасхе стной столъ наименьши князи бояра и наруси я —
могутыя богатыри и гости богатыя будетъ день
в половина дня будетъ пиръ в полу пиръ Влади
меръ князь растоте
фиваетъ тамовы сто
и бояра и все русиия
все тамовъ человеи
фередицовъ натри ст
похваленыя сивъ фе
и которои полонеиъ
илья муромецъ сын
гарина змеевица и
два девяносота то
обеденки и заутренеи
хоронетца а меншо
истово стола кня
рсиия выступаетца
на свое место бога
збитнымъ голосомъ
Владимеръ князь к
аибытъ перединязе
натри стола фередицов
а сивъ фередецъ да
фередецъ полонянъ
в оболшои орде пол
и станавитъ пань ум
ехатъ дорога небли
рнитова два девян
промежу обедни и
ибыя что вымет
я иванъ овелитъ за
оглаве бунои голо

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

СВОД
РУССКОГО
ФОЛЬКЛОРА

БЫЛИНЫ

В 25 ТОМАХ

ТОМ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»

МОСКВА
Редакционно-издательский центр
«КЛАССИКА»
2015

Север
Европейской
России

Былины Пудоги

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»

МОСКВА
Редакционно-издательский центр
«КЛАССИКА»
2015

УДК 82
ББК 82.3(2Рос=Рус)
Б95

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СВОДА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

В. Е. Багно, А. Н. Власов (зам. главного редактора), Ю. Л. Воротников, А. А. Горелов (главный редактор), В. И. Еремина, А. А. Зализняк, Т. Г. Иванова, Н. Н. Казанский, А. В. Лавров, Ю. И. Марченко, С. И. Николаев, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Н. Н. Скатов, С. М. Слонимский, И. М. Стеблин-Каменский, С. М. Толстая, А. Л. Топорков, Е. П. Челышев, В. А. Чернушенко

Редакционная коллегия серии «Былины в 25 томах»

А. А. Горелов, В. И. Еремина, Т. Г. Иванова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ю. И. Смирнов, И. Я. Фроянов

Издание подготовили:

В. И. Жекулина, В. И. Еремина, Т. А. Новичкова, Ю. А. Новиков, М. Н. Власова, А. Ю. Кастров, Е. И. Якубовская

Рецензенты:

М. А. Лобанов, А. Ф. Некрылова

Ответственный редактор тома

А. А. ГОРЕЛОВ

Издательская программа Международного Пушкинского фонда «Классика»
При поддержке ОАО Нефтяная Компания «ЛУКОЙЛ»

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-04-16048

ISBN 978-5-02-038240-4 (Т. 18, кн. 1)
ISBN 5-02-028366-5 («Наука»)
ISBN 978-5-31325-056-8 (Т. 18, кн. 1)
ISBN 5-7735-01-20-1 (РИЦ «Классика»)

© Российская Академия наук, 2015
© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, составление, подготовка текстов, комментарии, 2015
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2015

СОСТАВ 25 ТОМОВ СЕРИИ «БЫЛИНЫ» СВОДА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Тома 1—10. Былины Севера. Архангельско-беломорские традиции

Тома 1—2. Печора

Тома 3—5. Мезень

Том 6. Кулой

Том 7. Пинега

Тома 8—9. Зимний Берег Белого моря

Том 10. Западное Поморье

Тома 11—20. Былины Севера. Обонежско-каргопольская традиция

Том 11. Северное Обонежье

Тома 12—15. Западное Обонежье

Тома 16—18. Восточное Обонежье (Пудога)

Том 19. Кенозеро

Том 20. Каргополье

Тома 21—23. Былины центральных районов Европейской России, Поволжья, Урала и Сибири

Том 21. Центр европейской части России

Том 22. Урал, Сибирь, Дальний Восток

Том 23. Казачьи области (Дон, Нижняя Волга, Северный Кавказ и др.)

Том 24. Непаспортизованные записи XVII—XX вв.

Том 25. Приложения. Сводные указатели

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Том 18-й, кн. 1 серии «Былины в 25 томах» Свода русского фольклора — «Былины Пудоги» — создавался коллективом авторов. Тексты былин по архивам РГАЛИ и КФАН подготовлены В. И. Ереминой и В. И. Жекулиной; по архиву ФК МГУ — В. А. Ковпиком и А. В. Кулагиной. Сверка текстов П. Н. Рыбникова (архивы РГБ, ГИМ) выполнена Т. А. Новичковой, М. Н. Власовой, А. Ф. Гильфердинга — З. И. Власовой, Е. И. Якубовской.

Сюжетный комментарий принадлежит Ю. А. Новикову, текстологический комментарий подготовлен В. И. Ереминой, В. И. Жекулиной, Т. А. Новичковой, З. И. Власовой, М. Н. Власовой, Е. И. Якубовской.

Музыковедческая часть тома оформлена А. Ю. Кастровым и Е. И. Якубовской.

Техническую подготовку тома к печати провела М. Н. Власова.

Компьютерный набор текстов былин выполнен М. Н. Власовой, Е. П. Фрэнсис, И. П. Ковтун.

Компьютерный набор нотных образцов осуществлен Л. В. Ереминым.

ТЕКСТЫ БЫЛИН

ДУНАЙ И НАСТАСЬЯ-КОРОЛЕВИШНА (№ 319—320)

№ 319

О ДУНАЕ ИВАНОВИЧЕ

Во славном городе во Киеви
У ласкового князя Владимира
Было пированье, почестен пир,
На многих князей, на бояр,
На светлорусских могучих бога́тырей.
Стал тут князь по горницы похаживать,
Жолтые кудёрышки поглаживать,
А сам говорит таковы слова:
«Ай же вы, князья и бояре,
И русские могучие богатыри,
Не знаете ли красной девицы,
Чтобы взять мне ее во замужество?»
Ничего не говорят князи и бояре,
Не знают оне красной девицы,
Чтобы пришла она князю по характеру.
И встает тут на резвы́ ноги
Удалый добрый молодец,
Сильный могучий богатырь
По имени Дунай Иванович,
Говорит он князю таковы слова:
«Уж ты, князь Владимир стольне-киевский,
Знаю я вам красну девицу,
Тебе будет жена она наглядная.
Как у тоего ли короля у Черниговского
У него есть две дочери:
Старшая еэдит по чисту полю
С богатырями она сражается,
Зовут ее Настасья Дмитриевна,
А меньшую зовут Апраксия,
Все время она дома находится,

Она девица очень красивая,
И должна она теби понравиться.
Я поеду ее посватаю,
Только дай ты мне во товарищах
Того ли Добрыню Никитиця».
И говорит тут князь таковы слова:
«Поезжай-ко ты, Дунай Иванович,
Бери ты с собой товарища,
Того ли Добрыню Никитиця,
И привези ты мне Апраксию-королевичну».
Тут выходит Дунай на широкий двор
С тем ли Добрыней Никитичем,
Седлали оне добрых коней
Только видели молодцов сядучись,
А не видели молодцов поедучись.
И будут оне во Чернигове
У того ли короля у Дмитрия.
Заезжали они на широкий двор;
И тот Дунай Иванович
Оставляет он Добрынюшку Никитича на широком дворе
И на походе ему так наказывал:
«Хорошенько ты смотри, прислушайся,
Тебя надать будет выйти на подмогу мне».
И пошел Дунай Иванович
В королевскую гридню светлую,
И загородили путь ему татарова;
Расталкал он всех татаровей поганыих,
А иных татар даже насмерть убил.
Приходил он к королю Дмитрию
Сам говорит таковы слова:
«А ты здравствуешь, король Черниговский!»
Говорит ему король Черниговский:
«А ты здравствуй, Дунай Иванович,
И зачем ты сюда ко мне пожаловал?»
Говорит Дунай Иванович:
«Ах ты, храбрый король Черниговский,
Я приехал к тебе свататься,
Ты отдай свою дочерь Апраксию
Взамуж за нашего князя Владимира,
За того ли князя киевского».
И говорит ему король Черниговский:
«Не отдам я меньшей дочери через бóльшую
За вашего князя за киевского,

Пусть берет он дочерь бóльшую».
И тут они с Дунаем раздорили:
Дунай Иванович сватат дочерь меньшую,
А не берет он дочери большоей.
И встават тут Дунай Иванович на резвы ноги,
Он крепко стал по горнице похаживать,
Кулаками стал в стол поколачивать.
И приказал тут король Черниговский
Вывести Дуная с горницы.
И услышал это со двора Добрынюшка Никитиць сын,
Он в леву руку берет добрых коней
За тыи ль поводья шолковыя,
А в праву руку берет дубиночку,
И стал он по двору похаживать,
Дубиночкой стал помахивать,
Начал татар поколачивать.
Бежат тут татара во светлу горницу
Ко тому ли королю Черниговскому
А сами говорят таковы слова:
«Уж ты, Дмитрий, король Черниговский,
Как стоит у нас на широком дворе
Русский удалый молодец,
Богатырь сильный, могучий киевский,
Тот ли Добрынюшка Никитич сын,
В левой руки он держит коней за пóводья,
А в правой руки он держит дубиночку,
Для нас эта дубиночка тяжолая,
Она нам даже и не поднемная,
А он в одной руки дубиночку помахиват,
И уже много прибил нас, татаровей».
И как тут Дунай Иванович
Он ударил кулаками о дубовый стол,
Разлетался стол весь надребезги,
И говорит Дунай королю Черниговскому:
«Ты, Дмитрей, король Черниговский,
Снаряжай ты свою дочь Апраксию,
Пущай едет она во Киев-град,
Она будет женой князя Владимира.
А не отправишь ты свою королевицну,
То возьмем мы ее да силою».
Видит тут король Черниговский,
Что приходится отдать ему свою доць младшую
Замуж за князя киевского —

Нету у него бога́тырей
Сразиться с Дунаем Ивановичем
И с тем Добрынюшкой Никитичем.
И отправляет он свою дочерь любимую
Во тот во стольной Киев-град.
Сели на коней и поехали
Добрынюшка Никитич и Дунай Иванович
А с ними Апраксия-королевична.
И будут оне во цистом поле,
И заметили оне брод лошадиныи:
Глубоко у лошади в землю грязнуто.
Говорит Дунай Иванович
Тому ли Добрыни Никитичу:
«Поезжай-ко ты ко Киеву
С молодой Апраксией-королевичной,
Передай ее князю Владимиру,
А я поеду этим бродом лошадиныим».
И поехал он этым бродом лошадиныим,
И нагоняет он бога́тыря,
Сильного и могучего.
Тут не два ветра в поли слеталися,
Не две тучи в небе сходилися,
Сходилися-слеталися
Два удалых добрых молодца.
Они первым боем ударились
Теми ли шалыгами подорожными —
У шалыг цевья отломилися,
Они тем боем друг друга не ранили;
Они другим боем ударились
Теми ли копьями мурзамецкими —
У копьев носки позагнулися,
Они тем боем друг друга не ранили;
Тянулись через гривы лошадиные,
Один одного не перетягивал,
Лишь добрые кони на колени пали;
Сходили они со добрых коней
И хватались в бой рукопашечный,
И одолел Дунай Иванович
Того удалого молодца,
Богатыря сильного, могучего,
Валил его на сыру землю
И хотел пороть ему грудь белую,
И разрезал на нем платья цве́тные,

И увидел он груди женския,
И стал он ее спрашивать:
«А ты скажи-ко мне, что ты женщина,
Ты коей земли, ты коей орды,
Как тебя зовут именем,
Величают тебя по отечесьву?»
И говорит ему тут женщина:
«Не узнаешь ты разве меня, Дунай Иванович?
Ведь жил ты у моего батюшки три года:
Первый год ты жил у него дворником,
Другой год ты жил у него конюхом,
А третий год ты жил у него стольником, —
Так вот я, Настасья-королевицьна,
Дмитрия короля Черниговского».
И выходит тут Дунай Иванович со белых грудей
И говорит ей таковы слова:
«Ай же ты, Настасья Дмитриевна,
Желаешь ли ты меня во замужество?»
И пожелала итти Настасья Дмитриевна
За Дуная Ивановича во замужество.
И поехали они ко городу ко Киеву,
Ко князю ко Владимиру на почестен пир.
Все на пиру напивалися,
Все на пиру наедалися.
В полупире все порасхвастались:
Богатой хвастает золотой казной,
Сильной хвастает своей силою,
Другой хвастает славным отечеством,
Славным отечеством и молодым молодечеством,
Умной хвастает старой матерью,
А безумной молодой женой.
А тут Дунай Иванович
Сидит он да ничем не хвастает.
И говорит тут Владимир-князь:
«А ты что ничем не хвастаешь,
Добрый молодец, Дунай Иванович?»
Отвечает князю Дунай Иванович:
«Нечим мне, молодцу, похвастати.
Если тем мне только, молодцу, похвастати,
Что нет храбрея меня добра молодца,
Я ведь высватал для князя королевичну младшую,
А для себя сосватал я королевичну, сестру старшую,
Своей смелостью и умелостью».

И говорит тут его молода жена
И тая ли Настасья-королевична:
«Не хвастай ты собой, Дунай Ивановиць,
Посильнее тебя — Илья Муромец,
Посмелее тебя — Олёшенька Попович сын,
Повежливея тебя — Добрынюшка Никитиць сын.
А поедем-ка мы стрелять с тобой во чисто поле,
Станем мы стрелять в остриё ножевое,
Чтобы попала стрелоцька самым носиком,
Раскололась бы стрелоцька на две половиноцьки,
Чтобы толщиною были половиночки равные,
Да и весом были тоже равные».
На это Дунай Иванович осержается,
Не охота ему подчиниться своей молодой жены.
И садилися оне на добрых коней,
И поехали оне во чисто поле,
И поставили они ножик в верстовой столóб.
И тут Дунай Ивановиць
Он берет свой тугой лук разрывчатый,
Полагает стрелочку калёную:
Первый раз стрелил — пере́стрелил,
Второй раз стрелил да не до́стрелил,
Третий раз стрелил — только в цель попал.
А его молода жена Настасья Дмитриевна
Натянула свой тугой лук,
Полагала стрелоцьку калёную
И спущала в место наказанное.
Попадала она в остриё во ножóвое,
Раскололась стрелоцька на две половиноцьки,
Весом и толщиной были они одинаковы.
И это Дунаю Ивановичу не понравилось,
Что перехитрила его молода жена.
И если поехать с ей во Киве-град,
То она больно будет круг его смеятися.
И захотел он ее лишить свету белого,
И берет в руку саблю острую,
А сам говорит таково слово:
«Надсмеялась ты надо мной, молодцом,
Пристыдила ты меня у князя на чесном пиру,
Так за это я срублю тебе голову».
Говорит ему молода жена,
Тая ли Настасья Митриевна:
«Ай же ты, Дунай Иванович,

Не руби ты мне буйну голову,
А возьми ты меня лучше за волосы,
Волочи ты меня по чисту полю,
Погоняй меня ты прутьями железными,
Ведь у меня во чреве женскоем
Есь дитя-зародыш необыкновенный сын,
У него ведь руки-то будут очень сильные,
А ноги будут очень крепкие,
Голова у него будет разумная».
Но не слушался Дунай Иванович,
Отрубил он буйну голову
Своей жены Настасьи Дмитриевны,
А спущает в грудь калену́ стрелу,
А сам говорит таковы слова:
«От моей от крови молодецкоей
Протеки-ка ты, матушка Дунай-река».

№ 320

ПРО ДУНАЯ ИВАНОВИЧА

Как во том во городе во Киеве
У ласкового князя у Владимира
Пированьице да был почестен пир.
На пиру-то все да наедалися,
На честном-то все да напивалися,
Разныма да похвалами похвалялися.
Как весенний день идет ко вечеру,
А почестный пир да навеселе,
А на том ли на честном пиру
Сидят князья да тут бояровья,
И сильные могучие богатыри,
А и те и поляницы да удалые.
Как возговорил Владимир стольно-киевский:
«Уж вы, гости мои да любимые,
Вы, князья да все и бояровья,
Да и русские могучие богатыри!
А и все-то вы да поженены,
Только я один да не женат живу,
Не женат живу да холостым слыву.
Вы взойдите-тко в мое да в положение,
А подумаем мы за обще, за единое,

Как мне, молодцу, да поженитися,
Где жену найти да мне по разуму,
Чтобы ровня была добру молодцу,
Чтоб лицом красна да и умом статна,
Чтобы было чем с людями мне похвастати,
А и всем бы было кому кланяться».
Тогда гости все да призадумались,
Старший-то туляется за среднего,
А средний-то туляется за меньшего,
А меньшего и ответу нет.
Как за того стола из-за дубового
На скамеечки сидел да на окольною
Молодой тихий-то Дунаюшко,
Князю-солнышку он в пояс поклоняется,
Говорит Дунай да таковы слова:
«Ай же, солнышко Владимир стольно-киевский,
Не вели меня казнить, вели речь говорить.
Когда был я, молодец, в летах молодыих,
Побывал я у короля Литовского,
А служил я королю да ровно девять лет,
Три года-то служил я паробком,
А три года-то служил я конюхом,
А три года прослужил я стольником,
Тому времечке да прошло девять лет.
У того ли короля да у Литовского
Есть две дочери прекрасные.
Одна дочь Настасья-королевична —
Не пойдет она во замужество
Не княгиней, не царицею,
Ездит во поле удалой поляницею,
Она ищет себе да поединщика:
Кто Настасьюшку да с коня собьет,
За того Настасьюшка и замуж пойдет.
Есть и младша дочь да на выдаваньи —
Прекрасная Опракса-королевична,
Она лицом красна да и умом статна,
У ей походочка да павлиная,
Поговора-речь да лебединая,
Брови черны у ней да соболиные,
Очи ясные да соколиные,
А говорит она, будто рублем дарит».
У того у князя у Владимира
Разгорелося сердечко молодецкое,

Как вставал Владимир на резвы ноги,
Говорил Владимир таковы речи:
«Уж как тихий ты, Дунай Иванович,
Как умел ты девицу повыхвалить,
Ты умей-ко красную повысватать,
Как высваташь ты девицу, тебя помилую,
А не повысваташь, так на меня ты не прогневайся.
Бери-тко ты, Дунай, да золотой казны,
Золотой казны сколько надобно,
И бери себе да коня доброго,
И в дороженьку справляйся ты немедленно».
Тут тихий-то Дунай Иванович
Князю-солнышку да низко поклоняется,
Говорит Дунай да таковы слова:
«Ай же солнышко Владимир стольно-киевский,
Уж ты дай-ко мне да коня доброго,
Еще дай товарища надежного,
Моего ли братца подкрестового,
Ты Добрынюшку да свет Никитича».
Тут встают удалы добры молодцы
Из-за того стола да из-за дубового,
С князем солнышком Владимиром прощаются,
А во дальнюю дорожку собираются.
Выходили они на княженецкий двор,
Садились молодцы да на добрых коней,
Видели-то молодцов сядучи,
А не видели удалыих поедучи —
Только куревка во поле прокурела.
Ехали, поехали да по чисту полю
Как ко той столице ко Литовскою,
К славному ли королю Литовскому.
Приезжали молодцы на королевский двор.
Говорит Дунаюшка Иванович:
«Ай же ты, мой братец подкрестовыи,
Оставайся на дворе на королевскоем,
Сбереги своих да добрых коней,
Если будет мне-ка надобно,
Приходи на помощь да на выручку
А во те палаты королевские».
Сам идет скорым-скорешенько
Как во те палаты королевские.
Заходил во гридню во столовую —
Как сидит тут король Земли Литовскою,

Перед ним лежит доска шахматная.
Говорит Дунаюшка Иванович:
«Уж здравствуешь, король Земли Литовское!» —
«А здравствуешь, удалый добрый молодец,
А тихий ты Дунай Иванович,
Ты откуль идешь да откуль путь держишь,
Ты зачем ко мне, Дунай, пожаловал?
Как служил, Дунай, ты у меня ровно ⟨девять⟩ лет,
Послужи-тко еще да верой-правдой,
А за то тебя, Дунаюшка, пожалую».
Говорит ему Дунай Иванович:
«Ай же ты, король Земли Литовские,
Не служить приехал — по другим делам:
У тебя ли есть ли да любима дочь,
Тая ли Опракса-королевична,
Отдай-ко ты Опраксу-королевичну
Во замужество за князя за Владимира
А во нашу Землю Святорусскую».
Рассердился король, да поразгневался,
Как схватил король доску шахматную,
Говорит король да таковы слова:
«Ай же ты, Дунай Иванович,
Если не служил бы ты у меня да ⟨девять⟩ лет,
Я покончил бы тебя на этом местечке,
А за твою услугу за верную,
За твою работу неизменную
Угощу тебя да честно именно —
Посажу тебя во погреба глубокие,
А на кушанье на овес да на воду,
Там, Дунаюшко, да приобдумайси:
Ты обнес мою дочь да старшую,
А приехал сватать дочку младшую,
Огорчил ты меня, короля Литовского».
Закричал король да громким голосом:
«Уж вы, слуги мои да королевские,
Вы берите-тко да добра молодца,
А того ли Дунаюшка Ивановича,
Отведите его во погреба глубокие,
Закройте двери тяжелые,
Повешайте замки да железные,
Завалите двери дубьями-колодьями».
А Дунаюшка не до уверток был,
Он скорым-скоро да поскорешенько

Убежал со гридни со столовою,
Заходил он во светлую во светлицу
Ко прекрасной Опраксы-королевичны,
Говорил Дунай да таковы слова:
«Ай же ты, прекрасная Опракса-королевична,
Ты поди-тко во замужество
К нам во Землю Святорусскую
А за киевского князя за Владимира».
Говорит Опракса-королевична:
Ай же тихий ты, Дунай Иванович,
Я три года Богу русскому молилася,
Чтобы быть за князем за Владимиром».
Тут скорым да поскорешенько
Тихий-то Дунай Иванович
Как он бежал во гридню во столовую
Ко тому ли королю да он Литовскому,
Он ударил по столу да по дубовому —
Разлетелся стол да в мелки дребезги.
А схватил Дунай доску шахматную,
Говорит он королю Литовскому:
«Если хочешь жить, то отдавай нам Опраксу-королевичну!»
Закричал Дунай да громким голосом:
«Ай же ты, Добрынюшка Никитинец,
Поспевай-ко ты да ко мне на помочь!»
Тут Добрынюшка да Никитинец
По двору он запохаживал,
А он палицей булатной запомахивал,
Как побил он всех слуг да королевскиих —
Как кто стоя стоял, да сидя сидит,
А кто сидя сидит, да тот лежа лежит.
Закричали слуги королевские:
«Ах же ты, король Земли Литовской,
Неужели из-за девки всем погинуть?
Отдавай-ко ты Опраксу-королевичну!»
А Дунаюшка да сын Иванович
Как скорым-скоро да поскорешенько
Опускал Опраксу-королевичну
Во косящето да во окошечко,
А принимал Опраксу-королевичну
Молодой Добрынюшка Никитинец,
Посадил ее да на добра коня
И увез Опраксу во чисто поле.
А король Земли Литовской

Бежит во светлую во светлицу,
И кричит король да громким голосом:
«Ай же дочь моя, да ты любимая,
Опраксия да королевична,
Налетели богатыри да святорусские,
Они челом не бьют, а силой берут!»
А видит — опустела светла светлица,
Тута нет Опраксы-королевичны.
Тут король Земли Литовскую
Он упал да на кровать да на тесовую,
Залился король да горючьми слезми.
Говорит король да таковы слова:
«Где же ты, дочь моя любимая,
Дочь любимая, поляница удалая?
Поезжай-ко ты да вслед с угоною,
А повыручи с неволюшки
А сестрицу свою милую».
Тихий-то Дунаюшко и Добрынюшка Никитинец
Как во том во полюшке во чистоем
Пораскинули да белой шатер,
Поели, попили да покушали,
Белы лебеди они порушали
И ложились спать, да опочив держать.
Привязали своих добрых коней
А во полюшке да на зеленый луг.
Не спалось тута тихому Дунаюшку,
Выходил Дунай да со бела шатра,
Как смотрел Дунай во трубочку подзорную,
Видит — в полюшке да только пыль пылит,
Пыль пылит, добрый конь бежит,
А на добром коне да богатырь сидит,
Богатырь сидит да кричит громким голосом:
«Ах вы, воры, русские богатыри,
Вы не золото украли да не серебро,
А украли вы да красну девицу,
А мою ли сестрицу да родимую».
Тут Дунаюшко да сын Иванович
Не тревожил он братца подкрестового,
А того Добрынюшку Никитича,
Не разбудил он красну девицу,
А как ту Опраксу-королевичну,
Поскорешенько вскочил он на добра коня,
И поехал он навстречу ко богатырю.

Тут с богатырем да повстречалися,
Палицами булатными ударилися —
У их палицы да приломалися,
А не который не которого не ранили.
Второй раз поразъехались да съехались,
И сразилися копьями муржевецкими —
Муржевецкие копья присогнулися,
А не который не которого не ранили.
Соскочили богатыри да со добрых коней,
Пошли они в бой да врукопашную.
Супротивник Дуная Ивановича
Крепко бил его да во белую грудь,
А на груди у тихого Дунаюшки
Был повешен золоченый крест,
Углубился крест да в груди белые —
Из груди полилась кровь-то алая.
Тут розгорелось сердце богатырское,
Ударил супротивника он во белую грудь,
И упал тут супротивник на сыру землю.
Схватил Дунай тут свой булатный нож,
Хотел пороть он груди белые
Тому сильному могучему богатырю.
Увидал тут Дунай Иванович —
Не богатырь тут, а была женщина,
А тая поленица ли удалая,
А прекрасна Настасья-королевична.
Говорит Настасья-королевична:
«Ай же ты, Дунай Иванович,
Не узнал ты, верно, красну девицу,
А меня ли, поленицу да удалую,
А Настасью ли да королевичну.
Не пори-тко ты мои груди белые,
Мы с тобой ведь были да знакомые,
Ту служил у нас да верой-правдою,
Пощади меня, да не губи меня!»
Тут тихий-то Дунай Иванович
Берет ее да за белы руки,
Поднимает ее да со сырой земли,
Тут признал Настасью-королевичну.
Говорит Настасья-королевична:
«Много лет я ездила во чистом поле,
Не нашла себе да супротивника,
Чтобы мог спустить меня с добра коня,

Победил ты силу богатырскую,
А ты возьми-тко меня да во замужество».
Тут возрадовался Дунаюшко Иванович,
Как берет ее да за белы руки,
Целовать хотел он во уста сахарные.
Говорит Настасья-королевична:
«Ай же ты, Дунаюшка Иванович,
Не целуй-ко меня во уста сахарные,
У меня есте уста поганые.
Мы поедем-ко ко городу ко Киеву,
Проведи меня во веру православную,
Православную ты веру святорусскую.
Потом пойдем во церков во соборную,
Мы златыма венцами повенчаемся,
А именными кольцами обручаемся».
А Добрынюшка да свет Никитинец
Садились на добрых коней,
Да и уехали а ко тому ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
Как прекрасная Опракса-королевична
Как во той во церкви во соборною
С князем со Владимиром венчается,
А Настасья-королевична
Ко венцу с Дунаем собирается.
Как в один прекрасный денечек
Две сестрицы в Божьей церкви повенчалися.
Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Как завел он пир да на четыре дня.
Как на том пиру на княженецкоем
Было много собрано князей, бояр
И сильных могучиих богатырей
А из города да из Киева,
А из другого да из Чернигова,
Из Казани, с Рязани, со Астрахани.
На пиру-то все да наедалися,
На честном-то все да напивалися,
Всякима-то похвалами похвалялися.
Говорит тут тихий-то Дунаюшко:
«Много удали да на белом свету,
А удалее нет Дуная да Ивановича —
Съездил я, повысватал
Молоду жену князю Владимиру,
А другу сестру да за себя я взял».

Говорит Настасья-королевична:
«Ай же ты, Дунай Иванович,
А не поспел ты, Дунаюшко, женитися,
А уж стал, Дунай, да похвалятися».
Это слово-то Дунаю взапреку пришло,
Взапреку пришло да не слюбилося.
«Я тебя, жена, повысватал,
Я тебя, жена, повыучу».
Берет Настасью-королевичну
Как за теи за руки за белые,
А за перстни он да обручальныи,
Выводил Настасью на широкий двор,
Заносил он саблю острую,
Он срубил Настасье буйну голову.
Окровавил он да саблю вострую,
Как срывал с Настасьи шаль он шолкову,
Обтирал об шаль он саблю острую,
Становил он саблю во сыру землю,
Во сыру землю да он тупым концом,
А на острый конец падал своею грудью белою.
Проколола сабля ретиво сердце,
Замертво́ ложился на сыру землю.
И упало тут две удалые головушки
Как во тот ли день да во свадебный.
Где упала Дунаева головушка,
Протекала тут Дунай-река,
А Дунай-река, да река быстрая,
А где упала Настасьина головушка,
Протекала тут Настасья-река.
На том былинка и закончилась.

ДУНАЙ ИВАНОВИЧ — СВАТ (№ 321—328)

№ 321

ДУНАЙ

А во славноём городи во Киеви
А у славнаго у князя у Владимира,
Заводился у его да ведь почестен пир.
Вси на пиру да напивалисе,
Вси на пиру да наедалисе,

Вси на пиру да пьяны-веселы,
Вси на пиру поросхвастались:
Умной хвастат отцом-матерью,
А безумной хвастат молодой женой;
Сильный хвастат своей силой богатырскою,
А богатый хвастает имением.
А по той ли по гридни княженецкии
А похаживат славный князь да стольнё-киевской,
Своима́-то белыма́ он ручкамы помахиват,
Свои тыи желтыи кудёрышка подрачиват,
Сам-то он да выговариват:
«Слушайте вы, гости любимыи!
Вси вы на́ пиру напивалисе.
Съищите́-ко мне невесту, сосватайте,
Чтобы возрастом — да из плеча в плечо,
Красотою-то была из лиця в лицё,
Чтобы было мне-ка́ с ким-то век-от жить,
Чтобы вам-то было кому кланяться».
А вси эти гости закручинились,
Ай вси эти гости запечалились,
Еще большой-от туляется за средняго,
Средней-от туляется за меньшаго,
А от меньшаго́ да и ответу нет.
З-за тых ли столов з-за дубовыих,
З-за тых ли кушаний медовыих,
А выходит-то славныи Дунай да сын Иванович.
Становился он супротив его лиця княженецкого,
Говорил ёму да таково слово:
«Ай же ты, славный да князь ты стольнё-киевской!
Ты позволь, сударь, да словцё вымолвить:
Съездим-то, тебе невесту да сосватаем,
Она возростом да из плеча в плечо,
Красотою с тобой да из лиця в лицё.
Черны брови — соболя заморскаго,
Ясны очи — сокола пролётнаго.
Только дай-ко мне да двух товарищов:
Дай-ко мне Василья да Буславьева,
Дай-ко Ванюшенку повареннаго
И позволь сходить да на конюшний двор
Выбрать нам да трех жеребчиков,
Выбрать нам да трех жеребчиков,
Трех жеребчиков да нам не седланых,
Не седланых жеребчиков, не езженых».

Воспроговорит славный князь да стольне-киевской:
«Уж ты, славныи Дунай да сын Иванович!
Ты бери-тко ты моей казны бессчетныи,
Ты бери моей силы колько надобно».
Славныи Дунай да сын Иванович
Говорил ему да таково слово:
«Не наб твоей силы мне-ка мелкия,
Не наб твоей казны мне-ка бессчетныи».
И пошли добры молодцы да на конюшний двор,
Выбирали оны трех жеребчиков неезженых,
Облати́лись добры молодцы да обкольчужились,
И садились добры молодцы да на добрых коней.
Видели добрых молодцев сядучись,
А не видели удалыих поедучись.
Ехали не путем да не дороженкой
И скакали через стену городовую,
Через ту ли башню наугольную.
Приезжали оны ко царству Малидоньскому,
К Николаю державцю Малидоньскому,
Сосватались оны да на Опраксии да Микулаевной
И садили ей да на добрых коней,
Повезли оны ко городу ко Киеву
Ко славному князю ко Владимиру,
Тут оны да заводили свадебку,
Заводили тут оны почестен пир.

№ 322

ЖЕНИТЬБА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

У солнышка да у Владимира
Солнышко идет на вечери,
Почостный пир идет навесели.
Вси на пиру да пьяны-веселы
Вси на пиру да наедалися,
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру поросхвастались.
Ставает тут на резвы ноженьки
Владимир-князь да стольно-киевский
И спроговорит Владимир таково слово:
«Вси на пиру поросхвастались,
И мне-ка нечим нунь солнышку похвастаться.

Вси добры молодцы поженены,
Красны девушки повыданы,
А я только холост, неженатенькой.
Русские могучие богатыри!
Не знаете ли мне супротивноей:
Чтобы очи у ней — ясна сокола,
А брови у ней — черна соболя,
Походочка у ней была [б] павлиная,
А речь-поговоря лебединая!»
Сидит детинушка зашлая,
Зашлая детинка, незнакомая,
Стават детинка на резвы ноги,
Князю челом да поклоняется:
«Благослови-тко, князь-надёжа, слово вымолвити.
У короля да Ляховитскаго
Есть две дочери любимыя:
Одна дочи — Марья-королевична,
Друга дочь — Опракса-королевична.
Очи у ней — ясна сокола,
Брови у ней — черна соболя.
Походочка у ней павлиная,
А речь-поговоря лебединая.
Сидит она в высокиих теремах,
Буйны ветрушки на ню не веяли,
Добры людюшки про ню не баяли».
Спрашивает Владимир стольно-киевский:
«Откуда ты, детинушка зашлая,
Зашлая детинушка, незнакомая?» —
«Я есть детинушка дальная,
Дальна детинушка, незнакомая». —
«Как тебя зовут по имячки,
Как нарекают тебя по изотчинки?
Как твоя честна фамилия?» —
По имени меня звать Дунаюшко,
По изотчинки звать Иванович,
Фамилия моя неважная,
Фамилия моя — Рукомойников». —
«Ах ты, тихой Дунай сын Иванович,
Что теби нунь надобно?
Города ль теби наб с пригородками,
Села ли с приселками,
Силушки ли тебе нунь по надобью,
И добрых комуней теби нунь по надобью,

И золотой казны по надобью?»
Говорит тут Дунай сын Иванович:
«Городов с пригородками мни не надобно,
И сел с приселками не надобно,
И силушки по надобью не надобно,
И добрых комуней мни-ка не надобно,
А дай-ка мни любимаго товарища,
Молода Добрыню Никитича». —
Испроговорит Владимир стольно-киевской:
«Ах ты, молодой Добрыня Никитинич,
С тихим Дунаем Ивановичем
Съезди-ко во Землю Ляховицкую,
К тому королю Ляховецкому». —
Говорит тут Добрыня Никитинич:
«Можем справить мы эту службу великую,
Можем мы достать Опраксу-королевичну».
Говорит тут Дунай сын Иванович:
«Дай-ко нам, князь Владимир стольно-киевский,
Золотой казны по надобью,
Чтоб играть нам с королем тым свадебка».
Ставали по утрышку ранешенько,
Умывались богатыри билешенько,
Поклонялися князю они понизехонько,
Поехали в Землю Ляховицкую.
Приехали они в Землю Ляховицкую,
Ко тому королю Ляховицкому.
Посылает тут Дунай сын Иванович
Своего любимаго товарища
Далече-далече во чисто поле,
Давает ему своего добра коня:
«Изди-ко по силы ляховецкоей,
Сколько-нибудь сам будешь бить,
Потом ле спусти коня на поводи —
Пусть конь силушку его потаптыват.
Я нынчу пойду туды да сватухом,
Ко тому королю да свататься
На его любимоей дочери,
На той Опраксы-королевишной».
Приходит он во княжецкий двор,
Не спрашивает он у дверей придверников
И у ворот приворотников,
Всих взашей да он отталкиват.
Зарычал тут Дунай во всю голову —

Теремки у них пошатились,
Околенки у них повалились,
Сам же король приужахнулся.
Выходит король Ляховецкиий
И велит пройти Дунаю Ивановичу
Во палаты белокаменны.
Приходит тут Дунай Иванович
Во тыя палаты белокаменны,
Крест кладет он по-писанному,
Поклон-то ведет по-ученому,
Бьет челом, поклоняется,
И королю во особину.
Говорит же король Ляховицкиий:
«Здравствуй, Дунай сын Иванович!
Долго ты, Дунай, ко мни да не являешься».
Говорит ему Дунай сын Иванович:
«Я живу нунь во городи во Киеви
У солнышка у князя у Владимира.
Верушка там и крещоная,
Людюшки там и хорошие.
Я приехал нунь от солнышка
От князя от Владимира да стольно-киевска
О доброем о дели о сватовстви
На твоей дочери любимоей,
На той ли на Опраксы-королевичны».
Тут королю речи не слюбилися.
Говорит король Ляховецкиий:
«Станьте-ко вы, трое человек,
Возьмите-ко Дуная за желты кудри,
Срубите-ко Дунаю буйну голову.
Недавно он жил у нас во казаках,
А нунче он ездит во сватухах!»
Ставало тут трое человек,
Брало Дуная за желты кудри.
Стоит ли Дунай, не сворохнется,
Говорит тут Дунай таково слово:
«Шутишь ли али шмонишь?
Я ведь приехал о доброем деле, о сватовстве
На твоей дочери любимоей
На Опраксы-королевичной».
Опять королю речи не слюбилися.
«Станьте-ко друго трое человек,
Выведите-ко Дуная из палат белокаменных,

Срубите-ко Дунаю бедну голову!»
Ставало друго трое человек,
Брало Дуная за желты кудри.
Стоит Дунай, не сворохнется,
И волос на голове не стряхнется,
И говорит королю таковы слова:
«Аль ты шутишь, король, али шмонишь?
Я ведь приехал о деле, о сватовстви
На твоей дочери любимоей
На Опраксы-королевичной».
Опять королю речи не слюбилися.
Испроговорит он таково слово:
«Станьте-ко еще трое человек,
Выведите-ко Дуная из палат белокаменных,
Срубите Дунаю белу голову!»
Ставало еще трое человек,
Брало Дуная за желты кудри.
Рассердился тут Дунай сын Иванович,
Выдернул дубинку из-за подполы,
Как пошахнется — туды улица,
Перешахнется — переулочок.
«С цести не дашь, возьму не с цести!»
На том на двори королевскоем,
Под тым под окном под косивчатым
Зарычал тут татарин погано⟨е⟩й:
«Ешь, король, пьешь, прохлаждаешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь!
Ездит богатырь святорусскиий,
Ездит богатырь во чистом поли,
Кои кони сам бьет,
А вдвоем, втроем коньми трет.
На поводки конь порыскиват,
Армию нашу притаптыват».
Говорит тут король Ляховецкой:
«Видно, так мни на сём свети сужено
И Богом, видно, было ряжоно —
Что повыдать Опраксу-королевишну
За того за князя за Владимира.
Ох ты, Дунай сын Иванович,
Ты уйми-тко любимаго товарища,
Чтобы больше он не тёр моей силы во чистом поли».
Выходит тут Дунай сын Иванович
На то на крыльцо на парадное,

Закричал тут Дунай во всю голову —
Теремки у них пошатились,
Околенки у них повалились.
«Ах ты, молодой Дунай сын Иванович!
Поезжай-ко сюды к королю Ляховицкому,
Будем играть нунче свадебку,
Получать же молоду Опраксу-королевишну».
Тут приехал Добрыня Никитинич
Из того ли из чиста поля,
Приехал он на королевский двор,
Убирал тут он да добрых коней.
Стали тут играть они свадебку,
Приводят тут Опраксу-королевичну.
Говорит же тут Опракса-королевична:
«Здравствуешь, Дунай сын Иванович! —
«Здравствуешь, молода Опракса-королевишна!
А приехал я нунь о добром деле о сватовстве
От солнышка от князя от Владимира
На теби нунче свататься».
Испроговорит Опракса-королевична таково слово:
«Так, видно, на сем свети мни-ка сужоно
И Господом Богом ряжоно
Пойти мне за князя Владимира.
Я три года Господу молиласи,
Чтобы быть мни за князем Владимиром,
А не за тым за царем за проклятыим,
А не за тым Калином-царем проклятыим,
Не во той во земли во татарскоей».
Стали играть они свадебку.
Свадебку играют на третий день,
Солнышко идет на вечери,
А честной пир идет навесели.
Вси на пиру пьяны-веселы.
Являлася тут поляница удалая,
Являлася тут во палаты белокаменны.
«Здравствуешь, Дунай сын Иванович!»
Наместо говорит Дунай да сын Иванович:
«Здравствуешь ли, Марья-королевична!» —
«О чем ты, Дунай, сюда наехал ли?» —
«Наехал я о добром деле, о сватовстви,
От солнышка от князя от Владимира».
Говорит же тут Марья-королевишна:
«Так, видно, на сем свети сужоно

И Господом Богом было ряжоно,
Быть, видно, моей сестрицы родноей
За солнышком за князем за Владимиром.
Куды повезете красну девушку,
Туды возьмите и лебедь белую,
Туды же Марью-королевичну».
Отыграли тут они свадебку,
Отправлялись они во Киев-град.
И повез же туды Дунай сын Иванович
Марью, лебедь белу, королевичну.
Приезжают оны да во Киев-град,
Привозят тут Опраксу-королевичну
К тому солнышку князю ко Владимиру
Ее да во супружество.
Приводили ю во церковь во Божию,
Перекрестили в веру крещоную.
Тут принял Владимир, князь-от стольно-киевский,
С Опраксой-королевишной
Принял по злату венцу.
Тут же принял Дунай сын Иванович
С Марьей-королевишной
Принял по злату венцу.
Сделали они почосной пир,
Стали тут они свой век коротати.

№ 323

ЖЕНИТЬБА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Ведь во славноем во городе во Ки́ёви
А ведь и Владимер-князь сто́льнё-киеський
А был он холост, мо́лодець, не жонат,
А ведь введен ён на князесьво.
А надо было повыбрати княгиню новобрацьнюю.
А ведь на́цяли думу думати,
А наця́ли совет-то советовать
А ведь и стары князья да бояры-то:
«А ведь и надобно собрать тебе поцёстной пир,
А пригласить нам могуциих бога́тырей,
А нам купцей, людушек богатыих,
А ведь купцы, да людушки-то богатыи,
А и́здя по разным по го́родам,

А ведь и́здя по дальним по сто́ронам,
А видь и разныи товары закупают-то,
А с прибылью товары-ты продавают-то,
Так може не видали, не видали ли
А ведь и души́ красной девушки?
А ведь ишче пригласить могуциих бога́тырей,
А ведь тые ездят по дальниим по сто́ронам,
А ведь по разныем они ездят по го́родам».
А тот ли Владимир-князь стольне-киеськый,
А ён пишет письма скорописьцяты:
«А вы съизжайтись ко мне да собирайтесь-ко,
А ведь и сильнии мо́лодцы-бога́тыри,
А вы, купцы, да людушки богатыи,
А простолюдия, идите без стисненьиця!
А уж вы, мои слуги верныи,
А уж вы, душечки красныи девушки,
А у меня же в полаты белокаменныи
А становите-ко столы да вы дубовыи,
А стелите-ко скатерётоцьки шелко́выи,
А кругом вы ставьте-ко ци́ки клёно́выи,
Ай вы готовьте-ко напитоцьки мёдо́выи!
А ведь приедут ко мне да дороги́ гости́».
А тут съезжалисе, собиралисе
А сильныи могуции бога́тыри,
А ведь купцы, да людушки богатыи.
А ведь и Владимер-князь сто́льнё-киеськой,
А был холост, мо́лодець, не жёна́т.
А ведь на́цял ён да выспрашивать:
«А вы, купцы, да людушки богатыи,
А и́здите, товары закупаите,
А ведь с прибылью товары продаваите.
А не слыхали да вы, не видали ли
А никакого ни царя бы, у царевиця,
А вы же у короля, у королевиця
А вы же души красной девушки,
А саморусьскую вы красивицю?»
А ведь нацял Владимир-князь да выспрашивати,
А отказалисе купцы, люди богатыи:
«А не слыхали мы, не видали мы
А такой загляжённой души красной девушки
А ни у какого мы у кралевиця и царевиця».
А тут на́цял Владимир-князь их спрашивать:
«Уж вы, сильныи могуции бога́тыри,

А вы и́здите по дальниим по сто́ронам,
Аль вы по дальниим по разныим по го́родам,
А не слыхали ли да вы, не видали ли
А у каково ни царя ли да ль царевиця,
Ай у короля ль, у королевиця
А ведь души красной девушки
А ведь мне-ко, князю, во супружесьво?»
А ведь изволил стать с дубова́ стола
А как Добрынюшка сын Микитинец:
«А еще ты, солнышко Владимер-князь сто́льнё-киеськой,
А как три году́ назад я ехал по городу по Красному,
А по тому ли я по селу по богатому.
А у того ли царя Романа Митрие́виця
А е две душецьки красныи девушки,
А ведь саморусьскии красавици.
Ведь и старша доць Настасья Романовна,
Ведь и младшая сестра Евпраксия Романовна —
Ведь тая есь всероссийская красавиця.
А ведь ходила по возвыше́нному тереми,
А ходила по балхону да разные —
А от лица пекё, будто красное солнышко,
А от затылочка — м⟨ы⟩ла́д ясён месе́ц,
Волоси́нка золота́, друга́ — серебрена.
А той души, красной девушки
А всей Руси нету, во всей земли».
А тут влюбилсе от слов он Добрыниных.
«А ведь Добрыня сын да Микитинець,
А ведь и съезди-ко, Добрынюшко, посватай-ко
А у того ли царя Романа Митрие́виця
А ты Опраксии да Романовны!
А ведь бери-ко злата ты, се́ребра,
А бери-ко злата ты, се́ребра,
А силы-армеи сколько надобно,
А ведь и́зди к царю Роману Митрие́вицю,
А посватый-ко меньшей-то да доцери!»
Ай говорил ли Добрыня Микитинец:
«А мне не надо злата и се́ребра,
А не надобно силы-армии,
Ай дай-ко мне товарища хорошего,
А дай-ко тихого мне Дунаюшка!
А ведь тихой Дунай сын Ивановиць
А жил он девять лет у царя Романа Митрие́виця,
А ведь и знат он, Дунай, заходы и выходы,

А где живё Опраксия Романовна».
А тут Владимир-князь сто́льнё-киеськой
А наця́л просить тихого Дунаюшка:
«А уж ты, тихой Дунай сын Ивановиць,
А ведь и съизди-ко ты, посватай-ко
А у царя Романа Митрие́виця
А ведь Опраксии Романовны!
А ведь берите вы злата, вы се́ребра,
А вы берите силушки-армии,
А ведь и сколько вам будет надобно!» —
«А ницего-то нам да не надобно,
А дай-ко два до́бра коня нам неезженых,
А ведь неезженых нам, неседланых,
А ведь уздечки ты нам тесмяныи,
А сидёлышка-ти черкасьскии!»
Наця́ли добры́х коней зауздывать и заседлывать:
А положили ёны́ войлоцьки на войлоцьки,
А оны потницьки и на потницьки,
А верёх кладыва́ли седёлышка черкасьскии,
А ведь подпруги шелко́выи поддернули,
А стремена-то золочены посвязаны.
А как молодцы-те отправились,
А подняласе а ли то только ку́ревка.
А приезжали ко городу ко Красному,
А ко тому приехали ко селу ко богатому,
А ко царю ли Роману Митрие́вицю.
А говорит тихий Дунай сын Ивановиць:
«Ай вот Добрынюшка сын Микитинец,
А бери-тко нам-ко добры́х коней!
А вот поеду я докладу да делати».
А ведь Дунай ли сын Ивановиць,
Уж как он шел, Дунай и сын Ивановиць,
А как он отворял двери дубовыи
А ведь на петельках на шелко́выих.
А тут увидел царь Роман Митрие́виць-то:
«А слава да слава Господу,
Ай тому ли царю да небесному,
А ведь и тебя, Дунаюшка,
А ведь и Дунаюшко Господь на Дон принес.
А ведь ты, тихой Дунай сын Ивановиць,
А девять лет ты не бывал у меня в полаты белокаменной,
А ты мной был, Дунаюшко, уволен видь,
А ты ли сам, Дунаюшко, от миня да уехал видь,

А нынь Господь тебя, Дунай, на Дон принес». —
«А уж ты, царь Роман Митриéвиць ведь,
А я приехал о добром деле, о сватосьви,
А ведь из города я да из Кúёва,
А ведь за князя ли за Владимира,
Он ведь на меньшая твоúя доцери,
А ведь Опраксии Романовны».
А говорит так царь Роман Митриéвиць ведь:
«Уж ты, тихой Дунай сын Ивановиць,
А ты от тех слов срамил мне буйну голову:
А засадил старшу доць во девóцесьви!
А отрублю я, Дунай, тебе голову!»
А тут Дунай сын Ивановиць
А он исподлобья запогля́дывал,
А по палатушки Дунай да запоха́живал,
А ведь о стол кулаком своим богатырскиим —
А разлетелсе дубовый стол на це́решки.
А ведь и царь Роман Митриéвиць ведь,
Ведь подальше от Дуная убираетьсе,
А куньей шубонькой окрываетсе,
«Ой, ребятушко, ой беда, беда!
А убьет Дунаюшко пра́ху нас!»
А у царя Романа Митриéвиця
Была своя сила-армия да стребóвана
А на широком двори по Дунаюшко.
А как Добрынюшко с силой поправляитсе —
Она бита лежит, кой поднимаютсе,
А добры́ кони́ да поскакивают,
А через силу-армею перема́шивают.
А ведь Дунай поглядел ведь в окошечкы,
А ведь пошел искать Опраксии Романовны,
А знал заходы Дунай, выходы.
А она саморусьская красавиця —
А было устроен двенадцать да златоверхиих,
А ведь в двенадцатом возвышенном-то жила она во тереми.
А он и ли заложецьки оттаскивал,
А ведь входил ли он во высóк терéм.
«А ведь Опраксия-то Романовна,
А ведь желаешь ли во Киёв-град
А ведь за князя-то за Владимира
А ведь ты ли-то во супружесьво?»
А отвецала тут Опраксия Романовна:
«А я три года́ Господу молиласе,

А как бы мне попасть за князя за Владимира!»
А ведь спускались со двенацатого терема,
А ведь просили прощéньицё-благословлéньицё.
А тут говорил ли Роман Митриéвиць-то:
«А хоть, Дунаюшко, обых вези!»
А как садил Дунай на добрá коня
А как Опраксию ту Романовну,
А сам ли сел, поехал охранителем.
А выезжали мóлодцы во цистó полё,
А не посмотря назад, как кто катитсе.
А ведьúде богатырь сильныи-то, могуции-то,
А ведь наехала Настасья Романовна.
«А уж ты, тихой Дунай сын Ивановиць,
А ты отсек мини буйну голову,
А засадел ты меня во девóцесьво!
А ведь и сделаем-ко мы с тобой нá три пóприщо,
А нá три пóприщо разъедимся нá трú версты —
А ведь которой да которого!
А ведь не собьешь ли со добрá коня,
А ведь я тебя собью да со добрá коня,
А то тибе взять меня за себя замуж;
А если ты меня собьешь да со добрá коня,
То руби ты от стыда мне буйную голову!»
А положили оны тут записи,
А ведь разъехались на три версты,
А ведь на три версты да нá три пóприща.
Ведь вместе-то оны столкнулисе,
А уж и била Настасья Романовна,
А ведь и сбила Дуная со добрá коня,
А ведь и берé ю за себя замýж.
А тут и садилисе на добрых коней,
А ведь и едут во славной Кúёв-град,
А не одну везут — да две девушки
А ведь как во Божью церквý.
А принимали по злату венцу:
А видь Владимир стóльнё-киеськой
Со Опраксией со Романовной,
Ведь со той саморусьской красавицей,
А тихий Дунай сын Ивановиць
А он с Настасьей ли со Романовной.

№ 324

ДУНАЙ СЕЛИВАНОВИЧ

Как во стольном во городе во Киеве
У ласкового князя у Владимира
И начиналсэ-зачиналси и почосный пир
И про всих-та ведь и пер и про всих князей,
И про всих сильныих могучиих бога́тырей.
И вси-то на пер соезжалиси,
И вси на перу напивалиси,
И вси на перу порасхвасталиси:
Инно́й-то хвастат добрым конем,
Инно́й-то хвастат золотым седлом,
Инно́й-то хвастат седелки приседелкамы,
А умной-то хвастат отцем-матушкой,
А безумной-то хвастат молодой женой.
А ⟨один⟩ сидит Дунай Селиванович,
Он ест-то и пьет и кушает,
А нечим же он не хвастает.
Воспрого́ворил Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, Дунай ты Селиванович,
Сидишь ты, хлеб-соль кушаешь,
А нечим же ты не хвастаешь». —
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Не знаешь ли ты мне какой ни противницы?»
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Какая же тебе надо противниця?» —
«А такая мне надо противниця:
Походочка у ей павлиньская,
Поговоря у ей лебединьская!»
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, Дунай Селиванович,
Во том ли во царьсьве-государьсве-то,
У етово царя да Лихоиляна
Есь у ево-то ведь две доцери:
Одна доць-то ведь Марья-королевицьна,
А друга доць-то ведь Настасья-королевицьна.
У Настасьи-королевицьны
Походоцька-то ведь у ей павлиньская,
Пого́воря у ей да лебединьская,
Ясны оци у ей да в добра молодця».
Воспроговорит Дунай да Селиванович:

«Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Поедем ты со мной да посватаем».
Воспроговорил Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, Дунай да Селиванович,
Бери-ко ты заправушку великую
И силушку могучую».
Воспроговорил Дунай да Селиванович:
«Не надо мне-ка силушки могучее,
Не надо мне заправушки великоей,
Только дай-ко ты мне-ка по разуму товарища,
Добрынюшку Микитица».
Тут-то ведь бога́тыри справлялися,
Скорей-то оны да ведь скорехонько
И тихо́м-то оны да ведь тихохонько.
И видли бо҆гатырей сядуци,
А не видли богатырей поедуци.
Поехали оны ко царству-государсьву Лихоимському-ту,
И к царю да Лихоимському,
Озера-то, реки́ межу ног спускать.
Как приехали ко царсьву-государьсьву-то.
Воспроговорит Дунай да Селиванович:
«Ай же ты, грозной царь Иван Васильевич,
Приехал я к теби о добром деле о сва́товсьве:
Станём-ко ты делать пер да свадебку!»
Воспроговорил грозной царь Иван Васильевич:
«Ай же, слуги мои верныи,
Берите-ко вы гостя за белы руки́,
Тащите-ко вы гостя в холодён погрёб!»
Приходит-то царю со чистово со полюшка
Весь нерадосна:
«Ой же ты, грозной царь Иван Васильевич,
Сидишь ты, хлеб-соль кушаешь,
Над собой незгодушки не ведаешь:
Как наехали руськии бо҆га́тыри,
Нашу силушку-то бьють-то ведь, костром кладуть.
Наши силушки стоять-то ведь,
Головушки повешаны,
И кушацькамы кишоцьки-то подвязаны».
Воспроговорил Дунай да Селиванович:
«Я ведь приехал к тебе о добром деле, о сватосьве!»
Спроговорил грозной царь Иван Васильевич:
«Ай же вы, слуги верныи,
Берите-ко вы гостя за желты кудри,

Тащит-ко ево в холодён погрёб!»
А слугушки круг гостюшка обскакивают,
А гостюшко стоит и не сворóхнетсе.
Приходит-то со чиста поля весь нерадосна:
«Ай же ты, грозной царь Иван Васильевич,
Сидишь ты хлеб-соль кушаешь,
Над собой незгодушки не ведаешь:
Как наехали руськии боґáтыри,
Нашу силушку-то бьють-то,
Ведь костром кладуть,
Наши силушки стоять-то ведь, головушки повешаны,
И кушацькамы кишоцьки-то подвязаны».
И спроговорит грозной царь Иван Васильевич:
«Ай же ты, Дунай Селиванович,
Унимай-ко ты да свóего товарища
Добрынюшку Никитича,
Станём-ко делать пер да свадебку!»
Тут выходит Дунай-то Селиванович
На царьський двор,
И крикнул он по-звериному,
Свиснул он по-змеиному:
«Ай же ты, товарищ мой,
Добрынюшка Никитинич!
Поеждяй-ко, Добрынюшка,
Прямо на царьской двор
И станем, Добрынюшка,
Делать пер да свадебку!»

№ 325

ПРО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Во стольном городе во Киеве
У князя у Владимира
Были призваны сильны, могучии богатыри
И купцы, людюшки все богатые.
Как Владимир-князь был холост молодец, не женат,
Как введен да ён на княжество,
Да не дозволяли холостому управлять Россеюшкой.
Наб поженить да князя да Владимира.
Как Владимир-князь да выспрашивал:
«Вы купцы, людюшки богатые,

Вы ездите по дальниим, по сторонам,
Да по разныим по го́родам,
Разные товары закупаете,
С прибылью товары продаваете.
Да не видали ли, да не слыхали ли
У какого бы царя либо царевича,
У короля ли, у королевича —
Души красной девушки
Да во супружество.
Была бы она ростом одноковенная,
Толщиной бы она была обложенная,
Беленькая, румяненькая,
Мне-ка взять да во супружество».
Отвечали купцы, люди богатые:
«Как нам да такой красавицы
Да не случилось видеть».
Стал Владимир-князь спрашивать
Сильных могучих богатырей:
«Уж вы, сильныи могучии богатыри,
Вы ездите по разныим державушкам.
Да не видали, да не слыхали
У какого бы царя либо царевича,
У короля ли, у королевича,
Души красной девушки
Да во супружество.
Была бы она ростом одноковенная,
Толщиной бы она была обложенная,
Беленькая, румяненькая,
Мне-ка взять во супружество».
Как многие богатыри дё отказалися,
Как изволил встать да на резвы ноги
Как Добрынюшка да сын Микитич ведь
Середи стола, да противо князя.
Говорит Добрыня таковы слова:
«Как Владимир-князь, стольно-киевский,
Как три году-то назад тому времечки,
Как ехал я по городу по Красному,
По селу по богатому,
Как у царя-то Романа Митриéвича
Как две дочери-то прекрасныих,
Как стояли на балхоне-то, на возвышенном,
Как держали в руках цветочики лазуревы.
Как старша дочь, Настасья Романовна,

А младша дочь, Апраксия Романовна,
Загляженна красна девушка —
Она ростом однокновенная,
Толщиной обложенная,
Она беленькая, румяненькая,
Загляженная красавица,
Как тогда хотел-то я предложить-то вам».
Да говорит тут Владимир-князь:
«Как Добрынюшка да добрый молодец,
Как съезди-ко, да ты посватай-ко,
Я влюбился да и с твоих-то слов,
Как к царю Роману Митриевичу,
Ты к меньшой сестры, Апраксии Романовны,
Ты бери-ко денег, сколько тебе надобно,
Силы-армии бери да по́люби».
Да отвечал Добрынюшка:
«Мне не надо злата-серебра,
Да мне не надо силы-армии,
Дай-ко мне товарища, дай хорошего,
Дай-ко тихого Дунаюшка.
Как Дунаюшка знакомый есть
Царь Роман да Митриевич ведь,
Как тихие Дунай сын Иванович,
Ён жил у царя Романа Митриевича,
Жил-то ведь он ⟨девять⟩ лет,
Знат он заходы, знат и выходы,
Как ён катал да красных девушек
Ён по городу, по Красному,
По селу, да по богатому».
Стал Владимир-князь просить да Дунаюшки:
«Уж ты, тихий Дунай, да сын Иванович,
Как съезди-ко ты да во товарищах
С Добрыней Микитичем,
Да посватай-ка у царя, Романа Митриевича,
Апраксию Романовну».
Говорит тут Дунаюшка:
«Дай-ка, Владимир-князь, нам два коника нежденых,
Два седёлышка недержаных».
Тут выводили добры молодцы
Как себе коней, да богатырскиих,
Да кладывали уздечки ты тесмянныи,
Да седёлышка кладывали черкальскии,
Брали плеточки шелковыи,

Да садились молодцы да на добрых коней.
Брали с собой обороны богатырьскии,
Как копья брали долгомерныи.
Да поехали добры молодцы —
От копыт да лошадиныих
Только поднялась пыль, да куревка.
Да приежджяли молодцы ко городу, ко Красному,
Ко тому селу ко богатому,
Ко тому царю Роману Митриевичу.
Устоялись молодцы у палаты белокаменной,
Сходили молодцы со добрых коней
На двори да на широкоем,
Говорил-то ведь да Дунаюшка:
«Как, Добрынюшка, ты береги коней,
А я пойду докладу делати
О добром деле, да о сватовстве,
Ко тому царю Роману Митриевичу
Во палату белокаменну».
Как говорит Роман Митриевич ведь:
«Поминали мы — Дунаюшка живого нет,
А Дунаюшка пришлось повидать да во своем дому».
А говорит да ведь Дунаюшка:
«Я приехал из города из Киева,
Я от князя от Владимира,
Как посватать твоей дочери,
Да Апраксии Романовной,
Как Апраксии Романовной,
Да меньшой твоей дочери,
За князя, за Владимира.
Как Владимир-князь — холост молодец, не женат».
Да тут же как Роман да Митриевич ведь
По палаты запохаживал,
Да немило-то на Дунаюшка завыглядывал,
Да говорил тогда Роман да Митриевич ведь:
«Уж ты, тихий Дунай сын Иванович,
Ты отсек мне своим словом буйну голову,
Засадил ты старшу дочь во девочество,
А я отсеку тебе голову да вострой саблей».
Как тут тихий Дунай да сын Иванович,
Как по палаты Дунай да запохаживал,
На царя ён немного завыглядывал,
Как своим ён кулаком богатырскиим
Да чёснул Дунай по дубову столу,

Как разлетелся стол на мелкие на черешки —
Царь от Дуная уберается;
Кунной шубкой окрывается,
Да говорит царь Роман да Митриевич ведь:
«Уж ты, тихий Дунай да сын Иванович,
Как оставь-ка ты меня да во живности,
А дочерей-то ты хоть обых вези».
Как тут тихому Дунаюшку,
Как знакомы заходы да выходы,
Где живет Апраксия Романовна,
Как живет да в возвышенном во тереме.
Как Дунаюшка стал заложечки отдергивать,
Замочики пощалкивать,
Приходил Дунай к Апраксии Романовной.
Говорила да Апраксия Романовна:
«Что не видать мне-ка больше да Дунаюшка,
А с Дунаюшком нынь я повидалася».
Как говорил тихий Дунай сын Иванович:
«Я приехал-то из города из Киева,
От князя-то я, да от Владимира,
Как тебя, Апраксии Романовны, посватати.
Как желашь ли ты во супружество,
Как Владимир-князь — холост молодец, да не женат,
А ты ведь, девушка, да есть на выдаваньи». —
«Как ты берешь, Дунаюшка,
Так ты вези меня».
Она сметлива была красна девушка,
Что на площади у них да ведется ведь,
Как сколько силушки на площади положено,
Как Добрыня водит во руки да добрых коней,
А с войском управляется копьем долгомерныим.
Как тут спускал Дунай да красну девушку,
Апраксию Романовну, с теремов высокиих.
Одевалася Апраксия в цветны платьица да поскорешенько,
А посадил Дунай Апраксию Романовну
Ко Добрыне на добра коня,
А сам поехал вслед да охранителем.
Выезжали молодцы да на чисто поле —
Видят вслед с угоной гонится,
Как туча идет темная:
Едет Настасья с угоной да Романовна.
Как ведь догнала она да Дунаюшка:
«Уж ты, тихий Дунай, да сын Иванович,

Засадил ты меня во девочество.
А сделаем-ка мы с тобой розъезд на три поприща,
Поразъедемся-ка мы с тобой на три версты,
А если вместо мы с тобой да столкнемся,
Если ты спехнешь меня да со добра коня,
От стыда руби мне буйну голову,
А если я-то да тебя спехну,
То тебе взять меня да за себя замуж».
Тут они и поразъехались,
Поразъехались на три поприща —
Как вместо они столнулись,
А столнула Настасья Романовна
Со добра коня Дунаюшка,
Пришлось Дунаю взять Настасью
За себя замуж.
И поехали они во Киев-град
Ко князю ко Вл⟨адими⟩ру,
Привезли они две сестры ко князю Владимиру.
И повенчали Апраксию Романовну со князем со Владимиром,
А Настасью Романовну с тихим Дунаюшком.
Тут пир был прекрасниий,
Прекрасный был пир да знаменитый.
Тым былина и покончилась.

№ 326

ДУНАЙ

Как во стольноем во городи во Киеви
А у князя у Владимера,
Вёлсе-продолжалсе княженецкий пир.
Были приглашены дороги́ гости,
Как сильныи могуции бога́тыри,
Как все-то людюшки да и богатыя.
Как Владимер-князь гостей выспрашивал:
«Е я холост молодец, не́женат»,
Как спросил он купцей-людей бога́тыих:
«Ай же вы, купци — люди богатыи,
Ездите по разным по городам,
Как по дальныим вы ездите по сторонам,
Разные товары закупаете,
С прибылью товары продаваете.

Как не слыхали ли самы, да не видали ли
У какого ни царя да у царевиця,
Как у короля, у королевиця,
Души краснай а вы девушки,
Штобы была ростом одноковенная,
Толщиной-то была обложенная.
Мне-ка, князю-то Владимиру,
Взять да во супружество?»
Как вси купцы, людюшки они богатыи,
Оны все-то да отказалиси:
«Не приходилоси такой да нам-то видети!»
Как нацял Владимир-то да выспрашивать:
«Уж вы, сильныи могуции богатыри,
Ездите по разным по сто́ронам,
Вы по сторонам да по городам.
Не видали ли у какого царя ли, у царевиця,
У короля-то видь, у королевиця
Мне-ко душицы да красной девици,
Мне-ко взять-то видь да во супружество?
Штобы была ростом-то одноковенная,
Толщиной-то была обложенная».
Как бога́тыри да отказалисе,
Как изволил стать да на резвы ноги́
Середи стола, да противо́ князя,
[Говорил да] Добрынюшка да таковы́ слова да сын Микитинец:
«Как Владимир-князь да стольно-киевский,
Как три года назад ехал я по городу,
Как по городу да я по красному,
По тому селу да по богатому,
Как у того царя Романа Митриевиця,
Как дви доцери да дви красныи,
Стояли на болхони на возвышенном,
Как носили ены цветоцьки в руках да лазуревы.
Старшая-то ведь сестра, а Настасья да Романовна,
Как младша сестра — Апраксия да Романовна
Загляженная а ена красавиця,
От лиця-то как от солнышка,
Ростом-то она одноковенная,
Толщиной-то ена обложенная».
Тут со слов-то князь с Добрыниных,
Как видь влюбился да Владимер-князь,
Говорил-то видь да Владимер-князь:
«Как Добрынюшка, а да съезди-тко,
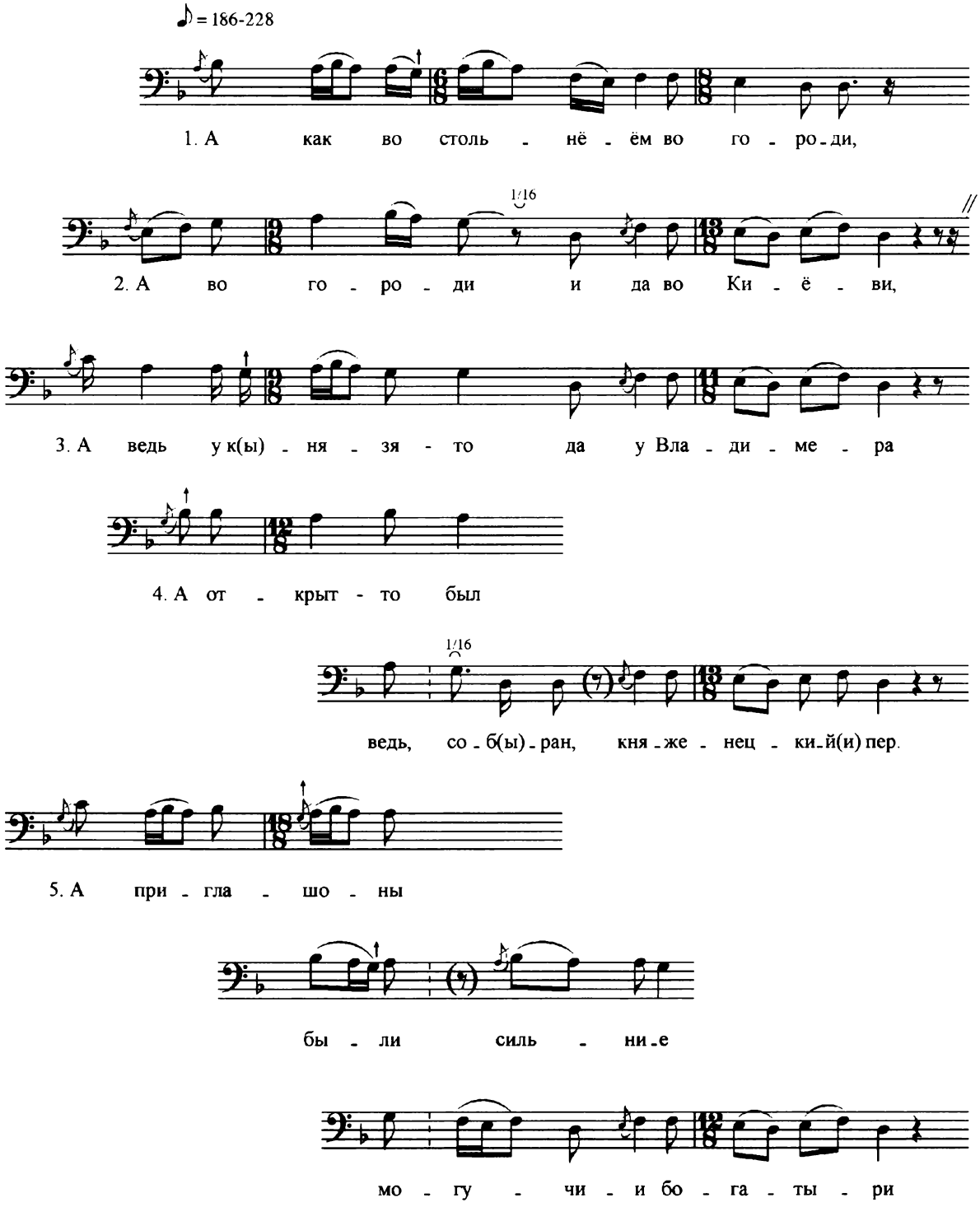
А Добрыня, съезди-тко
Ко тому царю, а Роману Митреевицю,
А посватай-ко Апраксии да Романовной,
Как бери-тко ты да злата-се́ребра,
Сколько теби да надобно,
А берите-ко да силы-армии».
Отвецял-то видь да Добрынюшка:
«Как не надо мне да злата-серебра,
А не надо мни а силы-армии,
Дай-ко мни-ко-ва только хорошего товарища,
Дай-ко тихого Дунаюшку.
Как тихий Дунай да сын Ивановиць
Как жил у царя Романа Митриевиця,
А жил Дунай и времени он девять лет,
Как катал-то он да красных девушек,
Знал Дунай заходы [к нему и] выходы».
Тут говорил-то ведь Владимер-князь:
«А как съезди-ко, да Дунаюшко,
Как посватай-ко у царя Романа Митриевиця
А как меньшу доць Апраксию Романовну».
Говорил Дунай сын Ивановиць:
«Дай-ко нам два конька неежденых,
Два седёлышка да два недержаных
С подпругамы да с шолковыма,
С стременамы-то золоцёныма,
Две уздецьки дай да нам недержаных».
Тут удалыи а добры молодци
Как и брали коней богатырскиих,
Подзауздывали да засёдлывали,
Кладывали они войлуцьки-ты на войлуцьки,
А видь потницьки да на потницьки,
На верёх-то седёлышко черкальское,
С подпругамы-то да шолко́выма,
С стременами-то золоцёныма,
Как садились молодцы да на добры́х коней,
Брали обороны-то богатырские,
Брали копья ты долгомерныи.
Как поехали да добры молодцы,
Подняласи пыль да ку́ревка
Как от тых ли копыт да лошадиныих.
Приежджяли молодцы ко городу да ко Красному,
Ко тому ко селу ко богатому,
Ко тому ли царю а Роману Митриевицю,
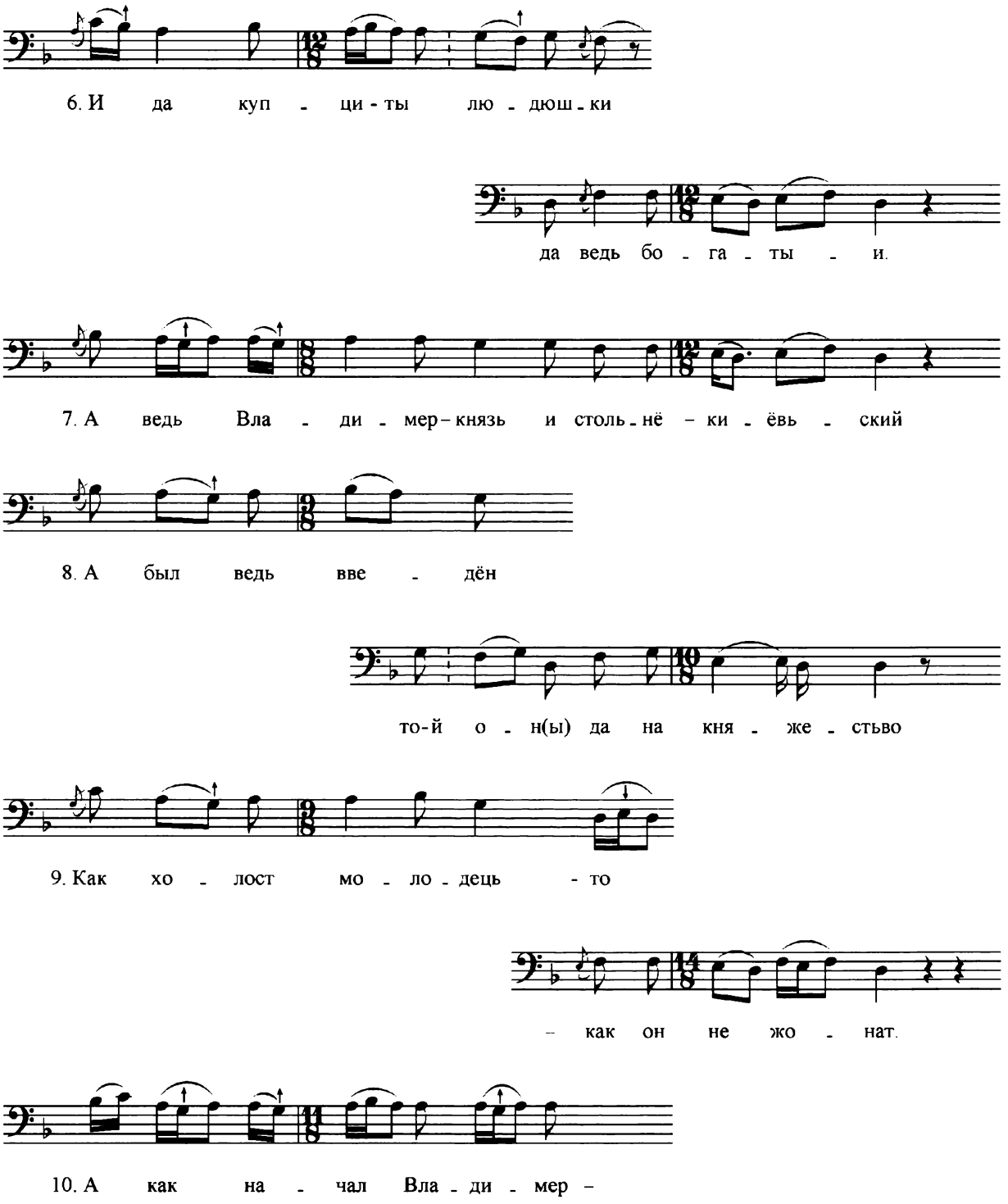
Остоялиси да на белом двори,
Выходили оны да со добры́х коней,
Говорил тихи́й Дунай а сын Ивановиць:
«А береги-ко, Добрынюшка, а добры́х коней,
Я пойду к царю а Роману Митриевицю,
Как докладу-то да пойду делати
А о добром дели да о сватосьви».
Приходил-то видь тихий Дунай,
Тихий Дунай а сын Ивановиць.
Говорил-то Дунаю царь Роман Митриевиць:
«Поминали мы Дунаюшку, што живого нет,
А как Дунаюшка а сам ведь приехал, видь?»
Отвецял Дунай а сын Ивановиць:
«Я приехал к тебе а из города да из Киева,
Как от князя я приехал от Владимера,
Как приехал я к теби да посватати,
Как посватать твоей я меньшей доцери
И за князя-то за Владимера
На Апраксии видь Романовной».
Как говорил-то видь а Роман Митриевиць:
«Уж ты, тихий Дунай был Ивановиць,
Отрубил ты мни словом [буйну] голову,
А засадил ты у меня старшу дочь во девочесьви,
Отрублю я теби а буйну голову,
А отрублю я тебе да вострой сабле́й».
Тут ведь тихий Дунай а сын Ивановиць,
По палаты-то он запохаживал,
А немило на царя завыглядывал,
Как цеснул кулаком он кулаком богатырскиим,
А цеснул кулаком по дубову столу,
Розлетелся дубовый стол на маленьки ен ды на церешки.
Тот же царь Роман Митревиць видь
От Дунаюшка подале убираетце,
Куньей шубонькой а укрываетце.
А говорил-то царь Роман Митриевиць ведь:
«Как тихий Дунай сын Ивановиць,
А оставь-ко меня как во живности,
А доцерей-то моих да хоть обых возьми!»
А знал Дунаюшко, где живе Апраксия,
Как в возвышенном она во тереми,
Как залежецьки Дунаюшка отдергивал,
Приходил Дунай во высок терём.
Говорила Апраксия Романовна:
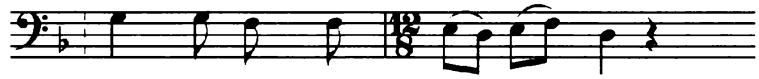
«Поминали мы Дунаюшка а живого нет,
А Дунаюшка а к нам ведь приехал видь».
[Говорил Дунай да сын Ивановиць:]
«А приехал я, Апраксия да Романовна,
Я из Киева как от князя-то от Владимера
А посватать тебя да красну девушку,
А желашь итти за Владимера во супружество?»
Отвецяла Апраксия да Романовна:
«Я три годику Господу Богу молиласи,
Как бы мне попась за князя за Владимера».
А тут Дунаюшка а спускался с терема.
Одевали [Апраксию] да [как] красну девушку.
Как садил-то Дунай Апраксию Романовну
А ко Добрынюшки на добра́ коня,
Сам поехал след охранителем.
Выежджяли они во цисто́ поле,
Как туця-то след да летит темная,
Так с угона след еде Настастья Романовна:
«Как за той, тихий Дунай да сын Ивановиць,
А засадил меня да во девоцесьво,
Сделаем-ка мы с тобой договор такой:
Если ты меня собьешь со добра коня,
То руби мни от стыду буйну голову,
Если я тебя собью да [со добра коня]
То бери меня за себя замуж».
Тут же ёны поразъехались
По цисту полю на три поприща,
Как вместо оны как ведь сто́лкнулись,
Копьямы долгомерныма оны щёлкнулись,
Как сбила Настасья Дуная со бела коня.
Тут же видь оны да поехали,
А поехали — не одну Апраксию везут,
А везут Дуная Настасью да Романовну.
Как во городи да во Киеви
Дожидают-то дорогих гостей,
Со великой стрецяют их со поцесью.
Тут же повенцяли князя Владимера
Как с Апраксией со Романовной,
Как тихий Дунай сын Ивановиць
Повенцялся с Настасьей да Романовной,
Тут же дали пир на весь-то мир.
А на том былинка и поконциласи.
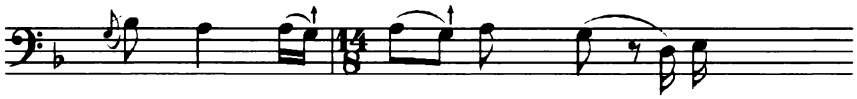
№ 327
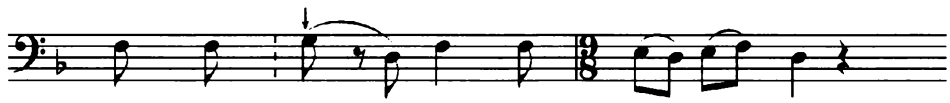
ЖЕНИТЬБА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА
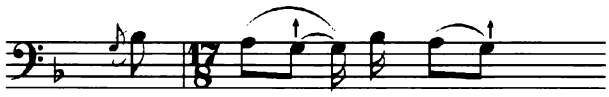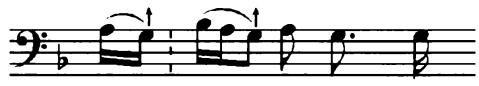

6. И да куп - ци - ты лю - дюш - ки
да ведь бо - га - ты - и.
7. А ведь Вла - ди - мер - князь и столь - нё - ки - ёвь - ский
8. А был ведь вве - дён
то-й о - н(ы) да на кня - же - стьво
9. Как хо - лост мо - ло - дець - то
- как он не жо - нат.
10. А как на - чал Вла - ди - мер -
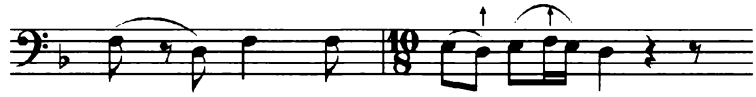

кня - с(и) да вы - спра - ши - вать:
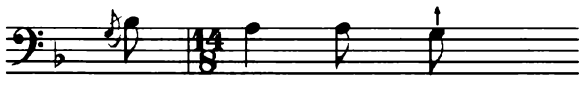

11. "А уж вы, лю - дюш - ки (и) - ли
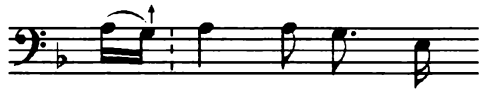

вы куп - ци (и) ведь тор - го - вы - и!
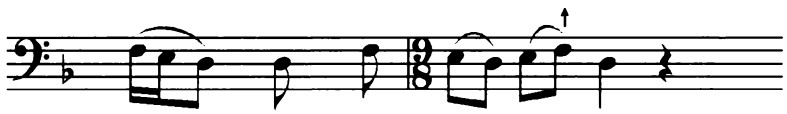

12. А ез - де - те
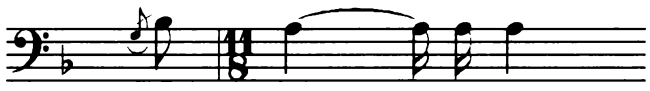

по раз - ны - и - м(ы)
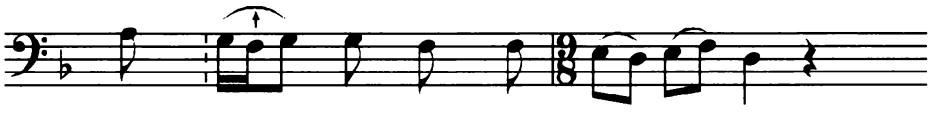

вы (и) да по го - ро - дам,
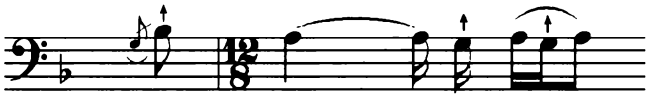

13. А ез - де - те
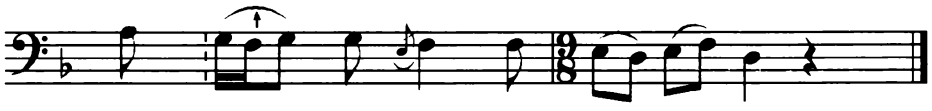

по даль - ни - и - м(ы)
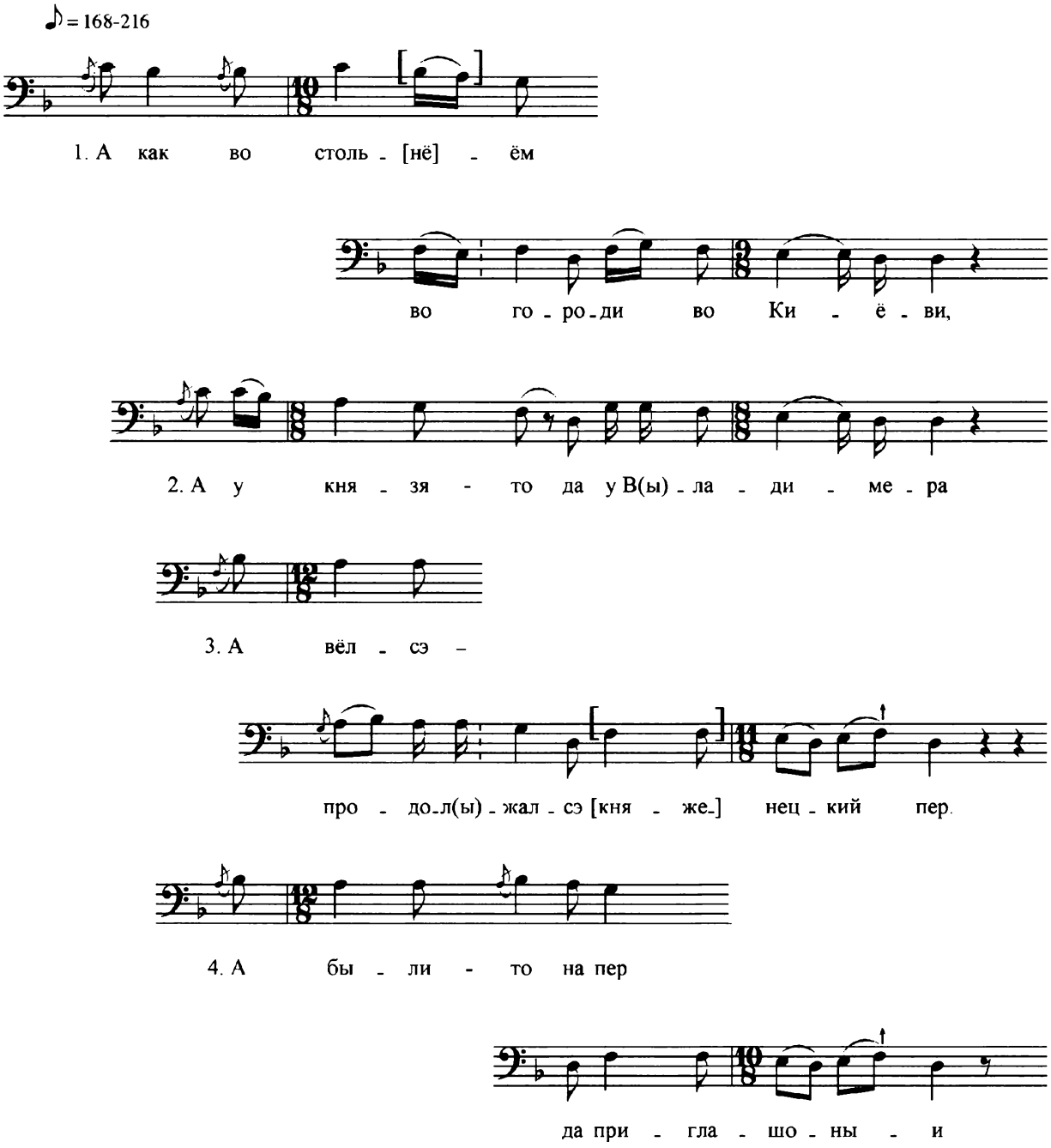

А как во сто́льнёём во городи,
А во городи и да во Ки́ёви,
А ведь у к(ы)нязя-то да у Владимера
А открыт-то был ведь, соб(ы)ран, княженецкий(и) пер.
А приглашоны были сильние могучии бога́тыри
И да купци-ты, людюшки да ведь богатыи.
А ведь Владимер-князь и стольнё-ки́ёвьский
А был ведь введён-то-й он(ы) да на княжестьво
Как хо́лост мо́лодець-то — как он не жонат.
А как нача́л Владимер-княс(и) да выспрашивать:
«А уж вы, людюшки (и)ли вы купци и ведь торговыи!
А ездете по разныим(ы) вы (и) да по городам,
А ездете по дальниим(ы) вы да по сторонам,
Как разныи товары закупаете,
А с прибылью товары продаваете...».

№ 328
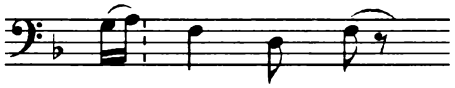
ЖЕНИТЬБА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

♪ = 168-216
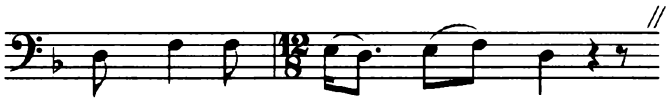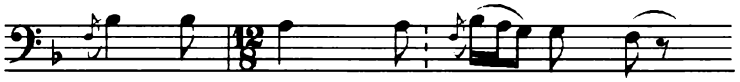

5. Как ведь силь - ни - е
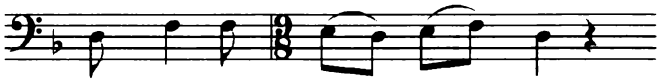

мо - гу - чи - и
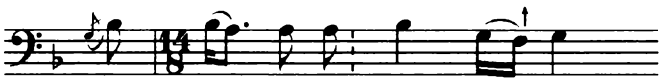

да ведь бо - га - ты - ри
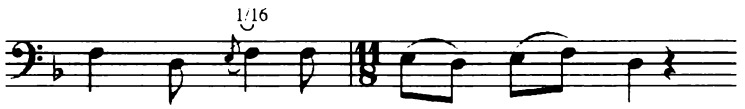

6. Да куп - ци - ты, лю - дюш - ки
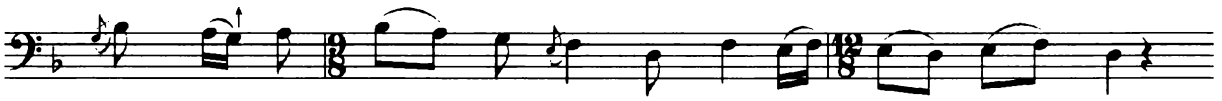

да ведь бо - га - ты - и.
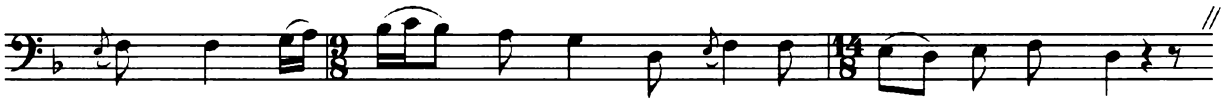

7. Как был - то Вла - ди - мер - князь
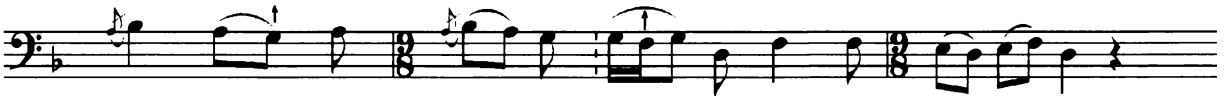

взве - дён да на кня - жес - тво
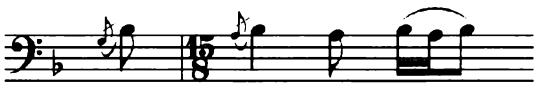

8. А хо - лост мо - ло - де - ц(и) - то – да не жо - нат.

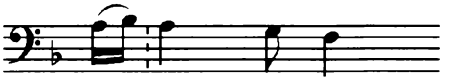
9. Как го - во - рил - то ве - т(и) да Вла - ди - ме-р(ы)-князь:
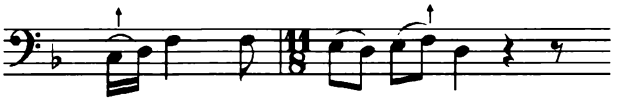

10. "Уж вы куп - ци, да лю - дюш-ки бо - га - ты - и!
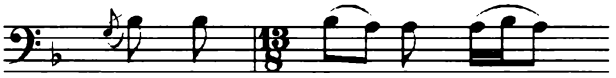

11. А ез - ди - те
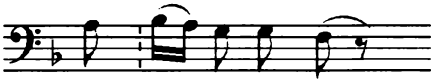

по раз - ны - им

да вы по го - ро - дам,
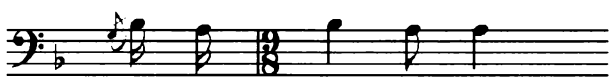

12. А по даль - ни - им
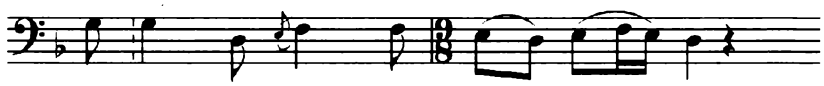

вы е - з(ы)-де - те
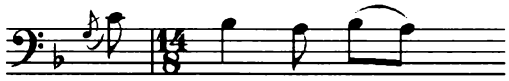

да по сто - ро - нам,
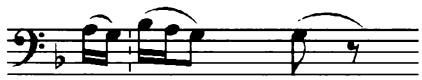

13. Ка - к(ы) раз - ны - и

то - ва - ры за - ку - па - е - те,
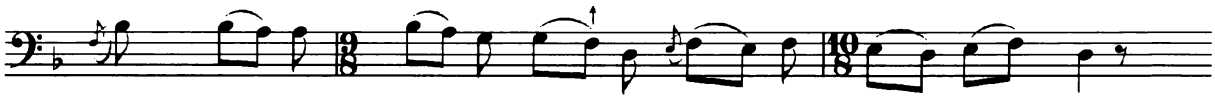

14. А с при - быль - ю
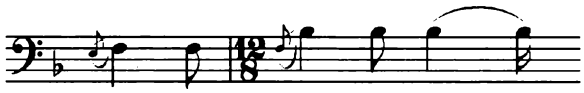

то - ва - ры
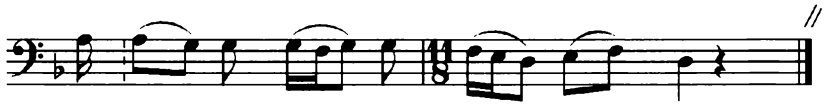

да про - да - ва - е - те.

15. А не ви - да - ли ли да не слы - ха - ли ли

16. У ка - ко бы ни

ца - ря ли - бо ца - ре - ви - ча...".

А как во сто́ль[нё]ём во городи во Ки́ёви,
А у князя-то да у В(ы)ладимера
А вёлсэ-продол(ы)жалсэ ⟨княже⟩нецкий пер.
А были-то на пер да приглашоныи
Как ведь сильние могучии да ведь бога́тыри
Да купци-ты, людюшки да ведь богатыи.
Как был-то Владимер-князь взведён да на княжество
А хо́лост мо́лодец(и)-то — да не жонат.
Как говорил-то вет(и) да Владимер(ы)-князь:
«Уж вы купци, да людюшки богатыи!
А ездите по разныим да вы по городам,
А по дальниим вы ез(ы)дете да по сторонам,
Как(ы) разныи товары закупаете,
А с прибылью товары да продаваете.
А не видали ли да не слыхали ли
У како́ бы ни царя либо́ царевича...».

НЕПРА И ДОН

(№ 329—336)

№ 329

О НЕПРЕ-КОРОЛЕВИЧНЕ

Русьские могучие богатыри
И все паленицы удалыя
Собиралися ко ласкову князю Владимиру
На почестен пир-пированьице.
Все на пиру наедалися,
Все на пиру напивалися
И все на пиру порасхвастались.
Говорит Непра-королевична:
«А нет-то стрельцов добрых молодцев
Против меня Непры-королевичны;
А силою молодцев, ухваткою
Против стараго казака Ильи Муромца;
А красотою молодцев, угожеством
Против Михайлы Потыка Иванова;
А богачеством против Дюка Степанова;
А тишиною, уговором, смиреньицем
Против молода Добрыни Никитича:

У него ли речи приветливы,
У него ли речи умильныя,
Он прельстит и уговорит;
Нет молодцев походкой, пощипкой
Против Чурилища Опленковича:
Идет-то Чурилище по Киеву —
Девки-бабы в окошко по поясу бросаются».
А сама говорила, не спохва́лила
Своего-то мужа законнаго
Тихаго Дона сударь Ивановича.
Тут у тихаго Дона Ивановича
Разгорелось его сердце богатырское,
Богатырское сердце, молодецкое.
Говорит-промолвит таково слово:
«А когда ж ты охво́ча стрелить стрелочка калёная,
Пойдем-ка во раздольице чисто поле,
Станем стрелить стрелочка калёная,
Который у нас верняй стрелит?»
Как шли они на чисто поле,
Относили они колечико серебряно
За тую за версту за мерную,
Становили ножичек булатниий
Супротив колечика серебряна.
Как стрелила во колечико серебряно,
Попадала во колечико серебряно
За тую за версту за мерную,
Колола она стрелочку ровным ровно
На две половиночки ровныя:
Клали на весы половиночки,
Ни коя ни кою не перетягиват.
Как у тихаго Дона Ивановича
Разгорелось его сердце богатырское,
Богатырское сердце, молодецкое.
Начал он стрелочкой помахивать,
Начал сам стрелочке выговаривать:
«Ай же ты, моя любимая калёна стрела,
Пади-ка ни на́ воду, ни на́ землю,
Пади-ка в Непру-королевичну,
А пади-ка ей во белую грудь».
Тут-то она прослезилася,
Начала плакать уливаючись,
Сама говорит таково слово:
«Ах ты, тихий Дон сударь Иванович!
Не стреляй меня Непру-королевичну —

А несу тебе я сына любимаго:
По колен-то ноженьки в серебре,
По локоть-то рученьки в золоте,
А по косицам быдто звездушки,
А назади быдто светел месяц,
А спереди быдто солнышко».
Как разгорелось его сердце богатырское,
Он ничего, молодец, не спрашивал,
Стрелил он ю во белую грудь,
Пала Непра на сыру землю,
Облилася кровью горючею.
Хватил он ножище-кинжалище,
Пластал ея груди белыя —
А несла она сына любимаго:
По колен-то ноженьки в се́ребре,
По локоть-то рученьки в золоте,
А по косицам быдто звездушки,
А назади быдто светел месяц,
А спереди будто солнышко.
Как разгорелось его сердце богатырское,
Становил он ножище-кинжалище,
Становил он, сам выговаривал:
«Куда пала головушка белы лебеди,
Тут пади головушка и сера́ гуся».
Пал он тут на ножище-кинжалище.
Тут-то от них протекала Дон-река
От тыя от крови християнския,
От християнския крови от напрасныя.
Глубиною река двадцати сажень,
А шириною река сорока сажень.

№ 330

НЕПРА И ДОН

Как тот ли этот князь стольнё-киевской
А сделал он задернул свой почёстный пир.
Как вси-то к ему на пир собиралиси,
Вси там на пиру наедалися,
Как вси там на пиру напивалися,
Стали там оны вси пьянешеньки,
А стали вси оны веселешеньки.
Князи все бояра-то русийскии,

А тыи-то могучи вси богатыри,
Как вси-то они ведь там росхвастались.
Как тут была еще межу́ има
А тая эта Не́пра-королевична.
Как-то тая Непра-королевична
Как говорит-промолвит таково слово:
«А нету зде стрельцов, добрых молодцов,
Проти́во меня Непры-королевичной!
Силою да нету ухваткою
Против стараго казака Ильи Муромца;
А красотою еще было угожеством
Противо ведь Михайлы Потыка Иванова,
А тишиною, говором, смиреньицом
Противо-то Добрынюшки Микитица;
А нету-то видь еще богачеством
Против-то видь Дюка Степанова;
А нету-то да ведь смелостью
Противо смелаго Алёшеньки Поповича;
Поступкою, походкою, пощапкою
Противо-то Чурилки щапа Плёнкова».
Сама она еще не спохва́лила
А тихаго ведь Дона-то сына Иванова,
А своёго-то мужа любимаго.
Как тихии тут Дон сын Иванович
А говорит-промолвит таково слово:
«Ай же ты, да Непра-королевична!
Когда же ты охвоча-то была удалая
Стрелять-то было стрелочок калёныих,
Подем-ко мы с тобой на чисто́ поле,
Станем стрелять стрелочок калёныих —
Который ведь стрелит видняе-то».
Как тут-то тая Непра-королевична
Взимает тут-то ножичок булатныи,
Как тое-то колечушко серебряно,
Относит что за версту за мерную,
Натянула тут она свой да тугой лук,
А клала ёна стрелочку калёную,
Стрелила тут за версту за мерную,
Попадала в колечко-то серебряно,
И росколола ёна стрелочку ровны́м-ровно́,
Да равным-то равно стрелку на́двое.
А клали половинки на весы они,
Никоя никоёй не перетягиват.

Как тихии тут Дон сын Иванович,
Розгорелось ёго сердце богатырское,
Как скоро натянул свой он ту́гой лук,
Кладывает стрелочку калёную.
Как начал тут Дон сын Иванович,
Начал-то он стрелочкой помахивать,
А начал ведь то сам выговаривать:
«Ай же ты, моя любима́ калёна́ стрела!
Пади же ты не на́ воду, не на́ землю,
А ты пади ко Непры-королевичной,
А ты пади же ёй во белую грудь».
Как тут-то тая Непра-королевична,
Как тут-то ведь она да прослезиласи
А тут-то ведь она поросплакалась:
«Ах тихии ты, Дон сын Иванович!
А не стрели-тко ме́ня, Непры-королевичной —
Да несу я ти сына любимаго:
А по колен-то ноженки во се́ребри,
А по локоть-то рученьки во золоти,
А по косицам пекут будто звездышки,
Назади-то воссият будто светёл месяц,
Впереди-то как будто солнышко».
Как розгорелось ёго сердце богатырское,
А ничего тут он ведь не последовал.
Как скоро он стрелил ю во беля́ю грудь,
Как пала тут она на сыру́ землю,
Облилась о́на кровью тут горючею.
Как тихии тут Дон сын Иванович
Взимает он ножищо тут кинжалищо:
«Ино ль то ведь еще правда ль есть?»
Пластал-то он ведь ёй да белую грудь —
Как было-то ведь тут да до правды бы,
Засиян-то ведь во чреви тот сын-то был:
По колен-то ноженки во се́ребри,
А по локоть-то рученьки во золоти,
Назади просвичат будто свитёл месяц,
Впереди еще как там солнышко.
Как взял это ножищо он кинжалищо,
Становил он-то ножик ведь супротив себя,
А становил он ножик, выговаривал:
«Да куды пала головка белой лебеди,
Ай тут пади головушка сера́ гуся».
Пал он на ножищо тут кинжалищо,

Да тут-то ведь им пришла е горька́я смерть.
Как от их-то от крови от крестьянскии,
От крестьянскии крови безнапрасныи,
Как протекала тут да Непра́-река.
В глубину река двадцати сажон,
А в ширину река сороки́ сажен,
Только-то ведь Донушку славу поют,
А той ли этой Непры-королевичной.
Тут-то их да жительство решилоси.

№ 331

НЕПРА-КОРОЛЕВИЧНА

Как князь Владимир был сто́льнё-киевской,
Задёрнул-то ведь ён да почестной пир.
Да вси-то на пиру, все наедалисе,
Все-ты на пиру, все напивалисе,
Да все-ты на пиру, все порасхвастались.
Красноё видь солнышко в полдён стоит,
Почёстной пир да вполу́ стоит.
Как красно солнышко да при вечери,
Почёстной пир да весь при ве́сели.
Ены́-то тут напивалисе,
Все ёны́-то тут порасхвастались:
Как и́нной фастает да добры́м конем,
А и́нной фастает своей силушкой,
А и́нной ведь фастает ведь ухваткой молодецкою,
А и́нной фастает отцём-матерью,
Инной фастает молодой женой.
А тут Непра еще королевишна,
Она-то тут еще порасхвасталась:
«На силушку у нас напротив Ильи да ведь Муромца
Как нет-то во городи да во Ки́ёви;
На ту ли походку молодецькую
Напроти́в видь Михайлушка да По́тыка,
А По́тыка видь сына да Иванова;
Да на тую походку молодецькую
Проти́в-то ли́ Добрыни Микитинца;
А щапить-гулять как нет видь тут
Проти́в Чурилы еще Плёнкова;
Как нету видь во городи да Ки́ёви

На име́ньице́ на богачесво
Напротив Дюка видь да Степанова;
А нету видь во городи да в Ки́ёви
Напроти́в тут меня да Непры́-то видь,
Непры-то видь да королевишной,
Таких-то видь стрельцёв, добрых мо́лодцев».
Как тут стает Ставёр сын Годинович:
«Когда же ты, Непра́-королевишна,
Хитра́ стрелять уж как поня́ласи,
Пойдем-ко стрелять видь на цисто́ полё,
Как ловка́ стрелять ты окажешьсе».
Сошлись стрелять ёны́ на чисто́ полё,
Относили видь ёны́ столоб-то видь
За тую́ за вёрсту́ да мерную,
Как клали видь кольцо золоцёное,
Клали видь как стрелоцьку калёную,
Чтобы во ту стульцё да попасть туда.
Перьва была стрелоцька калёная,
Чтобы обе половинки были ровны́м-ровно́,
Как натянула ёна́ да ту́гой лук,
Стрелила во кольцё да в золоцёное,
Пала ли как стрелка калёная,
Как кинули оны на́ вес-то —
Обе половинки ровны́м стали́.
Как тут Ставёр сын Годинович
Начал-то видь да он луком помахивать,
Начал видь стрелочки выговаривать:
«Лети, лети, моя калёна́ стрела,
Пади же ты не на́ воду, не на землю,
Пади, пади, моя калёна стрела,
Пади-тко ты Непры́ во белу́ю грудь».
А тут-то видь Непра́ взмоли́ласе:
«Как не убей меня, да Ставёр-то сын,
Сын-то ты видь был видь Годинович!
Несу тебе ведь я любимого сына́:
По локтям ручки да в золоте,
По коленам ножки да в се́ребре,
Как на зади пяты светел месяц,
Спереди́ сияет красно солнышко».
Как ничего-то не справляетсе,
Стрелил-то Непру в белую грудь,
А пала ведь Непра ведь на сыру́ земли́ю,
Как взял ножищем грудь да поро́спластал

Как вынимал-то ён любима сынка,
Как тут-то ён восслезился ведь,
Поставил ножищо-кинжалищо,
Поставил он цивьём во сыру́ землю́:
«Да где упала-то бела́ лебе́дь,
Упади-тко тут да лапча́тый гусь!»
Как пал на ножищо-кинжалищо,
Проколол соби да белу́ю грудь.
Как от крови их протекла Непра́-река,
Непра́-река она очень широкая.
Как тут Непры́ еще славы́ поют.

№ 332

ПРО НЕПРУ-КОРОЛЕВИЧНУ

Как со́брал-то ведь князь стольне-киевський,
Как со́брал ен да почестный пир,
Не гля ради друзей и гля бояринов,
А гля ради стола княженецкого.
Ко всим-то ен послы послал,
А старого казака Илью Муромца на пир не́ позвал.
Ну как на другой день воздернул да почестный пир
Не гля ради друзей, гля бояринов,
А гля ради Ильи Муромца.
«Выбирайте-ка вы, братьица крестовыи,
Кого бы нам послать, Илью на пир позвать?
Как послать нам Чурилушку Щапленкова,
Дак может и живой не вернется.
Олёшку Поповича пошлем —
У Олёшки глаза поповскии
И глазища завидливы,
Не знат, как с Ильей обойтись.
Пошлем-ко мы лучше Добрынюшку Микитича —
У того с им была побратанность,
И о братанье было сказано:
„Ильюшенько — старший брат,
А Добрынюшка — бладший брат.
Бладшему-то брату уж надо слушать старшего,
И старшему-то брату надо слушать бладшего".
Из-за этого у их была побратанность».
Как сказали Добрынюшке Микитичу:

«Как съиздишь, так поуговори Ильюшеньку Муромца,
Чтобы ен приехал к нам да на почестный пир».
Видли добра молодца сядучи,
А не видли Добрынюшка, куды и поедучи.
Примчался к Ильи на широкий двор
И привязал коня к золоту столбу и к серебру кольцю,
Насыпал пшеницы ему белояровой
И заходил к Ильи в палаты высокии,
И пришел с ним да и поздоровался:
«Здраствуй-ка, братец крестовый мой,
Ты знаешь, братец, что у нас с тобой бы́ла побратанность,
И крестамы поменянность.
Ты хотя бы и старший брат,
А я-то ведь бладший брат.
Было же у нас сказано, что старшего брата слухать бладшему,
И бладшего-то брата слухать старшему.
Послушай-ко ты, Ильюшенька Муромец,
Поедем-ка к царю да на почестный пир». —
«Ай же ты, Добрынюшка Микитич!
Как не ты бы приехал, так отсюль бы не уехал,
Что подсмехаться над стариком да нечего».
Ну сказал Добрынюшка Никитинич:
«Поедем, крестовый братец,
Гля тебя одного собрали почестный пир». —
«Ладно, братец крестовыий,
Знал царь, кого послать Илью на пир позвать».
Седлал Ильюшенька добра́ коня
И подлагал седёлко черкасское,
И говорил Добрынюшке Никитичу:
«Если бы не позвал царь стольне-киевськой,
Дак натянул бы свой ту́гой лук,
И положил бы стрелку калёную,
И убил бы царя со царичею,
А сам уехал бы куда ни в Азию».
Ну садились оны на добрых коней
И помчалися ко Киеву,
И становились к царю на широкий двор,
И у царя дожидали почетные конюхи.
Как выскакивали богатыри с добры́х коней
И не засматривали своих лошадей,
Надеются, что конюхи накормят лошадей,
Натрясут им пшеницы белояровой,
И заходили во сени во новые,

А во тыи во гредни столовые.
И стал заходить Илья в двери посметнии,
В гредню столовую,
И раздернул дверь на́ пяту,
И прихлопнул во всю силушку,
И вси терема пошатались,
Окольницы а рамах лопнули.
Как выбегает князь со княгинею,
И все в пояс кланялись:
«Садись-ка ты, наш дорогой гость,
И второй не меньше, во почетном да во большом углу.
Во́т у их сейчас и пир пошел.
Все на пиру наедалися,
Все на пиру напивалися,
И под вечер все порасхвастались:
Сильный хвастает силушкой,
Идный хвастает добрым конем,
Идный хвастает молодой женой,
Разумный хвастает отчем-матерью.
Как выскакиват да из-за столика
Непра-королевична,
И стала ена середи́ мосту,
И стала ена башмачиком вытапывать,
Молодциков всех за столом выхваливать:
«Как порня́я у нас нет зде Ильи Муромца,
Добряя Добрынюшки Никитича,
На красу-басу Чурилушки Щапленкова».
И всех молодциков так повыхваливат,
А ей так еще и муж был —
Тихий Дон, сын Иванович.
Своего мужа она не восхваливат,
Как говорит она таково слово,
Будто режет ножиком:
«Как я-то бы, да Непра-королевична,
Могла бы натянуть свой ту́гой лук
И стрелить за версту за мерную,
И попасть в колечушко серебряно».
Было бойчов тут множество,
И относили ей кольчо за версту за мерную,
И заставили стрелять в колечко серебряно
И стрелила Непра-королевична,
И попала в колечко серебряно —
И кинули на скалочки половинка, половинки не более.

Разгорелоси сердце молодецькое
У тихого Дона, сына Ивановича
Натянул скорешенько свой ту́гой лук
И положил стрелку калёную,
И сказал стрелы таково слово:
«Попади, стрела, в Непру-королевичну».
Тут Непра-королевична смолилася:
«Уважь, тихий Дон сын Иванович,
За мои проступки великие,
Что на пиру я тебя не восхваливала,
И пренесу я тебе сына на сёгодний год».
Не спросил тихий Дон сын Иванович,
Стрелил он Непру-королевичну,
И бежал скорешенько к ней,
И пластал ей грудь на́двое:
Манила ли она или лукавила?
Не манила ена и не лукавила,
Не манила ена и не лукавила.
Натянул свой ту́гой лук
И положил стрелку калёную:
«Где погинула головушка Неприна,
Дак тут погинь и тихого Дона сына Ивановича».
Тым и кончилось.

№ 333

ПРО НЕПРУ-КОРОЛЕВИЧНУ

Как собрал-то Владимер стольне-киевской,
Как собрал-то топереку почесный пир.
Ко всим-то он топерику посла послал,
А старого казака Илью Муромца на пир не́ позвал.
Как на дру́гой день воздёрнул да почесный пир,
Не гля ради друзей, гля бояринов,
А гля ради села княженецкого.
Как рассердиўся тут Ильюшенька Муромец,
Схватил-то он топереку свой ту́гой лук,
Кладывал он стрелоцку калёную
И говорил стрелы да таково слово́:
«Пади стрела не на́ землю,
Пади, стрела не на́ воду,
Убей-ко ты царя да со царицею,

А сам-то уеду в другу́ Азию».
Как говорит Владимер-князь да стольно-киевской:
«Как выбирайте-ко братов крестовыих,
А подкрестовых вы братьицев Христовыих,
Кого бы нам послать, Илью на пир позвать:
Послать ли нам Олёшеньку Поповица —
Как у того ли-то глазища поповьскии,
Поповьскии глазища да завидливы,
Как не поедет с гим Ильюшенько да Муромец,
Послать ли не послать нам [Добрынюшку Никитиця] —
Как у его было с Ильюшенькой побратанось,
Как у его было крестамы-то поминянось;
Ильюшенька-то был как и старший брат,
Добрынюшка-то был тогда бладший брат,
Как на крестовой-то его было сказано,
Что старшему-то брату слушать бладшего,
А бладшему-то брату слушать старшего —
Поедет ён сюда на почесной пир».
Как повернуўся тут Добрынюшка скурёшенько,
Как выходил Добрыня на широкий двор
И седлал ён добра коня.
Ещё видли добра молодца сядуци,
А не видли, в кою сторону поедуци.
Как приеждяет-то к Ильи на широкой двор,
Ставит-то коня к золоту́ столбу,
И насыпал-то пшеницы белояровой,
А сам-то ён к ему в дом пошел.
И приходит-то ён в полату белокаменну,
Как говорит Ильюшеньки Муромцу:
«Как здорово, крестовой братец мой,
Как сподкрестовой, Христовой братец мой,
У нас с тобой крестами поменянось,
У нас с тобой-то было побратанось,
О братаньи у нас было сказано,
А старшему-то брату слухать бладшего,
А бладшему-то брату слухать старшего,
Послушай-ко топереку, што я́ скажу:
Поедем-ко топереку к царю да о почесный пир.
Красно солнышко Владимер стольно-киевской,
Как знал-то ён топереку, кого послать,
Как Ильюшеньку топерику на пир позвать.
Позвал бы он Олёшеньку Поповиця,
Разбил бы я Олёшеньку да вдребезги,

Што ты не смийся над Ильей над Муромцем,
Што не позвал он меня да на почесный пир».
Ну как недолго ёны тут справлялисе,
Ну как недолго тут ёны снаряжалисе,
Как выходили-то ёны на широкий двор,
Садилисе оны на добрых коней.
Как видли добрых молодцев сядучи,
Как не видли, да в кою сторону поедучи.
Ставились царю да на широкий двор,
Как тут стретали гих, гостей благородныих:
Насыпана пшеница белоярая,
Как лошадей-то вместо гих да привязывают,
Как справляютца во гридни во столовыи,
Во тыи ли во полаты белокаменны.
Как зашли ёны во гридни в столовыи,
Раздёрнули ёны дверь на́ пяту,
Как прихлопнул он топереку сильней дверью,
Как терема да пошатилися,
Окольници хрустальные посыпались,
А малыи бояра-то раком пошли.
Как прибегат Владимер-князь да стольне-киевской
Ильюшеньки топерь да в пояс кланялсе:
«Как прости-ко ты топереку, Илья Муромец,
Как прости-ко ты, пожалуста». —
«Ну, в первой-то вины да тебе Бог простит,
А больше ты не делай-ко проступоцьков».
Садились за столы да за дубовыи,
За тыи ли за кушанья медовыи.
Как вси-то на пиру наедалися,
Как вси-то на пиру напивалися,
Как вси-то на пиру порасхвастались:
Как идной-то хвастат добры́м конём,
Идной-то хвастат отцом-матерью,
А идной-то хвастат молодой жоной.
Как выходила тут Не́пра-королевична с-за столика,
Как стала она голосом выважывать,
Как стала тут башмациком вытаптывать,
Киевских молодциков выхваливать:
«На красу-басу нет лучше Чурилушки Щаплёнкова,
А добрея-то Добрынюшки Никитиця,
А порнея у нас нету Ильи Муромца,
Как еще бы я ведь Непра-королевицьна
Как натянула бы топереку свой тугой лук,

Как клала бы я стрелоцку калёную,
Попала бы в колецюшко серебрянно».
Относили ейной перстень за вёрсту за мерную,
И выходили тут вси гости на улицу
И смотрить стрельбы Не́приной.
Ну как стрелила-то за́ вёрсту за мерную,
Попала-то в колецико серебрянно;
Как это кинули колецико на скалоцку —
Половинка половиноцьки не больше тут.
Как разгорелоси тут сердце молодецькое
У того ли еще Дона Ивановича,
Ну как Дон-то Неприн муж-то был,
Она-то и Дона не выхваливат.
Как натянул-то он еще свой ту́гой лук,
И положил стрелоцьку калёную,
Сказал-то ён стрелы да таково́ слово:
«Пади-ко ты, стрела, не на́ землю, не на́ воду,
Как пади-ко ты, стрела, да Непры прямо в грудь».
Тут-то ему Не́пра-королевицьна смолиласи:
«Как не стреляй-ко ты, Дон сын Ивановиць,
Как принесу я нынеку через три месяца».
Не спросил-то тихий Дон сын Ивановиць,
Ну как стрелил он в Непру-королевицьну,
Бежал-то он скурёшенько туды-ко-ва,
Ну как пластал-то Не́пры груди на́двое:
Манила ли она али лукавила?
Как не манила да ёны, не лукавила,
Действительно были заводыши.
Как потом-то натянул свой-то ту́гой лук
И говорил стрелы да таково слово:
«Пади, стрела, топерику мни прямо в грудь,
Гди погинула головушка Не́прина,
И тут погинь тихого Дона сын Ивановиця».

№ 334

О КНЯЗЕ О ВЛАДИМИРЕ

А во стольноем во городе во Киеве
У славного у князя у Владимира
Заводилсе, начиналсе похвальной пир,
А похвальный пир да на двенадцать дней.

Все-то на пиру да напивалися,
Все-то на пиру да наедалися,
Все-то на пиру да порасхвастались:
Идной-то хвастат конем добрыим,
А идной-то хвастат платьем цветныим,
Идной-то хвастат молодой женой,
А идной-то хвастат золотой казной,
Умной-то хвастат отцем-матерью,
А безумной-то хвастат молодой женой.
А сидит Ставер да Легодинович,
Он не ест, не пьет и не кушает,
Он нечим, удаленькой, не хвастает.
Говорит ему да молода жена Днепра да королевична:
«Уж ты что сидишь, Ставер да Легодинович,
Ты не ешь, не пьешь, да и не кушаешь,
Ты нечим, удаленькой, не хвастаешь?
Аль нет ли у тебя да платьев цветныих,
Аль нет ли у тебя золотой казны?
Только нет у тебя стрельцов да добрых молодцев,
Окроме меня, Днепры да королевичной?»
Ему этое словечко не во ндрав пришло:
«Ты пойдем, Днепра да королевична,
Во чисто поле пойдем повыстрелим!»
Тут натягала Днепра свой ведь тугой лук,
Кладывала стрелочку калёную,
На лету стрелы да приговаривала:
«Не пади-ко стрелочка не на воду,
Аль не на воду, стрела, не на землю,
Ты пади-ко, стрелочка калёная,
Во колечушко пади да золоченое!»
Тут не пала стрелочка не на воду,
А не на воду, стрела, не на землю —
Пала стрелочка да тут калёная
Во колечушко она да золоченое.
Тут натягал ведь Ставер да ведь свой ведь тугой лук,
Кладывал он стрелочку калёную,
На лету стрелы да приговариват:
«Не пади-ко, стрелочка калёная,
А не на воду, стрела, не на землю,
Ты пади-ко, стрелочка калёная,
Но не припади да во белую грудь,
Разнеси у Днепры груди белыи
Да лети во сердце!»

Говорит ему Днепра да королевична:
«Ай же ты, Ставер да Легодинович,
У меня тебе понесен ведь любимый сын:
По коленкам у него да ножки в золоте,
По локотки у него да ручки в серебри,
Назади пекет да млад цвитель-месяц,
Впереди его — да красно солнышко!»
Тут ничего Ставер да ведь не спрашиват,
На лету стрелы да приговариват.
Тут не пала стрелочка не на воду,
А не на воду, стрела, не на землю —
Пала стрелочка да тут калёная
Ко Непри пала да во белую грудь,
Рознесло у Днепры груди белыи,
Груди белыи и лети во сердцо.
Тут взимал Ставер да саблю острую,
Роспластал у Днепры груди белыи —
Был да подлинна понесен у ней любимый сын:
По коленкам у него да ножки в золоти,
По локоткам у него да ручки в серебри,
Позади его цветет да млад цвитель-месяц,
Впереди его — да красно солнышко.
Тут брал Ставер да саблю острую,
Он отсек себе да буйну голову:
«Куда пала головка белой лебеди,
Дак туда пала головушка сера гуся!»
На том моя бывальщина и кончилась.

№ 335

ПРО СТАВРА

Как во славном городе во Киеве
У славного князя у Владим⟨ира⟩
Заводился-начиналсе нахваль⟨ный⟩ пир
На ⟨двенадцать⟩ ден.
Все-то на перу напивалис⟨е⟩,
Все-то на перу наедалисе,
Все-то на перу порасхвастались:
Как ины хвастае⟨т⟩ конем добры⟨ем⟩,
Платьем цветным,
А иной хвастат золотой казной,

Умной хвастат отцом-матерью,
А безумной-то хвастат молодой женой.
А сидит-то ли Ставер ли Годинович,
Он не ест, не пьет и не кушает,
Он ницем, удаленькой, не хвастает.
Говорит ему молода жена Непрада-королевична:
«Ой же ты, Ставер ли Годинович,
Что не ешь, не пьешь, не кушаешь,
А нецем, удаленькой, ⟨не хвастаешь?⟩
Нет ли у тебя коней добрыих,
Нет ли у тебя платьев цветныих,
Нет ли только золотой казны,
Нет стрельцов добрых молодцев,
Окроме меня, Непрады-королевичны?»
Ему это словецко не во ндрав пришло.
«Ты пойдем, Непрада-королевицна, во цисто поле,
Пойдем повыстрелем».
Она тягала, Непрада, свой тугой лук,
Кладала стрелоцку калёную,
На лету стрелоцки приговаривала:
«Не пади, стрелоцка, ни на воду,
Стрела, ни [на] землю,
Ты пади, стрелоцка калёная,
Во колечушко да золоченое!»
[Уж] не пала стрелоцка ни на воду,
Ни на воду, стрела, ни на землю —
Пала стрелоцка, [пала] калёная
Во колецушко золоченое.
Тут натягивал Ставер свой тугой лук,
Калёну стрело⟨цке⟩ приговариват:
«Не пади, стрелоцка, ни на воду,
А ни на воду, стрелоцка, ни на землю,
Ты пади-ко, стрелоцка калёная,
Ко Непрады во белую грудь,
Разнеси у ней груди белые, ретиво сердце!»
Говорит ему молода жена,
Молода жена Непрада-королевична:
«Есть у меня у тебя
Понесен тебе любимый сын:
По коленкам у него ножки в золоте,
По локоткам у его ручки в серебре,
Позади пекет млад светел месяц,
Впереде его — красно солнышко!»

Нецего Ставер тут не спрашиват,
На лет⟨у⟩ стрелы приговариват.
Тут не пала стрелоцка ни на воду,
А ни на воду, ни на землю —
Пала стрелочка тут калёная,
Ко Непраде во белую грудь,
Разнесла у Непры груди белые,
Груди белые, ретиво сердце.
Тут взимал Ставер саблю вострую,
Распластал у Непры груди белые, ретиво сердце.

№ 336

НЕПРА-КОРОЛЕВИЧНА

Какое-то колецко тугое натягивали да стреляли. Так жена-то стрелила за вёрсту за мерную да попала в колецко серебряное, а муж-то не мог. Так пристыдила она мужа-то горазно. Он рассердился, так хотел в ю стрелить.

Так не дали, кажется, ёму: было тут собраньице великое.

ДЮК СТЕПАНОВИЧ И ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ

№ 337

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Говорит молодой боярин Дюк Степанович:
«Свет государыня моя матушка,
Честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
Долго ли мне жить дома, тешиться
Во глупом во малом робячестве,
Ходить по улушке широкия?
Пора-времячко мне съездить во да́лече-дале́че чисто поле,
Поразмять своего плеча богатырского,
Поразгонять своего Бурушка косматого,
Спробовать силы удачи молодецкия».
Говорит Мамельфа Тимофеевна:
«Ай же ты, мое рожоно дитятко,
Молодой боярин Дюк Степанович!
Не бывал ты, молодец, во чистом поле,
Не слыхал ты крику звериного,

Визгу-писку татарскаго,
Не видал поездки боготырския:
Не можешь вынести из чиста поля головушки.
А лучше бы ты ехал ко славному ко городу ко Киеву
Ко стольному ко князю ко Владимиру.
Солнышко Владимир стольно-киевский
На приезде для удалых добрых молодцев
Заводит столованье почестен пир,
На поезде удалыих много жалует,
Жалует бессчетной золотой казной».
Говорит Дюк таковы слова:
«Ай же ты, государыня моя матушка!
Давай же прощеньице-благословленьице,
Поеду я во далече-далече чисто поле,
Хочу разгонять Бурушка косматаго,
Хочу поразмять своего плеча богатырскаго,
Спробывать силы-удачи молодецкия,
Теперь хочу я, добрый молодец».
Как шел-то на широкий двор,
С широка двора шел на стойло кониное,
Брал он Бурушку на широкий двор,
Стал седлать-уздать добра коня,
Накидывать потнички на потнички,
Накладывать войлочки на войлочки,
На верех накладывал седёлышко черкасское
И затягивал двенадцать тугих подпругов,
Натягивал он тринадцату
Не для ради красы-басы,
А для ради укрепы богатырския.
Подпруги-то были чиста серебра,
Шпеньки-то были красна золота,
Стремена-то булата заморского,
Шелку-то оне шемаханского:
Шелк-от не рвется и не трется,
А булата не ржавеет,
Красно золото не мидеет,
Чисто серебро не зелизиет.
Приходил он в палаты белокаменны,
Надевал себе платьица дорожныя,
Кладывал туги луки во налучники,
Вязал крепки поводы на бедро свое.
На поезде молодцу матушка наказывает:
«Ай же ты, мое рожоно дитятко,

Молодой боярин Дюк Степанович!
Как поедешь во далече-далече чисто поле,
Не идь-ка на славну на Палач-гору Афанасьеву:
На ту гору много заезжает добрых молодцев,
А ведь-то мало выезжает.
А още случится тебе путь
Ко славному ко городу ко Киеву
Ко стольному ко князю ко Владимиру,
Солнышко Владимир стольно-киевсий
На приезде для удалых добрых молодцев
Заводит столования — почестен пир.
На честном пиру не хвастай сиротским именьицем,
Именьицем сиротским, богачеством,
Не хвастай мною, матушкой».
Давала ему прощеньице-благословленьице.
Шел он на широкий двор,
Садился на добра коня богатырского:
Только видели добра молодца сядучись,
А не видели удалаго поедучись,
Туды куревко столько прокуривает.
Выехал на славное чистое поле,
И как ездил на славном на чистом поле,
Не мог найти себе поединщика,
По плечу себе супротивника.
Как заехал на славную на Палач-гору Афанасьеву,
Материнска наказа не слушался,
На славной на Палач-горы Афанасьевой
Много присечено удалых молодцев,
Много лежит буйных головушек.
Тут он стал по горы поезживати,
Стал туги луки натягивати,
Калёны стрелы постреливати.
Первую стрелу он стрелил во сто рублей,
Другую стрелу во тысячу рублей,
А третью стрелу стрелил — цены-то нет,
Потому-то ей цены-то нет:
Во вострый конец врощен дорогой гвоздочек шеломчатый,
А во середочку врощен камешочек самоцветный,
А во тупой конец врощено золото перо орлиное,
Того было орла заморскаго.
Как сам себе молодец раздумался:
«Стать мне этых стрелок постреливать,
Не наполнить мне именье во чисто поле».

Как поехал со славной Палач-горы Афанасьевой
И поехал по чисту полю,
И наехал во сыром дубу черна ворона,
Черна ворона граючаго.
Сам говорил таково слово:
«Ай же ты, ворон, птица вещая,
Вещая птица, граючая!
Натяну как свой тугий лук,
Положу-то калёну стрелу,
Спущу-то тетеву шелковую,
Распущу твое перье по чисту полю,
Пролью кровь твою по сыру дубу,
Предам ти смерти напрасныя:
Не попадайся-ка на выстрел впереди богатыря!»
Испровещил ворон языком человеческим:
«Ай же молодой боярин Дюк Степанович!
Не бей-ка ворона на сыром дубу,
Не проливай моей крови горючия.
Поезжай-ка още вперед по чисту полю,
Так наедешь себе поединщика,
По плечу тебе супротивника».
Как он тут на радости на великия
Как наехать бы того удалого молодца,
Спробовать свои силы богатырская,
Поехал он по раздолью чисту полю,
Наехал след лошадиный:
Впереди его проехано у богатыря,
У лошади копытама выверчивана
Мать сыра земля, будто сильныма решатамы.
Он поехал по этому по следу лошадиному,
Наехал богатыря в чистом поле.
Раздернут у богатыря шатер белополотяный,
Ко тому шатру белополотяному
Поставлена лошадь белая богатырская,
Насыпано во полось во белу пшеницы белояровой.
Не так обседлан конь, как у него молодца:
Еще покрепче подтянуты подпруги богатырския.
Он тут стал да пораздумался,
Стал молодец да порасплакался:
«Теперь на уезд ехать — не уехати,
Во шатер итти — так смелости нет:
Убьет меня богатырь во белом шатре,
Падет моя голова ни за чистую белочку.

А поставлю я своего добра коня
Ко одной ко полости ко белыя,
Ко одной пшеницы белояровой:
Если кони смирно станут есть пшеницу белоярову,
Пойду в шатер — не тронет богатырь,
А если кони драться станут,
Поеду на уезд, могу ль уехати!»
Как становил своего добра коня
Ко одной ко полости ко белыя,
Ко одной пшенице белояровой:
Кони смирно стали есть пшеницу белоярову.
Он пошел в шатер белополотяный,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Поглядит — ажно в углу спит богатырь,
Спит-то храпит, как порог шумит.
Поглядел ему на надпись богатырскую:
Ажно спит старый казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович.
Стал он будить богатыря,
Скричал громким голосом,
Громким голосом во всю голову:
«Ставай-ка ты, старый казак Илья Муромец!
Пора нам ехать ко славному ко городу ко Киеву,
Ко стольному ко князю ко Владимиру,
Ко ранныя обедни воскресенския».
Спит богатырь, не пробудится.
Скричал во второй након громким голосом,
Громким голосом во всю голову —
Спит богатырь не пробудится.
Скричал во третий након громким голосом,
Громким голосом во всю голову —
От крепкаго сна богатырь пробуждается,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же ты, удалый добрый молодец!
Скажись, с коей земли, с коей орды,
Как тя, молодца, именем зовут,
Звеличают удалого по изотчины?»
Говорит молодой боярин Дюк Степанович:
«Я из той земли, богатой Орды,
Со тоя Индеи богатыя,
Есть я молодой боярин Дюк Степанович». —
«Так почто же будишь меня от крепкаго сна богатырскаго?

Или бьют тебя во чистом поле поганыя татаровья,
Али самому тебе, молодцу, хочется
Со мной съездить во чисто поле
Спробовать силы-удачи молодецкия:
Кто повынесет с чиста поля головушку,
Кто повынесет весточку радостну?»
Он расплакался ему, поразжалился:
«Ай же ты, старый казак Илья Муромец!
Что мне с тобой ехать в чисто поле?
Тебе смерть на бою не написана;
А мне ехать с тобой в чисто поле,
Положить надоть буйная головушка.
Не на то будил, чтоб ехать в чисто поле на дело ратнее,
А на то будил, что будет надежный товарищ в чистом поле,
Повыучит всем похваткам, поездкам богатырскиим
По делу по ратнему».
Вставал Илья на резвые ноги,
Брал молодого боярина за белые руки,
Целовал во уста во сахарния,
Назвал меньшим крестовым братом.
Взяли — крестамы побратались.
Стали два удалых молодца пить зелено вино,
Запивать медами стоялыма,
Закусывать колачикамы крупивчатыма.
На тую на пору на времячко
Наехал как из чиста поля поганый Идолище,
Приходит к ним в шатер белополотняный,
Господу Богу не молится,
Им, молодцам, не клонится,
Не клонит буйны головушки,
Не приносит покору великаго,
Сам садился к ним на лавочку.
Говорят ему таковы слова:
«Ай же ты, удалый добрый молодец!
Садись-ка с нами за единый стол хлеба кушати!» —
«Что же мне с вами хлеба кушати?
У вас на столе одни крупивчаты булочки,
Да още немножечко колачиков.
Я ем по быку семилетнему к выти,
По белой лебеди на раз [вилкою] закусываю».
Говорит Илья таковы слова:
«Видно, поганое Идолище, ты силен есть?» —
«Я силен есть, поганое Идолище:

Я проехал Швецию, Турецию,
Казань, Рязань и Астрахань
И не мог найти поединщика,
По плечу себе супротивника». —
«Ай же ты, поганое Идолище!
Ты наехал себе поединщиков,
Когда повыйдешь из нашего шатра белополотняна,
Тогда не будет тебе поединщика.
Во той земле, в богатой Орде,
Во славном городе во Муроме,
Во том во Карачаеве
У моего кормильца у батюшки
Была корова обжорлива:
По возу ела сена к выти,
Варенины ела по лохани,
Жрала, жрала — и треснула,
Так и тебе треснуть, добру молодцу!»
Ему эти речи не прилюбилися:
Хватил кинжалище булатнее,
Бросил в стараго казака Илью Муромца.
А он знал увертки богатырския,
Увернулся от разу великаго,
Сам схватил свою шляпу пуховую
И бросил в поганое Идолище,
Поганое Идолище пал о сыру землю,
Только поганое Идолище тут и жив бывал.
Тут старый казак Илья Муромец,
Молодой боярин Дюк Степанович
Садилися они на добрых коней,
Как поехали ко славному ко городу ко Киеву,
Так старый казак Илья Муромец
Поехал во всю пору лошадиную,
А молодой боярин Дюк Степанович
На своем на Бурушке косматом около обскакивает.
Не доехали они до города за три поприща,
Становилися они во чистом поле.
Как говорил старый казак Илья Муромец:
«Ай же ты, братец мой крестовый!
Поезжай-ка ты один ко городу ко Киеву,
Поспевай ко ранния обедни воскресенския.
Солнышко Владимир стольно-киевский
На приезде для удалых добрых молодцев
Заводит столование почестный пир.

Смотри, не хвастай на пиру именьицем,
Именьицем, бесконечной золотой казной.
А станут обижать тебя на честном пиру,
Держи ко мне весточку в чисто поле,
Ко моему шатру белополотняному —
Так не обидят тебя во городе во Киеве».
Тут-то они распростилися.
Поехал молодой боярин ко городу ко Киеву,
Поспел ко ранния обедни воскресенския,
Подъезжал как он ко Божьей церкви,
Становил он добра коня ко столбику точеному,
Ко колечику золоченому,
Сам шел во церковь Божию,
Крест клал по-писаному,
Поклон вел по-ученому,
На все на четыре сторонки кланялся,
Стольному князю Владимиру
Со княгиной со Опраксою в особину.
Не узнал его солнышко Владимир стольно-киевский:
Не бывал он в городе во Киеве.
Сам говорил таковы слова:
«Ай же ты, удалый добрый молодец!
Скажись, с коей земли, с коей орды,
Коего отца, коей матери?»
Говорит молодой боярин Дюк Степанович:
«Я из тоя земли, богатой Орды,
Со тоя Индеи богатыя,
Есть я молодой боярин Дюк Степанович».
Как у солнышка князя Владимира по правую рученьку
Стоял молодой Чурилушка Пленкович,
Сам говорил таковы слова:
«Ай же ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Это не молодой боярин Дюк Степанович,
А это есть халуина господская,
Либо волоча́-голь кабацкая.
Уехал он от купца либо от барина,
Угнал он добра коня,
А приехал сюда для того, чтобы ты
Забрал столованье — почестный пир».
Говорил Владимир таковы слова:
«Ай же ты, удалый добрый молодец!
Скажись, с коей земли, с коей орды,
Коего отца, коей матери?»

Говорил молодой боярин Дюк Степанович:
«Что же ты стал у меня выспрашивать,
Выспрашивать у меня, выведывать?
Ведь я приехал не для ваших честных пиров,
Не для бессчетной золотой казны,
А приехал посмотреть вашего города.
Скажут, ваш город на красы стоит, на угожестве,
Скажут, солнышко Владимир-князь богато живет;
Да още заехал Господу Богу помолиться,
Ко честным крестам приложиться,
И поеду я взад во чисто поле.
У меня хлеб-соли дома водится,
Золота казна не тощится,
Цветно платьице не держится;
А още послал меня братец крестовый,
Старый казак Илья Муромец».
Он как брал его за белы руки,
Целовал во уста во сахарния,
Называл молодым боярином Дюком Степановичем.
Отошла обедня ранняя воскресенская,
Брал его солнышко за белы руки,
Повел его в свои палаты белокаменны.
Он идет, молодой боярин, на сапожки поглядывает,
Поглядывает на сапожки, на шубку посматривает.
Говорил Чурилушка Пленкович:
«Заподлинно есть холопина дворянская,
Он век этих сапожек не державал,
Он век этой шубки не нашивал».
Говорит молодой боярин Дюк Степанович:
«Ай же, молодой Чурилушка Пленкович!
У вас все не по-нашему:
Во той земли, богатой Орды,
Во тоя Индеи богатыя
От Божьей церкви до палат белокаменных
Настланы мостики калиновы,
Разостланы сукна кармазинныя,
Не мараются сапожки сафьянные во грязи черныя».
Как он ввел его в палаты белокаменны,
Для удалого добра молодца собрал почестен пир,
Как пошел столованье почестен пир,
Все на пиру наедалися,
Все на пиру напивалися,
Похвальбамы все похвалялися.

Сидит молодой боярин не пьян, не весел,
Повешена буйна голова ниже плеч могучиих,
Притуплены очи ясныя во кирпичен пол;
Он калачик ел, другой под стол метал,
А чару пил, другу за окошко лил.
Как увидел солнышко Владимир стольно-киевский,
Говорит ему таковы слова:
«Что же ты, молодой боярин Дюк Степанович,
Колачик ешь, другой под стол мечешь,
А чару пьешь, другу за окошко льешь?»
Говорит молодой боярин Дюк Степанович:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский!
Не могу есть колачиков крупивчатых,
Пить напиточек сладкиих:
Колачики пахнут на хвою сосновую,
А напиточки затхнулися, пить неприятныя.
Как во той земле, в богатой Орды,
Во тоя Индеи богатыя
У моей государыни у матушки
Есть печки муравлены, помялчики шелковые,
Мочут помялчики в росу медовую,
Пашут печки муравлены,
Пекут колачики крупивчаты:
Колачик съешь, другаго съешь — душа горит,
Другой съешь, третий — с ума не йдет.
А меда сладкие, водочки стоялыя,
Повешены в бочки сороковки
В погреба глубокие на цепи на серебряны,
Туда подведены ветры буйные:
Как повеют ветры буйные,
Пойдут воздухи по погребам,
Так загогочут бочки, будто лебеди,
Будто лебеди на тихиих на заводях;
Так век не затхнутся напиточки сладкие,
Чару пьешь, другу пить — душа горит,
Другу пьешь, третья — с ума не йдет.
Эта хвальба не похвальба:
У моей государыни у матушки
Цветно платьице не держится.
Потому оно и не держится,
Что швецы не выводятся:
Та толпа швецов ее двора сошла,
А друга толпа на двор пришла.

Добры кони ездят — не ездятся:
Стоит без счету добрых коней,
Зоблют пшеницу белоярову,
Только выскочат проиграться в чисто поле.
Эта похвальба еще не похвальба:
Есть насыпано двенадцать погребов глубоких
Злата и серебра и мелкаго скатнаго жемчуга.
На один на погреб скуплю-продам
Стольный Киев-град и Чернигов-град».

№ 338

О МОЛОДОМ БОЯРИНЕ ДЮКЕ СТЕПАНОВИЧЕ

Во славном во городе во Галиче,
Во той Кореле богатыи
Не кувыль-трава шатается,
Не белая береза погибается —
Сын со матушкой прощается,
А молодой боярин Дюк Степанович
Со честной вдовой Афимьей Александровной:
«Ай же, свет государыня матушка,
Честная вдова Афимья Александровна!
Долго ли мне жить во глубоком во малом во ребячестве,
Ходить мне дома по улице широкия
С ребятами тешиться?
Пора мне съездить во чисто поле
Поразломать мне своего плеча богатырскаго,
Спробовать силы-удачи молодецкия,
Разгонять мне Бурушка косматаго».
Она ему говорит таковы слова:
«Ай же ты, молодой боярин Дюк Степанович!
Не бывал ты, молодец, во чистом поле,
Не слыхал ты писку и визгу татарскаго,
Дела ратнаго, поездки богатырския:
Можешь ли вынести из чиста поля головушку?
Лучше бы ты ехал ко славному ко городу ко Киеву
Ко солнышку князю Владимеру:
Солнышко князь стольно-киевский
На приезде заводит столованье — почестен пир
Для вас, для удалых для молодцев,
На поезде он вас жалует

Многою несчетной золотой казной». —
«Ай же, свет государыня матушка!
Куда мне с бессчетной золотой казной?
Лучше я поеду во далече-далече во чисто поле,
Давай мне пращенье-благословенье родительско
На веки нерушимое,
Благословляй меня во чисто поле».
Потом как шел на широк на двор,
Из широка двора шел на стойлу лошадиную,
Брал он Бурушка косматаго,
Выводил он Бурушка на широк двор,
Стал он седлать-уздать добра коня,
Кладал он потники на потники,
Войлоки клал на войлоки,
На верёх кладал ковано седло черкацкое,
Подтягивал двенадцатью подпругами богатырскими,
Натягивал тринадцату продольную,
Не для ради красы-басы,
А для ради укрепы богатырския.
Подпруги-те были чистаго серебра,
Пряжечки и шпиньки красна золота,
Стремена булата заморскаго,
Шелк-то был шемахатныий:
Шелк-то не рвется и не трется,
Булат-то не ржавиет,
Золото не мидиет,
Серебро не зелизиет.
Он опять пошел в полаты белокаменны,
Надевал он платья дорожныя,
Кладывал туги луки во налучники,
Калёны стрелы во колсана,
Вязал крепки палицы на бедро свое,
Отправлялся во далече-далече во чисто поле,
Молился тем крестам пречудныим,
Спасу и Пречудной Богородицы,
Прощался свет с государыней матушкой,
Со честной вдовой Афимьей Александровной.
На поезде-то молодцу матушка наказывала:
«Как будет-то молодец во чистом поле,
Так не езди ты на крутую славную гору холомчатую:
Туда много заезжало славных добрых молодцев,
А оттуда мало возвращалося;
А будешь как во славном во городе во Киеве

У солнышка князя у Владимера на честном пиру,
Так не хвастай-ка ты своим именьем-богачеством,
Не хвастай своей многою бесчестной золотой казной».
Тут он простился со своей родителью-матушкой,
Садился молодец на добра коня,
Поехал во далечо-далечо во чисто поле.
Ехал он по чисту полю,
Случилося ехать мимо славную гору шеломчатую —
Начал он по горы поезживати,
Начал он своей силы пробовати,
Туги луки натягивати,
Начал он калёных стрел постреливати:
Стрелял он первую стрелочку во сто рублей,
Стрелял другую во тысячу,
Стрелял третью стрелочку — и цены-то нет.
Потому стрелочке цены-то нет:
Во вострой конец был врощен гвоздочек шеломчатыий,
А во середочку был врощен камешечик самоцветныий,
А во тупой конец было врощено золото перо орлиное,
Того было орла заморскаго.
Сам себе призадумался:
«Стать мне этих стрелок постреливать,
То не наполнить мне именья во чисто поле».
Тут он на той горы шеломчатыя
Не мог найти себе поединщика
И спустился с той горы шеломчатыя,
Увидал на сыром дубу ворона чернаго граючаго,
Говорил он ворону таковы слова:
«Ай же ты, ворон, птица вещая!
Натяну я свой тугой лук,
Кладу свою калёну стрелу,
Спущу твою я тушу о сыру землю,
И распущу твое я перье по чисту полю,
И пролью твою кровь по сыру дубу,
Предам тебе я смерть да скорую —
„Не попадай впереди сильного могучаго богатыря!"»
Как ворон провещал голосом человеческим:
«Ай же ты, молодой боярин Дюк Степанович!
Ты не бей-ка ворона на сыром дубу,
Не давай-ка смерти напрасныя,
Поезжай ты вперед по чисту полю,
Найдешь себе поединщика,
По плечу себе супротивника,

Столько не будет с тебя, с молодца, дело поправиться».
На той на радости на великия
Как поехал он вперед по чисту полю,
Как наехал он на ступь лошадиную:
Проехало впереди его у богатыря,
У лошади-то скакано,
Вывертывана копытами мать сыра земля,
Как сильными решетами.
Он поехал вслед по следу лошадиному,
Застал богатыря во чистом поле.
Раздернут у богатыря шатер бел-полотняный,
Поставлена лошадь белая
К тому шатру полотняному,
Насыпано в полость белую пшеницы белояровой.
Так он поглядывал как на того коня богатырскаго:
Еще не так обседлан его добрый конь,
Еще покрепче подтянуты подпруги богатырския.
Он тут-то стал да пораздумался:
«Теперь-то мне на уезд как поехати — не уехати,
Как в шатер итти — так убьет меня богатырь.
Да-ко я поставлю своего Бурушка косматаго
Ко одной ко полости ко белыя,
Ко одной пшеницы белояровой:
Ежели кони станут смирно есть ту пшеницу белоярову,
То пойду в шатер — меня не тронет богатырь,
Ежели кони драться станут у той пшеницы белояровой —
Я поеду на уезд, ежели могу уехати».
И становил добра коня к одной ко полости-то белыя,
К одной пшеницы белояровой:
Кони смирно стали есть ту пшеницу белоярову.
Он пошел в шатер белополотняный,
Крест он там сполна кладет по-писаному,
Как поклоны ведь-то по-ученому,
Как клонился на все четыре стороны.
Поглядит как — в углу спит богатырь,
Спит-то храпит, как порог шумит,
Как порог шумит, как сильныий.
Поглядел богатырю в очи ясныя
На его на надпись богатырскую:
Ажно спит казак Илья Муромец.
Он стал будить как богатыря,
Срычал он громким голосом:
«Вставай-ка ты, старый казак Илья Муромец!

Пора нам ехать ко славному ко городу ко Киеву,
Ко славному князю ко Владимеру,
Ко ранней обеденки воскресенския».
Он спит да не пробудится.
Он второй раз срычал громким голосом —
Спит богатырь, да не пробудится.
Срычал он в третий након громким голосом,
Громким голосом, во всю голову:
«Вставай-ка ты, старый казак Илья Муромец!
Нам пора ехать ко славному ко городу ко Киеву,
Ко славному князю ко Владимеру,
Ко ранней обедни воскресенския».
Он от крепкаго сну пробуждается,
Как сам говорит таковы слова:
«Ты скажи-ка, добрый молодец,
Ты с коей земли, ты с коей орды,
Как тя, молодца, именем зовут,
Ты какого отца, какой матери,
Ты на что меня будишь от крепкаго сну богатырскаго,
Аль тебя бьют во чистом поле мурзы-татара поганые,
Аль самому тебе хочется со мной съездить во чисто поле
На дело на ратное, на побоище смертное,
Кто из нас повынесет из чиста поля буйны головы?»
Он тут как порасплакался:
«Ай же старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович!
Я из той земли, из богатой Орды,
Из Корелы богатыя
Есть молодой боярин Дюк Степанович.
А я не на то тебя будил,
Чтобы ехать на дело на ратное:
Что мне ехать в чисто поле,
Когда у тебя на бою смерть не написана?
Мне ехать — только положить своя буйная головушка.
А я на то будил тебя,
Что мне будет надежный товарищ во чистом поле
Повыучить ко всей поездке богатырския».
Старому казаку Илье Муромцу
Его речь прилюбилася:
Вставал он на резвы ноги,
Как брал молодаго боярина за белы руки,
Целовал во уста во сахарния,
Называл меньшиим крестовым братцем.

Тут как два удалых два молодца
Садились за столики дубовыи,
Начали пить зелено вино,
Запивать медами стоялыми,
Закусывать колачиками крупичатыми.
На тую на пору на времячко
Наехал из чиста поля поганое Идолище,
Становил как добра коня ко их шатру,
Ко их шатру белополотняному,
Сам пошел в них шатер белополотняный.
Как приходил в шатер белополотняный,
Русскому Богу не молится,
Им молодцам не клонится,
Не клонит буйныя головы.
Как говорит старый казак Илья Муромец
Поганому Идолищу:
«Ай же ты, поганый Идолище!
Ты садись-ка с нами хлеба кушати,
Пить водочек сладкиих,
Медов стоялыих».
Как говорит поганый Идолище:
«Что мне садиться с вами кушати?
Как у вас одна малая булочка.
Я ем по быку семилетнему к выти,
По белой лебеди на раз закусываю».
Так тут и говорит старый казак Илья Муромец:
«Очень же ты силен есть!»
Говорит поганое Идолище:
«Я силен-то есть:
Проехал я Турецию и Швецию,
Казань и Рязань, и Вострахань,
Не мог себе найти я по плечу поединщика».
И говорит старый казак Илья Муромец:
«Теперь-то ты наехал себе по плечу поединщиков,
Ежели повыедешь с нашего шатра белополотнянаго,
Тогда не найдется тебе больше поединщика.
Ай же поганый Идолище!
Послушай-ка, что я тебе скажу:
Как во славном городе во Муромле,
Во том селе Карачаеве
У родителя у батюшка
Как была кобыла-та обжорлива:
Жрала по возу сена к выти,

По лохани пила варенины;
Жрала, жрала, так ее и треснуло —
Так тебя, удалаго молодца, как не треснет!»
Ему речи не прилюбилися, поганому Идолищу,
Схватил вострой ножище-кинжалище,
Бросил во старого казака Илью Муромца.
Он знал увертки богатырския,
Увернулся от раза великаго,
Скоро скочил он на резвы ноги,
Хватил он шляпу пуховую,
Честнул его шляпой пуховою —
Поганый Идолище пал о матушку сыру землю,
И столько он и жив бывал.
Тут два бра⟨т⟩ца, два крестовые,
Выходили на улушку широкую,
То старый казак Илья Муромец
Брал коня поганаго Идолища,
Чеснул меж очи ясныя своей палицей железною —
Тот конь-то пал на матушку сыру землю
И мертвой лежит.
Тут два бра⟨т⟩ца, два крестовые,
Как садилися на добрых коней,
Поехали ко славному ко городу ко Киеву.
Старой казак Илья Муромец
Припущает на добром коне во всю пору лошадиную,
А молодой боярин на Бурушке своем косматоем
Обскакивал Илью Муромца.
Не доехали до города за три поприща,
Становился старый казак Илья Муромец во чистом поле,
Сам говорит братцу крестовому:
«Поезжай-ка ты, братец, во славный во город во Киев,
Поспеешь ко ранней обеденки воскресенския,
Для тебя солнышко князь стольно-киевский
Станет звать тебя от обедни на почестной пир,
Тебя будет на поезде жаловать
Много бесчетной золотой казной.
А станут ли тебя обижать во городе во Киеве,
Держи-ко ты ко мне весточку во чисто поле,
К моему шатру белополотняному —
Так тогда не обидят больше во городе во Киеве».
Тут поехал молодой боярин Дюк Степанович
Ко славному ко городу ко Киеву.
Он поспел ко ранней обеденки воскресенския,

Приезжал ко церкви ко соборния,
Спускался он со добра коня,
Становил как он добра коня
Ко столбику ко точеному, ко колечку золоченому,
Куда ставят коней сильные могучие богатыри.
Шел в церковь в соборьнюю,
Крест-то сполна кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Клонится во все четыре стороны,
Солнышку князю со княгиней Апраксией в особину.
Тут его не узнал солнышко Владимер-князь:
Не бывал он во городе во Киеве,
Сам говорил таковы слова:
«Скажись-ка ты, добрый молодец,
С коей земли, с коей орды,
Коего отца и какой матушки,
Как тебя, молодца, именем зовут?»
Он отвечал ему таковы слова:
«Я из той земли, из богатой Орды,
Из той Корелы богатыя,
Из славнаго города из Галича,
Молодой боярин Дюк Степанович».
Тут-то у солнышка князя у Владимера
Стоял под рукою под правою
Молодой Чурила сын Пленкович.
Говорил Чурила таковы слова:
«Ай же ты, солнышко князь стольно-киевский!
Это есть не молодой боярин Дюк Степанович,
А это есть пастушина деревенская
Либо холуина господская.
Уехал он от купца либо от барина,
Угнал он добра коня,
А для того он называется добрым боярином,
Чтобы ты для его забрал столованье — почестный пир,
На поезде нажаловал многою бесчетной золотой казной».
Он спросил его и в другой након:
«Ты скажись, добрый молодец,
Ты скажи да правду истинну,
Ты какой земли, ты какой орды,
Как тя, молодца, именем зовут?» —
«Ай же ты, солнышко князь стольно-киевский!
Я из той земли, из богатой Орды,
Из той Корелы богатыя,

Из славнаго города из Галича
Как есть молодой боярин Дюк Степанович».
Опять и говорит Чурила таковы слова:
«Ай же, солнышко Владимер стольно-киевский!
[Действительно] не молодой боярин Дюк Степанович,
Пастушина деревенская или халуина господская.
Уехал он от купца или от барина,
Угнал он добра коня,
И для того он называется молодым боярином,
Чтобы ты для его забрал столованье — почестный пир,
На поезде нажаловал многой несчетной золотой казной».
Он спросил его во третий након:
«Ты скажись, доброй молодец,
Ты какой земли, ты какой орды,
Как тебя, молодца, именем зовут?»
Он опять отвечает ему таковы слова:
«Ай же ты, солнышко князь стольно-киевский!
Что ты стал у меня спрашивать?
Ведь я приехал к вам не для хлеба, не для соли,
Да не для бесчетной золотой казны
И не для честных пиров,
А для того приехал — посмотреть вашего города Киева,
Потому что про ваш город про Киев
Идет слава великая
По всим землям, по всим ордам;
И еще приехал из чиста поля
И поспел ко ранней обедни воскресенския
Господу Богу помолитися,
Тем крестам пречудным,
Спасу, Пречистой Богородице.
Прослужу я молебен тем крестам пречудным
И поеду вон из города из Киева.
Послал меня из чиста поля старой казак Илья Муромец,
То бы я не был и во Киеве».
Тут-то солнышко князь стольно-киевский
Брал его за белы руки,
Целовал во уста во сахарныя,
Называл молодым да боярином Дюком Степановичем.
Столько отошла обедня воскресенская,
Как брал его солнышко князь стольно-киевский за белы руки,
Повел в свои палаты княженецкия,
Приказал добра коня привязать на стойла лошадиныя,
Идут-то они по городу по Киеву

К тем полатам княженецкиим,
Молодой боярин идет — на сапожки поглядывает.
Тут-то говорит Чурила таковы слова:
«[Действительно] есть не молодой боярин Дюк Степанович —
Он идет и на сапожки поглядывает».
Тут-то говорит молодой боярин Дюк Степанович:
«Как у вас во Киеве всё не по-нашему:
Нет мостов-то калёныих,
Мараются мои сапожки сафьяные во грязь да во черную.
Во той земли, в богатой Орды,
Во той Корелы богатыя,
Во славном во городи во Галиче
У свет государыни-матушки,
У честной вдовы Афимьи Александровной,
От Божьих церквей до своих полат белокаменных
Вымощены мосты калёныи,
Настланы сукна одинцовыя».
Тут они прошли в полаты княжецкия,
Тут солнышко Владимер-князь
Забирал для удалаго молодца столованье — почестный пир,
Многих князей и бояринов думныих,
И вельмож, купцов богатыих,
И поляниц удалыих, и росейских могучих богатырей.
Пошло у них столованье — почестный пир.
Как тут все на пиру напивалися,
Как все на пиру наедалися,
Похвальбамы все похвалялися.
Кто чем хвастает, кто чем похваляется:
Иной хвастает бессчетной золотой казной,
Иной хвастает силой-удачей молодецкою,
Иной хвастает добрым конем,
Иной славным отечеством,
Иной молодым молодечеством,
Умной и разумной хвастает
Старым батюшкой и старой матушкой,
А безумной дурак хвастает молодой женой.
Молодой боярин сидит — да ни чем он не хвастает,
Потому он не хвастает,
Что чару пьет, а другу за окошко льет,
Колачик ест, а другой под стол мечет,
А с инаго верхную корочку вырежет, на стол кладет,
Середочку сам он съест,
А нижную корочку под стол кинет.

И увидел его солнышко Владимер-князь:
«Что же ты, молодой Дюк Степанович,
Чару пьешь, другу за окошко льешь,
И колачик ешь, другой под стол мечешь,
С инаго верхную корочку вырежешь, на стол кладешь,
Середочку сам ты съешь,
А нижную корочку под стол мечешь?»
Опять и говорит молодой боярин таковы слова:
«Не могу я есть ваших колачиков,
Не могу я пить ваших напиточек сладкиих,
Потому что ваши напиточки сладкие, меды да стоялые
Повешены в погреба глубокие,
Туда не ходят вольные воздухи —
Они там заткнулися,
Потому и не могу я пить ваших сладких напиточков.
А у вас еще печки кирпичныя, помяльца сосновыя,
Пашут печки кирпичныя,
Пекут колачики крупичаты —
Они пахнут на фою сосновую,
Для того я не могу есть и колачиков.
В той-то земли, во богатой Орды,
Во той Корелы богатыя,
Во славном городе во Галиче
У свет государыни матушки,
У честной вдовы Афимьи Александровной,
Есть у нас печки муравлены,
Помяльчика шелковыя,
Купают в росу медовую,
Пашут печки муравлены,
Пекут колачики крупичатые:
Колачик съешь — другаго хочется,
Другой-то съешь — по третьем душа горит.
Эта хвальба да не похвальба:
Как водочки сладкия, меды стоялые
Повешены в погреба глубокие в бочках-сороковках,
Бочки висят на цепях на железныих,
Туда подведены ветры буйные,
Повеют ветры буйные в чистом поле,
Пойдут как воздухи по погребам,
И загогочут бочки, как лебеди,
Как лебеди на тихих на заводях —
Так от того не затхнутся водочки сладкия
И меды стоялые.

Как чару пьешь — другой хочется,
Другую пьешь — по третьей душа горит».
Тут как говорит солнышко Владимер-князь:
«Ай как бы на это на пору на времячко
Был бы молодой Чурила сын Пленкович,
Он бы знал, что с тобою поговорить!»
Скоро-наскоро двери на пяты отворяются,
Чурило в покои появляется,
Крест-то он кладал по-писаному,
Поклон он ведет по-ученому,
Кланяется на все четыре на стороны,
Князю с княгиней Апраксией в особину,
Протчим всем князьям и боярам думным,
Вельможам и купцам богатыим,
И поляницам удалыим,
И сильным могучим богатырям всем в особину,
А ему не клонит буйныя головы.
Тут говорил боярин Дюк Степанович таковы слова:
«Ай же солнышко Владимер князь столно-киевский!
Это кто пришел к вам в полаты белокаменны —
Настоящая пастушина деревенская
Аль будто пень залисскиий?
Он знал-то Господу Богу покланяться
И тебе, князю, поклонитися,
А мне, удалому заезжему доброму молодцу,
Не клонит буйныя головы!»
Тут с Чурилой пошло слово за слово,
Тут с Чурилой пороссорились.
Говорит молодой боярин Дюк Степанович таковы слова:
«Ай же ты, молодой Чурило сын Пленкович!
Можешь ли ты со мною споровать?
Ты передо мною пастушина деревенская.
В той-то земли, в богатой Орды,
Во той Корелы богатыя,
Во славном городе во Галиче
У свет государыни матушки,
У честной вдовы Афимьи Александровной,
У нас как цветны платья не держатся,
Потому ж оны не держатся,
Что швецы у нас не выводятся:
Та толпа швецов со двора сошла,
А другая толпа швецов на двор пришла.
Это хвальба да не похвальба:

Есть несколько лошадей — стоят на стойлах лошадиных,
Все зоблют пшеницу белоярову,
Толко выскочат на чисто поле прогулятися.
Это хвальба да не похвальба:
Есть насыпано двенадцать погребов, всё глубокиих,
Краснаго золота, чистаго серебра, мелкаго скачнаго жемчуга,
На один я на погреб — на красное на золото —
Скуплю и спродам ваш город Киев».
Тут солнышку-князю речи не прилюбилися:
«Какого нам послать обченщика,
Обценить животы все Дюковы?
Ежели послать смелаго Алёшу Поповича —
У его глаза завидные — поповские,
Заглядятся у него глаза на Дюково именье-богачество,
Так не обценить живота Дюкова;
А ежели послать молода Чурилу сына Пленкова —
Так тот щаплив меж бабами да меж девками,
Так не оценить Дюкова живота.
Надо послать грамотой востраго,
На ричах разумнаго, с гостями почестливаго.
Послать иннаго не кого —
Послать молода Добрыню Никитича!»
И записали молодого Добрыню Никитича обценщиком
Обценивать Дюковых животов.
Как тут навалили три телеги ордынския бумаги гербовыя
И отпускали во город во Галицу молодаго Добрыню Никитича.
Скоро скажется, а по спеху дело деется.
Как скоро будет Добрыня Никитич
Во славном во городе во Галиче
И не знает, где найти Дюковой матушки.
Поглядит как — народ идет от обедни воскресенския,
Он спросил у некоторых людей про Дюкову матушку,
Говорили ему таковы слова:
«А не найти тебе Дюковых полат белокаменных скоро,
А дожидай — идет Дюкова матушка от обедни воскресенския,
То она сама покажет полаты белокаменны».
Он и поглядит: ведут стару старуху, старо-матеру,
Под руку пять девиц и под другую пять девиц.
Он зашел спереду и поздраствовался:
«Здраствуйте, Дюкова матушка!»
Она говорит: «Я не Дюкова матушка,
А я — Дюкова халуйница,
Дюкова матушка назади идет».

Поглядит: а ижно ведут вторую,
Старую старуху, старо-матеру,
Под руку десять девиц
И под другую десять девиц.
Он зашел спереду — поздраствовал:
«Здраствуй, Дюкова матушка!»
Она говорит: «Я не Дюкова матушка,
Дюкова я рукомойница».
Третью ведут старуху, старо-матеру,
Под руку ведет пятнадцать девиц
И под другую ведут пятнадцать девиц.
Он зашел спереду и поздраствовал:
«Здраствуйте, Дюкова матушка!»
Она говорит: «Я не Дюкова матушка,
А Дюкова постельница,
Дюкова матушка позади идет».
Поглядит: а ижно четвертую ведут
Старую старуху, старо-матеру,
Под руку двадцать девиц
И по другую руку двадцать девиц.
Он зашел спереду и поздраствовал:
«Здраствуйте, Дюковая матушка!» —
«Я не Дюкова матушка,
А я Дюкова колашница,
Дюкова матушка позади идет».
Поглядит: а ижно пятую ведут,
Старую старуху, старо-матеру,
Под руку ведут тридцать девиц
И по другую тридцать девиц.
Над ней несут подсолнечник,
Чтобы от краснаго солнца не запеклося ея лицо белое;
Впереди стелют сукна одинцовыя,
Сзади сукна убирают.
У ней надето платье цветное,
На платье подведена луна поднебесная,
Пекет красное солнышко
И светит свител месяц,
Рассыпаются частыя мелкия звездочки.
Он зашел тут спереди и поздраствовал:
«Ты здраствуй, Дюковая матушка!»
Она брала его за белы руки,
Целовала во уста во сахарныя,
Называла его удалым добрам молодцем:

«Здраствуй, удалый добрый молодец!
С коей земли, с коей орды,
Коего отца, какой матушки,
Как тебя, молодца, именем зовут?»
Он говорит: «Я из той земли, из богатой Орды,
Из славнаго города из Киева,
Молодой Добрыня Никитинич.
Я видел твоего сына любезнаго во городе во Киеве,
У солнышка князя у Владимера на честном пиру:
Он хвастал тобою, матушкою,
И несчетной золотой казной.
Так я приехал описывать ваших животов».
Она говорит ему таково слово:
«Ай же, молодой Добрыня Никитинич!
Наших животов тебе не описать и не оценить».
Брала за белы руки,
Повела в полаты белокаменны,
Садила за те столы дубовые, за яства сахарныя,
Подносила ему колачики крупичаты,
Водочки сладкия, меды стоялые.
Он как чару пьет — другой хочется,
Другую пьет — по третьей душа горит,
Колачик ест — другой хочется,
Другой ест — по третьем душа горит.
Она и говорит ему таковы слова:
«Ай же Добрыня Никитинич!
Пора тебе итти мои животы описывать».
Вела она ко первому погребу — к красному золоту,
Приказала золото выкатывать.
Он сдержал три телеги ордынския бумаги гербовыя,
Но не хватило одного погреба описать.
Она повела по другим по остатниим по погребам —
Он столько головой пошатывает.
Повела, где висят платья цветныя, —
Он столько головой пошатывает
И не может применить ума-разума.
Повела, где стоят добры кони, —
Он столько головкой пошатывает.
Как тут он скорым-скоро садился на добра коня,
Ехал ко славному ко городу ко Киеву
Ко славному солнышку князю ко Владимеру,
Приезжал к солнышку князю ко Владимеру
И говорит ему таковы слова:

«Ай же ты, солнышко князь стольно-киевский!
Где нам оценить Дюковы животы?
Как я сдержал три телеги ордынския бумаги гербовыя,
Но не мог оценить одного погреба.
А всех насыпано двенадцать погребов глубокиих;
Сколько висит платья цветнаго,
Сколько стоит добрых коней на стойлах кониных —
Не найти нам оценщиков во славном городе во Киеве
И не найти наполнить бумаги гербовыя
На именьице на Дюково».
И говорит молодой Чурила сын Пленкович:
«Ай же солнышко Владимер князь!
Подкупил Добрынюшку молодой Дюк Степанович».
Говорит молодой Чурила сын Пленкович:
«Когда много у него именья-богачества,
Ударить с ним о велик заклад
О тридцати о тысячах:
Который из нас прощапит ровно три года,
Чтобы были в каждый день платья переменныя и кони переменные,
Чтоб ездить на каждый день к заутрени, к обедни и вечерни».
То говорит молодой Дюк Степанович:
«Извольте, бейте об заклад великиий,
Буду щапить три года по городу по Киеву».
Ударили они о тридцати о тысячах.
И тут молодой боярин Дюк Степанович
Писал к своей матушке письма строгия:
«Ай же свет моя матушка,
Честна вдова Афимья Александровна!
Присылай-ка мне много платья цветнаго,
Чтобы хватило мне на три года щапить во Киеве,
И присылай добрых коней стады-стадами, шерстью разною».
Тут пошло как стады-стадами добрых коней
От города от Галича ко городу ко Киеву,
И пошли многи телеги ордынския платья разнаго,
Пришло всего ко славному ко городу ко Киеву,
К молоду боярину Дюку Степановичу.
Тут-то начал щапить Дюк Степанович
С Чурилой сыном Пленковичем,
И прощапили они ровно три года.
Сгоняли лошадей к Чурилушке
Со всего с города со Киева и с города Чернигова,
И также платье цветное
Сносили с города со Киева и с города Чернигова,

И доставали инны платья из-за синя моря,
И достали славную шубу из-за синя моря.
А у молода боярина у Дюка Степановича
Еще осталось платья цветнаго на три года,
И осталося добрых коней еще на три года, все разные.
Как в остатния обедни воскресенския
Обувал Чурила сын Пленкович сапожки — зелен сафьян,
Пряжечки серебряны на тых гвоздочках позолоченых,
Надевал шубу черных соболей заморскиих,
Во пуговки-то было влито по доброму молодцу,
А в петелки-то было вплетено по красной девушке:
По петелкам как поведет —
Так красны девушки наливают зелена вина
И подносят добрым молодцам,
А по пуговкам поведет —
Добрые молодцы играют в гусли яровчаты,
Розвеселяют красных девушек.
А как молодой боярин Дюк Степанович
Обувал лапотцы семи шелков,
В носы-то вплетено по золотому дорогому гвоздочку шеломчатому,
А в пяты-те вплетено по камешечку самоцветному:
Днем итти — как по красному солнышку,
Ночью итти — как по светлому месяцу.
Надевал он шапочке со рогавками:
У шапочки висят камешечки самоцветные,
От камешечков печет как он краснаго от солнышка.
Надевал как шубу черных соболей,
Черных соболей заморскиих,
Под дорогим под самитом,
Во петелки-то было вплетено по лютой змеи,
Во пуговки-то было влито по лютому зверю:
По петелкам как поведет —
Так все змеи засвищут во всю голову,
По пуговкам как поведет —
Тут все люты зверья закрычат во всю голову,
От их свисту змеинаго и крику зверинаго
Хоть сколько будь народу около Дюка Степановича —
Так все будут на земле лежать.
Как приезжали они ко церкви соборьния,
Спущалися с добрых коней,
Становили добрых коней ко столбику ко точеному,
Ко столбику ко точеному и к колечку золоченому,
Куда ставят добрых коней сильные могучие богатыри.

Шли они во церковь соборную,
Крест-то кладали по-писаному,
Поклон вели по-ученому,
Клонились на все четыре стороны,
Солнышку князю с княгиней в особину.
Становилися против Божьей Матери,
Простояли обедню воскресенскую.
Пошли они вон из церкви из соборныя,
Выходили на улицу широкую.
Солнышко князь стольно-киевский
Брал во праву руку молодаго боярина Дюка Степановича,
Во левую руку Чурилу сына Пленкова,
Пошли они щапить по городу по Киеву.
Молодой Чурила сын Пленкович
Повел как по петелкам —
Красныя девушки начали наливать зелена вина,
Подносить добрым молодцам,
Повел как по пуговкам —
Добрые молодцы начали играть во гусли яровчаты,
Начали свеселять красных девушек.
Говорил как солнышко Владимер князь:
«Ай же молодой боярин Дюк Степанович!
Как хороша у тебя шуба черных соболей,
Только нету у тебя таких хитростей:
Пробил ты денег тридцать тысячей!»
Говорил боярин таковы слова:
«А не дороги мне деньги тридцать тысячей,
А дорога мне слава великая:
Не поддамся я вашему городу Киеву!»
Повел как он по пуговкам —
Все люты зверья закрычали во всю голову,
Как повел он по петелкам —
Все люты змеи засвистали во всю голову,
От свисту да змеинаго и от крыку зверинаго
Много было народа около Дюка Степановича —
Все на зени лежат;
Молодой Чурила на земли лежит,
Князь окаракою стоит,
А молодой боярин Дюк Степанович
На ногах стоит.
Вставал как солнышко князь на резвы ноги,
Говорил он таковы слова:
«Ай же молодой Чурило сын Пленкович!

Мы пробили денег тридцать тысячей:
У нас нету хитростей таких великиих!»
Тут-то молодой боярин Дюк Степанович
И молодой Чурило сын Пленкович поросспорили,
И говорит молодой Чурило сын Пленкович:
«Ай же ты, молодой боярин Дюк Степанович!
Ударим мы о велик заклад,
О велик заклад — о буйных головах:
Котораго конь из нас
Перескочит матушку Непру-реку —
А матушка Непра-река ровно три версты —
А котораго конь не перескочит,
Тому отрубить буйная голова,
А самым сидеть верхом на добрых конях,
Ехать через матушку Непру-реку».
Взяли они — ударили о велик заклад,
О велик заклад — о буйных головах.
На завтрешний им день съезжатися.
Так тут молодой боярин Дюк Степанович
Шел к добру коню на стойла кониныя,
Сам да поросплакался:
«Ай же мой Бурушко косматыий!
Не знаешь ты про мою незгоду великую:
Ежели ты не перескочишь чрез матушку Непру-реку,
Так мне отсекут-то буйну голову,
А матушка Непра-река в ширину-то ровно три версты.
Ежели перескочишь через матушку Непру-реку,
То поеду я искать своего братца крестоваго,
Стараго казака Илью Муромца».
Конь провещал языком человеческим:
«Не плачь ты, любезный хозяин мой,
Молодой боярин Дюк Степанович!
Не то что через матушку Непру-реку —
И что от реки вперед скочу ровно три версты,
Полно плакать молодому-то боярину!»
На другой день как приезжал он ко матушке Непре-реке,
И много тут соезжалось сильных могучих богатырей,
И много иннаго прочаго народу
Смотреть, как будут скакать
Через матушку Непру-реку
Два удалыих добрых молодца.
И приезжал старый казак
Илья Муромец из чиста поля

И здоровкался с молодым боярином,
Молодым боярином, братцем крестовым,
Здоровкался и сам спросил его:
«Ай же молодой боярин Дюк Степанович!
Ты все время проживаешь во Киеве,
Проживаешь за какими-то случаями?» —
«Затем я проживаю,
Что спорю с молодым Чурилой сыном Пленковичем:
Котораго ныне конь не перескочит
Через матушку Непру-реку,
То тому отсечь буйну голову».
И говорил старой казак да Илья Муромец
Молодому Чурилы сыну Пленкову:
«Ай же ты, молодой Чурила сын Пленкович!
Верно, надоела тебе жизнь на сем на белом свету?
Хоть бы не перескочил конь у молода боярина,
У молода боярина у Дюка Степановича,
Через матушку Непру-реку —
Дал ли я вам отсечь буйну голову молодому боярину,
Когда я засматривал ровно три года во каждый день?
Так поезжайте-ка через матушку Непру-реку!»
И говорит молодой Чурило сын Пленкович:
«Поезжай наперед, Дюк Степанович,
Через матушку Непру-реку!»
А говорил молодой боярин Дюк Степанович:
«Ай же молодой Чурило сын Пленкович!
Твой задор зашел наперед:
То тебе-то ехать через матушку Непру-реку!»
И поехал Чурило сын Пленкович,
И конь скочил до полуреки,
На полуреки и плавает.
Разъехался молодой боярин Дюк Степанович,
И конь скочил через матушку Непру-реку,
На один замах от реки скочил ровно три версты.
Взад он разъехался,
Изымал Чурилушку за желты кудри,
Выводил на крутой берег,
Завел отсекать ему буйну голову.
Стали умаливать, упрашивать
Старыя старухи, молодыя молодухи
И красныя девушки
О молодом Чуриле сыне Пленковиче.
И говорит старый казак Илья Муромец:

«Ай же, братец мой крестовыий,
Молодой боярин Дюк Степанович!
Пни его под ж⟨опу⟩,
Пускай шатается меж бабами, меж девками!»
То молодой боярин Дюк Степанович
Пнул его под ж⟨опу⟩:
«Поди — шляйся меж бабами, меж девками,
Не вяжись между нас, между русскими могучими богатырями:
Пусть ты бабий умоленник
И старуший упрашивальник!»
Тут как говорит солнышко князь стольно-киевский:
«Видно, делать нам нечего
С молодым да с боярином с Дюком Степановичем!»
Тут со старым казаком Ильей Муромцем,
Со братцем крестовыим,
Садились на добрых коней,
Поехали ко солнышку ко князю Владимиру,
Во его полаты княженецкия.
Тут-то узнали молодаго боярина
По всим землям, по всим ордам.
Тут-то стал везде поезживать
Со старым казаком Ильей Муромцем,
Со братцем крестовыим.
Дунай, Дунай,
Да боле век не знай!

№ 339

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Из того ли из города из Кориги из богатыя,
Из той ли из Индеи из широкия
Выезжал удалый добрый молодец
По тем ли по мелкиим по заводям
И по тем ли луговьям по зеленыим.
И не наехал богатырь во чистом поле себе супротивника,
Только слышал в далеке-далече чистом поле про Киев-град:
«Киев-град на красы стоит,
На красы стоит да упечечьи,
Во Киеве князь-богач живет».
И думает богатырь своим разумом:
«Не честь-хвала мне молодецкая

Поехати богатырю без того прощенья без материна».
И повернул он Бурушка косматаго
Ко тому ли ко граду ко Галичу
И ко той ли ко Индеи широкия,
И отстоял раннюю заутрину воскресную
Во том ли городе в Кориге богатыя,
Во той ли во Индеи широкия,
И просит у матери прощеньица:
«Свет государыня матушка,
Честна вдова Авдотья Данильевна!
Да-ко ты мне-ка прощеньице,
И да-ко ты мне-ка благословеньице
Мне съездить, богатырю,
Ко славному ко городу ко Киеву
Ко тому ли ко князю ко Владимиру,
И поразъездить мне Бурушка косматаго,
И утешить мысли молодецкия,
Растаскать мне плечи богатырския».
Как видели Дюкушка сядучись,
Не видели удалаго уедучись.
Не белый крыч перелетывает,
А не ясен сокол де препархивает —
Во далече-далече во чистом поле
Едет богатырь повыше дерева жарового,
А пониже облака ходячаго.
Как будет богатырь под городом под Киевом,
И увидел богатырь во чистом поле
Тоненькой новенькой бел шатер.
Спят русские могучие богатыри:
Спит дядюшка Самсон да сын Манойлович,
Спит старый казак да Илья Муромец.
И думает богатырь своим разумом:
«Я проеду русских могучих богатырей,
Им за преку будет за великую,
За досаду будет за немалую.
Я спущусь на матушку на сыру землю,
Я приеду к ним да ко белу шатру».
И сопущается богатырь на сыру землю,
И приезжает он да ко белу шатру,
И сопущается богатырь со добра коня,
И подходит он ко белу шатру,
И сам говорит таково слово:
«Здравствуйте, удалы добры молодцы,

Русские могучие богатыри,
Дядюшка Самсон да сын Манойлович,
Здравствуй, старый казак Илья Муромец!»
Илья Муромец со сна пробуждается
И сам говорит таково слово:
«Здравствуешь, удалый добрый молодец!
Ты коей земли и коей орды,
Тебя как, удалый, именем зовут,
Жалуют тебя да по отечеству?
Есть ли у тебя охота, горит ли душа
Со мной богатырем сборотися?»
И говорит молодой Дюк Степанович:
«Ай же ты, удалый добрый молодец!
Нету с тобой да супротивника
По матушке по святой Руси,
Один у нас богатырь по святой Руси —
Старый казак Илья Муромец,
Некому с тобой да ведь боротися».
Эти речи ему полюбилися:
«Здравствуешь, удалый добрый молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович!
Теперь будешь ты во городе во Киеве,
Там есть русские могучие богатыри:
Чурила щапливый, молодой Добрынюшка Никитинич,
Олёша Попович пустохвастишко —
Не станут ли обижать, сюда весть держи».
Видели Дюкушка сядучись,
А не видели от шатра уедучись.
И будет во городе во Киеве,
У той стены у городовыя,
Не воротами ехал, приворотками,
Прямо чрез стены городовыя,
Чрез тыя башни наугольныя,
Тупым концем воткнул копье во сыру землю,
Шелковый повод на злаченый гвоздь,
И сам говорит таково слово:
«Здравствуйте, царевы приворотники!
Дома ли Владимир-князь стольне-киевский?» —
«Ушел он к ранней к обеденьке».
И пошел молодой Дюк Степанович
Ко той ко церкви ко соборныя,
Почастешеньку на шубоньку поглядывает,
И на свои на сафьянные сапоженьки:

На молодце шуба соболиная,
Того ли то соболя заморскаго,
Заморскаго соболя ушистаго,
Ушистаго соболя пушистаго,
Сапожки на ножках зелен сафьян,
Носы-по-носы шилом, пяты вострые,
Около носов хоть яицом покати,
Под пяту, пяту воробеюшки летят,
Воробеюшки летят, перепархивают.
Пришел он во церковь соборную,
Крест кладет по-писаному,
А поклон ведет по-ученому,
И становился в место небольшее,
По леву руку князя Владимира,
И отстоял раннюю обедню воскресную.
«Ай же ты, Владимир-князь стольне-киевский!
Ты прими меня, удалаго дородня добра молодца,
В свои палаты да белокаменныя».
И говорит Владимир таково слово:
«Ай же ты, удалый добрый молодец!
Ты коей земли, ты коей орды,
Тебя как, удалый, именем зовут?»
Возговорил молодой Дюк Степанович:
«Я есть из города с Кориги из богатыя,
Из той ли из Индеи широкия
Молодой боярин Дюк Степанович».
И возговорит молодой Шатенька, племянник княжеский:
«Ай же ты, любезный дядюшка,
Владимир-князь стольне-киевский!
Не молодой тут боярин Дюк Степанович,
Есть тут удалая скоморошина:
Он угнал у боярина добра коня,
Украл он шубу соболиную,
Унес он сапожки сафьянные».
Пошли из церкви соборныя,
И говорит молодой боярин Дюк Степанович:
«Как у меня во Волынце, городе во Галице,
Во Волынь земле, во богатой Орды,
Во той ли Индеи широкия
У моей-то желанной у родителя у матушки
Как построены были церкви соборныя,
Исподведены звоны колокольные,
И к церквам-то к соборным

Устланы сукна багрянтовыя,
Испосыпаны песками рудо-желтыми,
А у вашего князя Владимира ничего нет».
И подходят к палатам белокаменным:
«Ай же ты, молодой Шатенька!
Как у меня в Волынце-то, в городе во Галице
У моей-то желанной у родителя у матушки
Построены тридцать три терема златоверхие:
И в сени зайдешь во решетчаты,
В други зайдешь частоберчатыя,
А в третьи зайдешь во стекольчатыя;
В теремы зайдешь златоверхие:
На небе солнце, и в тереме солнце,
На небе зори, и в тереме зори,
Все-то в терему по-небесному».
И поддернули под него золот стул,
И поддернули дубовый стол,
И понесли ему напитки пить да колачики есть.
Он вынимал с кармана свой булатний нож,
Верхнюю корочку обрезывает, на стол кладет,
А нижню корочку под стол метет,
А из стакана сверху льет, а середку пьет,
А остатки в стакане оставляет,
Сам говорит таково слово:
«Ай же ты, молодой Шатенька!
Как у меня во Волынце, во городе во Галице,
Во той ли Индеи во широкия
Печка-то была муравленая,
Помельцо-то было шелковое,
Спекут колачики крупивчатые,
Колачик-то съешь, а по другом душа горит,
Горит душа, а третьяго хочется;
А напитки-то также: стаканчик пьешь,
А по другом душа горит,
Горит душа, а третьяго хочется.
У вашего князя Владимира
Верхняя корка пахнет на кору сосновую,
А нижняя пахнет на землю,
И напитки ваши такие же».
На ту пору да на то время
Отворилася дверь дубовая,
Тая ли гридня столовая,
Идет молодой Чурила Пленкович,

Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Поклоняется на все четыре стороны,
Князю Владимиру в особину,
А Дюку Степановичу не поздравствовал.
И возговорил Дюк Степанович таково слово:
«Эта слава шла про Чурилушку Пленковича не ложная,
Что шея у Чурилы, будто белый снег,
Личико у Чурилушки, будто маков цвет,
А эта славушка про Чурила шла ложная,
Что умеет Чурилушка честь отдать и поздравствовать».
Тут завелся у солнышка Владимира почестный пир
На многие князи, на бояре
И на все поленицы удалые.
И все на пиру пьяны и веселы,
И все на пиру да порасхвастались:
Умный хвастает отцом-матерью,
А безумный хвастает молодой женой,
Сидит Дюк Степанович ничем да не хвастает.
И возговорит Владимир стольне-киевский:
«Что же ты, молодой боярин, ничем не похвастаешь?» —
«Разве мне похвастать, Владимир-князь,
Своим городом Коригой богатыим?
Ваш в городе Киеве гостиный ряд продать,
Гербовой бумаги купить, а моего живота не описать».
И наклали бумаги три воза,
И посылают Алёшу Поповича
Описать имение Дюка Степановича.
И говорит Дюк Степанович таково слово:
«Не посылайте вы Алёшу Поповича,
Поповски глаза завидливы, на мой живот обзарятся,
Вы пошлите Добрыню Никитича».
И будет Добрынюшка во городе Кориге богатыя,
Во той ли во Индеи широкия
Стоит тридцать три терема,
Вершки свивают в одно место.
И приходит в терема златоверхие,
Увидал там женщину в злате и серебре,
Сам говорит таково слово:
«Здравствуй, Дюкова матушка!» —
«Я не Дюкова матушка,
Я есть Дюкова коровница».
Приходит он в другой терем,

Увидал женщину в злате и серебре:
«Здравствуй, Дюкова матушка!»
Она ему говорит таково слово:
«Я не Дюкова матушка,
Я на Дюка хлебы пеку».
И увидал третью женщину и поздравствовал.
Она ему говорит таково слово:
«Я не Дюкова матушка,
Я есть Дюкова наложница».
И стал Добрынюшка спрашивать:
«Где Дюкова матушка?» —
«А Дюкова матушка к обедне ушла,
А постой у церкви у соборныя:
Пойдет двадцать человек лопатников,
Пойдет двадцать человек метельников,
Пойдет двадцать человек, станут сукна стлать
И поведут из церкви Дюкова матушку».
Пошли из церкви двадцать человек лопатников,
Пошли двадцать человек метельников,
Пошли двадцать человек, стали сукна стлать
И повели из церкви из соборныя Дюкову матушку.
И подошел Добрынюшка Никитич поблизехонько:
«Здравствуешь, Дюкова матушка!»
И говорит Дюкова матушка:
«Здравствуешь, удалый добрый молодец!
И где моего Дюка Степановича видел?» —
«Твой Дюк Степанович во городе во Киеве,
Похвастал животом на честном пиру.
Послали меня вашего живота описывать».
И брала его за ручки за белыя,
Вела в терема златоверхие.
И поддернули под него золот стул,
И поддернули дубовый стол,
И принесли ему колачики есть,
Он колачик съел, а по другом душа горит,
А третьяго хочется;
И принесли напитки пить,
Он стаканчик пьет, по другом душа горит,
А третьяго хочется.
И повела его живота казать,
Стала погреба отворять:
И в погребах висят бочки на цепях
Красна золота да чиста серебра,

Как белы лебеди гычут.
Не то Добрынюшке описать,
Ума решился, глядя на Дюков живот.
И в этих тридцати трех теремах
У каждого окна сидят счетчики, казну сводят,
Друг про дружку не знают,
Кто сколько казны свел.
И поехал Добрынюшка назад во Киев-град.

№ 340

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Из Волынца города из Галича,
Из тоя Корелы из богатыя
Снаряжается, убирается
Молодой боярский сын, Дюк Степанович:
«Свет государыня матушка,
Дай-ко ты прощенье и благословленьице
Ехать ко городу Киеву
Ко ласковому князю Владимиру.
Скажут — Киев-град на горы стоит,
А Владимир-князь ласков есть,
На приезди добрых молодцев чествует,
А на поизди дарит несчетной золотой казной».
И поехал после заутрини Христовския,
А приезжает ко обидни Христовския
Во Киев-град, на широк двор,
И привязыват своево добра коня
Ко столбу точеному
И к кольцу золоченому.
И приходит во Божью церковь —
Он крёст-то кладет по-писаному,
Поклон-то веде по-ученому.
Он кланяется-поклоняется
На все четыре стороны,
Князю Владимиру в ⟨о⟩собину:
«Здравствуй, солнышко Владимир стольно-киевский!» —
«Ты отколь, удал дородней добрый молодец,
Тебя как именём зовут
И как величают по отечеству?» —
«Я есть из Волынца города, из Галича,

Из тоя Корелы из богатыя
Молодой боярин, боярский сын Дюк Степанович». —
«Пожалуй-ко, молодой боярин,
Боярской сын Дюк Степанович,
Ко мне хлеба-соли кушати!»
Приходит во гридню-палату белокаменну,
Он крёст-то кладе по-писаному,
Поклон ведё по-ученому.
Он кланяется, поклоняется
На все на четыре-то стороны:
«Здравствуй, княгина Апраксия!» —
«Ты поди-ко, удал дородний добрый молодец,
Ты коей земли, коей орды,
Как тебя именём зовут,
Как величают по отечеству?» —
«Я есть из Волынца города, из Галича,
Из тоя Корелы из богатыя
Молодой боярин, боярской сын Дюк Степанович». —
«Садись-ко ты, Дюк Степанович,
Хлеба-соли кушати».
Все сили князи и бояри
Хлеба-соли кушати,
И взял молодой боярин, Дюк Степанович
Колачик крупивчатой,
И увидал молодой боярин Дюк Степанович
Под колачиком сосновую иголочку.
«Здесь-то, — говорит, — видно помелча сосновыи,
А как у моёй-то́ родители-матушки
Помялча-то шелковыи».
И говорит Олёша Попович:
«Этоё, дядюшка, детинище-обманище,
У боярина уехал, коня угнал».
И говорит тут Чурила Щапоплёнкович:
«Что ты приехал, детинище-обманище,
Своим животом хвастаешь,
Да своей родитель-матушкой?
Ударим со мной о велик заклад на три года:
Чтобы в каждый день носить платья переменныи».
И ударили они о велик заклад —
В каждый день носить платья переменныи,
Щеголять во Киеве во городе.
И по Чурилы Щапоплёнкове
Ручается весь Киев-град,

А по Дюке Степановиче
Нехто́ не ручается,
Только ручается старый казак Илья Муромец,
Да молодой Добрыня Никитинец.
И посылает молодой князь
Владимир стольно-киевской
Дюковы именья описывать,
И посылат Добрыню Микитинца:
«Поезжай, Добрыня Микитинец
И опиши именье Дюково,
И прикажи привести щеголять Дюку Степановичу
Платья переменныи на три года́,
Каждой день переменять».
И поезжат Добрыня Микитинец
Ко Волынцу городу, Галичу,
Ко той Корелы да богатыя.
И приезжат Добрыня Никитинец
Ко Дюку ко Степанову на широк двор,
И привязыват своево коня доброва
Ко столбу точеному
И к кольцу золоченому.
Идет в палату белокаменну —
Встретилась ему Дюкова портомойница.
И говорит Добрыня Микитинец:
«Здравствуй, Дюкова матушка!» —
«Да нет, — говорит, — я не Дюкова матушка,
А Дюкова портомойница».
Опять встречается ему Дюкова постельница.
И говорит Добрыня Микитинец:
«Здравствуй, Дюкова матушка!» —
«Я не Дюкова матушка,
А Дюкова постельница».
Еще походит Добрыня Микитинец,
Встречается ему Дюкова стольница.
«Здравствуй, Дюкова матушка!» —
«Я не Дюкова матушка,
А Дюкова стольница».
И приходит Добрыня Микитинец
Во гридни столовыи,
Он крёст-то кладё по-писаному,
Поклон-то ведё по-ученому,
Кланяется-поклоняется
На все на четыре стороны:

«Здравствуй-ко, Дюкова матушка!» —
«Ты поди-ко, удал да дородний добрый молодец,
Ты откуль едешь,
Откуль путь держишь?» —
«Я от города от Киева,
От ласкова князя от Владимира.
Твой-то молодой Дюк Степанович
Ударил о велик заклад
С Чурилой Щапоплёнковым —
На три года в каждой день
Носить платья переменныи,
И захвастался он своим богачеством несчетныим.
И приказал мне князь
Владимир стольно-киевской
Описать ваше имение».
И говорит тут Дюкова матушка:
«Ай вы, верныи мои служаночки,
Возмите-тко коромыселко железное
И положите-тко на коромыселко золоты ключи,
И ведите-тко Добрыню Микитинца
Во погребы глубокии,
Покажите Дюково имение».
И прошел Добрыня Микитинец
По погребам глубокиим,
И написал он три строчки злаченыих:
«Три года жить — имения описывать,
Да не описать Дюкова имения».
И приказал Дюковой матушки
Везти Дюку платья переменныи
Ко Киеву ко городу.
И привезли платья переменныи
Во Киев-град, и стали щеголять
Со Чурилой Щапоплёнковым,
И в каждый день все платья лучше
У Дюки Степанова.
И прошло того времени три года,
И сошили они платья Христовския —
Идти ко заутрини Христовския.
И отходят они от заутрини Христовския,
И глядит князь Владимир стольно-киевской
На платья на Чурилины,
И говорит Владимир-князь:
«Ну, Чурила Щапоплёнкович,

Платья были у Дюка Степановича лучше твоих,
А топерь ты перещеголял Дюка Степанова —
Платья твои лучше Дюки Степанова».
И поглядит на платья на Дюковы,
И говорит Владимир стольно-киевской.
И повел Дюк Степанович
По своим по пуговкам золоченым.
На пуговках были написаны змеи лютыи,
И засвистали змеи лютыи
На тех пуговках злаченых.
И говорит князь Владимир стольно-киевской:
«Нечево бы тебе, Чурила Щапоплёнкович,
Соваться и бить с Дюком о велик заклад:
В каждой день тебя
Дюк Степанович перещеголивал».
Это Чурилы пришло не по сердцу,
И говорит Чурила Щапоплёнкович:
«Ударим-ко еще о велик заклад —
Перескочить на конях на добрыих
Через Днепру через широкую
О своих головах-то о буйныих.
Которой перескочит —
Тот удал дородней доброй молодец,
А кто не перескочит —
Отсечь тому буйная голова.
Будет ходить по белу свету, шататися
И хвастаться своей удачей молодецкою».
И поехал Дюк Степанович
Через Днепру через широкую
На своем на кони доброем,
И перескочил его конь доброй
Через Днепру через широкую.
И поехал вслед Чурила Щапоплёнкович:
Упогруз его конь доброй
Осередь Днепры широкия
С Чурилой Щапоплёнковым.
И видит Дюк Степанович,
Что потонет Чурила Щапоплёнкович
Осередь Днепры широкия.
И скочил Дюк Степанович
Назад через Днепру через широкую
И вытащил Чурилу со добрым конем.
И говорит Дюк Степанович:

«Теперь надо отсичь тебе буйна го́лова».
И стали Дюка опрашивать всем Киевом.
«Ну пусть ты, Чурила Щапоплёнкович,
Упрошен всем Киевом.
Я тебе по белу свету второй батюшко».

№ 341

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Говорил молодой боярин Дюк Степанович:
«Ай же, свет-государыня матушка!
По всем землям было хожено
И по всем землям было еждяно,
Во стольном городе не бывано,
Солнышка Владимира-князя не видано.
Поеду я во стольный Киев-град
Ко солнышку ко князю Владимиру на почестный пир».
И говорит его свет-государыня матушка:
«Ай же ты, чадо мое милое,
Молодой боярин Дюк Степанович!
Не едь-то ты во Киев-град:
Либо там тебя не учествуют,
Либо место тебе будет не по отчины,
Либо там тебеества не полюбятся».
Говорит боярин Дюк Степанович:
«Званому гостю много чести надо,
А незваному гостю как Бог пошлет». —
«Поедешь, мое чадо милое,
Молодой боярин Дюк Степанович,
Не захвастывай своима животами сиротскима».
И тут-то молодой боярин Дюк Степанович
Заседлывал добра коня седёлышком черкацкиим
И подтягивал двенадцатью подпругами шелковыма,
И надевал-то он шубу соболиную,
По подольчику простроченну в три строчики:
Первая строчика с чистым серебром,
Другая-то со красным золотом,
И третия с скатным жемчугом.
И кладывал шапку черно-мурманку:
Спереду не видать ясных очей
И сзаду не видать шеи белыя.

И тут молодой боярин Дюк Степанович
Садился на добра коня
И приеждяет в столен Киев-град
Ко солнышку ко князю ко Владимиру.
И стретил его Владимир-князь,
Взимал его за белы руки,
Садил его за дубовый стол на место на большее.
И сидят-то за столом за дубовыим.
Стал он колачиком закусывать,
И верхную корочку на стол кладет,
А нижнюю под стол кидает.
Аж же сказал таковы слова:
«Все-то у вас не по-нашему —
Сверху пахнут на фою сосновую,
А снизу на глину на кирпичную.
Как у нас во Кареле во богатыя
У моей-то свет-государыни матушки
Печены колачики на листочиках капустныих,
А сверху помачивают помялкой шелковой, в меду настоинной:
Да не пахнут колачики на фою сосновую,
Снизу на глину на кирпичную».
Тут сидит Чурила Щапленкович
И сам говорит таковы слова:
«Есть не молодой боярин Дюк Степанович,
Есть-то халуина боярская:
От боярина уехал — коня угнал,
Угнал коня и шубу унес».
Тут Дюку Степановичу во преку пришло
За ту досаду за великую.
Тут-то бились с Чурилой о велик заклад.
По Чурилы ручаются городом Киевом,
А другим городом Черниговым,
А по Дюке ручался солнышко Владимир-князь.
И говорит молодой боярин Дюк Степанович:
«Посылай своих слуг в Корелу богатую
Моих животов описывать».
И написал ерлык скорописчатый
Своей свет-государыне матушке.
Приеждяют к его матушке,
Ея дома не случилося:
Она в церкви Господу Богу молится.
И тут идет Дюкова матушка из Божьей церкви,
И подавают ей ерлычек скорописчатый.

Тут она повела в покои высокие,
И садила она их за дубовый стол,
Кормила она досыта
И поила их допьяна.
И повела по кладовым имение показывать,
И еще повела во погреба глубокие:
Там висят бочки-сороковки
Со златом и серебром и со скатным жемчугом,
И трубы выведены во сине море,
Чтобы оттуль ветерок веял,
И оне шатались на цепях, не плеснели,
Как тыя бочки зашатают,
Так как белыя лебеди загогочут.
И говорит она таковы слова:
«Если продать имение Чурилино,
То не хватит денег и за бумаги заплатить». —
«Поедем так домой:
Нам этого всего имения не описать».
Приежджяют назад в Киев-град
И говорят солнышку князю Владимиру:
«Продать все имение Чурилино,
Не хватит денег на бумагу».
Чурила Пленкович опять ударил о велик заклад:
«Каждый день выеждять нам на конях сменныих,
И чтобы платья были в каждый день сменныя».
Тут Чурила Щапленкович
Выеждяет каждый день на конях сменныих
И каждый день в платье сменноем.
А молодой боярин Дюк Степанович
У него развертывается один конь разными шерстями,
И шуба у него сегодня одного цвета,
А завтра у него другого цвета.
В последний день Чурила одел шубу соболью:
В пуговках вплетены добрые молодцы,
В петелках красныя девушки.
А у молодца боярина Дюка Степановича
В пуговках-то — звери лютые,
В петелках-то — змеи лютыя.
И тут Чурила не мог перещапить Дюка Степановича.
И тут они били во велик заклад:
Ехать чрез реку Непру.
И собирались ту к реке с города Киева
И с другаго города Чернигова.

Как поедут чрез реку Непру,
Приеждяет солнышко Владимир-князь.
Говорит Чурила Щапленкович:
«Поеждяй, Дюк Степанович, чрез реку Непру»,
А он ему наместо говорит:
«Не мне ехать, а тебе наперед —
Твоя похвала наперед зашла».
И приправил Чурила добра коня —
Конь скочил до полреки,
И понесло вниз с конем по реке.
А молодой боярин Дюк Степанович,
Чтоб не утонул Чурила Щапленкович,
Приправил своего добра коня —
Конь скочил через реку,
И он поимал Чурила за волосы
И перенес на другую сторону,
И назад скочил через реку.
И тут просили его городами Киевом и Черниговом простить.
Дюк Степанович пнул его под ⟨жопу⟩,
Сам говорил таковы слова:
«Щапи между девками, бабами и старыми старухами,
А с нами, молодцами, никогда не щапи».

№ 342

ДЮК

А во той было Индеюшки богатый,
Да во той было Корелы во проклятыи
А был молодой боярин Дюк Степанович.
А севодня день да был суботнии,
Он ходил-гулял да по всим заводям,
Он стрелял гусей да там же лебедей.
Сдумал ехать он было во Киев-град,
А севодня день, братцы, суботнии,
Завтра нам идти да ко Божьёй церквы.
Он ставае тут по утрышку ранешенько,
Отправляется он да к Божьёй церквы.
Он стоял же там великодённую заутреню,
Здумал ехать тут же он во Киев-град,
А приходит ко родители ко матушке,
А к честной вдовы Мамельфы Тимофеевны,

Он от той великодённыи заутрени:
«Ты родитель моя матушка,
Ты честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
Дай прощенье с благословленьицом
Ехать к стольнёму ко городу ко Киеву
А ко ласковому князю ко Владимиру
Посмотрить же мне-ка Киев-град.
Скажут: Киев-град в чести, в добри».
Матушка ему да испроговорит,
А честна вдова Мамельфа Тимофеевна:
«Ай рожоно мое дитятко,
Молодой боярин Дюк Степанович!
Ай окольною дорожкой туды дальнею
А гоньци гоняют по три месяца,
С коня на конь, с лошади тут на лошадь.
Пройде времени в дороги да три месяца.
А прямой дорожкой, не окольнею,
Е три заставы великии:
Перва застава великая —
Что ли горушки толкучии,
Как ростолнутся да горы, вместо столнутся —
Тут ти, Дюку, не проехати,
Молодому живу не бывать.
Друга застава великая —
Что ли птичушки клевучии,
А росправя птици крыльица
Тут ти, Дюку, не проехати,
Молодому живу не бывать.
Третья застава великая —
А лежит Змея проклятая,
О двенадцати Змея о хоботах,
А росправит Змея хоботы —
Тут ти, Дюку, не проехати,
Молодому живу не бывать».
Испроговорит баярин Дюк Степанович
А родители тут матушки,
А честной вдовы Мамельфы Тимофеевны:
«Ты родитель моя матушка.
Честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
Дай прощеньицо с благословленьицем
Ехать к стольному ко городу ко Киеву
Ай ко ласковому князю ко Владимиру:
Дашь прощеньице с благословленьицем — поеду ли,

Хоть не дашь прощеньица с благословленьицем —
Все равно поеду я!»
Дала тут прощенье с благословеньицем
Ехать к стольному ка городу ко Киеву
Ай ко ласковому князю ко Владимиру.
Он кормил коня пшеною белояровой,
Поил питьями медвяныма,
Он седлает тут добра коня,
Кладывае он же потнички на потнички,
А на потнички да кладе войлочки,
А на войлочки черкальское седёлышко.
Он подтягиват двенадцать тугих подпругов,
А тринадцатый-тот клал для-ради крепости,
Чтобы в чистом поли добрый конь до с-под седла не выскочил,
Добра молодца в чистом поли не выронил.
Провожает-то его да родна матушка,
Та было Мамельфа Тимофеевна,
А сама ему наказыват:
«А рожоно мое дитятко,
Молодой боярин Дюк Степанович!
Ты не хвастай-ко своим большим именем,
Не быдь-ко ты, рожоное, захвастливо,
Так не будешь ты, рожоное, захвачено».
Роспростиласи да воротиласи.
Видли добра молодца-то сядучи,
А не видли тут удалаго поедучи.
С горы на гору да с холмы на холму
Взял он реки, озера перескакивать,
Широки раздолья промеж ног пущать.
К первой заставы прискакивал —
А ростолнутся-то горы, вместо столнутся.
Тыи горушка растолнулись,
Не поспели вместо столнуться —
Его Бурушко проскакивал,
Его маленький провертывал.
С горы на гору да с холмы на холму
К другой заставы прискакивал.
Не поспели птици крыльицов расправити —
Его Бурушка проскакивал,
Его маленький провертывал.
С горы на гору да с холмы на холму
Реки-ты, озера перескакивал,
Широки раздолья промеж ног пущал.

К третьей заставы прискакивал.
Не поспела Змея хоботов расправити —
Его Бурушко проскакивал,
Его маленький провертывал.
С горы на гору да с холмы на холму
Реки взял, озера перескакивал,
Широки раздолья промеж ног пущал,
Он ко городу ко Киеву прискакивал.
Приезжае что ли к солнышку к Владимиру,
А ко князю стольне-киевску.
Привязал же он добра коня
У того столба да у точенаго,
У того кольца да золоченаго.
Ай заходит он в полаты белокаменны.
Крест кладет да по-писаному,
А поклон ведет да по-ученому,
Бьет челом да поклоняется
А на всих же на четыре стороны,
Князю со княгиною в особину.
«Здравствуй, солнышко Владимир стольно-киевский
Со своей было княгиною Апраксией!»
Говорил ему Владимир стольно-киевский:
«Уж ты здравствуешь, удалый добрый молодец!
Ты откудова, удалый добрый молодец,
И как тебя зовут нуньчу по именки,
Нарекают по отечеству?» —
«Я из той же нунь Индеи да богатою,
А из той было Корелы я проклятою
Молодой боярин Дюк Степанович». —
«А давно ли ты, боярин, да повыехал?» —
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевской!
Дома я стоял же там заутренку,
А сюды поспел же я нунь ко обеденке,
А вот было во Киев-град».
А справляется тут солнышко к обедне
С тым же молодым боярином,
С Дюком нунь Степановым.
А пошли оны по уличкам,
Пали дождички великии,
Сделали тут улички да грязныи.
Шел же молодой боярин Дюк Степанович,
Измарал же он сапожки да зелен сафьян.
Тут приходит да боярин ко обеденки,

На сапожки тут боярин да поглядывает:
«А сказали было: Киев-град в чести, в добри,
Ай же в Киеви да не по-нашему,
Постланы мосты да все кирпичныи,
Сыпаны пески да рудо-желтыи.
Пали дождики великие,
Измочили тут пески да рудо-желтыи,
Измарал-то я сапожки да зелен сафьян!
А у нас было в Индеи во богатыи,
А у нас было в Корелы во проклятыи
Все же стланы мостики дубовыи,
Поверху было да сукна одинцовыи».
А стоит же Чурилушка сын Пленкович,
Говорил же тут Чурила сын же Пленкович:
«Ай же ты, мужик да деревенщина,
А пустыим ты, мужик, да нуньчу хвастаешь!
Ты убил купця либо боярина,
Снял же тут сапожки да зелен сафьян,
Сам же ты сапожков, знать, не держивал,
Все же на сапожки ты поглядывашь.
А ударим-ко, боярин, во велик залог:
Ездить-то же нам да е по три годы,
А по три годы-то нам же ездить, по три дни —
В каждый день да платьица-ты сменныи,
Чтобы конюшки у нас да были сменныи!»
Молодой боярин Дюк Степанович
Бил же тут с Чурилой о велик залог:
«Ездить им же нунь по три года,
А по три года-то нам же ездить, по три дни,
А который же из нас лучше да повыступит,
Другому из нас да голова рубить».
А по Чурилушки по Плёнкови
А ручались Киевом, Черниговом,
А по том было по Дюке по Степанове
Да ручался один отче да черниговский,
А крестовой его батюшка:
«Ездить-то им да по три года,
А по три года-то им же ездить, по три дни,
А который же из них лучше да повыступит,
Другому из них да голова рубить».
Тут выходят из великодённыя обеденки.
Молодой боярин Дюк Степанович
Прошел к солнышку Владимиру,

Ай ко князю стольне-киевскому,
Тут прошел да хлеба кушати
А во тыи гридни во столовыи.
Тут садились за столики дубовыи,
Приносили тут колачики крупивчаты
Что ли Дюку да Степанову.
Стал же он калачиков тут кушати,
Мякишок-тот ест да корочку под стол мечет.
А сказали: «Киев-град в чести, в добри,
А все в Киеви да не по-нашему.
Этыи колачики крупивчаты
Пахнут-то на глинушку дожжовую,
А на то же на помялушко сосновое.
У моей было родители у матушки
Есть же печки там муравлены,
Там помялушка шелковыи,
А не пахнут там колачики на глину на дожжовую,
А колачик съешь — другова хочется,
Другой съешь — третей с ума не йдет!»
Вон исходит э-за столов да ⟨з⟩-за дубовыих,
Крест кладет да по-писаному,
А поклон ведет да по-ученому:
«Благодарствуешь, Владимир стольне-киевской,
За твои было калачики крупивчаты!»
Молодой боярин Дюк Степанович
Стал справляться во Индеюшку,
А во ту было Индею во богатую,
А во ту было Корелу во проклятую.
Не спустили тут боярина
Ехать в ту было Индею во богатую,
А во ту было Корелу во проклятую.
Тут садился да боярин на ременчат стул,
Пише ёрлуки да скорописчаты,
Кладывае он же в сумки перемётныи,
Отпускае он добра коня
С тыма сумкамы да перемётныи
Ко своей было к родители ко матушки,
Ко честной было Мамельфы Тимофеевны:
«Ай родитель моя матушка,
Ты честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
Посылай-ко ты мне-ка-ва нынь платьицов
А на три годы пошли да ты же на три дни,
В каждый день на платьица-ты сменныи;

Ты пошли-ко злата-серебра,
Ты пошли-ко мне на три годы,
Ты на три годы пошли да на три дни,
А не спустя меня съездить во Индеюшку,
А во ту было во Индею во богатую,
А во ту было в Корелу во проклятую.
Я ударил нуньчу зде-ка о велик залог,
Я похвастал, знать, Индеей да богатою,
Да похвастал я Корелой да проклятою:
У нас было во Индеи во богатыи
А стоят у нас полаты белокаменны,
Что ли столбики у нас да там точеныи,
Крышки там у нас да золоченыи.
А за то же я захвачен, Дюк Степанович».
Отправляет тут боярин Дюк Степанович,
Отправляет тут добра коня
Ко родители ко матушки,
А к честной вдове Мамельфы Тимофеевной.
Стал же его Бурушко поскакивать
С горы на гору да с холмы на холму,
Взял же реки-ты, озера перескакивать,
Широки раздолья промеж ног пущать.
К первой заставы прискакивал.
Не успела Змея хоботы росправити —
Тую заставу проскакивал,
К другой заставе прискакивал.
Не успели птицы крыльицов расправити —
Тую заставу проскакивал.
К третьей заставе прискакивал.
Не успели горы вместо столкнуться —
Тую заставу проскакивал,
Ко Индеюшки прискакивал,
Середи двора да ставился,
Заржал лошадиным тут ясаком.
Услыхала тут Мамельфа Тимофеевна,
Тут взглянула во косевчато окошечко,
Увидала тут боярина добра коня:
«Видно, тут рожовое убитоё!»
Выбегала тут на широк двор,
Увидала она сумки переметные,
Брала она сумки переметные,
Выносила сумки переметные,
Роспечатывают тут ёрлуки да скорописчатые,

Сама же тут да испроговорит:
«Видно, тут рожоное захвастливо,
Там мое рожоное захвачено».
Собирала тут служанок своих верныих,
Отправляе ёму платьицев на три годы,
А на три годы да на три дни,
В каждый день да трожды днём
Ему платьица-ты сменныи.
Отпускае еще злата ёму, серебра,
А на три годы да на три дни,
Чтоб хватило да боярину
Дюку да Степанову.
Пише ёрлычки да скорописчаты
Молоду боярину а Дюку да Степанову:
«Да не хватит буде злата-серебра,
А ко мни да ведом посылайте-тко».
Рыла она сумки переметныи,
Отправляла тут его добра коня
К молодому боярину а к Дюку да Степанову
Тут было во Киев-град.
Ай пошел же его Бурушко поскакивать
С горы на гору да с холмы на холму,
Взял же реки-ты озера перескакивать,
Широки раздолья промеж ног пущать.
К первой заставы прискакивал.
Не успела Змея хоботы расправити —
Тую заставу проскакивал,
К другой заставы прискакивал.
Не успели птицы крыльицов росправити —
Тую заставу проскакивал.
К третьей заставы прискакивал.
Не успели горы вместо столкнуться —
Тую заставу проскакивал.
Тут ко городу ко Киеву прискакивал,
Он приносит было сумки переметныи
Молодому боярину а Дюку да Степанову,
А привозит ёму цветныи да платьица,
Он на три годы привозит, на три годы.
На три годы да на три дни.
Вси Киевом платьицев ужахнулись.
Стали выбирать оны обценщиков
А во ту было Индею во богатую:
Молода Добрынюшку Никитича,

В-других, тут Михайлу Потыка Иванова.
А в-третьих, Олёшенку Поповича.
Говорит же тут боярин Дюк Степанович:
«Ах ты, солнышко Владимир стольне-киевской!
Вы не посылайте-тко Олёшенки Поповича
А во ту было Индею во богатую
Наших животов обценивать.
Наши животы сиротскии,
Его глазурушка поповскии,
Его глазушка озарятся,
А не вытти ввек с Индеюшки.
Вы пошлите-тко казака Илью Муромца,
Молода Добрынюшку Никитича,
В-третьих, Михайлу Потыка Иванова,
А трех русских могучиих богатырей,
А не век же им там животы обценивать:
Не какие наши животы, сиротскии».
А отправились богатыри,
А отправились в Индею во богатую,
А во ту было в Корелу во проклятую
Дюковыих животов обценивать.
Стал же тут боярин Дюк Степанович
Стал же со Чурилушкой поезживать.
В каждый день Чурилушкой да конюшки-ты сменныи
Наставляют ёму Киевом.
А молодой боярин Дюк Степанович
На росы Бурка да перекатыват.
Шерсть же на Бурки да переменится,
В кажный день-то шерсть да на ем сменная.
Одевае в кажный день-то платьица он сменныи,
Да не то боярин и по трожды в день.
Стали ездить со Чурилой было Плёнковым
А гулять да во чистом поли.
А пошли туды да русьскии могучии богатыри
А во ту было Индею во богатую
Его живота обценивать,
Старыи казак да Илья Муромеца,
Молодой Добрынюшка Никитинич,
Михайло Потык сын Иванович,
Коротали тут в дороге да три месяца.
А подходят под Индею под богатую,
А под ту было Корелушку проклятую.
Усмотрели тут Индею да богатую,

Усмотрели тут Корелу да проклятую:
«Вся Индея что ли нас да перепаласи,
Вся Индея вдруг да загореласи?»
А подходят под Индею под богатую,
А подходят под Корелу под проклятую,
Думали, Индея перепаласи,
Ажно их Индея не спугаласи,
Вся Индея тут стоит да у них в золоти,
Ай полаты тут у них да белокаменны,
Столбики у них были точеныи,
Крышки-то у них да золоченыи.
Выходят тут оны да среди города
А к той было Мамельфы Тимофеевны,
К ей же нунь полатам белокаменным.
Тут идут же от обедни жены старо-матеры.
«Уж вы здравствуйте, артель да жоны старо-матеры!
Отвечают им же жоны старо-матеры:
«Вы откуда, добры молодцы?»
Отвечают им удалы добры молодцы,
Святорусскии богатыри:
«Есть мы города нунь Киева
Ай от ласкаваго князя от Владимира,
Ай обценщики же Дюковыих животам,
Мы пришли обценивать да Дюковыих животов.
Есть ли этта Дюкова матушка?» —
«Нету этта Дюковьи матушки,
Этта Дюковы коровницы».
А приходит тут артель да их же другая:
«Здравствуйте вы, жоны старо-матеры!
Есть ли этта Дюковая матушка?»
Отвечают тут же жоны старо-матеры:
«Нету этта Дюковыи матушки,
Этта Дюковы да портмойницы».
А идет же тут артель да было третья:
«Здравствуйте вы, жоны старо-матеры!
Есть ли этто Дюковая матушка?» —
«Нету этто Дюковыи матушки,
Этта Дюковы постельницы».
А идет же тут артель четвертая:
«Здравствуйте, вы жоны старо-матеры!
Есть ли этта Дюковая матушка?» —
«Нету этта Дюковыи матушки,
Этта Дюковы колачницы».

А идет тут артель пятая:
«Здравствуйте, вы жоны старо-матеры!
Есть ли этто Дюковая матушка?»
«Нету этто Дюковыи матушки,
Этта Дюковы да горничны».
А идет же тут артель да шостая,
Тут идет жена да старо-матера,
Вся она идет да было в золоти:
«Здравствуйте вы, жоны сторо-матеры!
Есть ли этто Дюковая матушка?»
Говорят тут жоны старо-матеры:
«Есть же этта Дюковая матушка».
Тут выходит Дюковая матушка,
А честна вдова Мамельфа Тимофеевна:
«А вы здравствуйте, удалы добры молодцы!
Вы коей земли, коей орды,
Как вас именём зовут,
Как вас нарекают по отечеству?» —
«А есть же мы тут города с Киева
Ай от ласкового князя от Владимира
Посланы у Дюка у Степанова
Своих животов общенивать.
Я есть старыи казак да Илья Муромец,
Другой — молодой Добрынюшка сын Никитинич,
В-третьиих, Михайло Потык сын Иванович». —
«Ай удалы добры молодцы,
Святорусскии богатыри,
Уж ты, старыи казак да Илья Муромец,
Уж ты, молодый Добрынюшка Никитинич,
А Михайло Потык сын Иванович!
А подите к нам да хлеба-соли нуньчу кушати,
Белою лебедушки порушати.
Некакие наши животы сиротские,
Наши животы бобыльскии,
А недолго пройде животы общенивать».
Отправлялиси богатыри
Ай во ты было полаты белокаменны,
К той было Мамельфы Тимофеевны,
Тут же хлеба кушати.
Тут приходят да во гридни во столовыи,
Крест кладут да по-писаному
И поклон ведут да по-ученому,
Бьют челом да поклоняются

На все на четыре стороны,
Ей, Мамельфы, да в особину.
Тут садились они хлеба было кушати,
Ей же белою лебедушки порушати.
А колачик съели — другого тут хочется,
А по третьеём душа горит.
Наедалиси они да было досыти,
Напивалиси оны да было допьяна.
Стали тут богатыри отдох держать,
Спали тут богатыри трои сутки.
А по той же по Индеи по богатоей,
А по той же по Корелы по проклятоей
Потекла река да было с золотом.
Прохватились тут же русьскии могучии богатыри:
Старыи казак да Илья Муромец,
Молодой Добрынюшка Никитинич,
Михайла Потык сын Иванович,
А пошли тут по Индеюшки погуливать,
Узнавать было Индеюшки богатыи,
Узнавать было Корелушки проклятыи,
Что обценивать Индея-та богатая,
А какие есть тут Дюковыи животы.
А во той было Индеи во богатыи,
А во той было Корелушки проклятыи
Стланы там же мостики дубовыи,
На верёх-то у них сукна одинцовыи.
Проходили тут богатыри
А по той было Индеи по богатыи,
А узнали тут же Дюковыи животы,
Увидали тут реку да золоченую,
И самы себи оны да испроговорят:
«Как нам этта Дюковыи животы обценивать,
Тут же век свой нам скоротати?»
Стали тут же обценивать да животов,
Да обценивали сбрую лошадиную.
Прошло времечки без мала да три годы есть,
И самы себи богатыри спроговорят:
«Ай же мы, да братьица крестовыи!
А не нужно нам всих животов обценивать,
А как вси нам животы обценивать,
Так нам век же туда-ка скоротати».
Отправляются три русьскиих могучиих богатыря
А из той же из Индеи из богатыи,

Да из той же из Корелы вон с проклятыи
А ко стольнему ко городу ко Киеву
Ай ко ласковому князю ко Владимиру.
Шли в дороге да три месяца,
А приходя к городу ко Киеву,
А ко ласковому князю ко Владимиру,
Говорили что ли солнышку Владимиру,
Что ли князю стольно-киевскому:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Не могли же мы да Дюковыих животов приобценить.
Обценять же там нам Дюковым животы —
Так же век же там да надо нам скоротати».
Тут молодой боярин Дюк Степанович
Ездил со Чурилушкой по три годы,
А по три годы, да по три дни.
А приходит им было последний день:
Кто у них получше да повыступит,
Другому из них да голова рубить.
Сегодня день, братцы, у нас суботнии,
Завтра у нас день да воскресеньицо,
А итти-то им да ко Божьёй церквы.
Да который-то из них лучше повыступит,
Другому из их да голова рубить.
Тут приходят да оны да ко заутренки:
А Чурилушко тот Пленкович
Ставится на крылосо на правое,
Молодой боярин Дюк Степанович
Ставится на крылосо на левое.
Молодой Чурилушко сын Пленкович
Стал же свою славушку показывать,
Стал же он тут плеточкой поваживать,
Он от пуговки да стал было до пуговки,
Ай от петелки до петелки.
Тут от пуговки до пуговки
Ай пошли враны, стали прогуркивать,
Ай от петелки до петелки
Поплыла змея, стала просвистывать.
Киевом было, Черниговом
Вси оны да приужахнулись,
Вси оны да тут же призадумались,
А самы ему да испроговорят:
«Благодарствуешь,Чурилушка сын Пленкович!
Некуда боярину да Дюку Степановичу,

Некуда да лучше нынь повыступить».
Молодой боярин Дюк Степанович
Он повесил буйну голову,
Утопил он очи ясны во кирпичен мост,
Сам боярин призадумался.
Стал же тут боярин Дюк Степанович
Стал он плеточкой поваживать,
Ай от пуговки да он до пуговки.
Что ль от петелки да он до петелки,
Ай от пуговки было до пуговки
Пошли птицушки певучии,
Ай от петелки до петелки
Пошли зверюшки крыкучии,
Вдруг запели тыи птицушки певучии,
Закричали вдруг же звери вси крыкучии.
Вси во церквы пали, обмерли.
Говорил же тут Владимир стольно-киевский:
«Ах ты, молодой боярин Дюк Степанович
Ай уйми-тко ты же птиценек певучиих,
Да уйми-тко всих же зверюшков крыкучиих,
Ты оставь-ко нам людей да хоть на симена».
Отвечает тут боярин Дюк Степанович:
«Не у вас я хлеба-соли ныньчу кушаю,
Я не вас-то хочу нуньчу слушати».
Говорил же тут Владимир стольно-киевский:
«Ай же отче ты черниговской!
Ты молись-ко да крестовому нунь дитятки,
Молодому боярину что ль Дюку да Степанову,
Унял чтобы птиценек певучиих,
Чтобы унял зверюшков крыкучиих».
Говорил же ёму отче да черниговской,
А крестовый его батюшко:
«Ай ты, молодой боярин Дюк Степанович!
Ты уйми-тко нуньчу птиценек певучиих,
А уйми-тко ты же зверюшков крыкучиих».
Отвечает тут боярин Дюк Степанович:
«Я у вас же хлеба-соли нуньчу кушаю,
Да я вас же хочу слушати».
Унял тут же птиценек певучиих,
Всих же унял зверюшков крыкучиих.
Говорит же тут боярин Дюк Степанович:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Кто у нас получше да повыступил?»

Тут повесил да Владимир буйну голову,
Утопил да очи ясны во кирпичен мост,
Ничего ему да не ответствует.
Испроговорит боярин Дюк Степанович:
«Обзадорил ты, Чурилушка сын Пленкович!
Это молодцам да нам с тобой не похвальба.
А поедем-ко, Чурилушка, к Пучай-реки,
Скочим через матушку Пучай-реку:
Кто из нас тут лучше да повыступит?»
Не хотелось бы Чурилушку ехать к матушки Пучай-реки —
Его похвальба да наперед зашла.
Поезжает тут Чурилушка сын Пленкович
Что ли с молодым боярином
Да с Дюком со Степановым
К тою матушки Пучай-реки,
Приезжают тут же к матушки Пучай-реки
Молодой боярин Дюк Степанович,
Тот же да Чурилушка сын Пленкович,
Говорит ему боярин Дюк Степанович:
«Ай ты, молодой Чурила сын да Пленкович!
Твоя похвальба-то наперед зашла.
Скочи-ко через матушку Пучай-реку
На своем-то на добром коне».
Тот же Чурилушка сын Пленкович
Рассердил же тут он своего добра коня,
Скочит через матушку Пучай-реку —
Осеред реки Чурилушка в воду пошел.
Молодой боярин Дюк Степанович
Он приправит своего тут Бурушка
Через матушку Пучай-реку.
С бережка боярин да выскакивать,
К другому боярин да прискакивает,
Поскорешенько назад коня да поворачивает,
Осеред реки боярин да припадывать,
За волосы он Чурилушку захватывать,
Да с воды с конем выздыымливать,
К солнышку к Владимиру притаскивает.
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевской!
Кто у нас получше да повыступил?»
Говорит же тут Владимир стольно-киевской:
«Ах ты, молодой боярин Дюк Степанович!
Не сруби-тко ты Чурилки буйной головы
За его теперь поступки неумильнии,

За его, его было да ложное-то хвастанье».
Отвечает тут боярин Дюк Степанович:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевской!
Кабы лучше нас Чурилушка повыступил,
Мне-ка-ва бы он срубил да буйну голову.
А пусть-ко ти, Чурилушка ты Пленкович,
А не срублена твоя голова
За твои поступки неумильнии,
За твое за ложное-то хвастанье.
Ты князем да Владимиром упрошенный,
Киевскима да черниговскима,
Ай черниговскима бабамы умоленный,
Ты не езди-тко нунь с намы со бурлаками.
А ты езди-тко нунь в Киеви,
В Киеви, в Чернигови меж бабамы,
А век же там ты езди по веку!»

№ 343

ДЮК

Молодой боярин Дюк Степанович
Выезжае он на далече чисто поле,
Хоче по́стрелить да черна ворона.
Чорный тот ведь ворон ему смолится:
«Ай же молодой боярин Дюк Степанович!
Не збей моей туши о сыру землю,
Ай не рушай моих перьев по чисту полю,
Не пролей-ко крови по сыру дубу!
Слава тая по Руси носится:
Старца убить — не спасеньё добыть.
Ворона убить — не корысть получить.
Ай поезжай-ко ты да во Киев-град,
Есте во Киеви бога́тыри,
Е кому да там поправиться,
Е кому с тобой да супротивиться».
Богатырское сердецко розгорелоси,
Ворона убить не захотелоси.
Ай приезжае он да домой-то видь
Со далеча со чиста поля:
«Ай же родна моя да ведь матушка,
Ай Нанерпа ты Тимофеевна!

Дай прощеньице мне с бласловленьицом,
Я поеду-то да во Киев-град». —
«Ай же чадо ты да мое милоё,
Мóлодой боярин Дюк Степанович!
Уродилось мое дитятко захвастливо,
Росхвастаешься животишками сиротскима». —
«Ай как дашь прощеньице, я поеду-то,
Ай не дашь-то, я все поеду ли». —
«Поезжаешь ты, чадо мое милоё,
Мóлодой боярин Дюк Степанович!
Ай надéжь на себя платья́ не цветныи,
Ай сапожки на ноги да не зелен сафьян,
Ай возьми коника да мала шахманка».
Платьица надел на себе цветныи,
А сапожки обул да зелен сафьян,
Брал коника да мала шахманка.
Видли добра молодца сядучи,
А не видли добра молодца поедучи.
Ай бежал конёк да малый шахманок,
Горы он, долы промеж ног пущал,
Маленьки озерка перепрыгивал,
А и быстрыи речки хвостом застилал.
Во ихной во Индеи в богатоёй,
Во ихной во Корелы во проклятоёй,
Во ихной во деревеньки во Галичи
Отходили от заутрены от раннёю,
Ай приезжае он да во Киев-град —
Зазвонили ко обедни ко столовою.
А и приходит во черковь присвященную,
Богу он да низко молится,
На вси стороны да он ведь клонится,
Крёст он кладет да по-писаному,
Ай поклон он ведет да по-ученому,
С ножки на ножку поступливат,
С плеча он на плече поглядыват,
Он цветны́им платьицем подрачиват,
Стольняго он князя подра́живат.
Зговорит стольний князь да Владимир-тот:
«Какая-то наехала холопина боярская,
Убил князя, либо боярина,
Нет, дак сильняго могучаго бога́тыря,
Ай с того он содрал платья цветныи,
Ай сапожков зелен сафьян не держывал,

Цветныих-то платьицов не нашивал».
Отходя-то от обедни от столовою,
Зговорит стольней князь да Владимиры:
«Люди есть да вы ведь зашлыи,
Хлеба кушать я милости прошу».
Зговорит молодой боярин Дюк Степанович:
«Ай в чужом-то мести да к обеду рад!»
Ай сам зговорит да таково слово:
«Ай сказали, что во Киеви хорошо да хорошо,
Зде-ка мостики да все ведь каменны,
А дороженки да здесь ведь глинянны,
Ай зелен сафьян сапожки мараются.
Как у нас-то во Индеи во богатоей,
Во Корелы-то у нас да во проклятоей,
Во дере́венки у нас да в Галичи
Мостики у нас-то все калиновы,
Сукна-то у нас да одинцовыи,
Ай зелен сафьян сапожки идя чистятся,
Во черную грязь да не мараются».
Приходит он во полаты белокаменны,
Ай сидит ён за столом да за дубовыим,
Мякишок он ест, корочки под стол роёт,
Сам в окошечко сидит да поглядыват:
«Ай сказали, что в Киеви хорошо да хорошо!
Зде-ка печки все да ведь глиняны,
Ай помялушка-то все да ведь сосновыи,
Ай пахнут пирожки да на помялышка.
Как у моей-то у родной у матушки,
У Нанерпы да Тимофеевны,
Ай печки у нёй да все хрустальныи,
Помялушка у ней да семи шелков,
Пирожок-тот ешь — другой в руки берешь,
По третьеём да душа горит.
Зде-ка домики да все каменныи,
Крышечки да все железныи.
У нас как во Индеи во богатоёй,
Во Корелы-то у нас да во проклятоей,
В нашей во дере́венки во Галичи
Домики у нас да сто́я медныи,
Крыши у нас да все серебряны,
Шоломы-потоки золоченые,
Шарики — самоцветныи камешки,
Домики стоят, да быдто жар горят!» —

«Ай же мóлодой боярин Дюк Степанович!
Ай можешь ли да нам сказать:
Колько писарев могут именье описать?» —
«Ай же стольнёй князь да Владимиры!
Не описать мойго именья шести писарям,
Шести писарям да во двенадцать год».
Отправляе стольнёй князь да Владимиры
Трех писарей да трех молóдыих,
Уж как мáстеров да он ученыих,
Ай посадил его в крепь да во темную.
Ай приходят писари-то молóдыи,
Мастеры приходят что ль ученыи
А во их-то во Индею во богатую,
А во их-то во Корелу во проклятую,
Во деревенку его да ведь во Гáличу
К родной его да ведь к матушки,
Ай к Нанерпы оны к Тимофеевны:
«Здравствуёшь, Нанерпа Тимофеевна,
Молода боярина Дюка Степанова матушка!
Мы посланы от стольняго от князя от Владимира
Описывать ваше что ль именьицо».
Она зговорит да таково слово:
«Уродилось моё дитятко захвастливо,
Росхвастался животишками сиротскима».
Отворила она погребы глубокии,
Показала она сбрую лошадиную.
Ай сидели три писаря молóдыих.
Ай писали-то мастера ученыи,
Шесть годов описали шостую частиночку
Этой сбруи лошадиноёй.
Самы зговорят да таково слово:
«Не описать нам именья на своем веку.
Ай же родна его матушка,
Нанерпа ты да Тимофеевна!
Мы не будем описывать именьица,
Только отвори-тко погребы глубокии».
Отворила она погребы глубокии —
Ай висят-то во погребе три бочечки,
Ай бочечки висят да серебряны
На цепочечках да золоченыих,
Ай в одно место да пощалкивают,
Будто белыи лебедушки розговаривают.
Они зговорят да таково слово:

«Ты прощай-ко, Нанерпа Тимофеевна!
Мы поедем да в свою сторону,
Ко стольнёму князю ко Владимиру!»
Идут-то мастеры молодыи,
Писари идут да ведь ученыи.
Зговорит стольней князь Владимиры:
«Срубим мы ведь буйну голову
Молоду боярину Дюку Степановичу,
Описали три писаря молодыих
А именье его во шесть годов».
Ай приходя ко стольнему ко князю ко Владимиру:
«Стольней князь да Владимир-то,
Ай тебе рубить да буйна голова,
Не описать нам именья на своем веку». —
«Ай повыпустили молода боярина Дюка Степановича
Ай с темной крепи.
Он повыехал на чисто поле
Ай побил молода Чурилушку Щаплёнкова,
Завоевал он двух братцев, двух Любóвичёв,
Ай покорил он стольняго князя Владимира.

№ 344

ДЮК

А из Волынца города из Галичи,
А из той Корелы пребогатыи
А исправляется да воружается
Молодой боярской Дюк Степанович
Ко стольнёму ли городу ко Киеву
Ко ласкову князю ко Владымиру:
«И у миня во Киеви да не бывано,
Ай Владимира в очи да не видано».
И он приходит к своей родители-матушки:
«Уж ты свет родитель моя матушка,
Ай честна вдова Офимья Тимофеевна!
Дай прощеньицо да блословеницо
Съездить ко городу мне-ка ко Киеву,
Ко ласкову князю ко Владымиру.
У меня есте во Киеви да не бывано,
Ай Владимира да в очи да не видано».
И говорит ёго свет родитель-матушка,

Ай честна вдова Офимья Тимофеевна:
«Молодой боярской Дюк Степанович!
У тебя есте умок да молодешенёк,
Сам не в полноём ты большом возрасти.
Когда будёшь в городе во Киеви
У ласкова ты князя у Владимира,
Уж ты сам собой да не росхвастайся,
Не житьем-бытьем да не богачеством,
Ай не силушкой своёй богатырьскии,
Ай не храбростью да молодецкии.
Много в Киёви есте богатырей,
Много там сильниих да очень могучих».
Бласловила свет его родитель тут матушка,
Ай честна вдова Офимья Тимофеевна.
Ай пошел боярской Дюк Степанович,
Ай он выходит на конюшню на стоялую
И говорит своим да малыим конюхам:
«Ай же вы мои да малы конюхи!
Вы седлайте-уздайте моего коня,
Моёго вы маленькаго Бурушка.
Кладьте вы потнички да вы на потнички,
Ай на потнички кладите вы войлочки,
Ай на войлоцки кладьте седёлышко.
Уж вы-то кладите седёлышко черкальское,
Подпругов кладите вы до двенадцати,
До двенадцати подпругов шолковыих,
Ай того ль кладьте шолку шаматиньскаго.
Уж вы пряжочки кладите медныи,
Дорогии меди вы сибирскии.
Ай шпенёчики кладьте булатьнии,
Дорога булату вы да заморскаго».
Сам пошел боярской Дюк Степанович
Ко утрени пошел Христосскии,
И отстоял заутрену Христосскую.
Он выходит, Дюк, да со Божьей церквы,
От тыи заутрены от Христосскии,
Наб поспить к обеденки Христоскии
И ко стольнёму городу ко Киеву
Ко ласкову князю ко Владымиру.
Ён приходит, Дюк, да к сво́ёй матушки,
Во свою ль ён полатушку белока́менную,
Ён со матушкой своёй прощается,
Ай выходит Дюк тут на широк двор,

И толь садился ён да на добра коня.
Ён поехал тут да во город Киев он
Через тую стену городовую,
Через тую башну что да не бóльшую.
Как пошел его добрый конь в полдéрёвца,
Ен приправил коня повыше деревца,
Ай повыше деревца стоячаго,
Ай пониже он облачка ходяцаго.
И росстояньица было немножечко
От Волыньца города, от Галичи,
И до стольнёго города до Киева,
До ласкова князя до Владымира,
Расстоянья было триста тридцать верст.
Переехал боярской Дюк Степанович,
Приезжат к стены он белокаменной.
Уж ён не спрашивал у дверей придверничков,
У ворот не спрашиват приворотничков,
Прямо едет через стену городовую,
Через тую башню что да не большую.
Приезжат ко гриденки столовыи,
Ай ко столбику да ко точеному,
Ай к колецушку да к золоченому.
Насыпал пшона ён белоярова,
Сам приходит ён да во гридню во столовую,
Уж он крест кладет да по-писáному,
А й поклон ведет да по-ученому
И поклонился на вси четыре стороны,
Ай Владымиру-князю в особину.
Отстояли обедёнку Христосскую,
Ай пошел Владымир-князь столно-киевской
От обедёнки да от Христосски.
Молодой боярин Дюк Степанович
Уж он вслед идет всё, не останется,
И сам он говорит да таково слово:
«Ай же ты Владымир столно-киевской!
Ай велика славушка шла про Киев-град,
Про тобя, Владымир-князь столно-киевской.
Поцему ж у вас улушки есть грязныи,
Как измарал я свои чоботы дорожныи?
Во моем во городи во Галичи
У моёй свет-родители да у матушки,
У честной вдовы Офимьи Тимофеевной,
У ёй мости́чки стланы калёныи,

По мостам стланы сукна одинцовыи,
По сукнам песочки посыпаны —
Не измараешь чоботов своих дорожныих».
И говорят ёго тут князья-бояра,
И говорят сильни могуции богатыри:
«Ай же ты, Владымир стольно-киевской,
Столно-киевской ты князь владымирской!
Ай не Дюк идет да тут Стёпанович,
А идет мужик тут деревенщина,
Деревенщина да пустохвастина».
Как подходят ёны к гриденки столовыи,
Молодой боярской Дюк Степанович
Уж он вслед идет, сам не останется,
И богатырьско ёго сердцо росходилосе,
Молодецка кровь в ём розыграласе.
Ен начал пло́тным-плотно поступывать,
И дубово крылечко подгибается,
И мостовининки вси да ломаются,
Ай стекольчаты сини ходуном ходят.
Тут говорит Владымир стольне-киевской:
«Уж вы глупыи мои князья-бояра,
Неразумныи да мои богатыри!
Не мужик идет тут деревенщина,
Не мужик идет да пустохвастина,
Молодой идет боярин Дюк Степанович».
Ай проводя ёго в гриденку столовую,
Ай садят ёго во место в бо́льшое,
Ай во больш́о место во больш́ом углу
И почитают ёго гостя за́ гостя.
И становили ёны столики дубовыи,
Накрывали скатерти шелковыи,
Становили ествы тут сахарнии,
Разводили питья тут медьяныи,
Ай садили за столики его дубовыи,
Ай за тыи скатерти шелковыи,
Ай во больш́о место во большом углу.
И вси едят тут, пьют да веселятисе,
Молодой боярской Дюк Стёпанович
Ен не ест, не пьет да ён не кушаё,
Ен не чим боль, молодец, не хвастаё.
И говорит Владымир-князь столно-киевской,
Столно-киевской да князь владымирской:
«Ай же молодой ты боярской Дюк Степанович!

Уж ты что сидишь, не пьешь, не ешь да не кушаёшь,
Ай нечим ты, молодец, боле не хвастаёшь?» —
«Ай же ты Владымир столно-киевской,
Столно-киевской да князь владымирской!
Не могу я хлеба-соли вашой кушати.
И почему же у́ вас печки-ты кирпичныи,
Ай поме́льца дёржите вы болотнии,
И пеките хли́бцы вы подгорелыи?
Во моём во городе во Галичи
У моёй родители да у матушки,
У честной вдовы Офимьи Тимофеевной,
У ёй печки-то есте да муравлены,
Ай помяльца дёржит она шелковыи,
Ай пекёт она колачики крупивчаты,
И как колачик съешь — другого хочется,
Ай как другой-от съешь — по третьём душа горит».
Вынимал он три колачика з-за пазушки,
Ен поел-попил своих колачиков,
Ен употчивал князя Владымира,
Ены хлеба-соли тут откушали.
Ай выходя из-за столичков дубовыих,
Из-за тыих скатертей шелковыих,
Из-за тыих естов з-за сахарниих,
Из-за тыих напиточок медвяныих,
Ены Господу Богу помолилисе.
Говорит Владымир столно-киевской:
«Не угодно ли, боярской Дюк Степанович,
Не угодно ль съездить прогулятися,
С моима́ со князьямы, с боярамы,
С сильнима́ могучима бога́тырямы?»
Говорил тут Дюк да таково слово:
«Ай же ты Владымир столно-киевской!
Буде съездить прогулятися,
Не в досадочку съездить, во гуляночку».
И дават ёму Владымир стольно-киевской
Самолучшего ёму богатыря,
Ай того Щурилу щапа Пленкова.
Оны садилися тут на добрых коней,
Ай поехали гуляти да во чисто полё.
Ай говорит уж Щурила щапа Плёнкович,
Самолучшой бога́тырь столно-киевской.
«Молодой боярской Дюк Степанович!
Поезжай-ко, гостюшко, попе́реди,

Я поеду я вслед тут ведь по́зади».
Говорил ведь Дюк да таково ль слово:
«Ай же ты Щурилушка щапа Плёнкович,
Самолучший богатырь столно-киевской!
Ты когда будёшь как на моёй земли,
Ты когда будёшь да на моёй орды,
Дак тогда поеду я попе́реди».
Оны ездя гуляют во чистом поли.
Ай Владымир-князь тут столно-киевской —
Уж он смотрит во ты трубы подзорныи,
Как гуляют-ездят добры молодцы,
Добры молодцы да во чистом поли.
И говорил ведь Дюк — ён таково слово:
«Ай же ты ведь-то да столно-киевской
Самолучшой ты да бога́тырь-от.
Да ай же ты Щурила щапа Пленкович!
Что нам ездить-гулять да во чистом поли,
Мы поедем гулять да за Неву-реку,
Ай по тому гулять станём по кре́жику,
Как по тым по травонькам шелковыим,
Ай по тым по цветочкам по лазуревым,
Ай Нева-река три вёрсты ши́рина».
И говорит Щурила щапа Плёнкович:
«Молодой боярин Дюк Степанович!
Поезжай-ко, гостюшко, попереди,
Я поеду вслед тут да ведь по́зади».
Говорил ведь Дюк да таково слово:
«Ай же ты Щурила щапа Пленкович!
Ты когда будёшь ведь на моёй земли,
Ты когда будёшь да на моёй Орды,
Тогда поеду я да тут попе́реди».
И самолучшой богатырь Щурила щапа Плёнкович,
Он чесал коня по чесны́м ребрам,
Он приправил коня через Неву-реку,
Он огруз с конем, с мечём, с саблёй вострыи,
С саблёй вострыи да осере́дь реки.
Молодой боярин Дюк Степанович
Ен приправил коня через Неву-реку,
Ухватил Щурилу щапа Плёнкова,
Самолучшого его бога́тыря,
Осередь его реки да за желты кудри,
За желты кудри да за белы руки,
Перевез Щурилу щапа Плёнкова

Из тыи он да из серéдь реки.
Перехали ёны за Неву-реку,
Ены там ездя-гуляют тут по крежику,
Ай по тым травонькам по шелковыим,
Ай по тым цветочикам лазуревым.
Молодой боярин Дюк Стёпанович,
Ен приправил коня через Неву-реку,
Переехал взад да во чисто полё.
Ай тыи Щурила щапа Пленкович,
Самолучшой богатырь столно-киевской,
Ен не смеет ехать з-за Невы-реки,
Он крычит оттуль да перевозику.
Молодой боярской Дюк Степанович
Приезжат он к князю тут Владымиру:
«Ай же ты, Владымир столно-киевской,
Столно-киевской ты князь владымирской!
Самолучшой богатырь Щурила щапа Пленкович,
Ен сидит там ведь да за Невой-рекой,
Ен крычит оттуль да перевозику».
Как занарядил Владымир столно-киевской
Ай достать Щурилу щапа Пленкова,
А из-за тыи тут его да зá реки,
Ай молодого боярского Дюкá Степановичá
Посадил его в темницу тут во темную,
Ен поставил тут ведь ён да стражников,
Посылал во город тут во Галичу
А й своих господ ён да обценщиков
Обценить у Дюкá ведь именьицо.
«Не пустым ли захвастался Дюк Степанович
Ён житьём-бытьём, своим богачеством,
Своёй силушкой да богатырскии,
Своёй храбростью да молодецкии?»
Ай как пошли ведь тут обценщички,
Ай приходя во город тут во Галичу,
Там ведь увидели оны да портомойницу.
Оны падали тут на резвы ножки:
«Помогай вам Господь, портомойницы,
Портомойницы да беломойницы!
Еще как нам увидать да Дюкова матушка?» —
«А каки вы йдитé, добры людюшки,
Когда ищúте да Дюкову матушку,
Дюкову матушку вы в портомойницах?
Ино у нас никогда ведь Дюкова матушка

Не бывáт она да в портомойницах». —
«Ай же вы да портомойницы!
Нам увидеть надо Дюкова матушка». —
«Вы живите-тко да до воскрёсна дня.
Ай в воскрёсный день да вы увидите,
Как пойдет тут Дюкова-то матушка
Ай ко ты к обедни ко воскрёсныи».
Тут оны жили-были до воскрёсна дня,
Зазвонили тут как в воскрёсный день,
Ай ко ты к обеденки к воскрёсныи,
Тут как этыи господа обценщички
Ай берут оны да тутошна человека-то,
Ай когда пойдет да Дюкова матушка.
Как идет народу ведь премножество,
Оны думают, совет удумывают:
«Что не Дюкова ли и́дет тут ведь матушка?»
Дюковой матушки да ище близко нет.
Тут потом идет да Дюкова матушка,
Дак ведут ведь Дюкову есть матушку
Ай за ты ведут ю за белы руки,
За белы руки да во Божью черковь.
Идет Дюкова матушка вся в золоти,
Идет Дюкова матушка вся в серебри.
Окол Дюковой да ведь тут матушки
Золотыи кисти и серебряны,
Ай от Дюковой матушки да лучи пекут
По всему ли по городу по Галичи.
Как приходит Дюкова ведь матушка
Как на то крылечко на церковноё,
Тут ведь господа ведь обценщички,
Ай обценщички да столно-киевски
Становилисе да на коленочка,
Положили тут да эты записи,
Эты записи да на головушку.
Как глядит ёго родитель-матушка,
Принимат у их да эты записи
Во свои она да во белы ручки,
Ены сама ведь тут да прослезиласе,
Горючи слезы с глаз прокотилисе,
Только ничего им ёна не спромолвила.
Как прошла ёна да во Божью черковь,
Отстояла обедёнку воскрёсную.
Как пошли от обеденки воскрёсныи,

Как выходит на церковно на крылечушко,
Сейчас пали господа да ведь обценщички,
Становились оны да на коленочка.
Как приходит к им Дюкова тут матушка,
Ай насупротивку их да устояласе,
Ёна говорит им таково слово:
«Ай же вы, господа да ведь обценщички,
Ай обценщички да столно-киевски!
Вы пришли Дюковых животов оценивать.
Ай же он глупой Дюк да неразумной сын,
Молодой ён боярской Дюк Степанович!
Говорила ему родитель-матушка:
„Молодой боярин Дюк Степанович!
Уж ты будёшь в городи во Киеви,
У ласкова князя у Владымира,
Уж ты сам собой да не захвастайсе,
Не житьём-бытьём, своим богачеством,
И не силушкой своей богатырьскии,
Ай не храбростью да молодецки".
Ен захвастался, боярской Дюк Степанович,
Ай как больши ай сиротски жи́воты,
Сиротски животы у его победныи.
Дак приходите, господа, вы тут обценнщички,
А после обеда в третьём часу,
Буду я оказывать вам Дюковыи животы».
Оны поели тут, пришли — покушали,
Оны приходят на кое место приказаны,
Ажно идет тут Дюкова есть матушка,
Идё в золоти да и́де в серебри.
Ай ведут тут Дюкову есть матушку
Ай служаночки да за белы руки,
Ай приходя к погребам глубокиим,
Вынимат она три камешка с погрёбов глубокиих.
«Ай же вы, господа мои обценщички!
Можете ль этым камешкам цены тут дать?»
Да когда от тыих ведь тут камешков
По всему по городу по Галичи
Всякии огни горя, лучи пекут,
Ены господа да тут обценщички,
Ены стали тут да пороздумались,
Ай не могут оны да тут цены ведь дать,
Еще что сто́ят этыи три камешка.
Говорит тут Дюкова-та матушка,

Ай честна вдова Офимья Тимофеевна:
«Ай же вы, господа да тут обценщички!
Уж вы что вы стали пороздумались?
Неужоль вы не можете цены тут дать?
Ай надо не эдак Дюковы животы ценить:
Когда не можете трех камешков ценить,
Дак не дорого вы сто́ите, господа обценщички,
Ай обценщички да столно-киевски».
Говорят господа ведь тут обценщички:
«Ай же ты ведь Дюкова есть матушка,
Ай честна вдова Офимья ты Тимофеевна!
Ай не можём тут мы цены-есть дать
Твоим ли этыим тут камешкам.
Негде оценить нам ведь Дюковы животы,
Ай велики, верно что, у Дюка животы,
Как нам спродать надо весь город Киев-от,
А еще семь раз продать ёго, повыкупить,
Накупить бумаги да чернила-ты,
То не хватит нам у Дюка животов о́ценить».
Оны пошли в свой город столно-киевской,
Оны приходя тут в город-есть в Киев-он
Ай ко князю ёны ко Владымиру,
Ко Владымиру да столно-киевскому.
Еще спрашиват Владымир-князь столно-киевской:
«Ай же вы господа мои обценщички!
Ай чим хвастал Дюк у нас Степанович,
Ай житьём-бытьём он да богачеством,
Ай велики ли есть у Дюка животы?»
Говорят ёго тут князи, ёго бояра,
Говорят сильни могучии богатыри:
«Ай же ты, Владымир столно-киевской,
Столно-киевской ты князь владымирской!
Ай велики у Дюка есте животы.
Как семь раз продать наш город Киев наб,
Нам спродать ёго да и повыкупить,
Накупить нам бумаги да чернилов-то,
И то не хватит у Дюка животов уписать».
Тут Владымир князь да столно-киевской
Выпустил ён Дюка тут Степановича
Из-за той те́мницы на свою волю.
Как занарядил Щурилу щапа Плёнкова
На три годину за ён выщапливать,
Он со Дюком тут ведь Степановичем,

Ены стали ведь тут щапить-то есть.
А что деничек — то платьё сменноё,
И прощапили оны тут два годичку.
Как не стало у Дюка тут Степановича,
Недохваточки стали во платьицах,
Посылает ён да своего коня,
Ай своего коня во город во Галич-от,
Ай привязыват коню да он записочку,
Чтобы послала родитель ёго матушка,
Ай честна вдова Офимья Тимофеевна,
Ай послала бы ему да платьё сменноё,
Чтобы хватило на целой тут на годичок.
Как приходит тут ёго ведь доброй конь
Ай во город ён да ведь во Галичю,
Он к стены приходит белокаменны,
Начал бить копытом в подворотенку,
В подворотенку да во серебряну,
По всему по городу по Галичи,
Ай по Галичи да только звон пошел.
Как выходят его да слуги верныи,
Отворяют ворота ты железныи,
Запущают оны да доброго коня,
Ай приводят его тут на белой двор,
Ай доклад держат-то Дюковой матушки:
«Ай же ты, честна вдова Офимья Тимофеевна!
Ай пришел ведь конь, а Дюка близко нет».
Ай выходит свет ёго родитель-матушка,
Ай выходит она тут на белой двор,
Ай берет она да доброго коня,
Доброго коня да во белы руки
И нашла у коня ёна записочку.
Как глядит ёго родитель-матушка,
Молодой боярской Дюк Степанович
Ён находится там во несчастьце,
Он приказыват да платья цветнаго,
Платья цветнаго ён на целый год.
Ай честна вдова Офимья Тимофеевна —
Она подвязывала да доброму коню,
Ай ко тыим подпругам шелковыим.
Отпустили коня да во чисто́ поле.
Ай пошел ёго тут да ведь доброй конь,
Ай приходит ён да ведь тут доброй конь,
Ен приходит ко князю столно-киевскому,

Ай стретат ёго да Дюк Степанович,
Своёго ён маленькаго Бурушка.
Ен со радостью стре́тат, с весельицем,
Что пришел ёго тут доброй конь,
Ай принес ёму да что ведь надобе.
Как пошел тут Дюк да ён выщапливать:
Ай что день — тут платьице ёго сменное.
Прощапил ведь да тут ведь он тут ведь целый год,
Только недохваточки есть на один тот день.
Вынимал тут он да еще сумочку,
Ай котора прежде была привезена,
Вынимал ён лапотки тут плетеные,
Ен пошел в лапотках Дюк плетеных,
Ен щапить пошел по городу Киеву,
Только лапотки на ноженках посвистывают.
Ай у князя тут да у Владымира
Вы всём городи да тут во Киеви
Не нашлось тут ведь бере́стины,
Не могли ведь Дюковым лапоточкам,
Ай лапоточкам его цены тут дать.
Тут ведь Дюк он есть да как Степанович,
Еще тут ведь Дюк он да слободен стал.
Отправляется во свой во город во Галичю,
Сам говорит Дюк ведь таково слово:
«Ай го́сти, Владымир столно-киевской!
Ты го́сти-тко, князь, да на ту же честь,
Ай на ту же честь, как и меня употчивал!»
Ён отправился в свой город Галичю
Ко своей родители ко матушки,
Ко честной вдовы Офимьи Тимофеевной.
Он приезжает во город тут во Галичю
Ко своёй к родители ён к матушке.
Уж как тут свет его родитель-матушка,
Ай честна вдова Офимья Тимофеевна,
Ай встречат ёго да с большой радостью,
С большой радостью да со весельицем:
«Дожидала своего Дюка Степановича,
Своего сына да я любимаго».

№ 345

ДЮК

Ай во Волынь-земли да в Золотой Орды,
Ай что во той Индеи пребогатыи,
Во Волынце городи во Галице
Ай жил молоденькой боярин Дюк Степанович.
Ай как удаленькой да доброй молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович,
Ен пришел в полату белокаменну,
Ен садился на лавочку брусовую,
Ен понизил буйну голову пониже плеч,
Ай ниже плеч своих могучих богатырскиих.
Приходила родитель ево матушка,
Ай честна вдова Нанельфа Тимофеевна,
Ай говорила ёна да таково слово:
«Уж ты чадо, чадо мое милоё,
Ай ты дитя, дитя мое любимоё,
Молодой боярин Дюк Степанович!
И отправляешься ты, вооружаешься,
Ай во перву́ поездку богатырскую,
Ай не въезжай ли на гору на Палань-гору,
Ай на то ли местечко на красивоё,
Ай на красиво ме́стечко удобноё,
Где цари съезжаются, царевичи,
Ай короли съежались, королевичи,
Ай где сильнии могучи храбры лыцари,
Ай вельможи, поляничи там удалыи.
Ай не садись с ними во тую во компаньицу великую,
Ай как не хвастай-ко именьицом сиротскиим,
Ай как сиротскиим именьицом победныим».
Это слово ему не слюбилосе.
Ай как ставал боярин на резвы ноги,
Ен пошел на стойлу лошадиную,
Ай выбирал добра коня не езжана,
Налагал уздицю ён шелковую,
Ай он из чиста шолку шемаханского,
Ай он ведь потнички на потнички накладывал,
Ай войлочки на войлочки,
Седёлышко черкаско окова́ное,
Ай подпруг кладае до двенадцати,
Ай он тринадцату натягивал продольнюю,

Как не для ради красы-басы, угожества,
Ай для такой укрепы богатырскии.
Ай подпруга́ из чистаго шолку шемаханскаго,
Ай стремена железа из булатняго,
А еще пряжки меди-ты казанскии.
Ай шемаханской шолк не трется да не держится,
Ай булат-железо-то не ломится,
Ай хошь казанска медь-та не заржа́веё.
Ай молодой боярин Дюк Степанович,
Ен пришел в полату белокаменну,
Садился ён да на ременчат стул,
Ай обувал сапожки он козловыи,
Ай он черна козла да ён заморскаго,
Ай одевал ен шубу соболиную,
Ён того ли черна соболя заморскаго,
Выходил удалой на широкий двор.
Ай молодой боярин Дюк Степанович,
Ай он берет ведь сбрую всю ведь лыцарску:
Ай во-первых, берет он во́строй меч,
А во-других, берет да ён ведь ту́гой лук,
Ай он, во-третьих, палицу булатнюю.
Ай он ведь вострой меч да брал под пазуху,
Ай он ведь ту́гой лук да на плече́ кладал,
Ай он ведь палицу булатню-ту в кольцо кладал,
Ай он садился, удалой доброй молодец,
Ай молодой боярин Дюк Степанович,
Ен на того ли Бурушка-косматушка.
Ай как видали добра мо́лодца что сядучись,
Ай не видали удала поезжаючись.
Ай с горы на́ гору да с до́лы на́ долу,
Ай как по тым сте́пям по саратовским
Одна куревка да завивается.
Ай конь ведь реки-озера перескакивал,
Ай ён мхи-болота промеж ног пущал,
Ай как сини моря тыи кругом бежал,
Выезжал на гору он, на Пала́нь-гору,
А ён на тое местечко красивоё,
Ай на красиво ме́стечко удобноё.
Ай там цари съезжаются, царевичи.
Ай короли съезжались, королевичи,
Ай там ведь сильнии ведь храбрыи бога́тыри,
Ай как вельможи, поляницы да удалыи.
Ай не садился с нима́ во ту ли кампаньицу великую,

А ён не хвастаёт именьицом сиротскиим.
Ай поезжал с горы ён с Палань-горы,
Ай выезжал ён ведь во чисто поле,
Ай на тое́ поле да на лыцарско,
И приезжал он в поли ко сыру дубу.
Ай на сыром дубу сидит птица че́рный ворон-от.
Ай говорит тут удалой доброй молодец,
Ай молодой боярин Дюк Степанович:
«Ай уж ты ворон, ворон, птица цорная,
Ай птица церная да сама вещая!
Ай ты скажи-ко, ворон, да поведай-ко,
Ай не видал мни, ворон, поединщика,
А из царев ли из царевичёв,
Аль из королей ли королевичёв,
Ай как из сильниих храбрых могучиих из лыцарёв,
Ай как мне из тех вельмож ли, поляниц да мне удалыих.
Ай ты не скажешь, ворон, сущёй правды мне,
Ай пострелю тя, ворон, на сыром дубу,
А из сыра дуба да па́дешь на землю».
А закричал тут ворон громким голосом:
«Ай ты удаленькой да доброй молодец,
Ай молодой боярин Дюк Степанович!
Ай не стреляй-ко меня, да черна ворона,
А я скажу тебе про поединщика,
А я скажу тобе про супротивника.
Ай поезжай-ко к риченке Смородине.
Ай как у той у риченки Смородины,
Ай там стоит шатер белополотняной,
А уж там те́рема да златоверхии.
Ай как во том шатри белополотняном
Ай спит стары́й казак да Илья Муромеч,
А Илья Муромеч да сын Иванович.
Ай у того шатра белополотняна,
Что у шатричка да сто́ит доброй конь,
А ён при всей ведь сбруи богатырскии:
Ай на коня уздица е шелковая,
Что из чиста ль шолку шемаханского,
Ай на ём потнички на потнички накладены,
Ай на ём войлочки на войлочки,
Ай на войлочках черкаское седёлко окованое
Ай подпруг кругом да до шестнадцати,
Ай как семнадцата натянута продольняя,
Ай как не для ради красы-басы, угожества,

Ай для такой укрепы богатырскии.
Ай подпруга из чиста шолку шемаханскаго,
Ай стремена железа из булатнёго,
А еще пряжки меди-ты казанския.
Шемаханской шолк не трется да не держится,
Ай как булат-железо-то не ломится,
Ай казанска медь-та не заржавеё».
Ай как удаленкой да доброй молодец,
Ай молодой боярин Дюк Степанович
Ай не стрели́л ведь ён да черна ворона,
Ай поезжал ён к реченки Смородины.
Приезжаё к реченки Смородины,
Ай там стоит шатер белополотняной,
Ай там терем-от да златоверхии.
И у того шатра белополотняна,
Ай что ль у терема да златоверхаго,
Ай что ль у терема да сто́ял доброй конь,
А ён при всей ведь сбруи богатырскии.
Ай на коне уздица есть шелковая,
Ай как из чиста шолку шемаханскаго,
А на ём потнички на ём потнички накладены,
Ай на нём войлочки на войлочки,
На войлочках седёлышко черкальско окованоё,
А подпруг на ём есть до шестнадцати,
Ай как семнадцата натянута продольняя,
Ай как не для ради красы-басы, угожества,
Ай для такой укрепы богатырскии.
Ай как во том шатри белополотняном,
Ай в терему во том да златоверхиим
Ай спит старой казак да Илья Муромеч,
А Илья Муромеч да сын Иванович.
Ай приходил удалой доброй молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович,
Ай говорит ен таково слово.
«Ай ты старый казак да Илья Муромеч,
А Илья Муромеч да сын Иванович!
А уж ты спишь, лежишь да прохлажаешься,
Ай над собой невзгоды не начаешься —
Ай отрублю Ильюши буйну голову!»
Ай как старо́й казак да Илья Муромеч,
А он на одри́ лежит, сам выговариват:
«Ай ты удаленькой да доброй молодец,
Ай молодая-млада скоморошина!

Ай ты скажись, удалой доброй молодец:
А из какой земли, из какой орды,
Коего́ отца, которой матушки?
Ай ты не скажешься, удалой доброй молодец,
Ай уж мы сядем-ко на добрых коней.
Ай мы отправимся, мы во чисто полё,
Ай кто вывезё головушку с чиста поля». —
«А я скажу тебе да проповедую:
Я с Волынь земли да с Золотой Орды,
Я из той Индеи пребогатыи,
Из Волынца города из Галичи
Молодой боярин Дюк Степанович». —
«Уж мы сядем-ко да на добрых коней,
Мы отправимся да во чисто полё.
Кто повывезе́ головушку с чиста поля».
Ай молодой боярин сокручинился,
Ай сокручинился да запечалился.
Ай он понизил буйну голову пониже плеч,
Ай ниже плеч своих могучих богатырскиих,
Говорит ведь ен да таково слово:
«Ай ты, старый казак да Илья Муромец!
Еще где мне стоять с тобой в чистом поли?»
Говорит старой казак да Илья Муромеч:
«Ай молодой боярин Дюк Степанович!
Не кручинься-тко да не печалься-тко,
Назовемся братьямы крестовыма».
Ай как старо́й да Илья Муромеч,
А Илья Муромеч да сын Иванович,
А Илья Муромеч-да тот больше́й-от брат,
Ай молодой боярин-тот меньшо́й-от брат.
Ай как старой казак да Илья Муромеч
Своего да брата ён крестоваго,
А ён [брал] за рученки за белыи,
А ён за тыи перстни за злаченыи,
А ён за тыи кольца золоченыи,
А ён садил за столички дубовыи,
А ён за ты шелковы скатерти за браныи,
Ён за тыи ествы за сахарнии
И за такии питья за медвяныи.
Ай как сидят тут, едят, пьют, проклаждаются,
Ай как два брателка да два крестовыих,
Над собой невзгоды не начаются.
Ай как в том шатри белополотняном,

Ай в терему во том во златоверхиим,
Ай отворялась дверь дубовая тут на́ пяту,
Как идет поганое Инодолищо,
Ён чудному образу не молится,
Ён ведь добрым молодцам челом не бьет.
А ён садился на лавочку брусовую,
А сидучи́сь ведь ен да поросфастался
И как тое поганое Индолищо:
«Я прошел по всем землям, по всем ордам,
Я Казань-Рязань прошел да Во́строкань,
Уж я был я в городи во Киеви,
Я недавно ль был да во Чернигови,
Я сейчас иду из каменной Москвы.
Ай не находится мне поединщичка,
Из царев-царев мне, из царевичёв,
Из королей-королей, из королевичёв,
Ай как из сильниих из храбрыих могучиих богатырёв,
Ай как из вельмож мне, поляниц мне да удалыих.
Ай как на тот ли, тот ли стольнё Киев-град,
А идет честь ведь слава да великая:
Ай что во том ли гради да во Киёви
Ёсть старой казак да Илья Муромеч,
Илья Муромеч да сын Иванович».
Ай говорит погано Индолищо:
«А Илья Муромеч да, верно, силен есть,
Ай, верно, силен есть да ён помногу ль ест?»
Ай говорит удалой доброй молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович:
«Что старой казак да Илья Муромеч,
А ён ведь держал да ён не бо́льшеньку,
По одной-то ел крупчатой булочки,
Ай как крупивчатым колачиком закусывал,
Ай как крупивчатой колачик, будто турей рог».
Ай говорит погано Индолище:
«Ай что какой Илья мне поединщичёк?
Я того Илью да на помах убью,
А уж как я, удалой доброй молодец,
А хоть выть держал да я ведь среднюю,
По семи хлебов да я к выти ел,
По полуволу да я закусывал,
Гуся-лебедя да на закуску ел».
Говорит Ильюша таково слово:
«Ай у поганого да Индолища

Ай да лошаденка была да обжорищо
И обжралась пшеном да белояровым
Ай как во стольноём во городи во Киеви».
А поганому да Индолищу
Это слово ему не прилюбилосе,
Вынимал ножищо да кинжалищо,
Ай ён бросал Ильюши во белы груди.
Ай как стары́й казак да Илья Муромеч,
А ён ведь знал увертки богатырскии,
Отвернулся от ножика-кинжалика.
Пролетел тут нож да сквозь дубову дверь,
Улетел тут нож да во чисто́ полё,
Ай как валился нож да на сыру землю,
Ен ушел ведь в землю да и́ до череня.
Ай как стары́й казак да Илья Муромеч,
Ай разгорелось сердце богатырское,
И от порога ён да ворочается,
И ен хватил поганаго Инодолища,
И ён вздымал его выше́ могучих плеч,
А ен бросал его да о кирпичной пол,
А еще тут поганому славы поют.

№ 346

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Когды Дюк справлялсэ во дорожку,
Матушка к ему подходила:
«Ты в людях не порато нынь фастай
Красой-басой и богатсьвом,
Там е тибя поудаляе и побогатие».
И поехал Дюк во дальни города,
И приняли его в гости богатыи,
Стали его кормить, поить.
Тут Дюк говорит таковы слова:
«У вас, видно, пецька кирпицьная,
У вас, видно, помяло сосновое,
А пекло у вас осиново —
На сосну с осиной перок пахне,
А снизу к ему глина подольнюла.
А у мня как е в богатой Орды
У моей у родной у матушки,

У чесной вдовы Наэльфы Тимофиевной,
Пецька муравленая,
А подтабалье мраморно,
Как зеркало лоснет,
И видно в ем отдали целoвека.
А пекелышко дубовое,
А помялышко шолковое.
Как колацик съешь —
По другому душа горит.
У мня погребы злата и серебра полныи
И полныи скацьного жемцюгу».
Тут купец послал проведати —
Это так ли е, как Дюк сказал?
Ты посланники приехали
К ограды зелезныи,
Зашли ены в ограду к Дюку Степановицю,
Приходя ко крыльцу поратному —
Стоит тут хухарка.
Ены думали, што хто и есь,
В руках у ей обтерка,
Будто плат хорошой,
Обтерает ена ноги им.
Ставали ены по крыльцю паратному,
Заходили ены в кухню Дюкову.
Тут у их отберали
Шапки-мурманки с одеткамы,
И висили на гвоз,
И проводили их во горници,
И садили их к столам дубовыим.
И говорит-то Дюк Степановиць
Своим хухаркам водоносныим:
«Вы несите им есвы сахарнии,
Вы несите им питья медвяныи
И несите им пиво пьяное,
И несите им водки столовыи
И вина им красныи».
Тут й⟨и⟩ли ены и кушали,
Тут ены маленько упивалисе,
И маленько ены поросфастались:
Умной фаста отцем-матушкой,
А безумной — тот молодой женой.
И й⟨и⟩ли ены понакушались,
Как накушались и нафастались,

Говорит-то Дюк Степановиць:
«Довольны ль вы столамы дубовыма
И есвамы сахарьнима
И питьями медвяныма?»
Говорили ены таковы слова:
«Довольни мы всим твоим!»
Говорит ище Дюк Степановиць:
«Покажу я вам свои погребы глубокии».
Отворят ен погребы глубокии
И двери откатыват грузныи.
И показывал злато и серебро
И мелкии скацьныи жемцюги,
Да ище показал им музыки игрища.

№ 347

ДЮК

Как во городи да во Га́лици
А ведь справляетсе, снаряжаетсе
А молодой ли боярин Дюк Степановиць.
А говорила родная матушка,
А ведь цесна́ вдова Омельфа Тимофеевна:
«А далеко ли ты, ця́делко, справляессе,
А далеко ли ты, Дюк, снаряжаессе?» —
«А государыня моя да ро́дна матушка,
А велика иде́ слава на Ки́ёв-град,
А поболе иде́ слава на солнышко,
А ведь на солнышко на князя на Владимира».
А ведь как говорила ро́дная матушка:
«А во цистом поли ты, цядо, небывальщина,
А ведь покрику звериного неслыхальщина,
А ведь посвисту змеину неезжа́льщина,
А не усидить тибе, Дюк, на добро́м кони.
А ты не хвастай-ко во Ки́ёви
А животишкома ты вдовиныма,
А ведь вдовиныма ты да сиротьскима.
А нету та́тыньки у них да ведь во живности,
А не дели ты сиротски животишки-то!»
А тут седлал ведь, обуздывал,
А ведь складывал Дюк войлуцьки на войлуцьки,
А складывал ли потницьки-ты на потницьки,

А на верёх склада́л седёлышко черкальское,
А подпруги-ты шелко́выи подергивал,
А стремены-ты золоцёныи подвязывал,
А ведь садился мо́лодець да на добра́ коня,
А ведь был у него Бурушко-ты крылатыи.
А нацял Бурышко-то поскакивать,
А далеко-то Бурко попома́хивать.
А нападали-то на Дюка лют звери́,
А ён же, Дюк, Бурушко-ты змолился-то:
«А уж ты, Бурушко мой косматыи,
А ослободи меня от смерти напрасныи!»
А утощи́л же Бу́рко от люты́х зверей,
А нападали на Бу́рка цисты́ змеи́,
А ведь он, Дюк, Бурушку смулилси-то:
«А уж ты, Бурушко мой косматыи,
А ослободи меня от смерти напрасныи!»
Ведь-ты Бурушка начал поскакивать,
А широко́-далеко́ он да перемахивать.
А приезжал ли Дюк ко городу ко Ки́ёву.
А ведь у города да у Ки́ёва
А во цисто́м поли́ стоит шатер белополо́тьняный,
А ведь у шатра стоит конь богатырьской,
А зоблет пшену́ белоярую.
А говорил ли Дюк Степановиць:
«А ведь кладу я своего да добра́ коня:
А если будут еси́, да не будут дратьси-то,
Дак пойду в шатер;
А если будут ись-то да дратьси-то,
Ведь тогда же я не пойду в шатер».
А их кони-то не дерутсе-то.
А заходил в шатер, а спит в шатри,
А спит ли тот казак Илья Муромець,
А ведь он как будит ли-то его:
«А уж ты стань-восстань, козак Илья Муроме́ць,
А время ехать к обедне воскрисеньские!»
А как Илья со сну скочил,
А хватил нож да он схватил-то он,
А ведь кинул Дюк Степановиць шапоцьку пухо́вую —
А попало в шапоцьку пухо́вую.
«А что ты кидаешьсе?
А неужоль нет злата ведь
А ведь купить е пшены́ белоярые?
А я в цисто́м поли́ небывальщина,

А покрика зверину неслыхальщина,
Так не на то видь тибя будил,
А чтоб принять смерти напрасныи,
А пролить кровь-то мне неповинную.
А я во цистóм полѝ небывальщина,
А покрику и посвисту звериного я неслыхальщина,
А как науци миня поездки молодецькии». —
«А пущай ты да меньший брат.
А ведь и что в Кúёви да сдеетсе,
А ты же мне да-ко, Дюк, да посла дёржи́!»
А приезжал Дюк ко городу ко Кúёву,
А ведь и шел ли боярин во Божью́ церкву́,
А ведь стояли обедню воскресеньскую.
А выходил ли Владимер-князь от обеденки,
А просили бы гостей-то заезжиих,
А ведь сильниих, могуциих бога́тырей
А хлеба-соли-то да покушати:
«А вы пожалуйте, заезжой доброй мóлодець!»
А ведь и шел ли боярин Дюк Степановиць,
А как Чури́лушка иде́ Плéнковиць,
А садились за столы да за дубовыи,
А ведь за есьва, за напитоцьки медовыи.
А ведь сидит молодой боярин Дюк Степановиць,
А ведь ес⟨т⟩ ли колацики крупицяты,
А верхнюю короцьку на стол кладат,
А ведь серёдоцьку ес⟨т⟩ да кушает,
А нижнюю короцьку под стол бросат.
А ведь напиткама медвя́ныма на стол плескат,
А ведь сверху-то напитоцьки на стол плескат,
А весь серёдоцьку снизу под стол выплеска́т,
А сам он, боярин Дюк, выговариват:
«А как велика слава на Кúёв-град,
А побольше славы на солнышка,
А на князя ли на Владимера —
А у них все да есь да не по-нашему.
А ведь у них есь напитоцьки —
А позапа́хнули ведь на дубовыи.
А ведь колацики крупицяты —
А сверху пахнут на помяло-то на сосно́вое,
А снизу пахнут на воду болотнюю.
У моей государыни у матушки
Как во городи да во Га́лици
А есь пецька-то ялóвцята,

А ведь помя́лиця-то шелко́выи,
А как меду-то медовыи.
А ведь колацик ес⟨т⟩ — то другого хоцетси,
А есь — по третьему колацику душа горит,
А ведь и цяру пьет — другой хоцитси,
А ведь по третьей цяроцьки душа горит.
А ведь боцьки-то есь как серебряны
А на ципях-то висят на золоцёныих,
А проведены прово́ды во цисто́ полё.
А со циста́-поля́ повиют витероцики —
А зашатаютсе, закрицят они,
А будто гуси-то да видь лебеди».
А говорил ли Цюрилушко Плёнковиць:
«Ай ты, солнышко Владимер-князь сто́льнё-киеськой,
А не голь ли к нам кабацька приехала?
А не подпорина ли к нам господьская?»
А ведь тут ли оны да позадорились.
А говорил ли тут Владимер-князь:
«А ты, боярин Дюк Степановиць,
А и с нашим ты с Чури́лой Пленко́вицем
А как возьмись-ко на долгии ты на го́дицёк
А ведь гуляти кажной де́ницёк,
А чтобы были-то платья сменныи,
А чтобы были кони переменныи».
А ведь никто-то по Дюку не руцяитсе,
А ведь один ли руцяитси князь церниговский.
А ведь-от по тому ли по Цурилу Пле́нковицю
А как руцяются а как князья, бояра из Ки́ёва,
А как из Ки́ёва руцяютсе, из Царнигова:
«А перещеголят Цурила Пле́нковиць!»
А тот мо́лодой боярин Дюк Степановиць
А он писал письмо да ско́рописьцято:
«А уж ты, свет государыня да ро́дна матушка,
А ты ли цесна́ вдова Омельфа Тимофеевна,
А ты присылай-ко ко мне в ответ цве́тныи платьица
А ведь на целой на Господен на го́дицёк:
Ай у меня с Цурилой ударено
А на кажной Господень день,
А на кажной Господень день платьиця сменныи,
А были бы ко́нюшки переменныи».
А положил ли то писёмышко
А под церка́льскоё-то сидёлышко,
А отправлял ли Бурушко косматого,

А отправлял Бу́рко из города да из Ки́ёва:
«А ведь неси-ко писёмышко к ро́дной матушки
А ведь в своёй ли город во Га́лицю!»
А ведь тут Буркó побежал-то ведь,
А прибежал ли Бурушко во город ва Га́лицю,
А у окошецька заржал у ро́дной матушки:
«А ведь ты глядь-ко, родна́я матушка,
А один Бурышко, один да косматыи!» —
«А, видно, что мое дитятко животишками вдовиныма,
А порасфастал животишкам сиротскама,
А видь вдовиныма да сиротскама!»
А видь приходила обрата́ть Бурушка,
А вынимала из сидёлышка —
А под сидёлышком есть-то писёмышко.
А как цитала письмо скорописьцято,
А навалила она платьицев цве́тныих
А на целой да на Господен на го́дицёк,
А чтобы в каждой бы-то да Господен день платьица сменныи.
А побежал ли Бурышко косматый-от.
А тут наця́ли гулять да целый год.
А ведь по утрушку Дюк ранешенько
А выводил ли Бурушка косматого:
А на росы́-то он покатаетсе,
А на нем разная шерстоцька сменяетсе.
А как гуляли оны целый Господень год.
А как последний-то во де́нёцек
А одевал Цюрилушка-та ведь Пле́нковець
А ён ведь платьица разноцветныи,
А как по петелкам — красныи девушки,
А ведь по пуговкам — добрыи мо́лодцы.
Одевал молодой боярин Дюк Степановиць
А он же пла́тьицё самоцветное,
А ведь по пуговкам — люты́ звери́,
А как по петелкам — цисты́ змеи́.
Говорят и девки да бабы-то:
«Переша́пил Цюрилушко да Пле́нковиць!»
А князья да бояре сто́льнё-киеськии,
А ведь тут-то князь чернигоськой:
«А ведь по девкам да по бабам-то,
А как по-нашему щёгольсво́ Цюрилино,
А ведь лучше, братии княженецькии,
А тот еще у Дюка Степановиця!»
А Цюрилушки еще да пуще задор,

А ударил о буйную головушку:
«А ведь у которого есь ли добрый конь,
А добрый конь перескочит через е́ту Неву,
А ведь которого не пере́скоцит,
То отрубить ли ему буйну голову!»
А ведь и тут ли ёны́ приударили.
А приходил ли что Дюк Степановиць,
А присадилсе ли-то Дюк на добра́ коня:
«А ведь ты, Бурошко ты косматые,
А ослободи меня от смерти напрасные,
А перескоци-ко ты через эту Неву —
А я ударил о буйной головушке!»
А привели тут ки́евьци, церниговци
А ведь коня-то ведь Цуриле Пле́нковицю:
«А ведь поезжяй-ко, Чурилушко Пле́нковиць,
А поезжяй-ко пе́ред Дюка Степановиця,
А ведь твой же задор да наперед зашел».
А как поехал молодой боярин Дюк Степановиць —
А ведь Бурушко да косматыи
А не только эту Неву скоцил,
А ведь еще он столько вперед скоцил.
А как поехал след Чурила Пле́нковиць —
А середи Невы с конем плавали.
А как поехал ды Дюк-то Степановиць,
А за во́лосы с конем на берег повыплавил.
А тут ли девки да бабы все кругом:
«А ведь прости, боярин Дюк Степановиць!»
А никого ведь Дюк да не слушает,
А ведь перенесена востра́ сабля́
А отрубыть ведь буйна головушка.
А как просить стали князя церниговского
А девки-ты да бабы-ты,
А ведь просят-то князя-то церниговского,
А который конем руцялсе-то:
«А то ведь нас никого ён не слушает!»
А говорил ли ведь князь цернигоський:
«А нет ли, молодой боярин Дюк Степановиць,
А ты спусти его́ да прости его́,
А пусь⟨ти⟩ гулять ме́жу бабами,
А больше не касается ме́жу нас, му́жьской пол».
А тут и говорил Владимер-князь сто́льнё-киеський:
«А кого послать списать Дюково име́ньицё?
А ведь пошлем Олёшеньку Поповиця!»

А говорил молодой боярин Дюк Степановиць:
«А уж ты, солнышко Владимер-князь сто́льнё-киеськой!
А не посылай-ко ты Олешу Поповиця:
А Олёша роду попоського,
А у Олёши есь глаза ⟨блядьскии⟩,
А он заглянетсе на коровниць-то,
А на коровниць-то, на портомойниць-то —
А не дождатсе а назад буде́,
Ён не знат цести́ отдать.
А мы пошлем-ко людей уцёныих!
А ведь Михайла По́тыка Ивановица,
А мы Добрынюшку да Микитиця».
А наклали телегу йордыньскую
А как бумаг они со цернилами
А описати-де Дюково именьице.
А доезжали-то до города до Га́лиця —
А это времячко было ясьное —
А ведь с горы увидели кресты золоцёныи,
А ведь и не думали, что как сияньице:
«А ведь такого идё как сияньице,
А ведь горит город и Га́лиця!»
А ёны́ стоялисе, усмотрилисе,
А ведь подъехали ко городу ко славному:
А ведь не горит город Га́лиця,
А это сиянье идё от солнышка.
А приезжали, спросили, где живё Дюкова матушка?
А нету Дюковой дома матушки,
А уйдена она да к оби́денки.
А вот от Дюковой от матушки
А ведь и до церкви соборнои
А ведь и послана как дороженька,
А замощены мосточки калёными,
А ведь кла́дены столбицьки тоцёныи,
А положены пору́ценки золоцёныи,
А ведь послано суконьцо оденьцо́вое,
А посыпано песоцьком рудо-жёлтыём.
А идё ли — сапоженьки не мараютсе,
А пухова шапоцька на головке не пыляетсе.
А ведь идут ли добрыи мо́лодцы,
А как идет толпа красных девушек.
«А уж вы здравствуйте-ко, красные девушки,
А не идет ли ме́жу вами Дюкова матушка?» —
«А не идет ли между намы Дюкова матушка.

А эти Дюковы ведь мы портомойницы,
А ведь Дюкова матушка во Божьéй церквы́».
А ведь оны еще как вперед идут,
А идет ли толпа молодушек,
А оны низко им поклонилисе:
«А уж вы здравствуйте, молоды́е моло́душки,
А не идет ли ме́жу вами Дюкова матушка?» —
«А не идё между намы Дюкова матушка.
А это Дюковы мы е коровницы,
А Дюкова матушка у оби́денки».
А ведь оны еще как вперед идут,
А иде толпа старушек старо-ма́терых,
А низко им да поклонилисе:
«А уж вы здравствуйте, старо-ма́теры,
А не идё ли ме́жу вами Дюкова матушка?» —
«А не идет межу нами Дюкова матушка.
А это Дюковы мы есть клюшницы,
А Дюкова матушка у обиденки».
А говорят им старушки старо-ма́теры:
«Ведь всем вам, добрыи мо́лодцы,
Вси вам поклоняютсе.
А как пойдет Дюкова матушка,
А двое под руки с ней пои́де —
А то пойдет-то Дюкова матушка».
А ведь стоят они, обжидаютсе.
А как идет Дюкова ведь матушка,
А как бошма́цьки да шолко́выи,
А каменья перед самоцветныи,
А самоцветныи на башмацьках, драгоценныи,
А сияет-то, как жар горит.
А низко они поклонилисе:
«А ведь не идет ме́жу вамы Дюкова матушка?» —
«А ведь идет ме́жу намы Дюкова матушка».
А ведь как говорила Дюкова матушка,
А ведь как-де дала доброе здоро́вьице:
«А, видно, мое-то цяделко
А у вас и де порасфастался
А животишкыма-то вдовиныма,
А ведь вдовиныма да сиротскима!»
А как бра́ла мо́лодцев за ру́ки да за белые,
А вела в свои полаты белокаменны,
А ведь кормила-то их до́сыта,
А ведь поила-то их до́пьяна,

А ведь как цярыньку пье — другой хоцится,
А ведь по третьей-то да душа горит;
А колацком крупицятым да закусывают,
Ведь колацику есь — другого хоцетсе,
А ведь по третьем колацики душа горит.
А ведь как тут говорили добры мо́лодцы:
«А мы приехали пописати Дюкова име́ньицё!»
А приводила, где платьица цве́тныи,
А приводила, сбруи где лошадиныи,
А приводила, где боцьки где с напитками
А ведь висят на цепях золоцёныих.
А увела в свои магазины-ты знамянитыи —
А ведь писали оны да два мисяця,
А расписали бумаги со цярнилами,
Да телегу-ту да йордынскую,
А ведь приехали ко князю ко Владимеру.
А ведь просил Владимер сто́льнё-киеськой:
«А ведь описали вы Дюково име́ньицё?» —
«А уж ты, князь Владимер,
Нам продать Киев со Цернигговым,
А накупити бумаги со цернилами,
Так ведь и то не описать Дюкова именьица.
А ободрати по Руси вси бирёзанки, содрать,
Так можно ли нет на бересте повыписать!»

№ 348

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

А во том ли во городи во Галице
А видь жил боярин Дюк Степанович,
А именьице да видь богацество.
Говорит-то видь Дюк да таковы слова:
«Ай же моя до ро́дна матушка,
А чесна́ вдова да Намельфа ты,
А Намерьфа ты да Тимофеевна,
А дай-ко мни да прощеньице,
А видь дай-ко ты да благословеньице
А видь съиздить мни до города до Киева
А к тому ли ко князю ко Владимеру.
А скажут Киев-град на красы живет,
А видь солнушко Владимер-князь богатыи —

Поглядить ёго́ име́ницё-богачество».
Отправлятсе да Дюк Степанович
Во тую ли субботу Христосьскую,
Над поспить к заутрени Христосьскии.
Расстояньецо было не ма́лоё:
Одно было тристо да тридцать верст
А от города да видь от Галицы
А до города да видь до Киева
А до ласкового князя до Владимера.
А говорит его да-й ро́дна матушка:
«А поидешь-от во сто́льнёй град,
А име́ньицём да не зафа́стовай,
Небольшой капитал у тя сиротьскиих,
Небольшой капитал у тя — име́ньицё».
А говорит своим да ведь конюхам:
«Ай же вы видь, конюхи малыи,
А седлайте-тко да уздайте-тко
Уж как Бурушка да кавурушка
А лохматого да косматого,
Чтобы ехать во сто́льнёй во Киев-град.
А уж как уздайте-ко вы его
Кре́пко-на́крепко да пло́тно-на́плотно».
А тут конюхи да видь малыи
А седлают коня да уздают-то,
Кладувают ёны́ потницки на потницьки,
А видь войлуцьки да на войлуцьки,
А седёлушко да черка́льскоё.
А кладувают двенадцать подпруг, подтягивут,
А тринадцатое все продо́льнёё,
А продо́льноё да подтяжки ты,
А подтяжки были да ту́гие,
Не простого шолку кошеванскии,
А видь шпилечки были, гвоздички
А видь золота у ёго́-то да червонного,
А были стре́мены булатныи
Как була́тнёго зеле́за сибирьского,
А сибирского зеле́за да заморьского,
А которо видь да не рза́веёт.
А поезжат туда да удал добрый мо́лодец,
Говорит своёй да ро́дной маменьке:
«Уж как дай да видь стрелоцек,
А видь тридцать стре́лоцёк калёноих
Гля пути мни да гля дороженьки,

А гля всякого гля опасности». —
«Ай же дите да моё ми́лоё,
А возьми-тко стре́лоцёк побольше-то,
А видь тристо три да видь стрелоцки,
А видь тристо да видь калёныи,
А гля всякого случаю-опасности».
А садился тут на добра́ коня.
Мало видели его да сядучи,
А не видели мо́лодця поедучи,
А гляди́ли в тую ли сторонушку —
Одна пыль видь да столбой кроетсе,
Что погодушка пропогодела,
А его видь следа да все за́несло.
А подъехал видь добрый мо́лодец,
Во по́ли видь змии клююции,
А нельзя было да видь проехати.
Опускался ён со добра́ коня,
А берет ён плеть шолко́вую,
Прихлестал их всих до яди́ного.
Я поехал удало́й добрый мо́лодець
А опять путем да дорогою.
А попали видь волки грызучии,
У их рты были отве́рены,
У них зубы были да оскалены,
А нельзя видь было проехать-то.
А испа́л стрелять да видь.
А которы стрелки одного-то берет,
А которы стрелки видь двух берет,
А которы стрелки двух, тая трех берет,
А которы стрелки трех да цётыре ведь,
А которы стрелки цётыре, та и пять берет,
А которы стрелки пять, та и шесть берет,
А которы стрелки шесть, та и семь берет,
А которы стрелки семь, та и восемь берет,
А которы стрелки восемь, та и девять-то,
А которы стрелки девять, та и десять-то,
А которы стрелки десять-то, одиннадцать-то,
А берет видь стрелка да до двенадцати —
Всих поганыих да повыстрелял.
А поехал видь да дороженькой,
А попали звери ядуции,
У них рты были отворены,
А видь зубы были оска́лёны.

А натягивал да видь ту́гой лук,
Которо́й бы стрелка одного-то берет,
Тая стрелоцька берет,
Тая стрелоцька да двух берет,
А котора двух, да три берет,
А котора три, да четыре берет,
А котора четырех, тая пять берет,
А котора пять, тая шесть берет,
А котора шесть, тая семь берет,
А котора семь, тая восемь берет,
А котора восемь, тая девять берет,
А котора девять, тая десять берет,
А котора десять, тая одиннадцать берет,
А берет-то видь да до двенадцати —
Всих поганыих да пови́стрелял.
А подъехал видь да ко городу,
А ко городу да видь ко Киеву
А ко ласковому князю да Владимиру.
А под городом да под Киевом
Была застава тут да великая,
А стояли сильнии бога́тыри
Во бело́м шатры да ёны́-то тут,
А караулили да ведь Киев-град,
А кто да ни заехал бы,
А видь кто приидет — задержка есть.
А наехал Дюк да Степанович,
Заходил тут во шатер да богатырскиих.
А начал-то конь да копытам бить,
А та только земля да продрагиват.
А выходил-то ведь со бела́ шатра
А видь старой казак да Илья Муромець
Илья Муромець сын Иванович:
«А ты какой наехал добрый мо́лодец
Ты какой земли да какой орды,
А какого отця да коей матери?
Уж царь ли ты к нам, царейский сын,
Аль король ли ты к нам да королейский сын?
А стихарь ли ты, доньской казак,
Али грозный ты лихолийской ты?» —
«А ни царь видь есь, ни царевиць есь,
Ни король ли есь, ни королевиць есь,
Ни стихарь ли я, ни донской казак,
А ни грозной я ни лихомицкоих.

А приехал видь я от города,
А от города да я от Галици
Молодой боярин Дюк Степанович,
Дюк Степанович да сын Иванович.
Ай же ты же хто да ведь еси ведь
А стоишь на за́ставы великие?» —
«Я стою — Илья видь старыи,
Старыи Илья да Муромець,
А ведь сын-то я да Ивановець». —
«Ай же Илья жа Муромець,
А позволь-ко заехать в сто́льнёй град,
А во сто́льнёй да во Киёв-град.
Я с тобой бы поборолся ведь —
А видь я про тибя слыхал,
На бою тиби смерть да не писана,
Потому видь ни смию бороться я.
А если будет беда великая,
А постой-ко ты да за мене топерь,
А нать буде напомерная,
Заступись-ко ты за Дюка ведь.
А у мня именья да хватит-то,
А с тобой топерь да познаться ведь,
А с тобой видь да ращитаться тут». —
«А поезжай-то-ко, Дюк да Степанович,
Боле-ти тибе не будет-то
У ворот-то, ворот же приворотничков,
У дверей-то ись, дверей придверничков
А гляжу у тя конь да богатыи,
А богатыи конь да оцень храбрыи,
Ты не спрашивай да пути-то ведь».
Через башни видь скакал видь городо́вые
А направливат да на угольную.
А бежит его да добрый конь,
А бежит-то видь ёго да тут да конь
Через стены он, конь богатырскиих,
Через башны он городовыи,
Что ни скацет, наугольнии,
Наугольнии, что ни бо́льшии.
Становит коня да середи двора,
Да ко столбицьку да ко тоцёному,
Ко колецюшку да золоцёному,
А сам идё да во полатушку.
Насыпа́л коню да пшониди-то

А пшаници да ведь белояровой,
А бежал по ступеням по паратным,
А заходил во гореньку во новую,
Заходил в полату белокаменну.
Он видь хрёст ведет по-писа́ному,
А поклон ведет по-уцёному
А на вси на цетыре да на стороны:
«А здравствуй-ко, да хуфарка-то,
Да хуфарка ты да ведь горнична.
А видь дома ли князь да Владимир-то,
А Владимир-князь сто́льнё-киевской?» —
«А Владимер-князь сто́льнё-киевской
У оби́дёнки да Христосьские». —
«А давно ли обедня-то идё?» —
«А недавно видь идет, скоро о́тойдет». —
«А мни было да три за́ставы,
А три заставы да три великиих.
А поспел бы к обедни Христосьскиих,
А поспел бы может да к заутрени».
А приходит тут да во Божью́ церкву́,
Становился Дюк да проти́в церкви́,
А видь тут обидня на отхо́д пошла.
Выходил-то Дюк на паперти,
Оввалился Дюк о пору́ченья.
А стоит-то Дюк как о порученьях,
А подходит тут да Владимер-князь,
А Владимер-князь сто́льнё-киевской.
«А видь здравствуйте, да уда́лыи,
А уда́лыи да добрый мо́лодець.
Ты какой-то земли да какой орды,
А какого роду да племени?
А как тя, молодця́, да именё́м зовут
И велицяют да по отечеству?
Уж как царь ли есть да царейской сын,
Аль король ты есть, королеськой сын,
Аль стихарь ли ты, со Дону ли доньской казак,
Аль посол грозный ли лихолицькиий?» —
«А ни царь я есть, ни царевской сын,
Ни король ли есь, ни королеськой сын.
А есь я от города от Галиця,
А от той ли Ундёюшки богатыи
Молодой боярин Дюк Степанович,
Кто пожалует — сын Ивановиць».

«А пожалуй, молодой боярин Дюк Степанович,
А видь с намы нунь да хлеба-соли ведь,
Хлеба-соли с намы да кушати,
Медовых пи́тьёв да порушати,
А видь ествы тут да саха́рныех,
А видь кушанья да медвя́ныех».
(*Все-таки в гости пригласил*!)
А идет как Дюк да не останется,
А идет-то Дюк да похваляется:
«Скажут, Киев-град на красы живет,
А видь князь да богат живет,
А у нёго́ богасьва нисколько нет.
Как у мня-то во городи во Галице
По пришпектам там да видь-то тот
Лежат мосты, мостоцьки калёные,
На мосты калиновые были сукна одинцёвые,
Одинцёвые были, сконцёвые
Да песоцьком были да потря́сены».
А говорит один да видь из их-то видь,
Говорит Цюрю́лышко-то Пле́нковиць:
«А видь есь не Дюк Степановиць,
А видь есь мужик да пустохва́лина,
А господская да халуина.
А содрал да дороженькой,
А убил князя или боярина,
А содрал видь платья с его-то видь, —
А пустым-то все ён да все захвастыват».
А видь тут как у Дюка да Степановича
Разгорелоси сердецько богатырьское,
Раскипелася кровь молодецькая,
А пошел по ступеням поратным,
А напал ступать да кре́пко-на́крепко,
Кре́пко-на́крепко да пло́тно-на́плотно.
А ступени ты да ломаютсе,
Переклады вси да вызгибаютсе,
Уж как си́ницьки да ходуном ходя́т.
А говорит видь князь Владимир киевский,
Говорит видь солнышко Владимир-князь:
«А вы, умныи да ли разумныи,
А мои князя́ да видь бо́яра,
А Чурилушка да видь Пле́нковиць!
Ай как [не] голь-то есь да кабацькая,
Не мужик-то ён пустохвалища,

А видь есь боярин Дюк Степановиць,
А берите ёго́ да ведь по́д руки,
А ведите за столицьки дубовыи,
А за скатерти садите шелко́выи,
А за питьица за медвя́ные,
А за есьвы вы за саха́рнии».
(*Вы, говорит, безумныи, неразумныи*!)
А вели за столицьки дубовые,
А садили хлеба-соли кушати,
Медовы́х пи́тьёв да порушати,
Уж как есьвов тут да саха́рьныих,
Уж как ку́шаньёв да медвя́ныих.
А не все-то ест да Дюк Степановиць,
А видь ты видь тыи ли да кушанья.
Он видь пиво пьет — плюет:
«Не могу я пить вашего пива ни разу я,
Не могу я пить вашего́ пива́».
А ест он да калачик да кру́пчатой,
А видь нижню корку под стол сует,
А видь верхнюю корку на стол кладет,
А середку ест да ведь кушает.
(*Вот беда-то тут, не ест хлеб*!)
А говорит как солнышко князь да стольно-киевской:
«А что же, Дюк Степанович,
Нижнюю корку режешь, под стол суешь,
Верхнюю корку режешь, на стол кладешь,
А одну середку ведь кушаешь?» —
«А не могу хлеба да видь исть.
А у вас видь хлебно помельця болотнии,
А болотнии да сосновыи:
Она пахне тут да на глину-ту,
А на глину пахне на ту болотнюю,
На то пахне не что-то видь —
А видь сверху было пога́ноё,
Не могу я хлеба да кушати.
(*Опять неладно*!)
А у моёй у родной у матушки
А видь было в пецьке топереч у
А были плиты да ведь кладены,
А были напротив ⟨*нрзб*⟩
А напротив ⟨*нрзб*⟩
А пеке калацики крупчаты,
Покрыват калацики, когда пекет,

А не пахнет глиной на пе́чику-ту,
А помелици были шолко́выи,
Вынимает тут — оны да не пахнут тут.
(*Все у его не так*!)
По три калачика вынимает,
Да три калачика да запечныих».
А тут стова́л да князь-то ведь,
Да князь-ту да ведь с княгиною,
Да с княгиною да с Опраксией,
А учествовал всих-то сильных бога́тырей,
А видь всих гостей до ядиного.
А не видали ли таковых-то видь,
Таковых-то ведь-то калачиков,
Как калацик ешь — другой захочется,
А видь третий-то — третей тут берешь,
А в Руси таких да не водится.
(*Вот устроено*!)
А тут оны да пои́ли-то,
А пои́ли тут да покушали,
Белой лебеди да порушали,
А приехали да раззо́рились,
А именьицем всё захвастывал.
«Ай нам-то, надо нам послать-то ведь,
А послать-то да во Галицю,
А во город-то трех да бога́тырей,
А описщиков да оценщиков,
Не пустым ли он да зафастыват».
Посылают тут да трех богатырей,
А назнацяли тут Добрынюшку Микитиця,
Назнацяли Олёшеньку Поповиця.
Говорит-то он таковы слова:
«А не назначьте Олёшеньку,
А Олёшеньку да Поповиця —
У его́ глаза поповьские,
Завидущие, загребущие,
На живот-то ён да озаритсе,
А убьет мою да ро́дну маменьку,
А чесну́ вдову да Мамерьфу да Тимофеевну,
А Мамерьву тут Тимофеевну,
А убьет-то он, приозарится.
(*Я вижу, — говорит, — подлець*!)
А пошлите-тка Добрынюшку —
У его видь совись хорошая,

А пошлите видь да Михайлушку —
У нёго видь совись хорошая.
А видь в третьих пошлите
А Илью-то видь да видь Муромця».
А отправились добры мóлодцы
А во тот ли во город во Киев-град.
Не доезжат до города до Киева,
А заехали да на гору-ту,
А глядели во город во Галицю —
А видь город-то, что огнем горит.
(*Что пожар*!)
А заехали да во город-то,
А приехали к полате белокаменной —
А полатушка да вся устроена,
Будто она видь да кадит да огнем горит.
А на ту видь пору да ведь времечко
У них бáёнка да истоплена,
А ведут хухарки ведь в тую ли.
А видь была тут беломойница,
А бельё стёрáла-трахмалила.
А ведут девúць что не лучшеих.
«А видь здесь-ко да ведь Дюкова,
А видь здесь Дюкова да ведь матушка». —
«А видь есть я не Дюкова матушка,
А видь есте я да беломойниця,
А в других-то видь — беломойниця-портомойниця».
А потом ведут другу́, да опять ведут,
А видь сзади, спереди други платья несут
А дороженьку да по мостикам,
А по мостикам по калиновым.
«А видь здравствуй-ко, да рóдна матушка,
Уж как Дюкова топеричу матушка». —
«А видь исть я не Дюкова матушка,
А есть-то ведь я да видь-то видь
А кухарка-тода на кухни-то,
А на кухни я хлеб пеку,
А пеку я колацики крупицятые».
А богáтыри да удивляютси:
«А видь этакого ведь не слыхано —
У кухарки прислуг да ведь смету нет!»
А в третьих ведут хухарку-ту,
А хухарку видь да видь горничну,
А еще ведь девиць-то,

А видь было-ту два десятка ту:
А котора платья шьет-то ведь,
А видь дру́га дорожку распахиват,
Сзади, спереди да ведут того.
А ведут да видь с писнямы.
«А здравствуй-ко, а ведь Дюкова матушка». —
«А видь есь я не Дюкова да ведь как матушка,
А есь хухарка что ли, горнична.
А ведь Дюкова да ведь матушка
А во той теплой баньке
А она еще да видь моетсе,
А она еще да видь паритсе».
А выходит Дюкова матушка,
А видь вся обсажо́на видь да в золоти,
А видь вся обсажо́на да в се́ребри,
А на ей-то платья-то оцень-то,
А видь оцинь были хорошии,
А шолко́в были да видь разныех.
«А видь здравствуй, Дюкова матушка!» —
«А здравствуйте да, уда́лыи,
А уда́лыи добры да видь молодцы.
Вы какой земли да какой орды,
Вы какого роду да племени?
Уж как вас-то как именём зовут,
Возвелицяют по отецесьву?
А цари ли к нам да царевици,
Короли видь к нам, королевици,
Аль стихарь ли нунь, с Дону доньской казак,
Аль видь грозные да лихолицькии?» —
«А мы от города есь от Киева,
А от ласкова князя Владимира,
А приехали да живот оценивать —
А видь Дюк име́ньицём захвастывал». —
«А небольшо у мня име́ньицё,
А име́ньицё да было сиротьские».
А пожаловали оны записоцьку,
Принимала она да записоцьку.
«А послал-то видь да ко мни топерь,
А ко мни-то видь гости любимыи,
А как мни вас-то буде всё цестовать?»
Как они заходили всё в полатушку,
А видь как там оны да не смет итти
Об ты мосты да о паркетные,

О хрустальны мосты да оцень гладкие —
Нельзя стоять будто на тоём,
А на том на льду да на я́роём,
А на я́роём, оцень гладкии.
А наве́дено да ведь в домике-то
А видь мисяц, луна, цясты звездоцьки,
А пекут видь красным золотом,
А прибра́но тут жемцюгом,
Драгоценностью всё искрашено.
А садила видь за ты столики,
Наливала как ведь питьиця,
Уж как питьиця да медвя́ныи,
Уж как са́харны да саха́рныи,
Уж наливки вси да разные,
Клала видь калацики крупичатые.
А начали тут ись да пить,
А сидили за столиком дубовыим.
А ни множко ни мало — трое суточки,
А видь ели тут оны да пили-то,
За столом-то вси еще пораспа́дались.
(*Пили, пили, да кверху ногамы*; *не видали таких кушаньев*)
Как прохватилисе, пробудилисе,
А говорит как Дюкова матушка:
«Живот-то мой ценить станете,
А надо ле видь вам да показывать?» —
«Дак покажи живот свои несметныи».
Берет-то видь клюци золоченые,
Заводит видь во погреба глубокие,
Во погребах были́ боцьки ме́дные,
Кругом вода была округ бочек ведь
Гля всякого гля слуця́я, гля опасности,
Гля всяких было да пожаров ведь,
Как бочки полны золота насыпаны.
«Пишите-ко, сидите да ведь золото
Гля всяких было да пожаров ведь».
«Как нам сцитать-то видь золото —
Бо́цёк тут наставлено — смету нет.
Как пройдет-то молодость ведь топерь,
Не бывать во городи во Киеве
У того у князя у Владимира».
Скинула башмак да с ноги-то ведь:
«Оцените-ко да видь мой башмак».
Как день цинят, сидят, не могут да о́бценить,

Как другой день сидят, не могут да о́бценить,
На третья день оны общине́ли ведь.
Да только видь оны да ведь ци́нили
Богасьво-то его да имущесьво.
Отправились во город во Киев-град,
Она дала видь им злата-се́ребра,
Чистого да видь им да ведь золота,
Да вот им ведь сколько надо, йим.
(*Не жалела*)
Приехали во сто́льнёй во Киев-град.
Спрашиват Владимир-князь ведь тут сто́льнё-киевской:
«Да есь ли ведь, имеет богачесьво?» —
«Именье-то видь там да ничего-то есть —
Продать на чернил-то град да Чернигов-то,
Киев-град продать, да сума держать,
Потом как видь как Дюково именье ценить-то ведь.
Дюково именье ценить — оценьщиков да описчиков,
Да на подценьщиков много надо тут да ведь тысячей,
Надо тут цинить да ведь этот живот ведь,
А тут Владимир-князь да сто́льнё-киевской!»
Тут Чурилушка был ли Плёнкович,
А билися оны о велик залог:
Щапить-гулять как ровно да три году́
На кажной день видь платье переменные,
Сменныи были, переменныи.
Послал-то видь Дюк да Степановиць
Как своёго́ слугу да ведь верного:
«Поёзжай к моёй ро́дной матушки,
Проси-тко пла́тьицё да на три году́,
На кажной день были да ведь сменныи,
Сменныи были, переменныи».
(*А то каждый день сменять*).
А за того Чурилушки-то Пле́нкова
Ручаютси всим городом да Киевом.
Как доставают платьиця разные,
Как дру́ги из земель да замо́рьиця,
Доставают ведь каменья-то да самоцветные.
Щапили ведь, гуляли да цильной год,
Потом оны пошли во Божью́ церкву́,
Что видь эти ведь тут ко всеношной.
Надевал и видь Чурилушка,
Как надявал видь платья хорошие.
Надел-то видь Дюк Степанович,

Наверёх надел да получше он.
Как стали тут оны во Божьей церквы.
Как стал тут народ переговаривать:
«Перещапел Цюрилшко Плёнкович,
У ёго́ видь платья хорошии.
Так на платьях было подлажено:
Как поведет он да по пуговкам,
Как пойдут разныи да ведь музыки,
Тут мо́лодцы, девйци да́ скачут —
Поделаны такие да ведь куколки».
Как тут услышал-то Дюк Степанович,
Рванул-то платьице да похуже ведь —
Сиянье сделалось во Божьей церквй,
Не надо было ни свицек-то,
Не надо зажигать-та лампадок ведь,
Пошел видь свет да по всей церквы.
Как повел-то он да по пуговкам —
Как зарыцяли звери во всю голову,
Во всюю́ оны да во беспамицю,
Зарыцяли змеи шипуции,
А рыцянье стало собацее.
Как народ-то пал на колена тут:
«Да что за беда да така ведь к нам пришла?
Что же, Дюк Степанович, так делаешь?» —
«Да это видь у меня так пристроено
Для этыих бога́тырей для сильныих:
Как ездить в поездки да великие,
Чтобы от страху помирал-то ведь,
От страху ведь народ да пугался ведь
Того как Дюка Степанова».
Говорили всим да ведь Киевом:
«Лучше видь у Дюка да платья есть.
Как так Цюри́лушку да пере́щапил».
Как тут Цюри́лушку тут да ведь это-то,
Князю-то видь, ямý-от не слюбилосе.
Как вышли тут оны-от оба от обиденки,
От обиденки от Христоськиех,
Как тут пошли покушали,
Как билисе оны о велик залог,
Как о велик залог — не о ста рублях,
Не о сто рублях, не о тысяцях,
А билисе о головках молодецькиих:
А хто через ри́цьку не пере́скоцит

На том ли видь да добро́м кони́,
Тому отсечь ему буйну голову.
Кто на кони́ видь да пере́скоцит,
Тому-то да наградить, тому ведь награда великая.
Как эта река оцень ши́рока,
Широка́ была — полторы версты.
Как выехали ёны́ на крутой бере́г,
Как говорит-то Дюк да Степанович:
«Поезжай, Чурилушко, ведь ты вперед,
Можь ли пере́скоцить цере́з реку?»
А ён говорит Чурилу, ведь он-то ведь,
Молодой боярин Дюк Степанович,
Как говорит боярин Дюк Степанович:
«Когда был бы я на своёй земли́,
На своёй земли́, на своёй Орды,
Поехал бы видь я впереди тебя.
А ты-то видь теперь на своёй земли́,
На своёй земли́, на своёй Орды,
А идь-ко ты еще впереди меня».
Направил тут Цюрилушка Пленковиць,
Направил тут еще добра́ коня.
А пал-то конь во рицьку во Во́лхую
Как середи реки да ведь быстрыих.
Направил Дюк Степанович добра́ коня,
Конь махнул еще да чере́з реку,
Другой столько махнул да ведь ма́терой,
Как воротился назад на добро́м коне́ —
Не пропадать Цюрилушке во той реке.
Выташшил его́ за жолты́ кудри,
За жолты́ кудри́ на добро́м кони́,
Как не дал потонуть йиму.
Занёс саблю ён да видь вострую,
Хотил-то он ссичь да буйну голову.
(*Тут достукалсе*!)
Как стали тут оны да ведь упрашивать
Всем-то городом да ведь Киевом:
«Оставь ты нам Чурилу да Пле́нкова,
Оставь-ко видь нам на погляде́ньё тут,
Не бей-ко ты Чури́лы да Пле́нкова!»
Как вынимал-то плетоцьку шо́лкову,
Как взял-то видь за тыи ли,
За тыи ли ведь за желты́ кудри́,
Начал-то видь Цюрилу потаскивать,

Начал-ко видь плетью он охаживать.
Как клени́тся Цюри́ла, проклинается:
«Как буди про́клято пить да гулять-то мне!
У мня тело все не выносит-то!»
Как стал со стыда со великого,
Уехал ведь Цюрила ведь безызвестно ведь,
Как откачнулся ведь от города от Киева.
А тот ли ведь боярин Дюк Степанович
Женился ведь у князя у Владимира,
Как взял-то ён любиму племянницю.
Стали жить оны, добра наживать,
Топерь оны еще хорошо живут.

№ 349

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

А во славноем во городи Рахли́нскоем
А у славного князя у Рахла́нского
[А был спорожен ядиной сын,]
А яди́ной сын да Дюк Степановиць.
А ён млад возрос, не в полном возрасти,
А у́ яго ли помер ро́дной батюшко,
А оставался жить Дюк со матушкой.
А как подрос тут и Дюк да Степановиць,
А ведь и стало ли Дюку лет семнадцати,
А и говорил ли Дюк таковы слова:
«А уж и матушка ли моя ро́дная,
А уж ты дай-ко мне благословленьиця,
А уж ты дай-ко мне да родительско,
А мне-ко съездить ли во славной во город ли,
А во город ли во славной во Киев ли,
А посмотрети мне солнышка князя Владимера,
А помолитисе мне-ка там во Божьи́х церква́х».
А и говорила ему да ро́дна матушка:
«А уж ты мало не возрос, мое дитятко,
А уж ты молод, ты молодёшенек.
А уж ты придешь ты во Киев-град ли ты,
А не фастай-ко ты да золотой казной,
А золотой казной, суммой несметоцьной
А на том-то перу да княженецькоём,
А чтобы не стали ли не придиратиси

А князья тибе и бояры-ты!»
Ой, говорил тут ро́дной матушке:
«А уж ты, мне-ка ро́дная матушка!
А уж ты дай-ко ты мне благословеньицё,
А я поеду ли во славной ли во Киев-град,
А наперед я заеду во Божью́ церко́вь,
А помолюсь я самому́, да самому Богу́,
А я поклонюсе да Присвятою Богородици,
А потом я князю Владимеру».
А выводил ли он коня доброго
А на тую ли на улицю широкую,
А говорил ли ён ы таковы слова:
«А уж ты, Сивушко да белогривушко,
А послужи ли мне, молодцю уда́лому:
А мне-ко съиздить ли во Киев-град,
Ай помолитьсе мне да во Божьёй церкви́,
А поклонитьсе мне-ка солнышку князю Владимеру,
А поглядеть яго дворян-бояр загорниих!»
А выносил ён седёлышко церька́сьскоё,
А полагал ён войлоцьки на войлоцьки,
А на войлоцьки кладал потницьки,
Ай подтягал коня да потюхощеньку,
А садилсе на коня да ён быстрешенько,
А говорил ён тут да ро́дной матушке:
«А ты прости-ко, моя да ро́дна матушка,
А не забыть-ко ты меня да на цюжой страны́,
А на цюжой страны во городи во Киеви!»
А только видели мо́лодця сядуцись,
А не видели уда́лого поедуцись —
Только куревка в цисто́м поли́ постыхнула.
Ай подъезжал ён ко стенке горо́довыи,
А не искал ён ворот ы-то городских,
А приправил через стену городо́вую.
А подводил ён к столбу тоцёному,
А ко тоцёному столбу да золоцёному,
А становил коня рядом со кня́зёвым,
А выходил ён, платьиця стряхивал.
А заходил в Божью́ церко́вь, поглядывал,
А поглядывал да все посматривал,
А ён крёст-то кладал по-писаному,
А поклон-то он — по-уцёному,
А поклонился на все цетыре стороны.
А становилсе ко князю близехонько,

А поклонилсе ён князю низехонько:
«А уж здраствуй, князь со княгиною!» —
«А здраствуй, дятинка-скоморошинка!
А ты откуль идешь, откуль Бог несет?» —
«А я из той земли, да с богатой Орды,
А от таких родителей знаменитыих.
А нет у меня да ро́дна батюшка,
А только есь у меня да ро́дна матушка,
А я есь по названью Дюк Степановиць».
А говорил тут князь таковы слова:
«А уж ты, заезжой до́брой мо́лодець,
А ты становись ко мне близехонько,
А отстоим мы службу воскресеньскую,
А мы пойдем во полаты княженецькии,
А будем есь да пить там и кушати!»
Ай говорил тут Дюк Степановиць:
«А благодарствуй тибя, солнышко князь стольнё-киеськой,
А миня за велико приглашеньицё,
А за большое миня за снисхожденьицё!»
А ён ли стал ли по правую сторонушку,
А по левую сторонушку тут стоит
А Цюрила ли у ёго́ да щапа Пле́нковиць.
Говорил Цюрила таковы слова:
«А уж ты, солнышко князь сто́льнё-киеськой,
А ты не вяли-ко дятинушки-засельщинке —
А ведь дятинушка да есь засельщина,
А засельщина дятина, деревеньщина,
А не Дюк-то ведь есь тут Степановиць:
А ён на ноженьки да всё поглядыват,
А ён на платьиця свои да всё посматриват!
А ён сапожки-то розул у купцика,
А ён шубу-то увез у барина,
А ён приехал к тибе, порасфасталсы».
Уж говорил ли тут солнышко князь стольнё-киеський:
«А уж ты, заезжой славной доброй молодець,
А поцему ты на сапоженьки поглядывашь?» —
«А пото́му я на сапоженьки поглядывал:
А у моёй-то у родненькой матушки,
Как идешь ли во церквы соборныи,
А насла́ны-то су́кна есь бархатны —
А не пылятсе сапоженьки сафьяновы,
А не пылитсе-то шубка соболёвая».
А тут и князь ёму да поверил ведь.

А говорит ён: «Ведь я поглядывал,
Уж, — говорит, — я ли да посматривал —
То ведь шубка у меня да призапылилась,
А сапожки у мня призамаралисе».
А отслужили тут службу богомольную,
А пошли ёны́, поехали в полаты княженецькии.
А подъезжали к полатам княженецькиим,
А выходили ёны́ да со добры́х коней.
А заводили их да во полаты ли,
А во полаты ли во княженецькии,
А посадили за столы да за дубовыи,
А стали им носить поить-е́стушки.
А опять князь-то сел да во больш́о место́,
А Дюка садил о праву́ руку́,
А Чурилушко-то сел о леву́ руку́.
А тут сидит ли Дюк да за столом за дубовыим,
А ён колацик е, другой под стол мецé,
А ён цяру пье́, другу под стол-то лье́.
А говорил-то Цюри́лушко: «Князь сто́льнё-киеськой,
А поцему же ты ли, солнышко-князь сто́льнё-киеськой,
А ты еще ли на яго уви́рилсы?» —
«А Чурилушка-детинушка есть цапа Пле́нковиць,
А ты уверился на дятинушку?» —
«А ведь детинушка — деревенщина есь засельщина,
А ён засельщина есь, деревенщина:
А он колацик е, другой под стол мецé,
А ён цяру пье́, другу под стол-то лье́».
А говорит ведь князь сто́льнё-киеськой:
«А уж ты, славной знаменитой Дюк Степановиць,
А поцему же ты калацики под стол мецешь?» —
«А потому не ем, — да на сосну па́хне.
А у моей-то ли родной матушки
Поме́лушка-то есь шелко́выи,
А моцит меды ён стоялыми,
А пецьки-то е-то ли муравлены;
А как калацик ешь — другого хоцетси,
А другой-то ешь — дак по третьим душа горит».
А говорил опять тут солнышко князь сто́льнё-киеськой:
«А поцему же ты цяру пьешь, другу под стол ты льешь?» —
«А ведь я цяру пью не с опетитом ли,
Я другую-то пью, что не хоцетси.
А у моей-то ли ро́дной матушки
А есь ведь меды сла́дки-на́сладко,

А ведь стоялыи да двадцяти ли лет.
А как цяру пьешь — другу хо́чется,
А другу пьешь — по третьей душа горит».
А говорил тут Чурилушка щапа Пле́нковиць:
«А не верь, солнышко князь сто́льнё-киеськой,
А не верь-ко ты дятины-скоморошины,
А назнаць-ко ты послов да во его землю,
А пусь-ко ты послы да узна́ют ли,
А пустым ли фастать не надо́лго ли!
А яго ведь посадить можем в темницю ли».
А говорил ли тут да Дюк Степановиць:
«Ах ты, Цюрилушка да щапа Пле́нковиць,
А ты не шуткой шути, да дело заводи!
А ведь ты не с девками шутить да не с бабами,
А ты со мной да ли ты, да с добром мо́лодцом.
А посылай-ко ты послов да во мою земли́ю,
А во мою земли́ю, да в Золоту Орду,
А наваливай-ко обозы великии
А ты ли той ли бумаги скорописьцаты,
А обирай-ко ты леса-березки дремуции —
Да потом ты мое име́ньицё повызнаешь,
Да повызнаешь да потом повыпишешь!»
А поехали послы-то ли цярьскии,
А пошли ли обозы великии
Описать ли Дюкова именьиця.
А подъезжают ёны́ ко городу ко славному,
А и ко тому ли дворцю его прекрасному:
А ведь и на́сланы су́кна славныи, насла́ны бархаты.
А выходили ли оны да со добры́х коней,
Ёны́ кло́нятсе, идут, равняютсе:
«А уж ты здраствуй, здраствуй, Дюкова матушка!»
А тут и Дюка иде верна коровниця,
А отвецяла ёна́ да и тым пос⟨ы⟩лам:
«А не матушка есть-те ро́дная,
А я, посол, есь коровниця ли цярьская».
А тут идут вперед да удивляютсе,
А глазам своим они не верите:
А куды бы ёны́ поглядывут,
А что с той ли — злато да се́ребро!
А тут идут старушка стара́-ма́тера.
«А уж ты здраствуй-ко, да Дюкова матушка!» —
«А я не матушка есть — постельниця,
А я постельниця да Дюка матушки».

А вперед идут да удивляютсе.
А подходят ли к полаты белокаменной,
А выходила оттули слуга верная,
А отворяла ли двери широкёшеньки:
«А заезжайте-ко вы, гости дальнии,
А гости дальнии да безыменныи,
А проходите-ко в полаты белокаменны!»
А проходили ли в полаты белокаменны.
«А садитесь-ко да вы за столы славны дубовыи,
А вы поешьте-ко да покушайте
А вы [с] той ли дорожки со дальнеей,
Да потом еще вы да поотдохнете,
А потом вы ли заприметесь за дело ли».
А оны сили за столы е́с⟨т⟩и-пи́ти ли:
А как калацик съели — другого хоцетси,
А по другому еде́ — по третьему душа горит,
А цяру пьют — дак другой хоцетсе,
А другой хоцетсе — так по тре́тиёй-то душа горит.
А наедалисе оны да все сытешенько,
А напивалисе ёны́ пьянешеньки,
Ай ставали тут ёны́ за бела́ стола —
А уж не могли ёны́ цести о́тдати.
А положили их на те ли перины пухо́выи,
А оны ноцьку эту всю проспали ли.
А поутру ли стали ранешенько:
«А уж нам надо буде дело ныньце делати,
А по Дюково име́ньицё итти описывать».
А пошли оны по стоилам кониныим,
Дак не могут ёны́ да умом-разумом
А общинить ницёго́ Дюка именьиця.
А пошли по погребам глубокиим:
А там стояли злата и се́ребра
А славни скацьного жемцюга
А полны боцецьки были наколоцены.
А говорила им-то родна матушка:
«Ох вы, заезжии послы дорожнии,
А вам ведь именья три годы не описать.
А продати вам полгорода ли Ки́ёва
А с присёлками и с пригоро́дками —
А и вам Дюкова именьиця не описать.
А и говорила я Дюку Степанову:
„А уж ты — молод, млад, не идь-ко ты!"
А ведь ён как, глупешенькой,

Да ён съехал ли во славной во Ки́ёв-град,
А ён не знал ли о пути княженецькой,
А ён знал только ли разум детьской ли.
Дак ён так⟨ы⟩-то так про́сто-за́просто
А говорил ён князю все по́просту!»
Да воротилисе послы да во свою землю́,
Ай говорили ли ёны́ солнышку князю Владимеру:
«А нам Дюкова именьиця не о́писать,
А нам Дюкова именьиця не со́сцитать!»
А говорил тут Цюрила щапа Пле́нковиць:
«А уж ты, солнышко князь сто́льнё-киеськой,
А ты не вирь-ко послам неверным,
А не вирь-ко ли им, да холопиям!
Ёны́ взяли злата да се́ребра,
А ни хотели оны дела́, де́ла делати.
А ты ударь-ко да с добрым мо́лодцом
А о велик заклад да о больш́о дело́:
А приходити ко службы церковные
А во всякой день во платье во сменное,
А во всякой день да на лошадушке сменноей,
А каретушка чтобы была сменная».
А говорил тут солнышко князь сто́льнё-киеськой:
«А уж ты, славной Дюк да Степановиць,
А проходи-ко ты да три года во Божью́ церкву́
А на ся́кой день, чтобы платья сменялисе,
А лошадушки у тя переменялисе!»
А говорит Дюк да таковы слова:
«А не бо́льна беда стряслась, не больш́о дело́!
А напешу я грамотку да ро́дной матушке,
А буде все мне оттуль да приготовлено.
А уж ты, солнышко князь сто́льнё-киеськой,
А не верил бы Чурилы щапе Пле́нкову,
А не накидывал наметок на меня бы он.
А ему бы, Чурилу щапу Пле́нкову,
А не со мной сидеть ему — с девкамы,
А ему с девкамы да еще с бабамы!»
А написал ён граматку скорописьцяту.
А пошли ли обозы великии,
А кореты-то пошли все ли сменныи,
А привозили ли платья ли сменныи.
А он ходил ли ко службы во сме́нноём,
А в коретушки-то издил во сме́нноёй.
А тут прошло ли времецьки ли три году́,

А говорил: «Все-то ето исполнилисе».
А говорит тут Чурило щапа Плёнковиць:
«Уж ты, солнышко князь стóльнё-киеськой,
А не вирь-ко дятины засельщиной!
А ён не фастат ли силой великоей?
А пусть ударит-ко со мною о велик заклад,
А во велик заклад да перескок ли дать:
А через ту ли рéку, рéку да черéз Непрý.
А ежели ён рéченьки да не перéскоцит —
Так мы бы ему головушку на плаху ли».
Он говорил ли тут, да Дюк Степановиць:
«Ах ты, Чурила да щапа Плёнковиць,
А ты ходил ведь да с девкамы,
А ведь ты шутку шутишь да с добрым мóлодцом,
А ведь не шутка есь, не хáхоньки:
А Непрá-рекá есь ширóконька,
А широкешенька река éсте, быстрешенька,
А доброй конь у мня есь неезжоной,
Да не езжан, не испытаной».
А говорил тут Чуриле щапе Плёнкову:
«А если мой ли конь не перéскоцит,
А сронит меня во Непру-рекý,
А ты бери меня да за желты́ кудри́,
А вывози миня да ты на сýшу ли!»
А тут стоит, глядит Илья Муромець,
Да говорил ли ён да таковы слова:
«А ты не бойсе-ко, да Дюк Степановиць!
А то ведь — не стрась да не пригóзьеце́.
А Непрá-рекá есь быстрешенька,
Да быстрешенька река е, широкешенька.
А ежли твой конь доброй не пéрескок —
Так ведь мы тибя, мóлодця, повыруцим».
А садилисе тут да на добры́х коней,
А разъезжалисе ёны́ да на цистóм поли́,
А подъезжали ли ко славной ко Непры́-реки́,
Ай да говорил ли тут да Дюк Степановиць:
«Ай цей-то задор, да того и перёд.
А ты поезжай-ко ты, Чурила щапа Пленковиць!»
А как поехал Чурила щапа Пленковиць,
А не перескоцил конь и до полу́-реки.
А как направил Дюк-то Степановиць,
А подфатил Чурилу за волосы,
А ён высадил ёго́ да со добрá коня,

А ён и вывез его на кру́той крест,
А и пинул ён Чурилушку под ⟨жопушку⟩ —
А улетел ли Чурила на три по́прища.
«Ах ты, Чурилушка да щапа Пле́нковиць,
А ты не шутку шутил, молодцо́в дразнил,
А молодцо́в дразнил, все загадывал!
А ты ходил бы щапи́л да во Ки́ёви,
Ты с девками да со бабами,
А не сходилсы бы да с добрым мо́лодцем.
А не дивую я Чурилы щапу Пле́нкову,
А я дивую ли солнышку князю Владимеру —
А ён на такие ли увертки ли позвался ли,
Ай на ма́ны, на ля́сы на Чурилины,
А ён ведь три году́ миня да все испытывал,
А ён ведь три году́ миня все беспокоил ли!»

№ 350

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Ай во сла́вноёй во Индии богатою,
Ай в одном же как во гради в Ка́лици
Там и жила как цестна́ вдова,
Дак не знаем же как и ю же, ю и́ звати́,
У нее же был как сын, ведь да Дюк Степанович.
И он ходил-гулял по цисты́м поля́м,
Он ходил да по морским глуба́м,
И он стрелял гусей да белых ле́бедей,
Он стрелял да триста тридцать три раза́,
Да не убил боярской сын а да трех-то метоцек.
И он приходит ли к родители и ко матушки,
Говорил ли ён да таково слово:
«Родитель моя матушка,
Я ходил да по морским глубам,
Я стрелил-то триста три разу́,
А не убил-то я ды трех-то ме́тоцек.
А мне не жалко трех-то ме́тоцек,
Только жалко калёныих-то стрелоцек.
Эти стрелецьки были же калёныи,
Эти стрелоцьки были нунь да нацинёныи,
А нацинёныи да перышком отменным,
А ни того орла, кой во цисто́м поли́,

Того орла, кой за синé морéм».
Он приносит ко матери подарочка:
«Ты мне дай прощенья-благослóвенье,
Поеду во чисты́ поля,
Я дак поеду во чисты́ поля поля́ковать,
Во чисты́ поля разъезживать,
С поляни́цею удалой побитьсе».
А ему же как же мать наказыват:
«А ты, рожóно мое дитятко,
А ты поедешь во цисты́ поля поля́ковать,
Не хвастай-ко ты животишком сиротскиим». —
«Приезжаю я во славный во Киев-град
А к славному к Владимиру,
А принимает меня за гóстя, за́ гостя
И потом же приносят же мне цяй, сахару же, закусоцьки.
А ись мне-ка не хоцится!»
А потом и порасфастался:
«Ой же ты, царь да стóльнё-киеськой,
Как у меня да родитель матушка,
А и все у нас да не по-вашему.
А у нас как тая матушка,
У нее-то как помéльця-то шелкóвыи,
Я у вас-то вижу — как сосновыи.
Она как спекё как калачику,
Калачик съешь, да по другому хочетсе,
По третьем как да душа горит,
А по четвертом ведь да без стыдý берешь.
А у вас, говорит, да все душистае,
А у вас все да не по-хорошему.
А как у нас вот во Индии во богатою
⟨...⟩
У вас как все по-вашёму-то все бороною,
У нас по крайней мере как во Индии богатою,
Как цапом шапить да я на три года возьмусь,
А у вас ничего нет».

№ 351

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Молодой боярин Дюк Степанович
Он справляется да воружаетсе
Во перьву поезьку да богатырьскую

На Полань на гору на высокую,
На такоё мисти́цько красивоё,
На красивоё мисте́цько удобноё,
Съезжались туды цари, вси царевици,
Короли съезжалисе, королевици.
Говорит ему родитель его матушка,
Честна́я вдова д'Анельфа Тимофеевна:
«Поезжай ты, рожоно да милоё дитятко,
Молодой боярин Дюк тот Степановиць,
Ты не фастай-то своим име́ньицём,
Ты име́ньицём своим сиротъскиим,
От сиротъскиим своим горе-горькиим!»
Еще вси на горы-то посъехались,
Еще вси на горы порасфастались,
Еще умной фастат отцём-матерью,
А безумной фастат молодой жоной.
Говорит молодой Дюк Степанович:
«Как у вас во городи во Галици
Во пола́цях пе́ценьки-ты кирпицьныи,
А помя́льця-то у вас болотныи,
Как пекут колацики-то грязныи.
Как у нас во городи во Ки́ёви,
У нас пе́ценьки-ты муравцяты,
Как помя́льца-ты у нас шелко́вые,
Как пекем как колацики круписцяты,
Как одного съешь — другого хоцетсе,
Как другей съешь — по третьем душа [горит]».
Как пошли ко Дюку оце́ньщицьков,
А оце́ньщиков Дюкушка именьиця.
Как пришли к его матушки,
Говорит родитель его матушка:
«Оцени́те у мня башмацьки́ с ноги,
Дак тогда оце́ните у меня именьиця!..»

№ 352

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

А во той ли Гали́ци во бога́тоё,
А во той ли земли́ во проклятою
Там жила чесна́ вдова Амельфа Тимофеевна,
Родилось у ей цядо лишь хвастливое,

Молодой боярин Дюк Степановиць.
Как возрос боярин, так стал славитсе,
По балам ходит — боярин хвалитсе.
Вот боярин взял добра́ коня,
Нацял он на ко́нюшки поезживать,
Нацял он коня в ро́сах покатывать.
Как утро́ роса́ добра́ навалитсе,
Так уж на коня́ все шерсь меняитсе.
Как ходил он во Божью́ церкву́
Да молилсе матери Пресвятой Богородицы:
«А ты, матушка да-ль Богородица,
А дай-ко мне да ты здоровьица
Съиздить в Русь да познакомиться
С ласковым князем со Владимером,
Со его с могучима бога́тырями,
Со старым казаком со Ильей Муромцем,
Со тим шипо́м Щурилом Пле́нковицем».
Вот пришел от ранней заутрени,
Стал просить ён теперь прощеньица,
Стал просить у маменьке своей благословеньица:
«Дай-ко ты, маменька, прощеньё,
Дай-ко мне родительско благосло́веньё
Ехать мне на Киев-град к Владимеру,
Посмотреть славы ихней киевской,
Посмотреть же и́хных богатырей,
Посмотреть старого каза́ка Илью Муромця!» —
«А ты, дитя да ты мое мла́дое,
Молодой боярин Дюк Степановиць,
Ты тако ведь дитятко зано́сливо.
Захвалишьсе, дитя ведь непокорная,
Там же своим житьем сиротскиим.
Там оставишь со богатырьми,
Оставишь ты свою ли буйну голову,
Дашь-не-дашь меня на сиротаньицё!»
Вот его тут прощенья только ехать быть,
Вот крестом его тут матушка ставила,
Ко святой иконы приво́дила,
Святою иконой благосло́вила,
Вси она заставы обска́зала,
Когда висть коня пока́зала.
Он седлал коня-то ско́ро-на́скоро,
Вот он кольцюжил кре́пко-на́крепко.
Потницьки-то клал на потницьки,

Войлуцьки кидал всё на войлуцьки,
На верёх он попонку легкую,
На верёх клал седло церкаськое,
На все на двенадцать подпруживал,
На тринадцутую он продольную.
Подтяга́л подпругу кре́пко-на́крепко,
Чтобы го́ры-хо́лмы сходилисе,
Чтобы не свалитьсе горами до́бру мо́лодцу,
Чтобы не клевали птици клёву́чии,
Чтобы не и(з)мала хоботамы змея двенадцатиглавая,
Змея двенадцатиглавая, двена́дцатихобо́тная.
Горы-то Бурушка поскакивал,
Не успели с места го́ры-то сто́лкнутьси —
Бурка с горами расто́лкнулси,
С го́ры на́ горы поскакивал,
Вси его заставушки провертывал.
Вот уж как на Русь идет ко Киеву,
К ласкову князю ко Владимеру.
Приезжает прямо к гридни светлою,
Вяжет видь он коня да ко столбу к тоцёному,
Сам идет крылецьками перильцятыми.
А у князя-то было пирова́ньицё,
Было там великое собра́ньицё,
Видь уж был той ли пер на ве́сели.
Посажо́н был Дюк да во большой уго́л.
Стал его тут князь да выспрашивать:
«Ты скажи-ка, молодой боярин, каких родо́в,
Ты каких родо́в да ты с какой земли,
Ты с какой земли да ты с какой орды?» —
«Я из той из Га́лиции покляпые,
Из того помесья пребогатого,
Молодой боярин Дюк Степановиць.
Приехал к тибе, да князь Владимер,
Вот с тобой да познакомитьсе,
С вашими богатырями повидатисе,
С Цюри́лой-богатырем попытатисе».
Подстягнулсе Чурила тут же к Дюку́:
«А вздор, цто же ты хваставшь ли!» —
«Дивно ль тебе битьсе, Цюри́ла Пле́нковиць,
С магазина одежи заломлены,
И конюшни ко́ням загорожены,
Наше-то житьишко-то сиро́тьское,
А заставы знаешь видь доро́гамы,

Мни видь поехать с переменными».
Как он хлопнул по стулу немецкому,
Выскоцил боярин на резвы́ ноги́,
Попросил бумаги ербо́вую,
Попросил видь он теперь цернил-пера,
Он писал письма скорописьцяты
Вот своей любезной ро́дной маменьке:
«Ой же ты, цесна́ вдова Омельфа Тимофеевна,
Выруцяй-ко сына да из несчасьтиця.
Я побился с Цюрилой о велик заклад:
Три года ездить переменамы,
Кажный день чтобы с новыми сменами,
На кажной бы день дак платья цве́тныи,
На кажной бы день да кони сменные».
Тут закрицяла цесна́ вдова Мамельфа Тимофеевна:
«Ай вы, прикащики, идите, да отъемщики,
Приходите вы сюда, прикащики,
Вы сна́шивайте платья самоцветныи,
Что того покрою славного немецкого».
Наносили тут да три котомоцьки,
Наклала ёна́ тут золота и се́ребра,
Направляла ль тут видь его добра́ коня.
Прибежал-то к Дюку богатырский конь,
Он заржал-то голосом кониным,
Так что все видь гридни зашаталисе,
Вси стекольцаты окошки золомалисе.
Выходил боярин к молоду коню,
Попросил же князя да он Владимера
Дать ему особую ведь комнату,
Дать ему комнатку при его двори́,
Жить ему теперь, Дюку, при его столи́.
Нацял тут он, нацял Дюк все укладывать,
Разбирать наряды все ведь по́ ряду.
Вот на другой день Цюрилушка
Вот попили да побеседовали,
Одевалсе да, верно, пла́тьё цве́тноё.
Выстал да верно в заповедной луг.
Хороша одежда да у Чурилушки,
Не худа лошадь у Чурилушки;
А у Дюка — дак во Киеви нет,
А у Дюка конь — дак и цены ему нет.
Вот оны как три года каталисе,
У Дюка конёк отвечает.

Поутру стават Дюк ранехонько,
Он катат коня в росы́ в дожжёвую,
А у коня-то шерсть вот становитсе другой.
Вот приходит им теперь последний день.
Вот подходят во Божью́ церкву́,
Одевают платья самолучшии,
Одевает Чурила лишь шелко́в кафтан,
Вместо пуговок — добры мо́лодцы,
Вместо петелок — красны де́вицы,
Как засте́гнутсе — так обо́ймутсе,
Как рассте́гнутсе — так поцелуютсе.
Платья у Чурилы лишь со рожками,
На верхи ее рожках да херувимы стоят.
У молодого боярина Дюка Степановиця
Такие ведь пуговки и петелки,
Быдто там звери ревуции,
Змеи идуции, птици клевуции.
Взял ведь плетку дак Дюк Степановиць,
Начал он по пуговкам поваживать,
Стали с пуговки в пуговку змеи переплавывать,
Стали, верно, птици распе́вати,
Отворилисе теперь зве́рецьки,
Вот скоцили, верно, с пуговки,
Выходили птици да оттуль райскии,
Затянули песни херувимскии.
Обсудили Цюрилу голову́ рубить.
Вот пошли мо́лодцы на последний стол,
На последний стол, на мировой обед,
Только были оны посажены.
Не весёл боярин Чурило Пле́нковиць,
Да сказал видь таковы слова:
«Вот тебе ведь, Дюк, последняя заповедь:
Кто из нас может перескочить Днепру́-реку́,
Через Днепру́-реку́ да это на добро́м кони́?» —
«А уж скоцишь, Чурила, я не останусе,
Голова рубить тебе не достанетсе!»
Они тут не дообедали,
А со зла, с горя тут забегали.
Вот садились оны на своих коней,
Ехали ко славной Днепру́-реки́.
«Вот Цюрила здорил, дак тебе скакать!»
Вот Цюрила скоцил сквозь Днепру́-реку́,
Полетел только конь у него теперь в реку́.

Дюк пришпорил коня, верно, шпорамы,
Прихлестнул его да только шелковóй плетью.
Осерчáный конь дак перéскочил Днепрý,
Окол полý-реки обратно присло́нилсе,
Дюк хватил Цюрилу да, верно, за волосы,
Вытащил да, верно, на крутóй берéг.
Тут приехал, верно, да Илья Муромець.
Хочет, верно, срубить Дюк ему голову,
Говорит Илюша таковы слова:
«Не руби, боярин, Чурилы голову.
Знать, Чурилу знают только дéвици,
Знать, Чурилу знают видь молодушки,
Вот его знают стары бабушки.
Где идё Чурúла, там оны глядят,
Где идё Чурúла, там околенки трещат».
(*Забыл тутo.*)

№ 353

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Дюк Степанович матушке говорил:
«Ай же ты, моя матушка,
Дай же ты мне прощеньице-благословленьице
Ехать ко городу ко Киеву
Ко ласковому князю Владимиру
И той дорожкой прямой, а не окольноей».
И говорит ему родная матушка:
«Ай же ты, сын мой возлюбленной,
Не дам я тебе прощеньица-благословленьица
Ехать дорожкой прямой, а не окольноей,
Где стоит ⟨три⟩ зáставы великии:
Первая зáстава великая —
Сидя птици клевуции,
Тыи птици тя с конем склюють.
Вторая зáстава великая —
Стоят горы тоўкуции,
Тыи горы поростоўнутце,
Поростоўнутце да вместе стоўнутце,
Тебя, Дюка, с конем сомнут.
Третья зáстава великая —
Лежит Змейщо што Горынищо,

О ⟨двенадцати⟩ Змея о хоботах.
Тая Змея тебя с конем сожрет». —
«Ай же, родимая моя матушка,
И спустишь — поеду,
И не спустишь — поеду.
И дашь прощеньица и не дашь прощеньица».
Ну, ена и благословила ево.
Сел Дюк Степанович на свово добра коня,
К первой за́ставы подскакивал:
Сидя птици клевуции.
Не поспели тыи птиценьки
Своих крылышков расправливать —
Дюк Степаныч тую за́ставу проскакивал.
Ко другой за́ставы проскакивал:
Стоят горы потоўкуции.
Тыи горушки поростоўнулись,
Не успели горы вмисте стоўнутце —
Ен тую за́ставу проскакивал.
Ко третьей за́ставы прискакивал:
Летит Змей́що што Горынчищо
О ⟨двенадцати⟩ Змея о хо́ботах.
Не поспела тая Змея своих хоботов порасправити —
Дюк Степаныч тую за́ставу проскакивал,
Ко городу ко Киеву прискакивал.
Ласковой князь еще у обидни,
Ен к обидни.
И приходят от обидни Христоськоей
Со ласковым князем Владимиром,
Тут ись садятце.
Стал Дюк Степанович задевать
Князя ласковово на́ словах:
«Во нашей Инде́е богатоей
До́мы стоят у нас каменны,
Пеценьки кладены муравцяты,
Помялышка у нас шолковыи,
Пережки пекуть у нас крупи́вцяты,
Колацик с'ешь — другово хочешце,
А дру́гой с'ешь — по ⟨третьему⟩ душа горить».

Князь-то стольно-киевской ему и го́ворит: «Какая же у вас Инде́я боґатая?» И его к сиби при́брал. И ён письмо написал к своей матушки, к коню привязал и отправил домой. И конь сходил и, што надо, все привез ему. Удивляешце князь стольно-киевской: «Надо, — говорит, — послать послов проведать ево имущество-боґачество».

И отправлял послов туды. Послы с'ехали на ево родину. Женщины идут на работу, они и спрашивают: «Есь ли в том обози Дюкова матушка?» «Што же, — говорят, — какие же вы за́ люди? Разве Дюкова матушка с намы в обозы ходит?»
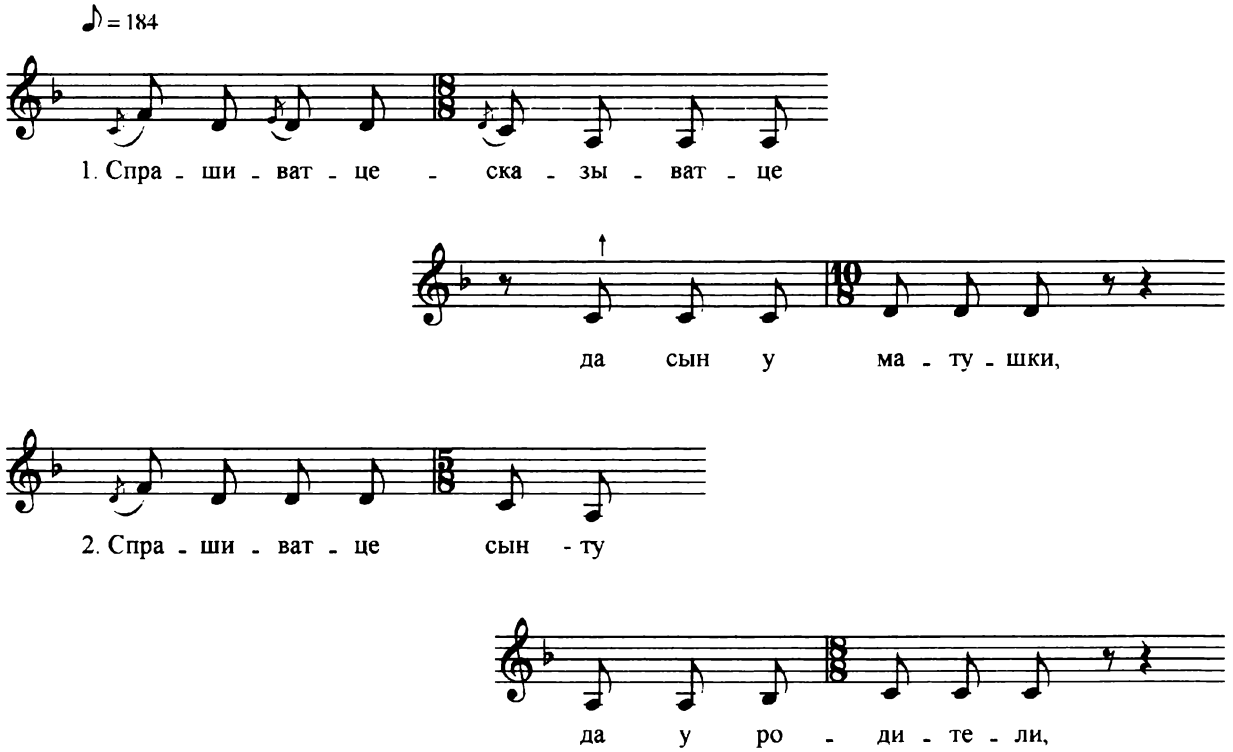
Опять идут портомойницы. «Есь ли етта у вас Дюкова матушка?» «Да какая вам етта Дюкова матушка? Дюкова матушка разве с намы, с портомойницамы, ходит? Дюкова матушка не хочет рук мочить». И показали, где есь Дюкова матушка.
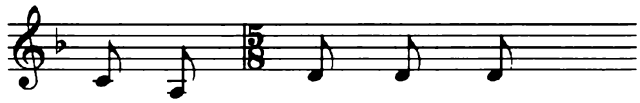
Пришли оны в ейное зало: ходят против их роботницы, ей ись приносят. Оны спрашивают: «Есь ли средь вас Дюкова матушка?» «Ой, да видать ли вам Дюковой матушки, мы сами не цясто видим». К матушки как проводили, дак вся в золоте матушка. «Дюкова матушка, вот мы приехали к вам общинить Дюка Степанова именье». Она розула колошу с ноги: «Если можете оценить ету колошу, дак и цинить будете именье!»
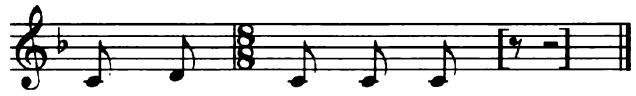
Оны повертелись, повертелись, да одной колоши не могли общинить.

№ 354

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Спрашиватце-сказыватце да сын у матушки
Спрашиватце сын-ту да у родители,
[...] У Офимьи-ту Олександровны.

№ 355

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Во этой во Индии богатоей
Жил молодой боярин Дюк Степанович.
Говорит боярин таковы слова:
«Ах ты гой еси, да родна матушка,
Да Наталья свет Тимофеевна,
Не довольно ль мне, молодцу, ребятитса,
Пора-время показаться во добры люди.
Дай-ка мне прощеньице, благословеньице,
Я поеду ко городу ко Киеву,
Ко тому ли князю ко Владимиру».
Говорит ему родна матушка:
«Ах ты, дитятко, молодой боярин Дюк Степанович,
Ты молодешенек, еще глупешенек,
В добры люди ты не годи́шься, сын.
Поживи-тко ты у добротушки у матушки,
Наберись-ка ты ума да разума».
Говорит ей Дюк Степанович:
«Уж ты дашь прощеньице — поеду,
Да и не дашь прощеньице — поеду я».
Скоро шел с палаты грановитоей,
Выводил жеребчика неезжена,
Он седлал его поскорешеньку,
Кладал потнички да он на потнички,
Кладал войлочки да он на войлочки,
Сверху клал он седёлышко черкасское.

Не стерпело сердце материнское,
Выходила тут родна матушка
А Наталья свет да Тимофеевна,
Говорит она да таковы слова:
«Ой ты, чадочко да мое милое,
Ты куда, мой свет, направляешься?
С родной матушкой да не прощаешься?
Хорошо бы жить да во добрых людях,
Что останется во белых грудях.
Ты занословиво, дитятко, захвасливо,
Чем-нибудь да ты похвастаешь
И положишь там буйну голову.
А иди-тко, свет, в палаты белокаменныи,
Помолись-ка ты Спасу-образу,
Хлеба-соли ты покушати,
Белой лебеди да порушати,
А потом и отправляйся в путь-дороженьку.
Не неволю я тебя, добра молодца».
Тут молодой боярин Дюк Степанович
Он идет в гридню-столовую,
Досыта он наедается,
С родной матушкой да прощается,
В путь-дороженьку да отправляется.
В пути-дорожки не замешкался,
Подъезжает ко городу ко Киеву,
А заходит в палаты белокаменны
Ко тому ко князю ко Владимиру.
Как сидит Владимир за столами за дубовыми
Со князьями, со боярами,
С русскима могучима богатырями.
А молодой боярин Дюк Степанович
На святые иконы не молится,
Князю солнышку да он не клонится,
А князьям, боярам только рукой махнул.
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Ах ты гой еси да добрый молодец,
Ты откуль к нам, гость, пожаловал,
Ты коей земли да коей орды,
Какого отца и какой матери?»
Говорит боярин Дюк Степанович:
«Я со той со Индии богатоей
Сын чесной вдовы Натальи Тимофеевны».
Говорит Владимир стольно-киевский:

«А зачем ты, молодец, пожаловал?» —
«Я приехал ко городу ко Киеву
Ко славному князю ко Владимиру
Послужить ему да верой-правдою,
Показать свою удаль молодецкую».
Говорит Владимер стольно-киевский:
«Таки мóлодцы да нам надобны.
Уж вы, слуги княженецкие,
Вы возьмите гостя под руки,
Садите гостя за столы за дубовые,
Кормите гостя досыта».
Садился Дюк Степанович за столы за дубовыи,
За кушанья да сахарныи,
За напиточки да за медовыи,
За калачики да за крупиччаты.
Он калачик берет да однем пальчиком,
Отрезает ножичком да перочинныим.
Верхну корочку да он на стол кладет,
Нижню корочку да он под стол метет.
Берет чарочку меду стоялого,
Он к устам поднесет, да наиспашь прольет.
Стоят тут слуги княженецкии,
Удивляютса да усмехаютса.
Говорит Владимер стольно-киевский:
«Ах ты гой еси, удалый добрый молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович,
Ты чего над хлебом-солью издеваешься,
Иль над нами насмехаешься?
Из калачиков крупивчатых
Верхню корочку на стол кладешь,
Нижню корочку под стол метешь?»
Говорит боярин Дюк Степанович:
«У вас печеньки да кирпичныи,
А помялушки да сосновыи,
Верхня корочка пахнет на глинушку,
Нижня корочка — на помялушку.
Как у нас во Индии богатую
У моей добротушки у матушки
У ней печеньки изразцовыи,
А помялушки у ней шелковыи,
Как помочат во росы да во медвяныи,
Калачик съешь — другого хочетса,
А другой-то съешь — по третьему душа горит.

А меда у вас стоялыи,
У вас бочечки сосновыи,
На них обручи железныи.
Как у нас во Индии богатую
У нас бочечки дубовыи,
А обручики серебряны,
Чарочку-то выпьешь — другой хочетса,
Другу выпьешь — по третьей душа горит».
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Ах ты гой еси, удалый добрый молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович,
Расскажи-тко ты верой-правдою
Про свое житье да про богачество.
А покажи-тко ты удаль молодецкую —
Чим можешь услужить князю-солнышку?»
Говорит боярин Дюк Степанович:
«А могу я биться о велик заклад,
Я ручаюся своей буйной го́ловой:
Положим мы на целый год,
Только дайте мне поединщика,
Чтоб на каждый день
Выезжать бы нам во чисто поле,
Чтобы конюшки были сменные,
Цветны платьица чтоб на каждый день были разныи».
Побилиси да заручилиси.
Владимир-князь да стольно-киевский
Полцарства положил да на ту сторону,
А молодой боярин Дюк Степанович
Подписал на свою голову.
Подписали этот договор,
До выполнения посадили молодого боярина
Дюка Степановича в погреба да во глубокие,
Дали сроку ему да на три часа.
Молодой боярин Дюк Степанович
Берет лист бумаженьки гербовыи,
Берет перышко да гусиное,
Пишет он ско́рой рукой
Своей добротушки матушки:
«Ах ты гой еси, да добра матушка,
Ты чесна вдова Наталья Тимофеевна,
По вине моей прости,
Что наказа твоего я не послушалса,
А во стольном городе во Киеве да порасхвасталса.

Выкупай-ко ты да добра молодца,
Присылай-ка ты платьица цветныи,
Чтобы хватило мне на три года,
На каждый день да сменныих».
Написавши, выходил он на широкий двор,
Пал он грудью к коню богатырскому:
«Ах ты, добрый богатырской конь,
Сослужи-тко мне службу верную,
Ты скачи, бежи на мою родину,
Как во ту Индию во богатую,
Ко моей добротушки, ко матушки».
А писемышко он положил под седёлышко,
Отпустил коня он во чисто поле.
Сам пошел закручинилса да запечалилса,
Посадили его в погреба да во глубокии.
Как по утрышку да по раннему
Как встает вдова благочестивая
Да Наталья свет Тимофеевна,
Доносят слуги ее верныи,
Что стоит на дворе богатырский конь,
На котором уехал Дюк Степанович.
Тута Дюкова матушка
Горючми слезами заливаетса,
На свою судьбу обижаетса:
«Как возростила я одного-единого,
Своего ли сынушка любимого,
Как занословно дитятко уродилося, захвастливо,
Чем-нибудь да, верно, порасхвасталса,
Положил он буйную головушку.
Ах вы, слуги мои верныи,
Расседлайте коня богатырского,
Уберите доспехи молодецкии».
Как снимают седёлышко черкасское,
Под седёлышком увидели писемышко.
Получила письмо родна матушка,
Распечатала да горько плакала,
Она плакала слезами радости.
Прочитала письмо поскорешенько,
Собирала платьица цветныи,
Положила в сундуки во тяжелыи
Все она доспехи богатырскии,
Чтоб хватило ему да на три года,
Чтобы в каждый день были платьицы сменныи.

Все поклали на коня богатырского,
Отправляли обратно во Киев-град.
А в то время молодой боярин Дюк Степанович,
Сидючи в погребах во глубокиих,
Изменился он да состарилса.
Как по утрышку да по раннему
Доносят ему слуги княженецкии:
«Выходи, боярин Дюк Степанович,
Как стоит твой добрый богатырский конь
У того столба да у точеного,
Только головушка да повешена,
Не видаючи своего хозяина».
Срадовался Дюк Степанович,
Бьет коня он по тучным бедрам,
Бьет коня да приговаривает:
«Ах ты, волчья снедь, да травяной мешок,
Ты зачем в дорожке так замешкалса?
Долго ждал тебя — да ровно два года».
И садилса он на добра коня,
Выезжал из города из Киева
Ко той ко реченьки Смородины,
Ко тому кресту ли Леванидову,
Ко той ли бабушки ко задворенки,
Бьет челом ей понизешеньку,
Говорит ей посмирнешеньку:
«Ах ты гой еси, старушка стара-дряхлая,
Приюти-тко ты удала добра молодца,
Стар совет да мне на лад пойдет —
Я побился о велик заклад,
Заручился своей ли буйноей головушкой».
Говорит старушка стара-дряхлая:
«Не кручинься, добрый молодец, да не печалуйся,
Это делушко да все исправится,
За тебя, за добра молодца,
Твоя матушка да Богу молится,
А родительско моленьицо
Из темна леса да повыведет,
Из синя моря да повыздынет.
А справляйся-тко, да наряжайся-тко,
Это дело есть да неотложное,
Поезжяй-ка ты да во чисто поле,
Вызывай сибе да поединщика».
Молодой боярин тут послушалса,

Брал своего коня он доброго,
Купал во росушки во утренней —
На кони мась перемениласи.
Скидыват он платьицо дорожное,
Надеват он платьица цве́тныи,
Все доспехи богатырскии:
Тугой лук и калёны стрелы,
Берет копье долгомерное,
Берет он палицу булатную.
Со старушинькой да он прощаетса,
По вечернеей зори быть обещаетса.
Выеждял в раздольицо чисто поле,
Вызывал себе да поединщика.
Выступали князья и бояре,
Все русскии могучии бога́тыри,
Все они за друг друга туляются,
А выеждять никто не осмеляетса.
Молодой боярин Дюк Степанович
День ездит один да одинешенек,
Второй ездит — никого нигде,
Третий ездит — ниоткуда никого.
Тому времечки да прошло десять дней,
А все нету Дюку поединщика.
Говорит боярин Дюк Степанович:
«Ах ты гой еси, Владимир стольно-киевский,
У вас кто сидит в палаты белокаменны,
У вас кто сидит за столами княженецкими?
Они брагами да упиваются,
Аль игрушкамы да занимаются?»
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Верно, нет у меня охотников,
Надо вызвать мне да подневольничков».
Тут выходит Чурилушка да сын Пленкович,
На четыре стороны поклоняетса,
Во чисто поле да отправляетса,
Садитса Чурило на добра коня,
А во первой во заставушки
Его конь скочил, да не доскочил,
А во другой во заставушки
Его конь скочил да перескочил,
А во третьей во заставушки
Повалился Чурила на сыру землю.
Говорит Владимир стольно-киевский:

«Ах ты гой еси, удалый добрый молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович,
Тебе нечего да меня срамить,
Верно, нет у меня да заступников,
Тебе, молодцу, да поединщиков.
Нашо дело было зарученое —
Ты бери-тко платушку условную:
Отдаю полцарства с благодарностью,
Если мало, возьми с лихвою».
Говорит боярин Дюк Степанович:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Не считайте-ка меня грабителем,
В твоем княжестве управителем,
Не княжить я приехал и не царствовать —
Послужить приехал вам верой-правдою».
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Вы пожалуйте, дородный добрый молодец,
Во наши во палаты княженецкии,
За наши за столы за дубовыи,
Выбирайте-тко местечко по разуму:
Перво местечко подли меня,
Второе местечко супротив меня,
Третье местечко — куда сам захошь».
Говорит боярин Дюк Степанович:
«А спасибо, солнышко Владимир,
На чести на вашей, на милости,
Только дело тое да не окончено.
Не считайте-тко меня обманщиком,
А проверьте слово молодецкое.
Я пустым, молодец, да не хвасталса,
Вы проверьте мое да завезенное,
По-честному разойдемса тогда, по-хорошему.
Мои животишачка сиротскии
За городом да на подворьицы,
А у бабушки да на задворьицы».
Тут Владимир стольно-киевский
Выбирает писчиков-щетчиков,
Двенадцать добрыих молодцов.
Отправляютса да снаряжаютса
Они за город да на подворьицо,
Они к бабушки да на задворьицо.
А у бабушки у задворенки
У ней Дюковы да цветны платьицы

Все на вешелочки поразвешаны,
А доспехи все молодецкии
Все по полочкам да разложены.
Они чудушку да чудуются,
Они дивушку да дивуются:
Этих платьицов да разноцветныих
Их хватило бы да на шесть годов,
На каждый день да все сменныи.
Как посмотрят в раздольицо чисто поле —
Там табуны коней да и счету нет.
Говорят учетчики:
«А не нашему уму да это дело дадено —
Самому судить да князю Владимиру».
А Владимир свет стольно-киевский
Пригласил дружинушку хоробрую,
Думу думают, совет советуют:
«А что нам учитывать да описывать
Животы да завозныи?»
И подумали да отправили
Тридцать молодцов да без единого
Во ту Индию во богатую
Ко чесной вдовы Натальи Тимофеевны.
Как приехали дородни добры молодцы
Во ту во Индию богатую —
Терема стоят да златоглавыи,
Мосточики да колёныи,
Перила у них да золоченыи,
А сидят-то тут птицы царскии,
А поют они да песни райскии.
Как подходят к палаты белокаменной —
А крылечки тут у них точеныи,
А точеныи все золоченыи.
Идут молодцы да опасаются,
Они слугам всем да поклоняются:
«Вы скажите нам, люди добрыи,
Где живет тут Дюковая матушка
Вдова Наталья Тимофевна?»
Проводили их слуги верныи,
Зашли молодцы да во первой покой —
Сидит женщина пожилыих лет,
На ней платьицо шелковистое,
Телогреечка да черна бархата,
Чепец вышитый да чистым серебром.

Бьют челом послы ей, низко кланятся:
«Ай здраствуешь, Дюковая матушка,
Чесна вдова Наталья Тимофеевна!»
Говорит им эта женщина:
«Я не Дюкова есть матушка,
А я Дюкова есть рукомойница,
Полагаю воду в рукомойничок».
Пошли послы во второй покой —
Сидит тут женщина пожилыих лет,
Платьицо на ней черно бархата, душегреечка парчовая,
На головушки чепец да скатна жемчуга.
Бьют челом послы ей, низко кланятся:
«Здраствуешь, Дюкова матушка,
Ты чесна вдова Наталья Тимофеевна!»
Говорит им эта женщина:
«Я не Дюковая есть матушка,
А я Дюкова есть пирожница».
Пошли тут послы в третий покой —
Сидит тут женщина пожилыих лет,
Она в платьицах да в порчовыих,
Повышитых да чистым серебром.
Бьют челом ей, низко кланются:
«Здраствуешь ли, Дюковая матушка,
А чесна вдова Наталья Тимофеевна!»
Говорит им эта женщина:
«Я не Дюковая матушка,
Я Дюкова есть ключница.
Ах вы гой еси, удалы добры молодцы,
Вы зачем сюда да пожаловали?» —
«Мы есть послы да с града Киева,
От того ли князя от Владимера».
Говорит им эта женщина:
«Вы послы да стольно-киевски,
Вы пройдите в гридню столовую,
А во ту во комнату приемную,
А на пути да на дороженьки
Всякой женщины не кланяйтесь —
Расколотите вы буйну голову.
Приведу к вам Дюковую матушку».
И пошли послы по-сказанному
Во ту во гридню столовую,
Во ту комнату приемную,
Садились по скамеечкам оконным,

Они сидят да дожидаются.
Вдруг пошли тута метельники,
Подметают дороженьки пушистыи.
За метельниками идут постельники,
Постилают ковры да персидскии,
Посыпают травоньки душистыи.
Идут тут сенны девушки,
Ведут под руки Дюковую матушку.
Она одета в золоте да в серебре,
Во камнях да самоцветныих.
Тут встают послы да на резвы ноги,
Поклоняются ей до сырой земли:
«Здравствуешь ли, Дюковая матушка,
Чесна вдова Наталья Тимофеевна!»
Говорит она да таковы слова:
«А здорово, удалы добры молодцы,
Вы послы да стольно-киевски,
Не видали ли да не слыхали ли
Моего ли сынушка любимого,
Молодого Дюкушка Степановича?»
Говорят послы таковы слова:
«Молодой боярин Дюк Степанович
Он гостит у нас да в стольно-киевском,
Во чести у нас да во милости».
Говорит Наталья Тимофеевна:
«Во чести да во милости —
В погребах сидит во глубокиих.
Можно честь отдать князю Владимиру,
Что молодых ребят он повыучит.
Ай же вы, послы да стольно-киевски,
Вы зачем к нам пожаловали?» —
«Мы от стольного города от Киева,
От ласкового князя от Владимира.
Мы не по волюшки, не по охотушки,
А мы служим князю верой-правдою,
Делаем мы дело повеленное.
Приказал нам Владимир стольно-киевский
Описать именье и богатство
Того ли Дюка Степановича».
Говорит им тут да чесна вдова
Настасья свет да Тимофеевна:
«Поезжайте вы в стольно Киев-град,
Скажите князю Владимиру

Да и моему-то сыну любимому
От меня поклон понизешенько.
Еще скажите князю Владимиру —
На бумагу пусть продаст стольно Киев-град,
На чернила продаст да Чернигов-град,
Потом приедет животов сиротскиих описывать.
А если вам, послы, да желательно,
Покажу вам малую частиночку
Я сиротскиих жи́вотов».
И повела она послов в конюшеньки стоялые:
Там табуны коней да бесчисленныи,
Не могли послы повычитать,
Не могли глазами и повымерять.
Повела она в погреба да во глубокие:
В первом погребе да много серебра,
В другом погребе да много чиста золота,
А во третьем во погребе — жемчуга и каменья самоцветныи.
У послов головушка покружиласи,
Не хватает у них да ума-разума.
Привела Наталья Тимофеевна послов
Да на широкий двор,
Среди двора да течет реченька,
Течет реченька да серебряна,
А в ней рыбки играют золоченыи.

№ 356

ПРО ДЮКА СТЕПАНОВИЧА

Как со́браў-то Владимер стольне-киевский,
Как со́браў-то ён да почесный пир
Не гля ради князей гля бояринов,
А гля ради стола княженецкого.
Спустил слухи да по всей земли:
«Соберайтесь-ко вси купцы да боярины,
Русски могуции бога́тыри».
Как отправлялся туды-ко-ва Дюк Степановиць
На это цярско гостебище первый раз.
Как родитель ему матушка наказыват:
«Как поеждяешь, рожоно мое дитятко,
Как будешь у царя на гостебищи,
Дак своим-то именьем не захвастывай».

Как справлялся тут моло́дой Дюк Степановць,
По утру-то ён ставал да ранешенько,
Умывался ён поскорешенько,
Утирался ён да сухешенько,
Обувал свои на ноги чоботы,
И выходил на дворы́ на широки,
И выводил ён с конюшки добра́ коня,
Полагал тут сидёлышко черкасное,
Подтягивал он подпруги серебряны.
И видли добра молодца сядуци,
А не видли, в кою сторону поедуци.
Как становился к царю да на широкий двор,
Становил коня да середи двора,
Вынимал седёлышко черкасное,
Привязал коня к золоту столбу,
К золоту столбу к серебру кольцю.
Как заходил-то ён во гредню столовую,
Как собиралися гости со всих краев,
Как от сивера, так и от запада;
И садились за столы за дубовыи,
И за тыи скатерти за шелко́выи,
И за тыи за питья медвяныи.
И вси за столом наедалиси,
И вси на перу напивалисе.
Как подходит тут Владимер стольне-киевской,
Как со своей жоной с Праксеюшкой,
Как проследил-то ён да по всим столам,
Как пришел-то к Дюку Степанову,
Как видит, ён ес⟨т⟩ да не по-крещеному:
Верхню короцьку он на стол кладет,
Нижню короцьку под стол гребет,
А ест-то да одну серединоцьку,
А пивце пьет он не по-настоящему:
Как сверху с цяры под стол польет,
С середоцьки маленько пьет,
А от донышка на стол кладет.
Как говорил Владимер-князь да стольно-киевской:
«Ты скажи-ко, молодой Дюк Степановиць,
Ты скажи-ко, да мне-ко-ва повыясни,
Поцему ты за столамы да плохо ешь?» —
«Ты послушай-ко, Владимер стольне-киевский,
Ты послушай-ко топереку, што я скажу:
Как у моей-то у родители у матушки,

Как пеци-то были хрустальнии,
Помяльця были шолковыи,
Дак не пахнуло ни на пригарь, ни на́ хвою хлебные кушанья».
Ну, как спросил Владимер-князь да стольне-киевской:
«А почему же ты да мало пиво пьешь,
Сверху ты под стол-то льешь,
А от донышка на стол кладешь,
А уж ты пьешь ты одну серединоцьку?» —
«Ну как послушай-ко, Владимер стольне-киевской,
Што я скажу, молодой-то Дюк да Степановиць,
Как у моей-то у родители у матушки,
Как были погреба выкопаны глубоки,
Цепи были железныи,
Крюцёцьки были серебряны,
Боцецьки были повешены,
Не пахнуло пиво не на затхаль, не на землю».
Как поглядел Владимер-князь да стольне-киевской,
И говорит-то гим да таково слово:
«Как отведите-ко вы гостя во погреба глубокии
За эты проступки великии,
Как што это приехал да ман такой,
Как векóм такого да не слыхано,
И соберите-ко людей надéжных,
А сгиздите-ко к егоной матушки,
Обцените-ко да всё имущество».
Как говорит-то тут да Дюк Степановиць,
Как говорит-то ён царю да таково словó:
«Красно солнышко Владимер стольне-киевской,
Уж вы хотите ценить мое именьице,
На бумагу надь продать Цернигов-град,
А на цернила столицю стольне-киевску».
Как тут-то дак царь раскруцинился,
Приказал свести гостя во пóгреба глубоки
И до тых-то пор, пока не обценят именьиця.
Как отправились туды ценить Илья Муромець,
Да Добрынюшка да Никитинець,
Да Олёшка-то Поповиць.
Как выходили они да на широкий двор,
Как седлали они да добрых коней,
Кладывали сидёлышка черкасныи,
Да садилисе оны на добрых коней,
И видли добрых молодцов сядуци,
А уж не видли, в кою сторону поедуци.

Приеждяют к Дюку на широкий двор,
Привязали коней к золотым столбам,
Насыпали пшеницы белояровой.
Как пошли они во комнаты высокии,
Как попадают настрецю женщинья.
Ну как спрашиват Ильюшенька Муромець,
Дак где находится Дюкова матушка:
«Это, — грит, — мои самый нижнии служаноцьки».
Идут ёны по комнатам высоким,
Попадает настрецю гим барышня:
«Расскажите, где Дюкова матушка?» —
«Это находятся ли старшие кухароцьки,
А Дюкова матушка вперед будет».
Как во зальях во этых высокиих
Зеркальця поставлены большинскии,
Морьскимы зверьмы стены завешены,
Каменьями драгоценныма обсажены.
Как проходили тут да еще вперед,
Ну как ходит тут да три женщины:
«Ну кто из вас теперь Дюкова матушка?»
Назывались эты женщинья:
«Мы находимся ведь кухароцьки,
А вот находится его тут матушка.
На ей платьиця, как огонь горят».
Как стала она, со всима гостямы поздоровалась,
И всем ёна в пояс поклонилася:
«Мистецько выберай-то по разуму,
Садитесь-ко вы скурешенько,
Расскажите-ко мне про своего сына́,
Про своего сына Дюка Степанова».
Ну как стаў-то Ильюшенька рассказывать:
«Твой видь сынушко за свою выходку,
За свою выходку в погреба пошел,
А мы пришли сюды проверять тебя,
Как што находицце у Дюка Степанова,
Как не спустят тут, пока не провирим мы,
Не провирим мы Дюково именьице».
Как говорит Ильи его матушка:
«Не общенить-то вам моего именьица и в ⟨двадцать⟩лет,
Неужоли сын-то мой будет сидеть-то столько лет?»
Как сказал Илья поскурешенько:
«Как не выпустят до нас все равно его».
Сняла матушка и с правой ноги,

И с правой ноги дорогой башмак;
Ну как стали оны да общинивать,
Первой листицек да в башмацки.
Как просидели оны трои сутоцьки.
Как говорит-то Дюковая матушка:
«Как не могли вы общынить башмацик в трои сутоцьки,
Пойдемте-ко в по́греба глубоки,
Покажу вам капиталы велики».
Как сошли оны в подвалы глубоки,
В тыи погреба в дальнии,
Как насыпаны засеки большинскии
Злата у гих да серебра,
И бесчетной да золотой казны,
Как не перецитать гим в ⟨двадцать⟩ лет,
А ёны-то отправлены на ⟨три⟩ месяца.
И подумал Ильюшенька Муромець
И сказал своим да товарищам:
«Ну, братцы крестовыи,
Не общенить нам Дюково именьице».
И садились оны на добры́х коней,
Да-й уехали ко Киеву,
И ставились к цярю на высокий двор,
И проходили во гредни столовыи,
И объясняли царю стольне-киевскому:
«Красно солнышко Владимер стольне-киевской,
Капиталы у его не общенены,
Выпусти с по́гребов глубокиих».
Как выпущали тут его с по́гребов глубоких и Дюка Степанова
И говорил царь стольно-киевской:
«Извини, Дюк Степановиць,
Што посадил я тебя во по́греба глубокии.
И тут у гих почесный пир пошел,
И вси на пиру наедалисе,
И все на пиру напивалисе,
И все на пиру порасхвастались.
Как расхвастался тут да Чурилушка,
Как расхвастался ён да добрым конем:
«Как у меня ли есь конь, слуга верная,
Слуга верная, неизменная,
Скацю я нунь через Непру́-реку.
А пусь-ко скоцит да Дюк да Степановиць да на своем кони».
А это есь река да на три версты.
Как ёны сделали рукобитьице,

Дюк Степановиць конем да не вы́хвастал,
А через реку ему скоцить хоцетце.
Как выходили-то ёны из-за столика
Все тыи гости да на широкий двор
Как глядить хвастуна да Чурилушку,
Да и поглядить Дюка Степанова,
Как перескоцят ёны через Непру-реку.
Как было у гих-то да сказано,
Што Цюрилушки скоцить да попереди,
А Дюку скоцить да позади.
Приотпятились версту мерную,
Разогнать гим да добрых коней,
Штобы скоцить из берега на берег через Непру-реку.
Ну как разъезжаўся Цюрилушка Щаплёнковиць,
Как скоцил-то его да еще доброй конь,
Да до берега ён да-й не доскоцил.
Как махнул-то Дюк Степановиць,
Дак тот на другой берег повыскоцил.
Ну как гости рукамы захлопали,
Што наш остаўся хвастун на рики этой.
Как отъехал тут Дюк Степановиць,
Как нарядил своего да добра коня,
Тугой плетью ён его наказывал.
Как махнуў его да еще доброй конь,
Как махнуў ён через Непру́-реку.
Еще сам-то Дюк да повыскоцил,
Ды Цюрилушку с конем-то повытащиў.
Как становилисе к царю да на широкий двор,
Заходили во палаты во новыи,
Как садились за столы за дубовыи,
Как за тыи за кушенья медовыи,
Как сидят ёны, улыбаются,
Круг Чурилушки подсмехаются.
Как подумал Чурилушка Щаплёнкович:
Как на ём платьице все худешенько,
Как на этом Дюку на Степанову.
Говорит Чурилушка Щаплёнкович:
«Как послушай-ко ты нунеку, пожалуйста,
Молодой ты Дюк да Степанович,
Как сошьем-ко мы да новы платьиця,
Как сойдём-ко мы да во Божью́ церко́в,
Как сойдем туды мы ко всеноцьной,
Ну кто сготовит тут дак получше всех».

Как записалисе платье сшить ёны,
И прийти гим да в церкву Божию,
Перефорсовати друг друга платьямы,
Дак за Чурилушку стоят всим городом,
А за Дюка нет и поручателей.
И разъехались с того гостебища,
Стали платья шить ёны форсоватыи.
Ну собералися ко заутренной.
Как приходят ёны во Божью церков,
Как пришел наперед да Чурилушка
И принес костюмцик невиданной.
Как приходит тут да Дюк Степановиць,
Как на ём платья нехорошии.
Как все в церкви рукамы захлопали —
Перефорсовал Чурилушка Щаплёнковиць,
Как раздевается да Дюк Степановиць,
Скидывает ён одежду верхнюю,
Будто вдруг в церквы загорелося,
Пошло по церквы сияние,
И тут уж снова пришлось хлопаться —
Перефорсовал да Дюк Степановиць.

№ 357

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Во той ли было Индии богатоей,
Там жил молодой боярин Дюк Степанович,
Он ходил-гулял по тихим по заводям,
Он стрелял гусей серых, лебедей,
Перелетныех малых утучек.
Всех повыстрелял он ровно ⟨триста⟩ стрел,
⟨Триста⟩-то стрелам он цену ведает,
А только ⟨трем⟩ стрелам цену не ведает.
Когда бил он из-под камешка, из-под ахонта,
Как убил он ⟨три⟩ орла-орловища,
Он не тех убил, которые летают по сырой земле,
А он тех убил, которые летают по синю морю.
Вот сидит он, орел, на синем камешке
И ронит перыще орлиное.
Мимо едут гости корабельщики,
Собирают это перище орлиное

И везут-то это перище на ярмарку,
И продовают это перище орлиное
Подороже атласа и рыта бархата.
Покупали его мужики индейские,
Приносили его Дюкову батюшку во подарочек,
А теперь он сам убил их Дюк Степанович,
Потому и не может обценить этих ⟨трех⟩ стрелочек.
Со тоей ли радости великоей
Он стал просить у матушки прощеньице-благословеньице
Ехать ему ко городу ко Киеву
Той прямой дорожкой не окольноей.
Говорит ему родна матушка
Чесна вдова Амельфа Тимофеевна:
«Не дам тебе я прощеньице-благословленьице
Ехать ко городу ко Киеву
Той прямой дорожкой неокольноей.
На прямой дорожке неокольноей
Есь ⟨три⟩ заставы великие:
Первая за́става великая —
Стоят тут горы толкучие,
Тые горы врозь растолкнутся,
Врозь растолкнутся, вместе столкнутся,
Тут тебе, Дюку, не проехати,
Тут тебе живу не бывати.
Есь другая за́става великая —
Сидят три птицы клевучие,
Эти птицы тебя с конем склюют,
Тут тебе, молодцу, не проехати,
Тут тебе, Дюку, живу не бывать.
Есь ⟨третья⟩ за́става великая —
Лежит Змеище Горынчище
О ⟨двенадцати⟩ Змея хоботах.
Тая Змея тебя с конем сожрет,
Тут тебе, молодцу, не проехати,
Тут тебе, Дюку, живу не бывать».
Отвечает тут Дюк Степанович
Своей государыне родной матушке:
«Ты дашь благословеньице — поеду,
И не дашь прощеньице — поеду».
Он идет на конюшенку стоялую,
Берет он Бурушка-кавурушка,
По колен в землю было у него зарощено.
Он кормил его пшеном белояровым,

Он поил его сытой медовой водой.
Он седлает Бурушка-кавурушка
Што ль во то седёлышко черкасское,
Он на спину кладет потнички,
А на потнички кладет войлочки,
А на войлочки кладет черкасское седёлышко.
Всех подтягивал ⟨двенадцать⟩ тугих подпругов,
⟨Тринадцатую⟩ клал через хребетну кость,
Не для ради красы, а ради крепости,
Чтобы добрый конь с седла не выскочил,
Добра молодца в поле не выронил.
Подпруги были все шелковые,
Пряжки у седла — красна золота,
Шпеньки были все булатные,
Тогда шелк не рвется и булат не трется,
Красно золото не ржа́веет,
А молодец на коне сидит не ста́реет.
И говорит ему родна матушка:
«Эх ты гой еси, рожоно мое дитятко,
Если случится быть тебе во Киеве,
То не хвастай животишками сиротскими,
Сиротскими животишками да вдовиными».
Только видели молодца сядучи,
Да не видели молодца поедучи,
Да не знают, в котору сторону уехал он.
Первый прыжок — конь вскочил за версту за верную,
Да и тут он останавливался.
Говорит ему голосом человеческим:
«Опущайся-ка ты, хозяин, с меня со добра коня,
Ты бери земли — сыра матери,
Ты подвязывай под плечико под правое,
Да подвязывай под плечико под левое,
Чтоб не страшно тебе было сидеть на мне,
А я стану, Бурушко, поскакивать».
И опущался он со добра коня,
Он подвязывал земли под плечико под правое,
И подвязывал под плечико под левое,
И садился снова на добра коня.
И как стал тут его Бурушка поскакивать
С горы на горы, с холмы на́ холмы,
Реки и озера перескакивал,
Широкие раздолья между ног пускал,
Маленькие речки хвостом застилал.

И прискакал он к первой за́ставы —
Стоят тут горы толкучие,
Не успели горы врозь растолкнуться,
Он и эту за́ставу проскакивал.
Он ко дру́гой заставы прискакивал —
То сидят тут птицы клевучие,
Не поспели птицы крылышки расправити,
Он и тую за́ставу проскакивал.
Он ко третьей заставы прискакивал —
Лежит тут Змеище Горынчище,
Не поспела Змея и одного хобота расправити,
Он и тут за́ставу проскакивал.
Он ко городу ко Киеву прискакивал,
Заезжает он на княженецкий двор,
Привязал коня ко столбу ко точеному,
Ко тому кольцу золоченому,
Сам пошел во гридни княженецкие.
Он Спасу-образу молится,
На все ⟨три-четыре⟩ стороны клонится:
«А где есть князь Владимир стольно-киевский?»
Получает ответ от придворников,
Что князь Владимир стольно-киевский
Он ушел к обеденке Христовоей.
Говорит тут молодой боярин Дюк Степанович:
«Отстоял я дома раннею заутреню,
А сюда поспел и к обедни я».
И пошел он к обедне Христовскоей,
И пошел он тут по улицам вдоль Киева
Во тую во церковь во Божию.
Мостовые-то были там глиняные,
Пооблило водою дождевою их,
И сделала грязь по колени-де,
И замарал он сапожки зелен-сафьян.
Пришел он во церковь во Божию,
Он крест кладет по-писанному,
Поклон ведет по-ученому
На все ⟨три-четыре⟩ стороны,
А князю Владимиру на особину.
«Уж ты здравствуешь, Владимир стольно-киевский,
Со своей княгиней со Апраксией».
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Ты откудова, удалый добрый молодец?» —
«Есь я из Индии богатоей,

Молодой боярин Дюк Степанович».
И стоит он во церкви Божией,
На сапожки свои все поглядыват
И говорят тут в храме таковы слова,
А все тая твердит да голь киевская:
«Не быть тут молоду боярину Дюку Степановичу,
А тут есь какой ни залешанин,
Он убил купца либо боярина,
Не видаючи надел на себя платься светлые,
Все на платьице он все свое поглядываит».
И выходили они из церковьки Божией,
И говорит тут князь Владимир таковы слова:
«Молодой боярин Дюк Степанович,
Ты пойдем ко мне обедати,
Станем белые калачики мы кушати,
А нонь белую лебедушку мы рушати».
И садилися оне за дубовый стол,
Стали белые калачики они кушати.
Молодой боярин Дюк Степанович
Он мякишь ест, а корку под стол метет.
Говорит тут князь таковы слова:
«А ты что мякишь ешь, а корку под стол метешь?»
Говорит боярин Дюк Степанович:
«Я слышал от родителя, от батюшки,
Что Киев-град очень красив-добрист,
Ажно в Киеве у вас да не по-нашему,
Мостовые-то у вас в городе да глиняные,
Подняло их водой дождевою де.
Идя во церковку во Божию,
Замарал я сапожки зелен-сафьян,
А церковки-то у вас деревянные,
А маковки в церквях у вас осиновые,
У вас домики тоже все деревянные,
А печи-то в домах у вас глиняные,
А помяльчики у вас сосновые,
Пахнут ваши колачики на серу на сосновую,
Не могу я есть колачиков ваших крупчатыих.
А вот у нас-то, во Индии богатоей,
Мостовые-то у нас все каменные,
Понасыпаны песочком рудо-желтыим.
Идя во церковку во Божию,
Не замараешь сапожки зелен-сафьян.
Церьковки-то у нас все каменные,

А и маковки в церьквах все золоченые,
Да и домики у нас тоже все каменные,
И крыши в домах у нас тоже золоченые,
А печки в домах у нас муравленые,
А помяльчики у нас все шелковые,
И пекет колачница колачики,
Колачик съешь — другой хочется,
Другой съешь — по третьему душа горит,
Третий съешь — четвертый с ума не йдет».
И говорит ему тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ты молодой боярин, а захвастливый,
Ты ударься-ко с нашим Чурилой об велик заклад,
Что ехать вам во чисто поле поляковать
На три года да еще на ⟨три⟩ дня,
Чтобы на каждый день были кони сменные,
Чтобы в ⟨три⟩ года́ такой шерсти не было,
Чтобы на каждый день платья были сменные,
Сново-наново да все на ⟨три⟩ года,
На ⟨три⟩ года да еще на ⟨три⟩ дня.
И не спущай-от молодца домой сгонять».
Он садился на ременчат стул
И писал письмо он своей матери,
Полагал его в сумки переметные,
Полагал на Бурушка-кавурушка,
Отправлял домой он Бурушка-кавурушка
Он во Индию из Киева,
К родной матери за посылочкой.
И будет конь во Индии богатоей
На том дворе на Дюковом,
Заржал он голосом лошадиныим.
Услыхала голос Дюкова матушка
И говорит она таковы слова:
«Верна нет жива́ Дюка Степановича».
Выходила она на крыльцо на перенное,
Увидала на коне сумки переметные,
И тут она догадалася,
Что ее дитятко — захвастливо,
Завистливо, так знать захвачено.
Брала она с сумки переметные,
Прочитала письмо скорописчато
И посылала ему платьев цветныих
На ⟨три⟩ года и еще на ⟨три⟩ дня,
Снова наново на каждый день по ⟨две⟩ пары,

И полагала на Бурушка-кавурушка,
Отправляла Бурушка ко Киеву.
И будет Бурушка во Киеве
На том дворе княженецкоем,
Заржал голосом лошадиным.
Услыхал его Дюк Степанович:
«Знать, приехала мне посылочка из Индии».
И вот поехали они во чисто поле поляковать.
По тому Чурилу Пленковичу
Держали поруку двума городамы.
А по тому боярину Дюку Степановичу
По нем держал крепкую порукушку
Тот его крестовый батюшка,
Тот владыка Черниговский.
А тот Чурилушка Пленкович
Да во чисто поле погнал лошадей целым табуном,
А молодой боярин Дюк Степанович
Он поутро выстанет ранешенько,
На росы он Бурушка повыкатат,
И на Бурке шерсть переменится.
И так проездили они целых ⟨три⟩ года,
⟨Три⟩ года да ⟨три⟩ дня.
И в ⟨третий⟩ день надо им идти во Божью церковь,
Который из них добрее выступит,
А другому из них голова рубить.
Тому Чуриле Пленковичу
Как в своем-то граде ему дело деется,
Становился он на крыласо на правое,
А молодой боярин Дюк Степанович
Становился он на крыласо на левое.
Как тот Чурилушка Пленкович
Стал он плеточкой по пугавкам поваживать,
Стал он пуговкой о пуговку позванивать,
Как от пуговки было до пуговки
Плывет Змейчище-Горынчище.
Тут во храме все приужахнулись,
Сами говорят таковы слова:
«Что у нашего Чурилушка Пленковича
Есь отметочка против Дюка Степановича».
Тут молодой боярин Дюк Степанович запечалился,
Спустил голову он во сыру землю,
Стал он плеточкой по пуговкам поваживать,
Стал он пуговку о пуговку позванивать.

Вдруг запели все птицы певучие,
Закричали все звери крикучие,
И тут в храме все на земь пали,
И иные даже и умерли.
А князь Владимир заходил раскорякою
И говорит он таковы слова:
«Молодой боярин Дюк Степанович,
Ты закличь зверей всех рыскучиих,
Ты уйми-ка птиц всех певучиих,
Ты оставь бояр мне хоть на семена».
Говорит боярин Дюк Степанович:
«Не твое я ем сегодня, кушаю,
Не тебя хочу сегодня слушати».
И говорит тут его крестовый батюшка:
«Возлюбли́нный ты мой крестничек,
Молодой боярин Дюк Степанович,
Ты уйми всех этих голосастыих,
Ты оставь людей хоть нам на семена».
И говорит тут Дюк Степанович:
«Я послушаю тебя, крестной батюшка,
Я уйму всех голосастыих».
И закликал он зверей рыскучиих,
И приунел он всех птиц певучиих,
А сам говорит князю Владимиру:
«Нам которому с Чурилой голова рубить?»
Говорит Чурилушка Пленкович:
«Поедем-ка мы с тобой через Пучай-реку,
Который не перескочит, тому и голова рубить».
И поезжают оне ко Пучай-реки,
Говорит боярин Дюк Степанович:
«Твоя похвальба наперед зашла,
Поезжай-ка ты через Пучай-реку попереди».
Перескочил Чурилушка через Пучай-реки,
И середь реки он в воду вверзился.
Тут припушшал своего Бурушка-кавурушка
Молодой боярин через Пучай-реку,
Перескочил его тут добрый конь,
И назад скорей он поворот держал,
Посреди реки он припадывал,
И вытаскивал Чурилу он с конем с реки.
А сам говорит таково слово:
«Ай же ты, князь Владимир стольно-киевский,
Нам которому с Чурилой голова рубить?»

Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, молодой боярин Дюк Степанович,
Ты уважь нашего Чурилушку Пленковича,
Не руби ты ему буйной головы,
Ты оставь его нам хоть для памяти».
Говорит молодой боярин Дюк Степанович
Что ль тому Чурилушки Пленковичу:
«Ай же ты, Чурилушка Пленкович,
Пусть ты князем Владимиром упрошенный,
Пусь ты киевскими бабами уплаканный,
Ты не езди с нами со бурлаками,
А живи-ка ты во городе во Киеве,
А ходи-ка ты между бабами».
И опять не спустят добра молодца во Индию,
А направляют туда оценщиков,
Его Дюковых животишек описывать,
А сирот всех вдовиных обценивать.
Отправляют туда Илью Муромца,
Добрыню Никитича и Алёшу Поповича,
И дает князь бумаги на ⟨три⟩ дня и ⟨три⟩ часа.
Говорит тут Дюк Степанович таковы слова:
«Уж ты, князь Владимир стольно-киевский,
Посылай-ка ты туда Илью Муромца и Добрыню Никитича,
А не отправляй туда Алёши Поповича:
Поповские глаза завидущие, поповские руки загребущие,
Алёши оттуда будет не выехать.
Не давай ты бумаги им на ⟨три⟩ дня и на ⟨три⟩ часа,
А дай ты им бумаги на ⟨три⟩ месяца и ⟨три⟩ дня».
Отправлялись тут мужики-оценщики:
Илья Муромец с Добрыней Никитичем.
Забирали бумаги на ⟨три⟩ месяца и на ⟨три⟩ дня.
И подъезжают оны под Индию богатую,
И видят горит вся Индия богатая.
И сами говорят таковы слова:
«Что догадлив молодой боярин Дюк Степанович,
Он велел зажигать всю Индию богатую».
Подъезжают оны ближе к Индии,
А там крышечки горят все от золота,
Оны блеск дают такой на солнышки.
Приходили оны в палаты белокаменны
К Дюковой его матушки
И видят сидит тут старая женщина,
Изукрашена она вся золотом.

И говорят тут мужики-оценщики:
«Уж ты здраствуешь, Дюкова матушка!»
И говорит им старая женщина:
«Есь я не Дюковая матушка».
Идут они во вторые покои белокаменные,
Там сидит женщина еще более того вся в золоте.
Говорят мужики-оценщики:
«Уж ты здравствуешь, Дюкова матушка!» —
«Я не Дюковая матушка, я есь Дюкова калашница». —
«А где же есь она Дюковая матушка?» —
«Дюковая матушка к обедне ушла».
И видят тут мужики-оценщики:
От обедни идет Дюковая матушка,
Двое-трое ведут ее под руки,
Она огнем горит вся в золоте.
Подходят к ей мужики-оценщики:
«Уж ты здравствуешь, Дюкова матушка!» —
«Уж вы здраствуйте, мужики-оценщики,
Знать сиротскиих животинечек приехали описывать».
И повела она их в палаты белокаменны.
Садилися оне за дубовый стол,
Стали они хлеба кушати,
Стали белые калачики оне рушати.
Калачик съедят — другой хочется,
Другой съедят — по третьему душа болит,
Третий съедят — четвертый с ума не йдет,
Так досыта оне пообедали.
И повела их тут Дюкова матушка
Во те подвалы во глубокие,
Ко тем ко сбруям лошадиным.
И писали оне тут у этих сбруй лошадиных
Три месяца и три дня,
И не могли оценить однех сбруй лошадиных.
Повела она дальше по всем погребам по глубокиим,
Показала им именьице все сиротское.
И выводила их на широкий двор,
А тут течет по двору струйка золоченая,
А сама говорит им таковы слова:
«Поезжайте-ко вы, мужики-оценщики,
Вы ко городу ко Киеву
К своему князю ко Владимиру,
И скажите вы князю Владимиру,
Что «наказывала тебе Дюкова матушка:

На бумагу велела продать весь Киев-град,
На чернила продать весь Чернигов-град,
И потом поехать животишечек описывать
Во тую Индию богатую
Ко его ко Дюковой ко матушке».
И приезжает Илья Муромец со Добрынюшкой Никитичем
Они ко князю ко Владимиру,
И говорят ему таковы слова:
«Уж ты, князь Владимир стольно-киевский,
Наказывала тебе Дюкова матушка:
На бумагу велела продать тебе Киев-град,
На чернила продать весь Чернигов-град,
А потом поехать животишечек описывать
Ко его Дюковой ко матушки во Индию».
И говорит тут князь Владимир стольно-киевский
Молодому боярину Дюку Степановичу:
«Ай же ты, молодой боярин Дюк Степанович,
За твою похвальбу за ненапрасную
Ты торгуй у нас во городе во Киеве
Весь ты свой век да все без пошлинно».
И отправляется Дюк Степанович
Во свою во Индию богатую.
Он там сделал доброе здоровьице
Со своей родителью со матушкой.

№ 358

ПРО ДЮКА СТЕПАНОВИЧА

Со того ли города со Галица
Как справляется да снаряжается
Молодой боярин Дюк Степанович
Ехать к городу да ён ко Киеву
Да ко князю ко Владимиру.
Да моется да белешенько
Обтирается да посухешенько
Тонким льняным да полоте́нышком,
Да одевается ён да почистешенько.
Да говорила Дюку родна матушка:
«Как далеко ли ты, чаделко, справляешься,
Куда, чадо, снаряжаешься?» —
«Я поеду, родна матушка,

Я ко городу, ко Киеву
Ко князю ко Владимиру».
Говорила родна матушка,
Как честна вдова Амельфа Тимофеевна:
«Молодой боярин Дюк Степанович,
Как съедешь к князю-то Владимиру,
Так не хвастай-ка животишками,
Так не хвастай-ка животишками
Вдовиныма и сиротскима».
Как поехал молодой боярин
Дюк Степанович,
Седлал он Бурушка косматого,
Был Бурушка косматыи, крылатыи,
И приеждял молодой боярин
Дюк Степанович ко городу ко Киеву.
Ен приехал ко князю ко Владимиру,
Привезал Бурушка косматого
К столбу ко точеному,
К колечку золоченому
Да насыпал пшены да белоярую,
Сам пошел по Киеву да прогулятися.
Как идет по городу по Киеву,
Да идут слуги князя Владимира,
Как делали да они здравие
Заеждим добрым молодцам,
Да просят боярина к князю Владимиру
Хлеба-соли кушати.
Как иде боярин по городу по Киеву,
Как сапожок о сапожок покалацивает,
Да кафтанчиком да потряхивает,
Пуховой шапочкой помахивает,
Сам он разны речи выговаривает:
«Как велика слава да на Киев-град,
А поболе слава на князя на Владимира.
У них всё-то ведь не по-нашему,
Как сапожки мои да замаралисе,
И кафтанчик завалялсе,
И пухова шапочка да запылилася.
А у нас-то как во городе во Галице
У моей-то родной матушки,
У честной вдовы Амельфы Тимофеевны,
Как от палаты белокаменной,
По городу по Галицу

Замощёны мостоцки калёныи,
Поставлены столбчики точёные,
Порученьки кладены да золоцёные,
Постлано суконч́о оденч́овое,
Посыпано песоцком рудо-желтыим.
Как идешь, сапожоцок не замарается,
И кафтанчик не заваляется,
И пухова щапочка не запылится».
Приходили ко князю ко Владимиру,
Ко питва ты медвяныи.
Дюк чарочку пьет,
Сверху на стол плескает,
Середочку пьет, а снизу под стол плескает.
А колачиком крупивчатым да закусывает,
Так верхну короцьку на стол кладет,
А как серёдочку ест,
А нижню корочку под стол спускает.
А сам он боярин выговаривает:
«Как велика слава да на Киев-град,
А побольше слава на князя Владимира,
У них всё да не по-нашему,
Как напиточки-то у них медвяные
Пахнут на дерево на дубовое,
А колацики то да крупивцяты,
Сверху-то пахнут на помяльцо сосновое,
А снизу пахнут на гнилу на болотнию.
Как у нас-то во городе во Галици
У моей родной матушки,
У цестной вдовы Амельфы Тимофеевны,
Как напиточки ты медвяныи
Да в бочках-то да серебряных
Да висят на цепях-то золоченыих
В погребах глубокиих.
А как пекет колацики да крупивцяты,
Так у ней печка-то яловцята,
А помяльцо-то шолковое,
Мацет в воду ту медовую,
Да колацики-то ешь — другого хоцетце,
А по третьиму-то колачику — душа горит.
А чару пьешь напиточки медвяные,
Чару пьешь — другой хочется,
А по третий-то — да душа горит».
Говорил-то Чурилушка Пленкович:

«Владимир-князь стольно-киевский,
Да не голь ли к нам кабацка да приехала,
Да не подпорина ли к нам госпоцкая,
Как пустым да сидит, хвастает».
Да говорил тогда Владимир-князь:
«Молодой боярин Дюк Степанович,
Как ударь-ко ты с нашим Чурилушкой
О велик заклад на цельный на годицок,
Да на каждый ты на долгой деницок,
Были бы платьица сменныи,
А кони были бы в каждый день переменныи».
По Дюку Степановичю,
Да никто да не руцяется,
Один руцяется князь черниговской
А по Чурилу по Пленковичу.
Тут они и приударили,
Да приударили да о велик заклад.
Молодой боярин Дюк Степанович,
Как он писал письмо да скоропивчато
Да своей он родной матушке,
Ко честной вдовы Амельфы Тимофеевны:
«Как моя да родна матушка,
Присылай-ка ты платьицев цветныих,
Да на целый годичек, да на каждый деничек,
Чтобы были платьица сменныи,
Да кони переменныи,
С Чурилушкой ударили мы о велик заклад».
А кладывал песемышко под черкальское седёлышко
И отправлял Бурушка косматого
К своей родной матушке.
Прискакал Бурушка во город, да во Галиче
И заржал у окоцечка у родной матушки.
Говорит матушка Дюкова:
«Мое да чаделько, видно, порасхвасталось
Животишками вдовиныма, сиротскима».
Да приходила Дюкова матушка,
Снимала седёлышко,
А под седёлышком писемышко.
И читала Дюкова матушка,
И навалила телеги ордынские
Платьицев цветныих,
И отправляла к Дюку Бурушка косматого.
И начали с Чурилушкой гулять

На каждый день, чтобы были
Платьица сменныи и кони переменныи.
Как Чурилы Пленковичу купцы из Киева, из Чернигова
На каждый день ставят платья разныи,
А у Дюка Степановича платьица сменные,
Хватит на десять лет.
Бурушка на росы утром покатается,
У Бурушки на каждый день шерсточка сменяется.
И гуляли целый годичек.
На последний-то на деничек
Одевал Чурилушка как платьице цветное,
Как по пуговкам — добры молодцы,
Как по петелкам — красны девицы.
А молодой боярин Дюк Степанович
Одевал платьицо самоцветное
На последний деничок,
Как по пуговкам — люты звери,
А по петелкам — будто чисты змеи.
Тут обступили де общенивать
Со всего да города из Киева,
Из Киева, из Чернигова.
Как девки-бабы обступили, ведь:
«Перещеголял Чурилушка Пленкович».
Как говорит да князь черниговский:
«Как по девкам, по бабам — ценнее, лучше щегольство Чурилы Пленковича,
Как по братии господской — лучше щегольство Дюка Степановича».
Тут еще пуще Дюка задор берет:
«Ударим-ка, Чурилушка Пленкович, о свою буйну голову,
Которого конь перескочит через Днепру-реку —
Тот уедет,
А которого не перескочит —
Того отрубить буйну голову».
Тут они и приударили.
Шел боярин Дюк Степанович
Ко Бурушку косматому,
И говорит боярин Дюк Степанович:
«Уж ты, Бурушка косматый,
Слободи меня от смерти от напрасной,
Перенеси меня через Днепру-реку».
И приеждял боярин Дюк Степанович
Ко Днепре-реке,
И тут стоит публики прекрасноей.
И приехал на коне на возвышенном

Чурилушка Пленкович.
Говорит Дюк Степанович:
«Поеждяй-ка, Чурилушка Пленкович!»
Говорит Чурилушка Пленкович:
«Поеждяй, Дюк Степанович,
Твое бахвальство наперед зашло».
И поехал молодой боярин Дюк Степанович.
И Бурушка не только что не проскочил,
Так еще стольки вперед скочил.
А поехал Чурилушка Пленкович,
Да середи Днепра с конем плавает.
А поехал взад Дюк Степанович,
Захватил Чурилушку за волосы,
Да выплавил Чурилу с конем
На желтый песок.
Разложили отрубить Чурилы буйну голову,
И просят девки, бабы:
«Оставь во живости, боярин Дюк Степанович!»
Никого Дюк не слушает.
Стал просить князь черниговский:
«Оставь Чурилу, боярин Дюк Степанович, во живности,
Только пусть гуляет между девками да между бабами,
Не касается между нас,
Да в господскую братию».
И говорит Владимир-князь:
«Кого же послать описать Дюково именьице?» —
«Пошлем Алёшу Поповича».
Да говорит молод боярин Дюк Степанович:
«Владимир-князь, не посылай Алёши Поповича,
Алёша роду поповского,
У Алёше глаза блядски —
Разглядится на мою коровницу да портомойницу,
Так не дожидаться нам назад буде.
А пошли-ка Добрыню Никитича,
Да Михаилу Потыка Ивановича —
Тыи молодцы ученые,
Так знают моей матушке честь отдать».
Да навалили телегу-то ордынскую
Бумаг-то ёны со чернилами,
Поехали описывать Дюково именьице.
Как доехали близ города, близ Галича,
Как деничек-то был да явственный,
Увидели-то город Галичу —

Горит город Галича.
Молодцы установилися —
Да ни город-то горит Галича,
Да от крыш солнечное дало сияние.
Устоялися да разгляделися
И поехали во город да во Галичу.
Приежджяли, спросили, где живет
Дюковая матушка.
Сказали: «Нету в доме Дюковой матушки,
Уйдено из дому со служанками
По городу прогулятися».
Постановили коней у Дюковой у матушки,
У палаты белокаменной,
И пошли глядет по городу —
Как мосточки-то калёныи,
Столбики точеныи,
Поручинки золоченыи,
Сукончо постлано одинчовое,
Посыпано песочком рудо-желтыим.
Идут молодцы — сапожки не мораются,
Кафтанчики да не валяются,
Пухова шапочка не запыляется.
Как попала толпа душ да красных девушек,
Как делали молодцы да с ними здравие:
«Здравствуйте, души красны девушки!
Не идет ли меж вами Дюкова матушка?»
Отвечали души красны девушки:
«Да не идет Дюкова с нами матушка,
Это Дюковы мы портомойницы».
Молодцы да вперед идут.
Идет толпа молодых молодушек,
Они низко им да поклонилися:
«Как, молодые молодушки,
Не идет ли между вами Дюкова матушка?»
Отвечали молодые молодушки:
«Не идет между нами Дюкова матушка,
Это идем мы — Дюковы коровницы».
Молодцы да вперед идут.
Попадает толпа старушек старо-матерых.
Они низко им да поклонилися:
«Не идет ли Дюкова матушка?»
Отвечали старушки старо-матеры:
«Не идет с нами Дюкова матушка,

Это мы — Дюковы ключницы».
Вперед пошли —
Ведут Дюкову матушку,
Двое под руки ведут,
А третья вслед хвост несет.
Поздоровкались с Дюковой матушкой.
Говорит Дюкова матушка:
«Видно, мое чаделько порасхвасталось
Дюковыми животишками,
Вдовиныма, сиротскима».
Как у Дюковой-то матушки
Башмачки-то шолковыи,
Камешки-то вплетены драгоценные да самоцветные,
Так вперед дают сияньице.
Приводила в свои палаты белокаменны
Добрых молодцев Амельфа Тимофеевна,
Как честила молодцов питвами медвяными,
Колачи ели крупивчаты.
Чару пьют — другой хочется,
А по ⟨третьей⟩ — душа горит.
Колачи едят:
Один колачик ешь — другого хочется,
А по ⟨третьим⟩ — душа болит.
Говорили молодцы Дюковой матушке:
«Мы гостюшки приехали
Описывать Дюково именьице».
Отворяли кладовы да знаменитые,
Где Дюково хранится да именьице.
Да писали молодцы да три месяца,
Да росписали телегу ордынскую бумаг со чернилами
И возвратилися к князю Владимиру,
И спросил Владимир-князь:
«Расписали ли Дюково именьице?»
Отвечали молодцы:
«Продай Киев-град со Черниговом,
А купи бумаг со чернилами,
Тогда хватит али нет описать.
Прикажи ободрать по Руссее все березники,
Так на бересто тогда мы повыпишем».
Тым былина и покончилась.

№ 359

ПРО ДЮКА СТЕПАНОВИЧА

Как с того ли то а со города а со Галици
Молодой боярин Дюк Степановиць
Как справляетце а боярин, снаряжаетця
Ехать к городу и ён ко Киеву
И ко ласкову князю ко Владимиру.
Говорила Дюку родна матушка:
«Далеко ли, Дюк, а справляессе,
А далеко ли, голубь, снаряжаессе?» —
«Поеду я, родна матушка,
Ты цесна́ вдова Омельфа Тимофеевна,
Я поеду ко городу ко Киеву
А ко князю-то Владимиру».
Говорила Дюку родна матушка:
«Как у князя у Владимира
А не хвастай-то животишкамы вдовиныма,
Как вдовиныма животишкамы,
А не хвастай-ко сироцкима.
Тут седлал боярин-то Дюк Бурушку косматого,
Ен кладал войлуцки а на потницьки,
А вверех кладал а седёлышко да церкальское
С подпругамы-то а с шелковыма,
С стременами ли золоцёныма.
Как садилсе Дюк на добра́ коня,
Поднялси только пыль от копыт да ку́ревка.
А поехал-то боярин а во Киев-град,
Приежджял-то боярин а во Киев-град,
Привязал-то он Бурушка косматого
Ко тому ли столбу да ко тоцёному,
А к колецьку а к золоцёному,
Как насыпал пшены да белоярою,
Сам пошел а пошел по городу,
Он по городу пошел а по Киеву,
Видь у князя-то у Владимира
Было-то да видь постановлено
Приглашать-то видь князю во гостебицо.
Приходил-то видь молодень-то видь боярин Дюк Степановиць,
Как садился ко князю во гостебицу,
А ел-то ён да колацики ты крупивцаты,
Верхну короцьку ён на стол кладет,

Как серёдоцьку ес⟨т⟩,
А нижню короцьку под стол спускает.
Сам-то боярин выговаривает:
«Как велика слава да на Киев-град,
А поболе слава на князя Владимира,
У них всё-то видь не по-нашему,
Как колацики-ты да крупивцяты,
Сверху пахнут-то на помяльце сосновое,
Снизу пахнут-то на гнилу на болотною.
Как у нас-то во городе во Галици
У моёй-то видь у родной матушки,
У цесной вдовы Омельфы Тимофеевны,
Как пекет ёна колацики да крупивцяты,
У ей пецька-то видь яловцята,
Как помяльцё-то у ей-то есь шолковоё.
Как пекет-то колацики да крупивцяты,
Дак колацики-то ешь — другого хоцецце,
А по третьему — душа горит».
А цяроцьку-то пьет да сверху на стол плескат,
А серёдоцьку пьет, снизу да на стол плескат,
А сам-то боярин выговариват:
«Как велика слава-то на Киев-град,
А поболе слава на князя на Владимира,
У них всё-то ведь не по-нашему,
Как напитоцьки-ты медвяныи
Пахнут-то на деревьцо дубовое.
Как у нас-то во городи во Галици
У моёй-то да родной матушки,
У цесной вдовы Омельфы Тимофеевной,
Как напитоцьки у ей медовыи
Как в боцьках-то во серебряных
Как висят-то на цепях на золоцёныих
А во тых погребах да во глубокиих.
С погребов-то прокопаны проводы-то,
А проводы-то да во цисто поле,
Как завивают буйны витероцики,
Так на цепях-то боцки зашатающце,
Запоют-то как гуси-лебедушки».
Говорил-то Чурилушка Пленковиць:
«Как ты, солнышко Владимир-князь да стольно-киевский,
Как ни голь ли к нам кабацка да приехала,
Не подпорина ли к нам госпоцкая?»
Говорил же тут да Владимер-князь:

«Молодой боярин Дюк Степановиць,
Как ударь-ко ты да о велик заклад
С нашим-то с Чурилой со Пленковицьем,
Как ударь-то на цельный ты на годицек,
Штобы на кажной-то да долгой деницек
Были бы платьиця-то сменныи,
Были бы то кони переменныи».
Как-то Дюку да Степановицю,
Как никто по нем да не руцяецце,
Только руцяецце один князь видь цернигoвской,
Што перещеголят молодой боярин Дюк Степановиць
По Чурилы-то да Пленковиця.
Все купцы руцяюцце видь из Киева,
Как из Киева да из Цернигова:
«Перещеголят Чурилушка да Пленковиць
Молодого боярина Дюка Степановица».
[Как писал-то боярин Дюк Степановиц,]
Как писал-то он письмо да скоропивцято,
Ко своёй-то Дюк ко родной матушки:
«Мы с Цурилой Пленко да приударили,
Как ударили на целой гулять годицёк,
Как на всякий-то да на диницек,
Штобы были платьиця-ты сменныи,
Были бы кони-ты да переменныи,
Присылай-ко, да родна матушка».
Кладывал Дюк писёмышко
Под церкальское да под седёлышко,
Отправлял-то ён Бурушко да косматую.
Прискакал Бурушка да косматыи,
Как прискакал он ко Дюковой ко матушки,
Как заржал-то ён да у окошецька.
Выходила Дюковая матушка,
Вынимала с Бурушка она седёлышко,
Под седёлышком видит е писёмышко.
Как цитала письмо да скоропивцято,
Наваливала телеги ординскии
Она цветными-то и платьицем,
Как отправила Бурушку да косматого.
Был видь Бурушка у них да косматыи,
Как поутрышку только выведет по росы покататисе,
[На нем шорстоцька да сменяеце.]
Нацяли гулять с Цурилой со Пленковицем.
Купци киевски да цернигoвски

Как становят Цуриле да Пленковицю
Они платьиця да ведь цветныи,
И коней-то видь ставят переменныих.
Как на последний да на деницек,
Как гуляли-то да целый годицек,
Одевал-то видь платья самоцветныи
Как Цурилушка да и Пленковиць,
Как по пуговам да добры молоццы,
Как по петелкам да красны девушки.
Одевал-то платьице цветное
Молодой боярин Дюко да Степановиць,
Как по пуговкам да как люты звери,
А по петелкам да как цисто змеи.
Закрыцяли девки, бабы-то:
«Перещеголял Чурилушка да Пленковиць,
Как и лучше щегольство Чурилино».
Говорил-то ведь князь черниговский:
«Как гля девок-то, для баб
Щегольство лучше Чурилино,
Как гля нашей для братии господскоей
Лучше щегольство Дюка Степановиця».
Тут говорил боярин Дюк Степановиць:
«[Как Чурилушка да Пленковиц,]
Ударим-ко в заклад о [своей] буйной о головушки,
Которого добрый конь перескоцит через Непру-реку,
Как которого не перескоцит ведь,
Тому отрубить буйну голову».
Тут садился Дюк да на добра коня,
И сидит на́ кони Чурилушка да Пленковиць.
Вся-то публика стоит, глядит.
Говорит боярин Дюк Степановиць:
«Поеждяй видь, Чурилушка Пленковиць».
А говорит-то Чурилушка Пленковиць:
«А твое ли бахвальство наперед зашло,
Поеждяй-ко наперед, да Дюк Степановиць!»
Как поехал боярин Дюк Степановиць,
Как скоцил-то Бурушка да косматый,
А не только он да не доскоцил,
А еще он столько да ён вперед скоцил.
А поехал Цурилушка да Пленковиць,
В середине [реки] ен да с конем плавае,
Как возвратно поехал Дюк Степановиць,
Захватил Чурилу да за во́лоса,

Выплавил Чурилу на желты́й песок,
Разложили Чурилы отсець да буйну голову.
Девки, бабы вси да Дюку молецця:
«А оставь-ко Чурилу, Дюк, во живности!»
Никого-то Дюк да видь не слушае.
Стал просить Дюка князь-то черниговьский:
«А оставь-ко, Дюк, Чурилу ты во живности,
Пусть гулят Чурила межу девками, между бабамы,
Не касается в нашу братию господскую».
А говорил-то видь да Владимир-князь:
«А кого послать описать и Дюково именьице?
А пошлем-то мы Олёшеньку Поповиця?»
А говорил-то видь боярин Дюк Степановиць:
«А Владимир-князь да стольно-киевской,
Не посылай-ко Олёши да Поповиця,
Олёша роду-то да е поповского,
У Олёшеньки глаза да загляженныи,
Разглядится на моих да коровниц, портомойниць-то,
Не дождаться нам да назад будет.
Как пошлю-ко Добрыню да Микитинця,
Да пошлю Михайлу Потыка да Ивановиця.
Эти молоццы-то е уцёныи,
Ены знают моей матушки да цесь отдать».
Навалили телегу-то ординскую,
А бумаг-то оны да со цернилами.
Как поехали-то добры молоццы
Как ко той ли ко городу ко Галици.
Как доежджят до города до Галици,
Был и деницек да был видь ясвенной.
Устоялисе́ они, да добрым молодцам,
Што горит-горит да город Галиця,
А не горит-то ведь да город Галиця,
А великое-то есте да сияньицо:
Как видь крыши-то да золоцёныи,
Как тут же молодцы да разгляделисе.
Приежджяли во город-то во Галицю,
Как спросили про Дюкову матушку,
Как сказали нету дома Дюковой-то матушки,
Ушла Дюкова матушка к обеденки.
Как пошли-то видь да добры молоццы
Как от палаты-от Дюковой да матушки
Как до церьковки до соборноей:
Замощены мостоцьки-то калёныи,

Поставлены столбики-ты видь точеныи,
Поруцинки кладéны да золоцёныи,
Положено суконцо одинцёвое,
Посыпано песоцьком рудо-желтыим.
Как попадат толпа да красных девушек,
[Молодцы] низко да видь поклонилисе:
«Здравствуйте, ко-вы-да красны девушки!
Не идет ли между вами Дюкова матушка?»
Отвечали-то да красны девушки:
«Не идет между нами Дюкова матушка,
Это Дюковы да портомойницы!»
[Молодцы да вперед идут,]
Как попала толпа молодых молодушок,
Они низко им да поклонилисе:
«Здравствуйте, молодые молодушки,
Не идет ли между вами Дюкова матушка?»
Отвечали молодые молодушки:
«Не идет между нами Дюковая матушка,
Это идем мы — Дюковы коровницы,
Дюкова матушка да у обеденки,
Это Дюковы да мы коровницы».
Как тыи молодцы да и вперед идут,
Как идет толпа старушек старо-матерых,
Ёны низко им да поклонилисе:
«Здравствуйте, старушки старо-матеры,
Не идет ли между вами Дюковая матушка?»
Отвецяли старушки старо-матеры:
«Не иде между намы Дюковая матушка,
Это Дюковыи да мы есь ключьницы,
Как пойдет Дюковая матушка —
Двое под руки поведут, третья вслед платьиця несет».
Как подошли-то ведь да добры молодцы,
Как ведут-то да Дюковую матушку,
Они сделали с ей доброго здоровьиця.
Как говорила-то Дюковая матушка:
«Видно, моё де цяделко порасхвасталосе,
Животишкамы ведь вдовиныма,
Как вдовиныма животишкама сироцькима».
Как у Дюковой да ведь у матушки,
Как бацмацьки на ножках-ты шолковыи,
Как заплетены все камешки-ты драгоценныи,
Драгоценны камушки-то самоцветныи.
Брала молодцов-то она за руки,

Как вела к себе в палаты белокаменны,
Как садила за сто́лы за дубовыи,
Ёни ели калацики крупивцяты,
А ведь пили напитоцьки медвяныи,
Говорили самы ены промеж собой:
«Не пустым-то, видно, в Киеви Дюк хвастал видь!»
Говорили Дюковой видь матушки:
«Как мы в гостюшки к тиби приехали,
Описать посланы именьицё».
Как писали-то ёны да тут месяця,
Расписали телегу-то ординскую,
Как бумаги-то видь да со цернилами,
Не могли описать Дюково-то видь именьице.
Возвратилисе ко князю ко Владимеру.
Как спросил-то князь да стольно-киевский:
«Описали ли всё Дюково именьице?» —
«А продай-ко ты город Киев со Цернигoвым,
А купи-ка ты бумаги да со цернилами,
То хватит ли нет описать Дюково именьице,
Прикажи ободрать по Руси вси берёзиньки,
На береста-то где да всё повыпишем».
И тым былина да поконцилась.

№ 360

ПРО ДЮКА СТЕПАНОВИЧА

Во да́личи во городе во Га́личе,
Во той Корелы широкия
Жил-был молодой боярин Дюк Степанович.
Отстоял он рано заутренну Христоскую,
Христоскую великодённую,
Выходит на круто на красно на крылечушко,
Ожидаёт свою государыню матушку,
Говорит боярин таково слово:
«Ох ты ой, моя родна матушка,
Честная́ вдова Офимья Александровна,
Дай-ко ты мне прошеньице, дай благословленьице
Ехать мне во Киев-град».
Говорит его родна матушка:
«Ох ты, мое чадо мило,
Ох ты, мое чадо похвальное,

Ведь много во Волхови воды течет,
А много во Киеве людей живет,
Пропадет твоя головка вместо камешка». —
«В хороброй Литвы ведь бывано,
Стоя́лы там питья пи́ваны
И крупивчаты колачики е́даны,
И в каменной Москва, матушка, бы́вано,
Стоя́лы там питья пи́ваны
И крупивчаты колачики е́даны.
А во стольноем городе не бы́вано,
Стоя́лы там питья не пи́ваны,
И крупивчаты калачики не е́даны,
И ласкового князя Владимира не ви́дано.
И дашь прощеньица — поеду я,
И не дашь благословленьица — поеду я во Киев-град».
И стоит его родная матушка:
«Лучше дать ему прощенья и дать благословленья».
И дала ему прощенья и дала благословленья.
Потом скоро ходил на конюшню белодубову,
Коня седлал своего косматого Бурушка,
Потнечки клал на потнечки,
Седёлышко черкацкое наверёх кладал.
И видли молодца сядучи,
А не видли удалого поедучи.
Реки-озера промеж ног пускал,
А темны леса перескакивал,
Поспел к обеденки Христосския великоденныя во Киев-град.
Потом отстояли обеденку Христосскую,
Христосскую, великоденную,
Пошли ко князю на почестной пир.
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру наедалися,
Умной хвастат отцом-матушкой,
А безумной хвастат молодой женой,
А Дюк Степаныч хвастат родной матушкой:
«Как у моей родитель-матушки
Питья не пахнут на плисень погребовую,
У нас выкопаны перекопы с синя́ моря́,
И кладены бочки на цепи железные:
Так не гуси ли, лебеди зачи⟨л⟩кают,
А у нас на цепях бочки зачилкают.
Ества у моей родитель-матушки
Не пахнут на печину кирпичную».

Потом сидит Чурила Поплёнкович:
«Это есть, говорит, не молодой боярин Дюк Степанович,
Есть-то, есть детина засельщина,
Засельщина, деревенщина,
Пустым-то детина похвастыват.
Тут бились с Чурилой они о велик заклад:
Общинить пожитки Дюковы.
Никто не ручается за Дюка Степановича,
Ручался старый казак Илья Муромец да Василий Буслаевич
И млад Ермак Тимофеевич —
Съездить общенить пожитки Дюковы.
А потом съездили общенивать пожитков Дюковых:
В перьву комнату заходят —
Десять девиц держат подсолнечник.
Они сказали:
«Здравствуй, Дюкова матушка!»
Она сказала:
«Я не Дюкова матушка, а Дюкова колачница».
Во вторую комнату заходят —
⟨Двадцать⟩ девиц держат подсолнечник.
Они сказали:
«Здравствуй, Дюкова матушка!»
Она сказала:
«Я Дюковой матушки горнична».
В третью комнату заходят —
⟨Тридцать⟩ девиц держат подсолнецник.
И они говорят таково слово:
«Здравствуй, Дюкова матушка!»
Она говорит:
«Откуда есть, добры молодцы?»
Говорит старый казак Илья Муромец:
«Есть мы из города из Киева:
Старый казак Илья Муромец
И млад Ермак Тимофеевич
И Василий Буслаевич».
И потом она и говорит:
«Об чем вы здесь, добры молодцы,
Что вы здесь исполняете?» —
«Исполняем мы, приехали общенить пожитки Дюковы».
Она скинула башмак с ноги: «Общените, — говорит, — мой башмак».
Дак они не могли общенить одного башмака,
А не то, говорит, пожитков Дюковых.
И потом уехали домой —

Они видят, что тут толсто дело.
Дюк Степаныч и Чурила Поплёнкович
Бились о велик заклад:
Ходить-щапить по городу по Киеву по три году,
И на каждый день носить платья сменные.
Так на Чурилу справляли всем Киевом,
А на Дюка справляла одна матушка.
Три года прошли — прощапили.
Последний день приходит пощапка,
Дак у Дюка шуба соболиная,
А в петелки слито по ворону граючему,
А в крючки влито по змею свистучему,
У Чурилы в крючки слито по мóлодцу,
А в петелки влито по девице.
Все киевляна говорят:
«Всё была пощапка Дюкова,
А сёдня, — говорят, — пощапка Чурилина».
Дюк Степанович захватил князя Владимира под пазуху,
А княгиню Опраксию под дрýгою
И провел по пуговкам да и по петелкам —
И зарычали вороны граючие,
Засвистали змии клевучие,
Не слышно было звону колокольного.
И говорит боярин таково слово:
«Будя, — говорит, — молодой боярин, будя».
Тут оказалась опять пощапка Дюкова.
И потом бились они с Чурилой о велик заклад:
Скакать через матушку Пучай-реку,
Который не доскочит, упадет в матушку Пучай-реку —
И голова на плаху.
Сели на коней; отъехал Дюк Степанович и пал коню в ноги,
Говорит таково слово:
«Перенеси ты меня, Бурушко, через матушку Пучай-реку».
И говорит Бурушко таково слово:
«Спасибо, Дюк Степанович,
Что пал мне в ноги,
Чурилин, — говорит, — конь мне-ка старший брат».
И потом Чурила разъехался и пал
В матушку Пучай-реку.
А Дюк Степанович поехал,
Схватил его за волосы
И вытащил из воды с конём и со всим
И отсек ему буйну голову.

№ 361

ПРО ДЮКА СТЕПАНОВИЧА

Он у матушки да давается
Молодой боярин Дюк Стёпанович:
«Ты спусти меня, родна матушка,
Съездить меня да во Киев-град
К солнышку князю Владимиру
В любимо гостёвищо».
Приезжал молодой боярин Дюк Степанович,
И кормили его ествама сахарьнима,
И поили его питьями медвяныма.
Верхнюю он короцку под стол кладет,
А пиво пьет да все поплевыват.
Говорил ему солнышко князь стольно-киевской:
«Что же ты пьешь, да все поплюиваешь?» —
«У моей-то у добротушки у матушки
Во погребах глубокиих бочки-то на цепья повешены,
Дак пиво на затхаль не запахнуло». —
«А почему ты верхню короцку на стол кладешь?» —
«А у вас, верно, помяльца-то сосновые,
Дак короцки на хвойку призапахнули,
У моей-то у добротушки у матушки
Помяльца-то ести шелковые».
Солнышко князь стольно-киевской
Собрал он могучеих богатырей
И говорил ен им да таковы слова:
«Не напрасно ли ён да восхваляется?
Съездите и опишите его имущество».
И направил ён туды трех богатырей.
И писали ёны да трои сутоцки —
Описать не могли его имущества.
Приехали ко солнышку Владимиру
И сделали заповедь великую — щапи́ть целый год
И всё во сменныех во платьицах.
Чурилке Щапленкову справлять всем Киевом-градом,
А Дюку Степановичу — своим хозяйством.
Кто кого перещапит, тому и животы останутся.
Вот они щапили в кажный день:
Чуриле поставляли всем Киевом,
А Дюк Степанович кажный день да перещапливал.
Справлялися к обеденки Христоськую,

Пришли они во церьковь богомольную.
И приходит туда Дюк Степанович:
У его так да было изукрашено —
Все огнем да в церькви загорелоси.
Говорил Чурилка-то Щапленкович:
«Это все, — говорит, — неправильно:
Кто скоцит скорее через Днепру-реку,
И за тым да все останется».
Вот оны с ним поехали.
И говорил Дюку добрый конь:
«Хоть коню-то казака Ильи Муромца я и меньшой брат,
А не поддамся брату бóльшему».
Вот поехали они через Днепру-реку.
Скоцил Чурилка попереди Дюка Степанова —
И упал Чурилка во Днепру-реку.
И пришпорил Дюк Степанович
Своего коня доброго
И схватил Чурилку за желты́ кудри,
И вытащил Чурилку со Днепры-реки.
И тут Дюк Степанович пере́щапил.

№ 362

О ДЮКЕ СТЕПАНОВИЧЕ

Молодой боярин был Дюк Степанович,
Поезжал ён из города из Галича
Во матушку да во Русиюшку
А во город ён стольне-киёвской
Ко ласковому князю ко Владимёру,
Говорила ёму родная матушка:
«Молодой боярин Дюк Степанович,
А ид⟨ь⟩-ко ты в матушку Русиюшку,
А во город ты да во Киёвьской
А ко ласковому князю ко Владимёру.
А теби туды не проехати,
А на пути да на дороженьки
А есь тут да три заставушки:
А пе́рва за́става — птичи клювучии,
А дру́га за́става — волки едучии,
А под городом под Киёвым
А во чистом поли́ да во бело́м шатри́

А там сильний могучий бога́тырь есь,
Ён не допустит тебя до города Киёва,
До того до ласкового кня́зя до Владимёра,
Ён убьет тебя моло́дого Дюка Степановича».
Молодой боярин Дюк Степанович
А родной матушки не слушалсе,
А седлал ён да тут добра коня,
Кладывал ён потнички на потнички,
А потнички были бархатнии,
А кладывал ён подпружки на подпружки,
А подпружки были шелко́вые,
А пряжки были золоченыи,
А шпеньки были жолеза булатьного.
А кладывал ён войлучки да серебрёныи,
А черкальскоё седло наверёх кладывал
Не ради ён красы-басы, а ради крепости,
А для своей ён силы богатырскою,
А для своей поезьки молодецькую.
Молодой боярин Дюк Степанович
А садился на добра́ коня,
Поезжал ён тут да с широка двора,
А видли добра молодца сядучи,
А не видли молодца поезжаючи
Из города из Галича.
Молодой боярин Дюк Степанович
А ехал ён да на добро́м кони́
Во славной ён да во Киёв-град
Ко тому ли ко ласковому князю ко Владимёру.
Наезжал ён тут да на птиць клёвучиих,
А приправил ён да тут добра коня
А выше лесушку стоячего,
А ниже облаки ходячаго,
А добрый конь у его да стал ускакивать,
А от смерти стал Дюка Степанова уважывать.
Молодой боярин Дюк Степанович
Проехал птиць ён клёвучиих.
А поезжал ён тут да на во́лков едучиих,
А молодой боярин Дюк Степанович
Приправил своего добра коня,
А добрый конь от волков стал ускакивать,
А от смерти стал его уважывать.
Подъезжал как ён ко городу ко Киёву,
А во чистом поли да тут стоит бело́й шатер.

А молодой боярин Дюк Степанович
Подъезжал ён тут да ко белу шатру,
А выходил тут со бела шатра
Старый казак да Илья Муромец,
А говорил как ён тут таковы слова:
«А куды ты идешь, добрый молодец,
А куды ты идешь, куда путь держишь?»
А молодой боярин Дюк Степанович
Скочел ён тут жа со добра коня,
А снимал ён с головы шляпу богатырьскую,
А кланялсе ён старому казаку Илье Муромчу да ён до поясу,
Ну говорил молодой боярин Дюк Степанович
Старому казаку Ильи Муромчу:
«Старый казак ты, Илья Муромеч,
А едино солнышко пекет да и на неби,
А один ты богатырь есь да на Русиюшки».
Ну старому казаку Ильи Муромчу,
Таковы слова ему пондравились,
Говорил ён Дюку Степанову:
«Молодой боярин Дюк Степанович,
Заходи-ка ко мни да во белой шатер,
А садись-ка со мной да за дубовый стол,
А поидим-ка мы естьицев сахарьниих,
А попьем-ко питьицев медвяныих».
Молодой боярин Дюк Степанович
Заходил он к старому казаку Ильи Муромчу,
Заходил ён во белой шатер,
А со старым казаком Ильей Муромчем
Садились оны вмисте за дубовый стол,
Поили оны кушаньев сахарьниих,
А попили они питьицев медвяныих
А со старым казаком Ильей Муромчем.
Старый казак Илья Муромеч
Сказал молодому боярину Дюку Степановичу:
«Молодой боярин Дюк Степанович,
Как съидишь во славный во Киёв-град
А ко князю ко Владимёру,
Какая будет над тобой невзгодушка,
Ты стреляй-ка стрелочку калёную
Да во чисто поле да ко мни ко белу шатру,
Да и стрелочку стреляй подписанну».
Молодой боярин Дюк Степанович
Прощалсе со старым казаком Ильей Муромчем,

А садилсе ён да на добра коня,
А ехал во славный Киёв-град
А ко князю ён да ко Владимеру.
А ехал к князю́ да ён на ши́рок двор,
Выходил ён тут да со добра коня,
Привязывал молодой боярин Дюк Степанович
К столбу ли ён точеному,
А к тому ли кольчу да золоченому,
А сам-то шел во гридню столовую
Ко князю́ ён да ко Владимёру.
Заходил-ка ён во гридню столовую
Молодой боярин Дюк Степанович,
А кланялсе ён на вси четыре стороны,
А князю́ Владимеру кланялсе в⟨о⟩со́бину;
А кланялсе ён да тут до пояса,
Кланялсе князю со княгиною
Молодой боярин Дюк Степанович.
А стольне-киевский князь да стал выспрашивать:
«Откуда ты, удалая удалинка,
Откуда есь ты, добрый молодеч,
Какой же ты орды да какой земли,
Какого ты роду, какого племени,
(*Надо всё узнать.*)
Какого ты отча, какой ты матёри?»
А молодой боярин Дюк Степанович
Говорит князю да ён Владимеру:
«А естя я из города из Галича
А молодой боярин Дюк Степанович».
(*Дальше князь посадил его за дубовый стол.*)
Садил его князь за столы за дубовыи,
За кушанья ён да за саха́рьнии,
А за питьица да за медьвяныи.
А молодой боярин Дюк Степанович,
Покушал как ён кушаньицов саха́рьниих
Да у князя у Владимера,
Говорит ён князю да Владимеру:
«Стольно-киевский князь да Владимер,
У тебя хлеб-то снизу припрел, а сверху пригорел,
А серёдка тесто тестом, да и на хвою пахнет».
А хлёбнул как питьицов медвяных,
Говорит молодой боярин Дюк Степанович:
«Князь ты стольно-киевский,
Стольно-киевский да Владимёр-князь,

У тебя питьица медвяныи, да питьица затхлыи,
А у моёй-то родной матушки
Помялца шелковыи,
А пекёт ёна колачики крупивчаты,
Колачек съешь — да другого так и хочетсе,
А другой съешь — так по третьему душа горит,
А питьица медвяныи никогда ёны не затыкаются,
В погребах ёны да в холодныих,
А в бочках дубовыих,
А на цепях качаютсе,
Никогда ёны не затыкаютсе».

№ 363

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Ай во Галичи, во Галичи, во тою во Карелу во широкую,
Во Валунь во той земли во богатою
Жил молодой боярин Дюк Степанович.
Он простоял обиденьку Петровьскую,
Петровьскую обиденьку Христовьскую,
И пошел он во гридню во столовую
Ко своёй ко государыни ко матушки:
«В камённо́й Москве, матушка, бывано,
А ласкового князя было видано,
А крупивчатых калачиков не едано,
А во стольноём во городе во Киёви не бывано,
А ла⟨с⟩кова князя не видано,
А кр⟨у⟩пивчатых калачиков не едано.
Ты мне дашь благословленье — поеду я,
Ты не дашь благословленья — поеду я».
Как вставал тут скоро на резвы́ ноги́,
Пошел он во конюшню белодубову,
Седлал он малого косматого-то Бурушка,
А потнички кладвал на войлучки,
А войлучки кладвал не ради красы-басы,
Не ради красы-басы, а ради укрепы богатырьскую.
А говорит Офимья Александровна:
«Ай же ты, Настасья доць Микулична,
Ты спроси своего мужа пецального,
Когда же его ждать да с циста́ поля́?»
А приходит Настасья доць Микулична

А на тую на конюшню белодубову,
И говорит она молодому боярину Дюку Степанову:
«Ай же ты, молодой боярин Дюк Степанович,
Когда же тебе ждать да с цистá поля́,
Со цистá поля́ приедучи,
Приедучи со циста поля, да наедучи».
Видли тут молодца сядучи,
А не видли тут добра молодца поедучи.
А как малый косматый тут Бурушка
Рики-озеро промеж ног спускал,
А синии мóря дак перескакивал.
Приехал он во стольноей во Киёв-град,
Со коня ён спускаетсе,
Коня ён не привязыват,
Никому коня ён не указыват.
Зашел ён в гридню столовую,
Крест кладет по-писáному
Поклон ведет по-ученому.
«Ах, ты здравствуй, князь стольно-киёвьской!»
Ласкова князя проздравствовал,
А княгину Опрáксину в особину.
А попал тут Чурила Щапленкович,
Как Чурилы ён челом не бьет,
А челом не бьет, так не клонитсе.
Говорит тут князь стольно-киёвьской:
«Здравствуй, здравствуй ты, удалый добрый молодец,
А скажись-ка ты, какой земли, а какой орды,
Да каких отца да матёри,
А как тебя зовут да по изотчинке?»
А говорит тут молодой боярин Дюк Степанович:
«Ай же ты, князь да стольне-киёвськой,
А естя я со Карелы со широкия,
Со Валунь со той земли со богатою.
Выехал я из Галюча из города».
Говорит тут князь да стольно-киёвьской:
«Давно ли ты со Галича со города,
Со той ли Карелы широ́кия?» —
Выехал я сегоднешнего долгого денечка,
Ай простоял я обиденьку Петровьскую,
Петровьскую обиденьку Христовьскую.
И пошел во гридню во столовую
Ко своей-то государыни ко матушке
Ай просить себе благословленьица».

Говорит тут Чурилушка Щапленкович:
«Ай же ты, князь да стольне-киёвськой,
Это-та есть же детина досельщина,
А досельщина детина, деревенщина,
А пустым детина ён фастает».
А сили ены за столы за дубовыи,
За тыи за есьвитця сахарьнии,
За тыи за питьиця за медьвяныи.
Сел молодой боярин Дюк Степанович,
А нижнюю-то корочку вырезыват,
А нижнюю-то корочку ён мечет под стол.
«А моей-то у государыни у матушки
Сделаны как подики серебряныи,
А помяльца сделаны шолковыи,
А этыи крупивчаиы калачики
Не пахнут ены глины пе́чинной».
А говорит Чурилушка Щаплёнкович:
«Ай же ты, князь стольне-киевьской,
Это есть же детина досельщина,
А досельщина детина, деревенщина,
А пустым детина ён фастает».
Ну как стали оны пить питья насто́яны,
Так молодой боярин Дюк Степанович
Как ён сверху льет, середину пьет,
А с подоночек под стол плещет,
А сам-то и говорит таково слово:
«Как у моей-то у государыни у матушки
Прокопаны погреба ведь глубокии,
Повешаны боцецьки дубовыи
На ты на цепи на железныи.
А сделаетсе буря-непогодушка,
Не слыхать по городу по Киёву,
Не пахнут эти питьица настоены
Не глиною печной, родниковою водой».
И говорит Чурилушка Щапленкович:
«Ай же ты, князь стольне-киёвськой,
Это есть же детина досельщина,
А досельщина детина, деревенщина,
А пустым-то он, детина, ведь фастает».
И били ены, били велик заклад,
Не о сти рублях, не о тысяцях,
О своих о буйных головушках:
Ходить, щапить по городу по Киёву,

А носить им платьиця да смённыи.
За Чурилу за того да за Щаплёнковича
А руцяли ены да всим Киёвым,
А за Дюка молодого за Степановича
Руцялсе один старый казак Илья Муромец.
Как посылал тут князь да он обценщиков
Обценить животы ведь Дюковы.
А как съехали тыи обценщики
Во Галич, во Галич во город,
Во тую во Карелу во широкую
Ко его государыни ко матушки
Обценять животов Дюковых.
Зашли ены во гридню во столовую,
Звид⟨е⟩ли — женщина на стули тут сидит,
Пали на колена у стульчика:
«А здравствуй ты, Дюкова матушка!»
А она отвечает:
«Я естя не Дюкова матушка,
Я естя его портомойниця,
А ступайте во гридню столовую,
Там увидите вы Дюкову матушку».
Зашли ены во гридню столовую,
Увид⟨е⟩ли — женщина на стули тут сидит,
Пали на колена у стульчика:
«А здравствуй ты, Дюкова матушка!» —
«Я естя не Дюкова матушка,
Я естя Дюкова калачниця,
А ступайте вы во другую гридёнку,
Там увидите вы Дюкову матушку».
Перешли оны во гридёнку во дру́гую,
Увид⟨е⟩ли — женщина на стули тут сидит,
Пали на колена у стульчика:
«А здравствуй ты, Дюкова матушка!» —
«Я естя не Дюкова матушка,
Я естя Дюкова подносьчиця,
А ступайте вы, удалы добры молодцы,
А ступайте во церкву соборную,
Ступайте на крылечко на церковноё —
Увидите вы Дюкову матушку».
Пошли они во церькву соборную,
А тоё на крылечко на церьковноё,
Как пошла тут Дюкова матушка,
Как пошла она со церькви соборьную,

Пали на коленка обценщики:
«Здравствуй, Дюкова ты матушка!»
Говорила им ведь Дюкова матушка:
«Здравствуйте, здравствуйте, удалы добры молодцы,
Давно ли вы Дюка Степанова видели?» —
«А мы видели Дюка Степанова
Во стольноем во городи во Киёви
У ласкового князя у Владимёра,
А бил он Чурилушкой велик заклад,
Не о сти рублях, не о тысяцях,
А о своя о головушка буйная:
А носить-то платьиця сменныи переменныи.
А за Чурилу руцялсе весь Киёв-град,
А за Дюка Степанова — старый казак,
Один старый казак да Илья Муромец.
А послали нас оценить животы Дюковы».
Как тут Дюкова родная матушка
Отвернула башмачик со правой ноги:
«Ай же вы, удалы добры молодцы,
Обцените-ка башмачек со правой ноги».
Говорила им Дюкова матушка:
«Поезжайте вы во стольный во Киёв-град,
Продавайте животы вы Чурилины,
А купите вы бумаги ербовою,
А не фатит записать животов Дюковых».
А съехали ены во Киёв-град,
Говорят ены князю́ стольне-киёвьску:
«Отвечала нам Дюкова матушка:
„Поезжайте вы во стольний во Киёв-град,
Продавайте животы вы Чурилины,
А купите вы бумаги ербовую
А не фатит записать животов Дюковых"».
Ну стали ены ходить по городу по Киёву,
Носить платьиця сменныи, переменныи,
На каждый на долгий на денечек.
Хороша пощапочка Дюкова,
На Чурилу шили шубку соболину всем Киёвом,
По пе́тельке зашивали да во девице,
По пуговице зашивали по мо́лодцу,
А на молодого Дюка на Стёпанова
Шубку шила ведь Дюкова матушка
По петельке зашивала по зме́ю шипучему,
По пуговки зашивала по ворону граю́чему.

Пошли ены во гридню во Петровьскую,
Во Петровьскую гридню во Христовьскую.
Говорят там всем городом Киёвым:
«Как сегоднешним долгим дéнечком
Перещапил Чурилушка Щапленкович».
Ай говорит молодой боярин Дюк Степанович:
«Ай же ты, князь стольне-киёвськой».
Взял он сабельку булатьнюю,
А провел по пуговкам драченым,
Так зашипели нунь змеи шипучаи,
Ведь заграяли вороны граючие.
А взял он князя под пазуху,
А княгину Опраксину под левую,
А говорят молодому боярину Дюк Степановицу,
А говорят ему вси князья и вси бóяры:
«Закличь ты этых воронов граючиих,
Закличь ты этых змеев шипучаих,
Оставь ты нас хоть на сúмяна».
Вси князья, вси бояра покорилисе:
«Твоя-то пофальбá а вперед зашла,
А оставь Чурилушку во живности».
А бились, бились ены о велик заклад,
Не о сти рублях, не о тысяце,
О своих о буйных головушках —
Перескочить через матушку Пущай-реку,
А ричка долгая, широкая, глубокая.
Ну поехал молодой боярин Дюк Степанович
На малом на косматом на Бурушке,
А заехал он да за ракитов куст,
Пал он коню о правое копыто.
Говорил тут конь по-человечьому:
«Ну спасибо молодой боярин Дюк Степанович,
Что пал ты мне во правое копыто,
Кабы не пал ты мне во правое копыто,
Не перевез бы я тебя да через Пущай-реку.
А Чурилин конь мне ведь старший брат,
Мне скочить вперед и закону нет,
А теперь перескочу через Пущай-реку,
А ричку долгу, широку, глубоку».
Как поехал молодой боярин Дюк Степанович,
Перескочил он смаху всю Пущай-реку,
Как поехал Чурилушка Щапленкович,
Пал Чурила осеред реки.
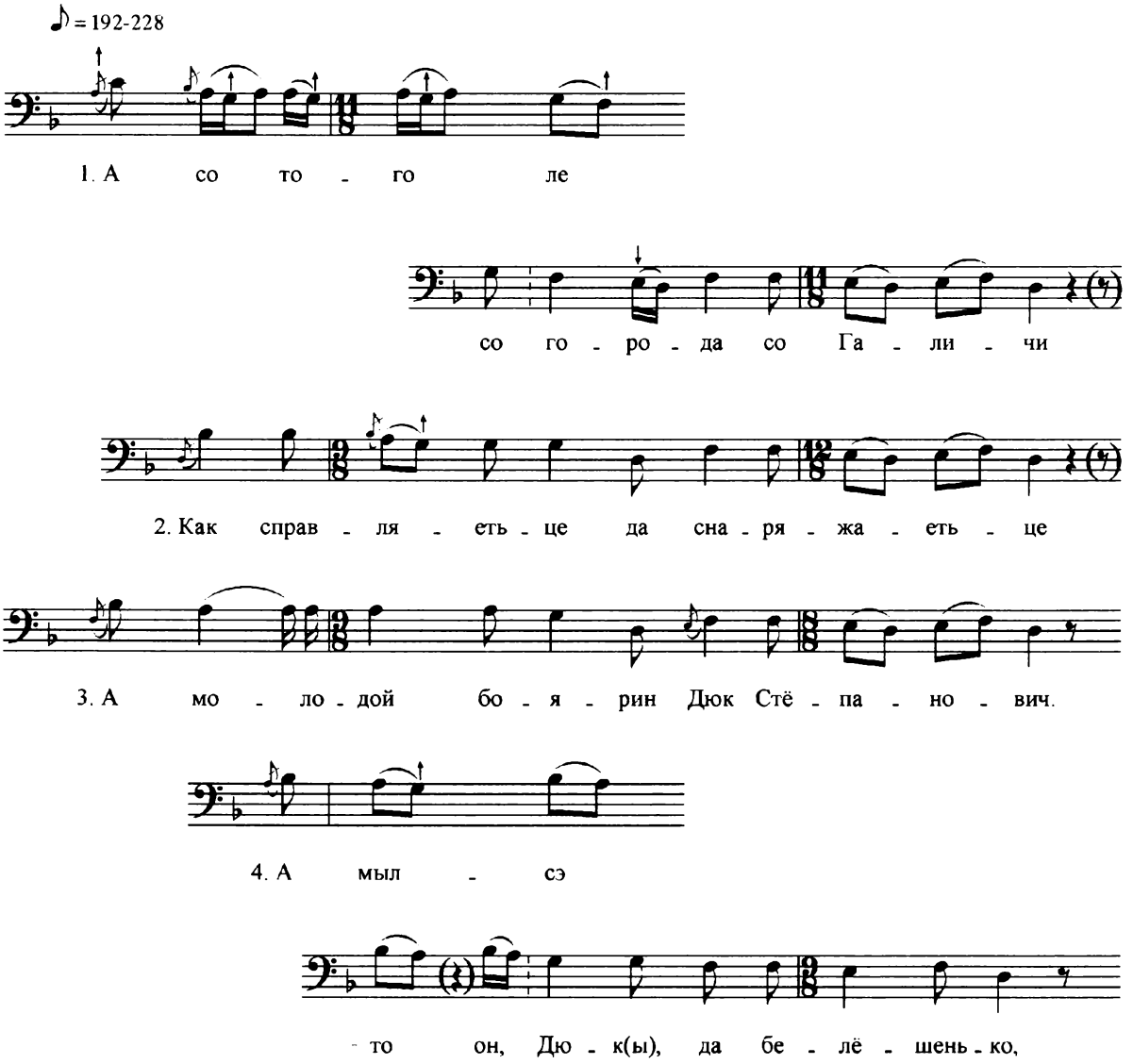
Повернулсе молодой боярин Дюк Степанович,
Брал Чурилу за белы́ кудря́,
А коня он брал за шелков пово́д,
И вывез он Чурилушку на мандёру,
Да отсек он Чурилы буйну голову.
А тут ведь Чурилушки и славу́ поют.
А приезжает тут как свататьсе
А молодой Елёшенька поповский сын
И на молодой Настасьи на Микуличной.
А говорит тут Настасьюшка Микулична:
«А как спомнила я заповидь тут мужнюю,
А я сполню заповедь и женьскую,
Буду ждать я Дюка три году».
Ну сполнилось тому времени и шесть годов —
Не видать того Дюка Степанова.
Приезжает тут Елёшенька поповых сын
Ко той ко Настасьи ко Микуличной.
Ушли они во церковь во соборную.
А приезжает молодой боярин Дюк Степанович
Ко своёй государыни ко матушке:
«Ах ты здравствуй, государыня моя матушка,
Чесна́я вдова Офимья Алексеевна,
Где ж моя Настасья доць Микулишна?»
Отвецяет тут Офимья Алексеевна:
«Ай же ты, молодой боярин Дюк Степанович,
Твоя же Настасьюшка Микулична
Сегоднешнего долгого денечку
Вышла за Елёшеньку Поповича,
Ушли ены в церкву во соборную,
Столуют и пируют».
А молодой боярин Дюк Степанович
А скинул он тут платьиця дорожныи,
А надел он платья скоморошии,
А взял ен гуселышка яровчатыи,
Пошел он на свадебку к Елёшеньке,
Говорит он кресному батюшки:
«Ай же ты, кресный батюшка,
Дай же мне мистичка немножечко
Сыграть на гуселышках яровчатых».
А говорит ему да кресный батюшка:
«А миста у нас все призаняты,
А садись ты хоть на запечек, хоть на край-пече́к».
А сел как молодой боярин Дюк Степанович,
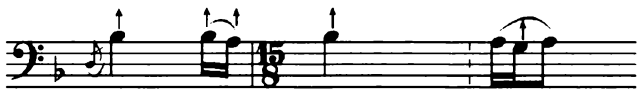
А сел как Дюк Степанович на за́печек,
Стал наигрывать на гуселышках яровчатых,
А кто был со матушки каменной Москвы,
А кто был со стольного со Киёва
Всем игра-та по́люби пришла.
А говорит Дюку кресный батюшка:
«А садись-ка, гусляр, хоть возли́ меня,
А хоть су́против Настасьюшки Микуличной».
Как сел тут молодой боярин Дюк Степанович,
Дали ему стульца пуховыи,
Дали ему стульця тоцёныи,
Сел он супротив князя молодого
И Настасьюшки как было ведь Микуличной.
Дали ему цяру зелена́ вина
А полтора вёдра.
Ён-то взял-то цяру единой рукой,
А выпил цяру на единый дух,
А спустил-то в ту цяру злачен перстень,
А налил в ту цяру зелена вина
Полтора вёдра.
«Ну-ка ты, Настасья доць Микулична,
Пей-ка цару зелена вина —
Увидашь добра,
А не выпьешь цару зелена вина —
А не видашь добра».
Выпивала Настасья доць Микуличпа
Эту цяру на единой дух,
Увидала там свой злачен перстень,
А сама-то и говорит таково слово:
«А не тот мой муж, который возли́ меня,
А тот мой муж, который супроти́в меня».
Перескакивала она через столы через дубовыи,
Целовала она Дюка во уста сахарьнии.
Говорил молодой боярин Дюк Степанович:
«Ай же ты, Елёшенька поповский сын,
У нас-то было ведь крестамы побратанось,
Который из нас вперед помрет,
А той же жоны да замуж не брать».
Взял как Елёшеньку за жолты́ кудри́,
Стал как Елёшенькой помахивать,
Стал как Елёшеньку покидывать,
Стали у Елешеньки волосья потрескивать.
А стали тут просить вси князья, вси бо́яра:

А оставь ты Елёшеньку во живности».
А брал как тут Настасью Микуличне
330 Да под ручку под правую,
А пошел во гридню во столовую,
А ко своей государыне ко матушке,
А стал ен жить-поживать
Да век коро́тати.
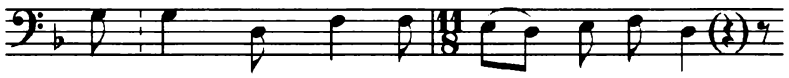
№ 364

ДЮК
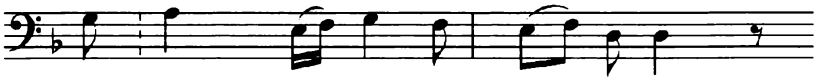

5. О - дё - вал - сэ
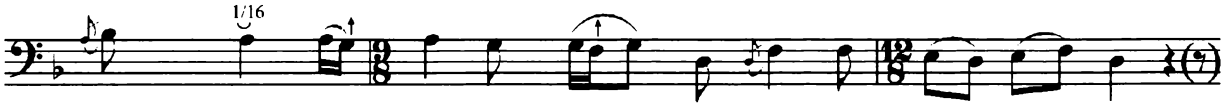

бо - я - рин по - чис - тё - ше - н(и) - ко.

6. А го - во - ри - ла
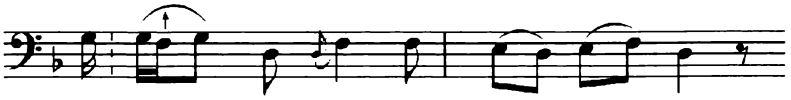

- то Дю - ку род - на ма - туш - ка:
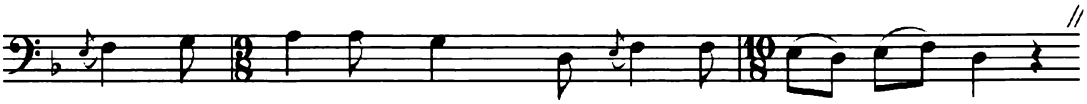

7. "А да - лё - ко ли, Дюк, ты да справ - ля - е - ся,
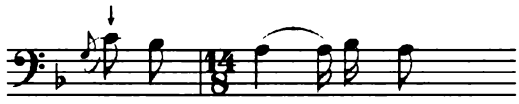

8. А вёдь ку - да ты,

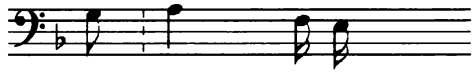
бо - я - рин, сна - ря - жа - е - ся?"—
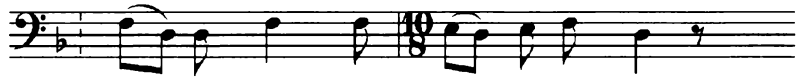

9. "Как по - е - ду я, да род - на ма - туш - ка,
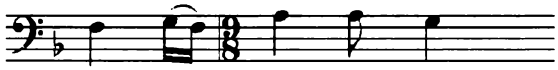

10. А по - е - ду я
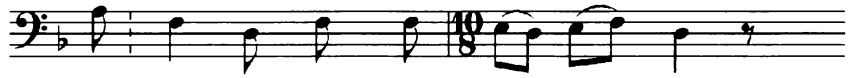

во слав - но-й(и)

го - род да во Ки - ё-в(ы) - град,
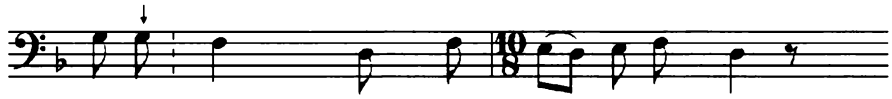

11. А по - е - ду я
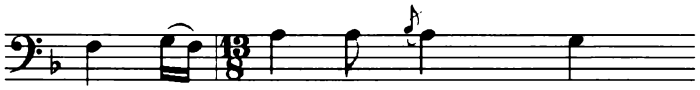

ко кня - зю ко Вла - ди - ме - ру:
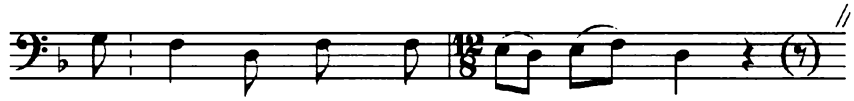

12. Как ве - ли - ка
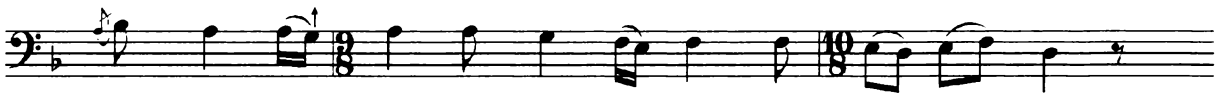

и-дёт сла - ва на Ки - ё-в(ы) - град,
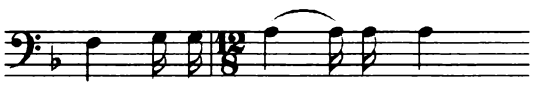

13. А по - боль - ше сла - ва
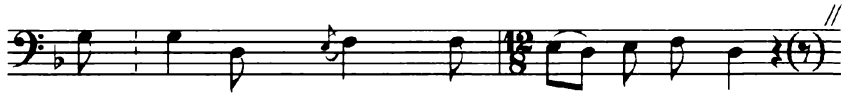

на кня - зя на Вла - ди - ме - ра".
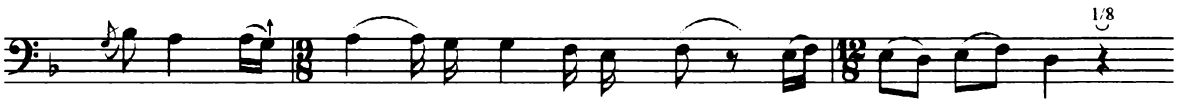

14. А го - во - ри - ла - то да род - на ма - туш - ка,
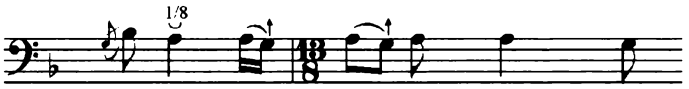

15. Как чё - с(ы) - на вдо - ва
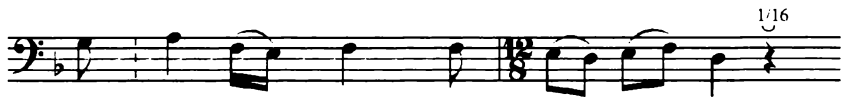

О - мель - фа Ти - мо - фи - ё - в(ы) - на:
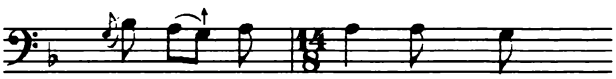

16. "А мо - ло - дой бо - я - ри - н(ы) Дюк Стё - па - но - вич!
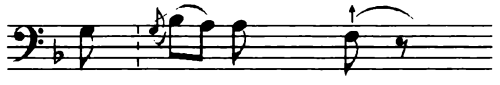

17. А не рос - хвас - тай - се - ко
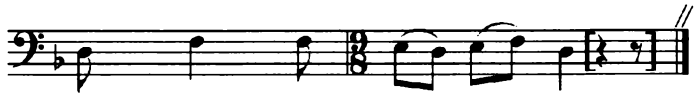

у кня - зя у Вла - ди - ме - ра

18. А жи - во - тиш - ка - мы

вдо - ви - ны - ма

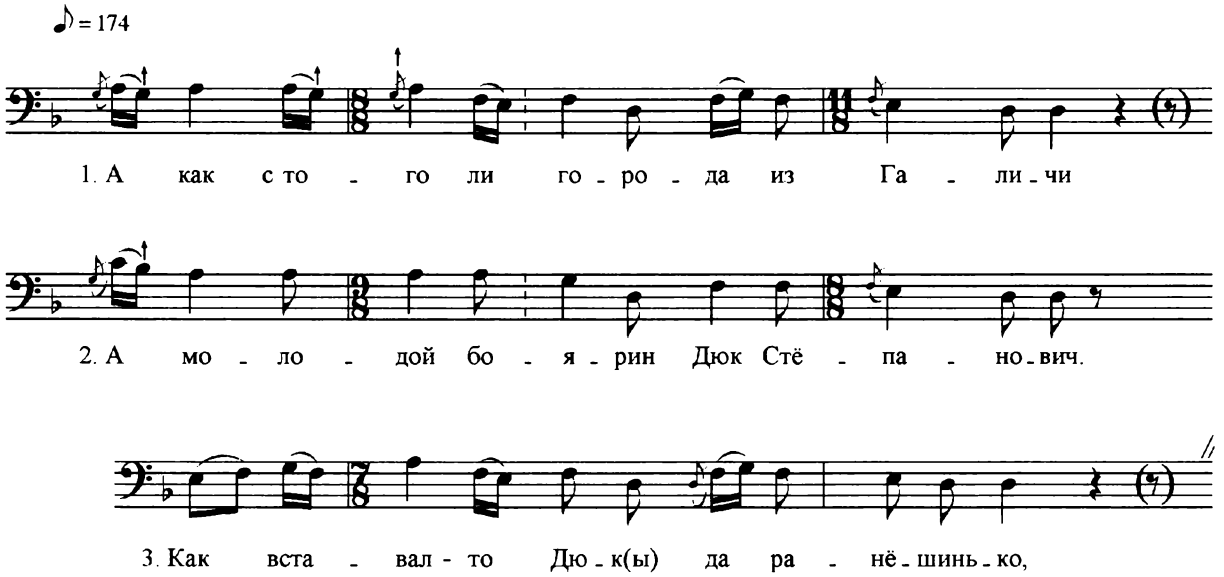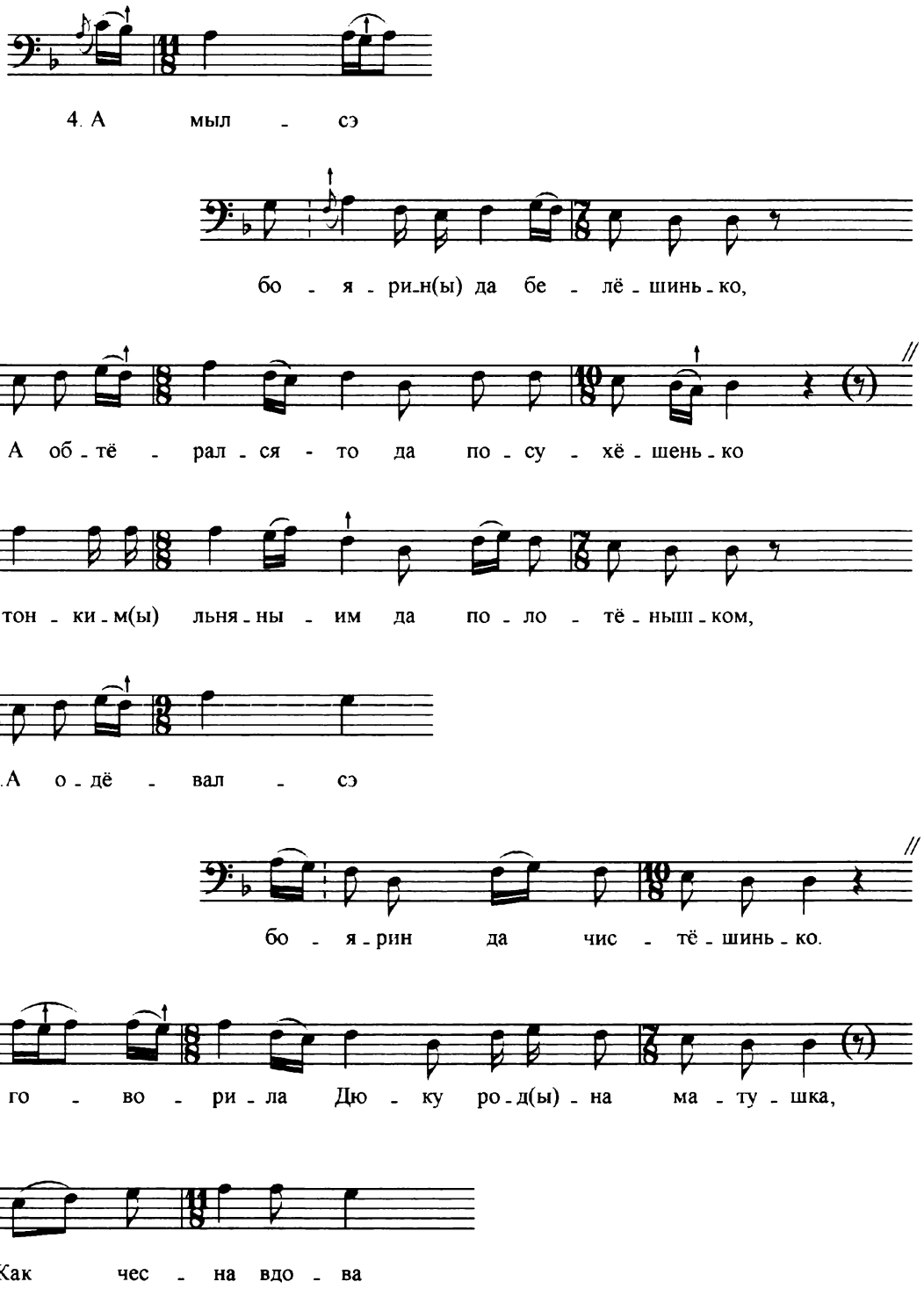

и да се - рот - ски - ма!"
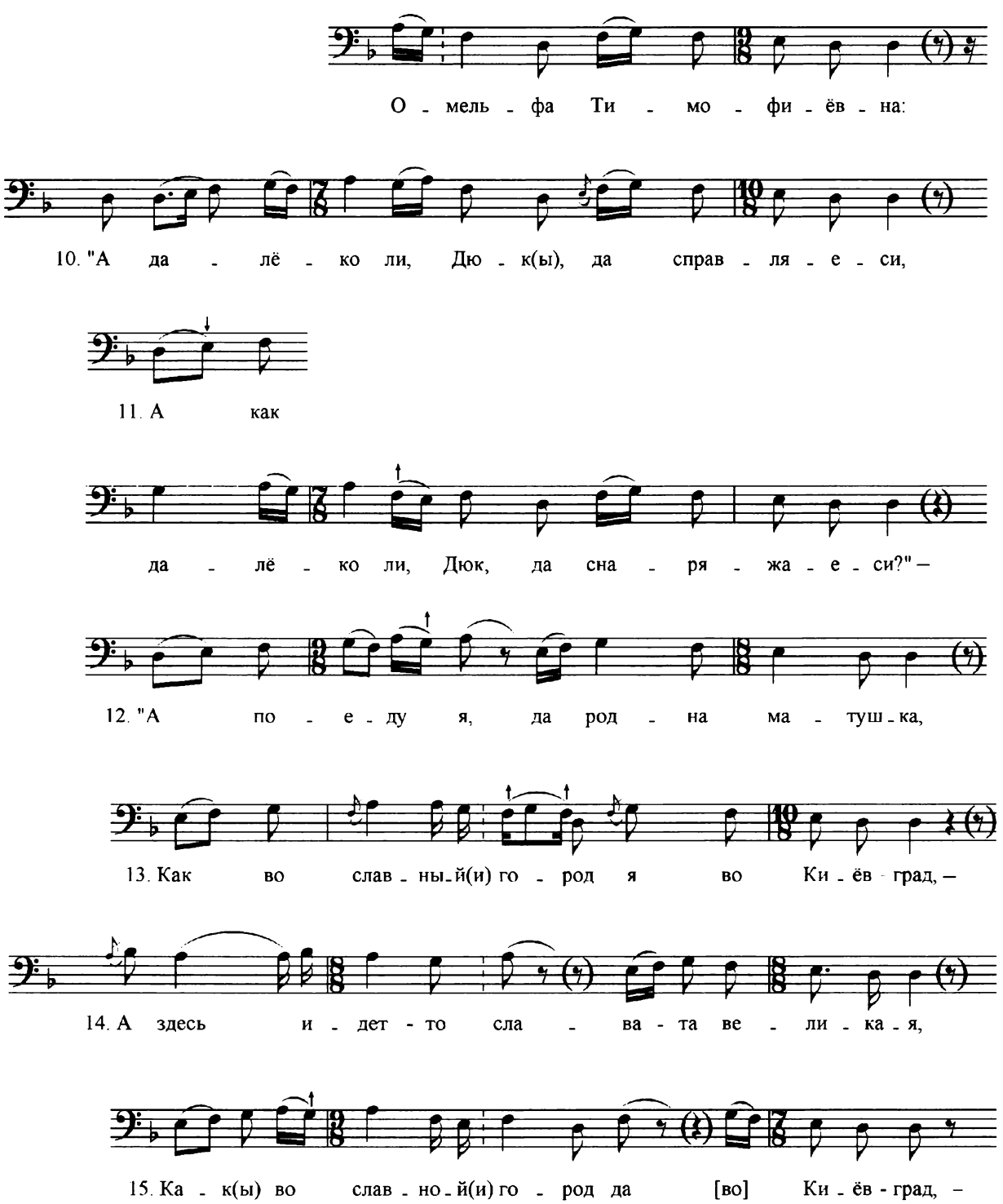
А со того ле со города со Галичи
Как справляетьце да снаряжаетьце
А молодой боярин Дюк Стёпа́нович.
А мылсэ-то он, Дюк(ы), да белёшенько,
Одёва́лсэ боярин почистёшен(и)ко.
А говорила-то Дюку ро́дна матушка:
«А далёко́ ли, Дюк, ты да справляеся,
А вёдь куда ты, боярин, снаряжаеся?» —
«Как поеду я, да ро́дна матушка,
А поеду я во сла́вной(и) город да во Ки́ёв(ы)-град,
А поеду я ко князю ко Владимеру:
Как вели́ка и́дёт слава на Ки́ёв(ы)-град,
А побольше слава на князя на Владимера».
А говорила-то да ро́дна матушка,
Как чёс(ы)на́ вдова Омельфа Тимофи́ёв(ы)на:
«А молодой боярин(ы) Дюк Стёпа́нович!
А не росхвастайсе-ко у князя у Владимера
А животи́шкамы вдови́ныма и да серо́тскима!»
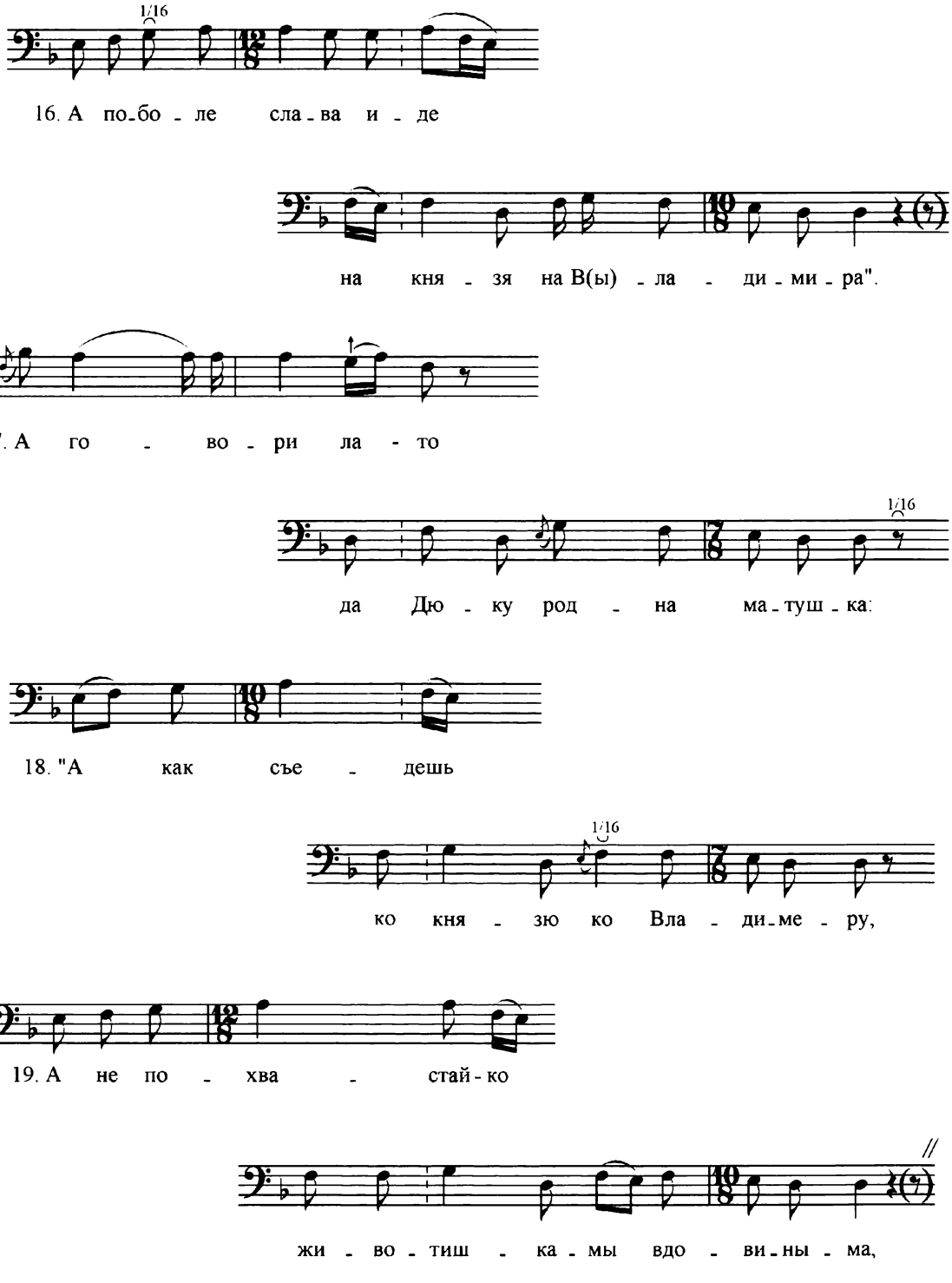
№ 365
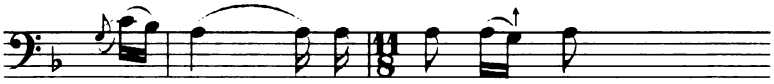
ДЮК
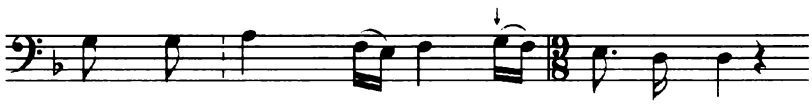

4. А мыл - сэ
бо - я - ри-н(ы) да бе - лё - шинь - ко,
5. А об - тё - рал - ся - то да по - су - хё - шень - ко
6. А тон - ки - м(ы) льня - ны - им да по - ло - тё - ныш - ком,
7. А о - дё - вал - сэ
бо - я - рин да чис - тё - шинь - ко.
8. А го - во - ри - ла Дю - ку ро - д(ы) - на ма - ту - шка,
9. Как чес - на вдо - ва

О - мель - фа Ти - мо - фи - ёв - на:
10. "А да - лё - ко ли, Дю - к(ы), да справ - ля - е - си,
11. А как
да - лё - ко ли, Дюк, да сна - ря - жа - е - си?" –
12. "А по - е - ду я, да род - на ма - туш - ка,
13. Как во слав - ны - й(и) го - род я во Ки - ёв - град, –
14. А здесь и - дет - то сла - ва - та ве - ли - ка - я,
15. Ка - к(ы) во слав - но - й(и) го - род да [во] Ки - ёв - град, –
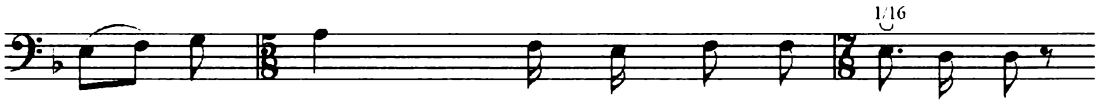

1/16
16. А по-бо - ле сла - ва и - де
на кня - зя на В(ы) - ла - ди - ми - ра".
17. А го - во - ри ла - то
1/16
да Дю - ку род - на ма - туш - ка:
18. "А как съе - дешь
1/16
ко кня - зю ко Вла - ди - ме - ру,
19. А не по - хва - стай - ко
жи - во - тиш - ка - мы вдо - ви - ны - ма,
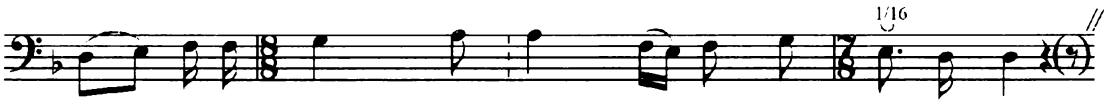

20. А как вдо - ви - ны - ма

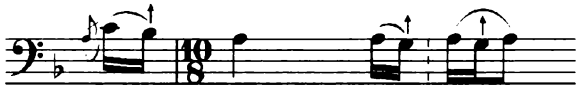
жи - во - тиш - ка - мы се - рот - ски - ма!"

21. А бо - я - ри - н(ы) Дюк Стё - па - но - вич
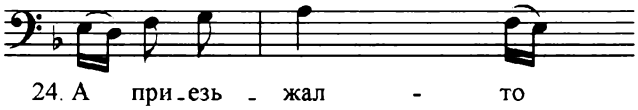

22. А се - д(ы) - лал й-он Бу - руш - ка кос - ма - ту - го,
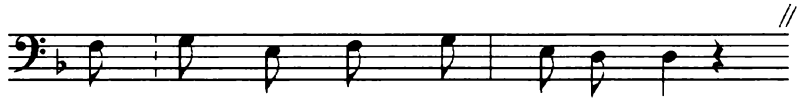

23. А е - хал - то
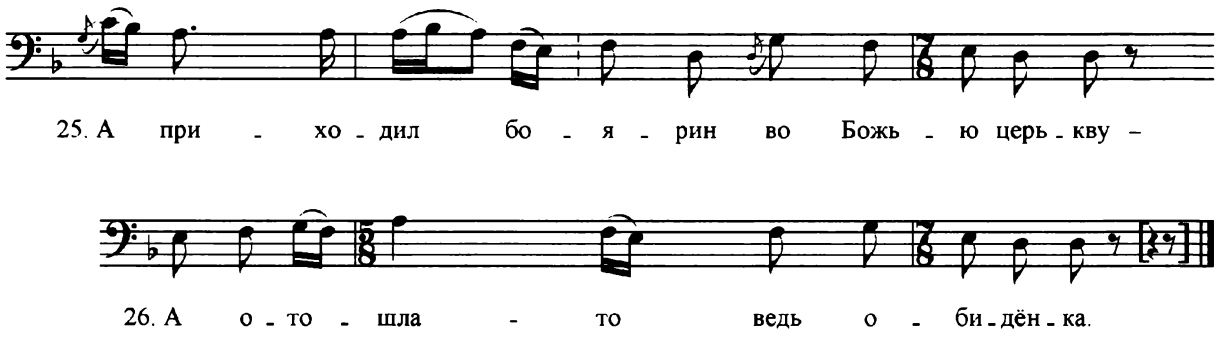

во слав - ной го - род в Ки - ёв - град.

24. А при - езь - жал - то

во слав - ной го - род в Ки - ёв - град,

А как с того ли города из Галичи
А молодой боярин Дюк Стёпа́нович.
Как вставал-то Дюк(ы) да ранёшинько,
А мылсэ боярин(ы) да белёшинько,
А обтёра́лся-то да посухёшенько
А тонким(ы) льняным да полотёнышком,
А одёва́лсэ боярин да чистёшинько.
А говорила Дюку ро́д(ы)на матушка,
Как чесна́ вдова Омельфа Тимофи́ёвна:
«А далёко́ ли, Дюк(ы), да справляеси,
А как далёко́ ли, Дюк, да снаряжаеси?» —
«А поеду я, да ро́дна матушка,
Как во славный(и) город я во Ки́ёв-град —
А здесь иде́т-то слава-та великая,
Как(ы) во сла́вной(и) город да [во] Ки́ёв-град,
А поболе слава иде́ на князя на В(ы)ладимира».
А говорила-то да Дюку ро́дна матушка:
«А как съедешь ко князю ко Владимеру,
А не похвастай-ко животи́шкамы вдови́ныма,
А как вдови́ныма животи́шкамы серо́тскима».
А боярин(ы) Дюк Стёпа́нович
А сед(ы)лал й-он Бурушка косматуго,
А ехал-то во сла́вной город в Ки́ёв-град.
А приезьжал-то во сла́вной город в Ки́ёв-град,
А приходил боярин во Божью́ церькву́ —
А отошла-то ведь оби́дёнка.

№ 366

О ДЮКЕ СТЕПАНОВИЧЕ

А во той во Индии богатыей,
А во том во славном Волынь городе
Жил молодой боярин Дюк Степанович.
Говорит боярин родной матушке:
«Ой родимая да моя матушка,
Ты честна вдова Мальфа Тимофеевна,
Долго ль молодцу да мне ребячиться,
Не пора ли выйти во добры́ люди?
Дай-ко мне прощеньице-благославленьице,
Поеду я ко городу ко Киеву
А ко ласковому князю ко Владимиру,
Послужу ему да верой-правдою,
Покажу я удаль молодецкую».
Говорит ему да родна матушка,
Та честна вдова Мамельфа Тимофеевна:
«Уж ты, чадочка да моя милая,
Молодой боярин Дюк Степанович,
Поживи-ка ты у родной матушки,
Наберись-ка ты да ума-разума,
Хорошо в людях — только скрипит в грудях.
А ты занословиво есть дитятко, захвас⟨т⟩ливо,
Чем-нибудь во Киеве да порасхвастаешь
И положишь буйную головушку,
Сиротать оставишь родну матушку».
Говорит боярин Дюк Степанович:
«Уж ты дашь прощеньице — поеду я,
И не дашь прощеньица — поеду я».
Скорой поступью пошел он на боярский двор,
Заходил в конюшенку стоялую,
Брал жеребчика да он неезжана,
Шолкову уздечку он недержану,
Выводил коня да на широкий двор,
Стал заседлывать да окольчуживать,
Кладал потнички да он на потнички,
Кладал войлочки да он на войлочки,
Сверху клал седёлышко черкасское,
Он черкасское да малоезжано,
Он ⟨двенадцать⟩ подпругов подтягивал,
А ⟨двенадцать⟩ пряжечек застегивал,

А не для красы-басы, угожества,
А ради крепости да богатырские,
Чтобы добрый конь в бою не выскочил,
А добра молодца с седла не выронил.
Он привязал коня да середи двора
К тому столбу да ко точеному,
Ко тому колечку золоченому.
Отдали стоит да он любуется
На своего коня он богатырского:
Или добрый конь, или лютый зверь.
А на ту пору да на то времечко
Выходила тут да родна матушка,
Та честна вдова Омелфа Тимофеевна.
Говорит она да таковы слова:
«Уж ты чадочко ты мое милое,
Молодой боярин Дюк Степанович,
Куда, дитятко, да отправляешься,
Ты в которую сторонку снаряжаешься,
С родной матушкой да не прощаешься?
Ты послушай-ко, да чадо милое,
Ты пойдем во гридню во столовую,
Да во ту палату во боярскую
Хлеба-соли да откушати,
Белой лебеди порушати.
Помолись-ко ты да Спасу-образу
И отправляйся в путь-дороженьку далекую».
Молодой боярин Дюк Степанович
Родной матушке да он послушался.
Он пошел во гридню во столовую,
За столы садился за дубовые
Да за те за скатерти шелковые.
Досыта боярин наедается,
Допьяна боярин напивается,
С родной матушкой боярин да прощается.
Говорит ему да родна матушка,
Та честна вдова Мамельфа Тимофеевна:
«Уж ты, чадочко да мое милое,
Скажи матушки, да не утай себя:
Мне в которое окошечко поглядывать,
А с которой мне сторонки дожидатися?»
Говорит боярин Дюк Степанович:
«А откуль повеют ветры буйные,
Понесет откуда вести радостны,

В то окошечко ты, матушка, поглядывай,
С той сторонушки да дожидай меня.
А поеду я, да добрый молодец,
Ко тому ль ко городу ко Киеву
Послужить я верой-правдою
Красну солнышку да я Владимиру». —
«Уж ты, чадочко да мое милое,
Как к тому ко городу ко Киеву
Две дороженьки да есть путистые:
Прямоезжаю дороженькой ⟨пятьсот⟩-то верст,
А окольною дорожкой — цела ⟨тысяча⟩.
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравила,
Как по той дорожке прямоезжеей
Нету пешему да прохожденьица,
А лошадиному нет проезжаньица.
А по той ли-то дорожке прямоезжею
Три заставушки да есть великие:
А еще первая заставушка великая —
Хищны звери есть да поедучие.
А еще другая заставушка великая —
Ести змеи да ползучие, клевучие.
Третья есть заставушка великая —
Есть высоки горушки столкучие.
Горы столнутся да и разойдутся,
Пожирают горы людей добрыих».
Молодой боярин Дюк Степанович
На то матушке да не ответствовал.
Он снимает одежицу да цветную,
Одевает он одежу богатырскую.
Вооружился да окольчужился
Он во все доспехи богатырские,
Туг да лук берет да стрелочки калёные,
И берет он палицу булатную,
Копье острое да буржамецкое.
Помолился он да Спасу-образу,
С родной матушкой да прощается,
В путь-дороженьку далеку отправляется.
Садился он да на добра коня,
Перескочил он через стену городовую.
Видели молодца сядучи,
А не видели удалого поедучи,
Только куревка во полюшке прокурила.

Молодой боярин Дюк Степанович
Он поехал дорожкой прямоезжею.
Подъезжает он ко первей заставушки:
Закричали звери поедучие —
Темны лесушки к земле да приклонилися,
С ковыль-травоньки цветочки осыпалися,
Ужахнулся верный богатырский конь.
Молодой боярин Дюк Степанович
Берет он плеточку шелковую,
Бил коня он по тучным бедрам,
А он бьет коня да приговаривает:
«Ах ты, волчья сыть да травяной мешок,
Ты чего, собака, испугалася?
Не бывал ты разве во темном лесу,
Не слыхал ты разве покрику звериного?»
Сам берет он палицу булатную,
Стал он палицей булатною помахивать,
Перебил зверей всех поедучиих.
Подъезжал боярин Дюк Степанович
Ко второй великоей заставушке:
Тут и змеи ползучии, клевучии,
Зашипели змеи по-змеиному.
А молодой боярин Дюк Степанович
Своей плеточкой шелковою
Понукал коня он богатырского.
А тута верный богатырски⟨й⟩ конь
По змеям клевучиим поскакивал,
Да от ног змеенышей оттряхивал,
Притоптал змеев всех поклевучиих.
Молодой боярин Дюк Степанович
Подъезжал ко третией заставушки великоей:
Туто горушки да столкучие —
Горы столнутся да и разойдутся.
Богатырский конь да спотыкается,
А молодой боярин удивляется,
Принабрался он да силы-храбрости,
А своей ли силы богатырскою,
Периздвинул горушки столкучие,
Проложил дорожку прямоезжею
Ко тому ко городу ко Киеву,
Сослужил народу службу верную.
Молодой боярин Дюк Степанович
Заезжал на славный княженецкий двор,

Привязал коня он богатырского
Ко тому столбу да ко точеному,
Ко тому ль колечку золоченому.
Скорой поступью он молодецкою
Приходил в палату княженецкую,
Приворотников да он не спрашивал,
Всех придверников да прочь отталкивал,
Заходил во гридню во столовую.
Сидит солнышко Владимир стольно-киевский
Со своей княгиней со Апраксией,
Все князья-бояре стольно-киевские,
Все тут сильные могучие богатыри,
И сидели поленицы тут удалые.
А молодой боярин Дюк Степанович
А он крест кладет да по-писаному,
А поклон ведет да по-ученому
А на все ⟨четыре⟩ на сторонушки,
А князю солнышку Владимиру особенно:
«Уж как здравствуешь, Владимир стольно-киевский!» —
«Добро пожаловать, удалый добры молодец!
Ты скажи, молодец, да не утай себя,
Ты какой земли да ты какой орды,
Какого ты отца да какой матери?»
Говорит боярин Дюк Степанович:
«Я из той из Индии богатою,
Я из славного Волынь-города
Молодой боярин Дюк Степанович.
А приехал к князю солнышку Владимиру
Послужить ему да верой-правдою».
Из-за того стола из-за дубового,
А из той скамеечки окольною
А вставал Чурилушка сын Пленкович,
Говорил Чурила таковы слова:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Во глазах мужчина насмехается,
Над тобой, Владимир, издевателся:
Тут походочка да есть не Дюкова,
Поворотушка да тут не Дюковы,
А тут есть холопина мещанская».
А Владимир-князь да стольно-киевский
Он Чурилушке на это не ответство⟨вал⟩,
А говорит Владимир таковы слова:
«А ты скажи, удалый добрый молодец,

Ты когда из Индии повыехал?»
Говорит боярин Дюк Степанович:
«Я заутреню стоял во Индии,
А к обеденки хотел поспеть во Киев-град,
Но в дороженьке немножко призамешкался».
Тут говорит Владимир стольно-киевский:
«Ты скажи, удалый добрый молодец,
Ты коей дороженькой приехал есь?»
Отвечал боярин Дюк Степанович:
«А проехал я дорожкой прямоезжею».
Не стерпел Чурилушка тут Пленкович,
А вскочил Чурила на резвы ноги,
Говорил Чурила таковы слова:
«Уж ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Во глазах мужчина насмехается,
Над тобой мужчина надлыгается:
Как от той от Индии богатоей
А до славного до города до Киева
Прямоезжая дорожка заколодила,
Заколодила дорожка, замуравила.
Как во той дорожке прямоезжею
Три заставушки да есь великие,
Нету пешему тут прохожденьица,
Лошадиному нет проезжаньица».
А Владимир-князь да стольно-киевский
Он на те слова Чурилы не ответствовал.
Тут говорит боярин Дюк Степанович:
«Прямоезжая дороженька расчищена,
Побиты звери поедучие,
Все покончены тут змеи поклевучие,
Пораздвинуты тут горушки столкучии».
Тут возговорит Владимир стольно-киевский:
«А такие гости мне по разуму.
Ты садись, удалый добрый молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович,
За столы ты с нами за дубовые,
И на те скамеечки окольние.
Выбирай-ко местечко по разуму:
Перво местечко — да подли меня,
Друго местечко — да супротив меня,
Третье местечко — да куда сам захошь».
Молодой боярин Дюк Степанович
Садился по конец стола дубового,

А на ту скамеечку окольную.
Говорил боярин таковы слова:
«Уж ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Нахвалили Киев да нахвастали,
А у вас в Киеве все-то не по-нашему:
Как на твоем дворе на княженецкоем
Как повыс⟨т⟩ланы мосточики сосновые,
Побиты гвоздички тут ржавые —
Я пошел в палаты княженецкие,
Все оборвал сапоженьки сафьяновы.
Как у нас во Индии богатыи,
Да во том во славном Волынь-городе
У моей добротушки у матушки,
У честной вдовы Омелфы Тимофеевны,
По всему двору ли по боярскому
А повыс⟨т⟩ланы мосточики кленовые,
По краям перильчики точеные,
А по тем мосточкам по кленовыи
А положены ковры до одинцовые,
А посыпаны травами все душистыми,
По траве, как по пу́ху, ступается,
И не рвутся тут сапоженьки сафьяновы».
А Владимир-князь на это не ответствовал.
Тута слуги княженецкие догадливые:
Приносили яствушки сахарные,
Подносили тут колачики крупищаты.
А молодой боярин Дюк Степанович
Он берет калачик одним пальчиком,
Обрезает ножичком булатныим,
Верхню корочку да он на стол кладет,
Нижню корочку да он под стол метет,
Он под стол метет да таку речь ведет:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Нахвалили Киев мне, нахвастали,
Ну, во Киеве у вас всё не по-нашему:
У вас печенки да есть кирпичные,
Топят дровцами да сосновыми,
А помялушки у вас еловые,
Тут пекут колачики крупивчаты,
Верхня корочка пахнет на глинушку,
А нижня корочка да на помялушка,
А серединочку да только можно кушати.
Как у нас во Индии богат⟨оей⟩,

А во том во славном Волынь-городе
У моей ли да добротушки у матушки,
У честной вдовы Мамелфы Тимофеевны,
У нас печечки да изразцовые,
Топят дровца-то дубовые,
А помялушки у нас шелковые,
А помочат во росы да во медвяные,
Тут пекут калачики крупивчаты,
Калачик съест — другого хочется,
А другой-то съешь — по третьем-то душа горит».
На то Владимир-князь да не ответствовал.
Тут-то слуги княженецкие догадливы:
Наливали чару зелена вина,
Разводили медамы тут стоялымы,
Подносили молодому тут боярину.
А молодой боярин Дюк Степанович
Он вина не пьет — да вылил наиспашь,
Сам возговорил да таковы слова:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Нахвалили Киев мне, нахвастали,
А во Киеве все не по-нашему:
У вас бочечки-то есть сосновые,
А обручики на бочечках еловые.
Опускают бочки в погреба глубокие,
А в погребах-то воздух не касается —
Тут стоялое вино да задыхается,
На серу пахнет на сосновою.
Как у нас во Индии богатоей,
Да во том во славном Волынь-городе
У моей добротушки у матушки,
У честной вдове Омелфе Тимофеевны,
Ести бочечки да дубовые,
А натянуты обручики серебряны,
Не спускают в погреба они глубокие,
А подвешаны на цепы металичецки.
Как от ветрушка-то бочечки качаются,
Никогда вино не задыхается,
Выпьешь чарочку — да другу хочется,
Выпьешь другу — по третьей душа горит».
А Владимир-князь да стольно-киевский
Он на те ли речи не ответствовал.
А Чурилушка да сын Пленкович
На том молодец да не успокоился,

Говорил Чурила таковы слова:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Ты позволь с боярином мне речь держать.
Как умел ты, молодец, повыхвастать,
Пусть умеет молодец повыполнить.
Уж ты дай-ко мне прощеньице-благословеньице,
Мы побьемся с Дюком о велик заклад,
О велик заклад о сорок тысячах,
Чтобы строком-времечком на три года
Выезжать бы нам вдвоем да во чисто поле,
А на каждый бы да на Господень день,
Чтобы конюшки да были сменные,
Цветны платьица да были разные».
Тут возговорил боярин Дюк Степанович:
«Молодой Чурилушка сын Пленкович,
Тебе ли-ко-ли биться о велик заклад,
О велик заклад о ⟨сорок⟩ тысячах!
Ты живешь, Чурилушка, своим двором
У своего кормильца ты у батюшка,
Табуны гуляют конюшек неезжаных,
Кладовы стоят да платьица неношеных.
А мое ли дело несравнимое,
Мое делушко есть заезжее,
Цветно платьице да есте завозное.
Ну, с тобой, Чурила, я сравняюся».
Тут побилися удалы добры молодцы:
Молодой боярин Дюк Степанович
Да хвастун Чурилушка сын Пленкович.
За Чурилушку да поручаются
Все князья-бояре стольно-киевские,
А за молодого да за боярина
Поручились пьяницы-пропоицы,
Да и те ли голюшки кабацкие,
Да и те ли женщины бурлацкие.
Молодой боярин Дюк Степанович
Брал лист бумажечки гербовые
Да и перышко он гусиное,
Написал ярлык он скорописчатый
О своёй добротушке он матушке,
Той честной вдове Мамельфе Тимофеевне.
Он скоро писал да таку речь держал:
«Ой же ты, моя родима матушка,
Ты умела чадочка повырастить,

А умей-ка чадочко повыкупить.
А побился я да о велик заклад,
О велик заклад о сорок тысячах.
Присылай-ко мне да платье цветное,
Чтоб хватили платьица на ⟨три⟩ года,
Одевать бы мне на каждый на Господен день».
И берет он ярлык скорописчатый,
Выходил на ши́рок княженецкий двор,
Говорил коню да таковы слова:
«Уж ты, верный мой да богатырский конь,
Сослужи-тко мне да службу верную:
Ты скачи во Индию богатую,
А во тот ли славный да Волынь-город
Ко моей добротушке ко матушке,
Ко честной вдове Омелфе Тимофеевне,
Отвези-ка я́рлык скорописчатый».
И кладет тот ярлык скорописчатый
Под седёлышко да под черкасское.
Тут-то добрый конь да поворот держал,
Он реки-озера перескакивал,
Он мелки реченьки да промеж ног пускал.
А во тое ли да пору-времячко
Слуги верные да княженецкие
Брали молодца да за белы руки
Да посадили молодца во погреба глубокие,
Призакрыли двери тут дубовые,
Позавесили замочики пудовые.
Молодой боярин Дюк Степанович
Закручинился да запечалился,
Он повесил буйную головушку
Да пониже плеч да богатырскиих.
Вспомянул слова да родной матушки,
Чтобы молодцу пустым не хвастати.
А во тую ли да пору-времечко
Как сидела Дюкова матушка
Во своей ли гридни во столовою,
А смотрела в трубочку подзорную,
Куда уехал чадочко родимое.
Видит, в полюшки да только пыль пылит,
Без седока да Дюков конь бежит,
Прибежал на тот боярский двор.
Выходила Дюкова тут матушка,
Та честна вдова Мамельфа Тимофеевна,

Горючмы слезамы заливалася.
Говорит она да таковы слова:
«Ой, не в добрый час я чадочко спородила,
А зановсливо был дитятко, захвас⟨т⟩ливо,
Чем-нибудь во Киеве расхвасталсе,
Положил он, верно, буйную головушку».
Говорит она да таковы слова:
«Уж вы, парубки мои любимые,
Расседлайте вы да коня доброго,
Поставьте в стойла лошадиные,
Да насыпьте вы пшеницы белояровой».
Тут-то парубки ее любимые
Начали коня да раскольчуживать.
Под седёлышком да под черкальскиим
Видят ярлыки да скорописчаты.
Тут честна вдова Мамельфа Тимофеевна
Распечатала да горько плакала,
Во слезах словечушко промолвила:
«Верно, нет в живых да чадочка родимова».
А прочитала — взродавалася.
Та честна вдова Мамельфа Тимофеевна
Скоро брала золоты ключи,
Укладала цветны платьица,
А во теи ли да тяжелы ларцы
Наложила платья самолучшие —
А хватило бы ему да на три года.
Привязала к седёлышку черкасскому.
Тут-то добрый богатырский конь
Он скорым-скоро да поворот держал,
Прискакал ко городу ко Киеву
Скорой поступью на княженецкий двор.
Доложили слуги княженецкие
Князю-солнышку да Владимиру.
Тут-то солнышко Владимир стольно-киевский
Приказал открыть погреба да все глубокие,
Выпускали Дюкушка-боярина.
Тут его сердечко взрадовалося,
Он коню да низко поклоняется,
А Чурилушке да Пленкову
Завтра в поле быть да обещается.
И садился Дюк да на добра коня,
Уезжал в чисто поле на запольице,
К доброй бабушке да на задворьице.

Говорит он ей да таковы слова:
«Уж ты, добра бабушка-задворенка,
Приюти-тка ты безродного ты молодца».
Говорит тут бабушка-задворенка:
«Ай же ты, удалый добрый молодец,
Помолись-ка ты да Спасу-образу,
Ты ложись-ка спать да опочив держать,
А утром мудро-мудреняе будет вечера».
Молодой боярин Дюк Степанович
Он ложился спать да опочив держать,
И уснул он крепким богатырским сном.
А по утрушку ли по ранному,
До зари-восхода красна солнышка
Разбудила его да добра бабушка:
«Ты ставай, удалый добрый молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович,
У тебя ведь дело неотложное».
Тут скорым-скоро да поскорешенько
По совету, по указу доброй бабушки
Выходил он на широкий двор,
Берет коня он богатырского,
Во Пучай-реки коня повыкупал,
Во утренней росы коня повыкатал —
На коне вся шерсть переменилася.
Одевал он платьица нарядное
И все доспехи богатырские
И садился он да на добра коня,
Выезжал во полюшко во чистое.
А молодой Чурилушка тут Пленкович
По чисту полю да он катается,
Над боярином он усмехается.
Тут поехали удалы добры молодцы,
По чисту полю да нагулялися,
По тусклой зори да вечерняю
По домам они да разъезжалися.
Так и ездили они, удалы добры молодцы,
Каждый денечек да ровно три года.
У Чурилушки да у Пленковича
Были конюшки да все разные.
А молодой боярин Дюк Степанович
А на каждый он да на Господен день
До зари-восхода красна солнышка
Во Пучай-реки он коня выкупат,

Во утренней зари он коня выкатат —
На кони все шерсть переменяется,
А другая масть да приокажется.
Так и ездили-гуляли добры молодцы.
Прошло времячки да ровно три года,
А по завтрашнему ли денечку
Их заданьице уж кончается.
А во то Христово воскресеньице
Им итти во церковь во соборную,
Одевать им платья самолучшие.
Тут съезжалися да собиралися
А во ту во церковь во соборную
А стоять обедню богомольную
Да служить молебны преосвященные
А за тех удалых добрых молодцев.
Приезжал Владимир стольно-киевский
Со своей княгинюшкой Апраксией,
Собиралися могучие богатыри,
Все князья-бояре стольно-киевски,
Приходили пьяницы-пропоицы
Да и те ли голюшки кабацкие,
А все Дюковы да поручатели.
Приходили и удалы добры молодцы:
Молодой боярин Дюк Степанович
Да и Чурилушка сын Пленкович,
На них платьица были нарядныи.
У того Чурилушки Пленковича
Была шубонька да соболиная,
А покрытая да рытым бархатом,
Оторочена ли черным соболем,
Дорогим ли соболем заморскиим;
А сапоженьки на ноженьках зелен сафьян,
Дорогого ли сафьяну да немецкого,
А и крепкого шитья да ярославского,
А носок востер, да и пята крута,
Окол носика да хоть яйцо кати,
А каблук высок — да воробей лети;
А шапка ушаста, пушиста, развесиста;
А как на шубоньки
Да три пуговки,
А на пуговках по добру молодцу,
А как на второй полы да три петельки,
А на петельках по красной девице,

А как расстегнутся — они обоймутся,
А застегнутся — да поцелуются.
А как народ стоит да удивляются,
Глядючи на младого Чурилушку.
Тут входил боярин Дюк Степанович:
На нем шубонька да голевой парчи,
Приунизана да скатном жемчугом,
Приобсажена камнеми самоцветными;
А на ножках лапотцы семи шелков,
И семи шелков да из семи прядей,
А во каждой во прядочки
Тут и вплетано по камню яхонту;
На головушке да шляпа сорочинская,
Приунизана да красным золотом,
А на лбу-то вплетен тут светел месяц,
А на темячке да часты звездочки.
На той ли шубоньки парчовой
На одной полы есть три пуговки,
А на пуговках-то звери порыкучие,
На второй полы-то есть три петельки,
А [в] петельках-то змеи шипучие.
Становился Чурилушка сын Пленкович
По праву сторону князя да Владимира.
Молодой боярин Дюк Степанович
Становился он по левую сторону,
Где стояли пьяницы-пропоицы
Да и те ли голюшки кабацкие,
Которы Дюковы да поручители.
Началась обедня богомольная.
А молодой боярин Дюк Степанович
Он вынимал тетивочку шелковую,
Стал по пуговкам-то он поваживать —
Закричали звери порыкучие,
Заглушили пение церковное.
Молодой боярин Дюк Степанович
Стал тетивочкой по петелькам поваживать —
Зашипели змеи тут шипучие,
Темны лесушки к земле да приклонилися,
В церкви люстры золоченые попадали,
Что было людушек — да чуть живы стоят.
А Владимир-князь стольно-киевской
Куньей шубонькой он укрывается
Да ко клиросам церковним прижимается.

Говорит Владимир таковы слова:
«Молодой боярин Дюк Степанович,
Ты бери с Чурилы да велик заклад,
А велик заклад да сорок тысячей,
Да уйми зверей да порыкучиих,
Ты уйми змеев да все шипучиих,
Не пугай-ка, не полохай людей добрыих».
Выходили с церкви из соборноей,
Тут молодой боярин Дюк Степанович
Взял с Чурилы сорок тысячей
И дает их голюшкам кабацкиим.
Говорит он им да таковы слова:
«Уж вы, пьяницы-пропоицы,
Мои верные да поручатели,
Открывайте-ка дома питейные,
Выкатайте бочки зелена вина
И гуляйте в свою волюшку
За молодого Дюка за боярина».
Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Приглашал он молодцов да на почестен пир.
На пиру-то все да наедалися,
На честном-то все да напивалися.
Как межанный день идет ко вечеру,
А веселый пир идет навеселе.
А молодой Чурилушка тут Пленкович
Он обзадорился, не успокоился.
Говорил Чурила таковы слова:
«Уж ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Уж как дай-ко нам прощаньице-благословеньице
Нам побиться с Дюком о велик заклад,
О велик заклад — о буйных головах:
А на завтрашний бы на Господен день
Выезжать бы с Дюком во чисто поле
На своих на конях богатырскиих
Как ко той ко матушке Пучай-реке,
Перепрыгнуть бы ту матушку Пучай-реку
Нам со бережка да и ко другому».
Говорит боярин Дюк Степанович:
«Ой же ты, Чурилушка сын Пленкович,
А живешь ты здеся да своим двором,
А мое-то дело есть заезжее,
А конишечко-то есть усталое —
Не перескочит он через Пучай-реку».

Но Чурилушка да стал настаивать,
Дюк Степанович да соглашается.
И побилися они да о велик заклад о буйных головах,
Чтобы завтра выезжать да на Пучай-реку.
Добры молодцы да распрощалися,
Завтра утрышком встречаться обещалися.
А молодой боярин Дюк Степанович
Приезжает он ко доброй бабушке.
Закручинился он да запечалился,
Он повесил буйную головушку
Он пониже плеч да богатырскиих.
Говорит ему да добра бабушка,
А и та старушка стародавняя:
«Ой же ты, удалый добрый молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович,
Не кручинься ты да не печалуйся,
А ложись-ко спать да опочив держать,
Будет утро мудреняе вечера».
Молодой боярин Дюк Степанович
Добру бабушку да он послушался,
И уснул он крепким богатырским сном.
А поутру раным-ранешенько,
До зари-восхода красна солнышка
Будит молодца да добра бабушка:
«Ты ставай, удалый добрый молодец,
Есть у тя да дело неотложное,
Покорись-ка ты да коню доброму».
Молодой боярин Дюк Степанович
Выводил коня из стойла лошадиного,
Во Пучай-реки коня повыкупал,
А по утренней росы коня повыкатал,
И взмолился он да коню доброму:
«Уж ты, верный мой да богатырский конь,
Сослужи-тка мне да службу верную,
Сбереги-тко мне да буйну голову,
Перескачи-тка ты через Пучай-реку
От одного-то бережка ко другому».
Тут его ли верный богатырский конь
Возговорил человеческим он голосом:
«Добрый мой хозяин, Дюк Степанович,
Не кручинься-тко да не печалуйся,
Тебя выведу да я с неволюшки,
Не оставлю молодца при горюшки.

Мы есь три брата, три коня да богатырския:
Старший брат наш — богатырский конь,
Святогора есь да он богатыря,
У него есь трое крылышки подкожные;
А есть средний брат — да богатырский конь,
Есть старого казака Ильи Муромца,
У него есть двое крылышки подкожние;
У твоего коня ли богатырского
Одни крылышки да есть подкожные».
Тут молодой боярин Дюк Степанович
Садился он да на добра коня,
И поехал он во да́лече чисто поле
Ко тому ко бережку ко крутому,
Ко славной ко матушке Пучай-реки.
Молодой Чурилушка сын Пленкович
Он по чистому-то полюшку погуливат,
На добром коне он потешается,
Над боярином да насмехается.
Собиралися люди посторонние,
Все князья-бояре стольно-киевски
И Владимир-князь да со княгинею
Посмотреть удалых добрых молодцев.
Молодой Чурилушка сын Пленкович
Поразъехался со чистого со полюшка,
Берет он плеточку шелковую,
Бил коня он по тучным бедрам,
Бил коня он, приговаривал:
«Уж ты, верный мой да богатырский конь,
Отслужи-тко ты да верой-правдою:
Ты скачи-тко за Пучай-реку,
На том бережке да не замешкайся,
А поскорешенько скачи в обратный путь!»
Посмотрели люди добрые,
Как Чурилушка за речку перескакивал —
Посреди реки да он купается.
А молодой боярин Дюк Степанович
Поразъехал⟨ся⟩ да он со чиста полюшка,
Его конь скочил со к⟨р⟩утого со бережка,
На другом бережке конь не замешкался,
Скоро-наскоро да поворот держал,
Через Пучай-реку да конь повыскочил,
А молодой боярин Дюк Степанович
За желты кудри Чурилушку повытащил,

Говорит Чуриле таковы слова:
«А не честь-хвала мне молодецкая
Окровавить мне да руки белые,
А лишить тебя да жизни молодой —
Пусть не мной Чурилушка наказаный,
А ходи-тка ты, Чурилушка, по Киеву,
А гоняйся ты, Чурила, за девкамы, за бабамы,
А не бейся-ка, Чурила, о велик заклад
А со теми могучими бога́тырями».
Говорит тут Дюк Степанович:
«Не дивую я Чуриле Пленкову,
А я дивую солнышку Владимиру,
Что за таких людей он поручается».
Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Приглашает их да на почесный пир,
Всех князей-бояр да стольно-киевских,
Задает он пир да в честь удалых добрых молодцев.
А межанный день идет ко вечеру,
А веселый пир у них навеселе.
На пиру-та все наедалися,
На честном-то все да напивалися,
Разными-то похвалами похвалялися.
Как за тым столом да за дубовыим,
А на той скамеечке окольную
А сидел Чурилушка сын Пленкович,
Он ни ест, ни пьет, да и не кушает,
Белой лебеди да он не рушает,
А он ничем-то, молодец, не похваляется.
Наконец-то Чурилушка не вытерпел,
Говорит Чурила таковы слова:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Много молодец во Киеве нахвастался,
Надо молодца проверить да повыведать.
Уж ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Выбирай-ка ты людей да самолучшиих,
Ты описчиков да и оценщиков,
Чтобы съездили во Индию богатую,
А во тот ли нахваленый да Волынь-город
А ко той ко Дюковой ко матушке,
Ко честной вдове Мамелфе Тимофеевне».
Тут Владимир-князь да соглашается.
И повыбрали удалых добрых молодцев,
А и шесть оценщиков-описчиков,

В том числе Добрынюшка Никитинеч.
Они сели на добры́х коней, поехали
Как по той дорожке прямоезжеей,
Что проложил дорожку Дюк Степанович.
А и ехали-поехали удалы добры молодцы,
Подъезжают ко Индии богатыей,
Ко тому ли славному да Волынь городу.
Поднималися на горушку высокую,
А Волынь-город да точно жар горит.
Говорят они да промеж себя:
«А хитер боярин Дюк Степанович:
Волынь-город-то ведь огнем горит,
Чтобы нечего было нам описывать».
Согласилися да сговорилися,
Пораскинули они да белой шатер,
А своих ли коней богатырскиих
Отпустили во луги они зеленые,
Отпустили коней да стреножили.
Заходили сами во белой шатер
И ложились спать да опочив держать.
Они в дороженьки да утомилися,
Они беспробуду спали трое суточки.
Через трое суток пробуждалися,
Посмотрели в трубочку подзорную:
А Волынь-город — он целой стоит,
А целой стоит да точно жар горит.
Они сели на добрых коней, поехали.
Заезжали прямо на боярский двор,
Они чудушку да чудуются,
Они дивушку да дивуются:
По всему двору да боярскому
Повыс⟨т⟩ланы мосточики еловые,
Положены перильчики точеные,
А на тех перильчиках точеныих,
А на тумбочках да на золоченыих,
А сидели тут да птицы царские,
Распевали песенки все райские.
Тут опарубки боярские догадливы:
Принимали у гостей да коней добрыих,
Завели во стойла лошадиные,
Понасыпали пшеницы белояровой,
А послы-то, гости стольно-киевски,
Прямо шли к полате грановитоей

А по тем по крылечкам точеным,
А по тем ступенчикам по мраморным.
Заходили тут оне да во первой покой —
Сидит женщина да пожилых лет,
На ней платьица да черно-шелково,
На головушке чепец да рыта бархата,
Да приунизанный да скатным жемчугом.
Тут послы-то стольно-киевски
Бьют челом да низко кланяются,
Говорят они да таковы слова:
«Здравствуешь ли, Дюковая матушка,
Ты честна вдова Омелфа Тимофеевна!»
Им ответ держит да эта женщина:
«Я не Дюкова есть матушка,
А я Дюкова есть рукомойница.
По утрышку да как по раннему
Полагаю воду в рукомойничек».
И пошли тут гости во второй покой —
Сидит женщина да пожилых лет,
На ней платьице да рыта бархата,
На головушке чепец да голевой парчи,
Приунизанный да чистым серебром.
А послы тут гости стольно-киевски
Бьют челом ей, низко поклоняются.
«А и вздраствуешь, Дюковая матушка,
Ты честна вдова Мамелфа Тимофеевна!»
Говорит им эта женщина:
«Ой купцы вы, гости стольно-киевски,
Я не Дюкова есть матушка,
А я Дюкова есть ключница».
И пошли тут гости в иной покой —
А сидит тут женщина да пожилых лет,
На ней платьице да точно жар горит,
Приунизано да красным золотом.
Тут послы ли гости стольно-киевски
Бьют челом ей, низко поклоняются:
«Здравствуешь, Дюковая матушка!»
Говорит тут им да эта женщина:
«Я не Дюковая матушка,
А я Дюкова есть стольница,
Расставляю я столы дубовые,
Постилаю скатерти шелковые,
Полагаю яствушки сахарные.

Уж вы, послы да гости стольно-киевские,
Вы подите-ка, послы, да на широкий двор,
Поднимитесь-ка на выходы высокие,
Посмотрите-ка вы в трубочку подзорную,
Только каждой бабе вы не кланяйтесь —
Расколотите вы буйную головушку.
А Дюкова есть матушка —
Она ушла во церковь во соборную
А ко той ко обедне богомольную.
Священная обеденка кончается,
А скоро Дюковая матушка-то возвращается.
А вы смотрите-ка, не проглядитесь-ка:
Пойдут сначала тут мятельники —
Разметают дороженьки путистыи;
За метельниками пойдут постельники —
Расстилают ковры они персидские;
За постельниками пойдут цветочники —
Посыпают травоньки душистые;
А потом пойдут да сенны девушки —
Поведут под руки Дюкоеву матушку».
Тут послы ли гости стольно-киевски
Выходили на широкий на боярский двор,
Становились на выходы высокие.
По тому двору да по боярскому,
От той палаты гряновитоей
До самой церкви до соборною
Повыс⟨т⟩ланы мосточики еловые,
Положены перильчики точеные
Да и маковки золоченые,
По перилам-то сидят да птицы царские,
А поют они да песни райские.
Стоят молодцы да удивляются.
Вдруг пошли мосточкамы метельники —
Разметают дороженьки путистые;
За метельниками идут постельники —
Постилают они ковры персидские;
За постельниками идут цветочники —
Посыпают травоньки душистые;
И потом идут да сенны девушки —
Ведут под руки Дюкоеву матушку.
Тут послы ли гости стольно-киевски
Бьют челом ей, низко кланяются:
«Здраствуешь-ка, Дюкоева матушка,

Ты честна вдова Мамелфа Тимофеевна!
Ты прими поклон да понизешенько
От своего ли чадочка любимого,
А от Дюка ли да Степанова,
Он у нас гостит да во Киеве».
Говорит им Дюкоева [матушка]:
«Ой же вы, удалы добры молодцы,
А кем вы, молодцы, да сюда отправлены,
Зачем, молодцы, да вы посланы?»
Говорят тут гости стольно-киевски:
«Мы от того от города от Киева,
А от ласкового князя от Владимира,
Не гостить пришли, а дело делати:
Мы описчики да оценщики
Твоего именья да богачества».
Говорит тут Дюкоева матушка:
«Ай послы вы, гости стольно-киевски,
Проходите-ка, послы, вы во высок терем,
А во ту ли гридню во столовую,
Хлеба-соли тут сиротского откушати,
Я хочу от вас да речь прослушати».
Пошли тут гости стольно-киевски
А во те палаты белокаменны,
А во ту ли гридню во столовую,
А садилися да за столы дубовые,
Досыта они да наедалися,
Допьяна они да напивалися,
Много дивушку да дивовалися,
Что столы стоят да все точеные,
А все приборы были золоченые.
Говорят оне да таковы слова:
«Ай же Дюкоевая матушка,
Ты честна вдова Мамельфа Тимофеевна,
Покажи-тко нам имение-богачество».
Тут берет она да золоты ключи,
Отмыкает она да замки крепкие:
Тут много-множество да платья цветного.
Не могли они глазами да поразглядеть,
Не могли тех платьицев повысчитать.
Повела в конюшеньки стоялые:
Там табуны стоят да коней добрыих.
Не могли послы коней повысчитать,
Не могли глазами и поразглядеть.

Повела вдова их на широкий двор:
Тут стоят сараи колесистые,
А подвешены-то бочечки дубовые,
А набиты тут обручики серебряны,
На цепях качаются да металлических,
В бочках налиты вина заморские,
Как от ветрушка те бочки колыхаются,
А заморское вино не задыхается.
Повела вдова благочестивая
А в ту усадьбу красовитую,
А во те сады да во зеленые:
А течет там реченька серебряна,
В речки плавают рыбки золоченые.
Тут послы ли, гости стольно-киевски,
Они чудушку да чудуются,
Они дивушку да дивуются,
А сосчитывать именье не решаются,
А описывать богатство не соглашаются.
Говорит им Дюкоева матушка,
Та честна вдова Мамелфа Тимофеевна:
«Ой послы вы, гости стольно-киевски,
Вы описчики да оценщики,
Поезжайте-ка вы ко Киеву ко городу,
Передайте вы князю Владимиру:
На бумагу-то продаст пусть стольно Киев-град,
А на чернила-то продаст пусть он Чернигов-град.
Пусть приезжает сам Владимир-князь
Животиночек сиротскиих описывать».
Тут послы ли гости стольно-киевски
С той чес⟨т⟩ной вдовой они прощалися
И обратно в Киев ворочалися.

№ 367

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Говорили, значит, очень богатой-то был, а весь народ слушает и улыбается.

Вот Дюк Степанович был да мужик,
А жену звали Офимья да Онтоновна,
А у их было именьице да денежек невидимо,
Полны подвалы, полны по́гребы золотых вещей.
А у их был да один сынок Иван да Степанович.

Остался от родного батюшка ён да пятигодовый.
Вот, эта маменька сынка да подро́стила
И выучила много-мало грамоте,
А отец да помер.
Вот, жил со своей да родной маменькой
Годов до пятнадцати, там до семнадцати.
Стал ён да похаживать, стал ён да поглядывать.
Поглядеть людей да сам себя показать,
Руки-ноги отрывать.
Стал спрашивать у ро́дной матушки:
«Родная матушка, спусти ты меня по белу́ свету́». —
«Ох, родное дитятко моё, ище тыи несовершенные года,
Пропадешь ты вместо собаки где-ни».
Вот, да не спускат.
«Но спустишь — поеду, и не спустишь — поеду».
Взял коня да со конюшенки,
Оседлал коня да в черкасское седёлышко,
Подбрушники шелко́вые, а стремена да золоченые.
Не для ради басы, а для ради крепости.
Вот, видли молодца да сядучи,
А не видели молодца да в котору сторону уехал.
Приезжает он да в одну губеренку да Бессарабскую,
Приезжает к тому царю да Бессарабскому.
Привязал коня к столбу да золоченому,
А сам идет он в избушечку.
А в избе народу полная изба за столом сидит.
А ён да глаз да не крестит, а за стол ён да садится.
А царь стоит да и глядит.
Ему да дали да стаканчик чайку,
Ён чаёк да пьет да и хает:
«Чай у вас да ён да как табак».
А этот царь глядит да подслухивает да ён да как.
Дали им да закусочки.
«Ах, ваша закусочка, она хвоей пахнет.
У моей родной да матушки
Кушаньица сахарные, питвица медовые.
Стаканчик пьешь, а другой катится — дак хочется,
А закусочки возьмешь — дак дру́гой хочется».
А царь всё да подслухивает да подглядывает.
Приходит к тому да молодцу да его ведь спросил:
«Как тебя, да добрый молодец, зовут,
Какой ты да губеренки?»
(*Он там рассказал — хоть с Олонецкой губернии.*)

«Какого отца да матери да как зовут?» —
«У меня зовут да батюшка да нет жива́,
Его звали да Дюк да по отчеству Степанович.
А матушка моя да Офимья да Онтоновна». —
«А не хвастаешь ли ты да этим чего-нибудь да пустым,
Не побьемся ли мы с тобой да в залог?» —
(*В заложную сумму, бывало, в залог заложали дак.*)
«Да об чем мы с вами в залог-то станем биться?» —
«А может быть, да пустым хвастаешь».
Вот и побили заложную сумму.
«Я, — говорит, — отправлю двух да мо́лодцев проверить твою да матушку.
Если правильно, мы тебя наградим».
А ён же им и говорит:
«А вот что (*там царя по имени, по отчеству*),
Вы пошлите етих молодцов, так на бумагу продайте такой-то город,
А на чернила такой-то город».
А оны и сказали: «У нас хватит бумаги без этого на твое именьице».
Ну, до́бра молодца да оставили.
А ёны да ети два да мо́лодца да и поехали
Приезжают в тот да город, где она да и живет,
И спрашивают у женщины:
«Не знаете ли вы этта Дюка Степановича жены,
Этта матери Офимьи Онтоновны?»
Показала она им да фатерушку.
Подошли дак ёны да к домику,
Стоит у ворот человек дежурный.
И оны у него доспросили:
«Нельзя ли нам да зайти в фатерушку?»
Он за ручку ту взял
Да к дверям привел.
Отворил дверь дубовую,
А сидит тут да женщина.
«Здравствуй, Дюковая матушка».
А она стала да и говорит:
«Я не Дюковая матушка,
А я Дюкова кухарочка». —
«А где же Дюкова матушка?» —
«А вот за тыма дверямы».
Открыли други двери,
А сидит там да официаночка.
А оны: «Здравствуй, Дюковая матушка».
А она да им ответ дала:
«Я не Дюковая матушка,

А я Дюкова официяночка,
Ёму подаваю обед-питьице». —
«А где же она да живет?» —
«А вот она за тыма дверямы».
Открыли третьи двери,
А она сидит на стуле,
Да вся в золоте да в шелку.
А они да ёи да поклонилися:
«Здравствуй, Дюкова да матушка».
А она и догадалась, поздоровкалась:
«Здравствуйте, добры молодцы!
Проходите да садитесь».
Дала стулья.
А она да их спросила:
«А откуда вы, да добры молодцы?» —
«А мы да с Бессарабской да с губернии,
От того царя приехали.
Он да у вас да там да порасхвастался такими-то словами:
„У моей да матушки
Кушаньица сахарные, а питьица медовые"».
Она стала на резвы ноженьки и говорит:
«Об чем вы да ко мне да приехали?» —
«А ваш сын да порасхвастался.
Да с тыим царем да с арабскиим
Вот и побили залог.
Разрешите вы нам ваше именьице проверить».
А она и говорит:
«Можно. Отчего и как нельзя?
Я говорила сынку да молодому,
Что пропадешь ты за последнюю муху.
Ну, вот, пожалуйста, садитесь за стол».
Сели за столы, выдали бумажки.
А она села на стул,
Разувает свою да ботиночек
С левой да ноги.
«Вот, нате, добры молодцы,
Да общените, сколько ёно да стоит».
А они да просидели трое сутоцьки
И не могли они да общенить
Да одного да башмачка Офимьи да Онтоновны.
«Разрешите вы, Офимья да Онтоновна,
Покажите вы да свое да богатство».
Она взяла да ключи

И повела по кладовым.
Дак там всё в серебре сияет.
Они подвал открыли.
«А вот, — говорит, — да глядите».
Всё висит да всé шелковое,
Всё сияет да золоченое, а не копченое.
А другой отложили да подвал,
А там всё висит да золоченое.
А они всё глядят да переглядываётся.
«Ну, еще что желаете?» —
«Ну, ёще же покажите третий подвал-погреб».
Там бочки золоченые все висят на цепях.
«Ну, еще вам чего надоти?» —
«Больше ничего нам не надоть,
Пойдемте домой да на фатерушку».
Официаночка согрела самоварчик.
«Ну, садитесь, добры молодцы, за дубовые стола».
И сама села рядом.
Официаночка дак налила
Да по стаканчику чайку и подала
И клала закусочку.
Таки сладки, таки медовые,
Не наши калачи пудожские, крендели.
Вот чайку по стаканчику допьют —
А по другому да хочется.
Друг на друга глядят.
А закусочки-то взяли по олашечки,
По одной едят — а по другой да хочется.
Да ёны да вышли с-за стола
Да и простилися:
«Да вот, ты да Дюкова ты матушка,
Да Офимья да Онтоновна,
Он не зря там же говорил.
Не сумлевайся ты об этом,
Будет твой сынок домой».
Вот и добры молодцы поехали домой
И рассказали всё царю,
Что у ей есть чего.
А не могли обценить одного башмачка с левой ноги.
Он сказал:
«Ну, вот что, добрый молодец.
Я теперь уверен, ты не зря фастал.
Что тебе от меня нужно?

Есть у меня же дочка».
А он же ему да сказал:
«А мне вашего ничего не нужно,
А я поеду на свою да на родину».
А вот приехал же домой,
Мамка и спрашивает его:
«Ох, ты чадо мое, чадо,
Чадо милоё мое.
Я тебе же говорила,
Пропадешь же ни за что!»
А сын возвращается лучше лучшего.
«Мне, — говорит, — маменька,
Невесту давали, а я не хотел взять». —
«Я, — говорит, — да перепалася,
Думала, да ты да засажон в тюрмы». —
«Я в тюрмы-то не бывал,
А всё за столиком сидел».
Офимья Антоновна обрадовалась да угощала:
Сынок вернулся домой.
Мать-то и разрешила съездить за этой девушкой.
А ён не поехал.
«Я, — говорит, — найду этта в своем царстве».

№ 368

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Дюк Степанович был действительно богатырь, тоже был назначен во Христову ночку в Киев-град к князю-солнышку на собрание. Съехал туды, в Киев-град, дак тот гульбой занимался. Всё имущество узнавали у Дюка Степановича. Тоже таким способом богатыри съехались. (*Все слышали, что «не Дюковы животы сосчитать»*.)

Солнышко-князь и назначил их гулять. От себя тоже богатыря выставил и Дюка Степановича — который лучше выйдет в платьях.

Сколько на Дюка Степановича выезжат, всё лучше платье богатыря. Сорок дён прогуляли. Больше нечего. Нашел в подсумке шелковы ботиночки. Опять перефорсил его.

Владимир поглядел наряд. «Ну, давай, — говорит, — через реку переезжать, через Неву, кажется». — «Поезжай, показывай дорогу».

Богатырь разъехался да в серёдку реки и бякнулся. А Дюк Степанович сам перескочил и того богатыря выручил. Больше богатырь не смеет оттудова ехать. Дюк Степанович приехал к солнышку-князю и говорит: «Поезжай, — говорит, — свого богатыря доставай».

Потом больше нечего делать солнышку-князю Владимиру, назначил имущество описать ёго. Как придут имущество ёго описывать, платомойницу увидели. «Это не Дюкова матушка?» — «Нет, это Дюкова платомойница».

А чтобы Дюковы животы описать, дак надо город Смолянин продать на чернила, а дру́гой град на бумагу.

№ 369

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

(*Слыхала при Чуврынюшку Щаплёнковича, а петь не могу*). Чуврынюшка щап Плёнкович перещапывали друг друга с Алёшей Поповичем. Этот Чуврынюшка щап Плёнкович говорил: «У меня у матушки подики, — говорит, — гранёные (*это знаешь, где пекут*), а помялышка шелко́вые, а колачи, — говорит, — сверху румяные, а снизу прижаристые». Это Олёше Поповичу он говорит. «Дак один, — говорит, — колачик съешь, а по другому душа болит. А у твоей матушки, колачики печет, дак снизу глинка, а сверху печинка» (*эта падат с печи там глина, сверху.*)

Вот они друг друга сорок дней перещапывали, всё сменны платья надевали. Дак не помню, который перещапил, — Чуврынюшка, кажется. Надел платье, дак собаки залаяли, колокола зазвонили, вороны заграяли, народ весь на колена пал, таки платья надели.

Чуврынюшка, когда поехал щапить, дак матушке говорит: «Дашь прощеньице — поеду, не дашь прощеньице — поеду». Дак видли добра молодца се́дучи, а не видли добра молодца поедучи, только пыль стоит во чисто́м поли.

№ 370

ПРО ДЮКА СТЕПАНОВИЧА

Ён у матушки да даваетце:
«Спусти, спусти меня, родна матушка,
С'издить мни-ко во Киев-град
К обиденке да Христовскою».
Приехал он ко солнышку князю Владимиру,
Ён посадил его да за столы дубовыи
Хлеба-соли да откушати.
Ен верхну корочку на стол кладет,
А нижну корочку под стол роет.
Говорил солнышко князь стольно-киевский:
«Что же ты верхну корочку на стол кладешь,
А нижну корочку под стол рое́шь?» —
«А у моей-то добротушки у матушки
Помельца шелковыи,

А у тебя помельца сосновыи,
Дак на хвойну корки-то запóхнули».
Пиво пьé да все поплюиват.
Говорит киевский князь да стольно-киевский:
«Что же пьешь да все поплюиваешь?» —
«А у моей-то у добротушки у матушки
Бочки на цепях висят,
А у тебя-то боченки на земле стоят,
Дак пиво да затхлеть запáхнуло».
Говорил солнышко князь стольно-киевский ему таковы слова:
«Год прощапить надо Чурилку Щапленкову всем Киевом,
А его щапит (*поит и кормит*) пусть одна мать».
Ены приходили к обиденки рождественской,
Дак у Дюка самоцветными камнями
Вся одежка было убрана,
А у Чурилка Щапленкова была поплоше,
Дюк Степанович его перещáпил.
Ну, потом надо было им прыгнуть через Днепру-реку,
Что который перескочит попéреди.
Приежджяли они ко Днепру-реки:
Чурилка скочил через Днепру-реку
И упал в рéку со добрым конем,
А Дюк Степанович бил коня да по тугим ребрáм,
И прогóворил конь да русским язы́ком:
«Я старому казаку Ильи Муромцу младший брат,
А не поддамся брату бóльшему».
Разъехалсе тут да Дюк Степанович,
Схватил Чурилку за желты кудри
Да вытащил его да на крутой берег.
Тут солнышку князю да не к лицу пришло —
Дюк Степанович да их перéщапил.
(*Ну уж перещапил, дак тое и былины конец.*)

№ 371

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Дюк Степанович был такой. У стольнё-киевского князя порасхвастался, дак Дюка Степановича забрали, поехали к отцу, матери его описывать именьице.

Прислуга со двора идет: «Здравствуй, Дюковая матушка!» — «Я не Дюковая матушка, я-то Дюкова служаночка, я-то Дюкова работница».

(*Да, я тут забыла: он сел на лавочку да крупитчаны калачики под стол бросал: «Ваши калачи пахнут печкою!»*)

Ну, вот они перед матушкой встали на колени. «Вы чего сюда приехали?» — «Описать ваше имущество».

Да тут он еще похвалялся: «У вас этого нет, а у нас от Божьей церкви да до дому дощаты крыши, цветны платьица оденем, не омочимся, идем».

Ну, она им говорит: «Чтобы вам списать, так Чернил-город на чернила должон пойти. Бумаг-город на бумажушку».

Так она им сказала. Они вернулись: «Где нам описать Дюково богачество, его богатырское платьице!»

(*Только и помню, больше ничего не помню.*)

№ 372

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

А Дюк Степанович ведь жил где-то зде, в Карелии. Поехал с Карелии в Киев. «Ко всим, — говорит, — царям я выездил, поеду я во стольный град Киев ко князю Владимиру. Я у всих царей бывал, а у него не бывал».

А мать его уговаривает: «Не идь ты, Дюк Степанович. В Киеве народ не честный, пропадешь ты за одно слово там, посадят тебя в погреба глубокие». — «Что быть, то будет, а поеду».

Ну, и отправилсе. А попались ему по дороги три старицка. Вот он и спрашивает: «Скажите-ка мне, калеки перехожие, долго ли ехать до Киева с этой-то Карелии проклятой? Поехал я в Киев посмотреть Киева, да князя киевского, Владимира-солнышка, долго ли мне ехать надо?» (*Поехал на кони, тогда машин не было.*)

Они говорят: «На коне поедешь — в год или полгода попадешь, а пешком, — говорят, — идти, так не меньше, чем три года».

Ну и поехал. Вот и приехал. Приехал, а киевский князь Владимир был в церкви у обедни. И он тоже зашел. Коня остановил, в церкву зашел, обедну постоял. И от тут сошел, так ён и говорит ёму: «У вас как в Киеве да не по-нашему. Как у нас, — говорит, — от церквы до дому подосланы... (*Забыла, как сказать. Не половики, а как-то по-другому.*)

(Соб.: *Ковры?*)

В. А.: Вот-вот, ковры. Ковры, такие дорогие. Моя матушка ходит по этым коврам в церковь. А мосты, — говорит, — деланы калиновые, а гвоздики забиты тоже какие-то дорогие».

Опеть пришли туды домой, сели обедать. Подали обед.

«А у вас, — говорит, — в Киеве всё не по-нашему. У вас пеци, — говорит, — не мураваные, а в пецах поды глиняные. А помя́лом пашете, так пахнет хлеб ⟨...⟩. А у нас калачики пшеничные. Калачик съешь — по-другому душа горит».

Царю всё это не пондравилось.

«И всё, — говорит, — не такое, как у нас. У нас, — говорит, — винны напитки в погреба глубокие кладены и боцки, — говорит, — на цепях. Проведены в поле трубы, воздух ходит, ветерок веет. У нас, — говорит, — вино не затхлое. А у вас боцьки лежат на земле, вино затхлей пахнет».

Это царю опять не понравилось. Потом его взяли, забрали, что стал выхвастывать, посадили в погреб. А потом отправлять стали Олёшу Поповича проведать, правда ли это. Ён и сказал: «Не

отправляйте Олёшу Поповича. Он, — говорит, — роду поповского, не описать ему Дюкова имения. А пошлите, — говорит, — Добрыню. Тот может что-нибудь поделать».

Он и поехал. Приехал в этот город, где он жил, остановил коня, пришел в комнату, где Дюк Иванович жил. И сидит нянюшка, вроде как прислуга, вся в шелках да в платьях дорогих. А ён и здороваетсе:

«Здравствуй, — говорит, — Дюкова матушка». — «А я не Дюкова матушка, а я Дюкова нянюшка».

Ну, ён и ушел на тот день. На другой день опять приходит, в дру́гу комнату зашел. Сидит опять женщина в дорогой одёже. «Здравствуй, — говорит, — Дюкова матушка». — «Я не Дюкова матушка, а Дюкова божатушка». — «А как же, — говорит, — мне увидеть Дюкову матушку?» — «А вот, — говорят, — увидеть Дюкову матушку: пойдем мы все трое с утра в церковь, ты, — говорят, — и имай тут, на дороге, на пути. Тут и повидаешь».

Она в церковь-то пошла, он и прозевал. Пошла обратно, он стрецю и зашел. Она идет, така барыня.

«Здравствуй, Дюкова матушка!» — он поздоровался.

Ну, и она поздоровалась с ним. «Чей ты, — говорит, — молодой человек, добрый молодец?» — «Ну, а я такого-то места, приехал, — говорит, — к вам узнать Дюково именьице. А ён посажён в погреба глубокие из-за этого, что он расхвасталсе».

Ёна и повела по своему имению. Та и привела, где эты боцки, так и сметы нету: погреба да лавки, сапоги всяки хоро́ши, в стойло конино привела. Всего много везде, никому не сосчитать.

Тогды телеграмм не подавали, он и послал письмо: «Пошлите-ка да три воза́ бумаги, дак и не описать Дюкова именьица в три года».

Так и уехал домой.

(*Ишшо пословица осталась*: «*Ой, не Дюковы животы*!»)

Ну и вот, его спустили.

(*Там в книге еще есть, дак не помню*!)

Был какой-то в Киеве, щеголь форсист был. Надо было перефорсить Дюка. Вот ёны крутилисе да надевалисе. Дюк Степанович перефо́рсил.

№ 373

ДЮК СТЕПАНОВИЦ

Дюк-то Степановиц так выхвастал на собраньице:

«У моей-то у родитель, у матушки, хлеб спекет — не пахнет не на хвою, не на́ пригорь. Помяльца-то шелковые, а подници хрустальныи».

Так ездили обценять. Так у него на стенах всё драгоценныи. Трои суток обценяли и не могли обценить одного башмака матушки. (*А говорят*: «*Не Дюковы животы*»).

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ И КНЯЗЬ (№ 374)

№ 374

ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧ

Вот у солнышка у князя Владимира
Было отослано шестьсот человек трудничков-работничков
На матушку на Сорогу на реку
Кунных-то лисов повыловить,
Кунная рыба повыдавать.
А жил-то Чурилушка во Киевце,
А жил он на матушке на Сороге на реке
Со своею со дружиною хороброю.
Как выходит Владимир на широк двор,
На заднее перёное крылечико
И зрел-смотрел в поле чистое,
Ко матушке ко Сороге ко реке.
Как от матушки от Сороги от реки
Идет с поля толпа — сто молодцев:
Булавам-то головы переломаны,
Кушакам-то буйны завязаны;
Идут-то оны в Киев-град на княжий двор
И ко князю жалобу кладут:
«Здравствуешь, солнышко Владимир-князь!
Как живет-то Чурила во Киевце,
На матушке живет на Сороге на реке
Со своею со дружиною хороброю:
Кунных-то лисов всех выловил,
Кунную рыбу повыдавал,
А тебе, государю, добычи нет,
А нам от тебя жалованья нет».
И та толпа на двор не пришла,
А новая толпа с поля чистаго идет,
Идет толпа — двести молодцев:
Булавам-то головы переломаны,
Кушакам-то буйныя завязаны;
Идут-то оны на княжий двор
И ко князю жалобу кладут:
«Здравствуешь,солнышко Владимир-князь!
Как живет-то Чурила во Киевце,
На матушке живет на Сороге на реке
Со своею со дружиною хороброю:
Кунных-то лисов всех выловил,

Кунную рыбу повыдавал,
А тебе, государю, добычи нет,
А нам от тебя жалованья нет».
И та толпа на двор не пришла,
А новая толпа с поля чистаго идет,
Идет толпа — триста молодцев:
Булавам-то головы переломаны,
Кушакам-то буйныя завязаны;
Идут-то оны на княжий двор
И ко князю жалобу кладут:
«Здравствуешь, солнышко Владимир-князь!
Как живет-то Чурила во Киевце,
На матушке живет на Сороге на реке
Со своею со дружиною хороброю:
Кунных-то лисов всех выловил,
Кунную рыбу повыдавал,
А тебе, государю, добычи нет,
А нам от тебя жалованья нет».
Тут-то солнышко ладился,
Поскорей Владимир кольчужился,
И брал он любимаго подручника,
Старого казака Илью Муромца,
Брал и княгину Опраксию,
И поехал к Чурилушке во Киевец.
И будут у Чурилы на широком на дворе,
И выходит Пленчище Сорожанин,
Встречает князя Владимира,
Во сени ведет во решатчатыя,
Во другие ведет частоберчатыя,
Во третьи ведет во стекольчатыя
И в теремы ведет златоверхие.
И такому-то князь диву дивуется:
На небе солнце — и в тереме солнце,
На небе месяц — и в тереме месяц,
На небе звезды — и в тереме звезды,
На небе зори — и в тереме зори —
Всё в терему по-небесному.
И садился под окошечко косявчетое,
Зрел-смотрел в поле чистое.
Как из далеча-далеча чиста поля,
От матушки от Сороги от реки
Идет с поля толпа — сто молодцев:
Кони под нима одношерстные,

Узды на них одномедныя,
Кафтанчики на молодцах скурлат-сукна,
Источенкамы подпоясанные,
Сапожки на ножках зелен сафьян,
Носы по нос шилом, пяты востры,
Около носов-носов яицо покати,
Под пяту-пяту воробышко летит,
Воробышко летит, перепуркивает.
Та толпа на двор не пришла,
А новая толпа с поля чистаго идет
От матушки от Сороки от реки.
Идет толпа — двести молодцев.
Эта толпа на двор не пришла,
А новая толпа с поля чистаго идет,
Идет толпа — триста молодцев,
Один молодец получше всех:
Волосинки — золота дуга, серебряная,
Шея у Чурилы, быдто белый снег,
А личико, быдто маков цвет,
Очи, быдто у ясна сокола,
Брови, быдто у черна соболя;
С коня на конь перескакивает,
У молодцев шапочки подхватывает,
На головушки шапочки покладывает.
Возговорит Владимир таковы слова:
«Ай же ты, Пленчище Сорожанин!
Не твое ли это дитятко любимое,
Младой Чурилушка Пленкович?»
Возговорит Пленчище Сорожанин:
«Тут-то мой любимый сынишка Чурилченка».
И выходит Пленчище Сорожанин
На заднее переное крылечико,
Возговорит Пленчище таковы слова:
«Ай же ты, Чурилушка Пленкович!
Есть у тебя любимый гость,
Солнышко Владимир стольно-киевский:
Чим будешь гостя потчивати,
Чим гостя будешь жаловати?»
Брал ли Чурила золоты ключи,
И шел-то Чурила в кованы ларцы,
И брал-то шубу соболиную
Под дорогим под самитом заморскиим,
А дорога-то соболя заморскаго,

Ушистаго соболя, пушистаго —
Подарить князя-то Владимира;
И брал-то камочку хрущатую —
Дарить-то княгину Опраксию,
И брал золотой казны сметы нет —
Дарить-то князей-бояр.
И принимает Владимир стольно-киевский
Ту ли шубу соболиную,
Принимает, сам приговаривает:
«Ай же ты, Чурилушка Пленкович!
Не довлеет ти, Чурилы, жить во Киевце,
А довлеет жить ти во Киеве
У князя у Владимира в курятниках».
Кто от беды откупается,
А Чурила на беду накупается.
И живет-то Чурила во Киеве
У князя у Владимира в курятниках.
И возговорит княгина Опраксия:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь!
Положи-тко Чурилу в постельнички,
Чтобы стлал он перину пуховую,
И кладал бы зголовьице высокое,
И сидел бы у зголовьица высокаго,
Играл бы в гуселышки яровчаты
И спотешал бы князя Владимира».
И возговорит Владимир таковы слова:
«Ай же ты, Чурилушка Пленкович!
Не довлеет ти жить в курятниках,
А довлеет жить ти в постельничках,
Стлать-то перина пуховая,
Кладывать зголовьице высокое
И сидеть у зголовьица высокого,
Играть в гуселышки яровчаты,
Спотешать князя Владимира».
Кто от беды откупается,
А Чурила на беду накупается.
И живет-то Чурила в постельниках,
Стелет перину пуховую,
Кладывает зголовьице высокое
И сидит у зголовьица высокаго,
Играет в гуселышки яровчаты,
Спотешает князя Владимира,
А княгину Опраксию больше того.

Тут возговорит Владимир таковы слова:
«Не довлеет ти, Чурила, жить в постельничках,
А довлеет ти жить в позовщичках,
Ходить-то по городу по Киеву
Звать князей-бояр на почестен пир».
Кто от беды откупается,
А Чурила на беду накупается.
Того дела Чурилушка не пятится:
И пошел-то Чурила Пленкович
Звать князей-бояр на почестен пир.
Половина Чурилушку отказывает,
А другая Чурилушку приказывает.
Жить-то Чурилы Господь повелел:
Как стары старухи костыли грызут,
А молоды молодицы мошны дерут,
А красныя девки в голенища с⟨рут⟩,
Все глядючись на млада Чурилу Пленковича.
Идет-то Чурила в суконный ряд
К старому Бермяту Васильевичу
Звать его на почестен пир:
«Ай же ты, Бермята Васильевич!
Поди-ка, сударь, на почестен пир
Ко князю, поди, ко Владимиру».
Скажет Бермята сударь Васильевич:
«Ай же ты, Чурила Пленкович!
Поди-ка в мои палаты белокаменны,
Зови-ка Катерину Микуличну,
Любимую мою семеюшку».
Как идет-то Чурила Пленкович
Ко тыим палатам ко Бермятиным,
А выглядывает Катерина Микулична:
«Ай же ты, Чурилушка Пленкович!
У меня ставленые столики — не обраные,
А ставленыя питьица — не выпитыя,
А сряженыяества — не съеденыя:
Все ждала Чурилушку Пленковича».
Возговорит девица Чернява-колачница:
«Не ходь-ка ты, Чурила Пленкович,
Во ты во палаты во Бермятины,
Не зови Катерину Микуличну».
Выскочила Катерина на широкий двор,
Брала эту девицу Черняву-колачницу
С косой берды да о сыру землю

И пролила кровь-то горючую,
Горючую кровь, напрасную.
И брала Чурилушку Пленковича,
Вела в терема златоверхие,
Сама говорила таковы слова:
«Ай же ты, Чурилушка Пленкович!
У тя есть ли охота, горит ли душа,
Со мной, с Катериной, забавиться?»
Кто от беды откупается,
А Чурила на беду накупается.
Он шапочку на стопочку,
Однорядочку на грядочку,
Соболино одеялышко в ноги пихнул
И зачал с Катериною тешиться.
Как ко тыму крылечку Бермятину
Бежит-то Бермята сын Васильевич
И бьет в блесту позолоченую:
«Ай же ты, Катерина Микулична,
Отвори-тко воротцы решатчаты!»
Как побежала Катерина Микулична
В одной тонкой рубашечке без пояса,
У ней тонка рубашечка к телу льнет,
А у Катерины вода через чеботы идет.
Возговорит Бермята сын Васильевич:
«Ай же ты, Чурилушка Пленкович!
А эк ли зовут на почестен пир?»

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ И КАТЕРИНА (№ 375—396)

№ 375

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ ПЛЕНКОВИЧА

Ездит Кирилушка, погуливает,
На своем Чурилушка на добром коне.
Шапочка ушиста, и пушиста, и надвесиста:
Спереди не видно лица белаго
И сзади не видно шеи белыя.
У Кирилушки лапотцы из семи шелков,
Под пяты-пяты шилом востры,
Около носов яицом прокатить,
Под пяты-пяты воробей пролетит.

Приехал Кирилушка к Вельминову дому,
Закричал тут Кирилушка во всю голову:
«В доме ль Вельма сын Васильевич?»
Выходила-выбегала Катеринушка,
Ответ держит дочь Микулична:
«Нет Вельмы сына Васильевича,
Ушел Вельма во Божью церкву,
Господу Богу Вельма молится,
Во сырую во землю Вельма клонится.
Что же ты, Кирила, вечор не бывал?
У меня ествы сахарния залежалися,
Питья во стаканах застоялися,
Белоярово пшено призагормовело».
Ответ тут держал Чирилушка,
Ответ тут держал Попленкович:
«Я вечор не бывал, а нынь пожаловал к тебе».
Брала тут Катеринушка
За ручки его за белыя,
За его перстни за злаченые,
Приводила во гридню столовую,
Садила за столы за дубовые,
За тыя за ества сахарния,
За тыя за питья медвяныя,
Отходя сама низко кланялась:
«Ешь-ко ты, пей-ко, Чирилушка,
Покушай-ко ты, сын Попленкович!»
Поел, попил и покушал,
Господу Богу испомолится,
На все стороны испоклонится,
Катеринушке в особину:
«Благодарствуй тебе, Катеринушка!»
Ответ держала ему Катеринушка:
«Во добро здоровье, Чирилушка,
Во добро здоровье, Попленкович!»
Подход-то держит Катеринушка
К нему она ко Чирилушке,
Брала она за ручки за белыя,
За его перстни за злаченые,
Проводила во спальню во теплую,
Ко той ли ко кроватке ко тисовенькия,
Ко той ли ко перинушке пуховенькия,
Ко крутому высокому зголовьицу,
К одеялу тому соболиному:

«Изволь-ко ложиться, Чирилушка!»
Возлег тут Чирилушка
Подле бочка Катеринушкина,
Стали жить и быти они,
Между собой времечко коротати.
На тую пору и в тоя времячко
Проведала девка дворовая,
Тая ли девка-челядична,
Башмачонки надевала на босу ногу,
Шубу надевала на одно плечо,
Бежала девчонка ко Божьей церкви,
Кричала девчонка во всю голову:
«Ах же, Вельма сын Васильевич!
Стоишь, Вельма, во Божьей церкви,
Господу Богу, Вельма, молишься,
Во сырую во землю, Вельма, клонишься,
Над собой же незгодушки не ведаешь:
Есть у тебя во твоем дому нелюбимый гость,
Ест-пьет-проклаждается,
Со твоей женой забавляется».
Ответ держал Вельма сын Васильевич:
«Ах ты, девка дворовая!
Не кто тебя, девку, спрашивает,
Не кто тебя, девку, выведывает,
Знала бы, девка, свое дело дворовое,
Знала бы, девка, коров доить,
Коров доить и телят поить.
Правду говоришь, во замуж возьму,
Неправду говоришь, голову срублю».
Пошел Вельма от Божьей церкви,
Приходит ко конюшни стоялыя,
Видит тут коня Чирилушкина:
Зоблет пшену белояровую,
Вельмин-от конь приотогнан.
Приходит Вельма ко своей ко палатушке,
К тыим ко воротцам ко решетчатыим,
Ко тыим ко пятничкам к булатныим,
Ко тыим ко петелькам к шелковеньким,
У теих воротичек колотится
У теих воротец давается.
Выходила-выбегала Катеринушка
В однех чулках и без чеботов,
У ней женские волосы растрепаны,

Нежная грудь у ней показаная,
Белое лицо у ней намазаное.
Спрашивает Вельма сын Васильевич:
«Что же ты, Катеринушка,
В однех чулках и без чеботов,
Женские волосы растрепаны,
Белое лицо у тя намазаное?»
Ответ держала Катеринушка,
Ответ держит дочь Микулична:
«Мне теперь, Катеринушке,
И не можется, и хворается».
Пошел Вельма по палатушке,
Увидел шапку Чирилушкину:
«Этую шапку у Чирилушки видал,
Этую шапку у Чирилушки слыхал».
Ответ держала Катеринушка,
Ответ, держит дочь Микулична:
«Этая шапка братца моего,
По смерти по моей по душе отдать».
Увидел Вельма лапотцы его, Чирилушкины:
«Этыи лапотцы у Чирилушки видал,
Этыи лапотцы у Чирилушки слыхал».
Приходит Вельма во спаленку,
Ко той ли кроватки тисовенькия,
Ко той ли перинушке пуховенькия,
Ко крутому высокому зголовьицу,
Ко тому одеялу соболиному,
Увидал он тут Чирилушку:
Спит-лежит Чирила, не прохватится,
Над собой незгодушки не ведает.
Отвернулся Вельма сын Васильевич
На тую на ручку на правую,
Ко той ли ко стеночке лицовыя,
Ко той ли ко стопке ко точеныя,
Взимал поскорешенько саблю вострую,
С той ли со стопки со точеныя,
Отсек он Чирилы буйну голову.
Поворот сделал к Катеринушке:
«Где пала головка Чирилушкина,
И тут пади головка Катеринушкина!»
Тут говорил Вельма сын Васильевич
Той же девке дворовыя:
«Умойся-ко побелешенько,

Уберись-ко ты поскорешенько».
Брал он за ручки за белыя,
Пошел Вельма во Божью церкву,
Принимал Вельма по злату венцу.
С той поры, с того времячка
Стали жить и быть они,
Между собой времечко коротати.

№ 376

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ

А справляется Чурилке, убирается,
Обувае сапожки зелен сафьян,
Круг носочка-носочка яичко кати,
Пятка о пятку — туды воробей летел,
Туды воробей летел, сам крылом не задел.
Одевае он платьица цветныи,
Одевае он шапоньку в пятьсот рублей,
Ай ушисту, пушисту, завесисту,
И спереди не видно личка белого,
И сзади не видно кудер жолтыи.
Справлялся Чурилка, убирается,
Убирае Чурилка добра коня,
Кладывал он потнички на потнички.
На потнички кладе войлочки,
А на войлочки кладет да он седёлышко,
Подтягивал двенадцать тугих подпругов,
Чтобы с-под седла же добрый конь не выскочил,
Добра молодца в чистом поли не выронил.
Видли Чурилушку сядучи,
А не видли удала поедучи.
Уехал Чурилка в чисто полё,
Приезжае к Катерине Микуличной,
Под ей же окошко косевчато,
Ко той ли Катерине Микуличной.
Увидала Катеринушка Микулична,
По поясу бросилась в окошечко,
Говорила Чурилушки Пленкову:
«Молодой Чурилка сын Пленкович!
Поезжай-ка, Чурилка, в гостёбищо.
Нету Безмера Васильевича,

Ушел у нас Безмер да Васильевич,
Ушел же Безмер ко заутренки
И буде стоять там обеденку».
Подъезжае Чурилка сын Пленкович
Ко той же Катерине Микуличной,
Заезжае Чурила на широк двор.
Выбегала Катерина Микулична,
Стретала Чурилушку Пленкова,
Брала за ручки за белыи,
За тыи перстни за злаченыи,
Целовала в уста его в сахарнии.
Брала Чурилина добра коня,
Вела на конюшни стоялыи
И сыпала пшену белоярову.
Отошла от коня, поклониласи:
«Ешь-ко, конь, лошадь добрая!
Не для тебя я, конь, кланяюсь,
Для твоя любимаго хозяина,
Для того Чурилушку Пленковича».
Взяла тут Чурилушку Пленковича,
Проводила тут в полаты белокаменны,
Садила его было на стульчики,
Подносила дощечку дубовую,
Стали играть оны в шашечки.
Сама же Чурилы испроговорит:
«Чорта-то да не за игра,
А во тыи во шашки во шахманки!
Пойдем-ко, Чурила, позабавимся
На тую кроватку тисовую,
На тую перинку пуховую,
Там же, Чурила, позабавимся!»
Увидала девчоночка черная,
Хоть бы черна девчонка-челядинка,
Тую же Катерину Микуличну
С тым же Чурилушкой Пленковичем
На той же кроватки тисовыи,
На той же перинки пуховыи.
Выскочил Чурилушка Пленкович
Из тои кроватки с тисовою,
С той же периночки пуховыи,
Говорил же девчоночку черному:
«Уж ты черна девчонка-чиганочка!
Вот ти полтина за белилишка,

И друга полтина на румянишка,
А третью полтину куды хошь клади.
Вот теби шапонька пятьсот рублёв,
Ушиста, пушиста, завесиста —
И спереди не видно личка чернаго,
И сзади не видно пучка вшиваго».
Говорила Катерина Микулична:
«Ай же,Чурилушка Пленкович!
Эты полтинушки мни отдай,
Этую шапоньку сам держи».
Обвернула девчоночка черная
Из той же полаты белокаменной,
Бежала девчоночка во Божей храм
К тому было Безмеру Васильевичу:
«Ах ты, молодой Безмер сын Васильевич!
Ты стоишь же зди⟨сь⟩, Богу молишься,
У тебя же е там нунь гость в гостях,
У твоей же Катерины Микуличной
Е же Чурилушка Пленкович.
Брат с сестрой, что ли муж с женой,
Что ли муж с женой забавляются».
Молодой Безмер сын Васильевич
Скорешенько пошел со Божья храму
К той же полаты белокаменной.
Приходит ко палаты белокаменной,
Выбегала Катеринушка Микулична,
Рострепала волоса свои женскии,
Стретала Безмера Васильевича:
«Ах ты, молодой Безмер сын Васильевич!
Одва без тебя я не умерла,
Заболело сердечко ретивое!»
Говорил же Безмер сын Васильевич
Той же девчонки челядиной:
«Завела же ты, девчонка, доказывать,
А нунечу, девчонка, показывай!» —
«Ах ты, молодой Безмер сын Васильевич!
Поди-ка на конюшню стоялую,
Во твоей же конюшни стоялыи
Стоит же Чурилушкин добрый конь
И зобле пшену белоярову!»
Приходит Безмер сын Васильевич
Он на тую конюшню стоялую,
Увидел Чурилина добра коня —

Отсек же Чурилину добру коню,
Отсек же ему буйну голову.
Приходит в полаты белокаменны,
Сам же девчонке испроговорил:
«Завела же ты, девчонка, доказывать,
Нунечу, девчонка, показывай!»
Говорила девчоночка черная,
Черна девчонка-челядинка:
«Бери-тко ларци окованныи,
А здымай ларци выше головы».
Тяпнул ларци окованныи,
Ломал же ларци окованныи,
Увидел Чурилушку Пленкова.
Отсек же Чурилы буйну голову
За его же поступки неумильнии.
Говорила Катерина Микулична:
«Гди пала головка кониная,
Тут пала головка Чурилина,
Тут пади головка Катерина!»
Отсек же Безмер сын Васильевич,
Отсек же Катерины буйну голову
А за ей да поступки неумильнии.
Говорит тут Безмер сын Васильевич:
«Гди пала головка конина,
Тут пала головка Чурилина,
Тут пала головка Катерина,
Тут пади головка девки черною!
Черна девчонка-челядинка,
Знала бы девчонка коров кормить,
Не доказывала бы она мужних жен!»
Отсек же девчонки буйну голову.
Сам же Безмер приужахнулся —
Отсек же Безмер себи голову.

№ 377

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ

Ездит Чурилушка, выгу́ливает,
На своем Чурила на добром кони́,
Приехал Чурила к Вельмино́му дому́,
Скрычал-то Чурила во всю́ голову́:

«В доме ль Вельма сын Васи́льевич?»
Выходит-выбегет Катеринушка,
Выходит она, дочь Микулична,
Сама говорит таково слово:
«Да нету Вельма сына Васи́льевица́,
Ушел Вельма во Божью церкву.
Что же ты, Чурила, не пожаловал?»
А ответ держал как Чурилушка:
«Не в убори я был, Катеринушка!
Нынь я, Чурила, обладился,
Лапотци обувал я семи шелков,
По́дпяты-пяты́ ши́лом востры́,
Около носов яицо́м прокатить,
Под пяты-пяты воробей пролетит,
Шапочка ушиста-пуши́ста было́,
Хорошо было надве́систая́,
Сопереди не видно лица белаго́
Исзади не видно шеи белыи —
Дак нынь я, Чурилушка, обладился,
И так я, Чурилушка, приехал к тебе».
Воспрося его, Катеринушка
Бра́ла за ручки за белыи
И провела его в полату браную,
Садилась за столы дубовыи,
За тыи за ествы сахарнии,
Наливала ёму питья медяныи,
Отходя же, сама низко кланяласи:
«Ешь-ко, пей ты, Чурилушка,
Покушай-ко ты нынь Поплёнкович!»
Поел-то, попил как Чурилушка,
Из-за стола выходит дубоваго,
З-за тыи за ествы сахарнии,
З-за того питья за медянаго,
Господу Богу поклонится,
На все стороны он поклоняется,
Катерину да ён в особину:
«Благодарно тебе, Катеринушка,
Благодарно тебе, дочь Микулична!»
Ответ держала Катеринушка:
«На до́бро тебе-ка здоровьице,
Да на добро тебе-ка, Чурилушка,
Чурилушка да ты Попленковиц!»
Взяла за ручки за белыи,

За его перстни за злаченыи,
Повела его в спаленку теплую,
К той ли ко кроватки ко кисовыи,
К той ли ко перинушки ко пуховыи,
Ко кру́тому высокому зголовьицу,
К тому ль одеялу соболиному.
Сама говорила таково слово:
«Изволь-ко ложиться, Цурилушка,
Изволь-ко ложиться, сын Попле́нкович!»
Лег тут спать как Чурилушка,
Лег тут спать да сын Попле́нкович,
Подли е́го-то Катеринушка,
Да подли́ бочка дочь Микулична.
Оны стали-то жити-то бы́ти оны́,
Между со́бою времечки коротати.
Как на тую пору в тое времячко
Прови́дала девка дворовая,
Дворовая девка, челягична,
Башмаченка обувала на босу́ю ногу́,
Шубу надевала на одно́е плечо́,
Бежала девчонка ко Божье́й церквы́,
Крычала девчонка во всю голову:
«Что же ты, Вельма́ сын Васильёвич,
Стоишь ты, Вельма́, во Божьей церквы,
Господу Богу, Вельма́, молишься,
До мосту́ ты, Ве́льма, поклоняешься,
Над собой ты незгодушки не ведаешь!
Есть у тебя во твоём дому,
Во твоём дому как нелюбимый гость,
Он ест-то, пьет, проклаждается,
Со твоею женой забавляется!»
Он кинул головушку межу плечью,
Уту́пил ясны очи в калинов мост,
Сам зговорил таково слово:
«Ах ты ведь, девка дворовая,
Дворовая ты девка, челягична!
А никто тебя, девку, не спра́шивает,
А никто тебя, девку, выведывает.
Знала бы ты, девка, свое дело,
А свое бы ты, девка, дворовоё,
Знала бы ты, девка, коров кормить,
Знала бы ты, девка, теляшо́в поить.
Правду говоришь — во замуж возьму,

А неправду говоришь — голову срублю!»
Как бежала тут девка на свое место,
На свое на место на прежноё.
А приходит Вельма от Божьей церквы,
Приходит-то Вельма́ ко конюшенки,
Ко той ли ко стойлы лошадиныи,
Где стоял-то конь его добрыи —
А не видит коня своя добраго,
Только видит коня ён Чурилушкина́,
Он зоблет пшену белояровую,
А его, видно, конь как прио́тогнан,
А Вельми́н же конь тут прио́тведен.
Так отходит от конюшни стоялыи
А от той ли от стойлы лошадиныи,
Приходит к воротцам реше́тчатыи́м,
Да ко тыим ко пятничкам булатниим,
Ко тым ли петличкам шелко́венькиим.
У тых воротец колотится,
У тых воротец давается.
Это тут Катеринушка,
Это тут дочь она Микулична,
Крику ёна испугаласи,
Крику сама перепаласи.
Бежит она как в одных чулках,
Да без че́рныих бежит без че́ботов,
В одной тоненькой мягко́й рубашечки,
У ней женскии волосы́ растре́паныи,
У ей нежна грудь бела́ пока́заная,
Отпирала воротца реше́тчатый.
Говорит Вельма тут сын Васильёвич:
«Что же ты, Катеринушка,
Видно, крепко меня испугаласи!
В одных белых чулках ты без чеботов,
В одной тоненькой мягко́й рубашечки».
Ответ держала Катеринушка,
Ответ держит дочи́ Микулична:
«Ах же ты, Вельма́ сын Васильёвич!
Мне ль, Катеринушки, не можется,
Мне ль, Микуличной, хворается,
Да крепко мне недомогается».
Пошел-то Вельма тут по полатушки,
Да увидел лапо́тцы Чурилушкины:
«Эты лапо́тцы у Чури́лушки видал».

Ответ дёржит Катеринушка,
Ответ дёржит дочь Микулична:
«Ах же Вельма́, сын Васильевич!
А эты лапо́тцы братца моего,
А по смерти моей по души отдать».
Пошел-то Вельма́ да по полатушки,
А увидел шапку Чурилушкину:
«А эту шапку на Чури́лы видал,
Этую шапку у Чури́лы слыхал».
Ответ дёржит Катеринушка,
Ответ дёржит дочь Микулична!
«Это шапка братца моего,
А по смерти моей по души отдать».
Пошел Вельма́ ён во спаленку,
Увидел там как Чурилушку
На́ той кровати кисовыи,
На́ той перины пуховыи,
Под тым одеялом соболиныим.
Да на том ли еще на зголовьице,
Обвернулся на стенку лицовую,
Ко́ той ко стопочке точеныи.
Взял-то Вельма да саблю вострую,
Отсек-то Чурилы буйну голову.
Поворот держал на ручку на правую:
«Где пала головка Чурилушкина,
Тут пади головка Катеринушкина!»
Так девку дворовую,
Этую девку челягичну,
Ён отмы́л, чередил,
В цветно платьё снарядил,
Поутру, по свету к венцу пошел,
Во ту́ю оны во Божью церкву,
Принимали оны да по злату венцу,
Златыми венцами повенчалисе,
Златыми перстнями обручалисе.
Приходит Вельма тут во полатушку,
Приводил ён ту за белу руку.
Так оны ныне теперичу
Стали жити-то, быти оны,
Межу со́бой вре́мечки коро́тати.
Тут Чурилушки славу́ поют,
Тут Катерины неминуему.

№ 378

ЧУРИЛА И КАТЕРИНА

Кто там у си́ницька колотитсе?
Колотитсе Щурилушка Щаплёнкович,
Щаплёнкович да Щаголёнкович.
Выходила Катерина Николаевна
В одной тоненькой сорочки с поясом,
В тоненьких чулочках с чо́ботами,
Женьскии волосы приубраны, призачосаны,
Отворяла воротьця нераскатныи,
Впущала Щурилушку Щаплёнковича.
Добра коня взяла — во конюшеньку клала́,
Как саньци взяла — во сарай их свела,
Шапочку взяла — так на гвоздик клала́,
Кунью шубоньку взяла — так на стопочку клала,
Сапоги она взяла — на прилавок клала́,
Чулочки взяла — во печуроцьку клала́,
Щурилушку взяла — в нову горенку клала́,
Накормила, напоила, со Щурилой спать легла.
«Что ж ты, Щурилушка, вчерась не бывал? —
Саха́рныи кушанья не е́дены стоят,
Медвя́ныи питья не пи́ты стоят!»
Ходит девушка черниговьська:
«Пойду-схожу, Ерма́ку скажу!» —
«Девка, не ходи — сарафан куплю,
Девка, не ходи — башмаки сошью,
По́йдешь, девка, — голову́ срублю!»
Приходит ёна́ ко Божьи́м церькова́м,
Крёсты́ ведет по-уцёному,
Поклоны кладет по-писа́ному.
«Здравствуй, Ерма́к суда́рь Васильевич!»
У тя есть гости немилыи,
Немилыи да нелюбимыи —
Щурилушка Щаплёнкович».
Говорит Ерма́к суда́рь Васильевич:
«Девка, коли правду говоришь — башмаки сошью,
Коли правду говоришь — заму́ж возьму,
А неправду говоришь — голову́ снесу!»
Кто, кто у сеней колотитсе?
Колотитсе Ерма́к суда́рь Васильевич.
Выходила Катерина Николаевна

В тонкой белой рубашке без пояса,
В тоненьких чулочках без чоботов,
У ней женьскии волосы не у́браныи,
Не у́браныи, порастрёпаныи.
Отворяла воротця нераскатныи —
Стал Ерма́к суда́рь Васильевич,
Выпускала Катерина Николаевна.
«Катерина, это что, Нико́лаевна, что?
У тя женьскии волосы не у́браныи,
Не у́браныи, порастрёпаныи?»
«Вчерась, суда́рь, была нездорова я.
Нездорова была я — растрепала волоса́».
Во конюшеньку вошел — он добра́ коня нашел.
«А я этаку лошадку у Щурилушки видал!
Катерина, это что, Николаевна, что?»
«Ездил мой братець во чисто́м поли́,
Во чисто́м поли́, на добро́м кони́,
Во по́ли лошадками сменялисе».
На сарайчик пришел — скатны сани нашел.
«Катерина, это что, Николаевна, что?
Эти сани у Щурилушки видал».
«Ездил мой братець на добро́м кони́,
Со Щурилушкой они са́нями сменялися».
На фатеру пришел — кунью шубу увидал.
«Катерина, это что, Николаевна, что?
Этакую шубу у Щурилушки видал».
«Ездил мой братець во чисто́м поли́,
Во чисто́м поли́, на добро́м кони́,
Со Щурилой они шубами сменялисе».
На прилавок эглянул — сапожки́ увидал.
«Катерина, это что, Николаевна, что?
Я этаки сапо́жки у Щурилушки видал». —
«Ездил мой братець во чисто́м поли́,
Во чисто́м поли́, на добро́м кони́,
С Щурилой они сапо́жками сменялисе».
В теплу спаленку пришел — Щурилу увидал.
«Катерина, это что, Николаевна, что?»
Брал он Щурилушку за желты́ кудри́,
Начал он по гридни похаживать,
Начал гу́сёлками поваживать —
Наводил его до́сыта.
Девушку черниговьску за́муж взял.

№ 379

ЧУРИЛА И КАТЕРИНА

Недалёко-подалёко во чистóм во полѝ,
Там ходит-гуляет доброй мóлодец,
А добрый молодец Чурилушка Плёнкович.
На нем шуба новá соболиная,
Шапка нóва, пушиста, навѝсиста,
А сквозь пя́ты-пя́ты — соловей пролетит,
А сквозь нóсы-носы́ — яйцё прокати —
Катилося яичко лебединое.
А колотитсе Чурила, покалачивает
У крутых у ворот у клено́вчатых.
Выходила Катерина Микулицьна
В одной тоненькой рубашечке без пояса́,
В одных белых чулочиках без чобота́,
На ней женьськии волосы растрепаны,
Растрепаныи да не приубраныи.
Она бра́ла Чурилу за белы́ руки́,
Проводила Чурилу в нову горницю,
Садила Чурилу за дубовыи столы,
А угощала Чурилу она кушаньямы,
Питья были у ней медвя́ныи,
А кушанья были саха́рьныи,
Сама с Чурилою спать пошла.
На тую пору́ пришла девушка-челе́гисьна,
Вынимала она да Катеринушку:
«Ай же ты, Катерина Микулисьна,
У тебя в доми есь нелюбимой гось,
А нелюбимой гось — Чурила Пле́нковичь!»
Приходила девушка-челя́гисьна
Во тую во церьковь соборнюю,
Она крест клала́ по-писа́ному,
А поклон вела по-ученому.
Говорила Ермилаюшку Васи́льёвицю:
«Ай же Ермила́юшко Васи́льёвиць,
Есть же у тебя в дом нелюбимый гось,
Нелюбимый гось — Чурилушка Пле́нковиць». —
«Ай же ты, девушка-челя́гисьна,
Если правду говоришь — сарафан куплю,
А неправду говоришь — голову́ срублю!»
А осталась обедня недослу́жоная.

А проводит Ермилаюшку Васи́льёвиця
Ко тыи воротам ко кленóвчатым.
Выходила Катерина Микулицьна
В одной тоненькой рубашечке без пояса́,
В одных тоненьких чулоцьках без чобота,
У ней женьскии волосы растрепаныи.
«Ай же Катерина Микулицьна,
А что же у тебя женьские волосы не убра́ныи?» —
«А что-то мине, женьщине, не можетсе,
А не можетсе да нездоровитсе.
А есть у меня в доме любимый гось,
Любимый гось у меня — брат родной!»
А приходит Ермилаюшка Васи́льёвиць
В тую во горьницу во новую —
А сидит Чурила Пле́нковиць
За его столом за дубовыим.
Разгорелоси сердецько Ермилаюшкино,
Он берет да саблю вострую —
А покатиласе головушка Чурилушкина,
Покатиласе туда а Катеринушкина,
А девушку-челягисьну замýж он взял.

№ 380

ЧУРИЛО И КАТЕРИНА

Ах по утрышку ранешенько
А мылси Чурилушка-то белешенько,
А одевалсе Чурила поцистешенько,
А на ножки башма́цики шелкóвыи
А со камешками ли ён самоцветными,
А с самоцветныма, Чурила, с драгоценными;
А одевал ён шубку соболиную,
А кладывал на головушку шапоцьку пухóвую.
А ведь идет ли красавцик по городу.
А выбегала Катя, Катеринушка,
А во косящято Катя в окошецько,
А во хрустально Катеринушка стекёлышко,
А выбегала Катюша на широкий двор,
А ведь и бра́ла Катя под руки,
А ведь вела ли в свою горенку,
А проводила Катюша в свою спаленку.

«А ведь ложися на кроватку на кисóвую
А под то ли одеялышко шолкóвое!»
А ведь сама ли забавляласе,
А будто муж с женой, будто брат с сестрой.
А у них была прислуга, девка-телятница;
А как бежала Вельмы́-то во Божью́ церкву́,
А ведь стоит Вельма́ во Божьёй церкви́.
«А ты стоишь ли, Вельма́, да поклоняишьси,
А уж ты низко ведешь до сырой земли,
А ведь поклоны ты глубокие до сырой земли,
А ведь твоя-то жёна́ Катеринушка,
А выбегала ведь Катя на широкой двор,
А брала Чурилушку по́д руки,
А ведь вела же да Катя в свою горенку,
А проводила Чурилу в свою спаленку,
А ведь ложила на кроватку на тесовую,
А ведь сама ли то ёна, Катя, ло́жилась,
А обнимаетсе, забавляетсе».
А говорил Вельма́ сын Григорьевиць:
«А же ты, девушка ты телятница!
А если правду говоришь — тибя замуж возьму,
А ежели ма́нишь — голову́ срублю!»
А ведь и́де Вельма́ со Божьёй церквы,
А увидала Катя, Катеринушка,
А во косивцято Катюшка во окошецько,
А во хрустально Катенька стекёлышко,
А ведь брала Вельму́ Катя под руки.
А говорит ли Вельма́ сын Григорьевиць:
«А что у тебя, Катя, груди нагóльнеи,
А что у тебя, Катя, не убра́ны волоса́?» —
«А мне сегодня, Вельма́, нездоровитсе».
А приходил Вельма́ в нову горенку,
А в новой горенки шубка соболиная.
«А ведь цья ли это шубка соболиная?» —
«А эта шубонька, шубонька соболиная
А ведь и братьця родного есь,
А ведь велел нынь де́ржати,
А ведь в помин дак по души отдать». —
«А ведь башма́цьки ты сафьяныи
А со каменьями самоцветными́?» —
«А эти башма́цьки шелкóвыи
А ведь они родного ли братца моего,
А ведь ныне велел де́ржати,

А помре — так по души́ отдать».
А приходил ли Вельма́ да в спаленку —
А в спаленки под одеялышком шелко́выим
А на той ли кроватке кисо́выи
А ведь и спит ли Чурилушка Плёковець.
А отрубил Вельма́ саблей буйну головушку,
А отрубил и Кате, Катеринушке,
А он и девушку-теле́тницу замуж взял.

№ 381

ЧУРИЛА И КАТЕРИНА

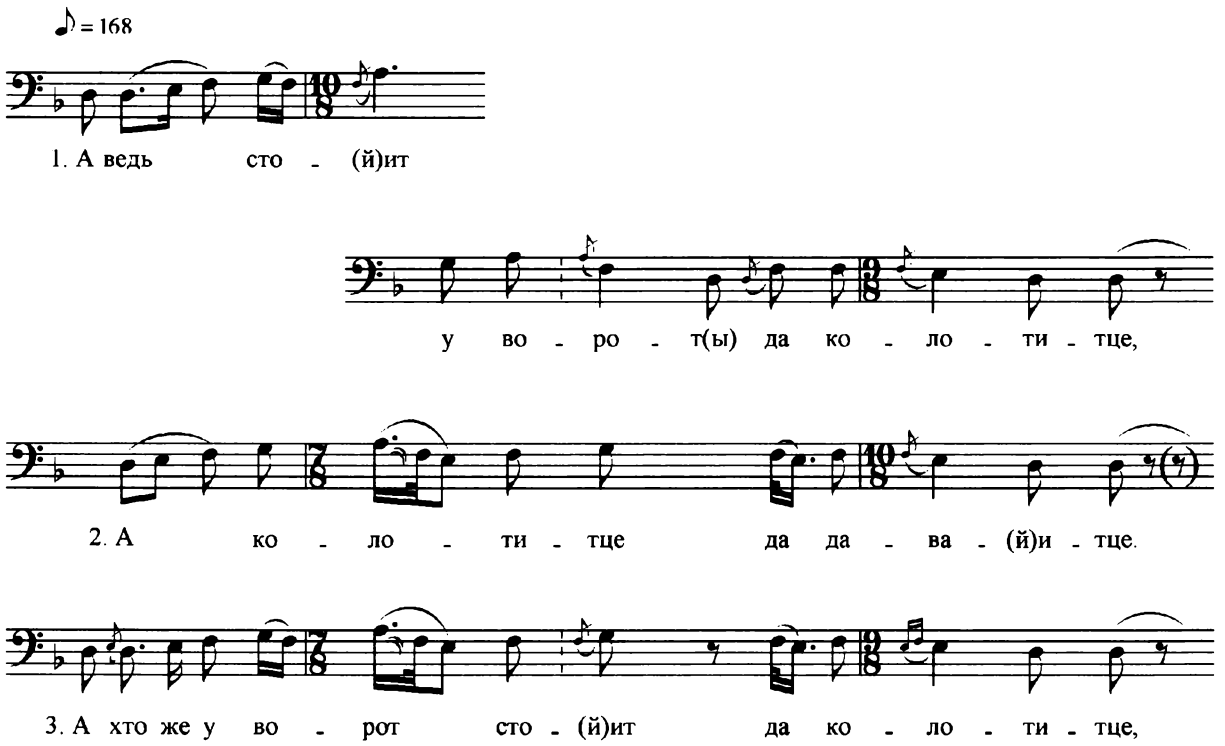
А ведь хоть стал Чурилушка погуливати,
А выехал Чурилушка на добро́м кони́
А у Чурилы лапти семи шелков,
А семи ли ведь, семи шелков, семи со́болев,
А под пяты́-паты́ воробей пролетит,
Да около носка сафьянова яйцом прокатит.
А ведь выехал Чурилушка погуливати,
А приехал Чури́лушка к Вельми́ному дому́,
А ведь закрычал Чурила во всю голову́,
Выбегала ведь Катя, Катеринушка,
А в тонки́х чулочиках без чоботов,
А в одной ли рубашке без пояса,
А брала Чурилу за белые руки́,
Проводила Чурилушко Пленковича
А во ту ли во горенку во новую,
А во ту ли горенку кленовую,
А за ты ли за столики дубовые,
А за ты ли за скатерки шелко́вые,
А за ты ли есьва саха́рныи,
А за ты ли за кушанья медвяныи.
А ест Чурила, наедается,
А ведь пьет Чури́ла, напивается,
А наелся, напился, наелся досыта.
А берет ён за белы́ руки́,
А проводит во спальню новую,
А проводит во спаленку кленовую.
А на той ли на кроватки на рыбей зуб,
А на ты ли постельки пухо́вые,
А за ты ли одеяльцо соболиное,

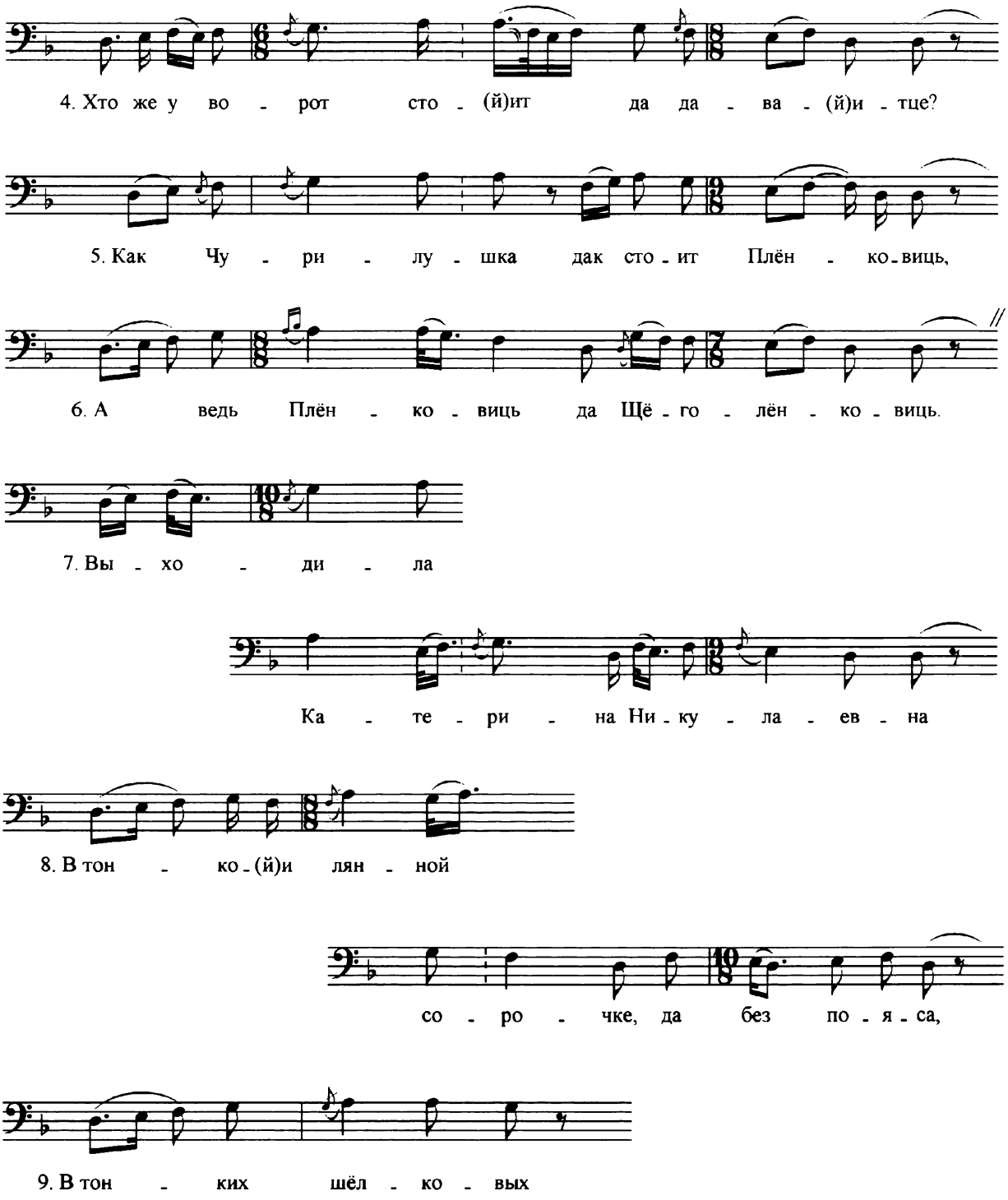
А сама с Чурилушкой спать легла.
А живет с Чурилой, будто брат с сестрой,
А и спит-то с Чурилой, будто муж с женой,
А он спит-то тут да забавляетсе.
А узнала видь девка-теля́тишна,
А ведь тая кухарка да горнишна.
И надевае она шубу на одно плечо,
А бежит к Вельме́ су́дырь Васильевичу.
А Вельма́ Богу молитсе,
А во сыру́ землю́ да клонитсе.
«Над головушкой невзгодушки не ведаешь.
А твоя-то Катя забавляетсе,
А твоя ведь Катя, Катеринушка».
Закричал Вельма́ да воспрого́ворит:
«А знала бы ты, девка, коров кормить,
А знала бы ты, девка, телят поить!
Если правду говоришь — заму́ж возьму,
А неправду говоришь — голову́ срублю».
А бежала видь назад-то тут.
Приходил Вельма́-то сын Васильевич,
У ворот-то он колотится,
У ворот-то он заложа́ется,
На фатеру Вельма́ да сам давается.
А выходила Катя, Катеринушка,
У ней волосы были вси растрепанныи,
У ней женьские груди да показанныи.
Говорит-то ей Вельма́-то ведь:
«Что же, Катя, Катенька да Катеринушка,
У тя волосы были да вси растрепанные,
А что же женская белая грудь показанная?» —
«А видь что мни да все не можется,
А что все-то мни да нездоровится».
А увидел лапти Чурилиные:
«А ведь этую шляпу у Чурилы видал,
А ведь эти лапотьки у Чурила слыхал». —
«А ведь эти лапти да братца моего,
А по смерти моёй надо по души́ отдать».
А увидел шапку Чурилиную:
«А ведь этую шляпу у Чурилы видал,
А ведь этую шляпу у Чурилы слыхал». —
«А ведь эта шапоцька да братца моего,
А по смерти моей надо по души́ отдать».
А увидел платьице цве́тное:
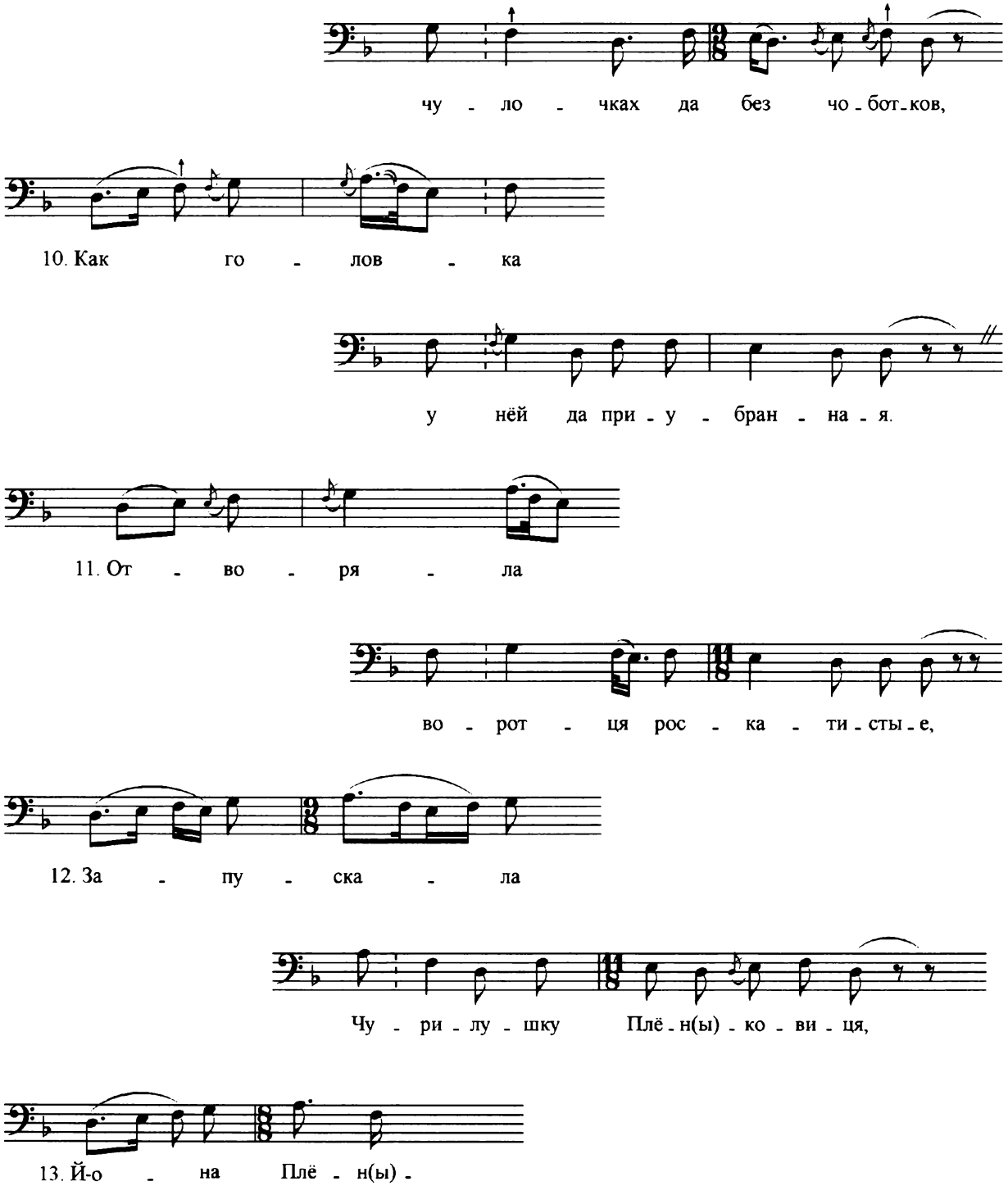
«А ведь этие платья у Чурилы видал,
А ведь этие платья у Чурилы слыхал». —
«А ведь этие платья да братца моего,
А по смерти моей надо по души́ отдать».
А тронулся Вельма́ сын Васильевич
Ко той ли кроватки ко рыбей зуб.
На той ли кроватки на новыи
А видь спит Чурила, проклаждаетсе,
Над головушкой незгодушки не ведает.
А схватил Чурилу за желты́ кудри́,
А отсек Чуриле буйну голову.
А и ⟨г⟩де головка Чурилина,
А тут головка Катеринина,
А отсек головку Катеринину.
А ведь эту девку заму́ж он взял,
А и стали жить да добра наживать,
А теперь они ведь да хорошо живут.
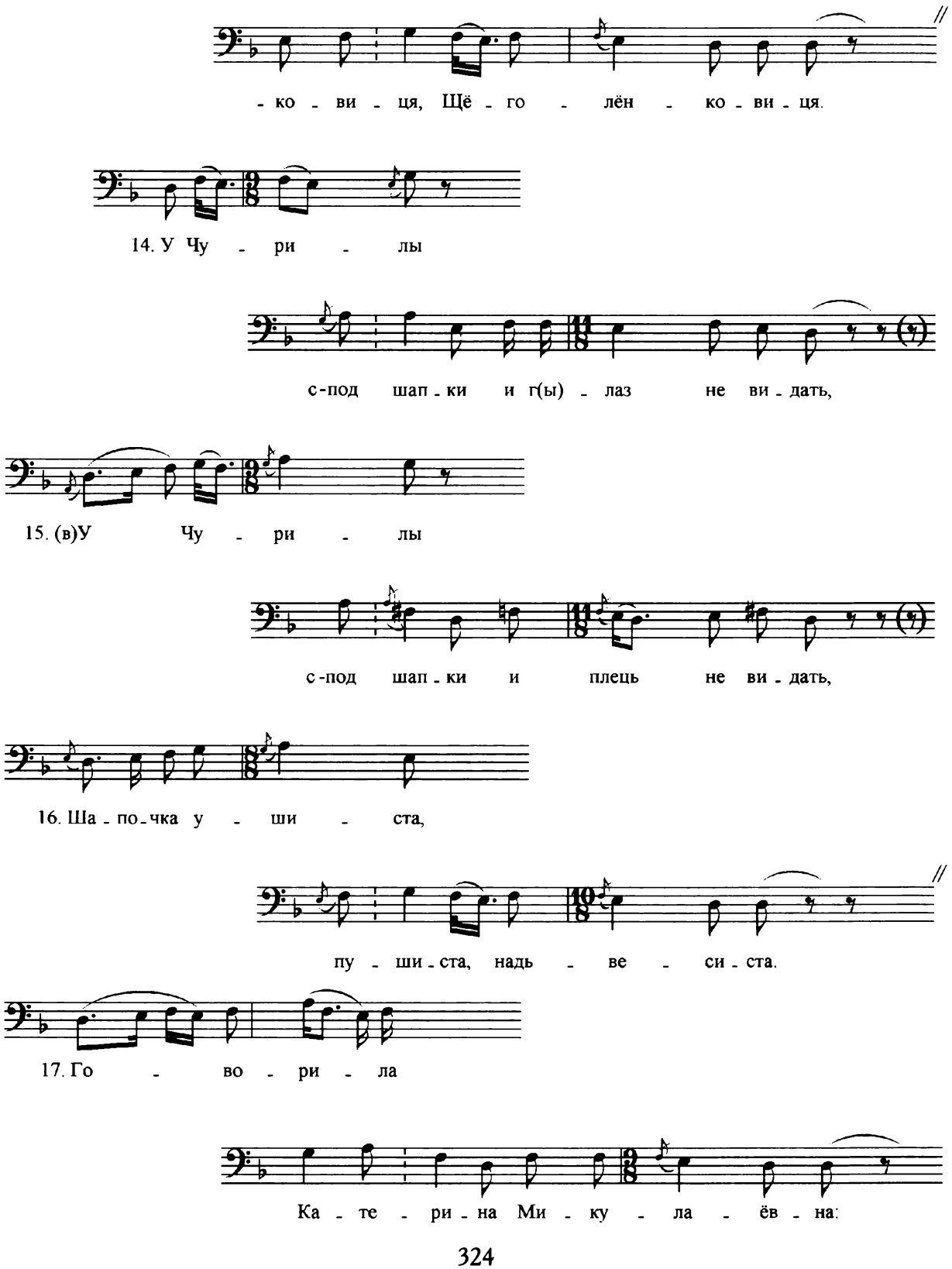
№ 382
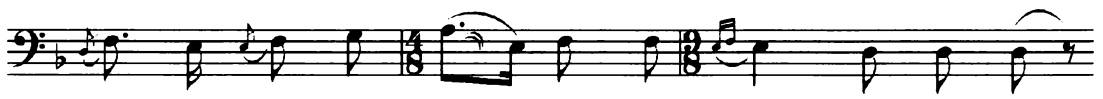
ЧУРИЛО
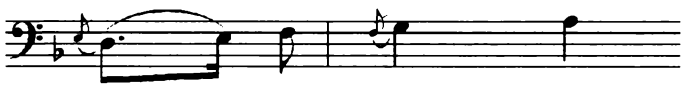

4. Хто же у во - рот сто - (й)ит да да - ва - (й)и - тце?
5. Как Чу - ри - лу - шка дак сто - ит Плён - ко - виць,
6. А ведь Плён - ко - виць да Щё - го - лён - ко - виць.
7. Вы - хо - ди - ла
Ка - те - ри - на Ни - ку - ла - ев - на
8. В тон - ко - (й)и лян - ной
со - ро - чке, да без по - я - са,
9. В тон - ких шёл - ко - вых

чу - ло - чках да без чо - бот - ков,
10. Как го - лов - ка
у нёй да при - у - бран - на - я.
11. От - во - ря - ла
во - рот - ця рос - ка - ти - сты - е,
12. За - пу - ска - ла
Чу - ри - лу - шку Плё - н(ы) - ко - ви - ця,
13. Й-о - на Плё - н(ы) -
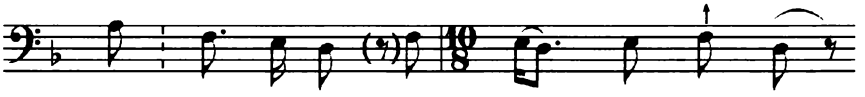

- ко - ви - ця, Щё - го - лён - ко - ви - ця.
14. У Чу - ри - лы
с-под шап - ки и г(ы) - лаз не ви - дать,
15. (в)У Чу - ри - лы
с-под шап - ки и плець не ви - дать,
16. Ша - по-чка у - ши - ста,
пу - ши - ста, надь - ве - си - ста.
17. Го - во - ри - ла
Ка - те - ри - на Ми - ку - ла - ёв - на:
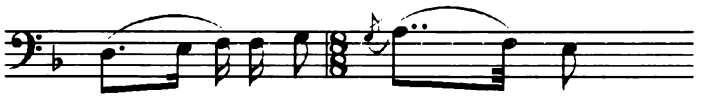

18. "Что же ты, Чу - ри - ла, вчё - рась не бы - вал?
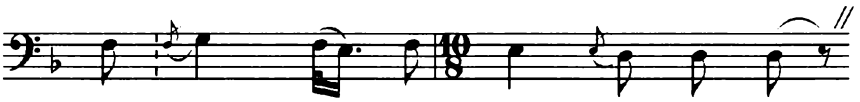

19. (В)У мня е - ства
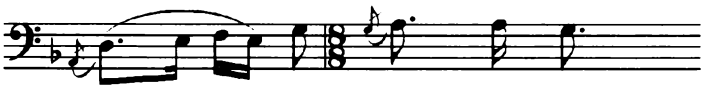

са - ха - р(ы)-ни не (й)и - дё - ны - (й)и,
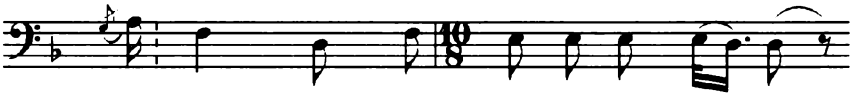

20. (В)У м(ы) - ня пи - тва
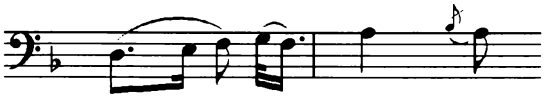

ме - двя - ны не вы - пи - ты - (й)и".
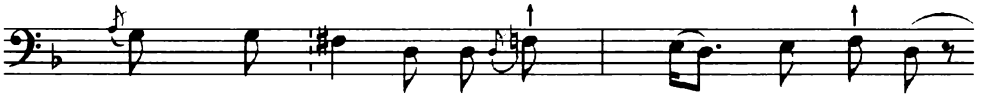

21. Й-о - на во - ро - на
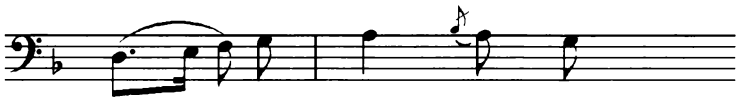

ко - ня во ко - ню-шон-ку сьве - ла,
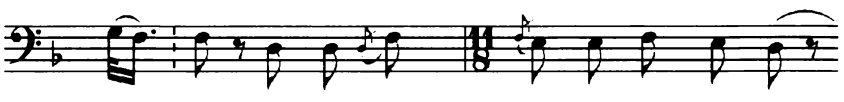

22. Лех - ки сан - ки
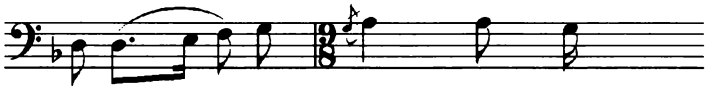

- са - мо - кат - ки на са - ра - иць кла - ла,
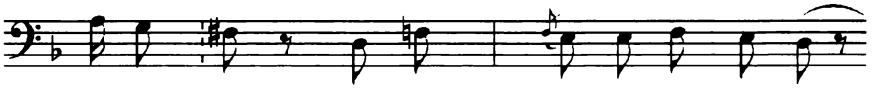

23. Й-о - на сбру - ю - шку
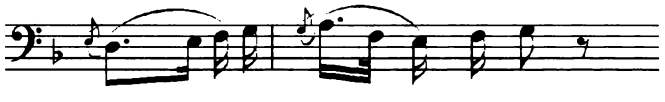

сня - ла, ту - ю на сто - по - цьку кла - ла.

24. Чу - ри - лу за ру - ки
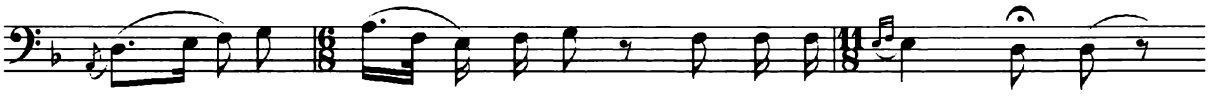

в(ы) - зя - ла, в сво - ю спа - лён - ку сьве - ла,
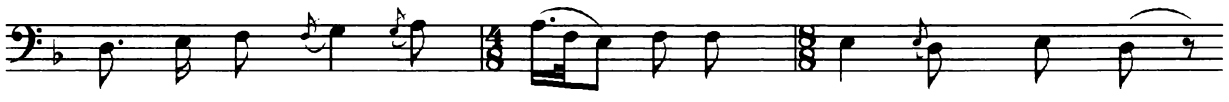

25. В сво - ю спа - лён - ку

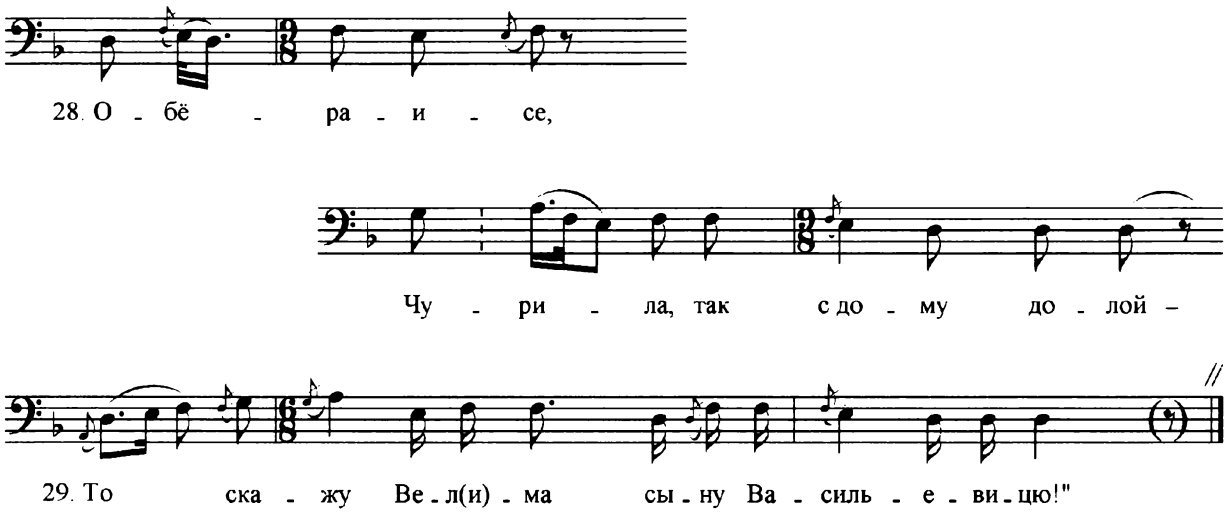
сьвё - ла, со Чу - ри - лой спать лёг - ла.

26. При - шла де - ву - шка да че - р(и) - ня - ву - шка:

27. "А - й(и) же ты, Чу - ри - ла, не к ме - сту при - шёл!

А ведь сто(и́)ит у ворот(ы) да коло́титце,
А коло́титцэ да дава́(й)итце.
А хто же у ворот сто(и́)ит да коло́титце,
Хто же у ворот стои(и́)т да дава́(и́)итце?
Как Чурилушка дак стоит Плёнковиць,
А ведь Плёнковиць да Щёголёнковиць.
Выходила Катерина Никула́евна
В тонко(и́)и лянной сорочке да без пояса́,
В тонких шёлковых чулочках да без чоботко́в,
Как головка у нёй да приубра́нная.
Отворяла воротця роска́тистые,
Запускала Чурилушку Плён(ы)ковиця,
Й-она Плён(ы)ковиця, Щёголёнковиця.
У Чурилы с-под шапки и г(ы)лаз не видать,
(В)У Чурилы с-под шапки и плець не видать —
Шапочка уши́ста, пуши́ста, надьве́систа.
Говорила Катерина Микула́ёвна:
«Что же ты, Чурила, вчёра́сь не бывал?
(В)У мня е́ства саха́р(ы)ни не (й)идёны(й)и,
(В)У м(ы)ня пи́тва медвя́ны не вы́питы(и́)и».
Й-она во́рона коня во конюшонку сьвела́,
Ле́хки санки-самокатки на сараиць клала́,
Й-она сбруюшку сняла́, туё на сто́поцьку клала́,
Чурилу за́ руки в(ы)зяла́, в свою спа́лёнку сьвела́,
В свою спа́лёнку сьвёла́, со Чурилой спать лёгла́.
Пришла девушка да чер(и)нявушка:
«Ай(и) же ты, Чурила, не к месту пришел!
Обёра́исе, Чурила, так с дому долой —
То скажу к Вел(и)ма́ сыну Васи́льевицю!»

№ 383

ПРО ЧУРИЛУ И КАТЕРИНУ

Стоит у ворот да колотитця,
Колотитця да даваетця,
Кто же у ворот стоит колотитця,
Кто же у ворот стоит даваетця?
Как колотитця да Чурилушка Пленкович,
Пленкович да Щеголёнкович.
Выходила Катерина Николаевна
В тонкорядной сорочке, без пояса́,
В тонких шелковых чулочках, без чо́ботов,
Как головка у ней приубранная.
И отворила воротца раскатистые,
Запускала Чурилушку Пленковича,
Ена Пленковича-Щеголёнковича.
У Чурилы с-под шапки и глаз не видать,
У Чурилы с-под шапки и плеч не видать,
Шапочка ушиста, пушиста, натвесистая.
Говорила Катерина Николаевна:
«Что же ты, Чурила, вчёрась не бывал?
У меня ества сахарьни не иденыи,
У меня питва мядвянны не выпитые».
Ёна ворона коня во конюшенку свела,
Ёна санки-самокатки на сарае склала,
Золоту сбрую сняла,
Тую на стопочку клала,
Чурилу за руки взяла,
В свою спаленку свела,
В свою спаленку свела,
Да со Чурилой спать легла.
Пришла девушка да чернявушка:
«Эй же ты, Чурила, не к месту пришел,
Обёрайся, Чурила, с дому долой,
То схожу я к Вельмы сыну Васильевичу».
А говорит-то Чурилушка Пленкович,
А Пленкович да Щеголёнкович:
«Не ходи-ка ты, девица-чернявушка,
К Вельмы сыну Васильевичу
Я тебе, девица, башмачки куплю,
Я тебе, девица, сарафан куплю,

Я тебя, чернявушка, замýж возьму».
Осердилась Катерина Николаевна,
Она хлопнула чернявку по правой щеке,
Переправила чернявке по левой щеке:
«Как сама я, Катерина, башмачки сдержу,
Сама я, Катерина, сарафан сношу,
Сама я, Катерина, за Чурилушку замуж пойду —
Не достанется, чернявка, мой Чурила тебе».
Побежала чернявушка, заплакала,
Побежала чернявка Вельмы искать.
Как сидит-то Вельма во гостёбище,
Сидит-то Вельма, проклаждается,
Говорила девушка-чернявушка:
«Ай же ты, Вельма сын Васильевич,
Сидишь же ты, Вельма, во гостебище,
Сидишь, Вельма, проклаждаешься —
Как твоя-то молода жена,
Катерина да Миколаевна,
В новой горенке, в своей спалёнке,
На кроватки она на тесовую,
Под одеялышком, под шелковыим
Со Чурилушкой со Пленковичём
Обнимаетца да забавляетца».
Говорил Вельма сын Васильевич:
«Ай же ты, девушка-чернявушка,
Если правду говоришь — тебя замуж возьму,
А ежели манишь — голову срублю».
Выходил-то Вельма со гостёбища,
Садился Вельма на добра коня,
Приеждял Вельма на широкий двор.
Увидала Катерина Миколаевна
Во косивчато, да ёна да в окошечко,
Во хрустальное стекёлышко.
Выбегала Катерина на широкий двор,
И брала Вельму да ёна под руки,
И повела Вельму в свою горенку.
Говорит-то Вельма сын Васильевич:
«Что же, Катеша, у тебя груди наголы,
Что, Миколаевна, не убра́ны волосы?»
Отвечала Катерина Миколаевна:
«Мне сегодня, Вельма, да нездоровитца».
Приходил Вельма да в нову горенку —

В новой горенке да на стопочки
Как висит-то шубка соболиная,
Из тых-то соболей ёна заморьскиих,
Висит шапочка на стопочке да пуховая.
Говорит Вельма сын Васильевич:
«Катерина, это что? да Миколаевна почто?»
Чья же эта шубка соболиная,
Чья эта шапочка пуховая?»
Отвечала Катерина Миколаевна:
«Братца моего, братца родимого,
Он велел держать,
А помрет, так по души отдать».
Приходил Вельма да во спаленку
Как во спаленке да на стопочке
Стоят башмачики шелковые,
Из того ли ёны шелку чистого.
И говорит Вельма сын Васильевич:
«Катерина, это что? Миколаевна почто?»
Отвечала Катерина Миколаевна:
«Братца моего, братца родимого.
Он велел держать, а помрет,
Дак по души отдать».
Приходил Вельма к кроватки тисовую,
Да под тым-то одеялышком шелковыим
Лежит Чурилушка Пленкович,
Пленкович да Щеголёнкович.
Отрубил Вельма саблéй Чурилы буйну голову,
И отсек Катерины Миколаевной.
И покатилися две головушки
По полу, как две жемчужинки.
И тут начался, повелся княженецкий пир —
Вельма девушку-чернявушке замуж взял.
Тым и былина покончилася.

№ 384

ЧУРИЛА И НЕВЕРНАЯ ЖЕНА

Как стоит у ворот да колотитце,
А колотитце стоит да даваетце.
Хто же у ворот стоит да колотитце,
Хто же у ворот стоит да даваетце?

Как Чурилушка стоит Пленковиць,
А ведь Пленковиць Щеголенковиць.
Выходила Катерина Миколаевна,
В тонкой льняной сорочки да без пояса,
В тонких шелковых цулоцках да без чоботов.
Как головка у ей приубраная,
Отворяла воротца роскатистые,
Запускала Чурилушку ёна Пленковиця,
Пленковиця Щеголенковиця.
У Чурилы с-под шапки глаз не видать,
У Чурилки с-под шапки плеч не видать,
Шапоцька ушаста, пушиста, надвесиста.
Как головка у ей приубра́ная.
Отворяла воротца раскатисты,
Говорила Катерина Миколаевна:
«Что же ты, Чурила, вчерась не бывал,
У мня есва сахарния не еденыи,
У мня питва медвяны не выпитыи».
Ёна ворона́ коня во конюшеньку свела,
Она санки-самокатки на сараець клала́.
Золоту сбрую сняла, тую на сполоцьку клала,
Чурилу за руки взяла, в свою спаленку свела,
В свою спаленку свела, со Чурилой спать лёгла,
Пришла девушка да чернявушка:
«Ай же ты, Чурила, не к месту пришел.
Оберайся, Чурила, из дому домой,
Что [схожу] я к Вельма сыну Васильёвицу».
Говорит-то Чурилушка Пленковиць,
А ведь Пленковиць Щеголенковиць:
«Не ходи-тко, девушка да цернявушка,
Не ходи к Вельме сыну Васильевицю,
Я тебе, девиця, башмацьки куплю,
Я тебе, цернявка, сарафан куплю,
Я тебе, цернявушка, да заму́ж возьму».
Осердилась Катерина Микулаевна,
Ёна хлопнула цернявку по право́й щеки,
Переправила цернявки по лево́й щеки:
«Как сама я, Катерина, башмачки одену,
Как сама я, Катерина, сарафан сношу,
Сама я, Катерина, по Чурилушку заму́ж пойду —
Не достанется, цернявка, мой Чурила тебе!»
Побежала цернявушка, заплакала,
Побежала цернявка Вельму искать.

Как сидит-то Вельма во гостебищи,
Говорила девушка да цернявушка:
«Как сидишь ты, Вельма, во гостебищи,
Как твоя да молода жена,
Катерина твоя Микулаевна,
В новой горёнки да в своей спаленки
Как Чурилушка ёна со Пленковицём
Обнимаецце да забавляецце».
Говорил-то Вельма сын Васильевиць:
«Ай же, девушка да ай цернявушка,
Если правду говоришь — тебя за́му́ж возьму,
Ежель мани́шь — голову срублю!»
Выходил Вельма со гостебища,
Как садился Вельма на добра́ коня,
Приездял Вельма на широкий двор.
Увидала Катерина Микулаевна
Как во косивчато она окошечко,
Во хрустальноё она стеколушко.
Выбегала Катерина на широкий двор,
Брала Вельму да она по́д руки,
Повела она Вельму да в свою горёнку,
Говорил-то Вельма сын Васильевиць:
«Што же, Катёша, у тя груди наголи,
Што же, Микулаевна, не убраны волоса?»
Отвецяла Катерина Микулаевна:
«Мне сегодне, Вельма, нездоровицце».
Приходил-то Вельма́ да в нову горенку,
Как в горёнки да на стопоцьки
А висит-то видь шубка соболиная,
Как с тых ли соболей она заморьскиих,
И висит шапочка да пуховая.
Говорил-то Вельма да сын Васильевиць:
«Катерина, это што, Миколаевна, пошто?
Цья же это шубка-то соболиная,
Из тых соболей она да заморьскиих?
Чья же шапоцька да пуховая?»
Отвецяла Катерина Миколаевна:
«Братца моего, братця́ родимого.
Ён велел держать, помрет — дак по души отдать».
Приходил-то Вельма́ да во спаленку.
Как во спалёнки да на стопоцьки
Как висят-то башмацики шолковыи,
Из того ль-то оны да шолку цистого.

Говорит-то Вельма́ да сын Васильевиць:
«Катерина, это што, Микулаевна, пошто?
Цьи это башмацики шолковыи?»
Отвецяла Катерина Миколаевна:
«Братця моего, братця́ родимого.
Он велел держать, помрет — по души отдать».
Приходил Вельма́ к кроватки ко тесовоей.
Под тым ли одеялышком под шолковыим
Как лежит-тоЧурилушка Пле́нковиць,
А видь Пленковиць Щеголенковиць.
Отрубил сабле́й Чурилы буйну голову,
Да отсек Катерины Микулаевной.
Покатилосе по полу две головушки,
Как две-то видь да жемчужинки.
Тут нацялсе, повелсе княжецкий пер,
Вельма девушку-цернаву замуж взял.
И тым былина тым да поконцилася.

№ 385

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ

А во том во городи во Киеви
А у ласкового князя у Владимира
(*А этот Владимер только пиры разводил.*)
Столованьице да был почестен пир.
Тут столы поставлены продольнии,
И поставлены скамеечки окольнии,
И покрыты скамеечки коврами да все персицкама.
На столах-то на продольныих
Туто много было принаставлено
Там яствушек сахарниих
Да напиточек да медвяныих.
За тема столами за дубовыма
На скамеечках да окольныих
Все сидели князья да бояре,
Русские могучие бога́тыри
И те паленицы удалыи.
День склоняется да ко вечеру,
А почестен пир да навесели.
Князь солнышко Владимер стольне-киевский
Распотешился да распохмелился,

Он выходит на крылечушко пиленое,
Опирается да о пирила точеныи,
А смотрел-глядел он во чисто́ поле:
Ай с под да́лече-дале́ча из чиста поля
Как идет толпа великая,
Мужики идут все деревенщина,
Киевляне мужики да есь посацкие:
Как кафтаны на них да оборвалиси,
А сапожки у них да притопталиси,
А войлочные шляпы на одно ухо.
Как подходят ко двору да княженецкому,
Ко тому крылечушку пиленому,
Бьют челом да низко поклоняются:
«Ох ты, солнышко Владимер стольне-киевский,
Ты прими-тко нашу жалобу,
А покажи-тко нам да правдивый суд;
А мы есь мужики да из Сароги из реки,
Из Сароги из реки да годовые рыбаки.
А вы еди́те, пьите́ да наслаждаетесь,
Нашей незгодушки не знаете:
А у нас на Сароги на реки
Как неведомые люди появилися,
А наши неводочки повыкидали,
А наши продольнички повырвали,
А свои неводочки призакинули,
У них неводочки тонконитянны,
А тетивонки у них да из семи шелков,
У неводов-то плутивци серебрянны,
У них камешки да позолочены,
Оне рыбку сорогу повыловили,
А сигов, лососей да повыимали.
А нам, беднякам, да тут улову нет,
Княженецкому столу да свежеку́са нет,
А нам, беднякам, да нету жалованья.
Сказываются да называются
Все дружина-то есь да Чурилова,
Того ли Чурила сына Пленковича».
Возговорил Владимер стольне-киевский:
«Ай же вы, мужички да деревенщины,
Киевляне мужики да вы посацкие,
Как могу ли я судить да тот правдивый суд?
Не слыхал я, не видал Чурилы Пленкова,
И не знаю я, да гди Чурилова есь вотчина,

А не знаю, где Чурила и двором стоит,
А не знаю, где Чурила и житьем живет».
Постояли мужички да и прочь пошли,
Та толпа мимо прокатиласи.
А другая с чиста поля появиласи,
Мужички идут все деревенщина,
Да киевские мужики да все посадские,
Посадские да все рабочие:
Кафтанишки на них да разорвалиси,
А лаптишки на них да притопталиси,
А войлочные шляпы на одно ухо́.
Идут прямо в палаты белокаменны,
Ко тому ли крылечку пиленому,
А ко ласковому князю ко Владимеру,
Бьют челом ему да низко поклоняютце
А до самой матушки до сырой земли.
Говорят оны да таковы слова:
«Уж ты, солнышко Владимер стольне-киевский,
Ты прими-тко от нас да жалобу,
Уж ты дай-ка нам да правдивой суд,
Вы едите́, пьете́ да наслаждаетесь,
А над намы незгодушки не знаете:
Мы, мужики, да из темна леса́,
А из темна́ леса́ да охотнички.
У нас ли есь да во темны́х лесах,
А неведомые люди появилиси,
Наши силоцьки повыдергали,
А наши пасточки повыбросали,
А свои оны силочки поставили,
А свои оны пасточки повыделали,
А куниц да лисиц они повыловили,
Серых заюшков оны повыстреляли.
Нам, беднякам, да тут улову нет,
А княженецкому двору да тут доходу нет,
А нам, мужикам, да нету жалованья.
Они сказываются да называются
Оне славными да охотниками,
А все дружинушка да Чурилова».
Говорит Владимер стольне-киевский:
«Ай же, мужички вы деревенщины,
И вы, киевляна посацкие,
Принимаю я да вашу жалобу,
Но не могу я дать вам суда праведного —

Не видал я, не слыхал Чурилушки,
Я не знаю, где Чурила станóм стоит,
Я не знаю, где Чурила двором живет».
Та толпа да мимо двор прошла.
А другая с чиста поля появлялася,
Ко княженецким палатам приближалася,
Ко тому крылечушку пиленому,
К ласковому князю ко Владимеру.
Бьют челом да низко поклоняются
От верхý оне да до сырой земли:
«Ох ты, солнышко Владимер стольне-киевский,
Ты прими-тко нашу жалобу,
А ты дай-ко нам да нам правдивый суд,
Мы косцы да с зелены́х лугов,
Как вы едите́, пьете́, наслаждаетесь,
А над намы вы невзгодушки не знаете́:
На лужках на тих на зеле́ных
Неведомые люди появилися,
Табуны нагнали ворони́х коней,
Оны травку-муравку повытоптали,
Наши копны, зароды повыбросали,
А нас, косцов, да до́лой прогнали.
Нам, мужичкам, да работы нет,
Княженецкому двору да доходу нет,
А нам, мужикам, да нету жалованья.
Они сказываются да называются
А дружинушка да вся Чурилова».
Говорит Владимер стольне-киевский:
«Ай же, мужички вы деревенщины,
А вы, киевляне посацкие,
Принимаю я да вашу жалобу,
Но не могу я вам дать да суда праведного —
Не видал я, не слыхал Чурилушки,
Я не знаю, где Чурила станом стоит,
А не знаю, где Чурила и двором живет».
Та толпа да провалиласи.
А четверта с поля появиласи,
Все мужички идут да деревенские,
А киевские мужики да все посадские,
Все считаются да огородники:
Кафтанишки на них да оборвалися,
А лаптишки на них да истоптался,
А войлочные шляпы на одно ухо.

Идут прямо оне на княженецкий двор
Ко тому крылечку пилеому,
А к солнышку князю Владимеру,
Говорят оне да таковы слова:
«Солнышко Владимер стольне-киевский,
Как ты ешь да пьешь да прохлаждаесси,
А над нами невзгодушку не ведаешь:
Как у нас во полюшки во чистоем,
А на тых на огородах на кресьянскиих,
А неведомые люди появилиси,
Оне брюкву, капусту повыдергали,
А лук, чеснок да повытоптали,
Оне старых старушек искалечили,
Молодых молодицек обесчестили,
А над красныма девушкамы издевалися,
Издевалися да надсмеялися.
А нам, мужичкам, теперь доходу нет,
А нашим жонам и дочерям и спокою нет.
Оне сказываются да называются
Все дружинушка да Чурилова».
Говорит Владимер стольно-киевский:
«Ай вы гой, мужички да деревенские,
Принимаю я да вашу жалобу,
Не могу я дать да правдивой суд —
Я Чурилы и в гла́за не видал,
Я Чурилы и слыхом не слыхал,
Я не знаю, где Чурилова вотчина,
Я не знаю, где Чурила и стано́м стоит,
Я не знаю, где Чурила и двором живет».
Постояли мужички да-й заплакали,
А заплакали оне да и прочь пошли.
А солнышко Владимер стольне-киевский
Он обратно идет да во высо́к терём,
А во ту во гридню во столовую,
Он спрашиват да выведыват
Он князей-бояр да всех подручников:
«Вы скажите-тко да доложите-тко
Про того ли разбойника,
А про младого да про Чурилушку.
Он во наших краях да безобразничат,
Нет житья кресьянам да рабочиим».
Тут князья-бояре переглянулиси,
Про Чурилу сказать не осмеляютца.

А вызвался со стороны молодой паре́нь,
Поваренко да Иван Иванович:
«А я знаю, где Чурила да двором стоит,
А я знаю, где Чурила да житьем живет:
У Чурилы дом да на Почай-реки,
На Почай-реки да во чисто́м поли́,
Его двор стоит да на семи верстах,
У того двора да есь высок тере́м,
По углам есь башенки высокии,
Кругом выкопаны ровы глубокие,
А поделаны мосточики фальшивые
Гля прохожего да гля проезжего,
Штобы без докладу к Чурилы не проехали.
Ворота во двор да тесовыи,
Над воротами икон да ровно семдесят,
Под воротами подворотенки да рыбей зуб,
Во дворе-то у Чурилы до семи теремов,
В теремах-то маковки да золоченыи».
Говорит Владимер стольне-киевский:
«Ай же ты, поваренко да Иван Иванович,
Если правду говоришь — так я тебя пожалую,
А если неправду говоришь — так голову срублю».
Говорит поваренко да бо́жится:
«Ах ты, солнышко Владимер стольне-киевский,
Поваренкова голова да не очень дорога́,
А дорога мне чесь да княженецкая».
Тута солнышко Владимер стольне-киевский
Выберает лучшиих товарищей,
Князей и бояр, захватил он русскиих богатырей,
Набрал партию да людей семдесят.
С молодой княгинею он прощается,
В путь-дороженьку да отправляется,
Он разыскивает Чурилову да вотчину.
(*Вот была география-то, князь в своем княжестве не знал*!)
Поехали удалы добры молодцы,
Князья и бояре, с ними русские могучие богатыри
Да солнышко Владимер стольне-киевский.
Как поехали да во чисто́ полё,
Во чистом поли да пораздумались:
«А гди это есь да Почай-река,
Во котору ехать нам да во сторонушку?»
Долго стояли оны, думали:
«А с которой стороны летит черно́й воро́н,

Так в той сторонушки, верно, темны лесы́,
А с которой стороны да птицы́ вольна,
Птица вольная да чайка серая,
В той сторонушки, верно, течет Почай-река».
И направили добрых коней, поехали,
Ехали-поехали да день до вечера,
Темну ноченьку да до бела́ света́
И попали тут да на Почай-реку,
На Почай-реке да там стоят полки.
Они этому да удивилиси,
А полков-то этих устрашилиси.
Говорит Владимер стольне-киевский:
«Уж вы, князья да бояре,
Русские могучие бога́тыри,
Вы поедемте да в обратный путь:
А стоит тут силушка неверная,
Верно, стоят татаровья да поганые,
А наступать хотят да на святую Русь,
А пока ездим мы да шатаемся,
Нападут оне да на Киев-град,
Не оставят нам да и помисьица».
Говорит да молодой Батык:
«Ай же ты, Владимер стольне-киевский,
Да не рать тут силушка великая,
Не татаровья стоят поганые —
Ветерочик несет да по воздуху,
А не слышу я татарского да запаху,
Видит око мое да молодецкое —
Тут стоят да люди вольные,
А спотешаются да забавляются
А во полюшки да во чистоем.
А слышит мое да ухо вострое
Петушье да воспеваньице,
А человеческо да голосованьице,
То есте, верно, жительство».
И поехали да в ту сторонушку,
Едут день до вечера,
А темну ноченьку да до бела́ света́,
Подъезждяют к высокой хоромины:
Стоит тут двор да на семи верстах,
Окол того двора да высокий тын,
По углам четыре башенки,
А на башнях главы золоченыи.

Подъеждяют к воротам тесовыим,
Над воротами икон да ровно семдесят,
Под воротами да подворотенка рыбей зуб.
Говорит Владимер стольне-киевский:
«Не соврал поваренко, правду сго́ворил,
Я за это поваренка да пожалую».
Вдруг ворота тесовы отворяютсе,
И выходит тут да стар-матер человек,
Князю-солнышку он низко поклоняется:
«Ох ты, солнышко Владимер стольне-киевский,
Заеждяй-ко ты да на широкой двор
Со своима да со товарищамы,
С князьямы да со боярамы,
Привязывайте да добры́х коней
Ко тому столбу да ко точеному,
Ко колечку золоченому,
Там поставлены стойла лошадиные,
А насыпано пшеницы белояровой,
Проходите-тко, пожалуста,
Во палаты мои да белокаменны
Хлеба-соли да откушати,
Белой лебеди да отрушати».
Говорит тут Владимер стольне-киевский:
«А скажи-тко мне, да стар-матер человек,
А я с кем имею разговор держать,
Как тебя зовут да по имени,
А как величают по отечеству?»
Говорит ему да стар-матер человек:
«А я есь Пленко́ да Станиславович,
А Чурилы-то я да родной батюшко».
Говорит Владимер стольне-киевский:
«А к Чурилы-то да добираюся».
Говорит Пленко́ да Станиславович:
«За Чурилушку я да извиняюся,
А Чурилы дома не случилоси,
Мы таких гостей да не начаялись,
Мы сегодня гостей не дожидалиси,
А мой Чурилушка да сын Пленкович
Он не да́лече-дале́че во чистом поли
Со своей дружиной спотешается,
Во чистом поли да у Почай-реки,
(*А оны думали, што войско.*)
Скоро жду его домой обедати.

Тут Владимер стольне-киевский
Он пошел в палаты белокаменны,
Тут крылечушка да переныи,
А поручинки да точеныи,
У них маковки да золоченыи.
Прошли оны трои сенички решетчаты,
Трои сенички стекольчаты,
Трои сенички да мраморны,
А входят в палаты белокаменны,
Как во ту во гридню во столовую.
В палаты всё да по-небесному:
На неби солнце — и в палаты солнце,
На неби месяц — и в палаты месяц,
А на небе звезды — и в палаты звезды.
Как на неби звездочка покатится,
Тут в палаты звезда да рассыпается.
Там стоят столы да продольные,
А положены скамеечки окольние,
Посланы ковры да персицкие.
Как садился Владимер стольне-киевский
Со своима князьямы да боярамы,
Русскима могучима бога́тырями,
Как в дороженьке оне проголодалися,
А у Пленко́ они понаедалися:
Тута яствушки были по разуму,
Гуси-лебеди да зажарены,
Серы утушки да принапарены,
А все вина стоят да заморские.
Наедалися да напивалися,
А Владимер-свет да стольне-киевский
Посмотрел в косящето окошечко:
Как от той реки да от Почаевки
Идет партия да добрых молодцев,
Конюшки у них, да как орлы летят,
А добры молодцы, как соколы сидят.
Все конюшки да одношерстные,
А на молодцах-то платья однопарные,
Добры молодцы да плечо в плечо,
Добры молодцы да лицо в лицо.
На конях седёлышка черкасскии,
А на конях уздечки золоченыи,
Повода у них да шелковыя.
На молодцах оде́жа-платья цветное,

Кафтаны у них да рыта бархата,
На головушках шапочки турецкие,
А на ножках сапожки зелен сафьян,
А дорогого сафьяну немецкого,
А крепкого шитья да ярославского:
Носочек шилом, а пята крута́,
Около носочка да яйцо кати,
А под пяту у них да соловей пролети.
Они едут да наслаждаются,
Булатныма палицами бросаются,
С руки на руку да перекидывают.
Испугался тут да Владимер-князь:
«Ай же вы, князья да бояре,
Вы, русские могучие богатыри,
Вы поедемте-ко да в стольно Киев-град,
А идет, верно, силушка неверная,
А едут татаровья поганые».
Говорит Пленко́ да Станиславович:
«Не пугайся, князь, да не полохайся:
Это едут Чуриловы потешники».
Та толпа да мимо двор прошла,
А вторая с поля появиласи:
Едет молодцев да двести человек,
У них конюшки да масти белыя,
У них сбруюшка да получче тех,
У них платьице да получше всех.
Си́дят молодцы да лицо в лицо,
Эты молодцы да плечо в плечо,
Едут оны да спотешаютце,
Бросают палицу булатнюю,
С руки на руку да перебрасывают.
Эта партия да мимо двор прошла,
Третья партия да появиласи:
Триста молодцов да все удалыих,
У них конюшки да чернобурыи,
А уздечки у них да серебряны,
А седёлышка у них да черкасские,
А поводья у них да шолковые.
На три партии да разделяютца:
Посредине удалой доброй молодец,
А тот Чурилушко да тот Пленкович,
Он с коня на конь да перескакиват,
Через два коня да он на третьего,

Прямо скочит в седёлышко черкасское,
Свои ноженьки да кладет в стремены,
Своей палицей да спотешается,
Он бросает палицу тяжолую
Выше лесу да под облако,
А в обрат берет да он одной рукой.
Говорит Владимер стольне-киевский:
«Вы, князья да бояре, русские могучие богатыри,
Принаехала да силушка неверная,
А неверная силушка турецкая,
Посредине той силы сам султан,
Я вижу его да по похматочки,
Замечаю его да по походочки».
Говорит Пленко да Станиславович:
«Ай же ты, Владимер стольне-киевский,
Не пужайся ты да не полохайся:
Не султан то едет не турецкии,
Это едет мой любимой сынушко,
А Чурилушко да сын Пленкович,
Он проказничек да безобразничек».
И приехал Чурила на широкий двор,
Спускалси он со добра́ коня,
Хотел итти в палаты белокаменны.
Выходил тут Пленко да Станиславович,
Говорит Чурилы таковы слова:
«Ох ты, чадочко да мое милое,
Ты, Чурилушко да сын Пленкович,
У меня во гридни во столовые
Сидят гостюшки да долгожданныи,
Хоть долгожданные, да незваные.
Ты умел, Чурила, напроказничать,
Так умей, Чурилушка, ответ держать
Перед солнышком князем Владимиром».
Тут скочил Чурила со добра́ коня,
Скидывал он шубу соболиную,
Он снимал доспехи богатырские,
Он не пошел да в гридню столовую,
Он брал да золоты ключи,
Прямо шел в амбары магазейные,
Брал куниц, лисиц да черных соболей,
Он не много, не мало — сорок сороков;
Брал ларцы да он кова́ныи,
Насыпал он сребра, золота,

Еще брал ли шубу соболиную,
А покрыту шубу рытым бархатом,
Потом шел в палаты белокаменны,
А во ту во гридню во столовую,
Где пиры идут да веселые,
Бьет челом он, низко поклоняется
Всим князьям-боярам киевским,
Князю солнышку Владимеру в особину:
«Уж ты, солнышко Владимер стольне-киевский,
Уж как дай-ко мне прощеньица
А в большой вине да во глупости,
А прими-тко малые подарочки:
Князьям да боярам куниц, лисиц да черных соболей».
А князю солнышку да Владимеру
Он подносит шубку соболиную,
Подносит ларцы да с золотом да с се́ребром.
Говорит Владимер таковы слова:
«А спасибо тебе, удалый добрый молодец,
На чесных твоих да на подарочках,
Я тебе в долгу да не остануся.
Было много на Чурилушку просителей,
А теперь больше у Чурилы благоде́телей,
Вси князья-бояре призасту́пятся,
А дам тебе да я правдивый суд —
Что ты сделал, тебе Бог простит.
(*Рассудил... Вот подлецы-то были, за шубу-то и суд.*)
Ах ты гой еси, удалой доброй молодец,
А ты, Чурилушка да сын Пленкович,
Ты послушай-ко князя Владимера,
А поедем-ко со мной во стольне Киев-град,
Послужи-тко мне да верой-правдою,
Дам работушку тебе по разуму».
Говорит Чурилушка да Пленкович:
«Ай же ты, Владимер стольне-киевский,
Ехал бы я да с охотою,
Как отпустит меня да родной батюшко».
Говорит Пленко Станиславович:
«Ах ты, чадочко да мое милое,
А большая тебе честь от князя Владимера,
Отпускаю я тебя с охотою».
Тут Чурилушка да Пленкович
Как седлал он коня́ доброго,
Нагружал ларцы да цветным платьицем,

Ко седёлышку ларцы привязывал,
К торокам ларцы да он приковывал.
Помолился он да Спасу образу,
С родным батюшком да он прощается,
В путь-дороженьку да отправляетце.
Догонял он во чистом поли́
Князя Владимира да со дружиною,
Обогнал он князя да-й уехал прочь,
Приехал ко городу ко Киеву,
Без докладу он заехал на широкий двор,
Без допросу идет в палату белокаменну.
(*Расфорсился.*)
Говорят-то слуги княженецкии:
«Ах ты, невежа деревенская,
Без допросу едешь на широкий двор,
Без докладу идешь в палаты белокаменны!»
Не успел Чурила и ответ держать,
Князь Владимер с дорожки ворочается,
Он своим слугам распоряжается:
«Вы берите гостя под руки,
Вы ведите гостя в горници,
Отведите комнаты особыи —
Это есь Чурилушка Пленкович,
Он приехал к нам гостям гостить,
И приехал к нам да двору служить».
Отвели слуги княженецкии
Чурилушку да Пленковича
Во комнаты да в особые.
Он с имуществом располагается,
В цветны платьица да одевается,
Он костюм одел да рыта бархата,
А сапожки на ножки да зелён сафьян,
Дорогого сафьяна да турецкого,
А модного покрою да немецкого,
А прочного шитья да ярославского:
Носик шилом, да пяты круты,
Круг носочка яйцо кати,
А под пятку хоть соловей пролети.
(*Каблучок-то высокой*)
Жолтые кудерышка расчасывает,
Светлые он пуговки застегивает,
Эти пуговки да алмазные,
А петлицы есь да из семи шолков,

А как на пуговках да нарисовано
По дороднему да добру молодцу,
А на петлицах нарисовано
По душеньки по красной девушки:
Как расстегнутся — оны обоймутся,
А застегнутся — да поцелуются.
Нарядился Чурила доброй молодец,
Посмотрел он в зеркальцо хрустальное,
И выходит он в гридню столовую,
Говорит он князю Владимеру:
«А не гостить приехал доброй молодец,
А послужить двору да княженецкому».
Говорит Владимер столне-киевский:
«Тебе дам работушку да стольником,
Стольником да чашником,
Расставляй-ко, молодец, столы дубовые,
Полагай-ко чаши золоченыи,
Наливай-ко яствушки сахарние,
А напиточки да все медвяные,
Станови-тко вина заморскии».
Тут Чурилушка да усмехается,
А своей работы удивляется.
И начинает Чурилушка работать:
Расставляет он столы дубовыи,
Расставляет чаши золоченыи,
Садятся тут да гости званые;
Молодой Чурилушка сын Пленкович
Вкруг дубовыих похаживает,
Желтыма кудерками потряхивает,
Золочеными перснями да побрякиват.
Княженецки жоны любуются,
На красоту Чурилову дивуются.
Молода княгинюшка Опраксия
Она кушала да лебедь белую
А тем ли ножичком да столовыим
А обрезала руку белую,
Руку белую, да руку левую.
Говорит она да таковы слова:
«Не дивуйте, жоны княженецкие,
Моему вы женьскому да разуму,
Глядучи на молодого стольника,
На того ли Чурилушку Пленкова,
На его ли на личушко белое,

На его ли на кудерышки жолтые,
На его ли персни золоченые,
У меня, у молодешенькой,
Ясны очушки помутилиси,
Моя головушка закружиласи,
Не завидла я да света белого,
А приобрезала да руку левую,
Пропустила я да кровь алую
На столы да на дубовыи,
На салфеточки да на камчатые.
Не могу я хлеба-соли кушати,
Белой лебеди да рушати,
А чарочка да зелена вина
А во моем во рту да застояласи».
Как стает она из-за́ стола да из-за дубового,
Князю-солнышку да поклоняется:
«Уж ты, солнышко Владимер стольне-киевский,
А не дело у вас да призадумано,
Не хороша служба прибрана
Молодому Чурилушки Пленковичу,
Ты послушай-ко молоду жону:
Смини Чурилушки работушку,
А не стольником-то быть ему, не чашником,
А быть ему да постельником,
Штоб в нашей-то да светлой спаленки
Убирал бы кроваточки тисовые,
Постилал бы перинушки пуховыии,
Покрывал бы одеяла соболиные».
Говорит Владимер стольне-киевский:
«Молода княгинюшка Апраксия,
Ты моли-тко Спаса-Господа,
Што ты мне, княгиня, да в любов пришла.
Если бы ты, княгиня, не в любов пришла,
Отрубил бы тебе да буйну голову́,
Пристыдила ты меня да прибесчестила
А при всем столи да княженецкоем».
Говорит княгинюшка Апраксия:
«Князь, удалая головушка,
Ты сговорная моя семеюшка,
Если не возьмешь Чурилы во постельники
Оберать кроваточки тисовые,
Расстилать перинушки пуховые,
То возьми Чурилу в рукомойники:

Встану поутру да ранешенько,
Чтоб Чурилушко да сын Пленкович
Наливал мне воду в рукомойничек,
Подавал бы полотенышко камчатое».
Тут Владимир видит, што беда пришла,
Говорит Владимер таковы слова:
«Есь, Чурилушка да ты Пленкович,
Я снимаю тебя да со стольников,
Дам работушку да зазывальщиком:
Ты езди-тко по городу по Киеву
Зазывай гостей да на почестной пир,
Ты князей, бояр да и с жонами,
А богатырей да одинакиих,
Всих купцов, людей торговыих».
Кто от беды да откупается,
А Чурила на беду да нарывается.
Он вста́ват поутру да ранешенько,
Одевается да снаряжается,
А садится на своего да добра́ коня,
Он поехал по городу по Киеву,
Как по тем по улицам плановым,
А по тем переулкам окольным.
Как увидали тут да люди добрыи,
Оне след бежат да гонят друг друга
Посмотреть на Чурилу Пленкова.
А где девушки глядят, тут заборы трещат,
А молодушки глядят, так окольницы звенят,
А старые старушки костыли грызут,
Все глядучи на мла́дого Чурилушку,
На его ли красоту да поднебесную,
На его ли на кудри на жолтые,
На его ли кольца золоченыи.
Тута званыи и незваныи
Валом валят на княженецкий двор.
Видит солнышко Владимир стольне-киевский,
Што тут беда пришла,
От народу на двори да тут проходу нет,
А молода княгинюшка Апраксия
По Чурилушки да расскучаласи,
Расскучаласи да расхвораласи.
Тута видит князь, што беда пришла,
Говорит Чурилы таковы слова:
«Ох ты гой еси, удалой доброй молодец,

А спасибо тебе на чести твоей да на милости,
Послужил ты городу Киеву,
А великому князю да Владимеру,
Ты всему двору да княженецкому,
Мни-ка служба твоя теперь не надобна,
Ты живи-тко, где тебе прилюбится,
А работай, Чурила, гди захочетца».
А Чурилушка и радешенек,
Он с князем Владимером прощаетсе,
А к княгини Апраксии да не является.
Выходил Чурила на широкий двор,
Помолился он да Спасу образу,
Што от этой работушки избавился.
Растерялся он да призадумался
И оставил в Киеви да ко́ня доброго.
О выходил на улочку плановую,
А на ту дороженьку почтовую,
Нанимает он себе извозчика,
Уезжает прочь да из Киева,
Приеждяет он в свой Галич-град,
(*А забыла уж какой город.*)
К своему кормильцу-батюшки;
Как обеи тут да срадовалиси,
От такой беды да отвязалиси.
(*После такого житья да чашечником,*
а ведь правитель, да как откажесси.)
Проходил Чурила во высок терём,
Во свою палату белокаменну,
Во свою во гридню во столовую,
Садился за столы да за дубовыи;
Срадова́лися да слуги верные,
Подносили ему да яствушка сахарнии,
А напиточки да все медвяныи,
А сладкие меда заморскии.
Наедался Чурилушка до́сыта,
Напивался Чурилушка до́пьяна,
И пошел он во теплую во спаленку,
Он ложился на кровать да на тисовую,
На перинушку да на пуховую,
От стал спать-отдыхать да опочив держать.
Трои суточки на просыпается,
(*Наработался парень*!)
По кроваточки да он валяется,

На четвертыи да на суточки
Добрый молодец да пробуждается,
Ста́ват поутру да ранешенько,
Умывается он да белешенько,
Выходил он на крылечушко переное,
Приказал седлать да ворона́ коня,
И садился он да на добра коня,
На того коня на богатырского.
Вдруг является да тут грозён посол,
Подает Чурилушки он грамоту,
Прочитал он эту грамоту,
В этой грамоты было написано:
«Красна девушка, да его любушка,
Долго ждала его да дожидаласи,
Дождаться его да не началаси,
А за другого да заму́ж пошла,
А сегодня у них да обручаньице,
Завтра будет у них да венчаньице».
Тут разгорелосе сердце молодецкое:
«Не пойду я к ней на перебивушку!»
А тугой лук разрывчатый натягивал,
Калёну стрелу да он налаживал,
Сам он стрелочки да приговаривал:
«Ты лети, лети, да калёна́ стрела,
На озерышко да на круглистое,
Ты убей, убей, да калёна́ стрела,
Серо утушку на тихой на́ воды,
А добра молодца на во́роном кони,
Мою любушку во высоком тереми».
И спустил он калёну стрелу
Выше лесушку стоячего,
И ниже облака ходячего.
И упала та да калёна стрела
Во озерышко да круглистое да на само дно.
Не убила калёна стрела,
Не убила никого она, не ранила.
Тут сходил Чурила со добра коня,
Пошел он в церковь во соборную,
Простоял обедню воскресенскую,
Прослужил молебен Спасу образу,
Приходил домой да во высо́к тере́м.
Тут разгорелось сердце молодецкое,
И пошел гулять молодец да во вотчины.

Идет улицей да переулочком,
И он видит — стоит да высок терём,
А во том терему да сидит женщина.
Открывала косищато окошечко,
Зазывала Чурилушку да Пленкова:
«Заходи, удалый добрый молодец,
У мни мужа дома не случилоси,
Никого в дому не погодилоси».
Говорит Чурилушко сын Пленкович:
«Я не знаю, как вас по имени,
Не знаю, как вас звать да по отечеству». —
«А зовут меня Настасья да Микулична».
Это слово Чурилы прилюбилоси,
Молодецко серце разгорелоси,
Заходил он на крылечушко переное.
А Настасьюшка да свет Микулична
Открывала двери тесóвыи,
А по петелькам она шелковыим,
А по гвоздикам да шеломченыим,
Запускала Чурилушку да Пленкова,
Брала его за ручки белыи,
А за теи за персни золоченыи,
Проводила в гридню столовую,
Говорила ему да таковы слова:
«Ах мы чем с тобой, Чурила, позабавимся?
Хочешь хлеба-соли ты откушати
Или белой лебедушки порушати?» —
«А спасибо, Настасья Микулична,
У своего ли у родитель у батюшки
Я сытешонек, не голоднешонек».
А Настасьюшка да свет Микулична
А берет она доску хрустальную,
Хрустальную доску шахматную,
Берет шахматы она серебрянны,
Говорит она да таковы слова́:
«Мы хоть этой игрой да позабавимся,
Если ты обыграешь, так ставлю сто́ рублей,
Если я обыграю, тебе Бог простит».
И садилисе за доску шахматную.
Первой кон сходили — Чурила выиграл,
И платила она да ёму сто рублей,
Вто́рой кон сыграли — Чурила выиграл,
И платила ему Настасья сто рублей,

И третей кон сыграли — Чурила выиграл,
Заплатила ему Настасья триста рублей,
А сама смотрит Чурилы в очи ясныи,
Говорит Чурилы речи сладкии:
«Ай же ты, Чурилушка сын Пленкович,
Не могу играть я в шашки-шахматы».
Брала крепко его да она за́ руки,
Целовала во уста сахарние,
И просила да уговаривала:
«Ты пойдем, удалой доброй молодец,
Во мою во теплую во спаленку,
Мы с тобой там позабавимся».
Тут разгорелось сердце молодецкое,
Он Настасьюшки да повинуется,
Сошли они да в спальню теплую,
На ту кроваточку тисовую,
На ту пиринушку пуховую.
А тута девка чернавка, служанка ея,
По комнатам ходит, журчит да ворчит:
«А не делом ты, Настасья, занимаесся,
С молодцом ты в спальню запираесся».
А то́го слова Настасьюшка не слышала,
В теплу спаленку да призакрылися.
А тута девка чернавка, служанка ея,
В двери она да постучаласи,
А Настасья ей не отвечаласи,
Со Чурилушкой да забавляласи.
Говорит тут девка, служанка ея:
«Я пойду во церковь во соборную,
Твоему ли мужу наскажу да намучу».
Тут Настасьюшка не откликаласи.
Пошла девка во церковь соборную,
Она Господу Богу помолиласи,
А святым иконам поклониласи,
Говорила тут девка таковы слова:
«Ах ты гой еси, любимой мой хозяюнушко,
Уж ты старой Бермяга сын Васильевич,
Ты стоишь да в церкви Богу молисся,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
У тебя в дому да непорядочек,
У тебя в палаты есть изменщичек,
У тебя во доми есть незваный гость,
А незваный гость да неожиданный,

Есь проказничек да он обманщичек,
Молодой Чурилушка сын Пленкович».
А стоит Бермяга, Богу молитце,
А на чернавку не обращат внимания.
Говорит чернавка во второй након:
«Дорогой ты мой хозяинушко,
А старой Бермяга сын Васильевич,
А у нас в дому да непорядочки.
В нашем тереми да есь незваный гось,
Он незваный и непрошеный,
Чурилушка да Пленкович,
А с Настасьюшкой да свет Микуличной
В твóей спаленки да забавляется».
Говорит Бермяга таковы слова:
«Ах ты, девка чернавка, служанка моя,
Если правду говоришь — тебя пожалую,
А неправду говоришь — тогда голову срублю».
А сам стоит все Богу молитце.
А девки чернавки не терпится,
Говорит она ему да в третей раз:
«Любимой ты мой да хозяинушко,
Если мне не веришь, поди сам погляди».
Идет Бермяга сын Васильевич
Ко своей палаты белокаменной,
Не заходит он да на широкой двор,
А с-за столба того точеного,
А у колечушка да золоченого
Тут стоит Чурилин богатырский конь
Он у стойла того да лошадиного,
Ему насыпано пшеницы белояровой.
У Бермяги резвы ножки подломилиси,
А стары очи у Бермяги помутилиси,
Заходит на крылечушко переное,
Двери на́крепко да были заперты.
Он стучит в колечко золоченое —
От Настасьюшки да тут ответу нет,
Она с Чурилой занимается,
По кроваточки тисовоей валяется.
Как стучится тут Бермяга во второй након —
От Настасьюшки дак и ответу нет.
Постучал Бермяга сын Васильевич
Как со всей со силы богатырскоей —
Тут Настасьюшка да свет Микулична

Открывала ворота тисовыи
Как в однех чулочиках без чоботов,
А в одной рубашечки без пояса.
Говорит Бермяга сын Васильевич:
«Ты, Настасьюшка да свет Микулична,
Ты што сегодня не нарядна есь!
Сегодня ведь у нас да светлый праздничек,
А тое ли Христово благовещенье».
А Настасьюшка да свет Микулична
Умела на то да ответ держать:
«Дорогой любимая семеюшка,
Мни сегодня нездоровится,
Болит от угару моя головушка».
Говорит Бермяга сын Васильевич:
«А Чурилов добрый богатырский конь
Почему стоит да на моем двори —
Мою ес⟨т⟩ пшеницу белоярову́»
Говорит Настасьюшка Микулична:
«У моего ли братца у любимого
А с Чурилой конямы поменянось.
Коня к вам он напоказ привел
И оставил коня да на твоем двори —
Посмотрите-тко да порадуйтесь».
Тут идет Бермяга в гридню светлую,
А на стопочках да на точеныих
Светлы платьиця висят Чуриловы,
А на полочки да на дубовенькой
А лежит тут шляпа Чурилова.
Говорит Бермяга сын Васильевич:
«Во моей ли гридни светлоей
Как попали платьица Чуриловы?»
Тут умела Настасьюшка да как ответ держать:
«А любезной мой да племянничек —
Оны сегодня с Чурилой побраталися,
Цветным платьицем да поменялися».
И пошел Бермяга в теплу спаленку —
Молодой Чурилушка сын Пленкович
Как лежит да он в одном белье
На кроваточки да на тисовые,
На пиринушки да на пуховыи,
Крепко спит, не просыпается,
Над собой невзгоды не начается.
Тут Бермяга сын Васильевич

Берет он саблю вострую,
Отрубил Чурилы добру го́лову.
А не жемчуг по палаты рассыпается —
Голова Чурилова валяется,
Покатились жолтыя кудерышка
По́ полу да кирпичному.
А Настасьюшка да свет Микулична
Выбегает на широкой двор,
А берет с собой она булатной нож,
Становила в землю тупы́м концом,
А на острый конец да повалиласи
А своей ли она да грудью белою,
И подрезала жилочки ходячии,
Залилась она да кровью алою.
Тут и пало́ вдруг да две головушки,
Две головушки да самолуччии.
Тут Чурилушки да славу поют.
А тот Бермяга свет Васильевич
Дождался Христова воскресеньица,
Пропустил он неделю светлую,
Дожидаючись да святых Радониц.
Берет он девку чернавку, служанку свою,
А ведет во церковь во соборную,
Принимают венцы золоченыи,
А тее ли персни обрученные.
Стали жить-поживать
Да век коро́тати.
На том былиночка и кончилась.

№ 386

ПРО ЧУРИЛУ ЩАПЛЕНКОВА

Чурилушка, который был да ведь Щаплёнкович,
Ходил-щапил по городу по Киёву
Между девками Чурила, между бабами,
Промеж бабами Чурила, промеж б⟨лядками⟩.
У Чурилушки как было у Щаплёнкова
Лапото́чки были да шелко́выи,
Как шелко́вы лапото́чки семише́лковы,
А шуба нунь была ведь соболиная,
Соболина бы́ла нунь да черна со́боля,

Рукавичики тут были барановы,
А ша́понька пушиста, пушиста-натвалиста.
Садился как Чурила на добра коня,
А ехал к Катеринушки Микуличной,
Приезжал Чурила на добром кони,
Приезжал ён к Катеринушке Микуличной
Как ён к палате белокамённой.
Выходил-ка тут Чурила со добра коня,
Привязывал добра коня Чурилушка Щаплёнкович
К переному да ён крылечушку,
А к золоченому да ён колечушку.
По ступенечкам Чурилушка поскакивал,
В колечку Чурила поколачивал.
Пускала Катеринушка Микулична,
Пускала как Чурилушку Щаплёнкова,
Человала тут в уста да во саха́рьнии
И брала ведь за ручки за белыи,
И вёла ведь в палаты белокамённы.
Чурилина коня вела она во конюшину,
Во конюшину, во стойлу лошадиную,
А сыпала коню пшена да белоярова,
А несла она тут ключевой воды,
Говорила она добру коню:
«Ты ишь-ка, конь, пшена досыти,
А пий воды допьяну».
Катеринушка как бы́ла Микулишна,
Вела она Чурилу во горенку во новую,
Во светлую как нунь во светличу,
Садила за столы за дубовыи,
А за скатерётки за шелковыи,
За естьва как она да за сахарьнии,
За питьва нунь за медьвяныи,
А тут оны с Чурилой угощалисе.
Узнала как девушка она чернавушка,
Бежала тут во церкву во соборную
Ко Вельмы ко сыну Васильёву.
Говорила эта девушка-чернавушка
Как Вельмы да сыну тут Васильёву:
«Эй же ты, Вельма да сын Васильёвич,
Стоишь как ты во церкви во соборныи,
Стоишь да ты спасаешьси,
Над собой невзгоды не начаешьси:
У твоей-то Катеринушки Микуличной

Во дому сидит нежданный гость,
Не ждан-то ён, не зван-то, не приказыван,
Есь Чурила ён да Щаплёнкович».
Говорит как тут Вельма сын Васильёвич,
Говорит ён девушки-чернавушки:
«Уж как, девушка, как было ты чернавушка,
Если правду говоришь — замýж возьму,
А неправду говоришь — головý сыму».
Вельма еще сын-то Васильёвич
Шёл ён как со церквы со соборною,
Приходил в свои палаты белокамённы,
По ступенечкам ён поскакиват,
В колечку ён поколачиват.
Пускала Катеринушка Микулична
Вельмы да сына тут Васильёва
В билинькой сорочики без пояса,
А в тоненьких чулочиках без чоботов,
Волоса ведь у ей порастрёпаны.
Говорил как тут Вельма ведь сын Васильёвич,
Говорил как Катеринушке Микуличной:
«Что же, Катеринушка Микулична,
Ты в билинькой сорочики без пояса,
А в тоненьких чулочиках без чоботов,
А волоса ведь у тебя порастрёпаны?»
Говорила Катеринушка Микулична:
«Эй да ты, Вельма да сын Васильевич,
А что-то мне как, Катеньке, не можется,
А что-то мне, Микуличной, хворается»,
Заходил как тут Вельма сын Васильёвич,
Заходил в палату белокамённу,
А видит как Чурилину ён шубоньку,
А шубонька висит его на грядочки,
А ла́потки его́ тут на лежаночки,
Рукавички были нунь на лавочки,
А шапонька пушистая на стопочки.
Говорил он Катеринушке Микуличной:
«Что-то лапотки я эти видывал
У Чурилушки как было, у Щаплёнкова».
Говорила Катеринушка Микулична
Ай Вельмы да сыну тут Васильёву:
Ай же ты, Вельма да сын Васильёвич,
А что-то мне как, Катеньке, не можется,
Что-то мне, Микуличной, хворается,

А наладила я полдуши своей отдать».
Говорил Вельма да сын Васильёвич,
Говорил он Катеринушке Микуличной:
«Как видал я было эту шубоньку
У Чурилы нунька у Щаплёнкова».
Говорила Катеринушка Микулична:
«Ай же ты, Вельма да сын Васильёвич,
А что-то мне как, Катеньке, не можется,
А что-то мне, Микулишной, хворается,
А наладила я полдуши своей отдать».
Говорил Вельма да сын Васильёвич,
Говорил ён Катеринушки Микуличной:
«Ай как эты рукавичики барановы
У Чурилушки я видел, у Щаплёнкова».
Говорила Катеринушка Микулична:
«Что-то мне как, Катеньке, не можется,
Что-то мне, Микуличной, хворается,
А наладила я полдуши своей отдать».
Говорил Вельма да сын Васильёвич,
Говорил ён Катеринушке Микуличной:
«А что же эта висит у тя на стопочки,
А что ж эта висит у тя за шапонька,
Ай пушиста и натвалиста?
А видал я эту шапоньку
У Чурилушки, как было, у Щаплёнкова».
Говорила Катеринушка Микулична:
«Что-то мне как, Катеньке, не можется,
Что-то мне, Микуличной, хворается,
А наладила я полдуши своей отдать».
А Вельма да ён Васильёвич
А шел как ён во новую во горенку,
Подходил как ён к кроватки ко рыбиной,
Открывал как ён ведь тут да одеяло соболиное,
А на этой на кроватки на рыбиной,
Под этим одеялом соболиным
Чурилушка как был тут Щаплёнкович.
Вельмы-то еще тут да сын Васильевич
Схватил как ён тут нунь ведь саблю вострую,
Отсёк ведь ён Чурилы буйну голову.
Говорил как тут Вельма да сын Васильевич:
«Куды пала головка гусиная,
Туды катись и головка лебединая».
Отсек как Катеринушки Микуличной,

Отсек как ён ей буйну голову,
А эту было девушку-чернавушку замýж ён взял.
У них-то ведь пошел-то нунь да как почестный пир,
А у их-то ведь я на пиру там был,
А вино-то ведь да зелено́ я пил,
А ковшик как попал-то розный мне,
А губы у меня рознее ведь,
А по усам текло, а в рот и не попало ведь.

№ 387

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ

Просыпался Чурилушка раным ранешенько,
Умывался он белешенько,
Наряжался он хорошенечко,
Сапожки обувал он зе́лен сафьян,
Шубу надевал он соболиную,
Поезжает он во чисто поле.
Как и едет он мимо подворья Катерины Никуличной,
Увидала его Катерина Никулична
И бежит ему навстречу по чисту полю,
Берет она его за белы руки,
Целует в уста саха́рные,
И ведет она в свои палаты белокаменные,
И садит его за столы дубовые,
Приносит ему яствушка сахарные
И питья приносит медвяные,
А сама говорит таковы слова:
«Ай же ты, Чурилушка Плёнкович,
Не наедайсе-ко ты до́сыта
И не напивайся-ко ты вина до́пьяна,
Сыграем мы с тобой в шахматы».
И шли они ко столу шахматному
И играли они с ней в шахматы,
И говорит тут Катерина Никулична:
«Ай же ты, Чурилушка Плёнкович,
Пойдем-ко мы с тобой на кровать на тесовую,
На тую на перину на пуховую,
Отдохнем мы с тобой, сколько надобно».
А наблюдает за этим за всем кухарочка,
Катерины Никулицьной служаночка,

И просит она у Чурилы Плёнковича
Тую шубу соболиную
И дорогой колпак с головушки,
И просит сапожки сафьяновы.
И говорит Катерина Никулична:
«Ай же ты, Чурила Плёнкович,
Оставь ты мне шубу соболиную
И сапожки свои зе́лен сафьян,
И дорогой колпак с головушки,
А не давай ты их служаночки,
А дай ты лучше служаночки
Денежек пятьдесят рублей».
А служаночка денег не при́няла,
А бежит она во Божью церковь
Ко своему ли она да хозяину
И говорит ему таковы слова:
«А хозяин ты мой батюшка,
У твоей-то молодой жены
Есть в гостях удалой молодец
Тут Чурилушко Плёнкович».
Увидала это Катерина Никулична,
Запирала коня она в конюшенку,
А Чурила Плёнковича
Прятала она в погреба глубокие.
И прибегает супруг старенький
Ко своей молодой жены,
И спрашивает он молоду жену:
«У тя кто сегодня был в гостебище?» —
Отвечает ему молода жона:
«Ах ты, милый муж мой возлюбленный,
Никого сегодня я не видела,
А поздорили мы со служаночкой,
Она доложила тебе понапрасницу,
Обманула тебя она против меня,
Посмотри ты по нашим горницам,
Ты нигде не найдешь даже признаков».
И пошел тут ейный муж
Обратно во Божью церковь,
И говорит он своей служаноцьки:
«Завела говорить — дак и досказывай,
Где попрятан у вас конь Чурилушкин?»
Говорит ему служаночка:
«У Чурилы конь поставлен во конюшеньки,

Во самую конюшню дальнюю».
И берет он саблю острую,
И идет домой он во конюшеньку,
И видит он коня Чурилова,
Отрубает он коню голову,
А сам скорей бежит во Божью церковь
Ко той ли ко кухороцьки,
К девушки ко служаноцьки.
Сам говорит ей таковы слова:
«Ай же ты, моя служаноцька,
Завела говорить — так досказывай,
Куда спрятался Чурилушко Плёнкович?»
Говорит ему служаноцька:
«Он сидит во погребах во глубоких,
А попрятался за пивными за бочками».
Тут идет он в свои погреба глубокие,
Отворяет он погреба глубокие,
И находит он Чурилу между бочками,
И говорит ему таковы слова:
«А ты чего сюда, Чурилушка, попрятался,
По чужим жонам ходить, не надо прятаться,
Лучше ты бы со мной в поле стретился,
Друг у дружка силу мы отведали
И ухватку мы с тобой поразмеряли,
Цья душа бы с телом расставаласи,
А другому бы жена доставаласи,
А теперь я с тобой не буду разговаривать».
Выводит он его во чисто поле,
Отрубает ему буйну голову
И приходит он к молодой жене,
Говорит ей таковы слова:
«Ты, неверна жена, сука подлая,
Посмотри Чурила Плёнковича,
Отрубил ведь я ему голову
И тебя теперь не помилую».
Выводил он ее во цисто поле,
Подводил ко самому Чурилушки
И срубил ей буйну голову,
И пошел во церковь во Божию
Ко той своей служаноцьки,
Говорит ей таковы слова:
«Ах ты, подлая служаноцька,
Не за свое ты дело взялася,

Чужих жон подкарауливать,
А тебе работа была подана —
И дрова носить и коров доить».
И срубает он ей буйну голову,
А сам себе говорит таковы слова:
«Пусть не славится мое имя по белу свету,
Никому оно будет неизвестное».
И втыкат он кинжал себе в белу грудь.
Тут ему и смерть поют.

№ 388

ПРО БЕРМЯНА СЫНА ВАСИЛЬЕВИЧА

Отправляется Оберьян да сын Васильевич,
Надел он шапоньку пушистую,
Надел он сапожки на ножки зеленый сафьян,
Надел он шубоньку куньюю,
Опоясал опояску себе шолковую,
В нову Божью церковь спасаться пошел.
Мы не видли Обермяна сына сядучи,
Мы не видли и Пленкова поедуци —
Только видели во чистом поли куревку,
Призакурились песоценьки жолтенькие.
Тут приехал как Чурилушка Пленковиц,
Оберала тут Катерина Микулична,
Оберала тут Чурилина конишецка
Как во свою во стоялу во конюшенку,
Уж как ставила Чурилина конишецка
Что ль во эту во стоялу конюшенку:
«Еще ешь-ко, пей, да Чурилин конь,
Я не гля ради тебя да поклоняюси —
Ради твоего хорошего хозяина!»
Уж как ставила столы да все дубовыи,
Ростелала скатеретки тонкобраныи,
И проговорит Катерина́ Микулицна:
«Ай же ты, Чурилушка Пленковиц,
Еще станем-ко, Чурилушка, во шашочки играть!»
Первой раз сыграли — не обыгрывались,
И другой раз сыграли — не обыгрывались.
Ай проговорит Катерина Микулицна:
«Ай же ты, Чурилушка Пленковиц,

Еще цорта-то, Чурилушка, не шутоцки,
Пойдем-ко, Чурила, на тесову на кровать,
И на тесовой мы кроватки позабавимсе!»
А тут услышала девцоноцка церненькая,
Девка церная, цыганоцка-целядинка:
«Донесу это словецушко Бермяну сыну,
Ай Бермяну сыну да и Васильевицу!»
Ай проговорит Чурилушка Пленковиц:
«Ай же ты, девцоноцка церненькая,
Девка ты черная, цыганка все целядинка,
Вот тебе полтинушка на билышка (*белила*),
Вот тебе вторая — на румянышка,
И вот тебе третья — на костыць сарафан,
И вот тебе шапонька пушистая,
(С *головы снял*)
И пушиста эта шапонька зависиста:
Буде спереду не видно лицка церненькаго,
А будет сзаду не видать да косы вшивоей».
А проговорит Катерина́ Микулицна:
«Ай жо ты, Чурилушка Пленковиц,
Лучше этую ты шапку сам сноси,
Лучше этыи полтинушка ты мне-ка-ва отдай!»
Побежала тут девцоноцка церненькая,
Девка церненькая, цыганка все целядинка,
Уж как скоро она шла да по новым по синям,
А еще того скорее по белому по двору,
А еще того гораже по чистому по полю,
Прибежала тут ко церковки к богомольскоей.
Уж как кланялась она да на три стороны,
Ай Бермяну сыну да и Васильевичу:
«Еще ай же ты, Бермян да сын Васильевиц,
Как у твоей у Катерины Микулицной
Еще в чистях Чурилушка Пленкович:
Как на твоей на тесовой на кроватоцки,
Уж как спят оны да забавляютси!»
Тут оставил он книгу недоцитанную
И оставил Божью церковь недозапертую.
Скоро он шел да по чистому по полю,
А еще того скорее по белому по двору,
А еще того гораже по новыим по синям.
Как повыскоцит Катерина́ Микулицна
Ай со этой со тесовой со кроватоцки,
Ай в бумажиных цулоцики без ступиньков,

В тонкобелой сороциньки без костыцка.
И проговорит Обермян да сын Васильевиц:
«Что же ты, Катерина Микулицна,
Ай в бумажину ты цулоциньках без ступиньков,
В тонкобелой ты сороцицки ай без костыцка?» —
«Ай жо ты, Обермян да сын Васильевиц,
Уж как после я тебя да не разможиласи». —
«Ай жо ты, Катерина́ Микулицна,
Как на моей-то на тесовой на кроватоцки
А спит тут Чурилушка Пленкович!»
Уж как брал он в руки саблю-то вострую
И отсек он у Чурилы буйну голову.
Ай проговорит Катерина́ Микулицна:
«Куда пала головушка Чурилина,
И туды пади головка Катеринина!»
И брал он в руки саблю вострую,
И осек он у Катеши буйну голову.
«Ай же ты, девцоноцка черненькая,
Девка церная цыганка-целядинка,
Ты бы знала бы, девцонка, коров кормить,
А не знала бы, девцонка, чужих жон доводить!»
И брал он в руки саблю-то вострую,
Ай отсек он у девцонки буйну голову.

№ 389

ПРО ЧУРИЛУШКУ

Отправляется Чурила, снаряжается,
Одевает он сапожки зелен сафьян,
Зеленого сафьяна турецького,
Турецького сафьяна, молодецькаго.
Вси не видли добра молодца поедуци,
Только видли — в чистом поли курева прошла.
Увидела Катерина Микулицна
Со своих со светлых светлицев,
Она скоро-то шла по переходам,
Поскорее того по белу по двору,
Отворяла ворота широкие,
Она брала его за руки за белые,
Целовала его в уста сахарьнии,
Повела его конишка в конюшеньку

И насыпала конишку пшены ярои.
Походя, она конишку поклониласи:
«Уж ты ешь-ко, мой конь, дух нечистыя,
Вси ради тебя да поклониласи,
Ради твоего любимого хозяина,
Ради этого Чурилушки Пленко́вича!»
Ну, и прошла она в свои светлы светлицы,
Взяли они доску-шашманку.
Ну, как перьвый раз он сыграл, ю обыгрывал,
И второй раз сыграл — ю обыгрывал,
Третий раз заводит — ю обыгрывает.
Тут спроговорит Кате́рине Микулицне:
«Уж мы бросим-ко с тобой да доску-шашманку,
Мы пойдем лучше с тобой да забавлятисе!»
Тут стояла девцоноцька церная,
Девка церная да целядинка.
Ей спроговорит Чурилушка Пленкович:
«Еще вот тебе полтина на би⟨ли⟩льца,
Вот тебе другая на румянца,
Вот тебе третья на костыч сарафан,
Вот тебе шапоцька в пятьсот рублей,
Чтобы спереди не видно лица чернои,
Чтобы сзади не видно косы вшивыя!»
Тут спроговорит Кате́рина Микулицна:
«Лучше эти полтиноцки ты мне отдай!
Лучше эту шапоцку сам сноси!»
За досаду эты сло́вы девке кажутсе:
Она скоро-то шла по белу по двору,
Поскорее того по чисту по полю,
Без креста она приходит в Божью церкву:
«Уж ты слухай-ко, Бермян сын Васильевиць:
У твоей жены Катерины Микулицной,
У ей гость гостит, да быдто брат родной».
Поворот держал Бермян сын Васильевиц,
Он скоро-то шел по цисту по полю,
И приходит он ко белу ко двору.
Как увидела Кате́рина Микулицна,
Она тихо-то шла по периходам,
Потишее того по белу по двору,
Отворяла ворота широкии.
Тут спроговорит Бермян сын Васильевиць:
«Что же в тоненькой рубашке да без костыца?
В одных тоненьких чулоцках да без чоботов?» —

«Без тебя ли, мой свет, я не ро́змаглась».
Поворот держал Бермян да сын В⟨асильеви⟩ц
Ко этому девцоноцку ко черному:
«Еще слушай-ко, девцоноцька ты черная,
Девка черная да челя́динка,
Завела ты говорить — дак договаривай,
Завела коль говорить — дак доказывай!» —
«Ты сходи-ко во свои конюшенки,
У вас чьо́ стоит конишко во конюшенки?»
Увидел он коня да Чурилино,
Разгорелось сердце богатырское,
Схватил он свою саблю вострую
И срубил коню он буйну голову.
Поворот держал ко этому девчоноцку ко черному:
«Завела коль говорить — дак договаривай,
Завела коль говорить — дак доказывай!» —
«Ты сходи-ко во свои да светлы светлицы,
Возьми-ко там да золоты клюци,
Отомни-ко там да золоты ларцы».
Поворот держал Бермян сын В⟨асильеви⟩ц
Он во свои во светлы светлицы,
Скоро он брал свои золоты клюци,
Отмыкал да золоты ларци —
Оттуль выскоцел Чурилушко Пленковиц.
Разгорелоси сердецко богатырское!
Не ясные соколы возлетилиси —
Полетела головка Чурилиная.
Не белые лебеди возлетилиси —
Полетела головка Катеринина.
Поворот держал Бермян сын В⟨асильеви⟩ц
Ко этому девцоноцку ко черному:
«Знала бы девцоноцка коров поить,
А не знала бы девцоноцка чужих жон доводить!»
Не черные вороны возлетелиси —
Полетела головка девки черныя.

№ 390

ПРО ЧУРИЛУ

Ай справляетси, снаряжаетси
Ай молодой Чурилушка Щаплёнкович,
Справляется Чурилушка погу́ливати,

Справляется Щаплёнкович пощапливати.
Обувает басмачки ён резиновы,
Да не простой разины — заграничныя,
А подали шапочку пуховую,
Не простого пуху — заграничного,
Надевает ён шубу соболиную,
Да не простого соболя — заморського
Как пошел ён, Чурилушка, погуливати,
Как пошел ён, Чурилушка, пощапливати,
Ай как пошел Чурилушка погуливати,
Ай ходит он по улице пошуливаёт,
Ай входит ён во грид'зенку во новую,
Ай входит ён ко Кате-Катеринушке,
Ай заходит-то Чурилушка Щаплёнкович,
Заходит ён к Кате-Катеринушке,
Ай заводит Чурилушку во грид'зенку
Во тую во грид'зенку во новую,
Во тую во грид'зенку решетчату,
Во тую во грид'зенку решетчату.
А тая Катя-Катеринушка
Ай кла́ла шапочку пуховую,
На тую на стопочку точеную,
На тую стопочку точеную
Ай кла́ла шубку соболиную.
На тую стопочку точеную,
На тую ли на стопочку точеную
Ложил-то Чурилушка басмачики,
Тыи басмачики резиновы.
А кла́ла тыи Катенька басмачики,
А кла́ла те Катенька басмачики на лавочку.
Ай проводила Чурилушку во спаленку,
Во тую во спаленку во новую,
Ко одеялу соболиному,
Ко тоей кроватке ко рыбий зуб,
Ай ко тою постелюшки пуховою.
Тут-то Чурилушка Щаплёнкович,
Лег с тою Катей-Катеринушкой.
Ай сама ёна Чурилушка спать лёгла,
Ай сама ёна Чурилушки спать лёгла.
Тая-та девка-телятницка,
А тая-то девка-телятницка,
Ай завидла дела да нехорошеньки:
Тая да Катя-Катеринушка

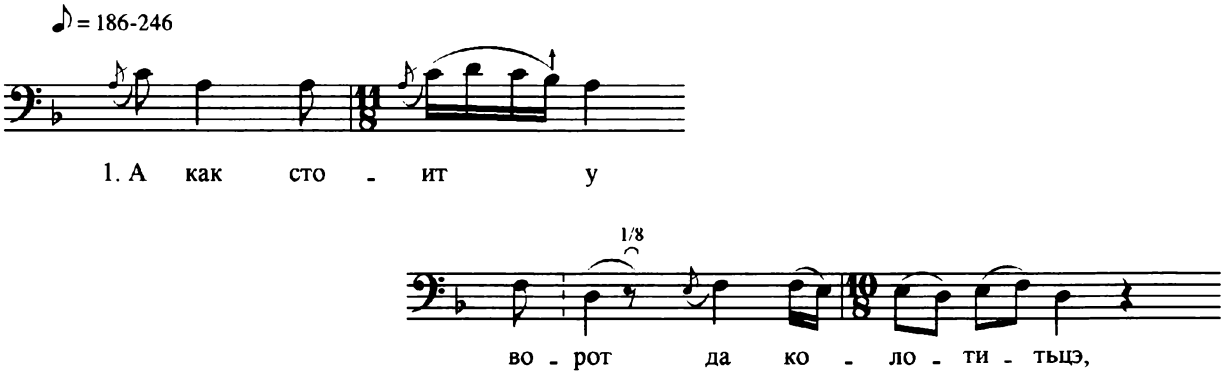
Живет ёна с Чурилой, будто брат с сёстрой,
А спит ёна с Чурилой, будто муж с жёной.
Надёвала шубу на одно плецё,
Бежала во терьковь соборнюю:
«Ай же ты, Вельма да сын Васильёвич,
Стоишь ты да Богу да молишьсе,
До того ли подику кирпицного,
Да над собой невзгодушки не ведаешь:
Аль твоя-то ведь Катя-Катеринушка
Живет ёна с Чурилой, будто брат с сёстрой,
А спит ёна с Чурилой, будто муж с жёной».
Ай говорит Вельма да сын Васильевич:
«Ай же да ты, девка-телятниц'ка,
Знала бы ты, девка, телят кормить,
Знала бы ты, девка, телят поить,
А знала бы ты, девка, коров поить.
Если правду говоришь — дак я замýж возьму,
Ай неправду говоришь — дак я головý срублю».
А пошла тут девка-телятница
Во тое-то поселье молодицькоё,
Во тую-то во грид'зенку да новую,
Бросилá субоцьку на лавоц'ку,
Завидела дела да нехорошии:
Тая-то Катя-Катеринушка
Живет ёна с Чурилой, будто брат с сёстрой,
А спит ёна с Чурилой, будто муж с жёной.
Надёвала шубу на одно плецо,
Бежала во церковь соборнюю
Ко тому Вельму сын Васильёвицю:
«Ай же ты, Вельма да сын Васильёвиц',
Стоишь да Богу ты молишьсе,
А над собой невзгодушки не видаеши:
Твоя-то ведь Катя-Катеринушка,
Ай живет ёна с Чурилой, будто брат с сёстрой,
А и спит ёна с Чурилой, будто муж с жёной.
Да стоишь ты Вельма да сын Васильёвич
Да над собой-то ты невзгодушки не видаешь,
А стоишь ты да Богу ты молишьсе
До того ли поднику кирпицного,
А над собой невзгодушки не видаешь:
А твоя ли то Катя-Катеринушка
А живет ёна с Чурилой, будто брат с сёстрой,
А спит ёна с Чурилой, будто муж с жёной.
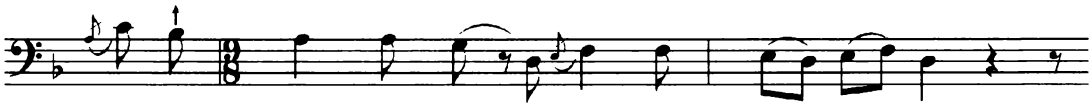
И говорит Вельма да сын Васильёвич:
«Ай же ты, девка-телятниц'ка,
Знала бы ты, девка, коров напоить,
Знала бы ты, девка, телят накормить,
Если правду говоришь — дак я взамуж возьму,
А не правду говоришь — дак голову срублю».
Ай пошла тут девка-телятницка
А во тое во поселье молодецькоё.
А пошел тут Вельма да сын Васильёвич
Во тую ли во грид'зеню во новою,
Во тое ли поселье молодецькоё
Ко той ли ко Кате-Катеринушке.
А стал ён у Катюшки даватисе:
«Ай же ты, Катя-Катеринушка,
Открой же ты ворота решётчатыи».
Стал ён у Ка́тюшки даватисе,
Да стал ён у Кати сдоложа́тисе,
Отворила ворота решотчатыи.
Стал ён у Кати даватисе,
Да стал ён у Кати сдоложатисе:
«Ай же ты, Катя-Катеринушка,
Что ж у тебя груди-тити наголи,
Волоса у тебя да порасполчаны?»
Говорит тут Катя-Катеринушка:
«Че-то мни сегодня не можетсе,
Че-то мне сегодня нездоровитсе».
А вошел тут Вельма да сын Васильёвич,
Вошел ён во грид'зенку во новою,
А видел ён на стопочке точеные
Тую ли шапку соболиную.
Говорит тут Вельма да сын Васильёвич:
«Эдакую шапку у Чурилы я видал,
Да эдакую шапку у Чурилы я слыхал».
Ай говорит тут Катя-Катеринушка:
«Ай же ты, Вельма да сын Васильёвич,
«Эдакая шапку да братця моего,
При смерти ёго надо по души отдасть».
Говорит тут Вельма да сын Васильёвич:
«Ай же ты, Катя-Катеринушка,
Эдакую шубку у Чурилы я видал,
Эдакую шубку у Чурилы я слыхал».
Ай говорила тут Катя-Катеринушка:
«Эта шубка да братця моёго,

Да при́ смерти ёго надо по души отдать,
Да при́ смерти ёго надо по души отдать».
Ай увидел Вельма да сын Васильёвич
Да тыи басмачки резиновы,
Да не простой резины — заграничные».
А говорит-то Катя-Катеринушка:
«Этыи басмачики брата моёго,
Да при́ смерти ёго надо по души отдать».
Пошел-то Вельма да сын Васильёвич
Да тую ли во спалёнку во новою
Ко той кроватюшке да рыбий зуб,
Да ко той ли постелюшке пуховые.
Ай спит тут Чурила не профатитсе
Да над собой невзгодушки не ведаёт.
Ай брал тут Вельма да сын Васильёвич,
Да брал ён сабёлку вострую,
Да отсек-то Чурилы буйну голову.
Да тут-то Чурилушки славы́ поют.
А брал ён сабёлку вострую
Да отсек ён Кати буйну голову,
Да тут вот Катеньки и славу поют.
Ай брал ён девку-телятниц'ку
Да брал тую девушку-телятниц'ку,
Да брал ён тую за себя взамуж.
И стал ён жить да поживатисе
Да долгого ве́кушку коро́тати.
Да с тою девушкой-телятниц'кой.
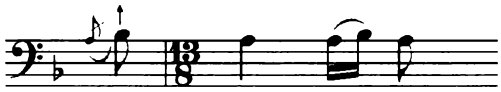
№ 391

ПРО ЧУРИЛУ И КАТЕРИНУ
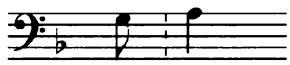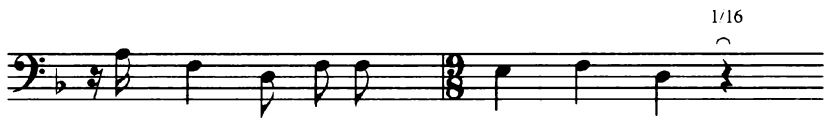

2. А ко - ло - тить - цэ и да да - ва - и - тьцэ.

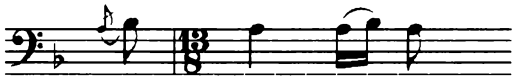
3. А хто же у

во - рот
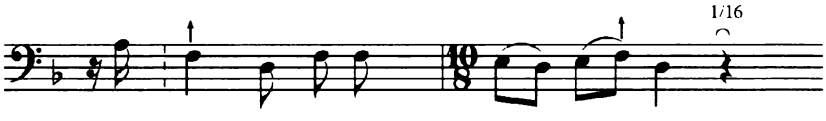

сто - и - т(ы) да ко - ло - ти - тьцэ,
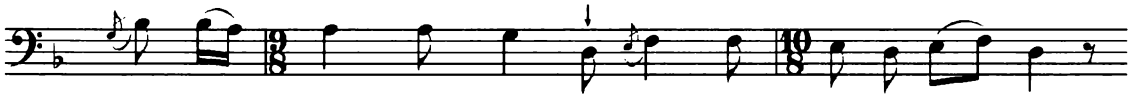

4. А хто же у
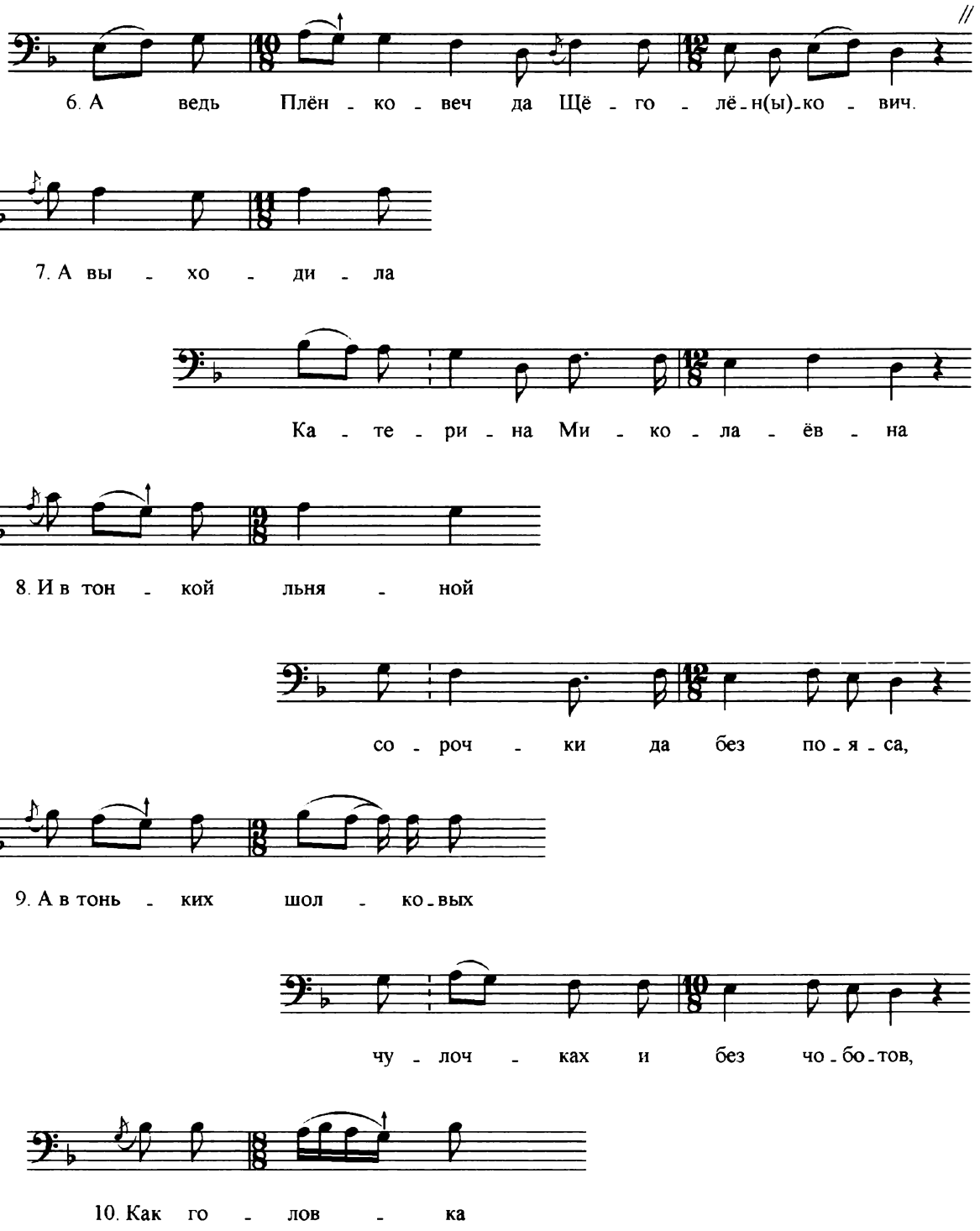

во - рот

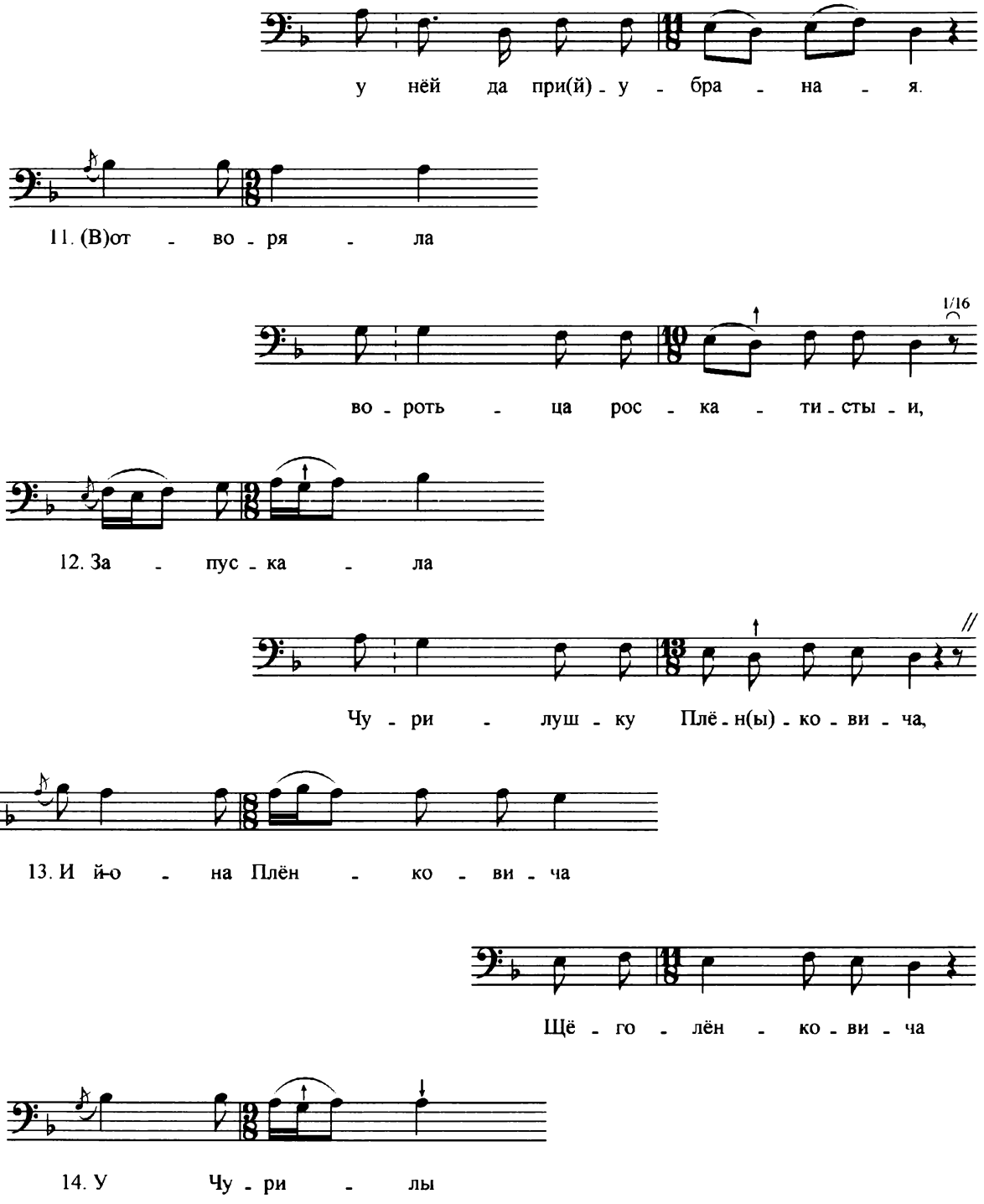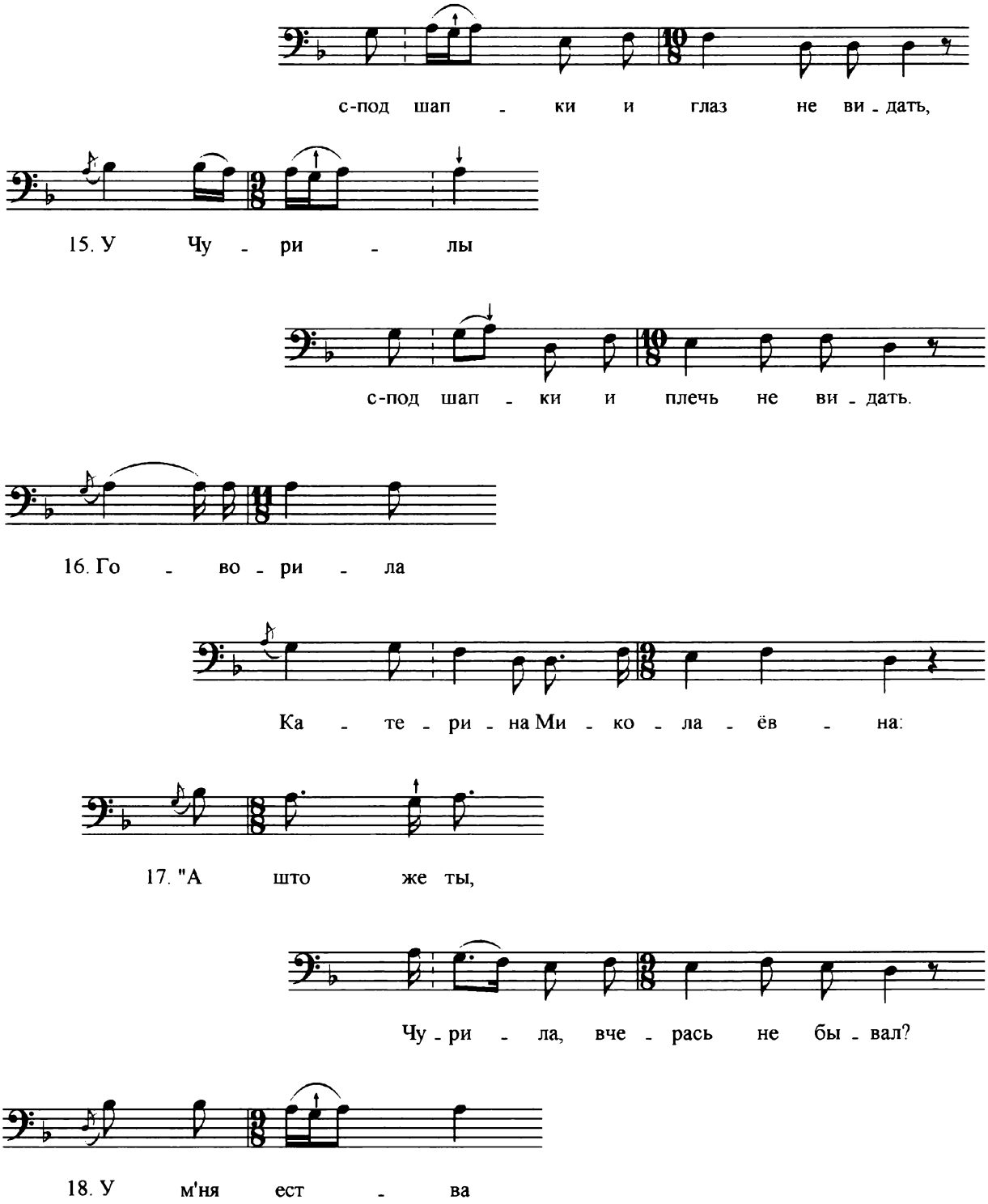

сто - и - т(ы) да да - ва - и - тьцэ?
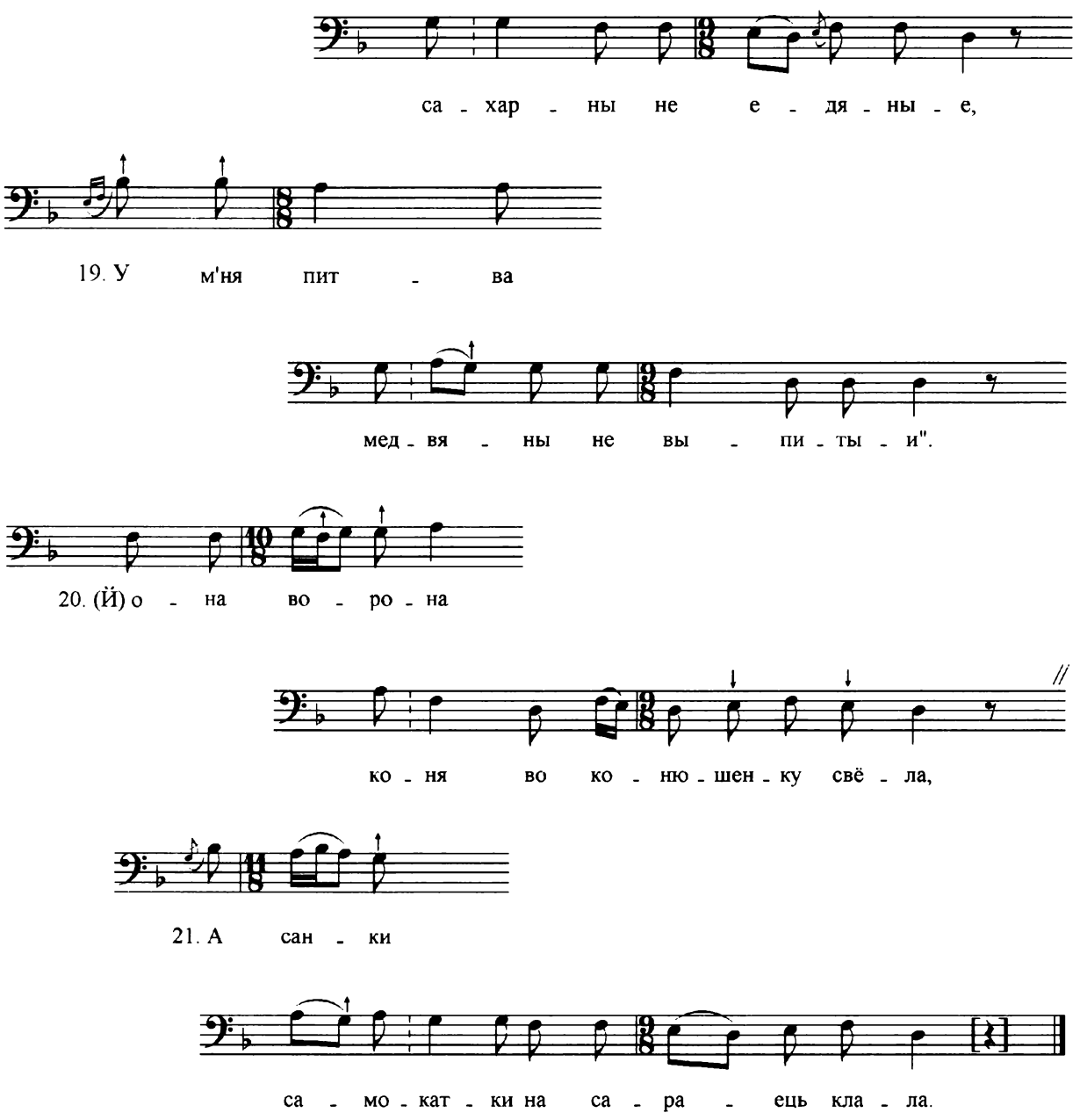

5. Как Чу - ри - луш - ка да сто - ит Плё-н(ы)-ко - вич,

6. А ведь Плён - ко - веч да Щё - го - лё-н(ы)-ко - вич.
7. А вы - хо - ди - ла
Ка - те - ри - на Ми - ко - ла - ёв - на
8. И в тон - кой льня - ной
со - роч - ки да без по - я - са,
9. А в тонь - ких шол - ко-вых
чу - лоч - ках и без чо-бо-тов,
10. Как го - лов - ка

у нёй да при(й) - у - бра - на - я.
11. (В)от - во - ря - ла
1/16
во - роть - ца рос - ка - ти - сты - и,
12. За - пус - ка - ла
Чу - ри - луш - ку Плё - н(ы) - ко - ви - ча,
13. И й-о - на Плён - ко - ви - ча
Щё - го - лён - ко - ви - ча
14. У Чу - ри - лы

с-под шап - ки и глаз не ви - дать,
15. У Чу - ри - лы
с-под шап - ки и плечь не ви - дать.
16. Го - во - ри - ла
Ка - те - ри - на Ми - ко - ла - ёв - на:
17. "А што же ты,
Чу - ри - ла, вче - рась не бы - вал?
18. У м'ня ест - ва

А как стоит у ворот да коло́титьцэ,
А коло́титьцэ и да дава́итьцэ.
А хто же у ворот стоит(ы) да коло́титьцэ,
А хто же у ворот стоит(ы) да дава́итьцэ?
5 Как Чурилушка да стоит Плён(ы)кович,
А ведь Плёнковеч да Щёголён(ы)кович.
А выходила Катерина Миколáёвна

И в тонкой льня́ной сорочки да без пояса́,
А в тоньких шо́лковых чулочках и без чобото́в,
Как головка у нёй да при(й)убра́ная.
(В)отворяла воротьца роска́тистыи,
Запускала Чурилушку Плён(ы)ковича,
И й-она Плёнковича Щёголёнковича.
У Чурилы с-под шапки и глаз не видать,
У Чурилы с-под шапки и плечь не видать.
Говорила Катерина Микола́ёвна:
«А што же ты, Чурила, вчера́сь не бывал?
У м'ня е́ства саха́рны не е́дяные,
У м'ня пи́тва медвя́ны не вы́питыи».
(Й)она во́рона коня во конюшенку свёла́,
А санки-самокатки на сара́ець клала́.

№ 392

ПРО БЕРМЯКА СЫНА ВАСИЛЬЕВИЧА

А Бермяк да сын Васильевиц,
Надел он шапоньку кунью,
Опоясал опояску себи шолкову,
Ай не видели Бермяка сына седучи,
Мы не видели ведь Пленкова поедучи —
Только видели в цистом-то поле куренку,
Призакурились песоценки желтые.
В то время Катерина Микулишна
Стретала тут Чурилу Пленковича,
Ставила столы она да дубовые,
Расстилала скатеренки тонкобраные,
Полагала тут закусочки сахарные.
Ай проговорит Катерина Микулицна:
«Ай же ты, Чурилушка Пленкович,
Еще станем-ка Чурилушка в шашечки играть.
Они в первый раз сыграли — не обыгрывали.
Они в другой раз сыграли — не обыгрывали.
Вот проговорит Катерина Микулишна:
«Еще черт ты, Чурила, да не шутоцки,
Лучше пойдем-ка Чурила на тесову кровать».
На тесовой на кроватке позабавились.
Как услышала девцёноцка цёрненька
Да девка цёрная цыганоцка-целядина

Да несе это словецушко Бермяку сыну Васильевицу.
Ай проговорит Чурилушка Пленковиц:
«Ой же ты, девченоцка цёрненька,
Ай же ты, цёрная цыганоцка-целядина,
Вот тебе полтиноцка на балишенька,
Вот тебе втора да на румянышка,
Вот тебе третья на ⟨...⟩ сарафан».
А проговорит Катерина Микулишна:
«Ай же ты, Чурилушка Пленковиц,
Лучше эти полтиноцки ты мне отдай».
⟨...⟩
Побежала тут девцёноцка цёрненька
Еще скоро она шла по новым сеням,
А еще того скорее по белому по двору,
А еще того скорее по крутому бережку,
А еще того гораже по чистому по полю.
Приходила ко церковки к богомольноей,
Еще кланялась она да на три стороны
Ай Бермяку сыну да Васильевицу.
Ай проговорит девцёноцка цёрненька:
«Еще ой, да Бермяк сын Васильевиц,
Как у твоей у Катерины Микулишны
Есть в гостях Чурилушка да Пленковиц
Как во твоей во стоялой во конюшенке
Там поставлена Чурилина конишецка».
Тут проговорит Катерина Микулишна:
„Еще ешь-ко ты пей, да Чурилин конь,
Я ведь не ради тебя уж я поклоняюся,
Ради твоего хорошего хозяина".
Как на твоей-то тесовой на кроватоцке
Еще спят-то они да забавляются».
Тут оставил он Божью церковь недозапертую
Тут оставил он книгу недочитанную,
Скоро он шел по цистому по полю,
Еще скоро он шел по белому по двору,
А еще того гораже по новым по сеням.
Как повыскочит Катерина Микулишна
Уж как с этой со тесовой со кроватоцки,
А в бумажных цулоцках без туфелек,
В тонкобелой сороцецке со косточками.
А проговорит Бермяк сын Васильевиц:
«Еще что же ты, Катерина Микулишна,
Ты в бумажных цулоцках без туфелек,

В тонкобелой сорочке без костоцек?» —
«Ай же ты, Бермяк сын Васильевиц,
Уж как после тебя да не разможилась». —
«А отчего же тут Чурилушка Пленковиц,
Как на моей-то тесовой кроватоцке
Ай спит тут Чурилушка Пленковиц?»
Да брал он в руки саблю вострую,
А отсёк он ⟨...⟩
Ай проговорит Катерина Микулишна:
«Куда пала головушка Чурилина,
Туда пойди головушка Катеринина!»
Уж как брал он в руки саблю вострую
И отсек он Катюше буйну голову.
Ой проговорит Бермяк сын Васильевиц:
«Ай же ты, девцёноцка цёрненькая,
Девка цёрная цыганоцка-целядинка,
Ты знала бы девцёноцка коров доить,
А не знала бы девцонка мужних жен доводить».
Брал он в руки саблю вострую
И отсек он девцёноцке буйну голову.

№ 393

ПРО ЧУРИЛУШКУ ЩАПЛЁНКОВИЧА

(*Чурилушка Щаплёнкович... Ёго жона какая была, не Катя ли Катерина? Ой, нет, забыла, как ейного мужика звали.*)

Ён ушел в церковь, а к ей пришел дружок. А у них была девушка-чернавушка. Ёна в церковь побежала, а Катерина Миколаевна дружка в спальню повела. Так цернавка-то привела мужа-то, а у ней побратим на кровати, а он пошел из церкви-то:

«Цернавушка, если не манишь,
Так я тебя замуж возьму,
А если манишь,
Так я тебя прогоню совсем».

В фатеру зашел — висить пальто на стопке. Так он у ей спрашиват:

«Катенька, это что?
Да, Миколаевна, что?» —
«Это братец был, цай, вино, пиво пил,
Дак пальто забыл».

А в горницу зашел, так побратим на кровати лежит:

«Это, Катенька, что?
Да, Миколаевна, что?»

Катенька вся задрожала, вся спугаласи, забояласи. А полюбовницек вскоцил да домой убежал. Ён жёнушку взял да след его прогнал. А девку-чернавку себе замуж взял (*забыла, как мужика зовут*).

№ 394

ПРО ЩУРИЛУШКУ ЩАПЛЁНКОВИЧА

Кто, кто у си́ницёк колотитсе?
А колотитсе Щурилушка Щаплёнкович,
Щаплёнкович да Щёголёнкович.
Выходила Катерина Миколаёвна
В своих легоньких чоботах
Да в тонкой ля́нной сороцецке с поясом,
У ей женьские волосы приубраны,
Приубраны да призацёсаны.
Сострецала Щурилушку Щаплёнковича,
Ворона коня взяла, а во дворик отвела,
Катны саноцки взяла да на сарай их подняла,
А сертук, шляпу взяла да стопоцку клала,
А Щурилушку взяла да в нову горницу ввела,
Накормила, напоила, со Щурилой спать легла.
А кто, кто у синицёк колотитсе?
А колотитсе девушка-чернавушка.
Выходила Катерина Николаёвна
В тонкой лянной сороцецке без пояса,
У ей женьские волосы рострепаны,
Рострепаны да не зацёсаны.
Побежала тут девушка-чернавушка,
Побежала она да ко Божьим церквам,
Ко Божьим церквам, да ко златым клюцам,
Доложила Ёрмаку-то Ивановичу:
«Ой же ты, Ёрмак суда́рь Васильевич,
У тя в доме-то не по-ладному,
Не по-ладному да не по-важному:
А есть-то у тя в доме незваной гость,
Не зван, не ждан, да не приказыван,
Есте у тя Щурилушка».
Поезжал тут сударь Ёрмак Васильевич:
«Если правду говоришь — так сарафан куплю,
А неправду говоришь — так буйну голову срублю».
Поезжал тут Ёрмак сударь Васильевич,
Приезжал тут и к дому своёму,

Постуцалсе у крылецка Ёрмак Васильевич.
Выходила Катерина Николаёвна
В тонкой ля́нной сороцецке без пояса,
У ей женьские волосы рострёпаны,
Рострепаны да не зацёсаны.
Тут стрецала Ёрмака сударь Васильича.
«А это что у тя, Катенька, коник во двори?» —
«Я на рыноцки была, воронеюшка взяла». —
(*Мани́т мужа, всё равно найдет.*)
«Это что у тя, Катя, скатны саноцки на дворе?» —
«Мои гости погостили, мне-ка санки позабыли».
В нову горницу зашел — висит шляпа и сертук.
«Это что у тя, Катя, за шляпа, за сертук?» —
«Вецёр братьица были, сертук, шляпу забыли».
А теплу спаленку зашел да Щурилушку нашел.
«Это что у тя, Катюша, за Щурилушка?»
Да тут он и концил их, Щурилушку да Катю, а эту девушку — чернавушку за себя взял.

№ 395
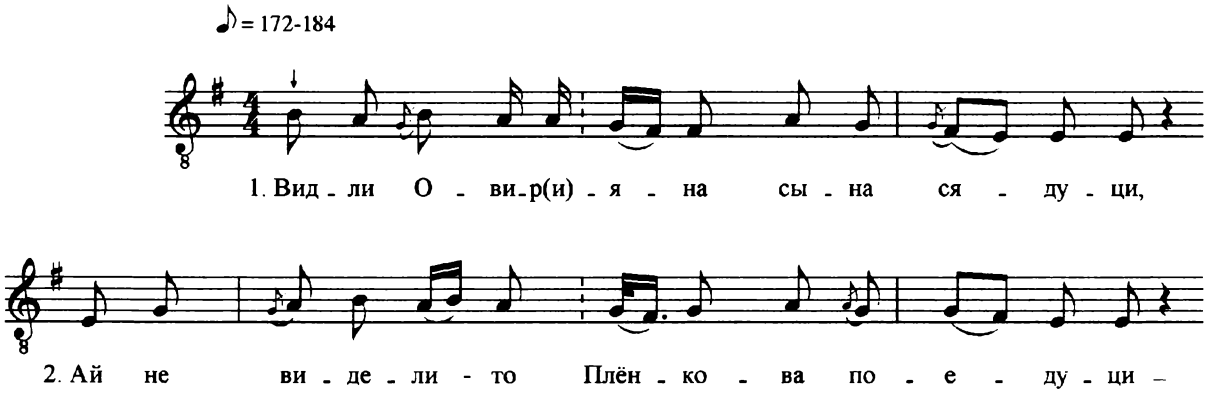
ПРО ЩУРИЛУШКУ

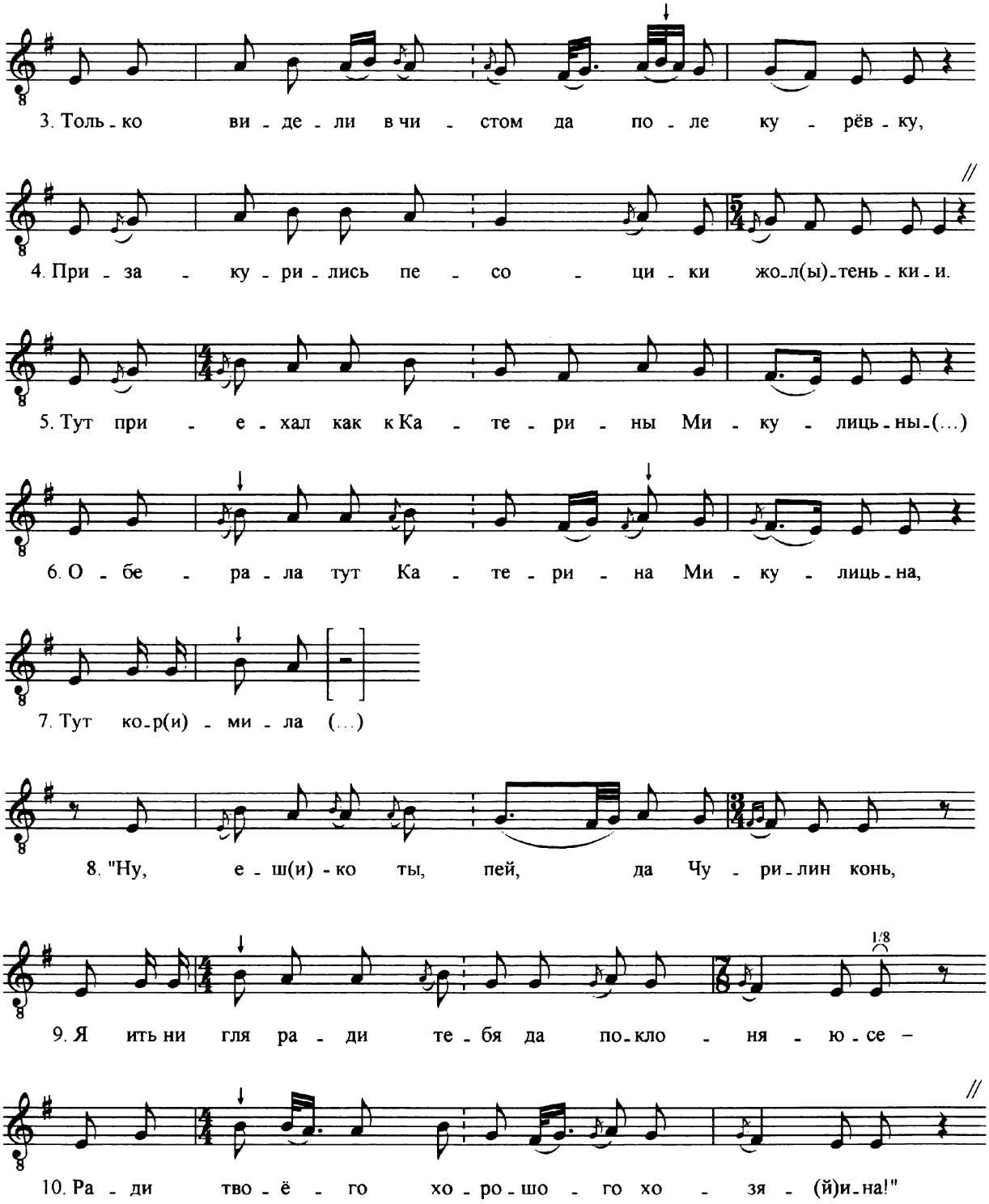
Кто, кто у си́ницёк колотитсе?
А колотитсе Щурилушка Щаплёнкович,
Щаплёнкович да Щеголёнкович.
Выходила Катерина Николаёвна
В своей тоненькой сороцецке с чоботами,
У ей женьские волосы приубраны,
Приубраны да призацёсаны.
Сострецала Щурилушку Щаплёнковича.
Ворона коня взяла, а во дворик отвела,
Катны саноцки взяла да на сарай их подняла,
А Щурилушку взяла да в нову горницу ввела,
Накормила, напоила, со Щурилой спать легла.
А кто, кто у си́ницёк колотитсе?
Колотитсе девушка-чернавушка.
Выходила Катерина Николаёвна
В тонкой лянной сороцецке без пояса,
У ей женьские волосы не убраны,
Не убраны да не зацёсаны.
Побегала тут девушка-чернавушка,
Побега́ла девушка к Божьим церквам,

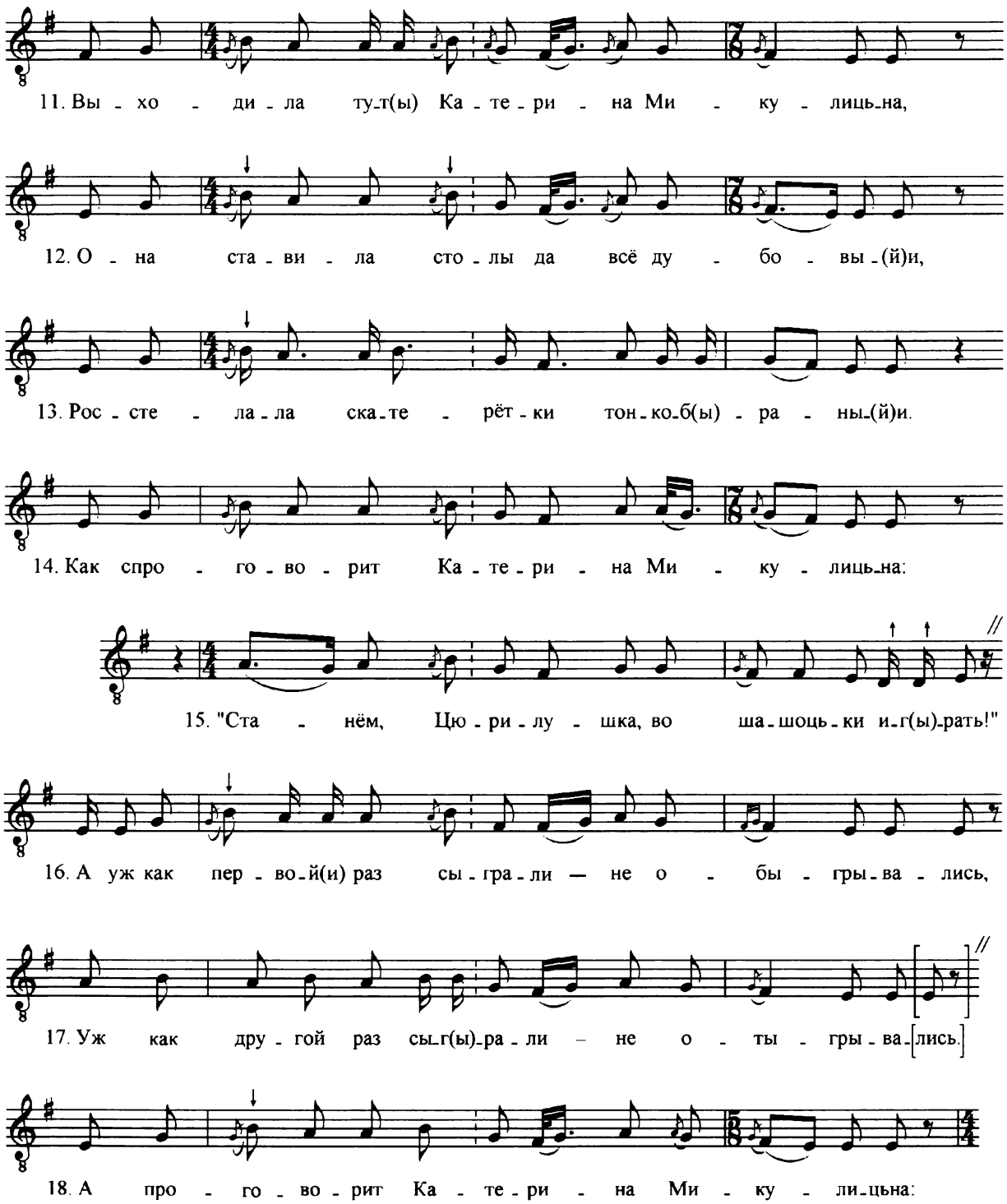
Ко Божьим церквам да ко златым клюцам,
Говорила Ёрмаку судáрь Васильичу:
«Ай же ты, Ёрмак судáрь Васильевич,
У тя в доме-то да не по-ладному,
Не по-ладному да не по-важному:
А есть-то у тя в доме незваной гость,
Не зван, не ждан, да не приказован —
Есть у тя в доме Щурилушка.
Поезжал тут Ёрмак сударь Васильевич:
«Если правду говоришь — так сарафан куплю,
А неправду говоришь — так буйну голову срублю».
Поезжал тут Ёрмак судáрь Васильевич,
Приезжал ён ко дому своему,
Постуцалсе у крылецка Ёрмак Васильевич.
Выходила Катерина Николаёвна
В тонкой лянной сороцецке без пояса,
У ей женьские волосы не убраны,
Не убраны да не зацёсаны.
Тут стрецала Ёрмака сударь Васильича.
«А это что у тя, Катюша, коник во двори?» —
«Вецёр в рыноцки была, ворона коня взяла». —
«Это что у тя, Катя, катны саноцки на дворе?» —
«Мои гости погостили, мне-ка санки позабыли».
В нову горницу зашел — висит шляпа и сертук.
«Это что у тя, Катюша, что за шляпа, за сертук?» —
«Вецёр братьица были, сертук, шляпу забыли»
А во спаленку зашел да Щурилушку нашел.
«Это что у тя, Катюша, за Щурилушка?»
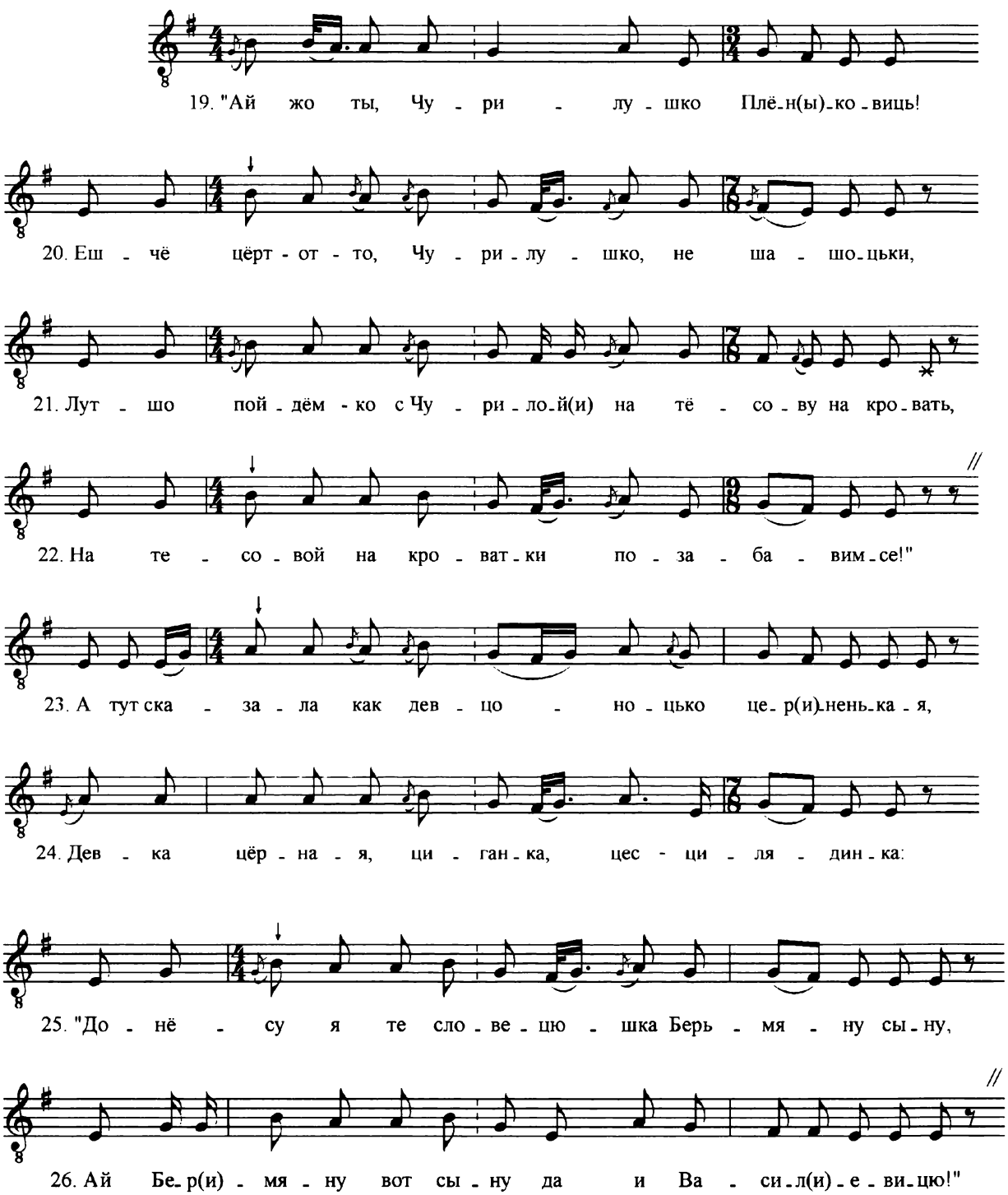
№ 396
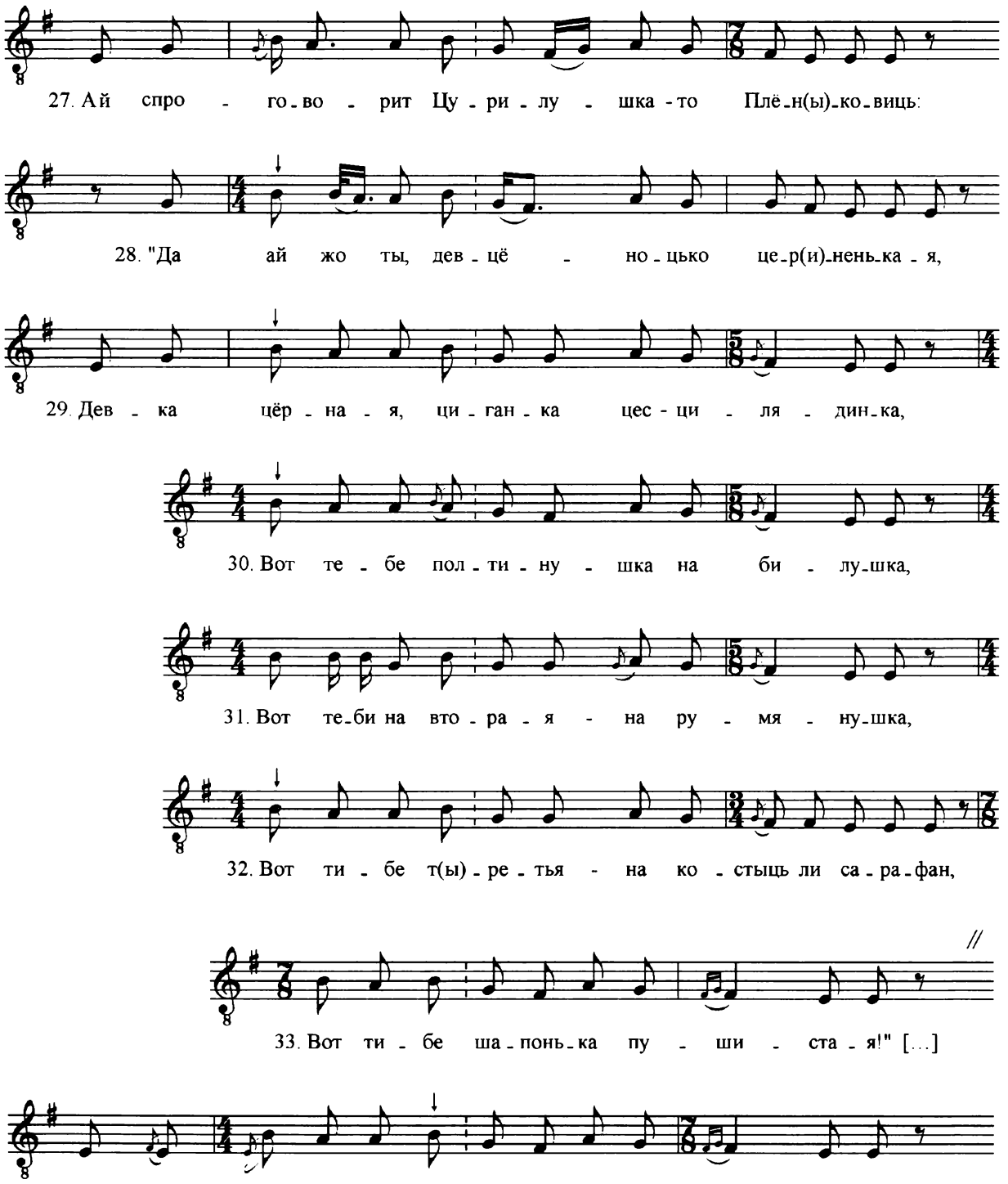
ПРО КАТЕРИНУ МИКУЛИЧНУ

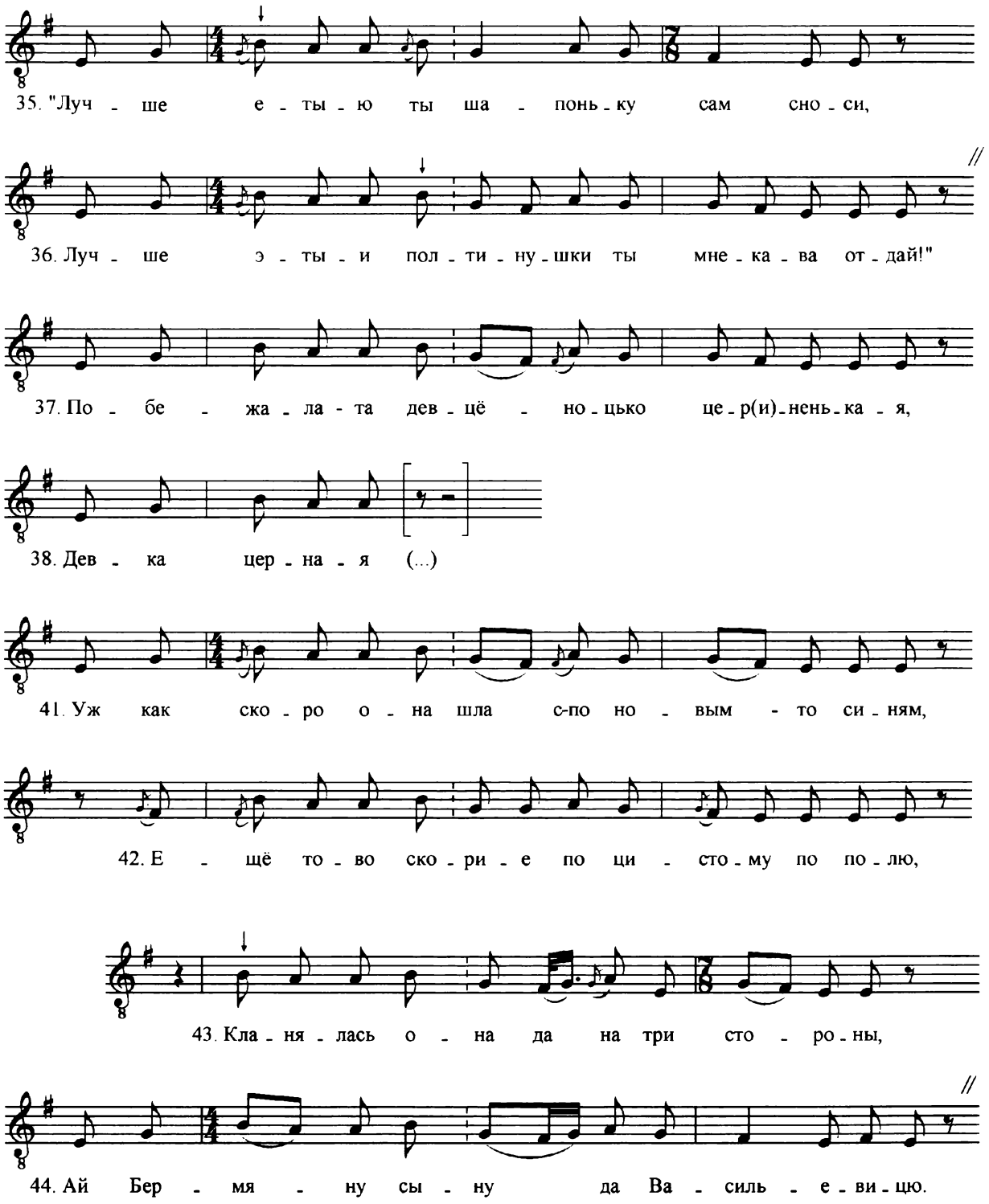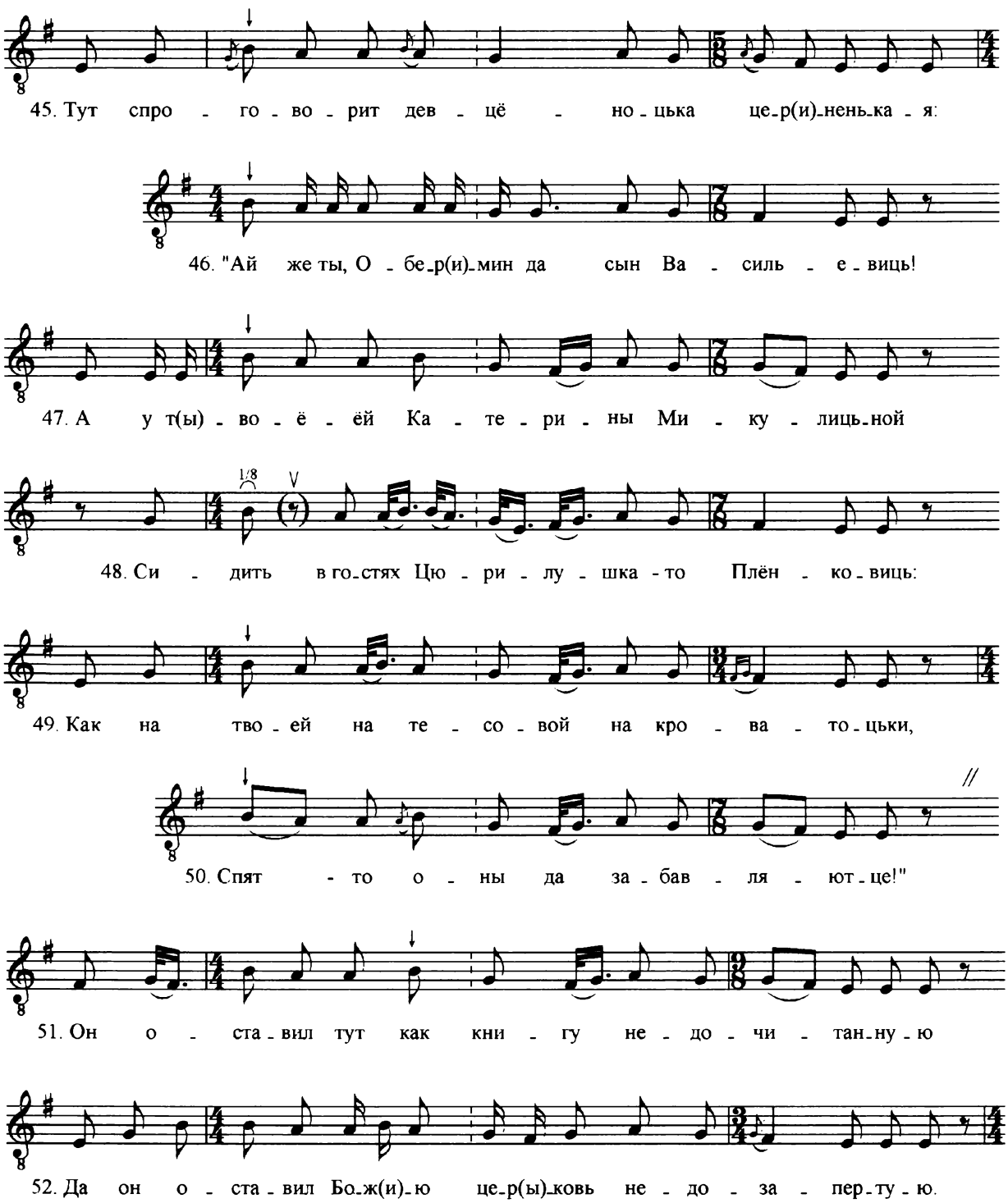

3. Толь-ко ви-де-ли в чи-стом да по-ле ку-рёв-ку,
4. При-за-ку-ри-лись пе-со-ци-ки жо-л(ы)-тень-ки-и.
5. Тут при-е-хал как к Ка-те-ри-ны Ми-ку-лиць-ны-(...)
6. О-бе-ра-ла тут Ка-те-ри-на Ми-ку-лиць-на,
7. Тут ко-р(и)-ми-ла (...)
8. "Ну, е-ш(и)-ко ты, пей, да Чу-ри-лин конь,
9. Я ить ни гля ра-ди те-бя да по-кло-ня-ю-се –
10. Ра-ди тво-ё-го хо-ро-шо-го хо-зя-(й)и-на!"
1/8

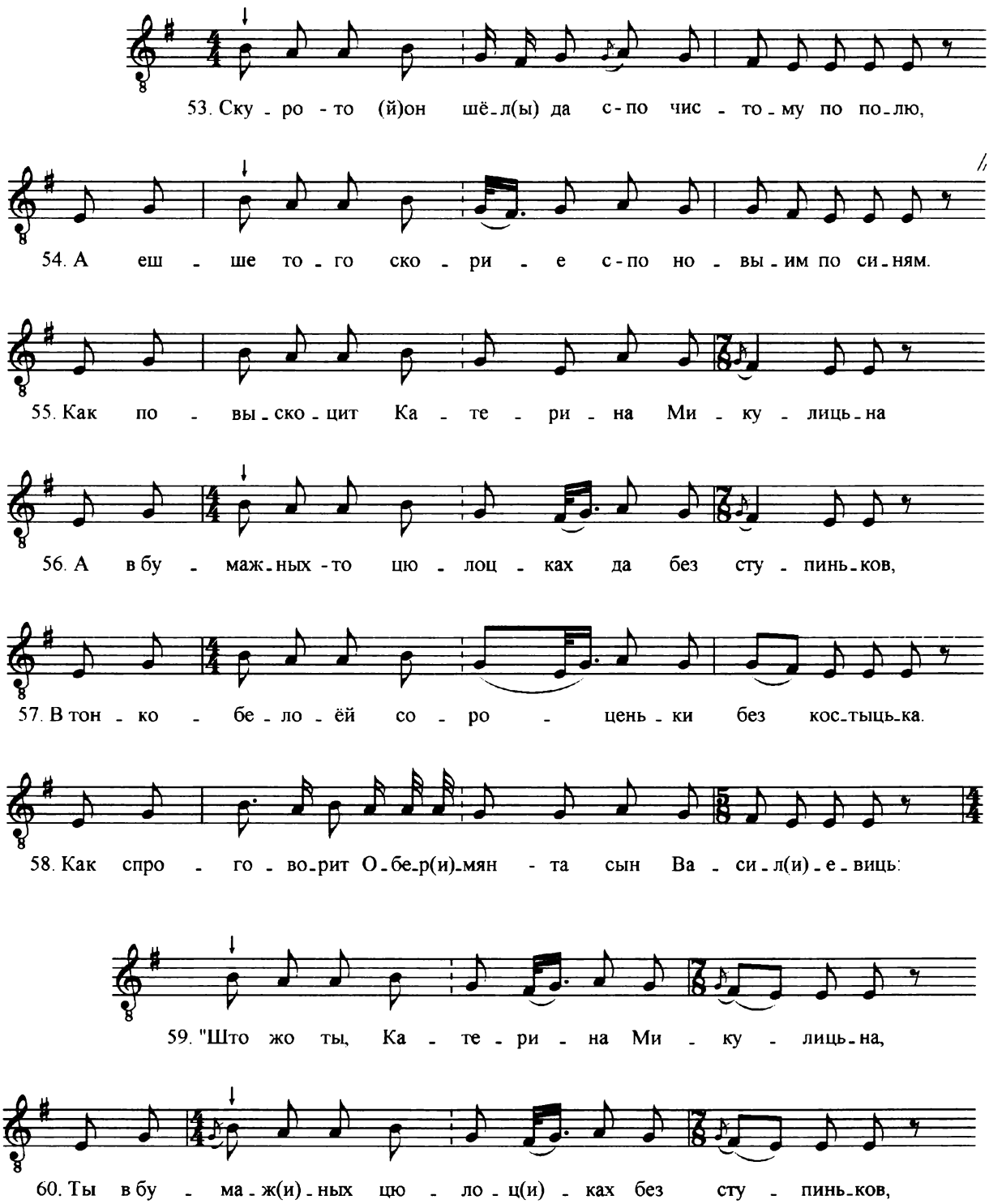

11. Вы - хо - ди - ла ту-т(ы) Ка - те - ри - на Ми - ку - лиць-на,
12. О - на ста - ви - ла сто - лы да всё ду - бо - вы -(й)и,
13. Рос - сте - ла - ла ска-те - рёт - ки тон-ко-б(ы) - ра - ны-(й)и.
14. Как спро - го - во - рит Ка - те - ри - на Ми - ку - лиць-на:
15. "Ста - нём, Цю - ри - лу - шка, во ша-шоць-ки и-г(ы)-рать!"
16. А уж как пер - во-й(и) раз сы - гра - ли — не о - бы - гры - ва - лись,
17. Уж как дру - гой раз сы-г(ы)-ра - ли – не о - ты - гры - ва-[лись.]
18. А про - го - во - рит Ка - те - ри - на Ми - ку - ли-цьна:
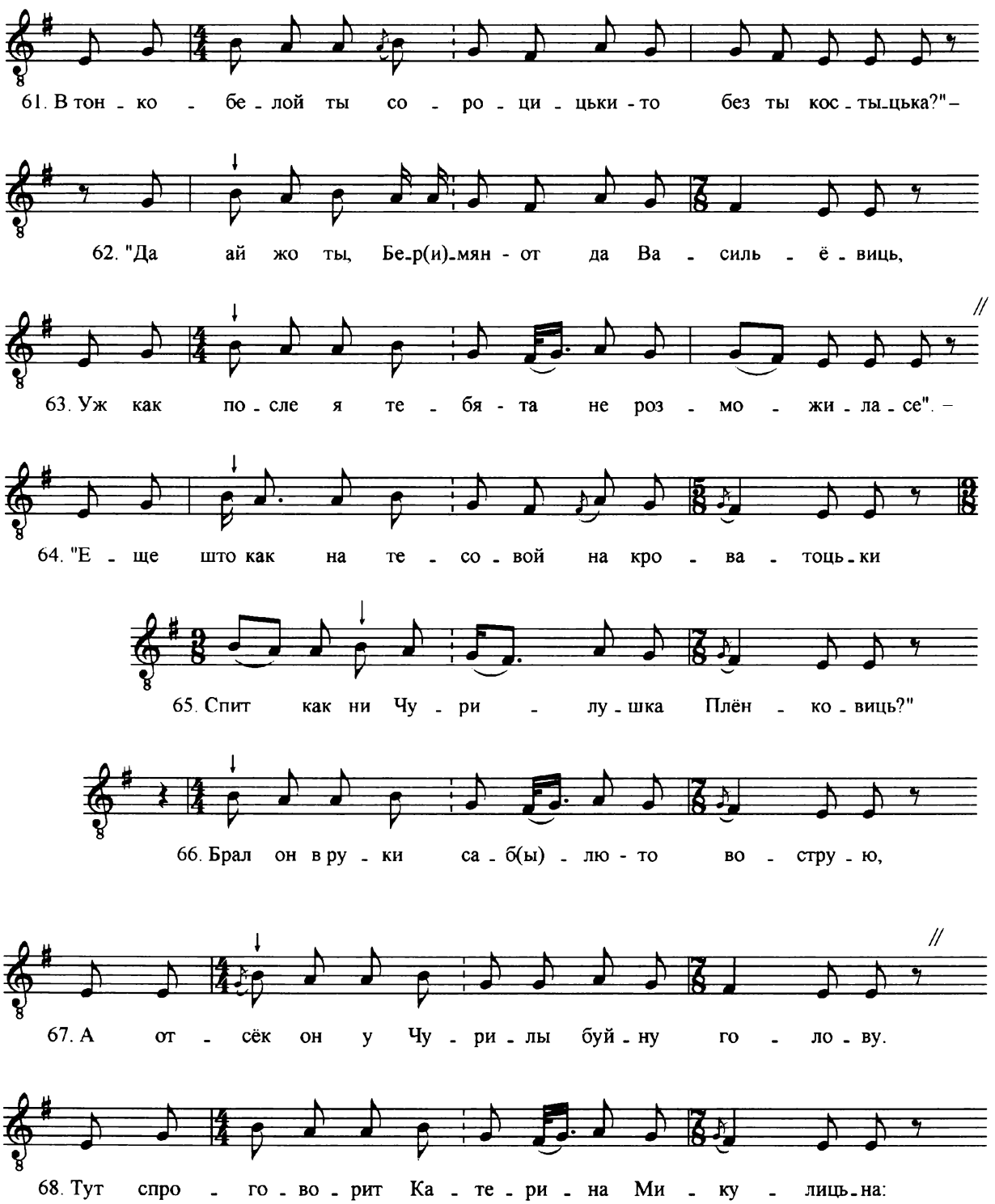

19. "Ай жо ты, Чу - ри - лу - шко Плё-н(ы)-ко-виць!
20. Еш - чё цёрт - от - то, Чу - ри-лу - шко, не ша - шо-цьки,
21. Лут - шо пой-дём - ко с Чу - ри-ло-й(и) на тё - со-ву на кро-вать,
22. На те - со - вой на кро - ват-ки по - за - ба - вим-се!"
23. А тут ска - за - ла как дев - цо - но-цько це-р(и)-нень-ка-я,
24. Дев - ка цёр-на-я, ци - ган-ка, цес - ци - ля - дин-ка:
25. "До - нё - су я те сло-ве-цю - шка Берь - мя - ну сы-ну,
26. Ай Бе-р(и) - мя - ну вот сы-ну да и Ва - си-л(и)-е-ви-цю!"
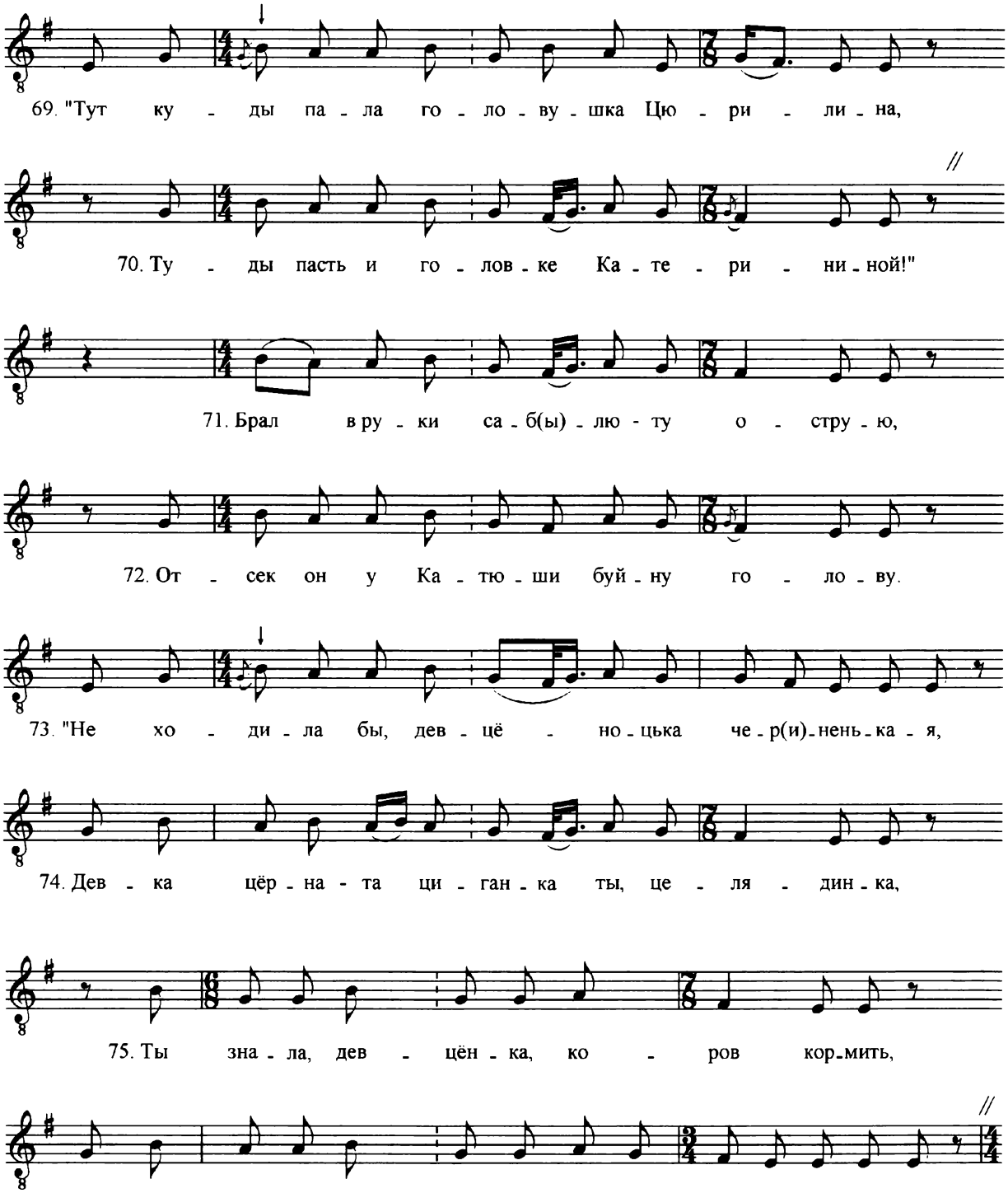

27. Ай спро - го - во - рит Цу - ри - лу - шка - то Плё - н(ы) - ко - виць:
28. "Да ай жо ты, дев - цё - но - цько це - р(и) - нень - ка - я,
29. Дев - ка цёр - на - я, ци - ган - ка цес - ци - ля - дин - ка,
30. Вот те - бе пол - ти - ну - шка на би - лу - шка,
31. Вот те - би на вто - ра - я - на ру - мя - ну - шка,
32. Вот ти - бе т(ы) - ре - тья - на ко - стыць ли са - ра - фан,
33. Вот ти - бе ша - понь - ка пу - ши - ста - я!" [...]
34. Да спро - го - во - рит Ка - те - ри - на Ми - ку - лиць - на:
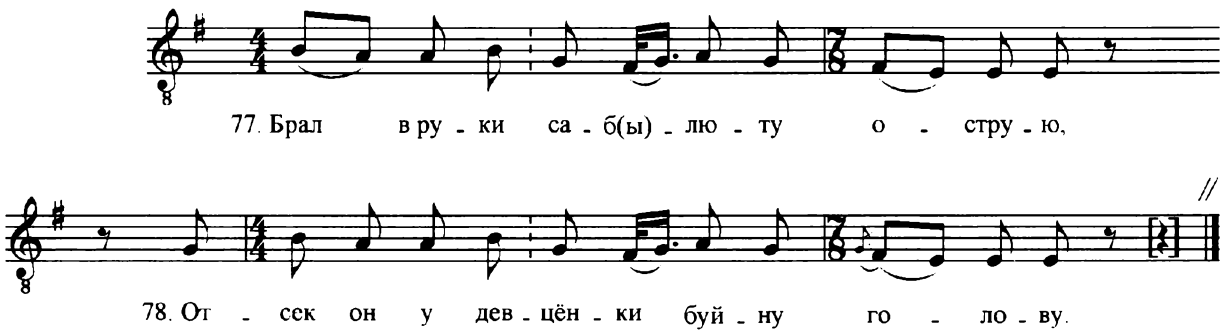

35. "Луч - ше е - ты - ю ты ша - понь - ку сам сно - си,
36. Луч - ше э - ты - и пол - ти - ну - шки ты мне - ка - ва от - дай!"
37. По - бе - жа - ла - та дев - цё - но - цько це - р(и) - нень - ка - я,
38. Дев - ка цер - на - я (...)
41. Уж как ско - ро о - на шла с-по но - вым - то си - ням,
42. Е - щё то - во ско - ри - е по ци - сто - му по по - лю,
43. Кла - ня - лась о - на да на три сто - ро - ны,
44. Ай Бер - мя - ну сы - ну да Ва - силь - е - ви - цю.

45. Тут спро - го - во - рит дев - цё - но - цька це-р(и)-нень-ка - я:
46. "Ай же ты, О - бе-р(и)-мин да сын Ва - силь - е - виць!
47. А у т(ы) - во - ё - ёй Ка - те - ри - ны Ми - ку - лиць-ной
48. Си - дить в го-стях Цю - ри - лу - шка - то Плён - ко - виць:
49. Как на тво - ей на те - со - вой на кро - ва - то-цьки,
50. Спят - то о - ны да за - бав - ля - ют-це!"
51. Он о - ста - вил тут как кни - гу не - до - чи - тан-ну - ю
52. Да он о - ста - вил Бо-ж(и)-ю це-р(ы)-ковь не - до - за - пер-ту - ю.

53. Ску - ро - то (й)он шё-л(ы) да с-по чис - то-му по по-лю,
54. А еш - ше то - го ско - ри - е с-по но - вы-им по си-ням.
55. Как по - вы-ско-цит Ка - те - ри - на Ми - ку - лиць-на
56. А в бу - маж-ных - то цю - лоц - ках да без сту - пинь-ков,
57. В тон - ко - бе - ло - ёй со - ро - цень - ки без кос-тыць-ка.
58. Как спро - го - во-рит О-бе-р(и)-мян - та сын Ва - си-л(и)-е-виць:
59. "Што жо ты, Ка - те - ри - на Ми - ку - лиць-на,
60. Ты в бу - ма-ж(и)-ных цю - ло - ц(и) - ках без сту - пинь-ков,

61. В тон - ко - бе - лой ты со - ро - ци - цьки - то без ты кос - ты-цька?" –
62. "Да ай жо ты, Бе-р(и)-мян - от да Ва - силь - ё - виць,
63. Уж как по - сле я те - бя - та не роз - мо - жи - ла - се". –
64. "Е - ще што как на те - со - вой на кро - ва - тоць - ки
65. Спит как ни Чу - ри - лу - шка Плён - ко - виць?"
66. Брал он в ру - ки са - б(ы) - лю - то во - стру - ю,
67. А от - сёк он у Чу - ри - лы буй - ну го - ло - ву.
68. Тут спро - го - во - рит Ка - те - ри - на Ми - ку - лиць-на:

69. "Тут ку - ды па - ла го - ло - ву - шка Цю - ри - ли - на,
70. Ту - ды пасть и го - лов - ке Ка - те - ри - ни - ной!"
71. Брал в ру - ки са - б(ы) - лю - ту о - стру - ю,
72. От - сек он у Ка - тю - ши буй - ну го - ло - ву.
73. "Не хо - ди - ла бы, дев - цё - но - цька че - р(и) - нень - ка - я,
74. Дев - ка цёр - на - та ци - ган - ка ты, це - ля - дин - ка,
75. Ты зна - ла, дев - цён - ка, ко - ров кор - мить,
76. Так не зна - ла, дев - цён - ка, чу - жих жё - н(ы) до - во - дить!"

Видли Овир(и)яна сына сядуци,
Ай не видели-то Плёнкова поедуци —
Только видели в чисто́м да поле ку́рёвку,
Призаку́рились песоцики жол(ы)тенькии.
Тут приехал как к Ката́рины Микулицьны ⟨...⟩
(Откуда-ка вы́тек он — приехал к Катерины Микулицьны?)
Оберала тут Ката́рина Микулицьна,
Тут кор(и)мила... (*Вот я забыла...*)
«Ну, еш(и)-ко ты, пей, да Чурилин конь,
Я ить ни гля́ ради тебя да поклоняюсе —
Ради тво́его хорошого хозя(й)ина!»
Выходила тут(ы) Ката́рина Микулицьна,
Она ставила столы да всё дубовы(й)и,
Росстелала скатерётки тонкоб(ы)раны(й)и.
Как спрого́ворит Ката́рина Микулицьна:
«Ста́нём, Цюрилушка, во шашоцьки иг(ы)рать!»
А уж как первой(и) раз сыграли — не обыгрывались,
Уж как дру́гой раз сыг(ы)рали — не отыгрыва[лись].
А прого́ворит Ката́рина Микулицьна:
«Ай жо ты, Чурилушко Плён(ы)ковиць,
Ешчё цёрт-от-то, Чурилушко, не шашоцьки,
Лутшо по́йдём-ко с Чурилой(и) на тёсо́ву на кровать,
На тесовой на кроватки позабавимсе!»
А тут сказала как девцоноцько цер(и)ненькая,
Девка цёрная, циганка цес-циля́динка:
«Донёсу́ я те словецюшка Берьмяну сыну́,
Ай Бер(и)мяну вот сыну да и Васил(и)евицю!»
Ай спрого́ворит Цурилушка-то Плён(ы)ковиць:
«Да ай жо ты, девцёноцко цер(и)ненькая,
Девка цёрная, циганка цес-циля́динка,
Вот тибе полтинушка на би́лушка,
Вот теби на́ вторая — на румянушка,

Вот тибе т(ы)ретья — на костыць ли сарафан,
Вот тибе шапонька пушистая!» ⟨...⟩
Да спрогóворит Катéрина Микулицьна:
«Лучше етыю ты шапоньку сам сноси,
Лучше этыи полтинушки ты мне-ка-ва отдай!»
Побежала-та девцёноцко цер(и)ненькая,
Девка церная ⟨...⟩
(*2 стиха неразборчиво*)
Уж как скоро она шла с-по новым-то синя́м,
Еще тово скори́е по цистому по полю,
Кланялась она да на три сто́роны,
Ай Бермяну сыну да Васильевицю.
Тут спрогóворит девцёноцька це́р(и)ненькая:
«Ай же ты, Обер(и)мин да сын Васильевиць!
А у т(ы)во́ёёй Катéрины Микулицьной
Сидить в гостях Цюрилушка-то Плёнковиць:
Как на тво́ей на тесовой на кроватоцьки,
Спят-то оны да забавляютце!»
Он оставил тут как книгу недочитанную
Да он оставил Бож(и)ю цер(ы)ковь недозапертую.
Скуро-то (й)он шел(ы) да с-по чисто́му по полю,
А ешше́ того скори́е с-по новы́им по синя́м.
Как повыскоцит Катéрина Микулицьна
А в бумажных-то цюлоцках да без сту́пиньков,
В тонкобелоёй сороценьки без костыцька.
Как спрогóворит Обер(и)мян-та сын Васил(и)евиць:
«Што жо ты, Катéрина Микулицьна,
Ты в бумаж(и)ных цюлоц(и)ках без ступиньков,
В тонкобелой ты сороцицьки-то без ты костыцька?» —
«Да ай жо ты, Бер(и)мян-от да Васильёвиць,
Уж как после я тебя-та не розмо́жиласе». —
«Еще што как на тесовой на кроватоцьки
Спит как ни Чурилушка Плёнковиць?»
Брал он в руки саб(ы)лю-то вострую,
А отсек он у Чурилы буйну голову.
Тут спрогóворит Катéрина Микулицьна:
«Тут куды пала головушка Цюрилина,
Туды пасть и головке Катерининой!»
Брал в руки саб(ы)лю-ту острую,
Отсек он у Катюши буйну голову.
«Не ходила бы, девцёноцка чер(и)ненькая,
Девка цёрна-та циганка ты, целя́динка,
Ты знала, девцёнка, коров кормить,

Так не знала, девцёнка, чужих жён(ы) доводить!»
Брал в руки саб(ы)лю-ту острую,
Отсек он у девцёнки буйну голову.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ (№ 397—415)

№ 397

О МЛАДОМ СОЛОВЬЕ СЫНЕ БУДИМИРОВИЧЕ

Лесы темные, подходили леса ко городу Смоленскому,
Горы-то высокие Сорочинские,
Чисты поля подходили ко городу ко Обскому,
Мхи да болота ко Белу-озеру,
Реки-озера ко синю морю.
Была как тут матушка Волга-река —
Широка и долга она,
Прошла она мимо Казань, Рязань и мимо Астрахань,
Выпадала она устьем во сине море,
Во море [синее], во Турецкое.
За того ли моря, моря за Турецкого,
С-под того ли-то дуба, дуба сы́рого,
Из-под того ли-то вяза, вяза черного,
Из-под той-то было березы кудреватыя,
Из-под того креста Леванидова,
Из-за того ли было острова Кодольского,
Той-то Земли Веденецкие
Плыло-выплывало три ка́рабля,
Три карабля да три черные.
Всем карабли изокрашены:
Нос да корма по-звериному была,
А бока-те были по-туриному,
Якори-кодолы все серебреные;
Тонкие паруса дорогой камки,
Дорогой камочки кручатыя;
Еще было на караблях чернеными:
Вместо рук было белое повешено,
По дорогу по заюшку заморскому;
Вместо личика повешено
По дорогой лисицы по заморския;
Вместо оцей было врощено
По дорогу по соколу заморскому пролетному;
Вместо бров было повешено

По дорогу по соболю заморскому;
Вместо лба было врощено
По дорогу камешечку самоцветному;
Вместо кудрей было повешено
По дорогому бобру по заморскому.
Еще было на карабле черненьем:
Поделаны чердачки помуравлены,
В чердачках были беседочки сидельные,
Обиты были лисицами-куницами заморскими
И черными соболями заморскими.
На этих беседочках сидельныих
Сидел тут млад Соловей,
Млад Соловей Будимирович,
По правую по рученьку сидела
Свет его государыня матушка,
Честна вдова Ульяна Григорьевна,
А по левую рученьку сидела
Дружина его хоробрая —
Триста молодцев со единыим,
Молодец да молодца лучше,
Молодцы все переборные.
У всей дружины хоробрыя
На ножках сапожки зелен сафьян,
Пряжечки серебрены на тех гвоздочках позолоченых:
Около пяты да воробей летит,
Около носа яйцом катить;
У всех надето платье скурлат-сукна,
На головках шапочки черно-мурманки.
Идут-бежат эти караблечки
Ко стольному городу ко Киеву
Ко солнышку князю Владимеру.
Говорил как млад удалой Соловей
Своей дружине хоробрыя:
«Ай же вы, дружина хоробрая!
Вы делайте дело повеленое,
Вы слушайте большого атамана:
Берите-ка щупалы железные,
Вы железные да долгомерные,
Щупайте во славном во синем мори́,
Во мори́ да во Турецкоем,
Нет ли злата, либо серебра,
Либо мелкого скачного жемчуга».
Тут поскочила дружина хоробрая,

Поскочила на резвы ноги,
Как брали они щупала железные,
Железные да долгомерные,
Щупали во славноем во синем мори́,
Во мори́ во Турецкоем —
Не могли они нащупать ни золота, ни серебра,
Ни мелкого скачного жемчуга.
Опять как говорил млад Соловей
Своей дружине хоробрыя:
«Ай же вы, дружина хоробрая!
Вы делайте дело повеленое,
Вы слушайтесь большого атамана:
Вы берите трубочки подзорные,
Глядите-тко на славный на город на́ Киев,
Далеко ли стоит славный город Киев?»
Тут дружина хоробрая
Брали трубочки подзорные,
Выставали на реи да верховные,
Глядели на славный на стольный на город на́ Киев,
Говорят сами таковы слова:
«Ай же ты, млад Соловей сын Будимирович!
Недалеко стоит славный город Киев».
Как подъехали ко городу ко Киеву,
Становили свои черные карабли
Во пристань во купеческу.
Говорил как млад Соловей
Своей дружинушки́ хоробрыя:
«Ай же вы, дружина хоробрая!
Делайте дело повеленое,
Слушайте большого атамана:
Берите-тко золоты ключи,
Отмыкайте кованы лачи,
Насыпайте-тко первую мису красного золота,
Насыпайте другую чистого серебра,
Насыпайте другую мелкого и крупного
Скачного жемчуга,
Берите-ка сорок сороков — сорок черных соболей,
Куниц да лисиц — да и счету нет,
Гусей-лебедей — да и сметы нет,
Мечите-ко три сходенки́ на крут крежок:
Первую сходенку красного золота,
Другую сходенку чистого серебра,
Третью сходенку медную».

По той как по сходенки́ красного золота
Выходил как млад да удал Соловей,
Удал Соловей сын Будимирович;
По той как по сходенки́ чистого серебра
Выходила его свет-государыня матушка,
Честна вдова Ульяна Григорьевна;
По той как по сходенки по медныя
Выходила его вся дружина хоробрая.
Пошли они по славному по городу по Киеву,
Идут они к солнышку князю Владимеру на широк двор,
На широк двор да княженецкиий.
Как оставил одну половину на том дворе княженецкоем,
Со другой пошел в его полаты белокаменны.
Приходил как в полаты белокаменны,
Крест-то сполна кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Как клонится на все четыре стороны,
Солнышку-князю с княгиней Апраксией в особину,
Молодой Любавы Путятичной в особину,
Протчим всем князям, генералам в особину.
Дарил как он солнышку-князю мису красного золота,
Дарил княгиню Апраксию мису чистого серебра,
Дарил молодой Любавы Путятичной
Мелкого и крупного скачного жемчуга,
Дарил он вместях камочку кручатую,
Которая камочка в красном золоте не́ гнется,
В чистом серебре не ломится,
Не дорого на ней красное золото да чистое серебро,
Сколько дорого на ней — манеры, узоры заморские —
Нет таковых во Киеве и не водится.
Дарил протчих князей да бояринов
Он лисицами да куницами заморскими,
Черными соболями да заморскими,
Гусями-лебедями заморскими.
Говорил как солнышко Владимер-князь:
«Ай же ты, удалый добрый молодец!
Не знаю я, ты с коей земли, ты с коей орды,
Коего отца, какой матушки,
Как тебя, молодца, именем зовут?
За твои-то за дороги подарочки
Чем, не знаю, тебя жаловать?»
Тут говорил млад Соловей таковы слова:
«Ай же ты, солнышко Владимер-князь,

Владимер-князь стольно-киевский!
Я из той Земли, из богатой Орды,
Я из-за славного из-за синя моря,
Того ли я острова Кодольского,
Той Земли Веденецкия
Есть млад Соловей Будимирович.
Приехал я к вашему ко городу ко Киеву.
Ай же ты, солнышко Владимер-князь!
Дай-ка ты мне местечка немножечко
Состроить три терема златоверхие!»
Говорил как солнышко Владимер-князь:
«Ай же ты, млад Соловей сын Будимирович!
За твои за дороги подарочки
Одно место — позади меня,
Друго место — впереди меня,
Третье место — возле меня,
А четвертое место — где тебе хочется;
Что ты знашь, то и выстраивай».
Как тут млад Соловей сын Будимирович
Пошел вон с полат белокаменных.
Приходил как он на широк двор,
Потом шел на те черные на карабли,
Сам говорил таковы слова
Своей дружине хороброй-то:
«Ай же вы, дружина хоробрая!
Делай дело повеленое,
Слушайте большого атамана:
Розувайте сапожки зелен сафьян,
Обувайте сапожки рабочие,
Скидывайте платья скурлат-сукна,
Надевайте кожаны лосиные,
Вы снимайте шапки черно-мурманки,
Надевайте шапки рабочие,
Берите топорики булатные,
Бежите на тую горку на Конную,
Во тот ли сад во Путятичной,
Где пироги пекут, блины продают,
Где маленьки ребятки барышничают.
Колоды-пенье вы повырубите,
На все стороны вы повыбросайте,
К утру, к свету сделайте
Три терема златоверчатые,
Состройте со сенями со нарядными:

Первы сенички решетчатые,
Другие сенички стекольчатые,
Третьи сенички красного золота,
Около сделайте булатный тын,
По середочки́ сделайте гостиный двор:
Чтобы к утру, к свету нам жить перейтить».
Тут они скидывали сапожки зелен сафьян,
Одевали сапожки рабочие,
Скидывали платья скурлат-сукна,
Надевали кожаны лосиные,
Вынимали они шапочки черно-мурманки,
Надевали они шапки рабочие,
Брали топорики булатные,
Бежали на ту гору на Конную,
Во тот ли сад во Путятичной,
Где пироги пекут, блины продают,
Где маленьки ребятки барышничают.
Они колоды-пенье все повырубили,
На все они стороны повыбросали,
К утру-свету сделали три терема златоверхие,
Состроили со сенями со нарядами:
Первы сенички решетчатые,
Другие сенички стекольные,
Третьи сенички красного золота,
Около сделали булатный тын,
По середочки сделали гостиный двор.
Поутру по раннему вставала молодая Путятична,
Глядела в окошко косивчатое
На свою на горку на Конную,
Сама так тому чуду счудовалася,
Что «вечо́р было на горки́ пустым-пусто,
Ныне на горки́ густым-густо!»
Как одевала одне тоненьки чулочки без чеботов,
Надевала один дорогой накидничок,
Подвязалася она платком шелковым,
Брала она свою любезную подручницу,
Бежала она на тую горку на Конную,
В свой ли во сад во любезныий.
Как у первого терема послухала,
У тех си́ничек решетчатых —
Там шепотком говорят, Богу молятся:
Богу молится Соловьина да матушка;
У другого терема послухала,

У тех си́ничек у стекольчатых —
Там с конца бренчат золоту казну:
Считывают золоту казну Соловьи́ную;
У третьего терема послухала,
У тех си́ничек позолоченых —
Там идут забавы-утехи все великие.
Как она заходила в тот терем златоверхие —
Ай же, тут в углу говорят, в другом гомонят,
На середки́ идут утехи-забавы великие.
Так она не малтала Господу Богу помолитися,
На все стороны поклонитися:
У ней как с ж⟨опы⟩ прошло и в голянищо протекло.
Как тут увидел млад Соловей сын Будимирович,
Увидел Любаву Путятичну,
Поддергивал как ей золот стул:
«Садись-ка, молода Любава Путятична,
Садись-ка на золот стул!»
Как она садилась на золот стул,
Как сама говорит таковы слова:
«Ай же, млад Соловей сын Будимирович!
Женат ли ты или холост есть?
Возьми ты меня во замужество!»
Как тут говорил млад Соловей таковы слова:
«Ай же, молодая Любава Путятична!
Взял бы тебя, Любава, во замужество,
Всем ты, Любава, во любовь пришла,
Однем ты, Любава, не в любовь пришла:
Сама себя, Любавушка, просватываешь!»
Тут-то Любавушки́ стыдно стало.
Вставала она да на резвы ноги,
Господу Богу не молилась,
Им, молодцам, не клонилась,
Взад с терема поворотилась,
Пошла как в свои полаты белокаменные.
Тут как млад Соловей сын Будимирович
Пошел как ко солнышку князю Владимеру,
Приходил ко князю Владимеру,
Крест клал по-писаному,
Поклоны вел по-ученому,
Кланялся на все четыре стороны,
Князю с княгиней Апраксией в особину,
Молодой Любавы Путятичной в особину,
Сам он садился на ременчат стул,

Сам он говорил таковы слова:
«Ай же ты, солнышко Владимер-князь!
Я приехал к вам о добром деле — о сватовстве
На молодой Любавы Путятичной».
Говорит как солнышко Владимер-князь:
«Ай же, молодой Соловей сын Будимирович!
Всем ли тебе Любава во любовь пришла?»
Говорил млад Соловей таковы слова:
«Всем мне Любава во любовь пришла,
А одним-то Любава не в любовь пришла,
Что сама себя Любавушка просватывала».
Столько у них было и сватовства.
Тут честным пирком да свадебку,
Пошел у них столованье — почестный пир.
Тут как солнышко Владимер-князь
Ради любезныя племянницы,
Молодой Любавы Путятичной,
Забирал столованье — почестный пир
Многих князей да бояринов, сенаторов думныих,
Вельмож-купцов богатых, поляниц удалыих,
Россейских могучих богатырей,
Как тут сбирал да почестный пир.
Как пошел столованье — почестный пир,
Все на пиру напивалися,
Все на почестном наедалися,
Все похвальбам похвалялися.
Кто чем хвастает, кто чем да похваляется:
Инный хвастает несчетной золотой казной,
Иной хвастат силой-удачей молодецкою,
Иной хвастат добрым конем,
Иной хвастат славным отечеством,
Иной хвастат молодым молодечеством,
Умный-разумный старым батюшком,
Старым батюшком и старой матушкой,
Безумный дурак хвастат молодой женой.
Тут-то млад Соловей сын Будимирович
Не венчался во славном во городе во Киеве,
Поехал в свою Землю Веденецкую
На тех-то на черных на ка́раблях,
Провожал его солнышко Владимер-князь,
Надарил его красным золотом, чистым серебром,
Мелким скачным жемчугом.
Дунай, Дунай, боле век не знай!

№ 398

О СОЛОВЬЕ БУДИМИРОВИЧЕ

А мхи были болота в Поморской стороны,
А тая-эта зябель в подсиверной стороны,
Гольныя щелья в Белуозеру,
А темные леса смоленские,
Широки ворота чигиринские,
Не хороши сарафаны по Моши по реке.
Из-под дуба, дуба, дуба сы́раго,
Из-под того камешка ⟨и⟩з-под яхонта
Выходила-выбегала мати Волга река,
Устьем бежит-то в сине море,
Во то во сине море во Турецкое.
На той ли на матушке на Волге-реке
Бежало бежит тридцать три корабля,
Тридцать три корабля бежит без одного.
Один-то кораблю лучше-краше всех:
В том корабле было написано,
На том на корабле напечатано —
Нос-от написан по-змеиному,
А корма-то была по-звериному,
А бока сведены по-туриному,
Кодолы-канаты были шелковые,
Паруса-то были из семи шелков,
Мачты-то, коржины позолочены.
И на том кораблю млад сидит Соловей,
Млад сидит Соловей сын Будимирович
Со своею со родною со матушкою,
Со своима со дружинамы с хоробрыма.
Говорит он, промолвит таково слово:
«Ай же вы, братцы, дружинушка хоробрая,
Хоробрая дружина Соловьевая!
А слушайте-ка большаго атамана:
Взимайте-ка шестики мерные,
Намеряйте-ка луды морския,
Как бы нам, молодцам, мимо проехати,
Не попасть бы на луды морския».
Как его ль дружинушка хоробрая,
Хоробрая дружина Соловьевая,
Слушали они большаго атамана,
Взимали шестики мерные,

Меряли луды морския,
Ехали мимо, проехали.
Опять Соловей сын Будимирович
Говорит-промолвит таково слово:
«Ай же вы, братцы, дружина хоробрая,
Хоробрая дружина Соловьевая!
Слушайте-ка большаго атамана:
Взимайте-ка трубоньки подзорния,
Глядите-смотрите славен Киев-град,
Чтобы нам, братцы, попасть было
В тую ли пристань корабельную,
Под той ли под славен Киев-град».
Тут его дружинушка хоробрая,
Хоробрая дружина Соловьевая,
Слушали они большаго атамана,
Взимали трубоньки подзорния,
Глядели-смотрели славен Киев-град,
Ехали молодцы, приехали,
Попали во пристань корабельную.
Говорит он, промолвит таково слово:
«Ай же вы, братцы, дружинушка хоробрая,
Хоробрая дружина Соловьевая!
Слушайте-ка большаго атамана:
Взимайте первую сходенку волжаную,
Другую сходенку серебряну,
Третью сходенки красна золота,
Кидайте сходенки на крут бережок:
А по волжаной сходенке вам итти —
Всем моим дружинушкам хоробрым
Хоробрым дружинам Соловьевыим,
А по серебряной сходенке — матушке моей,
Матушке итти Соловьевоей,
А по золотой по сходенке — мне-ка-ва итти,
Итти млад-Соловью сыну Будимирову».
Тут его дружинушка хоробрая,
Хоробрая дружина Соловьевая,
Они слушали большаго атамана,
Взимали первую сходенку волжаную,
Другую сходенку серебряну,
Третью сходенку красна золота,
Кидали сходенки на крут бережок.
Млад Соловей сын Будимирович
Взимает он подарочки небольшинькие:

Сорок сороков черных соболе́й,
На мелкого зверя и сметы нет,
А взимает флаки заморской камки,
Заморския камочки золоченыя,
Положил камочки на блюдечко,
На тыё на блюдо золоченое,
Пошел-то он ко князю Володимиру,
С тыма со подаркамы великима.
Приходят к князю Володимиру,
Ко него палатам белокаменным.
Млад Соловей сын Будимирович
Заходил во гридню во столовую,
Он крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
На все на ⟨три⟩ на ⟨четыре⟩ на сторонки покланяется,
Стольному князю в особину,
Здравствует князя со княгиною:
«Здравствуешь, князь стольно-киевский
Со своей княгиной со Опраксою,
Со своей любимой племянницей,
Молодой Любавушкой Запавичной!»
Проговорит Владимир стольно-киевский:
«Здравствуй, удаленький добрый молодец!
Не знаю я тебе ни имени, ни изотчины:
Царь ли ты есть, царевич ли,
Али король ты есть, королевич ли,
Али с тиха ты Дону лихой казак,
Али грозный посол ляховецкий был?»
Он говорит-промолвит таково слово:
«Не царь я есть, не царевич был,
Не король я есть, не королевич был,
Не из тиха Дона лихой казак,
Не грозный посол ляховецкий был,
А есть со славнаго синя моря
Млад Соловей сын Будимирович».
Тут-то здоровье оны сдияли.
Млад Соловей сын Будимирович
Давает ему подарочки великие
И стольныя княгины Опраксие.
Стольная княгина Опраксия
Принимает эты подарочки великие,
Принимать принимает, восхваливает:
«Нет такой камки зде в Киеве,

Нет такой камки, и не бывать такой,
Не бывать-то камочки золоченыя».
Князь-от Владимир стольно-киевский
Говорит-промолвит таково слово:
«Ах ты, млад Соловей сын Будимирович!
Чем-то мне-ка тебя жаловати
За эты за подарки за великие?
Города ль тебе надоть с пригородкамы,
Села тебе надоть со приселкамы
Али много надоть золотой казны?»
Он говорит-промолвит таково слово:
«Не надоть мне городов с пригородкамы,
Не надоть и сел со приселкамы,
Да не надоть мне и бессчетной золотой казны:
Есть у меня своей долюби.
А столько ты позволь мне-ка
Поставить три терема златоверхиих
Середь города, середь рыночка,
Где маленьки ребята сайки продают,
Продают сайки, барышничают».
Говорит тут князь таково слово:
«Ах ты, млад Соловей сын Будимирович!
Куда знаешь, туда ставь-ка ты».
Тут скоро Соловей поворот держал,
Приходил он к дружинушке хороброей,
Хороброей дружины Соловьевоей,
Опять говорит-промолвит таково слово:
«Братцы, дружинушка хоробрая,
Хоробрая дружина Соловьевая!
Слушайте меня, большаго ата́мана:
Скидывайте с себя платьица цветныя,
Надевайте на себя платьица лосиныя,
Лосиныя платьица, звериныя».
Тут-то дружинушка хоробрая
Скидывали с себя платьица цветныя,
Надевали платьица лосиныя,
Лосиныя платьица, звериныя.
Опять говорит-промолвит таково слово:
«Взимайте-ка топорики булатние,
Секите дубья-то, колодья-то,
Поставьте-ка середь города, середь рыночка
Три терема поставьте златоверхиих,
Чтобы верхи с верхамы свивалися,

Чтобы к утру, к свету туда жить перейти».
Тут его дружинушка хоробрая
Взимали топорики булатние,
Секли дубья-то, колодья-то,
Мелки кусточки вон вырыли,
Ставили три терема златоверхиих,
Что верхи с верхамы свиваются,
Чтобы к утру, к свету тут жить перейти.
Перешел Соловей Будимирович,
Перебрался с дружинушкой хороброей,
Со своею со родною со матушкой.
У того у князя Владимира
Была любимая племянница,
Молода Любавушка Запавична.
Взимала она трубоньку подзорнюю,
Усмотрела в трубоньку три терема златоверхиих,
Приходила ко родимому ко дядюшке
И говорит-промолвит таково слово:
«Ай же ты, любезный мой дядюшка!
Дай-ка мне прощеньице-благословеньице
Мне сходить прогуляться красной девушке
По стольному по городу по Киеву».
Тут князь Владимир стольно-киевский
Дал ей прощеньице-благословеньице
Прогуляться по городу по Киеву,
Дал ей нянек и мамушек,
Тых ли верных служаночек.
Пошла прогуляться красна девушка,
Гуляла по городу по Киеву,
Пришла к трем теремам златоверхиим.
Ко первому-то терему подходит она —
В том терему шопотком говорит:
Тут Соловьевая матушка Богу молится.
Ко другому терему подходит она —
В том терему стук да грем:
Тут-то Соловьевая дружинушка
Считает бессчетну золоту казну
Млад Соловья сына Будимировича.
Ко третьему терему подходит она —
Тут-то в терему скачут-пляшут,
Песни поют, в гусли наигрывают:
Тут-то млад Соловей сын Будимирович
Со своей дружинушкой хороброей;

Он сидит, Соловей, на стуле черленоем,
На черленоем стуле золоченоем,
Играет молодец, забавляется
Со своима дружинамы хоробрыма,
Хоробрыма дружинамы Соловьевыма.
Подходит она, красна девушка,
Подходит к нему поблизешенько,
Поклонилась ему понизешенько:
«Здравствуешь, млад Соловей сын Будимирович!» —
«Здравствуешь, красна девушка,
Молода Любавушка Запавична!»
Говорит она промолвит таково слово:
«Млад Соловей сын Будимирович!
Ты возьми-тко меня, красну девушку,
Ты возьми-тко меня за себя замуж». —
«Ты всем мне, девушка, в любовь пришла,
Одным ты мне, девка, не в любовь пришла:
Сама ты себя, девушка, просватываешь,
А тебе бы, девушке, не эдак бывать,
Не так бывать девушке — дома быть,
Ино дома быть, вода носить,
Коров поить, телят кормить».
С того со стыда со великаго
Скоро она поворот держит,
Поворот держала и домой бежала.
Тут млад Соловей сын Будимирович
Скоро он справлялся, добрый молодец,
Пришел-то он сватом большиим
К стольному ко князю ко Владимиру,
Садился он в большо место,
Говорит-промолвит таково слово:
«Ай же ты, князь стольно-киевский!
Есть у тя любимая племянница,
Молода Любавушка Запавична,
Отдай-ка ю, повыдай за меня замуж!»
Тут-то князь Владимир стольно-киевский
Просватал ю, красну девушку,
Свою-то любимую племянницу.
И шли оны во церкву во Божию,
Принимали оны златы венцы.
Млад Соловей сын Будимирович
Скоро он сбирался на корабли
Со своима припасамы великима,

Со своима теремамы златоверхима,
Садился он, молодец, на корабли,
Отправлялся назад в свою сторону,
Уехал-уезжал он добрый молодец,
Стал там жить да быть, семью сводить,
Семью сводить, детей наживать.

№ 399

О СОЛОВЬЕ БУДИМИРОВИЧЕ

Из-за славнаго синя моря Волынскаго,
Из-за того Кодольскаго острова,
Из-за того лукоморья зеленаго
Выбегало — бежит тридцать кораблей,
Тридцать кораблей со единым:
Единый кораблик передом бежит,
Передом бежит, как сокол летит;
Высоко его головка призаздынута,
Нос-корма была по-звериному,
А бока сведены по-туриному,
Того ли тура заморскаго,
Заморскаго тура литовскаго;
На том на черленом на корабле
Были паруса-флаги крупчатой камки,
Снасти и кодолы были шелковыя,
Того ли были шелку шемаханского,
Якори-то были булатние,
Булат-железа сибирского,
Сибирского железа, поморского;
На том ли черленом на корабле
Спереди корабля стоит зелен чердак,
Зелен чердак муравленый,
Во том ли зеленом во чердаке
Потолок обит черным бархатом,
Стены покрыты черным соболем,
Изнавешан зелен чердак
Куницами и лисицами
Печерскима и сибирскима,
Ушистыма и пушистыма.
Во том ли зеленом во чердаке
Сидел млад Соловей сын Будимирович

Со своей государыней со матушкою,
Со молодой Ульяной Васильевной.
Играет Соловей в звончаты гусли,
Струнку к струночке натягивает,
Тонци по голосу налаживает,
Тонци он ведет от Нова города,
А другие ведет от Еросолима,
И все малые припевки ⟨из⟩-за синя моря,
За синяго моря Волынскаго,
Из-за того Кодольского острова,
Из-за того лукоморья зеленаго
Звеселяет государыню он матушку,
Молоду Ульяну Васильевну.
Скоро выходит на черлен корабль,
Стал по кораблю похаживать,
Желтыма кудеркамы потряхивать,
Сам говорит таковы слова:
«Братцы вы, дружинушка хоробрая!
Слушайте большаго атамана,
Делайте дело повеленое:
Скоро подымайте паруса крупчатые,
Побегайте ко славному ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю ко Владимиру».
Тут-то братцы, дружина хоробрая,
Слушали большого атамана,
Делали дело повеленое:
Скоро подымали паруса крупчатые,
Побегали ко славному ко городу ко Киеву,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру.
Скоро будет Соловей Будимирович
У славного у города у Киева,
Сам он по кораблю похаживает,
Желтыма кудеркамы потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
«Братцы, дружинушка хоробрая!
Слушайте большаго атамана,
Делайте дело повеленое:
Скоро тычки втыкайте в круты берега,
Кидайте якори булатние,
Приставайте во пристань корабельную,
Кидайте-ка вы три сходенки:
Первую кидайте — волжаную,
Другую сходенку — серебряну,

Третью сходню — позолоченую».
По тыя по сходенке по волжаной
Сходит дружина Соловьевая,
По тыя по сходенке серебряныя
Сходит Соловьевая матушка,
По этой по сходне позолоченой
Сходит сам Соловей Будимирович.
Сам он по сходенке похаживает,
Желтыма кудеркамы потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
«Братцы вы, дружинушка хоробрая!
Слушайте большаго атамана,
Делайте дело повеленое:
Скоро берите золоты ключи,
Скорее отмыкайте кованы ларцы,
Берите вы мису чиста серебра,
Другую мису красна золота,
Третью мису скатна жемчуга,
И берите камочку двуличневу:
В злате камочка не изъянится,
В серебре камочка не рассыплется,
Жемчугом камочка изнасажена.
Выходите из черленаго из корабля,
Ступайте во славен в Киев-град
Ко ласкову князю Владимиру на широк двор».
Будут во городе во Киеве
Вся его дружинушка хоробрая,
И сам млад Соловей Будимирович
Со своею государыней со матушкой,
С молодой Ульяною Васильевной.
Встречает его князь с унижением,
Его государыню матушку,
Молоду Ульяну Васильевну,
И всю его дружинушку хоробрую,
Принимает во любимо в гостебьице.
Млад Соловей сын Будимирович
Придверников, приворотников
Дарил Соловей чистым серебром,
Князя дарил золотой казной,
Княгину дарил двуличной камкой.
Этая камочка во люби пришла
К молодой княгины ко Апраксии,
Воспроговорит княгина таково слово:

«Солнышко, князь стольно-киевский!
Умей молодца честить-поить,
Умей молодца чем пожаловать:
Сади за столы за дубовые,
Поставляй емуества сахарния,
Составляй питья медвяныя,
С его государыней со матушкой,
Молодой Ульяною Васильевной,
И со своей дружиною хороброю».
Владимир-князь стольно-киевский
Честил-поил Соловья сына Будимировича,
Садил его за столы за дубовые,
Поставлял ему ества сахарния,
Составлял питья медвяныя,
С его государыней со матушкой,
Молодой Ульяною Васильевной,
И со всей его дружиною хороброю.
Отходил Соловей сын Будимирович,
Отходил от стола он дубоваго
И пошел по гридне похаживать,
Желтыма кудеркамы потряхивать,
Сам говорил таково слово:
«Солнышко, князь стольно-киевский!
Дай-ка мне места малешечко
Во тоем саду во Забавином,
Где пряники пекут, калачи продают,
Где малые ребята барышничают,
Выстроить мне три терема,
Три терема — золоты́ верхи,
Со троима нарядныма сенямы,
Чтобы к утру, к свету мне жить перейти».
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Млад Соловей сын Будимирович!
Строй терема, где тебе полюби,
Во моих садах во зеленых,
Во зеленых садах княженецкиих». —
«Благодарствуешь, Владимир стольно-киевский,
На твоей почестке княженецкия!»
Тут Соловеюшко Будимирович,
Скоро Соловеюшко поход чинил
Со тоя гридни со столовыя,
Со того двора со княженецкаго
Со своею государыней со матушкой,

Со своей дружиной со хороброю
На свои черленые на корабли.
Тут млад Соловей Будимирович
Приходит на свои черлены на корабли,
По черлену кораблю похаживает,
Желтыма кудеркамы потряхивает,
Сам говорит таково слово:
«Братцы, дружинушка хоробрая!
Слушайте большаго атамана,
Делайте дело повеленое:
Скидывайте кафтанчики скурлат-сукна,
Надевайте кафтанчики рабочие,
Разувайте сапожки зелен сафьян,
Обувайте сапожки рабочие,
Берите топорики булатние,
Ступайте вы в Забавин сад
На тое место на порядное,
Где пряники пекут, калачи продают,
Где малые ребята барышничают.
Стройте на том месте три терема,
Три терема — золоты верхи
Со троима со нарядныма сенямы,
Чтобы к утру, к свету мне жить перейти».
Его братцы, дружинушка хоробрая,
Слушали большаго атамана,
Делали дело повеленое:
Скидывали кафтанчики скурлат-сукна,
Надевали кафтанчики рабочие,
Разували сапожки зелен сафьян,
Обували сапожки рабочие,
Взимали топорики булатние.
Скоро бежали в Забавин сад
На тое на место на порядное
И работали оны три терема,
Три терема — золоты верхи
Со троима со нарядныма сенямы.
К утру, к свету жить перешли.
Молода Забава Путятична,
Любима княженецкая племница,
Поутру выставала ранешенько,
Умывалась водою белешенько,
Выходила девица в свой Забавин сад,
Увидела в саду она три терема,

Три терема — золоты верхи
Со троима со нарядныма сенямы.
Пришла она ко первому ко терему,
У того у терема послухала —
В том терему стучит и гремит:
Тут Соловьева дружина хоробрая
Считают Соловьеву бессчетну золоту казну,
Отходила ко другому ко терему,
У того у терема послухала —
В том терему шепетком говорит:
Тут Соловьева родна матушка
Стоит старушка — Богу молится,
Умоливает за сына за любимаго.
Подходила ко третьему ко терему,
У того у терема послухала —
В том терему стучит и гремит,
Песни поет и гусли играет:
Млад Соловей сын Будимирович
Струнку ко струнке натягивает,
Тонци по голосу налаживает.
Тонци он ведет от Нова города,
А другие ведет от Еросолима,
А все малые припевки ⟨из⟩-за синя моря,
За синяго моря Волынскаго,
Из-за того Кодольского острова,
Из-за того лукоморья зеленого.
Тут девица не вем возрадовалася,
И не вем девица перепалася,
И слушала день она до вечера;
Заходила во высок терем,
Господу Богу помолилася,
Соловью Будимировичу поклонилася.
Соловей Будимирович ю проздравствовал:
«Ты здравствуешь, Забава Путятична,
Молода княженецкая племяница!»
Тут девица не стыдилася,
За Соловья замуж подавалася.
Возговорит Соловей Будимирович
Молодой Забавы Путятичной:
«Ай же ты, Забава Путятична,
Молода княженецкая племяница!
Всем ты мне, девица, в любовь пришла,
А тым мне ты, девица, не слюбилася,

Что сама себя девица просватала».
Тут девица прослезилася,
Пришла в свои во терема высокие.
Млад Соловеюшка Будимирович
Жил у князя Владимира три месяца,
Хотúт получить его племяницу в супружество,
Но тым ему девица не слюбилася.
Млад Соловеюшко Будимирович
Сбирался на свои ж на корабли
Со своей государыней со матушкой,
Со своей дружиною хороброю,
Обирал он терема златоверхие
Со тых со садов Забавиных.
Сделалось место по-старому,
Где пряники пекут, калачи продают,
Где малые ребята барышничают.
Сам он со князем прощается,
Благодарствует князя Владимира
И молоду княгину Апраксию.
Скоро ступает на черлен корабль,
По черлену кораблю похаживает,
Желтыма кудеркамы потряхивает,
Сам говорит таково слово:
«Братцы, дружина хоробрая!
Слушайте большаго атамана,
Делайте дело повеленое:
Снимайте сходенки на корабли,
Поднимайте якори булатние,
Распускайте паруса крупчатные,
Поезжайте за славно за сине море,
За сине море за Волынское
Ко тому ко острову Кодольскому,
Ко тому лукоморьицу зеленому».

№ 400

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Мхи и болота к Белу-озеру,
Широки раздолья ко Обскому,
Щелья-каменья по сиверну страну,
Высоки горы Сорочинския.

Из-за той ли горы высокия,
За того ли острова Кодольскаго
Выходит-выеждяет душечка удалый добрый молодец,
Млад Соловей Будимирович
На тых ли на черных на кораблях.
Выходит-выбегает тридцать кораблей,
На тых-то на кораблях тридцать молодцев,
Тридцать молодцев без едина молодца,
Сам-то Соловей во тридцатыих,
Тридцать одна — его матушка родна.
Хорошо корабли изукрашены:
Нос-корма по-туриному,
Широки бока по-лосиному,
Парусы крупчатой камки;
Якори на корабле булатние,
У якорей колечики серебреные,
У колечиков кодолы с семи шелков;
Место руля было повешено
По дорогу по соболю заморскому;
Место бров было наведено
По заморской лисицы по дорогой;
Место глаз было вставлено
По заморскому камени по яфонту.
Воспроговорит млад Соловей Будимирович:
«Вся моя дружина хоробрая!
Делайте дело повеленое
И слушайте большого атамана:
Ставайте во мачты высокия,
Имайте трубочки подзорныя,
И глядите во славно во сине море
Ко тому ли ко городу ко Киеву
Ко ласкову князю ко Владимиру
И наглядите пристань корабельную».
И ставала тут дружина хоробрая
Во тыя во мачты высокия,
И глядела во трубочки подзорныя
Ко тому ко городу ко Киеву
Ко ласковому князю ко Владимиру,
И наглядели пристань корабельную.
Скоро будучи они под Киевом,
И забегали во пристань корабельную.
Сходенку выкидывал поволжаную,
Другую выкидывал серебряную,

Третью выкидывал позолоченую.
Сам-то идет по сходенке позолоченой,
Матушка его по серебреной,
А вся его дружина из поволжаной.
Матушка его несет подарочки:
Тую ли камочку заморскую,
Заморскую камочку узорчатую:
В золоте камочка не согнется,
И гнется камочка, не сломится.
Приходит млад Соловей Гудиморович
Ко тому ли ко Владимиру на широк двор
И приходит во палату во убраную,
Крест кладет по-писаному
И поклон ведет по-ученому
На все на четыре на стороны,
Солнышку Владимиру в особину:
«Здравствуй, князь стольно-киевский!»
Матушка его поклон ведет
К молодой княгины ко Опраксины,
Подает тую камочку узорчатую.
Принимала молодая княгиня Опраксия,
Развернула камочку — дивуется,
Головушка на плечах качается.
Стал тут Владимир выспрашивати:
«Скажись, молодец, с коей земли,
И как молодца имени зовут
И как тебя по отечеству?» —
«Из славнаго моря за Дунайского,
Из-за того острова Кодольскаго,
Душечка удалый добрый молодец,
Млад Соловей Гудиморович». —
«И зачем ты сюда побывал,
Торгом ли торговать,
Али гостем погостить,
Али на съезд ко мне?»
Зговорит млад Соловей Гудиморович:
«Ай же ты, солнышко князь стольно-киевский!
Дай-ко ты мне местечко
Подле бока и подле себя.
Есть у тебя любимая племянница,
Молода Забавушка Путятична,
У ней есть три сада,
Дубье-вязье зарощеное.

Позволь-ко мне исповырубити
И из саду вон повыметати,
Построить мне там ровно три терема».
Зговорит князь стольно-киевский:
«За твои за дороги подарочки,
За твою речь за умильную
Что знаешь, и то теперь делай-ко».
И пошел млад Соловей Гудиморович
Со своей со родителью со матушкой
И на тые на черные на корабли
Ко своей дружины ко хоробрыя:
«Вся дружина хоробрая!
Скидывайте вы платья хорошия,
А надевайте вы платья рабочия,
Имайте вы топорики булатнии,
И поделайте кирочки и лопаточки,
И делайте дело повеленое,
А слушайте болшаго атамана:
Из тех из зеленых садов
Дубье-вязье повырубите,
Из саду вон повымечите,
Состройте там ровно три терема
И со троима со сенямы парадныма,
Со чистыма окошкамы убраныма».
Пошла его дружина вся хоробрая
И делали дело повеленое,
Слушали большаго атамана:
Дубье-вязье все повырубили,
Из саду вон повыметали,
Строили там ровно три терема
Со троима со сенямы с нарядныма,
Со чистыма со окошкамы убраныма,
Поутру на день они жить пошли.
Поутру ставала Забавушка Путятична,
Поутру ставала ранешенько,
Умывалась водою белешенько,
Утиралась полотенцом сушешенько,
И Господу Богу помолилась,
Глядела во косявчато в окошечко,
Сама счудовалася,
И сама сдивовалася:
«Чудо теперь мое счудилося,
Вино-пиво теперь воспрокурилося:
Зеленые сады приочищеные,

Построено там ровно три терема
И со троима со сенямы со убраныма».
Башмачки обувала на босу ногу,
Шубу надевала на одно плечо
И приходит во тые зелены сады,
И приходит ко первому ко терему —
Во первом терему шепотком говорят:
Молится Соловьева матушка
И умоливает за сына за любимаго,
За младаго Соловейка Гудиморова;
Приходит ко другому ко терему —
В другом терему стучит и гремит:
Считает Соловей золоту казну;
Приходит она ко третьему ко терему —
Играют в гуселка яровчатыя.
Заходит она в белой шатер,
Крест кладывала по-писаному
И поклоны вела по-ученому,
И всей его дружины в особину,
И садилась на брусовую лавочку,
И сидела день с утра до вечера,
И со вечера до полуночи,
А с полуночи до бела свету.
А поутру приходит млад Соловей Гудиморович:
«Здравствуйте вы, дружина хоробрая!
Чья у вас девича непосватанная?»
Ставала Забавушка на резвы ноги,
Поклонилась Забавушка низешенько,
Говорила Забавушка поскорешенько:
«Здравствуй, заеждий доброй молодец!
Ты молодец непоженен есть,
А я девича теперь на выдаваньи».
Говорит млад Соловей Гудиморович:
«А за все тебя, девича, я люблю,
А за одно, девича, никак не люблю:
А сама себя, девича, просватала».
Взял он за ручки за белыя,
Убиралися в платья хорошия,
Пошли они во церковь во Божию,
Принимали они по злату венцу,
Святой крест целовали тут,
В терема возвращалися,
Стали жить и быть они,
Между собой времячко коротати.

№ 401

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Из-под дуба, дуба сыраго,
Из-под той березы с-под накляпины
Матушка Нева широко прошла,
Устьем выпадала во синее море во Вирянское.
По синему морю корабли бежат,
Один-то кораблик изукрашен был:
Вместо глаз было вставливано
По ясному по каменю по яхонту;
Вместо бров было вставливано
По дорогому соболю заморскому;
Вместо ушей было вставливано
По дорогой куницы по заморския;
Вместо хвоста было вставливано
По дорогой лисицы по заморския.
Не тым-то кораблик изукрашен был,
И не тым-то кораблик снаряжен был,
Как посреди того черленаго кораблика
Стоял стул рыбавчатый,
На тоем ли на стуле рыбавчатом
Сидел ли малый упав молодец,
Удалый Соловей Будимирович,
Столько-ко тым-то кораблик изукрашен был,
И тым-то кораблик снаряжен был.
Ехали по синему морю Вирянскому
Ко славному ко городу ко Киеву.
Возговорил малый упав молодец:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая,
Берите-тко трубы подзорныя
И глядите по славному морю по синему,
Далеко ли до князя до Владимира?»
Делали они дело повеленое:
«Недалеко до князя до Владимира».
Возговорил малый упав молодец:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая!
Берите щупы железные,
Щупайте пристань корабельную».
Становится пристань корабельная.
Возговорил малый упав молодец:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая!

Ройте сходни на крутой берег:
Первую сходенку медную,
А другую сходенку серебрену,
А третью сходню красна золота.
И берите лисиц-куниц счету нет,
Берите заморских соболей,
И берите кручатой камки:
В золоте камочка не подогнется,
Еще берите камни драгоценные,
Драгоценные и самоцветные».
По той по сходенке по медныя
Идет ли дружинушка хоробрая,
По другой по сходенке серебряной
Идет матушка Соловьевая,
По той по сходне красна золота
Идет малый упав молодец,
Удалый Соловей Будимирович.
Идут ли они ко городу ко Киеву,
Ко солнышку ко князю ко Владимиру,
Крест кладут по-писаному,
Поклоны ведут по-ученому,
На три, на четыре на сторонки покланяются,
А солнышку князю Владимиру в особину.
Малый упав молодец
Князя дарил куницами и лисицами,
Княгину дарил кручатой камкой:
В золоте камочка не подогнется.
И тые подарки в любовь пришли.
Зговорил солнышко Владимир-князь:
«Ай же ты, млад Соловей Будимирович!
Ты сюда приехал послом пословать
Али торгом торговать, али на жиру жить так?» —
«Приехал я на жиру жить.
Позволь-ка мне местечка несомножечко
Построить три терема хорошие».
Говорил солнышко Владимир-князь:
«Строй-ка терема на горке на Песочныя,
Где жонки да бабы блины продают,
А малые робята барышничают».
Зговорил малый упав молодец:
«Не любо место на горке на Песочныя,
Где жонки да бабы блины продают,
А малые ребята барышничают.

Дай-ка мне местечка несомножечко
Против своей племянницы любимоей
Мóлодой Забавы Путятичной».
Зговорил солнышко Владимир-князь:
«Строй-ко ты терема высокие
Против моей племянницы любимыя
Молодой Забавы Путятичной».
И зговорил малый упав молодец:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая!
Скидывайте кафтанцы скурлат-сукна,
Надевайте кожаны работние
И розувайте сапожки зелен сафьян,
Обувайте лапотцы липовые,
Да берите топорики булатние
И подите вы во Забавин сад:
Дубья, яблуни повырубите,
Из саду вон повымечите,
И стройте там три терема хорошие,
И златоверхие, маковки позолочены,
И вершочки с вершочками сплаталися,
Чтобы на небе солнце — и в тереме солнце,
Чтобы на небе месяц — то бы в тереме месяц,
Чтобы на небе звезды — и в тереме звезды,
Чтобы всё в терему по-небесному,
Чтобы к утру-свету и жить перейти».
Тая ль молодая Забава Путятична
Ставала по утру ранешенько
И умывалась белешенько,
Тут-то Забава гулять пошла.
Пришла она ко терему, послушала —
От того от терема назад пошла.
У другаго терема постояла, послушала —
Там Соловьева матушка Богу молится.
Ко третьему терему Забава пошла, послушала —
В том тереме малый упав молодец
Сидит на стуле рыбавчатом,
Играет в гуселышки яровчаты,
Тонци ведет от Нова города,
А напевочки ведет от Еросолима.
Тут-то Забава простояла и послушала —
У ней тепла вода в щеботы стекла.
И приходит она во высок терем,
Крест кладет по-писаному,

А поклоны ведет по-ученому,
На все на четыре сторонки кланялась.
Тут-то малый упав молодец
Вставал со стула на резвы ноги,
Взымал-то Забаву за бели руки,
И садил-то Забаву за дубовый стол,
А сам говорил таково слово:
«Ай же ты, Забава Путятична!
Всем мне ты, Забава, в любовь пришла,
Однем ты, Забава, не люба:
Сама ты себя просватываешь.
Да я бы дождался свету белаго и солнца краснаго,
Я бы к тебе сватовей послал,
И я бы на тебе посватался,
А ты сама себя просватала».
Взимал-то Забаву за белы руки
И вел-то Забаву во Божью церковь,
И принимал-то с Забавой золоты венцы.

№ 402

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

А мхи были болота в Поморской стороны́,
А гольняя щелья в Бели́-озери́,
А тая-эта зябель в подси́верной страны́
А сраны сарафаны по Мо́ши по реки́,
Да роструби́сты становицы в Ка́ргополи́,
Да тут темныи лесы что смоленские,
А широки врата да чигаринские.
А из-под дуба-дуба, дуба сырого,
А из-под того с-под камешка с-под яфонта,
А выходила-выбегала там Волга мать-река,
Да как устьём бежит да во синё море,
А во то во сине море во Турецкое.
А по той ли по матушки по Волги-реки́
А бежало, бежит а тридцать три карабля,
А еще там бежало, бежит да без о́дного,
А один тот карабль есть лучше, краше всех:
Да как тут в караблю было написаноё,
Да как тут в караблю напечатаноё,
А написан-то нос-от по-змеиному,

А корма-то была по-звериному.
Тут кадолы-канаты были ше́лковыи,
А паруса тут были из семи шелков;
А ты эты коржи́нья подзолоченыи.
Да как тут было в том ка́раблю
Да млад сидит Со́ловей да сын Гудимирович
А со своима со дружинама с хоробрыма,
А хоробрыма дружинама Соловьевыма,
Ино со своею со родною со ма́тушкою.
Говорит тут Соловей таково слово:
«Что вы, братцы, дружинушки хоробрыи,
А хоробрыи дружинья Соловьевыи!
Да й слушайте-тко большаго й ата́мана-то вы,
Да делайте дело повелёное:
А взимайте-ко шестики ме́рныи вы,
А миряйте-ко лудья морски-то эты,
А чтобы нам, молодцам, туда проехати».
Да тут ехали-проехали что мо́лодцы оны.
Да как тут Соловей сын Гуди́мирович
А говорит-промолвит таково слово:
«А взимайте в руки трубоньки подзорнии,
А глядите вы, смотрите славный Киев-град,
А тую-эту присталь карабельную,
Чтобы нам, молодцам, еще попа́сти туда».
Да тут ехали-проехали что молодцы оны,
Да попали в эту присталь карабельную,
А под сто́льной-от под город как по Киев-гра́д.
Да как тут Соловей сын Гуд⟨имирович⟩
Еще го́ворит-промолвит таково слово:
«Ах вы, братцы, дружинушки хоробрыи!
А хоробрыи дружинки Соловьевыи,
А слушайте-тко бо́льшаго й ата́мана-то вы,
Да делайте дело повелёное:
А взимайте перву сходенку во́лжану́ю,
А дру́гую сходенку серебряную,
А тре́тью еще сходенку красна́ золота,
А бросайте-ко сходенки на крут бережок.
Как тут эты дружинушки хоробрыи,
А хоробрыи дружинья Соловьевыи,
А взимали перву сходенку тут во́лжаную,
А другу́ю сходенку серебряную,
Ино третьюю сходенку красна золота,
А бросили тут сходенки на крут бережок.

«А по во́лжаной сходенки вам, братцы, итти,
Все моим дружинушкам хоробрыим,
А хоробрыим дружинушкам Соловьевыим,
А по серебряным сходенкам матушки моёй,
А по зо́лотой сходенке мне́-ка итти,
А младому Со́ловью сыну Гуди́мирову́».
Да как тут Со́ловей да сын Гуди́мирови́ч
А взимает он подарочки великии,
Да сорок сороко́в тут черны́х соболе́в,
А мелкого зверю тут и смету нет,
А взимает тут флаки́ да заморскии камки́,
А заморскии камочки золоченыи,
Да приходит он к князю к Володимеру
А во тую во гридню во столовую,
А крёст он кладыва́е по-писаному,
А поклон он ведь вел да по-учёному,
А клонится он на четыре на все,
А на вси четыре на сторонушки,
А стольнёму князю-то в осо́бину.
А здравствует князя тут с княгиною:
«А здравствуй-ко, князя да стольно-киевской
А со́ своей княгиной со Апраксиёй,
А со́ своей любимой со племянницей!».
Да как он его тут еще здравствует:
«А здравствуй, ты удалый добрый молодец!
Не знаю я тебя ни по имени,
Не знаю что тебя да по изотчине,
А царь ли ты есть, ли царевич ли,
Ли король ли ты есть, королевич ли,
Али с тиха́ Дону ты донской казак,
Али грозный посол ты ляховитский бы?» —
«Да не царь-то я, да не царевич был,
А не король-то я, не королевич был,
А не из тиха́ Дону я донско́й казак,
А не грозный посол я ляховитский был,
А есть как я из-за славнаго синя́ моря,
А я есть млад Соловей да сын Гуди́мирович.
А я пришел-то к теби да зде доклад держу,
А на-ко ти подарочки великии мои,
А на ти сорок сороков моих черных соболёв,
А ино мелкого зверю еще смету нет.
А на-тко ты, княгиня да Опраксия,
А на-тко ты подарочек великии,

А возьми-тко ты флаки́ да заморскии камки́,
А заморскии камочки золоченыи».
А принимат-то княгиня да восхва́ливат.
«А ты, млад Соловей да сын Гудимирович!
А спасибо за подарочки великии.
А не бывать-то зди камки такой во Киеви
И не бывать, не бывать да не быва́ть таково́й».
Да тут князь-то еще да стольно-киевской
Он тут го́ворит-промолвит таково слово:
«Ай млад Соловей да сын Гуди́мирович,
А чим-то мне-ка тебя жаловати
А за эти подарочки великии?
Города ли тебе надо с пригородками,
Аль села ли тебе надое с присёлками,
Али много наб бессчетной золотой казны?»
Да он го́ворит-промолвит таково слово:
«Да ай же ты, князь да стольне-киевской!
А не наб мне городов с пригородками,
Да не наб мне-ка сел да с присёлками,
А не наб-то мни бессчетной золотой казны,
А у меня да своей есте долюби.
А столько ты мне позво́ль-ко еще
А поставить-построить мне-ка три терема́.
А три те́рема мне златоверхиих
Середь города да середь Киева,
А гди маленьки ребятка да са́йки продают,
А гди сайки продают да гди бары́шничают».
А го́ворит-промолвит таково слово
Ино тот ли князь да стольно-киевской:
«Ах ты, млад Соловей да сын Гудимирович!
Куды знаешь, туды ставь-ко еще,
А за эты подарки за великии».
Да скоро Соловей тут поворот держал.
Приходит ко дружинушкам хоробрыим,
А хоробрым дружинам Соловьевыим,
Да он го́ворит-промолвит таково слово:
«Что вы, братцы, дружинушки хоробрыи,
А хоробрыи дружинья Соловьевы!
А вы слушайте-ко бо́льшаго ата́мана-то вы,
А скидывайте с себи платьица цветныи,
А надевайте на ся платьица лосиныи,
А лосиныи платьица, звериныи,
Да взимайте-тко топорички булатнии,

А стройте-то, ставьте, братцы, три терема́,
А три терема-то златоверхиих,
Середь города да середь Киева,
Что верхи бы с верхами завивалиси,
А что к утру, к свету чтобы готовы были́,
А готовы были мне-ка жить перейти».
Как эты тут дружинушки хоробрыи
Оны слушали-то большаго й ата́мана оны́,
Скидыва́ли с се́бе платьица цветныи оны,
Надевали на ся платьица лоси́ныи оны,
Да взимали тут топорики булатнии,
А ставили-строили тут три терема,
А три терема да златоверхиих,
Что верхи-ты с верхами завиваются,
А к утру, к свету готовы оны,
А готовы оны, да можно жить перейти.
Да как тут Соловей сын Гуди́мирович
А в тыи те́ремы да сбирается ен
Со своима со дружинамы с хоробрыма,
А с хоробрыма с дружинамы Соловьевыма,
А со своёй со родною со матушкою.
Да тут-то ведь у князя Володимера
Ино тая-то любимая племянница,
Молода Любавушка Забавишна,
Да взимает в руки трубоньку подзорнюю,
А шла она на выходы высокии,
А смотрит в эту трубоньку подзорнюю
А по городу, по городу Киеву:
А углядела-усмотрела там и три терема́,
А три терема да златоверхии,
А верхи что с верхамы завиваются,
Середь города да середь Киева.
Как бросала эту трубоньку подзорнюю,
А приходит ко родному к дядюшке,
Еще стольнему князю к Володимеру,
«Да ай же ты, мой ро́дной дядюшка!
Да позволь-ко ты мни, да красной девушке
Проходиться-прогуляться вдоль по Киеву,
Вдоль по Киеву да мне по городу».
Да он-то ведь на то ёй ответ держит:
«Да ай же ты, да моя любимая,
Ай любимая, любима племянничка!
А сходи-тко ты прогуля́йся туда».

Ино тут эта любима племянница,
Да скорым-то скоро́, скоро́-скорёшенько,
Да ведь тут-то она да сокруча́лася,
А ведь тут-то да снаряжалася,
Вдоль по городу гулять да ведь по Киеву.
Да к первому к терему подходит она —
Ино в том терему да шопотко́м говорят:
А тут-то Соловьева родна матушка
Да как молится-то Господу Богу она;
Да к дру́гому к терему подходит она,
А тая-то любимая племянница —
Ино в том терему да там-то стук да грем:
А тут-то Соловьевыи дружинушки
Тут считают-то бессчетну золоту казну
Да у млада Соловья Гуди́мирова,
Да как уж к третьему к терему подходит она —
Ино в том терему да млад сидит да Со́ловей,
А млад сидит Соловей да сын Гуди́мирович
Со своима со дружинамы с хоробрыма,
Со хоробрыма дружинамы Соловьевыма,
А на тоем стуле золоченоём,
Ай сидит-то сидит, забавляетсе:
Там вси скачут, пляшут оны, песенки по́ют,
Во музы́ки да во скрыпочки наигрывают.
Да как тут эта любимая племянница
Да подходит она к ему близешенько,
А клонится она понизешенько:
«Здравствуй, млад Соловей да сын Гудимирович
Со своима со дружинамы со хоробрыма!»
Да как он-то тут ю да здравствует:
«А здравствуй-ко, Любавушка Забавишна!»
Да тут-то она к ему спрого́ворит:
«Ай ты, млад Соловей да сын Гуди́мирович!
А возьми-тко меня ты за себя замуж». —
«Да как всим ты мне, девушка, в любовь пришла,
А одным ты мни, девка, не в любовь пришла,
А сама ты себя, девка, просва́тываёшь.
А твое бы-то дело да не этта быть,
А не этта быть, да дома жить,
А дома-то жить да ти коров кормить,
А коров-тых кормить да ти телят поить».
А тут стало девки не любёшенько,
Не любёшенько, не хорошохонько,

А стало тут девушки похабно ёй.
А тут скорым-скоро, скоро, скоро-скорешенько,
А девушка она да поворот держит.
А на то млад Соловей да сын Гудимирович
Ино на то да не сердился есть,
Да скорым-то скоро, скоро-скорешенько,
А тут след-то он шел большим сватом,
Да приходит он к князю Володимиру,
Ино во́ тую в гридню во столовую,
Да он-то ведь ёму тут доклад держит:
«А здравствуй-ко, князь да стольнё-киевский
А со́ своей с княгиной со Опраксией,
А со́ своей с любимой со племянницей,
А с молодой Любавушкой Забавичной!»
Как он-то ёго ведь здравствуе:
«Здравствуй, млад Соловей да сын Гудимирович!
А ты зачем зашел да зде докла́д держишь?» —
«Да я зашел-то да зде доклад держу
А о добром дели́ зде, о сва́товстве:
Да есть у тя любимая племянница,
А нельзя ли-то отдать да за меня замуж?»
Да как сделали оны тут рукоби́тьицо,
Да просватал тут-то князь да стольнё-киевский
А ту-эту любимую племянницу
А за млада Соловья сына Гуди́мирова.
А как шли оны во церковь тут во Божию,
Да тут приняли они да что ль златы венцы,
А млад Соловей да сын Гудимирович
А с молодой Любавушкой Забавичной.
А как тут-то скорым да скорешенько
Да завия́ла-пошла да тут-то по́витерь
По тому-то да синю морю —
Да тут млад Соловей да сын Гудимирович
А скорым-то скоро́ да он скорешенько
А тут-то со князем роспрощается,
А сам на ка́рабли да он сбирается
А с той молодой Любавушкой Забавишной,
Да со свои́ма со дружинами с хоробрыма,
А со свое́й с родною со ма́тушкою.
Как тут на карабли да собираются,
Обирают тут оны да три теремы,
Ино три терема да златоверхиих
А на тыи на эты да на ка́рабли.

А поехал он тут да ведь домой еще,
А домой-то домой да в свою сторону,
А за славное, за славно за синё море.
А начал тут он да жить-то быть,
А жить-то быть да семью́ сводить,
А семью сводить да детей наживать.
А стал-то он тут по-здоровому,
А стал-то он да по-хорошему.

№ 403

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Из-за того острова Кадольскаго,
Из-за того ли моря за Дунайского
Выходило, выбегало тридцать ка́раблей.
Ино на тыих было тут на караблях
Тридцать молодцев без единаго,
Сам Соловей во тридцатыих,
Тридцать одна — его матушка родна́.
Хорошо кара́бли изукрашены,
Хорошо карабли изнаряжены:
И нос, корма да по-туриному,
Широки́ бока по-лосиному,
Парусы крупчато́й камки;
Якори на ка́раблях булатнии,
У якорёв колечика серебряныи,
Кадолы-ты из семи шелков;
И место было руля повешено
По заморскому соболю по до́рогому́,
Да руль-то был заналаженной.
И на том было как на ка́рабли
Млад Соловейко Гуди́мирович.
Сам зговорил таково слово:
«Ай вся моя дружина хоробрая!
Делайте дело повеле́ное,
Слушайте большаго́ атамана:
Вы берите-тко трубочки подзорныи,
Глядите во славно во сине́ морё,
Ко тому ли ко городу ко Киеву
Ко ласкову князю Владимиру,
Наглядите в присталь карабельную».

И ставали во машты высокии,
Делали дело повелёное,
Слушали бо́льшаго атамана;
Глядели во славно сине́е морё,
Ко тому ли ко городу ко Киеву
Ко ласкову князю Владимиру,
Углядели присталь карабельнюю.
Скоро будучи с ка́раблем под Киевом,
Забегали во присталь карабельнюю,
Парусы спускали крупчатой камки,
Якори бросали булатнии.
Зговорит млад Солове́й сын Гуди́мировиц:
«Сходенку выкидывай серебряную,
Дру́гу выкидай подзоло́ченую,
Третью выкидай испово́лжаную.
Берите подарки умильнии,
Куниц вы лисиц да заморскиих».
Брали ёны во белыи руки́,
Матушка — камочку узорчату́ю,
И сам берет гуселка яро́вчаты́й,
И сам и́дет по сходенки золо́ченый,
Матушка иде́т по сере́бряный,
Вся его дружина по испово́лжаны́й.
Приходят оны ко Владимиру на двор,
Приходит в палату грановитую,
Крёст кладет по-писаному,
А поклоны-ты веде́т по-ученому
На все три ведь на четыре он на стороны,
Тому ли Владимиру в особину.
Подают ему подарочки хорошие,
Матушка — камочку узорчатую
Молодой княгины Опраксии.
Взимает княгина на бели́и руки́,
А взимает княгина, дивуетси:
«Да не до́рога камочка заморская,
Ай до́роги узоры заморскии».
Стал его Владимир выспрашивати,
Стал его Владимир выведывати:
«Ты скажись, молодец, со коёй земли,
Как молодца именем зовут?»
Подходит к ему поблизе́шенько,
Поклонилси князю сам низе́шенько:
«З-за того я моря из-за Дунайскаго,

Из-за того я острова Кадольскаго,
Душечка удалый добрый молодец,
Млад Соловейко да сын Гуди́мирови́ч». —
«Ты зачем же сюда побывал ко мни?
Торгом торговать ли на съезд ко мни,
Ли на съезд ко мни, ли на житьё пожить?»
Ответ держал Соловéюшко,
Млад Соловей да сын Гудимирович:
«Не торгом торговать да не на съезд к тобе,
Я приехал к тобе как на житьё пожить.
Дай-ко мне да топерь ми́стечка
Подли себя да ты подли́ бочка.
Есть у тя молода племянница,
Молода Забавушка Путятична,
У нёй как есть во зеленых садох
Дубьица, вязьё повырощеноё,
Позволь-ко мне-ка нунь су повы́рубити́,
Из саду вон мне повыметати,
Построить мне да там три терема́,
Со троими со си́нями с нарядними».
Зго́ворит Владимир таковое слово́:
«За тыи за речи умильнии,
За твои слова постановныи
Ступай нынь теперь в зелены́и сады,
Делай ты дело повеле́ное».
Также приходит Соло́вьюшко,
Млад Соловей да сын Гудимирович,
Ко своей дружины ко хоробрыи,
Тридцать молодцов без единаго́:
«Делайте вы дело повеленоё,
Слушайте бо́льшаго ата́мана:
Берите вы нынь да во белы́ руки
А и ты ль топорики булатнии,
Поделайте кирочки, лопаточки,
Поди вы теперь да в зелены́и сады,
Дубья вы, вязья всё повырубите́,
Да из саду вон да вы повы́мечите,
А тыи коренья вы повы́копайте́,
Постройте вы там да ровно три терема́,
Со тро́има со си́нями с нарядними —
Поутру мне-ка стать нынь-ка жить пойти».
Делали дело повеленоё,
Слушали бо́льшаго ата́мана:

А има́ли топорики булатнии,
Поделали кирочки, лопаточки,
Дубья-то, вязья повы́рубили́,
Из саду вон как тут повы́метали́,
Построили оны́ ведь тут три терема́,
Со трои́ма со си́нями с нарядними —
К утру-свету они жить пошли.
Поутру было как тут ранешенько
А ставала как есть нынь Забавушка,
Молода Забава Утятична,
Умывалась водою тут беле́шенько,
Утиралась полотёнушком суше́хонько,
Она Господу Богу помолиласе,
Глядела она тут во окошечко,
Сама-то о́на тут чудоваласе,
Сама-то она тут здивоваласе:
«Что это нынь чудо счу́дилосе́,
Вино, пиво да вопроку́рилосе?
А во моих топерь зелены́х садах
А дубьи́цо, вязья все повы́рублено́,
А из саду вон оны повыметаны!»
Как шубу надевала на одно плечо,
Башмачки надевала на босу́ ногу,
Пошла ёна, Забава, в зелены́ сады.
Приходит она ко пе́рву терему́ —
В первом терему шопотко́м говоря́т:
Молится матушка ведь Господу,
Умаливат за сына за любимаго,
За мла́даго сына Гуди́мирова́;
Приходит она ко другу́ терему́ —
В другом терему́ стучит-гремит,
Стучит-гремит как золота казна:
Считает Соловей да золоту казну,
Золоту казну ён тут бессче́тную;
Приходила она ко тре́тью терему́ —
Там играют во гусе́лка яро́вчатыи,
Тонцы ведут от Нова города́,
Дру́ги ведут-то от Еро́солима́,
Припевы припевают хоро́ший.
Заходила Забава Утятична
Во тот ли она во бело́й шатер,
Крёст она клала́ по-писа́ному,
Поклоны-ты вела как по-ученому,

На вси три ведь, на четыре как на сто́роны,
Той ли дружины в особину.
Садилась на брусо́ву нову лавочку,
Сидела она, видно, день с утра,
День с утра она до вечера,
А от вечера как до полуночи,
От полуночи как до бела́ свету.
Поутру было тут поранешенько
Приходит душечка уда́лый мо́лодец,
Млад Соловейко сын Гуди́мирович,
Сам он говорит таково́е сло́во:
«Чья у вас деви́ца присва́танная́,
Чья у вас девица незна́емая?»
Ставала Забава на резвы ноги,
Поклонилась Забава до самой земли:
«Здравствуй, удалый добрый молодец,
Млад Солове́йко Гуди́мирович!
Есть ты, мо́лодец, ведь неже́нёный,
Я ли деви́ца на выда́ваньи».
Зговорит душка уда́лый добрый мо́лодец,
Млад Соловей да сын Гуди́мирович:
«За всё тебя, девица, за всё люблю́,
За одно тебя, девица, я никак не люблю,
Ты сама себе, девица, просва́тала.
Ступай-ко, деви́ца, ты во сво́й нынь дом,
Бей-ко челом поклоняйси-тко
Князю ль тому же ты Владимиру,
Чтобы он завел как нынь почестный пир».
Так пошла нынь деви́ца как во сво́й тут дом,
Била девица и чело́м она́
Ко́ тому ко князю Владимиру:
«Ты послушай-ко нынь, мой ты дядюшка,
Ты Владимир-князь-то стольне-киевской!
Во своей полаты грановитыи
Для меня, любимой племянницы,
Заведи-ко ты ныни как почестный пир,
Чтобы было мне чим нынь похвастати».
А как завел ведь ей тут дядюшка,
Он завел нынь тут как почестный пир.
На том на пиру да было весело,
Пили, ели, проклаждалися.
Тогда приходит уда́лый мо́лодец,
Млад Солове́йко сын Гуди́мирович,

Берет ее, девицу, за белы́ руки,
Пошли они с девицей во Божью церкву,
Златыми перстнями да обручалиси,
Златыми венцами да повенчалиси.
Приходит Соловéй ко Владимиру,
Приносит благодарность великую,
Делат почéт ему честныи,
Честныи почéт и благодарныи.
Пошел Соловéй да во свой тут дом,
Стал Соловéй-то жить и быть,
Мéжу сóбой времечки корóтати.
Здунинай-Дунай сын Иванович Дунай,
Сын Иванович Дунай, про то дело не знай.
Мхи да болота в Помóрской стороны́;
Щелья-каменья Подсéверной страны́,
Претолстыи горы высокии,
Превысоки леса все дремучии;
А рострубисты сарафаны по Моши по реки.
Здунинай-Дунай, про то дело не знай.

№ 404

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

По морю-морю, морю синему,
По тому по морю по Веряйскому,
По тому по морю по Дунайскому,
Из-за того ли острова Кодольскаго
Бежит-побежит тридцать кораблей.
Один корабль наперед бежит:
Нос, корма — по-звериному
Бока-ты у его — по-туриному,
И хоботы-ты мечéе по-змеиному;
И мест очей было вставлено
По дорогому камню самоцветному;
И место бров было кладено
По дорогому соболю заморьскому;
Место хвоста было повешено
По дорогой лисици заморьскии.
Осередь корабля стоит три терема,
Три терема златоверхиих:
Во первом тéреме стучит-бунчит,

В другом терему́ шепотком говорят,
В третьём терему скачут и пляшут, и песни поют,
Песни поют, прикоку́ивают.
Тут Соловьева дружинушка —
Пятьдесят молодцо́в со единыим,
Все молоде́ц молодца́ лучше,
Тут сам Солове́й сын Буди́мирович
Со́ своей дружиною хороброю.
Он говорит таково слово:
«Ай же, дружина хоробрая!
Приворачивай к кру́тому бе́режку,
Выкиньте сходни дубовыи,
Дру́гии сходни серебряны,
Третьии сходни меди казанскии».
Говорит Соловей таково слово:
«Ай дружина хоробрая!
Бери, дружина, золоты ключи,
Отмыкай, дружина, кованы́ ларьцы,
Вынимай-ко камочику зо́лотую.
Что во золоти камочика не погнется».
Брала дружина золоты ключи,
Отмыкала дружина кованы ларьци,
Вынимала камочику зо́лотую.
Во золоти камочика не погнется.
Берет он подарки великии,
Иде к солнышку князю столно-киевску
С этыма подаркамы великима,
В этую полату гряновитую,
Крёст он кладет по-писаному,
Поклон-от ведет по-ученому,
Бьет он челом, покланяется
На все на четыре на стороны.
Он говорит таково слово:
«Уж ты, солнышко князь столно-киевской!
Дай-ко мне места немношечко
Поставить три терема златоверхиих.
В о́дну ноченку во темную,
Во темную ноченку в осённую,
К утру-свету жить перейти».
«Где тебе место прилюбится —
Устрой терема златоверхии».
Поклонился Солове́й Будимирович
Солнышку князю стольно-киевску.

Он говорит таково слово:
«Ай же, дружина хоробрая,
Пятьдесят молодцов со единыим!
Скидывáйте платьицо цветное,
Надевайте кожáны лосиныи,
Берите топорики булатнии,
Поставьте три терема златоверхиих —
К утру, к свету бы жить перейти».
В этую во ноченку во темную
Во тéмную ноченку в осённую,
И молода Забава Путятична
Во тую во ноченку во темную
Слышала стук и гром она великии,
Поглянула в косивчату околенку:
«Что это у нас не по-старому?
У батюшка в зеленом саду
Дубья-колодья повысечено,
Из-за саду вон все повы́метано,
Стоят три терема златоверхиих».
Она скоро скочила на резвы ноги,
Чéботы обула на босу ногу,
Салоп одевала на одно плечо,
По крылечику спущалась полегошенько,
По улушке шла поскорешенько,
У первого терема послухала —
В тоем теремú стунчит-бунчит,
Стунчит-бунчит, щелчит-молчит:
Тут Соловьёва золота казна.
У дрýгаго терема послухала —
В другóм терему́ шопотком говорят:
Тут Соловьева родна матушка,
Она зá Соловья Богá умаливала.
У третьего терема послухала —
В тоём терему скачут и пляшут и песни поют,
Песни поют, прикокуйкивают:
Тут Соловьева дружинушка,
Сам Соловéй сын Будúмирович.
Она прямо идет во высок терём,
Она крёст-то кладет по-писаному,
Поклон-тот ведет по-ученому:
Она бьет челом, покланяется
На все на четыре стороны,
Соловью Будúмировичу в ⟨о⟩собину.

«Ты, молодец, есть холост не женат,
Я, красна дéвица, на выдáваньи».
Говорит Соловéй сын Будимирович.
«Всим ты мне, дивúца, прилюбиласе,
Одны́м ты мне, девица, не слюбиласе,
Сама себя замуж просватываёшь».
Говорит Соловей сын Будимирович:
«Ай же, дружина хоробрая!
Сбирайте злаченыи теремы,
Отъедем от кру́того берега».

№ 405

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Ай из-за то́го острова Кадойлова,
Ай из-под то́го вязу с-под черлёнаго,
Ай из-под того камешка с-под белаго,
Из-под то́го кустышка ракитоваго
А пала-выпадала мать Непра-река,
А устьем выпадала в море Черное,
В Черное море во Турецкое.
А по этой матери Непры́ по реки,
Вылетал-выезжал млад хупав молодец,
Молод Соловей сын Будимирович.
Поезжал Соловей ведь он свататься
А за славноё он за синё морё,
Да ко славному городу ко Киеву
А ко ласкову князю ко Владимиру
На его любимыи племянницы,
А на мо́лодой Забавы на Путятичной.
А стал Соловей корабля снастить:
Нос, корма — по-звериному,
А бока у карабля — всё по-туриному;
А вместо бров было вдéргивано
А по до́рогой куницы по пещерскии;
А вместо ушей было повéшивано
А по дорогому соболю заморьскому;
А вместо очей было врéзывано
А по дорогому камню самоцветному
А не для ради красы-басы, угожества,
Ради темныи ноченки осеннии.

Приезжал Соловей сын Будимирович
А ко славному городу ко Киеву,
А сходенки метал он дорог ры́бей зуб,
Выходил-выступал он на крут бережок
А со своей дружиной со хороброю.
Чашу насыпал он красна золота,
А другу насыпал он чиста серебра,
Третью насыпал он скатняго жемчуга,
А в-четвертых берет он камочку крущатую,
Крущатую камочку двоеличную:
А не чем эта камка́ была не до́рога,
А не красным она да была золотом,
А не чистым она да была серебром,
А до́рога камка была крущатая
А тыма́ ли цветамы заморскима.
А приходит он во гридню во столовую,
Он крёст тот кладет по-писаному,
Он поклон тот ведет по-ученому:
Он кланяется-поклоняется
Да на все на четыре на стороны.
Он кланяется, сам чёствует:
«Здравствуй, Владимир стольнё-киевский,
Да со многима князя́мы, со бо́ярамы!»
Он кланяется, сам чёствует:
Подавал он чашу красна золота
А солнышку Владимиру стольне-киевскому,
А другую подавал он чиста серебра
Только душечки княгины он Опраксии,
А третью подавал он скатня жемчуга
Молодой Забавы Путятичной.
Да еще подавал он камочку крущатую.
Он кланяется, сам и чёствует.
А эти да́рова князю полюбилисе.
Заводил князь Владимир стольнё-киевской,
Заводил он тут ведь почестен пир
А на многи князя, на бояра,
А на многих поляниц на удалыих.
А вси на пиру напивалисе,
А вси на пиру да наедалисе.
И говорит Соловей сын Будимирович:
«Ах ты, солнышко, Владимир стольнё-киевской!
Бласлови, государь, мне слово вымолвить!» —
«Говори, Соловей, что тебе́ надобно́». —

«А позволь мне-ка-ва выстроить три терема́,
А три терема златоверхиих.
Этой-то ноченкой темною,
Темной ноченкой, осенною,
А то поставить-то мне-ка три терема́,
А три терема златоверхиих,
Среди того полюшка чистаго,
Среди того садочку Путятинова». —
«Станови, Соловей, где тебе любо».
Ай тут Соловей сын Будимирович,
Выходил Соловей, он на крылечко перёное,
Говорит Соловей сын Будимирович,
А своей говорит он дружинушки хоробрыи:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая!
Делайте дело повелёное:
Скидыва́йте-тко платьицо цветное,
Надевайте-тко платьицо лосиное,
Обувайте-тко лапотики семи шелков.
А вы дубья да вязья повы́рубите,
Вон из зелена саду повы́мечите,
А состройте-тко мне-ка три терема,
Три терема златоверхиих,
А в-четвертых состройте мне гостиной двор
Этой-то ноченкой темною,
Темною ноченкой, осенною».
Ай тут-то дружинушка Со́ловьева,
Скидывали они платьица цветныи,
Надевали кожаники лосиновыи,
Обували лапотики семи шелков,
Оны дубья да вязья повырубили,
Вон из зелена саду повыметали,
А состроили оны да три терема,
Три терема златоверхиих,
А в-четвертых состроили гостиной двор
Той ли ноченкой те́мною
А темною ноченкой, осенною.
А поутру вставала дочь Путятинова,
Поглядела во косивчато окошечко:
«А что это чудо-то счудилосе,
А что это диво-то сди́вилосе?
А вечо́р-то стоял да мой зелёной сад,
А стоял-то сад он целы́м-целой,
А теперичу-то сад — он полонёной стал:

А построено в нем да три терема́
А три терема златоверхиих,
Да вчетвертых построен гостиный двор.
Ай же вы, не́нюшки, мамушки,
Да пойдемте-тко гулять да во зеленый сад!»
Да пришли оны гуляти во зеленый сад,
А в первом терему-то щелчок-молчок —
То есть дружинушка Со́ловьева;
А в другом терему́ да шепотом говорят —
То есть Соловьевая матушка,
Она Господа Бога умаливает,
За своего за чада за милаго;
А в третьём терему-то гудки́ гудят,
Игры играют Царя́-града,
Напевки выпевают Еросолима —
То сам Соловей сидит Будимирович.
А говорит тут Забава дочь Путятична:
«Ай же вы, ненюшки, мамушки,
Да зайдемте-ко в этот терем высокий!»
Приходила тут Забава дочь Путятична,
Ай тут Соловей сын Будимирович,
А ставал Соловей он на резвы ноги,
А под⟨д⟩ергивал он тут ременчат стул:
«Да садись-ко ты, Забава Путятьевна
А садись-ко, Забава, на ременчат стул!»
А стали они играть во шахматы.
Ай тут Соловей сын Будимирович
Раз тот сыграл, Забаву по́играл,
Другой тот сыграл, Забаву по́играл,
Третей тот сыграл, Забаву по́играл.
А говорит тут Забава дочь Путятична:
«Ах, молодец, ты заулишен добр!
Кабы взял за себя, я бы шла за тебя».
Говорит Соловей сын Будимирович:
«А совсем ты мне, Забава, в любовь пришла,
А одным ты мне, Забава, не́ люба,
Что сама себя, Забава, ты просватываешь».
Ай тут ли у князя у Владимира,
Да не пива-ты варить да не мёды-ты сычить —
Веселым пирком да за свадебку.

№ 406

ЖЕНИТЬБА СОЛОВЬЯ БУДИМИРОВИЧА

Мхи были, болота в Поморской стране,
А голыя щелья в Беле-озере,
А тая-эта зябель в подсеверной стране,
А ⟨...⟩ сарафаны по Моше-реке,
А толсты становицы в Каргополе,
А темные леса те смоленские,
Широки ворота чигаринские.
Из-под дуба, дуба, дуба сыраго,
Из-под того камешка из-под яхонта
Выходила, выбегала мать Волга-река.
Она устьем бежит во сине море,
Во то сине море, во Турецкое.
По той ли по матушке по Волге-реке
Бежало-бежит тридцать три корабля,
Тридцать три корабля было без одного —
Один-от корабль лучше-краше всех.
Как на том корабле было написано:
Нос написан был по-змеиному,
А корма-то по-звериному;
Тут кодолы, канаты были шелковые,
Паруса-то были семи шелков;
А тыя-то коржинья позолоченные.
В том корабле млад сидит Соловей,
Млад сидит Соловей сын Будимирович
Со своей матушкой со родною,
Со своими дружинами хоробрыми.
Говорит Соловей таково слово:
«Что вы, братцы, дружинушки хоробрые,
Хоробрые дружины Соловьевые!
Слушайте-ка большаго атамана вы:
Берите-ка шестики мерные,
Да меряйте лудья морские вы,
Чтобы нам, молодцам, туда проехати,
А не попасть на лудья морские на те!»
И тут дружинушки хоробрые,
Брали они шестики мерные,
Да меряли лудья морские тут,
Да тут ехали-проехали молодцы они.
Да как Соловей сын Будимирович

Опять говорит таково слово:
«Что вы, братцы, дружинушки хоробрые,
Хоробрые дружины Соловьевые!
Слушайте-ка большаго атамана вы:
Берите-ка вы трубочки подзорныя,
Глядите-смотрите славный Киев-град,
Ту ли пристань корабельную,
Чтобы нам, молодца, попасти туда,
В ту ли пристань корабельную!»
Тут эти дружинушки хоробрые
Брали трубочки подзорныя,
Глядели-смотрели славный Киев-град,
Ту ли пристань корабельную.
Тут ехали-проехали молодцы они,
Подъезжали молодцы под Киев-град,
Попали в ту пристань корабельную.
Опять Соловей сын Будимирович
Говорит-молвит таково слово:
«А что вы, братцы, дружинушки хоробрые,
Хоробрые дружины Соловьевые!
Слушайте большаго атамана вы:
Берите первую сходенку волжаную,
Другую сходенку серебряную,
А третью сходенку красна золота,
Кидайте вы сходенки на крут бережок!
По волжаной сходенке вам идти,
А всем моим-то дружинушка хоробрыим,
Хоробрыим дружинам Соловьевыим,
По серебряной сходенке родной матушке моей,
А по золотой сходенке самому идти,
Мне, младу Соловью сыну Будимирову».
Да как тут Соловей сын Будимирович,
Берет он подарочки великие:
Да сорок сороков черных соболей,
А мелкаго зверя и сметы нет.
Приходит ко князю ко Владимиру,
Во тую во гридню во столовую,
Крест кладет он по-писаному,
Поклон он ведет да по-ученому
На все четыре сторонушки,
А стольному князю тут в особице
Со своей княгиней Апраксией,
С его-то любимой со племянницей

С молодой Любавушкой Забавичной:
«Здравствуйте вообще и в особице
Здравствует князь стольный киевский!» —
«Здравствуй-ко, удалый добрый молодец,
Коей ты орды да коей земли,
Коего ты отца да коей матери,
Царь ли ты приехал к нам, царевич ли,
Аль со тиха Дону ты донской казак,
Аль грозный посол ляховицкий ты?» —
«Да не царь-то я, не царевич к вам,
Не король-то я, не королевич есть,
Не с тиха Дону я, не донской казак
И не грозный посол ляховицкий я,
А есть-то я из-за синя моря,
Млад Соловей сын Будимирович»
Подавает подарочки великие:
Да сорок сороков черных соболей,
Мелкаго зверя тут и сметы нет.
Подавает он флаки заморской камки,
Заморския камошки золоченыя
Стольной княгине Апраксии.
Принимает-то княгиня и выхваливает:
«Таки нет такой камки здесь во Киеве,
Таки нет, таки нет, не бывать таковой».
Тут Владимир стольный киевский
Говорит-молвит таково слово:
«Ай ты, млад Соловей сын Будимирович,
Да чем тебя будем жаловати
Да за эти подарки за великие?
Города ли тебе надо с пригородками,
Али села тебя надо с приселками,
Али много тебе золотой казны?» —
«Да не надо мне городов с пригородками,
Да не надо мне сел с приселками,
Да не нужна мне бессчетна золота казна,
Только ты мне позволь-ка еще
Поставить-построить три терема,
Три терема златоверхиих,
Чтоб верхи бы со верхами завивалися,
Середь города да середь Киева,
Где маленьки ребята, где сайки продают,
Где сайки продают, где барышничают».
Тут взговорит князь стольный киевский:

«Ай ты, млад Соловей сын Будимирович,
Куда знаешь — туда ставь-ка ты».
Скоро тут Соловей поворот держал.
Приходит к дружинушкам хоробрыми,
Говорит им, молвит таково слово:
«Что вы, братцы, дружинушки хоробрые,
Хоробрые дружины Соловьевые,
Слушайте большаго атамана вы!
Скидывайте платьица цветныя,
Надевайте платьица лосиныя,
Лосиныя платьица, звериныя».
И тут эти дружинушки хоробрые
Скидывали платьица цветныя,
Надевали платьица лосиныя,
Лосиныя платьица, звериныя.
Как тут Соловей сын Будимирович
Говорит-молвит таково слово:
«Ай вы, братцы, дружинушки хоробрые,
Хоробрые дружины Соловьевые,
Слушайте-ка большаго атамана вы!
Берите топорики булатные,
Секите дубья и колодья вы,
Ставьте-ка вы еще три терема,
Три терема златоверхих:
Верхи бы с верхами завивалися —
Середь города да середь Киева,
Где маленьки ребята сайки продают,
Где сайки продают, где барышничают».
Тут дружинушки хоробрые
Брали топорики булатные.
Как тут Соловей сын Будимирович
Опять говорит-молвит таково слово:
«Чтобы к утру, к свету готовы были,
Чтобы мне, младу, туда жить перейти!»
Тут эти дружинушки хоробрые
Ставили-строили три терема,
Три терема златоверхих,
Что верхи да с верхами завивалися.
У того у князя у Владимира
Была любимая племянница,
Молодая Любавушка Забавична.
Берет в руки трубочку подзорную,
Выходит она на выходы высокие,

Глядела-смотрела на все стороны,
На все на четыре на сторонушки,
Наглядела-насмотрела три терема,
Три терема златоверхих,
Что верхи-то с верхами завивалися.
Тут бросила трубочку подзорную,
Приходит ко князю ко Владимиру:
«Ай же ты, любезный мой дядюшка,
Ты позволь-ка мне, красной девушке,
Проходиться-прогуляться вдоль по городу,
Вдоль по городу пройти, вдоль по Киеву».
Тут князь ей возговорит:
«Ступай-ка, любимая племянница,
Прогуляйся вдоль по городу по Киеву».
И тут эта любимая племянница
Как к первому терему подходит она —
А в том терему шепотом говорят:
Тут-то была Соловьева родна матушка,
Молится Господу Богу она;
Как к другому терему подходит она —
А в другом-то терему и стук, и гром:
Там дружинушки хоробрые,
Хоробрые дружины Соловьевые;
А как к третьему терему подходит она —
Тут скачут, все пляшут и песни поют,
Во музыки, в балалаечки наигрывают:
Тут млад Соловей сын Будимирович
Со своими с дружинами с хоробрыми,
Тут молодец забавляется,
Сидит на стуле золоченом.
Тут молодая Любавушка Забавична
Низким-низко поклонилася:
«Здравствуй, млад сын Будимирович!» —
«Здравствуй, молодая Любавушка Забавична!» —
«Ай ты, млад Соловей сын Будимирович,
Ты возьми-ка меня за себя замуж!» —
«Всем ты мне, девушка, в любовь пришла,
Да одним-то мне ты не в любовь пришла:
А сама ты себя, девушка, просватываешь,
А твое бы дело да не здеся быть,
А дома бы быть да коров кормить,
Коров кормить да телят поить».
Тут-то стало девушке стыднехонько.

Скорым-скоро да скорешенько
Ко стольному князю отправлялася.
Как Соловей сын Будимирович
На то ведь уж не сердится,
Берет он свою родну матушку,
Приходит ко князю ко Владимиру,
Приходит-то он большим сватом:
«Ай же ты, князь стольный киевский,
Ты повыдай-ка любимую племянницу,
Отдай да повыдай за меня замуж!»
Да тут-то князь стольный киевский
Просватал он ю, красну девушку.
Тут шли они во церковь соборную,
Приняли они тут златы венцы.
Как тут Соловей сын Будимирович
Опять говорит-молвит таково слово:
«Ай вы, братцы, дружинушки хоробрые,
Хоробрые дружины Соловьевые!
Слушайте большаго атамана вы:
Собирайте-ка вы этих три терема,
Собирайте-ка народ на корабли».
Тут эти дружинушки хоробрые,
Хоробрые дружины Соловьевые,
Собирали-то они этих три терема,
Собирали-то они назад корабли.
Как тут Соловей сын Будимирович
Скорым-скоро да скорешенько
Собирался назад на корабли.
Съехал тут Соловей сын Будимирович
На свою на родимую сторонушку,
Стал жить-быть да семью водить,
Семью водить да детей плодить.

№ 407

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Ах, низки поклоны богомольной стороны,
А шумяции подолы лешмозёроцьки,
А дешевы поцелуи почозёроцьки,
А долги канаты по Мóши по реки́,
А высóки горы чигариньскии,

Ай те́мны леса смоленьскии.
Из-под ду́ба, ду́ба из-под сы́рого,
Из-под того камня из-под Ла́тыря,
Выходила, выпадала Волга матушка-река.
А по той реки было по Во́лжаны,
Да бежало, бежит тридцать три корабля,
А один-то кора́б краше всех:
Да всё в корабли́ е написано,
Да всё в корабли́ напечатано —
Нос-то написан по-змеиному,
Корма-то глядит по-звериному.
А кто сидит да в том ко́рабли?
А млад Соловей сын Буди́миров
Со той со дружиной со хороброю.
Говорит Соловей Гудими́рович:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая!
Хоробрая дружинушка Соловьевая,
Ай берите-ко шестики мерьнии,
Да мерьте-ко лу́дья морьськии-ты».
Брали они шестики мерьнии
Да мерили лу́дья морьськии-ты.
Говорит Соловей Гудими́рович:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая:
Хоробрая дружинушка Соловьевая!
Не хочу я больше ата́манити.
Берите-тко трубочки подзорьнии,
Смотрите-глядите сто́льнёй Киев-град.
Они ехали-приехали на пристань корабельную,
Бросали они сходенку медную,
Она перьвая — дружинушки хороброю,
Хороброю дружинушки Соловьевою.
Другую бросали серебряную —
Итти-пройти да ро́дной матушки.
А третью бросали красна́ золота́ —
Самому-то итти да до́бру моло́дцу,
Соловью сыну Гудимирову.
Берет он подароцьки небо́льшеньки —
Берёт-то сорок сороко́в да цёрных со́болёв,
Мелкого звиря — смету нет.
Приходит ко князю ко Владимиру:
«Уж ты, солнышко Владимер-князь сто́льне-киевьськой!
Ты прими-тко от меня да ты подарочок,
Подарочок прими да ты небольшенькой —

Прими-тко сорок сорокóв да цёрных сóболёв,
Да мелкого звиря — да смету нет!»
Отвернулся к княгины Опраксии,
Подавал он камкú заморьськии.
Она брáла камкú заморьськии,
Восхваляла она камкú заморьскии:
«Такú нет, такú нет такой камкú!
Что тибе надо за подарочок?
Города ль тибе с пригородкамы,
Аль села тибе со присёлкамы,
Несцётной ли надо да несметной золотой казны?» —
«Мне не надо твоих городов-то же,
Городов твоих не надо с пригородкамы,
А сёл мни не надо со присёлкамы,
А не надо мни золотой казны, —
У меня своей девать некуда!
А дай-ко мни мистечка да немалое,
Серёд города да серéдь Киева,
На том мисте на улóвноём,
Гди маленьки ребята сайки пёкут,
Гди сайки пёкýт, колаци продают,
Колаци продают, да где барышницяют, —
Сделать-построить мне как три теремá,
Да трú теремá златоверьхии,
Чтобы те теремá вместе сходилиси,
У теремóв вершки кольцём завивалисе!» —
«Делай-ко, строй да три теремá».
Приходит он ко дружинушке хороброей.
«Ай же ты, дружинушка хоробрая,
Хоробрая дружинушка Солóвьева!
Скидывайте-ко плáтьицё цвéтьноё,
Одевайте-ко плáтьице лосúноё,
А берите-ко топорики булатьнии,
Стройте-ко делайте три теремá,
Три теремá златоверьхии,
Да к утру-свету к десяти цесам!»
Скидовáли оны плáтьицё цвéтьноё,
Да одевали оны плáтьицё лосúноё,
А взимали топорики булатьнии,
Делалú-строили три теремá,
Да три теремá златоверьхиих,
Сделали к утру-свету к десяти цясам.
И стаёт его племянниця Забавниця,

Да смотрит да на Киев-град —
Будто горит-загорелся сто́льнёй Киев-град.
(*Вершинки-то золотыи, — она думат, — горит Киев-от.*)
Одевала она пла́тьицё цветьноё,
Приходила она да к тым теремам,
В одном терему́ да шопотком говорят,
Да в другом терему́ да Богу молятся,
В третьем терему́ да спотешают ёго,
Соловья млада да сына Гуди́мова,
Считают ходют золоту́ казну.
Заходит она на высок-от тере́м,
Говорит Соловей сын Гуди́миров:
«Откуль ты пришла, да туды назад пошла!
(*Она пришла ему не в характер.*)
Ты коров надой да ты телят напой!
Итти-то сюда тебе не́зацим!»
Убрал он вси да три терема,
Золотыи терема да высокии,
Положил он их да на ко́рабли.
(*И не сватался*!)

№ 408

ВАСИЛИЙ ГУДИМИРОВИЧ

Как по той ли по матушки,
А ведь по матушки да по Волги-реки
А ведь идут корабли раскрашо́ныи,
А ведь один идё кораблицек полуцши всих,
А ведь полуцши, кораблицек, да побольше всих.
А ведь цем ли кораблицек получши всих?
А по́ носу ли корабль — как люты́ звери́,
А по́ кормы ли кораблицек — цисты́ змеи́,
А на кораблики-ты ведь мачты золоцёныи,
А ведь паруса-те шелко́выи,
А ведь на боку корабль наресованой:
А ведь на боку-то сидят добры мо́лодцы,
А на другом боку — кра́сны девушки,
А кораблик как колу́бнетсе —
А ведь мо́лодцы с де́вицами поцелуютсе.
А ведь ли хозяин на кораблике
А Василий сын да Гудимировиць.

А это по кораблику он похаживае,
А разные он ри́цы-то выговариват:
«А уж ты, моя дружинушка хоробрая!
А вы берите-ко шешты́ долгомерныи,
А уж вы щупайте-ко по Волги-реки,
А узнавайте-ко вы корги́-пе́римили!
А уж вы слушайте большого ата́мана:
А остановитесь ко за сини́м море́м
А у царя ли Романа Митрие́виця
А ко той ли государей ко пристани.
А ведь насыпайте-ко подароцьки заморьскии!»
А ведь и блюдо золоцёное
А ведь каменьев наклали-то драгоценныих,
А драгоценныих камней самоцветныих,
А ведь куницею, соболи ды заморскиих.
А становилисе ко пристани государьскои,
А ведь пошел Васильюшко да к царю он с подаркамы,
А ведь приносили каменьев самоцветныих,
А и в другое ли драгоценныих,
А ведь куниць, лисиць ведь заморскиих.
А ведь говорил царь Роман Митрие́виць-то:
«А этаких гостей век не видано,
А этаких подарков не прини́мано!
А ведь за этии подароцьки заморськии
А ведь и что вам будет и надобно?» —
«А ведь и ницего нам не надобно,
А дай-ко ты нам местецько да немношецько,
А построй три-то терема златоверхиих». —
«А ведь и перво место дам подли́ сибя,
А друго место — становись противо́ миня́,
А третье место — где тибе понравитсе,
А за твои ты подарки заморскии». —
«А дай-ко мне на гороцьке на женьскии,
А пережки пекут да блинки продают,
А ходят маленьки робятке барышницяют,
А ходят тут ли, где тебе надобно».
А у них были́ да кораблики
А нагру́жены-то терема́ми златоверхима,
А одной оны ноцью склали всё,
А што верхи-то ты с верхам завиваетсе;
А кругом ходят до́бры людушки — дивуютсе,
А кра́сны девушки хо́дя — любуютсе.
А была у него доць Настасьюшка,

Как по у́трышку она вставала да ранешенько,
А ведь она брала трубоньку подзорную,
А ведь глядела с своего да города,
А тут-то она выходила на балхоны на великии,
А на великии да на высокии,
А ведь глядела на цетыре на сторонушки:
«А вцёра́ было на горки пусты́м-пусто́,
А сегодня на горки густы́м-густо́ —
А три-то терема стоят златоверхиих,
А ведь вершоцьки с вершоцьками завиваютсе,
А до́бры людушки ходят да дивуютсе,
А кра́сны девушки кругом хо́дя — любуютсе».
А ведь бросала трубоньку подзорную:
«А бу́ди проклятая я, красная девушка,
А ведь и я ли долго позамешкалась!»
А ведь и бра́ла своих служанок она верныих,
А ведь и слушает в первом во тереми,
Видь пошла ко первому ёна́ ко терему —
А там и шел-то шо́поток дак:
А там Василева-та матушка
А она Богу стоит да ведь молитсе;
А приходила ко другому ко терему —
А там пересыпают злато и се́ребро:
А полуцили за работу золоту́ казну;
А приходила ко третьему ко терему —
А ноньци пляски идут зауда́лые,
А заходила в терем златоверхии:
А там танцюют красныи девушки,
А кра́сны девушки танцюют, до́бры мо́лодцы,
А ведь сидит ли Васильюшко Буслаевиць
А ведь в том тереми на стули на клено́воём:
«А ведь пожалуй ря́дом с ряд о́м мест у́,
«А ведь садись-ко, Настасья Романовна,
А ведь со мной да ты рядышком!»
А ён играл в гусёлышки яро́вцяты.
А ведь сиди́ла красная девушка,
Она висёлый день да до вецера,
А запохо́дит она, красная девушка:
«А ведь посиди-тко с нами, побеседуй-ка!»
А ведь сидела красная девушка,
А говорила ли-то на Васильюшку:
«Ай же ты, Васильюшко, холост мо́лодець, не жонат,
А я есть девушка на выдаваньи,

А ведь возьми за себя́ замуж!»
А ведь отвецял-то Васильюшко:
«А я за все-то тебя любил-то ведь,
А как за одно не́ люблю:
А наперед сама себя ты посватывашь!
А приехал-то тибя-то, все тебя посватати».
А со стыду пошла красная девушка.
А по у́трышку ранешенько
А ведь ёны́, Василей с матушкой,
А ведь и сватати тогда сошли.
А благословил-то доцьку-то та́тенька,
А ведь отправили кораблики раскрашёныи.

№ 409

СОЛОВЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

А из-под того дуба, дуба сы́рого,
Из-под того ли с подка́мени из-под белого
Вытекала-выбегала ведь да Волхов-река —
А ведь млад, млад-то ведь,
Молодой Соловей сын Владимирович
Со своей со дружинушкой со храброей.
А ведь хорошо кораблики изукрашенные,
А ведь хорошо кораблики излаженные,
А ведь нос, корма по-звериному,
А ведь тугие бока по-лосиному.
А млад Соловей сын Владимирович:
«Ай же вы, мои слуги верные,
А берите-ко шо́стики медные,
А ведь мерьте-ко воду, морску глубину,
Чтобы нам на ми́ли не заехати
Со своима видь со корабликамы».
А ехали да подъехали,
А приехали да во Киев-град
А ко солнышку князю Владимеру,
Выкидали-ко денежки сиребрянны.
А на тую на пристань корабельную
Выходила у их вся дружинушка,
Вся дружинушка да хоробрая,
А приходит видь да к князю-то ведь,
А к князю-то да ко Владимеру,

А дают подарки драгоценные:
Соболей-то дает что не лучшие⟨х⟩,
А зверьев дает драгоценныих,
А которых в Русии век не водитсе,
А которых в Русии не находитсе.
Ай говорит-то млад Соловей сын Владимирович:
«А дай-ко мне мистецька немножечко,
А дай-ко мне по свету построить-то
Ровно три терема златоверхиих:
Чтобы нунь верхи с верхами завивалисе,
Чтобы нунь венки с венками заплеталисе,
А в твоем саду да во зелененьком,
Чтобы дýбья-коренья повыметать,
А зéмлюшки да повыкопать».
И видит князь стóльнё-киевской,
Да приехали гости любимые.
«Мы приехали да к тебе свататьсе».
«А тебе топерь пожениться й наб!»
И дал-то местéцька немножечко
Против нонь царя да ведь того,
Против князя да Владимера.
А во том саду во зеленыим
А видь дýбья-коренья повымотали,
Распорядился да ведь тут ведь,
А видь млад Соловей сын Владимирович:
«А моя дружина хоробрая,
Одевайте-то платьиця цвéтные,
Скидовайте-тко платьиця светлые,
Надевайте платия рабочии,
А повыметайте с саду-то ведь,
А ведь дýбья-коренья повыкопайте,
А ведь к утру, к свету вы сделайте
А ведь три терема златоверхиех:
А чтоб верхи с верхами да завивалисе,
Чтобы нунь венки с венками да заплеталисе.
А видь скоро вы-ко слушайте
А оны видь-то ли миня топерь».
А построили видь, стали да строить-то
Ровно три терема златоверхиих,
А ведь к утрушку, к светушку представили:
А ведь тут венки с венками заплеталисе,
А ведь тут венки с венками завивалисе.
А дружина туда да собираласе,

А свалили всех да на отдо́х туды.
А видь эта ба́бушка Забо́вична,
А любимая была племянница,
А была она на просватаньи,
Не могла терпеть, надо видь сходить,
Надо видь сходить да не в один покой.
А заходит она да в один покой,
А заходит она в покой-то ведь —
А ведь там говорят, что млада́ Соловья,
А того ли видь да сына Владимировича,
А видь млад Соловья сына Владимировича,
А его-то мать Богу молитсе,
А во сыру землю да клонитсе;
А другой-то ёна́ зашла-то ведь —
А идет-то там-то счет-то ведь,
А сцитат свою бесцетную казну,
А бесцетную золоту казну,
А ведь млад Соловей сын Владимирович.
А приходит к ему да здравствует,
А целует его да ми́лует:
«Уж ты, млад Соловей сын Владимиров,
А возьми-тко миня да ты в замужесьво».
«А всим ты ведь, девка, в любовь пришла,
А одным как, девка, не в любовь пришла —
А когда приехал я припосвататьси,
А ведь ты сама да нахалуешь!
А видь это мни да не надо-ка,
Неудобно исть, да конфузно есть!
А как да-ко да к князю-то ведь
Ко князю пойдем да к Владимеру:
А ведь сделай да рукоби́тьицё,
Рукоби́тьицё да просва́таньё,
А пойдет у нас да ведь свадебка,
Цéстно-по́цёстно, по-хорошему,
А не так же будь да ведь как-нибудь,
Неужели у нас да не хватит тут?»
А приходит он ко тому ли да ведь
Ко князю да ведь ко Владимеру.
А сретает гостей драгоценныих,
А сретает гостей чесно-за́чесно,
А проводит во столики во дубовые,
А во ты ли во горенки во новые,
А за ты столы за дубовые,

А за ты за кушанья за медвя́ные,
А за ты есьвы саха́рние.
А пьет-то он зелено́ вино,
Подносил-то тут пива пьяного,
Наливат меду да сладкого,
Говорит: «Я приехал ведь млад Соловей,
А млад Соловей да сын Владимирович,
А Владимир-князь стольне-киевской,
А приехал к тибе да посвататьси:
У тебя видь есть да ведь кра́сна де́вица,
А видь есть да молода да молодешенька,
А нельзя ли нам да с тобой-то ведь
А как сделать родни да хорошие?»
А ведь тут же князь: «Соловей,
А ведь глядь, можно все сдела́ть.
А пойдет ли да моя-то ведь
А любимая да племянница?» —
«А давно-то видь без стыда говорит:
„А пойду-то я да просватаюсь
За такого жениха того-то ведь!
А такой-то муж со своим родо́м,
А такой-то жених не приидет ведь"».
А задернули перком да за свадебку,
А задернули пер на двенадцать дней.
Они вси на перу напиваютсе,
Они вси на перу наядаютсе,
Они вси на перу порасхвастались,
Они вси на перу расплясалисе.
А который фастает добры́м конем,
А ведь иной фастает могутны́м плечом,
А который силой богаты́рьскоёй,
А ухваткой иной молоде́цькоёй.
А прошло-то поры да времячко,
А прошло да видь да двенадцать дён,
А вот тут у их свадьба кончилась,
Свадьба кончилась чудно да нунеча.
А видь тут млад Соловей,
Млад Соловей сын Владимирович:
«А сбирайте-тко да вы слушайте,
А мои-то были рабочие,
А видь слушайте миня топерь,
Убирайте-тко терема ты видь,
Терема тые да златоверхие,

А складите-ко да на кораблики.
Мы пойдем топерь во свою землю́,
Во свою землю́, во свою орду,
А ведь это нам да не дак топерь».
А видь склали они тут да ведь этых
А видь склали тут как три те́рема,
А видь склали терема́ златоверхие,
А отправилсе млад Соловей,
Млад Соловей сын Владимирович,
А ведь да стал как жить,
А ведь стал-ка жить, добра наживать,
А теперь-то ён хорошо живет.

№ 410

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Вышла река широка-глубока,
Сторону ёна́ да Нова́ города́,
Другу ёна́ до Еросо́лима,
По той по реченьке [шло] три ко́рабля,
Три корабля́ да златоверхиих:
Вершоцьки с вершоцьками свивалисе,
Вьюноцьки с вьюноцьками слипалисе —
Добры люди дивовалисе.
В одном-то корабле сидит сам Соловей,
А сам Соловей сын Гуди́моровиць,
В дру́гоём корабли — его матушка,
Есь матушка была Софиевна,
В третьём корабли — и дружинушка,
Дружинушка была хоробрая:
Тридцать три молодца вси ядина́киих.
Говорит тут сам Соловей да Гудими́ровиць:
«Ай же вы, дружина есь хоробрая,
Тридцать три молодца вси ядина́киих,
А и делайте-ко дело повеленное,
А слушайте большого ата́мана:
Берите-ко вы щу́пы железныи,
А щупайте глубины во Волги-реки,
Во Волги-реки широки́, глубоки:
А нет ли где да ни каменя,
Где меленькой примели-перемельчинки,

Подъехать нам ко городу ко Ки́ёву,
Ко ласковому князю ко Владимеру,
Ко той ли ко пристань корабельную!»
Ай слушалась дружинушка хоробрая —
Тридцать три молодца вси ядина́киих.
А брали ёны́ щупы железныи,
А щупали во Волги-реки:
А нету где луди, не каменя,
Не меленькой ни мели, перемельциньки.
Подъехали ко городу ко Ки́еву,
Ко ласковому князю ко Владимеру,
Ко той ли при́стань корабельнюю.
Говорит тут сам Соловей сын Гуди́мировиць:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая,
Тридцать три вы молодца вси ядина́кии,
Берите-ко подносы золоцёныи,
Кладывайте-ко подароцьки легкии.
Покладывайте на подносы камёшо́цики,
Несите-ко вы во город-град
Ко ласковому князю ко Владимеру,
Кладите-ко поклоны понизешенько,
Крест-то ведите по-писаному,
Дарите-ко подароцьки вы маленьки!
Просите-ко местецьки немношецьки
На той ли на горе ёны́ на Яфонте,
Где пироги пекут, блины продают,
Где маленьки ребятка барышницяют».
Слушалась дружинушка хоробрая,
Тридцать три молодца вси ядина́киих:
А брали тут подносы золоцёныи,
Кладывали-то по камешку-яфонту,
По камешку-яфонт самоцветному,
А шли они к князю сто́льнё-киеському,
Несли ёны́ поклоны да понизешеньку,
Кладывали ёны крест да по-писаному,
Просили оны местецьку немношецько
На той ли на горы́ на Яфонты́,
Где пероги пекут да блины продают,
Где маленькие ребятка барышницюют.
Говорит тут Соловей да сын Гуди́мировиць:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая,
Тридцать три молодца вси ядина́киих,
Берите-ко вы ножики тоценыи,

Берите топоры да золоцёныи,
Рубите-ко на гороцьки на Яфонты,
Рубите-ко вы терема да златоверхии:
Вершоцьки с вершоцьками свивалисе,
Вьюноцьки с вьюноцьками слипалисе,
Чтобы добрые люди дивовалисе!»
Подвыстала молодая Путятицьна,
Под утро она вставала ранешенько,
Глядела она́ в окошецько косивцято
На тую на гору на Яфонту,
Где пироги пекут, блины продают,
Где маленьки ребятка барышницяют.
Вцерась была гора пусты́м-пуста́,
Сегодня на горы густы́м-часта́ —
Стоят тут терема златоверхии:
Вершоцьки с вершоцьками свивалисе,
Вьюноцьки с вьюноцьками слипалисе.
«Уж вы, няньки-служанки верныи,
Ставайте-ко вы поскорешенько,
Одевате-ко меня да поцистешенько,
Омывайте ли меня побелешенько!
Пойдем мы на гору д' на Яфонты,
А где пироги пекут, блины продают,
Где маленьки ребятка барышницяют».
А няньки-то, служанки слушалисе:
Пошли ёны́ на гороцьку,
На горку ёны́ да на Яфонты,
Во терем зашли златоверхии —
Сидит дружинушка, сидит хоробрая,
Тридцать три молодца вси ядина́киих;
Во другом-то тереме сидит матушка,
Есь матушка была Софиевна;
И в третьей терем вошли — да Соловей сын Гудими́ровиць,
Он сидит за столом за дубовыим,
Во гусёлошка яровцяты поигрывает:
«Ай здраствуй, молодая Путятишна,
Садись со мной, за столом побесе́дуём,
Садись со мной да позаи́грываём!»
Посидели тут трое сутоцьки —
Показалосе им за три минутоцьки.
Говорит тут она, да Путятишна:
«Ах ты, сам Соловей да сын Гуди́мировиць,
Верши-ко ты сам с разговорамы!

Пойдем-ко ты в церкву обруцённую,
Ай примем-ко закон да обруцный есь».
А ён говорит: «Ах ты, молодая Путятоцьна,
Не могла же еще ты су́тоцёк
Ко мне ты невестой поднавязаласе!
А я такой невесты не желаю взеть,
Которая ко мне да даваетсе!»
Повернулсе тут да на Яфонты,
Пошел тут со своей дружинушкой хоро́броёй.

№ 411

ПРО НАСТАСЬЮ РОМАНОВНУ И ВАСИЛИЯ ГУДИМИРОВИЧА

По матушке, по Волге-реке
Плыло ⟨тридцать три⟩ корабля, да раскраше́ных,
А один кораблик идет лучше всех,
Идет лучше всех и ён баще всех:
По носу кораблей — как люты звери,
А по кормы кораблей — как часты змеи,
На кораблики мачты золоченыи,
Как канатики на нем шелковыи,
Паруса-то шиты, бранны, полотнянныи;
На боку-то на кораблеки нарисовано —
Как сидят-то добры молодцы,
Как на другом боку нарисовано —
Ведь сидят души красны девушки:
Как кораблишек на водушке колубнется,
Молодцы с девицами обоймутся и поцелуются.
На кораблике хозяйн-то Васильюшко,
Василий сын Гудимирович.
По кораблику Васильюшко похаживат,
Разны речи да Василий выговаривае:
«Как, дружинушка моя да хоробрая,
Вы берите-ка шошты долгомерныи,
Вы щупайте-кидайте по матушке по Волге-реке,
И узнавайте ко́рги-переме́ли,
Выходите вы да на сине море,
Поднимайте паруса да полотняныи,
Перебегайте-ка вы через синё море,
Становитесь-ко пристани да государскую,
Ко тому царю Роману Митырьевичу.

И вы несите-ко подарочки заморскии:
Вы куниц, лисиц, соболей вы заморскиих,
Насыпайте блюдо золоченое
Вы камней да драгоценныих,
Вы другое да насыпайте самоцветныих,
Вы несите-ко к царю Роману Митырьевичу,
Вы дарите-ко царя Романа Митырьевича
Со приездом с-за синя моря,
Да просите-ко вы у царя Романа Митырьевича,
Вы просите-ко да местечка немножечко
На той горочке, на женскою,
Где блинки пекут да пирожки продают,
Хо́дя маленьки робятка, барышничают,
Нам построить три терема златоверхиих,
Чтобы верхи ты с верхами завивалися,
Ходили кругом добры люди да дивовалися,
Красны девуцки да любовалися.
Как дружинушка его да хоробрая
Дело делала повелёное:
Брали шошты долгомерныи,
Щупали-кидали по матушке по Волге-реке,
Узнавали корги-перемели,
Выходили на сине море,
Поднимали паруса полотняныи,
И перебегали через сине море,
Становилися ко пристани государскоей,
Ко тому царю Роману Митырьевичу,
Несли подарочки заморскии:
Куниц, лисиц, соболей заморскиих,
Насыпали блюдо золоченое
Камней драгоценныих, а другое самоцветныих,
И дарили с приездом царя Романа Митырьевича,
И просили у него местечка немношечко,
Как построить три терема златоверхиих.
И отвечал царь Роман Митырьевич ведь:
«За ваши подарки за заморскии
Перво место дам — стройте возле меня,
А ⟨второе⟩ место дам — против меня,
А ⟨третье⟩ место, где да вам понравится.
Таких подарочков заморскиих
Никогда да и не видано,
Да ни от кого да не примано.
Да просили мистичко:

«Дай-ка нам мистичко на горочки, на женскую».
Тут же они да построили
Три терема да златоверхиих:
Как верхи ты да с верхами завиваются,
Ходят добры людюшки, дивуются,
Красны девушки ходят да любуются.
Терема ты были в караблях да привезены,
Только склали добры молодцы.
У царя-то Романа Митырьевича
Была дочь-то Настасья да Романовна,
Красна девушка была да на выдаваньи.
Как выходила в кажно утрушко
Да Настасья да Романовна
Да на высок балхон,
Брала трубоньку она да подзорную,
Да глядела она кругом своего города да красного,
Круг своего села да богатого.
Как увидала на горочке, на женскую —
Стоит три-то терема да златоверхиих:
Вершочки с вершочками да завиваются,
Свиваются вершочки, завиваются,
Кругом ходя добры людюшки дивуются,
Красны девушки ходят да любуются.
Да говорила Настасья Романовна,
Говорила ёна да сама себе:
«Вчера было на горке пустым-пусто,
Как сегодня на горке густым-густо,
Как стоит три терема златоверхиих».
Да бросала она трубочку подзорную,
Да шла да красна девушка,
Да мылося белешенько,
Одевалоси почистешенько,
Брала служанок верныих
И пошла красна девушка
Смотреть терема златоверхии.
Приходила ко ⟨первому⟩ терему —
Как слышала во ⟨первом⟩ тереме:
Пересыпают злато-серебро,
Получают за работу золоту казню;
Приходила ко другому терему —
Как сидит Васильева да матушка
С верныма своима да служанкама;
Как приходила красна девушка

Ко ⟨третьему⟩ да терему —
Как слышит во ⟨третьем⟩-то во тереме
Тоньцы-пляски идут да заунывичо:
Как пляшут добры молодцы
Да танцуют красны девушки.
Заходила в терем Настасья Романовна
Со своима верными да со служанками,
Как сидит да Васильюшко
Среди терема
Да играет в гуселышко яровчато,
Как танчуют добры молодцы да красны девушки.
Как увидал да Васильюшко
Настасью да Романовну,
Что пришла с верными служанками,
Да поддёргивал им стулочки кленовыи,
Да садил с собой рядышком.
Да сидела Настасья, любовалося
Целый день, с утра до вечера.
Да говорила Настасья да Романовна:
«Ты, Васильюшко, да сын Гудимирович,
Ты есть холост, молодец, да неженат,
А я есть девушка, да на выдаваньи,
А возьми-т-ко ты, Васильюшко, меня
Да за себя замýж».
Да отвечал Васильюшко:
«Да за все тебя люблю, Настасья Романовна,
Только за одно да тебя не лю́блю —
Наперед ты сама себя да просватываешь».
Со стыду пошла красна девушка,
Она с верными да служанками.
Тут по утрышку ранешенько
Как взял Васильюшко свою да родну матушку,
Как пошли к царю Роману Митырьевичу,
Как докладу они делати
О добром деле, да о сватовстве.
Говорила Васильева матушка:
«Как здравствуй, царь Роман да Митырьевич ведь,
Мы ведь гостюшки к тебе
Да приехали
О добром деле, да о сватовстве:
Как у меня есть сын да Васильюшко,
Да Васильюшко сын Гудимирович,
Холост молодец да неженат,

А у тебя есть красна девушка
Да на выдаваньи,
Как Настасья Романовна,
Желашь ли отдать за Васильюшко
Да во супружество?»
Как отвечал-то царь Роман да Митырьевич ведь:
«Как пожелат-то ведь Настасья да Романовна,
Не держу я красной девушки».
Говорила Настасья да Романовна:
«Выдавай меня, да родный татенька».
Как тут крутили красну девушку
Во цветныи во платьица
И провожали ко кораблицки,
Поднимали паруса да полотняныи,
Повезли да красну девушку
Во тую Индéю, во богатую.
Да на том былина та покончилась.

№ 412

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Как по матушки и по Волги-реки
Идет триццать три корабля,
Триццать три корабля, все раскрашоныи.
Как один идет кораблик да получше всих,
Он получши всих да побаще всих:
По носу кораб, как люты звери,
По кормы кораб, будто чисты змеи,
На кораблики-то — мачты золоченыи,
На кораблики — канатики шелковыи,
Паруса-то шиты браныи да полотняныи;
По боку кораблика нарисовано —
Как сидят-то ведь да добры молоцы,
На другом-то боку нарисовано —
Как сидят-то души красны девушки:
Как на водушке кораблицек сколыбнетце,
Молодцы с девицямы обоймутце да поцелуюцце.
Как хозяин на кораблике Васильюшко,
А Василий сын да Будимировиць.
По караблику Васильюшко похаживат,
Разны риди Василей выговаривает:

«Как дружинушка моя аль хоробрая,
Как берите-тко шосты долгомерныи,
Уж вы щупайте-кидайте по матушки Волги-реки,
Узнавайте-тко вы да корги-перемели,
Выходите-тко да на синé морé,
Поднимайте-ко паруса да полотняныи,
Перебегайте-ко да через сине море,
Становитесь ко пристани да государскоей,
Ко тому царю Роману Митриёвицю.
Как с приездом несите морские подароцьки:
Вы куниць, лисиць, соболей да вы заморскиих,
А насыпьте блюдо золоцёное,
Вы камней насыпьте драгоценныих,
Вы друго насыпьте камней самоцветныих,
А вы дарите царя Романа Митриéвиця
Как с приездом-то с-за синя́ моря́,
Как просите царя Романа Митриевиця,
Как просите местецько на гороцьки [да] на пашенки,
Где блинки пекут, пирожки продают,
Маленькие ребятки ходят да барышничают,
Нам построить три терема да златоверхиих,
Штобы верхи-то с верхамы завивалисе,
Как ходили бы кругом добры люди, любовалисе,
Красны девушки бы любовалисе».
Как ведь слушали дружинушка хоробрая,
Как ведь брали да шосты до долгомерныи,
Оны щупали-кидали по Волги-реки,
Выходили оны да на синё морё,
Поднимали паруса да полотняныи,
Перебегали-то через синё морё,
Становились окол пристани да государьскою,
Ко тому ли царю Роману Митриевицю.
Как несли оны подароцьки заморьскии:
Как куниць, лисиць, соболей оны заморскиих,
Как насыпали-то блюдо золоцёное,
Как насыпали цело камней да драгоценныих,
Как другое-то блюдо самоцветныих,
Как несли подароцьки оны заморские
И дарили с приездом царя Романа Митриевиця.
Как просили у царя местецька немножецько
Как на той ли гороцьки, на пашенки,
Где блинки пекут да пирожки продают,
Маленьки робятки ходят да барышничают.

Говорил царь Роман да Митриевиць видь:
«Как за такие-то подарки за заморьскии,
Как таких подароцек да никогда не видано,
Ни от кого таких подароцек не принимано,
Первое место дам — стройте вы возли меня,
Как другое я место — да стройте против меня,
А третье место, где вам по́люби».
Отошли-то к Василью на кораблики,
Говорили-то дружина да хоробрая:
«А и строй-ко, гди да теби по́люби».
На корабликах терема были привезены,
Нацяли терема-то оны складывать
И на той-то на гороцьки на женскоей,
А на женскоей гороцьки, на пашенки,
Где блинки пекут и пирожки продают,
Маленьки робятки ходят да барышницяют.
А сложили-то три-то терема златоверхиих:
Как верхи-то с верхамы завиваютце,
Ходят добры людюшки да ведь дивуютце,
Красны девушки ходят да любуютце.
Как Настасья-то Романовна
А ставала-то по утрышку ранешенько,
Ведь она брала трубоцьку подзорную,
Как ходила на своем балкони да красавица,
Она в кажное утрышко смотрела ведь,
Как усмотрела на гороцьки да на пашеньки на женскою,
А говорила Настасья сама себе:
«Как вцера было на горки-то пустым-пусто,
Как на горки сегодни да густым-густо,
Стоит три терема златоверхиих:
Што верхи-то со верхамы завиваютце,
Кругом ходят добры людюшки, дивуютце,
Красны девушки ходят, любуюцце».
Как бросала она, да красна девушка,
Ена трубоцьку подзорную да скоренько,
Вот и мыласи Настасьюшко белешенько,
Одеваласи Романовна цистешенько,
Как брала служанок она верныих,
И пошла Настасья на гороцьку, на пашеньку на женскую.
Приходила Настасья к первому ко терему —
Тут как слышит-[то], пересыпают злато-серебро,
Полуцяют за работу золоту казну;
Приходила Настасья к другому ко терему —
Там сидит Васильева да сидит матушка

Со своима да с бедныма служанкама;
Приходила Настасья к третьему ко терему —
Слышит Настасья в тереме танцы, пляски идут да незаунывьица.
Заходила Настасья во тот терём,
Увидал Васильюшко да ведь Будимирович,
Как поддергивал гим стулицьки кленовыи,
А садил Настасьюшку да с собой рядышком,
Как садил Настасьюшку да с собой рядышком.
Как сидела она, да красна девушка,
С верныма она служанкамы,
Ведь и целой-то день она до вецера,
Как сидела, всё-то любоваласи,
Как танцуют-то добры молоццы,
Добры молоццы да красны девушки.
Как говорила-то Настасья да Романовна:
«Как Васильюшко да сын Будимировиць,
Ты есь холост молодец да не́ женат,
Я ведь девушка есь да на выда́ваньи,
А возьми-тко ты, Васильюшко, за себя заму́ж». —
«А за всё люблю, Настасья-то Романовна,
За одно-то тебя только не́ люблю —
Наперед ты сама себя просватывашь».
Со стыду пошла да красна девушка
И она с верныма да со служанкамы.
Как по утрушку-то ранешенько,
Как взял Васильюшко да родну матушку,
А пошли оны доклады царю делати
Как о доброем о дели да о сватосви.
Говорила Василья родна ма́тушка:
«Как царь Роман да Митриевиць видь,
Мы к тиби-то в гостюшки как приехали
Как о добром дели да о сватосви:
А у меня есь сынок ё Васильюшко,
А за Васильюшку отдать да во супружество?»
Отвецял-то царь Роман да Митриевиць видь:
«Как желат идти Настасья да Романовна,
Не держу ведь я красной девушки».
Говорила Настасья да Романовна:
«Выдавашь-ко меня, родной татенька».
Окрутили-то да красну девушку,
Как проводили Настасью на кораблики,
Поднимали паруса да полотняныи,
Повезли Настасьюшку в Индею во богатую.
Да ведь тым былинка и поконцилась.

№ 413

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота ли, глубота океан-море,
И широки обмуты днепровския.
Из-за моря синяго,
От того царя от заморского,
От славного города Леденца
Подплывали ко городу ко Киеву
Тридцать кораблей торговыех,
Один корабль получше всех
Славного гостя богатаго
Молода́ Соловья Будимировича.
У того было сокола-корабля
Вместо глаз было положено
По дорогому каменю яхонтовому;
Вместо усов было воткнуто
Два ножика булатныих;
У того было сокола-корабля
Вместо ушей было воткнуто
Два копья мурзомецких,
И два горносталя повешено,
Два горносталя да два зимниих;
Вместо бровей было прилеплено
Два черных соболя якутскиих;
У того было сокола-корабля
Вместо хвоста были повешены
Два медведя заморския;
Нос-корма по-туриному,
А бока взведены были по-звериному.
На том ли было соколе-корабле
Собиралась бесёда великая,
И говорит тут Соловей Будимирович:
«Уж вы гой еси, мои товарищи,
А как будем мы во городе во Киеве,
Чем мы будем дарить князя Владимира?»
Говорят тут ему его товарищи:
«Ай же ты, Соловей Будимирович,
Есть у тебя золота казна,
Сорок бочок черных соболей,
Второе — сорок бочок бурнастых лисиц,

И есть у тебя золота камка́,
Не дорога камочка, но узорчик хитер:
Хитрости на ней Царя́-града,
А мудрости — Иерусалима».
И заехали они в Днепру-реку,
И заплатили они сбор три тысячи.
И пошел Соловей к князю Владимиру,
Брал с собой он ⟨сорок⟩ бочок черных соболей,
Вторые сорок — бурнастых лисиц,
И брал он золоту парчу,
И приходил он ко князю ко Владимиру:
«Уж ты здравствуешь, князь Владимир стольно-киевский
Со своей княгиней со Апраксией,
Прими-ко ты от меня дороги подарочки:
Сорок бочок черных соболей,
Второе сорок — бурнастых лисиц.
А ты, княгиня Апраксеевна,
Прими от меня золоту парчу».
Вот и князю дары прилюбилися,
А княгине наипаче того.
И говорит тут Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, Соловей Будимирович,
За твои подарки за великия
Заимуй ты у нас во городе во Киеве,
Занимай дворы княженецкие,
Занимай дворы ты дворянские,
Занимай дворы и посадские».
Говорит тут Соловей Будимирович:
«Не надо мне дворов дворянскиих,
Не надо мне дворов княженецкиих,
А лучше дай ты мне загон земли,
Не паханые и не ораные,
В том саду, в орешнике,
У Забавы у Путятичной».
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Со княгинею я подумаю».
И подумавши, согласился дать.
И пошел тут Соловей Будимирович
На свои корабли за плотничками,
И говорит он своим мастерам-плотничкам:
«Забирайте-ко вы пилы-топорики
И срубите мне к утру три терема».
Как вечером во зеленом саду

Будто дятлы в дерево запостукивали,
Тут ведь плотницки запоколачивали,
Они с вечера терема обложили,
А к полуночи их построили,
А к утру терема изукрасили,
Но один-то терем получше всех:
На небе солнце — и в тереме солнце,
На небе месяц — и в тереме месяц,
На небе заря — и в тереме заря,
Словом — вся красота поднебесная.
И просыпалосе утром ранешенько
Молода Забава Путятична,
Посмотрела она в окошечко,
Увидала она в своем зеленом саду
Стоят терема златоверхия,
И говорит она нянюшкам и сенным девушкам:
«Вы нянюшки, сенны девушки,
Что мне за чудо показалосе,
В моем саду, в орешнике?»
Говорят ей нянюшки и красны сенны девушки:
«Ай же ты, Забава Путятична,
Счастье к тебе само пришло».
И тут Забава снаряжаласе,
Надевала она шубу соболиную во тысячу,
А пуговок на ней на три тысяци,
И пошла она во зеленый сад.
Она у первого терема послушала —
Там щелчит-шумит, ничего не говорит:
Тут лежит Соловьева золота казна;
Она у дру́гова терема послушала —
Тут тихонько говорит да все молитвы говорит:
Соловьева матушка Богу молится
Со вдовой честно́й многоразумною;
Она у третьяго терема послушала —
Тут играет музыка веселая.
И пошла она в этот терем златоверхиий,
Отворяла она двери на́ пяту,
И увидела в тереме всю красоту поднебесную.
И так она испугаласе,
Что не могла она устоять на резвых ногах.
А Соловей Будимирович догадлив был,
И бросает свои гуселки яровчаты
И берет Забаву за руки:

«А ты чего же, Забава, испугаласе?»
Говорит Забава Путятична:
«Испугаласе я красоты твоего терема,
Нигде я такой красоты еще не видывала,
И нигде про такую красоту не слыхивала:
На небе звезды — и в тереме звезды,
На небе месяц — и в тереме месяц,
На небе солнце — и в тереме солнце,
Словом — вся красота поднебесная».
И говорит тут Забава Путятична
Соловью она Будимировичу:
«Ты ведь, молодец, теперь на возрасте,
Я девица на выда́ваньи,
Сама пришла за тебя свататьси».
И тут оне обнималисе, целовалисе, миловалисе.
И пошел он, Соловей Будимирович, к своей матушке,
Что хочу я, мол, женитися.
Но говорит ему родна матушка:
«А ты съезди-ко сперва за морё,
И когда ты там рассторгуешься,
Приедешь сюда да и женишься».
И поехал Соловей Будимирович тут за морё.
А в та поры, в тое времяцко
Отправлялся тоже из Киева
Голый Шап Давид Попов,
Он скорей за морями расторгуется,
А скорей того еще к Киеву приезживал
И привез он князю подароцки:
Крашанину смурую и печатаную.
Дары-то князю не прилюбилися,
Но с княгиней они принимали, не сердилисе.
И спросил у его тут Владимир-князь:
«Ты скажи мне, Голый Шап Давид Попов,
Где ты слыхал про Соловья Будимировича?»
Говорит Голый Шап Давид Попов:
«Не то что слышал, а именно видел
В городе Леденце у того царя заморского
Соловей Будимирович в протаможья попал,
И сидит он в каменной тюрьме,
Корабли его отобраны
Под его царское величество».
И тут-то Владимир-князь
Задумал он сделать свадебку,

Он задумал отдать свою племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну,
За Голого Шапа Давида Попова,
И пошла у них тут уж свадебка.
А в та поры в Киев флот пришел —
Девяносто кораблей Соловья Будимировича.
И привозил с собой он в платьях белыех
Он сорок калик со каликою,
И приглашали калик на пир свадебный,
И тотчас по поступкам Соловья
Признавала его Забава Путятична.
Сама говорит таковы слова:
«Уж ты, дядюшка мой ласковый князь,
Не тот мой муж, который подле меня,
А тот мой муж, с которым прежде обручалисе,
С молодым Соловьем Будимировичем,
Через стол скачу, обесчещу столы».
Говорит тут Владимир-князь стольно-киевский:
«Ай же ты, моя племянница,
Не скачи ты через столы дубовыя».
И выпущали ее из-за столов дубовыех.
Подходила она к Соловью Будимировичу,
Брала она его за руки,
Вела его за столы дубовыя,
И пошел тут у них свадебный пир навéселе.
А Шап Давид Попов тот печальный стал,
Что обманул он князя Владимира,
Он оклеветал Соловья Будимировича,
Но прощает князь ему всю напраслину,
И тем былина и кончается.

№ 414

СОЛОВЕЙ ГУДИМИРОВИЧ
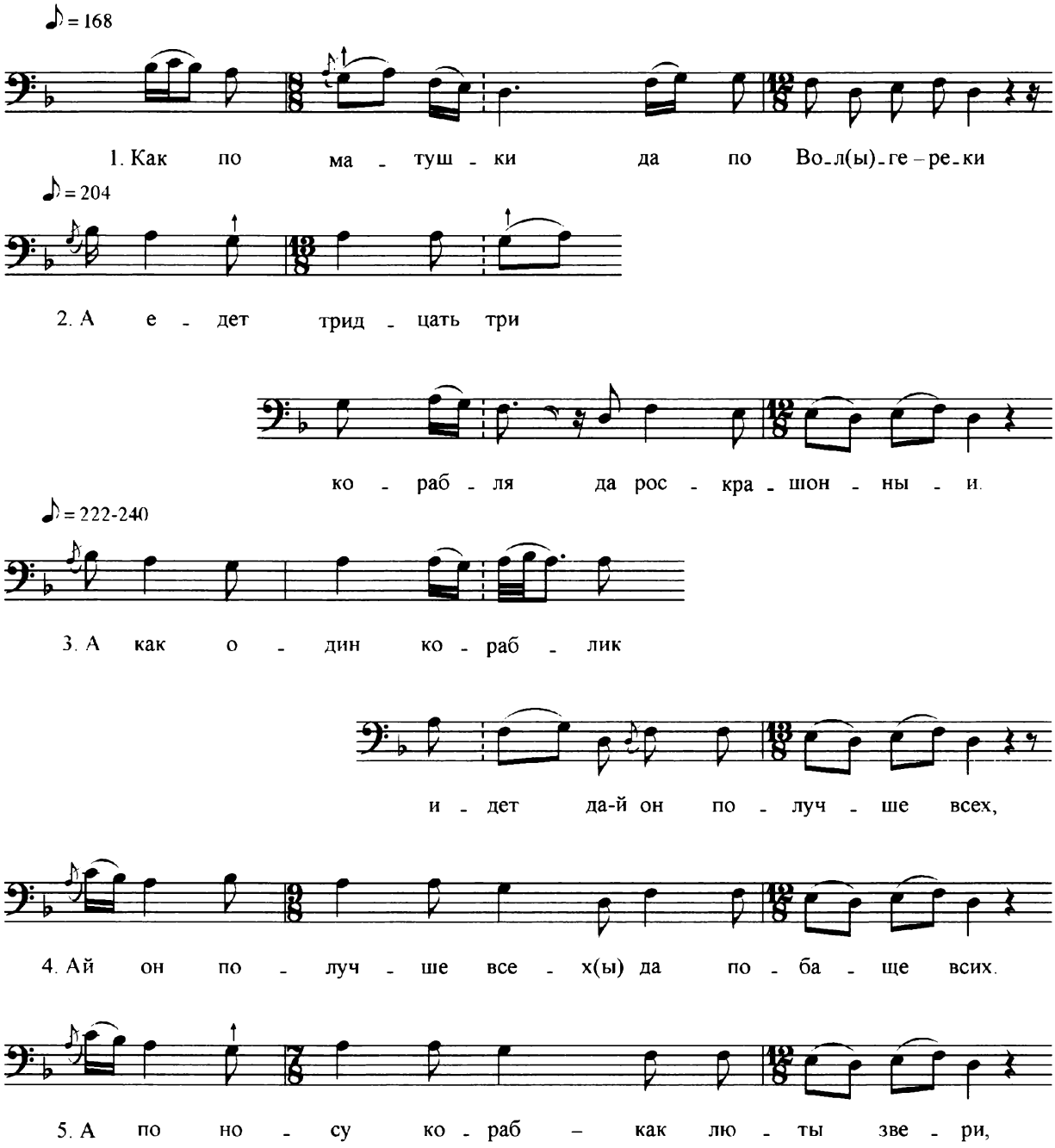
Ой вышла река широка-глубока,
В сторону она до Нова города,
В другу она — до Ерусалима.
По этой по реченьки
Шли три кораблики златоверхии:
Вершечка с вершечкой свивалися,
Добры люди дивовалися,
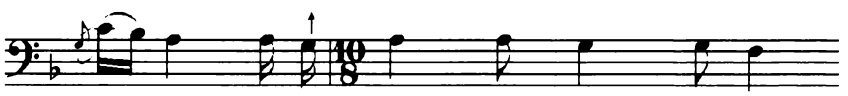
Веночки с веночками слипалися.
На первом корабле сидит сам Соловей сын Гудимирович,
На другоем корабле — его матушка,
На ⟨третьем⟩ корабле — дружинушка,
А дружинушка есте хороброя,
⟨Тридцать три⟩ молодца, все одинакие.
Говорит тут сам Соловей сын Гудимирович:
«Ай жо ты, дружина е хоробра,
⟨Тридцать три⟩ молодца, все одинакие,
Берите вы щупы железные,
Щупайте во Волге-реки в широки-глубоки:
Нет ли где не луды да не камени,
Где меленькой примолы-перемельчены,
Подъехать нам ко городу ко Киеву
Ко ласкову ко князю ко Владимиру,
Ко той ко пристани корабельноей».
Слушиласе дружинушка хоробрая,
Брала й-она щупы железны,
Щупала, смотрела по Волге-реке:
Нет нигде не луда, ни каменя,
Ни меленькой не молы-перемельчены.
Подъехали ко городу ко Киеву
Ко ласковому князю ко Владимиру.
Говорит тут сам Соловей сын Гудимирович:
«Ой же ты, дружина е хоробрая,
Берите-ко подносы золоченые,
Полагайте по камешку, по яхонту,
По яфонту по самоцветному,
Подите-ко во город во Киев-град
Ко ласковому князю ко Владимиру.
Крест кладовайте по-писанному,
А поклон несите по-ученому,
Дарите-ко подарочки нелегкие,
Просите-ко вы местечко немножечко
На той ли на горочки на Яфонты,
Где пе́роги пекут, где блины продают,
Где маленьки ребята барышничают».
Говорит тут Соловей Гудимирович:
«Ай же ты, дружина есть хоробрая,
Берите-ко топорики булатные».
Говорит Владимир-князь:
«Не надо мне подарочков нелегкиих,
Берите место, сколько надобно.

Срубите на той ли на горочке на Яфонты
Три терема златоверхиих:
Чтобы вершецки с вершецками сплеталисе,
Чтобы веноцки с веноцками свивалисе,
Что⟨бы⟩ добрые люди дивовалисе».
Говорит тут Елена таковы слова:
«Вчера было на горочке пустым-пусто,
А сегодня на горочке густым-густо.
Уж вы, няньки, служаночки мои верные,
Обувайте башмачки сафьяновы,
Одевайте платья самоцветные,
Пойдемте на горочку на Яфонту, где пероги пекут».
Пошла тут Еленушка во терем златоверхии.
Во первом тереме сидит дружинушка хоробрая,
⟨Тридцать три⟩ молодца одинакие,
В другом тереме — его матушка Настасья дочь Софиевна,
В третьем тереме — сам Соловей сын Гудимирович.
Поклон несла понизешенько.
Сидели тут й-оны трое суточки,
Показалося ему — три минуточки.
Говорит тут Елена таковы слова:
«Уж ты, Соловей сын Гудимирович,
Бери ты меня за белы руки,
За белы руки, за златы перстни,
Пойдем мы с тобой во Божью церковь,
Примем мы с тобой законный брак».
Говорит тут Соловей таковы слова:
«Всем ты мне невеста есть по разуму,
А одним ты мне не покривилась,
Что сама себя, Елена, ты просватала».
(*Не взял.*)

№ 415

ПРО ВАСИЛИЯ БУДИМИРОВИЧА

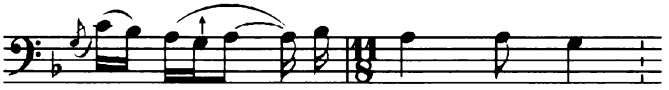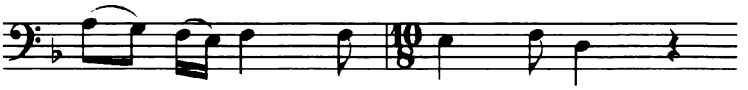

6. А по ко-р(ы) - мы ко - раб – буд - то
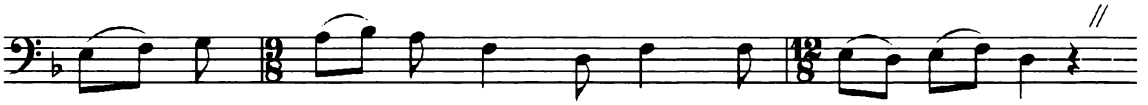

да чис - ты з(и)-ме - и.
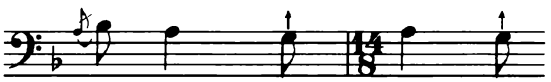

7. А на ко - раб - леч - ки
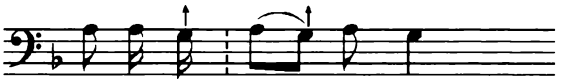

мач - ты зо - ло - чё - ны - и,
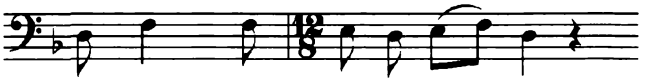

8. А ка - на - тич - ки вси ведь шол - ко - вы - и,
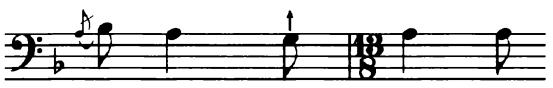

9. А па - ру - са все
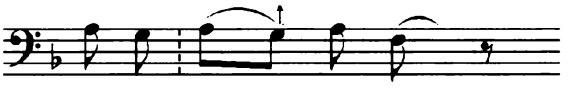

ши-ты-б(ы)-ран - ны - и

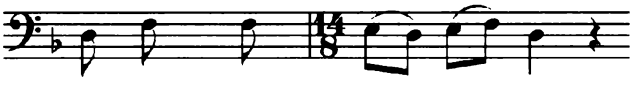
да по - лот - ня-н(ы)-ны - и.
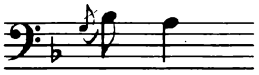

10. А на бо - ку - то
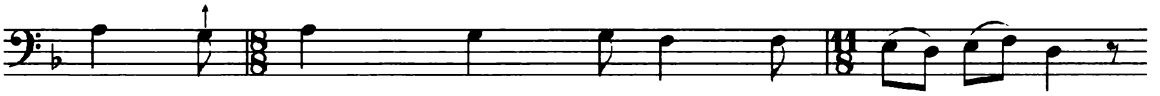

на ко - раб - леч - ки

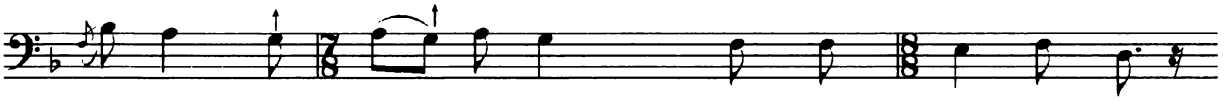
и да на - пи - са - но:
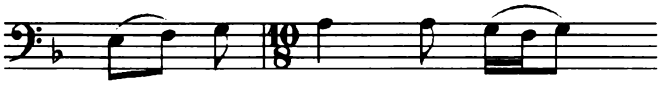

11. А ведь
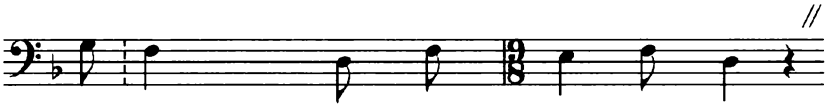

как си - дят - то да доб - ры мо - лод - цы,
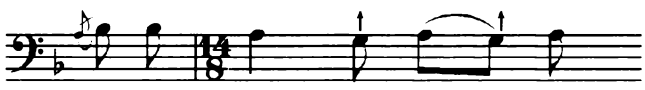

12. А на дру - гом бо - ку на - ре - со - ва - но:
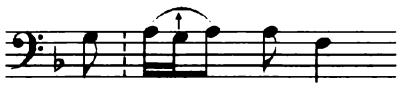

13. А си - дят - то ведь

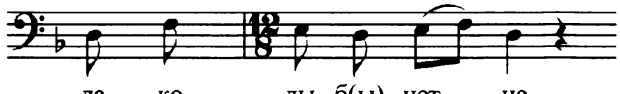
да крас - ны - и де - вуш - ки.
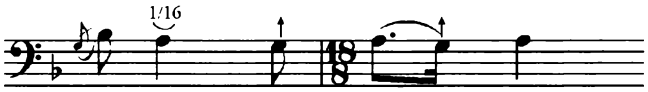

14. А ко - раб - лик сто - ить
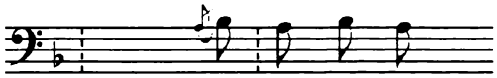

на во - душ-ки

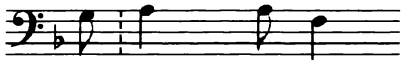
да ко - лы-б(ы)-нет - це —
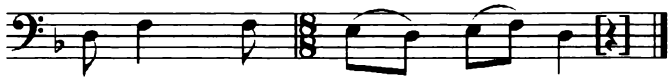

15. А мо - лод - цы вси

с де - ви - ца - ми

о - бой - мут-це

да по - цё - лу - ют - ця...

Как по матушки да по Вол(ы)ге-реки́
А едет тридцать три корабля да роскрашо́нныи.
А как один кораблик идёт да-й он получше всех,
Ай он получше всех(ы) да побаще всих.
А по носу́ кораб — как люты́ звери,
А по кор(ы)мы́ кораб — будто́ да чисты́ з(и)меи.

А на кораблечки — мачты золочёныи,
А канатички вси ведь шолко́выи,
А паруса все шиты-б(ы)ранныи да полотня́н(ы)ныи.
А на боку-то на кораблечки и да написано:
А ведь как сидят-то да до́бры мо́лодцы,
А на другом боку наресовано:
А сидят-то ведь да красныи девушки.
А кораблик сто́ить на во́душки да колыб(ы)нетце —
А молодцы вси с деви́цами обо́ймутце да поцёлу́ютця...

СОРОК КАЛИК (№ 416—419)

№ 416

СОРОК КАЛИК

Ай на тоем ведь на поле на турецкоём
Ай как ведь сбиралосе, как съезжалосе
Ай как много сильниих могучиих как бога́тырей,
Ай как тридцать бога́тырей со единыим,
Ай единыи был богатырь-от
Молодой Касьян да Афонасьевич.
А спустилисе оны как с добры́х коней,
Ай как ведь садилисе на лужок на зеленыий,
Ай садилисе да беседовать.
Ай как стали тут они топерь россуждать промеж собой.
Ай как кто где бывал, удалый добрый молодец,
Ай кто бывал как, в какой Земли да в какой Орды,
А кто где-ка бил поганыих татаровьёв,
Ай кто бил поганыих идолищов.
Ай как выслушал молодой Касьян Афанасьевич
Ай как речь он от сильниих богатырей,
Ай как сам говорил им да таковы слова:
«Ай же вы, как сильнии могучии вы богатыри!
А пред Богом согрешили вы тяжко ведь,
Ведь убили много буйныих головушок понапрасно ведь,
Ай пролили крови да горючией.
Ай согласны ли вы, что да я вам скажу?
Ай не лучше ли забросить топерь войско нам великое,
Ай как ездить нам да по чисту полю,
Ай как нам сходить-то ко граду к Еросолиму,
Ко святой святыни Богу помолитисе,

Ко Господню гробу нам да приложитисе,
А во Ердань-реки окупатисе,
Во своих грехах да нам прощатисе.
А столько, вы сильнии вы богатыри,
А в том класть надо нам заповедь себе великая,
Ай чтобы не красть нам да бы не во́ровать,
Ай на женскую прелесть не упадывать,
И не кровавить нам своих рук да больше век да бгатырскиих.
Ай кто станет красть либо во́ровать,
Ай на женскую прелесть да упадывать,
А либо кровавить да руку ведь богатырскую,
Ай такому по колен отрубить да ноги резвыи,
По локо́т отсечь да руки белые,
А со лба как копать да очи ясные,
А тенуть ёму как язык теперь со темени,
Ай копать по грудям как во матушку-сыру землю».
Ай как оны все тому делу не устрашилисе,
Оны все согласилисе.
А как оны да спустили добрых коней
А во травки во шолковы
Ай на ты поля да на чистыя,
Ай самы надевали как платья калицкия,
Как тут оны кладывали да подсумки,
Ай подсумки да каличьии,
На свои плеча ведь да богатырския,
Ай как брали оны по клюки по дорожныей,
Ай как тут оны да отправились,
Ай как ведь пошли как удалы добры молодцы
Ай ко граду ведь да Еросо́лиму.
Ай как встретили как в чистом поли
Ай как солнышка князя да Владимира,
Ай как самы ведь топерь говорят таковы слова:
«Ай же, солнышко Владимир-князь стольне-киевской!
Сотвори-тко нам уж как ми́лостыню рукоданную благословлённую,
Сорока нам каликам со единою».
Ай как тут говорил солнышко Владимир-князь стольне-киевской:
«Ай же вы сорок калик да со единыим!
Ай у мня хлеба да соли ведь с собой да не случилосе,
А у мня золотой казны не пригодилосе.
Ай ступайте-тко во город во Киев-от,
Ай как к мо́ей княгины Апраксии,
А она накормит, напоит-то вас,
Ай да вы да ночуйте-тко

У мня в полатах княженецкиих,
Ай скажите, что послал да солнышко Владимир-князь
Нас из чиста поля».
А оны пошли, как отправились во город во Киев-от,
Ай пришли как ко князю на широк двор,
А потом проходили в полаты ведь княженецкие,
Ай как ведь говорят самы-то таковы слова:
«Ай же ты, княгина Апраксия!
Ай как послал нас из чиста поля
Ай как солнышко Владимир-князь стольне-киевской,
Ай как он велел накормить, напоить тебе,
Ай мы будём да ночевать топерь».
Ай как она ведь скорым-скоро, скоро-на́скоро
Приказала как ведь поставить столы да дубовые,
Наносить естов сахарниих,
Наносить как напиток да медвяныих.
Ай как тут наелись да накушались
Ай как сорок калик да со каликою,
Ай как тут выходили з-за тых столов з-за дубовыих,
Ай топерь спать оны ложилисе.
Ай как тут все их замичала княгина Апраксия,
Ай что один из артели был да прекрасныи,
Что называли его молодой Касьян да Афанасьевич.
Ай как не могла она заснуть во спальни княженецкоей,
Ай пришла она да смотрить топерь,
А что все ли спя удалы добры молодцы,
Ай как приходила к ним, добрым молодцам,
Ай как все спят сорок калик да добрых молодцов,
Ай как ведь единая калика не спит да Богу молится.
Ай как ведь она говорит сама таковы слова:
«Ай же ты, молодой Касьян да Офонасьевич!
Ай как полно Господу Богу молитисе,
Ай пора тебе спать топерь ложитисе.
Ай пойдем со мной во спальню ведь княженецкую,
А на тую перину пуховую».
Ай как ён овернулся, сказал-то ёй:
«Ай же ты, княгина Апраксия!
Ай поди же прочь от меня с добра.
Не пойду я во спальню ведь княженецкую,
Не хочу я сквернить спальни княженецкией,
Не хочу сквернить своего тела белаго,
Ай когда я пошел Богу молитися».
Ай она овернулась, ушла топерь

Ай во спальню ведь княженецкую,
Ай не могла да заснуть теперь.
А опять теперь она пришла как к каликушки,
А ён все не спит да Богу молится.
А она говорит опять ему да таковы слова:
«Ай же ты, молодой Касьян да Офонасьевич!
Ай как полно те Господу Богу молитисе,
Ай пора теперь спать тобе ложитисе.
Ай пойдем со мной во спальню ведь княженецкую,
Ай на ту перину пуховую».
Ай как он овернулся, сказал-то ёй:
«Ай же ты, княгина да Апраксия!
Ай же ты с добра как прочь поди от ме́ня да от молодца.
Ай пойду ли я с тобой во спальню княженецкую,
Ай когда пошел Господу Богу я молитисе,
Ай когда кладена заповедь у нас да великая:
Ай не красть да нам не воровать,
Ай не женския прелести не упадывать,
Ай не кровавить да рук своих да богатырскиих,
Ай сходить нам ко граду к Еросолиму,
Ай как Господу Богу помолиться нам,
Ко Господню гробу приложитисе,
Во Ердан-реке окупатисе,
Во своих как грехах да нам прощатисе.
Ай как ежели стане красть, либо воровать,
Ай на женскую прелесть упадывать,
Ай как кровавить руки да белые,
Ай такому по колен отрубить да ноги резвыя,
По локот отрубить да руки белые,
Ай со лба как копать да очи ясные,
Ай тянуть нам язык да ведь со темени».
А она опять как поворотиласе,
А ушла опять во спальню она княженецкую.
Ай она еще тому не устрашиласе,
А еще она спать да не ложиласе,
А еще пришла ко каликушки.
А все как калика не спит да Богу молится.
Ай как ведь ёна говорит таковы слова:
«Ай же ты, молодой Касьян да Офонасьевич!
Ай как полно те Господу Богу молитисе,
Ай пора тебе спать, смотри, ложитисе.
Ай пойдем со мной во спальню ведь княженецкую».
Ай как он отворотился ведь добрый молодец,

Ай хватил свою дубину да дорожную,
А держал он замах да великии,
Ай как сам говорил таковы слова:
«Ай же ты, княгина Апраксия!
А ежели ты как с добра не пойдёшь теперь,
А ударю как я дубиной дорожною,
А тут у мня ты падешь да на кирпичной пол».
А она теперь как тут да устрашиласе,
Ай как скоро взад поворотиласе,
Ай тожно как опять сошла во спальню княженецкую.
Ай потом молодой Касьян да Офонасьевич
Тут как спать да ён ложился-то,
Ай заснул как-то во сон да богатырскиий.
А она там во спальне что удумала
Ай княгиня Апраксия,
Ай как взяла еще вышла со спальни княженецкией,
А пришла она тихошенько,
Ай где спят как удалы добры молодцы,
А как сорок калик да со каликою.
А она как раньше заметила
А у мóлода Касьяна Офонасьева,
А что у его был как подсумок,
Ай как лыту бархату краснаго,
Ай как взяла роспорола уж его как подсумок,
Кладывáла тýды чашу княженецкую,
Ай зашила как бархатней подсумок,
Ай потом шла как во спальню княженецкую.
А потом прошло времечко да до утрия,
Ай ставали как сорок калик да со каликою,
Ай как начали оны обуватисе, умыватисе,
Ай как начали Господу Богу да молитисе.
Ай потом как княгина Апраксия
Приказывала поставить столы она дубовые,
Ай наносить естов сахарниих,
Ай напиток медвяныих,
Ай как ведь садила сорок калик со каликою
Ай как хлеба-соли да кушати.
Ай как садилисе сорок калик со каликою
Ай как хлеба-соли да кушати,
Ай наелисе оны уж как досыта,
Ай наелись, напились да накушались.
Потом вышли з-за столов онú дубовыих,
Ай благодарили княгину Апраксию,

Ай как Бога молили за солнышка князя Владимира.
Ай потом надевали как платья каличьии,
А потом брали они свои подсумки бархатни,
Ай кладáли на плеча богатырскии,
Ай потом поклонилисе княгины Апраксии,
А потом оны да отправились,
А опять как пошли оны ко граду Ерусолиму.
А потом как ведь да наехал из чиста поля
Ай как солнышко Владимир-князь,
А Владимир-князь да стольнё-киевской,
Ай как садился хлеба кушать да трапезовать,
Ай как ведь стали искать чаши княженецкией —
Ай как нету нигде чаши ведь княженецкией.
Ай как начали искать по всем полатам княженецкиим,
Ай как тут говорил уж солнышко да Владимир-князь:
«Ай куда же деваласе
Ай как чаша ведь княженецкая?
Кто у нас унес чашу ведь княженецкую?»
Ай говорит княгина ведь таковы слова:
«Ай же, солнышко Владимир-князь!
Ай у тя были посланы из чиста поля
Ай как сорок калик да со единыим:
Не оны ли унесли чашу ведь княженецкую,
А оны ведь здесь ночевали-то,
Ай недавно отправились в чисто полё.
Ай смотри, оны унесли твою чашу княженецкую».
Ай как солнышко да Владимир-князь,
Ай Владимир-князь да стольнё-киевской,
Ай как ён скорым-скоро, скоро-наскоро,
А приказывал свóих сильних богатырей,
Ай как сам говорил он богатырям таковы слова:
«Ай же вы, любезныи богатыри!
А кто бы у вас съездил в чисто поле
Ай да вслед с угоною за каликамы?
Ай как ведь и каликушки
Унесли как чашу княженецкую».
Ай как гóворил старой казак да Илья Муромец:
«Ай же, солнышко да Владимир-князь,
Ай Владимир-князь да стольне-киевской!
А это не сорок калик да со каликою,
А смотри сорок сильниих могучиих богатырей.
А только же нам кого да послать будет?»
Ай говорил как солнышко да Владимир-князь:

«А пошлемте смелаго Олёшенку Поповича».
А посылали как смелаго Олёшу да Поповича,
А велели спросить Олёши по-хорошему.
А Олёшенька шел как садился на добра коня,
А Олёша не боялся да отправился.
Ай как застал сорок калик да он в чистом поли,
Ай сидя калики, хлеба кушают, трапезуют.
Ай как он говорил каликам таковы слова:
«Ай же вы, сорок калик со каликою!
А видно вы не сорок калик да со каликою.
Ай как со́рок воров, соро́к разбойников,
А украли вы чашу ведь княженецкую,
А с добра вы отдайте чашу ведь княженецкую».
Ай как тут молодой Касьян да Офонасьевич
Ай ставал да на резвы ноги,
А взимал свою дубину он дорожную,
А держал он замах теперь да великии,
Ай как сам говорил таковы слова:
«Ай какой ты приехал из города из Киева,
Я те дам как ведь чашу княженецкую —
Ай как ты у мня не долго скатишься ведь с добра коня.
Разве мы украли чашу княженецкую?
Ай как разве приходили для вашей чаши княженецкией?»
А Олёшенька со страху великаго,
А Олёша видит, делать то́перь нечего,
Ай поворотил скоро Олёша да добра коня,
Ай как скоро поехал он в город во Ки́ев-от,
Скоро приезжал ко солнышку ко князю ко Владимиру,
Ай как сам говорил таковы слова:
«Ай же, солнышко Владимир-князь стольне-киевской!
Ай действительно как не сорок калик со каликою,
А действительно сорок воров, сорок розбойников,
Ай как я спросил ведь про чашу про княженецкую,
А оны как все на меня да сходилисе,
А один хватил как дубину да дорожную,
А едва не убил меня да на добром кони,
А едва я уехал ведь да из чиста поля».
Ай тут говорил опять старо́й казак Илья Муромец:
«Ай же, солнышко Владимир-князь стольне-киевской!
Ай не гляди-тко ты на дурака как на смелаго Олёшу на Поповича —
А я знаю, как Олёшенька спрашивал.
Ай как надо послать нам туда больше некого,
Ай послати нам молодаго Добрыню да Никитича —

А тот уж спросит ведь да по-хорошему».
Ай послали как молодаго как Добрыню как Никитича,
Ай поехал молодой Добрынюшка в чисто полё,
Ай застал их на том на одном да на ме́стечки,
А все сидя́, хлеба кушают, трапезуют.
Ай как ён говорил, молодой Добрыня Микитинич:
«А как здравствуйте, сорок калик да со каликою.
А хлеб да соль, как сорок калик со каликою».
А они говоря: «Поди пожалуй, уда́лой добрый молодец,
Хлеба кушать, удалой доброй молодец,
А садись-ко с нами за кумпанью хлеба кушати».
Ай как тут говорил молодой Добрыня Микитинец:
«Ай же вы, сорок калик да со каликою!
А что я вам скажу да добрым молодцам:
Ай как ведь теперь у нас как во городе да во Киеве
Ай как сделалась трелога да великая:
Потерялась золотая чаша княженецкая,
Без которой чаши князь теперь хлеба не кушает.
А как вы поищите-тко, добры молодцы,
Не попала ли к вам в ошибку к какому ли к молодцу в подсумок».
А оны как все-то друг на друга розгляделисе,
А не знают что да теперь делати.
Ай как тут говорил молодой Касьян да Офонасьевич:
«Ай же вы, товарищи вы любезные,
Ай калики богомольнии!
Ай роспорите сво́и да подсумки,
А покажите ёму, молодцу».
Ай как все каликушки ставали на резвы ноги,
А все брали свои уж как подсумки,
Ай показали молодому Добрыни да Микитичу.
А не в каком как во подсумки
Ай как не нашлась чаша ведь княженецкая;
Ай розвёртывал уж как подсумок
Молодой Касьян да Офонасьевич,
А свой подсумок бархатнёй —
Ай как тут объявилась чаша княженецкая.
Ай как тут оны все взволновалисе,
Ай теперь все как счудовалисе:
«А кто нас звал Господу Богу молитисе,
А кто клада́л у нас заповедь великую,
А у того как очу́дилась чаша княженецкая».
Ай как самы все ведь говорят таковы слова:
«Ай же ты, молодой Касьян да Офонасьевич!

А что мы будем с тобой да теперь делати?
Ай ты сам ведь как кладáл заповедь великую».
Ай как тут говорил молодой Касьян Офонасьевич:
«Ай же вы, любезныи товарищи!
А я что не украл ведь чаши княженецкией,
Ай ночéсь ведь три раз приходила княгина да Апраксия,
А меня звáла во спальню княженецкую.
А через то кладена чаша княженецкая,
А что я не шел во спальню княженецкую.
Ай как ведь уж вы делайте дело повелёное,
А не рушайте вы заповеди великией:
А как вы секите мне ноги резвыя,
Ай рубите-тко руки белыя,
Ай со лба-то копайте очи ясные,
Ай тяните-тко язык мне-ка со темени,
Ай копайте как по грудям во матушку сыру землю».
А оны как тут теперь как всé оны заплакали,
А от желанья как начали с ним прощатисе,
А как все от желанья с ним простилисе.
А хоша жалко было, только приступилисе:
Ай по колен отсекли ему да ноги резвыя,
По локот отрубили руки белыя,
А со лба как копали очи ясные,
Ай тянули язык ему во темени,
Ай копали по грудям во матушку сыру землю.
Ай потом как со мертвыим простилисе,
Ай как тут оны как заплакали, отправились
А как [к] граду ведь да Еросолиму.
Ай как тут молодой Добрыня Микитинич
Ай как высмотрел всё да их деяньицо,
Ай как скоро-нáскоро тоже ён теперь отправился
А со чашою да княженецкою
Ай во город он во Киев-от.
Ай приезжал он как во город во Киев-от
Ай ко солнышку-князю да на широк двор,
Ай потом шел в полаты княженецкие,
Подавал солнышку-князю чашу княженецкую,
Ай как сам говорил да таковы слова:
«Ай же, солнышко Владимир-князь ты да стольне-киевской!
Ай какое я чудушко видел да в чистом поли —
А хоша не сорок калик да со каликою,
А сорок сильниих богатырей.
А столько видно крепко кладена заповедь великая

А итти Господу Богу да молитисе.
А не украли чаши оны ведь княженецкие,
А как ни будет в ошибку попала им чаша княженецкая».
Ай не сказал того, что звала княгина да Апраксия
Ай во спальню ведь княженецкую,
А что он не шел во спальню княженецкую,
Через то она зашила ведь чашу княженецкую.
А столько ён да сказал топерь:
«Ай у кого как нашлась чаша ведь княженецкая,
А того казнили как оны топерь в чистом поли:
По колен отсекли ноги резвыя,
По локот отрубили руки белыя,
А со лба как копали очи ясные,
Ай тянули язык оны со темени,
Ай копали по грудям во матушку сыру землю».
Ай начал солнышко-князь туда справлятисе,
И начало много бога́тырей справлятисе
А смотрить того дела да великаго.
Ай как той порой да тым времячком
А впереди как их добрых мо́лодцов
К молодому Касьяну к Офонасьеву
Приходил как Микола да Можайскиий,
А ему как вложил да ноги резвыя,
А вложил да руки белыя,
Ай положил ёму да очи ясные,
Положил язык во темя ведь,
Ай положил как здыханье во белу́ю грудь,
А й поставил как его́ да на резвы ноги,
Ай как сам говорил ему да таковы слова:
«Ай ступай, молодой Касьян да Офонасьевич,
Ай на первыи на станции
Ай застанешь свою да дружью-братию,
Ай своих да ты товарищов.
А меня ведь Господь послал
А к тебе да добру молодцу,
А потому что ты напрасно сказнён да добрый молодец:
Не украл ты ведь чаши княженецкией,
А зато меня ведь Господь послал.
А как сходишь ты ко граду да к Еросолиму,
Ко святой святыни Богу помолитисе,
Ко Господню гробу приложитисе,
А во Ердан как реки да окупаетесь,
Ай во своих грехах да попрощаетесь,

Ай как взад да вы воротитесь
А к своим да к добрым коням,
Ай поедете по своим местам,
Ай тогда как съедешь во свою уж как землю ты,
А сделай-ко церковь ты да соборную
А ты Миколы да Можайскому,
А я как есть Микола да Можайскиий».
Ай тут потерялся старичок да теперь белыий.
Ай как тут молодой Касьян теперь отправился,
А как застал своих теперь товарищов
А как по вечеру да по позднему,
А оны сидя́, хлеба кушают, трапезуют.
А оны как теперь ли тому чуду счудовалисе,
Что сказнили молодого Касьяна Офонасьева:
«Ай как ён нас да застал теперь,
Ай как что над ним да теперь счудилось,
А как видно, так ему Господь благословил теперь,
А не кто и́ной не помог ему!»
А как все оны обрадовались уж как радостью великою.
Ай потом как на тое на место-то,
Где был сказнён молодой Касьян да Офонасьевич,
Ай поехал как солнышко Владимир-князь,
А Владимир-князь да стольнё-киевской,
А наехало с ним много прочиих богатырей.
А столько знать тая яма великая,
А где был сказнён уда́лой добрый молодец,
Где закопан во матушку сыру землю.
А так ведь то́му чуду чудуются,
А на то оны расположилисе:
Ай куды ни уне́сен у них теперь,
Ай закопан во матушку сыру землю.
А и тут оны как поехали во город во Киев-от.
Ай как тут сорок сильниих богатырей
Приходили во град да Еросолим-от,
Ай как Господу Богу помолилисе,
Ко Господню гробу приложилисе,
Ай во Ердан как реки да окупалисе,
Ай во своих как грехах да попрощалисе.
Ай уж как взад оны да отправились
Ай со града ведь да Еросолима
Ай к своим да к добрым коням.
А пришли оны опять как во город во Киев-от,
Приходили ко солнышку-князю да на широк двор,

Ай попросили как милостины рукоданныей,
Рукоданныи благословлённыей:
«Ай же, солнышко да Владимир-князь да стольнё-киевской!
Ай сотвори-тко нам да Христа ради,
Ай как милостину нам да Христа ради,
Чтобы было сорока каликам пообедати».
Ай закричали все вдруг да громким голосом,
Ажно задрожали полаты княженецкия.
Ай говорил как им топерь солнышко Владимир-князь:
«Ай же вы, сорок калик да со каликою!
А ступайте-тко во полаты хлеба кушати,
Во полаты ведь княженецкия.
Ай накормлю я вас сорок калик да со единыим,
А напою вас сорок калик да со единыим».
А оны говорят топерь да таковы слова:
«А не йдем мы к тебе во полаты княженецкия,
Потому мы не йдем к тебе,
А что у тя княгина Апраксия
А опять нашему молоду Касьяну Офонасьеву
А положит во подсумок
А чашу ведь княженецкую,
А украде у тя у солнышка у князя у Владимира.
Оногда ночёвали, так знаем мы,
А ёна как звала его во спальню княженецкую,
А ён не шел как с ней во спальню княженецкую,
А за то ему ёна как твою чашу княженецкую
А [клала] во подсумок во бархатнёй —
А за то как казнили его мы да добра молодца,
А хоша сказнили, только он сходил с намы ко граду Еросолиму».
Ай как солнышко да Владимир князь да стольнё-киевской
Ай как милостину дал рукоданную да благословлённую Христа ради,
А что буде каликам пообедати.
А как сошли топерь да на чисто поле,
На чисто полё к своим добрым коням,
Потому что не́ далечо были порато кони оставлены
А от города да от Киёва.
Ай приходили как к добрым коням,
А садились хлеба кушать да трапезовать.
А поели как, попили, покушали,
Ай потом как начали брать своих добрых коней,
Ай как начали седлать, уздать добрых коней,
Ай как начали отправляться по своим да по сторонушкам,
Ай начали друг с другом прощатисе.

А все простились ведь да от желаньица,
Ай топерь все да порозъехались
Ай по своим местам, по своим домам.
А как больше из них как не́какой не стал ездить да в чисто поле,
Боле не стали кровавить рук да богатырскиих.
Ай как тут молодой Касьян да Офонасьевич
Приезжал во свою как он во землю-ту,
Ай там как состроил церковь соборную
Ай Миколы он да Можайскому.
Ай как начал ён как тут Господу Богу да молитисе,
Ай как начал в своих грехах прощатисе.
Ай топерь да после этого
Ай тому да всему да славы поют.
Ай Дунай, Дунай, боле век не знай.

№ 417

СОРОК КАЛИК СО КАЛИКОЮ

Как шли-то ведь кали́ки перехожие,
Зашли-то к князю да Владимиру
Сильныи могучии бога́тыри.
Как позвал ведь Владимир сто́льнё-киевской
Тех видь сорок кали́к со кали́кою.
Как тут приходят да видь сорок кали́к со кали́кою
За тыми столами за дубовыми,
За ты ли за есьвы саха́рныи,
Кушанья были все медвя́ныи.
Как ели-пили оны да до́сыта,
Как наедалисе оны да до́любы,
Тут оны, да эты ка́лики, ночевали ведь.
А меньший ведь кали́ка, пода́таман есь.
Атама́н-то весьма красив, очень бравой был.
Подходит княгиня да тайно ведь:
«Ай же ты видь, кали́ка моло́дая,
Давай-ко мы с тобой призабавимсе».
На это видь кали́ка никак не согласен был,
На это видь еще он не оза́рился,
Как стала она ёму́ да поделала,
Взяла видь свою именную-ту,
Имянную цяру во котьму́ клала́,
Вот кали́ки-то с утра до поехали,

Царица-то цяру фатиласе:
«Как мои слуги вы, мои верные,
Садитесь-ко вы тут на добры́х коней,
Захватите-ко калик перехожиех,
Д' отберите мою цяру, мою-то ведь.
Не просту цяру тут у нас до пограбили,
Не простая цяра — золотая ведь,
Золотая ведь цяра, драгоценная!»
Садилисе гоньци на до́брыих коней,
Застали ведь кали́к перехожиех:
«Как стойте вы, как слушайте, кали́ки перехожии,
Постойте-ко, кали́ки, помешкайте.
Как у царя ведь покража ведь великая,
Унесли ведь цяру золоченую,
Золоцёную видь цяру-ту,
Как имянную видь цяру царицину,
Той ли ведь цярици Опраксие».
Как вси котомоцьки да повырыли-то,
Нигде ведь цяра тут не находится.
Как этому кали́ке-подата́манью
Как стали искать да ведь цяру-ту —
Цяра да в котомке оцютиласе.
Отобрали ведь цяру золоту́ его,
Как стали видь судить своим судом:
«Как его ведь нам обсудить его?
Голова отнять, голову́ отсечь?»
А за тым оны пораздумались.
«Как вы́копаём тут да видь яму ведь,
Поставим видь стоя в яму до горла ведь,
Пускай он сидит да во ямы ведь,
Оттуль из ямы не выйдет-то.
Как одна-то смерть ёму́ ведь-во,
Как убьем-то тут да видь смерть ему».
Как выкопали яма по горло-ту,
Заклали тут его во сыру́ землю́,
Закли́нили клиньями дубовыма:
Сидит-то ведь удалый, стоём стоит,
Выдти-то уда́лому не́как тут.
А тут ночью тут, в серединочек,
Начали голубы выговаривать:
«Ай же целовек да невинныех,
Шатай-ко ты ведь своим да видь тело́м,
Может, тут порасшатаетсе ведь,

Может, клинья у тебя приохлябнули —
А выйдешь ты со ямы великиех».
Как стал шатать-то тут, пошеве́литься.
Шатал — да было маленько приотсла́било,
Выдернул ведь клинья руками ведь,
А оттуль видь да один клин вышел,
А потом видь другой клин да ведь вышел,
Третья клин-то да повытащил.
Как слободил-то руки и поднялся он,
Выставалси со ямы великиех.
Застал-то видь кали́к пирихожиех:
«Здравствуйте вы, добрые да мо́лодцы,
Как зря миня копали в сыру́ землю́,
Как есть-то целовек я невинныех,
За то видь я попал в беду,
С царицею не сгулял-то я.
За то-й она и подлость как сделала,
За то-й видь в ямы я пострадал-то ведь».
Как тут кали́кушки приуди́вились:
«Не сказал ты нам да ведь в ты́ мести́,
Загребли мы да не тибя-то ведь,
Загребли бы мы да царицу-то!»

№ 418

СОРОК КАЛИК СО КАЛИКОЮ

Как в старину да было, в старо времяцько,
Как собералоси сорок калик со каликою,
Как кладывали оны заповедь великую,
Уходили во Киев-град оны Богу молитися.
И кладывали ёны заповедь великую,
Кто обкрадется во путистой во дороженьки,
А инной-то да если обворуецця,
Ну как ломать-то тому руцьки по локо́тоцькам,
А ножки-то отрубать по коленоцькам,
Засаживать да в погреба глубоки,
Засаживать да клиньямы дубовыма.
Ну на этом калики и сложилися
И пошли во путистыи дороженьки,
И шли оны надельку и другую,
И шли оны и третью, четвертую,

И прошли ёны туды боле месяца.
Приходят-то топереку ко Киеву
Ну а эти сорок-то калик да со каликою,
Как идут ёны по городу, спотыкающце,
А к царю-то на обед пробирающце;
Как пришли к царю да на широкий двор,
Пришли ёны да рассказалися:
«Нельзя ли пообедать нам, грезнишкам?»
На ту пору, на то время царя не было,
И спустила их царица стольне-киевска:
«Но как садитесь за столы за дубовыи,
За тыи ли за кушанья медовыи,
За тыи ли за питья медвяныи,
Как еште-ка нынь, дороги гости».
А сама на калик всё поглядыват,
Приглянулась калика перехожая,
Ну как стала царица тут расхаживать,
И стала тут калику уговаривать:
«И пойдем-ко ты во комнату в особую,
И послушай-ко, калики, што я вам скажу:
Ноцюйте, калики перехожии,
А ты-то пойдем во спальню во теплую».
Ну испугался тут калика перехожая,
Как говорит калика таково слово:
«Как нельзя мни, царица стольне-киевска,
Как де у нас-то видь кладена заповедь великая,
Как на этой на путистой на дороженьки,
Кто обкрадется или если обворуецце,
Тому руцьки ломать по локóтоцькам,
А ножки отсекать по коленоцькам,
Ну как копать-то да яму до пояса,
Садить да и клиньямы заклинивать».
Страшно стало царицы стольне-киевской,
Как звала любовника не вызвала,
Как отвернуласи ёна да поскурешенько,
Отвернуласи ёна да к своим слугам,
И говорит-то ёна да своим слугам:
«Послушайте-ко, слуги мои верныи,
С которым я каликой-то шепталаси,
Так задуйте вы в котомку цяшу царьскую,
И задуйте, штобы нуньку и ён не знал,
И завяжите-ко котомоцьку по-старому».
Ну как подумала цариця, так и сделала:

Задули-то ему да цяшу царьскую,
Как завязали тут по-старому котомоцьку.
Как ставали-то калики перехожии,
Ставали по утрышку оны ранешенько,
Как умывалися оны да белешенько,
Утиралися ёны да сухиешенько,
Ну как царицы вси в пояс кланялись:
«Прощай-ко ты, царица, дорога́ наша́».
Ну, выходили-то ёны да только с города,
Вслед наехала сугона большиньская:
«Ну как постойте-ка, калики перехожие,
Как вы обкрались у царя, обворовалисе,
Ну как украли у царя золотую цяшецьку».
Ну надиялись калики перехожие,
Надиялись на заповедь великую,
Отправили послов гих без всего.
Как отошли-то еще да с ве́рсту мерную,
Как наскоцило казаков множество,
Как окружили казаки кругом калик:
«Снимайте-ко вы да с себя сумоцьки,
Как мы осмотрим-то ваши котомоцьки,
Как нет ли у вас да цяши царьскоей».
Ну как сняли оны тут все сумоцки,
Обыскали топереку котомоцьки,
Как нашли-то у одного цяшу царьскую.
Как недолго с этым оны расправлялися,
Ломали ему руцьки по локо́тоцькам,
А ножки отсекали по коленоцькам,
Копали ему яму до пояса,
Сажали его в яму во глубокую,
Заклинивали клиньямы дубовыма,
И тут с каликой-то со этой распростилисе,
А самы-то и дорожкой укатилисе.
Ну после этых-то калик старопрежниих,
Налетала да к ему птицька вещая,
Как говорит тут целовицьим голосом:
«Послушай-ка, калика перехожая,
Как с утра буде по раннему утрышку
Нападет тут роса да большинская,
А как потри-ка своима окомелкамы,
Так тут явяцца у тебя сильныи руценьки,
Потом раздергай-ко ты клинья дубовыи,
Катай-ко ты ногамы по росы визди,

И будут у тебя и силины ноженьки,
И справисься по путистой по дороженьки».
Ни вирилось калики перехожие,
А думал да сидел передумывал,
Как сидел всю темную ноценьку,
Показалась эта ноценька за ⟨три́⟩ году.
Как поутру как поставало красно солнышко,
Как поставала тут больша роса,
И давай-ко потерать да окомелкамы,
И приросли у него у локоток руценьки;
Как повыдергал он клинья дубовыи,
Как вышел ён с глубокого со погреба,
Как стал-то ён по́ зени кататися,
По этой ли росы да по присказаной,
Как от колена у его да стали ноженьки.
Справился калика на дорожку на почтовую,
Как пошел-то ён дорожкой прямоеждею,
А не той ли дорожкой почтовоей,
Пришел к монастырю поскурешенько,
А калики пришли вси через сутоцьки.
И стоят ёны, калики перехожии,
Как стоят в монастыри, улыбаютце:
«Как откуль же явился к нам почтенный брат,
Да это наша-то калики перехожая».
Ну как пришли ёны поближе, поздоровалисе:
«Ну, скажи-ко топереку ты как попал,
И отцего же тебя тут поздоровело?»
(*Тем и концилось.*)

№ 419

СОРОК КАЛИК СО КАЛИКОЮ

Раньше такие были, какие болят, не могут, так ходили Богу молиться.

Вот собрались. «Пойдемте в монастырь Богу молиться». А тут был один человек молодой, лет двадцати, тоже больной. Ён и пошел с има молиться, странницек. Вот шли да были, пришли в город. «Зайдите к царю, — говорят. — Пустит нас. Всё калики перехожие». Вот у царя подавалисе к ночи, и ён пустил. Ноцевали тут.

А этот был Степанушко, молодой-то, красивый такой, хороший. Приндравилсе государыне. «Не ходи ты, странник, с ними. Останься у нас». — «Нет, раз я пошел с каликами, значит, надо идти. Не останусь я с вами». И она (*что бы думала?*). Он ушел там до ветра и оставил котомоцку. И она клала ему золотую цашу, в котомоцку завязала. И оны справились все, котомоцки за́ плец, да пошли.

Далёко ли, близко ли прошли, а царица объявила царю: «Золотая чаша пропала. Ноцевали да унесли. Надо догонять». А у их такой был договор, у этых калик, чтоб ничего не красть, не воровать, а то беда будет. Вот шли да были путем-дорогою. А за има догона вслед. «Стойте, — говорят, — калики. Вы оворовалисе!» А их сорок человек. Смотрят, кто что украл. «А, — говорят, — золотую цашу у царя».

Ну, и оны вси остановилисе и давай в котомках у всех искать. Искали да были, у Стёпана нашли золотую цашу. Ну, ён крестится, божится, что ён не взял:«Не знаю, как она объявилась!» —«Взял, не взял, в твоей котомке — твоя беда».

Ну вот, ёны всей артелью обсудились, что ёму сделать: отсець ноги по коленам, а руки по локтям и закопать в землю по грудям. Ну, ён плацет перед нима, что:«Я не взял, я не виновный!» А в котомке, дак что делать? Ёго так решили: отсе́кли ноги по коленам, руки по локтям и закопали ёго в землю по грудям. Оставили ёго о дорожку о саму, а самы ушли. И ён уж плацет горькима слезамы. Ничего не поделаешь! А ноги да руки лежат рядом кладены. И ён уж со слезамы просит Господа Бога, что покинул совсим.

Стало по вециру, поздно уж вециром темнеть. Повалилась роса, как дожж с неба. Валится, валитсе на ёго прямо пути. Ён по этой росы покатал руки, покатал — приросли к локтям. И стал от земли подниматься, вставать. Поднялся с земли и покатал ноги — ноги приросли. Вот Степанушко стал с ногамы и рукамы. И стал на землю. Сам себе не верит, что случилосе.

Эты калики ушли в монастырь, так недалеко, наверно. Свет стал, да ён пошел. Пришел и приходит тоже прямо в монастырь. Пришел в монастрыь, стал свецу покупать и ставить. А товарищи смотрят и не знают: ён или не ён? Никто из них не смиют слова заговорить с ним. Потом выходят с церквы, на ночлег пошли. Оны заставают ёго и заговорить стыдятся. Потом один из них сказал: «Стёпан, не ты ли есте?» Он им отвечал: «Нет, Стёпан лежит ваш далеко».

Прошло время. Оны намолилисе, пошли домой, и ён боле им не показалсе. Ёго матери сказали, что «Стёпан ваш без рук, без ног осталсе в земли». А того не знали, что ён у отца, у матери был вперед их, пожил, и ён в монастырь ушел, в монахи записалсе. (*Нунь-то видь не поверят этому месту никак, а Господь знат, было ли, не знаю.*)

СТАВР ГОДИНОВИЧ (№ 420—459)

№ 420

СТАВР ГОДИНОВИЧ

Завелся у солнышка почестен пир
На всех на князей, на бояр,
На русских могучиих богатырей.
Все на пиру наедалися,
Все на пиру напивалися,
И все на пиру порасхвастались.
Как солнышко Владимир-князь
По хорому, по гридне похаживает,
Правой ручкой помахивает,

Пословечно сударь выговаривает:
«Ай же ты, Ставер сын Годинович!
Ты с богатой Земли Лиховецкия:
Что же ты сидишь, сам не хвастаешь?»
Возговорит Ставер сын Годинович:
«Не для чего мне, молодцу, хвастати.
Разве мне похвастать молодой женой,
Той ли Василисою Микуличной?
Моя-то Василиса Микулична
Во вашем во городе во Киеве
Князей-бояр всех повыманит,
А тебя, князя, с разума выведет».
Возговорит тут мелкая чета,
Мелкая чета, князья-бояра:
«Ай же, солнышко Владимир-князь!
Эка у Ставра молода жена!
Засади его во погреба глубокие,
Во глубокие погреба сорока сажень,
Пусть-ка он оттоль выступит!»
Засадили во погреба глубокие.
И поводился у Ставра свой человек
Из тоя Земли из Ляховецкия,
И съехал в Землю Ляховецкую,
И сказал Василисы Микуличны,
Что засажен Ставер во глубок погреб.
Потупила она очи во сыру землю,
Думает думушку женскую,
А удачу думает молодецкую:
«Что за боем мне не взять Ставра,
Могу ль я взять думушкой женскою
И удачей молодецкою?»
И брала ножницы немецкия,
И садилась она на ременчат стул,
И постригла волосы по-мужеску,
Снарядилась прекрасным царевичем,
Молодым Васильем Микуличем,
И поехала к князю ко Владимиру
Свататься на Забаве Владимировны.
И седлала она добра коня,
Кладала потнички на потнички
Кладала войлочки на войлочки,
Наверх кладала седёлко окованое,
А застегивала двенадцатью подпругамы,

Двенадцатью подпругамы шелковыма,
Шелку-то было заморскаго,
Заморскаго, шелку шехматинскаго:
Пряжицы были-то медныя,
Меди были казанския,
Шпенечки были булатния,
Булата были иверьянскаго,
И не для красы-басы молодецкия,
А для ради укрепы богатырския.
И брала свои латы кольчужныя,
И меч-кладенец, копье мурзамецкое,
И тугий лук, и калёны стрелы,
Садилась она на добра коня.
И будет под городом под Киевом,
У той ли стены городовыя,
И не воротамы ехала, привороткамы,
Прямо через стену городовую,
Через тыя башни наугольныя.
Она копье тупым концем во сыру землю,
Шелковой повод на злаченый гвоздь,
У дверей не спрашивает придверников,
Прямо шла во гридню столовую,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Бьет челом, покланяется,
Князю Владимиру в особину.
И возговорит Владимир-князь:
«Здравствуешь, удалый добрый молодец!
Ты коей земли, коей орды,
Коего отца, коей матери,
Как тебя, молодца, именем зовут,
Жалуют тебя по отечеству?»
И возговорит она таковы слова:
«Я есть из Земли Ляховицкия
Молодой царевич Василий Микульевич,
А приехал к тебе, князю Владимиру, свататься:
У тебя есть любимая дочь,
Молода Забава Владимировна:
Ты отдай ю за меня замуж». —
«Хорошо, Василий Микульевич,
Отдам я Забаву за тебя замуж,
А схожу к дочери подумати».
И приходит к дочери любимыя.

Говорит Забава Владимировна:
«Что у тебя, батюшка, на разуме,
Отдавать девчину за женщину?
Я видала Василья Микулича: он не эдакой.
А тут походка часта по-женскому,
Речь-поговорье по-женскому,
Стегна жмет, добро бережет,
Где жуковины были, и место знать». —
«Я, дочь, теперь могу посла выведать:
Я с пути-дорожки стоплю парну баянку,
И схожу с ним в парную баянку.
Если сильный могучий богатырь,
Так я выгляжу и вызнаю».
Истопили парную баянку,
И приходит звать Василису Микуличну:
«У тя есть ли охота, горит ли душа
Со мной со князем Владимиром попариться?»
Покамест Владимир разувался, скидывался,
Она шла в баянку, попарилась,
И встрету ему идет, опять сватается.
Приходит Владимир ко дочери любимыя,
Сам говорит таковы слова:
«Я, дочь, после парныя баянки
Сведу посла на перину пуховую:
Если сильный могучий богатырь,
Будет яма под плечамы,
Если женщина, будет яма под ⟨жопою⟩.
И приходит к Василисы Микуличны:
«У тя есть ли охота, горит ли душа
Отдохнуть на кроватку тесовую,
На тую перинку на пуховую?»
Ложилась на кроватку тесовую,
Легла ногамы на изголовьице,
А где головы быть ⟨жопе⟩.
И вылежала яму под плечамы.
Как вышла из ложни спальныя,
Приходил солнышко Владимир-князь
И видит — великая яма под плечамы.
И шел к Забавы Владимировны:
«У него великая яма под плечамы,
Есть сильный могучий богатырь».
Говорит Забава Владимировна:
«Что у тебя, батюшка, на разуме,

Отдавать девчину за женщину?» —
«Я, дочи, опять могу посла выведать».
Взял — выбрал тридцать молодцов-борцов,
Сильных могучиих богатырей,
Вывел их на широкий двор,
А сам говорит таковы слова:
«Ай же ты, Василий Микульевич!
У тя есть ли охота, горит ли душа
Со моима со борцамы поборотися?» —
«Да что, солнышко Владимир-князь!
Кому у меня боротися?
У меня дружины не приведено,
Я смолоду по улушке побегивал,
С ребяткамы шутки пошучивал,
И сам иду с борцамы боротися».
Как вышла Василиса на широкий двор,
Возмет мужика в руку, а другаго в другую,
Толнет лбамы вместо, и души нет.
Идет Владимир к Забаве Владимировны.
«Что у тебя, батюшка, на разуме,
Отдавать девчину за женщину?» —
«Я, дочи, опять могу повыведать:
Я поставлю стрелочку калёную
И выберу трех стрельцов, удалых молодцов,
Который бы стрелил в самую середочку
И расколол бы на четыре частички,
Чтоб ни меньше, ни больше и весом равны».
Выбирал трех стрельцов, удалых молодцов,
Поставил стрелочку калёную,
А сам говорил таковы слова:
«Ай же ты, Василий Микульевич!
У тя есть ли охота, горит ли душа
Со моими стрельцамы потешиться?» —
«Кому у меня тешиться?
У меня дружины не приведено,
Я смолоду по улушке побегивал,
Из туга лука постреливал,
Иду сам со стрельцамы тешиться».
Начали стрелять из тугих луков:
Который стрелил — не дострелил,
Который стрелил — перестрелил,
А третий стрелил — и в черту не попал.
Она натянула тетеву шелковую,

Накладала стрелку калёную,
Стрелила в самую середочку,
Расколола стрелку на четыре частички:
Ни больше, ни меньше и весом равны.
Возговорит солнышко Владимир-князь:
«Ай же ты, Василий Микульевич!
Теперь честным пиром и за свадебку».
Зачали играть свадебку,
Заводили столованье-почестен пир:
Некому играть в гусли на честном пиру,
Игр играть, напевок напевать
Про старыя времена и про нынешни,
И про все времена досюлешны.
Говорит Василиса Микулична:
«А где же с нашей Земли Ляховицкия
Проживает здесь Ставер сын Годинович?
Он мастер Ставер в гусли играть,
Игр играть, напевок напевать
Про старыя времена и про нынешни,
И про все времена досюлешны».
Говорит солнышко Владимир-князь:
«Не достать Ставра, разгневить посла,
А достать Ставра, увезет Ставра».
Достали Ставра сына Годиновича,
Приводили во гридни во столовыя.
И выпросила Ставра до буйна ветра,
Выходила Василиса на широкий двор,
Скоро садилась на добра коня,
Увозила Ставра во чисто поле,
Раздернула в поле бел шатер,
Сама говорила таковы слова:
«Помнишь ли, Ставер, помятуешь ли,
Как мы с тобой свайку поигрывали:
У тебя ль была свайка серебряная,
У меня ль колечко позолоченое,
И ты ко мне всегды-сегды
А я к тебе тогды-сегды?»
Ставер сын Годинович не догадается.
Заходила Василиса в бел шатер,
Надевала платьица женския:
Тожно признал молоду жену.
«Ай же ты, Василиса Микулична!
Поедем науезд в Землю Ляховецкую?» —

«Нет, Ставер, сын Годинович!
Поедем-ка во Киев-град:
Ты как похвастался, так я и сделала».

№ 421

О СТАВРЕ ГОДИНОВИЧЕ

Во славноем во городе во Киеве,
У солнышка князя у Владимера,
Как был столованье-почестный пир
Для своих-то для князей, для бояринов,
Для сенаторов для думныих,
Для вельмож и купцов богатыих,
Для поляниц-то удалыих
И для росейских могучих богатырей.
Тут пошло у них столованье-почестный пир.
Было красное солнышко на вечере,
Почестный пир да навесели.
Вси на пиру да напивалися,
На почестном вси наедалися,
Похвальбами вси похвалялися,
Кто чем хвастает,
Кто чем да похваляется:
Инный хвастает несчетной золотой казной,
Иной хвастат силой-удачей молодецкою,
Иной хвастат добрым конем,
Как иной хвастат славным отечеством,
Иной молодым молодечеством,
Умный-разумный хвастает старым батюшком да старой матушкой,
Безумный дурак хвастат молодой женой.
Как похвастал стар Ставер сын Годинович
Своей да молодой женой,
Молодой женой да Василистой Микуличной:
«Моя как молода жена, Василиста Микулична,
Ваш город Киев скупит и спродает,
Князей-бояр всех обманет,
Тебя, солнышко, обманет и проведет».
Солнышку князю те речи не прилюбилися:
Садили Ставра в погреба глубокие.
Был при Ставре тут свой человек,
Он садился на добра коня,

Ехал ко городу Чернигову,
К молодой Василисты Микуличной,
Приехал к ней да на широк двор,
Становил тут да добра коня,
Сам шел во полаты белокаменны,
Крест-то сполна кладал по-писаному,
Поклоны вел по-ученому,
Клонился на все четыре на стороны,
Молодой Василисты Микуличной в особину.
А у ей как забрано столованье-почестный пир,
Забраны жены купечески,
Забраны жены вельможески,
Забраны жены генеральския.
Говорил как это свой человек:
«Ай же, молода Василиста Микулична!
Пьешь и ешь-кушашь, прохлаждаешься,
Над собой невзгоды не чаешься:
Во славном как во городе во Киеве,
У солнышка князя у Владимера на честном пиру
Твой-то стар Ставер сын Годинович
Похвастал тобой, молодой женой,
Молодой женой Василистой Микуличной:
„Как моя, да, молода жена,
Василиста Микулична,
Ваш город Киев скупит и спродает,
Князей-бояр всех обманет,
Тебя, солнышко, обманет и проведет".
За тыи-то речи не за умильныя,
Посажен в погреба да в глубокие».
Она как вставала на резвы ноги,
Говорила таковы слова:
«Ай же, гости баженые!
Пора вам, гости, разъежатися
По своим домам, по своим местам».
Тут как все да поразъехалися,
Как она тут садилась на ременчат стул
И говорила таковы слова:
«Чем-то Ставра будет повыкупить.
Как-то Ставра будет повывести?
Не выкупить будет Ставра несчетной золотой казной
И не вывести будет силой могучей-богатырскою:
Повывести будет Ставра догадками женскими!»
Тут писала она ерлыки скорописчатые,

Писалась той Земли Веденецкия,
Того острова Кодольского,
Грозен посол да Васильюшко,
О добром о деле, де о сватовстве
Ко солнышку князю Владимиру
На любезной на племнице,
На молодой Любавы Путятичной.
Сама подбрила волоса по-мужичьему,
Надевала платье мужское,
Кладывала туги луки да во налучники,
Калёны стрелы да во ко́лсана,
Вязала крепки палицы да на бедро свое;
Потом шла на широк двор,
Со широкого двора шла на стойлы лошадиныя,
Брала себе да добра коня,
Начала седлать да уздать своего добра коня,
Кладала путики на путики,
Войлоки на войлоки,
На верех кладала ковано седло черкесское,
Затягивала двенадцатью подпругами богатырскими,
Натягивала тринадцату продольную;
Подпруги-ты были чистого серебра,
Пряжи-шпильки красного золота,
Стремены булата заморского,
Шелк-то был да шемахатныий,
Шелк-то не рвется и не трется,
Булат-то не ржавиет,
Золото не мидиет,
Серебро не зелизиет.
Тут садилась на добра коня,
Ехала ко стольному ко городу ко Киеву
Ко солнышку князю Владимеру на широкий двор.
Становила добра коня посередь двора широкого,
Сама шла в полаты княженеския,
Крест кладала по-писаному,
Поклоны вела по-ученому,
Клонилась на все четыре стороны,
Солнышку князю с княгиней Апраксией в особину,
Молодой Любавы Путятичной в особину,
Кладывала ерлыки на дубовый стол.
Тут вставал как солнышко Владимер-князь на резвы ноги,
Брал ерлыки да на белы руки,
Ерлыки да распечатывал,

До каждого словечка да высматривал,
Сам говорил таковы слова:
«Ай же ты, любезная племянница!
Желаешь ли идти да во замужество
В тую Землю Веденецкую,
В той ли остров Кодольскиий,
За гроза посла да за Васильюшка?»
Она и говорит:«Родитель ты мой дядюшка!
А воля твоя то есть». —
«Так надо собрать князей, сенаторов все думныих».
Сбирал как он князей, сенаторов все думныих
На думу крепкую:
Все как согласилися отдать да во замужество.
Говорит молодая Любава Путятична:
«Ай же ты, родитель мой дядюшка,
Солнышко князь стольно-киевской!
Не отдайте вы девчину да за женщину:
У него походка-то частенькая, ж⟨опа⟩ кругленькая,
Речь проговоря всё с провизгом,
Самы теи все приметы да по-женскому:
На лавку сядет — так стегна жмет».
Он говорит:«Мы можем послать да повыведать,
Пошлем Васильюшка на широкий двор,
Со теми борцами да боротися:
Ежели женщина, так не пойдет она боротися».
Говорят ему да таковы слова:
«Ай же ты, грозен посол Васильюшка!
Не угодно ли с нашими борцами с княженецкима да поборотися
На том дворе княженецкоем?
Она говорит да таковы слова:
«У меня за маленька да было хожено,
У меня за маленька да было боротось;
Горит душа, мне хочется
С вашими борцами поборотися».
Шла на широкий двор,
Начала с борцами да боротися,
Брала во праву руку три борца
И во леву руку три борца,
Вместо их столкнула,
На розно раскинула —
Ты борцы да на зени лежат.
Тут не могли посла да повыведать.
Согласилися отдать да во замужество.

Опять и говорит молодая Любава Путятишна:
«Ай же ты, родитель мой дядюшка,
Не отдай девчину за женщину:
Смотри, у него походка-то частенькая, ж⟨опа⟩ кругленькая,
Речь проговоря всё с провизгом;
И тыи приметы все по-женскому:
На лавку сядет — да стегна жмет».
Он говорит: «Мы можем послать да повыведать,
Пошлем его во чисто поле,
Стрелять да из лука,
Стрелкою калёною да за триста сажень,
Попасть во ножье острице,
Чтобы раскололася, стрелочка надвое
И были половиночки ровныя».
Говорят ему таковыя слова:
«Ай же ты, грозен посол Васильюшка!
Не угодно ли тебе, послу,
Пострелять с нашими стрельцами
Во чистом поле из туга лука,
Стрелкою калёною за триста сажень,
Попасть во ножнично острице?»
Она говорит таковы слова:
У меня с-замаленька было хожено,
С-замаленько было стреляно;
Горит душа, мне-ка хочется
С вашими стрельцами пострелятися во чистом поле».
Шла она со стрельцами во чисто поле,
Стали стрелять стрельцы да княженеские:
Первой стрелец стрилил — да не дострелил,
Другой стрелец стрелил — да перестрелил,
Третий стрелец стрелил — он не попал теперь;
Как она натянула свой тугой лук,
Клала свою калёну стрелу,
Стреляла за триста сажень,
Попала во ножнично острице:
Раскололась та стрелочка надвое;
Кинули половинки на весы на казенные —
Половинки были равные,
И тут не могли посла повыведать.
«Мы еще-то можем посла да повыведать —
Положим спать во спальную во теплую,
На тую перину пуховую:
Ежели станет яма под плечами, так мужчина,

Ежели станет яма под ж⟨опою⟩, то женщина».
Ложили его спать во спальну во теплую,
На ту перину пуховую.
Она спала — где быть плечами, тут ж⟨опою⟩,
И сделала яму под плечами.
Вставала по утру по раннему,
До солнышка князя до Владимера.
Как приходил тут солнышко Владимер князь,
Говорил как сам таково слово:
«Ай же, грозен посол Васильюшка!
Что же ты скоро стал?»
Он ему отвечал таковы слова:
«У нас-то опять не по-домашнему, а по-дорожнему».
Тут не могли посла повыведать.
«Это не правда есть,
Мы можем посла послать да повыведать —
Стопим мы парную баенку,
Пошлем посла во парную во баенку
Со солнышком со князем со Владимером:
Ежели мужчина, то пойдет во баенку,
Ежели женщина, то не пойдет со солнышком,
Со князем Владимером во баенку».
Взяли стопили парную баенку,
Говорят грозну послу да Васильюшку:
«Не угодно ли с дорожки сходить да попариться
Со солнышком со князем со Владимером?»
Он и говорит: «Хорошо с дорожки попариться».
Исправлялася во парную баенку
Со солнышком князем со Владимером.
А у солнышка князя были справы княженецкия,
Она впереди его вбежала во парную баенку,
Она одной рукой скидывалась, а другой умывалася,
Опять скоро надевалася
И солнышку князю востречу попалася.
Говорит как солнышко Владимер-князь:
«Что же ты, грозен посол да Васильюшка,
Скоро ты упарился?»
«У нас парятся не по-домашнему,
А у нас парятся да по-дорожнему».
И тут не смогли посла повыведать.
Тут и согласилися отдать Любаву во замужество,
Тут-то пошло у них столованье-почестен пир.
Но все на пиру пьяны-веселы,
Столько не весел был грозен посол да Васильюшка.

Говорил как солнышко Владимер-князь:
«Кто бы мог развеселить
Грозна посла да Васильюшка?»
Говорят тут инные, что «некому
Развеселить грозна посла Васильюшка:
Развеселит ли один стар Ставер сын Годинович,
Он мастер играть во гусли яровчаты».
Тут говорил солнышко Владимер-князь:
«А как выпустить Ставра —
Так не видать Ставра,
И розгневить посла да не хочется,
А что мне розгневить посла,
Лучше выпустить Ставра».
Как выпустил Ставра с погребов да со глубокиих,
Стал тут Ставер гуселок налаживать,
Гуселок налаживать, струнок натягивать:
Струночку натягивал от Киева,
Другу от Царя-града,
Третью с Еросолима;
Повел он танцы великие,
Припевки-то припевал из-за синя моря.
Как стал тут грозен посол Васильюшка похаживати,
Стал он поплясывати,
Как стал да выговаривать:
«Ай же, солнышко Владимер-князь!
Да-ко мне Ставра сходить до бела шатра да прогулятися?»
Тут-то говорил солнышко Владимер-князь:
«Как дать Ставра —
Так не видать Ставра,
И розгневить посла мне хочется,
А лучше дать мне Ставра,
Чем розгневить посла.
Ступайте во чисто поле да прогулятися!»
Как она пошла со Ставром да во чисто поле,
Как выходила во чисто поле,
Сама так говорила таковы слова:
«Помнишь ли, Ставер, спамятуешь ли, Ставер,
Когда мы с тобой были маленькие,
Сваечкой с тобой мы да поигривали,
У тебя-то была сваечка точеная,
У меня-то было колечко золоченое?»
Он говорит: «Я во давние годы не упамячу».
Она говорит: «Ай же, глупый Ставер сын Годинович!
Этак ты не узнашь своей молодой жены,

Молодой жены Василисты Микуличной?» —
«Я свою молоду жену,
Молоду жену Василисту Микуличну
Узна́ю через тридцать лет».
Она говорит: «Ай же ты, глупый Ставер сын Годинович!
Не то через тридцать лет,
Не узнал ты меня через три месяца:
Ведь я твоя молода жена, Василиста Микулична!»
Брала его за белы руки,
Целовала его в уста сахарныя,
Называла его мужем любезным,
Старым Ставром сыном Годиновичем;
Скидывала платье мужское,
Надевала платье да женское.
Говорил-то стар Ставер сын Годинович:
«Что-то нам будет от солнышка князя Владимера!»
Она говорит: «Ничего нам не будет,
Пойдем ко солнышку князю ко Владимеру».
Пошли они ко солнышку князю Владимеру,
Приходили во полаты княженецкия,
Говорил как стар Ставер сын Годиновича таковыя слова:
«Ай же, солнышко Владимер-князь!
Ты просватал свою племянницу
За мою молоду жену!»
Солнышку князю стыдно стало,
Как сам говорил таковы слова:
«Правдою хвастал стар Ставер сын Годинович
Своей да молодой женой Василистой Микуличной!
В первой вины тебя Бог простит:
Поезжай-ка ты ко своему ко городу к Чернигову,
Больше нигде не хвастай молодой женой!»
Они тут-то садились на добрых коней,
Они поехали ко славному ко городу Чернигову,
Ко своим посельям ко дворянскиим,
Ко своим полатам белокаменным.
Тут-то он боле не стал ездить по честным пирам,
Он не стал больше хвастать молодой женой,
Молодой женой Василистой Микуличной.
Стал он больше проживать во городе Чернигове,
Во своих посельях во дворянскиих.
Тем да дело и кончилось.
Дунай, Дунай,
Боле век не знай!

№ 422

СТАВР ГОДИНОВИЧ

Во стольном во-о граде во Киеве
У солнышка у князя у Владимира
Стольно было столованье-почестен пир
На многих князей, на бояр,
На сильных на русских богатырей
И на тых полениц на удалыих.
Все-то на пиру наедалися,
Все на пиру напивалися,
И все на пиру пьяны-веселы сидят,
И все на пиру порасхвастались:
Инный хвастает золотой казной,
Инный хвастает добрым конем,
Инный хвастает шелковым портом.
Только молодой Ставер сын Годинович
Не ест, не пьет и не кушает
И ничем он, молодец, не хвастает.
Зговорил ему солнышко Владимир-князь:
«Ай же ты, молодой Ставер сын Годинович!
Что же ты не ешь, не пьешь и не кушаешь,
Да ничем ты, Ставер, не хвастаешь?» —
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь!
Нечем мне похвастать-то.
Мне похвастать—не похвастать золотой казной,
Много у Ставра золотой казны:
Золотая-то казна ведь не тощится,
Это мне, Ставру, и хвасть — не хвасть.
И много у Ставра есть добрых коней:
Только добрые-то кони не ездятся,
Так и то Ставру, мне, хвасть—не хвасть.
Похвастать—не похвастать мне-ка цветным платьем.
Много у Ставра есть платья цветнаго:
Только цветное-то платье не держится,
И то Ставру, мне-ка, хвасть—не хвасть.
Похвастать—не похвастать мне молодой женой.
Есте у Ставра молодая-то жена,
Млада Василиста Микулична:
Всех князей-бояр продаст и выкупит,
И самого князя Владимира обманет и проведет».
И за тую речь неумильную

Да за тую-то хвасть неудальную
Столько взяли-то Ставра сына Годиновича
И посадили Ставра во темницы во темныя
Да во ты во погребы глубокие.
Столько пала туда весточка нерадостная
К молодой его жены Василисты Микуличной:
«Взяли-де Ставра да посадили Ставра
Во темницы во темныя, во погребы глубокие».
Тут-то млада Василиста Микулична
Садилась она на ременчат стул
И начала она дума думати:
«Столько как Ставра да буде выкупить,
Столько как Ставра да буде выручить?
Столько много у Ставра золотой казны,
И золотой-то казной буде Ставра не выкупить,
И золотой-то казной буде не выручить.
Буде выкупить Ставра да буде выручить
Своима догадками женскима».
И взимала она ножницы булатния,
И рубила свои волосы по-мужичьему,
И сокрутилась во цветно платье во мужичьее,
И назвалась она грозным послом Васильюшком.
Приходит грозный посол Васильюшко на почестен пир
К солнышку ко князю Владимиру,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
И кланялся на все четыре стороны,
А солнышку князю Владимиру в особину:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь!
Отдай-ко ты любезную племянничку
За грознаго посла за Васильюшка».
И хочет отдать солнышко Владимир-князь
Любезную племянничку за Васильюшка,
И выходит любезная племянничка
Ко своему-то дядюшке, князю Владимиру:
«Да что-то у дядюшки затеяно,
Да что-то у дядюшки заведено!
Столько отдавает он девчину за женщину:
И у его ль у грознаго посла у Васильюшка
Ж⟨опа⟩ крутенька, и походка частенька,
И грудь высока, и речь у него по-женскому».
Потом говорит солнышко Владимир-князь:
«Ай же ты, грозный посол Васильюшко!

Бери-тко ты тугий лук,
И кладывай-ко ты калёну стрелу,
И поди-тко во чисто поле
С моима стрельцами, с удалыми молодцами,
И стреляй-ко ты стрелочки калёныя
Во то острие во ножечное,
И коли-тко пополам стрелочку калёную:
Тошто отдам племянницу любезную».
Тут-то грозен посол Васильюшко
Натягивал он тугий лук,
Кладал стрелочку калёную
И стрелял во то острие во ножечное,
И попадала его стрелочка калёная
Во то острие во ножечное,
И пополам стрелочка кололася.
И приходят они с поля чистаго
Ко солнышку ко князю ко Владимиру:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь!
Натягивал я тугий лук,
И кладывал я стрелочку калёную,
Попадал в острие во ножечное
И колол пополам стрелочку калёную:
Отдай-то теперь свою племянничку
За грознаго посла за Васильюшка».
И хочет отдать солнышко Владимир-князь
Свою любезную племянничку
За грознаго посла за Васильюшка.
И выходит любезная племянничка:
«Да что-то опять у дядюшки затеяно,
Да не что-то у дядюшки заведено!
Выдавает он девчину за женщину:
⟨Жопка⟩ крутенька, и походка частенька,
И грудь высока, и речь у него по-женскому».
И говорит солнышко Владимир-князь:
«Ай же ты, грозен посол Васильюшко!
Не угодно ль тебе сходить со мной
Во теплу во парну во баенку с дороги попариться?»
И говорит ту грозный посол Васильюшко:
«Хорошо бы, солнышко Владимир-князь,
Во теплой во баенке попариться».
И пошли они со солнышком со князем со Владимиром
Во теплу во баенку попариться.
Тут-то грозный посол Васильюшко

Попарился да поуправился и ладился.
И говорит ему солнышко Владимир-князь:
«Что же ты, грозный посол Васильюшко,
Скоро поупарился и поуправился?»
И говорит грозен посол Васильюшко:
«Столько все-то у нас по-посольному,
Столько все-то у нас да по-дорожному:
То я скоро поупарился, то я скоро поуправился».
И пошли они с парной баенки,
И приходят в палаты грановитыя.
И говорит тут опять грозен посол Васильюшко:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь!
Отдай-ко свою племянничку
За грознаго посла за Васильюшка».
И говорит солнышко Владимир-князь:
«Ай же ты, грозен посол Васильюшка!
Поди-тко ты на широкий двор,
И дам я ти сильных русских богатырей,
И буде мошь побороть могучих богатырей,
То отдам за тебя любезную племянничку».
И тут шли они на широкий двор боротися.
Стал-то грозный посол Васильюшко боротися:
И стал-то борцов покидывать,
И стал-то борцов побрасывать
По тому двору по широкому,
И поборол их всех до единаго.
Приходит ко солнышку князю ко Владимиру:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь!
Не с кем мне боле поборотися:
Отдай-ко любезную племянничку
За грознаго посла за Васильюшка».
И пошел у них почестен пир.
И тут да на честном пиру
Стали играть в гуселышка яровчаты,
Спотешать князя со княгинею.
И говорит тут грозен посол Васильюшко:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь!
Нету игроков ведь хороших на честном пиру.
Как у вас во стольном во Киеве
Есть молодой Ставер сын Годинович,
Он мастер-то играть в гуселышка яровчаты:
Нет такого игрока нигде и не водится.
Прикажи-тко ты Ставра да на почестен пир

Поиграть-то в гуселышка яровчаты,
Воспотешать-то князя со княгинею».
Говорит тут солнышко Владимир-князь:
«Ты, грозный посол Васильюшко!
Посажен-то Ставер во темницы во темныя,
Во темницы во темныя, во погребы глубокие
За ту его речь неумильную,
За ту его хвасть неудальную:
Похвастал он, Ставр, молодой женой,
Только младой Василистой Микуличной,
Что есте у Ставра молодая-то жена,
Млада Василиста Микулична,
Всех князей-бояр продаст и выкупит,
Солнышко князя-государя обманет и проведет.
Так за то-то посажен молодой Ставер
Во темницы во темныя, во погребы глубокие».
И тут-то говорил грозный посол Васильюшко:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь!
Выпусти Ставра на почестен пир:
Столько некому играть на честном пиру
Да воспотешить нас на том на честном пиру».
Приказал тут солнышко Владимир-князь,
Приказал Ставра его выпустить
На тот ли на почестен пир.
Пришел молодой Ставер на почестен пир,
Садился на скамейку на дубовую,
Только стал играть в гуселышка яровчаты
И спотешать ли князя со княгинею.
Только говорит тут грозный посол Васильюшко:
«Садись-ко ты, Ставер, за дубовый стол!»
Садился тут Ставер за дубовый стол.
И говорит тут грозный посол Васильюшко:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь!
Дай-ко мне Ставра
Сводить в чисто поле до своего бела шатра».
И спустил Ставра солнышко Владимир-князь.
И пошли они во белой шатер.
«Ай же ты, молодой Ставер сын Годинович!
Станем-ко с тобой в свайку играть.
Как мы прежде с тобой в свайку игрывали
И в кольцо попадывали:
У тебя есте свайка серебряная,
У меня есть кольцо позолоченое». —

«Да я с тобой в свайку не игрывал,
Да я в кольцо не попадывал».
Тут грозен посол Васильюшко
Вздымал свои платья по самый пуп:
И вот молодой Ставер сын Годинович
Признал кольцо позолоченое.
Тут грозен посол Васильюшко
Скидывает свои платья мужичия,
Надевался во платья во цветныя,
Во тыя ли платья во женския,
Взимала она Ставра за белы руки,
Приводила Ставра на почестен пир.
Глядит солнышко Владимир-князь,
Что пришел не грозный посол Васильюшко,
Пришла млада Василиста Микулична.
Говорит тут солнышко Владимир-князь:
«Ай же ты, молодой Ставер сын Годинович!
Умел-то ты похвастать молодой женой:
Молода твоя жена Василиста Микулична
Обманула она солнышка князя Владимира,
Обманула и провела.
Да за то тебя Бог простит
Со младой Василистой Микуличной!»
И пошли они во свои покои во высокие,
И стали жить по-старому, по-прежнему.

№ 423

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ[1]

У стольняго у князя у Владимира
Заводился у него да почестной пир.
Вси на пиру да напивалися,
Вси на пиру да поросхвастались:
Единый-тот хвастат золотой казной,
Единый-тот хвастат цветным платьицом,
Единый-тот хвастат добрым конем,
Умный-тот хвастает отцом-матерью,

[1] В ркп. к заглавию былины примечание собирателя: «Здесь Илья Муромец поставлен в роль, обыкновенно приписываемую Ставру Годиновичу». См. также № 433, 442, 443, 449, где роль Ставра отведена Добрыне, и № 447 — Кострюку.

Ай безумный-тот хвастат молодой женой.
Ай сидит Илья Муромец да сын Иванович,
Ай сидит да ничим он не хвастаёт.
Стольнёй князь да Владимиры
Сго́ворит да таково слово:
«Илья Муромец да сын Иванович!
Что же ты сидишь, ничим не хвастаёшь?» —
«Платья у меня да есть на вылюдьё,
Золотой казны у мни да есть по надобью,
Добрых коней да на выезд есть,
Отца-матушки да живого нет.
Есть у мня да молода жена,
Офимья у меня да Олександровна:
Оманула у меня да девять царей,
Десять русскиих могучиих богатырёв,
Ай оманет тебя стольнё-князя Владимира».
Ай посадил ёго в крепь во темную,
Сам посылал скоры́х гонцёв
Ай к его-то молодой жены,
Ай ко той Офимье Олександровне.
«Ай же молода жена, Офимья Олександровна!
Наказывал да теби Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Обмануть тебе стольнё-князя Владимира».
Говорит Офимья Олександровна:
«Как мой муж да напиваетсе,
Так он пущай да прохмеляетсе».
Сама повыпустила скорых послов,
Садилась-то на стулья на дубовыи,
Подрубила-то волосы по-му́жскому,
Сокрутиласи да в платьица во му́жскии,
Обседлала она да ведь добра коня,
Брала она стрелочку калёную,
Палицу да во сорок пуд,
Приезжала ко стольнему ко князю ко Владимиру,
Сваталаси на его на родной дочери,
На Катерины она да Микулаевной.
«Ай ты чьей земли да чьей орды,
Ты чьего отца да чьей матушки?» —
«Я есть по́сол скорый Земли Русскии».
Сговорит Катерина Владимирна:
«Ай же ты, да родный татенка!
Глупым розумом вольни́чаёшь,

Выдаваешь ты девчину, а за женщину:
У ей жопка крутенька как по-женскому,
У ей пелечки мяконьки как по-женскому,
Где жукóвины лежали, тут и места знать». —
«Молчи-тко ты, дочи́, мы попытаем-тко:
Может ли натянуть да тугой лук,
Ай выстрелить да с калёной стрелы.
Пошлем с Чурилушкой Щипленковым
Ай на далечо чисто́ полё».
Ай Чурилушка да Щипленкович
Ай не мог да натянуть он тугой лук,
Ай выстрелить да с калёной стрелы.
По́слы скорыи да Земли Русскии,
А натянула она да ведь тугой лук
И выстрелила да с калёной стрелы.
Говорит Катерина Владимировна:
«Ай же ты, родной мой татенька!
Глупыим ты разумом вольничаёшь,
Выдаваешь ты девчину за женщину:
У ей жопка крутенька как по-женскому,
У ей пелечки мяконьки как по-женскому,
Гди жуковины лежали, тут и места знать». —
«Молчи ты, дочи́, да попытаем-ко:
Положим во спальню во теплую,
На перина́ положим на пуховую,
Если она да буде женщина,
Буде яма на постели-то,
Если она мужчина-то,
Буде яма на зголовьици».
Проспала да темну ноченьку
Ногами да на зголовьицо
Ай плечами она да на постели-то.
Ай тут поверил стольний князь Владимиры,
Ай просватывал свою родну дочь,
Водили их во церкву во Божию,
Витыма перстнями обручили-то,
Зла́тыма венцами обложили-то,
Заводили они да почостный пир.
Ай сидит-то послы скорыи,
Послы скорыи Земли Русскии,
Повешена сидит да буйна голова.
Ай зговорит стольный князь да Владимиры:
«Ай же, послы скорыи Земли Русскии,

Зять молодыи — послы скорыи Земли Русскии!
Ай зачем же ты весишь буйну голову?»
Зговорил да таково слово:
«Стольный князь да Владимиры!
Есть у тебя да во темно́й крепи
Илья Муромец сын Иванович.
Нельзя ли его да повыпустить
Со мною-то на почостный пир?
Мы в одном поли с ним поезживали,
С одной стрелочки мы выстреливали,
В одно колечечко попадывали».
Стольний князь да Владимиры
Он повыпустил да Илью Муромца
Ай на зятнин его да на почостный пир.
Зговорит послы скорыи Земли Русскии,
Послы скорыи да зять молодыи:
«Уж ты знаешь ли, Илья, догадаешься ль, Илья,
Уж я чья жена?»
Зговорит да Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович:
«Эй же ты стольный князь да Владимиры!
Оманула тя да моя жена,
Выдал ты девчину, а за женщину!»

№ 424

СТАВЁР

Солнышко Владимир-князь стольне-киевской
Задернул он поче́стный пир
На всих князей, на бояра,
На всих могучиих богатырей,
На всих поляниц на удалыих.
Соезжалися на почестный пир
Вси князи и вси бояра,
Вси могучии богатыри,
Вси поляницы удалыи.
От города Черни́города
Приезжае молодый Ставер сын Гординович,
По ступенькам ставится тихошенько,
По сенечкам иде легошенько,
Крест кладе по-писаному,

Поклон веде по-ученому
На вси на четыре на стороны,
Солнышку Владимиру во особину:
«Здравствуй, солнышко Владимир-князь,
Со своей любимой племянничкой,
Со Анной со Владимировной!»
Говорит солнышко Владимир-князь:
«Поди-тко дородний добрый молодец!
Ты коей земли, коей орды,
Коего отца, коей матери,
Как тебя именем зовут,
Как величают по отечеству?» —
«Я из города Черни́города
Мо́лодый Ставер сын Гординович».
Садился за дубовый стол.
Они пили, веселилиси,
Вси стали пьяны-веселы,
Вси на пиру поросхвастались:
Сильный хвастат своей силою,
Богатый хвастает богачеством,
Иный хвастат добры́м конем,
А разумный хвастат отцом-матерью,
А безумный хвастат молодой женой.
Молодой Ставер сын Гординович
Сидит, не ест, не пьет, не кушает,
Ничим же он не хвастает.
Говорит солнышко Владимир-князь стольно-киевский:
«Что же ты, дородний добрый молодец,
Сидишь, не ешь, не пьешь, не кушаешь,
Ничим же ты, молодец, не хвастаешь?»
Говорит молодой Ставёр сын Гординович:
«Ай ты, солнышко Владимир-князь стольно-киевский!
Чим же мне, молодцу, похвастати?
Силою я вышел не сильныи,
А богачеством не богатыи,
А добра коня не случилоси.
Только хвастать мне—не хвастать ли молодой женой,
Молодой женой Настасьей Микуличной:
Есть у меня молода жена,
Ваш Киев-град купит-продаст,
Самого царя с ума выведет».
Тыи речи ему не слюбилиси,
Он зговорит своим слугам верным:

«Вы возьмите Ставра, сведите Ставра,
Сведите Ставра во глубок погреб,
За его за речи неумильнии,
Заприте решеточки железныи,
Кладúте нáкладки булатний».
Взяли слуги верныи,
Повели Ставра во глубок погреб.
Был у него грозён посёл,
Служка Микулка Селягинович.
Садился он на добра коня,
Был во городи во Киеви —
Объявился в городи в Чернигороди.
Приходит к молодой жене,
К молодой Настасье Микуличне:
«Здравствуй, молода жена,
Молода Настасья Микулична!
Ты ешь да пьешь, да прохлаждаешься,
Над собой незгодушки не ведаешь.
Засажен Ставер во глубок погреб
За свои за речи неумильнии:
Ухвастал тобой, молодой женой,
Что скупишь-продашь весь Киев-град.
Самого царя с ума выведешь».
А скорешенько ставала на резвы ноги,
Здумала своим умом-разумом,
Садилась на ременчат стул,
Подбривала волоса свои женскии по-мужичьему,
Надевала она платьица мужичьии,
Седлала она добра коня.
Как видли Настасьюшку сядучи,
А не видли Настасьюшки поедучи.
Была во городи Чернигороде —
Объявиласи во городи во Киеве.
По ступенцам идет тихошенько,
По сúнечкам иде полегошенько,
Крест кладе по-писаному,
Поклон веде по-ученому
На вси на три, на четыре на стороны,
Солнышку Владимиру в особину:
«Здравствуешь, Владимир стольно-киевский
Со своей Анной со Владимировной!» —
«Поди-тко ты, пожалуй, добрый молодец!
Ты коей земли, коей орды,

Коего отца, коей матери,
Как тебя именем зовут,
Как величают по отчеству?» —
«Я от города от Чернигорода,
А зовут Василий Микулинич.
У тебя есть племянница любимая
А по имени Анна Владимировна,
Хочу взять за себя, ты хоти-тко дать за меня
Честным пирком да за свадебку».
Говорит Анна Владимировна:
«Не отдавай ты девчину за женщину,
Обум буде с тоски пропасть!» —
«А я могу посла отведати:
Истоплю я парну баенку,
Сходим мы с послом попариться!»
Истопили парну баенку,
Солнышко Владимир иде в баенку,
А младой посол иде из баенки.
Говорит Владимир-князь стольно-киевский:
«Что же, грозён посёл, скоро попарился?» —
«Ай ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Ваше дело е хозяйское,
Наше дело е дорожное».
Говорит Анна Володимировна:
«Не отдавай ты девчину за женщину,
Обум буде с тоски пропасть». —
«А я могу посла отведати:
Постелим ему постельку пуховую».
Он полночи спал головой на зголовьице,
А полночи спал ногами на зголовьице —
Не мог посла отведати,
Хочет выдать Анну Володимировну.
Анна Володимировна тут змолиласи:
«Не отдавай ты девчину за женщину,
Обум буде с тоски пропасть:
На лавочки сидит, ногами вместе жмет,
С проволóкою глаза поваживает». —
«А я могу посла отведати:
Дам ему стрелочку калёную,
Пущай росколет во чистом поли,
Чтобы обе стороны ровным ровны,
А там честным пирком да за свадебку».

Росколол Василий Микулинич; потом он потребовал себе поединщика. Владимир спрашивает, кого дать поединщиком. Он говорит: «Есть у тебя в погребу Ставер Гординович, дай мне его в поединщики». Тут они в чистом поле съехались и розъехались; раз съехались — никой никого не ранили; она говорит:

«Помнишь ли, Ставер, памятуешь ли Ставер:
Когда я колечко поставливала,
Ты стрелочкой в колечко-то попадывал?»

Он в эти речи не вчуется; съехались в друг раз, опять никой никого не ранил. Она говорит:

«Помнишь ли, Ставер, памятуешь ли Ставер:
Когда я колечко поставливала,
Ты сваечкой в колечко попадывал?»

В третий раз съехались, опять друг друга не ранили. Тут она размахнула груди свои женскии.

Тут он брал ее за ручки за белыи,
Целовал в уста сахарнии,
Пошел ко солнышку Владимиру.

Владимир-князь стольне-киевской ему простил вину, что похвастал молодой женой: не пустым он ей похвастал.

№ 425

СТАВЁР

А у солнышка да у Владимира
Пированьицо было по-третий день.
А вси-то на пиру да напивалиси,
Вси же на честноем наедалиси,
Вси же на́ пиру да порасхвастались:
Иный хвалит города да с пригородками,
Иный хвалит тут же села со приселками,
Иный хвастает тут золотой казной,
Золотой казной да тут безсметною.
Иный хвалится да добрыма́ тут ко́моньмы,
Разумный хвастает да родной матушкой,
Безумный хвалится да молодой женой.
Сидит мо́лодой Ставёр да сын Гординович,
Он не ест, не пьет, не кушаёт,
Его белою лебедушки не рушаёт,
Да ничим Ставёр не хвастаёт.
Ходит солнышко Владимир стольне-киевский,
Сам солнышко да испроговорит:
«Ах ты мо́лодой Ставёр да сын Гординович!
Ты не ешь, не пьешь, да сам не кушаешь,

Моей белоей лебедушки не рушаешь,
Сам же нунь, Ставёр, да е не хвастаешь.
У вас нету городов да с пригородками,
Видно, нет у вас да сел и со присёлками,
Нету золотой казны по надобью,
Нету добрых ко́моней по надобью,
А не хо́роша Ставрова родна матушка,
Да не по́хвальна Ставрова молода жена?»
Отвечает тут Ставёр да сын Годинович:
«У нас есть тут города да с пригородками —
То мне, молодцу, не по́хвальба;
Есть у нас и сёла со приселкамы —
То мне, молодцу, не по́хвальба;
Золота казна у молодца не держится —
То мне, молодцу, не по́хвальба;
Добры комони у молодца не ездятся —
То мне, молодцу, не по́хвальба;
Хоть и хороша моя да родна матушка —
То мне, молодцу, не по́хвальба;
Хоть бы похвальна моя да молода жона —
То мне, молодцу, не по́хвальба;
Она всех князей-бояр повыманит,
Она солнышка Владимира с ума сведет».
А вси князи тут бояра призадумались:
«А похвастал нунь Ставёр да сын Годинович,
Ай похвастал он своей да молодой женой:
Всих князей-бояр да нунь она повыманит,
Она солнышка Владимира с ума сведет!
Засадимте-тко Ставра да в погреба,
А во тыи было погреба глубокии.
Пусть-ко нынь Ставрова молода жена
Всих князей-бояр, да нас, повыманит,
Солнышка Владимира с ума сведет».
Был же у Ставра да было сво́й человек,
А садился на Ставрова на добра коня,
Он поехал тут во Землю Ляховитскую,
К той же Василисты ко Никуличной,
Да к Ставровой молодой жены.
Приезжае к Василисты ко Никуличной,
К той же ко Ставровой молодой жены,
Говорит же Василисты да Никуличной:
«Ай же, Василиста дочь Никулична,
«Ай же ты, Ставрова молода жена!

А похвастал нунь Ставёр да сын Годинович
А тобой да молодой женой,
Василистой да Никуличной,
Что де всих князей-бояр да ты повыманишь,
Солнышка Владимира с ума сведешь».
Говорит тут Василиста дочь Никулична:
«Деньгамы Ставра да мне не выкупить,
Силою Ставра да мне не выручить,
Могу ли нет догадкамы да женскима».
А бежала тут она к фельдмаршалам,
Подрубила волоса да по-мужичьему.
Набрала дружинушки хороброю:
Сорóк молодцёв молодых борцов,
Сорок молодцёв, молодых стрельцов,
А сама она поехала посланником
А ко солнышку Владимиру,
А ко князю стольно-киевску.
Оставляет тут дружину во чистом поли,
А сама тут приезжает да посланником.
«Здравствуй, солнышко Владимир стольно-киевский!» —
«Ты откудова́ удалый добрый молодец,
Ты коей земли, коей орды,
Как тя нунь зовут по имечки,
Нарекают по изотчины?» —
«Я из Зе́мли Ляховинскии,
Того короля сын Ляховитскаго.
Молодой Василий да Никулыич.
Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Я приехал нунь о добром деле к вам, об сватовстви
На твоей было любимыи на дочери». —
«Я пойду к доче́ри, нунь подумаю».
Приходит солнышко Владимир стольно-киевский!
А своей доче́ри еще спрашивает:
«Ах ты, дочь моя возлюбленна!
Приезжае короля сын Ляховитскаго,
Молодой Василий да Никулич ли,
На теби любимыи на дочери да свататься».
Отвечае ему дочь было возлюбленна:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Что у тя, Владимир, нуньчу на́ уме,
Что у тебя нуньчу да на разуме?
Выдаваешь ты девчи́ну сам за женщину:
Пельки мяко́ньки все по-женскому,

Ричь-поговоря всё по-женскому,
Гди жуковинья-ты были, там и место знать,
Она стёгна жмет — добра́ бережет».
Испроговорит Владимир стольно-киевский:
«Я пойду посла теперечь поотведаю».
Приходит тут к послу да ляховитскому,
К молоду Василью да Никуличу.
«Молодой Василий да Никулич ли!
Не угодно ли с дороги сходить в баенку?» —
«Это, солнышко Владимир, да не худо нам —
А сходить с дороги в теплу парну баенку!»
Приказал Владимир стопить баенку:
А приходит тут Владимир стольно-киевский
К молоду Василью да Никуличу:
«А пожалуй-ко ты в теплу парну баенку!»
А дока́ Владимир в доме гладился,
Той порой посол в байны́ отпарился,
Стрету-ту идет да ему честь воздает:
«Благодарствуешь, Владимир стольно-киевский,
Да на теплопарною вашей на баенки».
Владимир тут ему да отвечает ли:
«Что же скоро в баенке отпарились?» —
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Ваше дело е хозяйское,
Наше дело е посольное,
Недосуг нам долго в байне гладиться,
В теплопарною там париться.
Я приехал к вам о добром деле да об сватовстве
На твоей любимыи на дочери». —
«Я пойду еще к дочёри, там подумаю».
Солнышко Владимир стольно-киевский,
Он приходит тут, дочёри, сам же спрашиват:
«Ай ты, дочь моя возлюбленна!
Того короля сын Ляховитскаго,
Молодой Василий да Никулич ли,
Он приехал да о добром деле да о сватовстве
На тебе было любимыи на дочери».
Отвечае дочь ему любимая:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Что у тя, Владимир, нуньчу на́ уме,
Что у тебя нуньчу да на разуме?
Выдаваешь ты девчи́ну сам за женщину:
Пельки мяконьки все по-женскому,

Ричь-поговоря всё по-женскому,
Гди жуковинья-ты были, там и место знать,
Она стёгна жмет — добра́ бережет».
Испроговорит Владимир стольно-киевский:
«Я пойду посла теперечь поотведаю».
Тут приходит да к Василью ко Никуличу:
«Ах ты, молодой Василий да Никулич ли!
Ты пройди в полаты белокаменны,
Там ты хлеба-соли да откушаешь,
А отдо́хнешь после теплопарной баенки».
А приходит он в полаты белокаменны,
Там же он да хлеба кушаёт.
А выходит он из-за́ столов
И Владимиру да честь воздает.
А отводит тут Владимир стольно-киевский
А во тыи нунь да ложни да во теплыи.
Молодой Василий да Никулич ли,
Где головой-то быть, да тут же жопой лег.
Выходит он из ложни да из теплыи:
«Благодарствуешь, Владимир стольно-киевский
На твоей да там на ложни да на теплыи!
Я приехал нонь о добром деле к вам, о сватовстве
На твоей любимыя на дочери».
Отвечает тут Владимир стольно-киевский:
«Я пойду еще к доче́ри, там подумаю».
Тут заходит он во ложни да во теплыи,
Смотрит там плеча да богатырскии —
А широки плеча да богатырскии!
И приходит он к доче́ри, сам же спрашивать:
«Ай ты, дочь моя возлюбленна!
Того короля сын Ляховитскаго,
Мо́лодой Василий да Никулич ли,
А приехал к нам да о добром деле да о сватовстве
На тебе было любимыи на дочери».
Отвечае дочь ему любимая:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Что у тя, Владимир, нуньчу на́ уме,
Что у тебя нуньчу да на разуме?
Выдаваешь ты девчи́ну сам за женщину:
Пельки мяконьки все по-женскому,
Ричь-поговоря всё по-женскому,
Гди жуковинья-ты были, там и место знать,
Она стёгна жмет — добра́ бережет».

Испроговорит Владимир стольно-киевский:
«Я пойду посла еще да поотведаю».
Приходит тут к Василью ко Никуличу:
«Ах ты, молодой Василий да Никулич ли!
Не угодно ли с дворянами потешиться,
Пострелять в колечко золоченое?»
Отвечает тут Василий да Никулич ли:
«Оставлены стрельци да во чистом поли.
Мне-ка-ва теперичу да самому отведати,
А стрелять в колечко золоченое».
Солнышко Владимир стольно-киевский
Он поставил молода́ стрельця:
Первой раз стрели́л да он не до́стрелил,
А другой же раз стрели́л — пере́стрелил,
Третий раз стрели́л да туды не́ попал.
Молодой Василий да Никулич ли
А натягивал тетивочки шелковыи,
А накладывал он стрелочку калёную,
А стреляет тут в колечко золоченое,
Попадает тут в колечко золоченое,
Коле стрелочку да на́двое:
Мерою однаки да весом равны.
Сам Василей испроговорит:
«Солнышко Владимир стольно-киевский!
Я приехал нонь о добром деле к вам, о сватовстве
На твоей любимыи на дочери». —
«Я пойду к доче́ри, там подумаю».
Приходит он к доче́ри, сам же спрашиват.
Говорит ему да дочь любимая:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Что у тя, Владимир, нуньчу на́ уме,
Что у тебя нуньчу да на разуме?
Выдаваешь ты девчи́ну сам за женщину:
Пельки мяконьки все по-женскому,
Ричь-поговоря всё по-женскому,
Гди жуковинья-ты были, там и место знать,
Она стёгна жмет — добра́ бережет».
Испроговорит Владимир стольно-киевский:
«Я пойду посла теперечь поотведаю».
А приходит тут к Василию ко Никуличу,
К молоду Василию да Никуличу:
«Молодой Василий да Никулич ли!
Не угодно ль с моима дворянами потешиться,

Ай потешиться да поборотиться?» —
«Да оставлены борьци да во чистом поли,
Самому же нуньчу мне-ка поотведати».
Тут выходит да Василий да Никулич ли,
Он выходит да на широк двор,
Стал с дворянами он тешиться,
Стал он тешиться да он боротиться:
Одного захватит в руку, другаго да в другую,
Третьяго он смахнет во серёдочку,
По́-трою же он Василий да на зень ложил —
А которыих положит, больше ты не вы́станут.
А выходит тут Владимир да на широк двор:
«Ах ты, мо́лодой Василий да Никулич ли!
Укроти-тко свое сердце богатырское!»
Испроговорит мо́лодый Василий да Никулич ли:
«Я приехал нонь о добром деле к вам, о сватовстве
На твоей любимыи на дочери —
А ты с чести мне не дашь, так во́зьму не с чести,
Не с чести возьму, да те́би бок набью».
Не пошел же тут Владимир больше спрашивать,
Стал свою тут дочь просватывать
За того было Василья за Никулича,
За тую́ было Ставрову молоду жену.
А свадебка у них была по третий день,
А Василий да Никулич закручинился,
Он повесил свою да буйну голову,
Утопил же очи ясны о кирпичен мост.
Испроговорит Владимир стольно-киевский:
«Что же ты, Василий, закручинился?» —
«Что же мне-ка стало нунь не весело:
Батюшка ли дома у нас по́мер ли,
Али матушка да дома у нас по́мерла,
Аль над дружиной во чисто́м поли не ладно есть?
Нет ли у́ вас младых загусельщичков,
Поиграть да во гуселышка яровчаты,
Звеселить мое сердечико?»
Доставали что ли младых загусельщичков,
Все играют да не весело,
Не могли же звеселить Василья да Никулича.
Говорит было Василий да Никулич ли:
«Нет ли у тя младых затюремщичков,
Поиграть в гуселышка яровчаты?»
Повыпустили младых затюремщичков,

Стали тут играть в гуселышка яровчаты,
Все играют да не весело.
Говорит было Василий да Никулич ли:
«Ах ты, солнышко Влидимир стольно-киевский!
Я слыхал же от своих было родителей:
Нет ли здесь Ставра Годинова?
Он горазд играть в гуселышка яровчаты».
Тут выводят Ста́вра с погребов глубокиих,
Заиграл в гуселышка яровчаты —
Звеселился тут Василий да Никулич ли:
«Здравствуешь, Ставёр да сын Годинович!
Ты меня, Ставёр, да нунь же знаешь ли?»
Отвечает тут Ставёр да сын Годинович:
«Я тобя топеричку не знаю ли». —
«А помнишь ли, Ставёр да сын Годинович,
Как мы с тобою в грамоте учились ли?
А моя была чернильница серебряна,
А твое было перо да подзолочено,
Ты тут помакивал всегды, всегды,
А я помакивал тогды-сегды?» —
«Я с тобою в грамоте не учивался!» —
«А не помнишь ли, Ставёр да сын Годинович,
А мы с тобою сваечкой поигрывали?
А мое было колечко золоченое,
Твоя-то бы́ла сваечка серебряна,
Ты тут попадывал всегды, всегды,
А я попадывал тогды-сегды?» —
«Я-то с то́бой сваечкой не игрывал».
Говорит же тут Василий да Никулич ли:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Ты спусти-ко со мной Ставра съездить во чисто поле,
Посмотреть дружинушки хороброю».
Говорят тут князи-бояра:
«Как спустить Ставра — так не видать Ставра,
Не спустить Ставра — так розгневить посла».
А не смели тут посла оны поро́згневить,
Отпустили Ставра съездить во чисто поле.
Приезжает тут Василий во чисто поле
Ко своей было дружинушки хороброей.
Тут идет в шатры да он в полотняны,
Одевае платья было женьскии,
Сокручается Василий было женщиной.
«Здравствуешь, Ставёр да сын Годинович!

А нунечу меня да ты не знаешь ли?»
Отвечает тут Ставёр да сын Годинович:
«Здравствуй, молодая Василиста дочь Никулична,
Нунечу Ставрова молода жена!»
Спрашиват да Василиста дочь Никулична
У того Ставра Годинова:
«Молодой же ты Ставёр да сын Годинович!
Ты за что же засажен да был во погреба?» —
«Я похвастал нунь тобой, да молодой женой,
Что ты всих князей-бояр теперь повыманишь,
Что ты солнышка Владимира с ума сведешь.
А поедем, Василиста дочь Никулична,
Мы поедем в свою сторону!»
Говорила Василиста дочь Никулична:
«Нам не честь-хвала да молодецкая,
Что ли во́ровски уехать нам со Киева.
А поедем-ко мы свадебки доигрывать.
Вси князи да бояра нунь повы́манены,
Солнышко Владимир да с ума сведен».
Накрутилась тут она да е посланником,
Приезжает тут она ко городу ко Киеву
А ко ласковому князю ко Владимиру,
Что ли свадебки она доигрывать,
А сама же у Владимира тут спрашиват:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
А за что же засажен Ставёр Годинович
А во погреба глубокии?» —
«А за то же засажен Ставёр Годинович
А во погреба глубокии:
Он похвастал нунь своёй да молодой женой:
Всих князей-бояр она повыманит,
Она солнышка Владимира с ума сведет!» —
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Что у тя, Владимир, нуньче на́ уме,
Что у тя, Владимир, е на разуме?
Выдаваешь ты девчину сам за женщину,
А за тую за Ставрову молоду жену,
А за тую Василисту за Никуличну».
Солнышко Владимир стольно-киевский —
Он повесил буйну голову,
Утопил же очи ясны во кирпичен мост.
Вси же князи тут бояра призадумались,
Вси же князи тут бояра испроговорят:

«Она всих князей-бояр да нас повы́манила,
Тебя, солнышко Владимир, да с ума свела.
Благодарствуешь, Ставёр да сын Годинович!
Знал похвастать молодой женой.
Ты торгуй-ко нунь, Ставёр, да зде во Киеве,
Ты отныне же торгуй да век же по веку
Зде во Киеве беспошлинно».

№ 426

О СТАВРЕ ГОДИНОВИЧЕ

Молодой Ставер сын Годинович,
Поезжает он торговать во Киев-град.
Говорит ему Василиста дочь Микулична:
«Не будь-ко ты там захвасливой,
Так не будешь ты там захваченой!»
Он приехал тут во Киев-град
Ко солнышку ко князю ко Владимиру,
Сделался у князя почосной пир.
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру наедалися,
Вси на пиру поросхвастались:
Иной хвастат городами с пригородками,
Иной хвастат селами с присёлками,
Иной хвастат золотой казной,
Иной хвастат добрыми комуньми,
Иной хвалится молодой женой,
Иной хвалится да родной матушкой.
Сидит Ставёр сын Годинович
Да ничем Ставёр да не хвастает.
Ходит тут Владимир-князь да стольно-киевский,
Сам тут Владимир испроговорит:
«Верно, нету у Ставра сына Годиновича
Нету гордов с пригородками,
Видно, нету и сел со присёлками?»
Говорит тут Ставер сын Годинович:
«Есть у меня города с пригородками —
То мне, молодцу, не похвальба;
Есть сёла с присёлками —
То мне, молодцу, не похвальба;
Золотой казны у молодца не тощится —

То мни, молодцу, не похвальба;
Добрых комуней е досыта —
То мни, молодцу, не похвальба;
Хороша моя родна матушка —
И то мни, молодцу, не похвальба;
Похвальна моя молода жона —
И то мни, молодцу, не похвальба;
Князей-бояр она всех повыманит —
И то мни, молодцу, не похвальба;
Солнышка Владимира с ума сведет —
И то мни, молодцу, не похвальба!»
Князья-бояре призамолкнули,
Придворные бояра призадумались,
Сами тут-то таково слово спроговорят:
«Похвастал Ставер сын Годинович
Своей молодой женой!
Пусть-ко она нунь князей нас, бояр повыманит,
А солнышка Владимира с ума сведет!
Засадимьте-ко Ставра сына Годинова
Во тые во погребы глубокие.
Пус⟨т⟩ь-ко приедет Ставрова молода жена,
Пус⟨т⟩ь-ко тут всих нас повыманит,
Пус⟨т⟩ь-ко князя Владимра с ума сведет!»
Тут был у Ставра свой человек,
Садился он на Ставрова на добра коня,
Приезжает ко Ставровой ли жены,
К той Василисты Микулишной.
«Ах ты, молода Василиста Микулишна!
Посажен твой Ставер сын Годинович
Во погреба во глубокия.
Похва⟨ста⟩лся Ставер сын Годинович
Тобою, молодой женой:
Что всех она князей там, бояр повыманит,
Солнышка Владимра с ума сведет».
Говорит тут Василиста Микулишна:
«Глупо сделал Ставер сын Годинович,
Что хвастает мною, молодой женой!
Как я теперь князей-бояр повыманю?
Силой, стать, Ставра мне не выручить,
Деньгами Ставра мне не выкупить,
Могу ли я нунче выручить
Догадками женскими?»
Бежала она к цыкурникам,

Подрезала она волосы по-мужичьему,
Набрала дружину хоробрую,
И набрала сорок молодцов, всё стрельщиков,
И сорок молодцов, молодых борцов.
А сама поезжает посланником
От того короля Ляховицкого,
Назвалася Васильем Микуличем.
Приезжает она тут во Киев-град,
Приезжает тут ко князю свататься
На его на любимой на дочери.
Приходит Владимир стольно-киевский,
У дочери он тут же спрашиват:
«Ах ты, дочь ты моя возлюленна!
Приезжает короля сын Ляховитскаго свататься
На теби, на любимой на дочери». —
⟨...⟩
Говорит ему дочь да возлюбленна:
«Что у тебя, батюшка, на уми,
Что у тя, Владимир, на розуми?
Выдавашь ты девчину за женщину!
Речь-поговоря — всё по-женскому:
Гди жуковинья-то были —
Тыи места знать».
Говорит тут Владимир стольно-киевский:
«Я пойду посла поотведаю».
Стопил парну баенку
И зовет посла в ту теплопарную баенку.
Посол от него не отымается,
В баенку посол да справляется.
Дока Владимир дома ладился,
Дотуль посол в байны отпарился,
Стрету идет, ему честь воздает:
«Благодарствую, Владимир стольно-киевский,
На теплой, на парной на баенке!»
Испроговорил Владимир таково слово:
«Что же скоро отпарился?» —
«Наше дело посольское,
Недосуг нам долго париться,
Ваше ж дело е княжеско,
Вашо дело есть домашное.
Я приехал о добром о дели, о сватовстви».
Говорит тут Владимир стольно-киевский:
«Я поеду к дочери, подумаю».

У дочери князь спрашиват:
«Ах ты, дочь ты моя любезная,
Приезжает князя сын Ляховицкаго свататься
На теби, на любимой на дочери».
Говорит ему дочь да возлюбленна:
«Что у тя, батюшка, на уми,
Что у тя, Владимир, на розуми?
Выдаваешь ты девчину за женщину:
Пельки мяконьки по-женскому,
Речь-поговоря — всё по-женскому».
Говорит тут Владимир-князь:
«Я пойду, посла поотведаю.
Не угодно ли после баенки
Отдохнуть на кроватки на тесовоей?»
Посол был догадливой:
Где головой-то лечь — туды ногами лег.
Спал во теплоей во ложни,
Выставает из ложни из тёплоей,
Отдавает он честь тут Владимиру
За тую за ложню за теплую:
«Благодарствуй, Владимир-князь,
На твоей на ложни на теплоей!»
Сходит Владимир стольно-киевский
Во тую во ложню во теплую:
Широки плеча богатырския!
Приходит ко послу супротив его,
Говорит ему посол ляховицкой:
«Я приехал к теби за добрым за делом, за сватовством».
Говорит ему Владимир-князь:
«Я пойду ко дочери, подумаю».
У дочери князь спрашивает:
«Ах ты, дочь ты моя любезная,
Приезжает князя сын Ляховицкого свататься
На теби на любимой на дочери».
Говорит ему дочь да возлюбленна:
«Что у тя, батюшка, на уми,
Что у тя, Владимир, на розуми?
Выдаваешь ты девчину за женщину:
Пельки мяконьки по-женскому,
Речь-поговоря — всё по-женскому!»
Говорит тут Владимир-князь:
«Я пойду посла поотведаю».
Приходит князь к послу ляховицкому,

Говорит ему таково слово:
«Не угодно ли с моими дворянами потешиться?
Пострелять из лука стрелки калёные
Во то кольцо золоченое
И во то остриё ножовоё?»
Испроговорит Василей Микульевич:
«Оставлены стрелки во чистом поли,
Самому пойти, потведати!»
Выходит он да на широк двор
Стрелять со стрелы со калёныя
Во то кольцо золоченоё.
Стал он с дворянами тешиться,
Тешиться и боротися:
Одного захватит за руку,
Другого за другу,
А третьяго столкнет в серединочку.
Которых положит — с места не встают.
Испроговорит тут Владимир-князь:
«Укроти-тко ты свое сердцо богатырскоё!»
Испроговорит Василей Микульевич:
«Укроти-тко ты свое сердце богатырское!»
Испроговорит Василей Микульевич:
«Ах ты, солнышко Владимир-князь!
Приехал я за добрыим за делом, за сватовством
На твоей на любимой на дочери.
С цести не дашь — возьму не с цести».
Тут не пошел Владимир больше спрашивать,
Заводил он свадебку, почосной пир.
Свадебка идет у них на третий день.
Тут Василей Микульевич призадумался,
Призадумался и приужахнулся.
Испроговорит Василей Микульевич таково слово:
«Что это мни призадумалоси:
Батюшка ли помер, али матушка?
Нет ли у тя, Владимир-князь,
Молодых загусельщиков
Взвеселить меня, Василья Микульевича?»
Тут привели молодых загусельщиков,
Вси играют, а не весело.
«Нет ли у тя молодых затюремщиков?
Я слыхал от мово от родителя,
Что нет ли здесь Ставра, сына Годиновича?
Он горазд играть во гуселышка яровчаты».

Вси тут князья-бояра призадумались,
Вси тут придворны бояра призамолкнули:
«Выпустить Ставра — так не видать Ставра,
Не выпустить Ставра — так разгневить посла».
Повыпустили Ставра сына Годиновича.
Тут взял Ставер сын Годинович
Тыя же гуселышки яровчаты,
Заиграл тут в гуселышка яровчаты —
Развеселился Василей Микульевич!
Говорит тут Василей Микульевич:
«Ах ты, молодой Ставёр сын Годинович!
Подходи-тко к столам ко дубовыим.
«Здравствуешь, Ставёр сын Годинович!
Знаешь ли, Ставёр сын Годинович,
Меня, молода посла?»
Отпирается Ставёр сын Годинович:
«Я не знаю тебя, молода посла».
«А помнишь ли, как мы грамотки с тобой училися?»
Отвечает Ставер сын Годинович:
«Я с тобой грамотки не учивался».
Говорит ему опять Василей Микульевич:
«С одной мы чернильницы с тобой писывали,
Твое было перо подзолоченое,
А моя была чернильница серебряная». —
«Я с тобой вместе не писывал». —
«А ты не помнишь ли, Ставер Годинович,
Как сваечкой с тобой мы поигрывали?
Твоя-то была сваячка серебряная,
Мое-то кольцо ползолоченоё.
Попадали тут в кольцо золоченоё,
Ты-то попадал всегды, всегды,
А я-то попадал тогды-сегды». —
«Я с тобой сваечкой не игрывал».
Говорит тут посол ляховицкий:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Спусти-тко Ставра сына Годиновича
Съездить мни во чисто полё,
Привезти сюда дружина хоробрая.
Свадебку будем тут доигрывать».
Говорят тут князья-бояра придворныя:
«Спустить Ставра — так не видать Ставра,
Не спустить Ставра — разгневить посла».
Спустили Ставра сына Годиновича.

Съездить во чисто полё
Ко той ли дружины хороброей.
Поехал Василей Микульевич
Со Ставром сыном Годиновичем.
Приезжает ко своему-то шатру белобранному,
Ко той ли дружины хороброей,
Заходит он в свой бел шатер,
Сокручается тут да женщиной,
Выходит ко Ставру сыну Годиновичу.
«Знаешь ли, Ставёр сын Годинович?»
Говорит тут Ставёр сын Годинович:
«Здраствуешь, Василиста Микулична!» —
«А ты что, Ставёр сын Годинович,
Не похвастал ли ты мной, молодой женой?»
Говорит тут Ставёр сын Годинович:
«Я похвастал тобой, молодой жоной,
Что ты всех князей-бояр повыманишь,
Солнышка Владимира с ума сведешь,
За то я засажон в погреба глубокия.
Мы поедем-ко, Василиста Микулишна,
Мы поедем-ко во свою во сторону».
Испроговорит Василиста Микулишна таковы слова:
«Не честь-хвала нам уехать по-воровски,
Поедем-ко мы свадебку доигрывать».
Приезжает тут с дружиной хороброей
Свадебку тут доигрывать.
Приезжал он тут да во Киев-град,
Садился он за дубовый стол,
Говорит тут Василей Микульевич:
«Ах ты, солнышко Владимир-князь,
За что посажен Ставёр сын Годинович,
За что он посажен во погреба глубокие?»
Отвечает тут Владимир стольно-киевский:
«Он похвастал своей молодой женой,
Что всих она князей-бояр повыманит,
Меня, солнышка Владимира, с ума сведет».
Испроговорит Василей Микульевич таково слово:
«Что у тя, солнышко, на уми,
Что у ты, солнышко, на разуми,
Что выдаваешь ты девчину сам за женщину?
Я есть нунь Ставрова молода жена
Василиста Микулишна.
Всих я вас, князья-бояра, повыманила,

А тебя, солнышка Владимира, с ума свела».
Повесил тут Владимир буйну голову,
Утупил он свои очи ясные
Во тот во кирпичен мост.
Говорит тут Владимир стольно-киевский:
«Ах ты, молодой Ставёр сын Годинович!
Ты торгуй-ко нунче у нас да во Киеви
Ты торгуй-ко безданно да беспошлинно
Отныне нунче до веку».
Прощалася Василиста Микулишна
Со князем Владимиром да стольно-киевским,
Отправлялася Василиста Микулишна
Со своим со Ставром со Годиновичем
Во свою во Землю Ляховицкую.

№ 427

СТАВЕР ГОДИНОВИЧ

Во сто́льнём во городе во Киеве
У того у князя у Владимира
Был воздернут пер на двенадцать дён.
Как все-то на перу напивалисе,
Как все-то на перу да наедалисе,
Как молодой Ставёр сын Гуди́нович,
Он ни пьет, ни ест, ни кушает,
А белой лебеди да не рушает.
А подходит ласковый Владимир-князь,
А говорит-то он таковы слова:
«А что же ты не пьешь, не ешь да не кушаешь,
А белой лебеди да не рушаешь,
А ничем-то ведь, мо́лодец, не хвастаешь?» —
«А ведь нечем мне, мо́лодцю, похвастать тут.
А как нет у меня ни злата, ни се́ребра,
Нет у меня против людей как силушки,
Напротив-то смелого Олёшеньки Поповича.
Нет у меня да смелости.
Как есть у меня нунь молода́ жона,
Молода́ жона — Настасья Микулисьна.
Как может она Киев-град скупить,
Самого царя с ума повывести».
Как тут-то ведь слова князю не к лицю пришли.

Говорит-то он таковы слова:
«Ай-же сильнии могуции бога́тыри!
Берите-ко Ставра́ во белы́ руки́,
Ведите-ко во погреба глубокии,
Пусть-ко ведь его жона, Настасья да Микулисьна,
Повыкупит она добра́ молодця́.
Как тут взял Ставра́ посадил в темницю-ту.
Как на этоем перу был ро́дной дядюшка
Настасьи-то ведь Микулисьной.
Приехал-то он ко племяннице,
Стал-то он как рассказывать,
Стала она тут выговаривать,
Говорит Настасья Микулисьна:
«Ай же ты, моя богоданная матушка!
Возьми-тко ножнички ведь на нунь иди
Ко этиим ко церульницькам,
Подстригай-ко мне-ка волосы по-му́жьскому,
Дай-ко ты мне нунь да платьица,
Платьица-то ведь нунь мне богатырьскии,
Те ли кольцю́ги молодецькии,
Я поеду нунь в ту сторонушку,
Как мо́лодый-то Ставёр сын Гудёнович!»
Наехал тут удалый добрый мо́лодець
На тот-ли ведь широкой двор,
Привязыват коня ко тому столбу,
Ко тому столбу ко тоцёному,
Ко тому ли ко кольцю ко злацёному.
Насыпала пшона белоярова:
«Ешь-ко ты, конь, наедайсе-ко
Пей-ко ты воды напивайсе-ко!»
Идет-то она по паратной-то,
По паратной да нунь лестници —
Ай ступеньки ты все ломаютсе,
Перекладинки все сгибаютсе.
Отворят-то двери тут на́ пету,
Заходит-то во гривну во новую.
Сидят-то ведь бога́тыри-ка сильнии,
Сильнии бога́тыри, руссийскии.
Крест-то кладет он по-пи́саному,
Поклон-то ведет по-ученому.
Приехала-то ведь она ко тому князю́,
Ко кня́зю ведь ко Владимиру.
Говорит-то ведь таково слово́:

«Ай же ты, Владимир-князь стольне-киевской!
Как есть-то у тя племянница Любовь Забависьна.
Повыдай-ко ее за меня замýж,
Если ты не выдашь за меня замýж,
Весь-то Киев я огнем пожгу,
Самого царя во полон возьму».
Как пришла-то беда неминучая,
Затыкат он жопу онучею.
А говорит тут княжая племянница,
Тая ли Любовь да Забависьна:
«Ай же ты нунь, родный дядюшка!
А не выдай-ко ты меня за женщину,
А ведь есть она не мужчина, а женщина —
Походочка-то у ней частенькая,
⟨*нрзб*⟩ у ней великенькие,
Не наделай-ко ты страму великого!» —
«Ай же ты, Любовь моя да моя племянница,
Великая ты нунь да Забавница,
Испытаю я ведь нунь да удáлого,
Удалóго нунь добра молодца:
Пошлю-ко я нунь да на широкий двор,
Дам борцев что ни лучшиих».
Как вышли тут боротьсе на широкий двор,
Берет Настасья да Микулисьна
Во леву руку два да три,
Во праву руку пять да шесть,
Как вместе стала их да сталкивать,
Как вместе стала их да сбрасывать.
(*Вот сила-то какая*!)
Не мог-то видь узнать тут Владимир-князь.
«Ай же ты, мой любимый дюдюшка,
Не выдай-ко ты девцы за женщину,
Не наделай-ко ты страму великого!»
А говорит-то ласковый Владимер-князь:
«А ведь нунь я испытаю нунь:
Положу-то я на постельку нунь на пуховую,
На постелю нунь, на постельку ведь.
Как есть-то ведь она женщина —
Жопа толще-шире плечушков,
А мужчина есть, не женщина —
Так плечи шире жопы-ты».
(*А она спала половину ночи так, а половину наоборот.*)
Пошло у них пированьице.

А говорит племянница:
«Ай же ты, родной дядюшка!
Не выдай-ко дéвицы за женщину.
Не наделай-ко ты страму великого!»

Приказал князь истопить парную баенку, хотел испытать ее. Она сошла первой в баенку, да и вымылась. Тот пошел в баню, так опять ничего не узнал. Пошло у них пированье.

Говорит она таковы слова:
«Владимир-князь стóльне-киевской!
Я слышала — засажен добрый молодець,
Крестовый брат Ставёр сын Гудúнович,
Засажен он во погрéбы глубокие.
Он мастер играть на гуселышках ярóвчатых,
Позови Ставрá на почéстен пир». —
«Выпустить Ставрá — не видать Ставрá,
Не выпустить Ставрá — не видать добра».
Видит, что приходит беда неминучая,
Затыкает ⟨жопу⟩ онучею.
Выпустил Ставрá Гудúновича.
Пришел Ставéр на почéстен пир.
Говорит тут Настасья Микулисьна:
«Дай же ты Ставрý зеленá вина —
Повеселей будет играть, получше ведь».

Она не сказала себя женщиной. Попросила она для себя покойчик-комнатку. Вышли они двое на широкий двор. Вышла Настасья Микулисьна, пришел Ставéр Гудинович. Она стала говорить со Ставрóм Гудúновичем.

Говорит она да таковы слова:
«Ай же ты, удалый добрый мóлодець!
Помнишь ли игры наши детские:
Твоя шваечка была позолочена,
А мое кольцо серебряно?»
Не мог он угадать наметок женскиих.

№ 428

СТАВР ГОДИНОВИЧ

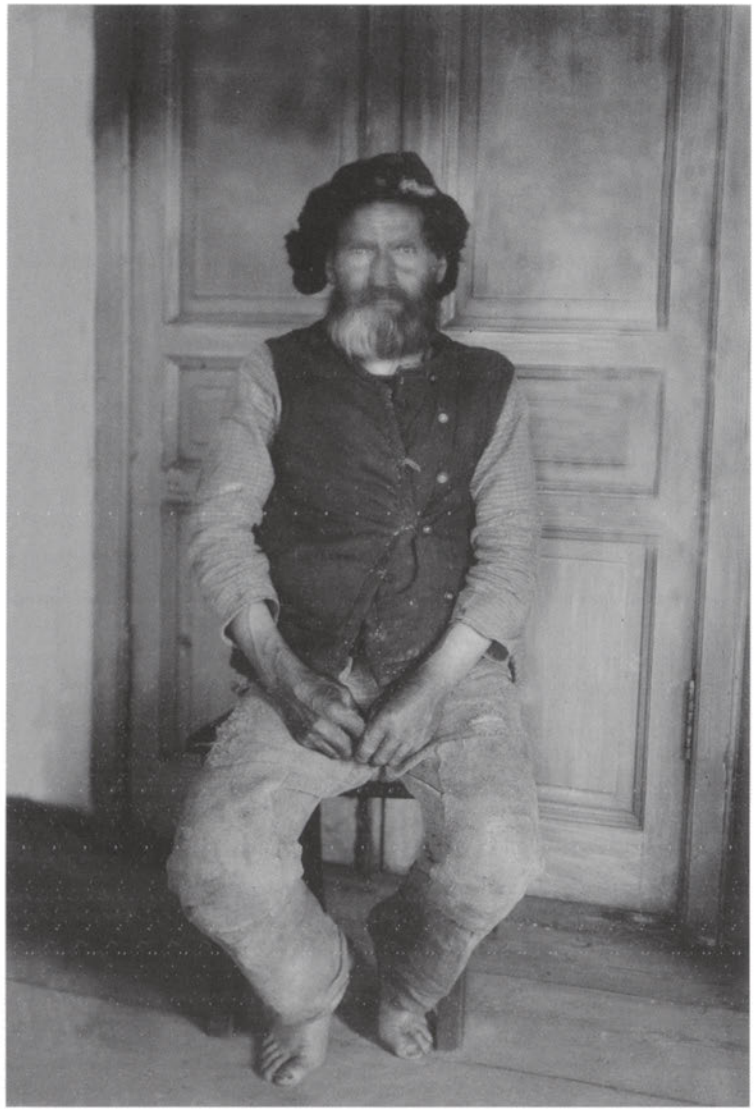
Во славноем во городи во Киёви
А у славного князя у Владимера
Ай был пособран тут да почестен пир.
А и вси-то на перу да напивалисе,
А и вси-то на честнóм да наедалисе,
А и вси-то на перу да поросфастались:

А умной-то фастае отцём-матерью,
А безумной-то ли, глупой — молодой жоной.
А тут сидит Ставёр сын Гордиевиц,
А ён сидит да ни фастает.
А говорил ли солнышко князь да сто́льнё-киевской:
«Ай молодой ты сын, сын Гордиевиц,
А поцему сидишь ницем не фастаешь?
А не златом ты ли, ни си́ребром,
А не ска́ценым не ты ли славным жемцюгом?» —
«А ни злата у меня нету, ни се́ребра,
А нет ни ска́ченого славного жемцюга —
А не́цем мне, мо́лодцу, пофастати,
А мне фастать — не пофастать, добру мо́лодцу,
А мне своёй ли да молодой жоной,
А молодой жоной да любимой семьей.
А у мини жона молода была,
А поле́ниця ли была сла́вна, уда́лая,
А богатырша ли была напо́льная.
А вси князей ли, бояр с ума повы́веде,
А самого князя може в полон взяти́».
А тут ли князю слова да не понравились:
«А уж вы, слуги, слуги верныи,
А вы берите-ка Ставра́ да за белы́ руки́,
Ай вы ведите-ко Ставра́ да во глубо́к погре́б,
А завалите-ко Ставра́ славна чуркамы,
Ай да вогулкамы да вы колодьямы,
Ай чтоб о ю да больше не было,
Да не было́ бы слыху́ да слу́ху-по́слуху».
Ай тут-то брали слуги, слуги верныи,
А повели Ставра́ да во глубо́к погре́б.
А увидала ли любимая племянниця:
«Ах вы ли, слуги, слуги княжинецькии,
А вы куды да ведете да до́бра мо́лодца?» —
«А мы ведем его в темницю темною,
А мы садить хоцём в по́гребы глубокие». —
«Ай не садите-ко в погреба́ его глубокие,
А я ведь буду его́ кормить-поить его́, —
А можот нам Ставёр запригодитси ён».
Разошелся тут поцёстен, да поцёстен пир.
А был а у него́ на перу хрёсто́вой брат,
А хрёстовый брат да Василей да Буслаевиць.
Ён садился тут да на добра́ коня,
А на добра́ коня да во цисто́ поле́,

А приезжал ён к жоны́ любимоёй:
«А молода жона ты Ставро́вые,
А ты не знашь ли незгодушки?
А ведь осерчал солнышко князь сто́льнё-киевской
На твоего́ Ставра́ сына Гордиева.
А ён пофастал на пиру да молодой жоной,
А молодой жоной, с тобой, Микулицьной». —
«А говорила я Ставру́, да говорила дураку:
„А уж ты сиди, Ставр, да на почестен пер,
А не пофастай-ка ты да молодой жоной!"
А, видно, быть-ко мне Ставра́ надоть повыруцить!»
А посекала ли волосушка по-мужьскому,
А одевала ёна платьиця му́жьскии,
Одевала шубку соболёвую,
Окладывала она шапоньку пухо́вую,
А выходила ёна туда, да на широкой двор,
Выводила ли коня, да коня доброго,
Коня доброго ды никла́дана,
А не́кладана, славна неезжана:
«А уж ты, Сивушко да белогривушко,
А послужи-ко ты ли мне верой-ко:
А мне выруцить Ставра да со те́мници
А мне своима хитростями да женьскима,
А мне своей ли удацей молодецькою!»
А она брала ли палицю во руценьки —
А была палиця ли ту да во девиноста пуд,
А бросила ёна палицю под облако,
А ымала она палицю единой рукой,
А выводила ёна, становила ко стойлышку,
А выносила ли седёлышко черкаськое,
Ай во руцьки ⟨*нрзб*⟩ смятые,
А на войлуцки да были потницки,
А потягивала подтяжи потюгошеньку,
А садилась на коня ёна́ быстрешеньку —
А тут видели молодца сядуцись,
А не видели удалого поедуцись:
А будто молния в цистом поле смелькаетьсе,
А будто вихорь ли по цисту полю завиваетьсе.
Подъезжал ён ко славному ко городу ко Киеву,
А ён крыкнул голосом богатырскиим:
«Уж ты солнышко князь стольнё-киевской,
А ты давай-ка мне да поединьщика,
А если нет у тибе мне-ко поединьщика,

То давай-ко ты мне да во замужесьво
А ты мне свою любимую племянницу!
А я ведь парень есь холост, не женатой ли,
А ведь и ты ли — девка на выда́ньи ли!»
А тут сберал ли солнышко князь стольнё-киевской
А всих князей-бояр, своих бога́тырей,
А ён ту́лится за младшего,
А от младшего тут ответу нет.
Говорил тут солнышко князь сто́льнё-киевськой:
«А отворите-ко ворота городо́вые,
А отпустите-ко до́бра молодца во город наш!»
Заезжал тут ён во славной во город ли
А прямо к подъезду княженецькому,
А стретал его князь со княгынею
И с любимою со своей со племянницей:
«Мы и станем пить да кушати,
Мы станем ли сидить да наслаждатисе».
Тут идят да кушают
А у добром о дили о сватосьви.
«А я ведь, я ведь — парень холост, не женат,
А ведь у вас-то есь племянница на выда́ваньи!»
Говорила тут ему племянниця:
«А уж ты, родной ты ли мой дядюшка,
А не отдай-ко ты ди́вчины за женщину!
А у ей грудь есть высокешинька,
А походочка есь-то частешенька,
А говорит-то ёна, будто с просвистом».
«Уж ты, ох ты, родимая племяниця,
А подостелем постелюшку пуховую,
А положим на кроватку сулко́вую,
А ведь утром проспит у нас:
Есь ли то ли женщина —
А переложенка под жопушкой,
А мужчина если будет — под пле́цима».
А ён сызна́ла, надь, сделала:
А ведь ноцинькой тою про́спала,
Постельку ту, постельку взяла пере́слала,
А пришли следить — дак ницего не знать.
А говорила тут моя племянница:
«Уж ты мой да ро́дной дядюшка,
А отдашь ты де́вчину за женщину».
«Остопи-ко ты парну ба́ёнку,
А пусть-ко сходит со мной в парну ба́ёнку!»

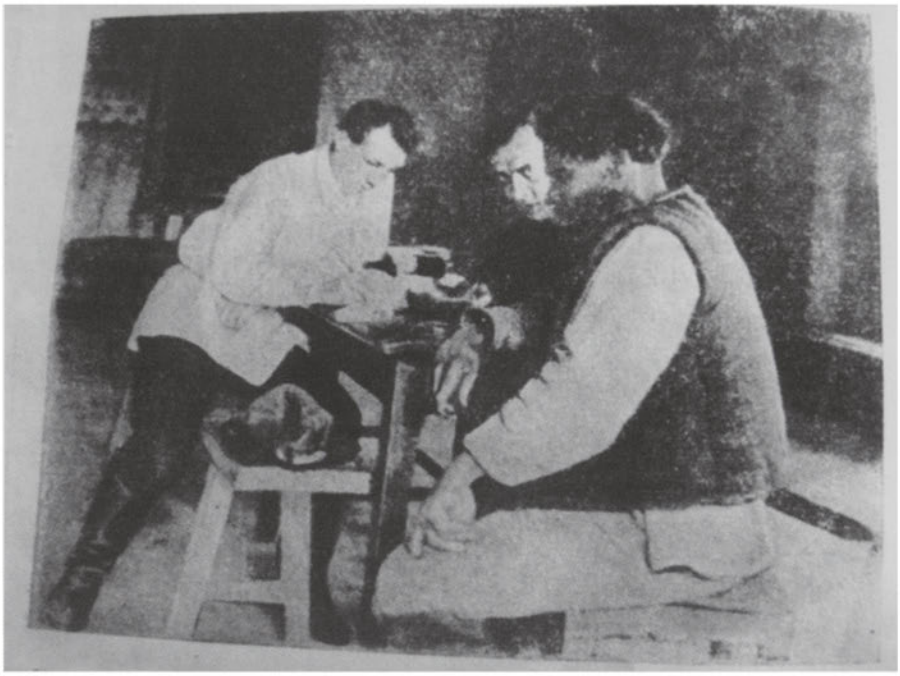
А придло́жили ему, да добру молодцу:
«А уж ты, доброй славной, доброй молодець,
А не желашь ли помыться, попариться?» —
«А не худо бы мне помытисе, попаритьсе:
А ехал дороженьку я дальнюю —
А у меня тело-то все да запылилосе».
Тут стопили ему да парну ба́ёнку,
А ёй тут и предложили, да добру молодцу:
«А ты сходи да предложи да парну ба́ёнку!»
А ён живо-скоренько справлялси ли,
А пошел ён во парну во ба́ёнку.
А ведь люди-то дорожии,
А рукой-то ведь ён скидоваится,
А другою рукой да умываится,
А ён намылилсе скоренько, напарилсе,
А назад пошел, отправилсе.
А идё солнышко да в парну баёнку:
«А уж сходил ты, доброй молодець?» —
«А я намылся да и напарился.
А ведь люди мы дорожныи,
А дорожныи люди, захожии».
Говорил ли ён таковы слова:
«А уж ты, солнышко сто́льнё-киевской,
А ведь не́цего меня томити ли,
А ведь надо пиры да заводити бы».
Нацалы ёны́ тут пер заво́диты,
А собирали всих бояр на пир ли тут,
А вси ели, пели, пили-кушали.
А посадили князя да за съестной тут стол,
А ён сидит ли, головушка повешена.
А говорил ли солнышко сто́льнё-киевской:
«А уж столь-то ли ты, князь да новобрачной ли,
А уж что же ты головушку повесил ли?
Алиества наши тибе ни ндравитсе,
Али и́гра тибе наша не ндравитсе?»
«А ведь у нас-то во славном во городе
А ведь жила-то прежде славка-то великая
А того славна Ставра́ сына Гордеева —
А музыкант ён был первейшей ли.
А куда пропал Ставёр да сын Гординович?
А нельзя ли его достать на почестен пир,
А он сыграл бы нам в гусли яро́вцяты?»
А тут сказала любимая племянниця:

1. Григорий Алексеевич Якушев. 1928 г.

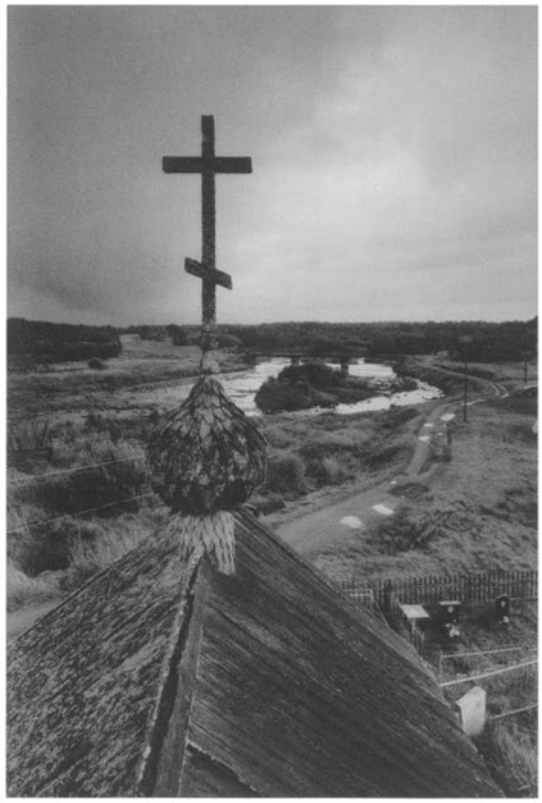
2. Утро в д. Семеново. Фотография Е. Белякова, 2011 г.

3. Запись былины С. П. Бородиным и Ю. А. Самариным от Г. А. Якушева в д. Семеново, 1928 г.

4. В избе Конашковых, 1928 г.

5. Вид с колокольни часовни Илии Пророка в д. Пяльме.
Фотография Е. Белякова, 2011 г.

6. Рыбаки. Пудожский у., 1928 г.

7. Водлозеро, д. Качнаволок (Куганаволок). Водлозерский национальный парк.
Фотография В. Ларионова, 2004 г.

8. М. А. Сахатарова в родной деревне Ярчево.
Фотография Т. И. Сенькиной и В. П. Кузнецовой, 1975 г.

9. Летний день в д. Ярчево.
Фотография Е. Белякова, 2011 г.

10. Поклонный крест на Водлозере. Водлозерский национальный парк.
Фотография В. Ларионова, 2004 г.

11. Всесоюзный съезд сказителей (1938 г.). В центре снимка — Ф. А. Конашков.

12. Кадриль, 1928 г.

13. Река Илекса. Водлозерский национальный парк.
Фотография В. Ларионова, 2013 г.

14. Охотник на Рагнозере, 1928 г.

15. Курная изба на Водлозере, 1928 г.

16. А. Н. Камерилова, сказительница из д. Филимоновской.

17. Часовня Илии Пророка в д. Пяльме.
Фотография Е. Белякова, 2011 г.

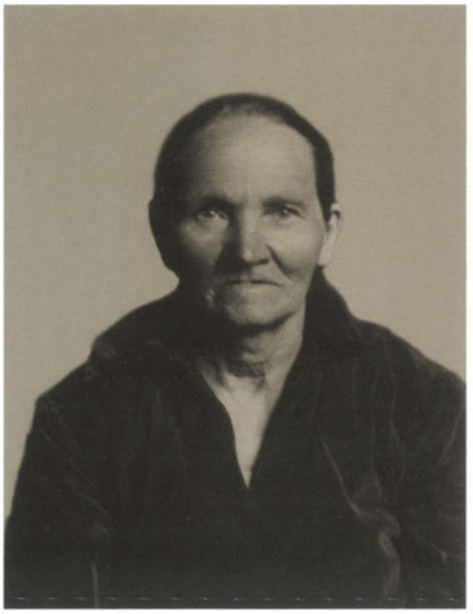
18. Утро в д. Качнаволок (Куганаволок). Водлозерский национальный парк.
Фотография В. Ларионова, 2004 г.

19. Летний день (р. Илекса). Водлозерский национальный парк.
Фотография В. Ларионова, 2004 г.

20. Околица д. Авдеево.
Фотография Е. Белякова, 2011 г.

21. И. П. Савинкова, сказительница из д. Семеново.

22. Погост д. Шалы.
Фотография Е. Белякова, 2011 г.

23. Крестьянский инвентарь, д. Бураково.
Фотография Е. Белякова, 2011 г.

24. Лодочных дел мастер из д. Качнаволок (Куганаволок). Водлозерский национальный парк.
Фотография В. Ларионова, 2004 г.

25. Баньки в д. Пяльме.
Фотография Е. Белякова, 2011 г.

26. Водлозеро.
Фотография В. Ларионова, 2004 г.

27. Ильинский погост на Водлозере.
Фотография В. Ларионова, 2004 г.

28. Крестный ход в Ильин день (2 августа). Ильинский погост на Водлозере.
Фотография В. Ларионова, 2009 г.

29. Праздничная служба в Ильин день (2 августа). Ильинский погост на Водлозере. Фотография В. Ларионова, 2009 г.

30. Крестный ход в Ильин день (2 августа). Ильинский погост на Водлозере. Фотография В. Ларионова, 2009 г.

31. Ильинский погост на Водлозере.
Фотография В. Ларионова, 2010 г.

32. Осень на р. Илексе. Водлозерский национальный парк.
Фотография В. Ларионова, 2004 г.

«А вы сходите-ко за сыном Гордиевым,
А приведите-ко с полаты моей каменной».
А привели Ставра́ с полаты каменной:
«А ты садись-ко, Ставёр, на любо́ место́!»
И говорил Ставёр таковы слова:
«А я лего́к, дак на печку скок!»
А гусли у него да яро́вцяты —
Ён струну-то повел да от Киева,
А другую повел от Еросо́лима.
А ведь все ли заслушались-поросслушались,
А все ли на цесном пиру пороздумались.
А говорил ли тут князь сто́льнё-киевской:
«А ты, Ставёр ли сын славный Гординовиць,
А ты любое бери себе место по́люби:
А хоть против ли миня, князя с княгинею,
А хоть против князя обруцьнего,
А хоть ты против князя́ моло́дого!»
А тут садился Ставёр против князя моло́дого.
А тут говорил князь моло́дой ли,
А наливал ёму чарочку полнешеньку,
А была цяра ли ёна да полная,
А ёна весу-то ли была — полтора пуда́,
Ёна мерой была — полтора ведра.
А говорил ли таковы слова:
«А уж ты, Ставёр сын Гордиевиць,
А уж ты хошь добра — дак пей до дна,
А не хошь добра — дак не пей до дна!»
А выпивал ён цяру зелена́ вина,
А увидел ён колецюшко обру́цное,
А говорил ён словцё великое:
«А не дивую я уму-разуму,
А не дивуя я разуму женьскому!
Ай не пустым Ставёр фастал сын Гордиевиць —
А дивую я ведь солнышку князю сто́льнё-киесьскому:
А отдават ён девчину в замужесьво,
А в замужесьво выдават ён за женьшину!»

№ 429

СТАВЕР ГОДИНОВИЧ

Ай во славном во городи во Ки́ёви
А у князя ли у Владимира
А ведь был ли объявлен почёстной пир.
А ведь Владимер-князь стольнё-киеськой
А по палаты белокаменной похаживат,
А русыи ли кудёрышка поглаживат,
А разныи ён речи выговариват:
«А уж вы, слуги мои, слуги верныи,
А уж вы, слуги мои, души красныи девушки,
А у меня вы в полаты белокаменной
А становите-ко столы вы дубовыи,
А вы стелите скатёроцьки шелко́выи,
А кругом ставьте стулицьки кленовыи!
А приедут ко мне дороги́ гости́,
А приедут сильныи могуции бога́тыри,
А ведь купци, да людушки богатыи,
А простоло́дия без стесненьиця».
А ведь на тую ли ён на славу на великую,
А тую похвальбу на знамянитую
Ведь справляитсе, снаряжаетсе
Ведь Ставёр же сын Гординовиць.
А говорит ли Ставру́ да молода жона,
А молода жона, любима́ семья,
А ведь тая ли Настасья ли Микулицьна:
«А ведь Ставёр ли ты сын Гординовиць,
А поезжаешь ты во славный город Ки́ёв-град,
Да ведь послушай жоны, меня, да добрый мо́лодець!
А не садись-ко на пиру в место бо́льшоё,
А не садись-ко на пиру да в место ме́ньшоё,
Ай ведь садись-ко в мисти́цько ты среднёё!» —
«А ведь дурак ли ми позавидует!» —
«Ведь ты еще, Ставёр, да послушай-ко,
А ведь не хвастай-ко мной, да молодой жоной!»
А ведь поднялосе только ку́рёвка,
И как поехал Ставёр сын Гординовиць,
А ён поехал в славный город во Ки́ёв-град
А ведь ко князю ли, ко князю Владимеру.
А собрались эти дороги́ гости́,
А тут садились за столы за дубовыи,

А ведь за те ли за естьва соха́рьнии,
А ведь за те ли ведь напитоцьки-ты медвяныи.
А ведь тут Ставёр сын Гординовиц
А ведь он слушал жоны да наказаньиця —
Не садилсы на перу в место бо́льшое,
А не садился на перу в место ме́ньшое,
А как садился на перу в местé́цьку средную.
Ай напивалисе, наедалисе,
А ведь все пили у князя дороги́ гости́,
А тут вси оны да порасфастались:
А бога́тырь-ёт хвастал своёй силушкой,
А ён своёй-то силой богатырьскою,
А ведь ухватоцькой са́мой молодецькою,
А ведь богатой хвастал золотой казной,
А ведь разумной ли хвастал отцём-матушкой.
А ведь сидит Ставёр сын Гординовиць,
А ведь ниця́м ведь Ставёр не хва́стаёт,
А ведь подходил Владимер-князь поблизешенько,
А ведь спросил у Ставра́ да веселешенько:
«А ведь заезжай ведь уда́лой доброй мо́лодець,
А что же ты ниця́м да не хва́стаёшь?
А видно, и́стьиця мои-ти не полюби,
А видно, напитоцьки медвя́ныи не по разуму!
А что ведь ты ниця́м не хвалишьсе?»
А отвецял ли Ставёр сын Гординовиць:
«А не́цим мне-ко-ва, Владимер, хвастати:
А ведь мне ли есьва по разуму,
А ведь напитоцьки медвя́ныи да по́люби:
А только мне-ко хвастать—не хвастать-то
А ведь одной ли-то молодой женой,
А молодой женой, молодой любимо́й семьей,
А ведь своёй ли Настасьей Микулицьной.
А ведь у меня-то есть молода́ жона,
А молода́-то жона, любима́ семья,
А ведь Настасья-то Микулицьна.
А ведь могла бы она весь Ки́ёв-град
А ведь сожгать-спалить, головнёй скатить,
А вас всих, бояр-князей стольнё-киеских,
А ведь могла бы она во полон забрать!»
А эти слова-то князю не слюбилисе,
А ведь Владимеру не погля́нулись —
А приказал Ставра́ посадить-то ведь
А как во тыи в погрёба́ его глубокии.

А повели во погрёба́ его глубокии,
А ведь во тыи во крепости крепкие.
А сошла вестоцька да нерадосна,
А известьице сошло да невесёлоё
А ведь ко Ставро́вой молодой жоны,
А ко той ли ко Настасьи Микулицьной.
А говорила Настасья Микулицьна,
А говорила Настасья сама сибе:
«А уж я ба́яла Ставру́, говорила дураку:
„А как не хвастой-ко мной, молодой жоной!"
А ныньцю как будет Ставра́ да повыкупить,
А как-нибудь мо́лодця да ведь повыруцить
А мне женьскими буде догадкамы,
Али муськи́ма буде мни ухватками?
Тут ли, ду́ши красныи девушки,
А уж вы берите ножницы острыи
А режьте воло́сушка шелко́выи,
А делайте-ко вы из женьщины му́жчину!»
А тут ли ду́ши красныи девушки
Ёны брали ножницы вострыи,
Ёны резали волосушка шелко́выи —
А ведь мо́лодець стал не́ женат.
А ведь он брал латы-те да кольцюжныи,
А одевал он латы кольцюжныи,
А брал мо́лодець палицу булатнюю,
Брал ли палицю булатнюю девяносто пуд,
А для-ради обороны богатырьскую,
А ведь седлал-то добра́ коня:
А ведь полагал ли ён войлоцьки на войлоцьки,
А ведь ён потницки на потницьки,
А верёх кладда́л седёлицько черькасьськое,
А подпруги шелко́выи поддёргивал,
А стремён ён золоцёныи подвязывал.
А ведь садился мо́лодець да на добра́ коня,
А выежжал мо́лодець во цисты́ поля,
А ронит, подкидыват палицю булатнюю под облако,
А на лету ловит белыма́ грудьми́,
А не допускат палицю да сырой земли.
А приежжал мо́лодець ко городу ко Ки́ёву,
А по цисту́ мо́лодец полю́ поезживал,
А ён палицю булатнюю подкидывал,
А ловит на лету белыма́ грудьми́.
А ведь пишет мо́лодець письма скорописцяты:

«А ведь ты, князь Владимер сто́льнё-киеськой,
А ведь давай-ко во цисто́ поле́ мне поядиньщика,
А ведь да во цисто́ поле́ давай супротивника,
А ведь будем мы силу пробовать,
А станем мы ⟨в⟩ плецё богатырьскоё!
А я приехал ли посол Земли Грецеськой
А я за данью ли да за вы́данью —
А у тебя ведь, Владимер-князь стольнё-киеськой,
А у тебя за́пуски позапущены,
А у тебя дани-ты не уплацены,
А у тебя дани-ты за двенадцать лет!
Ведь не дашь ты мне поядиньщика,
А ведь не дашь мне супротивника,
А не отдашь если дани ты, вы́дани,
А не отдашь ты дани за двенадцать лет,
Ни то весь город Киёв-град
А ведь сожгу я, спалю, головней скацю,
А вас, князей ли, бояр стольнё-киеських,
Ко себе во полон-то ведь, во полон возьму!
А ведь я ли, ты слыхал, посол Земли Грецеськой,
А ведь я есь холост, мо́лодець, есть не жонат,
А у тебя есь племянница на выда́ваньи,
А есь у тя как премянница,
А Катерина есь ли да силя́тница,
А повыдайте-ко ю за миня заму́ж!»
А тут цитал ли письмо Владимер-князь сто́льнё-киеськой,
А призывал ли ён князей-бояр да из Киёва,
А он из Киёва, из Цернигова,
А наця́ли ёны думушку думати,
А наця́ли ёны совет да советовать:
«А ведь не находится у ей да поядиньщиков,
А во цисто́ поле́ послать супротивника,
А ведь жаль отдать дани да невы́даньи,
А ведь отдать-то дани, отдать за двенадцять лет,
А лучше — согласилисе — отдадим племянницю
А мы же Катерину-ту силя́тницю!»
Приказали молодця́-то подъехати
А ведь в свои да полаты белокаменны,
А нацяли оны улицьки распахивать,
Дубовы́-то столы да вынашивать,
А е́сьва-пи́тья медвяныи выкладывать,
А ведь стрецяти такого дорога́ гостя́.
А едет мо́лодець не дорожкой, не воротами,

А прямо й и́дет через стены городо́выи,
А приходил мо́лодець в полату белокаменну,
А крест он кладовал по-писа́ному,
А ведь поклоны-то ли вел по-уцёному,
А ведь на вси ли-то на цёты́ре на сторонушки,
А ведь молодой княгинушки, той в особину:
«А ведь ты ведь, князя племянница,
А Катерина ли ты да силя́тница,
Уж ты, красная ты ведь и девушка!
Ведь я — холост мо́лодець, не жонат,
А ты ведь — девушка е на выда́ваньи,
А ведь жалашь итти да за миня замуж?»
Отвецяла ли дядюшки-то племянница:
«А государь ли князь, ты мой дядюшко!
А не отдай-ко меня ты за женьщину:
А у ней грудь тольстенька да ⟨жопка⟩ кру́тенька,
А рець-то говорит она с про́звиздом —
И должна она быть да женьщина.
А государь ли ты, да мой дядюшко!
А ведь ими́-тко мо́лодцо да к ноци-то:
А пусь-ко проспит в палаты белокаменной
Ведь на наших-то перинушках на пуховыих:
А если будет-то ложина под пле́цимы —
А ведь тогда ли она мужчина,
А если буде яма под ⟨жопою⟩ —
А ведь тогда она есь женьщина».
А говорил ли-то Владимир-князь стольне-киеськой:
«А ведь заезжой уда́лой добрый мо́лодець,
А ты ли посол ли-то есь Земли Грецеськой,
А ведь приехал к нам за да́нью-вы́данью,
А когда у нас за́пуски запущены,
А у нас дани-ты не уплацены,
А у нас дани-ты за двенадцять лет.
А ведь ноцюй у нас в полаты белокаменной
А ведь на наших на перинках на пуховыих!
А ведь ничто ходить-то тебе искать по Ки́ёву». —
«А вот-то наши-то вам благодарности!»
А ведь и спал молодець ноцьку темную,
А ноцьку темную, ноцьку долгую,
А вставал молодець по утрушку ранешенько,
А вот повертывал перинку-ту другим концём,
А поутру-ту идет князь сто́льнё-киеськой
А ведь мо́лодця будить, на перинку глядѝть —

А ведь и стала ли ложина та под пле́цямы.
А говорил ли Владимир-князь:
«А неце мо́лодца томить, надо пер заводить!»
А говорила ли племянниця:
«А государь ли, ты мой дядюшко!
А не отдай ли миня ты за женьщину:
А у ней грудь-то толсте́нька да ⟨жопка⟩ кру́тенька,
Рець-то говорит она с прозвиздом —
А должна-то она быть женьщина.
А истопи-ко ты па́рную ба́ёнку,
А этим там ты мо́лодця повыглядишь».
А тут Владимир-князь сто́льнё-киевский
И приказал ли своим слугам верным
Ведь истопить па́рну ба́ёнку.
«А не угодно ли, посол Земли Грецеськой,
А те помытьсе ли да попаритьсе?» —
«А как с дорожки-то па́рна баёнка —
А ведь не худо мне помытьсе-попаритьсе!»
А мо́лодець помылсе-попарилсе,
А мо́лодець назад скоро поправилсе.
А ведь иде́ Владимер-князь молодця́ глядеть:
«Ай же ты, посол Земли Грецеськой!
А что ты, мо́лодець, мылсе мало, парилсе,
А ведь назад-то скоро поправилсе?» —
«А я ведь мылсе ли по-дорожному,
А одевалсе ведь-то да по-успешному». —
«Неце молодця́ томить, надо пер заводить!»
А тут идет у них-то день как в полу-то дни,
А ведь и пер иде́ да в полу́пиру́,
А ведь и все приглашеныи дороги́ гости́
А ведь из Киёва, из Чернигова,
А ведь князья-бояра стольнё-киеськии,
А тут сидит ли князь новобрацьныи
А со княгиной ли новобрацьною.
А ведь как день идё да в полу́-то дни,
А надо ехать во Божью́ церкву́,
А принимати ли-то по злату́ веньцю.
А тут ли князь новобрацьныи,
А посол ли-то Земли Грецеськой,
А повисил буйную головушку
За столамы ли за дубовыми
А ведь пониже могуцих плець.
А подходил ли Владимер-князь поблизешенько,

А говорил Владимер-князь веселешенько:
«А ведь ли посол ты Земли́ Грецеськой,
А ты же князь наш новобрацьныи!
А сидите видь вы невесёлыи,
А видь повисил буйную головушку
А ведь — я вижу — пониже могуцих плець:
А, видно, и́сьвы не по разуму?
А молода княгинюшка тебе да не по́люби?»
А отвицял ли князь новобрацьныи,
А он посол ли-то Земли́ Грецеськой:
«А мне-ко и́сьвы твои по разуму,
А ведь и напитоцьки медвя́ныи,
А молодая княгиня мне-ка по́люби,
А как одно-то мне не по разуму:
На таком на перу на знаменитоём
А нету у тя гуси́льщицька прекрасного!
А некому зыграть в гуселышка яро́вцята,
А воспотешити князей-бояр сто́льнё-киеських,
А ведь у тя во тюрьмах во крепкиих,
А во тых ли во погрёба́х во глубокиих
Ай насажены уда́лы до́бры ме́о́лодцы,
Ай ведь и знают сыграть гуселышко яро́вцята,
Ай ведь завесть припе́воцек от Киёва,
А ведь да того ёны да Цернигова —
А жалал бы всех да повыпустить
А из тыих ли крепостей да из крепкиих».
А ведь ли тот Владимер-князь пораздумалси:
«А если мне кого мне повыпустить —
А будет и мне будет не собрать-то их.
А если-ка их не выпустить —
То будет мне разгневить посла!»
А ведь тут приказал всех повыпустить.
Нацяли́ вмести пировать и веселитисе,
А говорил ли князь новобрацьныи:
«А ведь уда́лы вы до́бры мо́лодци,
А нет ли между вамы Ставра́ сына Гординовиця?»
А подали оны цяру зелена́ вина.
«Выпей-ка ты, Ставёр сын Гординовиць,
А ты гуди́льщицёк прекрасныи:
А ведь и жили мы с тобой вмести три́ году́ —
А ты же был гуди́льщицёк прекрасныи».
А скидывала ли платьице мусьское,
А внизу — платьице же́ньскоё —
А оставляла со стыдом да на цесно́м пиру.

№ 430

ВАСИЛИСА МИКУЛИЧНА

Как князь Владимир видь стольнё-киевской
Задернул он ищё да почестен пир.
Вси-то на перу наядаются,
Как все-то на перу напивалисе,
Вси-то на перу поросхвастались.
Как красная солнышко по по́лудни,
Почестной пер стал вполни́ стоять,
Как кра́сно солнышко да по ве́чери.
Почестной пер был да при ве́сели,
Как все яны стали да пьянехоньки,
Все стали ёны веселешеньки,
Как все-то на перу порасхвасталисе,
Все-то на перу раскаля́кались:
Как одной фастат да добры́м конем,
Инный фастает могуци́м плечом,
Инный фастает силой богатырскою,
Иной-то ухваткой молодецькою,
А единой фастает-то своей семьей,
Своей-то видь ищё ведь молодой женой,
Как иной фастает отцём-матерью.
Как этот-то Иванушка Годиновиць
Не ест-то он, не пьет-то, сам не кушает,
Белой лебеди да не рушает,
Ничим-то видь Иванушка не хвастает.
«Что же ты, Иванушко Гудиновиць,
Не ешь, не пьешь, как ты видь не кушаешь,
Белой лебеди да не рушаешь,
Ничим же ты, удаленькой, не хвастаешь?» —
«А чем же мне теперь да похвастать ведь?
Похвастать мне, не похвастать молодой жёно́й —
То безумной хвастает молодой жено́й.
Как есть у меня теперь молода жена,
Молода жена, люби́ма семья,
Как тая ли Василиса бы Микулична —
Поцестный пир с ума да повывела,
Князя́-бояра с ума да повывела,
Как всих-то борцев, да добрых мо́лодцев,
Как всих бы да повырыла».
Как всим-то боярам не слюбилосе,

Всим князьям да не на нос пришлось,
Всим-то сильным богатырям,
Как это было им видь ни к лицю́ пришло,
Князю было тут да в особино:
«Берите-ко Иванушку Гудинова,
Берите-ко его за белы́ руки́,
Ведите во погреба глубокие,
Как тут садите за замки и за крепкие,
Завалите дубьями-колодьями,
Как пусть сидит-то там да похвастает
Молодой женой Василистой ведь,
Василистой ведь да Микуличной».
Как тут брали его за белы́ руки́,
Вели во погрёба́ да глубокие,
Завалили дубьямы-колодьямы:
«Сиди-тко там, еще да похвастайсе
Своей-то видь молодой женой,
Василисой тут да Микуличной».
Как там сидит-то он да посиживат,
До света ведь весть пришла,
До света видь Настасье той ли Микуличной:
«Твой ли то был да любимой-то,
Тобой он еще да призахвастывал —
Во ты погреба да глубокие,
Во ты были во каменны,
Завалено дубьямы-колодьямы,
Как оттуль ему не выйти как есть!»
Как Василиса Микулична,
Садиласе ёна на дубовый стул:
«Как ты, моя богоданная маменька,
Того ли Иванушка Годинова,
Как подрезь волосы с му́жичьи,
Поеду я-ту да к князю-то ведь,
Как вырву ведь сына любимого».
Как приежжат к князю да Владимеру
На тот на край ищё на почестной пир:
«Откуль ты ведь приехал, доброй мо́лодець?»
«Приехал я ищё со такой земли,
Со такой земли да со такой орды.
Как есть я теперь королевьский сын,
А у тебя е любимая племянница.
Как мне охота видь пожениться-то,
Как тут у тебя надо мне посвататьсе-то,

Отдашь ли ведь ю да в замужесьво?»
А князь ведь тут да согласен-то.
А говорит-то тут племянница его:
«Не давай-тко меня в замужесьво,
У ёго походка да частая,
А ⟨жопа⟩ то у ёго крутешенька,
Как выдавашь ты женщину за женщину!»
Как-то она была догодалосе.
Подослали ей да постельку ведь
Они тут во место во темное.
Она спала тут на постеле ведь,
Проснуласе — груди наладила,
Принаделаси ведь она толсто ведь,
Как затянуласе — будто нет.
Как тут видь да миряли,
Ничего узнать не могли оны.
Опеть начала она свататьсе:
«Да что ты, князь, время да медляно,
Нужно мне топерь да жениться ведь
Тут мое ведь дело захожее!»
Как истопили да видь да ба́йню ведь,
С князем-то было сходить-то ведь.
Она скоро тут снарядиласи,
Тыи ли были повороты поворотливы,
Княжецкии да не скоры есть,
Она скоро тут да сходила да.
Князь-то выходит, приходит да в байну,
А она в ту пору да попариласе.
«И что же ты мало оставалосе?» —
«Как ведь тут скоро надобно.
Как я ведь — дело заездное,
Как надо мни опеть спонежиться ведь!»
Как тут еще они не могли узнать,
Как если тут была да ведь женщина.
«Пойдем-ко видь стрелять да на чисто́ поле́».
Как стали тут стрелять во тугий лук,
Во то́ё кольцё золоченое,
За версту было да за мерную.
Стрели́ла кольцё да злацёное,
Стрелочку она перерезала,
Она пала — половинки и ровные.
Князь стрели́л — да не до́стрелил,
Другой-то раз стрели́л — да пере́стрелил,

Третий-то раз — да не мог попасть.
Как наб отдать эту племянницю-то ведь
За тую Василису Микуличну.
Как говорит-то ведь эта да племянница:
«Зря ты выдавашь женщину за женщину!»
Опеть-то князь да раздумалсе:
«Да как же ты, уда́лой добрый мо́лодец,
Если ты топерь да не женщина,
Поди-ко с нашими борьцами на белы́ дворы,
На тот ли на славный на бе́лый двор».
Как тых борцов, добрых мо́лодцов,
Василиса всих да повырыла.
Как тут стал Ильюшенька боротисе,
С Ильюшенькой оны да с⟨х⟩ватилиси,
Полсуток-то оны да водилиси.
Ильюшенька пал на колено ведь,
Закрыцяла она громким голосом:
«Борьба-то молодецька да колена есть!»
Как ту просватал да Владимер-то,
Просватал свою любимую племянницу
За этого видь за королевиця.
Как говорит она таковы слова:
«Топерь пойдет поезд-то ведь, как свадебка.
Как игроков нету да по разуму
Играть во гуселка яровцяты.
И был Иванушко да Гудиновиць,
Как оцень он играть спициально был».
Как поразрыли Иванушку Гудинова,
Выпустил с ду́бья-колодья видь,
С погребо́в его да по́гребов,
С по́гребов его да с глубокиих.
Нацял-то ведь Иванушка поигрывать —
Вси-то на перу розыгралиси,
Вси-то на перу расплясалисе,
Вси-то на перу оцинь веселы.
Как князь Владимир тут сто́льнё-киевский:
«Что тебе за игру за умильную?
Города видь надо с пригородкамы,
Села ли тебе надо ль с приселкамы,
Ах тут бессчетной золотой казны,
Золотой казны сколько наб тебе?»
А говорит-то Василиса Микулична:
«Не надо топерь да ничёго-то видь,

Как только мни сходить с игра́ком-то,
С игра́ком да ведь с вашим
В особый в сьвой покой пого́ворить,
Поговори́ть надо вдвоем с им-то».
Пошли-то оны в покои в особину.
«Да и ты, Иванушко Гудиновиць,
Знаешь ли ты меня да топеря-то?» —
«Не знаю я тибя да ведь не виде ведь». —
«Да как же ты меня не знаешь?
Бывало мы с тобой играли-то:
У меня колецько-то было золочено,
У тебя сваечка да была точеная-то».
Откинула она да белу́ю грудь.
«Знаешь ли ты, кто да ведь есть топерь?
Как есть ли я — Василиса Микулична,
Приехала, тибя выручила ведь».
Как тут-то он еще обра́дел-то,
Брал-то ю ищё за белы́ руки́,
Как вел ко князю ён ко Владимеру:
«Как не пустым, солнышко, я похвастался». —
«Тебя-то ведь с ума да ведь я повывела,
Твоих борьцов-то всих да повырыла».
Как князь: «Да ведь правда есть,
Прощаю я тибе да во всей вине,
Потому не пустым ведь ты выхвастывал».

№ 431

ПРО ВЛАДИМИРА КРАСНОГО СОЛНЫШКА

Как во славном во городи во Киеве
У славного князя у Владимира
Начинался-починался поцестной пир
[Тут на пиру напивалисе,]
Тут на перу наедалисе,
Тут на перу порасхвастались:
Умной хвастат отцём-матерью,
Безумный хвастат молодой женой,
А богатой хвастат золотой казной,
А бога́тырь хвастат своей силою.
Сидит молодой Ставёр сын Годиновиць,
Ни ест, не пьет, не кушает,

Ничем ён да не хвастает.
Подходит к нему Владимир стольнё-киевський,
Говорит ему таковы слова:
«Ай же ты, молодой Ставёр сын Годиновиць,
Место ли тебе не по́люби,
[Место ли тебе не по разуму,]
Видно у тя нету золотой казны,
Видно у тя нету молодой жены?» —
«Есть у миня молода жена,
А тебя и царя и с ума сведет».
Подходит князь стольнё-киеськой,
Говорит-то он таковы слова:
«Берите-ко Ставра́ за белы́ руки́,
Ведите-ко Ставра́ во глубо́к погре́б.
А может ли его жонка Микулиць на да выкупить,
А может ли меня с ума свести,
А вас продать да выкупить?»
А брали его за белы́ руки́,
Вели его во глубо́к погре́б.
«Поезжайте-ко, слуги верныи,
Везите-ко Настасью Микулиць ну,
Может вас да повыкупить,
А меня, царя, с ума свести?»
Пишет он записочку скорописцяту,
Посылает ко своей Настасье Микулиць не:
«Ай же ты, Настасья Микулиць на,
Можешь ли ты меня повыкупить,
Повыкупить меня отсюдова?»
Приходит она ко матушке родненькой,
Говорит-то ей таковы слова:
«Ай же ты, матушка родненька,
Бири-ко ножницы вострыи,
Отрежь-ко ты мне волосы женьскии,
Дай-ко мне платьиця му́жьскии,
Платьиця му́жскии, а не женьскии.
Засажен Ставёр в погреба глубокии,
А я съеду да повыкуплю».
Справлялась она поскурешенько,
Одевалась она побелешенько
И отправлялась во цисто́ поле́.
Едут посыльнички царьскии
К Настасье Микулиць не,
Они поклоняютсе, добры мо́лодцы:

«Здраствуй, добрый мо́лодець,
Чей да откуль и откулешный?» —
«Есть я собаки царя Калина,
Есть я любимый племянницек,
Еду во стольней Киев-град ко Владимеру —
Наб получить дани-пошлины,
Дани-пошлины за двенадцать лет с половиною.
А вы далеко ли едете?» —
«Мы поехали к Настасье Микулицьне». —
«Ой да ёны́ дома нет —
Она у собаки царя Ка́лина в госте́бище». —
«Как не видать нам своего царьсва́!
А где взять дани-пошлины
За двенадцать лет да с половиною?
Нету у нас капиталу ведь».
Пораздумали, поехали.
Приезжают во Киев-град:
«Едет от собаки царя Ка́лина любимый племянницек.
А Настасьи Микулицьны и дома нет —
У собаки царя Ка́лина в госте́бище».
Заперли ёны крепости крепко-на́крепко.
Приезжает Настасья Микулицьна,
Не спрашиват у ворот подворотников,
Не спрашиват у дверей поддверников —
Где хлопнет — там пройдет.
Приходит, поклоняетсе
Царю-князю стольнё-киеському:
[«Ай же ты, князь стольнё-киеськой,]
Дай-ко мни дани-пошлины,
Дани-пошлины за двенацать лет с половиною.
А не отдашь ты дани-пошлины,
А отдай, дак дай за меня
Свою Настасью Путятишну, племянницю». —
«Негде мне взять да дани-пошлины,
Лучше я свою племянницю,
Лучше отдам да во замужесьво».
Приходит он, говорит таково слово́:
«Ай же ты, Настасья Путятишна,
Выходи-ко ты во замужесьво
За собаки царя Ка́лина ну за племянницька». —
«Не выдай меня за посыльника за россыльного,
Не наделай смеху-хохоту по Киеву,
Смеху-хохоту великого:

Он сидит и жмет коленоцьки по-женьскому,
Разговоры-то у ей женьскии,
Перьсики-то будто женьскии.
Дак можно видь это повыведать —
Положить на кроватоцьку:
Если лягит женщина —
Под жопою у женщины ложи́на будет,
У мужчины — на́ плечах».
Легла спать Настасья Микулицьна,
Сголовье повымяла, легла не так — ничего не узнали.
На второй день: «Ну, Владимер стольней-киеськой,
Отдай пошлины за двенадцать лет с половиною
Или отдай Настасьюшку Путятишну». —
«Может быть женщина,
Не наделай смеху-хохоту,
Смеху-хохоту по Ки́ёву,
Не отдай-ка ты меня за женщину:
Он сидит и жмет коленоцьки будто женьскии,
Разговоры с просвистом будто женьскии,
Персики-то будто женьскии.
А можем мы его поотведати —
Выйти на бело́й двор поборотисе:
Если женщина — не станет поборотисе,
А если мужчина — станет боротисе».
Подходит Владимер стольнё-киеськой:
«Ай же ты, племянник собаки царя Ка́лина,
Не желашь ли ты с нами поборотисе?» —
«А я уж давно не ба́ривалсе,
А отчего, как не поотведати!»
Шел он на белой двор,
Взял трех борцов в одну́ руку́ —
Так едва живы стоят.
Приходит-ко тут князь стольнё-киеськой:
«Ай же ты, племянниця Путятишна,
Мои богатыри лежат чуть не мертвыи,
Так может ли быть тут женщина?» —
«Ай же-ка ты, мой ро́дной дяденька,
Не отдай-ко ты мня да за женщину:
Разговор у ей будто женьскии,
Ногами жмет будто женщина,
Персики-то будто женьскии». —
«Ай же ты, племянниця Путятишна,
Можно его поотведати —

Взять по тугу́ луку́
И стрелить во сы́рой дуб,
Во тое ли колецько золоцёное:
Если женщина — так не знат стрелять,
А если мужчина, так уж знат стрелять».
Подходит князь Владимер стольнё-киеськой,
Говорит он таковы слова:
«Ай же ты, племянницек-посыльницек,
С нашими стрельцёми пострелятисе
Во то́ё во колечко-то золоченое,
Во то́ё острие во ножовое». —
«Дак я давно не стре́ливал,
А можно поотведать».
А стали стрелять, — инда дуб шатаетсе,
А еще собаки царя Калина посыльницек-рассыльницек,
Он как стал стрелять —
Тугой лук поломалсе.
«У меня же во цисты́ поли́
Есь луцёнышко под таким дубо́м —
Дорожное да нехорошое».
Оны сбегали, дак едва трое принесли.
Она натягивала, стрельнула она
Во то́ё колецько тоцёноё,
Во то́ё остриё ножо́воё —
А дуб ведь развалилсе на тло.
Больше не спрашиват Владимер-князь
У своей племянницы Путятишны:
«А поди-ко ты во замужесьво».
Запицялилсе да закруцинилсе
Любимый собаки царя Ка́лина племянницек.
«Ай ты, посыльницек-рассыльник собаки царя Ка́лина,
Свадьба ладитсе, да ты пецялиссе?» —
«Как же мне не круцинитсе, не пецялитсе?
Как у меня, — говорит, — вестка нехорошая:
Не слуцилосе меня дома-то,
Обступила Литва поганая
Собаку царя Ка́лина.
А нет ли у тебя где-нибудь,
А нет ли у тебя игрока хорошего Ставра Гудинова,
Сыграть мне, меня развеселить?»
Думает царь-князь Владимер стольнё-киеськой:
Выпустить Ставра — не видать Ставра;
Не смеет не выпустить — разгневи́ть посла.

Выпускает игрока Ставра —
Слыхать от Киева до Ерóсолима.
«Ах, Владимер-князь стóльнё-киеський,
Спусти-ко мне игрока Ставра прогулятисе».
Думает-ко князь Владимер стóльнё-киеськой:
Выпустить Ставра — не видать Ставра,
А не выпустить Ставра — рагневи́ть посла.
Не смел разгнéвить посла,
Выпустил игрока Ставра на цистое полé.
«Ах, молодой Ставéр сын Гудиновиць,
Помнишь ли мы играли во сваецьки:
У тебя сваецька была золóценая,
А у меня колецько серéбрянно?
Помнишь ли ты, добрый мóлодець,
У тебя перышко было золóценое,
А у меня церниленка серебрянна,
Сколько раз играли мы?»
Переодевала ёнá платья мýжьское —
Видит Ставёр сын Гудиновиць,
Видит, что это своя молодá жена.
«Ну, поедем-ко во Ки́ёв-град
На пир ко князю ко Владимеру».
Говорила тут Настасья Путятишна:
«Ну, наделал ты смеху да хохоту,
Смеху-хохоту по всему по Ки́ёву!»

№ 432

СТАВЕР ГОДИНОВИЧ

[ПосадилиСтавра] в погреба глубокие, в помещенья во холодные. Жена богатыря сокрутилась в платья во мужние, состригла буйну голову. Приезжала она на почестный пир, начинала она сватать его доць красиву за себя замуж. Собрал он род да племя, сдумал думушку. Все думают. Согласился ее родной батюшка за ее замуж. Его да доцька плацет да отказывается: «Отдавашь ты дéвчину за женщину!» Батюшка слушает, не знает. «Если нунь узнать мне — сводить в байну». Позвали в байну. Он прибегал, поглядел, разделся, оделся, скоро так: «Я одной рукой мылся, другой парился». Доць все то же: «Отдавашь ты дéвчину за женщину». — «Поди, перину пухову положи задом на подушку, а плецями в ноги. Как женщина, так под ⟨жопой⟩ — будет ложиться — будет яма, как мужчина — под плечами». Ложится она ⟨задницей⟩ на подушки, — она все оказывается мужчина. Ихней батюшка поверил. Дочь все плачет. Дошло дело до богомолья. Ихний зятюшка сказал, где есть потюремщики, да нет ли каких-либо музыкантов, надо выпустить из погребов глубоких да холодныих, на свадьбу пригласить на вечер музыкантов. Они выпустили, он

заиграл в балалайку. Пригласил музыканта прогуляться в цисто поле. Она стала наметоцьки подметывать, ходить да цветочки собирать. «Как мы раньше да в полях цветы рвали». — «Нет, это быть не может!» Она раскрыласи. Как она ему показалась, так он и поверил. Сели на добрых коней и уехали.

№ 433

ЖЕНИТЬБА ДОБРЫНИ

Во славном во городи приезжал-то добрый молодець,
Нацял просьбу, что приехал свататьсе
На любимой племяннице у князя у Владимера.
Накликал борьцов-поединщиков,
Говорил, что: «Давайте, этого давайте,
А нет, — возьму нунь весь Киев-град в плен.
Поезжай-ка ты сам, Добрыня, во Киев-град,
Рассказывай-ка просьбу, какая у тебя просьба?» —
«Приехал я свататься, да свататься,
Есть у тя, князь Владимер, есть любимая племянниця».
Она говорит таковы слова:
«Глупый князь, неразумный князь стольнё-киеськой,
Отдавать же, выдавать за женщину!»
Он вышел, похвастал, похвасталсе,
Как за тыи речи за бахвальныи,
Как за тыи речи за похабныи,
Схватили его в погреба сорока́ сажон.
Он ладит племянницю свататься.
Он говорит, что Василий Микулиць, а не Настасья Микулицьна.
А племянница расшумелася:
«Глупой князь, давать ты девушку за женщину,
Отдавать любимую племянницьку!» —
«Почему ты знашь про женщину?» —
«Потому, походка ця́стенька,
Говорит разговорушка ласково,
А сяде на лавку, стегна жмет».
Говорит Владимер-князь сто́льнё-киеськой:
«Мы его испытаем да изведаем.
Истопим-ка парну баенку!»
Истопили парну баенку.
Говорит князь Владимер сто́льнё-киеськой:
«Пойдем-тко ты во парную баенку!»
Покуда князь сто́льнё-киеськой копался,

А ён уж с бани идет.
«Ай, говорит, что же ты не парилсе?» —
«Вот что я, князь сто́льне-киеський,
Намылсе, намылсе да напарилсе,
Парилсе я по-дорожному, говорит,
Некогда мне, недосуг мне расщелкивать,
Мне поскорее ⟨*нрзб*⟩ мужчина или женщина».
Скоцил Олёшка, скоцил на добра́ коня —
Видели Олёшу сядуцись,
Не видели Олёшу поедуцись.
Приехал к Настасье Микулицьне:
«Ай же ты ешь да пьешь, проклаждаешьсе,
Не ведаешь, со любимым с товарищем,
Не ведаешь про незгодушку великую.
Посажен Добрыня во глубок погре́б,
Во глубок погре́б сорока́ сажо́н
За тыи реци за похабные,
За тыи реци за бахвальные.
Похвастал на пиру там жоной,
Что нету во Киеви, как моя Настасья Микулицьна.
Его же схватили, в погреба посадили».
Приходила Настасья Микульцьна,
Схватила брила свои волосы,
Одевала, брала успехи молодецькие,
Поезжала тут воевать.
Только видели Настасью сядуцись,
Только нынь не видели поедуцись:
Одна по́копоть в поли проле́тела.
Приезжала Настасья ко Киеву,
Выкинала стрелоцьку калёну в поле.
Говорил-то князь стольнё-киеськой:
«Ай же ты, Василий Микульевиць,
Нету у нас таких поединьщков,
Заезжайте-ка сам во Киев-град!»
Как заехал Василей Микульевиць,
Тут недолго высватал племянницю.
Взяли стали играть да свадебку,
Цесным пирком да за свадебку.
Настасья Микулицьна говорит:
«А не цесь-хвала молодецькая,
Потюремщички все спущены,
Один сидит Добрыня Микитиць.
Надо его выпустить на добры́х конях,

На добры́х конях разъехаться».
Добрыня и говорит:
«Нету коня у Владимера,
Нету коня, нету лошади».
И разъехались во цисто́м поли́.
Настасья Микулицьна смахнула с лошади,
Что, говорят, копьем в груди впёрла.
А он лежит, говорит: «Смерти или живота?» —
«Воля ваша да и воля ваша,
Живу я да и смерти-то приму!»
Взяла его поцеловала в уста во саха́рнии.
«Ну, — говорит, — Добрыня Микитиць, я твоя, а ты мой!» —
«Нет, — говорит, — пойдем-ко домой!» —
«Не цесь, не хвала молодецькая
Уехать не простившись.
А воздадим-ко мы честь-благодарность
Владимеру стольнё-киеському».
Вышли на приступки.
«Спасибо, — говорят, — князь стольнё-киеський,
Мы были твои, а стали свои,
Мы теперь домой поедем».
Шапочки сняли да и разъехались.
Князь Владимир говорит:
«Глупые мы и неразумные мы,
Проглядели мы женьской разговор,
А женщина нас и надула,
Добрыню Микитича увезла домой!»

№ 434

СТАВЕР ГОДИНОВИЧ

Как во стольном городе было во Киеве
Да у ласкового князя у Владимира
Заводился пир на ⟨двенадцать⟩ дней
На всех на князей да на бо́яров,
На сильных могучих богатырей.
Все на пиру наедалися,
Все на почетном напивалися,
Все на пиру прирасхвасталися:
Умный хвастает отцом-матерью,
А безумный хвастает молодой жоной.

А сидит за столом князь Ставер да сын Годинович,
Он задумовше, закручинивше,
Ничем же он не похвастает.
Да как возговорят князья да бóяра,
Да сильные могучие богатыри:
«Чево же ты, Ставер да сын Годинович,
Ничем да не похвастаешь?
Али нет у тебя золотой казны,
Али нет у тебя добрых коней,
Али нет у тебя платья цветного?»
Как воспроговорит великий князь Ставер да сын Годинович:
«Мне похвастать—не похвастать отцом-матерью —
Отца-матери в живыих нет,
Мне похвастать—не похвастать золотой казной —
Золота казна моя не тошшица,
Добры конюшки не изъездились,
Цветное платье мое не износица,
А мне похвастать—не похвастать молодой женой,
Молодой женой да Василистой Микуличной.
Она всех ли вас, бога́тырей, повыборет,
А князя Владимира с ума сведет».
Как возговорят великие богатыри:
«Ай же ты, Владимир-князь да стольно-киевский,
Ты вели казнить Ставра Годинова
За ево за по́хвалы великие.
Посадим ево в погреба глубокие,
Замуравим ево дуб'ем-колодием,
Засыплем желтым песком.
Пусть-ко ево молода жена Василиста Микулична
Всех нас, богатырей, повыборет,
А тебя, Владимира, с ума сведет».
Посадили Ставра Годинова в погреба глубокия
За ево за похвалы великия,
Замуравили дуб'ем-колодием,
Засыпали желтым песком.
Как прознала про это Василиста Микулична,
Скоренько сходила она к фельшеру,
Волоса она рубила по-мужичьему,
Платья одевала все мужичье,
Собрала она дружинушку хоробрую
И раскинула шатры велики
Под славным городом под Киевом.
И посылает послов к Влад⟨имиру⟩ стольно-киевс⟨кому⟩:

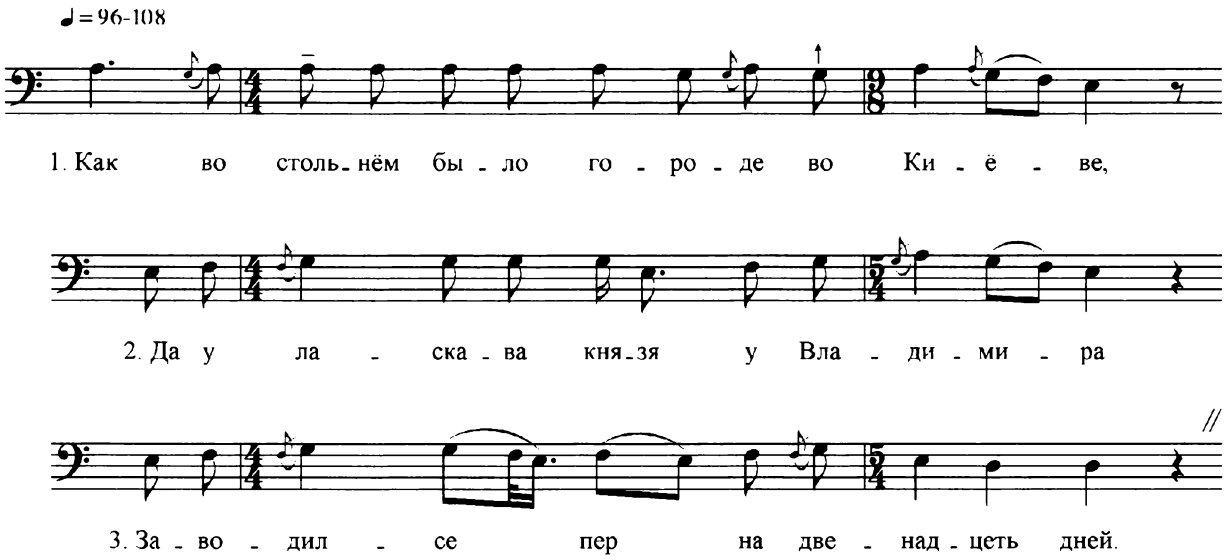
«Выпустите вы Ставра Годинова из погребов глубокиих,
Нет — войной пойду иль огнем сожгу».
(*А она назвалась Васильем Никуличем.*)
Призадумался великий князь да пригорюнился
И говорит послу да таковы слова:
«Отпустить Ставра — не видать добра,
А не отпустить Ставра, то приходит лихая беда».
(*Вот она ево и с ума свела.*)
Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Своему послу он наказывал:
«Пускай приедет Василий Микулич на веселый пир
Хлеба-соли откушать, зелена вина покушать».
Приезжает Василий Никулич.
И приводят Василия Никулича
Во горенки златооконные,
Содят ево за стола дубовые,
За скатерти за браные,
Наливают ему винá заморские.
Обращаеца великий князь Владимир стольно-киевский
Ко своей супруге драгоценноей,
Ко княгине ко Апраксине,
Спрашивает совету у супруги драгоценной:
Спустить Ставра — не видать добра,
А не отпустить Ставра — не будет добра.
Возговорит княгиня да Апраксина:
«Разве ты, Владимир стольно-киевский,
Разве ты не видишь, што тут есь не Василий Никулич,
А тут есь сама Василиста Никулична?
У ней речь-поговоря вся по-женьскому,
Где жуковинья были, тея места знать,
Где персни знать у ⟨...⟩
Она стегна жмет и добра бережет».
Призадумался великий князь, пригорюнился,
Приказал своим слугам верным
Истопить парну баенку:
«Ай же ты, Василий-свет да Никулич-сын,
Пойдем же ты со мной в парну баенку,
Со мной вместе помыца, попарица».
И на что Василий Никулич дал согласие.
Скоро-наскоро справляюце с Владимиром в парну баенку.
Пока Владимир стольно-киевской
Во своей раздевальноце раздевался,
Василий Никулич уже намылся и напарился и навстречу катит.
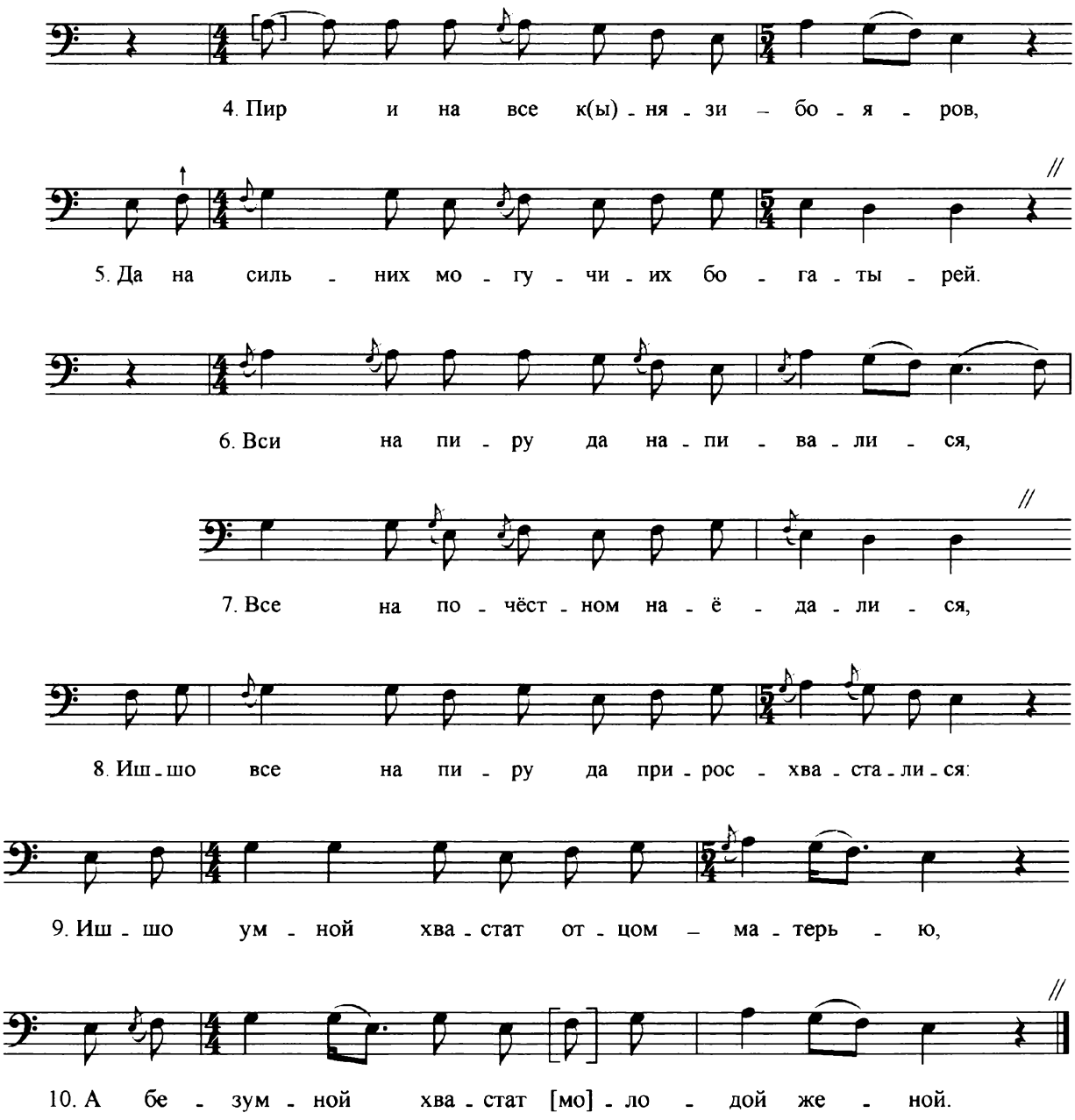
Так Владимир-князь стольно-киевский
Не мог узнать, што мужчина или женщина.
Возго́ворит Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, Василий Никулич,
Не угодно ли тебе с князьями да боярами
И с великима богатырями
Побороца да потешица на широком дворе,
Пострелять с лука́ колёной стрелой
Во тое во острие во ножевое,
Штобы попало во острие во ножевое,
Штобы раскололась калёна стрела,
Штобы были концы весом ровны, мерой ровны!»
Выходит Василий Никулич на широкий двор,
Берет он в руки тугий лук,
Натягает он титивочку шелковую,
Полагает он стрелочку колёную
И стреляет во тое во острие во ножевое.
Угодило прямо во острие во новое —
Расскочилось на ⟨две⟩ палочки,
Оны мерою равны и весо́м равны.
Завели они с богатырями поборотися:
Одного в руку возьмет, другого в другую,
Третьево в середину столкнет —
И всех она их повыборола.
Приглашает Владимир стольно-киевский
Того́ ли Василия Никулича на почетный пир.
Наливает ему вина заморские,
Не пьет Василий Никулич вина заморского,
Требует у Владимира Великого,
Штобы дал музыканта хорошего,
Штобы мог развеселить его, потешити
На гуселишках ярофчатых.
Предлагает Владимир стольно-киевский
Всем своим боярам, великиим бога́тырям,
Штобы сыграли в гуселышка ярофчаты,
Штобы развеселили посла Василия Никулича.
Все играют музыканты не по разуму.
И возговорит Василий Никулич млад:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Есь у тебя в погребах глубоких
Сидит засажен Ставер да сын Годинович,
Он хорошо на гуселушках поигрыват,
Только тот может меня развеселить и утешить

Своей игрой музыкальноей».
Призадумался Владимир стольно-киевский,
Направляется к своей жене да ко Апраксии,
Говорит ей таковы слова:
«Отпустить Ставра — не видать добра,
Не отпустить Ставра — разгневать посла».
Приказал Владимир стольно-киевский
Разрыть те погреба глубокие
И выпустить Ставра Годинова на почетный пир,
И дали ему гуселышка ерофчатые.
Начал Ставер Годинович поигрывать,
Развеселил всех князей и всех бояров
И сильниих могучиих бога́тырей
Своей игрой да молодецкоей.
Тогда Василий Никитич млад
Скорешенько сходил он во спаленку,
Переоделся в женские платьица
И со Ставром Годиновичем обнялись и поздоровались.
И так увела Ставра Годиновича во свой город.
(*Тем и кончилось, а этих богатырей всех она выборола, а Владимира с ума свела.*)

№ 435

СТАВР ГОДИНОВИЧ

Как во стольнём было городе во Киёве,
Да у ласкава князя у Владимира
Заводилсе пер на двенадцеть дней.
Пир и на все к(ы)нязи-бóяров
Да на сильних могучиих богáтырей.
Вси на пиру да напивалися,

Все на почёстном наёда́лися,
Ишшо все на пиру да приросхвасталися:
Ишшо у́мной хва́стат отцом-матерью,
А безумной хва́стат [мо]лодой женой.

№ 436

СТАВР ГОДИНОВИЧ

Как во стольноём городе во Киёви,
А у князя у Владимира,
Велся, продолжался княженецкий пир.
Как Владимир-князь да стольно-киевский,
По палаты белокаменной да ён похаживал,
Как желтые свои кудерышки поглаживал,
Разны речи ты да ён выговаривал:
«Уж вы слуги мои, да слуги верныи,
Слуги души красной девушки,
Как у меня-то в палаты белокаменной,
На столы вы да на дубовые,
Стелите вы да скатерочки шелковые,
А кругом ставьте да стулечки кленовые,
И готовьте ества вы сахарнии,
[А становите вы да] питва медвяныи.
Как приедут-то ко мне да дороги гости,
Сильныи могучии бога́тыри,
И купцы да людишки да всё богатые
Как на ту-ту славу на великую,
Как на ту-ту похвальбу знаменитую».
Как справляется да ехать, снаряжается
Как Ставер-то сын да Годинович.
Говорила Ставру да молода жена,
Молода жена да любима семья,
Как Настасья да Микулична:
«Как справляешься, Ставер, да снаряжаешься
Ты ко князю да ко Владимиру
На такой-то ведь на знаменитый пир.
Да послушай-ка своей жены да наказаньица:
Как у князя-то да у Владимира
Как на таком на пиру на знаменитуем
Не садись-ка да на пиру да в место бо́льшое,
Не садись-ка на пиру да в место меньшоё,

А садись-ка на пиру в местецко среднёе,
Всякой тым местам да позавидует.
Да еще же ты, Ставер, да послушай-ко:
На таком пиру знаменитоем
Да не хвастай мной, молодой женой!»
Да ехал Ставер сын Годинович,
Ехал ко князю ко Владимиру
На такой на знаменитый пир
И слушал жениного наказания:
Не садился на пиру в место большее,
Не садился на пиру в место меньшее,
А как садился на пиру в местецко среднее.
И у князя у Владимера
Вёлся-продолжался княженецкий пир.
Все гости на пиру стали сытешеньки,
Все гости на пиру стали веселешеньки,
Наедалися да напивалися,
Евствами саха́рными да питвами медвя́ными,
И все стали гости сытешеньки да веселешеньки,
И все гостюшки всё да порасхвастались:
А богатыри-то хвастают своею силой богатырьскою,
Ухваткой они да молодецкою.
А богатыи-то хвастают:
«У нас много злата-серебра
Да бессметочной да золотой казны».
Разумные тыи хвастают
Своим отчом да старой матушкой.
А сидит Ставёр сын Годинович
Ничем ён хвастать да не хвалится,
Ничим Ставёр не возвышается.
Как увидел [этта] да Владимир-князь,
Подходил Владимир-князь поблизешенько,
И спросил Ставра поскорешенько:
«Как заеждёй добрый молодец,
Сидишь у меня на пиру,
Ничем не хвастаешь, не хвалишься,
Ничем не возвышаешься:
Верно, ества мои тебе не по разуму,
Напиточки медвяныи не по́любы?»
Отвечал Ставер сын Годинович:
«Владимер-князь стольно-киевский,
Всё-то мне твоё да по разуму,
Только нечим мне-то ведь хвастати,

Мне-ко только хвастать—не хвастать да молодой женой,
Молодой женой да любимой семьей,
Как своей Настасьей да Микулицной:
Как моя-то молода жена,
Молода жена, любима семья,
Моя Настасья Микулицна,
Могла бы ёна ваш город Киев-град,
Могла бы ёна сожгать и спалить, головней покатить!
А вас, князей-бояр всех стольно-киевских,
Могла бы ена во полон забрать,
Во полон забрать, с ума-разума повывести!»
И эты слова князю не слюбилися,
Владимиру речи Ставра не поглянулися.
Приказал Владимир посадить Ставра
Во крепости во крепкие,
Во тыи погреба во глубокии.
Не через долго пору-времечки
Сошла весточка не радостна,
Известие сошло да невеселое
Ко Ставровой молодой жене Настасье Микулицной:
Что во городе во Киеве у князя у Владимира
Посажен Ставёр во крепости во крепкия.
Тут говорила Настасья сама себе:
«Как я баяла Ставру, говорила дураку,
Что не хвастай мной, молодой женой,
А нынь как мне будет Ставра выкупить,
Как мне будет молодца да повыручить,
Мне женьскима да догадкама,
Али мужскима ухваткама?
Уж вы, слуги мои, слуги верные,
Слуги, души красны девушки,
Как берите-ко вы ножницы вострыя,
Режьте мои волосушка шелко́выи,
А делайте из женщины вы мужчину.
Поеду я во славный город, во Киев-град,
Выручать своего мужа да законного.
Как у князя-то у Владимира
Посажен Ставёр во крепости во крепкии!»
Тут ведь слуги ейны верныи
Брали ножницы да вострыи
И резали волосушки шелко́выи,
Делали из женщины мужчину,
И стал-то холост молодец да не же́нат.

Скидывала платьица да она женскии,
Одевала платья да мýжскии,
На грудь кладывала латы да кольчужныи,
Она латы кладала богатырскии,
Одевалсе молодец, окольчужился,
Шел молодец во стойлу лошадиную,
Брал коня себе богатырьского,
Он зауздывал и заседлывал,
Кладал войлуцьки да ён на войлуцьки,
Кладал потницьки да ён на потницьки,
Наверх кладал седёлышко черкальскоё
С подпругамы да шелковыма,
Стременами золоченама.
Как садился молодец на добра коня,
Да брал с собой оборону богатырскую,
Богатырску оборону да молодечкую,
Брал он паличу булатьню девяносто пуд.
Выеждял молодец да во чистó поле,
Во чистом поле да пробу делае
Как свою он поездку молодецкую да богатырьскую:
Роя паличý булатьню он под облако,
На лету он имал белыма грудьма,
Не допуская палицы до сырой земли.
Приехал молодец да ко городу,
Ко городу да Киеву,
Приехал ко князю ко Владимиру,
Устоялся молодец да во чистóм поле,
Обночевался молодец да во бéлом шатре
Да писал-то ён письмо да скоропивчато:
«Уж ты, князь Владимир стольно-киевский,
Приехал к тебе посол да Земли Греческой
Да приехал за данью тебе да за пошлиной.
У тя дани да не выданы,
У тя пошлина да не уплачена
А времени у тебя за ⟨двенадцать⟩ лет,
Как отдай-ко мне златом-серебром.
Если жаль отдать дани-пошлины,
Дани-пошлины отдать за ⟨двенадцать⟩ лет,
То давай мне в чисто поле поединьщика,
Ты давай мне в чисто поле супротивника,
Будем мы с ним да силу пробовать,
Будем мы с ним плечо да богатырьское.
А если не дашь мне в чисто поле поединьщика,

Ты не дашь мне в чисто поле супротивника,
Тебе жаль отдати дани-пошлины,
Дани-пошлины отдать да за ⟨двенадцать⟩ лет,
То твой да славный город Киев-град
Я сожгу, спалю да головней скачу,
А вас, князей-бояр да стольно-киевских,
Ко себе-то во полон возьму,
С ума-разума да повыведу.
А если жаль отстать от города от Киева,
То я есть холост молодец, не́ женат,
А у князя у Владимира е любимая племянница,
Красная девушка есть да на выдаваньи,
Вы повыдайте-ко ю да за меня заму́ж».
Тут Владимир-князь стольно-киевский
Как читал письмо да скоропивчато,
Собирал князей-бояр он из Киева,
Пригласил он на думу из Чернигова.
Начали они да думу думати,
Начали они совет-то советовать:
Много надь отдать дани-пошлины,
Дани-пошлины отдать за ⟨двенадцать⟩ лет,
Много надь отдать да злата-серебра.
Не находится у них и поединщика
В чисто поле послать да супротивника,
Некого послать силы про́бовать,
Да плеча-то ведь богатырского.
Они се да согласилися:
«Отдадимте-ко Владимира племянницу,
Красна девушка у нас да на выда́ваньи».
Пригласили молодца они подъехати
Как ко тым они палатам княженецкиим,
Начали они встретать дорога гостя,
Стали улицки распахивать,
Дубовы столы вынашивать,
Питва разные медвяные выкладывать,
Как встречали-то такого дорога́ гостя.
Не дорожкою [гость] еде, не в ворота ведь,
Прямо еде через стены городовыи,
Приеждял-то молодец к палатам княженецкиим,
Приходил-то он в палаты княженецкие,
Крёст-то кладал по-писа́ному,
Поклон-то ведь вел да по-учёному,
На четыре все стороны,

Князю Владимиру в особину:
«Здравствуй-ко, Владимира племянница,
Катерина-то да селятница!
Красна девушка ты есть на выда́ваньи,
Холо́ст я, молодец, да есть не женат,
Желашь ли итти да во супружество?»
Отвечала Владимира племянница:
«Как отдаст-то меня да родный дядюшка,
Да есть-то воля, да воля дядюшки».
Говорила дядюшке да ведь племянница:
«Как мой родный да дядюшка,
Не отдай меня как да за женщину,
У ней грудь-то да ведь толсте́нькая,
А походочка да часте́нькая,
А речь-то го́ворит она с про́звиздом,
Должна-то быть да она женщина!
Как уйми-ка молодца да к ночи-то,
Как ночуе молодец в наших палатах белокаменных,
Ён проспит на наших на перинах на пуховыих:
Если будет ложина под пле́чами —
Тогда она — му́жчина,
А если буде я́ма под задницей —
Тогда она — женщина!»
Говорит тут да Владимир-князь:
«Как заеждий добрый молодец,
Ты, посол то е да Земли Гречецкой,
Как ночуй-то у нас в палатах белокаменных,
Да не надь тебе ходить по городу по Киеву,
Искать спокоя на ночку темную».
Отвечал посол да Земли Гречецкой:
«Владимир-князь стольно-киевский,
Отношу тебе много благодарностей
На твоем-то на приглашеньице».
Да как спал-то молодец ночку темную,
В ихних-то палатах белокаменных,
Ен на ихных на перинах пуховыих,
Ён поутрышку да ранешенько
Повяртывал перину-то другим коньчом.
Приходил Владимир-князь да молодца будить,
Молодца будить да на перину глядеть,
Да стала-то ложина под пле́чами.
Говорил-то Владимир-князь:
«Как довольно нам молодца томить,

Молодца томить, да надо пер проводить!»
Собирал Владимир-князь князей, бояр из Киева,
Пригласил на пер из Чернигова,
Тут повелся-начался княженецкий пер,
Пришло тое времячко —
Надо князю со княгинею ехать во Божью церкву,
Принимать по злату веньчу,
Поступить да во законный брак».
В тое времячко, да в тую порушку,
Князь новобрацный за столом княженецким окручинился, спечалился.
Повесил буйну головушку
Пониже да могучих плеч.
Увидал-то да Владимир-князь,
Что князь новобрацный
Сидит да невеселенький,
Подходил Владимир-князь поблизешенько,
Спросил да поскорешенько:
«Как посол ты е да Земли Греческой,
Да князь ты наш новобрачный,
Для чего ты скручинился, спечалился?
Видно,ества наши тебе да не по разуму,
Напиточки медвяные не полю́би,
Молода княгинюшка да не нравится?»
Отвечал посол да Земли Греческой:
«Мне-каества, питья да по разуму,
Молода княгинюшка ваша по́любви,
Как одно-то мне да не по разуму,
Того я скручинился, спечалился,
Как на таком на пиру знаменитоем
Нету гусельщичка да хорошего,
Некому сыграть да во гуселышка,
Да некому спеть да припевоцка.
Я слыхал, да добрый молодец,
Как у князя у Владимира
Есть гусельщички хорошие,
Посажены во крепости во крепкие,
Ены знают сыграть во гуселышка
И знают спеть они припевочки —
Заведут они припевоцки от Киева,
Доведут довод до Чернигова.
Любо бы было всем бы да послушати,
Я желал бы, добрый молодец,
Всех из крепостей да повыпустить,

Вместе перовать да веселитеся,
Того я и скручинился, спечалился».
Тут Владимир-князь пораздумался:
«Если всех с крепостей да выпустить —
Не собрать больше не единого,
А если мне да не выпустить —
Буде разгневить посла».
Да приказал всех да повыпустить.
Начали перовать да веселитеся.
Говорила тут Настасья Микулицьна:
«Как удалые да добры молодцы,
Нет ли между вама Ставра сына Гординовица?
Подойди-ко, Ставёр, к столу княженецкому,
Выпей-ко ты чару питов разныих
От князя, княгини новобрацныих,
Как уста-ты у тя в крепостях позапечалились.
Как ты знаешь, Ставёр, да догадаешься ли,
Не твоя ли то да молода жена
Сидит князем-то да новобрацным?»
Выпивал Ставёр пару питов разныих,
От князя, княгини новобрацныих,
Выходила Настасья за стола княженецкого,
Брала Ставра за́ руки,
Целовала в уста да во сахарныи,
Повела Ставра да в свою родину.
Князя Владимира со князьями, со боярами
Пировать тут ведь да и оставила.
На том былина и покончилась.

№ 437

ПРО СТАВРА

Как во стольноем во городе во Киеви,
Да у князя да у Владимера
Велсе, продолжалсе княженецкий пир.
Как Владимер-князь да стольно-киевский
По полаты белокаменной похаживат,
Русы волосушка свои поглаживат,
Разны ен рицы выговариват:
«Уж вы, слуги мои, да слуги верныи,
Уж вы, слуги, души красны девушки,

У меня-то видь во палаты белокаменной
На столы ты вы да на дубовыи
Как стелите-ка теретоцьки шолковыи,
Кругом ставьте-ко да стулицьки кленовыи,
Вы готовьте да ясва сахарнии,
Становите-ко напитоцьки вы разныи,
Как приедут ко мне да дороги гости́,
Сильныи могуции богатыри,
Как и те все людюшки богатыи».
На таку-то на славу на великую,
Как на ту-то похвальбу на знаменитую,
Как справляетце ехать, наряжаетце
Как Ставер-то сын да Годиновиць.
Говорит Ставру́ да молода жона,
Какая ли Настасья да Микулицна:
«Как справляессе, Ставер, да снаряжаессе,
Как ко князю-то да ко Владимеру
На такой-то ведь на знаменитой пир.
Как послушай-ко своей жены да наказаньице.
Как у князя-то да у Владимера
Не садись-ка на перу да в место бо́льшее,
Не садись-ка на перу да в место меньшее,
Как садись-ка на перу в местецько среднее,
Всякой тым местам да позавидует.
А ище да, Ставер-то, послушай-ко:
На таком на перу на знаменитоем
А не хвастай-ка мной, да молодой женой».
Как ехал Ставе́р да сын Гординовиць
Ен ко князю ехал ко Владимеру
На такой-то ведь на знаменитой пер.
Слушал женина он наказаньице:
Не садился на перу да в место бо́льшее,
Не садился на перу на место меньшее,
А садился на перу в местецько среднее.
Как у князя-то да у Владимера
На пиру все гостюшки стали сытешеньки,
Все-то гости на перу стали пьянешеньки,
Наедалисе да напивалисе,
Ясвамы оны сахарнима,
Как напитоцкамы оны разныма, медвяныма,
Все-то гостюшки да порасхвастолись:
Как богатыри так тыи хвастают
Своей оны силой богатырскоей,

Как ухватоцькой оны да молодецкоей.
Как богатыи тыи хвастают:
«Как у нас-то видь много злата-серебра,
Как бессметоцькой у нас да золотой казны».
Как разумныи сидят так хвастают
Как своим ены отцем да старой матушкой.
Как сидит Ставер да сын-то Гординовиць,
Ен сидит ницим не хвастат, ен не хвалицце,
Ен сидит ницим не возвышаецце.
Увидал-то видь да Владимер-князь,
Подходил Владимер поблизешенько,
Как спросил-то ведь Ставра да поскорешенько:
«Как заеждей, доброй молодец,
А сидишь у мня на перу ты ницем не хвалисся,
Как ницим ты не возвышаессе,
Видно, есва мои-то не по разуму,
Мои напитоцьки медвяны те не по́любиˮ.
Отвецял Ставер да сын Гординовиць:
«Все-то мне твое-то есь по разуму.
Только нецим-то да мни-ко-ва-то хвастати.
Только хвастать мне хвастать
Своей да молодой да жиной,
Как Настаьей-то да мне Микулицной.
Как моя-то ведь да молода жона,
А Настасья-то да ведь Микулицна,
Как могла бы ена вам город Киев-град
Как сожгать-спалить да головней скатить,
Вас всех князей-бояр да стольно-киевских
А могла бы ёна да во полон забрать,
Во полон забрать
С ума-разума повывести».
Этыи слова князю не слюбилиси,
Владимеру реци Ставра не поглянулисе.
Приказал-то ведь да Владимер-князь
Посадить Ставра во крепости во крепкии,
Как во ты погреба да и глубокии.
Не черезъ долго поры-времецьки
Сошла вестоцька, сошла не радосна,
Как извесье сошло да невеселое,
А Ставровой-то да молодой жоны,
А еще к Настасьи да Микуличной,
Што во городи да во Киеви
Посажен Ставер во крепости во крепкии.

Говорила Анастасия сама себе:
«Как я баяла Ставру, говорила дураку,
Што не хвастат мной, молодой жоной.
Ныньце как мни будет Ставра выкупить,
Как мне буде молоцца да нынь повыруцить,
Мне ли женскима да буде да догадкамы,
Иль мужскима мне а ухваткамы.
Уж вы, слуги мои, а слуги мои верныи,
Уж вы слуги, души красны девушки,
Как берите-ко вы ножницы ты вострыи,
Режьте-ко а мои волосушка вы шолковыи.
А делайте из жанщины вы му́жчину.
Как поеду да во славной город а во Киев-град,
А поеду ко князю ко Владимеру
Выруцять своего а мужа законного.
Как во городи-то да во Киеви,
Ведь у князя-то у Владимера
Посажен Ставер во крепости во крепкии».
Говорит Настасия Романовна:
«Ах вы, слуги мои, да слуги верныи,
А берите-ко вы да ножницы ты вострыи,
Режьте мои волосушки шолковыи».
Слуги да ейны верныи
Брали ножницы, брали вострыи,
Резали волосушка шолковыи,
Делали из женцины да мужчину,
Стал-то холост молодец да не женат.
Скидывала ёна платьиця-то женскии,
Одевала платья она му́сскии,
Кладывала на грудь латы кольчужныи,
Одевался молодец да окольчужился,
Шел молодец во стойлу лошадиную,
Брал себе ен коня да богатырского,
Тут зауздывал да ен, заседлывал,
Кладал войлуцьки да на потницьки,
На верех кладал седёлышко черкальское,
С подпругамы-то ен шолковыма,
Стременамы-то да золоцёныма.
Как садился мо́лодец да на добра коня́,
Брал он оборону с собой да богатырьскую,
Брал он палицю булатню ⟨девяносто⟩ пу́д,
Выеждял молодец да во цисто поле.
Во цистом поли ен силу пробует,

Роет палицю булатню он под облако,
На лету ен ги́мат палицю да белыма́ грудьмы,
Не допускает палицы до сырой земли.
Приеждял молодец ко городу ко Киеву,
Как приехал ен ко князю ко Владимеру,
Устоялся молодец да во цистом поли,
Обноцевался молодец да во белом шатри,
Как писал он письмо да скоропивцято:
«Как Владимер-князь да стольне-киевский,
Как приехал к тебе посол да древнегрецеский,
Как за данью к тебе да ведь за пошлиной.
У тя дани ты видь не выданы,
У тя пошлина да не уплацена,
Как времени у те да за ⟨двенадцать⟩ лет,
Как отдай-ко мне да златом-серебром.
Если жаль отдать да дани-пошлины,
То давай мне в цисто поле поединщика,
Станем мы-то с гим да силу пробовать,
Станем мы плецо с гим богатырское.
Как не дашь мне в цисто поле поединщика,
Тебе жаль отдать да дани-пошлины,
Дани-пошлины отдать-то да за ⟨двенадцать⟩ лет,
То я твой-то славной город Киев-град,
Я сожгу, спалю да головней скацю,
Вас князей всих бояр я стольне-киевских
О себе-то я да во полон возьму,
Во полон возьму да с ума-разума повыведу.
Если жаль отстать от города от Киева,
То я холос⟨т⟩ е да и не женат,
Как у князя-то да у Владимера
Е любимая да е премянница,
Красна девушка-то есь да на выда́ваньи,
Вы-то выдайте-тко ю за меня замýж».
Тут Владимер-князь стольно-киевский,
Ен писал письмо да скоропивчато,
Собирал князей-бояр да ен из Киева,
Пригласил-то ен на думу из Цернигова.
Нацяли оны да думу думати,
Нацяли оны советы да советовать:
Много нам отдать да дани-пошлины,
Много нам отдать да злата-се́ребра,
Злата-серебра да за ⟨двенадцать⟩ лет.
Не находицца у них да поединщика,

В цисто поле-то да послать да супротивника,
Некого послать да силы пробовать,
Как плеця-то видь за богатырского.
Ены все-то видь да согласилиси:
«Отдаемте-ко Владимера племянницю,
Красна девушка у нас да на выдаваньи».
Приказали молодцу они подъехати,
Как ко тым ены к палатам княженецкиим
Нацяли стрецять да дорога́ гостя,
Стали улицьки оны распахивать,
Дубовы столы да вынашивать,
Питва разныи медвяныи выкладывать.
Как стреця́ют-то такого дорога́ гостя,
Еде молодец да не дорожкой ведь,
Прямо едет через стены городовыи.
Приежджял-то видь к палатам княженецкиим,
Приходил-то видь в палаты княженецкии.
Крёс-то он кладал да по-писа́ному,
Поклон-то видь вел да по-уценому
Как на все ты цетыре на сторонушки,
Князю-то Владимеру да ен в особину:
«А здраствуй-ко, Владимер с племянница,
Катерина да селятница,
Как красна ты девушка на выдаваньи.
Как холос⟨т⟩ я, молодец, е не́ женат.
Как желашь ли идти да во супружество».
Отвецяла Владимера племянница:
«Как отдас меня да родной дядюшка,
Ести воля-то да есть дядюшки».
Говорила дядюшки племянница:
«Как мой-то видь да родный дядюшка,
Не отдай менэ да как за женщину.
У ней грудь-то е да толстенькая,
Как походоцька у ней да е цястенькая,
Ена рець-то говорит да она с прозвиздом,
Доложна-то быть да она женщина.
Как уйми-ко молодця идти к ноци-то,
Как ноцюет молодец в нашиих палатах белокаменныих,
Он проспит на наших на перинках на пуховыих,
Если будет ложина-то под плецями,
То тогда она-то естя му́жчина,
Если буде ямина-то под задницей,
То тогда она-то есте женщина».

Говорил-то ведь тут Владимер-князь:
«Как заеждей удалой доброй молодец,
Как посол ли ты есь да Земли Грецеской,
Как ноцюй у нас в палатах белокаменных.
Как ништо тебе ходити да по городу,
А по городу тебе по Киеву,
Да искать спокоя на ноцьку ту на темную».
Отвецял-то посол да Земли Грецеськой:
«Как Владимер-князь да стольно-киевский,
Отношу я вам много благодарности,
Как на вашею на приглашеньици».
Спал молодец да ноцьку темную,
Ен в ихных полатках белокаменных,
А по утрышку ён ранешеньку,
Да повертывал перинку ту другим коньцем.
Приходил Владимер-князь да молодца будить,
Молодца будить да перинку глядить.
Стала-то ложина те под плецями.
Говорил-то ведь да Владимер-князь:
«Как довольно вам да молодця томить,
Молодця томить, да надо пир проводить».
Соберал князей-бояр он из Киева,
Пригласил на пир да из Цернигова.
Тут нацялся-повелсе княженецкий пир,
Тут же князь новобрацныи
Как сидят ены да середи стола
По записям места были позаняты.
В тую порушку да в тое времяцько
Надо князю-то да новобрацьному
Со княгинушкой ехать во Божью церкову,
Принимать-то надо злату венцю,
Поступить-то надо во законной брак.
Тут же князь да новобрацьный,
Ен ли посол де Земли Грецеськой,
Как за столамы-то ен за княженецкима,
Ен скруцинилсе да ен спецялилсе,
Как повесил свою да буйну головушку,
Так пониже своих да он могуцих плець.
Увидал-то ведь да Владимер-князь,
То сидит-то князь да новобрацный,
Как скруцинился сидит да он спецялилсе.
Приходил Владимер-князь да поблизешеньку,
Как спросил ен посла да поскорешеньку:

«Как посол ли зде да Земли Грецеськой,
Наш ли князь да новобрацьныий,
Как цего же ты скруцинился, спецялилсе,
Видно, ясьвы-то наши не по разуму,
Как напитоцьки наши медвяныи-то не по́люби.
Молода княгина наша-то не нравитце?»
Отвецял посол да Земли Грецеськой:
«Мни-ко есьва-питва е по разуму,
Молода княгинушка мне по́люби,
Одного ведь я да скруцинилсе:
На таком на перу на знаменитоем
Нету гусельщицько хорошего,
Некому сыграть да во гуселышка,
Некому ведь спеть да припевоцьки.
Как я слыхал-то ведь, добрый молодец,
Как во городи да е во Киеви,
Как у князя-то да у Владимера
Е гусельщицьки да е хорошии
Посажоны в крепости во крепкии,
Ены знают сыграть да во гуселышко,
Знают оны спеть и припевоцьки.
Заведут припевоцек они от Киева,
А его-то ведут да до Цернигова.
Любо бы было нам послушати,
А того ведь я скруцинилсе, спецялилсе,
Как желал бы я де всех повыпустить
А из тех крепостей из крепкиих,
А вместях всих перовать да веселитисе».
Тут Владимер-князь да позадумалсе:
«Если мне-ко-ва да всех повыпустить,
Не собрать-то больше ни единого,
А если мне-ко-ва да не выпустить,
То ведь будет-то разгневить посла».
Приказал-то ведь всех повыпустить.
Нацяли тут пировать де веселитиси.
Говорила тут Настасья Микулицна:
«Как удалыи добрыи молодцы,
Нет ли между вами Ставра сына Гординовиця?
Подойди, Ставер, к сто́лу княженецкому,
Выпей-ка, Ставр, цяру питов разныих
Как от князя, княгины новобрацныих:
В крепости у тя уста подзапецялились.
Уж ты знаешь ли, Ставер, а догодаессе,

Не твоя ли-то а молода жона,
Как Настасья-то а ведь Микулицьна,
А сидит с князем-то с новобрацныим».
Как выпивал Ставер цяру питов разныих,
А выходила Настасья с-за стола княженецкого,
И брала она Ставра за руки,
А повела она в свою родину,
А ведь князя-то да Владимера и перовать-то тут да оставила
Со князьям ы-то да со боярамы.
А на том-то видь былина и покончилась.

№ 438

ПРО СТАВРА ГОДИНОВА

Собирал князь Владимир почестен пир,
Собралось много бога́тырей
Князю Владимиру на почестен пир.
Услыхал Ставёр Годинович про почестен пир,
Собирался он в путь-дороженьку.
Говорила ёму Василиста Микулишна,
Наказ ёму давала:
«Зайдешь, князь, на почестен пир
Там не хвастай молодой женой Настасьей Микулишной».
Пришел Ставер князю Владимиру на почестен пир,
Садитця ён за столы дубовые,
За скатерти шолко́вые.
Много тут бога́тырей было могучиих,
Все на пиру они поросхвастались:
Умный хвастат отче⟨м⟩-матушкой,
А безумный хвастат молодой женой,
Другой хвастат силой богатырьскою,
А идный — бесчетной золотой казной.
Сидит молодой Ст⟨авер⟩ Г⟨одинови⟩ч,
Ничиго с има не поговариват
И ничим ён не хвастат.
Приходил к ёму князь Вл⟨адимир⟩-солнышко,
Ближе подшел:
«Што же ты, молодой Ставёр Г⟨одинови⟩ч,
Ницим ты не хвастаешь,
Ничиго ты не поговаривашь,
Видно, питья мои не по нраву,

Есьва не по разуму?»
Ставал Ставёр Г⟨одинови⟩ч на резвы́ ноги́,
Говорил князю Владимиру таково слово́:
«Налейте мне цяру зелена́ вина,
Весом-то цяра полтора пуда́,
Мерой-то цяра полтора ведра».
Наливали цяру зелена вина.
Принимал ён одной рукой,
Выпивал един дух (*ету цяру*).
«А теперь ты, князь, налей-то цяру меду сладкого
Весом-то цяра полтора пуда́,
Мерой-то цяра полтора ведра».
Наливал цяру меду сладкого,
Принимал ён одной рукой,
Выпивал на един дух.
Ставал Ставёр Годинович на резвы ноги́,
Тут он запохаживал,
Веселешонько запоговаривал:
«Ай же ты, князь стольно-киевский,
Есть у меня молода жена Василиста Микулишна,
Ваш бы Киев-город три раза продала и выкупила
И тебя бы, князь Владимир-солнышко,
На три цяса с ума свела!»
Не приправились слова Ставра Годинова
Князю Владимиру со бояромы —
Посадили Ставра Г⟨одино⟩ва в темницу
На три года, песком двери загребли.
Проходит тому времечку год-пора —
Никакой весточки от Ставра Г⟨одино⟩ва не слых-то В⟨асили⟩сте Микулишне.
(*Она богатырка тоже была, Василиста Микулишна.*)
Вот посылал князь Владимир
⟨Сорок⟩ богатырей могучиих за Василистой Микулишной,
Привести ее во Киев-град.
Отправились ⟨сорок⟩ богат⟨ырей⟩ могучиих за Василистой Микулишной.
Василиста Микулишна — «год прошел, нет Ставра, дак и нет ⟨добра⟩»
(*Думат себе.*)
Взяла ёна докуме́нты неизвес⟨т⟩но от какого короля,
Отсе́кла волосы по-мужичьёму
И надевала платьё муськии богатырьськии,
Кладевала через плецо сироцкоё калёное луконошко,
Отправлялась в путь-дороженьку,
Взимала чоботан с собой,
Кладивала туды платья богатырьськии, муськии и женськии.

Стритилась она на пути-на дороги с богатырями могучимы.
Вот богатыри говорят:
«Здрастуйте, молодой витязь,
Куда идете́, куда путь дёржите?» —
(*Богатыри спрашиват.*)
«Я иду во славный во Киев-град
От такого-то коро́ля с документами —
Получить с князя Влад⟨имира⟩ дани и выходы
За сорок лет по сорок тысяць с половиною.
А вы куда и́дёте, могучии богатыри?
Куда путь дёржите?» —
(*Она спросила.*)
«Мы идем за Василистой Микулишной к Ставру Годинову».
Отвицят великий богатырь Василий Микулеич:
«Ставра Годинова, неизвестно куда слух пропал,
Второй год известья нет,
Василиста Мик⟨ули⟩шна тоже уехала, неизвестно куды».
От эти богатыри подумали:
«Пожалуй, не стоит идти —
У хозяйки уехано, не знаем куды».
Прихо́дя обратно могучии богатыри ⟨к⟩ князю Владимиру:
«Князь Владимир-солнышко,
Сказывал нам молодой витязь —
Попал на пути на дороге стрету —
Ставра Годинова два годе нет,
А сама Вас⟨или⟩са Микулишна уехала, неизвестно куды».
Подходит Василий Микулич к князю Владимиру-солнышко,
Крёст кладет да по-писа́ному,
А поклон кладет по-у̯оному,
Кланяетця князю Владимиру в особину,
Подават свои ярлыки князю Владимиру на белы́ руки́:
«Я пришел, князь Вл⟨адими⟩р-сол⟨ныш⟩ко, от такого-то короля
К вам полуцить с вас дань и выходы
За сорок лет с половиною
По сорок тысяць с половиною.
А не то отдайте за меня племянницу,
Доць Путятицну во замужество».
Князь Вл⟨адими⟩р-сол⟨ныш⟩ко оцинь был рад
Отдать племянницу Путятицну,
Цем дань за сорок лет с половиною.
Приходит князь Влад⟨ими⟩р-солнышко
К племянници, доце́ри Путятицни:
«Приехал могучии князь, племянница моя,

Доць Путятична, сватать во замужество».
Говорила племянница, доць Путятична,
Князю Владимиру-солнышко:
«Ай же, князь Владимир-солнышко,
Не може быть тут могучии богатыри,
А тут есть дивчина или женшчина.
Разве вы, дяденька, не можете заметить —
Походочка-то у ёй цястенька,
Жопка крутенька, грудь высока,
Голос у ёй с провизгом
И персики в руцьках таланливые».
Говорил князь Владимир-солнышко:
«Ай же ты, племянница неразумная,
Разве быть тут можеть женшчина?» —
«Ежели вам, дяденька, неимоверно,
Так на завтра на утро иль на́ день
Вызовите поборотця с могучими с нашими богатырямы —
Потом увидите».
Приходит князь Василий Микулич.
«Не желаете поборотця с нашимы борьцями
На широкий двор?» —
«Слыхал я деревеньску пословицу:
„Падет мужчина не под женшчину" — можно».
Вот вызвали Василия М⟨икули⟩ча на широкий двор
Поборотця с могучими богатыри.
Послали к ёму самого могучого здорового бога́тыря.
Неловкой был Василий М⟨икули⟩ч боротця —
Захватил богатыря за ворот и вокруг себя водит.
Со стороны богатыри говорят:
«Не так, не так, Василий Микулич, —
Порозведи, подними да подхвати!»
Вас⟨илий⟩ М⟨икули⟩ч кругом себя водил, водил,
Потом подклал долонь промеж ног
И подхватил выше себя и спустил на земь на голову,
Чаша напополам роскололася —
Убился наповал.
Больше никакой не смеет идти.
Приходит князь В⟨ладими⟩р-с⟨олныш⟩ко
К плем⟨янни⟩це, доцéри Путятичне:
«Ай же ты, пл⟨емянни⟩ца, неумная, неразумная,
Быть может ли тут женшчина?» —
«Ай же, дяденька, не можете признать —
Походочка у неё частенька,

Жопка крутенька, грудь высока,
Голос у ёй с провизгом
И персики в руцьках таланливые.
Если вам, любезный дяденька, неимоверно,
Пошлите его пострелять с нашимы стрельцами
Во чисто поле во кленовый дуб».
Вот на второй день вызыват своих богатырей

Пострелять во цисто поле, во кленовый дуб, с молодым витязём Василием Микуличем. Приходит, вызыват Василий М⟨икули⟩ча пострелять в кленовый дуб с нашими стрельцамы. Вот вызваны богатыри во цисто поле. Вызыват князь В⟨ладими⟩р-солнышко В⟨асили⟩я Мик⟨ули⟩ча. Начинают стрелять богатыри могучии, который стрели́т — не дострелит, а идный стрелит — перестрелит. А дуб стоит не стряхнитця, не сворохнетця. Доходит очередь Вас⟨или⟩ю Мик⟨ули⟩чу. Вынимат через плецо сероцько луцёноцко калёное, кладева́т туды стрелоцьку. Спустил Вас⟨илий⟩ М⟨икули⟩ч во кленовой дуб — розлетелся дуб по цисту́ полю на ножевые черенушки.

Не жалко к⟨ня⟩зю Вл⟨адими⟩ру города Чернигову, как жалко кленового дуба. (*Вот был сколь деливый дуб.*) Приходит князь доцери Путятицны, племяннице: «Ай же ты, племянница, неумная, неразумная, может ли быть тут женшчина?» —

«Ай же, дяденька, не можете признать —
[Походочка у нее частенька,
Жопка крутенька, грудь высока,
Голос у ёй с провизгом
И персики в руцьках таланливые.]
Ай же ты, дядюшка, неужоль вы не видите —
Не отдайте дивчины за женшчину,
Не наделайте хохоту в нашем городи во Чернигови.
Неужоль вы, любимый дядюшка, не можете заметить —
[Походочка у нее частенька,
Жопка крутенька, грудь высока,
Голос у ёй с провизгом
И персики в руцьках таланливые.]
Если вам, дяденька, неймоверно,
Положите в спальню на перину спать:
У мужчины яма под плечамы,
А у женшчины — под задницей».

Приводя В⟨асили⟩я М⟨икули⟩ча в особый покой — спать на перине. Лег В⟨асили⟩й М⟨икули⟩ч, как следует. Только ушли — он перелег в другую сторону, ногамы на подушку. Послали утром смотрить, где яма, яма оказалась, как следует.

Приходит князь к племяннице, доцери П⟨утяти⟩цне: «Ай же ты, племянница, неумная, неразумная, Может ли быть тут женшчина?» —

«Ай же, дядюшка, неужоль вы не видите —
Не отдайте дивчины за женшчину,

Не наделайте хохоту в нашем городи во Чернигови.
Неужоль вы, любимый дядюшка, не можете заметить —
[Походочка у нее частенька,
Жопка крутенька, грудь высока,
Голос у ёй с провизгом
И персики в руцьках таланливые.]
Если вам, дяденька, неимоверно,
Ну, наконец, стопите байну
И сводите нас двоих в байну — потом увидите».

Вот стопили слуги байну, дологают В⟨асилию⟩ М⟨икули⟩чу и пл⟨емянни⟩це, доцери П⟨утяти⟩цне: «Байна готова!» В⟨асили⟩й М⟨икули⟩ч сицас в байню марш впереди! Плем⟨яни⟩чу ведут в байну, а уж В⟨асили⟩й М⟨икули⟩ч идет с байны. И говорят слуги Вас⟨илию⟩ М⟨икули⟩чу: «Што же вы, Вас⟨илий⟩ М⟨икули⟩ч, по-скорому?» — «Ах, слуги верные и кн⟨язь⟩ В⟨ладими⟩р-с⟨олныш⟩ко, дело мое прохожее и дело мое дорожноё. Вы не слыхали разве деревеньской пословицы: „Дорожка коротать не сном, а заботкою"? Надо, князь Вл⟨адими⟩р-с⟨олныш⟩ко, сделать то, што я пришел: отдайте мне дани и выходы за ⟨сорок⟩ лет с половиною сорок тысяць с пол⟨овино⟩ю или отдайте за меня пл⟨емянни⟩цу, доць Пут⟨ятич⟩ну во замужество». Говорит доць Путятицна: «Ай же вы, д⟨ядюш⟩ка, наделаете смеху-хохоту в нашем городе да во Чернигове, — отдаёте девицу за жаншчину».

Начинает князь В⟨ладими⟩р-с⟨олныш⟩ко собирать почестен пир. И просватал п⟨лемянни⟩цу, доць Путятину за В⟨асили⟩я М⟨икулич⟩а. Собирались все князья и бояра на почестен пир. В⟨асили⟩й М⟨икули⟩ч и говорит: «К⟨няз⟩ь В⟨ладими⟩р-сол⟨ныш⟩ко, есть ли у вас музыкант на почестен пир?» — «Есть у нас музыкант, Добрыня Никитич».

Сел Микита Добрынич, наигрыват, да зачал ён в гусёлышки поскрыпывать. Сидит п⟨лемянни⟩ца, доць П⟨утятич⟩на, с В⟨асилием⟩ М⟨икули⟩чем за столом рука об руку.

«Хороша игра, к⟨няз⟩ь Вл⟨адими⟩р-с⟨олныш⟩ко, да слыхал я про Ставра Г⟨одино⟩ва — первый музыкант в России был Ставёр Годинов!»

Отвицял кн⟨язь⟩ Вл⟨адими⟩р-с⟨олныш⟩ко: «Ставёр Годинов уж три года назад как посажен в темницу». — «Нельзя ли ёго достать на почестен пир, князь Владимир?»

Достали Ставра Годинова из темницы. Кланялся Ставёр Г⟨одинови⟩ч всему столу княжинецькому, князю В⟨ладими⟩ру по-особённу. Подают Ставру Г⟩одино⟩ву гусли-самогранцы, как взял Ставёр сын Годинов поигрывать, поскрыпывать — пошел гул по всему городу по Киёву. «Князь Влад⟨имир⟩-с⟨олныш⟩ко, позвольте мне спустить Ставра Годинова, сходить прогуляця во цисто поле́». Выходит из-за стола дубового, берет свой чоботан и берет Ставра Голинова под руку.

Пошли во цисто поле́. «Знаешь ли ты меня, С⟨тавёр⟩ Г⟨одино⟩в?» — «Не могу признать, витязь!» — «А помните, в молоду пору мы свайку играли с тобой: колецко у меня — золота свайка, а у тебя серебряна». — «Нет, не помню».

Отмыкат свой чоботан и вынимат плеть, и раза три его плетью ударила, что кров брызнула сквозь рубашку. «Дурень ты неумный, ведь я тебе наказывала: не хвастай мной, молодой женой!»

Вынимат ёму платьё муськии богатырьськии, сама оделась в женьськии платья. Приходят они на почестен пир. Так и выкупила Ставра Годинова.

Вот тут-то и остался весь пир с постыднем.

№ 439

ПРО СТАВРА

Как во славной Москвы было во матушке
Родился там Ставер да Негодинови́ч.
Как рос ён там до полного возрасту и лет до пятнадцати,
Как во этой во Москвы да во матушки;
Как зачуял он в себе большую силушку,
Как силу-то он зачуял богатырьскую,
Как его да родитель ведь батюшко,
Как находился ён начальником в милиции,
А пригласил-то тут Ставра Негодинова,
Положил-то его тут ведь стражником,
Как ходить по Москвы да по матушке,
Забирать-то хулюганов тут пьяных.
Как не грешился тут Ставёр да Негодинович,
Не грешился ён топереку со пьяныма.
Как одного-то ён найдет — в карман кладет,
Другого-то найдет — да в другой кладет,
Как третьего найдет — всех на плечо сроет,
Снесет-то ен в милицию ко батюшку.
Как сдавал-то ен их под росписоцку,
Как этых хулюганов да пьяных.
Как отправлялси тут в Москву снова в матушку,
Ходил-то по панелям по широкиим,
Как приходилось натыкаться на партии большинскии,
Захватывал под пазуху по четверу,
Как нес-то нынеку в милицию,
Как сдавал ен ведь их под расписоцку.
Как тут все да Ставра боялися,
Все-то Ставра да пугалисе,
Как прозвали Ставёр да Негодинович.
Как уносил-то он топерь со площади много пьяных,
Как стали опасаться тут Ставра да Негодинова
Во той они в Москвы во матушки.
Как висть пришла туды топереку со Киева,
Как есть-ко там какой-то Ставёр да Негодинович,
Как ходит-то топереку по городу,
Забирает ён да пьяных хулюганьциков,
По четверу уносит зараз оттуль,
Сдават-то ён в милицию
Ну всех под расписоцку.

Как направляет тут Владимир стольно-киевськой,
Направляет да в матушку Москву сейчас
Как свой ли да посыл молодецькой:
«Как идьти-ко в Москву да матушку,
Как достаньте-ко Ставра да Негодинова,
Доставьте-ко топереку сюды-ко-ва,
А у нас-то видь топереку во Киеву
На это-то время задёрнут почестен пир».
Как отправлялся их посыл молодецкий
Во тую Москву ён во матушку,
Как спрашивал про Ставра да Негодинова:
«Не видали ли Ставра да Негодинова,
Как-как бы мне его да сюда позвать,
А Ставра-то бы на пир позвать
К тому ли царю да стольно-киевську?»
Ну как достали тут Ставра Негодинова,
Пришел-то тут Ставёр да Негодинович,
Как крёст-то ён кладет по-писа́ному,
Поклон-то ён ведет да по-учёному,
Как послу-то ён тому низко кланялси:
«Скажи-ко ты топереку откуль пришел?» —
«Как приехал со города со Киева,
От того ли я царя да стольно-киевська,
Приехал я посыл лихоимскою,
Приехал я приложиться чести-участи,
Как пойдем-ко к царю на почестный пир,
За тыи столы да за дубовыи». —
«Ну ты послушай-ко топереку, что я скажу.
Пойду я нунь прощусь с отцом-матерью,
А изменушки у мня да не будет-то,
Что не ехать к царю да на почестный пир».
Как пришел-то ён топерь к отцу-матери
И говорит топереку родителям:
«Как мой же ты, родитель батюшко,
Как ты, родитель моя матушка,
Как дайте-ко мне нунеку прощеньицо,
Как дайте-ко благословленьицо
Как уехать со Москвы с этой матушки,
Уехать-то к царю да стольно-киевську».
Как дал ему отец да прощеньицо,
А мать-то ему да благословленьицо
Как ехать во путистую во дороженьку,
Вот тот ли топереку во Киев-град

К тому ли да царю да стольно-киевську,
На этот ли топереку почестный пир,
Как не долго ён справлялся не тихошенько,
Выходил топереку на двор потом,
И выводил-то ён коня да из конюшенки,
Накладывал сидёлышко черкаское,
А оттуда у его как была шашка вострая.
Как видли тут добрых молодцов тут сядучи,
А не видли куды ёны поедучи.
Ну как ведь ехали ёны да во Киев-град,
Становилися к царю да на широкий двор,
Как заходили во палаты во высокие,
Во теи ли во гредини столовыя,
Как еще крест-то он кладет по-писа́ному,
Поклон-то он ведет да по-ученому,
Как еще с русськамы богатырями здоровкалси,
Царю-то с княгинею в пояс кланялся.
«Как красно солнышко, Владимир стольно-киевськой,
О чем же ты созвал да с Москвы матушки?» —
«Послушай-ко Ставёр да Негодинович,
Садись-ко за столы за дубовые,
За тыи кушанья за медовые».
Как садился за столы да за дубовые,
За тыи ли за кушанья медовые.
И за тыи ли питья медвяные.
Как вси смотрят на Ставра да Негодинова,
Как у его волоса дыбом выстали,
Глаза-то его да что огни горят,
А руки у его да богатырьские,
И плеча у его были широкии.
Ну как вси-то за столом наедалиси,
Как вси-то за столом да напивалисе,
Как вси-то за столом да порасхвастались,
И порасхвастался Ставёр да Негодинович,
Как работал ён в Москвы в этой матушки,
Как трезвых нунь ён не затрагивал,
А с пьяным ён не здорил тут,
Как уносил же ён их в милицию:
«Сдавал-то ведь я да под расписоцьки,
И не требовал да у отца да скорой помощи,
А срою я на плеча да еще двух и трех,
И с моих рук-то богатырьскиих не вертилисе,
А сдавал-то ведь я там все под расписоцьку,

Что во пути они, во дороженьки не досажены
У того ли у Ставра да Негодинова».
Ну подходил тут Владимир-князь да стольно-киевськой
Как говорил-то ён теперь да вот тихошенько:
«Как послушайте-тко топереку, што я скажу,
Послушайте-ко, братья крестовые,
Как сильные руссийские бога́тыри,
Как есь у меня топерчу служба верная,
А есть-то служба неизменная,
Как кто бы съиздил нунь да исправил тут,
Получил бы еще дани да выходы
Как со этой ли Земли Хаананьскою,
Получил дани-выходы за двенадцать лет».
Ну затихли за столам за дубовыма,
Затихнули ёны да потихошенько,
Как старшой-то за младшего хоронится,
А младшего-то и за столом не знать.
Ну говорит Владимир-князь да стольно-киевськой:
«Не пугайтесь-ко вы, руськие бога́тыри,
Я видь знаю, все равно вы ведь съиздите,
Получите вы и дани и выходы,
Хоть отправлю я Олёшку Поповича,
Хоть отправлю я Добрынюшку Никитича,
А про Ильюшеньку про Муромца и толковать конец.
Как послушайте-ко, руськие богатыри,
Как есть у меня надежа-та великая
Как на руського топереку богатыря,
На того ли на Ставра да Негодиновича,
Который ён съиздит да туды-ко-ва,
Полуцит дани-выходы за ⟨двенадцать⟩ лет,
Как у его да глаза, что огни горят,
Волоса на головы да его скорчились».
Как стал Ставёр тут Негодинович,
И говорит царю да таково слово:
«Красно солнышко, Владимир стольно-киевськой,
Есть ли у тебя да про меня ведь добрый конь,
А латы да кольчуги богатырьские,
Как есть ли у тя палица во ⟨сорок⟩ пуд?» —
«Как это все у меня есть да налажено,
Как это все у меня есть да приготовлено».
Ну говорит-то тут Ставёр да Негодинович:
«Красно солнышко, Владимир да стольно-киевской,
Как не вернусь я тут с путистой дорожиньки,

Не покинь-ко ты тогда моей матушки,
И моего-то да родитель-батюшка».
Как выходил-то топереку с-за столика
И тот ли Ставёр да Негодинович:
«Ну как подьте проводите вы, братьица,
Как братьица вы нунеку крестовые,
Как сильные руссийские богатыри».
Как стали все да из-за столика,
Ну как пошли ёны сейчас на широкий двор
Отправить бы Ставра да Негодинова
Как во тую во дорожиньку во дальнюю,
К тому ли да царю да Хаананьскому
Получить ли дани да пошлины.
Как выходили на дворы на широкие,
Как кто топереку коня ведет,
А кто тащит латы да кольчуги богатырьские,
А и́дной тащит да еще палицу во ⟨сорок⟩ пуд,
Как стал Добрынюшка на ноженьку,
И говорит-то ён царю да таково слово:
«Красно солнышко, Владимир стольно-киевськой,
Как не спускай-ко ты топереку да младова вьюноша,
Того ли да Ставра Негодинова,
Как положит ён головушку во про́пасти,
Не получит ён дани да выходы,
Как не узната-то в ём нинечку силушки,
И не у́зната в ём кака натурушка».
Как говорит-то тут Ставёр да Негодинович:
«Красно солнышко, Владимир стольно-киевской,
Как розреши-ко нам во двори тут сборотися
Как с сильныма могучима бога́тырьми,
Со этым ли Олёшком Поповичем,
Со этым ли Добрыней Микитичем,
А Ильюшеньку дак я и не помню тут,
Того-то мне топереку не надо же,
А с этыма еще я потягаюсь,
Буду я бороться с има, ратиться».
Как наперед-то тут Олёшенька захватыват
Того ли да Ставра Негодинова,
Как захватил-то его да посередоцки,
Как притопнул ён топереку сильно́й ногой,
Как сильной-то ён ногой да богатырьскою,
Волоса у его не стряхнуляси,
Нога у его да не по́дала,

Как отскочил-то Олёшенька скорешенько
И говорил ему да таково слово:
«Ну пусть-ко ты, Ставёр, как старший брат,
А я еще нунеку как младший брат».
Как налетает-то тут Добрынюшка Никитинец,
Как схватилисе оны да посёредоцке,
Ломали да ёны, сами хрястали,
Как боролисе ёны ровно три часа.
Как пали ёны на сыру землю,
Как не сдала ни у того ни у другого силушка,
Как не узнали они, кто старший брат,
А который будет ведь младший брат.
Как из земли да ёны выстали,
Схватились они снова боротьсе да ратитьсе,
Как стал-то тут Ставёр крепко-накрепко,
Повел-то ён топереку Добрынюшку,
Как притопнул ён ногой да богатырьскою
По тым ли коленам богатырьскиим,
Как розвернул-то ён Добрынюшку скурешенько,
Как бросил-то на землю, будто палоцку.
Как ставал-то тут Добрынюшка скурешенько,
Как говорил Ставру да не тихошенько:
«Послушай-ко Ставёр да Негодинович,
А пусть-ко ты топереку старший брат,
А я-то еще буду да младший брат,
Как дам тебе топереку в замужество,
И дам тебе топерь свою сродницу,
Как дорогую ту Катерину Никулицну».
И на этом тут разошлись да разъехались.
Садился тут Ставёр да Негодинович,
Садился нунь топерь на добра коня,
Как вси крепко тут богатыри прощалисе,
Да все оны Ставру да поклонялисе,
Ну как видли добра молодца сядучи,
А не видли, в кою сторону поедучи.
Как вси реки, озера-то
Его добрый конь перескакивал,
Вси городовые еще стены перемахивал,
Летел-то ён повыше лесу темного,
Пониже-то облака ходячего,
Как становился ён во Землю Хаананьскую,
К тому ли да царю Хаананьскому.
Как становился ён топерь да на широкий двор,

Как привязал-то ён топереку добра коня
К тому ли ён да к золоту столбу,
Как к золоту-то он столбу, к серебру кольцу,
Насыпал ён пшеницы белояровой,
Как достал-то тут коню да ключово́й воды.
Как пошел-то во палаты во высокие
К тому ли да к царю Хаананьскому,
Не спрашиват у дверей он придверницков,
У ворот-то теперь приворотницков.
Как приходит ён во гридню столовую,
Садится за столы за дубовые,
Подносят ему кушанья медовые, пития медвяные
И говорят-то тут Ставру Негодинову:
«Откуль же ты, посол да лихоимскиий,
Как расскажи-ка еще нам ты, пожалуста,
С какой ты земли да с какой орды,
Как чьего же ты отца, чьей ты матери?» —
«Как с Земли-то я приехал с Россеюшки,
Урожденец-то я с Москвы с матушки;
Как ты послушай-ко ты, царь Хаананьской,
Как отдай-ко ты мне дани-выходы,
Дани-выходы отдай за ⟨двенадцать⟩ лет».
Как говорил-то тут царь да тихошенько:
«Получай-ко ты, Ставёр да скурешенько,
Как у нас дани да выходы теперь приготовлены
Про тебя, да Ставёр Негодинович,
Как про тую Россию про матушку».
Как наелси, напилси, да накушалси
Как этот ли Ставёр да Негодинович,
Дак вынимает свою книгу большинскую,
Положил на столы да на дубовые:
«А дак это столько есть даней-выходов,
Как даней-выходов теперь за ⟨двенадцать⟩ лет?»
Как подносили ему злато и серебро
На тых ли на подносах хорошиих,
И полагали да туды-ко-ва золота,
Как сыпали они в мешки да большинские
И сделали хорошие записи:
«Полу́цены Ставром да Негодиновым,
Полу́цены да дани да выходы
У матушки Россиюшки теперь да за ⟨двенадцать⟩ лет».
Как говорит-то тут ведь ему-то царь Хаананьской:
«Поклон-то веди царю стольно-киевську

Как от того ли да царя Хаананьского,
Как нападет кака может тут державушка
На нашу-то землю Хаананьскую,
Как дайте-ко нам защитушку,
Как помощь-то нам великую
Со той ли Русиюшки матушки».
На этом-то они еще сложилисе,
Как ёны сделали записи великие
Защищать-то Руси Земля-то Хаананьская
Как от каких-нибудь хищных да воронов.
Как выходит-то тут Ставёр да Негодинович
Со тых со палат со высокиих
На тот ли теперь да на широкий двор,
Как провожал да царь добросовесно,
Как в пояс Ставру ёны кланялись.
Ну как видли добра молодца тут сядучи,
Не видли, в кою сторону поедучи.
Как ехал тут Ставёр Негодинович,
Как вси реки-озера его добрый конь перескакивал,
Как все городовые стены перемахивал,
Как ставилсе топереку во Киев-град
К тому ли да царю да стольно-киевску
А и к той ли царице да к Апраксии,
Как привез да тут дани и выходы,
Привез да теперь за ⟨двенадцать⟩ лет.
Но полуцил Владимир-князь да стольно-киевской
Как с того ли тут царя да Хаананьского,
Как на другой день воздернут тут почесный пир
Не гля ради друзей да бояринов,
А гля-ради Ставра да Негодинова.
Как собралисе тут к царю на думу крепкую,
Собралисе все богатыри да все съехались
Ну как на трои, на чéтверы сутоцки.
Пили у царя, ели-кушали,
Ну как стали немножечко тут пьяненьки,
Как говорит тут Ставёр да Негодинович:
«Послушай-ко, Добрынюшка Никитинец, топереку, что я скажу,
Как ты сулил-то мне тогда при бóротьи,
Сулил-то мне тогда Катерину Никуличну».
Ну говорит-то тут Добрынюшка тихошенько:
«Как что было у меня-то сказано,
Дак тое будет у меня исполнено».
Как Катерина эта тут находилася,

Спросили у царя да стольно-киевьска:
«Красно солнышко, Владимир стольно-киевской,
И дорогая ты теперь, Опраксеюшка,
Как розрешите-ко нам нунь при собраньицы
Как женитьсе тут Ставру да Негодинову
Как за тыма ли за столамы за дубовыма,
Как за твоима еще кушаньямы медовыма».
Ну как дал тут государь им розрешеньицо.
Как тут-то да у их пошел почестный пир,
Как почесной пир у их, большая свадебка,
И этым ёны тут приокончили,
И от женитьбы ёны тут поразъехались.
Как разъехались ёны в разны стороны,
В разны стороны разъехались по своим местам.
Как после три году да не было собраньицу,
Как не было у царя столованьица.
Как собрал-то Владимир стольно-киевской,
Как собрал он топерёку почесный пир
Не гля-ради друзей-бояринов,
А гля ради стола княженецкаго.
Как собрал-то всех руських богатырей.
Как приезжали-то все теперь на почесный пир,
Гуляли ёны да и кушали,
Как гуляли-то ены двои сутоцьки
На том ли на собраньи княженецкоем,
Как у того ли у царя стольно-киевська,
Как у той ли царицы Апраксии,
Но вси как-то на пиру наедалисе,
Как вси-то на пиру напивалисе,
Но как все-то на пиру да порасхвастались:
Как сильной-то хвастал своей силушкой,
Богатой-то хвастал да богачеством,
А разумной-то да хвастал отцом-матерью,
А идной-то хвастал там добрым конем.
Как становилсе тут Ставёр да Негодинович,
Становился ён на резвые на ноженьки,
Как говорил-то ён теперь да таково слово:
«Как красно солнышко, Владимер стольно-киевськой,
Попала мне женитьба удачлива,
Молодая-то жена моя здрачлива,
Как она здрачлива, насколько разлевкаленная;
Красно солнышко, Владимер стольно-киевськой
Как ваш да ёна да еще Киев-град,

Моя-то Катеринушка Никулицна,
Как скупит да топереку спродаст его,
Тебя-то да царя с царицею с ума сведет».
Как это слово тут царю не зглянулосе,
Как говорит-то ён Ставру Негодинову:
«Как не хвастай-ко, безумной, молодой женой,
Молодой Ставёр да Негодинович,
Как отведите его, братья крестовые,
Как отведите-ко во погрёба глубокие,
Как за тыи за замки да за крепкие,
Как может ли топереку скупить-спродать,
Царя-то со царицою с ума свести».
Ну как недолго они тут думу думали,
Как недолго ёны тут совет советовали,
Как отводили тут Ставра Негодинова
Во тыи в погреба да в глубокие,
За тыи за замки да за крепкие,
И поводят же его да наказыват
Красно солнышко, Владимер стольно-киевськой:
«Как ты послушай-ко, Ставёр да Негодинович,
Пока-то тебя жена отсюль не выкупит,
А я тебя со погребов не выпущу».
И заводили тут Ставра да Негодинова,
Оставили во погрёбах глубокиих.
Как на другой день да все ёны розъехались,
Как розъехались ёны по своим местам,
По своим ли да местам, по своим домам.
И Добрынюшка поехал в свое мистицко.
Как захватил-то ён Ставра да его коня
И отправился ён в свою родину,
Как заехал ко бывшей ко сродничке,
Еще к той ли Катеринушке Никуличной:
«Как получай-ко, Катеринушка Никулична,
Получай-ко ты топереку добра коня,
А на кони дак ведь нет теперь Ставра,
Как того ли Ставра да Негодинова.
Как буде хошь добра — дак добывай Ставра,
А не хошь если добра — не видать Ставра,
Не видать тебе Ставра да Негодинова».
Как призадумалась Катеринушка Никулична,
Как семь ночей не спит типерь, всё в окно глядит,
Как дожидат от Ставра какой-ни грамотки.
Ну как потом ёна и пораздумалась,

Но как приходитсе ей снять буйны волосы,
Как одить-то ей одетка мужичия.
Как недолго ёна тут и справляласе,
Как недолго ёна тут собираласе,
Как седлала-ту топереку добра коня,
Как кладывала тут сидёлышко черкаское,
Как забирала с собой сашку вострую,
Ну как отправилась топереку во Киев-град
Как к тому ли к царю да к стольно-киевську.
Как становилась ёна на широкий двор,
Как привязала-то коня к золоту́ столбу,
К золоту ли столбу, да к серебру кольцу,
Как насыпала пшеницы да белояровой,
Как притащила-то ему да ключовой воды,
Как заходила тут в палаты белокаменны,
К тому ли да царю да стольно-киевську
И проходила за столы да за дубовые,
Как за тыи ли за кушанья медовые.
Как подходил Владимир-князь да стольно-киевський
Как со своей ли со жоной со Апраксией
И говорит-то ей топереку тихошенько:
«Как ты скажи-ко нунь топереку, пожалуста,
Ты скажи-ко, ты какой земли,
Ну ты чьего же ты отца, чьей ты матери?» —
«Я с земли-то есть ведь есть с Хаананьскою,
Как приехал к вам во Киев женитисе
Как на той ли на Забавы Путятицной,
Как скажите-ко мне нунеку, пожалуста,
Как можно буде у вас женитисе,
А если как не можно женитисе,
Вернусь я в землю Хаананьскую,
Как заберу войсков ведь множество,
Ну как всё равно во Киеве мы женимсе,
Как возьмем твою-то племянницу,
Как дорогую-то Забаву Путятицну».
Как стал-то тут царь, пораздумалсе:
«Уидь-ко ты на сутоцки куда-нибудь,
Как мы вобче с ей подумаем,
Как со своей-то топеречу племянницей,
Как с дорогою-то топеречу Путятицной».
Как предложили ей жениха ведь скорого:
«Как если не пойдёшь ты да в за́мужье,
Как на нашу на Русиюшку войной пойдут

И наш-то видь Киев тут град возьмут».
Как постояла тут любимая племянница
И говорит царю сейчас таково слово:
«Красно солнышко, Владимер стольно-киевськой,
Как дорогая ты мамаша Апраксия,
Как я на вас-то топереку совсим сложусь,
Так что хотите, дак со мной тоё делайте».
Как призвали сватуха да на другой день,
Как воздернули тут то́ньцы и гостевища.
Ну как этот-то жених тонцует и захватывает под пазуху
Дорогую-то Забаву Путятицну.
Ну как на этот вецор все кончилось,
Прикрылисе все музыки веселые,
И прикрылись все вечера хорошие,
Как розошлисе по ночлегам с того мистицка.
Как приходила молодая Путятицна,
Как говорит-то тут царю да таково слово:
«Красно солнышко, Владимир да стольно-киевськой,
Не выдавай-ко за жениха меня за этого,
Как тут есть не мужчина, а женщина,
Как погляди-ко ты завтра по вечеру,
Как на этую мужчину на женщину,
Как жопа-то у ей да крутешенька,
Походка-та у ёй да частешенька,
Ну есть не мужчина, а женщина».
Красно солнышко, Владимир стольно-киевськой,
Как одубел тут Владимир стольно-киевской
Как от тых ли топерь приказаньицов:
«Ну давай-ко мы потом да подумаем,
Как узнаем жениха поскурешенько».
Как положим тут во спальню во теплую,
Как на тую кроватку на рыбюю,
Как под тое одеяльце соболиное.
Ну как есть тут топерь да женщина,
Ну как под жопой буде яма большинская,
А сголовьицо наздынется высокое».
Как положили да по́утру проведали,
А ёна-то дак была очунь хитрая,
Как половину-то ёна ночи спала на подушецки,
А на другую половину первернулосе,
Как жопой-то свалилась на подушецки,
Плечамы-то да на постелю вдоль:
Не узнал-то тут Владимир стольно-киевськой.

А она-то напеват в кажно времяцко:
«Красно солнышко, Владимир стольно-киевський,
Как тут есть не мужчина, а женщина».
Как говорит Владимир-князь да стольно-киевськой:
«Как стопите-ко теперь парну баенку,
Как пусть-ко там жених помоется,
Узнаем, есть мужчина али женщина».
Ну как призвали его тут да скурешенько
«Ты поди-ко сейчас во баенку
Из той ли из большой дороженьки».
Ну как недолго ёна тут справляласе,
Недолго-то ёна тут собираласе
Как во этую во парную баенку,
Бежала-то ёна поскурешенько,
Роздеваласе ёна не тихошенько.
Да немножоцко ёна и помыласе,
Как опять-то назад да снарядиласе,
Как попадают ей сейчас все настрету тут:
«Ну ты что же эдак тут поскурешенько,
Байна ли тебе не по карактеру?» —
«Как ваша байна была мне по карактеру,
А я ведь человек дорожный тут,
Как в байну я хожу ведь по-дорожному».
Как не узнал тут, что мужчина али женщина,
Как после этой-то да нунь парной баенки.
Говорит-то тут да нунь таково слово:
«Красно солнышко, Владимир стольно-киевськой,
Как нет ли у тебя еще во Киеви,
Как нет ли зде борьцов хорошиех,
Я люблю с има поборотися». —
«Как есть у меня удалыех молодцов,
Ну подьте-ко на двор на широкой мой».
Как выходили на дворы на широкие,
Выкликала тут борьцов, добрых молодцов,
Ну как со многима она схватку делала,
Как кидала их, как легку соломинку.
Ну не попало тут Ильюшеньки Муромца,
Как не попало тут Добрынюшки Никитица,
А остальных перекидала, перебро́сала
На том ли на двори да на царьскоем;
Как не было ей да поединщицка
У того ли царя да стольно-киевська.
Как заходили во палаты во высокие,

Как завели ёны да то́ньцы широкие,
Как завели ёны да музыки большинские,
Ну все музыки гудели хорошо ведь тут,
Но это всё тут жениху не по характеру.
Как говорит-то тут князю-то стольно-киевську:
«Красно солнышко, Владимир стольно-киевськой,
Как дай-ко мне-ка музыкантов хорошиих,
Как парней-то мне топерь да веселыих.
Как я слышал, что у вас естя зде-ко-ва
Как находитсе Ставёр Негодинович,
Как пригласите-ко топерь вы на ужину,
Как на тыи на тоньца веселыи,
Ён будет играть тут в гуселышка яровыи,
Ён играт-то тут на скрипках хорошенюшко».
Как пришла царю беда неминучая,
Как не дать Ставра, наб разозли́ть посла.
Как приказал его повывести со погребов глубокиих
Как на тыи вечера да хорошие,
Как притащили тут Ставра да скурешенько
Из тыих погребов да глубокиих,
Ну как дали тут гусёлка яровыи,
Как стал-то ён топерь-то поигрывать,
Как всем-то на пиру да было весело.
Как собирались ёны во церьковь Божию,
Венцатси с женихом чужостранныим,
Как молодая-то ведь эта Путятицна
Как говорит тут царю таково слово:
«Красно солнышко, Владимир стольно-киевський,
Как есть тут не мужчина, а женщина». —
«Ну как это было тут у нас дело сделано,
Как была свадьба ёна вся и окончена,
Идите-ко топерь, повенчаетесь,
Пойдите во землю Хаананьскую,
Как наделю я вас всем множесва,
Как дам я города с пригородкамы,
И дам вам тут села да с присёлкамы».
Как становилась тут невеста к жениху сейчас,
Как становилась под правую руценьку.
Говорил топерь-то жених-то:
«Пожалуста, ты послушай-ко, Ставёр да Негодинович,
Как пойдем-ко мы во палату пошопчемси,
Еще придешь ли ты к нам на ужину?»
Как сошли ёны туды сейчас во комнату,

Как скинула тут платья тыи верхния
Как тая КатеринушкаМикулицна,
Как пошли ёны ко этой-то Забавы Путятицной,
Ну говорит тут Ставёр да Негодинович:
«Красно солнышко, Владимир стольно-киевський,
Как моя-то да теперь молода жена
Как исполнила задацу великую,
Как вывела с погребов глубокиих
И одва на племянницы дак не жениласи».

№ 440

СТАВЁР ГУДИНОВИЧ

Вот во славном во городе во Киеве
У славного у князя у Владимера
Начинался, починался почесный пир.
Тут на пиру наедалися,
Тут на пиру напивалися:
Тут на пиру порасхвастались:
Умный хвастует отцом-матушкой,
А безумной молодой женой,
Богатый хвастует золотой казной,
А бога́тырь хвастует силой-мо́гутой.
Сидит Ставёр сын Гудинович,
Он не ест, не пьет и ничем не хвастает.
Приходит князь стольно-киевский
Говорит он таковы слова:
«Ах ты, Ставёр сын Гудинович,
Место ль тебе не по разуму,
Кушанья тебе не по характеру,
Аль у тебя нет молодой жены,
Аль нету у тебя золотой казны,
Аль нету у тебя силы-мо́гуты?» —
«Есь у меня отец, мать родна,
Есь у меня молода жена,
Моя молода жена
Ваших купцов продаст, выкупит,
А тебя, царя, с ума сведет».
Говорит солнышко Владимир стольно-киевский:
«Ах вы, богатыри могучие,
Берите Ставра за белы руки

И сажайте Ставра во глубок погреб». —
«Ах ты, князь Владимир стольно-киевский,
Дай ты написать писёмушко скорописчато».
Так он написал писёмушко скорописчато,
Посылал он молодой жены.
Молода жена письмо приняла и распечатала.
«Ах ты, матушка моя родимая,
Бери ножницы во праву руку,
Руби-ка волосы по-мущинскому:
Засажен Ставёр сын Гудинович во глубок погреб,
Я поеду да повыкуплю».
Садилась она на добра коня,
И брала она ту́гой лук и калёну́ стрелу,
И отправилась она во Киев-град:
Видли сядучи, а не видли ее поедучи —
Только пыль за ней распыляется.
Вот встретается она с посыльникамы-рассыльникамы,
Повстречалася, поздоровалась:
«Здравствуйте, посыльнички и рассыльнички,
Куда едете, куда путь держите?» —
«Едем мы во Чернигов-град
К Ставру да Годиновичу за молодой женой». —
«Вот вы не в раз к ней едите,
Она во гостебище у собаки царя Калина». —
«А вы куда едете?» —
«Ко солнышку князю Владимиру,
Получить надо дани-пошлины
За ⟨двенадцать⟩ лет да с половиною».
Они стали да призадумались:
«Как уехать нам к собаки царю Калину,
Не убил бы он князя Владимира».
Поехали они назад во Киев-град,
И приехали они назад во Киев-град.
А она едёт потихоньку да полегоньку,
Подъезжает она ко Киеву —
Ворота все призаперты.
Она сошла со добра коня
И ударила кулаком богатырскиим,
Ворота все порассыпались,
И заехала она во Киев-град
Ко солнышку князю Владимиру,
Вошла она в гридни столовые
И говорила таковы слова:

«Дай-ка мне дани-пошлины,
Дани-пошлины за ⟨двенадцать⟩ лет с половиною,
Если нету у тя денег-золотой казны,
Так отдай племянницу за меня во замужество».
Говорит князь стольно-киевской таковы слова:
«Нет у меня денег-пошлины за ⟨двенадцать⟩ лет,
Лучше отдам за тебя племянницу Путятишну».
Призыват он племянницу Путятишну:
«Поди-ка ты, племянница,во замужество». —
«Ах ты, дядюшка мой родненький,
Не наделай смеху-хохоту,
Смеху-хохоту по всему по Киеву,
Не отдай меня взамýж за женщину.
Ножки у ней, будто женщины,
Голосок у ней, будто женщины». —
«Ах ты, племянница ты Путятишна,
Можем мы ее испытывать —
Положить на кроватку тесовую:
Если женщина — будет под задом ложина,
Если мужчина — будет под плéчами».
Она была догадлива —
Куды спиной легчи, она задом легла,
Тут и узнать не могли у ней.
Вызывает он опять свою племянницу:
«Ах, племянница ты, Путятишна,
Выходи ты во замужество,
А не может быть тут женщины». —
«Ах, дядюшка мой родненький,
Не наделай смеху-хохоту,
Смеху-хохоту ты по Киеву:
Сидит она, будто женщина,
Коленки-то жмет, будто женщина». —
«Ах, племянница Путятишна,
Есь у меня богáтыри,
Можем вызвать ее поборотися:
Если женщина — не пойдет она,
А мужчина — будет бороться он».
Вот подходит князь столькно-киевской:
«Ах ты, рассыльница царя Калина,
Не жалаешь ли ты с богáтырями поборотися?» —
«Да я давно не барывался,
Можно и поотведывать».
Выходит она на белый двор,

Она трех штук взяла во праву руку,
И трех штук взяла во леву руку,
Она столкнула их в одно местó —
Все они замертвó лежат.
Подходит князь стольно-киевской:
«Ах, племянница Путятишна,
Выходи-ка ты за замужество,
А не может быть тут женщины». —
«Ах, дяденька мой родненький,
Не наделай смеху, смеху-хохоту,
Не отдай меня за женщину».
Говорит он таковы слова:
«Можем мы еще поотведати:
Можно вывести на стрельбище,
Пострелять в тое колецко точеное,
В тое остриё ножóвое».
Подходит князь стольно-киевский:
«Не жалаешь ли ты пóстрелять
В тое колецко точеное
И в тое остриё ножóвое». —
«Я давно не стреливал,
Да можно и поотведати».
Вот тее богатыри стали постреливати,
Стал тот дуб пошатыватьси.
Посыльник-рассыльник царя Калина
Говорит таковы слова:
«Дайте мне тужéнко-лучéнко какой-нибудь».
Она стала натягивать,
Тугой лук стал полопывать.
«Ах, князья-богáтыри,
Сходите принесите мой дорожный лук,
Точенко-лученко мой нехорошенький».
Они кинулись туда пó трое
И ничего не могли поделати.
Вот сходила она сама,
Принесла свой точеный лук
И стрелила она в точеное колечико,
Дуб весь порассыпался.
Попала она в то колечко точеное,
В то остриё ножóвое.
И никотора половинка не больше тут.
Теперь князь племянницу не спрашивал,
Пошли оны на богомольице.

Когда Богу помолилися,
Говорит посыльничек князю таковы слова:
«Ах ты, солнышко князь стольно-киевской,
Что-то мне призадумалось,
Призадумалось да пригорюнилось,
Пришло писёмцо да нехорошее —
Обступила Литва проклятая весь Чернигов-град,
Нет ли у тебя игрока хорошего,
Чтобы мне развеселитися,
А нет ли у тебя Ставра Гудинова во засадищи?»
Думает князь стольно-киевской:
«Выпустить Ставра — не видать Ставра,
А не выпустить Ставра — разгневить посла».
Принуждён выпустить Ставра,
Говорит посыльник-рассыльник царя Калина:
«Ах ты, князь да стольно-киевской,
Отпусти меня со Ставром Гудиновичем
Во чисто поле пригулятися».
Говорит князь стольно-киевской:
«Выпустить Ставра — не видать Ставра,
Не выпустить Ставра — разгневить посла».
Спустил князь Ставра во чисто́ поле́.
Пошли оны во чисто поле́:
«Ах ты, Ставёр сын Гудинович,
Помнишь ли, как мы играли в сваецки точеные?
Твоя сваечка точеная,
Мое колецко золоченое;
Вспомни-ка еще, как у меня
Чернильница была серебряная,
А у тебя перушко золоченое».
Оделася она по-женскому:
«Ах ты, муж мой возлюбленный,
Поедим-ко со мной свадебки доигрывать».
Как приехали оны во Киев-град,
То увидел солнышко князь стольно-киевской,
Что выдал он племянницу Путятишну
Замуж за женщину:
«Ах ты, Ставёр сын Гудинович,
Вы простите меня да за все прошлое,
Что я сделал с вамы поступок нехорошенькой,
Езди к нам во Киев-град,
И не буду притеснять тебя во́веки».

№ 441

ПРО СТАВРА

А во том во городи во Киеви
А у ласкового князя у Владимера
Пированьице было почестен пир.
Тута были все князья и бояре,
И русские могучие богатыри,
И все поляницы удалыи.
Да день скончается ко вечеру,
А веселой пир идет навесели.
Досыта́ оне да наедалисе,
Допьяна оны да напивалиси,
Разныма похвалами похвалялися:
Инной хвастает да славныим отечеством,
Славным отечеством да хорошим молодечеством,
Инной хвастает да золотой казной,
Идной хвастает да добрым конем.
Только за тым столом да за дубовыим,
На скамеечки да на окольноей,
По конец стола да дубового
А сидит уда́лой доброй молодец,
Молодой Ставер да сын Годинович.
Он сидит да ничим не хвастает,
Он повесил буйную головушку.
Говорит Владимер стольно-киевский:
«Ай же ты, молодой да детинушка,
На перу сидишь да ты невесело́й,
А головушка у тя повешена,
Место ли тебе да не по разуму,
Или чарой обнесли тебя не в очередь?»
Говорит Ставер да сын Годинович:
«Ай же ты, Владимер стольно-киевский,
Я доволен столом да княженецкиим,
Доволен князем я Владимером,
⟨Три⟩ годочка прослужил я стольником,
⟨Три⟩ годочка прослужил я посудником,
⟨Три⟩ годочка прослужил я зазывальщиком,
Зазывал гостей да на почесный пир,
Всех князей, бояр да стольне-киевских,
Всех русскиих могучиих бога́тырей,
Всех поляниць да я уда́лыих.

Только нечим молодцу похвастаться,
У меня нету да роду-племени,
Ни отца-то нету да не матушки —
Я дитинушка да сиротинушка,
Воскормил, воспоил да православной мир,
Научила молодца чу́жая сторонушка.
У меня нету да добра коня,
Только есь у меня да молода жена,
(*А имя не помню — Настасья Микулична — Добрынина. А это, кажется, Катерина.*)
Поляница есь да уда́лая,
Хорошо умеет стрелять да из туга́ лука́:
Как положит стрелочку калёную,
А натянет тетивочку шелковую,
Стреляет метко без оглядочки;
Положит туда да золото кольцо,
Напротив поставит булатной нож,
Как наметит стрелочку калёную
Она прямо в золото кольцо,
В золото кольцо да булатной нож,
Перережет стрелочку калёную
На две равные да половиночки,
Оне весом и на взгляд равны;
Как аще моя да молода жена
Хорошо играт в гуселышки яровчаты,
А игрой удивляет людей добрыих;
Еще моя да молода жона
Хорошо играет в шашки-шахматы,
Удивляет всех да людей добрыих;
Она русскиих могучиих бога́тырей
В один час она скупит и спродас,
Самого ли солнышка Владимера
В один деницек да с ума сведет».
А Владимеру это слово взапреку пришло,
Рассердился он да поразгневался,
Он возговорил да таковы слова:
«Уж вы слуги, слуги мои верныи,
Слуги верныи да княженецкии,
Вы берите-тко да добра молодца
За его за рученьки за белыи,
Отведите добра молодца
А во те во погреба глубокии,
Посадите-тко да добра молодца

На овес его да и на́ воду,
Штоб пустым-то молодец не хвастался».
Подскоцили тут слуги княженéцкие,
Отвели Ставра во погреба да во глубокии,
Плотно-наплотно закрыли двери дубовыи,
А замки повесили тяжелыи.
Тут сидит Ставер да призадумался,
Закручинился он, запечалился,
Что оплошал он, много порасхвастался.
Как посмотрит в маленько окошечко —
Красно солнышко да показалоси,
У Ставра сердечко порастаяло,
А запел он песенку веселую.
А в эту порушку да в это времячко
Мимо этое окошечко
Проходила тут да красна девиця,
Молода Забава дочь Путятична,
Князя Владимера любимая племянниця.
Подошла она к косящату окошечку,
Говорит она да таковы слова:
«Ах ты гой еси, удалой доброй молодец,
Ты коей земли, ты какой орды,
Коего отца да коей матери?»
Говорит Ставер да сын Годинович:
«Я слуга ли князя да Владимера,
Я служил ему да верой-правдою,
Верой-правдою да ровно ⟨девять⟩ лет,
Заслужил я погреба глубокии,
А вода, овес — мое питание». —
«Ты скажи, удалой доброй молодец,
Как тебя зовут да по имени,
Величают ли да по отечеству?» —
«Мое имя — Ставер да сын Годинович».
А Забава дочь да Путятична,
Как красно солнышко закатилосе,
Белой свет да затуманилсе,
Подходила к косявцату окошечку,
Ему пищу спущала по веревочки —
Ставер да тем и сыт бывал.
На ту пору, на то времячко
Молода жона Катерина ли да Ивановна
(*Забыла — с какого города*)
А сидела в палаты белокаменной,

А в своей светлици мраморной,
Ела-кушала да наслаждаласи,
А той незгодушки не дожидаласи.
Как открыла косящато окошечко —
Прилетает птиця да чере́н воро́н.
Как садилсе он на подоконничек,
Говорит он человеческиим да голосом:
«Што сидишь ты тут, да молода жона,
А ты ешь да пьешь, наслаждаесся,
Над собой незгодушки не ведаешь,
А твой супруг, Ставер Годинович,
Во том во городи во Киеви
А у ласкового князя у Владимера
Посажо́н он в по́греба глубокие».
Тут скочила она да на резвы ноги,
Не спугаласи, не ростеряласи:
«Ах ты, веща птиця, да черен воро́н,
С тобой некогда да мне беседовать,
Если правду говоришь, то вперед гости,
А неправду говоришь, так срублю голову!»
Выходила она да на широкий двор,
Скликала́, сзывала дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцов да стрельцов-пальцов,
Тридцать молодцов да шахматчиков,
⟨Тридцать⟩ молодцов да гусельщиков.
Говорит она да таковы слова:
«Ай, дружинушка моя хоробрая,
Слуги верныи да неизменныи,
Соберайтесь-ко вы в путь-дороженьку,
Ко тому ко городу ко Киеву
А ко ласковому князю ко Владимеру —
Выручать мни надо мужа законного,
А того ли Ставра да Годиновича».
А сама пошла в конюшеньку стоялую,
Она брала там да ворона коня,
Выводила его да на широкой двор,
Как справляла коня да по-дорожному:
Положила потнички на потнички,
Она войлочки да на войлочки,
Положила седёлышко черкасское,
А черкасское да малоеждено,
Подвязала подпруги шелковыи
Да и стремена да золоченыи,

А не гля-ради красы, басы, угожесва —
А ради крепости да богатырскии.
Привязала коня да середи двора
Ко тому столбу да ко точеному,
Ко тому колечку золоченому,
Сама пошла во гридни во столовыи,
По-мужски обрезала волосы,
Одевала мужско платьице дорожное,
С богоданой матушкой прощается,
В путь-дороженьку да отправляется.
Говорит старушка стародавная:
«Богоданая моя невестушка,
А куда да ты-то отправляесся,
Ты надолго ли собираесся?
А в которо мне смотреть окошечко,
А с какой мне ждать тебя сторонушки —
С подвосточной ли или с подзападной,
С полуденной ли аль с подсеверной?»
Говорит Катерина Ивановна:
«Ай же ты, богоданна моя матушка,
Ты старушенька да стародавняя,
Ешь да кушай-ко, живи спокоюшком,
А не смотри-тко ни в которую сторонушку».
Выходила она да на широкий двор,
А садиласи да на добра коня,
Брала все доспехи богатырьскии,
Брала все забавы молодецкии,
Тугой лук и калёны стрелы,
Брала палицю она булатную,
И копье-то брала долгомерное,
Брала сокола да на праву́ руку,
Брала голубя да на леву́ руку,
Выезжала она да во чисто поле,
Тут стоит дружинушка хоробрая,
Свою хозяюшку да дожидается,
В путь-дороженьку да отправляется.
Подъеждяют ко городу ко Киеву,
Не доехали да за ⟨три⟩ поприща,
Раскинули шатры белополотнянны.
Говорит Катерина гим Ивановна:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая,
Вы ложитесь отдыхать да опочив держать,
Как с дороженьки вы приумаялись,

Я поеду ко городу ко Киеву,
Заявлюся к князю я Владимеру».
Приежджяет она на княженецкий двор,
Как поставила коня да середи двора,
Середи двора не привязана.
На ту порушку да на то времечко
У того ли князя у Владимера
Пированьице да был почестен пир.
На пиру-то все князья и бояре стольне-киевски
И русские могучие бога́тыри,
Собраны поляници вси удалыи.
Как идет Катерина свет Ивановна
Ко тому крылечушку переному —
Перекладинки да шатаютсе,
Половичинки да подгибаютце,
А стоят тут слуги удивляются,
Што идет тут чудо-бо́гатырь.
Как входит во гридню столовую,
Она крест кладет да по-писа́ному,
А поклон ведет да по-ученому,
Князю со княгиною — в особину,
Всем князьям, боярам поклоняется,
А солнышку Владимеру да объясняется:
«Уж ты, князь Владимер стольно-киевский,
Грозный я посол да Земли Гречецкой,
От того царя собаки Калина,
Прислан я к тебе да с грамотой,
Я за данью к вам да за пошлиной,
Вы платить должны да дани-пошлины
Моему царю собаки Калину.
Если дани вы да не уплотите,
Мы идем на вас да с грозно́й войной,
Неподалече-далече во чистом поли
А стоит у нас войска сорок тысячей».
Тут у солнышка Владимера
Резвы ноженьки да подкосилиси,
Очи ясныи да помутилиси,
А уста сахарныи заградилиси —
А не может он послу ответа дать.
Говорит посол да таковы слова:
«Ай же ты, Владимер стольне-киевский,
Не могу я ждать, изволь ответ держать».
А Владимер солнышко да стольне-киевский

А послу он низко поклоняется:
«Ты грозён посол да Земли Гречецкой,
Дай-ко сроку мне, да дай-ко времечки,
Мы подумаем да трои суточки».
Говорит посол да таковы слова:
«А мы люди есь да заеждии,
Со дороженьки да мы усталыи,
Нам часочики да очень дороги —
Если не плотите вы дани-пошлины,
Ты отдай-ко мне любимую племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну,
Ты отдай ее мне во супружницы».
Говорит Владимер стольне-киевский:
«У мня девушка да на выдаваньи,
Я не могу отдать без ея желания,
Дай подумать нам да хотя суточки».
Тут грозён посол да Земли Греческой
Как поклоном с гима прощается,
Во чисто поле да отправляется
Ко своей дружинушки хороброей,
Завтра быть к ему да обещается.
Тут Владимер-князь да стольне-киевский
Как идет к любимой он племянници
Со своей княгинушкой Апраксией,
Как заходит он во свитлу свитлицу,
А сидит Любава дочь Путятична
У косящата она окошечка,
А играт в гуселышка яровчаты
Да и смотрит далеко-далеко во чисто поле.
А во чистоем-то во полюшки
А гулят посол да забавляется:
Он копье свое да долгомерное
Высоко под облако подбрасыват,
На лету копье да сподхватыват.
На правой руки сидит ясе́н сокол,
На левой руки сидит сизо́й голу́б.
Говорит Владимер стольне-киевский:
«Ай же ты, любимая племянница,
Выручай-ко нас с-по бедушки:
Приеждял к нам грозен посол
От того царя собаки Калина,
Берет с нас много дани-пошлины,
В скором времени плотить мы не в состоянии,

Согласился так грозен посол —
Он берет тебя да во супружницы,
И на этом пир у нас закончится».
Говорит Любава дочь Путятична:
«Ай же ты, любимой дядюшка,
Во всем тебе да я послушная,
От замужесва не отрекаюся,
Только сказать тебе я осмеляюси —
Не наделай-ко ты смеху-хохоту
По всему по городу по Киеву,
А по другому да по Чернигову,
Не отдай-ко девицы за женщину:
Есь грозен посёл да Земли Грецеской
Не мужчина есь тута — женщина».
Говорит Владимер стольно-киевский:
«Ты, Любава дочь Путятична,
Посмотри-тко ты да во чисто поле,
Как посол в поли да забавляется,
Из туга лука да он постреливат,
Долгомерныим копьем да он поигрыват,
На кони посёл да он попрыгиват,
На лету он сокола поимыват,
Разве быть да тута женщины?»
Говорит Любава дочь Путятична:
«А походочка у него частешенька,
А на местечки сидит — коленки вместе жмет,
Вся фигура тут да по-женьскому».
А Владимер-князь да стольне-киевский,
А он ходит все да поджимается,
Куньей шубонькой да закрывается.
Говорит Владимер таковы слова:
«Как с послом мни тут да развертатися —
В эту пору, в это времячко
У мня богатырей во Киеви да не случилоси,
Поляниць удалыих не пригодилоси,
А князья, бояре стольне-киевски
А ко мне в палаты не являются,
На совет оне не соглашаются».
Посмотрел Владимер в окошечко:
На дворе стоит тут богатырский конь.
Вдруг по крылечушку переному
Половичинки сгибаются,
А ступенчики да шатаются —

В палату входит тут грозен посёл,
А грозен посёл да Земли Греческой.
«Што же, солнышко Владимер стольне-киевской,
Как запрос принять, наб и ответ держать.
Ты давай-ко мне да дани-пошлины,
Мы во Киев к вам да приехали
Не шутку шутить и не людей смешить».
Говорит Владимер стольне-киевский:
«Ты, почтенной гось да грозен посёл,
Ты садись-ко к столу да дубовому,
Мы сыграем-ко в гуселышки яровчаты».
Говорит тут грозён посол:
«У меня естя гусельщики,
Да во белом шатри они оставлены,
Со дороженьки приехали усталыи,
Оне остались отдыхать да опочив держать.
А я в малоем робячесве
Во гуселышка немножечко поигрывал».
Он берет гуселышка яровчаты,
Он по струночкам начал поваживать,
Да й голос свой да стал налаживать,
Он напев берет да от Киева,
А другой берет от Ерусáлима,
(*Третей забыла какой.*)
Удивил он князя да Владимера.
Тут Вла⟨ди⟩мер-князь стольне-киевский
Говорит любимоей племянницы:
«Ты, Любава есь да дочь Путятична,
Ты послушай-ко родного дядюшку,
Выходи-тко во супружество
За того посла да Земли Гречецкой,
У мня много было да гусельщиков на святой Руси,
А такого напева я не слыхивал».
Тут Любава ли да дочь Путятична
На сговор она да не сдавается,
А горючима слезами уливается:
«А любезной ты мой дядюшко,
Не неволь меня, да молодешеньку,
Красной девицы — да за женщину!
Ты повыпытай да повыведай
Грозного посла да Земли Гречецкой».
Ну пошел Владимер стольне-киевский:
«Дорогой-то гось да грозен посёл,

А сыграем-ко да в шашки-шахматы».
А пошел до князя Владимера,
Садилисе к столу оне дубовому,
Приносили им доску шахматну.
Как Владимер-князь стольне-киевский
Он ступень ступил, да не до́ступил,
Он другой ступил, да переступил,
А в третей раз да он впросак попал.
А молодой гось да грозён посёл
Обыграл он князя да Владимера.
Владимер-князь стольне-киевский
Говорит Любавушки Путятичны:
«Ты, любимая племянниця,
Не могу да я повыпытать».
Говорит Любава дочь Путятична:
«Дорогой ты мой, любимой дядюшка,
Ты сведи-тко гостя во чисто поле,
Постреляйте вы да из туга лука,
Вы поставьте меточку да золото кольцо,
Против кольца да вы поставьте булатной нож,
Вы стреляйте-тко да из туга́ лука
В эту меточку да в золото кольцо,
В золото кольцо прямо в булатной нож».
И пошел Вл⟨адиме⟩р стольне-киевский,
Говорит Вл⟨адиме⟩р таковы слова:
«Дорогой ты гось да грозён посёл,
А пойдем-ко мы да во чисто поле,
Мы потешимся да позабавимся,
Постреляем мы да из туга лука́».
Говорит тут гось да грозе́н посёл:
«У мня есть стрельцы,
Да во чистом поли оны оставлены
Со дороженьки да опочив держать,
А я немножко в малоем робячестви
Уж я шуточки да пошучивал,
Из туга лука да постреливал».
И пошли они да во чисто поле́,
А поставили да золото кольцо,
Против кольца оне поставили булатной нож.
Как Владимер-князь да стольне-киевский
Первой раз стрелил, да не дострелил,
Другой раз стрелил, да он перестрелил,
Третей раз стрелил, да он попась не мог.

А грозен посол да Земли Греческой
Он по полюшку да похаживат,
Тугой лук он свой поглаживат,
Натяга́л тетивочку шолковую,
Полагал он стрелочку калёную,
Как пустилась стрелочка, как змея звилась,
Прямо в колечушко да золоченое,
Перерезалась да о булатной нож
На две равные да половиночки,
Оне весом, мерой и на взгляд равны.
Обыграл он князя Владимера.
Говорит тута грозен посол:
«Ах ты, солнышко Владимер стольне-киевский,
А мы долго ли будем куражиться,
Не пора ли нам добром наладиться?
Ты плати-тко дани-пошлины
Моему царю да ты Калину,
У нас уж строк теперь кончается»
(*Прошло три дня.*)
Говорит В⟨ладиме⟩р стольне-киевский:
«Золотой казны у мня да не случилося,
Не могу платить я дани-пошлины».
Говорит ему да тут грозён посол:
«Ты отдай-ко мне да во супружницы
Ты свою любимую племянницу
А Любаву ли дочь Путятичну».
Владимер-князь да стольне-киевский
Приходит он к Любавы да Путятичной,
Говорит он ей да таковы слова:
«Ты, Любавушка да дочь Путятична,
Не пойдешь ты если по охотушки,
А пойдешь ты по неволюшке:
Не могу посла да я повыведать,
Не могу посла да я поиспытать».
Говорит Любава дочь Путятична:
«Я жива не йду, — да если мертвая!
Не пойду я, девица, за женщину,
Добрым людям я да на посмешище —
Не мужчина есть тут, а женщина,
У ней задошко взад, да и грудь вперед».
Как скрычал Владимер зычным голосом:
«Уж вы слуги, слуги мои верныи,
Слуги верныи да княженецкии,

Одевайте-тко Любавы платья цветны,
Платья цветныи да подвенечныи,
Ведите в церковь соборную,
Ко венцам ее да ко злаченыим,
Ко персням ее да к золоченыим,
Во супружество да с грозным послом,
А с грозным послом да Земли Гречецкой —
Не страдать же нам из-за девицы,
Всему городу да нашему ли Киеву».
(*Вот ю собирают.*)
Говорит Владимер стольне-киевский
Грозному послу да Земли Гречецкой:
«У нас невеста справляется,
Не неволена, а по охотушки».
(*Соврал.*)
Говорит тута грозен посол:
«Уж ты, солнышко Владимер стольне-киевский
А прежде чим нам да ко венцам итти,
Мне-ка наб с тобой да побрататиси,
Надо силушкой да поравнятиси,
(*Отговариват, штобы девушку на страмить.*)
Мы поедем-ко во чисто поле,
А попробуем мы силу молодецкую».
Говорит Владимер стольне-киевский:
«Дорогой ты гось да грозён посёл,
У мня богатырей да не случилоси,
Поляниц удалыих не пригодилоси,
У мня некому да с вами поравнятиси».
Говорит тута грозён посол:
«А нет ли у вас да затюремщичков?»
Тута спомнил Владимер стольне-киевский
Про того Ставра́ сына Годинова,
И подумал он своим да умом-разумом:
«Отпустить Ставра — так не видать Ставра,
А не спустить Ставра — так разгневить посла».
Закрычал Владимер зычным голосом:
«Уж вы слуги, слуги мои верныи,
Слуги верныи да княженецкии,
Вы берите-тко да золоты ключи,
Отмыкайте погреба глубокии,
Выводите вы удалых добрых молодцов!»
Тута слуги его верныи
Отмыкали погреба глубокии,

Выводили Ставра да на широкий двор,
Подавали ему да коня доброго,
Снимали платьице орестанское,
Одевали платье богатырское,
Все доспехи дали богатырскии.
Как садился Ставер да сын Годинович
На того ли на коня богатырского,
А с грозным послом да Земли Гречецкой
Оны поехали да во чисто поле —
Только видели молодцов сядучи,
А не видели да поедучи.
Как во чистом поли да куревка ли поднимается —
Там грозен посол да ездит, забавляется,
Со Ставром да сражается.
Оне с коня на конь да перепрыгивают,
Оне палицы булатныи подбрасывают,
Летят палицы да по поднебесью,
На лету палицы подхватывают.
А Владимер-князь да стольне-киевский
Со крылечушка да он переного
Смотрит в трубочку да он подзорную.
Позабавились да потешились,
Подъеждяли ко городу ко Киеву,
Кланяются князю да Владимеру.
Тут грозен посол да Земли Гречецкой
А снимает он да платье богатырское,
Под низом у него да платье женское,
Распускает он да свои волосы,
Говорит князю да Владимиру:
«Ай же, солнышко Владимер стольне-киевский,
Выводи-тко ты мою невесту, а свою племянницу,
А Любаву ли да Путятичну,
Ты из церквы приведи да из соборноей,
Во светлицу проведи да ты во девичью,
(*Она уже в церковь увезена.*)
Не хочу смеяться я над девушкой,
Посмеюсь над князем я Владимером —
Ище слыхом тое да на слыхано,
И видом тое да не видано,
Штобы овенчали девицю за женщину.
У меня есте своя семья законная,
А любимой мой муж Ставер Годинович».
Тут оне с князем прощаются,

В путь-дороженьку отправляются,
Во свою ли Землю да во Гречецку.
(*Еще што-то есь, да не помню. Помню, што испытывали постелей да баней, да прилепить не знаю куда. Да тое и не хорошо.*)

№ 442

О СТАВРЕ ГОДИНОВЕ

Был удалый доброй молодец молодой Ставер да сын Годинович.
Отправлялся он вздумал, понимашь, во цисто полё,
Здумал он поединщика сыскать.
Выводил своно доброго коня на широк двор,
Кладевал войлучки на войлочки, кладевал-ко войлучки,
Кладевал черкольское седёлышко,
Привязывал подпруг до ⟨двенадца⟩ти богатырскиих,
А тринадцату — продольную,
Не ради красы-басы, а ради крепости молодецькои.
Скочил на своно коня доброго:
А не видели добра молодца поидучи,
Видели добра молодца сядучи —
Во чистом поли́ только пыль пошла.
Начал й-он выискивать богатыря-поединщика себе.
А Настасья дочь Микулишна спала.
Шлепнул палицей булатною во буйную головушку,
А й-она не пробудилася,
И шапочка на ей не ворохнулось.
Потом другой раз заехал, силы напустил сильней,
Ударил со всей силы богатырьскии во буйную головушку —
Она и пробудилося.
Взяла ёго да с конем в корман и поклала,
А потом спала ишче сутки.
Она ударила кобылу:
«Что ты, кобыла, спотыкаешься,
За каждую калюжу затыкаешься?»
Конь заговорил русьским языком:
«Я, — говорит, — не могу носить двух сильных могучих богатырей
С конем богатырьскиим».
Потом йона спомнила, — садила на леву на рученьку:
«Сказывай, доброй молодец,
Коей орды, коей зёмли,
Которого отча да которой матери?

Возьми меня в забаву, так прошчу тебя,
А не возьмешь — так дам сверху другой рукой,
Так будет овсяный блин!» —
«Пусть ты, Забава, умная,
Пусть ты, Забава, разумная,
Мы, — говорит, — с тобой там да повенчаемся».
Й-она его и спустила. Поехали. Вот приехали в Индию богатую и повенчалися. Повенчалися. Жили девять лет. А через ⟨девять⟩ лет поезжал в Киев-град. А мать наказывала: «Пойдешь, дитя, так там не росхвастайся. Как увида⟨т⟩ князь киевской тебя, как придешь, — станови коня к крылечку точеному, колечку золоченому».

Стал в свои белокаменны палаты просить.

№ 443

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

Во славном городе во Киеве
У того ли князя у Владимира
Было пированьице, почетный пир
На многих князей на бояр,
А именно для Добрыни да Никитича,
Что достал он князеву племянницу.
И все на пиру напивалися,
Все на пиру наедалися,
В полупире все порасхвастались:
Богатый хвастает золотой казной,
Сильный хвастает своей силою,
Иной хвастает кони добрые,
Умный хвастает старой матерью,
А безумной хвастает молодой женой.
А тот Добрынюшка Никитич сын
Сидит на пиру и призадумался,
Он ничем, молодец, не хвастает.
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Ай да ты, Добрынюшка Никитич сын,
Что же ты ничем не хвастаешь?»
Говорит тут Добрынюшка Никитич сын,
А что «нечем молодцу я хвастати,
Лишь похвастать молодой женой».
Это слово сказали,
А Добрыню Никитича безумным на́звали,
А это слово Добрыне не приглянулосе.

Говорит тут князь таковы слова:
«Какова твоя молода жена?»
Сердито говорит Добрынюшка Никитич сын:
«Моя бы жена князя с ума свела».
И кричит тут князь громким голосом:
«Ой вы гой еси, слуги мои добрые,
Молодцы, богатыри вы удалые,
Вы возьмите-ка Добрыню за белы руки,
Вы сажайте-ка Добрыню во глубок погреб».
Сажали Добрыню во глубок погреб,
И сидит Добрыня в глубоком по́гребе
И пишет письмо своей молодой жене,
Что «тобой, Настасья, здесь похвастался,
Из-за тебя попал я во глубок погреб,
Выручай меня, как сумеешь ты».
И посылает князь стольно-киевский
В тое Царство во Рязанское
Он скора́ посла за Настасьей Микуличной,
За молодой женой Добрынюшки Никитича.
А тая Настасья Микулична
Как получила письмо она
От Добрынюшки Никитича,
Как снимала она с головы волосы длинны женские
И снимала с себя платье женское,
Одевала на себя платье молодецкое,
Молодецкое платье, богатырское,
И отправлялася она в путь-дороженьку
Ко тому ко городу ко Киеву.
И повстречалися оны путь-дорогою
Как со тым послом да со киевским.
И тут они поздоровались.
Говорит тут добрый молодец
Из того ли Царства из Рязанского:
«А ты куда едешь, добрый молодец?» —
«Еду я из города из Киева
От великого князя от Владимира
Што ль во тое Царство во Рязанское,
Што ль сидит у нас Добрынюшка затюрёмничек,
Он похвастался своей молодой женой
Перед нашим князем Владимиром,
Что „моя ли то молода жена
Чтоб она киевского князя с ума свела",
Как я еду, спешу за этой женщиной».

Говорит тут молодец из Ря́зани:
«Напрасно молодец ты путь ведешь,
Что Добрынина молода жена,
Назвать ее Настасья Никулична,
Она уехала на свою родину,
А ейна родина, неизвестно где».
И говорит тут посол киевский:
«А ты сам откуда, добрый молодец?»
И говорит тут удалый добрый молодец:
«Есь я из Царства из Рязанского,
А еду я ко городу ко Киеву
Ко тому ли ко князю ко Владимиру
Собирать старые недоимки,
А вперед мне наб собрать на ⟨двенадцать⟩ лет».
А говорит тут посол киевский:
«А не собрать тебе только недоимку». —
«Но все-таки мне съездить надобно».
И поехали оне ко Киеву.
И поезжает удалый добрый молодец ко Киеву,
И говорит он князю Владимиру:
«Уж ты, князь Владимир стольно-киевский,
Есь я из Царства из Рязанского,
Приехал я к тебе за данью старою
И вперёд мне наб собрать за ⟨двенадцать⟩ лет».
И говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Уж ты смилуйся, удалый добрый молодец,
Не собрать мне дани за старое,
А не только что уплатить вперед за ⟨двенадцать⟩ лет».
И говорит тут удалый добрый молодец:
«Ты об этом, князь, не печалуйся,
Дай замуж твою мне племянницу».
Тут Владимир-князь веселее стал,
Призывает он свою племянницу
И говорит ей таковы слова:
«Возлюбле́нная моя племянница,
Выручай из беды ты своего дядюшку,
Ты поди замуж за этого удалого молодца».
Посмотрела князева племянница
И говорит сама таковы слова:
«Дорогой ты мой возлюбле́нный дядюшка,
Посмотри ты на этого молодца,
Хорошо усмотри, что это женщина:
У ней походочка частенькая,

Да задница у ней крутенькая,
А где перстни были — тут ями́ночки».
Тут Владимир-князь запечалился,
Но испытать его молодца надобно.
Созывает он своих стрелков славныих
И говорит он удалу молодцу:
«Попадай ты в столоб тот точеные,
А во тое ли кольцо золоченое».
И своих стрелков вызывает тож,
Стрелки стреляют князя Владимира,
Оны не могут попасть во точен столо́б.
А тут удалый добрый молодец
Он берет свое лученко да поломано,
Он попал во столо́б во точеные,
Что ль во то кольцо золоченое.
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский,
Что «не может быть, что это женщина».
Говорит его племянница,
Молода Забава, дочь Путятична:
«Ты смотри-ко, князь, не сойди с ума,
Не отдай меня замуж ты за женщину».
Захотел князь сделать второе испытание,
Он вызывает молодца с бога́тырями на бороство.
И как этот-то удалый добрый молодец
Он богатырей да всех попехивает,
А сильных могучих всех покидывает.
И говорит тут князь да таковы слова:
«Не может быть, что эта женщина,
Ты пойди замуж за него, моя племянница».
Да говорит ему тут его племянница:
«Посмотри ты, князь, что эта женщина,
У ей признаки, смотри, да все женские».
И берет тут князь Владимир стольно-киевский
На последне — третье испытание:
Ло́жат ее во спальну на перину спать
И сами собой оны думают:
«Если женщина, то яма будет под задницей,
У мужчины яма будет подплечная».
И тут она догадалася,
Когда все уходили со спаленки,
Она задницей к подушке ворочалася —
Под плечамы тут яма оказалася.
И тут Забава Путятична

Она замуж итти соглашается.
И вот уже пир у них начинается,
И пошли у них тут танцы свадебные.
И говорит тут жених, удалый добрый молодец:
«Не по ндраву мне ваши музыканты киевские,
Нет ли у вас затюрёмничков?»
И говорят тут люди киевски:
«Есть ловко́й музыкант Добрынюшка Никитин сын,
Только он в погре́бе во глубокоем».
Говорит тут удалый добрый молодец:
«Приведите ко мне Добрынюшку Никитича».
И привели к нему Добрынюшку Никитича.
И говорит ему удалый добрый молодец:
«Ай же ты, Добрынюшка Никитич сын,
Помнишь ли как мы вместе поигрывали?»
Говорит Добрынюшка Никитич сын:
«Не припомню тебя, добрый молодец».
Говорит тут удалый добрый молодец
А тому ли князь Владимиру:
«Уж ты, князь Владимир стольно-киевский,
Ты пусти нас с этым молодцом во зеленый сад».
И отпущал их князь Владимир во зеленый сад.
И во том ли зеленом саду
А и муж и жена поздоровались,
И пошли они к князю Владимиру.
И говорит Добрынюшка Никитин сын:
«Ты, Владимир-князь стольно-киевский,
За мое-то ты за здравьице,
Что достал я тебе племянницу,
А ты сделай теперь почестен пир
В честь моей жены Настасьи Никуличны,
Вот смотри она — молода жена».
Тут-то князь Владимир и сошел с ума.

№ 444

ПРО СТАВЕРСА СЫНА ГОДИНОВИЧА

Все-то на пиру да напивалися,
Все-то на пиру да наедалися,
Все на пиру порасхвастались:
Умный-то хвастает старой матушкой,

А безумный хвастает молодой женой,
А богатый-то хвастает золотой казной,
А Илья Муромец, сын Иванович,
Он ведь хвастает силой богатырской.
А стоит у стола Ставерс сын Гордеевич,
Нечем ему да похвастать:
«Нету у меня силы богатырскую,
Нету у меня да старой матушки,
Нету у меня да золотой казны,
Нету у меня да ворона́ коня,
Только естя у меня да молода жена,
Она всех князей, бояр да с ума свела
И самого князя да Владимира стольно-киевского».
Уж как то слово царю да не во нрав пришло:
«Вы берите-ко Ставра да за белы́ руки́,
Вы берите-ко Ставра да во чисто́ поле́,
Вы кидайте-ко Ставра да во глубок погреб,
Пускай его да молода жена Авдотья Никулична повыкупит».
Она сидит за столиком за дубовыя,
За скатертем сидит она шелко́выя,
За есьвами сидит она саха́рными,
За питьями да за миндальными,
А мимо летит птица черно́-во́рона,
Грает она по-вороньему,
Говорит она да по-человеческу:
«Ты, Авдотьюшка да Никулишна,
Пьешь да ешь, сидишь, проклаждаешься,
Над собой невзгоды не начаешься —
Твой-то муж уж третий день в погребу лежит».
Разгорелося сердечко поляницкое,
Скоцила за дубовый стол,
Садилася поляница на дубовый стул,
Подрезала она волосы по-мужському,
Надевала она платьица мужские.
Идет она во стойла да во конюшни,
Во конюшенки идет да во кониные,
Выбирает себе по плечу коня:
Кладет потнички да на потнички,
Кладет войлочки да на войлочки,
А сверху кладет черканское седёлышко,
И затягиват она двенадцатью подпругами —
Не ради красы-басы молодецкой,
А ради крепости богатырскою.

Только видли поляницу, как садилась,
А не видли поляницы, как уехала.
Приезжает поляница во Киев-град
Ко тому ко князю ко Владимиру,
И приходит поляница в белу горницу.
Она крест кладет да по-писанному,
Она кланяется по-ученому,
И говорит она таковы слова:
«Ты, князь Владимир-солнышко,
Я приехал посол ряховинский
О хорошем деле, о сватосьве
На любезной на твоей на племянничке». —
«Погоди-ка, посол да ряховинский,
Я с племянницкой да посоветуюсь». —
«Уж любезна моя племянницка,
Как приехал посол ряховинский». —
«Ты, желанный мой дядюшка,
Отдаешь ты девчину за женщину:
У ней грудь высоконька по-женьскому,
Походочка частенька, как женьская». —
«Подожди-ка, любезная племянничка,
Я-то свата того приотведаю,
Я стоплю про посла парну баенку». —
«Ой же ты, посол ряховинский,
Не желаешь ли ты с дорожки помыться-попариться?» —
«А не мешает, — говорит, — с дороги помыться-попариться».
От не успел царь пособратися, говорит:
«Я пошел помылся-напарился!» —
Уж бежит с парной баенки.
«Почему же ты как скоро пошел, — говорит, — ряховинский?» —
«Я не мыться приехал, не париться, — говорит, —
Я о добром деле, о сватосьве». —
«Подожди-ко, посол ряховинский,
Мы с племянницкода посоветуем». —
«Ты, любимая моя племянницка,
Дашь ли слово послу ряховинскому?» —
«Ты, желанный ты мой дядюшка,
Отдаешь ты дивчину за женщину:
У ней грудь высокенька по-женьскому,
Походочка частенька, как женьская». —
«Подожди-ка, любезная племянничка,
Я посла того приотведаю». —
«Ну-ка ты, посол ряховинский,

Ты возьми стрелу калёную,
А колечушко злаченое,
А попадешь в тое колечушко,
Тогда отдам я любезну свою племянницу».
Вот уж первый раз стрелил — пере́стрелил,
Другой раз стрелил — не до́стрелил,
А в третий раз уж в само кольцо.
И говорит сам таково слово:
«Уж князь Владимир стольно-киевский,
Я приехал к тебе о добром деле, о сватосьве».
Ну, и сдумал князь стольно-киевский,
И стали оны да пировать тут.
И говорит тут посол ряховинский:
«Вот вси, — говорит, — у меня в собраньицы,
Одного-то нету братца названного —
Ставра сына Гордеева.
Так нельзя ли, — говорит, — его повывести из темна погреба?»
Приказал тут князь Владимир стольно-киевский:
«Вздымайте-ка Ставра с погребов глубокиих,
Вы выведите-ка Ставра сюда на чесные пира».
Привели Ставра сына Гордеевича,
И тут скочил посол ряховинский,
Поклонился князю в нози стольно-киевскому:
«Те спасибо, князь Владимир стольно-киевский,
Я не посол ряховинский,
Я Авдотья да Никулишна».
Мужа взяла, да уехала.

№ 445

ПРО СТАВРА

У солнышка князя у Владимира
Все на пиру да наедалися
И все на пиру да напивалисе,
И умной-то хвастал отцом-матерью,
А безумной-то хвастал золотой казной,
А глупой хвастал молодой женой.
А за тым столом да за меньшиим
Сидел Ставёр Дигодинович,
Нечем у его было похвастати:
«Моя-то молода бы жена

Ваш бы Киев-град скупи́ла и спро́дала,
А тебя бы, царя, со ума свела».
Тут царю да не к лицу пришло,
Не к лицу пришло да роззадорило:
«Ах вы, сильные могучие богатыри,
Возьмите-ко Ставра да за белы руки,
Посадите-ко во погреба глубокие».
За тым столом да за большиим
Сидел его желанный дядюшка
Храбрый богатырь сын Подтыков,
Клал ен записку добру коню
Под тое седёлко под черканское,
Отправил на Ставровую на родину.
Выходила его молода жена
И стала коня да россёдлывать
И увидла записоцку нерадостну:
«Ах ты, богоданна моя матушка,
Руби-ко мне-ка волосы женьские,
Женьские волосы по-мужьскому,
Неси-ка мне-ка платица Ставровые
Да и гуселка яровчаты,
Я поеду выручать своего мужа законного».
Приехала ко солнышку ко князю ко Владимиру.
Говорил князь да таковы слова:
«Вы откуль к нам сюды приехали,
Злой ли посол лиходийский?»
Говорила она таковы слова:
«Я приехал свататьси на твоей племяннице,
На молодой Забавы дочь Путятичны».
Говорила Забава дочь Путятична:
«Ах ты, солнышко князь стольно-киевский,
Тут не мужчина, а есть женщина».
Она никак не признавается.
Говорит солнышко князь стольно-киевский:
«Выведем борцов ей на широк двор».
Выходили на двор три богатыря,
По одинке она с има со всема схватиласи,
Посмотрят — а они все лежат.
Молодая Забава дочь Путятична
Говорит, что «не мужчина, а тут женщина!»
И потом он-то удумал,
Солнышко князь стольно-киевской:
Истопили теплу парну баенку.

Ена там недолго собираласи —
«А мое, — говорит, — дело дорожное».
Наконец, молодую дочь Путятицну просватали
И дали сорок телег ордынскиих злата и серебра вслед приданого.
И вот пошел у их уже почестный пир,
И говорил жених таковы слова:
«Я слыхал про Ставра Дигодинова,
Что он мастер играть на гуселышках,
Дак наб его пригласить на почестный пир».
Приказал солнышко князь стольно-киевской
Разворочать погреба глубокие
И достать Ставра Дигодинова
И привести на почестный пир.
И говорит жених таковы слова:
«Дайте мне сходить в отдельну комнату
С тым Ставром Дигодиновым».
Туды пошли две мужчины,
А оттуль — мужчина да женщина.
Говорил Ставёр таковы слова:
«Моя заповедь теперь уж исполнена —
Моя молода жена тебя скупила и спродала,
А тебя, царя, со ума свела».

№ 446

ПРО СТАВРА ГОДИНОВА

Во стольном городи во Киеве
У славного у князя у Владимира
Начинался-починался почестен пир.
Тут на пиру наедалисе,
Тут на пиру напивалисе,
Тут на пиру порасхвастались:
Умный хвастал отчем-матерью,
А безумный молодой женой,
А богатый хвастал золотой казной,
А моготный силой-мо́готой.
Сидит тут молодой Ставер сын Годинович,
Он не ест, не пьет и челом не бьет,
И ничим он да не хвастает.
Подходит к нему солнышко князь стольне-киевский,
Говорит он таковы слова:

«Ах же ты, Ставер сын Годинович,
Видно, нет у тебя отца-матери,
Видно, у тя нету молодой жены,
Видно, у тя нету золотой казны».
Говорит Ставер сын Годинович,
Говорит он таково слово:
«Есть у меня отец-мать родна,
Есть у меня и золота казна,
Есть у меня и молода жена —
Вас-то всех, бояр, продаст и выкупит,
А тебя, князя́, с ума сведет!»
Тут солнышку князю не приндравилось:
«Вы берите-ко бога́тыря за белы руки,
А ведите-ко богатыря в крепость крепкую,
А езжайте-ко за его женой!»
Ен писал писемышко к молодой жены.
Пришло письмо, прочитала и сказала:
«Ах же ты, матушка моя ро́дненькая,
Ты бери-ко ножнички да во белы́ руки
Да стриги мне-то волосы по-мужичьему:
Засажен-то наш добрый молодец,
А я поеду да повыкуплю».
Видли доброго молодца сядучи,
А не видли поедучи.
Не пылью-столбом чисто поле расходилоси,
Ехала она пути-дороженьки,
Попали эты россыльники-досыльники
От князя Владимира.
«Здравствуйте, добры молодцы,
Далеко ли пути-дороженьки?» —
«Едем мы да к молодому к Ставру Годинову
За его молодой женой:
Она хотела бояр продать да выкупить,
А князя́ с ума свести.
А вы откулешний, да добрый молодец?» —
«Я есть россыльник-посыльник собаки царя Калина,
Еду во Киев-град получит пошлину
За двенадцать лет да с половиною».
Оны стали да роздумались:
«Как поехать нам во Чернигов-град,
А ей и дома нет!»
Взяли да воротилися,
Стали ехать поскорешеньку,

Стали приправлять коней да по-хорошему,
Уехали от доброго молодца,
А она едет потихошеньку.
Подъехала под Киев-град,
Развернула шатер белополотняный,
Оставила свои платьица цветные.
Оны съехали во Киев-град
И закрыли ворота крепко,
Чтобы не заехал посыльник
Собачьего царя Ка́лина.
Вот ен приехал к воротам ко крепкиим,
А ворота все заложены.
Постучала — не пускают туды.
Хлопнула она право́й рукой —
Ворота все сломалися,
Петли расскочилися.
Приходит ена к солнышку князю Владимиру,
Говорит она таковы слова:
«Солнышко князь стольне-киевский,
Дай ты мне дани-пошлины,
Пошлины за ⟨двенадцать⟩ лет,
За ⟨двенадцать⟩ лет да с половиною.
Если нет у тебя золотой казны,
То отдай Путятишну да во замужество
За посыльного собаки царя Калина!»
Призывает он свою племянницу:
«Ах ты, племничка, нет у нас золотой казны,
А поди-ко ты да во замужество!» —
«Ах ты, дядюшка мой ро́дненький,
Сидит он по-женьскому,
Ножками жмет, словно женщина,
Голосок с про́визгом, словно женьскиий.
Можем мы ее отведати:
Положить на тую кроватку тесовую,
На тую перинку пуховую —
Если мужчина — под плечама будет ложина,
Если женщина — под жопой будет ложина».
Положили на тую перинку пуховую,
На тую кровать на тесовую.
Ена женщина была догадлива:
Куда плечама, туды легла ж⟨опою⟩.
Ены и узнать ничего не могли тут.
«Поди-ко, племница, во замужество

За посыльного собаки царя Ка́лина!» —
«Ах дядюшка родненький, не наделай смеху-хохоту
По всему по городу по Киеву!
Плечики у ней женьские,
Ножками жмет, будто женщина,
Голосок с про́визгом, словно женскиий.
Можем мы ей поотведати:
Есть у нас сильные богатыри,
Пусть вызовут поотведать-поборотися —
Если женщина — не знает ена боротися,
Если мужчина — может и поборотися».
Подходит солнышко князь стольне-киевский:
«Ах же ты, посыльник-россыльник собаки царя Калина!
Начинай-ко ты с нашими борьцами боротися!» —
«Давно не отыдывал, но можно поборотися».
Выходили бога́тыри на белый двор,
Начинали ены боротися.
Взяла ⟨тре⟩х в руку, ⟨тре⟩х в другу,
Как то́рнула их в одно место —
Одва ены и живы стоят.
«Ах же ты, племяньица Путятишна,
Не может быть, чтоб это женщина.
А поди ты да во замужество!» —
«Ах, дядюшка мой да родненький,
Не наделай смеху-хохоту да по Киеву!
Сидит, ножками жмет, словно женщина». —
«Можем мы ю поотведати:
Дать тугой лук и калёную стрелу
И стрелить во тое колечко точеное,
Во тое острие да ноже́вое —
Если женщина — не может стрелить».
Брали ена туги луки,
Выходили на широкий двор,
Стали стрелять — стал дуб пошатываться.
Берет посыльник-россыльник ту́гой лук,
Стал ен полапывать.
«Дай-ко я возьму свой тугой лук
Дорожный да нехороший».
Стрелила ена со своего лука —
Дуб весь порассыпался.
Попала ена во колечко во точеное,
Во тое острие да во ножевое,
И не котора половинка не больше-то.

Подходит солнышко князь стольне-киевьский,
Говорит своей он племяннице:
«А поди-ко ты во замужество,
А не может быть тут да женщина!»
Вот начали ены пиры-балы великие.
Говорит посыльник-россыльник собаки царя Калина:
«Ах же ты, солнышко князь стольне-киевский,
Что-то мне запечалилось,
Пришла мне весточка нехорошая:
Меня как дома не случилося,
Наступила Литва поганая
На собаку царя Калина.
Нет ли у тебя во засаде игроков хорошиих,
Нет ли у тебя Ставра Годинова,
Разыграл бы он да по-хорошему?»
Думат солнышко князь стольне-киевский:
«Выпустить Ставра — не видать Ставра,
А не выпустить Ставра — разгневать посла».
Не смел он не выпустить Ставра,
Разгневать посла.
Выпустил Ставра.
Говорит россыльник собаки царя Калина:
«Ах же ты, солнышко князь стольне-киевский,
Спусти-ко ты нас да прогулятися,
А не может ли он меня да развеселить».
Подумал солнышко князь стольне-киевский:
«Не выпустить Ставра — разгневить посла».
Не смел разгневить посла —
Выпустил Ставра во чисто́ поле.
Поехали ены потихошеньку:
«Ах же ты, молодой Ставер сын Годинович!
Помнишь ли мы с тобой играли во сваечки?
У тебя сваечка была золота,
У меня колечко серебряно».
Молодой Ставер сын Годинович
Этого не догадался ведь.
Подъехали ены к шатры к тому на дороги.
Скочила ена потихошеньку,
Одевает ена платья светные,
Говорит ена таковы слова:
«Узнал уж теперь, добрый молодец,
Свою молоду жену Настасью Микуличну?» —
«Пойдем теперь-то во свою сторону».

Говорит Настасья Микулична:
«А пойдем-ка свадебку доигрывать!»
Приехали — тут на пиру все рассмеялися,
Все расхохоталися.
Говорит солнышко князь стольне-киевский:
«Молодой Ставер сын Годинович,
Ходи-то по свету,
Да не плати дани-пошлины!»

№ 447

ПРО КОСТРЮКА

Ой Кострюк Демлюк да сын Черкасенин,
Пошел Кострюк с застолья, задел ногой за́ скамью,
Задел ногой за скамью, убил ⟨сорок⟩ бога́тырей,
Простого народу и счету нет,
Остальные ходят роскаракою.
Поезжает Кострюк да Демлюк да сын Черкасенин,
Поезжает же он да в тот же город Галичу.
А приезжает же в город Галичу,
На тот же пир почестныей.
Идят они, пьют да кушают,
Ой тут все они да хвастают.
Ой Кострюк Демлюк да сын Черкасенин
Ой нечим не хвастает.
Вдруг он немножечко повыхвастал,
Он повыхвастал, сказал же правду сущую,
А правду сущую и верную:
«А я ем, пью да кушаю
По семь печей колачиков,
Колачиков крупивчатых
И ⟨три⟩ коровы яловых».
Ён нижню корочку под стол гребет,
А верхню корочку на стол кладет.
«Вот, — го⟨вори⟩т, — у меня у мамашеньки
Есть помяльца шелковые».
Вот захватили Кострюка Демлюка да сына Черкасенина,
Посадили его да в погреба да глубокия,
Вот посадили в погреба да глубокия.
«А моя-то молода жена
А князя с ума повыведет.

Эй, с ума же князя выведет,
А сорок телег же гордынскиих выиграт».
Вот сидит же сын да Черкасенин
В погребах да глубокиих,
В погребах да тых глубокиих,
Эх, в тыих тюрьмах высокиих.
«А пойдемте возьмем же жену на испытание».
Попадает жена Кострюка ведь навстречу к ним,
Повстречалась да поздоровкалась,
Вот она с нима да повстречалася,
И спросили у ней:
«Да дома ли жена Кострюка Демлюка сына Черкасенина?» —
«Уехала в гости на родину».
Вот оны назад же с ею вернулися.
Приязжают к князю большому да ограномному.
«А уехала в гости на родину,
Вот она же в гости на родину».
Сидит Кострюк Демлюк да сын Черкасенин,
Сидит в погребах да глубокиих.
Вот она стала у него да и свататьси.
«Ой не выдавай-ко ты, дядя, меня, да племницы, —
Ой наделашь ты смеху и хохоту
По всему же ты Киеву.
Видишь, у ей пальчики женские
И видишь, голосок у ей с провизгой». —
«Нет, неправда, есть же племница,
Подостелем ей перину мягкую —
У женщин плеча ведь узкие,
А задня часть ну шире плеч».
Положили ю да на перину мягкую.
Вот спала она да до полуночи,
До полуночи с периной мягкою,
А с полуночи — на пол-задней частью.
Ну вот князь да и не розобрал.
«Вот и племница да и драгоценная,
А придется тебя отдать да во замужество». —
«Но наделашь ты, дядинька, и смеху, и хохоту
По всему же да Киеву». —
«Но давай истопим байну теплу парную».
Ай стопили байну теплу парную.
(*А пока он собирался идти в баню, она успела вымыться.*)
Идет она с байны теплой парною:
«А спасибо, князь, великую

На теплой парной баенкой!»
Вот узнал тут князь да ничего с ней.
Вот стали исть да пить да кушати.
«Ну, вот как же я тебя да не выдула,
Ой как же я тебя с ума да не повывела,
И как я ⟨сорок⟩ телег да гордынских не выиграла?
Выпускай-ко того Кострюка Демлюка сына Черкасенине».
Выпустил Кострюка Демлюка сына Черкацкого.
«Отпусти же, князь, сходить
Да с им же прогулятися».
Вот он выпустил сходить да прогулятися.
А сходили с им да прогулялися,
А на пиру большом да забавлялися.
«Вот тебе, князь, да черно-бело:
Эй спереду мохнатое,
А с задницы порхнатое.
Подай же ну ⟨сорок⟩ телег мне гордынскиих».
И выпустил же с погребов
Того Кострюка Демлюка сына Черкасенина —
Наделал же князь да смеху-хохоту,
Наделал же смеху-хохоту.
Поехал домой Кострюк Демлюк да сын Черкасенин,
Повез он ⟨сорок⟩ телег да гордынскиих.
«Эй, жена мужа эй повыпустила,
А киевского князя с ума повывела».
Пришла к князю беда да неминучая,
А затыкал большу дыру да все онучею.

№ 448

РАССКАЗ ПРО СТАРИНУ-МАТУШКУ, ПРО СТАВРА НЕГОДИНОВА

В стародревную жизнь родился Ставер Негодинович от отца и от матери в Москвы-матушки. Вырос лет до ⟨тринадцати⟩, зачуял в себе большую силу Ставер Негодинович. Отец его батюшка находился в Москвы в милиции начальником, а он находился в городе стражником.

Приходилось обращаться к пьяным Ставру Негодинову. Со своей силой богатырской захватывал он пьяных под свою под пазухи и четырех человек приносил под пазухой, сдавал отцу в милицию. Никогда не спорил с пьяными Ставер Негодиновиць. Не дождался отца — сдавал «Скорой помощи». Кидал на плечо Ставер Неголинович по трою, чтобы в городи не путались.

Путяшевствовал три года в Москвы в матушки. Как узнал во Киеве Владимер-князь стольне-киевской, как позвал Ставра Негодинова во Киев-град к царю стольне-киевскому: «Явись, Ставер Негодинович, во тее полаты высокии!»

Как собирался Ставер Негодинович со Москвы со матушки во Киев-град, в столицу стольне-киевску. Первая выходка у Ставра́ Негодинова во Киев-град к тому царю стольне-киевску со своей силой богатырской. Заходил в полаты белокаменны. Крест кладет по-писа́ному, поклон ведет по-ученому. Поклонился на все четыре стороны русским могучим богатырям, царю со княгиной в особинно и до пояса. Говорит царю стольне-киевскому: «Красно солнышко Владимер стольне-киевской, чего требуешь меня с Москвы камянной? Как находился я там при работушки, при своем родимом батюшке и при родимой своей матушки. Находился я там при работушки: заберал хулиганов, пьяныих в городи. Один попадет — в корман кладу, другой попадет — в другой кладу, третей попадет — всех на плечо складу и понесу в тюрьму крепкою и сдаваю их под расписочку. А теперь в матушки в каменной Москвы нет таких работничков».

Говорит ему Владимер стольне-киевский, говорит ему, как рублем дарит: «Я ведь слышал про тебя, Ставер Негодинович, что в тебе силушка непомерная. Садись-ко да ты за столы за дубовые, за тыи ли кушанья медовыя, за питья медвяные сахарнии».

За тым столом стольне-киевским было множество князей и бояр и русских сильныих богатырей. И ели, и пили, и кушали с утра до позднего вечера. Все на пиру наедалися, все на пиру напивалися, все купцы и бояре и русские сильные богатыри. Как приходит тут Владимир-князь стольне-киевской, становитсе он середи стола дубового, и говорит он русскиим бога́тырям, говорит, как рублем дарит, а речи говорит с русскими богатырями: «Ах вы, братья мои и крестовыи, есть служба у меня великая. А долагаю-то я, Владимер я князь стольне-киевский, как есте задача необходимая: кто бы съездил из вас в землю Ханаанскую, получил бы дани и выходы за ⟨двенадцать⟩ лет с земли Ханаанскою?»

Все за столом призатихнули, призамолкнули. Старший за младшего хоронитсе, а младшего и в пору не знать. Как говорил Владимир-князь стольно-киевский: «Не пугайтесь, русские бога́тыри, есть у меня любимый голь: глаза у него, что огни горят, волоса его дыбом выстали, у того ли Ставра Негодинова. Как съездит Ставер Негодинович в землю Ханаанскую, как получит дани и выходы за ⟨двенадцать⟩ лет с того царя Ханаанского».

Как стал Ставер Негодинович на свои резвые ноженьки как за тым столом за дубовыим, как стал на резвые ноженьки, говорит царю таково слово: «Красно солнышко Владимер стольне-киевский и дорогая Апраксия, как если да не вернусь я с этой поездочки, не покиньте-ко у меня отца-батюшка и родитель мою матушку, что воспитала меня на земли на матушки малым юношей и до полного возрасту. Красно солнышко Владимер стольне-киевский, есть у тебя про меня добрый конь, латы-кольчуги богатырские, есть у тебя палица во ⟨сорок⟩ пуд, есть ли у тебя про меня тугой лук, есть у тебя про меня копье долгомерное?»

Говорил Владимер стольне-киевский: «Есь у меня про вас добрых коней множество, на любого садись, латы-кольчуги изнаряжены, тугие луки приготовлены, копья долгомерные кованы!»

Как выходил Ставер Негодинович из-за тых столов с-за дубовыих на тот ли да на широкий двор и говорит русским богатырям: «Выходите вы на широкий двор, проводите Ставра Негодинова!» — «Красно солнышко Владимир стольне-киевский, не губи-ка ты Ставра Негодинова, не посылай-ка ты в землю Ханаанскую молодого Ставра Негодинова — не получит он оттуда дани и выходы».

Как услыхал Ставер Негодинович, что говорят про его пустяковину: «Послушайте, мои дорогие товарищи, как сходимте да поборемтесь — Алёшенька Попович, Добрынюшка Никитич. Только я не пойду бороться с Ильей Муромцом, а с вамы-то я дак потягаюсь».

Как подходил Алёшенька скурешенько, захватил Ставра Негодинова посередочки, как подернул и прихлопнул ногой богатырскою, как подхватил его правой рученькой — как нога его да не подаласи, голова его с кудрями не стряхнуласи. Отскочил Алёшенька скурешенько, говорил он своим братьицам: «Пусь он противо меня старший брат, не мог я его скренуть с мистечка!»

Подскакивал к нему Добрынюшка Никитич. Захватывал его Ставер Негодинови посередочки, а Добрыня его захватил а во кресты. Как схватились они по-богатырски, как упали они на бок обыи, ставали на резвые ноги. Как схватились сново бороться да ратиться со Ставром Негодиновым, как стали они а похаживать, друг друга потаскивать. Как схватил его Ставер Негодинович, как бросил его на сыру землю, как легкую палочку. Как выстали на резвые ноженьки. Говорил Добрыня таково слово: «Пусть ты старший брат, а я буду младший брат и дам тебе своячельницу взамужья, дорогую Катерину Никуличну. Ну-ка по бабам дак будем мы родня, будем братцы некрестовые».

И распростился Ставер Негодинович и садился на добра́ коня. И видли добра молодца сядучи, а не видли, в кою сторону поедучи. Все реки-озера перескакивал, все городовые стены перемахивал, а малый лес промеж ног пускал. И ставился в землю Ханаанскую на широкий двор, коня привязал к золоту столбу, к серебру кольцу. Насыпал пшеницы белояровой, нанес ему ключевой воды, сам отправился в полаты белокаменны, не спрашивал у дверей придверничков, у ворот не спрашивал приворотничков. Как заходил в палату белокаменну, как никому в пояс не кланялся. Садился за столы за дубовыя, подносили ему кушанья медовыя, а питья медвяныя. Наелся, напился, накушался. Как вынимает книжку гербовую, говорит царю Ханаанскую: «Ты послушай, царь Ханаанский, ты отдай-ко нам дани и выходы за ⟨двенадцать⟩ лет и отдай-ко ты нам да золотом. Не отдашь ты дани и выходы за ⟨двенадцать⟩ лет, то оборужуся я во всю силушку и сяду я на добра коня: с одного я боку ваш град зажгу, а с другого боку с копьям пойду, а тебя, царя, а в плен возьму и привяжу я тебя ко стремены богатырской и заставлю шагать шагом полныим как во тую во матушку Русиюшку!»

Как не гордился царь Ханаанской, как приносил ему золото на подносах серебряных. Как подносили его слуги верные, слуги верные, неизменные, как принимал тут Ставер Негодинович и всыпал мешки большие, как и написал он грамотку, что за ⟨двенадцать⟩ лет дань получена. И написал другую грамотку: «Как если же на вас нападут неприятели, то доложитесь в мать-Русиюшку. А уж как мы-то вас дак повыручим, хоть пехотой, а хоть орудиям, а хоть русскими богатырями. Не сдадим мы вас ни в какой победушки, от врагов чужих вас повыручим».

Как выходил Ставер Негодинович, как седлал он добра́ коня и садился на добра́ коня, распростился с князем Ханаанским. И видли добра молодца сядучи, а не видли, куды поедучи. Как приезжал он в Землю Русскую и ставился царю на широкий двор. И заходил в полаты белокаменны, и подавал царю дани и выходы за ⟨двенадцать⟩ лет. Ну, как царь со царицею в пояс ему кланялись и потом собрали почесный пир. На этом пиру прекрасноем были все князья и бояре, русские могучие богатыри. И все на пиру наедалися, и все на пиру напивалися, и все поросхвастались. Как говорит тут Ставер: «Красно солнышко Владимер стольно-киевский и молодая Апраксиюшка, дорогая Забава Путятична, как разрешите мне-ка женитися, а Добрынину взять своячельницу, молодую Катерину Никуличну».

Как за тым столом это сделали — как женился тут Ставер Негодинович. Как гости по вечеру не разъехались, как на другой день роздернули почесный пир не для ради друзей, для бояринов, а для ради Ставра Негодинова и для Катерины Никулицной. Дело промедляло до вечера и вечерком-вечерком разъехались, и все жили по-хорошему.

Через три году собрал князь стольно-киевской почесный пир, как призвал всех князей и бояринов русских могучих богатырей, и тут был Ставер Негодинович. И все на пиру наедалися, и все на пиру напивалися, и все на пиру поросхвастались. Как становился Ставер Негодинович на резвые на ноженьки, говорил царю таково слово: «Красно солнышко Владимер стольно-киевской, как попала мне женитьба удачлива: молода жена очень здрачлива, молодая Катерина Никулична. Как послушай-ко, князь стольне-киевской, как послушай-ко, что я скажу: как моя-то Катерина Никулична может ваш-то Киев-град скупить и спродать, а царя с царицею с ума свести».

Все за столом удивилисе, все за столом усмехнулисе. Как осердчался тут Владимер стольне-киевский, говорит своим подданным: «Ведите-ко Ставра Негодинова во тые во тюрьмы во крепкие — выведет ли его молода жена со тюрьмы, Катерина Никулична?»

С пиру все поразъехались. Как пишет Ставер Негодинович своей Катерины Никуличной: «Ай же ты, дорога жена Катерина Никулична, если хошь добра, выручай Ставра Негодинова!»

Как раздумалась Катерина Никулична, как избавить Ставра Негодинова. Как сбрела свои русые волосы, как надела она платья мужския, шляпу мужскую — собералася выручать Ставра Негодинова. Садилась на своего коня доброго, как захватила оружие холодное, захватила сашку вострую и отправилась во Киев-град. Ставилась к царю на широкий двор, доложили царю таково слово: «Владимер-князь да стольне-киевский, приехал к вам жених из другой земли, как просил у тебя замуж племянницу, дорогую Забаву Путятичну. Если ты не выдашь, то мы войной пойдем, тебя в плен заберем!»

Побоялся князь стольне-киевский. Приказал жениху идти в полаты высокия, и созвал дорогую Путятичну, и сказал он дорогой племянницы: «Ты послухай, дорогая племянница, молода! Как приехал жених со другой земли, из другой земли, из другой орды. Как не могу я тебя так держать — надо будет взамуж отдать. Как не выдам я, дак войной пойдут».

Как заказали по вечеру почестный бал, как скорее ю просватали. Выходили оны на широкий бал, как музыки играли самосильно тут. Как выходил жених среди комнаты, как ище потребует он поединщика как на тую на пляску большинскую. Тут плясал он да тешился. Как нет уж в Киеве поединщика.

«Красно солнышко Владимер стольне-киевский, я знаю, что есть у тебя плясец во Русиюшки, где находится Ставер Негодинович?» Говорит Владимер-князь да стольне-киевской: «Как приведите Ставра Негодинова!» Как привели тут Ставра Негодинова, как выходка у Ставра дак получше есть, а пляской жених переплясыват. Подходила тут к нему княгина и говорит ему: «Красно солнышко Владимер стольне-киевской, не выдавай ты меня замуж за жениха этого — тут есте не мужчина, а женщина. Жопка крутенька, походка частенька».

Говорил любимой племянницы, что и быть не может этого: «А послушай, племянница, как положим мы спать на постелю на мягкую, тут узнаем все, что мужчина али женщина. Если женщина — дак станет под жопой ямочка, а мущина — дак с головы понизится».

Как спал жених до полуночи на сголовьичи, а друго полуночи — в другу сторону, и не могли узнать — мужчина или женщина. Приходила молодая Забава Путятична, говорила князю стольня-киевску: «Как родитель ты мой дядюшка, не выдавай ты меня взамуж: это есте не мужщина, а женщина. Жопка крутенька, походка частенька, это есть не мужщина, а женщина!»

Не спросил царь стольне-киевский — честным пирком да за свадебку. Как сходили ены и повенчалися. И пришли ены к царю в полату высокую и стали ены среди комнаты. Как подходит тут к ним Ствер Негодинович, как призвал царя стольне-киевска, молодую Апраксию, и говорит

им таково́ слово́ Ставер Негодинович: «Красно солнышко Владимер стольне-киевской! Вот моя-то молода жена, а женилася на твоей племянницы. Вот мне-ко-ва спать идти с двуми женами!»

Как показал Ставер да Негодинович: «Тут находится дорога жона, дорога жена Катерина Никулична! Тут твоя дорогая племянница! И вышла правда моя, что моя жена Киев-град скупила и продала, а тебя с царицей с ума повывела».

Расскочалисе невеста с женихом не по-хорошему, захватил жену свою Ставер Негодинович, а повел домой в свою сторону.

Конец.

№ 449

ДОБРЫНЮШКА МИКИТИЧ

А из-под дуба, дуба сырого,
Из того ли камешка нифонта
А протекала быстра реченька Волга-река.
А сарафаны были в Каргополе,
А толсты слановицы по Волги по реки.
Такой, такой, такой нет камки,
Такой нет камки, заморской камки,
Такой нет камки, заморской флаки,
Тыих камочков золоченых.
Во славном во городе во Киеве
У ласкового князя у Владимира
Собирался тут да почестен пир.
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру порасфасталися.
Порасфастался молодой женой:
«Моя молода жена Настасьюшка
Ваш Киев-град купила бы и продала,
Самого бы князя с ума повывела».
Князь рассердился, велел схватить его,
И посадили его в погреба глубокие,
За решоточки железные.
А жена-то его узнала об этом,
Ей висть пришла нерадостна.
«Родна маменька, Натальюшка,
Бери-ко ножницы вострые,
Стриги-ко мне-ка буйну голову,
Буйну голову по-мусському».

А сама на стул села, а ена всю ее и обкатала. Надела платья мусськие и сейчас садится на добра коня и поехала в Киев-град. В Киев-град приехала, привезла коня, по-мусськи справилась.

Пришла к князю. Крест клала по-писанному, поклон вела по-ученому. «Вот ты, князь стольно-киевский, я тебе долагаю: у тебя есть доцька, я приехал к ней свататься».

Князю стольно-киевскому понравился жених, и он согласился ею замуж выдавать за свою доцку. А доцка его говорит: «Родной мой папенька, не отдай дивчину за женщину. Жопа у ней крутенька, походка частенька, а перстни были — так места знать».

Вытопили-то парну баенку и сводили его в теплую баенку. Зовут его: «Пожалуй-ко в теплу, парну баенку с дороги». Ёна пришла в баенку, скорее умылась, свои ⟨*нрэб*⟩, и оделась. А мужчины идут навстречу: «Ты что так скоро?» — «А я по-дорожному, скорее». Так и не могли признать, женщина или мужчина.

Опять и говорит князь: «Надо отдать замуж». А доцка опять: «Не отдай, папенька, дивчины за женщину: у ей жопа крутенька, походка частенька, а де перстни были — места знать». Ну, стали еще испытывать, положили ю спать. У мужчины под плечамы ямка станет, а у женщины под жопой. Она легла жопой на подушку. Утром выстала — яма под плечами.

Князь говорит дочери: «Надо замуж идти». А она то же: «Не отдай, татенька, дивчины за женщину: у ей жопа крутенька, походка частенька, а где перстни были — места знать».
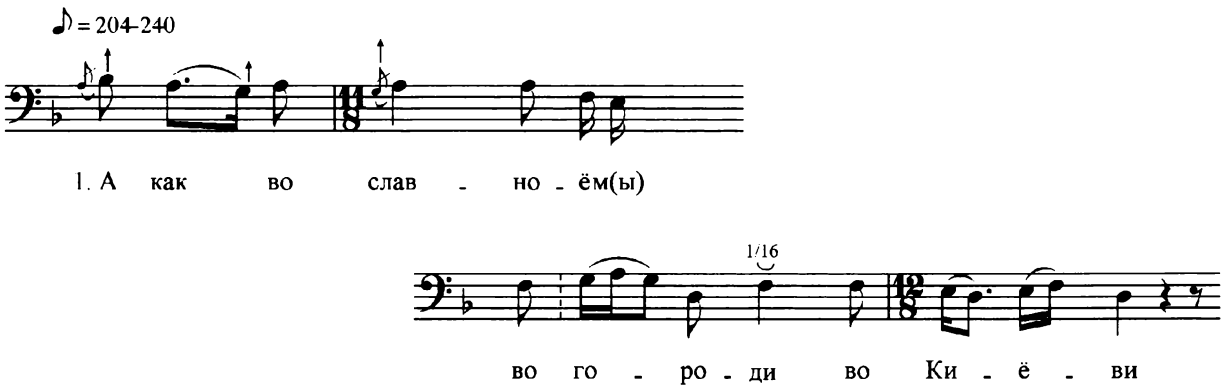
«Давай, — говорит, — хомута сроем на́земь, а пяла женски повесим на стопку. Если женщина — так и оставит, если мужчина — пяла женские сроет наземь, а хомуты повесит на стопку». Она пришла, пяла женские срыла наземь, а хомуты повесила на стопку.
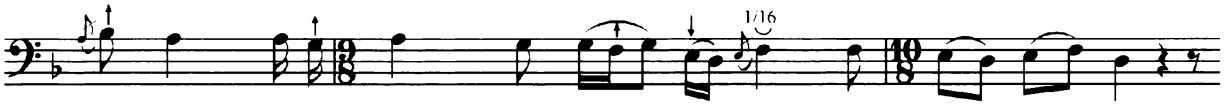
Ну князь и просватал. Завели пир, стали пировать. Свадьба. Вот вси на пиру наедалися, все на пиру напивалися. Она и говорит: «Вот что, князь стольно-киевский, есть у вас в погребах глубоких, за решотками железными Добрынюшка Микитинец». Вот его и выпустили. Ён и признал ю, что она жена его: «Вот, — говорит, — князь стольно-киевский, я сказал, что моя жена Киев-град купила бы и спродала, а самого бы князя с ума повывела».

Взял ее за руку и вывел. Вот как он фастал, так и вышло. Все.

№ 450

ПРО СТАВЕРА СЫНА ГОДИНОВИЧА И ПРО НАСТАСЬЮ МИКУЛИЧНУ
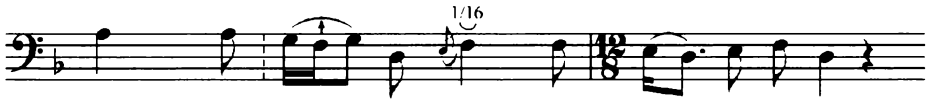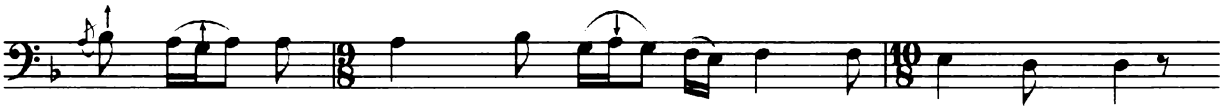

2. И да у к(ы) - ня - зя - то да у Вла - ди - ме - ра
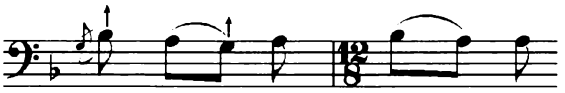

3. А вёл - сэ -
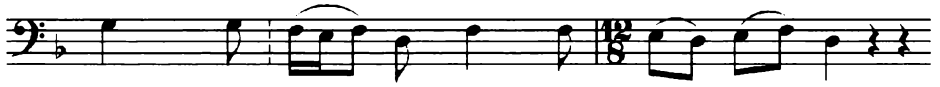

про - дол - жал - сэ кня - же - нец - ки-й(и) пер.
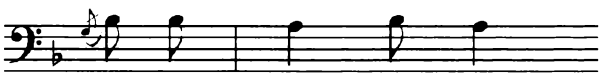

4. А как Вла - ди - мер – князь и столь - нё - ки - ёвь - ский
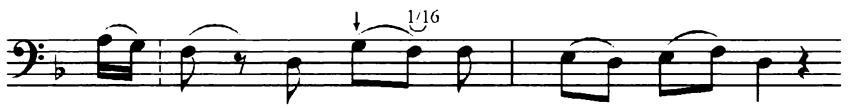

5. А по по - ла - те
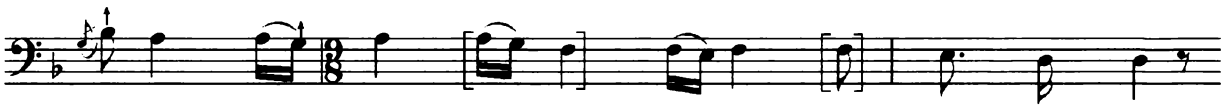

бе - ло - ка - мён - ной по - ха - жи - ват,
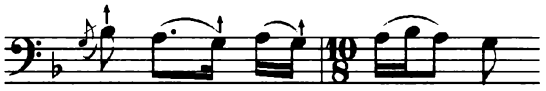

6. А ку - дё - рыш - ка
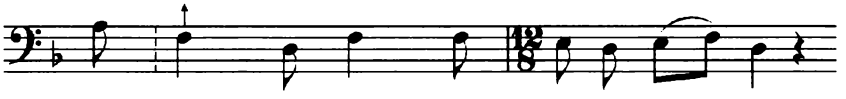

сво - и да - й он на - гла - жи - ват,
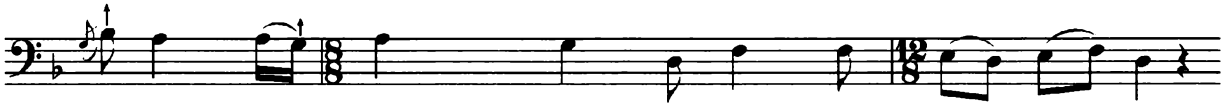

7. А раз - ны ре - [чи он] ти вы - [го] - ва - ри - ват:
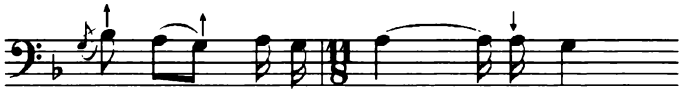

8. "А уж вы, слу - ги
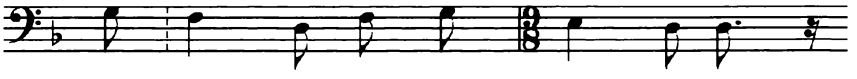

мо - и, да слу - ги ве - р(ы) - ны - и,
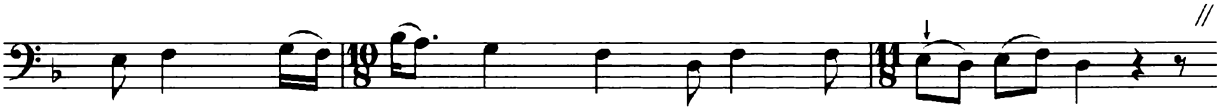

9. А слу - ги – ду - - ши да крас - ны де - вуш - ки!
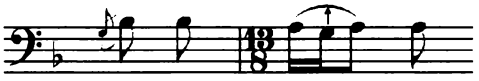

10. А как у м(и) - ня - то вы
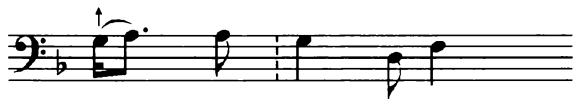

в по - ла - ты бе - ло - ка - мён - ной
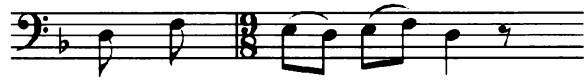

11. А на сто - лы - ти вы да на ду - бо - вы - и
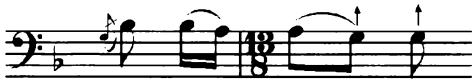

12. А сте - ли - те
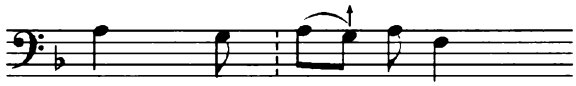

ска - те - рё - точ-ки
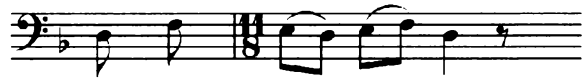

да шол - ко - вы - и,
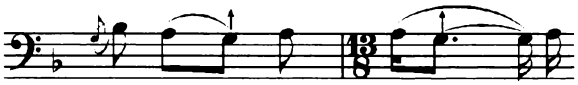

13. А кру - гом вы
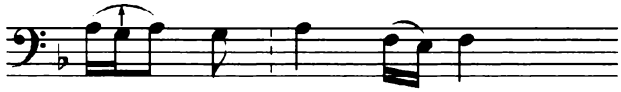

ставь - те сту - лич-ки
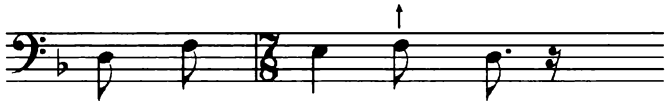

да клё - но - вы - и,
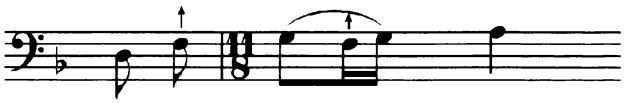

14. А вы сго - товь - те
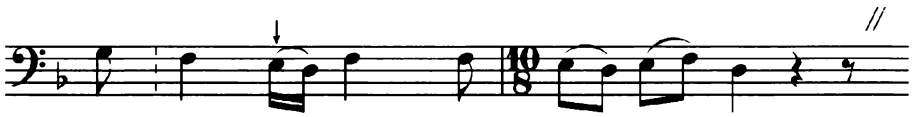

ест - ва - пит - ва вы

да мё - до - вы - и.
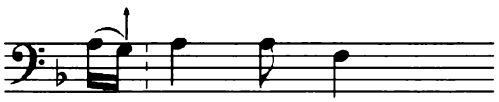

15. А при - е - дут
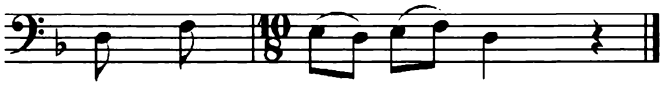

ко мне да до - ро - ги гос - ти –

16. А силь - ни - ё

мо - гу - ци вси
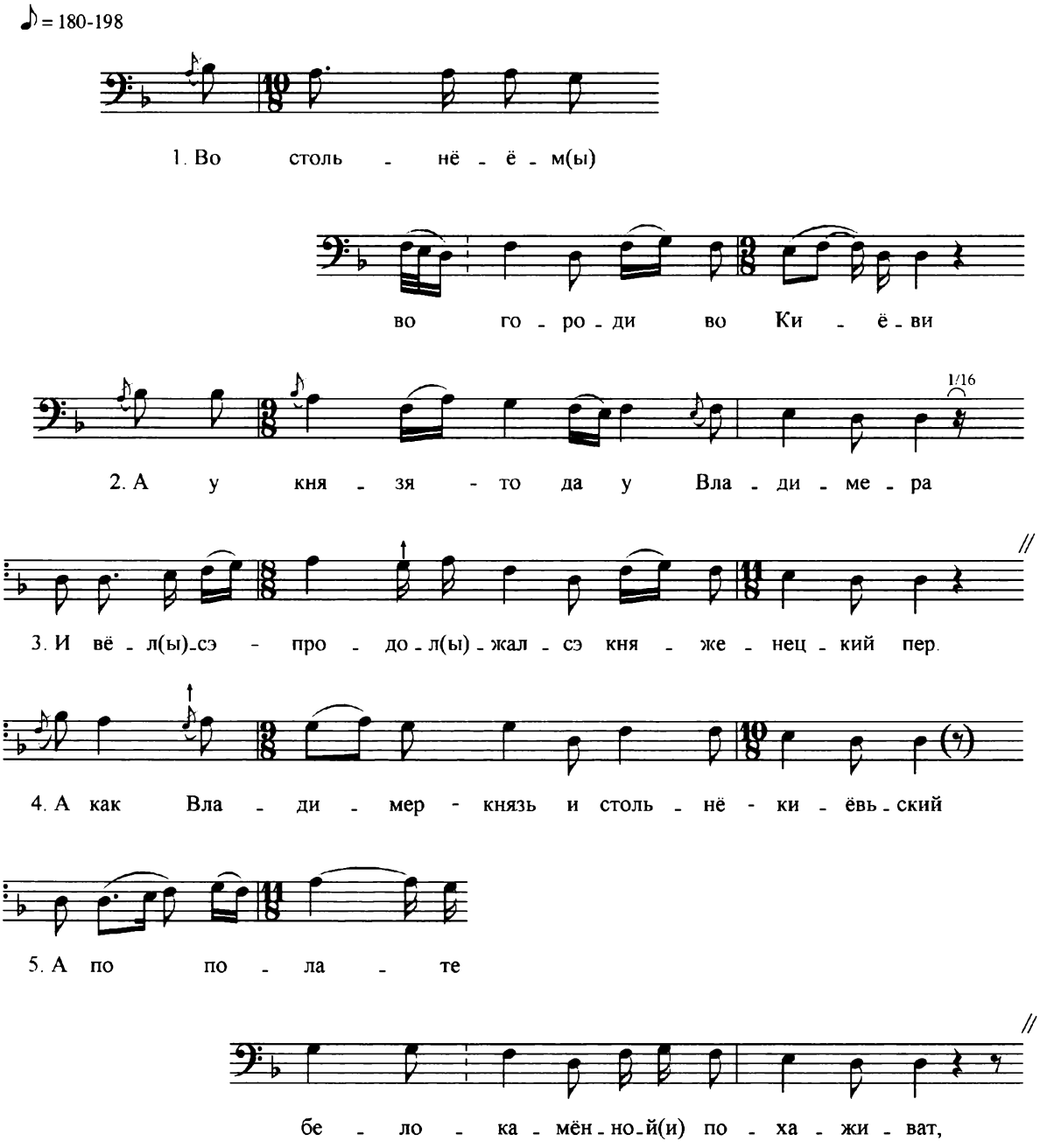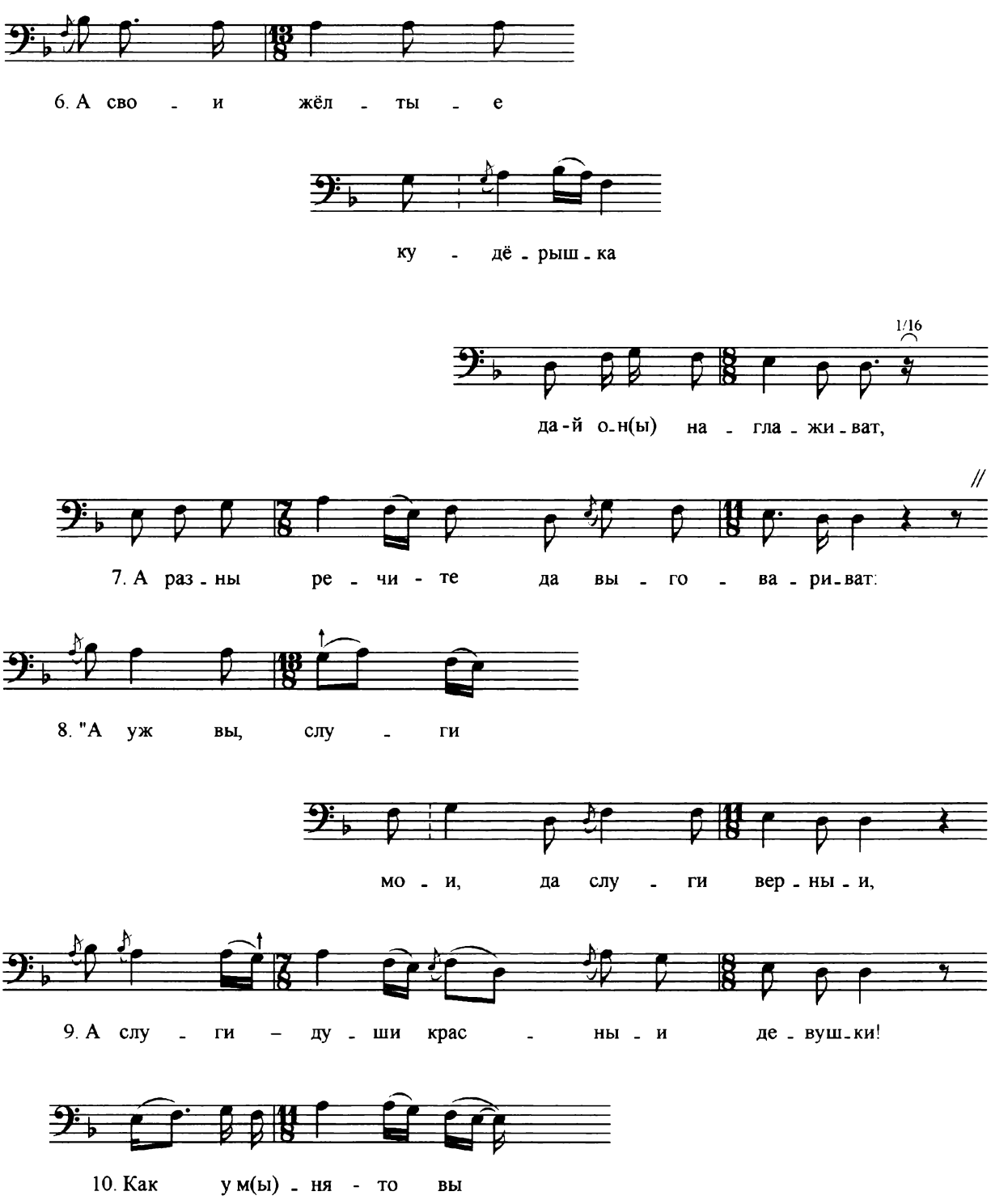

да бо - га - ты - ри...".

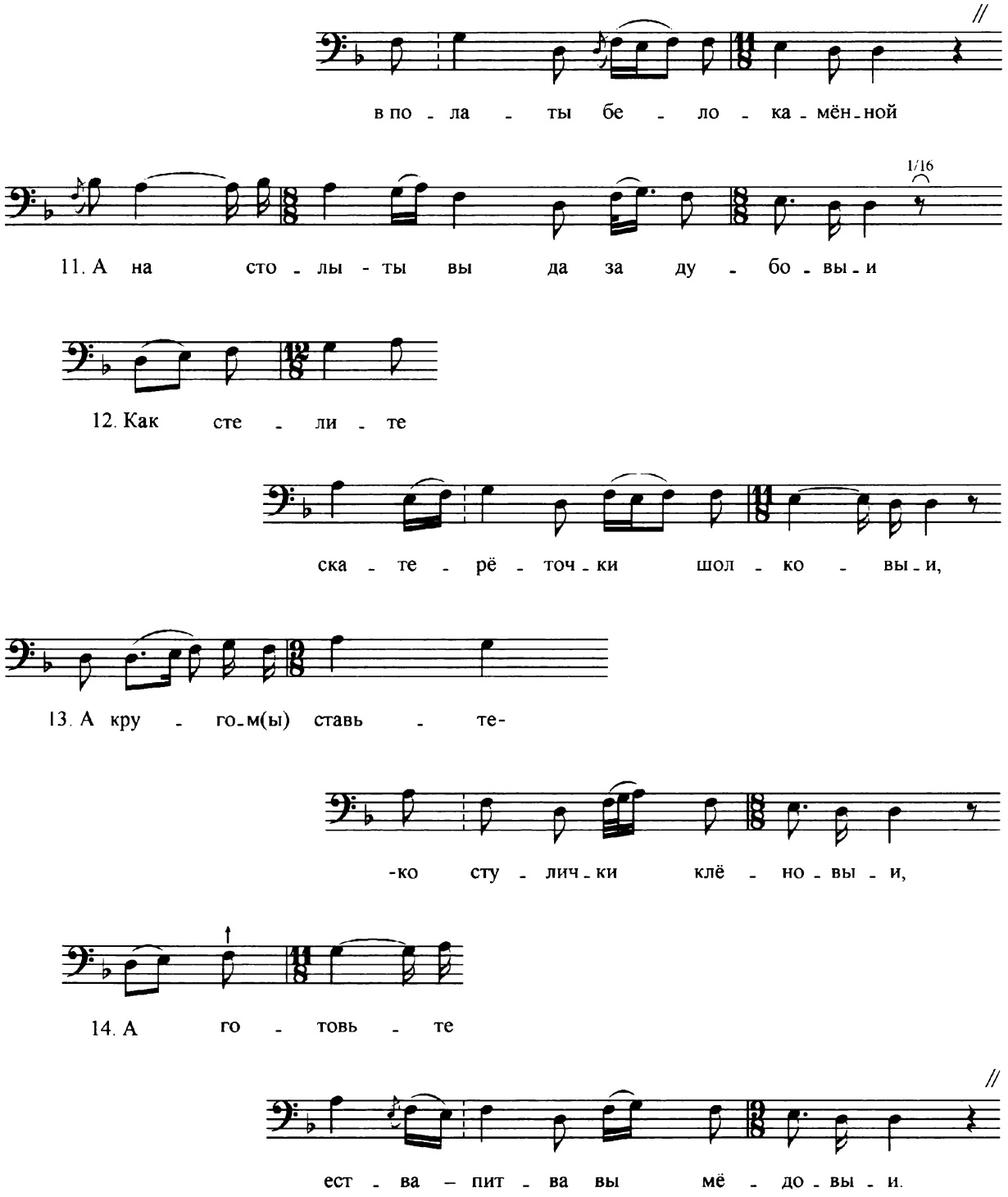
А как во сла́вноём(ы) во го́роди во Ки́ёви
И да у к(ы)нязя-то да у Владимера
А вёлсэ-продолжалсэ княженецкий(и) пер.
А как Владимер-князь и стольнё-ки́ёвьский
А по полате белока́мённой похаживат,
А кудёрышка свои да-й он наглаживат,
А разны ре[чи он] ти вы[го]вариват:
«А уж вы, слуги мои, да слуги вер(ы)ныи,
А слуги — ду́ши да кра́сны девушки!
А как у м(и)ня-то вы в полаты белока́мённой
А на столы-ти вы да на дубовыи
А стелите скатерёточки да шолко́выи,
А круго́м вы ставьте стулички да клёно́выи,
А вы сготовьте е́ства-пи́тва вы да мёдо́выи.
А приедут ко мне да дороги́ гости́ —
А си́льниё-могу́ци вси да бога́тыри...».
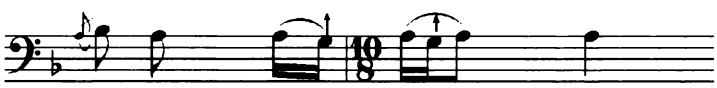
№ 451

ПРО СТАВРА СЫНА ГОДИНОВИЧА И ПРО НАСТАСЬЮ МИКУЛИЧНУ
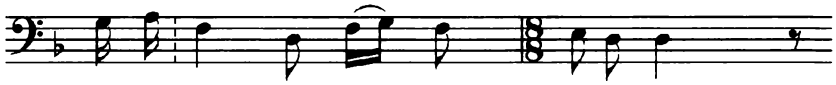

6. А сво - и жёл - ты - е
ку - дё - рыш - ка
1/16
да-й о-н(ы) на - гла - жи - ват,
//
7. А раз - ны ре - чи - те да вы - го - ва - ри - ват:
8. "А уж вы, слу - ги
мо - и, да слу - ги вер - ны - и,
9. А слу - ги – ду - ши крас - ны - и де - вуш - ки!
10. Как у м(ы) - ня - то вы
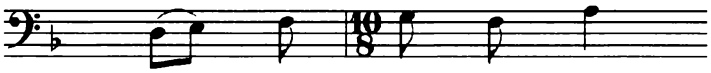

в по - ла - ты бе - ло - ка - мён - ной
1/16
11. А на сто - лы - ты вы да за ду - бо - вы - и
12. Как сте - ли - те
ска - те - рё - точ - ки шол - ко - вы - и,
13. А кру - го - м(ы) ставь - те-
-ко сту - лич - ки клё - но - вы - и,
14. А го - товь - те
ест - ва – пит - ва вы мё - до - вы - и.
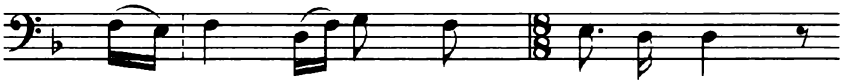

15. А как при - е - дут
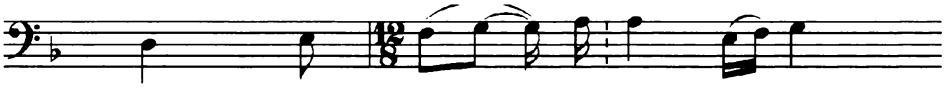

ко м(ы)-не да до - ро - ги гос-ти –
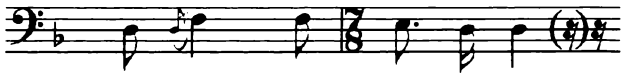

16. А ведь си - л(и) - не -
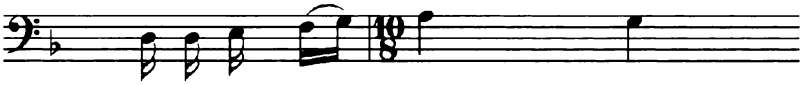

- мо - гу - чи - и бо - га - ты - ри,
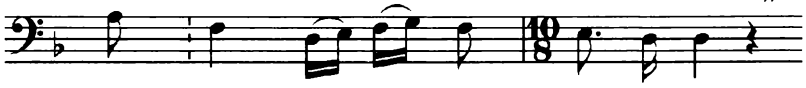

17. Да куп - ци - те – лю - дюш - ки

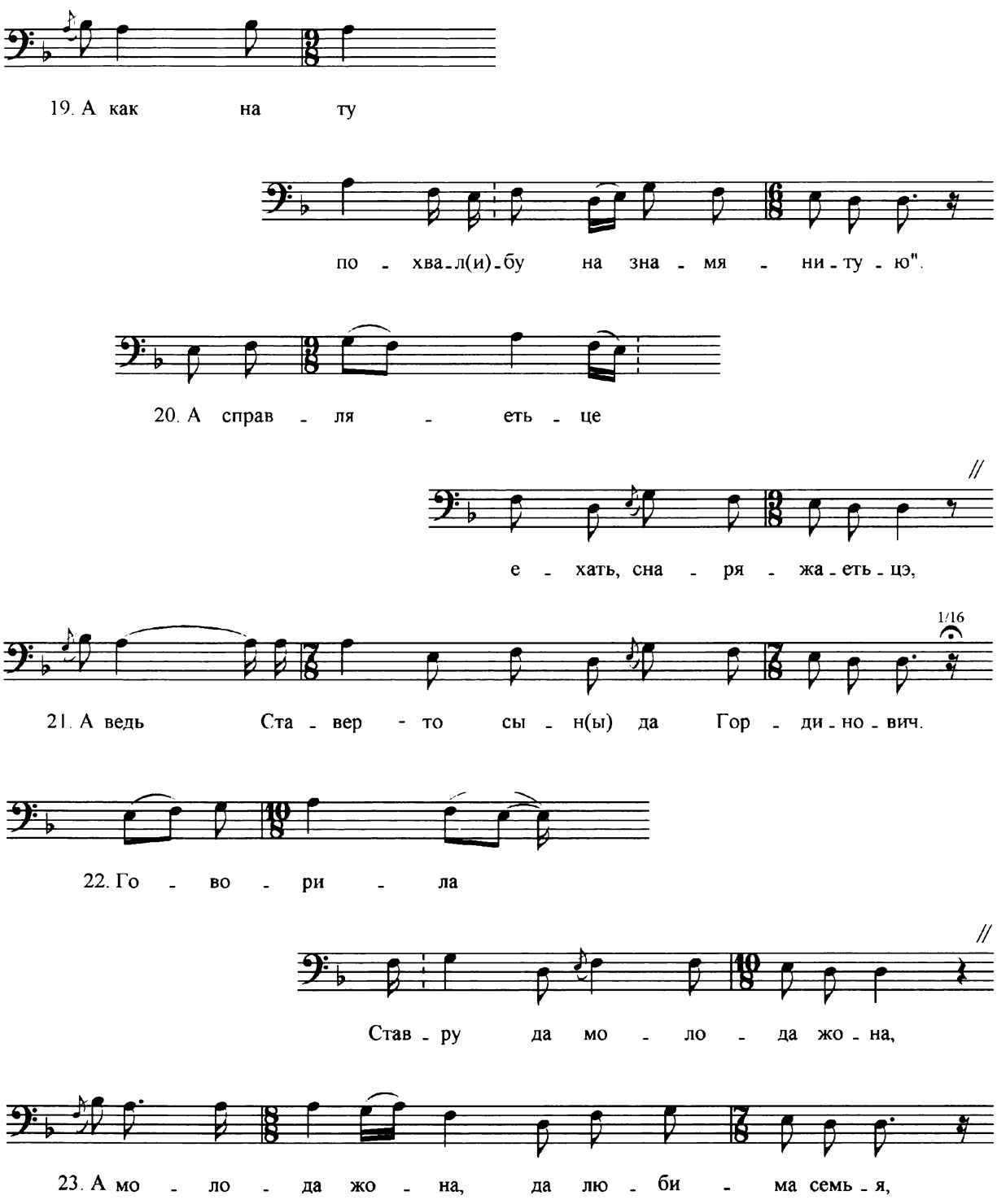
да всё бо - га - ты - и –
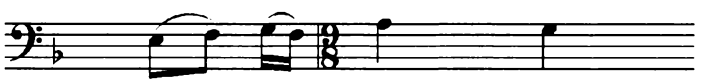

18. А ве-т(и) на ту - ю
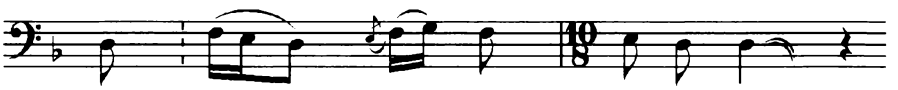

на сла - ву на ве - ли - ку - ю,
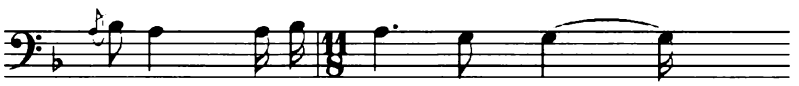

19. А как на ту
по - хва-л(и)-бу на зна - мя - ни-ту - ю".
20. А справ - ля - еть - це
е - хать, сна - ря - жа-еть-цэ,
1/16
21. А ведь Ста - вер - то сы - н(ы) да Гор - ди-но-вич.
22. Го - во - ри - ла
Став - ру да мо - ло - да жо - на,
23. А мо - ло - да жо - на, да лю - би - ма семь-я,
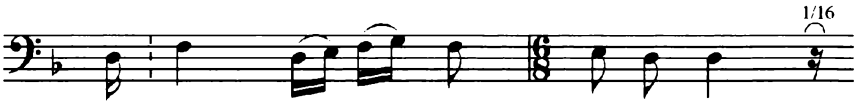

24. А сво - я - та
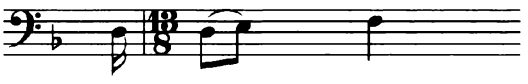

На - ста - сья Ми - ку - лич - на:
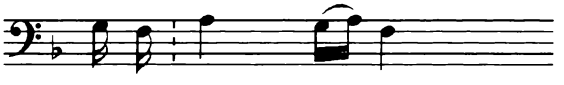

25. "А как спра-в(ы) - ля - е - се,
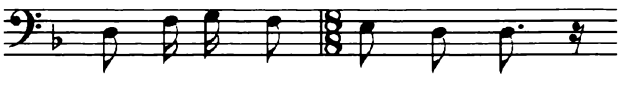

Ста - вер, да сна - ря - жа - е - си,
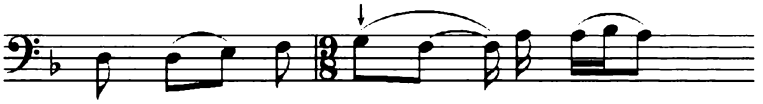

26. А все как
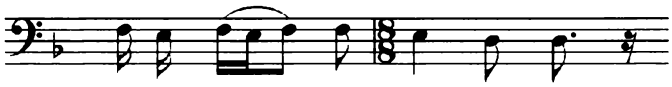

ко к(ы) - ня - зю - то
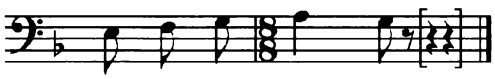

да ко В(ы) - ла - ди - ме - ру

27. А на та - кой - то ведь

на з(ы) - на - мя - ни - той пер.

28. А по - слу - шай - ко...".

Во сто́льнёём(ы) во го́роди во Ки́ёви
А у князя-то да у Владимера
И вёл(ы)сэ-продол(ы)жалсэ княженецкий пер.
А как Владимер-князь и стольнё-ки́ёвьский
А по полате белока́мённой(и) похаживат,
А свои жёлтые кудёрышка да-й он(ы) наглаживат,
А разны речи-те да выговариват:
«А уж вы, слуги мои, да слуги верныи,
А слуги — ду́ши кра́сныи девушки!
Как у м(ы)ня-то вы в полаты белока́мённой
А на столы-ты вы да за дубовыи
Как стелите скатерёточки шолко́выи,
А кру́гом(ы) ставьте-ко стулички клено́выи,
А готовьте е́ства-пи́тва вы мёдо́выи.
А как приедут ко м(ы)не да дороги́ гости́ —
А ведь си́л(и)не-могу́чии бога́тыри,
Да купци-те — людюшки да всё богатыи —
А вет(и) на тую на славу на великую,
А как на ту похвал(и)бу на знамянитую».
А справляетьце ехать, снаряжаетьцэ
А ведь Ставе́р-то сын(ы) да Гординович.
Говорила Ставру́ да молода жона,
А молода жона, да любима́ семья,
А своя-та Настасья Микулична:
«А как справ(ы)ляесе, Ставе́р, да снаряжаеси,
А все как ко к(ы)нязю-то да ко В(ы)ладимеру
А на такой-то ведь на з(ы)намянитой пер.
А послуша́й-ко...».

№ 452

ПРО СТАВРА

Князь Вл⟨адимир⟩-сол⟨нышко⟩ соберал пир,
На пир соберал всих бог⟨атырей⟩ могучиих.
Отправляется Ставер сын Годинович.
Хоз⟨яй⟩ка у его было Василиста Никулична,
Ена и наказыват Ст⟨авру⟩ Годинову:
«Ставер сын Годинович,
Пойдешь к кн⟨язю⟩ Вл⟨адимиру⟩ на почестен пир,
Дак на пиру не хвастай мной,
Женой, молодой Василистой Никуличной!»
Прих⟨одит⟩ Ставер сын Годинович в г⟨ород⟩ Чернигов
К кн⟨язю⟩ Владимеру-солнышку.
Принимали его на почестен пир.
Вси бог⟨атыри⟩ напивалисе и досыта наедалисе на том пиру.
Вот ены и поросхвасталисе:
Который хв⟨астат⟩ силой своей могучею,
А другой хв⟨астат⟩ ухваткой молодецкою,
Идный хвастат своим улетушком добрым конем,
Безумной хвастат отцом-матушкой.
Сидит Ставер Годинович ничим не хвостает
И ничего с богатырям не поговариват.
«Ай же ты Ст⟨авер⟩ Год⟨инович⟩, — князь г⟨овори⟩т, —
Что же ты нечим не хвастаешь?» —
«Нечим у вас хвастать, князь-солнышко,
У вас хлебен-от нижня корочка
Пахнет на кирпичной под
И много пахне на помелышко сосновое.
А у мня-то дома у родной матушки
Как спекет колачик, съешь — другого хочетце.
А питья-то у нас медовые,
Бочечки-то у нас висят на чепях,
Завие воздух, дак что лебедушки порхат.
У мня дома есь молода жена Вас⟨илиста⟩ Микулична,
Князь Вл⟨адимир⟩-солнышко,
Моя Вас⟨илиста⟩ Мик⟨улична⟩ ваш город Чернигов
Три раза продас⟨т⟩ да выкупит,
Тибя, князя Вл⟨адимира⟩-солн⟨ышко⟩, на три часа с ума сведет».
Посадили Ст⟨авра⟩ Годинова в темницу на три года.
Гов⟨орит⟩ кн⟨язь⟩ Вл⟨адимир⟩-солнышко:
«Посылай ⟨двенадцать⟩ богат⟨ырей⟩ могучиех

Достать Вас⟨илисту⟩ Никуличну сюда».
Вот В⟨асилиста⟩ дожидат времени много.
Дома надо быть ему, а его нет.
И говорит сама себе:
«Не видать Ставра — дак и нет добра».
Отсекла волосы по-мужичному,
Клала шляпу богатырскую,
Одела на себе шлем богатырск⟨ий⟩,
(*С латами и со всим*)
Отправилась в путь-дорогу.
На пути-дороги попало ей ⟨двенадцать⟩ бог⟨атырей⟩ могучиих:
«Ну, здр⟨авствуйте⟩, добры молодцы, могучии богатыри!» —
«Здр⟨авствуй⟩, молодой витязь, — отв⟨ечают⟩ тыи, —
Куда продо⟨*нрзб*⟩, розудалые витязи?» —
«Идем мы за Вас⟨илистой⟩ Ник⟨уличной⟩,
Ставра Год⟨инова⟩ хозяйкой.
А вы куда идете, доб⟨рый⟩ молодец?» — богатыри спрашивают.
«Я иду от такого-то короля, получить даннии,
Иду во Чернигов-град князю Вл⟨адимиру⟩-солн⟨ышку⟩
Получить с его дани и выходы
За ⟨сорок⟩ лет с половиною,
Получить по ⟨сорок⟩ тыс⟨яч⟩ с полов⟨иною⟩
За кажинной год.
А не то пускай за меня отдас⟨т⟩ племянницу
Дочь Пут⟨ятичну⟩ в замуж, —
Она отв⟨ечает⟩ им. —
Ставра Год⟨инова⟩ ⟨трети⟩й год дома нет».

№ 453

ПРО СТАВРА ГОДИНОВИЧА

Приехал Ставер Годинович
Да к князю Владимиру.
Вси на пиру наедалисе,
Вси на пиру наедалисе,
Вси на пиру и расхвастались:
Умный хвастал отцом-матерью,
Глупый хвастал молодой женой,
А безумный хвастал золотой казной.
А ён похвастал молодой женой:
«А моя да молода жена

А ваш Киев скупила и продала
И тебя бы, князя, с ума свела».
И тут царю не к лицу пришло —
Посадили Ставра во погреба глубокии.
За тем столом да за дубовыим
Сидел его желанный дядюшка,
И писал он записку (*жени*),
Клал коню под сидёлышко.
«Приезжай скорей, выкупай своего мужа законного».
Ена говорила своей богоданной матушки:
«Секи-ко мои волосы женские по-мужскому
Да снеси-ко платьица Ставровыи,
Я поеду выкупать своего мужа законного».
Приехала она к солнышку князю Владимиру
И говорит князю таковы слова:
«Отдай замуж мне свою племянницу».
Племянница сказала таковы слова:
«Тут е не мужчина, а женщина».

«Солнышко князь стольно-киевский, — говорит племянница, — что стопим байну, дак сойдет, дак мы увидим, что мужчина али женщина». И потом расположились, и просватал он свою любимую племянницу.

И навалили приданого сорок телег,
Сорок ордынскиих злата и серебра,
А завтра итти в Божью церковь,
Принимать по злату венцу.
Вот пошел у их уж почестен пир,
И говорила она таковы слова:
«У вас есь Ставер да Годинович,
Дак он хорошо играет на гуселках яровчатых,
Дак выпустите вы его,
Нам он поиграет на пиру».

Выпустили его со погребов со глубокиих. Ну вот, потом она говорит, что «Я схожу с им в другу комнату, попрошу его, как играть». Туды пошли две мужчины, а оттуль идет мужчина да женщина.

Ена солнышку князю поклонилась.
«Я приехала выкупать своего мужа законного,
А не жениться на твоей племянницы».

№ 454

СТАВЕР ГОДИНОВИЧ

Была Настасья Митриёвична да королёвична. Дак у ёй муж уехал куда-то, не знаю, как рассказать, воевать уехал. Дак там ёго королёвна каким-то образом убила. Этой Настасье Микулицьне надо было отомстить за мужа.

Вот она сокрутилась в мужицкие платья, приехала к королю свататься, волосы постригла. А у этой королёвны вряд ли отец-то был, а уж дядя был. Этой королёвны и наб замуж за ю пойти, за Настасью-то.

А дядя-то сметил, что тут женщина. Дак племяннице-то и говорит: «Да не ходи ты замуж за женщину, — говорит. — Ты видишь, она женщина. Сидит, а коленками ножки в одно место жмет, а грудь-то у ёй, — говорит, — как у женщины. А не наделай-ко ты, — говорит, — по всему граду Киеву смеху-хохоту».

№ 455

СТАВЁР

Стольне-киевский князь собрал пир, кто чем там хвастал (*не будем это место писать, как там, так и тут*).

Умный хвастат отцом-матерью,
Добрынюшка хвастает добрым конем,
Глупый хвастат молодой женой —
Воронежина нечем не хвастает.
Князь стольнё-киевский спрашивает:
«Чё не хвасташь, Воронежина?» —
«Моя жена всех твоих богатырей побьет,
А тебя, Владимир стольнё-киевский, с ума сведет».
Он говорит: «Тащите его в погреба, в двенадцатисаженные бросьте!»

Его в эти погреба свели-спустили. Жена про это дело узнала, сел на стул, волосья подбрила, мужское платье одела и войско взяла. Оставила за поляной, а сама без войска выехала в Киев, стольный град. Приехала, значит, без провожатушка. Говорит князю Владимиру:

«Давайте церкви под коней, я воевать приехала!»

Князь испугался: «А лучше мы с тобой воевать не будем, а возьми племянницу замуж» (*Путея. Отчество забыла.*) — «Посмотрим, кака красива — так возьму, а некрасивая — так не возьму!»

Решили свадьбу играть. Приходит дядя к племянницы: «Путея, я тебя замуж хочу отдать, приехал, сватается за тебя богатырь».

Путея говорит:
«Я давно на него смотрю —
У него походочка женская,

У него поговорочка женская,
Не наделай, дядя, смеху по святой Руси,
Не выдай девушку за женщину».

А он говорит: «Узнаем сейчас: подостелем постелюшку — если задницей крепко лежать будет — значит, женщина, если плечами — значит, мужчина».

А она поутру выстала, постель перетряхнула, значит, никто ее не узнал. Вот она стала с богатырями прыгать через реку. (*Через Москву что ли.*) Поехали через реку, она перепрыгнула, да еще одного богатыря за волосы вытащила.

Стали они стрелять, она двенадцать пуль всадила, а они — кто куда.

Говорит: «Не может быть, чтобы это была женщина, это мужчина. Гляди-ко, всех наших богатырей вытащила, давай, Путея, свадьбу играть!» — «Стоплю я байну, узнаю, кто она».

Стопили байну, она пришла, головы помыла да идет. «Чего мало помылась?» — «А я по-военному!» И за свадьбу сели. Она села, заплакала, ее спрашивают [отчего]. — «У родни полон стол, а у меня нет никого, ни спеть, ни сплясать не с кем. Нет ли у вас Воронежина?» — «Да есть, да его сюда нельзя». — «Позовите, я хоть спляшу с ним».

Его выпустили. «Вы ведите свадьбу, а я пойду за ним, поговорю». Они вышли. Муж говорит: «Пойдем домой!» — «Нет, надо свадьбу доиграть».

«Я же вам говорил, что моя жена всих богатырей побьет, а тебя, князь стольнё-киевский, с ума сведет». (*Дак и свела с ума, как племянницу замуж за женщину выдавал!*)

№ 456

ПРО СТАВРА ГОДИНОВА

Как во славноем стольноем городе во Киеве
У ласкового у князя у Владимира начинался пир, почетный стол.
Тут на пиру все наедалися, напивалися,
Все на пиру порасхвастались:
Умной хвастает умом-разумом,
Безумный хвастает молодой женой,
А богатый хвастает золотой казной.
Сидит Ставёр сын Годинович,
Он не ест, не пьет, челом не бьет,
Челом не бьет и ничем не хвастает.
Подходит к нему князь Владимир и говорит ему таково слово:
«А что же ты, Ставёр сын Годинович, не ешь, не пьешь и челом не бьешь?
И ничем не хвастаешь?
Неужели у тебя нет ума-разума,
Неужели у тебя нет молодой жены,

Неужели у тебя нет золотой казны?» — «Нет, князь, у меня все есть. Есть ум-разум, есть, — говорит, — моя жена Настасья Никулична — такая, что ваших купцов-бояр всех может продать и выкупить, а тебя, царя, с ума свести».

Князь Владимир команду дал: «А ну-ка, берите Ставра за белы руки, ведите Ставра во глубок погрёб. Что же он так своей молодой женой так хвастаёт?»

А Ставёр Годинович и говорит: «Но, князь, для того, чтобы это дело осуществилось, разрешите мне ей весточку написать». — «Пожалуйста, пиши, хоть сколько».

Но он написал ей письмо. Гонця сразу же отправили. А его посадили в глубок погрёб — не убежишь. И одновременно этот князь Владимир послал тоже гонцов к его жене: «Съездите-ко да узнайте, чем она так знаменита, и ведите ее сюда. Может ли она его выкупить? Что всех бояр-купцов продать и выкупить, а меня, царя, с ума свести».

Ну, он там команду целу собрал и тоже отправил. Она письмо это получила, Настасья Никулична, и прибегает к свекрови: «А ну-ко, маменька, подстригай-ка меня по-мужскому!» — «Да что ты, Настенька, что с тобой?» — «Мой муж, Ставёр Годинович, посажен в глубок погрёб, нать съездить его выкупить».

Свекровушка ее по-мужичьи подстригла, как следует. Оделаси в мужские платья, богатырем таким сокрутилась, на коня — и поехала. Вдруг она встречает вот этых молодчиков, которы едут за ей уже. «Ну что ж, — говорит, — далек ли ваш путь да зачем вы едете?» А они ей объясняют: «Да едем вот в такое-то место, к Ставру Годинову, к жене его. Говорят, она очень разумная женщина и может большие чудеса делать, так вот для проверки мы едем». — «А едете вы, — говорит, — некстати: она в отлучке, ей дома нет сейчас. Она куда-то уехала к сродникам в гости далеко. А я посыльничек-рассыльничек от царя Калина, еду к князю Владимиру получить с его дани-пошлины, дани-пошлины за двенадцать лет с половиною».

Они встали и призадумались: «Действительно, если ее дома нет, с одной стороны, — впустую мы съездим. С другой стороны, — если этот человек приедет, а за двенадцать лет с половиною дани-пошлины — может ли князь Владимир рассердиться? А не то он там набедокурит». И рассыльники с ней обратно поехали. Вернулись, поехали вместе. Приехали, ну и она предъявляет князю Владимиру: «Я, — говорит, — от царя, от собаки царя Калина приехал получить с тебя дани-пошлины за двенадцать лет да с половиною». Князь считает, что «нет у меня таких средств». Не хватит всего царства евонного, княжества.

«Ну, а раз нет у тебя, я слыхал в проезде, — говорит, — что посажен Ставёр сын Годинов в погреб, выдай, — говорит, — его мне за это за всё, за все долги». — «Да нет, — говорит (*князь Владимир*), — этого нельзя сделать. Надоть дождаться, когда его жена приедет с гостебища да приедет сюды. Она только может его спасти-выкупить. Она, — говорит, — приедет». — «Она в гости надолго уехала и не приедет».

А вот эты все князья-бояре чего-то признают в ней и долагают до князя: «Вряд ли тут мужчина есть. Будто бы на женщину похожа». — «Да что вы!» — говорит. — «А мы можем и поотведать. Можем его вызвать на борьбу. Если мужчина, так тот сумеет бороться. Бога́тырь да такой представительный человек, дак сумеет бороться. Ну, во всяком случае, женщина же так не будет бороться».

Ну, и князь Владимир ему долагает: «Ну, посыльничек-рассыльничек, не желашь ли ты с нашима бога́тырями побороться, силами померяться?» — «Да я, — говорит, — давно не баривался. Не знаю, попробовать-то можно. Но я уговариваюсь, что я давно не баривался».

Ну, и вышли на борьбу. На борьбу вышли, подходят. Говорят: «Ну, с кем желаешь, выбирай!» Ну, а ведь на борьбу да у князя, дак которы посильнее посланы.

Она поглядела-поглядела и говорит: «Да, князь, бороться мне этта не с кем». Берет одного за шиворот, другого — за другой, выздынула так, говорит: «Что с има, с этыми людями сделать? Трёснуть, с их, — говорит, — останется мокро место, и все!»

Вот князь говорит: «Ну, друзья, придется нам Ставра́ Годинова выпустить, иначе этот человек нас разнесет, и не может быть тут женщины».

Они придумали вот что еще: «Еще проверку можно сделать: если женщина, то из тугого лука она стрелять не сумеет. Ну, а если мужчина, то он стрелять будет хорошо». — «Ну что, — говорит, — посыльничек-рассыльничек, не желаешь ли ты с нашима стрелками пострелять, — говорит, — показать свое мастерство?» — «Ну, — говорит, — я вообще давно не стреливал. И дорогу всю проехал, не в кого было стрелить. А попробовать можно. Давайте», — говорит.

Ну, там стали стрелять стрелки. Куды там! Попадают, дак только дубы качаются. Ну, предоставляют ему: «Пожалуйста, любой лук бери и стреляй!» Он какой ни лук возьмет в руки, натянет — всё трещит, лопает. То сам лук лопает, то тетива натянутая лопает.

«Вот что, — говорит, — ребята, сходите-ко вот там за тем дубом, притащите мне мой лученко, лученько дорожный да нехороший. Может, я с него не могу ли стрелить?» Они сошли двое-трое да и лука одного притащить не могут. «Эх вы, — говорит, — да еще и хвастаете, что „мы, мы стреляем!"» Сходила, взяла там три-четыре стрелы. Как в какой дуб направит, стрельнет — дуб по щербенке разлетается. «Вот, — говорит, — как нап стрелять!»

Князь говорит: «Но, князья-бояре! Никакой тут ошибки нет — мужчина!» — «Не, — говорят, — князь, все-таки как-нибудь еще проверить нап».

Ну, подумали-подумали, как проверить: «Ну, ладно. Положим его на кровать и по спанью узнаем: если мужчина, то яма будет под плечами, а если женщина, то яма будет под задницей». — «Но, давай!»

Положили-уложили. Всё. Ну, а она женщина была смекалистая. Про́спала, как положено. А наутро взяла да повернулась в другу сторону головой. И так полежала: тут яма, и тут яма! Но ты хоть как хошь угадывай. «Ставра Годинова надо выдать этому человеку! На черт и его жена нам нужна будет!»

Выпустили Ставра. Она и говорит: «Ну-ка, князь Владимир, дайте нам помещенье отдельное на три часа». Отвели помещенье отдельное. У ей привезены и свои платья. Переоделась, всё. Выходит парочка. Этот Ставер сын Годинов и говорит: «Ну вот, князь Владимир, прав ли я или не прав? Кого твои слуги, твои приспешники послушались, вернулись домой и до жены не доехали и кому ты выдал меня? Вот тебе и доказано, что она их обманула, купила и продала, а тебя с ума свела». А он перед ним упал на колени: «Ну, — говорит, — Ставёр сын Годинов, прости меня, глупца. Со мной что знашь, то и делай. А хоть сам поступай князем на моё княжество!» — «Не нап мне твоего княжества. У меня своё не хуже твоего!»

Да так попрощалися и больше на эти сборы Ставёр сын Годинович не ездивал.

Вот и сказочка вся.

№ 457

СТАВР ГОДИНОВИЧ

Как во славном в городе во Киеве
Было у ласкового князя Владимира,
Начинался пир, почетный стол.
Все на пиру наедалися,
Все на пиру напивалисе.
Один, один сидит с Ставерсом Годиновичем,
Не ест, не пьет и силом не взять.
А остальные все поднапилисе и порасхвастались:
Умный хвастат умом-разумом,
Безумный хвастат молодой женой,
Богатый хвастает золотой казной.
А Ставёр сын Годинович,
Он не ест, не пьет и ничим не хвастает.
Вот подходит он к нему, князь Владимирский:

«Что же ты, Ставёр сын Годинович, не ешь, не пьешь, ничем не хвастаешь? Нет у тя молодой жены или нет у тя золотой казны, нет у тя отца-матери или чего у тя не хватает?» — «Есть у мня, — го⟨во⟩рит, — отец-мать родной, есть у мня отец-мать родной, есть, — говорит, — жена молода, есть золота казна. Моя жена, моя жена, молода Анастасия Микулична, может вас всех, купцов-бояр, продать и выкупить, а тебя, царя, — говорит, — князя, с ума свести!»

Россе́рдился тут князь, князь киевский, и дает команды: «А ну-ка, богатыри, берите Ставра за белы руки, ведите Ставра во глубок погрёб, во глубок погрёб».

Взяли Ставра и увели в погрёб. Он стал просить: «Розрешите мне хоть три слова сообщить жены, что я арестованный».

Вот ему розрешили, он записочку написал, отослал и сидит в погребе. Получила весточку Анастасия Микулична и говорит она матери: «А ну-ка, маменька, подрезай мне волоски по-мужскому. Я оденусе, — го⟨во⟩рит, — как мужчина, поеду, — го⟨во⟩рит, — повыкуплю Ставра Годинова. Он, — говорит, — посажен во глубок погрёб».

Ну, она ее подрезала волосы по-мужскому, переоделасе в мужские платья и отправилась в путь-дороженьку. Отправилась, а князь Владимирский взял богатырей послал: «А ну-ка, поезжайте, проверьте его жену, что это за птица, что вас, купцов-бояр, может купить, продать и выкупить, а меня с ума свести? Может ли это быть?»

Ехали как один, так и другие: далеко ли, близко, высоко ли, низко, скоро сказка сказывается, по успехам дело диетца, на пути и на дороженьке и встретились. Встретились и разговорилисе. Вот этот, эты купцы-бояре спрашивают: «Чей ты есть человек и куда ваш путь, зачем?» — «Я, — говорит, — есть посыльничек-россыльничек от собаки царя Калина, еду к князю Владимиру, к Владимиру получить дань и пошлину, дань и пошлину за ⟨двенадцать⟩ лет с половиною». — «А мы, — го⟨во⟩рит, — едем к Ставру, к жены Ставра Годинова. Вот, — го⟨во⟩рит, — он хвастает, что его молода жена, — говорит, — может нас, бояр, продать и выкупить, а царя с ума свести, дак узнать, что она такая за птица?» — «А ей, — говорит, — дома нету». — «А где же

она?» — «Она, — го⟨воря⟩т, — уехала вот в такую-то, такую державу к матери в гости, раз Ставра нету».

Они стали, пораздумались: «Что такое? А у царя Владимирского нет, — говорит, — такой суммы, чтобы заплатить дань и пошлину за ⟨двенадцать⟩ лет с половиною. Пожалуй, она, — говорит, — там может, он может там делов натворить».

И поворотились, поехали обратно. Вот приехали опять во Киев-град, и этот посыльничек-рассыльничек предъявляет документы Владимиру-князю: «Вот, — го⟨вори⟩т, — нужно с вас получит дань и пошлину за ⟨двенадцать⟩ лет с половиною».

У Владимира холодный пот прошел по всему телу и стал просить: «Уж нельзя ли будет уважить, мол, отсрочки дать?» — «Нет, — говорит, — некак нельзя уважить, некак нельзя, — говорит. Я с таким заданием послан, что мне что во что ни стало полностью надоть погасить». — «Ну ладно, — говорит. Если у тя, — го⟨во⟩рит, — нет, нет, — говорит, — дани-пошлины отдать мне, дак у тя, — го⟨вори⟩т, — есть племянница Путятична, отдай за меня во замужество, и я, — говорит, — не буду пока что с вас требовать этого, дани-пошлины».

Ну, он обрадовался, что выход нашел. Подходит к племяннице Путятичной: «Но, племянница Путятична, — говорит, — собирайся во замужество». — «Да за кого же, дядинька?» — «Да вот, — говорит, — за посла. За посла, — говорит, — царя, царя Калина». — «Ой, дяденька мой родненькой, не наделай смеху-хохоту по всему по Киеву, не выдай меня в замужество, не выдай меня во замужество за женщину. Она ведь, — го⟨вори⟩т, — женщина». — «Да что ты, — говорит, — говоришь?» — «Да вот я говорю, что она женщина. Погляди: у ей, — го⟨вори⟩т, — палички тоненьки, голосок с провизгом — женщина!» — «Ну дак что ж, — говорит, — племянница, можно, — говорит, — проверить это дело». — «Ну, дяденька, проверяй, как знашь, но не наделай смеху-хохоту».

Вот князь приходит к этому посыльничку-россыльничку и говорит: «Ну что, посыльничек-россыльничек, нельзя ли, — говорит, — позабавитьца, пострелять из туга лука?» — «Да я, — говорит, — давно не стреливал, очень давно не стреливал. Не знаю, — говорит, — что получитце».

Ну, и там богатыри вышли стрелять. Начали стрелять, дубы начали гнуться, качаться только, только качаются. Ну, ему говорят: «Ну давай, посыльничек-россыльничек, пробуй!»

Он ихни туги луки какой ни возьмет, только натянет — вси вдребезги ломаютца. «Ну что же вы, — говорит, — из такого барахла стреляете, вот подьте-ко, возьмите там, — говорит, — вот за дубом мой тычёнко-лучёнко дорожный да нехорошенький, принесите, я со своего попробую стрелять».

Туды двое-трое сбежали, да и поднять не могут — такой тычёнко-лучёнко! Ну, кое-некое притянули. Как она в какой дуб стрелит, дак дуб весь вдребезги летит! «Ну что ж, — говорит царь Владимирский, — что, племянница, не может быть тут женщина, что так стреляет».

Ну, племянница Путятична в слезы опять, в слезы: «Дяденька мой родненький, не наделай смеху-хохоту по всему по Киеву, не отдай меня за женщину, тут же женщина!»

Ну, царь подумал-подумал: «Дак можно еще поотведати». — «А как поотведать?» — «А вот, — говорит, — положим, положим, — говорит, — кровать на мягкую спать: если мужчина спит, то под плечами будет яма, облежитце, если женщина — обязательно под задницей».

Но, так и сделали. Положили этого посыльничка-россыльничка на кровать, а он, где было сголовье налажено, тут ноги положил, а сголовье перекинул в другую сторону. А утром выстал да обратно переложил, да. Но, пришли после его проверять: действительно — под плечами ямка.

«Но, племянница Путятична, собирайся во замужество, собирайся, — говорит. — Не может быть никакой речи».

Ну, она стала тут плакать-рыдать: «Дяденька мой родненький, не наделай смеху-хохоту по всему по Киеву, не отдай меня за женщину!»

Он никаких ее согласий, никаких ее согласий не спросил: «Давай, больше мы держать его не можем». А этот посыльничек-россыльничек призадумалсе, приугрюмилсе, всё и ничего не ест, ни пьет и не розговариват ни с кем.

«Да вот, — говорит (*подходит князь*), — что же ты, посыльничек-россыльничек, эдак призадумалсе, пригорюнился?» — «Да, — говорит, — что-то, что-то, — говорит, — тяжело сердце, — го⟨вори⟩т, — стало битьце. Наверно, что ни дома. Хоть не приехали ли каки-ни опять с какой-ни державы, чего-ни у мня дома, у царя, не натворили. Не знаю, — го⟨вори⟩т, — нет ли у вас кого музыканта хорошего, музыканта хорошего, чтобы поразвеселитьця хоть немножко?»

Но того, другого музыканта подставляют — всё не то. «Да вот, — говорит, — у вас в погребе сидит человек-то, — говорит, — он всяко не сумеет развеселить ее?» — «Да как же, — говорит, — он, — говорит, — хвастал, что он играет. Тут кто-то сказал, что играет хорошо. Но-ко давай, приведите его!»

Привели его. Он потребовал: «Вот дайте мне такую-то, такую-то тальянку». Дали тальянку, тальянку дали, и он начал играть. Как начал играть, дак все просто заслушиваться бы. А этот посыльничек-россыльничек говорит: «Но, князь Владимир, розрешите мне вот с этым вашим человеком сходить прогулятьце в чистое поле. Вы не подумайте, — у меня все, что было, все оставлено тут у вас, я не побегу и его не отпущу».

Ну, и пошли в чистое поле гулять. Ну, а раз муж да жена — дак узнали друг друга ведь. В чистом поле у ей было оставлена сумка своя. Она сумочку розвернула, в женски платья оделасе и всё, под ручку друг друга захватили и приходят к князю. Ну, приходят к князю, этот Ставёр сын Годинов и говорит: «Ну что, князь Владимирский, правду ли я сказал али неправду: за кого ты, — го⟨вори⟩т, — хотел свою племянницу Путятичну во замужество? За мою жену? Разве ты с ума не сошел? С ума сошел! А вы, купцы-бояре, почему вы вернулись с полудороги? Вот вам мои слова и оправданы».

Ну, а князь Владимир пал на колени перед Ставром Годиновым и попросил прощения, что: «Я виноват во всем!»

И вот сказочка вся эта.

№ 458

СТАВЕР ГОДИНОВИЧ

Слыхала маленько про Ставра от своего старика. Ставёр-то в тюрьме сидел. А ёго жона приехала, ёго из тюрьмы-то вывела, с другой державы приехала.

Как-то она накрутилась, девка-то, мужиком, и пленницу царя замуж взяла. Как-то не могли узнать, что она женщина.

А потом уж свадьбу сделали, так выпустили из тюрьмы.

№ 459

СТАВЁР ГОДИНОВИЧЬ

Вишь, во городи во Ки́ёви, (э...) у... у князя у... у князя у Владимера собераэтцы почёсный пер, княженецкой стол. Вси, вси на ⟨...⟩ на пир собераютцэ. Князья-боя́ровья ⟨...⟩ вси на, на пир собераютцэ. И вот(ы)... приглашают нашего Ставра́ Годиновича на пир. ⟨...⟩ Поехал Ставёр Годиновичь на почёсной пир, княженецкой стол. Вси на пе́ру... (*там он приехал, уж пир собран был*). Й-он приехал, роскланялсэ. Ну-у, посадили Ставра́ во большой угол. Ну и стал, стал Ставёр там... розговаривать.

Да, приехал Ставёр исще́, как только приехал, кланяэтцэ: «Здраствуй, солнышко Владимер стольно-киевской! С князьямы да со боярамы, со великой своёй ⟨...⟩ обру́чнёю княгиною (ну а и потом) и с люби́мой(и) ⟨...⟩ племяницей Забавой-ить Путятичный!»

Ну и вот, посадили ёго́ во большой угол. Вот сел й-он, давай(и)... Сили, дак(ы) вот тым хвастают да розговаривают (*когда русской мужик наш ведь водку любил*)... Поднапилсэ, а этот(ы)... Владимер стольно-киевско⟨й⟩ как бы этот ... хвастат. Ну вот... «Эх, — говорит, — у нас, — говорит, — ведь знаешь, там то хоро́шо, да друго́ хоро́ша». Да и стал хвастать. Ну вот... «У нас Киев-град, дак это устро́ёно, да это постро́ёно!» Ай он сидит: «Ох ты, солнышко Владимер стольно-киевской, — говорит. — У тя нету ничёго́ супроти́во моёго́. У нас, — говорит, — на Руси, по крайней меры, — говорит. — У нас всё есь на Руси, — говорит. — Вот есь, — говорит, — есь ле у м'ня, — говорит, — столько рысаков: на́ день на той лошадки еждю, а другом... на другой — друга́ подве́дена. На́ день сапо́жки-ки ношу, а на другой уж у м'ня другоя́ки кладены. На́ день ношу пла́тьё-н, опять ну уж, кажный день но́во подкраивают». Ну ведь он там, ну-у, солнышко Владимер стольно-киевской там уж тоже хвастаэт своим. А потом говорит: «Солнышко Владимер стольно-киевской! Ну ведь у нас есте высок терём на семи вёрста́х, а на восьми столбах». Говорит: «На́ небе соньцо — дак у нас соньцо. В тереме у како́во — в тереме соньцо. А как на́ неби звезды — да у нас звезды». Давай, (э...) эдак... Ну и вот росхвастался. Ай оны говорит: «Порато хвастат!» Да взяли, чёво́ ёго́, росхвастался. «Посадить ёго́ в глубокой погреб!» Ну и взяли ёго́, посадили пьяного в глубокой погреб, да не выпускают.

А этот, ⟨...⟩ которой посол-то ездил, тот приехал-то в... да ведь в Ленинграде уж был-от раньше, ведь центро⟨м⟩ Ленинград у нас был. Приехал в Ленинград и вот и говорит... Вот(ы). говорит: «Посадили Ставра́, — говорит, — пьяного во глубо́к погрёб. Н-над' морить ёго́ с голоду». Ну ладно... Потом говорит: «Што делать?» Сказал, — туды-сюды побегала, а потом жона больше ничого. Сецяс сбегала, — говорит, — в комнату скоморошную, подрэ́зала волосы по-скоморошному. Ну и (мм...) взя́ла... гусёлки яро́вчаты и поехала в Киев-град.

Приезьжат в Киев-град, ну уж, што исщё она ⟨...⟩ мужчиной оделасе. Приезьжат, — говорит, — гусёлышки яро́вчеты. Ну, роскланяласе, говорит... я, — говорит...

Крёст веде́т (э...) по-церковному, а поклон ведет до сырой земли.

«Здраствуй, солнышко Владимер стольно-киевско⟨й⟩
Со своей княгиною Опра́ксию —
Обручёной княгинёй Опра́ксией,
Со любимой племяницей Забавой-ить Путятичный!»

Ну, говорит: «А это сковорошина легкая, — говорит. — Не́куды тебя посадить за сто́л(ы). Ай она мужчиной приехала: «Мне, — говорит, — необязательне». Она: «Где хочу, там... где могу, там и посижу». Села на за́печку и стала поигрывать. Стала гусёльчики поигрывать, а сама чуствуе, што муж, муж в погреби, — его за столом нету. Ну ладно... Потом, — говорит, (э...) играла да бы́ла, да, да всё говорит... А потом(ы) и потом плясать пустиласе и всякима ногамы... Плясать пустилась — всих переплясыват. Ну...

«Ох ты, сковорошина легкая! — говорит(ы). ⟨...⟩ Не на за́печки сидеть тебе, а рядом со мной сидить. Ну-й, она скочила, посидела тут. Ну, где ⟨...⟩ пляску так увидя, всих переплясыват. И всих потом со́брали, говорит. Со всих оттуль со́брали... со всего́ Ки́ёва, вот всих плясунов со́брали — ну уж те ей не могут переплясать.

Ай она и говорит: «Ох(ы) ты, солнышко Владимер стольно-киевской! Для чего́ же не мож... не найди́тё поряди́ньщика? Уж всяко где ни есть поряди́ньщик. Ходили да были, а один и пошоптну́л, говорит: «Над' Ставёр там, — говорит, — нако́рмите да напои́те его! Ай он, — говорит, — плясать бедовой, перепляшет е его». Ну вот, и привели Ставра́.. Накормили, напоили, причесали, помыли. Ну и давай плясать, и Ставёр ⟨...⟩ стал(ы) ёй переплясывать. Ну ладно... Стал ей переплясывать всё... Ну там пляшут будут... Потом опять исще́... (э, он...) Ай он: «Эта скоморошина лёгкая пляшет, дабы́я всё к Забавы Путятичны-й пёха́э, всё к племянници». Ну и потом плясала да им(ы) играла там, играт, пля́ше всё лучше всих.

Ай он говорит: «Вот что тебе, — говорит, — скоморошина легкая, сиди́ть не на за́пецьи, а сиди́ть, — говорит, — три места за столом. Пе́рво место во большом углу, а дру́го место, — говорит, — рядо́м меня, а тре́тей место — куды хочитцэ». Ай он, скоморошина легкая, недолго вот соберался. Выскоцил... «А солнышко Владимер стольно-киевской, я, — говорит, — хочу систь супроти́во тебя». Ну вот, и сел супротив его. Сел супротив его да... Ну и поднимат стокан. Ну, куда давай-давай солнышко Владимер стольно-киевской, давай ⟨...⟩ ско́лнёмся да побрата́ёмся. Ну а, ну вот с(ы)... с царем-то ко́лнулсэ. «А розреши, — говорит, — мине ще́ (э-мм...) ко́лнутьцэ, — говорит, — (э...) с этым... ⟨...⟩ Сидит, ну ладны... Да, погони́ну сватаютця, всё исщё сватаютца. Ну, ко́лнулисё... Там и ты пляшут, ды ины́ пляшут, ды-й она всё пляшет, этот Ставё⟨р⟩... кака́ с кого́рышна переплясыват.

Ну ладно, идет садитцэ как... (А погодите!) «Есь, — говорит, — тебе три места, садись». Ай он взял(ы) о месьто — ай он(ы) взял к этой Забавы Путятичны села, эта, кувы́рышнина лёгка. И потом(ы) давай у... у царя сватати, давай, у солнышка-то Владимера давай сватати Забаву Путятичну замуж за себя, этот, жона-ты Ставра́ Годиновиця. Ай ⟨...⟩ он соглашаетца отдать ей. В гостях й-он тут вертитце и обнимат цёлу́ет всякима, скоморошина лёгка. Да вся-й она: «Дядюшка, — говорит, — зачем ты отдаваешь дивчи́на за женьщину? Тут ведь женьщина». — «Да што ты, с ума не сходи, женьщина-то. Што ты, мужчина, да, мужчина». Ну, говорит: «А ладно, што делать? Подостелите, — говорит, — ему пуховики мягки. Как й-он буде спать: если мужчина, — говорит, — да у его́ буде под... под пле́цами яма, пу́хи... пуховики. А есле женьщина, то под жопой буде яма».

Ну, положили спать. Ай он, этот, скоморошина лёгкая, не думала. Повернуласе да жопой на подушка: ушла с «вина», тоже ишь, знала, верно услышила, лебы знала. Про́спала, й-он бежит там: «Не будите его́, я сам схожу, розбужу». Прихо́дил, пришел, розбудил, она спит, как следует. Ну, розбудил. «Вот што, — говорит, — сковорошина лёгка, я хочу, — говорит, — с тобой сходить в байну попаритьцэ». — «Ну-у, со всим удовольством. Пошли, пошли, пошли давай в байну,

пошли в байну!» Пока царь соберался, ай она идéт в байну. И она у й-он... й-он уж настрéту, скоморошина лёгкая поклон отводит, в байны намылса. «(В)ой, как хорошо у тебя!» Всё перехвалил, дак не так, как Ставёр Годиновиць. Она всё перехвалила. ⟨...⟩

Ну ладно... Намылись, напарились, надо уж (перед венцём намылисе), над' к венцю ехать. На одённы-ты Забава Путятичны и говорит скоморошины лёгкая: «Знаэшь, — говорит, — что, давай, — говорит, — (э...) съиздим к озеру покатаэмсе, или к морю, или-т' как...» (*Где там, в Белоруси, я не бывала...*) «Съиздим, — говорит, — к морю покатаэмсе!» Й-он говорит: «Давай запряги, проси у дяди лошадь, дак поéдём, прокатемси перед исщé... перед свадьбой, пока готовятця». (*Там всё готовя на свадьбу, да пиру готовя да всё...*) Ну ай она и согласилася: «Ну, поúдём давай!» Там, — говорит, — съиздём да покупаэмсэ да... Да всё уговорила ей. Ну, и она согласилась ехать. [Сыс]кали им(ы) ямщика, да там тройку лошадей, да всё... Ну ладно, поехали... 'Ак говорит: «А возьмем соби-й этого, — говорит, — Ставрá Годиновиця, там мóжё да исщё и спляшом». Не та, Забава Путятцьна, невеста-та: «давай, — говорит, — а там исщё мы повеселимсе. Й-он, — говорит, — играэт хорошо, я думаю, давай себе всё... ну, давай пойдем...поехали...».

Поехали, тройку запрягли, к им(щ) ямщика-от посадили там úхново. А тройка запряжона. Ну и приехали к морю. Приехали к морю, ай этот(ы) ямщик пошел(ы) съ имá туды, к берегу. Ай остáлса Ставёр Годиновици (с) лошадь берегцú. Ну, а пока он тут им всё да... «Давай покупаэмсе да всё...». Вси пришли к озеру, а скоморошина лёгка свернуласе, да на лошадей, да тройки упалúли домой: опять в Россию уехали. Ай онú так и остались...

ИВАН ГОДИНОВИЧ (№ 460—466)

№ 460

О ИВАНЕ ГОДИНОВИЧЕ

Поезжает Иванушка женитися
Ко гостю ко купцу к Дмитрищу.
Говорит он рóдному дядюшке:
«Ай же ты, любимый дядюшка,
Солнышко Владимир стольно-киевский!
Дай-ка мне силы сорок тысячей,
Казны-денег друго сорок тысячей:
Поеду я, Иванушка, женитися
Ко гостю ко купцу к Дмитрищу».
Князь Владимир стольно-киевский
Давал ему силы сорок тысячей,
Казны-денег друго сорок тысячей.
Поехал Иванушка женитися,
Приезжал ко гостю ко купцу ко Дмитрищу,
Скоро он шел по новым сеням,
Заходил Иванушка в высок терем,

Говорит-промолвит таковы слова:
«Ай же ты, гость-купец Дмитрище!
Есть у тебя любимая дочь,
Прекрасная Марья Дмитриéвична:
Отдай-повыдай за меня замуж!»
Говорит купец таковы слова:
«Ай же ты, Иванушка Годинович!
У меня была Марьюшка просватана
За того царя Кощея за Трипетова».
Говорит Иванушка Годинович:
«С добра отдашь, добром возьму,
Не отдашь с добра, силóм возьму».
Скочил Иванушка на резвы ноги,
Схватил ножище-кинжалище,
Ударил ножищем во дубовый стол —
Разлетелся стол во все стороны.
Бежал тут Иванушка в высок терем,
Взимал-то Марью Дмитриéвичну
За ея за рученьки за белыя,
За ея за перстни за злаченыя,
Целовал-миловал, к сердцу прижимал,
Сам говорил таковы слова:
«Поедем-ка со мной, Марья Дмитриевична!»
Поехал он ко городу ко Киеву
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Ко своему любезному ко дядюшке.
Отъезжал Иванушка на чисто поле,
Раздернул он бел шатер
Во том раздольице чистом поле,
Отпускал свою силушку великую
Ко стольному ко князю ко Владимиру:
«Скажите, братцы, родному дядюшке,
Стольному князю Владимиру,
Что везем Марью Дмитриевичну!»
Его рать-сила великая
Отправилась ко городу ко Киеву.
На ту пору на то времячко
Наезжает царь Кощей сын Трипетович
Ко гостю купцу ко Дмитрищу,
Говорит ему таковы слова:
«Ай же ты, гость, купец Дмитрище!
Ты куда девал Марью Дмитриевичну?» —
«А есть Марья увезена

У того Иванушка Годиновича:
Я с добра не дал, так он силом увез».
Царь Кощей сын Трипетович
Поехал за Иваном вслед с угоною;
Застал он Иванушка на чистом поле,
На чистом поле во белом шатре,
Со той ли со Марьей Дмитриéвичной,
Застал ли его забавляючись.
Скочил Иванушка на резвы ноги,
Начали оны битися-ратиться
Со царем Кощеем сын Трипетовичем:
Побивал Иванушка Годинович
Царя Кощея сына Трипетова,
А сбил он его на сыру землю.
На ту пору, на то времячко
Ножища при нем не случилося.
Говорит Иванушка таково слово:
«Ай же ты, Марья Дмитриевична!
Дай-ка мне ножище-кинжалище
Пластать Кощею белая грудь».
Говорит Кощей сын Трипетович:
«Ай же ты, Марья Дмитриевична!
Не давай ножища-кинжалища
Иванушку, Ивану Годиновичу!
А я тебе скажу-порóсскажу:
А тащи-ка ты Ивана за желты кудри
Со тыих со моих со белых грудей:
Будешь слыть портомойницей
У солнышка у князя Владимира,
А будешь слыть не царицею,
А поди-ка ты за меня замуж,
Так будешь, Марьюшка, слыть царицею
У меня Кощея у Трипетова».
Тут-то она и пораздумалась:
«Что мне-ка слыть портомойницей?
А лучше будет слыть царицею
За царем Кощеем за Трипетовичем».
Как хватила Ивана за желты кудри,
Тащила Ивана со белых грудей,
Так взяли тут Ивана Годиновича,
Привязали Ивана ко сыру дубу.
Как пошел Кощей Трипетович
Забавлятися с Марьею Дмитриевичной

Во тоем во белоем шатре.
На ту пору, на то времячко
Налетела птица черный вран,
Садился он вран на сырой дуб,
Проязычил языком человеческим:
«А не владеть-то Марьей Дмитриевичной
Царю Кощею сыну Трипетову,
А владеть Ивану Годиновичу».
Услыхал Кощей сын Трипетович
Тое воронино звещевание,
Скочил Кощей на резвы ноги,
Хватил Кощей тугий лук,
Натягивал тетивочку шелковую,
Кладывал стрелочку калёную,
Стрелил-то во черна ворона,
Стрелил — не попал в его,
Зашел он опять во белóй шатер,
Так эта стрела взад обратилася,
Пала ему в буйну голову:
Облился он кровью горючею,
Пришла тут Кощею горькая смерть.
Тут тая Марья Дмитриевична,
Выставала она на резвы ноги,
Взимает в руки саблю вострую,
Начала сабелькой помахивать,
Начала сама выговаривать:
«У женщины волос долог, ум короток!
От бережка теперь я откачнулася,
А к другому я не прикачнулася:
Отсеку Ивану буйну голову,
Пойду назад, красна девушка!»
Говорит Иванушка таковы слова:
«Ай же ты, Марья Дмитриевична!
Не секи мне, Ивану, буйны головы,
А столько я ти за ту вину за великую
Дам-то три грозы небольшенькия».
Тут она с собой пораздумалась:
«Перву грозу мне даст, я год проживу,
А другу даст, още год проживу,
А третью даст, я и век проживу».
Отвязала Ивана от сыра дуба.
Ставал Иван на резвы ноги,
Взимает тую сабельку вострую,

Отсек ей белы рученьки,
Отсек, сам выговаривал:
«Этыех мне рученек не надобно:
Обнимали поганаго татарина».
Отсек ей уста сахарния,
Отсек, сам выговаривал:
«Этых мне губушек не надобно:
Целовали поганаго татарина».
Отсек ей резвы ноженьки,
Отсек, сам выговаривал:
«Этых мне ноженек не надобно:
Охапляли поганаго татарина».
Пошел тут един-единешенек
Он, удалый добрый молодец,
Пришел ко городу ко Киеву
Ко стольному князю ко Владимиру,
К своему любезному ко дядюшке,
Пришел он молодец безо всего:
Ждали-сожидали с молодой женой,
А пришел Иванушка, и нет никого.

№ 461

ИВАН ГОДИНОВИЧ

Завелся у солнышка Владимира почестный пир
На многие князи и бояре.
И все на пиру напивалися,
И все на пиру наедалися,
И все на пиру порасхвастались:
Умный хвастает отцем-матерью,
А безумный хвастает молодой женой.
Один на пиру не весел сидит,
Понизя сидит да буйну голову
И потупя сидит очи ясныя
Во матушку да во сыру землю,
Молодой Иванушко да Гудинович,
Княженецкий любезный племянничек.
Возговорит Владимир-князь стольне-киевский:
«Ай же ты, Иванушко Гудинович!
Что сидишь не весел, не радостлив?
Али место тебе не по разуму,

Али чара тебе не рядом дошла,
Али безумица тобой осмеялася?»
И возговорит Иванушко Гудинович:
«Место-то мне было по разуму,
И чара мне-ка рядом дошла,
Захотелося мне, солнышко, женитися,
Я был за славным за синим морем:
Во том ли во городе да во Чернигове,
У Дмитрия, гостя торговаго,
Во тех палатах белокаменных,
У него есть любимая дочь,
Тая ли Настасья Митриевна.
Захотелось мне, Владимир-князь, женитися,
А эту Настасью замуж мне взять.
Дай-ко мне силы четыре ста,
Золотой казны да колько надобно:
Я поеду ко Митрию свататься».
Когда будет Иван за синим морем,
Во тех палатах да Митриевых,
Крест кладет да по-писаному,
А поклон ведет да по-ученому,
Покланяется Иван на все стороны,
Дмитрию, гостю торговому, в особину,
И сам говорит таково слово:
«Здравствуешь, Митрей, гость торговый!»
И возговорит Митрей, гость торговый:
«Ты коей земли, ты коей орды,
Коево отца, коей матери,
Как тебя, удалый, именем зовут?» —
«Я из славнаго из города из Киева
Молодой Иванушко Гудинович,
Княженецкий любезный племянничек,
А приехал к тебе, Митрий, свататься:
У тебя ведь есть да любимая дочь,
Тая ли Настасья Митриевна,
Отдай-ко ей да за меня замуж».
И возговорит Дмитрий, гость торговый:
«У меня срощена собака на моем дворе,
Отдать за тебя, Иванушко Гудинович!»
И возговорил Иванушко Гудинович,
Сам говорил таково слово:
«Я не стану у тебя много спрашивать,
Не стану с тобой много и разговаривать».

Вставал со лавочки брусовыя
И пошел по гридне по столовыя
Ко той ко завесы да ко шелковыя,
Отдынул завесу шелковую
И брал ей, Настасью, за белы руки,
За тые за персти злаченые,
И целовал в уста да во сахарныя,
И повел Настасью во широкий двор,
И садился Иван на добра коня,
А Настасью Митриевну в тороки вязал.
И выходит Митрей, гость торговый,
И сам говорит, говорит такое слово:
«Ай же, Иванушко Гудинович,
Княженецкий ты любезный племянничек!
Ведь моя-то Настасья просватана
За того ли Кощея Бессмертнаго:
У нас записи-то с ним пописаны,
К записям у нас руки приложены,
К рукам у нас головы приклонены —
За того ли Кощея Бессмертнаго.
Тебе отрубит Кощей буйну голову:
Пропадет твоя буйная головушка
Не за единуя денежку».
И говорит Иван таково слово:
«Когда срубите с Кощеем буйну голову,
Тогда будете и хвастати».
Как видели Иванушка сядучись,
А не видели его уедучись.
Когда будет Иванушко под городом под Киевом,
И отослал он силу княженецкую во Киев-град,
И заехал во сторону во летнюю,
И расставил шатер белополотняный,
Зашел с Настасьей забавлятися.
На ту пору да на то время
Не шум шумит да не гром гремит,
Налетел-то Кощей Бессмертныий,
Зарычал Кощей да во всю голову,
Мать сыра земля всколыбалыся,
Сыры дубья пошаталися:
«Ай же ты, Иванушко Гудинович!
Выходи-тко ты из бела шатра,
Станем-ко, Иван, со мной бой держать,
Кому на бою будет Божья помочь,

Кому владеть Настасьею дочерью Митриевою?»
Как пошел Иван да из бела шатра:
«Ай же ты, ворона налетная,
Налетная ворона, негодная!
Тебе ли будет на бою Божья помочь?
Будет-то Иванушку Гудинову!»
Они секлися, рубилися три часа,
И пособил ему Господи, молодцу Ивану Гудинову,
Одолеть Кощея Бессмертнаго.
И садился он Кощею на белы груди,
И не случилось у Иванушка востра ножа,
И нечем пороть грудей белыих,
Вынимать сердечка со печенью.
И закрычал Иван да во всю голову:
«Ай же ты, Настасья Митриевна!
Подай-ко ты мой булатный нож:
Я распорю Кощею белы груди,
Выну я сердце со печенью».
И закрычал Кощей во всю голову:
«Ай же ты, Настасья Митриевна!
За Иваном быть тебе — крестьянкой слыть,
А за мной-то быть тебе — княгиной слыть».
Как идет Настасья из бела шатра,
Она брала Ивана Гудиновича за желты кудри
И стащила с Кощея Бессмертнаго,
И одолела Иванушка Гудиныча
Женска сила да богатырская.
И приковали Иванушка ко сыру дубу
На те ли петельки на шелковыя,
И заехали со стороны со сиверныя,
И расставили шатер белополотняный,
И зашли с Кощеем да забавлятися.
На ту пору да на то время
Налетел на дуб голубь да со голубушкою,
Они промеж собою ведь гуркают,
А Ивана Гудиновича распотешивают,
А Кощею-то Бессмертному надзолу дают.
И говорит Кощей Бессмертный:
«Ай же ты, Настасья Митриевна!
Подай-ко ты мой тугой лук, калеёну стрелу,
Застрелю я голубя со голубушкою,
Разорю любовь да голубиную».
Подает Настасья Митриевна

Тугой лук и калёны стрелы,
И говорит Настасья таково слово:
«Ты не стреляй-ко голубя со голубушкою
И не разоряй любови голубиныя,
Стреляй-ко ты Иванушка Гудинова во белы груди».
И не попал-то Кощей в Ивана во белы груди,
А пролетела калёна стрела в толстый сырой дуб,
От сыра дуба стрелочка отскакивала,
Становилася Кощею во белые груди,
От своих рук Кощею и смерть пришла.
И брала Настасья свою саблю вострую,
Приходила Настасья ко сыру дубу,
К молодцу Иванушку Гудинову,
Сама говорила таково слово:
«От бережка откачнутось,
К другому да не прикачнутось.
Ай же ты, Иванушко Гудинович!
Ты возмешь ли меня за себя замуж,
У тебя теперь скованы ножки резвыя,
А связаны ручки белыя:
Я тебе отрублю буйну голову».
И говорит тут ей Иван да не с удробою,
И сам говорит таково слово:
«Ай же ты, Настасья Митриевна!
Я возьму тебя за себя замуж,
Только дам тебе три грозы княженецкия».
У ней женское сердце раздумалось
И из белых рук сабля острая выпала
По тым ли петелькам шелковым,
Тут-то Иванушко на воле стал.
Отковался Иванушко от сыра дуба
И взял саблю Кощееву во белы руки,
И отрубил у Настасьи резвы ноги,
Рубил ей ножки, сам приговаривал:
«Эты мне ноги не надобны:
Пошто шли из бела шатра
Драть Ивана за желты кудри».
И отрубил у Настасьи белы руки:
«Эти мне руки не надобны,
Которыя драли Ивана за желты кудри».
И распластал у Настасьи бело тело,
Которое спало с Кощеем Бессмертныим.
Только-то Иванушко и женат бывал.

И поехал во Киев-град,
И поклон отправил князю Владимиру
От Кощея Бессмертнаго, что его жива нет.

№ 462

ИВАН ГОДИНОВИЧ

Ай Иванушко, Иванушко Годинович,
А поезжае что Иванушко женитися,
А к гостю к купцю еще Ми́триищу,
А за то за славное за синё море:
«Да ах же ты, мой родной дядюшка,
А стольнёй ты князь да Владимер наш!
А пожалуйте, позвольте-то мне-ка-ва,
Ино силы мне-ка сорок тысячей,
А еще-то вы мне-ка пожалуйте,
А любезный ты мой еще дядюшка,
А друго казны ты сорок тысячей».
Как тут-то ведь князь стольнё-киевской
А дават ему силы сорок тысячей,
А друго как денег сорок тысячей.
А тут-то Иванушко Годинович,
А поехал он, Иванушко, женитися
А к гостю к купцю он тут к Ми́триищу.
А приезжает тут Иванушко Годинович
А к гостю к купцю он тут к Ми́триищу,
А го́ворит-промолви таково слово:
«А гость ты купец да еще Митриищо!
А есте как у тя да есть любезная дочь,
А тая-эта Марья Митриёвична,
А отдай-ко ты, повыдай за меня замуж,
А за Ивана, за Ивана за Годиновича».
А говорит ёму Митрий таково слово:
«А Иванушко, Иванушко Годинович!
А выдал бы Марью Митриёвичну,
А выдал бы, повыдал за тебя замуж, —
А у меня Марьюшка просватаная
За царя за Кощега за Трипе́товича,
Не повыдам я, Иван, за тебя замуж».
Ско́чил тут Иван на резвы ноги,
Хватил-то он ножищо тут кинжалищо,

Как ударил тут Иван да во дубовый стол,
А ушел тут ножик да до череня.
А говорит Иван тут таково слово:
«Ты с добра мне отдашь, дак я добро́м возьму!
А с добра не отдашь, дак я сило́м возьму!»
Как скочил тут Иван на резвы ноги,
А взимат-то он Марью Митриёвичну,
А взимат ю за руценки за белыи,
А за́ тыи за перстни за злаченыи.
Да как тут-то Иванушко Годинович
А поехали назад да в свою сторону,
А едет тут Иван по чисту полю,
А ехал он, отъехал далецёшенько.
Как говорит тут Иван да таково слово:
«А рать же вы, силушка великая,
А едьте-то вы топери с известьицем
А ко́ моему ко родному ко дядюшке,
А к стольнёму князю ко Владимиру:
А взята у нас Марья Митриёвична,
А взята-то, взята, мы сило́м да везем».
Как ратная силушка великая
Да как тут-то она отправлялась,
А скоры́м-то скоро́, скоро́-скорешенько,
А ко тому ко городу ко Киёву
А к стольнёму князю ко Вл⟨адимиру⟩.
Как тут тот Иванушко Годинович
Ино хочет он с Марьей позабавиться,
А начал забавляться на чисто́м поле,
А на чисто́м-то поли да во белом шатре.
А живет тут молоде́ц, забавляется,
А над собой незгодушки не ведает.
А на ту́-то пору́ да на то времячко
Приезжает Кощей да сын Трипетович
А к гостю к купцю еще к Ми́триищу
А за Марьей-то, за Марьей Митриёвичной.
Как говорит-спромолвит таково слово:
«Ах ты гость, ты купец да еще Митриищо!
А ты скажи, скажи да не утай себя:
А где у тя Марья Митриёвична?»
Как говорит-промолвит таково слово
А гость-от купец да еще Ми́триищо:
«А царь ты, Кощег сын Трипе́тович!
А тая-эта Марья Митриёвична

Увéзена у Иванушка Годиновица,
А взята-то, взята за себя замуж».
Как царь тут Кощег сын Трипéтович
А скоро-то он ведь снаряжается,
А скоро за Иваном отправляется,
А скоро за Иваном вслед с угоною.
Как застал-то ён Ивана на чистóм поли,
А на чúстоем полюшки в белом шатри,
А с той с этой Марьей Митриёвичной.
Да увидал тут Иванушко Годинович
А царя того Кощега да Трипетовича —
Не дойде тут Иванушку ведь бóльше сидеть.
Скочил тут Иван на резвы ноги,
А начали тут биться оны, ратиться
А со царем со Кощегом со Трипéтовичем.
Да побил тут Иванушко Годинович
А царя да Кощега что Трипетовича,
А побил его, сбил на сыру землю,
А сел-то тут Иван да на белую грудь
А к царю к Кощегу к Трипетовичу.
А на ту-то пору да на то времечко
А ножища при себи да не случилосе.
А говорит Иван тут таково слово:
«Ай ты Марья, ты Марья Митриёвична!
А дай-ко ты ножищо мне кинжалищо
А пластать мне Кощегу белáя грудь,
А вынять что сердечушко су печенью.
А розрыть, роскидать по чисту полю».
А говорит Кощег тут таково слово:
«Ай ты, Марья же, Марья Митриевична!
А не давай-ко ты Иванушку ножища того,
А ножища-то, ножища ты кинжалища.
Дай я теби скажу, да все порóсскажу:
А поди-ко ты, Марья, за меня замуж,
Дак будешь-станешь слыть ты царицею,
А не ходи-ко ты за Иванушка Годиновича,
Да если ты да ведь пойдешь за его,
Дак будешь ты там слыть да во портомойницах
А у стольняго князя у Владимира».
Как этая тут Марьюшка роздумаласе:
«А что мне-ка слыть да в портомойницах,
А лучше мне слыть буде царицею».
Как тут-то она да ведь подумала,

Говорит опять Кощег таково слово:
«Да ай же ты, Марья Митриёвична!
А тащи-ко ты Ивана за желты кудри,
А со тых со моих со белы́их грудей!»
Как тая тут Марья Митриевична
Как хватила тут Ивана за желты кудри,
А тащила тут его да со белых грудей,
Со царя со Кощега со Трипетовича.
Как ино тут оны да его Иванушка Годиновича
Да связали тут Ивану белы рученьки,
А связали-то Ивану резвы ноженьки,
Как бросили Ивана тут под сырой дуб.
Да тут царь-то Кощег да сын Трипетович
А начал он с Марьей забавлятися.
Да на ту-то пору да на то времечко
А налетал-налетал да тут-то че́рной вран,
Садился тут ворон на сырой дуб
А за́крычал ворон громким голосом,
А спроязычился языком человеческим,
А крычит-говорит он таково слово:
«А не владеть этой Марьей Митриевичною
А царю да Кощегу да Трипетовичу,
А владеть этой Марьею Митриевичной
А тому да Иванушку Годиновичу».
А царь тут Кощег сын Трипетович
Услыхал ворони́но звещованиё,
Да хватил-то он скоро свой тугой лук,
А кладывает стрелочку калёную,
А стрелил-то он в це́рнаго во ворона,
А стрелил-то, стрелил да не попал в ёго.
А полетел-то тут ворон далечи́м-далеко,
А улетела тая стрелка по подо́блачью.
А зашел тут Кощег да во белой шатер.
А над собой незгодушки не ведает.
Как этая стрела да тут кале́ная
А обвернуласе стрела назад обратно есть,
А пала тут стрела да на белой шатер,
А пала-попала в буйную голову
А царю да Кощегу Трипетовичу.
Да тут-то ведь царь Кощег сын Трипетович
А пал-то он на матушку-сыру землю,
А облился он кровью горючею —
А только тут Кощегушку славы́ поют.

Как тая-эта Марья Митриевична
А взимала в руки сабелку вострую,
А начала сабелкой помахивати,
А начала тут Марья выговаривати:
«Как у женщин-то ведь да как ну́нечку
А волос-то долог да ведь ум короток.
Ай от бе́режка я теперь отка́чнуласе,
А к дру́гому как я не прика́чнуласе,
А отсечь мне Ивану буйна голова».
Как говорит Иван тут таково слово:
«Ай ты Марья, ты Марья Митриевична!
А не секи́-тко ты мни да головушки:
А теперечка нунь я в безвремяньице —
А лучше ты поди да за меня замуж!
А столько-то я еще да ведь уж тебя,
Да за эту вину да за великую
А дам я ти три грозы небольшенькии».
Да как тут она, Марьюшка, роздумаласе:
«А первую он грозу мне-ка-ва дает,
А перву дает, дак я ведь год про́живу,
А дру́гую дает, дак я дру́гой проживу,
А тре́тьюю дает, дак я век про́живу.
А отвяжу я-то Ивана от сыра дуба,
Отвяжу-то ему да белы рученьки,
А отвяжу ему резвы ноженьки».
Отвязала тут Ивана от сыро́го дуба,
А розвязала тут ему белы рученьки,
Розвязала тут ему резвы ноженьки.
Да как стал тут Иван на резвы ноги,
А взимает в руки сабелку вострую
Да отсек ей по колен тут резвы ноженьки,
А потом да отсек да белы рученьки:
«А этых мне-ка ноженёк не надобно —
Охапляли как поганаго татарина,
А этых мне-ка рученек не надобно —
Обнимали как поганаго татарина».
Да отсек-то ей еще тут губушки:
«А этых мне-ка губушек не надобно —
А целовали что поганаго татарина».
А только Марьи и Кощегу славы́ поют.
А тут-то Иванушко Годинович
Пошел-то один да добрый мо́лодец,
А один-то един да едине́шенёк.

А пришел тут Иван да в Киев-град
А ко своему ко родному ко дядюшки,
А ко тому ко князю ко Владимиру.
А пришел-то он пришел, да не привел никого,
А россказал незгодушку великую
А стольнёму-то князю да Владимиру:
«Да ай же ты, родной мой дядюшка,
А стольнёй ты князь да есть Владимир наш!
А надо мной была незгода там великая:
Я покончил да царя да Кощега там,
А царя да Кощега Трипетовича.
А Марья была провинилася,
А сделала вину она великую,
Да там я Марьюшку покончил ю,
А отсек-то я ей резвы ноженьки,
А отсек я потом да белы рученьки,
А во-третьих отсек ей губушки».
Ино тут им и славы поют.

№ 463

ИВАН ГОДИНОВИЧ

Во городи во стольном Киеви
У ласкового князя Владимира
Был заводился почестный пир.
Были, собирались князи и бóяра,
Князи и бóяра, могучии богáтыри,
Могучии богáтыри, купцы именитыи,
Купцы именитыи, полéници удáлые.
Все да на перу да наедалисе,
Все да на перу да напивалисе,
Все с похмелья пофастывались:
Умной хвастал отцем-матушкой,
А безумной — молодой жоной,
Богатой хвастат золотой казной,
А кто конем добрыим,
Кто плáтьём цвéтныим,
Кто силой, ухваткой богатырьскою.
Иванушка Годёнович да княжский племянничек
Не ест, не пьет, не кушает,
Белой лебедушки не рушает,

Да ничим он не хвастает.
Говорит ему Владимир-князь сто́льнё-киевской:
«Ай же ты, племянницек Иван Годёнович,
Что ты не ешь, не пьешь, не кушаешь,
Белой лебедушки не ρушаешь,
Ницем ты не хвастаешь?» —
«Ой же ты, ρо́дной дяденька Владимир-князь,
Вси молодцы́, мне да ровня, поженены,
А вси девицы замуж пошли,
А я холостым все хожу?» —
«А время тиби, Иван Годинович, женитися,
Выбирай невесту себи по разуму». —
«А нет мни невесты себи по разуму,
Есть только в городи Чернигове,
У Митрия, у того гостя у торгового,
Молода́ Настасья Митриевична.
А личиком она белы́м-белешенька,
А станом она да статны́м-статна́,
Походочка павлиная,
А риць у ей лебединая,
А носят платья кармазинное —
Мни-то по уму, по разуму?» —
«А бери казны-силы несметацьну,
Поезжай к городу Цернигову.
А добром дадут — так добром возьми,
А добром не дадут — так сило́м возьми!» —
«Не надо казны-силы нисметоцьной,
Только дай мни, ро́дной дядюшка,
Только дай мни Яфимку, слугу-па́румку».
Скакал з-за стола середнего
[Яфимка, слуга-па́ромок,]
Околенка с околенками посы́пались.
«Спасибо, — говорит, — Иванушка,
Что меня с собой берешь.
Двоима вывезем!»
Стали мо́лодцы справлятиси,
Уда́лые снаряжатисе.
Седлали коней добрыих,
Потницьки кладали на потницьки,
Мягкии войлуцьки на войлуцьки,
Поверёх седёлышко черкасьское.
Отседлали, обкольцюжили
Своих добрых коней

Не для красы-басы богатырьское
А ради-гля укрепы богатырьскоей.
Приехали ко городу ко Чернигову,
Скакали через стены городо́вые,
Через тыи-то башни наугольнии,
Приезжали оны на широкой двор,
Вяжут коней ко столбу тоцёному,
К тому колецьку золоцёному.
Идут во гридни во столовыи,
Кресты кладут по-писа́ному,
Поклоны ведут по-ученому,
На три, четыре стороны поклоняются,
Митрию гостю торговому — в особину.
Вставал гость на резвы́ ноги́,
Поклонялся гость до сырой земли:
«Уж вы здраствуйте, до́бры молодцы,
Да вы коёй земли,
Да вы коёй орды,
Коёго отца да ко́ёй матери,
Как все именём зовут,
Да звелицяют до по отецесьву?
Цари ль вы есь, цари иль царевици,
Аль короли, королевици,
Княжи, княжевици,
Аль сильнии могуции бо́гатыри,
Аль гости да вы именитыи,
Аль поля́ници уда́лыи,
Аль послы ляховицькии?»
Говорит Иван Годёновиц:
«Не цари мы, не царёвичи,
Не короли, не королёвичи,
И не князи, князёвичи,
И не сильнии могучии бога́тыри,
И не послы мы ляховецькии.
А есь мы поля́ници уда́лыи
А есь мы из города из Ки́ёва.
А есь я княжеский племянничек
А по имени Иванушка Годёновиць.
Приехали мы к теби да свататьси.
Отдай да Настасью Митриёвицьну
За того за Иванушку Годёновиця
За княженецкого племянницька». —
«Ай же ты, Иванушка Годёновиць,

Не писал ни письма, ни грамотки,
У меня есь горница незаправлена,
У меня нечим гостя поподчевать». —
«Мы гостить, не гостить приехали,
А приехали мы свататьсе». —
«А есть у меня Настасья Митриевицьна просватана
За того царя за Кощя́я за Трапе́това».
А он говорит: «Чем во цюжу́ землю
Так лучше отдать во свою землю́».
(*Только и сватались*!)
Говорит Митрий гость торговыи:
«Тое делушко сделано,
Рукоби́тьё поделано!»
Разгорелось у Ивана сердецько-то,
Махнул он по буйной голове —
Откатилась головка, как пуговка,
А тут он голову́ отсе́к.
Брали Настасью Митриевицьну,
Брали ю да за белы́ руки,
Садили ю да поехали.
Скакали через степи, горы,
Через болота топуции,
Приезжали да во цисто́ полё.
«Ой поезжай, Ефимка, слуга-па́ромка.
Поезжай ко князю ко Владимиру,
Пускай-ко варит да зелёно́ вино,
Пускай меня да дожидается,
Меня дожидается, а я отдохну!»
Яфимка уехал ко Владимиру,
А он взошел в шатер белополотняный
С Настасьей Митриевицьной в бело́й шатер.
Долго ли да коро́тко ли
Наехал Кощя́й сын Трапе́тович.
«Ай же Иванушко Годёновиць,
Зачем ты попе́реди сосватался?
Выезжай-ко на поеди́ноцёк:
Ты побьешь — ты возьмешь,
Я побью —я возьму!»
Не дойдет боле жить да во бело́м шатре.
Первый раз да отправились,
Во тыи во копья долгомерныи
Да друг друга ударили —
Копья по яблони отломилисе:

Ни который друг друга не ранили.
Второй раз съехались,
Ударились во сабли видь,
Сабли по колена ударились —
Ни который друг друга не ранили.
Третий раз и с конями съехались,
Конямы съехались, конямы разъехались,
Во палици ударили военныи,
Во палици ударили во сорок пуд —
Палици булатнии отломилисе,
Сшиб Иван сын Годёновиць
Кощея Тарапе́това со добра́ коня,
Сел Кощею да на бе́лу грудь,
Начинает пластать да бе́лую грудь,
Закричал Кощей да во всю голову:
«Ай же ты, Настасья Митриевична!
Выйди, — говорит, — из бела́ шатра,
А возьми, сдерни да назад себя.
За Иваном ты будешь портомойниця,
А за мной будешь царицею!»
А она вышла из бела́ шатра,
Посадила Ивана назад себя.
Садился Кощей Трапе́тов Ивану на белу́ю грудь,
Сам Кощей да пораздумался:
«Ай же Настасья Митриевична,
Свяжем руки ему тетивками шелковыма,
Привяжем да ножки резвыи
Да ко кустику ко ракитову
Да свезем в свою сторону,
Да будет нам слуга верная!»
Она и говорит Кощею Трапе́тову:
«Пластай Ивану да белу́ю грудь,
А то наедут ке́евскии бога́тыри,
Убьют тебя да во чисто́м поли́».
Он приказыват подать те́тивки.
Подала ему тети́вки шелко́выи.
Связали руки белыи,
Связали ножки резвыи,
Привязали ко кустику,
Ко кустику ко ракитову.
Сами идут в шатер белополо́тняный,
Долго ль, коротко ль попировали —
Заснул Кощей сын Трапе́товиць,

Она ходит, не спит ещé.
Прилетают из города да из Киева,
Прилетают голуб со голубошкою,
Садились они на шатры белополóтняныи,
На шатры, верёх Ивана Годиновиця.
«Каковó-то ти, Иванушко,
А глядить как забавляются,
Глядить на Кощя́я жа Трапéтова?»
Вышла Настасья Митриевицна,
Видит, что голуб со голубкой не простыи:
«Ай же Кощя́й Трапéтович,
Послан голуб со голубкою!
Возьми ко лук богáтырской.
Наедут киевскии богáтыри —
Не успеешь как систь — убьют».
Брал он тýгой лук,
Полагал он стрелу калёную,
Сам стрели́ приговаривал:
«Ой же ты, стрела калёная,
Ты пади не на́ воду, не на́ поле,
А попади в голубá со голубкою!»
Не отлетала стрела ни в гóлуба со голубкою,
Отлетела Кощя́ю во белýю грудь.
(*Сам себя застрелил*!)
Девиця как тут порасплакалась:
«От одного берега отшатнуласе,
А ко другому я не пришатнуласе!»
Приходит к Ивану Годёнову:
«Ай же ты, Иванушко Годёнович,
У бабы волос долог, да ум короток,
Простишь меня в большой вины!
А не простишь — отрублю буйну голову».
Он ничего не ответил, не проситсе.
Погибну не от дивки, а от мужчины.
Она брала саблю вострую,
Хочет рубить Ивану буйну голову.
Сабля из рук выпала,
Обрубила тетивки шóлковыи
У него на руках.
Он взял саблю вострую,
Обрубил тетивки шóлковыи.
«Теперь я прощу, Настасья Митриевична!»
Взял ее язык: «Этот язык мне не надобен,

Эти губы мне не надобны,
Которы целовали Кащея Трапе́това.
Эти мне руки не надобны,
Которы обнимали Кащея Трапе́това.
Эти мне ноги не надобны,
Которы были у Кощá́я Трапе́това».
Взял губы, руки, ноги отсе́к.
«Теперь, Настасья Митриевна,
Хошь за царя́ иди, хошь за́ князя,
Хошь за кня́зя, хошь за боярина,
Хошь за боярина, хошь за бога́тыря!»
Дунай, Дунай, да больше ницего не знай!

№ 464

СОРОК КНЯЗЕЙ

Сорок было князёв, было сорок князёвичей,
Сорок русских было королёвичей —
Вси сбиралиси оны на поцестный пир.
На поцестныим пиру порасфастались:
Богатой-то фастат золотой казной,
А нужной-бедно́й фастат своей гордостью,
А умной хвастат отьцём-матерью,
А безумной-то хфастат молодой женой.
А один ли удал да добрый мо́лодец,
Как Иван да сын Годинович,
Он не ест на пиру, не кушает,
Он ниции́м да не пофастает:
Ни име́ньём ён, ни богачесьвом,
Ён не хвастае своей храбросью.
Как подходит царь Иван Васильевиць:
«Еще что же ты, удал да добрый мо́лодець,
Ты Иван да сын Годиновиц,
Ницего не ешь, не пьешь, не кушаешь,
На моем пиру ниции́м не пофастаешь —
Ни именьем ты хвастаешь, ни богацесьвом,
Ни своей ты силой-храбросью? —
«А мне ведь ницем мне пофастати:
Мне невесты да не дают,
А где любо́ — не дают,
А где не любо, хоть две да три бери!»

А говорил ёму да князь Иван да Васильевиць:
«А говори-тко, где тебе есь по́люби,
А говори-тко, где тебе да есь по разуму,
А если есь семейка по́люби». —
«Еще есь мне семейка по разуму:
Еще в городи в Чернигове
У того купца да у богатого,
Да у богатого, да у Микулиця,
У его да доць да есь хорошая,
Да Настасья тут Микулицьна.
А ёна собой вся хорошая:
У ёй брови есь да черныи,
Глаза ясныи, развеселыи,
Ейно лицько, как намазано,
Говорит она, да что рублем дарит,
Разговор-то ей во тысяцю,
Как походоцька да во сто рублей —
Мне ей да ведь не дают!»
А говорил-то грозный царь Иван Васильевиць,
Говорил-то ён ему таковы слова:
«А ты пойди-тко ты, удалый добрый молоде́ц,
Ты Иван да сын Годиновиць,
Выбирай-ко себе молодцев,
Молодцев бери что ни лучшиих,
Что ни лучшиих да голосистыих,
Голосистыих да бери умныих!
А поди-ко ты на конюшеньку,
Во конюшеньку стоялую,
Выбирай-ко себе жеребеноцьков,
Выбирай коней себе по разуму,
По уму выбирай, по плечу́ себе,
Выбирай коней себе крылатыих,
Их крылатыих да нынь уфатистых!»
Как пошел молодой Иван Годиновиц,
Он собрал молодцов что не лучшиих,
Пошли оны в конюшеньки,
Во конюшеньку пошли во стоялую,
Выбирали коней себе по́ плецю
И по уму, по разуму,
Ёны брали уфатисых,
Как уфатистых да нынь храбри́стыих.
Как седлали потнички на потнички,
Клали войлоцьки на войлоцьки,

Как на войлоцьки клали седёлышки,
Да седёлышко клали черкальское.
Стремена у них золоченые,
Повода у них шелко́выи,
У них плетоцьки камышевыи.
А ёны [видли] добры́х мо́лодцев,
А еще видли коней се́длюци,
А видли на́ кони сядуци,
А не видли в поле едуци.
Приезжали до́бры мо́лодцы
А в этот Цернигов-град
Ко тому ко купцю ко богатому,
Ко купцю да ко Микулицю.
[Говорили купцю Микулицю:]
«Выдавайте доцьку нам:
Вы добром дайте — добром возьмем,
Не дайте — да сило́м возьмем,
Мы сило́м возьмем, с собой увезем!»
А как спугались оны, попугались ны,
Он повыдал им доцюшку,
Как Настасью да Микулицьну.

№ 465

ИВАН ГОДИНОВИЧ

Во славном во городи во Ки́ёви
А у стольнего у князя у Владимера
А заводилсе дык поцестен пир.
А вси на перу да напивалисе,
А вси на перу да наедалисе,
А вси на перу да порасхвастались:
А умный ведь хвастат отьцём-матерью,
А безумный хвастат молодой жоной,
А пьяница хвастат золотой казной,
А добрый молодец хвастат добры́м конем,
А богатый — золотой казной,
А бога́тырь хвастат своей силушкой.
А один молодець, Иван сын Годиновиць,
Он не ест, не пьет и не кушает,
Да ничем он да не хвастает.
Подходит к ему князь да сто́льнё-киеськой,

Да говорил он да таковы слова:
«Ай же молодой Иван да сын Годиновиць,
А мой да ты племянничек,
А что же ты не ешь, не пьешь, не кушаешь,
А ничем ты, мóлодець, не хвастаешь?»
Говорил Иванушко Годиновиць таковó словó:
«Ай же ты, государь наш батюшко,
Князь да стóльнё-киеськой,
Рóдной ты мой, роднóй дядюшка!
Вси на перу вси да были жéнены,
Вси на перу да замуж повыданы,
А я один холостой да неженатой ведь».
Говорил князь да стóльнё-киеськой да таково словó:
«Ай же вы, народушки мои добрыи,
А народы, люди православныи,
А не знаете ли Ивану, добру мóлодцу,
А не знаете Ивану супротивници,
А не знаете ль Ивану красной девушки?»
Выходит-то один доброй мóлодець,
И говорил да таковы слова:
«Ай же батюшка царь да стóльнё-киеськой,
Я знаю Ивану красну девушку,
Я знаю Ивану молоду жены
Взять да во замужесьво.
Есь у Митрия да Митриéвица,
Есь у короля да королевиця,
А есь Настасья Митриéвицьна,
А Настасья видь да королевицьна.
А очушки у ей да ясна сокола,
А бровушки у ей да цёрна соболя,
А походочка у ей да лани белыя.
Можно взять да во замужесьво
Молодому Иванушке Годиновицю».
Говорил Иванушко Годиновиць:
«Дай-ко мне, князь стóльнё-киеськой,
Какого коня, каку не лошадку ступистую,
А я да коня да возьму доброго,
А я поеду во Литву во поганую
А сватать Настасью Митриевицьну».
Говорил тут князь да стóльнё-киеськой:
«Ай же молодой Иван Годиновиць,
А поди во стойла лошадиные,
А выбирай себе пóлюби,

А выбирай себе коня доброго».
А тут ходил Иван Годиновиць
А во тую стойлу лошадиною,
Выбирал коня да себе доброго,
Клал потницька на потницьки,
А на войлоцьки кла́дал войлоцьки,
А на войлоцьки седёлышко черкаское,
Двенадцатью подпругами подтягивал —
А не для ради красы да басы молодецькие,
А для укрепушки да богатырьские.
Видли добра молодца ся́дуци,
А не видели со Киева со граду уежжаюци —
Только ку́ревка прокурила
От копыт да лошадиныих.
Приехал он к королю да к Литоському
А во само тое время во свадебно —
Как просвастана Настасья Митрие́вицьна
За поганого за татарина.
А ступае во полату белокаменну,
А крест кладе́ по-писа́ному,
А поклон ведет по-уцёному,
Кланяется-поклоняетсе
На все четыре сторонушки,
Королю с королевой в особину.
Говорил да таковы слова:
«Входи-ко, удалый добрый мо́лодець,
Проходи-ко, удалый добрый мо́лодець,
Во нашу во гридню столовую на свадебку —
У нас просватана Настасья Митрие́вицьна
За поганого-то за татарина.
А об чем вы были ездите, путь держите?»
Ай а говорил таковы слова
А молодой Иван Годиновиць,
Ай а говорил таковы слова:
«Я приехал о ди́ли да о сва́тосьви,
А сватать твою Настасью Митрие́вицьну,
Митрие́вицьну да королевицьну».
Говорил королеський сын таковы слова:
«Просвастана Настасья Митрие́вицьна
За поганого татарина,
А тобе топерь взять ведь нецего».
Садился Иван Годиновиць
А на тую брусовую на лавоцьку,

А говорил он таково слово́:
«Ай же ты, король да королеський сын,
А не отдаете Настасью Митриевицьну
За меня да во замужесьво,
А тогда-то я да сило́м возьму,
Сило́м возьму да по неволюшки».
Королю да эты рици да не слюбилисе,
Да этыи слова не приглянулисе.
Говорил король да таковы слова:
«Ставайте-ко, десяточек татаровей,
А возьмите кой за́ руки,
А возьмите кой за́ ноги,
А ины — за головушку,
А ины — за кудёрушки,
Ины — за цветное платёнушко,
Повызданьте Иванушка
А со той ли со брусовчатой лавочки,
Вынимайте его душу со белы́ телы́,
Вынимайте его серьце со пе́ценью».
Ставал да десяточек татаровей что ни лучшиих,
А брали Иванушку кой за́ руки,
А брали Иванушку кой за́ ноги,
А брали ины за буйну головушку,
Ины брали за цветное платьице —
Не могут Иванушку повыздунуть
А со этой со брусовой со лавоцьки.
И сидит Иванушка, сидит ведь не стряхнетсе,
А кудерушки у ёго не сворохнутсе.
Говорил тут король да королеський сын:
«Ай же вы ставайте, други́ татарове,
А татарове, что ни лучшие,
А берите-тко Иванушку кой за́ руки,
А берите-тко кой за́ ноги,
Ины — за буйну головушку,
Ины — за желты за кудёрышки,
Ины — за цветно за платёнушко,
Повызданьте Иванушка
А со этой со брусовчатой лавоцьки,
Разруши́те душу со белы́ груди,
Вынимайте ёго серьце со пе́ценью».
Ставал другой десяточек татаровей
И брал Иванушку кой за́ руки,
И брал Иванушку кой за́ ноги,

Ины — за буйну за головушку,
Ины — за желты за кудёрышки,
Ины — за цветное за платёнышко —
Не могут Иванушку повы́здынуть
А со этой со брусовчатой со лавоцьки.
А Иванушко сидит ведь не стря́хнетсе,
А кудёрышки на ём не сворóхнутсе.
Видит король да королеський сын,
А видит беду да неминуцюю,
А затыкат жопу онуцею,
А говорит во всю голову:
«Вставайте-ко, десятоцек татаровей,
А берите-тко Иванушку кой за́ руки,
А берите-тко Иванушку кой за́ ноги,
А кой — за буйну за головушку,
А ины — за цветное платьице,
Повы́здыньте со брусовой со лавоцьки,
А разлуши́те со белы́м телóм,
Вынимайте его серьце со пе́ценью».
Ставал тут десяток тотаровей,
Брали Иванушку кой за́ руки,
Брали Иванушку за́ ноги,
Иныи брали за буйну за головушку,
Ины — за желты за кудёрышки,
Ины — за цветное за платёнышко —
И не могут Иванушку повы́здынуть
А со этой со брусовчатой лавоцьки.
Иванушка сидит да ведь не стряхаетсе,
А кудёрушки на ём не сворóхнутсе.
Разгорелось его серьце богатырьское,
А ставал тут Иванушка да на резвы́ ноги́,
А ухватил он самого лучшего татарина за́ ноги,
Куды махнет — падет так улушка,
Перемахнет — переулоцек —
Прибил до единого татарина,
Не оставил ён да никакого голоса.
А король да на коленках стал,
А стоит да унижаетсе,
С белым светом прощаетсе:
«А ты, молодой Иван Годиновиць,
А ты оставил бы нас хоть на си́мена,
А отдаем мы доць да во замужесьво».
Тут оны цесны́м перкóм за свадебку.

А обседлали ко́нюшков добрыих,
А садились на тыих лошадушек,
А поехали оны с погано́й Литвы
А во тот во славный во Киев-град.
Ехали дорожкой широкою.
А стал тут Иванушко Годиновиць,
А выронил он плеточку шелко́вую,
А говорил он да таковы слова:
«Ай Настасья Митрие́вицьна,
Митрие́вицьна да королевицьна,
А подай-ко мне плетоцьку шо́лковую,
Твое дело, дак я вину прощу». —
«Мое дело, мое женьское.
Можь с коня спустить да на коня вскоцить,
А я — женьщина, не могу с коня спустить,
Не могу с коня спустить, на коня вскоцить».
А Иван Годиновиць — с коня да с доброго,
А поднял плеточку шо́лковую,
Сели на ко́нюшек, поехали.
Ехали дорожкою широкою,
Он да выронил шляпочку пухо́вую,
Говорил он да таковы слова:
«Ай же ты, Настасья Митрие́вицьна,
Ты подними шляпочку да пухо́вую, я вины прощу».
Говорила она да таковы слова:
«Мое дело, мое женьское.
Можь с коня скоцить и выскоцить,
Не могу с коня скоцить и выскоцить».
Он спустилсе с коня доброго,
Поднял шляпочку пухо́вую,
Сели на добрых коней, поехали.
Ехали дорожкою широкою,
Говорит Иван да таковы слова:
«Ай же ты, Настасья Митрие́вицьна,
Ты подай-ко мне, поди, ключевой воды
А испить-то водички ключёвые».
Говорит Настасья Митрие́вицьна:
«А твое дело мужское, мое женьское.
Можь с коня скоцить, воды попить,
А я не могу с коня скоцить,
А не могу и выскоцить».
Опускалсе Иван со добра́ коня,
Захватил ю за белы́ руки́,

Кидал ю о сыру землю́,
А отсек ей губы саха́рнии:
«Этыи мни губы не надобны —
Целовали руки татарина».
Отсек он, кинул на́ испаш:
«Этыи мни руки не надобны —
Обнимали поганого татарина».
Отсек он ноги-та резвые:
«Эты мни ноги не надобны —
Оплетали поганого татарина».
Садился на коня на доброго,
Поехал во славный во Киев-град,
Приехал ко князю ко Владимеру,
Ступал как в палаты белокаменны,
Приходил во гридню столовую.
Говорил ему князь да сто́льнё-киеськой таковы слова:
«Ай же ты, Иванушка Годиновиць,
А молодой ты мой племянницек,
А что же ты да не сосватался,
А что же ты да не же́нилсы?»
А говорил ему Иван Годиновиць да таково слово́:
«Ай же ты, князь сто́льнё-киеськой,
Государь ты наш батюшко,
А всякий-ты на сви́ти да цёрт ведь женитсе,
А не всяку удаваетсе.
А удаваласе женитьба Ставру́ сыну Годиновицю,
Да удаваласи молодому Добрыне Никитицю,
А моя как женитьба не уда́ласе,
А на дороге проклятая осталасе».

№ 466

ПРО ИВАНА ГУДЁНОГА

Во том же во городе да во Киеви
У того же у князя Владимера
Ой были же собраны князья и бояра,
Ой сильние могучие богатыри,
Купцы имянитые, поляницы удалые.
Ой умный хвастат отцом-матерью,
А безумной хвастат молодой женой,
А кто хвастает силою-хваткой богатырьскою.

А Иванушко Годёнович не ест, не пьет, не кушает,
И ничим же он на хвастает,
Белой лебеди не рушает,
Медку, сахарку не закусыват.
«Ой чим мне, дядинька, хвастать не похвастати:
Ой ровня во Киеви жениласи,
Ой равны́ подружки замуж ушли». —
«Ой время, Иванушко, да и женитисе,
Бери-ко княгину во Киеви по разуму». —
«Ой нет мне во городи Киеви,
А есть в том город́и Чернигови
У Митрия гостя торгового». —
«Что ль тебе надо: казна ли несчетная,
Казна ли несчетна аль сила несметочна?» —
«Не надо мне казны несчеточной, а силы несметочной,
Ой дай мне одного слугу Офимку-па́зумку,
Мы двое вывезем».
Заплясал он на полаты белокаменной:
«Спасибо, Иванушко Годенович,
Что с собой берешь — мы двое вывезем».
Заскокал он по полаты белокаменной:
«Спасибо, Иванушко, что с собой берешь».
Ой стали кладывать да потнечки на потнечки,
Мягки войлочки на войлочки,
Сидёлышка черкацкии.
Ой видли молодцев сядучи,
А не видли, куды поедучи.
Вот приезжают они же в Чернигово.
Ой крёст кладут да по-писаному,
Поклон ведут да по-ученому
И на вси на ⟨четыре⟩ сторонки поклоняются.
«А вы коёй орды, а вы коёй земли?
Коего отца да коей матери?
Как вас именем зовут и звеличают по отечеству?
Эй князи ли есть и князёвичи,
Аль сильны могучи богатыри,
Аль поляницы удалые,
Аль послы лиховецкие?» —
«Ай есть же мы да не князи-князёвичи,
И не сильны могучи богатыри,
И не купцы именитые,
И не поляницы эх удалые,
И не послы лиховецкие,

А есть мы да из города Киева,
И приехали мы да свататси». —
«А есть у меня на свадьбу незаправленось». —
«А не гостить мы к тебе же эй приехали». —
«Эх, тое делушко сделано,
Рукобитье поделано,
Тому делу так и быть.
(*Начисто отказыват.*)
Просватана же Настасья Митриёвична
За того же сына Кощаева Тропитова». —
«Чим отдать да во чужу землю,
А лучше отдать да во свою землю». —
«Нет, тое делушко сделано,
А рукобитьё поделано,
Тому делу так и быть».
(*Начисто отказыват.*)
Розгорелось у Ивана Годенова да сердце богатырьскоё,
Он хватил же саблю вострую
И махнул ему да по буйной главы.
Отлетела у Митрия гостя торгового,
Откатилась головка, как пуговка.
Вот брали невесту да за белы руки
И садили невесту на добра коня.
Приезжают оны да во чисто полё.
«Ой поезжай-ко, слуга Ефимка-паромка,
Ай кури-вари да зелено вино,
А вари еще да пиво пьяное
Да дожидай меня а со княгиною».
Вот уехал Офимка во Киев-град
Курить-варить пива пьяного,
А еще варить пива пьяного,
Ожидать его со княгиною.
Ой роздергивал Иванушко Годёнович
Вот шатер же тот да белополотняный.
Только хочет зайти да забавлятися —
Приезжает же первый жених Кощай же Тропетович.
«Выезжай-ко со мной на поединочок,
Ой ты побьешь — дак ты возьмешь,
А я побью — дак я возьму».
Вот оны розъехались.
Во тыи палицы военные ой булатние,
Ой палицы военные, булатние во ⟨сорок⟩ пуд,

Друг дружка ударили —
Полетел же Кощай сын Тропетович.
Садится Иванушка на белую грудь
И хочет пластать да Кощаю белу грудь.
Закричал же Кощай да во всю голову:
«За Иваном тебе быть — портомойницей,
А за мной тебе быть — царицей слыть.
Выдь, Настасья Митриёвична, из бела шатра
И сдерни за волосы назад себя!»
Вот она выходит да из бела шатра
Да взяла сдернула да назад себя.
И вот садится Кощай сын Тропетович
Ивану Годенову да на белую грудь
И хочет пластать да Иванушку белую грудь.
Ой тут же он да пораздумался:
«Ой подай-ко, Настасья Митриевична,
Ой тыи тетивки шелковыя,
Ой свяжем ручки резвые и ножки резвые,
Привяжом ко кустышку да ко ракитову,
А свезем его да в свою сторону,
А будет нам слуга да очень верная». —
«Пластай же, Кощай Тропетович,
Ивану Годенову белую грудь».
Вот приказал, она подала тетивки шелковые,
Привязали ко кустышку да ко ракитову.
Вот заходит в шатер да забавлятися
Кощай да сын Тропетович,
Вот заводит же он с ней да забавлятися.
Вот заспал Кощай да сын Тропетович да крепко-накрепко,
Ён-то спал, она не спала, ведь Настасья Митриевична.
Ой прилетает голубь да со голубкою,
Ой садятся да на Ивана Годенова:
«Каково тебе жить да у кустышка,
Как у кустышка да у ракитова,
Глядить на забаву Тропетова?» —
«Ой выстань-ко, Кощай сын Тропетович,
Убей голуба со голубкою:
Голуб с голубкой не простые —
Приедут же киевски богатыри,
Убьют тебя да во чистом поли».
Вот он вставает и выходит да из бела шатра,
Берет же он да тугой лук,

А кладават стрелу калёную:
«Эй ты, моя да калёна стрела,
Не падай ни на воду, ни на землю —
Отлетай в голубка со голубкою».
Не полетела калёна стрела
Не в голубка и не в голубушку,
Отлетала самому да во белую грудь.
Убил же Кощай да сын Тропетович да самого себя.
Вот в шатре она да слезно прирасплакалась:
«Ох от бережка да я откачнулася,
А к другому я да не прикачнулася.
Ой Иванушка да Годёнович,
Ой прости меня да во большой вины:
У бабы волос долог, а ум короток».
А раздумалси Иванушка Годенов:
«А пропал же я не от женщины». —
«А не простишь меня,
А отрублю тебе да буйну голову».
Вот вернулась она в шатер да белополотняной,
Вот она же взяла саблю вострую,
Хочет срубить да Ивану буйну голову.
Да замахнулась она да саблей востроюю,
А сдрожала у ей да сабля вострая
И пала Ивану на белы руки,
Обрубила тетивки шелковые.
Поймал Иван да в руки саблю вострую,
А закричал же он во всю да буйну голову:
«Вот прощу же я теперь тебя, Настастья Митриевична!»
Обрубил же на ногах да у себя тетивки да шелковые.
Вот ставает он да на резвы ноги,
И подходит он к Настасьи Митриевичной:
«Этот язык мне не надобён,
Которой велел пластать да белую грудь».
Отсек он язык да у Настасьи Митриевичной:
«И эты губы не надобны —
Целовали Кощая Тропетова».
Взял он губы отсек у ней.
«Эти мне руки не надобны —
Да обнимали Кощая Тропетова».
И взял он у ней руки отсек напрочь,
И взял он у ней да отрубил ноги резвые.
«Сейчас поди да хоть за князя да за князовича,
Хоть за сильного могучего богатыря,

Хоть за того купца да имянитого,
За того купца имянитого,
А хоть за тую поленицу удалую».
Сейчас же Иванушко Годенов
Уехал он во Киево.
Поживат же теперь он во Киеви,
А живет же он да лучше старого,
А лучше старого да лучше прежнаго,
Лучше прежнаго да князя нежнаго.

ДАНИЛА БЕЛЫЙ (ИНДЕЯ БОГАТАЯ) (№ 467—470)

№ 467

ПРО ИНДЕЮ БОГАТУЮ

Как во той ли во Индеи во богатою
Царь индейский да выкликнул
Сильныих могучиих бога́тырей
Да открыл-то для них почестный пир
И наливал он чару напиток разныих,
Разныих напиток неограниченных —
Мерой чара не мерена,
Весом чара не ве́шена.
«И кто из вас может выпить эту чару
Напиток разныих,
Тот может ехать во чисто́ поле́
Берегчи царство Индейское,
Без докладу не пропускать
Не прохожего, не проезжего,
Без докладу во Индею во богатую».
Все на пиру позатихнули,
Все на пиру позамолкнули,
Не от кого и ответу нет.
Один бога́тырь стоя стал
Середи стола да против царя,
Говорил Ивашко Сарачи́нскиих таковы слова:
«Выпью эту чару зелена́ вина,
Поеду я, Ивашко Сарачинскиих,
Во чисто́ поле берегчи царство Индийское,
Не буду я пропускать без докладу
Не прохожего, не проезжего

Во Индею да во богатую».
Был богатырь во Русеюшки, был Данила Белыих,
У Данилы была дочка одинешенька,
Была девушка на выда́ваньи,
И просила она тятеньку:
«Съезди, тятенька, во Индею во богатую!
Во Индеи во богатою есть лавочки торговые,
Есть молодчики ученые,
Продают они да платья цве́тные,
Ты купи мне, тятенька, платьица венчальные,
Персни-кольца обручальные
С камешками драгоценными,
Драгоценными, самоцветными!»
И послушал та́тенька да своей дочери.
Да садился Данила Белыих на добра́ коня,
Да брал ко́пья долгомерные,
Долгомерное копье богатырское
Ради обороны богатырскою.
Да подъезжал Данила к Индеи богатою,
Да есть в чистом поли застава великая —
Нельзя проехать в Индею богатую:
Да стоит Ивашко Сороки́нскиих,
Берегет царство Индейское,
Да стоит Ивашка у сыра́ дуба́,
Да стоит Ивашко, он стоя спит.
Как сровнялся Данила Белыих
С Ивашкою Сороки́нскиих
Да видит, что Ивашко о сырой дуб стоя спит.
Да Данила Белыих натянул Ивашку Сороки́нскиих
Своей плетью шелко́вой богатырскою
Ивашку по плечам по могучиим.
Да говорил Данила Белыих:
«У нас на Руси богатыри лежа спят,
А у вас во Индеи богатою — стоя спят!»
Ивашки Сорочинскиих не прилюбилося,
Да не прилюбилося, что насмешки дал Данила Белыих.
Говорит Ивашко Сороки́нскиих:
«Что, какой ты, невежа, приехала!
Что давай-ка силу пробовать,
Станем-ка мы с тобой свои плеча богатырския
Да начнем-ка мы с тобой сражатиси!»
И сражаются, бьются це́лы суточки:
Копья долгомерные повыгнулись,

Сами мóлодцы силы повыбили.
Говорит Ивашко Сорочи́нскиих:
«Что у нас, Данила Белыих, силы на́ровни,
Сядем-ко да побиседуем,
Побиседуем, посоветуем.
Да ты скажи-ка, добрый мóлодец,
Ты какой земли, ты какой орды,
Ты какого роду-племени,
Ты какого отца-матери,
Куда тебя Бог несет?»
И отвечал Данила Белыих:
«Я еду во Индею во богатую.
Дай мне пропуск съездить в лавочки торговые:
Торгуют там мóлодцы ученые,
Продают платьица шелкóвые,
Мне купить дочери платья венчальные,
Мне-ка перстни-кольца обручальные
С камешками драгоценными, самоцветными!» —
«Дам я тебе пропуск без дани
На целый год гулять во Индеи богатою!»
Съехал Данила Белыих,
Купил дочери платьица венчальные,
Перстни-кольца обручальные
С камнями драгоценными, самоцветными,
Подарки привез дочери пóлюби.
Относила дочь та́теньки много благодарности.

№ 468

ДАНИЛА БЕЛЫЙ

Справляется, снаряжается Данила Белый,
Справляется ехать в Индею богатую.
У Данила Белого была дочь,
Красна девушка на выда́ваньи.
Говорит дочь татеньке:
«Мой родной татенька,
Съезди-ка в Индею во богатую.
Как в Индеи во богатый
Есте лавочки торговыи,
Там есть молодчики ученые,
Продают платьица да венчальные,

Кольца-перстни обручальные».
И поехал Данила Белый,
Послухал своей дочери,
Доехал Данила Белый
Близ Индею богатую,
А до Индею богатую.
Стоит Ивашка, Белая Панча, Сорочинская Шапка
И берегет Ивашка Индейское царство.
Стоит на заставы ⟨тридцать три⟩ года,
Без докладу, без пошлины
Никого не пропущает, ни проезжего да не прохожего,
Стоит Ивашка у сырого дуба,
Стоит и стоя спит.
Наехал Данила Белый,
И крикнул Данила Белый:
«Ивашка, Белая Панча, Сорочинская Шапка
Давай мне пропуск ехать в Индею богатую».
От Ивашки и ответу нет.
И хлыснул плеткой Данила Белый
По плечам Ивашку [Сорочинскую],
И говорит Данила Белый:
«Как у нас, на святой Россеюшки,
Богатыри лежа спят,
А у вас, в Индею, богатыри стоя спят».
Ивашке не прилюбилося
И говорит Ивашка:
«Ох, какая ты, невежа наехала!
Давай-ка со мной силу пробовать,
У кого силы больше ведь,
Ну, давай разъездом поразъедемся
Да и вместе столнемся».
Но тут они и поразъехались,
Потом вместе как сто́лкнулись
И ударили друг дружку копьяма долгомерными,
Военным орудием.
И говорит Ивашка да Сорочинский:
«У нас, видно, сила наравне,
Ну-ка еще охвоту спробуем».
Ну и другой раз столкнулись.
Говорит Ивашка тут Сорочинский:
«У нас с тобой, Данила, силы наравне,
Сядем-ко со мной да посоветуем:
Как такого проеждего у меня да не случалося,

Чтобы сила была наравне,
Дам тебе пропуск ехать в Индею богатую».
И съехал Данила Белый в Индею богатую,
И купил дочери платьица венчальныи,
Кольца-перстни да обручальные,
И поехал Данила Белый той же дороженькой.
Говорит Ивашка Сорочинский:
«Ай же ты, Данила Белый, крестовый брат,
Погости-ко ты у меня да посоветуем,
Каково в Индеи богатой тебя приняли,
Есть ли сильны там могучии богатыри?»
Отвечал Данила Белый:
«Мне-ка [таких] бога́тырей ведать не случалосе».
Говорит Ивашка Сорочинский:
«Дам я тебе пропуск,
Поеждяй от меня с великой почестью,
К своей дочери с дорогими со подарками».
И дочь спрашивает:
«Благополучно съездил-то,
Что стоят такие заставы,
Охраняют сильныи, могучии богатыри?» —
«Съездил я благополучно ведь,
Привез тебе дорогие подарочки».
Тым былина и покончилась.

№ 469
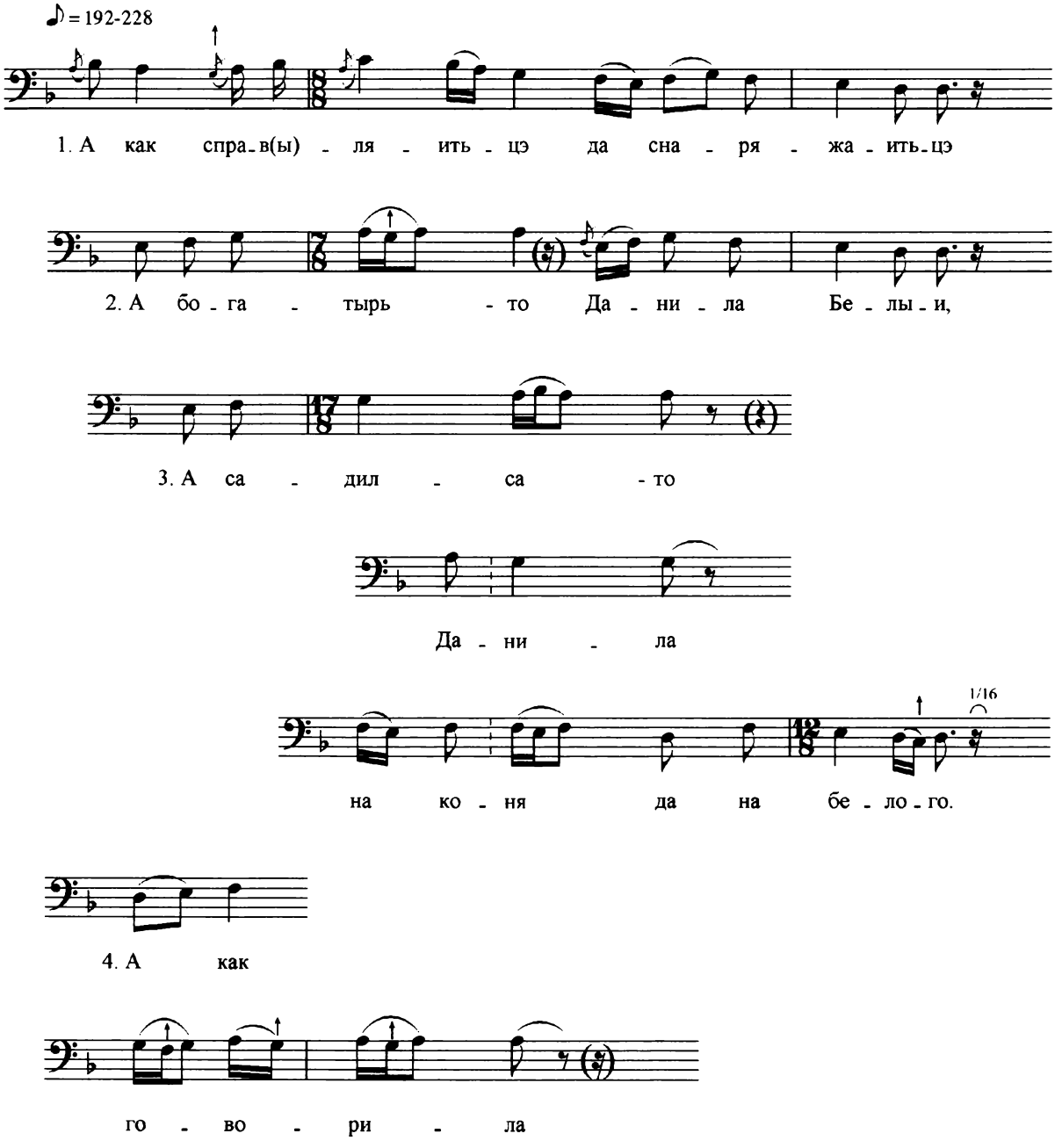
ПРО ДАНИЛА БЕЛОГО
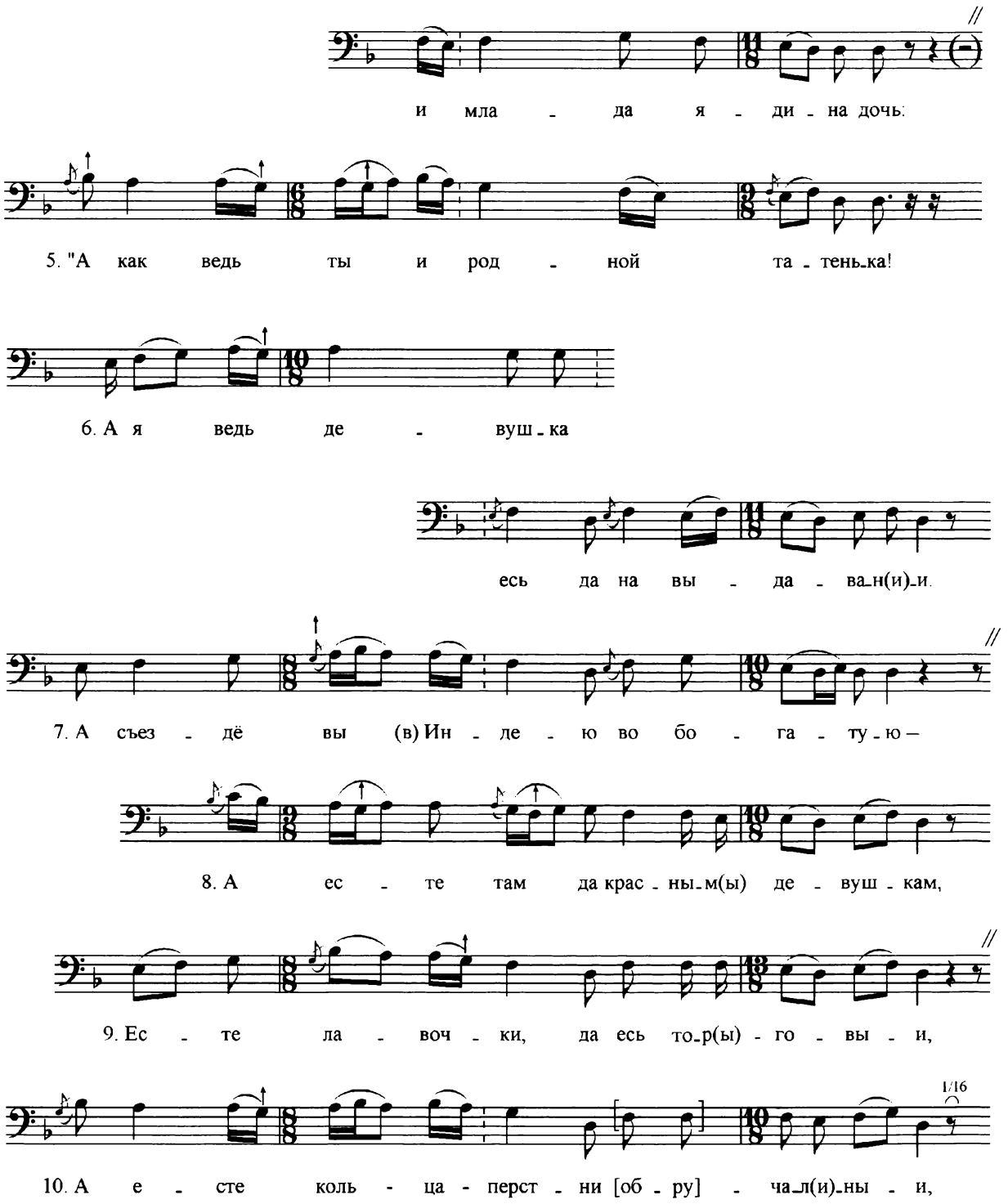
А Данила Белый отправляетце,
Говорила тут едина доць одинавушка:
«Как мой-то родный-то татенька,
Я у тя девушка и на выдаваньи,
Как съезди-т-ко во Индию во богатую,
Там в лавоцьках ты торговыих молодцики-то уценыи,
Продавают-то платья цветныи
И кольця ты обручальныи».
Как поехал-то Данила Белый,
Доеждял-то видь Данила Белый,
И стоит на дороги, берегет царство Индейское.
Как сравнялся тут Данила Белый,
А стоит Ивашка у сыра дуба,
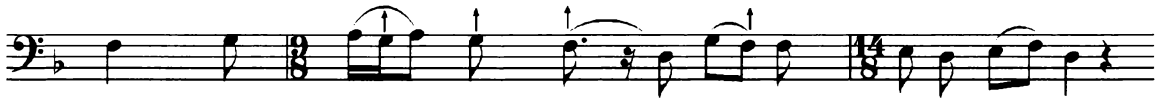
Берегет-то царство Индейское.
Крикнул Данила да крикнул Белый:
«А, Ивашка, да дай мни пропуски».
От Ивашки тут да ответу нет.
А видь хлыснул Данила да Белый своей плетоцькой:
«А вставай-ко ты, Ивашка,
А у нас ты на святой Русеюшки
А богатыри у нас стоя спят».
Ах, как скочил Ивашка Сорочински:
«Ох ты как, невежа, наехало,
Стою я ⟨тридцать три⟩ года,
Берегу я царство Индейское,
У меня ворона не пролетыват,
Молодец без пропуску не прохаживат.
Сделаем-ка мы с тобой разъезд на ⟨три⟩ поприща,
Станем-ко с тобой мы силу пробовать».
Как разъехались на ⟨три⟩ поприща,
А как вмести-то оны столнулись,
А копьямы долгомерныма да щелнулись,
А копья-то у них да позагнулиси.
Говорит-то Ивашка Сорочинский:
«Ах ты, Данила Белый,
У нас с тобой-то сила на́равне,
Будь мой ты крестовый брат,
И дам я тебе пропуск е́хати
Как во тую ли Инде́ю во богатую».
И поехал-то Данила Белый
А в Индею-то во богатую,
Как купил он доцери-то любимоей,
Там он купил платьиця цветныи
И кольця-персни венцяльныи,
И возвратился Данила к своей доцери,
С подарками да индейскима,
Привез платьиця цветныи
И кольця подвенецные.

№ 470
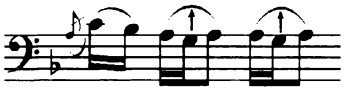
ПРО ДАНИЛУ БЕЛОГО
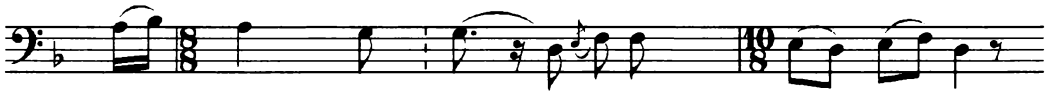

и мла - да я - ди - на дочь.
5. "А как ведь ты и род - ной та - тень-ка!
6. А я ведь де - вуш - ка
есь да на вы - да - ва-н(и)-и.
7. А съез - дё вы (в) Ин - де - ю во бо - га - ту - ю —
8. А ес - те там да крас - ны-м(ы) де - вуш - кам,
9. Ес - те ла - воч - ки, да есь то-р(ы) - го - вы - и,
10. А е - сте коль - ца - перст - ни [об - ру] - ча-л(и)-ны - и,
1/16

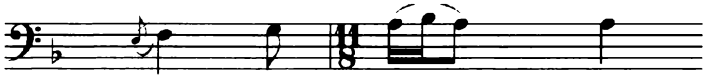
11. Да ведь плать - и - ца всё там вен - ча_л(и)_ны - и.
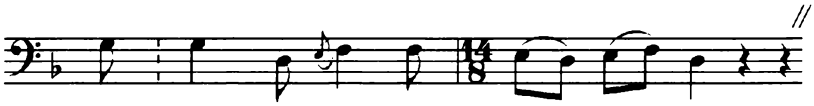

12. А у тя
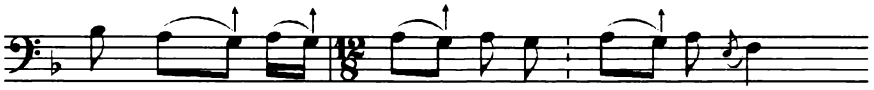

од - на - я дочь да о_ди - на - вуш - ка".
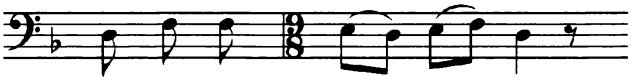

13. Как са - дил - сэ
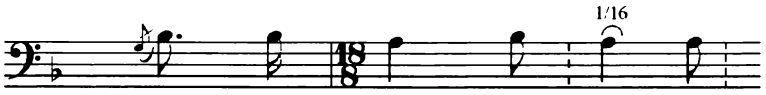

Да - ни - ла на доб - ра ко - ня,
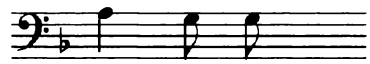

14. А до - езь - жал до Ин - де - и - то
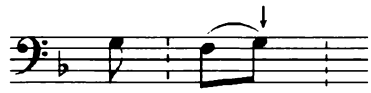

да до бо - га - то - ю.
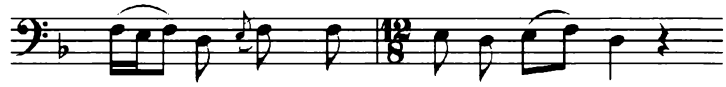

15. А сто - ит И - ваш - ко
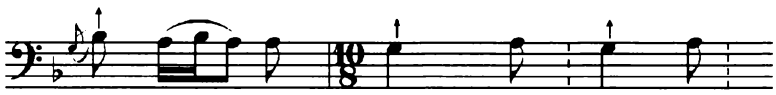

Бе - ла - я
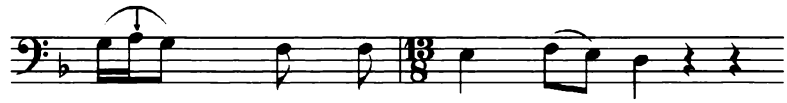

Парь - чя,
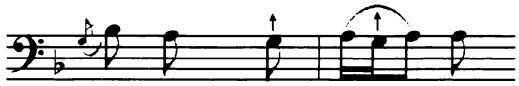

Шап - ка Со - ро - чи-н(и)-ска - я,
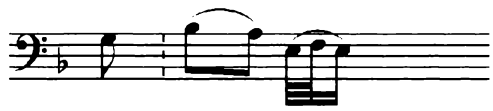

16. А бе - ре - гет Ин - дейсь - ко
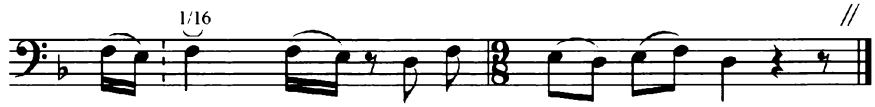

цар - ство он трид - цать лет.

17. А на - езь - жал тут

И - ваш - ку

Да - ни - ла Гла-за Бе - лы - и.

А как справ(ы)ляитьцэ да снаряжаитьцэ
А богатырь-то Данила Бе́лыи,
А садилса-то Данила на коня на да на белого.
А как говорила и млада ядѝна дочь:
«А как ведь ты и ро́дной татенька!
А я ведь девушка есь да на выда́ван(и)и.
А съе́здё вы (в) Инде́ю во богатую —
А есте там да красным(ы) девушкам,
Есте лавочки, да есь тор(ы)говыи,
А есте кольца-перстни [обру]чал(и)ныи,
Да ведь платьица всё там венчал(и)ныи.
А у тя одна́я дочь да одина́вушка».
Как садилсэ Данила на добра́ коня,
А доезьжал до Инде́и-то да до богатою.
А стоит Ивашко Белая Парьча́, Шапка Сорочи́н(и)ская,
А бережёт Индейсько царство он тридцать лет.
А наезьжал тут Ивашку Данила Глаза Белыи.

ХОТЕН БЛУДОВИЧ (№ 471—474)

№ 471

ХОТЕН БЛУДОВИЧ

У стольнаго у князя у Владимира
Заводился у него да почостный пир.
Было на пиру да две вдовы:
Одна Маринка, Часова вдова,
Друга Авдотья, Блудова вдова.
Наливае Авдотья, Блудова вдова,
Наливала она чару зелена вина,
Не только вина, что сладкаго́ меду,
Подносила Маринки, Часовой вдовы,
За чарою она ведь да посваталась
На Чайноей девицы на Часовичной.
Ена вылила чару во ясны́ очи,
Измочила шубу черных соболей.
Ушла-то Авдотья, Блудова вдова,
Идет она домой, да прикручинивши,
Прикручинивши она, да запечаливши.
Стречает ю молодой Котёнко, Блудов сын:
«Ай же, родна ты да моя матушка,

Что же ты идешь да закручинивши?
Местом ли тебя да приобнизили,
Пьяница ли городова тебя вы́ругала,
Аль чарою ли тебя да прио́бнесли?» —
«Чарою меня да не приобнесли,
Пьяница городовая не выругала,
Местом меня да не обнизили.
Наливала я ведь чару зелена вина,
Ай не только вина, что сладкаго́ меду,
Подносила Марины, Часовой вдовы,
Ай за чарою я да посваталась
Ай на Чайноёй девице на Часовичной.
Ёна вылила чару во ясны́ очи,
Измочила у мня шубу черных соболей!» —
«Ай же, родна ты да моя матушка!
Чайная девица на моих руках:
Я как захочу — так за себя возьму,
Я не захочу — за служку за Панютушку».
Справлялся он да скорешенько,
Убирался он да хорошошенько.
Видли добра молодца сядучи,
Ай не видли добра молодца поедучи.
Ай повыехал да на чисто полё,
Ехал мимо покоев Маринки, Часовой вдовы,
Хлопнул-то он палицей по терему,
Вси-ты терема да пошатались,
Вереи же все да розвалялися,
Терема унес да во чисто полё.
Чайная девица Часовична
Ай бросаласи да что ль по плеч в окно.
«Ай же, молодой Котёнко ты Блудов сын!
Отца-то у тя звали видь Блудищом,
Ай тебя же будут звать да уродищом!
Что же ездишь по городу, уродуёшь?»
Ён зговорит да таково слово:
«Ах ты, Чайная девица Часовична!
У тебя-то есть да девя́ть братцёв,
У твоей-то матушки девять сынков:
Пусть-ко выедут на чисто поле
С молодым Котёнком перевидеться».
Насыпае Марина, Часова вдова,
Насыпала она мису злата-серебра,
Другу насыпае скачна жемчугу,

Жертвуе стольнёму князю Владимиру,
Своему братцю родимому:
«Стольний князь да Владимиры!
Упроси-тко молода Котёнка Блудов сын,
Чтобы взял бы Чайную девицу Часовичну за себя замуж;
Не за служку бы он за Панютушку».
Сговорит стольний князь да Владимиры:
«Ай же сестрица родимая!
Как же ты да напиваласи,
Так же нунь да прохмеляйся-тко».
Сговорит молодой Котёнко Блудов сын:
«Кто же от беды да откупается,
Стольный князь да накупается!»
Прирубил он, пригубил да до единой головы
У Маринушки, да Часовой вдовы,
Ай спленил-то он девять сынов,
Покорил-то стольнего князя Владимира,
Взял Чайну девицу Часовичну
Замуж за служку за Панютушку.

№ 472

ХОТЕН БЛУДОВИЧ

Во сто́льноём во го́роди во Киеви
А у ласкового у князя у Владимира
А был-заводился да почёстной пир
На тых на кня́зей, на бо́ярьёв,
На славныих, на сильныих могучиих бога́тырей,
А на тых поле́ниць на уда́лыих.
Ай князя бал тот на ве́сели,
А день-то идет на ве́цери.
А было на перу да нунько две вдовы:
А перьвая — Мари́нка, Часова́я вдова,
А вторая — Авдотья, Часова́я вдова,
А злая баба и зубатая.
А ставала Авдотья, Часова́я вдова,
А ставала она на резвы́ на ноги́,
Наливала она чару зеленого вина,
А туды же взя́ла-кла́ла меду сладкого.
А подносила Маринки, Часово́ю вдовы,
А сама она за чарою посваталасе:

«Ай сестрица Маринка, Часова́я вдова,
А прими-тко мою ця́ру на белы́ на руки́,
А прими-тко ты чару и повыкушай
А за нашо за здра́вьё дети́ноё.
А у тебе Бог дал цядо́ ми́лоё,
А та́я девиця Часо́вицьня.
А у́ меня Бог дал цядо ми́лоё,
А у́ меня моло́дого Хотёнко да Блу́довиця.
А сделаём мы сва́тосьво!»
А та́я Маринка, Часо́вая же вдова,
Взяла она цяру во белы́е руки́,
А вылила ёна́ цяру в оци ясные,
Да смоцила ёна́ шубу цёрна соболя,
А самоё говорила таково́ё слово́:
«А що у тя Котёнко да Блу́довиць,
А сам он — горе заве́тноё!
А ходит по городу по Киеву,
А ищет он каждый день обро́ньёго —
А чем бы Котёнку душа напитать!»
А тут же Овдотьюшке стыдно́ стало́,
А пошла-то Овдотья со честно́го со перу́,
Круци́новата и пеця́ловата.
А стрецяет ю мо́лодой Котёнко да Блу́дов сын,
А сам говорил да таково́ё слово́:
«Ай же ты, свет государыня матушка,
А что же ты и́дешь со честно́го со пера́,
А круци́новата и пеця́ловата?
Аль у тебе мисьце не по́люби было́,
Али тебя ця́рой прио́бнесли,
А не тако́в ли пьяниця изру́гала,
А не тако́в ли дурак городо́выи?»
А говорит тут Овдотья таково́ё слово́:
«Ай же ты, цядо моё ми́лоё,
А молодой Котёнко мой Блу́дов сын,
А место-то мни по́люби было́,
А цярой меня не прио́бнесли,
А пьяниця меня да не изру́гала,
А никаков ни дурак городо́выи».
Говорит тут Овдотья таково́ё слово́:
«Да была на пиру Маринка, Часова́я вдова,
А та́я баба злая, зубатая.
А стала же я на резвыи ноги́,
А взяла я цяру во правую руку́,

Налила я цяру зеленого вина,
А туды́ же я клала́ меду сладкого,
Поднесла Маринке, Часо́вою вдовы,
А сама ли за цяро́ю посваталаси:
„Ай же сестриця Маринка, Часо́вая вдова,
А прими-тко эту цяру во правую руку́,
А прими-тко эту цяру, повыкушай,
А и наше здра́вьё дети́ноё!
А тебе Бог дал да цядо ми́лоё,
А Ця́йная девиця есть Цясо́вицьна,
А у меня Бог дал цядо ми́лоё,
А молодой Котёнко млад Блу́дов сын,
А сделаем меж собою мы сва́тосьво!"
А тая Маринка, Цясова́я вдова,
А става́ла она да на резвы́ на ноги́,
Бра́ла она цяру во прав у́ю руку́,
Вылила она цяру в оци ясные,
А смоцила ёна́ шубу мою цёрна со́боля!»
А говорит тот Котёнко таково́ё слово́:
«Ай же ты, свет государыня матушка,
А об этом ты не кручи́ньсё-ко,
А ради этого не печа́луйсё-ко.
А Ця́йная-то де́виця у нас во руках,
А я захоцю — за себя хвацю,
А нет — так за милого слу́жку Пань́отушку».
Говорит тут Котёнко таково́ слово́:
«Ай же ты, ми́ла слу́жка Пань́отушко,
Ай ступай-ко ты скуре́й во конюшон двор,
А седлай-ко ты да двух добры́х коней,
А поедем-ко мы во цисто́ полё».
А пошли оны во конюшон двор,
А садились оны на двух добры́х коней,
А поехали оны во цисто́ по́лё поляковать.
А едут переулкам тым Мари́нковым,
А подъехали ко терему ко вы́соку,
А ударил своей па́лицей зеле́зноёй,
А ударил по терему по вы́соку —
А теремы во гради пошаталисе,
А теремы Маринки развалялисе,
А терем Маринкин унес он во цисто́ во полё,
А Ця́йная девиця стоит в окни́,
А сам он говорит таково́ё слово́:
«Ай же ты, Ця́йная девиця Цясо́вицьня,

А у твоей матери деветь сынóв,
А у тебе есть деветь же братóв,
А пошли-тко их во цистóё во полё
Со мной, со Котёнком, перевидеться!»
А съехал он да во цистóё во полё,
А раздéрьгивал шатер белополóтняной,
А сам говорил таковóё словó:
«Ай же ты, мúла слýжка Панютушко,
Ай же ты гляди нонь вó полё,
А увидишь ты войско велúкоё,
А едут оны буде одным полкóм —
То дума у них будет общяя,
А едут оны — тóт наперед и другой наперед,
А каждому надобно повыславиться —
То дума у них нуньку разная.
А тогда миня буди со крепкáго сну».
А úдет тут Маринка со честнóго со перý,
А úдет тут Маринка дАй дивуется,
«А что же есть за чýдноё чýдушко,
А что же есть за дúвноё дúвушко?
Кажется, не было úз поля богáтырей,
А теремы во гради расшаталисе,
А теремы мои да развалялисе,
А терем мой унéсен во цистóё во полё!»
Говорит Цяйная девиця Цясóвицьна:
«Ай же ты, свет государыня да матушка!
А ехал да молóдый-та Котёнко да Блудовиць,
А подъехал он ко терему ко вúсоку,
А ударил своей пáлицей зелéзноёй,
А ударил он по терему по вúсоку,
А теремы во грáди расшаталисе,
А вéрешки с дóмов развалялисе,
А терем взял — унес во цистóё во полё,
А сам сговорил таковóё словó:
„Ай же ты, Цяйная девиця Цясóвицьня.
А у твоей у матушки девять сынов,
А у тебе-то девять-то братóв,
А пошли-тко их во цистóё во полé,
А со мной, с Котёнком, перевидеться!”»
А тая Маринка, Цясовая вдова,
А отмерила меру злáта-сéребра,
А другую она меру скатна жемчугу,
А тому ли она князю стóльнё-киевьскому,

А купила-взяла сорок тысячей,
А послала эту силу во цистóё во полё,
Со тым Котёнком перевидеться.
А глядит тут слýжка во цистóё во полё,
А увидел войско велúкоё,
А едут оны не одным полком,
А едýт-то оны — тот наперед и другой наперед,
А що-то каждому надо повы́славиться.
А не будил он Котёнка со крепкого сну,
А убил он тую силу на ядúной дух,
А схватил-то девя́ть-то братов,
А связал ли то он на веревоцьку,
А привел ли то их ко шатру,
А сам говорил да таковóё да словó:
«Ай мóлодой Котёнко да Блýдов сын,
А долго ты спишь — не пробýдишьсе,
А наехала-то рать-сила-то великая!»
А скоцил тут Котёнко со крепкáго сну,
А сам говорил таковóё словó:
«Ай же ты, милая слýжка Панютушко,
А что же не будил со крепкáго сну,
А убил ты эту силу на ядúной дух,
А эттех-то девя́ть-то братов
А привязал-то на веревоцьку?»
А раздёрнул Котёнко их на цеты́ре полы́,
Тут-то Котёнку слáвы поют,
Тут-то Котёнку во веки ему слава не минуется.

№ 473

ГОРДЕН БЛУДОВИЧ

Во городе было во Киеве
У ласкового князя у Владимира
Было пированье, почёстный пир
На многих князей, на бояр
И на русских могучих богáтырей.
А на том да на честном пиру
Как сидели ⟨две⟩ честны вдовы:
Одна вдова — Часова жена,
Втора вдова — Блудова жена.
И наливала чару зелена вина

Та ли Блудова вдова.
Подает она чару чесной вдовы,
Чесной вдовы, Часовой жены.
И она говорит таковы слова:
«Возьми-ка ту чару зелена вина,
У тебя ведь есть дочь на выдаванье,
А у меня ведь сын да на возрасте,
Выдай ты дочь свою Чайну Часовицну
За моего сына Гордена Блудовица».
И выливала вино во ясны очи
Чесна вдова, Часова жена,
Той ли вдове, Блудовой жене,
Обливала она шубу соболиную,
А сама говорит таково слово:
«Уж ты сука, блядь, Блудова жена,
Разве выдам я свою Чайну Часовицну
За твоего за сына за распутного.
У тибя тут-то ведь ходил по городу,
Все блудничал.
И твой сын все ездит по городу
Со своим-то он со парубком,
Где обед найдет, а где ужину,
Да по кабакам ходит он, все шляется,
Зеленым вином опиваетсе.
А моя-то доць,Чайна Часовицна,
Как сидит она во тереме,
Не обвевают ее ветры буйные,
Не запекает ее солнце красное,
Не заносит ее пылью дорожною,
Ес⟨т⟩ она кушанья разные,
Запивает винами сладкими
И не пойдет она замуж за твоего
Сына распутного.
И тут чесна вдова, Блудова жена,
Пошла она с пиру не весела, не радошна,
Домой приходила она кручинная.
И говорит ей сын Гордено Блудовиц:
«Ах ты что, родитель моя матушка,
Ты пришла из пиру да кручинная,
Верно, мисто тебе было не по разуму
Или обнесли тебя чарой зелена вина?»
Говорит тут сыну родна матушка:
«Уж ты гой еси, дитя мое милое,

Место на пиру мне было по разуму,
Не обнесли меня чашей зелена вина,
Надсмехалася надо мною чесна вдова, Часова жена.
Подавала я ей чару зелена вина,
А за этой чарочкой я посваталась.
Она вылила мне чару во ясны очи,
Облила вином мою шубу соболиную
И обругала меня бранью-руганью:
„Уж ты, сука, блядь, Блудова жена,
Разве выдам я за твово сына
Свою я доць прекрасную,
Она сидит ведь у меня в тереме,
Не овевают ее ветры буйные,
Не печет ее солнце красное,
Не пылит ее пыль дорожная,
Она кушает кушанья разные,
А питья пьет да все сладкие.
А у тебя-то, у Блудовой жены,
У тя муж-то был только блуд творил,
А сын твой ездит по городу
Со своим-то он со парубком,
Где обед найдет, а где ужину,
А по кабакам-то он ходит, шляется,
А и до́пьяна напивается.
А не пойдет моя доць любимая
За твоего сына Гордена Блудовица"».
И говорит тут Горден Блудовиц
Своей ли государыне родной матушке:
«Ай же ты, родна моя матушка,
Чесна вдова, Блудова жена,
Не кручинься-ко ты, да не печалуйся,
Отсмеюсь я эту насмешецку
Той ли Чайной Часовичне».
Идет он на конюшню стоячую,
Он берет своего добра коня,
Уздает его в уздецку тесмянную,
Седлает седёлышко черкасское
И берет с собой палицу тяжелую,
Весом та палица тридцать пудов.
И наезжает он ко Чайной Часовичне
К тому ли терему златоверхому,
Ударяет он своей палицей
По тому ли терему златоверхому,

И посыпалися стекла светлые
Из тех теремов златоверхиих.
И смотрит тут в окно красна девица,
Тая ли Чайна Часовична.
И говорит тут Гордено Блудович
Той ли Чайной Часовичны:
«Ай же ты, Чайна Часовична!
Если волей идешь — за себя возьму,
А неволей — так за парубка.
А теперь я поеду во чисто поле,
А ты посылай своих братьев-богатырей,
Я с ими там переведаюсь».
И поезжает он во чисто поле
Со своим ли парубком со любимыим,
И во тоем ли во чистом поле
Он ставит шатер белополотняный,
И валился он опочив держать.
Он наказывал своему парубку:
«Как увидишь ты богатырей,
Тех ли братьев Чайной Часовичны,
И наблюдай за ихним ты выездом:
Если поедут они дружно парами,
То у них будет дума единая,
Тяжельше будет нам справиться,
А если поедут они вперегонку с дру́г другом,
То у них будет дума разная,
Легче будет нам с ними справиться».
И уснул тут молодец крепким сном.
И наблюдает парубок за выездом
Тех ли братьев удалых молодцов,
Девети богатырей могучиих.
И видит — едут эти богатыри,
Только едут они да по-разничному,
Один одного перегнать хотит.
И садился тут парубок на добра коня,
Не побудил он Гордена Блудовича,
Съехался с братьями-богатырями,
Он трем отрубил головы,
А шестерых в полон берет,
И приводит он ко белу шатру,
И будет Гордена Блудовича:
«Ты ставай, хозяин мой Горден Блудович,
У меня трем братьям головы отрублены,

А шесть уже у шатра стоят
И завязаны крепко руки белые».
И говорит Гордено Блудович:
Своему ли он да парубку:
«Почему ты не разбудил меня
Да от сна крепкого?
Я бы лучше с ними мог расправиться».
И садился на добрых коней,
И поехали они ко Киеву.
Приводил он братьев полонённых
Ко своей государыне родной матушке.
И говорит он своей матери:
«Вот теперь насмешка им отсмеялась,
Богатыри-братья побеждены,
Трем-то головы а отрублены,
А остальные шесть полоненые.
Одного клади ты поворот,
Второго клади придворником,
А третьего клади приворотником,
Четвертого клади да дворником,
Пятого клади ты конюхом,
А шестого заставь ты дрова рубить».
А узнала об этом чесна вдова,
Тая ли Часова жена,
Идет она ко князю ко Владимиру,
Несет она подарки великия,
И говорит она князю Владимиру:
«Ай же ты, князь Владимир стольно-киевский,
Уж ты светло-красно солнышко,
Назови-ко ты мою дочь Чайну Часовичну племянницей
И помоги мне выдать замуж за Гордена Блудовича».
И посылает тут князь войско сорок тысячей
Против того ли Гордена Блудовича.
И выходит войско ⟨сорок⟩ тысячей,
И говорит им Горден Блудович:
«Ну так будемте ли, ребята, со мной бой держать?»
Он берет шалыгу подорожную
И бросает шалыгу во чисто поле,
И говорит он воинам княжеским:
«Вы попробуйте поднять мою шалыгу подорожную,
А потом со мной и схватывайтесь».
И много тут подходило молодцов,
Тех ли воинов храбрыих,

К той ли шалыге подорожноей,
И ни один ее не мог поднять.
Тут берет шалыгу Гордено Блудович
И вертит в руках ее, как перышко,
И говорит он войску княженецкому:
«А вы вяжитесь-ко вместо по два, по три целой кучею,
А идите-ко вы ко городу ко Киеву,
И скажите вы князю Владимиру,
Что полонил нас Гордено Блудович».
И вязали тут воины
Они друг другу руки белые,
И пошли они ко городу ко Киеву,
И говорят они князю Владимиру:
«Ты, Владимир-князь стольно-киевский,
Не могли мы справиться с Горденом Блудовым,
Полонил нас всех он воинов».
И созывает князь тут почестен пир,
И зовет на пир Гордена Блудова,
И на том пиру на почестноем
Говорит князь Гордену Блудовичу:
«Ай же ты, Гордено Блудович,
А почему ты насмехаесся
Над тайной моей племянницей?»
И говорит Гордено Блудович:
«Я нисколько над ней не насмехаюся,
Я скажу тебе, князь, таковы слова:
„Поставлю своего парубка на широкий двор,
И засыпай ты его золотом,
Если засыплешь ты его золотом,
Так я за сибя возьму Чайну Часовичну,
Да в придаток дай мне еще города с пригородками,
А если не осыплешь ты парубка золотом
И приданыи не дашь городов с пригородками,
Тогда я твою племянницу
Возьму замуж за своего парубка"».

№ 474

ГОРДЕН БЛУДОВИЧ

Как во городе ль да во Киеве
У того ли князя у Владимира
Было пированьице, почестный пир.

Как на том да на честном пиру
Сидели две честных молодых вдовы:
Что одна вдова — Часова жена,
А другая вдова — Блудова жена.
Наливает чарочку меду сладкого
Молода вдова, Блудова жена,
Поднесла чарочку молодой вдове,
Той же честной вдове, Часовой жене,
А сама говорит таковы слова:
«Ай же ты, честна молода вдова,
Молода вдова, Часова жена,
У тебе есть дочь на замужестве,
Тая ли девица Чайна Часовична,
И у меня есть сын, пора женитися,
Молодой Гордено Блу́дович.
Выпей-ка эту чарочку меду сладкого
Да и выдай свою дочь Чайну Часовичну
За моего-то сына Гордено Блудовича».
Не по сердцу стало это слово
Честно́й вдовы, той ли Часовой жены,
Она плеснула чарочку меду сладкого
Во ясны очи той честной вдовы,
Честной вдовы, Блудовой жены,
Обливала она косиночку шелко́вую,
Обрызгала всю шубу соболиную
И обругала ее словами очень скверными:
«У тебя-то муж был пьяница,
Блудовством занимался он всю жизнь свою.
И сын твой поведения очень скверного,
По кабакам он пьяный всё шатается,
Он к нечестным девкам к ночи забивается
И не знает, где ему позавтракать,
С голью кабацкою вместе обедает,
А спать валитце он без ужина.
А моя-то дочь Чайна Часовична
Она роду-то княжеского,
Сидит она в тереме хрустальном,
На ней платья разноцветные,
Кушанья готовят ей сахарные,
И питья пьет она да все медовые,
Всё приносят наготово ей служаночки.
У моей дочери Чайной Часовичной
Девять братьев есть удалых,

Богатырей сильных могучих,
Они в плен возьмут твоего сына,
И поставлю я его конюхом,
Да и будет он у моей дочери прислугою,
Коней заседлывать и расседлывать,
В конюшню убирать и кормить-поить».
Тут пошла с пиру честна вдова,
Честна вдова, Блудова жена,
Домой не весела приходит и не радостна,
Встречает её чадо родное,
Молодой сынок Гордено Блудович,
Говорит ей таковы слова:
«А ты что же, родна матушка,
Ты не весела с пиру идешь, не радостна,
Место тебе верно было нехорошее,
Или чарой тебя на пиру приóбнесли?»
Сыну ответ держит родна матушка:
«Уж ты гой, мой сын возлюбленный,
На пиру мне место было по разуму
И чарой я была на пиру не обнесена,
А обругала и огорчила меня Часова жена,
Когда я ее дочь Чайну Часовичну
За тебя, сынок, в замуж посватала,
Подавала я ей чару меду сладкого,
Она вылила ее мне во ясны очи,
Обзывала меня словами скверными
При честном пиру, при многих гостях,
Говорила мне таковы слова:
«„Ведь муж-то твой был пьяница,
Занимался он делами блудовыми,
Да и сын-то твой ведь голь кабацкая,
Он по Киеву ходит-шляетце,
Он не знает, где пообедати,
Да и спать валитце он без ужина.
А моя-то дочь, Чайна Часовична,
Она в тереме сидит в хрустальноем,
Наготово ей подносят кушанья.
Да и есть у ней девять братьицев,
Все богатыри сильны могучие,
Они в плен возьмут твоего сына,
И поставлю я его конюхом,
Он будет у моей дочери прислугоей"».
Говорит Гордено Блудович

Он своей государыни родной матушки:
«Не печалься ты, моя матушка,
Отомщу я обиду Часовой жены,
Надсмеюся я над ейной дочерью,
Что ль над той ли Чайной Часовичной».
И приказал он тут своему парубку
Коней своих скорей заседлывать,
Садился он на добра коня,
И приехал он ко терему хрустальному,
Где сидит Чайна Часовична.
Он ударил своей палицей по терему,
Так что стекла из окон посыпались,
А сам говорит таковы слова:
«Ай же ты, Чайна Часовична,
Если волей пойдешь замуж — то за себя возьму,
А неволей — так за парубка.
А теперь я поеду во чисто поле,
И пусть выедут твоих девять братьев,
Там я с ними силы померяю,
Могут ли оне меня в плен забрать».
Приехал Горден Блудович во чисто поле,
Поставил шатер белополотняный
Да и говорит своему парубку:
«Я свалюсе спать во белой шатер,
А ты смотри во чисто поле,
Как выедут братья Чайны Часовичной,
То наблюдай за ними хорошенько:
Если рядами поедут, то будет у них сила дружная,
Если вперегонки поедут друг с другом,
То у них будет сила розная,
Я легко тогда могу с ними справитьца».
И заснул Гордено Блудович
Крепким сном да богатырским
Во тоём ли во белом шатре.
А парубок остался во чистом поле,
Наблюдает за богатырями-братьями.
Вот и едут братья-бога́тыри,
Они друг друга перегнать хотят,
Увидел это все удалый парубок,
Он не будил своего хозяина,
Что ль того Гордена Блудовича,
Он садился на его добра коня,
Брал его палицу булатную

И выехал навстречу девяти братьям,
Да и стал он с ними сражатисе:
Он первого на́смерть убил,
Второго до полу́смерти,
Да и третьего сбил с лошади,
А остальные шестеро ему покорилися.
Говорят ему таковы слова:
«Ай же ты, удалый добрый молодец,
Не губи ты нашей молодости,
Лучше свяжи нам руки белые,
И будем мы у вас да полоненные,
Веди ты нас Горденевой ко матушке,
Мы выполнять будем вашу работушку,
Какую только вы прикажете».
И как тот-то удалый парубок
Он связал им руки белые,
Приводил их к Гордену Блудовичу,
Разбудил его от крепкого сна,
Говорит ему таковы слова:
«Ты вставай, Гордено Блудович,
Пробудися ты, добрый молодец,
От крепкого сна богатырского,
У меня три брата побежденные,
Шестеро братьев полоненные,
Связаны им руки белые
Да и к шатру оне все у меня привязаны».
Тут встал Гордено Блудович от крепка сна,
Говорит он парубку таковы слова:
«Ты зачем не будил меня от крепка сна,
Я не так бы с ними расправился».
Тут садился он на добра коня,
И поехал он к своей родной матушке,
А парубку приказал везти пленныих.
Приехал Гордено к своей матушки,
Говорит ей таковы слова:
«Ай же ты, моя родная матушка,
Надсмеялся я над Часовой женой,
Ейны три сына побежденные,
А остальные шестеро плененные,
Им каку работу прикажем делати?»
Отвечает ему родная матушка:
«А как мог ты их в плен забрать,
Так сумею я им и работу дать».

Она первого назначила поворóм,
Второго назначила придверником,
Третий будет приворотником,
А четвертому работа будет дворником,
Пятому работа надь быть конюхом,
А шестому-то послом надь быть.
И принимались молодцы полоненные
Работу выполнять безоговорочно.
Услыхала про это чесна вдова,
Тая ли вдова да Часова жена,
Что сыновья в плену у Гордена Блудовича
И работать все заставлены.
Насыпает она мису чиста серебра,
Другу мису красна золота,
А третью мису скатна жемчуга.
Пошла она ко князю со подарками:
«Ай же ты, князь Владимир стольно-киевский,
Прими ты от меня дорогие подарочки,
Серебро, золото и скатен жемчуг,
А помоги мне сыновей из плену вывести
От того Гордено Блудовича».
Принимал князь дороги подарочки
От той вдовы, Часовой жены,
Собирает войско сорок тысячей
И отправляет полонить Гордено Блудовича.
Как будет войско во чистом поле,
Навстречу войска выехал
Богатырь Гордено Блудович
Со своим ли храбрым парубком,
И говорит он войску таковы слова:
«Если хочете смерти, то заводите бой,
А если жить хотите, то сдавайтесь в плен».
Говорит тут войско промежду собой:
«Смертный бой держать нам ведь нéпочто,
Княженецкий род нам защищать нéзачто.
А мы свяжем руки да друг другу,
А пойдемте обратно во Киев-град,
Да и скажем мы князю Владимиру,
Что полонил нас всех Гордено Блудович».
Стали оне друг друга связывать,
Последнему завязал Горден Блудович,
И говорит он парубку таковы слова:
«Ты сведи войско во Киев-град

Да и скажи князю Владимиру:
„На, прими ты, князь Владимир, подарочек
От сильного богатыря могучего,
От того ли Гордена да Блудовича,
Сорок тысяч войска полоненного"».
И привел парубок войско во Киев-град,
И говорит князю таковы слова:
«Прими-ка ты, князь, подарочки
От молодца Гордено Блудовича
Сорок тысячей войска полоненного».
Видит князь у войска руки связаны,
И говорит себе он таковы слова:
«Не возьмешь Гордено, верно, силою,
Видно, надо с ним помиритися,
Выдать замуж за него свою племянницу».
Собирает князь тут почестный пир
И приглашает на пир Гордено Блудовича.
Когда гости на пир собиралися
И сидели за столом дубовым,
Князь пенять стал Гордену Блудовичу:
«Ай же ты, Горден Блудович,
А ты что над моей племянницей
Все да надсмехаессе
И не хочешь взять во замужество».
Выходил Гордено на широкий двор,
Ставил свой костыль посреди двора,
А князю Владимиру говорит таковы слова:
«Когда засыплешь ты мой костыль золотом,
Тогда я возьму замуж твою племянницу,
Тую ли Чайну Часовичну».
Он пошел же к родной матушке
И говорит ей таковы слова:
«Ай же ты, моя родная матушка,
Отсмеялся я насмешку Чайной Часовичной,
Да и загадал загадку я князю Владимиру,
Что когда осыплет мой костыль золотом,
Я тогда возьму замуж Чайну Часовичну».

ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН (№ 475)

№ 475

ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН

Во славном городе во Киеве
У того ли князя у Владимира
Было пированьице, почестен пир
На многих князей, на бояр,
На светлорусских могучих бога́тырей.
Все на пиру напивалисе,
Все на пиру наедалисе
И в полупире все порасхвастались:
Богатой хвастает золотой казной,
Сильной хвастает своей силою,
Умной хвастает старой матерью,
А безумной молодой женой.
А князь Владимир по горенки похаживает,
Жолтыми кудрями потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
«Уж вы хвастаете всё мне былью-небылицею,
А вот я-то цем, добрый молодец, похвастаю,
Что есь у меня кони добрые,
Не найдется против меня супротивничка,
Чтобы обогнать меня во чистом поле
На своем коне да на доброем».
И говорят тут добры молодцы,
Сильныи русскии бога́тыри
Тому ли князю Владимиру:
«Не напрасно ли ты, князь, этим хвастаешь,
Ведь у нас, у русских богатырей,
Кони сильные есь и могучие».
И говорит тут князь таковы слова:
«Так кто побьется со мной о велик заклад,
Чтобы съездить нам завтра до Чернигова
В два часа с половиною?
А до Чернигова ездить будет триста верст».
Ничего не говорят тут русские богатыри,
Они не смеют удариться с князем о велик заклад.
Но на том пиру да на беседушки
Тут сидел да посидел удалый молодец
По прозваньицу Иван Гостиный сын.

Говорит он князю Владимиру:
«Ты, Владимир-князь стольно-киевский,
Я ударюсь с тобой о велик заклад,
О денежках по три тысячи,
Чтобы съездить нам ко городу Чернигову
В два часа да с половиною.
А кто дорогою приостанется,
Отдай первому денежек три тысячи».
И так побился князь о велик заклад
С молодцом Иваном Гостиным,
Что ехать им завтра ко Чернигову
Два часа да с половиною,
А кто не съездит, так тот будет платить денежки —
Первому наезднику три тысячи.
И на том они сговор закончили,
Договор писали и руки подписали.
И приказывает тут Владимир-князь
Своим слугам и конюхам.
Он собрал все стадо лошадиное,
Обмануть он хочет Ивана Гостиного.
И тот Иван Гостиный сын,
Он идет во конюшню стоялую,
Он берет своего Бурушко-кавурушка,
Идет он к князю ко Владимиру
На широкий двор утром ранешенько.
А Владимр-князь спит не просыпается,
А у конюхов и у слуг княжеских
Целый двор коней насгонено,
И кормят оне коней пшено́ю белояровой.
Как заехал во двор Иван Гостиный сын
И как фыркнул у Ивана добрый конь,
У князевых коней кормушки опругалисе,
И как заржал у Ивана богатырский конь,
Тут князевы кони все по цистому полю разбежалисе,
Конюхам и слугам в руки не ималися,
И идут тут конюхи к князю Владимиру,
А сами говорят таковы слова:
«Ты, Владимир-князь стольне-киевский,
А ты спишь, князь, да высыпаешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь.
К нам на двор заехал добрый молодец
На своем коне богатырском,
А твои кони княженецкии

Они зобали пшено белоярово,
Но как фыркнул конь доброго молодца,
Твоих коней княженецкиих
Кормушки все опругалисе,
А как заржал конь своим голосом,
Так твои кони княженецкии
Все по цистому полю разбежалися
И никак в руки нам не поималисе.
И встает тут Владимир-князь,
Скоро-наскоро умывается,
А скорей того одевается,
И бежит он на широкий двор,
И видит он удала молодца,
Того ли Ивана Гостиного.
Говорит ему Иван Гостиный сын:
«Ну-тко, князь Владимир стольне-киевской,
Мы поедем с тобой ко Чернигову».
Говорит тут князь таковы слова:
«Ах ты гой еси, добрый молодец,
Не поеду я с тобой ко Чернигову,
Не устоять мне супротив тебя,
Твой ведь конь — лошадь могучая,
От твоего коня мои все кони разбежалися,
Моим конюхам они не поималисе.
А привяжи-ко ты своего коня посередь двора
Ко тому столбу ко точеному,
Ко тому кольцу золоченому,
Да насыпь-ко ему пшена белоярового,
А сам иди в палаты княженецкии,
Получи-ко ты от меня денежек три тысячи».
И тут Иван Гостиный сын привязал коня посредь двора
Ко тому столбу ко точеному,
Ко тому ль кольцу золоченому,
И насыпал он пшена белоярова.
И пошел в палаты княженецкие,
Получил он от князя денежек три тысячи,
И садились оне за дубовый стол,
Заводили они веселый пир,
Но больше конями князь уж не хвастает.

СУХМАН (№ 476—491)

№ 476

О СУХМАНТИЕ ДИХМАНТЬЕВИЧЕ

У ласкова у князя у Владимира
Было пированьице-почестен пир
На многих князей, на бояр,
На русскиих могучиих богатырей
И на всю паленицу удалую.
Красное солнышко на вечере,
Почестный пир идет на веселе,
Все на пиру пьяны-веселы,
Все на пиру порасхвастались:
Глупый хвастает молодой женой,
Безумный хвастает золотой казной,
А умный хвастает старой матерью,
Сильный хвастает своей силою,
Силою, ухваткой богатырскою.
За тым за столом за дубовыим
Сидит богатырь Сухмантий Одихмантьевич,
Ничем-то он, молодец, не хвастает.
Солнышко Владимир стольно-киевский
По гридне столовой похаживает,
Желтыма кудеркамы потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же ты, Сухмантий Одихмантьевич!
Что́ же ты ничем не хвастаешь,
Не ешь, не пьешь и не кушаешь,
Белыя лебеди не рушаешь?
Али чара ти шла не рядобная,
Или место было не по отчине,
Али пьяница надсмеялся ти?»
Воспроговорит Сухман Одихмантьевич:
«Солнышко Владимир стольно-киевский!
Чара-то мне-ка шла рядобная,
А и место было по отчине,
Да и пьяница не надсмеялся мне.
Похвастать-не похвастать добру молодцу:
Привезу тебе лебедь белую,
Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену».

Тогда Сухмантий Одихмантьевич
Скоро вставает на резвы ноги,
Приходит из гридни из столовыя
Во тую конюшенку стоялую,
Седлает он своего добра коня,
Взимает палицу воинскую,
Взимает для пути для дороженьки
Одно свое ножище-кинжалище,
Садился Сухмантий на добра коня,
Уезжал Сухмантий ко синю морю,
Ко тоя ко тихия ко заводи.
Как приехал ко первыя тихия заводи:
Не плавают ни гуси, ни лебеди
Ни серые малые утеныши.
Ехал ко другия ко тихия заводи:
У тоя у тихия у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеныши.
Ехал ко третия ко тихия ко заводи:
У тоя у тихия у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеныши.
Тут-то Сухмантий пораздумался:
«Как поехать мне ко славному городу ко Киеву
Ко ласкову ко князю ко Владимиру,
Поехать мне — живу не бывать;
А поеду я ко матушке Непры-реке!»
Приезжает ко матушке Непры-реке:
Матушка Непра-река текет, не по-старому,
Не по-старому текет, не по-прежнему,
А вода с песком помутилася.
Стал Сухмантьюшка выспрашивати:
«Что́ же ты, матушка Непра-река,
Что́ же ты текешь не по-старому,
Не по-старому текешь, не по-прежнему,
А вода с песком помутилася?»
Испроговорит матушка Непра-река:
«Как же мне течи было по-старому,
По-старому течи, по-прежнему,
Как за мной, за матушкой Непрой-рекой,
Стоит сила татарская неверная,
Сорок тысячей татаровей поганыих?
Мостят они мосты калиновы,

Днем мостят, а ночью я повырою:
Из сил матушка Непра-река повыбилась».
Раздумался Сухмантий Одихмантьевич:
«Не честь-хвала мне молодецкая
Не отведать силы татарския,
Татарския силы, неверныя».
Направил своего добра коня
Через тую матушку Непру-реку,
Его добрый конь перескочил.
Приезжает Сухмантий ко сыру дубу,
Ко сыру дубу крякновисту,
Выдергивал дуб со кореньямы,
За вершинку брал, а с комля сок бежал.
И поехал Сухмантьюшка с дубиночкой,
Напустил он своего добра коня
На ту ли на силу на татарскую,
И начал он дубиночкой помахивати,
Начал татар покалачивати.
Махнет Сухмантьюшка — улица,
Отмахнет назад — промежуточек
И вперед просунет — переулочек:
Убил он всех татар поганыих.
Бежало три татарина поганыих,
Бежали ко матушке Непры-реке,
Садились под кусточки под ракитовы,
Направили стрелочки калёныя.
Приехал Сухмантий Одихмантьевич
Ко той ко матушке Непры-реке —
Пустили три татарина поганыих
Тыя стрелочки калёныя
Во его в бока во белыя.
Тут Сухмантий Одихмантьевич
Стрелочки калёныя выдергивал,
Сорвал в раны кровавыя листочки маковы,
А трех татаровей поганыих
Убил своим ножищем-кинжалищем.
Садился Сухмантий на добра коня,
Припустил ко матушке Непры-реке,
Приезжал ко городу ко Киеву,
Ко тому двору княженецкому.
Привязал коня ко столбу ко точеному,
Ко тому кольцу ко золоченому,
Сам бежал во гридню во столовую.

Князь Владимир стольно-киевский
По гридне столовыя похаживает,
Желтыма кудеркамы потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же ты, Сухмантий Одихмантьевич!
Привез ли ты мне лебедь белую,
Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену?»
Говорит Сухмантий Одихмантьевич:
«Солнышко князь стольно-киевский!
Мне, мол, было не до лебедушки:
А за той за матушкой Непрой-рекой
Стояла сила татарская неверная,
Сорок тысячей татаровей поганыих;
Шла же эта сила во Киев-град,
Мостила мосточки калиновы:
Они днем мосты мостят,
А матушка Непра-река ночью повыроет.
Напустил я своего добра коня
На ту на силу на татарскую,
Побил всех татар поганыих».
Солнышко Владимир стольно-киевский
Приказал своим слугам верным
Взять Сухмантья за белы руки,
Посадить молодца в глубок погреб.
А послать Добрынюшку Никитинца
За тую за матушку Непру-реку
Проведать заработки Сухамантьевы.
Седлал Добрыня добра коня,
И поехал молодец во чисто поле.
Приезжает ко матушке Непры-реке
И видит Добрынюшка Никитинец:
Побита сила татарская;
И видит дубиночку-вязиночку,
У тоя реки розбитую на лозиночки.
Привозит дубиночку Киев-град
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Сам говорит таково слово:
«Правдой хвастал Сухман Одихмантьевич:
За той за матушкой Непрой-рекой
Есть сила татарская побитая,
Сорок тысячей татаровей поганыих;
И привез я дубиночку Сухмантьеву,

На лозиночки дубиночка облочкана.
Потянула дубина ⟨девяносто⟩ пуд».
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Ай же, слуги мои верные!
Скоро идите в глубок погреб,
Взимайте Сухмантья Одихмантьевича,
Приводите ко мне на ясны очи:
Буду его, молодца, жаловать-миловать
За его услугу за великую
Городами его с пригородкамы,
Али селамы со приселкамы,
Аль бессчетной золотой казной до́люби».
Приходят его слуги верные
Ко тому ко погребу глубокому,
Сами говорят таковы слова:
«Ай же ты, Сухмантий Одихмантьевич!
Выходи со погреба глубокаго:
Хочет тебя солнышко жаловать,
Хочет тебя солнышко миловать
За твою услугу великую».
Выходил Сухмантий с погреба глубакого,
Выходил на далече-далече, чисто поле,
И говорил молодец таковы слова:
«Не умел меня солнышко миловать,
Не умел меня солнышко жаловать:
А теперь не видать меня во ясны очи!»
Выдергивал листочики маковые
Со тыих с ран со кровавыих,
Сам Сухмантий приговаривал:
«Потеки, Сухман-река,
От моя от крови от горючия,
От горючия крови, от напрасныя!»

№ 477

СУХМАН

Было во славном во городе во Киеви
У ласкова князя у Владимира,
Заводился у него-то тут почестной пир.
На том на пиру у Владимира
Были князи ведь тут, вси ведь бояра,

А вси сильни могучи вси богатыри;
А сидит во самом-то во большом углу
А Сухман да сидит сын Долмантьёвич.
Вси князи оны, вси тут бояра,
Сильнии могучии бога́тыри
А едят-то, пьют, вси-то кушают,
И белую лебедь оны рушают.
Молодой Сухман сын Долмантьевич
Он не ест, не пьет, сам не кушает,
Белой лебеди сам не рушает,
Нечим мо́лодец сам не хвастает.
Зговорит Владимир стольно-киевской:
«Что же ты, Сухман сын Долмантьевич,
Ты не ешь, ты не пьешь, ты не кушаешь,
Белой лебеди сам не рушаешь,
Ничим, молодец, сам не хвастаешь?»
Воспроговорит Сухман сын Долмантьёвич:
«Ах же ты, Владимир столен-киевской,
Дай-ко мне времечки день с утра,
День с утра и как до вечера,
Мне поездить, Сухману, нынь по заводям.
Привезу ти лебедушку живьем в руки,
А на твои на пир княженецкии,
На твои на стол на дубовыи».
Дал ему времечки день с утра,
День с утра и как до вечера.
Поехал Сухман сын Долмантьевич,
Он ездил день с утра до вечера
А по тихим глубоким по заводям,
Не наехал ни на гуся, ни на лебедя,
Ни на сераго на малаго утеныша.
Проездил Сухман трои суточки.
Приехал Сухман сын Долмантьевич
Ко матушке ко Непры́-реки,
А у той ли у матушки Непры́-реки
А стоит тут сила ведь-то малая —
Вода с песком возмутиласи,
Стоит за Непро́й, за Непро́ю-рекой
А неверныи силы сорок тысячей,
Мостят мосты все калиновыи,
Ладят тут перейти через ту Непру,
Ко тому ли городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.

Ладят Киев-град как огнем пожгать,
А Владимира, того во полон-тот взять.
Тут Сухман здогодается,
А пошел Сухман за тую́ Непру,
Находил ён дубиночку-вязиночку:
В долину как дубина девяти сажон,
В толщину как дубина три обо́ймени.
Тут Сухман снаряжается —
За вершинку брал — с ко́мля сок бежал.
Стал по поганыим похаживать,
По тою по силы по неверныи,
Стал ён дубиною помахивать,
Убил ён татар сорок тысячей,
Со всих сторон дубину приущолкал ён,
В кровь ён дубину приома́рал тут.
А из поганыи из си́лы тут
Оставалося только два татарина,
А ёны от его обряжа́лися,
За тыя за кустья завалялися.
Пошел тут Сухман ён во Киев-град
Ко тому ли князю ко Владимиру.
Го́ворит Владимир таково слово:
«Что же долго ты ездил, Сухман, теперь?
Ездил ты да трои суточки,
Привез ты ко мне нынь лебедушку,
Обещался кою́ да живьем в руки,
А ни сераго ни малого утеныша».
Ответ держит Сухман как тут,
Ответ держал сын Долмантьёвич:
«Не до то́го мне-ка нынь деялось!
Был я ведь нынь за Непрой-рекой,
Увидал я силы сорок тысячей,
Той ли силы поганыи,
Той ли силы всё неверныи,
О́ны ладили тут как ведь Киев-град,
Киев-град как огнем пожгать,
А Владимира — тебя — в полон как взять».
А говорят князи́, ведь и бояра,
А и сильни могучи богатыри:
«Ах ты, Владимир столен-киевской!
Не над нами Сухман насмехается,
Над тобою Сухман нарыгается,
Над тобой ли нынь как, Владимир-князь».

За тыи за речи за похвальныи
Посадил его Владимир стольно-киевской
Во тыи погреба во глубокии,
Во тыи́ темницы темныи.
Железными плитами задви́гали,
А землей его призасы́пали,
А травой его замуравили,
Не много ли не мало лет-то на́ тридцать.
Послали туда ведь-то осле́довать
К той ли ко матушки Непры́-реки
Старо́го казака Илью Муромца.
А пошел старой Илья Муромец,
Он пошел к матушки Непры́-реки,
А стал Илья как по силе похаживать,
По той ли силы он поганыи,
По той ли по силы все неверныи,
Он нашел там дубиночку-вязиночку,
А лежит она меж силы меж поганою,
А лежит тая дубина девяти сажон,
В толщину тая дубина три обо́ймени,
Со всих сторон дубина приущолкана,
В кровь дубина приомарана.
Пошел да старо́й ён ко городу,
Ко тому ко городу ко Киеву,
Увидал два татарина поганыих.
Говорят тут татарины поганыи:
«Ты куда, калика, перехаживашь,
Ты откуль идешь, откуль путь держишь?»
Воспроговорит старо́й Илья Муромец:
«Я иду ведь от города от Киева,
От ласкова князя Владимира».
Говорят татарины поганыи:
«У вас как ведь есть нынь во Киеви
А бога́тырь старо́й Илья Муромец;
Помногу заедат-то хлеба к выти он,
Помногу ль выпиват питья медвянаго?»
Говорит Ильюша таково слово:
«У нас как было нынь во Киеви
У ласкова князя Владимира,
Ест хлеба по колачику крупивчату,
Запивае стаканчиком медвяныим». —
«То тут у Ильюши ведь не сила есть.
Как мы есть поганы татарова

Едим хлеба к выти по плечи печенаго,
По ушату пьем водоносныих».
Воспроговорит Илья тут ведь Муромец:
«У нас было во городе во Киёви
При ласковом князи Владимири
Коровищо была обжорищо,
Она много ела, вино пила тут,
Нынь вся она теперь перелопала».
Тут татаринам поганым не к лицу пришло,
Выскакали со шатра полотняного,
Кинули в Ильюшу ножищо о́ны тут.
Попало тут во дверь во дубовую,
Выскочила тут и со липиньямы.
Взял Ильюша старо́й тут ведь Муромец
Клюку свою он дорожную,
А ударил ён по татаровам —
Тут у татаринов души нету.
Приходит старо́й Илья Муромец
Ко городу ко тому ко Киеву
Ко ласкову князю Владимиру,
Ответ держал, выговаривал:
«Правда Сухмана Долмантьёвица,
Чем Сухман только хвастает.
Был-то я у Непры́-реки,
Видел силы поганой убитою,
Числом лежит сорок тысячей.
Меж тыма меж поганыма татарамы
Увидал дубину девяти сажон,
В то́лщину дубина три обоймени,
Со всих сторон дубина приущолкана,
В кровь-ту дубина приомарана».
Зговорит Владимир таково слово:
«Ах же вы, князи вы бояра,
А вы сильни могучи вси богатыри!
Выводите Сухмана со погребов,
Со тых погребов со глубокиих,
А со тых ли со те́мниц со темныих».
Тут приходили князи, бояра,
Сильни могучи богатыри,
Траву-ту всю оны тут вырвали,
Землю из плиты ведь повырыли,
Железную плиту повыняли,
Выводили Сухмана сына Долмантьевича

Со тых погребов со глубокиих,
Со тых ли со те́мниц со темныих.
Воспроговорят ему вси князи-бо́яра:
«Ах ты, Сухман сын Долмантьевич!
За твои услуги великии
Тебя пожалует Владимир столен-киевской
Золотою казной тебя долюби,
Городами-то да с пригородкамы,
Приселам-то да со приселкамы».
Выходит Сухман сын Долмантьевич
Со тых погребов со глубокиих,
Со тых ли со темниц со темныих,
Говорит Сухман таково слово:
«А не честь-хвала молодецкая
Брать города с пригородкамы,
Брать присела да со приселкамы,
Брать мне бессчетна золота казна,
А моя есть смерть напрасная,
От тых от ран от великиих».
Выдергал он листочики мако́выи:
«Протеки от ран от великиих,
Протеки Сухман-река ты кровавая».

№ 478

СУХМАНТИЙ

Солнышко князь да стольне-киевской
Собирался-держал да поцестной пир.
Еще вси на пиру да напива́лисё,
Еще вси ёны́ да наеда́лисё,
Еще все ёны́ да порасфаста́лисё:
Как безумной фалит молоду́ жену,
А рассудной фалится родной сестрой,
А разумной фалит ро́дну матушку.
Молодой Сухман сын Долмантович
И он ни пьет да все ни кушает,
Ниця́м добрый мо́лодець ни фастает:
«Мне-ка ни́цем пофастати.
Я лебедушку живём возьму,
Серу-малую я живьи́цёю!»
А садился на своего коня доброго,

Он приехал ко первому ко за́водью,
Ко зеленому ко за́трязью —
Не убил ни гуся, ни лебедя,
Застрелил-то се́ра малого утеныша.
И ён поехал ко Непры́-реки.
Еще матушка Непра́-река
Как бежит да ни по-старому,
А текет-то ни по-прежнему.
Как за матушкой Непро́й-рекой
Как стоят татары Индо́лища,
Как мостят мосты ёны́ калёныи.
Ёны́ днем-то ёны́ повымостят,
И на ночь-то их она повыносет.
Как из сил, из сил повыбилась,
Как мутно́ текет ёна, мутнешенька.
Молодой Сухман сын Дохмантович
Как на своем-то ко́не до́броём
Он скакнул через матушку Непру́-реку́.
Там стоял-то дубина великиий:
В вышину-то он — семь сажён,
В ширину-то он — в три обоймища.
И он ведь этот — ён повывернул.
Стал дубинушкой ён помахивать,
Стал дубинушкой поворачивать:
Куда махнет — туда улыцек,
Перема́хнет — переулоцек —
Всих татаровей повырубил.
Как-то стар остался да Индо́лище.
Попали-то ⟨в⟩ кустики ракитовы,
Да опустили-то стрелку ту калёную
А ему-то прямо во белой бок.
Молодой Сухман да сын Долмонтович
Он спустил коня доброго,
Ету рану-ту кровавую
Он заткнул листа́ма лавровыма.
Как уехал ён к солнышку князю Владимеру,
Как он вести ён не поверовал,
Ён-то ему подал весточку:
«Я прибил-то ту силушку татар-индо́лищев,
Я из сил-то весь повыбился».
Он етому-то не веровал,
Посадил-то в погреба холодные.
И сходили туды, създили,

Как узнали, что там диетсе.
Как молодой Сухман оттуле взял выпустить,
Он-то как снял листочки лавровыи,
Он открыл ён раны кровавыи,
Да тут-то ён кровью весь истек,
Тут ему-то ведь и смерть пришла.

№ 479

СОХМАН

А ведь во славноем во городи,
А во городи да во Ки́ёви,
А ведь у князя ли у Владимера,
А был у него собран поцестный пир.
А ведь приезжали дороги́ гости́,
А славные могуции да бога́тыри,
А ведь Сохман-то сын Рёхма́нтовиць.
А ведь говорил ли-то да Владимер-князь:
«Ай уж сильныи могуции бога́тыри!
А хто бы выпил зелена́ вина,
А хто бы привез гуся-лебядь-ту,
А изловил серую ма́лу утушку?»
А ведь изволил стать Рёхма́нтовиць,
А ведь изволил стать на резвы́ ноги́:
«Ай же, солнышко Владимер-князь сто́льнё-киеськой,
А ведь привезу вам гуся, вам лебедь-то,
А привезу вам ма́лу утушку».
А ехал Сохман Рёхма́нтовиць,
А он ехал на цистыи на заводи,
А там не плавало ни гуся, ни лебеди,
А ведь не плавало ни серой малой утушки.
А поехал ли Сохман Рёхма́нтовиц
А он ко матушки ко Непры́-реки —
А ведь и вода с песком да смутиласе.
А ведь говорил Сохман сын Рёхма́нтовиць:
«А что ты, матушка что Непра́-река,
А ты текешь, Непра́, не по-старому,
А ты текешь, Непра́, не по-прежнему —
А на тибе вода да с песком да смутиласе?»
А отвечала Непра́ по-целовецьему:
«А ведь и то я теку не по-старому,

А ведь и то я теку не по-прежнему —
Ведь-то вода с песком да смутиласе,
А подо мной, под матушкой Непро́й-рекой,
А ведь стоит сила тотарьская,
А доступат сила до города до Ки́ёва.
А ведь и день мостя́ мостоцьки калиновы,
А ведь и ноцью я мосты вси повырую,
Ай то ведь я с того ли из силы да повыбилась.
Оттого я ведь теку, Непра́, ни по-старому,
А то я теку, Непра́, ни по-прежнему —
А ведь вода с песком на мне-то смутиласе».
А как тут Сохман сын Рёхмантовиць,
А ведь стоит де́ревцё ето дубовыи,
А он сорвал ли де́ревцё со кореньями,
А нацял он силу татарьскую бить ведь всю,
А ты которым следом гонетсе.
А ведь убил ли-то тотаровей поганыих,
А не допустил тотар до го́руда до Ки́ёва.
А тут ли тотаря неверныи,
А спускали ёны́ стрелоцьки калёныи.
А ведь Сохман ли-то сын Рёхма́товиць
А ведь выдергивал ён стрелоцьки калиновы,
А маковыма листьяма раны зату́пывал.
А тут ли Сохман сын Рёхма́нтовиць.
А он поехал ли без гуся, без лебеди,
А ведь без серою малой утушки
А ведь ко князю ли Владимеру.
А ведь он приезжал во славной город во Ки́ёв-град.
А собралисе сильнии могуции богатыри,
А ведь пируют и веселятси-то.
«А ведь похвастал ты, Сохман сын Рёхма́новиць:
„А привезу я гуся и лебедь-ту,
А я ведь серую малую утушку
А ведь ко князю ко Владимеру
А ведь ты ли на поче́стной пир"».
А говорил ли Сохман сын Рёхма́новиць:
«А приезжал я на ци́сты на заводи,
А там не плавает ни гуся, ни лебеди,
Ведь ни серой малой ⟨в⟩утошки,
А я ведь съехал на матушку Непру́-реку,
А как Непра́-река текет не по-старому,
А Непра́-река текет не по-прежнему —
Ай вода с песком смутиласе.

А ведь и я спросил у матушки Непра́-реки:
„Что же ты текешь да не по-старому?"
А отвицяла Непра́-то мне по-целовицьему:
„А ведь за мною, за матушкой Непро́й-рекой,
А ведь стоит ли тут Ка́лин со татарыми,
А на сцёт ли той силы — сорок тысяцей,
Ведь и день мостоцьки мостят калиновы,
А ведь и ноцью-то я мосты повырую,
А ведь и то я с силушки повыбилась".
А я брал ли дубиноцьку-вязиноцьку,
А этоёй ли дубиноцькой повыщелкал».
А говорят тут-то бога́тыри:
«А это наврал Сохман сын Рёхма́новиць!
А ведь пошлем ли-ко бога́тыря
А привезти это де́ревцё, на показ привезть!»
Эти послали Добрыню Микитиця —
А хотел ли Добрыня де́ревьцё на показ привезть,
А не мог он от земи́ одрать.
А ведь говорит как тот Сохман сын Рёхма́новиць:
«А по приезду нас, молодцов, жалуют,
А по заслугам, молодцов, нас цёствуют,
А ведь Владимер-князь сто́льнё-киеськой
А насмеялся надо мной-то ведь!»
А оттыка́л свои раны богатырьския —
А тут ли Сохману славу́ поют.

№ 480

ДОЛМАН ДОЛМАНТОВИЧ

Как тут видь князь Владимир сто́льнё-киевской
Задернул-то видь он-то ведь поче́стной пир.
Как вси-ты на перу наедалисе,
Все-ты на пиру напивалисе,
Как кра́сноё-то со́лнцё в полдни́ стоит,
Почёстен пир идё на ве́селе,
Как кра́сноё-то со́лнцё а по ве́черу,
Почёстной пир еще в полстоли́ стоит,
Как вси ёны́ еще порасхвастались:
Так и́нной фастает да добры́м конем,
Так и́нной силушкой богатырскою,
А и́нной так ухваткой молодецькоей,

А и́нной хвастает да именьицом,
Именьицом да богачеством,
А и́нной хвастает отцём-матерью.
Как молодой Долма́нт сын Долма́нтович
Не ест, не пьет да не кушает,
Как белой лебеди не рушает,
Не всем-то молоде́ц не захвастыват,
Как не именьицом, ни богачеством,
Ни силой-то своёй молодецкою.
Подходит-то Владимир-князь сто́льнё-киевский,
Говорит Долма́ну таковы слова:
«Как что же ты, Долма́н сын Долма́нович,
Как что же ты не ешь, не пьешь да не кушаешь,
Как белой лебеди да не рушаешь,
Ничи́м ты, мо́лодец, да не захвастывашь?»
Как говорит Долма́н сын Долма́нович:
«А не́чим мни теперь да захвастывать,
Как тым-то мни да похвастати:
Я бы съиздил ко синю́ морю́,
Убил бы я ведь гуся да лебедя,
Привез бы я сюда на почестен пир». —
«Так поезжай, Долма́н ко синю́ морю́».
Идё в лес Долма́н на трое суточки,
Не видал ни гуся, ни лебедя,
Ни серого ни малого утеныша.
Глядит-то ён во трубоньку по⟨д⟩зорнюю:
Как тут увидел силы сорок тысячи.
Как тут Долма́нт да Долма́нтович
Бежал-то он ко дубу ко сы́рому,
Как вырывал-то он со кореньями,
Отбил-то сучья видь кулаком своим,
Как за вершинку взял, в лесок бежал.
Как от того от дуба да сы́рого
Как набежал да на силушку
Напал-то видь охаживать:
Как куда махнет — туды ведь улица,
Как перема́хнет — переулоцек,
Остатнии татара перепа́лисе,
Кой-куды оны разбежалисе.
Как тут было два бога́тыря,
Два татарина было поганыих,
Сидели за кустом оны за ракитовым,
Стрелили з-за куста за ракитова,

Как сделали две раны великиех,
Как потекла да ведь тут кровь да у его тут,
Потекла кровь по сырой земле,
Как затыкал видь раны все листьями,
Поехал во стольней во Киев-град.
Приехал он во стольней Киев-град
На тот ли ён приехал почестный пир.
«Как что же ты, Долма́нт сын Долма́нтович,
Проездил ты трои сутки ведь,
Как не убил ни гуся, ни лебедя,
Ни серого ни малого утеныша,
Как не привез сюда на почестен пир?»
Как говорит Долма́н таковы слова:
«Да ни того дела ли мне дяло,
Да ни того дела ведь было мне:
Убил я силушки сорок тысячей,
Сорок я поганых татаровей,
Сильных могучиих бога́тырей.
Как сделали мни две раны кровавые,
Стрелили видь меня стрелами».
Тут-то видь Долма́нтушко скончалсе ведь.
Как тут отправилсе старый казак Илья Муромец,
Отправилсе ведь на широко́ полё
Поймать-то этых разбойников,
Этых поганых татаровей.
Как сокрутил себя кали́кой перехожею,
Как взял-то он с собой клюку, с собой-то ведь.
Идет кали́чкою, кали́кой перехожею,
Надето видь платье кали́чие.
Подходит видь поблизехонько:
«Как не видали ли вы проезжего?
А нельзя ли мни дать силы денежной,
То ли вы, да кали́ки-то?»
Как не взяли милостынки денежной,
А не взяли, руку да подали.
Илья клюкой махнул да убил-то их —
Оба пали тут да без памяти,
Он еще да поприбавил-то.
Тут-то видь татарам славы́ поют,
Ильи-то видь славушка не минуется
Пока белый свет да топерь стоит.

№ 481

ПРО СОХМАНА РЕХМАНТЬЕВИЧА

Говорил да Владимир-князь
Ен Сохману да сыну Рёхмантьевичу:
«Съезди-тко ты на матушку
На Днепру-реку,
Привези-тко ты мне-ко-ва перу гусей, лебедей».
Как ехал Сохман сын Рёхмантьевич
К матушке ко Днепре-реке.
И текет Днепра не по-старому,
И текет Днепра не по-прежнему —
Вода с песком сокрутилася.
Спросил Сохман сын Рёхмантьевич:
«Что же ты текешь, Днепра, не по-старому,
Что же ты текешь, Днепра, да не по-прежнему —
Вода с песком сомутилася?»
И отвечала Днепра по-человечьему:
«Как за мной ведь, за матушкой,
За Днепрой-рекой,
Стоит сила татарская,
Стоит татарин со татарами,
На счет силы ⟨сорок⟩ тысячей,
Доступат сила до города до Киева,
Через реку мостят мосты калёныи.
Ночью я мосты да все повырою,
То я с силушки да повыбилась.
Ах ты, Сохман да сын Рехмантьевич,
Как за матушкой мной, да за Днепрой-рекой,
Стоит дубиночка-вязиночка,
И сорьви деревчо со ко́решком,
Там ты силушку всю повыщелкаешь».
Как ехал Сохман сын Рехмантьевич,
К дубиночке да к вязиночке,
За вершинку брал, да с комля сок бежал.
Сорвал деревцо да ён со ко́решком
И начал он силу эту бить-ломить.
Как татары ты да неверныи
Спускали стрелочки в Сахмана да калёныи.
Как Сохман стрелочки калёныи выдергивал,
Маковыма листьями раны ты затукывал.
Так Сахман-то сын Рехмантьевич,

Котора сила на виду была —
С той он с силою справился ведь,
А котора на убег, то велел не гониться.
Возвратился Сохман сын Рехмантьевич
Ко князю ко В⟨ладими⟩ру
Без гусей-лебедей, без птиц он разныих.
Это князю Владимиру да не понравилось.
Объяснил свою Сохман да поездочку:
«Что приехал я ко матушке Днепре-реке,
Что стоит татарин со татарами,
Теке Днепра да не по-старому,
Теке Днепра да не по-прежнему,
Вода с песком на ней да смутилася.
Я спросил Днепру,
Отвечала Днепра по человечьему:
„Теку я не по-старому, не по-прежнему,
Что стоит татарин со татарами,
То я с силы-то повыбилась,
На счет-то силы ⟨сорок⟩ тысячей".
Брал я дубиночку-вязиночку,
Силушку ту выщелкал.
В меня пускали стрелочки калёные,
Я стрелочки вытаскивал,
Маковыма листьями затопывал».
Говорит Владимир-князь:
«Пустым ты ведь хвастаешь».
И приказал посадить Сохмана в темницу ведь.
И говорит Владимир-князь:
«Добрынюшка, съезди-ко, посмотри
Бахвальство да Сохманово».
Да съехал Добрынюшка глядеть
Сохманово бахвальство-то,
Как приехал Добрынюшка —
Рат-сила побитая,
У других и головох нет.
Хотел Добрыня деревцо к князю на показ привезть,
Которым деревцом сила бита ведь,
Да не мог Добрыня деревца от земли поднять.
Приеждял Добрыня к князю Владимиру,
И спрашивал Владимир-князь:
«Посмотрел, Добрыня, бахвальство Сохманово?»
Отвечал Добрынюшка:
«Да не пустым Сохман хвастал ведь,

Я видел, рат-сила побита ведь,
У других и головок нет.
Которым деревцом сила бита ведь,
Хотел-то деревцо на показ привезть,
А не мог я деревца от земли поднять».
Тут жалова́лся Владимир-князь,
Велел Сохмана с темницы выпустить,
И говорит да Владимир-князь:
«За такую за заслугу-то
Чим тя, молодца, буде пожаловать,
Чим тя, молодца, буде почествовать,
Златом дарить тебя, серебром?»
Отвечал Сохман сын Рехмантьевич:
«По приезду молодцов нас жалуют,
А по заслуги нас да чо́ствуют.
А по приезду ты нас да не пожаловал,
А по заслугам не почо́ствовал,
А только надо мной да надсмеялся ведь».
Оттыкал Сохман свои раны богатырскии,
Отдергивал листочки от ран маковы,
И тут Сохману и славу поют.

№ 482

ПРО СОХМАНА РЕХМАНТЬЕВИЧА

Говорил да Владимир-князь
Как Сохман да сыну Рёхмантьевичу:
«Съезди-ко ты на матушку,
На Днепру-реку,
Привези-тко ты мне-ко-ва перу гусей, лебедей».
Как ехал Сохман сын Рёхмантьевич
К матушке ко Днепре-реке.
И текет Днепра не по-старому,
И текет Днепра не по-прежнему —
Вода с песком да смутилася.
Спросил Сохман сын Рёхмантьевич:
«Что же ты текешь, Днепра, не по-старому,
Что же ты текешь, Днепра, не по-прежнему —
Вода с песком смутилася?»
И отвечала Днепра по-человечьему:
«Как за мной, ведь, за матушкой

За Днепрой-рекой
Стоит сила татарская,
Стоит татарин со татарами,
На счет силы ⟨сорок⟩ тысячей.
Доступат сила до города до Киева,
Через реку мостят мосты калёныи.
Ночью я мосты да все повырою,
То я с силушки да повыбилась.
Ах ты, Сохман да сын Рехмантьевич,
Как за матушкой мной, за Днепрой-рекой,
Стоит дубиночка-вязиночка.
И сорьви деревчо с корешком,
Там ты силушку всю повыщелкаешь».
Как ехал Сохман сын Рехмантьевич
К дубиночке да к вязиночке,
За вершинку брал да с комля сок бежал.
Сорвал деревцо да ён со ко́решком,
И начал он силу эту бить, ломить.
Как татары ты да неверныи
Спускали стрелочки в Сохмана да калёныи,
Как Сохман стрелочки калёныи выдергивал,
Маковыма листьями ранки ты затупывал.
Так Сохман-то сын Рехмантьевич
Котора сила на виду была —
С той он с силою справлялся ведь,
А котора на убег, то вслед не гонится.
Возвратился Сохман сын Рехмантьевич
Он ко князю ко Владимиру
Без гусей, лебедей, без птиц он разныих.
Это князю Владимиру не понравилось.
Объяснил свою Сохман да поездочку:
«Что приехал я ко матушке Днепре-реке,
Что стоит татарин со татарами,
Теке Днепра да не по-старому,
Теке Днепра да не по-прежнему —
Вода с песком на ней да смутилася.
Я спросил Днепру,
Отвечала Днепра по-человечьему:
„Теку я не по-старому, не по-прежнему,
Что стоит татарин со татарами,
То я с силы-то повыбилась,
На счет-то силы ⟨сорок⟩ тысячей".
Брал я дубиночку-вязиночку,

Силушку эту выщелкал.
В меня пускали стрелочки калёные,
Я стрелочки вытаскивал,
Маковыми листьями затопывал».
Говорит Владимир-князь:
«Пустым ты ведь хвастаешь!»
И приказал посадить Сохмана в темницу ведь.
И говорит Владимир-князь:
«Добрынюшка, съезди-ко, посмотри бахвальство да Сохманово».
Да съехал Добрынюшка глядеть Сохманово бахвальство-то.
Как приехал Добрынюшка —
Рат-сила побитая,
У других и головок нет.
Хотел Добрыня деревцо к князю на показ привезть,
Которым деревцом сила бита ведь,
Да не мог Добрыня деревца от земли поднять.
Приездял Добрыня к князю Владимиру,
И спрашивал Владимир-князь:
«Посмотрел, Добрыня, бахвальство Сохманово?»
Отвечал Добрынюшка:
«Да не пустым Сохман хвастал ведь,
Я видел, рат-сила побита ведь,
У других и головок нет.
Которым деревцом сила бита ведь,
Хотел то деревцо на показ привезть,
А не мог я деревце от земли поднять».
Тут жалова́лся Владимир-князь,
Велел Сохмана с темницы выпустить,
И говорил да Владимир-князь:
«За такую за заслугу-то
Чим тя молодца буде почествовать,
Златом дарить тебя, серебром?»
Отвечал Сохман сын Рехмантьевич:
«По приезду, молодцов, нас жалуют,
А по заслуги нас да чоствуют.
А по приезду ты да не пожаловал,
А по заслугам не почоствовал,
А только надо мной да надсмеялся ведь».
Оттыкал Сохман свои раны богатырские,
Отдергивал листочки от ран маковы,
И тут Сохману и славу поют.

№ 483

СУХМАН РЕХМАНТЬЕВИЧ

Как во стольном во городи во Киеви
Да у князя да у Владимира
Вёлсэ, продолжалсэ княженецкий пир.
Говорил-то ведь да Владимир-князь:
«Ай же, Сухман сын да Рехмантьевич,
Как съезди-ко а на матушку на Непру-реку
И набей да гусей-лебедей, серых малых утушек».
Да и ехал-то Сохман да сын Рехмантьевич
А ведь ехал на матушку на Непру-реку.
Там не плавали и не гуси да не лебеди,
И текет-то Непра не по-старому,
И текет Непра не по-прежнему —
А вода с песком да смутилася.
Говорит-то Сохман да сын Рехмантьевич:
«Что же ты, матушка Непра-река, текешь не по-старому,
Что же ты текешь да не по-прежнему —
Вода-то с песком у тя смутилася?»
Отвечала Непра по-человечьему:
«Как-то ведь вода на мне смутилася,
А ведь с силушки я повыбилась —
Ведь-то день мостят тотары мосты калёные,
А я ведь ночью вырою,
То ведь я с сил-то повыбилась».
А говорит Непра:
«Ах ты, Сохман да сын Рехмантьевич,
У меня-то ведь, у матушку у Непру-реку,
Как стоит у Непра дубиночка,
Ты дубиночку-та вязиночку повыдерни,
Эту силу-то повыщелкай».
Как тот Сохман сын Рехмантьевич
А ведь дубиночку-вязиночку
За вершинку брал, то с комля сок бежал,
А сорвал он деревцо со корешком
И начал-то татар бить и ломить.
А который-то стоял, тот леже лежит,
Как тотары-то со тотарамы.
А спускали вслед стрелочки калёные,
Как ён Сохман да сын Рехмантьевич
Маковыми листьями раны-ты затупывал.

Как возвратился Сохман да сын Рехмантьевич,
Он приехал ко князю ко Владимиру
А без гуся-то он, без лебеди,
А без серой-то малой утушки.
Говорил-то Сохман сын Рехмантьевич:
«Как приехал я на матушку Непру-реку,
А текет Непра не по-старому,
А текет Непра да не по-прежнему —
А вода-то в ей смутиласи.
Я спросил-то ведь у Непры-реки:
„Как ты, матушка да Непра-река,
Что же ты текешь не по-старому,
Что же ты текешь не по-прежнему —
А вода-то ведь с песком смутилася?"
Отвечала Непра по-человечьему:
„Как тотарин-то со тотарамы,
День мостят мосты ты калёные,
А ночью я мосты повырою,
То-то я с силы повыбилась,
А идет тотарин со татарамы,
Пробирается ко городу ко Киеву
А ко князю ко Владимиру.
Ай, Сохман-то ведь сын Рехмантьевич,
За мной, за Непрой-рекой,
И как стоит дубиночка-вязиноцька,
А ведь это ты повыдерни,
А ведь ту силу ты повыщелкай".
Брал я дубиночку-вязиночку,
Я ю за вершинку брал, с комля сок бежал,
А сорвал я-то со ко́решком,
То ведь силу-то всю повыщелкал,
А стрелочки из ран вытаскивал,
Маковыми листьями затупывал».
Говорит-то ведь как Владимир-князь:
«Посадить-то наб во темную,
А пустым-то, Сохман, ты хвастаешь».
Посадили-то Сохмана во темницу ведь,
Стал просить-то ведь да Владимир-князь:
«А ведь съезди-тко, да Добрынюшка,
А погляди-ко бахвальство Сохманово!»
Ехал-то Добрынюшка ко Непре-реке,
А ведь видит силы тотарицкая,
А ведь сила-то вся побитая,

А лежит деревьцо-то кровавое,
А хотел деревьцо Добрыня на показ привезь,
А не мог Добрыня деревца от земли поднять.
Тут говорил-то ведь да Владимир-князь:
«Ведь Сохмана надь да повыстати,
Наградить его да златом-серебром».
Говорит Сохман да сын Рехмантьевич:
«Ай Владимир-князь да киевской,
Как у нас на матушки на Святой Земли
По приезду-то нас жалуют,
За заслуги, молодцов, нас чествуют,
По приезду ты меня не пожаловал,
По заслугам ты меня не почествовал».
А оттыкал Сохман свои раночки богатырские,
Как выдергивал листочки маковы,
А ведь тут Сохману славу поют.

№ 484

СУХМАТ ОДИХМАТЬЕВИЧ

В стольном городе во Киеве
У ласкового князя Владимира
Было пированье, почестный пир,
Было столование, почестный стол.
Все на пиру наедалися,
Все на пиру напивалися,
Все на пиру да порасхвастались:
Умный хвастает отцом-матерью,
А безумный — молодой женой,
А третий хвастает золотой казной,
Инный хвастает своей силою,
Силой, ухваткой богатырскою.
Он сидит, не ест, не пьет, не кушает,
Белых лебедей не рушает.
И подходит тут Владимир-князь да стольне-киевский,
Говорит он таковы слова:
«Ай же ты, Сухматий Одихматьевич,
Что же ты не ешь, не пьешь да не кушаешь
И белы лебеди не рушаешь?
А об чем же ты задумался, об чем запечалился?» —
«Ай же ты, Владимир-князь стольне-киевский,

Дай же мне да времечка немножечко,
День с утра и весь до вечера,
Привезу тебе я лебедь белую живьём в руках».
Владимир-князь стольне-киевский
Дал ему времечки немножечко
День с утра и весь до вечера.
И выходит он на широкий двор,
И седлает он своего коня,
И поезжает он ко той ко первой тихой заводи.
У той у тихой первой заводи
Не плывут ни гуси, и не лебеди,
Ни серые малые утенышки.
Едет он ко второй ко тихой заводи:
То же самое не плывут ни гуси, ни лебеди,
Ни тихие малые утенышки.
Тут Сухмат Одихматьевич пораздумался,
Пораздумался да запечалился.
Поезжает ко той ли матушке Днепре-реке:
«Ай же ты, матушка Днепра-река,
Что же ты песком да помутилася?»
Отвечает матушка Днепра-река:
«Как же мне с песком не помутитися,
Как за мной, за матушкой Днепрой-рекой
Стоит силушка неверная,
Сорок тысячей татаровей поганыих».
Направляется он за матушку Днепру-реку
К той ли силушке татарьские,
Забирает он дуб да за вершиночку,
Нагибает он да ко сырой земли,
Вырывает его да со кореньямы,
В том дубу сучки да кулаком ломал.
И вот начал по силушке по той да поезживать,
Да начал по силушке помахивать:
Куда махнет — туда улица,
Перемахнет — переулочек.
В то время ему две пули в грудь попали,
Полилася бурая кровь.
Срывал он с дерева листочки,
Затыкал свои он дырочки.
Не прошли тут времени одны суточки,
Как была вся силушка татарская побитая.
И направляет он своего добра́ коня
На тот на стольный Киев-град

К тому да ко князю ко Владимиру.
А князь Владимир не вытерпел,
На крылечушко он да выбежал,
Да с тем богатырем да он поздоровался:
«Ах же ты, Сухматий Одихматьевич,
Да где же твоя да белая лебедушка?» —
«Ах же ты, Владимир-князь да стольне-киевский,
Своего дела да я не выполнил,
Не привез тебе белые да я лебедушки,
А за той за матушкой Днепрой-рекой
Побил я силушку неверную,
Сорок тысячей татаровей поганыих».
Тут Владимир-князь да поразгневался:
«Солгал ты напраслину да великую».
И прогнал с своего широка двора
Своего ли Сухматия Одихматьевича.
И садился Сухматий на добра́ коня,
Выезжал он во чисто́ поле,
Раскидал он бел шатер,
Не теряя времечки, отправляет двух туда да посланничков:
Старого казака Илью Муромца
И второго — Добрыню Микитинца.
Приезжают те посланники на Днепру-реку,
На то полчище татарское:
Лежит вся силушка побитая
И лежит та дубиночка обломана,
Весом дубиночка в девяносто пуд.
Тут посланники чуть не изумилися,
Поворачивали своих добры́х коней
И направились во стольный Киев-град
Ко тому князю Владимиру.
Донесли князю Владимиру про успехи богатырские
Того-то Сухматия Одихматьевича,
Что он правдою да выхвастывал,
Что побита вся силушка неверная
В сорок тысячей татаровей поганыих.
Тут Владимир-князь да приобдумался
И сказал посланникам таковы слова:
«Ах вы, сильные могучие бога́тыри,
Илья Муромец и Добрынюшка Микитинец,
Седлайте вы своих добрых коней
И поезжайте во чисто́ поле
Да разыскать того богатыря Сухматия Одихматьевича

И привести его ко мне да на лицо,
И буду я просить у него прощения
За то, что я разгневал его».
Тут Илья Муромец да Добрынюшка Никитинец
Седлали своих да добры́х коней
И направлялись на поиски Сухматья Одихматьевича.
Суточки прорыскали по чисту полю
И вторые оны проездили по чисту полю,
И только на третьи суточки
Увидали шатер белополотняный
Своего брата любимого.
Увидал же тут Сухматий Одихматьевич,
Что едут к нему да посланники,
Тот Илья Муромец да Добрынюшка Микитинец.
Поразгневался на князя Владимира,
Выходит он из бела́ шатра
И встречает он тех бога́тырей,
Илью Муромца и Добрынюшку Микитинца.
И не выдержало его сердечко ретивое,
Чтобы явиться к князю Владимиру,
И выдергивает он с тех раночек великиих
Да те листочки зеленые
И говорит таковы слова:
«А протеки же от меня Сухман-река».

№ 485

О СОХМАНЕ

Съезжалиса и сходилися во Киев-град
Ко ласковому князю ко Владимиру на почестен пир,
Оны пили, ели, веселилися,
Все хмельным вином да упивалися,
Все оны да порасхвастались:
Как первый — розумныи хвастал отьцом-матушкой,
А другой разумной хвастал ро́дным батюшком,
А третий разумный хвастал чужой сестрой,
А первый безумный хвастал молодой женой,
А другой безумной хвастал дорогой сестрой,
А третий безумный своей сестрой.
Тут сидел да добрый мо́лодец,
Сидит не пьет, не кушает,

Белой лебедя не рушает,
Он ничим да не похвастает.
Выгово́рил тут Владимир-князь красно солнушко:
«Што же ты, доброй молодец,
Сидишь не пьешь, не кушаешь,
И ничим ты не похвастаешь?»
Заговорил тут доброй молодец:
«Мне нечим похвастати,
У меня нет молодой жены,
Нет у меня дорогой казны,
Нет у меня да своёй сёстры,
Нет у меня ни отча, нет ни матушки,
Нет у меня да крёсна батюшка,
Нет у меня назва́ной сёстры.
Мне-ка тем будет похвастати,
Што во мне силушка великая.
Я возьму свой тугой лук,
Гуся серого, лебедь белую
С лука стрелю,
А серого утеныша живьем возьму.
Ище тем мне бы похвастати:
Стоит в чистом поли
Вражья сила татарьская,
Я побью йих до единого».
Он взял свой тугой лук,
Сошел он ко синю морю,
Не убил там ни гуся, ни лебедя,
Ни серого утеныша.
Разгневался он тут ярче пламени,
Схватил он дубину в три обоймища,
Крикнул он своим зычным голосом
Своего добра коня
И поехал в ту сторону, где стояла вражья силушка.
Стал он дубинушкой помахивать,
Поганых татар поколачивать,
Объехал всю рать великую,
Побил он до единого.
Три-то татарина скрылися,
У Днепра-реки притоилися.
Когда ж подъехал Сохман к реки,
Спустили с луков три стрелы калёныи
В его грудь белую.
Вонзились раны глубокии,

Сгоряча убил трех татаринов,
Выдернул стрелы из ран
И заткнул он маковы́м листом.
Приехал он во Киев-град,
Велел доложить князю Влодимеру,
Што побита сила бусурманьськая.
Не поверил ему весь Киев-град,
И посадили его в глубок погреб,
Назначили оны объезный отряд
Обследовать побиту рать-силушку.
Приехали объезные с побоишча:
Действительно побита сила бусурманьськая.
Нашли ёго дубинушку розбиту на лозиночки.
Выпустили его с погреба глубокого
И возговорили ёму таковы слова:
«Хочет тебя князь-красно солнышко,
Хочет тебя миловать, хочет пожаловать».
Возговорил-то Сухман Одихмантьевич:
«Не сумел меня красно солнышко миловать,
Не сумел меня жаловать,
А теперь не видать ёму меня во ясны очи».
Он как крикну⟨л⟩ своего коня своим зычным голосом,
Он скочил на добра коня,
Ототкнул свои раны глубокии
И возговорил таковы слова:
«Потеки-ко, Сухман-река,
От моей крови горячая
И от напрасная».
И уехал он из очей их.

№ 486

СУХМАНТИЙ АДИХМАНТЬЕВИЧ

Как во славном во городе во Киеве,
У ласкового князя у Владимира
Было пированьице, почестен пир
На многих князей, на бояр,
На светлорусских могучих бо́гатырей.
Все на перу напивалися,
Все на перу наедалися,
В полупире все порасхвастались:

Богатый хвастыет золотой казной,
Сильный хвастает своей силою,
Иной хвастает кони добрые,
Умный хвастает старой матерью,
А безумный хвастыет молодой женой.
А Сухмантий Адихмантьевич ничем не хвастает.
Князь Владимир по горницы похаживает,
Желтыми кудрями потряхивает,
Говорит Сухмантию Адихмантьевичу:
«А ты что ничем не хвастаешь?» —
«Нечем мне, молодцу, похвастати,
Разве тем мне, молодцу, похвастати,
Что съезжу я ко синю морю,
Приведу тебе лебедку не ранену,
Не ранену, не кровавлену, живьем в руках».
Идет он на конюшню на стоялую,
Он берет своего добра коня,
И садится он на добра коня,
Поезжает он ко синю́ морю,
Ко той ко первой тихой заводи,
Тут не плавают не гуси, ни лебеди и не малы серы утеныши.
Поезжает он ко второй тихой заводи,
И тут не плавают не гуси, не лебеди и не серы малы утеныши.
И поезжает он ко третьей ко тихой заводи,
И тут не плавают не гуси, не лебеди и не серы малы утеныши.
И тут Сухмантий пораздумался:
«Куда мне, молодцу, поехати?
Поехать мне ко Киеву — живу не бывать,
А поеду я ко матушки Днепры-реки».
Приезжает он ко матушки Днепры-реки,
А матушка Днепра-река течет не по-старому,
Не по-старому течет, не по-прежнему —
Вода с песком помутилася.
Говорит Сухмантий Адихмантьевич:
«Что же ты, матушка Днепра-река,
Течешь ты сегодня не по-старому и не по-прежнему —
Вода в тебе с песком помутилася?»
Говорит тут матушка Днепра-река:
«Как же мне течи по-старому,
По-старому и по-прежнему,
Как за мной, за матушкой Днепрой-рекой,
Стоит сила татарская неверная,
Пробирается эта сила ко городу ко Киеву,
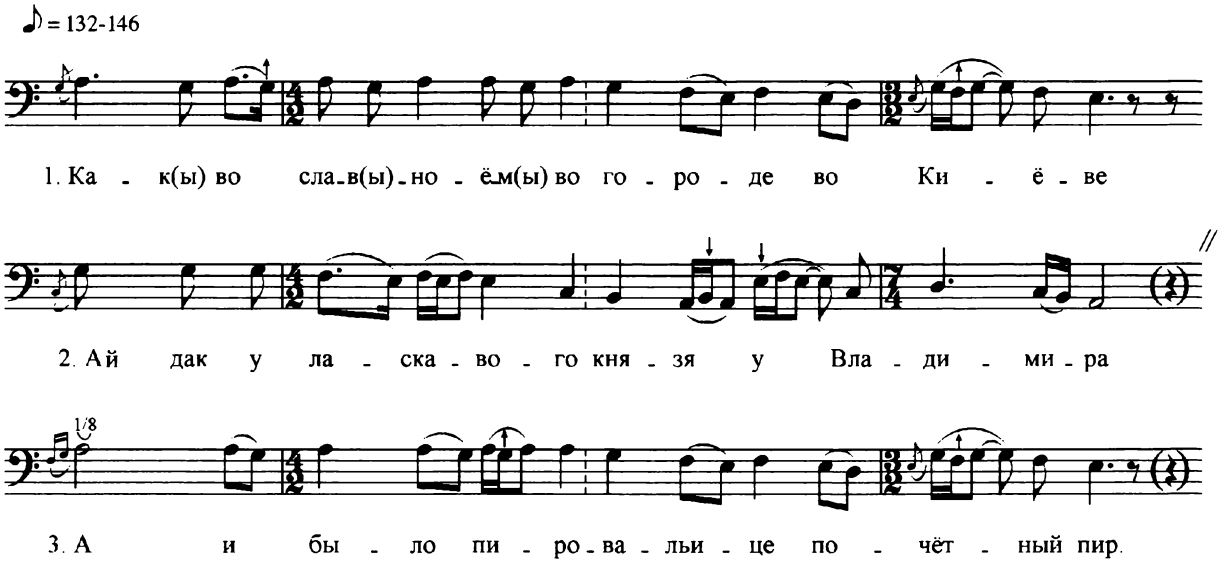
Мостят он мосточки калиновы,
Они день мостят, а я ночью повырою,
Оттого-то я и помутилася,
И из сил я, матушка Днепра-река, повыбилась».
Говорит тут Сухмантий Адихмантьевич:
«Не честь-хвала мне молодецкая
Не отведать силы татарскоей».
И направляет он своего добра коня
Через тую матушку Днепру-реку,
И подъезжает он ко сыру дубу,
И выдергивал он дуб со кореньямы.
За вершину брал — с комля сок бежал.
И подъезжает он ко силы, ко татарскоей,
И стал он дубиночкой помахивать,
Куда махнет — туда улица,
Перемахнет — так с переулкамы,
А вперед просунется — так и площадкамы,
И прибил татар он чуть не до единого,
Только бежали три татарина
Ко матушки Днепры-реки.
Садились они под кусточки ракитовы,
Натягивали они туги луки,
Налагали они стрелочки калёные.
И поехал тут мимо Сухмантий Адихмантьевич,
И эти три татарина
Пустили они в бока стрелочки.
Он стрелочки с боков повыдернул,
Затыкал он раны маковыма листочкама,
И убил он этых трех татаринов.
Поезжает он ко городу ко Киеву,
Долагали тут князю Владимиру,
Что приехал Сухмантий Адихмантьевич.
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Пусть идет он ко мне на ясны́ очи».
И приходил Сухмантий к князю на ясны́ очи.
Говорит ему князь Владимир стольно-киевский:
«Ай да ты, Сухмантий Адихмантьевич,
Привел ты мне лебедушку не ранену,
Не ранену, не кровавлену живьем в руках?»
Говорит Сухмантий Адихмантьевич:
«Мне, мол, князь, было не до лебедушки,
Как за той за матушкой Днепрой-рекой
Стояла сила татарская,
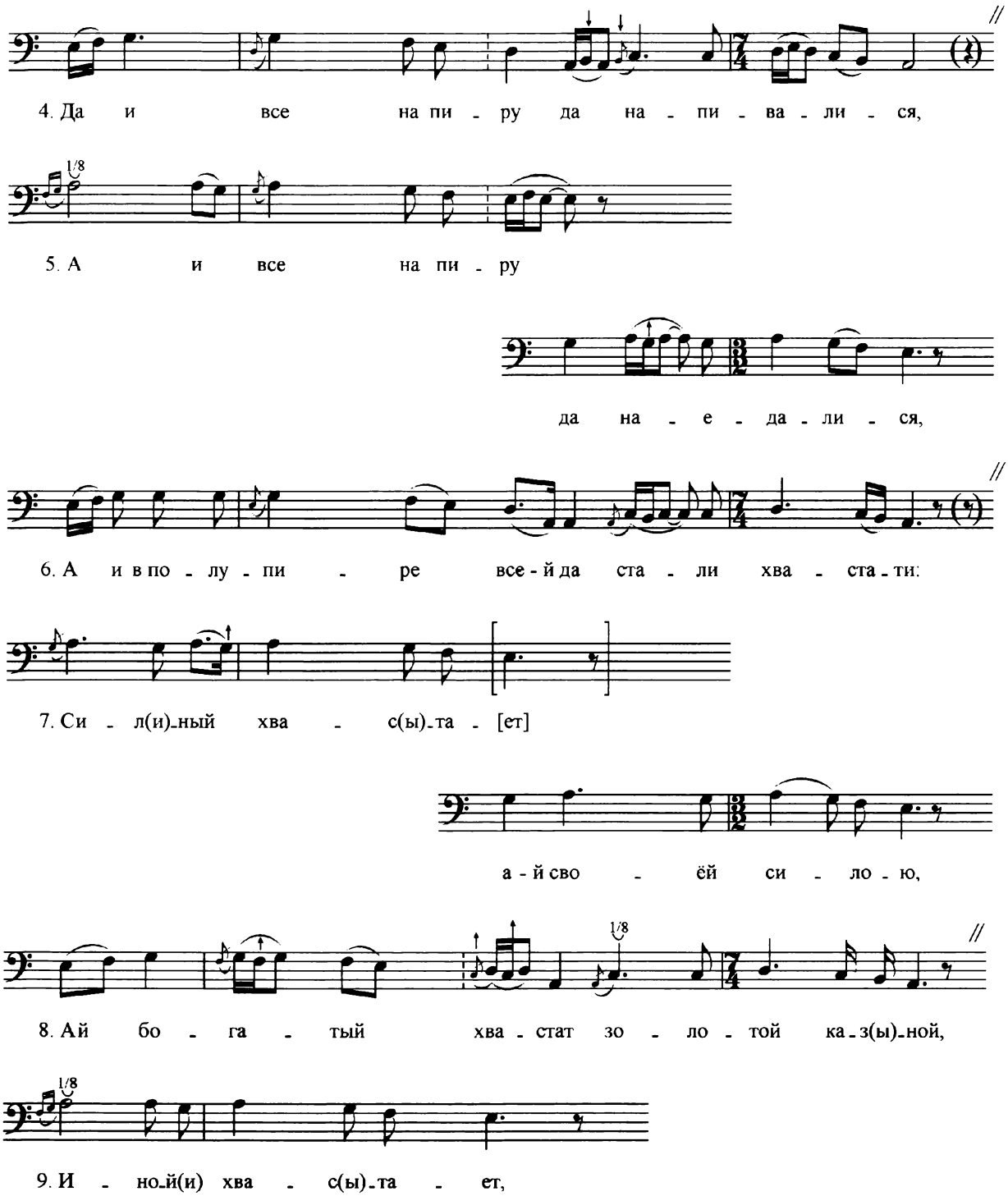
Татарская сила неверная,
Пробиралась эта сила к городу ко Киеву,
Мостили они мосточки калиновы,
Они день мостили,
А ночью матушка Днепра-река выкидывала.
И побил я эту силу всю татарскую».
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ай же вы, удалы добры молодцы,
Вы возьмите-ка Сухмантия за белы руки,
Вы ведите-ка Сухмантия во глубок погре́б».
И свели Сухмантья во глубок погре́б.
А князь Владимир стольно-киевский
Посылает он во чисто поле́
Богатыря Добрынюшку Никитича
Попроведать заработку Сухмантьеву.
И поезжает Добрыня во чисто́ поле́,
И видит он во чисто́м поле
Побита сила татарския.
Насчитал он сила ⟨сорок⟩ тысячей.
И увидел он дубиночку-вязиночку,
На лазиночки дубиночка разбитая.
И привез он эту дубиночку-лазиночку ко Киеву,
И потянула дубиночка девяноста пуд.
И говорит он князю Владимиру:
«Ай же ты, князь Владимир стольно-киевский,
Правдой хвастал Сухмантий Адихмантьевич,
Побита сила татарская во чисто́м поле,
Сорок тысяч татар ведь поганыих.
Ты посмотри дубиночку-вязиночку,
На лазиночки об татар она вся разбитая,
И остался вес в ней ⟨девяносто⟩ пуд».
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ай же вы, удалы добры молодцы,
Выпущайте вы Сухманьтя с погреба со глубокого,
Буду я теперь его миловать,
И буду теперь его жаловать
Городами его с пригоро́дкамы,
Селамы его с приселкамы
За его услугу за великую».
Приходили тут удалы добры молодцы
Ко тому погребу ко глубокому,
Сами говорят таковы слова:
«Выходи-ка ты, Сухмантий Адихмантьевич,
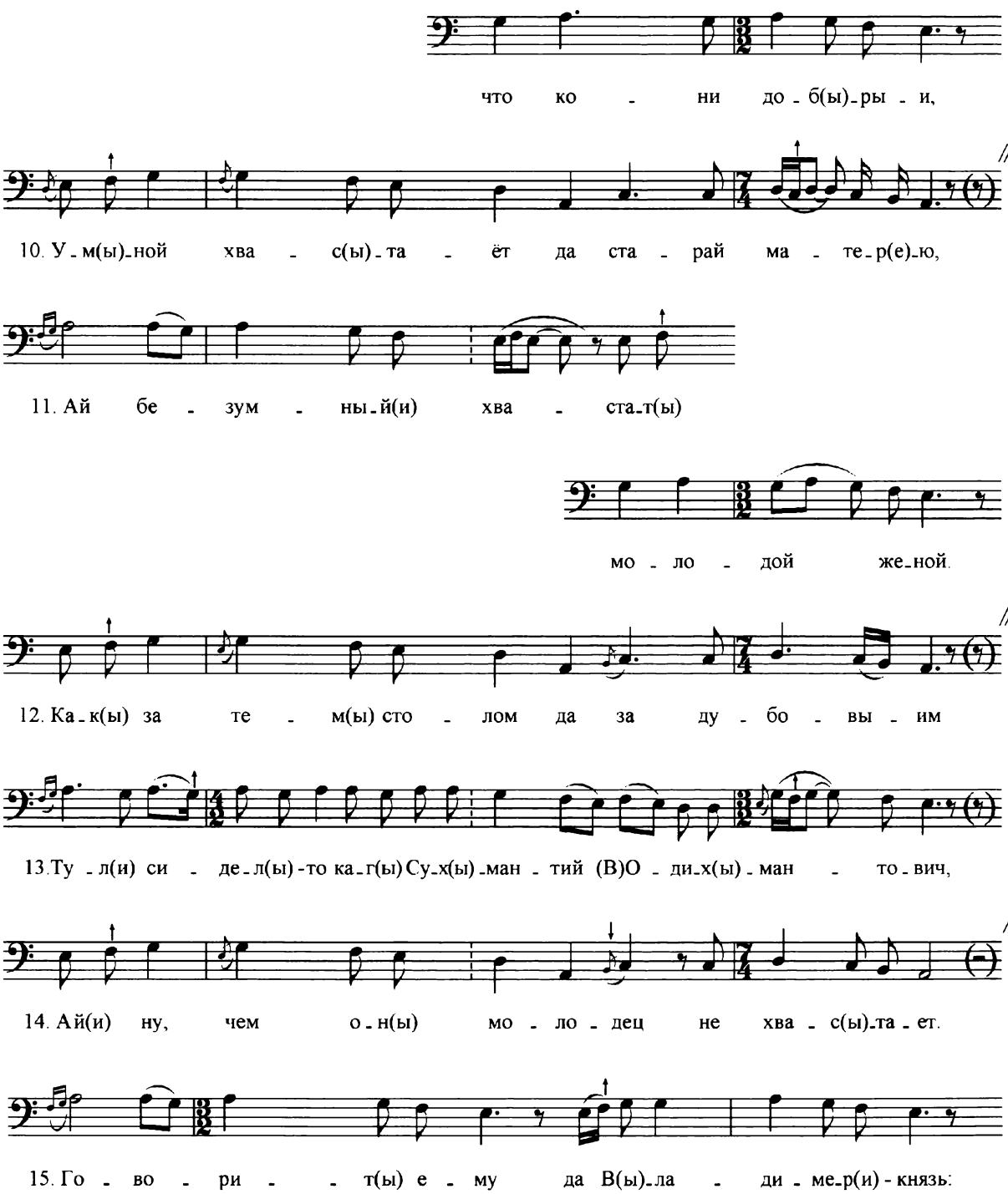
Из того погреба из глубокого
Ко князю на ясны очи,
Будет тебя князь миловать,
Будет тебя князь жаловать
Городами тебя с пригородкамы,
Селамы тебя с приселкамы
За твои услуги за великие».
Говорит Сухмантий Адихмантьевич:
«Не умел меня князь миловать,
Не умел меня князь жаловать,
Теперь не видать меня во ясны очи».
И выходит он во чисто́ поле,
И оттыкает он раночки кровавые,
А сам говорит таковы слова:
«От моей от крови от напрасноей
Потеки ты, матушка Сухман-река!»
И тут Сухманище кончается.
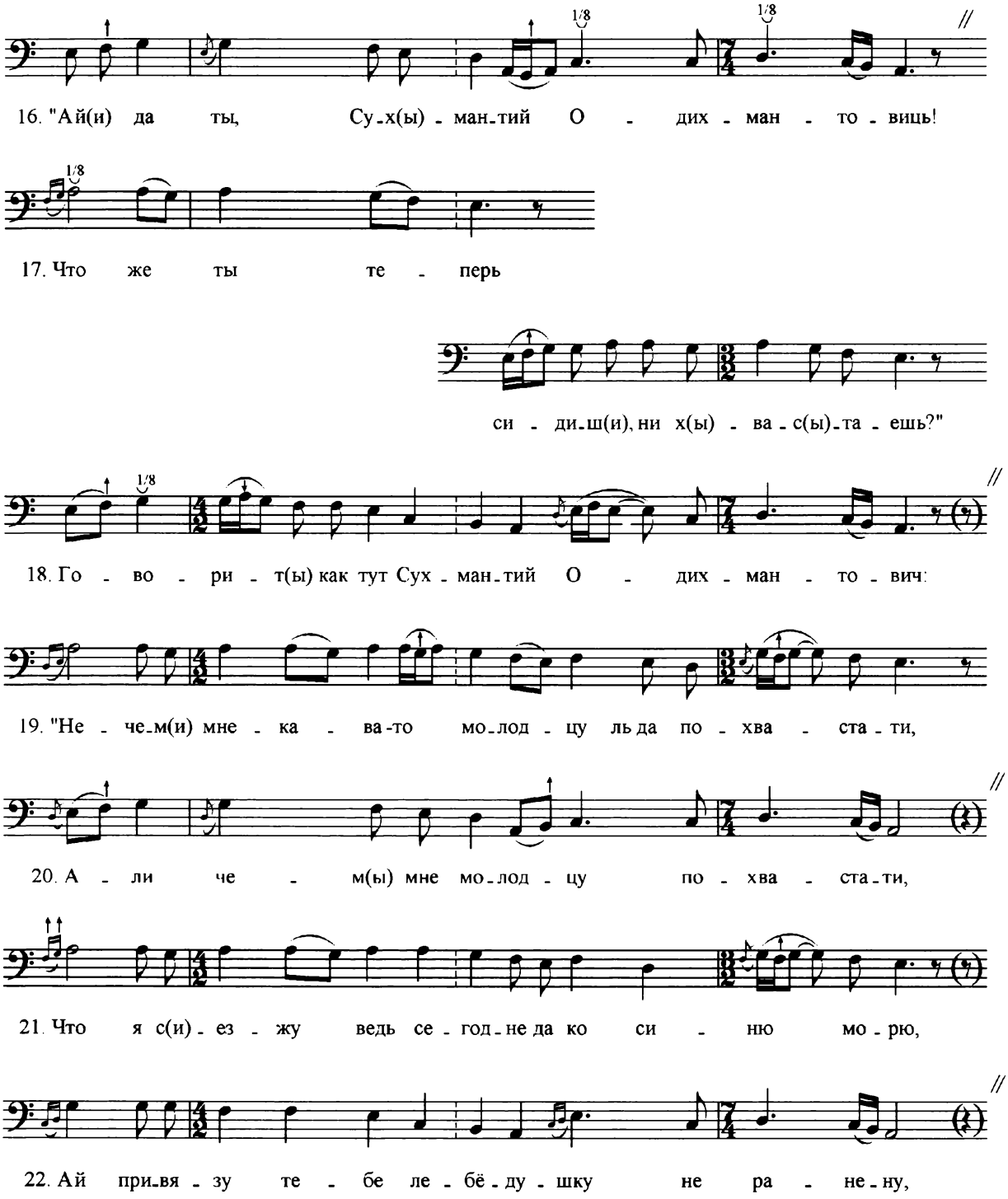
№ 487
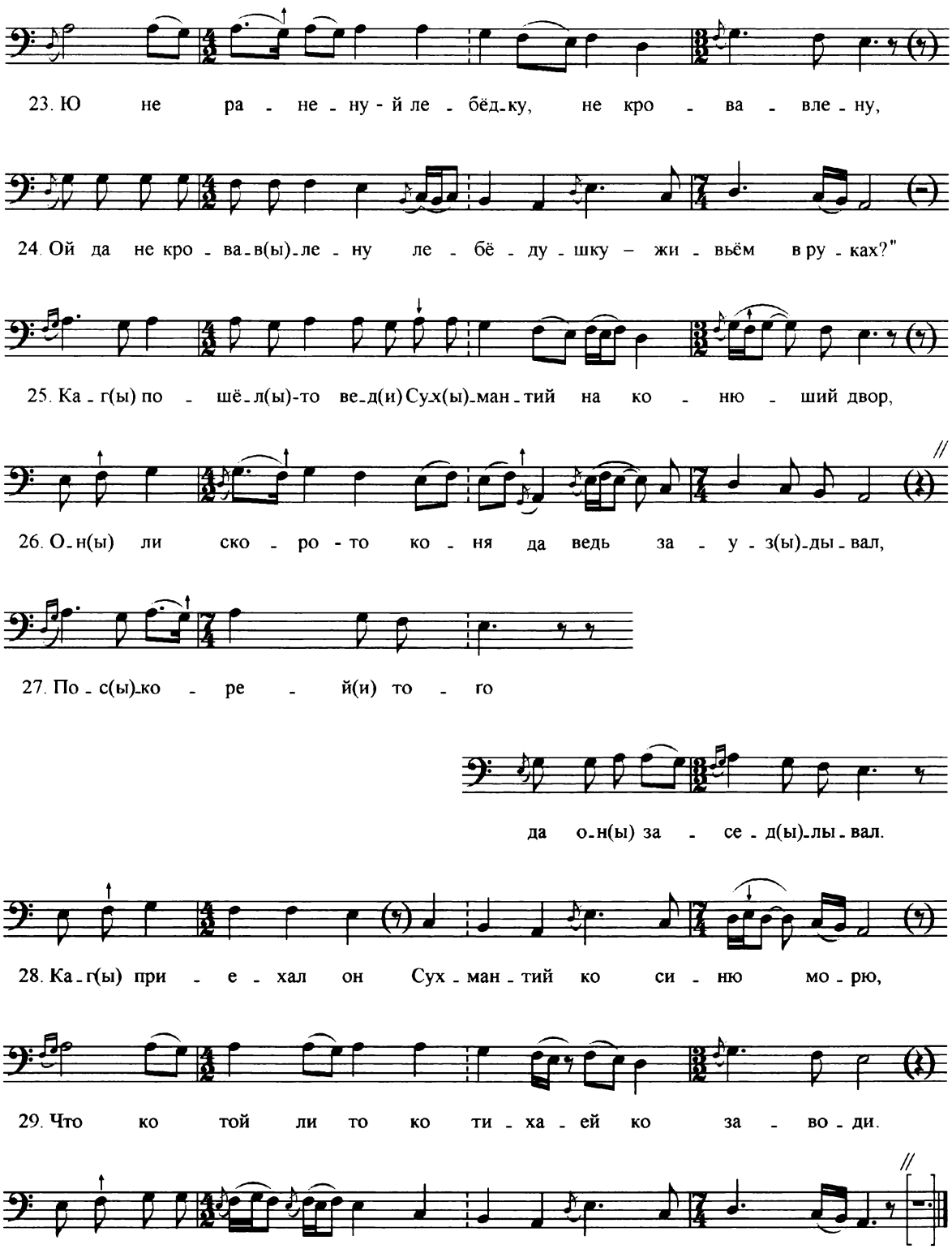
СУХМАНТИЙ ОДИХМАНТОВИЧ

4. Да и все на пи - ру да на - пи - ва - ли - ся,
5. А и все на пи - ру
да на - е - да - ли - ся,
6. А и в по - лу - пи - ре все - й да ста - ли хва - ста - ти:
7. Си - л(и)_ный хва - с(ы)_та - [ет]
а - й сво - ёй си - ло - ю,
8. Ай бо - га - тый хва - стат зо - ло - той ка - з(ы)_ной,
9. И - но_й(и) хва - с(ы)_та - ет,

что ко - ни до - б(ы)-ры - и,
10. У - м(ы)-ной хва - с(ы) - та - ёт да ста - рай ма - те - р(е)-ю,
11. Ай бе - зум - ны-й(и) хва - ста-т(ы)
мо - ло - дой же-ной.
12. Ка-к(ы) за те - м(ы) сто - лом да за ду - бо - вы - им
13.Ту -л(и) си - де-л(ы)-то ка-г(ы) Су-х(ы)-ман - тий (В)О - ди-х(ы) - ман - то - вич,
14. Ай(и) ну, чем о - н(ы) мо - ло - дец не хва - с(ы)-та - ет.
15. Го - во - ри - - т(ы) е - му да В(ы)-ла - ди - ме-р(и) - князь:

16. "Ай(и) да ты, Су-х(ы)-ман-тий О - дих - ман - то - вичь!
17. Что же ты те - перь
си - ди-ш(и), ни х(ы) - ва-с(ы)-та - ешь?"
18. Го - во - ри - т(ы) как тут Сух - ман-тий О - дих - ман - то - вич:
19. "Не - че-м(и) мне - ка - ва-то мо-лод - цу ль да по - хва - ста - ти,
20. А - ли че - м(ы) мне мо-лод - цу по - хва - ста-ти,
21. Что я с(и)-ез - жу ведь се - год-не да ко си - ню мо - рю,
22. Ай при-вя - зу те - бе ле - бё - ду - шку не ра - не-ну,

23. Ю не ра - не - ну - й ле - бёд-ку, не кро - ва - вле - ну,
24. Ой да не кро - ва-в(ы)-ле - ну ле - бё - ду - шку – жи - вьём в ру - ках?"
25. Ка - г(ы) по - шё-л(ы)-то ве-д(и) Сух(ы)-ман-тий на ко - ню - ший двор,
26. О-н(ы) ли ско - ро - то ко - ня да ведь за - у - з(ы)-ды - вал,
27. По - с(ы)-ко - ре - й(и) то - го
да о-н(ы) за - се - д(ы)-лы - вал.
28. Ка-г(ы) при - е - хал он Сух - ман - тий ко си - ню мо - рю,
29. Что ко той ли то ко ти - ха - ей ко за - во - ди.
30. Ту-т(ы) ни п(ы) - ла - ва - ют не гу - си и ни ле - бе - ди.

Как(ы) во сла́в(ы)ноём(ы) во ґороде во Ки́ёве
Ай дак у ласкавоґо князя у Владимира
А и было пировальице почётный пир.
Да и все на пиру да напивалися,
А и все на пиру да наедалися,
А и в полупи́ре все-й да стали хвастати:
Сил(и)ный хвас(ы)та[ет] а-й сво́ёй силою,
Ай богатый хва́стат золотой каз(ы)ной,
И́ной(и) хвас(ы)тает, что кони доб(ы)рыи,
Ум(ы)ной хва́с(ы)таёт да старай матер(е)ю,
Ай безумный(и) хва́стат(ы) молодой женой.
Как(ы) за тем(ы) столом да за дубовыим
Тул(и) сидел(ы)-то каг(ы) Сух(ы)мантий (В)Одих(ы)мантович,
Ай(и) ну, чем он(ы) мо́лодец не хвас(ы)тает.
Говорит(ы) ему да В(ы)ладимер(и)-князь:
«Ай(и) да ты, Сух(ы)мантий Одихмантовиць!
Что же ты теперь сидиш(и), ни х(ы)вас(ы)таешь?»
Говорит(ы) как тут Сухмантий Одихмантович:
«Нечем(и) мнекава-то мо́лодцу ль да похвастати,
Али чем(ы) мне мо́лодцу похвастати,
Что я с(и)езжу ведь сегодне да ко сине́ морю́,
Ай привязу тебе лебедушку не ранену,
Ю не ранену-й лебедку, не кровавлену,
Ой да не кровав(ы)лену лебедушку — живьем в руках?»
Каг(ы) пошел(ы)-то вед(и) Сух(ы)мантий на конюший двор,
Он(ы) ли скоро-то коня да ведь зауз(ы)дывал,
Пос(ы)корей(и) того да он(ы) засед(ы)лывал.
Каг(ы) приехал он Сухмантий ко сине́ морю́,
Что ко той ли то ко тихаей ко за́води.
Тут(ы) ни п(ы)лавают не гуси и ни лебеди.

№ 488

СУХМАН РЕХМЕНТЬЕВИЧ

Во городи как было там во Киёви,
А у князя как было у Владимёра
А пир-то у ёго́ ищё был ведь продолжительной.
Как у князя как было у Владимёра
А на пиру том на продолжительном
Вси князья́-бояра нунь присо́званы
Вси руськие могучии бога́тыри

На том ли перу продолжительном.
А у князя как тут Владимёра
Ну был как Сухман сын Рехментьёвич.
Говорил тут ищё князь стольне-киевьский,
Стольне-киевьской да как Владимёр-князь,
Говорил как Сухману Рехментьеву:
«Ну Сухман же ты, сын Рехментьевич,
А съиздяй-ка ты ко матушки Непры-реки,
А настреляй-ка ты гусей да лебедей,
Перелетных ты да тех утенышев,
Привези-ка ты на тот на пир продолжительной
А ко мни-ко, ко князю ко Влдаимеру».
(*Велел привезти к нему, ко Владимёру.*)
А тут ли как Сухман сын Рехментьевич,
Становилсе ён на резвы ноги
А выходил как с-за стола с-за дубового
У князя как было у Владимёра.
Ну дёвалсе тут Сухман поскурехонько,
Да справлялсе ён да ско́ро-наскоро,
Ну за пле́ча кладывал тугой-то лук,
А брал как тут же стрелоцки калёныи,
Ну шел как тут Сухман да на широк двор,
А шел Сухман да ко добру коню,
Садилсе как Сухман на добра коня,
Поезжал как ён с широка двора.
А ви́дли добра молодца сядучи,
Не ви́дли молодца поезжаючи
Со города его ли со Киёва
От того ли князя от Владимёра.
Ну ехал как Сухман на добром кони,
А ехал ён ко матушки Непры-реки,
Приезжал как ён ко матушки Непры-реки,
А на матушки ли на Непр-реки
Не плавает ни гуся там, ни лебедя,
Не плавает ни серого утеныша,
Стоит как там татарин со татарамы,
Стоит как ён у матушки Непры-реки.
Говорит тут как Сухман сын Рехментьевич,
А говорит ён да татарину:
«Куды ты-ка, татарин, пробираешьсе,
Чего же ты, татарин, добираешьсе,
Чего же ты, татарин, домогаешьсе?»
Говорил как татарин со татарами:

«Я иду ко городу ко Киёву
Ко тому ли князю ко Владимёру,
А веду ли я как силушки несметочну,
А на счет у меня силы сорок тысячей,
А на ваш на Киёв-град,
А на князя на Владимера побольше-то».
Ну глядел как Сухман сын Рехментьевич,
А глядел как ён на матушку Непру-реку,
А Непра-то как река притомиласе,
А вода-то со песком помутиласе
А во матушке да во Непры-реки.
Говорит как тот Сухман сын Рехментьевич,
Говорит как матушкы Непры-реки:
«Что же, матушка Непра-река, ты притомиласе,
А вода-то нунь с песком как в теби помутиласе?»
А говорила тут как матушка Непра-река:
«Ай же ты, Сухман сын Рехментьевич,
А у меня ли, как у матушки Непры-реки
Стоит как тут татарин со татарамы,
Ну днем-то ён мосты мостит да калёныи
А по мни, по матушке Непры-реки,
А ночью я мосты сюда повырою,
Оттого ли как я притомилосе,
А вода-то как с песком нунь во мни помутилосе,
Оттого я стала нунь бессильная».
А говорила тут как матушка Непра-река:
«Ой же ты, Сухман сын Рехментьевич,
За мной ли, как матушкой Непрой-рекой,
Стоит как тут дубиночка-вязиночка,
А ты эту вязиночку повыдёрни,
Татарьскую как силушку повыщелкай».
Ну ехал тут Сухман сын Рехментьевич,
А ехал как за матушку Непру-реку,
А приезжал как ён ко этою дубиночки,
А дубиночку как брал ён за вершиночку,
А с комля-то у нее нунь сок бежал,
Повытащил ее ён со кореньями,
(*С корнями со всима.*)
А тут ли как Сухман сын Рехментьёвич
А стал как дубиночкой помахивать,
Ну стал как ён татаровей пощалкивать,
Куда махне — тут лежит их как улочка,
Перемахне — тут их переулочком,

Перебил ён всих да ведь татаровей.
А татарове были-то поганыи,
Ну стреляли как луком да самострельныим,
Ну стрелкамы да калёныма
Ну Сухмана да Рехментьёва.
А Сухман-то видь еще да Рехментьёвич
А рвал как ён листочки да маковы,
Ну затыкал свои кровавыи раночки.
(*Ены все-таки стрелкамы его настреляли.*)
А тут как Сухман сын Рехментьевич
После боя ён, кроволития,
А ехал ён во славной во Киёв-град
Ко князю ли ён Владимеру
Ну на тот ли ён пир продолжительной.
Приезжал как ён к князю да на широк двор,
Выходил Сухман да со добра коня,
А привязывал Сухман добра коня
А к столбу ли ён да точеному,
А ко тому ли то кольчу золоченому,
А сам-то шел в палату билокамённу
А ко князю́-то как ён ко Владимёру,
А на тот-то на пир продолжитёльной.
А заходил ли ён в палату билокаменну
Ко князю-то ён ко Владимёру,
А на тот-то ён пир продолжительной.
Говорил Сухман сын Рехментьевич,
Говорил-то ён князю Владимёру:
«Стольне-киёвьський князь, ты Владимер-то,
Съиздил я ко матушке Непре-реке,
А на матушке на Непре-реке
Не плавало ни гуся тут, ни лебедя,
Ну не плавало как серого утеныша.
(*Он съиздил, так надо князю рассказать как издил; так тут повторяется.*)
А стоял как тут татарин со татарамы
А у матушки нунь у Непры-реки,
А говорил я тут татарину поганому:
«Куда же ты, татарин, пробираешьсе,
Чего же ты, татарин, добираешьсе,
Чего же ты, татарин, домогаешьсе?»
А говорил мни как татарин со татарамы:
«Иду-ка я ко городу ко Киёву,
А к тому ли князю как Владимёру,
А веду я силушку несметную,
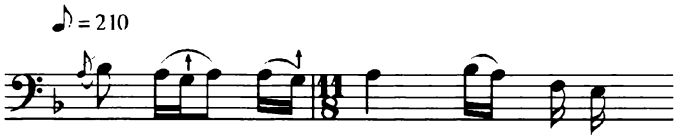
Ну на счет-то у мня сорок тысячев,
А на ваш-то я на Киёв-град,
А на князя-то на Владимера побольши-то».
Стояла тут за матушкой Непрой-рекой,
Стояла тут дубиночка-вязиночка,
А брал как я же этую дубиночку,
А брал как ю да за вершиночку,
А с комля дубиночки да сок бежал,
А я выдернул юю со кореньямы.
Ну стал я дубиночкой помахивать,
Ну стал я тут татаровей пощелкивать,
Прибил я, приломил я всих татаровей.
Говорил тут нуньку князь стольне-киевськой,
Говорит да тут Владимёр-князь
Ну руськиим могучиим бога́тырям:
«Ну вы, руськии могучии богатыри,
Ну садите вы Сухмана Рехментьева
Во темницю как его во темную,
В погреба ёго сорокасажённыи,
А за замкы-то его за булатныи,
Не пустым ли тут Сухман прихвастыват,
Не пустым ли тут Сухман прибахваливат.
Ну руськии могучии богатыри
Садили как Сухмана Рехментьева
И во темницю его во темную,
В погреба его сорокасажённыи,
А за замки-ты его за булатныи.
Говорит тут князь стольне-киевский,
А говорит как ён Добрынюшке Микитичу:
«А Добрынюшка да ты Микитинич,
А съизди ты как нунь ко матушки Непры-реки,
Посмотри-ка ты Сухмановы бахвальствия,
Ну не пустым ли как Сухман да прихвастыват,
Не пустым ли как Сухман прибахваливат.
Садилсе как Добрынюшка на добра коня,
Ну ехал тут Добрынюшка ко матушки Непры-реки,
Приезжал как тут Добрыня ко Непры-реки,
А у матушки ли у Непры-реки
Ну татарова лежат всё убитыи,
Лежит как тут Сухманова дубиночка,
А дубиночка лежит тут вся в крови.
Хотел как тут Добрыня дубинку на показ везти,
А не мог как отдынуть ю от сырой зёмли,

А Сухмановой да тут ведь дубиночки.
Ну уехал как Добрынюшка во Киёв-град
Ко князю ли ён ко Владимёру.
А приезжал как Добрынюшка
Да ён на широк двор,
А выходил Добрыня со добра коня,
Ну привязывал Добрынюшка добра коня
Ну к столбу ли ён точеному,
Ну к тому ли ён кольчу золоченому,
А сам-то шел в палаты билокамённы,
А ко князю ли как ён ко Владимёру,
А на тот ли пир продолжительной.
А говорил как тут Добрынюшка князю ён таковы слова:
«А князь-ка есь ты стольнё-киёвьськой,
Стольнё-киёвьськоё да Владимёр-князь,
А съиздил я ко матушки Непры-реки,
А поглядел я на Сухмановы бахвальствия,
Ну не пустым ли Сухман да похвастыват,
Ну не пустым ли ён прибахваливат.
Как у матушки тут у Непры-реки
Татарова лежат тут убитые,
Лежит как тут Сухманова дубиночка,
А дубиночка лежит ёна вся в крови,
Ну хотел я как дубиночку на показ везти,
Не мог я отдынуть-то от сырой земли
А Сухмановой-то я да дубиночки.
А говорит как еще князь стольнё-киёвьськой,
Стольнё-киёвьськой да тут Владимёр-князь:
«Ну руськие могучие богатыри,
Выпускайте вы Сухмана Рехментьева
А с темниц его да темныих,
А с погребов ёго сорокасажонныих,
Из-за замков его булатниих».
Ну руськие могучие богáтыри
А выпускали Сухмана Рехментьёва,
А шел как тут Сухман Рехментьёвич
Ко князю-то ён ко Владимёру.
А говорил как же тут князь стольнё-киёвьськой,
Стольнё-киёвьськой да тут Владимёр-князь,
А говорит как ён Сухману Рехментьеву:
«Ай же ты, Сухман сын Рехментьёвич,
А чим же тебя за работу нунь пожаловать?
(*Схватилисе!*)

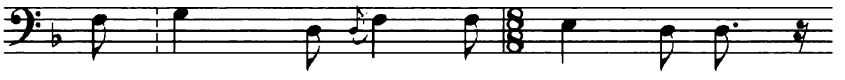
А города ли теби дать с пригородкамы,
А села ли дать теби с присёлкамы,
А золотой ли казны нунь бессчетную?
А говорит как тут Сухман сын Рехментьёвич,
А говорит князю ён Владимёру:
«Стольнё-киёвьський ты князь да Владимёр-то,
У нас во матушки во Русиюшки
По приезду молодцов да почёстуют,
А по заслуги молодцов да пожалуют,
А ты-то еще князь стольнё-киёвьськой,
Стольнё-киёвьськой да ты Владимёр-князь,
Ну по приезду ты меня не почёстовал,
Ну по заслуги ты меня не пожаловал».
А тут ли как Сухман сын Рехментьевич
А выдергивал листочки ён маковыи,
Открывал свои кровавы раночки,
А тут с ёго кровь-то хлынула,
А кровь ёго да богатырская,
А от той ли от крови от Сухмановой
Побежала тут Сухман-река.
А тут ли как Сухману Рехментьёву,
А ёму нунь слава́ пошла,
А славушка ему по белу́-свету́,
А Сухману нунь да Рехментьёву.
(*Вся.*)

№ 489
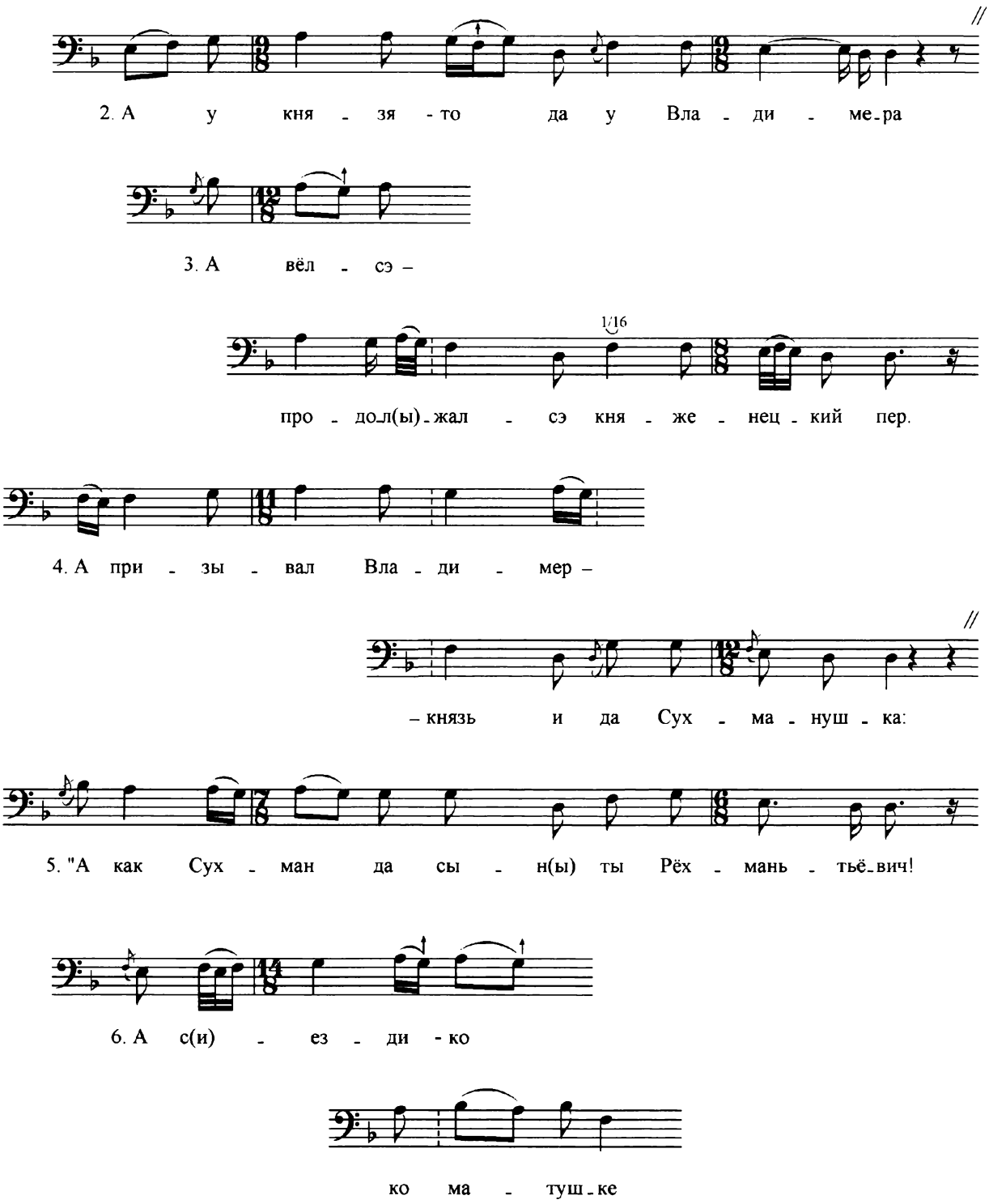
СУХМАН РЕХМАНТЬЕВИЧ
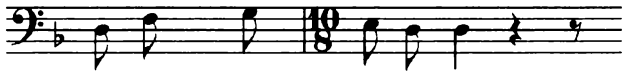

1. А как во столь - нё - ё-м(ы)
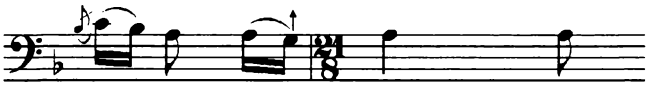

во го - ро - де во Ки - ё - ви

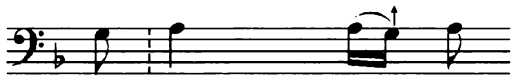

2. А у кня - зя - то да у Вла - ди - ме-ра
3. А вёл - сэ –
1/16
про - до-л(ы)-жал - сэ кня - же - нец - кий пер.
4. А при - зы - вал Вла - ди - мер –
– князь и да Сух - ма - нуш - ка:
5. "А как Сух - ман да сы - н(ы) ты Рёх - мань - тьё-вич!
6. А с(и) - ез - ди - ко
ко ма - туш-ке

да ко Неп - ры-ре-ки,

7. А при - ве - зи - ко
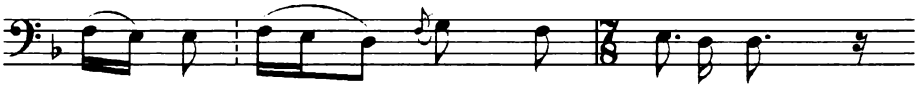

для пе - ру мне

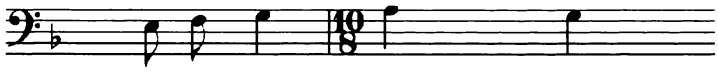
гу - сей –
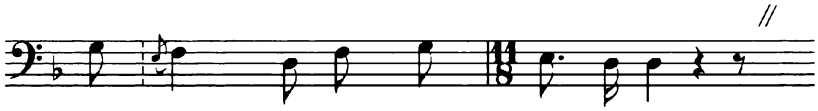

ле - бе - дей,
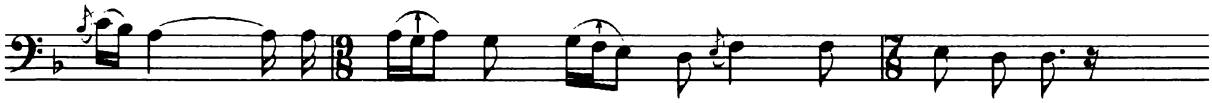

се - рых ма - лы - их у-ту-шок".
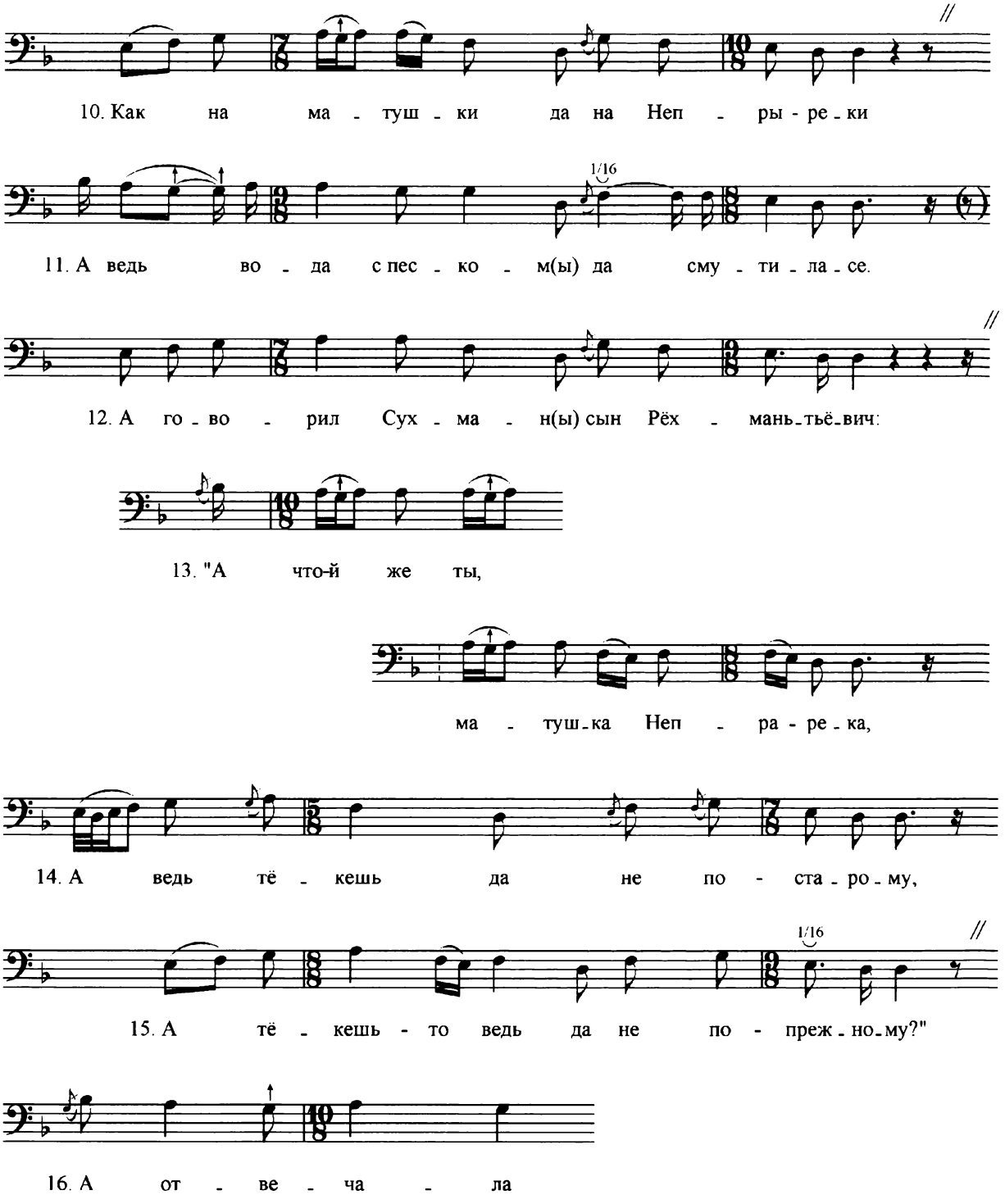

8. А ве - т(и) е - хал
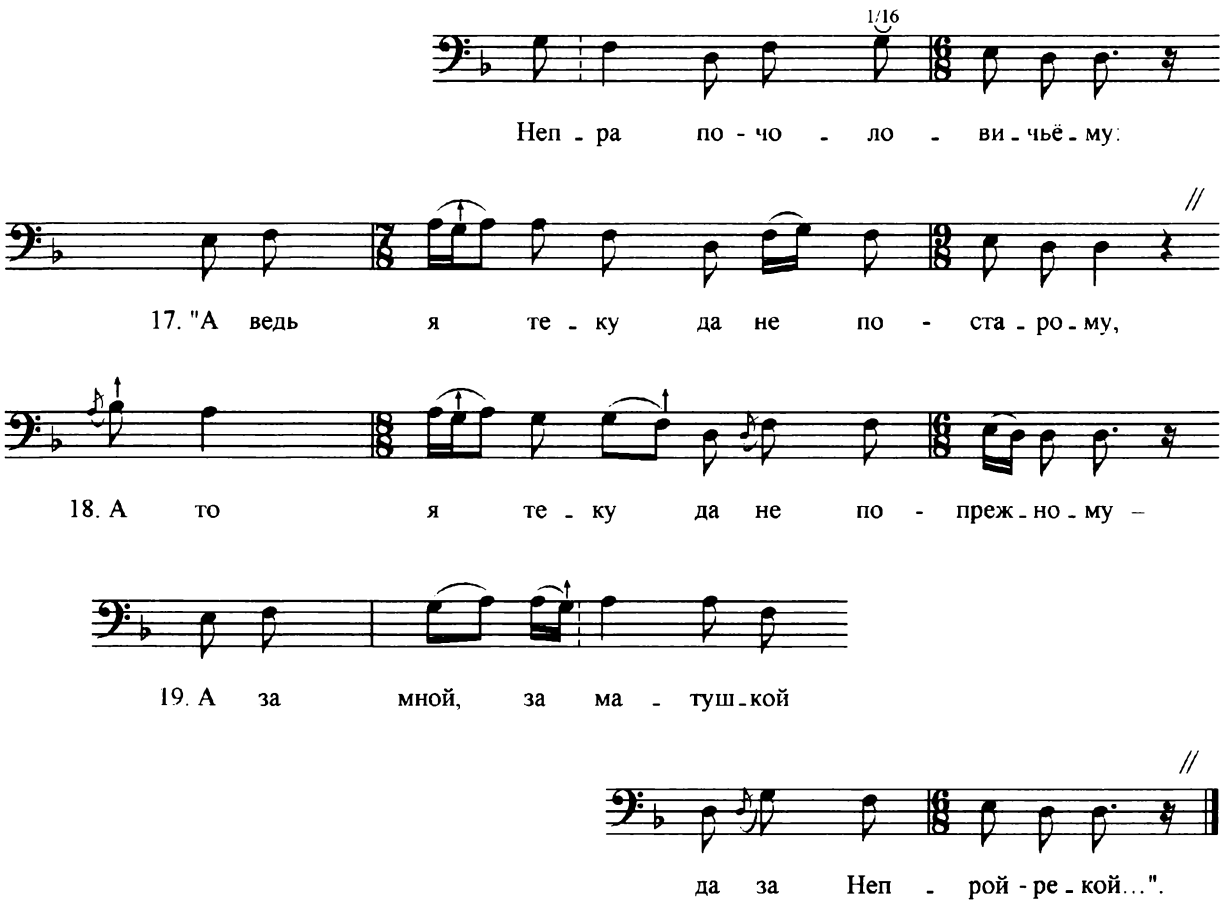

Сух - ман да сын Рёх - мань-тьё-вич

9. Ай он ко ма - туш - ке да ко Неп - ры - ре - ки.

10. Как на ма - туш - ки да на Неп - ры - ре - ки
11. А ведь во - да с пес - ко - м(ы) да сму - ти - ла - се.
12. А го - во - рил Сух - ма - н(ы) сын Рёх - мань-тьё-вич:
13. "А что-й же ты,
ма - туш-ка Неп - ра - ре - ка,
14. А ведь тё - кешь да не по - ста - ро - му,
15. А тё - кешь - то ведь да не по - преж - но-му?"
16. А от - ве - ча - ла
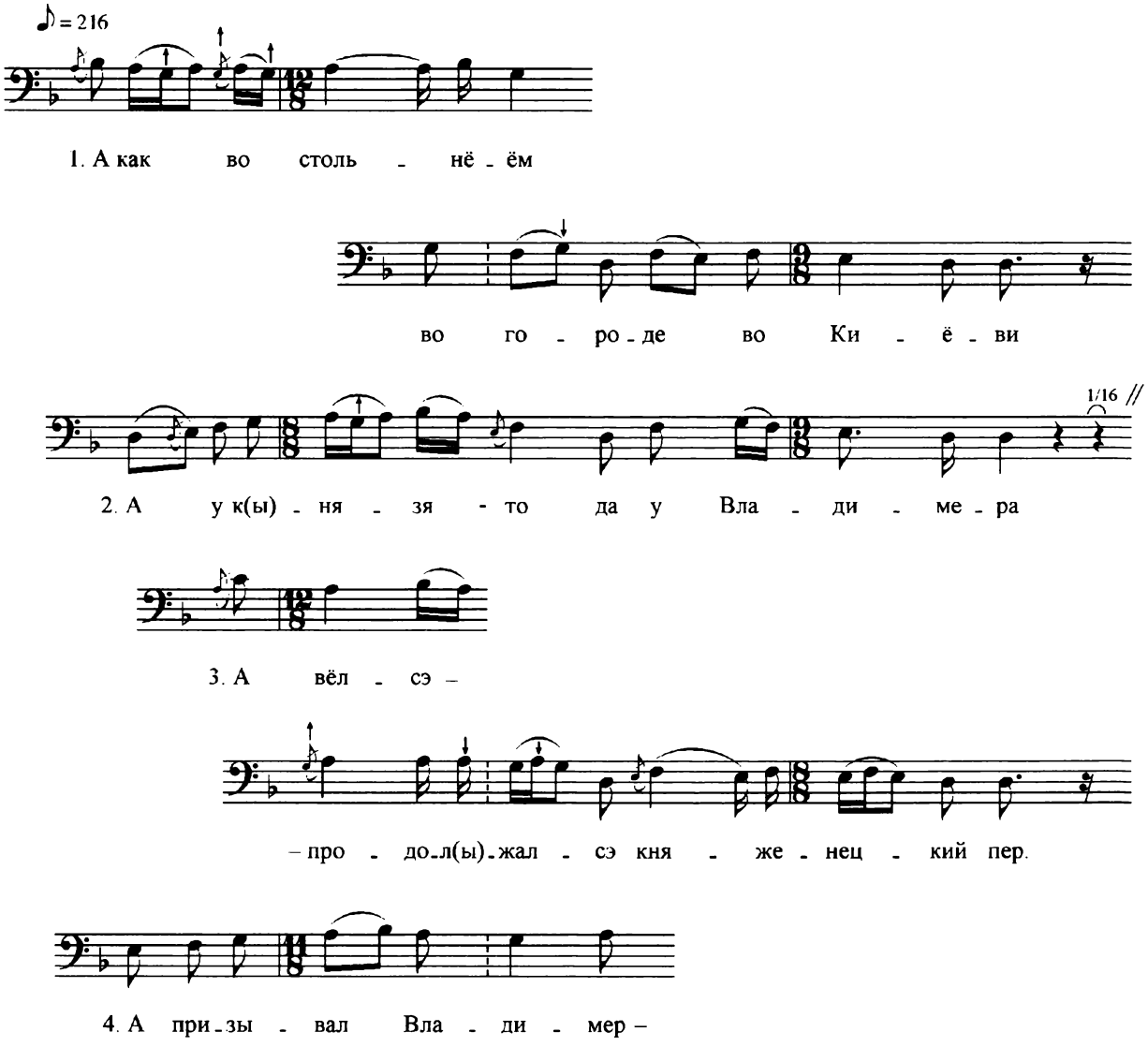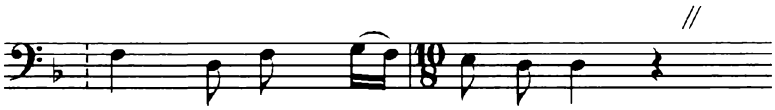

А как во сто́льнёём(ы) во городе во Ки́ёви
А у князя-то да у Владимера
А вёлсэ-продол(ы)жалсэ княженецкий пер.
А призывал Владимер-князь и да Сухманушка:
«А как Сухман да сын(ы) ты Рёхма́ньтьёвич!
А с(и)езди-ко ко матушке да ко Непры́-реки́,
А привези-ко для пе́ру мне гусей-лебедей,
серых малыих утушок».
А вет(и) ехал Сухман да сын Рёхма́ньтьёвич
Ай он ко матушке да ко Непры́-реки́.
Как на матушки да на Непры́-реки́
А ведь вода с песком(ы) да смутиласе.
А говорил Сухман(ы) сын Рёхма́ньтьёвич:
«А что-й же ты, матушка Непра́-река,
А ведь тёке́шь да не по-старому,
А тёке́шь-то ведь да не по-прежному?»
А отвечала Непра́ по-чолови́чьёму:

«А ведь я теку да не по-старому,
А то я теку да не по-прежному —
А за мной, за матушкой да за Непро́й-рекой...».
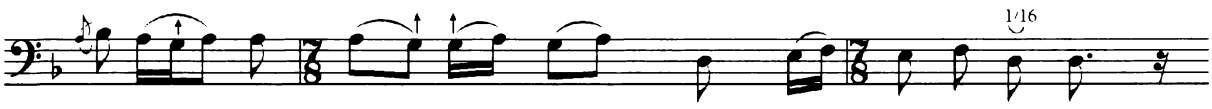
№ 490

СУХМАН РЕХМАНТЬЕВИЧ
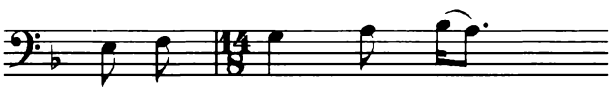

– князь и да Сух - ма - нуш - ка:
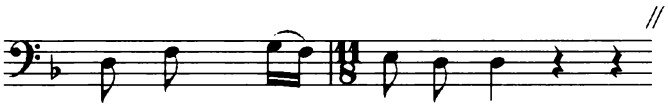

5."А как Сух - ман да сын ты Рёх - ма - н(и) - тьё - вич!
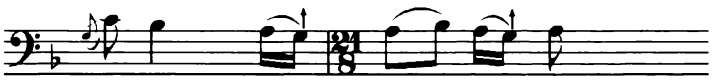

6. А с(и) - ез - ди - ко
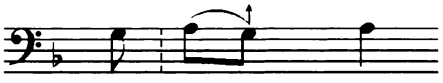

ко ма - туш - ки
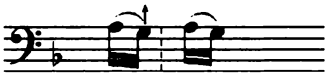

да ко Неп - ры - ре - ки,
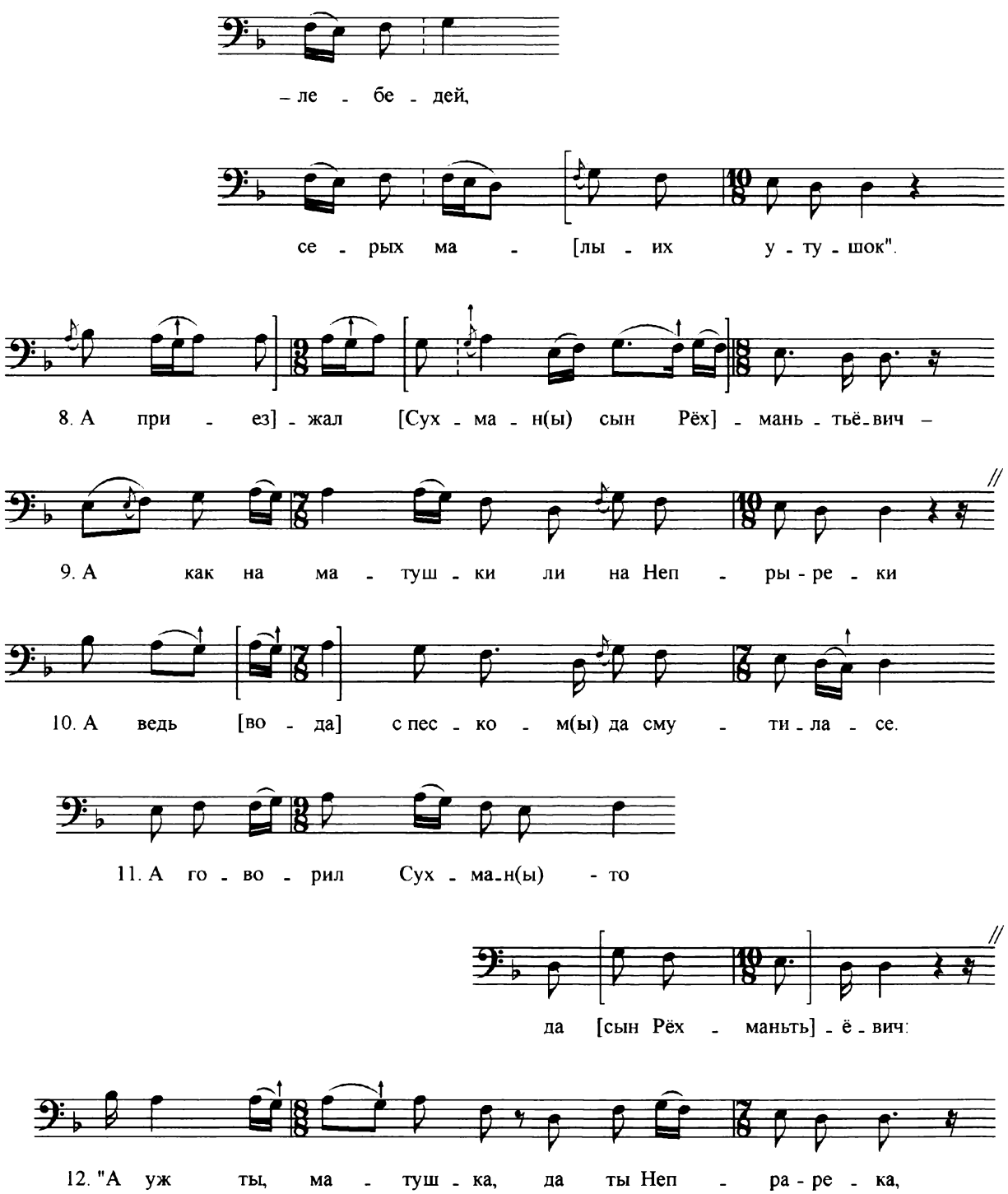

7. А при - ве - зи - ко мне
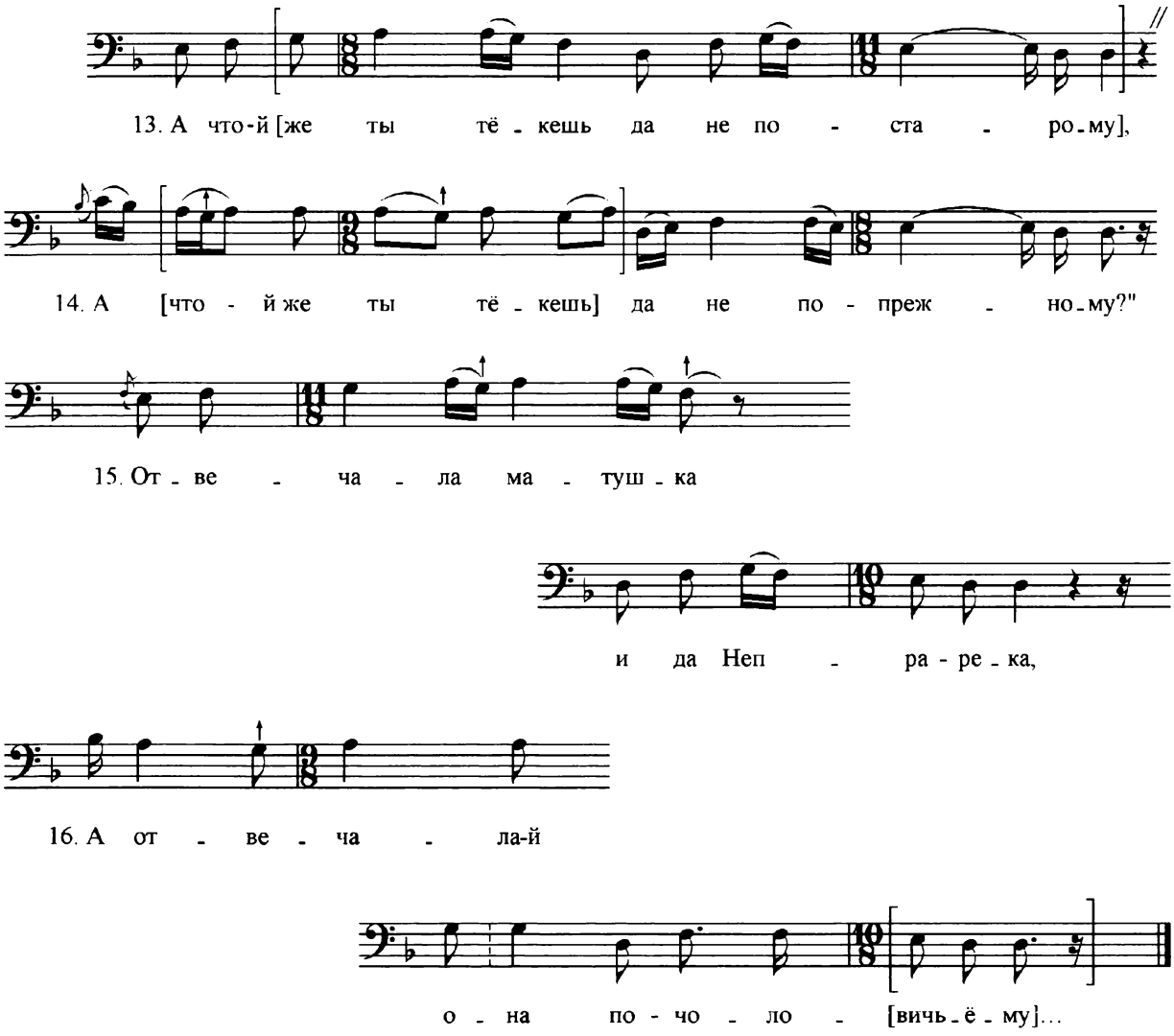

для пе - ру

гу - сей –

– ле - бе - дей,
се - рых ма - [лы - их у - ту - шок".
8. А при - ез] - жал [Сух - ма - н(ы) сын Рёх] - мань - тьё - вич –
9. А как на ма - туш - ки ли на Неп - ры - ре - ки
10. А ведь [во - да] с пес - ко - м(ы) да сму - ти - ла - се.
11. А го - во - рил Сух - ма - н(ы) - то
да [сын Рёх - маньть] - ё - вич:
12. "А уж ты, ма - туш - ка, да ты Неп - ра - ре - ка,
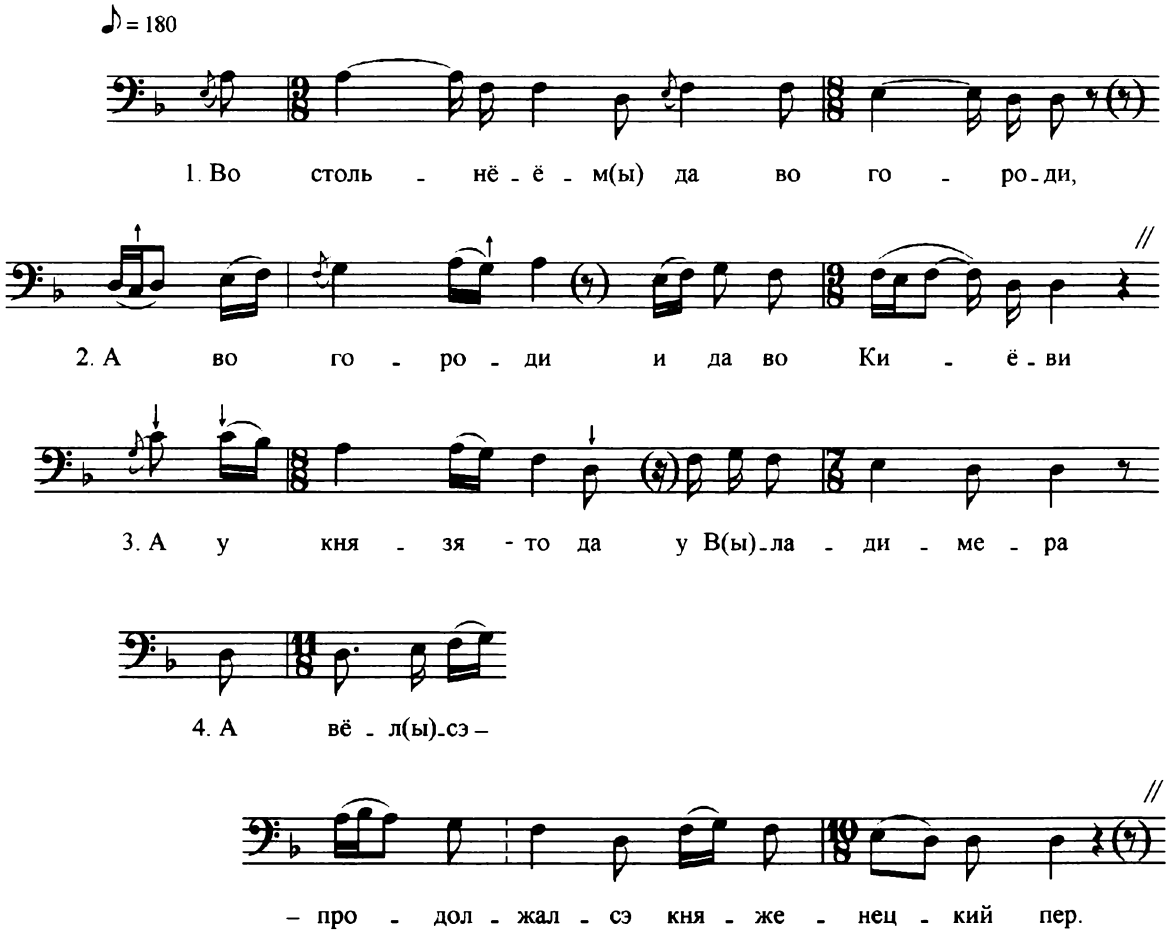

А как во сто́льнёём во городе во Ки́ёви
А у к(ы)нязя-то да у Владимера
А вёлсэ-продол(ы)жалсэ княженецкий пер.
А призывал Владимер-князь и да Сухманушка:
5 «А как Сухман да сын ты Рёхма́н(и)тьёвич!
А с(и)езди-ко ко матушки да ко Непры́-реки́,
А привези-ко мне для пе́ру гусей-лебедей,
серых ма[лыих утушок».
А приез]жал [Сухман(ы) сын Рёх]ма́ньтьёвич[1] —
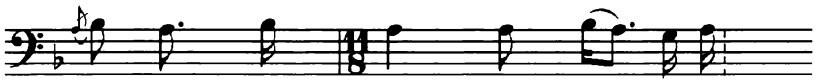
[1] Возможно, из-за технического сбоя на фонограмме оказалась пропущенной строка:
Ай он ко матушке да ко Непры́-реки́.

А как на матушки ли на Непры́-реки́
А ведь [вода] с песком(ы) да смутиласе.
А говорил Сухман(ы)-то да [сын Рёхма́ньть]ёвич:
«А уж ты, матушка, да ты Непра́-река,
А что-й [же ты тёке́шь да не по-старому],
А [что-й же ты тёке́шь] да не по-прежному?»
Отвечала матушка и да Непра́-река,
А отвечала-й она по-чоло[ви́чьёму]...
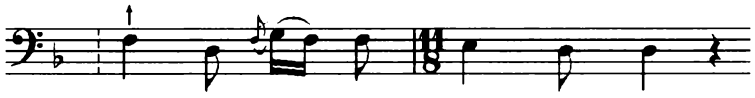
№ 491

СУХМАН РЕХМАНТЬЕВИЧ
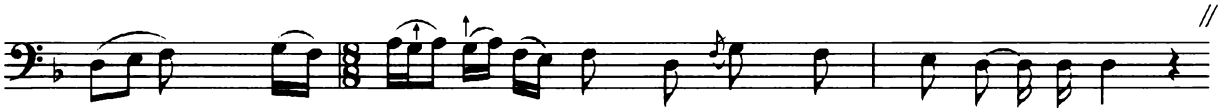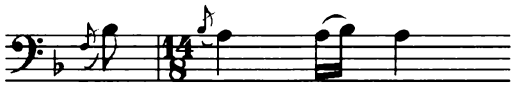

5. А при - зы - вал Вла - ди - ме-р(ы) –
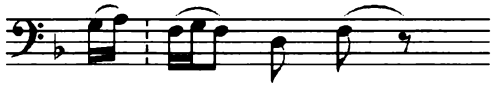

– князь и да Сух - ма - нуш - ка:
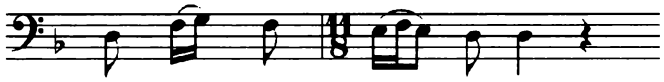

6. "Как Су(м)х - ма - н(ы) да сы - н(ы) да Рёх - ма-н(и) - тьё-вич!
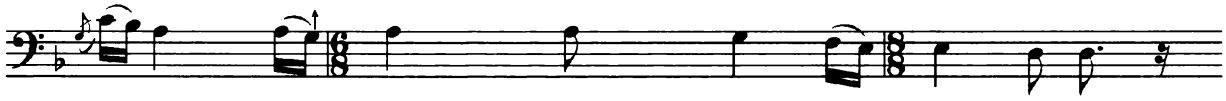

7. А съез - ди - ко
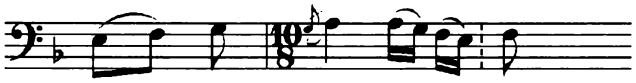

на ма - туш - ку
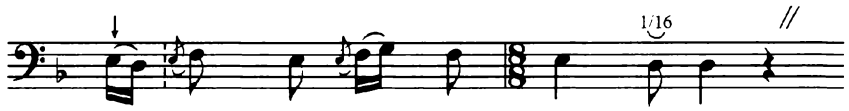

да на Неп - ру – ре - ку,
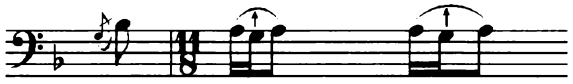

8. А при - ве - зи - ко мне для пе - ру - ту
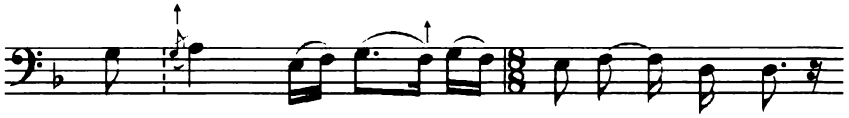

9. А гу - сей - ле-бе - дей
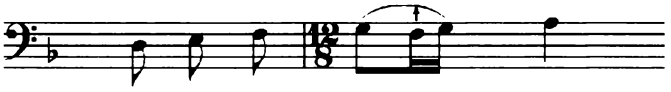

да се - рых ма - лых у - ту-шок".
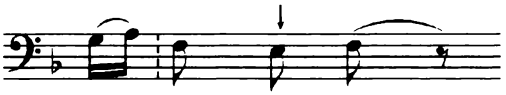

10. А е - хал
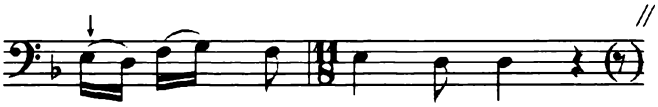

Сух - ма - н(ы) сын Рёх - ма-н(и) - тьё - вич,

11. А ведь он е - хал
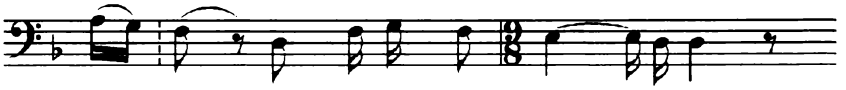

на ма - туш - ку
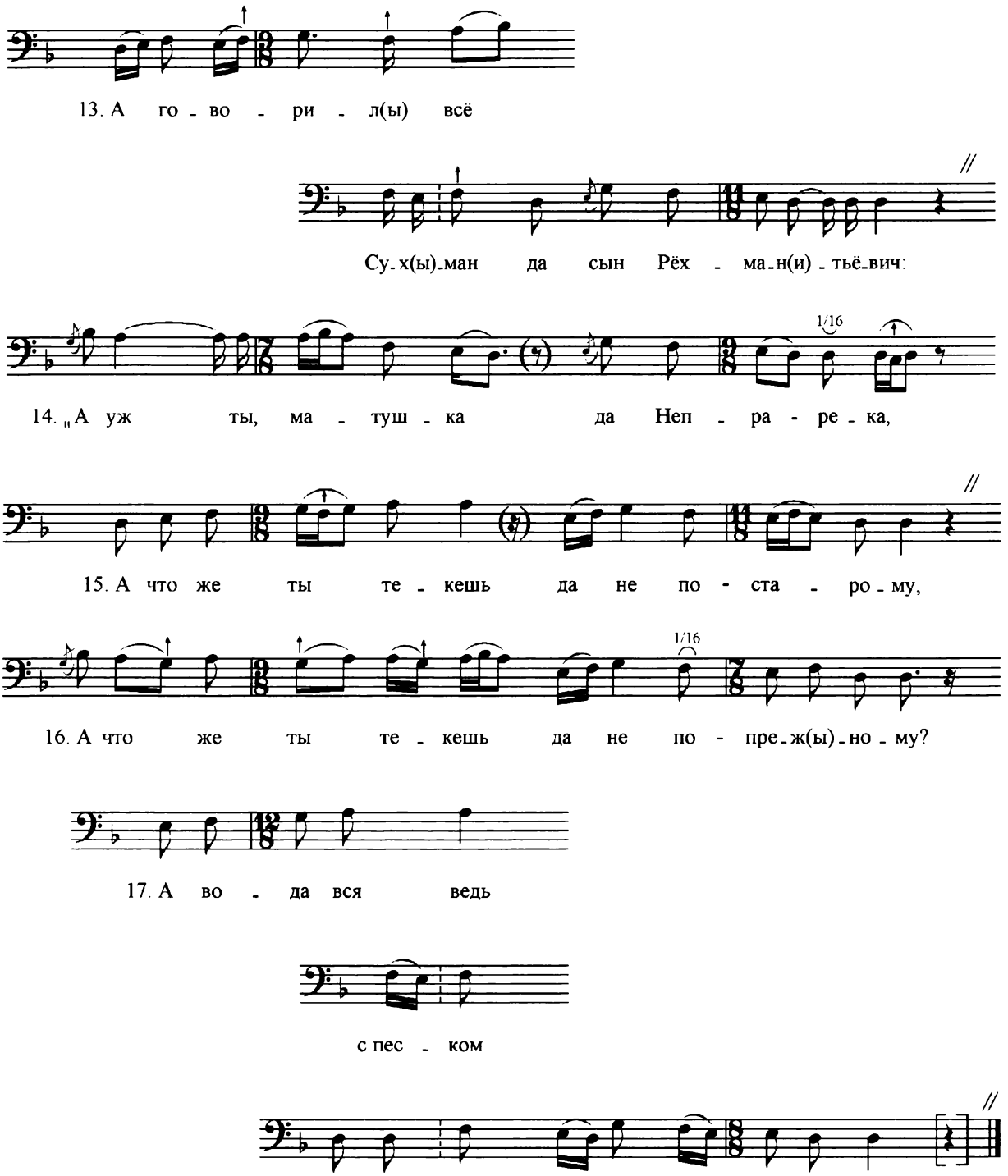

да на Неп - ру - ре - ку.

12. А на Неп - ры - ре - ки

во - да с пес - ко-м(ы) сму - ти - ла-си.

13. А го - во - ри - л(ы) всё
Су-х(ы)-ман да сын Рёх - ма-н(и) - тьё-вич:
14. „А уж ты, ма - туш - ка да Неп - ра - ре - ка,
1/16
15. А что же ты те - кешь да не по - ста - ро - му,
16. А что же ты те - кешь да не по - пре-ж(ы)-но - му?
1/16
17. А во - да вся ведь
с пес - ком
на те - бе и да сму - ти - ла - си...".

Во сто́льнёём(ы) да во го́роди,
А во го́роди и да во Ки́ёви
А у князя-то да у В(ы)ладимера
А вёл(ы)сэ-продолжалсэ княженецкий пер.
А призывал Владимер(ы)-князь и да Сухманушка:
«Как Су(м)хман(ы) да сын(ы) ты Рёхма́н(и)тьёвич!
А съезди-ко на матушку да на Непру́-реку́,
А привези-ко мне для пе́ру-ту
А гусей-лебедей да серых малых утушок».
А ехал Сухман(ы) сын Рёхма́н(и)тьёвич,
А ведь он ехал на матушку да на Непру́-реку.
А на Непры́-реки́ вода с песком(ы) смутиласи.
А говорил(ы) всё Сух(ы)ман да сын Рёхма́н(и)тьёвич:
«А уж ты, матушка да Непра́-река,
А что же ты текешь да не по-старому,
А что же ты текешь да не по-преж(ы)ному?
А вода вся ведь с песком на тебе и да смутиласи...».

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ И БАТЫГА (№ 492—506)

№ 492

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ

Из-под белыя березы кудревастенькой,
Из-под чудного креста Леванидова
Выходила турица златоругая
Со своими со турами, со детушкамы.
Случило́сь итти турам мимо Киев-град,
Мимо тую стену городовую.
Оны видели над Киевом чудны́м чудны́м-чудно́,
Оны видели над Киевом дивны́м дивны́м-дивно́:
Под тоей ли стеной городовоей
Ходит де́вица душа красная,
Во руках держит книгу Леванидову,
Не столько читает, вдвоем она плачёт,
И случилось итти турам с родной матушкой,
Со турицей златоругой поздоровкаться:
«Здравствуешь, турица, наша матушка!
Как мы видели над Киевом чудны́м-чудно́,
Как мы видели над Киевом дивны́м-дивно́:
Под тоей ли стены городовыя,

Как ходит девица душа красная,
Во руках держит книгу Леванидову,
Не столько она читает, вдвоем она плачёт».
Говорила турица златоругая:
«Ай вы, глупы туры́, малые детушки!
Не девица тут ходит душа красная,
А тут плакала стена-мать городовая,
Она ведала невзгодушку великую:
Из-под той с-под восточния сторонушки
Наедет Батыга Батыгович
Со сыном Батыгом Батыговичем,
Со зятем Тараканчиком Корабликовым,
Наезжает с дьячком да выдумщичком.
У Батыги силы сорок тысящей,
У сына силы сорок тысящей,
У зятюшки силы сорок тысящей,
У дьячка-то силы сорок тысящей».
Обступили округ Киева круго́м, круго́м, круго́м —
Соколу лететь на меженный день,
Маленькой птичке не пролететь.
Не случилося во Киеве богатырей,
По гулям гулял во двенадцать лет,
По прозваньицу Василий сын Игнатьевич.
Он направливал лук — калёну стрелу,
Налагал-то стрелочку калёную,
Стрелял Василий по Батыгиным шатрам,
Убил он няйлучших головушек хорошеньких:
Убил сына Батыга Батыговича,
Убил зятя Тараканчика Корабликова,
Убил дьячка-то выдумщичка.
Стали во Киеве виноватаго искать,
Нашли-то Василья в кабаке на пеци,
Приводили Василья к Батыге на лицо:
«Ты прости меня, Батыга, во большой во вины,
Убил я няйлучших головушек хорошеньких:
Убил сына Батыга Батыговича,
Убил зятя Тараканчика Корабликова,
Убил дьячка-то выдумщичка».
Тут-то Василий стал выспрашивати:
«Опохмель-ка ты, Батыга, чарой хмельноей:
Пособлю-ка я тебе взять славен Киев град».
На тыя речи Батыга приокинулся:
Наливает ему чару зелена вина.

Другую сливает меду пьянаго,
Третью рюму сладкаго меду.
И сливали питье в едино судно:
Становилось питья полтора ведра,
Весом его полтора пуда.
Взимает Васильюшка единой рукой,
Выпивает Василий на единый дух,
Говорит Василий таково слово:
«Я могу теперь владать добрым конем,
Я могу теперь махать вострой саблей».
Поехал Васильюшка в чисто поле гулять,
Зачал по полюшку поезживати,
Батыгиной силушки порубливати,
Прирубил-пригубил он до едной головы,
Назад же ко Батыге ворочался,
Говорил-то Василий таковы слова:
«Не могу теперь владать добрым конем,
Не могу теперь махать вострой саблей.
Опохмель-ка, Батыга, чарой хмельноей.
Я знаю, где воротца не заперты,
Не заперты воротца, не заложены».
На ты речи Батыга приокинулся:
Наливает ему чару зелена вина,
Другую сливает меду пьяного,
Третью рюму сладкого меду.
И сливали питье в единое судно:
Становилося питья полтора ведра,
Весом его полтора пуда.
Взимает Васильюшка единой рукой,
Выпивает Василий на единый дух,
Говорит Василий таково слово:
«Я могу ⟨в⟩ладать добрым конем,
Я могу теперь махать вострой саблей».
Поехал Васильюшка в чисто поле гулять,
Зачал по полюшку поезживати,
Батыгиной силушки порубливати,
Прирубил-пригубил он до единой головы,
Назад же ко Батыге ворочался.
Разгорячилося у Василья ретиво сердце,
Размахалась у Василья ручка правая.
⟨...⟩
От него Батыга в побег пошел.
«Ай ты, старый пес, заклинаешься:

Не дай-то Бог бывать на святой Руси,
Ни мне-ка-ва, ни детям, ни внучатам!» —
⟨...⟩
Шилья-каменья в Северной стороны,
Самсон-богатырь на Святых на горах.
Молодой Алёша в богомольной стороны,
Колокольному звону в Нове-граде,
Сладкие напитки в Петербурге-городке
Сладкие колачики новоладожские,
Дешевы поцелую белозерские.
Дунай, Дунай, Дунай,
Вперед боле не знай!

№ 493

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ

Из-под той, с-под восточния сторонушки
Наезжает Батыга Батыгович
Со сыном со Батыгом Батыговичем,
Со зятем Тараканчиком Карабликовым,
Наезжает со дьячком да выдумщичком.
У Батыга силы сорок тысящей,
У сына силы сорок тысящей,
У зятюшки силы сорок тысящей,
У дьячка-то силы сорок тысящей.
Обступили округ Киева кругом, кругом, кругом —
Соколу лететь на меженый день,
Маленькой птичке не пролететь.
Не случилося в Киеве богатырей,
Одна объявилась голь кабацкая,
По прозваньицу Василий сын Игнатьевич.
Он двенадцать годов по кабакам гулял,
Пропил-прогулял все житье-бытье свое,
Все житье-бытье свое, все богачество.
И то нечем у Василья опохмелиться,
С опохмелья у Василья головка болит;
С перепоя у Василья ретиво сердце щемит.
Как берет свой тугий лук разрывчатый,
Выходил Василий вон со Киева,
Натягивал Василий свой тугий лук,
Налагает стрелочку калёную,

Стрелял Василий по тым шатрам,
По тым шатрам по Батыгиным,
Убил Василий три головки хорошеньких,
Три хорошеньких головки, что ни лучшиих:
Убил сына Батыга Батыговича,
Убил зятя Тараканчика Корабликова,
Убил еще дьячка-выдумщичка.
Воротился Василий взад во Киев-град.
Посылает тут Батыга скорых послов,
Стали послы виноватого искать.
Нашли-то Василья в кабаке на пеци,
Приводили Василья к Батыге на лицо:
«Ты прости меня, Батыга, во большой во вины,
Убил я найлучших головушек хорошеньких:
Убил сына Батыга Батыговича,
Убил зятя Тараканчика Корабликова,
Убил дьячка-то выдумщичка».
И то нечем у Василья опохмелиться,
С опохмелья у Василья головка болит,
С перепоя у Василья ретиво сердце щемит.
Тут-то Василий стал выспрашивати:
«Опохмель-ка ты, Батыга, чарой хмельноей:
Пособлю-ка я тебе взять славен Киев-град».
На тыя речи Батыга приокинулся:
Наливает ему чару зелена вина,
Другую сливает меду пьяного,
Третью рюму сладкого меду.
И сливали питье в едино судно:
Становилося питья полтора ведра,
Весом его полтора пуда.
Взимает Васильюшка единою рукою,
Выпивает Василий на единый дух,
Говорит Василий таково слово:
«Я могу теперь владать добрым конем,
Я могу теперь махать вострой саблей.
Уж ты дай-ка мне силы сорок тысячей!»
Дал ему Батыга силы сорок тысячей.
Уезжает тут Василий во чисто поле,
Зачал по полюшку поезживати,
Батыгиной силушки порубливати,
Прирубил-пригубил он до единой головы.
Разгорелось у Василья ретиво сердце,
Размахалась у Василья ручка правая,

Ворочался тут Василий к Батыгиным шатрам,
Начал по полюшку поезживати,
Батыгиной силушки порубливати,
Прирубил-пригубил он до едной головы.
Бежит тут Батыга, потыкается,
Потыкается Батыга, заклинается:
«Не дай, Боже, ни детям моим,
Ни детям моим, ни внучатам!»

№ 494

БАТЫГА БАТЫГОВИЧ И ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ

Из-под того креста Леванидоваго,
Из-под тоя березки из-под беленькой
Выходило два тура и три тура,
И шли они туры мимо Киев-град,
И видели над Киевом дивным-дивно,
Дивным-дивно и чудным-чудно:
Выходила девица и слезно плакала,
На руках держит книгу свято Евангелье,
А не только читает, а вдвоем плачет.
Соходилися туры с родной матушкой:
«Здравствуешь, турица родна матушка!
А шли мы, туры, мимо Киев-град
И видели над Киевом дивным-дивно,
Дивным-дивно и чудным-чудно:
Выходила девица и слезно плакала,
На руках держит книгу свято Евангелье,
А не только читает, а вдвоем плачет».
И говорит турица родна матушка:
«Глупые туры, малы детушки!
А не девица выходила и слезно плакала,
А плакала стена городовая,
А она сведала над Киевом незгодушку:
А наехал князь Батыга Батыгович
И со своим сыном Батыгою Батыговичем,
И со зятем Тараканчиком Корабликовым,
И со тыим дьячком с выдумщичком.
А у князя у Батыги силы сорок тысячей,
И у сынушка силы сорок тысячей,
И у зятя силы сорок тысячей,

И у дьячка силы сорок тысячей».
И приехал Батыга под Киев-град,
И просит Батыга поединщика,
И просит Батыга супротивника:
«Ай ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Дай-ко мне поединщика
И дай-ко мне супротивника,
А чтобы со мною, с Батыгой, поправиться».
А несчастие во Киеве случилося,
А что ни лутчиих богатырей не случилося:
Святогор-богатырь — на Святых на горах,
Илья да Самсон — у синяго у моря,
А Добрынюшка Никитинец — в чистыих во полях,
А Олёша-богомол — во богомольной стороны.
А жил тут, был богатырь, добрый молодец,
А на имя Василий Игнатьевич.
Жил Василий при царевом кабаке
И пропил-промотал все житье-бытье свое,
Житье-бытье свое и приданое женино.
Приходит Василий ко Владимиру на двор,
И заходит Василий во палатушку,
И крест кладет по-писаному,
И поклоны ведет по-ученому,
А солнышку Владимиру в особину:
«Здравствуй, князь со княгиною!
Опохмель-ко Василия чарой пьяною,
А у Васи со похмелья буйна голова болит,
С перепою у Василия ретиво сердце щемит».
Ставал тут Владимир поскорешенько
И наливал чару зеленаго вина,
А другу наливал пива пьянаго,
А третью наливал меду сладкаго
И сливал питье в единое место:
Становилося питья полтора пуда,
Полтора пуда и полтора ведра.
Принимал тут Василий единой рукой,
И выпил Василий единым духом,
И тут же Василий спромолвился:
«Теперь я могу на своем коне сидеть,
Теперь я могу своей саблей владеть,
Которая сабля в девяносто пуд».
Тут же Василий приотправился
Со своим орудием военным,

А выехал Василий за эту за стену городовую,
За тую за башню за угловую,
И стрелял по головкам что ни лутченькиим
С того со лука со натяжнаго,
И убил три головки что ни лутченькиих:
Убил сына Батыга Батыговича,
Убил зятя Тараканчика Корабликова
И того дьячка и выдумщичка.
И у Батыги были кони хорошие,
И у Батыги были кони снарядные,
Посылает Батыга скорых гонцев,
Посылает гонцев во Киев-град,
А Киев-град не малый есть:
А соколу лететь на меженный день,
А маленькой птицы не перелететь,
И виноватого во Киеве не взыскати.
Что ни лутчие богатыри поразъехались,
А виноватый сей час ко Батыге на лицо,
А на имя Василий Игнатьев сын.
Садился Василий на добраго коня
Со той военной орудией,
Клал стрелочки в подзолоточки,
Тугия луки во налучия,
Он луки во наметы полагал
И брал копье свое бурзамецкое
И саблю свою девяносто пуд.
И едет Василий, помахивает,
С горы на гору конь его поскакивает,
С холмы на холму конь его поплясывает,
Реки-озера межу ног пущал,
Синия моря около скакал,
Хвост по земли расстилается,
А грива под копыта подвивается,
Искра с ноздрей рассыпается,
Огненное пламя распаляется,
Огненным щитом сбороняется.
Того ли чуда князь Батыга ужасается:
«Колько ни на свете проезживано,
И такого чуда на свете не видывано,
Ныне едет богатырь, добрый молодец,
Великою страстью ухраняется
Огненным щитом сбороняется».
А приехал Василий к Батыге на лицо:

«Здравствуй, князь Батыга Батыгович
И со своим со сыном со Батыгою,
И со зятем Тараканчиком Корабликовым,
И со тым дьячком и выдумщичком!»
А ответ держал Батыга-князь:
«Нету сына Батыги Батыговича,
И нету зятя Тараканчика Корабликова,
И нет тут дьячка и выдумщичка».
А сговорил на имя Василий Игнатьев сын:
«А прости-ко ты меня в первой вины,
А прости-ко ты меня во другой вины,
Во другой вины и великия,
И прости-ко ты меня во третьей вины,
И дай-ко мне силы сорок тысячей,
Я поеду нынь ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю ко Владимиру.
А мы Киев-град огнем пожгем,
А Владимира в полон возьмем».
И на тыи лясы Батыга приукинулся
И дал ему силы сорок тысячей.
И повыехал Василий во чисто поле,
Поворот он сделал на рученьку на правую
И взимал он саблю в девяносто пуд,
И присек-прирубил до единой головы.
А едет Василий ко Батыге на лицо:
«Да прости-ко ты меня во первой вины:
Потерял я силы сорок тысячей,
А дай-ко мне силы сорок тысячей.
А я теперь же во Киеве повысмотрел,
И я же во Киеве повыглядел,
Где были воротца отложеныя,
И где были воротца незаложеныя».
Дал ему силы сорок тысячей
И сорок сороков черных соболей,
А злата-серебра ему сметы нет.
Повыехал Василий во чисто поле
И присек-прирубил до единой головы.
И едет Василий к Батыге на лицо:
«Прости-ко меня во второй вины и великия:
Потерял я сорок тысячей,
И дай мне силы сорок тысячей».
И дал ему силы сорок тысячей,
И сорок сороков черных соболей,

И злата-серебра ему сметы нет.
Повыехал во чистое во поле
И присек-прирубил до единой головы.
Натягивал Батыга трубочку подзорную
И глядел он во славно во чисто поле,
И видит дело неминучее,
И сбирался Батыга на добрых коней,
И поехал Батыга во свою землю,
И клянется Батыга, проклинается:
«Не дай, Боже, бывать
И под Киевом стоять:
И в Киеве богатырев сметы нет».
Что ни лучшие богатыри во Киеве,
Золота казна во Чернигове,
А цветно платье во Нове городе,
А хлебны запасы во Смоленце городе,
А мхи да болота во Заморской стороны,
А раструбисты сарафаны по Моше по реке,
А худые сарафаны в Каргопольской стороны.

№ 495

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ И БАТЫГА

Из-под белой березки кудревастоёй
Выходила турица златорогая
Со своима турамы со детушкамы.
Розошлась турица, роспростиласи:
«Вы прости-тко, туры да малы детушки!»
Случилось турам мимо Киев-град итти,
Мимо тую стену да городовую.
Ай с-под той стены с-под городовыи
Ходит девúца душа красная,
В руках носит святу книгу Евангельё,
А не только читае, вдвоем она плачёт —
Не девица ходит душа красная,
Плаче стенá да городовая,
Ёна сведала над Киевым незгодушку:
С-под восточною да с-под сторонушки
Ай наеде Батыга Батыгович
Со своим со сыном со Батыгушкою,
Ай со зятем Тороканчиком Корабликовым,

Ай со тым со дья́чком со выдумщичком.
У Батыги-то силы сорок тысячей,
Ай у сына-то силы сорок тысячей,
У дьячка-то ведь силы сорок тысячей,
Ай у зятя-то силы сорок тысячей.
Обступае Батыга окол Киева́ кругом,
Ай Киев-град да не мал, не велик —
Соколу же лететь да на меженный день,
А и маленькой птиченке не про́лететь.
Ай во Киеве Владимир пороздумался:
«Ай не знаю я да с Батыгою поправиться,
Ай некому с Батыгой супротивиться —
Косогоры богатырь во Святых во горах,
Ай Самсон да Илья у синя́ у моря́,
Ай молодой Добрыня во чисто́м во поли́,
Ай молодой Олёша в богомо́льной стороны».
По голям-то гулял двенадцать лет
По прозваньицу Василий сын Игнатьевич.
Ай приходит Василий ко Батыги на лицо,
Убил лучшиих головушек хоро́шенькиих:
Убил сына Батыгу Батыговича,
Убил зятя Тороканчика Кора́бликова́,
Ай убил дьячка он выдумщичка.
Ай посылае Батыга скорых гонцёв,
Ай скорых гонцёв да во Киев-славен град,
Ай во Киев-славен град да винова́того искать,
Ай во Киеви Владимир пороздумался:
«Ай не знаю я да винова́того найти».
Приходили солдаты корабу́льныи:
«Бласлови-тко, Владимир, слово спроговори́ть.
Ай знаём мы да виноватого найти.
По голям-то гулял двенадцать лет
По прозваньицу Василий сын Игнатьевич».
Находили Василия в кабаки́ на печи́,
Приводили Василия ко царю на лицё.
«Опохмель меня, Владимир, чарой хмельною!»
Наливае он чару зелена вина,
Другу наливае пива пьянаго,
А и третью рюму да сладкого меду́.
Ай сливали питьё во едино́ судно,
Ай мерой питья полпята́ ведра,
Ай весом питья полпята́ пуда.
Принимается Василей едино́й рукой,

Выпивае Василей на единый дух.
Розгорелось у Василья ретливо сердцо,
Розмахалась у Василья ручка правая:
«А и нуне поеду да ко Батыги на лицо!
Опохмель меня, Батыга, чарой хмельною,
Ай пособлю я тебе славен Киев-град тот взять».
Ай на ты речи Батыга приокинулся.
Наливает он чару зелена вина,
Другу наливае пива пьянаго,
Ай третью рюму́ да сладкого меду́.
Ай сливал питьё во едино́ судно,
Ай мерой питья полпята ведра,
Ай весом питья полпята пуда.
Принимается Василей единой рукой,
Выпивае Василей во единый дух.
Розгорелось у Василья ретливо сердцо,
Розмахалась у Василья ручка правая.
А и стал он по силушке поезживати́.
А и стал-то он силушки порубливати́.
А и были у Батыги кони добрыи,
Кони добрыи да изнаря́женыи́.
Поезжае Батыга, заклинается:
«Не дай, Господи, ни мни да ни детям ни моим,
Ай ни детям ни моим, ни внучатам,
А не внучатам, ни пра́внучата́м!
Видно есте во Киеве богатыри!»
Церковно́ петьё в каменной Москвы,
Колокольный звон во Нови́ городи́.
Щелье-каменье в северно́й стороны́,
Мхи да болота в поморской стороны́.

№ 496

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ И БАТЫГА

Как из да́леча было из чиста поля,
Из-под белые березки кудревастыи,
Из-под того ли с-под кустичка ракитова
Ай выходила-то турица златорогая,
И выходила-то турица со турятами,
Ай расходилиси туры да во чистом поли,
Во чистом поли туры да со турицою.

Ай лучи́лосе турам да мимо Киев-град итти,
Ай видли над Киевым чудны́м-чудно.
Видли над Киевым дивны́м-дивно.
По той по стены по городовыи
Ходит девица душа красная,
А на руках носит книгу Леванидову,
А не тольки читае, да вдвои́ плаче.
А тому чуду туры удивилиси,
В чистое поле возвратилиси,
Сошлиси со турицей, поздоровкалисе:
«А ты здравствуешь, турица наша матушка!» —
«Ай здравствуйте, туры да малы детушки!
А где вы, туры, были, что вы видели?» —
«Ай же ты, турица наша матушка!
Ай были мы, туры, да во чистом поли,
А лучилосе нам, турам, да мимо Киев-град итти,
Ай видели над Киевом чудным-чудно,
Ай видели над Киевом дивным-дивно:
А по той стены по городовыи
Ходит-то девица душа красная,
А на руках носит книгу Леванидову,
А не столько читает, да вдви́ плаче».
Говорит-то ведь турица родна матушка:
«Ай же вы, туры да малы детушки!
Ай не девица плачет, да стена плаче,
Ай стена-та плаче городовая:
А она ведает незгодушку над Киевом
Ай она ведает незгодушку великую».
А из-под той ли страны да подвосточныя
А наезжал ли Батыга сын Сергеевич,
А он с сыном со Батыгой со Батыговичем,
А он с зятем Тараканчиком Корабликовым,
А он со черным дьячком да со выдумщичком.
Ай у Батыги-то силы сорок тысячей,
А у сына у Батыгина силы сорок тысячей,
А у зятя Тараканчика силы сорок тысячей,
А у чернаго дьячка, дьячка-выдумщичка,
А той ли той да силы счету нет,
А той ли той да силы да ведь смету нет:
Соколу будет лететь да на меженный долгий день,
А малою-то птички не о́блететь,
Становилась тая сила во чистом поли.
А по греху ли-то тогда да учинилосе,

Ай богатырей во Киеви не лучилосе:
Святополк-богатырь на Святыих на горах,
Ай молодой Добрыня во чистом поли,
А Алёшка Попович в богомольной стороны,
А Самсон да Илья у синя́ у моря.
А случилосе во Киеви голь кабацкая,
А по имени Василей сын Игнатьёвич.
А двенадцать годов по кабакам он гулял,
Пропил-промотал все житьё-бытьё свое,
Ай пропил Василей коня добраго,
А с той ли то уздицей тесмяною,
С тем седлом да со черкальскиим,
А триста он стрелочек в залог отдал.
А со похмелья у Василья головка болит,
С перепою у Василья ретиво сердцо́ щемит,
И нечим у Василья опохмелиться.
Ай берет-то Василей да свой тугой лук,
Этот тугой лук Васильюшко розрывчатой,
Налагает он ведь стрелочку калёную,
Ай выходит-то Василей вон из Киёва,
А стрелил-то Василей да по тем шатрам,
Ай по тем шатрам Василей по полотняным,
Ай убил-то Василей три головушки,
Три головушки, Василей, три хорошеньких:
А убил сына Батыгу Батыговича,
И убил зятя Тараканчика Корабликова,
А убил чернаго дьячка, дьячка-выдумщичка.
И это скоро-то Василей поворот держал
Ай во стольнёй во славной во Киев-град.
А это тут Батыга сын Серги́евич
А посылает-то Батыга да скоры́х послов,
Скорых послов Батыга виноватого искать.
Ай приходили-то солдаты каравульнии,
Находили-то Василья в кабаки́ на печи,
Проводили-то Василья ко Батыги на лицо.
Ай Василий-от Батыги извиняется,
Низко Василей поклоняется:
«Ай прости меня, Батыга, во такой большой вины!
А убил я три головки хорошеньких,
Хорошеньких головки что ни лучшеньких:
Убил сына Батыгу Батыговича,
Убил зятя Тараканчика Корабликова,
Убил чернаго дьячка, дьячка-выдумщичка.

А со похмелья у меня теперь головка болит,
А с перепою у меня да ретиво сердцо́ щемит.
А опохмель-ко меня да чарой винною,
А выкупи-ко мне да коня добраго,
С той ли-то уздицей тесмянною,
А с тем седлом да со черкальскиим,
А триста еще стрелочек калёныих.
Еще дай-ко мне-ка силы сорок тысячей,
Пособлю взять-пленить да теперь Киев-град.
А знаю я воротца незаперты,
А незаперты воротца, незаложеныи,
А во славной во стольнёй во Киев-град».
А на ты лясы́ Батыга приукинулся,
А выкупил ему да коня добраго,
А с той ли-то уздицей тесмяною,
А с тем седлом да со черкальскиим,
А триста-то стрелочек калёныих,
А наливает ему чару зелена вина,
А наливает-то другую пива пьянаго,
А наливает-то он третью меду сладкаго,
А слил-то эти чары в едино́ место —
Стала мерой эта чара полтора ведра,
Стала весом эта чара полтора пуда.
А принимал Василей едино́ю рукой,
Выпивает-то Василей на единый дух,
А крутешенько Василей поворачивалсе,
Веселешенько Василей погова́риваё:
«Я могу теперь, Батыга, да добрым конем владать,
Я могу теперь, Батыга, во чистом поле́ гулять,
Я могу теперь, Батыга, вострой сабелкой махать».
И дал ему силы сорок тысящей.
А выезжал Василей во чисто полё,
А за ты-эты за лесушки за те́мные,
А за ты-эты за горы за высокие,
И это начал он по силушке пое́зживати́,
И это начал ведь он силушки пору́бливати́,
И он прибил, прирубил да еди́ной головы́,
Скоро тут Василей поворот держал.
А приезжает тут Василей ко Батыги на лицо,
Ай со добра коня Васильюшка спущается,
А низко Василей поклоняется,
Сам же он Батыге извиняется:
«Ай прости-ко ты, Батыга, во такой большой вины!

Потерял я ведь силы сорок тысящей.
А со похмелья у меня теперь головка болит,
С перепою у меня да ретиво сердцо́ щемит,
Помутились у меня да очи ясныя,
А подрожало у меня да ретиво сердцо,
А опохмель-ко ты меня да чарой винною,
Ай дай-ко ты силы сорок тысящей,
Пособлю взять-пленить да я Киев-град».
А на ты лясы Батыга приукинулся,
Наливает ведь он чару зелена вина,
Наливает он другую пива пьянаго,
Наливает ведь он третью меду сладкаго,
Слил он эти чары в едино место —
Стала мерой эта чара полтора ведра,
Стала весом эта чара полтора пуда.
А принимал Василей едино́ю рукой,
А выпивал Василей на единый дух,
Ай крутешенько Василей поворачивалсе,
Веселешенько Василей поговаривае:
«Ай же ты, Батыга сын Серги́евич!
Я могу теперь, Батыга, да добрым конем владать,
Я могу теперь, Батыга, во чистом поле гулять,
Я могу теперь, Батыга, востро́й сабелкой махать».
А дал ему силы сорок тысящей.
А садился Василей на добра коня,
А выезжал Василей во чисто полё,
А за ты-эты за лесушки за темные,
А за ты-эты за горы за высокие.
И это начал он по силушке поезживати́,
И это начал ведь он силушки порубливати́,
И он прибил-прирубил до единой головы.
А розгорелось у Василья ретиво сердцо,
Ай размахалась у Василья ручка правая.
Ай приезжает-то Василей ко Батыги на лицо,
И это начал он по силушки пое́зживати́,
И это начал ведь он силушки пору́бливати́,
А он прибил-прирубил до единой головы.
Ай тот ли Батыга на уход пошел.
Ай бежит-то Батыга, запинается,
Запинается Батыга, заклинается:
«Не дай Боже, не дай Бог, да не дай дитям моим,
Не дай дитям моим да моим вну́чатам
А во Киеви бывать, да ведь Киева видать!»

Ай чистыи поля были ко О́пскову,
А широки раздольица ко Киеву,
А высокия-ты горы Сорочинскии,
А церковно-то строенье в каменно́й Москвы,
Колокольнёй-от звон да в Нове городе,
Ай тертыя колачики валдайския,
Ай щапливы-щеголивы в Ярослави городи,
Дешёвы поцелуи в Белозерской стороне,
А сладки напитки во Питери,
А мхи-ты болота ко синю́ морю,
А щельё-каменьё ко си́верику́,
А широки подолы — пудожаночки,
Ай дублёны сарафаны по Онеги по реки,
Толстобрюхие бабенки лёкшмозёрочки,
Ай пучеглазыя бабенки пошозёрочки.
А Дунай, Дунай, Дунай,
Да боле петь вперед не знай.

№ 497

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ И БАТЫГА

Динь-динь-динь, из-под того креста Леванидова
Выходило-выбегало два тура, три тура́.
Случилосе турам мимо Киев-град итти,
Оны видли над Киевым дивны́м-дивно,
Они видли над Киевом чудны́м-чудно.
Выходила девица, слезно плакала,
Она книгу читала Евангелью.
Соходились туры со родной матушкой:
«Здравствуй, турица родна матушка,
Ты здравствуй, турица златорогая!
А мы шли, туры, да мимо Киёв-град,
Ай мы видли над Киевым дивным-дивно,
А и видели над Киевым чудны́м-чудно́:
Выходила девица, слезно плакала,
На руках держит книгу святу Евангелью,
А и не только читает, вдвоем плачет.
«Ай вы, глупы туры-ты, малы детушки!
Не девица выходила, слезно плакала,
Ай не книгу читала, не Евангелью —
Тут плакала стена городовая,

Она сведала над Киевым незгодушку:
Наехал князь Батыга Батыгович,
Со своим со сыном со Батыгою,
Со зятем Тороканчиком Корабликовым,
Со тым дьячком со выдумщичком.
У Батыгушки силы сорок тысячей,
А у сынушка силы сорок тысячей,
А у зятюшка силы сорок тысячей,
У дьячка ль было силы сорок тысячей».
Просит Батыга от Киёва,
Просит Батыга супротивника,
Просит Батыга поединщика:
«Владимир-князь стольне-киевской!
Дай-ко мне-ка-ва супротивника,
Дай-ко мне поединщика,
Чтобы со мной, с Батыгой, поправиться».
Да несчастно во Киеви случилоси,
Что ни лучших бога́тырей не сгодилоси.
Святогор-богатырь — на Святых на горах,
А Илья да Самсон — у синяго у моря́,
Добрынюшка Микитич — во чисты́х во полях
А Алёша-богомол — в богомольнёй стороны.
Жил-от был голь кабацкая,
Пропил-промотал все житьё-бытьё свое,
А идет-то он ко Владимиру на двор,
Крёст кладет-то по-писа́ному,
А поклоны ведет по-ученому
На все три, на четыре на стороны,
Князю Владимиру в особину:
«Здравствуй, Владимир стольне-киевской!
Опохмель-ко Василья чарой пьяною.
У Васи с похмелья буйна голова болит,
У Василея ретиво сердцо щемит».
Приказал князь Владимир стольне-киевской
Наливать ему чару зеле́наго вина,
Другу наливать пива пьянаго,
Третью наливать меду сладкаго.
Становилось питья полпята́ пуда,
Становилось питья полтора ведра.
Принимал тут Василий едино́ю рукой,
Выпил Василий едины́м духом,
Сам ён, Василий, слово вымолвил:
«Я топерь могу на своем кони сидеть,

Я теперь могу своей саблéй владеть,
Которая сабля во сорок пуд».
Взимал, выбирал да кóня добраго,
Шелковую уздицу налагал на его,
На косматаго коня войлок накидывал,
Седёлышко черкаско накладывал,
А двенадцать подпруг он подтягивал,
Не для-ради красы-басы, угожества,
Для-ради укрепы богатырскии.
Булат не гнется, не ломится,
Шелковы подпруги не оборвутся.
Тугие лукú по бокам метал,
Калёну стрелу он в подзолотку клал,
Шолков он повод во белы́ руки брал,
Шпорами коня он потыкивал.
Конь его добрый поскакивал
За ту за стену городовую
И за ту за башню за угловую.
Поехал Василей на чисто́ на полё,
Видит Батыгу на чисто́м на поли́.
Натягивал Василей калёный лук,
Стрелку вынимал с подзолоточки,
Стрелил по головам что ни лу́чшенкиим:
Убил сына Батыгу Батыговича,
Убил зятя Тороканчика Корабликовича,
Убил че́рна дьячка ён выдумщика.
У Батыги ведь кони хорошии,
У Батыги ведь кони снарядныи.
Посылает Батыга скорых гонцов,
Скорых гонцов в славен Киёв-град.
Киев-град он немалой есть —
Соколу лететь на упрягу ему,
Маленькой птице натешиться,
Виноватаго во Киеве не взы́скати.
Едет Василей ко Батыги на лицо
На своем кони она на доброём
И на том седли на око́ваноём.
Реки, озера межу ноги пускал,
Сини моря ён около́ скакал,
На горы высоки выскакивает,
Хвост по земли росстилается,
Грива под копыта подвивается,
Огненный пламень вымахивает,

Тым луком калёным выстре́ливает,
Вострым копьем он помахивает.
От того копья как от востраго,
От той от палицы военныи
На Батыгу страх да уклоняется,
Стоит он, Батыга, удивляется:
Колько ни было как вые́зживано́,
На таком было страху́ не ста́ивано́.
Как едет от города от Киева,
От того от князя от Владимира,
Едет богатырь, удалый молоде́ц,
Сам он собою тут не хвастает,
Только страшно стоять-то на чисто́м на поли́.
Приехал Василей ко Батыге на лицо:
«Здравствуй, Батыга Батыгович,
Со своим со сыном со Батыгою,
Со зятем Тороканом Корабликовым!»
Ответ держит тот Батыга нынь:
«Нету сына Батыги Батыговича,
Нету зятя Торокана Корабликовича,
Нету черна дьячка как выдумщичка».
Ответ держал Василей ко Батыги нынь:
«Прости-ко меня во перво́й нынь вины,
Во перво́й вины прости во великии.
Я убил у тебя сына Батыгу нынь,
Убил зятя Торокана Корабликова,
Убил черна дьячка я, выдумщичка.
За свою за вину за великую
Я могу послужить как Батыги тебе.
Дай-ко мне силы сорок тысячей,
Я поеду ко городу ко Киёву
А ко ласкову князю ко Владимиру,
А мы Киев-град да мы огнем пожгем,
А Владимира мы во полон возьмем».
А на ты лясы́ Батыга приукинулся,
Дал ему силы сорок тысячей.
Выехал Василей на чисто на полё,
Поворот держал на ручику на правую,
Присек-прирубил до одной головы.
Скоро еде Василей ко Батыги на лицо:
«Прости-ко, Батыга, во другой вины,
Во другой вины ты меня великии!
Потерял я силы сорок тысячей.

Нынь я в городи повысмотрел,
Нынь я во Киеви повыглядел,
Где стоят воротца отло́женный,
Прямо нынь мы поедем и ко Киёву,
Только дай мне-ка силы сорок тысячей».
Он поехал со тою-то со силою,
Поворот держал на ручику на правую,
Палицей бьет он военною,
Копьем ен бьет да долгомерныим,
Не оставил Василей ни единой головы.
Приехал Василей ко Батыги на лицо,
Челом ему бил и поклоняется:
«Я еще ведь во городе все высмотрел,
Я нынь же, Батыга, постою за тебя».
Дал ему силы сорок тысячей,
Сорок сороков все черных соболёв,
Злата-сребра ему смету нет.
Повыехал Василей на чисто на полё,
Едет ко Киеву со радостью,
Всю он силу ведь саблей рубит.
Натягал Батыга ведь трубочку,
Трубочку натягивал подзорную,
Глядит он во славно во чисто полё,
Ко тому ль ко городу ко Киёву,
Ко тому ль ко князю Владимиру,
На тыи поля-то он на чистыи,
На ты луга на зеленыи,
На ты на травы на шелковыи —
Видит дело не хорошеё.
Сбирается Батыга на до́брых коней,
Поезжае Батыга во свою скоро землю́,
Во тую во землю во неверную.
Кле́нется Батыга, проклинается:
«Не дай мне нынь под Киевым бывать,
Не могу я теперь про Киев просказать,
Золоту казну я истратил всю».
Киев-град он не малый есть,
Во Киеви бога́тырев смету нет.
Что ни лучшие бога́тыри во Киеви,
Золота казна-то во Чернигови,
Цветно платье в Нове городи,
Хлебны запасы Смоле́нца городу.
Поехал Батыга, он от Киева,

День он, ночь удаляется
От того ли от города от Киева,
От того ли князя от Владимира.
Увидел Василей Игнатьёв сын,
Розгорелось его сердце богатырское,
Роскипелась его мысель молодецкая,
Сам он говорит таково слово:
«Не поеду ко городу ко Киеву,
Ко тому князю к Владимиру,
Поеду в сугон да в следы Батыгины,
Пусть он, Батыга, не хвастает,
Со мной с богатырем нынь повидается.
Я поеду ведь нынь да спрошу его:
„Что же те, Батыги, не слюбилоси,
Ты поехал ведь нынь-ка от Киёва,
Да поехал ты, не простился нынь
С тым ли с городом со Киёвым"».
Это тут Батыги не слюбилоси,
Обнажил он, Батыга, саблю вострую
На того ли на Василья на Игнатьевича,
На храбраго воина военнаго.
Взимал ён тут как Василей нунь
Ай наехал Василей с саблей вострою,
Отсек-то Василей буйну голову
А неверному Батыги по ко́реню.
А упал-то Батыга с ко́ня добраго
На тую на матушку сыру землю
А на ту ён на мураву-траву.
Отъезжает Василей от Батыги нынь,
Прирубил, прикосил последню силу тут.
Поехал Василей, ён ко Киёву
Ко тому ко князю Владимиру.
Кричал он, Василей, на поли́ на том,
На поли на том как на чистоём:
«Прикажи-тко, Владимир стольнё-киевской,
Отпереть мне ворота широкии,
Заехать на кони мне-ка на доброём
За тую стену городовую,
За тую за башню угло́вую!»
Отворили ворота широко ему,
Заезжае Василей на ко́ни доброём,
Сходит, слезает с ко́ня добраго,
Сам привязыват коня как тут

Ко тому столбу ён точеному,
Насыпат пшены белояровыи,
Заходит ён в полату белока́менную́,
Крёст кладывает по-писа́ному,
Поклоны ведет-то по-учёному.
Говорит Владимир таково слово:
«Ах же, слуги мои верныи,
Слуги вы мои княженецкии!
Допросите Василья вы как нынечу,
Каково ён ездил во чисто́м поли».
Как спросили слуги его верныи,
Тыи слуги княженецкии:
«Каково ты ездил во чистом поли?»
Зговорит Василей таково слово:
«Вся сила ведь воспорублена,
Славны богатыри привыбиты».
Как завел тут князь как Владимир нынь
Для того воина, для главнаго,
Завел ён бал как на двенадцать дён.
А на том на пиру княженецкоём
А сидят там вси князи-бояра,
А вси говорят таково слово:
«Ах же, Василей Игнатьёв сын!
Ведь все ли богатыри розъехались,
А хоть ты нынь съездил на чисто полё,
Постоял ты Василей за Киев-град,
За того князя за Владимира».
И на том ли пиру вси росходятся,
И пир тот весь да нынь кончается.

№ 498

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ И БАТЫГА

Выходило, выбегало цетыре тура́,
А навстрецу тури́ця, родна маменька:
«Уж вы здрастуйте, туры́, да родны детушки мои!» —
«Уж ты здраствуй, тури́ца, да родна маменька!» —
«Уж вы где были́, где вы что же слышали?» —
«А бежали мы, туры́, мимо Киев, славной град,
А ще видели под Киевом цюдны́м-цюдно́,
А еще видели дивны́м-дивно́.

А сидела на стене душа крáсна дéвиця,
А цитала она книги евангельские,
А не сколько читала, сколько плакала,
Еще ведала она над Киевом невзгодушку,
А невзгодушку немаленькую».
А наехал тут Батыга Богатыевиць
Со своим со сыном Богатыгищем,
А со тым со зятем Корабликовым,
А со тым со зятем Тороканщиковым,
А со тым ли со зятем Скородумщицьком.
У Батыги было силы сорок тысецей,
А у сына было силы сорок тысецей,
А у думшицька сорок тысяцей,
А у Тороканщика силы сорок тысяцей.
Еще не с кем тут Батыгушки споправитьсе,
Еще не с кем тут Батыгушки спотя́гатьсе.
Приходил же тут Василий, голь кабацькая,
А стал ён на стену городóвую,
Потянул ён калину́ стрелу,
А спустил ён по Батыгиным шатрам,
А убил тут две головушки,
Две головушки убил что ль не лучшиих,
Что не лучшиих головки, да самолучшиих:
Убил сына у Батыги Богатыевиця,
Убил зятя Тороканщикова.
А еще видит Батыга — беда пришла,
А беда пришла неминуцяя.
Затыкал [жопу] онуцею,
А отправилсе Батыга в свою сторону:
«А не дай Бог моим дитя́м,
Не моим дитя́м, да не плéмникам,
А не плéмникам, да не крéстнятам —
Да здесь бога́тыри да все омманщики!»

№ 499

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ И БАТЫГА

А с-под того ли креста да Леванидова,
А выходило-выбегало цетыре тура́.
А им навстрецю тури́ця, матушка ро́дная:
«А уж вы здравствуйте, туры́ да ро́дны детушки мои,

А где вы, ту́ры, были, что вы видели?» —
«А бежали мы, туры́, мимо славного Ки́ёв-град,
А еще видели во Ки́ёви цюдны́м-цюдно́,
А еще видели́ во городи дивны́м-дивно́:
Как сидела на стены́ на городо́выи,
А ведь сидела душа красная девушка,
Ведь цитала книги́ всё ива́ньдельски,
А не только цитала, больше плакала». —
«Ай вы, глупые туры́ да ро́дны детушки мои!
А ведь не душецька сидела, не красная девушка,
А ведь сама цитала стена городо́вая:
Ёна́ видала над Ки́ёвом незгодушку».
Как собирался Баты́га Баты́говиць
А с сорока ли ён со́рок тысяцей;
А хоцет славной город Ки́ёв-град
Ён и жгать-палить, головнёй катить,
А ведь князей, бо́яр во поло́н забрать,
А вси бога́тыри во Ки́ёви по разъездам-то,
А ведь один Василей горька пьяница.
«А ведь здравствуй-ко, Баты́га Баты́говиць!
А налей-ко цяру зелена́ вина,
Ты другую налей, Баты́га, пива пьяного,
А ведь и третью налей меду ты стоялого!»
А наливал же Баты́га Баты́говиць,
А ведь выпивал ли да Васильюшко.
А ведь вышел Василей на башеньку,
А натянул тятивку шо́лкову потугешенько,
А ведь приклал ли Василей стрелоцьку примешенько,
А спустил ли он стрелоцьку он Баты́ге по шатрам.
А говорил ли Баты́га Баты́говиць:
«А эты русьськи бога́тыри омманыцицьки:
А я поил-кормил его,
А обломал на моих он на корабликах
А ведь ты ли мацьты оснащёныи,
А ведь и ты ли мацьты всё золоцёныи!»
А ведь Баты́га назад убираетсе.

№ 500

БОТЫСА БАТЫГОВИЧ

А наезжает Ботыса сын Батыгович —
У Ботыси ведь силы сорок тысячей,
Как на тот на Киев-град,
А на наше село да на прекрасное.
Наезжает Ботыса сын Батыгович,
У Ботыси силы сорок тысячей,
А у зятя Таракана Корабликова —
У того видь силы сорок тысячей,
А у сына силы сорок тысячей.
А поехали оны на стольный Киев, Киев-град,
А видь хочут огнем пожгать,
А князя Владимира во полон ведь взять,
Посылает слугу да ведь сын Батыгович:
«А поди, слуга, да ведь как ведь,
А поди, слуга, да ведь на добро́м кони́,
А станови коня середи двора
Ты ко столбицкам тоцёным,
А к кольцю золоцёному.
А сам коня-то не расседлывай,
Не расседлывай, не разнуздывай,
А ведь сам бежи по ступеням-то,
Заходи-ко во гридню столовую,
Размахни-ко дверь на пяток,
А бела́ лица да ведь не́ крести,
А говори-тка не с упадкою:
„Чтобы были у тя улицы распаханы,
Терема были ниспорожены
А по тому по городу по Киеву,
А видь пить-то напитоцки медовыи,
А зелено вино, пиво пьяноё,
Пиво пьяное да меды саха́рные"».
А во городи да тут во Киеве
Не случилоси да что не лучшиих,
А что не лучшиих было бога́тырей:
А Илья Иванович был у синя́ моря́,
А Добрынюшка во чисты́м поли́,
А Святогор-то был да во Святых горах,
А только случилосе да лучилосе,
А Василий был да горький пьяница.

А лежал-то ён да во ка́баке,
А с похмелья у него голова болит,
А ни́чим Васильюшке опохме́литсе,
А ведь ниши́м ему опохме́литсе.
А приходит князь стольно-киевской:
«А, Василей ты да горький пьяница,
Ты постой-ко да за Киев-град,
А за наше село да ведь прекрасное!» —
«А постою-то я видь за Киев-град.
А купи-тко дАй мне три цяроцьки,
А три чароцьки зелена́ вина,
Зелена́ вина, пива пьяного,
Пива пьяного, меду сладкого,
А не могу да с похмелья-то,
А с похмелья-то я да теперь стоять».
А тут наливает чару зелена́ вина
А Владимер-князь да стольно-киевской.
А ведь чара была не малая —
А ведь мерой видь была полтора ведра,
А ведь весом была да полтора пуда́.
Принимал-то Василей одной рукой,
Выпивал-то Василей на единый вздох:
«А теперь-то я да ведь повыстою
А за ваш-то за сто́льнё за Киев-град,
А за тых за вдов да за детушек за малыих».
А видь 'зял он да ту́гой лук,
Выставал-то на стену городо́вую,
Натянул-то ту́гой лук,
Убил тут Ботыса ведь сына-ту,
А ведь сына, сына Батысовича,
Убил черного дьячка зятя-душечка,
Убил зятя Таракана Корабликова —
Три головки убил лучшии.
А видь издит он на чисто́ поле́
К самому Ботысе Батыговичу:
«Ай же ты, Ботыса Батыгович,
Уж как дай мне видь войска сорок тысячей,
А я видь Киев-град да в полон возьму,
Я князя-то, я да к тибе привезу».
А на ты на лясы приозарилсе
А Ботыса видь сын Батыгович,
А дал видь силы сорок тысячей.
Отвозил-то он, отводил-то он

А ведь силушку да подалехонько,
А присек-прибил сорок тысячей,
Ни оставил он да ни ядиного.
«А в этой вины да ты меня прости,
А во той вины Ботыса-то!
А как дай мни силы сорок тысячей.
Наступил я на город, на Киев-град,
А полгорода-то я разорил,
А остатки силы растерял-то я,
А как силушку всю поро́збили,
А видь князь-то мне противной был».
А на тыи на лясы-то принакинулсе,
А видь дал Ботыса силушки,
А видь дал-то сорок тысячей.
Отводил видь да дале́шеньку,
А прибил-присек сам-то ведь
А всю силушку да до ядиного.
А опять Ботысе на лицо-то ведь:
«А как дай-то мни силы сорок тысячей,
А как боле полгорода при́бил-то,
А остатнюю силушку выбили
А ведь люди вси да святорусьские».
А на ты Ботыса на лясы принакинулсе,
А как дал Ботыса силы как сорок тысячей,
Выводил их на чисто́ поле́,
А прибыл-пришел, накидывал да ведь силушку,
А Ботыса сам пошел —
А скоро он да справляетсе,
На кораблике да снаряжаетсе,
А уехал он да в свои места.
Уж как кле́нетсе да проклинаетсе:
«Буде проклят Васильюшко,
А Васильюшка да ведь пьяница,
А Русиюшку он от татаров спас!
А счастлив туда, кто не е̲жива̲л,
А меня Господь занес на святую Русь,
А оставил там свою да буйну голову!
А во том во городе во Киеве
А такие есть да мошеннички,
А подводят людей да невинных!»
(*Это он про себя. Такой невиннай*!)

№ 501

ВАСИЛИЙ И ТАБАТЫГА

Выходила турица со турятамы,
Воспрого́ворят турята неразумныи:
«Ведаем, над Киевом чудным чудным-чудно,
Ведаем над Киевом незгодушку большу,
Ходит душа красная девушка,
Цитает она книгу Ледавидавую,
И не сколько цитает,
Вдвоем, втроем плацет». —
«Уж вы, глупыи турята неразумныи,
Тут не красная девиця плакала,
Уж тут плакала мать городо́вая ⟨*нрзб*⟩,
Она ведает над городом чудным чудным-чудно,
Она ведает над Киевом незгодушку большую:
Пойде Табатыга Табатыгин сын
Со зятем Тараканциком Корабликовым
И со тыим зятьком со издумщицьком».
Наехал Табатыга Табатыгин сын
Со тым зятьком со издумщицьком.
Отыскали тут Василья в кабаки на пе́ру.
«Ты давай-ка нам вина ⟨полтора⟩ ведра!»
Сливали вино в едино судно.
Здымал Табатыга единой своей рукой,
Выпивал Табатыга на ⟨один⟩-то здох.
«Уж я нонеце могу своим добры́м конем владать,
Уж я нонеце могу своей востро́й саблей махать».
Нацал по полюшку погуливати,
Нацал головушок порубливати —
Срубил-пригубил до единой головы,
Назад ко Василью воро́цялсэ:
«Давай-ко же вина ⟨полтора⟩ ведра!»
Сливал ён вино в едино судно,
Выпивал Табатыга на единой здох.
«Нунеця могу своим добры́м конем владать,
Нонеця могу своей востроей саблей махать».
Тут Василий Буслаевиць
Ево самово решил.

№ 502

ПРО ТУРОВ-ЗЛАТОРОГОВ

С-под того ли, с-под креста да Леванидова
Выходило, выбегало да четыре тура,
Как четыре тура золотыих рога.
Как навстречу выходила турица-матушка,
Матушка родна:
«Здравствуйте, туры, родны детушки мои!
Где вы, туры, были,
Что вы видели?» —
«Как бежим мы, туры,
Мимо славный Киев-град,
Видели во Киеве мы чудным-чудно,
Видели во Киеве мы дивным-дивно:
Как на той ли стены, на городовою
А сидела душа красная девушка,
Читала она книги все евангельски,
А не только читала, больше плакала».
Говорила турица, родна матушка:
«Уж вы, глупые туры,
Родны детушки мои,
Как не душечка сидела там, не девушка,
А читала сама да стена городовая,
Она ведае над Киевом незгодушку:
Как наехал Ботыга Ботыгович
Со своим он сыном, со Ботыговичем,
Со своим-то со зятем, с Тороканчиковым
И со тым дьячком, со выдумщичком.
У Бытыги-то силы ⟨сорок⟩ тысячей,
У сына силы ⟨сорок⟩ тысячей,
И у зятя силы ⟨сорок⟩ тысячей,
У дьячка, у выдумщичка
Силы ⟨сорок⟩ тысячей.
И приехал ко городу ко Киеву».
Ведь не с кем Ботыге потягатися —
Все-то в городе, все-то в Киеве,
А все богатыри по ро́зъездам-то:
А Самсон да Илья
Живут у синего моря,
А Святогор-то богатырь — на Святых горах.
Как один е Васильюшка, горька пьяница,

А ён ходит по городу по Киеву,
А ён пьет напиточки спиртовые.
Выходил Васильюшко да на корабличек:
«Здравствуй-ко, Ботыге да Ботыгович,
Со приездом поздравляю за синя моря.
Ты налей-ко мне, Ботыга,
Чару зелена вина,
Как другу налей пива пьяного,
А ⟨третью⟩ налей меду стоялого».
Наливала Ботыга с приездом
Чару Василию зелена вина,
А другу налил с приездом пива пьяного
А ⟨третью⟩ наливал меду стоялого.
А выпивал Васильюшко да на единый здох,
А выходил-то Васильюшка на башёнку,
Натянул тятиву ту шелковую потугешенько,
Ен направил стрелочку калёную прямешенько.
А спустил он стрелочку калёную
Батыге по шатрам,
Убил у Ботыги Ботыговича
⟨Две⟩ головушки, что не лучшиих
Да самолучшиих:
Убил сына Ботыги — Ботыговича,
Убил зятя у Ботыги — Тороканчикова.
Говорит Ботыга Ботыгович:
«Еки русские бога́тыри все обманщики.
Поднимайте паруса полотняные,
Перебегайте возвратно за сине море,
Становитесь к своей родной да ко пристани,
Да с подарками де заморскими».
Дарил подарками из Киева:
Супруге своей дарил сына Ботыгу Ботыговича,
Дочери своей — зятя Тороканчикова.
И пошли тыи да невеселеньки.
Тым былина и покончилась.

№ 503

ПРО ТУРОВ-ЗЛАТОРОГОВ

С-под того ли креста Лёванидова,
Выходило, выбегало цётыре тура́,
Как цётыре тура́, золоты у них рога,

А настрету выходила турица, матушка родна:
«Здравствуйте, туры, родны детушки,
Где вы туры были, што вы видели?» —
«Как бежали мы, туры, мимо славной Киев-град,
Ище видели мы во Киеве как чудным-чудно,
Ай дивным-дивно,
Как на той ли на стены а на городовую
А сидела душа красна девушка,
Как цитала она книги все евангельски,
А не столько цитала, а больше плакала».
Говорила турицам родна матушка:
«Уж вы, глупы туры, родны детушки мои,
А не душецька там, не девушка,
А сама цитала стена городо́вая,
Ёна ведает над Киевом да незгодушку:
Как наехал Батыга Батыговиць,
Со своим ён со сыном со Батыговицём.
У Батыги-то силы а ⟨сорок⟩ тысяцей,
Как у сына-то а силы ⟨сорок⟩ тысяцей,
Да у зятя-то а силы сорок тысяцей,
У дьяцка-то у выдумщичка а ведь силы-то ⟨сорок⟩ тысяцей».
А не с ким-то Батыгушки потягаться,
А не с ким Батыгушки-то потяпатьсе,
Все-то сильныи, а все могуции,
Вси бога́тыри е да по розъездам:
Святогор-то-богатырь живе́ на Святых-то на горах.
А Самсон да Илья живут у синего мори́.
Как один-то да Васильюшко,
А один Василей, горька пьяница,
Ходит-то по городу по Киеву,
Как сберает-то Василей напитоцьки спиртовыи.
Приходил Василей на кораблики:
«Здраствуй, Батыга Батыговиць,
Проздравляю тя, Батыга, с приездом с-за синя́ моря́.
Как налей-ко мне, Батыга, а цяру зелена вина,
Ты другу налей-ка пива пьяного,
А тыретью налей меду стоялого».
Наливал-то Батыга с приездом цяру Василью зелена вина,
Как другу наливал пива пьяного,
А ведь ⟨третью⟩ налил а меду стоялого.
Выходил Васильюшко на башенку,
Натягал Василей тятивку ту шолковую,
Во тугом луку потугешенько,

Направлял Василей стрелоцьку калёную прямешенько.
Как спускал Василей стрелоцьку калёную
А прямо ён а Батыги по шатрам.
Как убил-то Василей у Батыгушки
Две головушки а што не лучшиих,
Как не лучшиих, да ⟨две⟩ головки самолучшиих:
Убил сына у Батыги да Батыговиця,
Как убил ён зятя Тараканцикова.
Говорил тут Батыга Батыгович:
«Эки руськие бога́тыри все е обманщики,
Поднимайте паруса полотняныи,
Перебегайте возратно через сине́ море́,
Становитесь-ко к своей пристани,
К своей пристани государскоей».
О, как делали дело повеле́ное,
Поднимали паруса полотняныи,
Перебегали-то через сине́ морё,
Становилисе ко пристани да государскою.
Как стреця́ют а с приездом
И дорогих гостей ⟨*нрзб*⟩,
Да есть из Киева́ ведь е подароцки-то ведь заморскиим,
Как дарил-то подароцки Батыга своёй жены,
А дарил ён сына Батыговиця,
Как доцери дарил зятя Тараканцикова.
И пошли дАй скруцинились,
А скруцинились и спецялилися.
А и тым былиноцька покончилась.

№ 504

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ И БАТЫГА
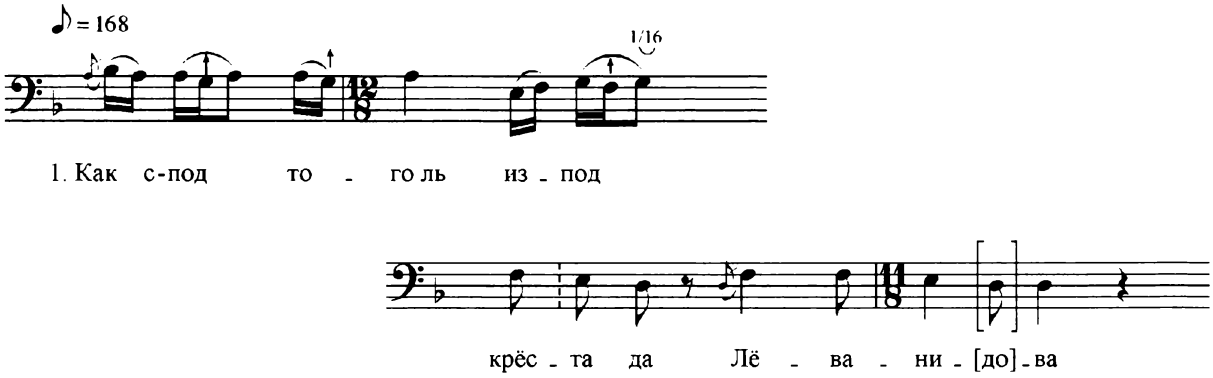
С-под того ли креста Леванидова
Выходило, выбегало да цетыре тура,
Как цетыре тура, золоты у них рога,
А навстрету выходила турица, матушка родна:
«Здравствуйте, туры, родны детушки мои,
Где вы, туры, были, что вы видели?» —
«Как бежали мы, туры, мимо славный Киев-град,
Ведь и видели во Киеве чудны́м-чудно,
Видели во Киеве дивны́м-дивно,
Как на той ли на стене городовую
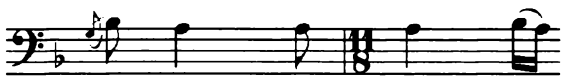
А сидела душа красная девушка,
Как цитала ена книги евандельски,
А не только цитала, больше плакала».
Говорил турица родна матушка:
«Уж вы, глупые туры, родны детушки мои,
А не душецька там сидела, не девушка,
А сама цитала стена городовая:
Ена ведает над Киевом невзгодушку».
Как наехал Батыга да Батыгович
Со своим ён со сыном со Батыговицем,
Со тыим зятем со Тараканчиковым,
Как со тым ли дьячком со выдумщичком.
У Батыги-то силы ⟨сорок⟩ тысяцей,
Как у сына-то силы ⟨сорок⟩ тысяцей,
Ну у зятя-то силы ⟨сорок⟩ тысяцей,
У дьяцка-то ведь у выдумщика силы ⟨сорок⟩ тысяцей,
[Хотят они князя Владимира во полон забрать,]
А не с ким Батыгошки потягатисе,
Все-то сильныи богатыря,
Все из города да из Киева,
Все богатыри и да поразъездались:
Святогор-то богатырь на Святых горах,
Самсон-то живут у синего моря,
[Как один-то да Васильюшко а горька пьяница
Ходит-то он по городу да по Киеву,
Как сберает-то Василей напитоцьки спиртовыи.]
Приходил-то Васильюшка на кораблицек:
«Здравствуй-ко ты, Батыга Батыгович,
Как проздравляю, Батыга, с приездом с-за синя моря,
[Как налей-ко мне, Батыга, цяру зелена вина,]
А другой-то налей пива пьяного,
А третью налей меду стоялого».
Тут-то с приезду Батыга да Батыгович
Наливал-то цару зелена вина,
А другую-то пива пьяного,
А третью налил меду стоялого,
Выпивал ведь да Васильюшка,
Выходил-то ведь Васильюшка на башенку,
Спускал-то он стрелочку ен калёную
А Батыге прямо по шатрам,
И убил-то он у Батыги Батыговича
Две головки убил, что не лучшиих,
Как не лучшиих две головки,

Что наилучших, да самолучших,
[Убил сына у Батыги да Батыговиця,]
Убил-то ведь зятя Тараканцикова.
Говорил-то ведь Батыга Батыгович:
«Эки русские богатыри все обманщики!
[Поднимайте-ко паруса полотняныи,]
Возвращайтесь через сине море,
Через сине море в свою родину,
[Становитесь-ко к своей пристани,
К своей пристани государскоей».
Поднимали паруса полотняныи,]
Перебегали-то через сине море, ко своей пристани,
Становилисе ко своей пристани.
[Как поехали гости со подарками,]
Как встрецали с синия моря.
[Обещались привезть по шубке соболиной,
По одеялышку шелка цистого.
Да есть из Киева подароцьки-то ведь заморскии:
Как дарил-то подароцьки Батыга своей жены,
А дарил он сына Батыговиця,
Как доцери подароцек — зятя Тараканцикова.
И пошли да оне невеселые,
А окруцинились и спецялися.
А и тым былиноцька поконцилась.]
(*Про Батыгу это я слыхал в церкви, поп цитал годов пятьдесят назад, а сейцяс для детей пою эту былину.*)
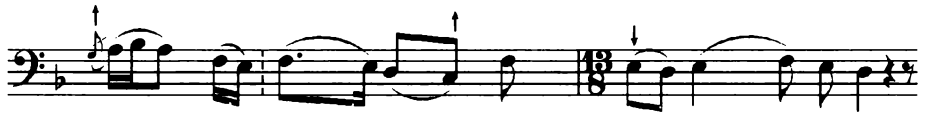
№ 505

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВ И БАТЫГА
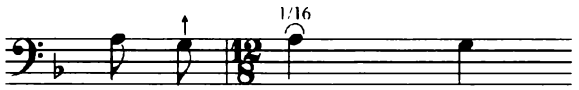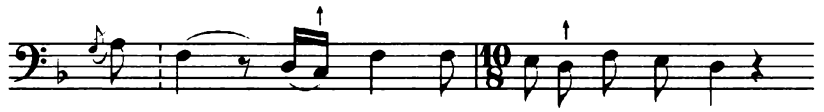

2. А вы - хо - ди - ло,

вы - бе - га - ло чё - ты - ре ту-ра,
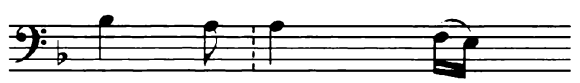

3. А чё - ты - ре

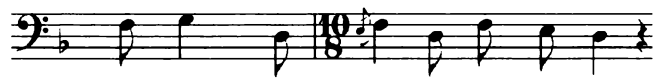
ту - ра — да зо - ло - ты у них ро - га.
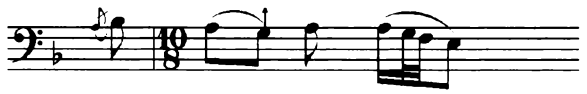

4. А на - встре - ту
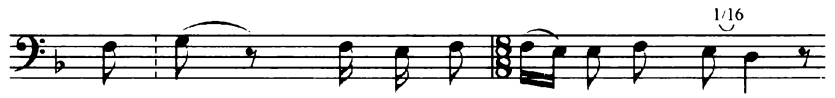

вы - хо - ди - ла
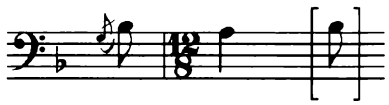

ту - ри - ця, ма-туш-ка род - на:
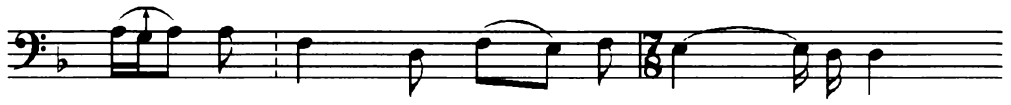

5. "А здра[в] - ствуй - те,
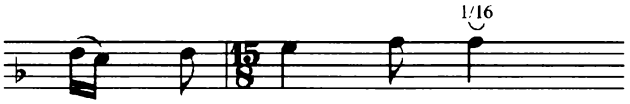

ту - ры, ро - д(ы) - ны де - туш-ки мо - и!
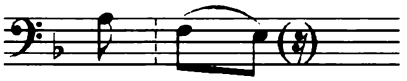

6. А где [вы],
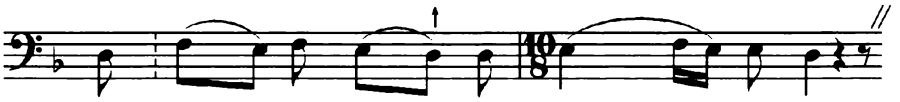

ту - ры, бы - ли, што вы ви - де-ли?"

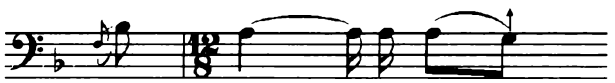
7. А бе - жа - ли мы,
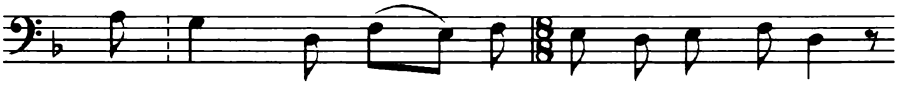

ту - ры,
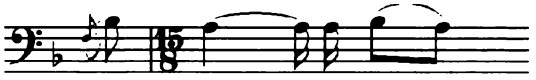

да ми - мо слав - на Ки - ёв – град,
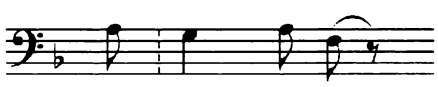

8. А ви - де-ли
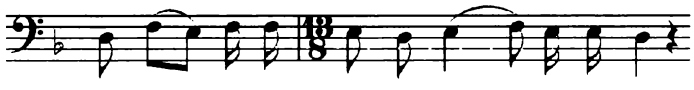

во Ки - ё - ви чуд - ны-м(ы) мы чуд-но,
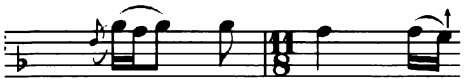

9. А ви - де-ли
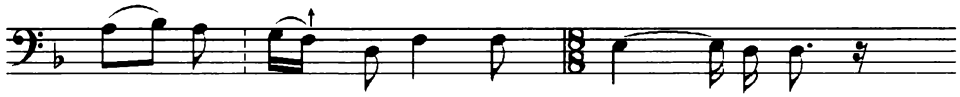

во Ки - ё - ви
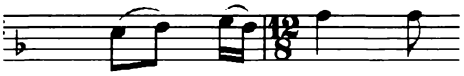

да мы ди-в(ы) - ны-м(ы)-то ди-в(ы)-но:

10. Как на той ли

на сте - ны на го - ро - до - ву - ю
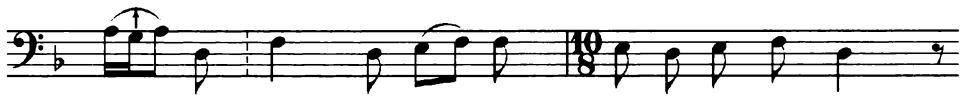

11. А си - де - ла
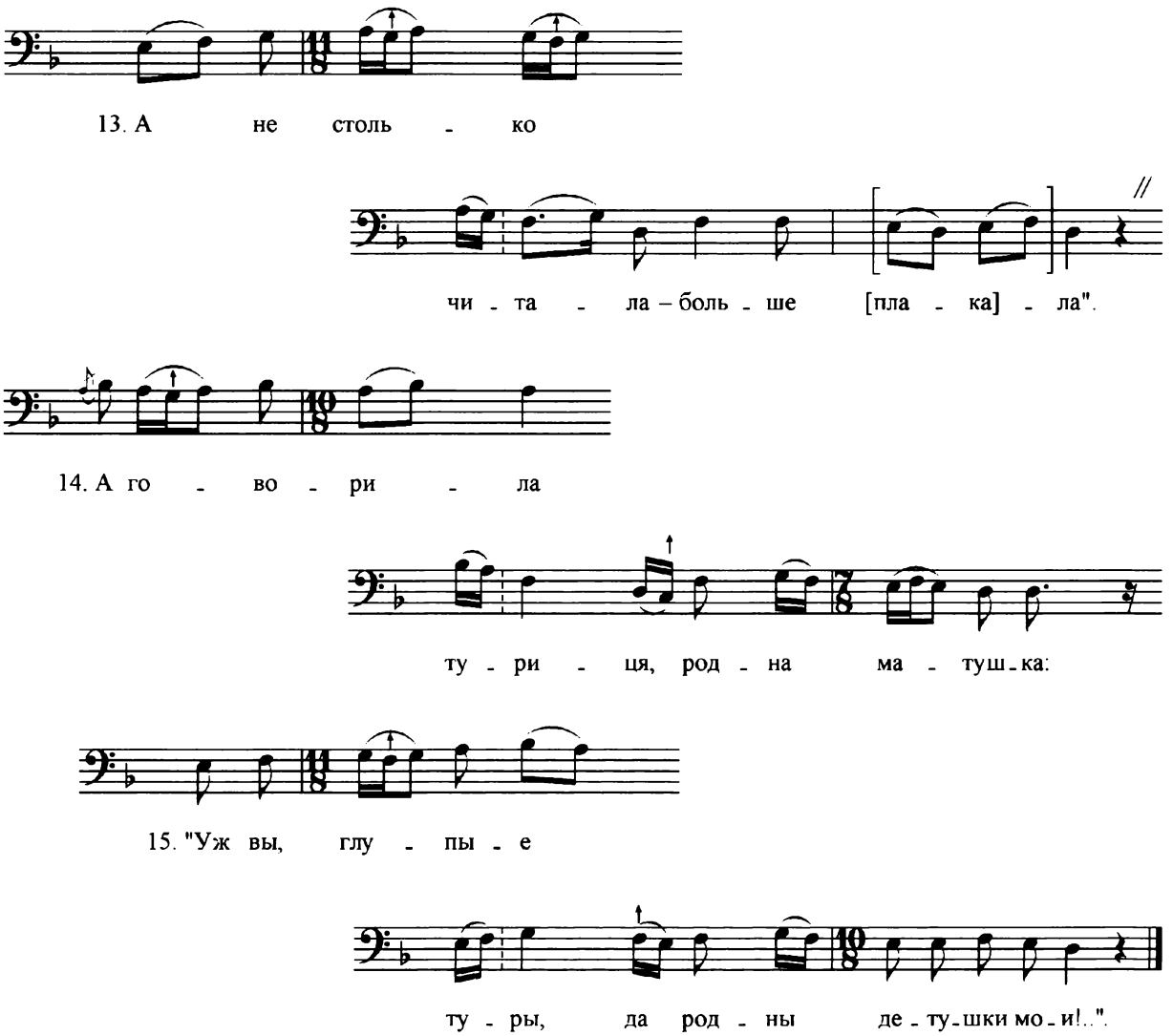

ду - ша кра - с(ы)-на - я де - вуш - ка,

12. А как чи - та - ла-й

о - на кни - ги всё И - ва-н(и)-де-л(и)-ськи,
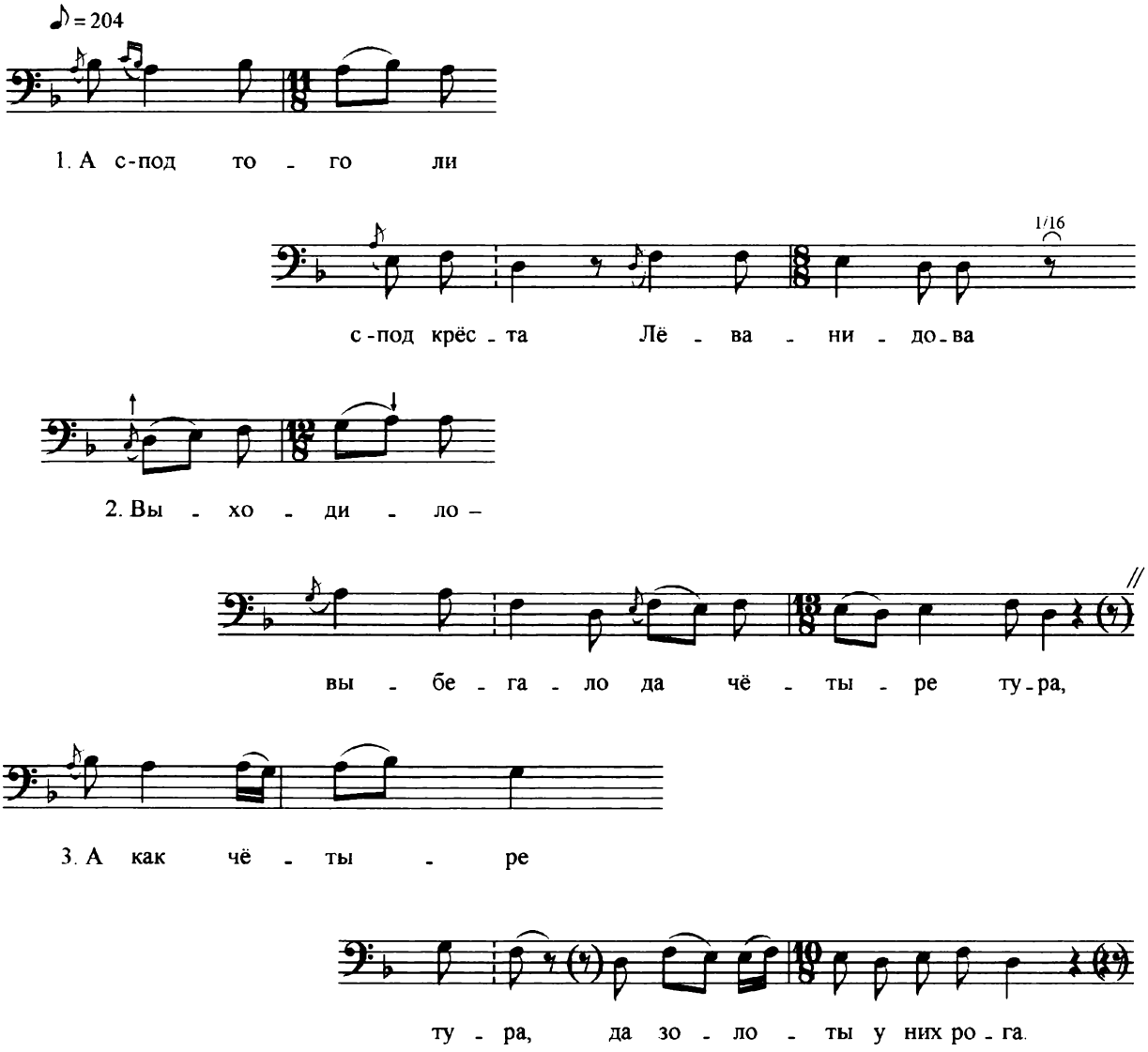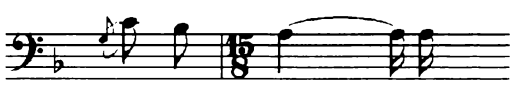

Как с-под того ль из-под крёста́ Лёвани́[до]ва
А выходило, выбегало чётыре тура́,
А чётыре тура́ — да золоты у них рога.
А навстрету выходила тури́ця, матушка родна́:
«А здра[в]ствуйте, туры́, ро́д(ы)ны детушки мои!
А где [вы], ту́ры, были, што вы видели?»
А бежали мы, туры́, да мимо славна Киёв-град,
А видели во Киёви чудны́м(ы) мы чудно́,
А видели во Киёви да мы див(ы)ны́м(ы)-то див(ы)но́:
Как на той ли на стены́ на городо́вую
А сидела ду́ша кра́с(ы)ная девушка,
А как читала-й она книги всё Ива́н(и)дел(и)ськи,

А не столько читала — больше [плака]ла».
А говорила турúця, родна матушка:
[15] «Уж вы, глупые туры́, да родны детушки мои!..».
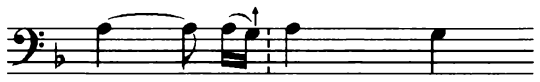
№ 506

ПРО ТУРОВ-ЗОЛОТОРОГОВ
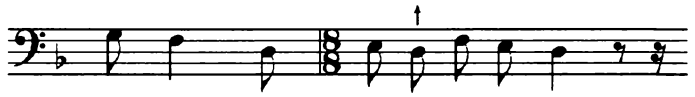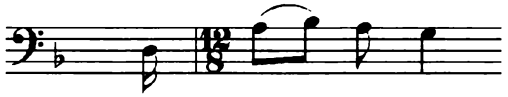

4. А на - встре - ту
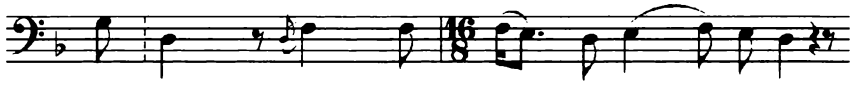

вы - хо - ди - ла
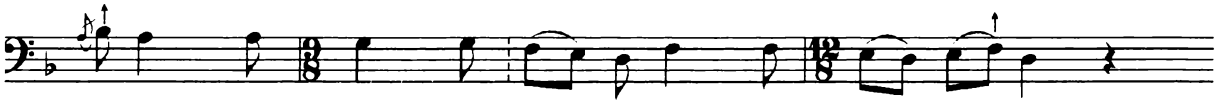

ту - ри - ця – ма-туш-ка род-на:
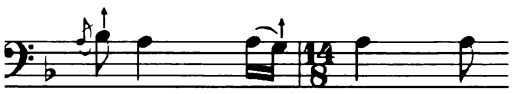

5. "Зд(ы) - рав - ствуй-те,
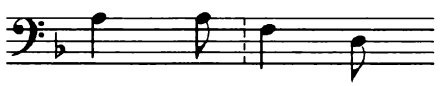

ту - ры, род - ны де - туш-ки мо-и!
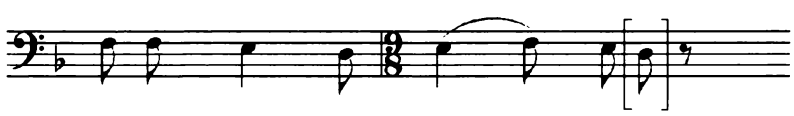

6. А где вы, ту - ры, бы - ли, што вы ви - де - ли?"
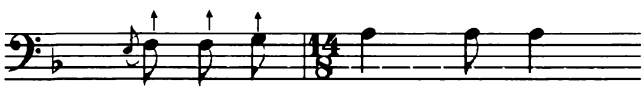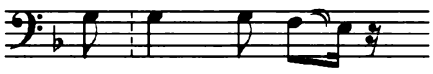

7. "А как бе - жа - ли
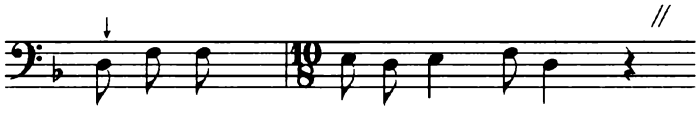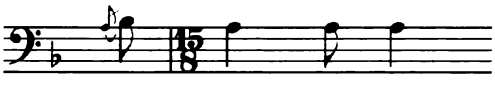

мы, ту - ры, да
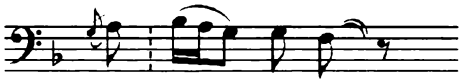

ми-мо слав - на Ки - ё-[ва],
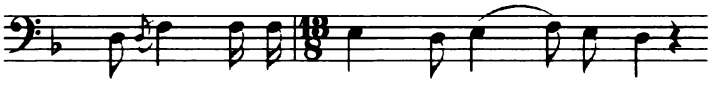

8. А и-ще ви - де-ли
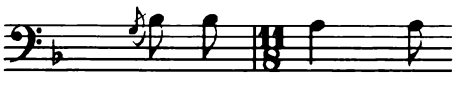

во Ки - ё-ви
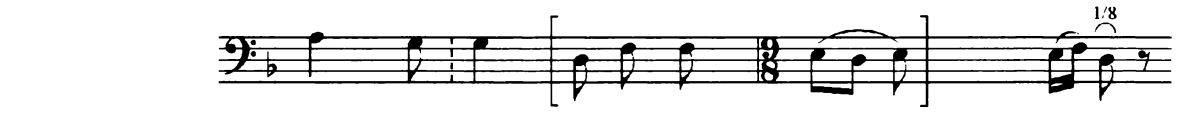

да мы чуд - ны-м(ы)-то чуд-но,
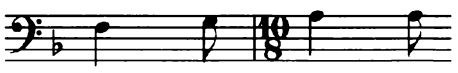

9. А ви - де-ли
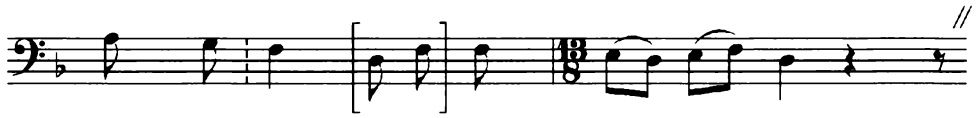

во Ки - ё-ви
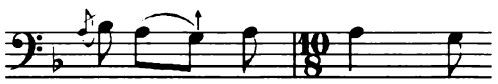

да ведь ди-в(ы)-ным - то мы див-но:
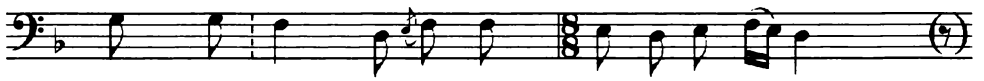

10. Как на той ли

1/8
на сте - ны [на го - ро - до] - во - ю
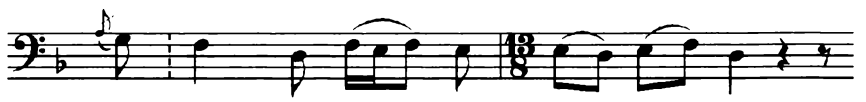

11. А си - де - ла
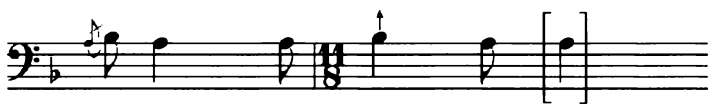

ду - ша крас - [на - я] да де - вуш - ка,
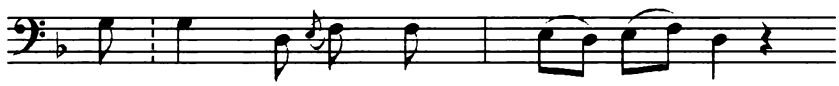

12. А как чи - та - ла-й

о - на кни - ги всё Е - ва - н(ы)-ге - л(и)-ски,
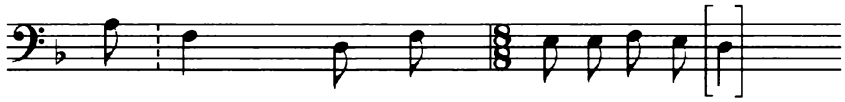

13. А не толь - ко
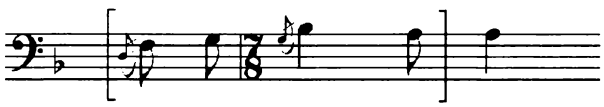

чи - та - ла, боль - шё пла - ка - ла!"
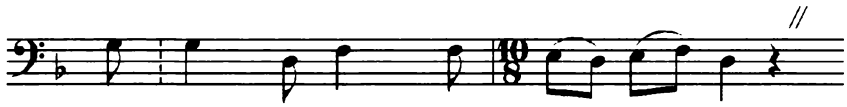

14. И го - во - ри - ла [им]
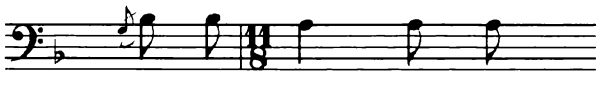

ту - ри - ця, род - на ма - туш - ка:
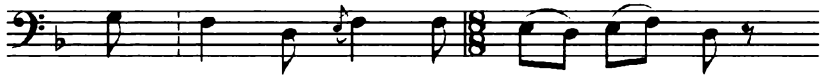

15. "Уж вы глу - пы - и
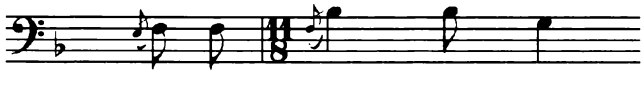

ту - ры, род - ны де-ту-шки мо-[и!]
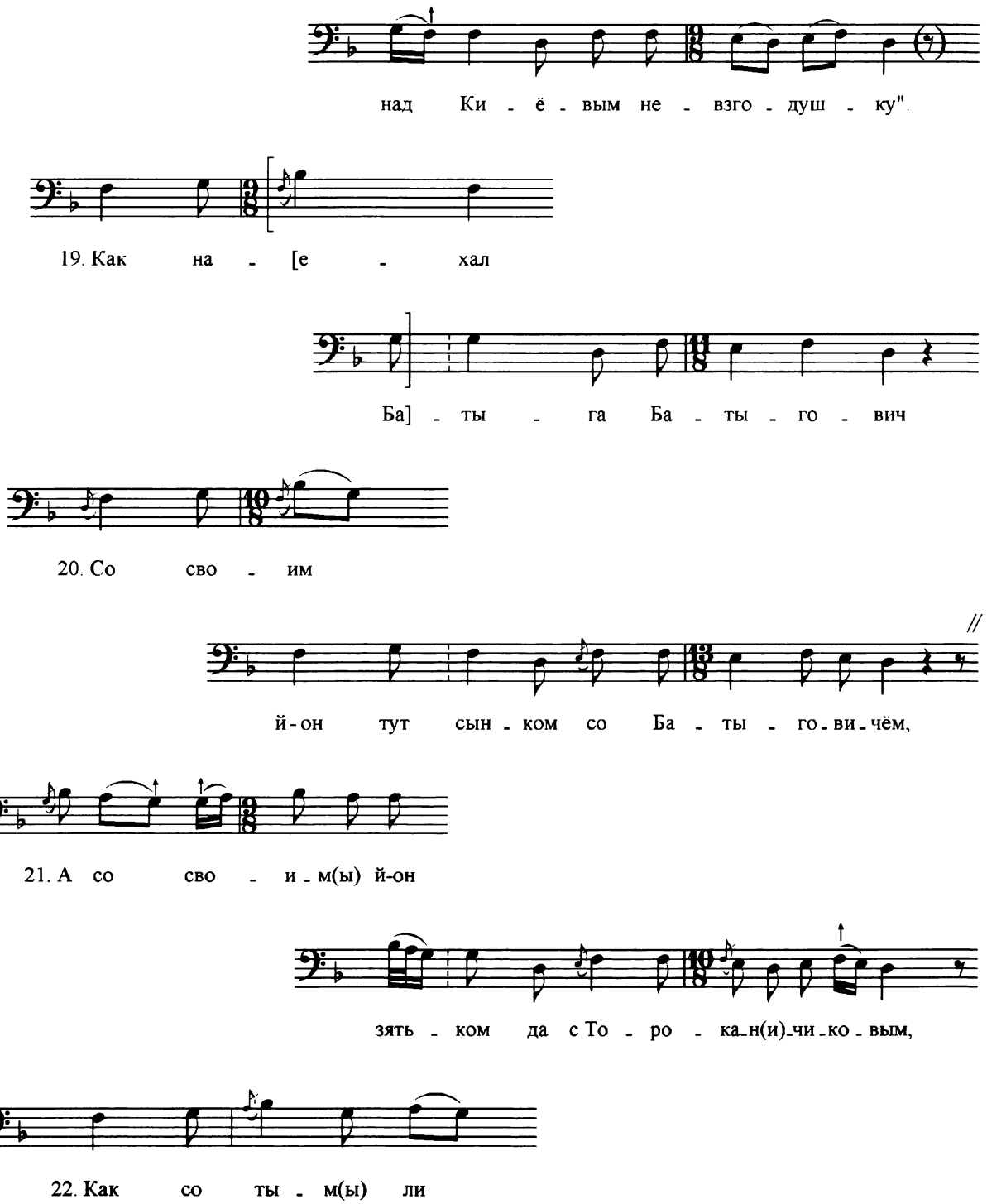

16. [Ведь не ду - шець] - ка
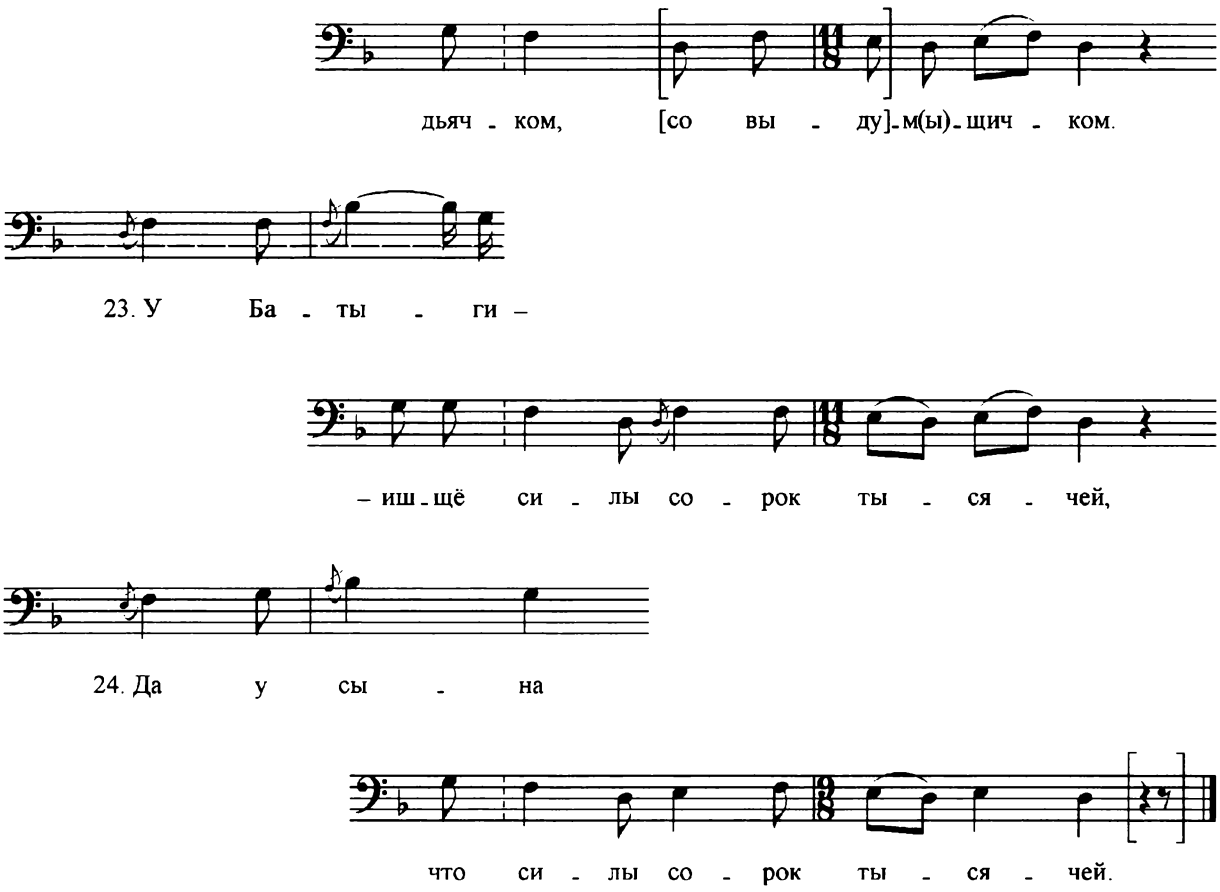

си - де - ла там, не де - ву - шка,

17. А са - ма бы - ла

сте - на да го - ро - до - ва - я!

18. О - на ве - да - е

над Ки - ё - вым не - взго - душ - ку".
19. Как на - [е - хал
Ба] - ты - га Ба - ты - го - вич
20. Со сво - им
й-он тут сын - ком со Ба - ты - го - ви - чём,
21. А со сво - и - м(ы) й-он
зять - ком да с То - ро - ка-н(и)-чи-ко - вым,
22. Как со ты - м(ы) ли

А с-под того ли с-под крёста́ Лёвани́дова
Выходило-выбегало да чётыре тура́,
А как чётыре тура́, да золоты́ у них рога.
А навстрету выходила тури́ця — матушка родна́:
«Зд(ы)равствуйте, туры́, ро́дны детушки мои!
А где вы, ту́ры, были, што вы видели?» —
«А как бежали мы, туры́, да мимо славна Киё[ва],
А ище видели во Ки́ёви да мы чудны́м(ы)-то чудно́,
А видели во Ки́ёви да ведь див(ы)ны́м-то мы дивно́:
Как на той ли на стены́ [на городо́]вою
А сидела душа крас[ная] да девушка,
А как читала-й она книги всё Еван(ы)гел(и)ски,
А не только читала, бо́льшё плакала».
И говорила [им] тури́ця, ро́дна матушка:
«Уж вы глупыи туры́, ро́дны детушки мо[и!]
[Ведь не душець]ка сидела там, не девушка,
А сама была стена да городо́вая!

Она ведае над Ки́ёвым невзгодушку».
Как на[ехал Ба]тыга Баты́гович
Со своим й-он тут сынком со Баты́говичём,
А со своим(ы) й-он зятьком да с Торокан(и)чиковым,
Как со тым(ы) ли дьячком, [со выду́]м(ы)щичком.
У Баты́ги — ишщё силы сорок тысячей,
Да у сына что силы сорок тысячей.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ И НОВГОРОДЦЫ (№ 507—521)

№ 507

О ВАСИЛИИ БУСЛАЕВИЧЕ

Жил Буслав в Нове городе,
Жил Буслав девяносто лет,
Со Новым городом не спаривал,
Со Опсковым он не вздоривал,
А со матушкой Москвой не перечился.
Живучись Буславьюшка преставился.
Оставалось у Буславья чадо малое,
Молодой Васильюшка Буславьевич.
Будет Василий семи годов,
Стал он по городу похаживать,
На княженецкий двор он загуливать,
Стал шутить он, пошучивать,
Шутить-то шуточки недобрые
Со боярскима детьмы, со княженецкима:
Котораго дернет за руку — рука прочь,
Котораго за ногу — нога прочь,
Двух-трех вместо столкнет — без души лежат.
Приходят с жалобой от князей новгородскиих
К пречестной вдовы Мамелфы Тимофеевны:
«Ай же ты, честна вдова Мамелфа Тимофеевна!
Уйми ты свое детище любимое,
Молода Васильюшка Буславьева:
Ходит он по городу, похаживает,
На княженецкий двор он загуливает,
Шутит он шуточки нехорошия
Со тымя детьмы, со боярскима,
Со боярскима детьмы, княженецкима,
Побивает смертию напрасною».

Тут честна вдова Мамелфа Тимофеевна
Не спускает сына гулять во Новгород,
Шутить шуточек недобрыих.
Будет Василий семнадцати лет,
Обучился Василий наук воинскиих,
Воинскиих наук и рыцарскиих,
Ощутил в себе силушку великую
И делал себе сбрую ратнюю,
Палицу воинскую и копье мурзамецкое,
Тугой лук разрывчатый и саблю вострую.
Заводил Василий у себя почестен пир,
Почестен пир на двенадцать дней,
И на пиру было народа множество великое.
Тут Василий вином напоил допьяна,
Хлебом кормил он досыта,
Выбирал себе дружину хоробрую,
Удалыих дородних добрых молодцев,
Избирал тридцать молодцев без единаго
И распустил весь почестен пир.
Был Васильюшка Буслаевич
У князей новгородскиих на честном пиру,
Напился Василий Буславьевич допьяна,
Напился Василий, порасхвастался
И ударил о велик заклад
Со трема князьямы новгородскима:
Выходить на мостик на волховский
И биться Василью с Новым городом,
Побить всех мужиков до единаго.
Проведала его государыня матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимофеевна,
Про своего сына, про Васильюшку,
Что на том пиру ударил о велик заклад.
Выводила своего сына любимаго
Со того ли пира княженецкаго,
Засадила его во погреба глубокие.
Тогда мужики новгородские
Делали шалыги подорожныя,
Поутру выставали ранешенько,
Выступали на мостик на волховский.
Васильева дружина хоробрая
Выступают сопротиву их.
Оны билися ровно три часа:
Тыи ль мужики новгородские

Попятили дружину Васильеву.
Была его дружина попячена,
Головки шалыгамы прощелканы,
Руки кушакамы перевязаны,
Стоит дружина по колен в крови.
Со того ль двора со вдовиного
От честной вдовы Мамелфы Тимофеевны
Выбегает девка дворовая,
Дворовая девка, чернявка,
На тую на реку на Волхову
Со своима коромыслама железныма
И видит девка-чернявка
Дружинушку Васильеву попячену,
Головки у них шалыгамы проколочены,
Руки кушакамы перевязаны,
Стоит дружина по колен в крови.
И хватила коромыселко железное,
И начала пощелкивать мужиков новгородскиих:
Убила мужиков пятьсот человек.
И потом девка-чернявка побег чинит,
Прибежала девка к погребу глубокому,
Сама говорит таково слово:
«Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Спишь ты, Василий, не пробудишься,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
На том ли на мостике на волховском
Попячена твоя дружина хоробрая,
Головки шалыгамы прощелканы,
Руки кушакамы перевязаны,
Стоит дружина по колен в крови».
Тут-то Васильюшка Буславьевич
Молился ей девке-чернявке:
«Ай же ты, девка-чернявка!
Выпусти меня со погреба глубокого,
Дам я тебе золотой казны долюби».
Отпирала она дверь у погреба глубокаго
И выпускала Василья на белый свет.
Не попало у Василья сбруи ратния,
Палицы воинския и копья мурзамецкаго.
У того у погреба глубокаго
Лежала ось тележная железная,
Долиною в две сажени печатныих,
А на вес ось та сорока пуд.

Хватает он тую ось железную
На свое плечо богатырское,
Говорит девке-чернявке не с упадкою:
«Благодарствуешь, девка-чернявка,
Что выпустила со погреба глубокаго,
Не погубила моей дружины хоробрыя,
Я с тобой опосля рассчитаюся,
А нонь мне недосуг с тобой проклаждатися».
Приходил он ко мостику ко волховскому
И видит дружину хоробрую попячену,
Стоит дружина по колен в крови,
Головки шалыгамы прощелканы,
Платкамы руки перевязаны
И ноги кушакамы переверчены.
Говорит Васильюшка Буславьевич:
«Ай моя дружина хоробрая!
Вы теперь позавтрикали,
Мне-ко-ва дайте пообедати».
Становил дружину на сторону,
А сам начал по мужичкам похаживать
И начал мужичков пощелкивать,
Осью железною помахивать:
Махнет Васильюшка — улица,
Отмахнет назад — промежуточек,
И вперед просунет — переулочек.
Мужиков новгородскиих мало ставится,
Очень редко и мало их.
Видят князья беду неминучую,
Прибьет мужиков Василий Буславьевич,
Не оставит мужиков на семена.
Приходят князья новгородские,
Воевода Николай Зиновьевич,
Старшина Фома Родионович
Ко его государыне ко матушке,
Ко честной вдовы Мамелфы Тимофеевны,
Сами говорят таковы слова:
«Ай же ты, честна вдова Мамелфа Тимофеевна!
Уговори, уйми свое чадо малое,
Молода Василия Буслаевича,
Укротил бы свое сердце богатырское,
Оставил бы мужиков хоть на семена».
Говорит Мамелфа Тимофеевна:
«Не смею я, князья новгородские,

Унять свое чадо милое,
Укротить его сердце богатырское:
Сделала я вину ему великую,
Засадила его во погреба глубокие.
Есть у моего чада милого
Во том во монастыре во Сергеевом
Крестовый его батюшка старчище Пилигримище,
Имеет силу нарочитую.
Попросите, князья новогородские,
Не может ли унять мое чадо малое».
И так князья новгородские
Приезжают к монастырю ко Сергееву
И просят старчище Пилигримище,
Со великим просят с унижением:
«Ай же ты, старчище Пилигримище!
Послужи ты нам верой-правдою,
Сходи ты на мостик на волховский
Ко свому ко сыну крестовому,
Молоду Васильюшку Буславьеву,
Уговори его сердце богатырское,
Чтобы он оставил побоище,
Не бил бы мужиков новогородскиих,
Оставил бы малую часть на семена».
Старчище Пилигримище сокручается,
Сокручается он, снаряжается
Ко своему ко крестнику любимому:
Одевает старчище кафтан в сорок пуд,
Колпак на голову полагает в двадцать пуд,
Клюку в руки берет в десять пуд,
И пошел ко мостику ко волховскому
Со тыма князьмы новогородскима.
Приходит на мостик на волховский
Прямо к ему во ясны́ очи
И говорит ему таковы слова:
«Ай же ты, мое чадо крестное!
Укроти свое сердце богатырское,
Оставь мужичков на семена».
Богатырское сердце разъярилося:
«Ай же ты, крестный мой батюшка!
Не дал я ти яичка о Христовом дни,
Дам тебе яичко о Петровом дни».
Щелкнул как крестнаго батюшку
Тою осью железною,

Железною осью сорокапудовою:
От единого удара Васильева
Крестовому батюшке славу поют.
Тут-то два князя новогородскиих,
Воевода Николай Зиновьевич,
Старшина Фома Родионович
Приходят к его государыне матушке,
Честной вдове Мамелфы Тимофеевны,
Сами говорят таковы слова:
«Ай же ты, честна вдова Мамелфа Тимофеевна!
Упроси свое чадо любимое,
Укротил бы свое сердце богатырское:
Мужичков в Нове-граде редко ставится,
Убил он крестоваго батюшку,
Честнаго старчища Пилигримища».
Тогда государыня его матушка,
Честна вдова Мамелфа Тимофеевна,
Одевала платьица черныя,
Одевала шубу соболиную,
Полагала шелом на буйну голову
И пошла Мамелфа Тимофеевна
Унимать своего чада любимаго.
То выгодно собой старушка догадалася —
Не зашла она спереди его,
А зашла она позади его
И пала на плечи на могучия:
«Ай же ты, мое чадо милое,
Молодой Васильюшка Буславьевич!
Укроти свое сердце богатырское,
Не сердись на государыню на матушку,
Уброси свое смертное побоище,
Оставь мужичков хоть на семена».
Тут Васильюшка Буслаевич
Опускает свои руки к сырой земле,
Выпадает ось железная из белых рук
На тую на матерь сыру землю,
И говорит Василий Буславьевич
Своей государыне матушке:
«Ай ты, свет государыня матушка,
Тая ты старушка лукавая,
Лукавая старушка, толковая!
Умела унять мою силу великую,
Зайти догадалась позади меня.

А ежеле б ты зашла впереди меня,
То не спустил бы тебе, государыне матушке,
Убил бы заместо мужика новгородскаго».
И тогда Васильюшка Буслаевич
Оставил тое смертное побоище,
Оставил мужиков малу часть,
А набил тых мужиков, что пройти нельзя.
Тут приходят князья новогородские,
Воевода Николай Зиновьевич,
Старшина Фома Родионович
Ко тому Васильюшку Буславьеву,
Пали ко Василью в резвы ноги,
Просят Василья во гостебьице,
Сами говорят таковы слова:
«Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Прикажи обрать тела убитыя,
Предать их матери сырой земле;
Во той ли во реченьке Волхове
На целую на версту на мерную
Вода с кровью смесилася:
Без числа пластина принарублена».
Тут-то Васильюшка Буславьевич
Приказал обрать тела убитыя,
Не пошел к им в гостебьице:
Знал де за собой замашку великую.
А пошел в свои палаты белокаменны
Ко своей государыне ко матушке
Со своею дружиной со хороброю.
И жил Васильюшка в праздности,
Излечил дружинушку хоробрую
От тыих от ран кровавыих
И привел дружину в прежнее здравие.

№ 508

О ВАСИЛИИ БУСЛАЕВИЧЕ

Молодой Васильюшка Буслаевич,
Он ходил-гулял по городу по Киеву,
Выбирал себе дружинушку хоробрую,
Приходит-то он к малому, к упалому,
К малому, к упалому, к Потанюшке,

К Патанюшке он, молодец, подскакивал
Да черным-то вязом ударивал:
Стоит-то Потанюшка — не стряхнется,
Желтыя кудерки не сворохнутся.
Говорит Васильюшка Буслаевич:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая,
Хоробрая дружинушка Васильева!»
Взимал он его за белы руки,
Целовал его в уста сахарния.
Опять-то Васильюшка подскакивал
Да черным-то вязом ударивал
Толста Фома благоуродлива:
Стоит-то Фомушка — не стряхнется,
Желтыя кудерки не сворохнутся.
Говорит Васильюшка Буслаевич:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая,
Хоробрая дружинушка Васильева!»
Больше нет прибрать себе добрых молодцев.
Сделал-то Васильюшка почестен пир
Для тых мужичков новгородскиих:
«Ступайте-ка, ребята, на почестен пир».
Как собиралися мужики на почестен пир,
Кормил-поил Васильюшка Буслаевич
Свою ли дружинушку хоробрую,
А тых мужиков новгородскиих
Не кормил, не поил да не чевствовал,
А посылал по взашей да в сутыч их.
Тут-то мужики новгородские
Видят, что не хорошо то есть:
«Осмеемся мы насмешку Васюльюшке,
Сделаем мы, ребята, почестен пир,
Заведем для Василья для Буслаевича,
Не позовем-ка мы на почестен пир
Того Васильюшку Буслаева!»
Не зовут Васильюшки Буслаева
На пированьице, на почестен пир.
Не ждет-то он чести великия,
А приходил он к ним на почестен пир
Со своима со дружинамы хоробрыма.
И идет-то во место во большее,
Садится молодец в большой угол
И раздвигал мужиков новгородскиих,
Садился со дружинамы хоробрыма.

Говорят мужики новгородские:
«А званому гостю хлеб да соль,
А незваному гостю и места нет».
Говорит Васильюшка Буслаевич:
«Званому гостю много места надо,
Много места надо и честь большая,
А незваному гостю, как Бог пришлет».
Тут мужики новгородские
Говорят ему таковы слова:
«Ай же ты, Васильюшка Буслаевич!
Загадываешь загадку великую.
Когда ты, Василий, удал е,
Пойдем же драться на мостик на волховский,
На тою на реченьку на Волхову,
Ты со своима со дружинамы хоробрыма,
А мы будем драться всем народом».
Ударили они о велик заклад,
Подписали подписи великия,
Что с утра още раным-рано
Итти-то на реченьку на Волхову,
На тот ли на мосточик на волховский.
Разошлися тут они, поразъехались.
Как тут у Васильюшки Буслаева,
Приходил он домой со той со попойки со великия,
Сам-то он лег во глубок погреб,
А лег-то молодец и спать заснул.
Спит он, молодец, проклажается,
Над собой невзгодушки не ведает.
А тут-то дошло известьице
Ко его ко родныя ко матушке,
Ко честной вдовы Офимье Александровне:
Что есть с утра рано, раным-рано
Итти-то Василью на реченьку на Волхову,
На тот ли на мосточик на волховский.
Тут-то старушенька догадлива,
Замкнула Васильюшка во погребу,
Во тые во погреба глубокие:
«Сиди-ка, Василий, не повыскочить
Со тыих со погребов глубокиих!»
Тут-то дружинушка хоробрая
Справлялися по утрышку ранешенько
На тую на реченьку на Волхову,
На тый на мосточик на волховский,

Начали они биться и ратиться.
День они бьются не едаючись,
И другой они бьются не пиваючись,
Не едаючись, молодцы, и не пиваючись,
И себе отдоху не даваючись,
Они третий день и третью ночь.
Тут-то у них, удалых молодцев,
Головушки у молодцев переломаны,
Платками головки перевязаны.
А тут-то Васильюшка Буслаевич
Спит себе молодец, проклажается,
Над собой невзгодушки не ведает,
Что прибиты дружинушки хоробрыя.
У того ли Василья Буслаева
Была кухарка-хлебница,
Тая удалая портомойница.
Увидала тых дружинушек хоробрыих,
Тут-то она бежала скорым-скоро,
Прибегала она ко погребу,
Ударила она по замку деревянному,
Отпал тут замок на сыру землю,
Закричала она во всю голову:
«Ай же ты, Васильюшка Буслаевич!
Спишь ты, молодец, проклажаешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь,
Что прибиты твои дружины хоробрыя,
Головушки у них переломаны,
Платками головки перевязаны».
От сну Василий пробуждается,
Да на улицу как сам он пометается,
В одних тонких чулочиках без чоботов,
В одной тонкой рубашечке без пояса.
Как попала ему ось железная,
Железная ось тележная,
Как бежал он на мостик на волховский,
Как начал мужиков охаживать:
Куды махнет — туда улица,
Перемахнет — переулочка,
А сам он кричит во всю голову:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая!
Идьте же, братцы, на отдыху,
А я за вас поработаю,
Идьте же, братцы, не с упадкою».

Начал тут Васильюшка охаживать
Этых мужиков новгородскиих.
Видят мужики, что беда пришла,
Беда пришла неминучая.
Что тут мужикам им удумати?
Тут-то мужики думу думали:
«Ой же вы, братцы, удалые молодцы!
Во том ли монастыре во Кирилловском
Есть старчище Пилигринище;
Пойдем-те-ка, братцы, подкупим-те:
Бывает, он побьет Ваську Буслаева?»
Тут мужики новгородские,
Они ехали скорым-скоро
Во тот ли во монастырь во Кирилловский,
Насыпали чашу красна золота,
Другую насыпали чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга,
Подносили старчищу Пилигринищу:
«Ай же ты, старчище Пилигринище!
Послужи-ка нам верой-правдою,
На тебе красна золота,
Чиста серебра и скатна жемчуга».
На то старичище кидается,
На то старичище позывается,
Седлал он своего добра коня,
Навалил на голову колокол ⟨двенадцати⟩ пуд,
Поехал старичище Пилигринище;
Подъезжает к мосту ко волховскому,
Сам кричит во всю голову:
«А, малый кур, не запурхивай,
А ты, дитя, не заскакивай,
А прямоезжей дорожки не заваливай!»
Говорил Васильюшка Буслаевич:
«Ай же ты, крестный мой батюшка!
А не дал я ти яичко о Христосьском дне,
А дам ти яичко о Петровом дне!»
Как ударил осью железною,
Расскочил колокол на две стороны;
Как в других переправил добрый молодец,
Ударил его в буйну голову,
Тут же его в реченьку спихивал,
Как начал он мужиков охаживать,
Бьет мужиков он не с упадкою,

Бьет он, сам выговаривает:
«Каково вам, ребята, драться-битися
Со мною, с удалым добрым молодцем?»
Тут мужики видят, что беда пришла,
Беда пришла неминучая;
Бежали они скорым-скоро
Ко его ко родной ко матушке,
Ко честной вдовы Офимьи Александровны:
«Ай же, честна вдова Офимья Александровна!
Выручи нас от смерти от напрасныя,
От того Васильюшка Буслаева».
Тут-то старушка покидалася,
Покидалася старушка, пометалася,
Скочила в чулочиках без чоботов,
В одной тонкоей рубашечке без пояса,
Прибегала на мосточик на волховский,
Наскочила сзаду на Васильюшка,
Захватила Василья за могучи плечи,
Закричала она во всю голову:
«Ай же ты, Васильюшка Буслаевич!
Укроти свое сердце богатырское,
Укроти свою силу великую».
Говорит Васильюшка Буслаевич:
«Ай же ты, моя родна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна!
Никого я не послухал бы,
А послушал тебя, родную матушку —
Не послухать мне закон не дает».
Тут послушал он родну матушку,
Поехал Васильюшка назад домой.
Избыли от смерти напрасныя
Мужики новгородские.

№ 509

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ

Жил Буславьюшка — не старился,
Живучись Буславьюшка преставился.
Оставалось у Буслава чадо милое,
Милое чадо рожоное,
Молодой Васильюшка Буславьевич.

Стал Василька на улочку похаживать,
Нелегкия шуточки пошучивать:
За руку возьмет — рука прочь,
За ногу возьмет — нога прочь,
А котораго ударит по горбу,
Тот пойдет — сам сутулится.
И говорят мужики новгородские:
«Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Тебе с этою удачей молодецкою
Наквасити река будет Волхова».
Идет Василий в широкия улочки,
Не весел домой идет, не радошен,
И стречает его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:
«Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо рожоное,
Молодой Васильюшка Буслаевич!
Что идешь не весел, не радошен?
Кто же ти на улушке приобидел?» —
«А никто меня на улушке не обидел.
Я кого возьму за руку — рука прочь,
За ногу кого возьму — нога прочь,
А котораго ударю по горбу,
Тот пойдет — сам сутулится.
А говорили мужики новгородские,
Что мне с эстою удачей молодецкою
Наквасити река будет Волхова».
И говорит мать таковы слова:
«Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Прибирай-ка собе дружину хоробрую,
Чтоб никто ти в Нове-граде не обидел».
И налил Василий чашу зелена вина,
Мерой чашу полтора ведра,
Становил чашу середи двора
И сам ко чаше приговаривал:
«Кто эту чашу примет одной рукой
И выпьет эту чашу за единый дух,
Тот моя будет дружина хоробрая!»
И садился на ременчат стул,
Писал скорописчатые ярлыки,
В ярлыках Василька прописывал:
«Зовет-жалует на почестен пир»;
Ярлычки привязывал ко стрелочкам

И стрелочки стрелял по Нову-граду.
И пошли мужики новгородские
Из тоя из церкви из соборныя,
Стали стрелочки нахаживать,
Господа стали стрелочки просматривать:
«Зовет-жалует Василий на почестен пир».
И собиралися мужики новгородские уваламы,
Уваламы собиралися, переваламы,
И пошли к Василью на почестен пир.
И будут у Василья на широком на дворе,
И сами говорят таковы слова:
«Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Мы теперь стали на твоем дворе,
Всю мы у тя есту выедим,
И все напиточки у тя выпьем,
Цветно платьице повыносим,
Красно золото повытащим».
Этыя речи ему не слюбилися.
Выскочил Василий на широкий двор,
Хватал-то Василий черленый вяз
И зачал Василий по двору похаживати,
И зачал он вязом помахивати:
Куды махнет — туды улочка,
Перемахнет — переулочек:
И лежат-то мужики уваламы,
Уваламы лежат, переваламы,
Набило мужиков, как погодою.
И зашел Василий в терема златоверхие:
Мало тот идет, мало новой идет
Ко Васильюшке на широкий двор.
Идет-то Костя Новоторжанин
Ко той ко чары зелена вина,
И брал-то чару одной рукой,
Выпил эту чару за единый дух.
Как выскочит Василий со новых сеней,
Хватал-то Василий черленый вяз,
Как ударил Костю-то по горбу:
Стоит-то Костя — не крянется,
На буйной головы кудри не ворохнутся.
«Ай же ты, Костя Новоторжанин!
Будь моя дружина хоробрая,
Поди в мои палаты белокаменны».
Мало тот идет, мало новой идет.

Идет-то Потанюшка Хроменький
Ко Василью на широкий двор
Ко той ко чары зелена вина,
Брал тое чару одной рукой
И выпил чару за единый дух.
Как выскочит Василий со новых сеней,
Хватал-то Василий черленый вяз,
Ударит Потанюшку по хромым ногам:
Стоит Потанюшка — не крянется,
На буйной головы кудри не ворохнутся.
«Ай же, Потанюшка Хроменький!
Будь моя дружина хоробрая,
Поди в мои палаты белокаменны».
Мало тот идет, мало новой идет.
Идет-то Хомушка Горбатенький
Ко той ко чары зелена вина,
Брал-то чару одной рукой
И выпил чару за единый дух.
Того и бить не шел со новых сеней:
«Ступай-ка в палаты белокаменны
Пить нам напитки сладкие,
Ества-то есть сахарния,
А бояться нам в Нове-граде некого!»
И прибрал Василий три дружины в Нове-граде.
И завелся у князя новгородскаго почестен пир
На многих князей, на бояр,
На сильных могучиих богатырей,
А молодца Василья не почествовали.
Говорит матери таковы слова:
«Ай же ты, государыня матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна!
Я пойду к князьям на почестен пир».
Возговорит Авдотья Васильевна:
«Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо рожоное!
Званому гостю место есть,
А незваному гостю места нет».
Он, Василий, матери не слушался,
А взял свою дружину хоробрую
И пошел к князю на почестен пир.
У ворот не спрашивал приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Прямо шел во гридню столовую:

Он левой ногой во гридню столовую,
А правой ногой за дубовый стол,
За дубовый стол, в большой угол,
И тронулся на лавочку к пестно-углу,
И попехнул Василий правой рукой,
Правой рукой и правой ногой:
Все стали гости в пестно-углу;
И тронулся на лавочку к верно-углу,
И попехнул левой рукой, левой ногой:
Все стали гости на новых сенях.
Другие гости перепалися,
От страху по домам разбежалися.
И зашел Василий за дубовый стол
Со своею дружиною хороброю.
Опять все на пир собиралися,
Все на пиру наедалися,
Все на почестном напивалися
И все на пиру порасхвастались.
Возговорит Костя Новоторжанин:
«А нечем мне-ка, Косте, похвастати,
Я остался от батюшки малешенек,
Малешенек остался и зеленешенек.
Разве тым мне, Косте, похвастати:
Ударить с вами о велик заклад
О буйной головы на весь на Новгород,
Окроме трех монастырей —
Спаса Преображения,
Матушки Пресвятой Богородицы,
Да еще монастыря Смоленскаго».
Ударили оны о велик заклад
И записи написали,
И руки приложили,
И головы приклонили:
«Итти Василью с утра через Волхов мост.
Хоть свалят Василья до мосту —
Вести на казень на смертную,
Отрубить ему буйна голова;
Хоть свалят Василья у моста —
Вести на казень на смертную,
Отрубить ему буйна голова;
Хоть свалят Василья посередь моста —
Вести на казень на смертную,
Отрубать ему буйна голова.

А уж как пройдет третью заставу —
Тожно больше делать нечего».
И пошел Василий со пира домой,
Не весел идет домой, не радошен,
И стречает его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:
«Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо рожоное!
Что идешь не весел, не радошен?»
Говорит Васильюшка Буславьевич:
«Я ударил с мужикамы о велик заклад —
Итти с утра на Волхов мост.
Хоть свалят меня до моста,
Хоть свалят меня у моста,
Хоть свалят меня посередь моста —
Вести меня на казень на смертную,
Отрубить мне буйна голова,
А уж как пройду третью заставу —
Тожно больше делать нечего».
Как услышала Авдотья Васильевна,
Запирала в клеточку железную,
Подперла двери железныя
Тым ли вязом черленым.
И налила чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга,
И понесла в даровья князю новгородскому,
Чтобы простил сына любимаго.
Говорит князь новгородский:
«Тожно прощу, когда голову срублю!»
Пошла домой Авдотья Васильевна,
Закручинилась пошла, запечалилась,
Рассеяла красно золото и чисто серебро,
И скатен жемчуг по чисту полю,
Сама говорила таковы слова:
«Не дорого мне ни золото, ни серебро, ни скачен жемчуг,
А дорога мне буйная головушка
Своего сына любимаго,
Молода Васильюшка Буслаева».
И спит Василий, не пробудится.
Как собирались мужики уваламы,
Уваламы собирались, переваламы,
С тыма шалыгамы подорожныма.

Кричат оны во всю голову:
«Ступай-ка, Василий, через Волхов мост,
Рушай-ка заветы великие!»
И выскочил Хомушка Горбатенький,
Убил-то он силы за цело сто,
И убил-то он силы за другое сто,
Убил-то он силы за третье сто,
Убил-то он силы до пяти сот.
На смену выскочил Потанюшка Хроменький
И выскочил Костя Новоторжанин.
И мыла служанка, Васильева портомойница,
Платьица на реке на Волхове,
И стало у девушки коромыселко поскакивать,
Стало коромыселко помахивать:
Убило силы-то за цело сто,
Убило силы-то за другое сто,
Убило силы-то за третье сто,
Убило силы-то до пяти сот.
И прискочила ко клеточке железныя,
Сама говорит таковы слова:
«Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Ты спишь, Василий, не пробудишься,
А твоя-то дружина хоробрая
Во крови ходит, по колен бродит».
Со сна Василий пробуждается,
А сам говорит таковы слова:
«Ай же ты, любезная моя служаночка!
Отопри-ка двери железныя».
Как отперла ему двери железныя,
Хватал Василий свой черленый вяз
И пришел к мосту ко волховскому,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же, любезная моя дружина хоробрая!
Поди-тко теперь опочив держать,
А я теперь стану с ребятамы поигрывать».
И зачал Василий по мосту похаживать,
И зачал он вязом помахивать:
Куды махнет — туды улица,
Перемахнет — переулочек.
И лежат-то мужики уваламы,
Уваламы лежат, переваламы,
Набило мужиков, как погодою.
И встрету идет крестовый брат,

Во руках несет шалыгу девяноста пуд,
А сам говорит таковы слова:
«Ай же ты, мой крестовый брателко,
Молодой курень, не попархивай,
На своего крестоваго брата не наскакивай!
Помнишь, как учились мы с тобой в грамоты:
Я над тобой был в те поры больший брат,
И нынь-то я над тобой буду больший брат».
Говорит Василий таковы слова:
«Ай же ты, мой крестовый брателко!
Тебя ли черт несет навстрету мне?
А у нас-то ведь дело деется:
Головамы, братец, играемся».
И ладит крестовый его брателко
Шалыгой хватить Василья в буйну голову.
Василий хватил шалыгу правой рукой
И бил-то брателка левой рукой,
И пинал-то он левой ногой —
Давно у брата и души нет;
И сам говорил таковы слова:
«Нет на друга на стараго,
На того ли на брата крестоваго:
Как брат пришел, по плечу ружье принес».
И пошел Василий по мосту с шалыгою.
И навстрету Васильюшку Буслаеву
Идет крестовый батюшка, старичище Пилигримище:
На буйной головы колокол пудов во тысячу,
Во правой руке язык во пятьсот пудов.
Говорит старичище Пилигримище:
«Ай же ты, мое чаделко крестовое,
Молодой курень, не попархивай,
На своего крестоваго батюшка не наскакивай!»
И возговорит Василий Буславьевич:
«Ай же ты, мой крестовый батюшка!
Тебя ли черт несет во той поры
На своего на любимаго крестничка?
А у нас-то ведь дело деется,
Головамы, батюшка, играемся».
И здынул шалыгу девяноста пуд,
Как хлыснул своего батюшка в буйну голову,
Так рассыпался колокол на ножевыя черенья:
Стоит крестовый — не кренется,
Желтыя кудри не ворохнутся.

Он скочил батюшку противочей его
И хлеснул-то крестнаго батюшка
В буйну голову промеж ясны очи:
И выскочили ясны очи, как пивны чаши.
И напустился тут Василий на домы на каменные,
И вышла мать Пресвятая Богородица
Со того монастыря Смоленскаго:
«Ай же ты, Авдотья Васильевна!
Закличь своего чада милаго,
Милаго чада рожонаго,
Молода Васильюшка Буслаева:
Хоть бы оставил народу на семена».
Выходила Авдотья Васильевна со новых сеней,
Закликала своего чада милаго.

№ 510

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

А молодой Васильюшко Буславьевич
Сделал он, задернул свой почестный пир,
А чтобы тут еще да всяко званье-то
А шло бы да к Василью на почестный пир.
Как тут-то мужики-ты новгородскии
Приходят к Васильюшку Буславьеву
А на тот-то на почестный пир.
Как тот-этот Васильюшко Буславьевич
А начал их встречать да ухаживать
А тыих мужиков да новгородскиих.
Как взял-то он, Васильюшко, черно́й-от вяз,
Как подскочил Васильюшко к малому к упавому Потанюшке,
Как ударил он, Васильюшко, Потанюшку,
Ударил он его тут черны́м вязом;
Стоит-то тот Потанюшко — не стряхнется,
А жолтыи кудёрка не сворохнутся —
А то моя дружинушка хоробрая!
Садил ёго, Потанюшку, в большой угол,
А во большой угол еще за большой-от стол,
Кормил-поил Потанюшку да досыти,
А досыти Потанюшку, да до́пьяна.
Опять-то взял Васильюшко черно́й-от вяз,
Как тут скоро́ Васильюшко подскакивал,

Ударил-то Васильюшко да Фомушку,
Толстого Фо́му, благоуродлива:
Стоит тут Фома да ведь не стряхнется,
Жолтыи кудерка не сворохнутся —
А то моя дружинушка хоробрая!
Садил он и Фо́му за большой-от стол,
За большой его стол, во большо́й угол,
Кормил-поил еще он Фомушку
А досыти его и допьяна.
Роздра́жил он мужиков новгородских-тых;
Как тут ты мужики да новгородскии
А тут-то ведь оны да приудумали:
«А сделамте, робята, свой почестной пир,
Не позовем-то мы Василья да Буславьева».
Как тут оны Васильюшка не по́звали.
Как этот-то Васильюшка Буславьевич
А скоро, молодец, он отправляется,
Скоро ён, удалый, снаряжается,
А со тыма дружинами с хоробрыма,
С малыим с упавыим с Потанюшкой,
С толсты́м еще с Фомой благоуродливым.
Как приходит Василей на почестной пир
А к тыим мужикам да к новгородскиим,
Воспромолвят мужики тут таково слово:
«А не́званому ведь гостю зде места нет».
Говорит Василей таково слово:
«А званому-то гостю много чести наб,
Незваному-то гостю — как и Бог пришле».
Садился тут Василей за большой-от стол,
За большой ведь стол да во большой угол,
А оны ели-пили тут и кушали.
Как тут-то мужикам да стало зарко-то.
Да наб-то мужикам ёго концать еще,
Да того Васильюшка Буславьева,
А говорят-промолвят таково слово:
«Ай же ты, Васильюшко Буславьев, был!
Попишем-ко с тобой мы да пописи,
Поположим-ко да с тобой еще заповедь,
А с утра нам да раным-ранешенько
На тот на мосточик на Волховой,
А будём-станём драться мы, ратиться
А мы с тобой, с удалыим со молодцом,
С толстым Фомой еще с благоуродливым,

С маленьким с упавеньким с Потанюшкой.
Чтобы ты с утра да был ранешенько,
Шел бы на мосточик на Волховой
А со тыма с дружинамы с хоробрыма».
Как тут оны наелиси, напилиси,
Как вси оны тут накушались,
Стали тут они да пьянешеньки,
А сделали большо тут рукобитьицо.
Тут-то розошлись до у́тра бы.
Прознала это дело тут Васи́льёва матушка,
Пало тут еще к ей известьицо,
Наб-то драться Васильюшку Буславьеву
Со своима со дружинамы с хоробрыма
А на тоем мосточику на Волховом.
Ну приходил Васильюшка назад домой
Ко своей ко родной ко матушки,
Ко честной вдовы к Офимье к Олександровной.
Как тут эта Васи́льёва матушка
Положила спать во погребы глубокии,
Замкнула молодца его во по́гребы.
Как тот-этот Васильюшко спать-то лег,
Прошла-то тая ночка тут темная,
Приходит-то день тут да светлыи.
Как ты-эти дружинушки хоробрыи
Ставают-то поутру ранешенько,
Умываются да белешенько,
А трутся-то миткалиновым полотенушком.
А знают то, что у их е поделано.
Как скоро шли на мосточик на Волховой,
Как начали оны тут биться, ратиться
С тыма́-то мужикамы с новгородскима.
Как день бьются они не едаючи,
А другой-то ёны не пиваючи,
Отдоху молодцам не даваючи,
И третий день нача́ли-то биться тут,
Как третий день оны тут, третью ночь.
Как тут-то у дружинушки хоробрыи
Стали у их головушки были переломаны,
Переломаны головушки, розбитыи,
Платками тут головки перевязаны,
А кушачкамы-то были переверчены.
Как тут этот Василий сын Буславьевич
Спит он, молодец, тут проклаждается,

А над собой незгодушки не ведает,
Как ёго были дружины-ты хоробрыи
Прибиты у его, головки переломаны.
У его-то девка-та была придворная,
Выходит-то на реченку Волхово,
Выходит за водой с водоносом-то
А смотрит на дружин-тых хоробрыих,
На малаго упаваго Потанюшку,
А на толста́ еще Фому благоуродлива —
А у их все головки переломаны,
Платкамы-то головки переверчены,
Кушачками-то были тут перевязаны.
Как скоро тут она да скоры́м-скоро́
Бежала тая девка тут ко погребу,
Ударила тут она еще водоносом тым
А по тому замку по булатнему;
Отпал тут замок на сыру землю,
Ростворила да она дверь тут дубовую.
Прошли-то ведь тут трои суточки.
Ото сну бога́тырь пробуждается,
Как тот этот Василий сын Буславьевич,
Крычит-то тут ведь девка громким голосом:
«Да ах ты сын, Василий е Буслаев, был!
Спишь ты, молодец, сам проклаждаешься,
А над собой незгодушки не ведаешь,
Как у твоих дружин все у хоробрыих,
У их как головушки были переломаны,
Розбитыи, платками перевязаны!»
Как тут ото сну богатырь пробуждается,
На улицу сам он помёта́ется,
Как выскочил он в тонких белыих чулочиках без чоботов,
В тонкии белыи рубашки сам без пояса,
А ухва́тил-то ось тележную железную,
Бежал он на мосточик на Волховой.
Как ино тут-то он воспро́говорит:
«Ай мо́и дружинушки хоробрыи!
Ай укротите вы да сердце богатырское,
Я топерь за вас нунь пороботаю,
А подьте-тко вы, братцы, на отдо́х-то нунь».
Как тут пошли дружинушки хоробрыи,
Тут они пошли да на отдох-то е.
Как начал тут Васильюшко помахивать
Той-то осью да тележной железною,

Куды махнет — тут станут да улицы,
А перемахнет — туды да переулочки.
Как начал тут Васильюшко робо́тати,
Как видят тут мужики, что беда пришла,
Беда-то пришла тут неминучая.
Как тут-то ведь оны да приудумали:
«Как бы нам еще да супротивиться?»
Как тут-то ведь оны да еще пошли.
А был там жил еще в мана́стыри
Старчищо там жил Перегримищо.
Как приходят мужики-ты новгородскии,
Клонятся, самы́ ёму молятся:
«Ай ты, старчищо есть Перегримищо!
Послушай мужиков нас новгородских ты.
Дадим те мы чашу красна золота,
А дру́гую дадим да скачна жемчугу,
Третьюю еще да чиста серебра».
На то-то ведь уж он да укидается,
Позвался-то он ведь да за их пошел
А ехать-то на мосточик-тот на Волховой,
А драться со Васильюшком Буславьевым.
Навалил он колокол да двенадцать пуд,
Навалил он к себе да на го́лову,
А садился тут он на добра коня,
Как ехал он ко риценки Волхову,
Ко тому мосточику ко Волховску,
А заезжает на мосточик он на Волховой,
Сам крычит он громким голосом:
«Да ах же ты, Васильюшко Буславьевич!
Малолетно ты дитя, не запурхивай,
Прямоезжеей дорожки не заваливай!»
Как он-то тут, Васильюшко, ответ держит:
«Да ах же ты, да мой крёстный батюшко,
А старчищо ты был есть Перегримищо!
Не дал ти яичко о Христови дни,
Дак дам я ти яичко о Петрови дни».
Как скоро тут Васильюшко подскакивал,
Ударил-то он осью в колоко́л-то был,
А розвалился тут колокол на дви стороны;
А в других переправил ёго й в голову,
Спихнул ёго во риченку во Волхово,
Со тыим спихнул да со добрым конем.
Как видят мужики, что тут беда пришла,

Беда-то та пришла да неминучая,
Как тут оны опять да скоро думали,
Бежали тут к Васильёвой да матушки,
Говорят-промолвят таково слово:
«Да ах же ты, Васильева да родна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна!
Повыручи от смерти безнапрасныи».
Как тут честна вдова Офимья Олександровна
Скорым-скоро, скоро да скорешенько,
Бежала на мосточик-то на Волховой
В тонкии белыи рубашечки без пояса,
В тонкиих белых чулочичках без чоботов,
Заходила на мосточик на Волхов-тот,
Скочила сзади-то к Василью на могучи плеча,
Закрычала тут она во всю голову:
«Да ах же ты, дитя мое милоё,
Ай же ты, да чадо любимоё,
А молодой Васильюшко Буслаевич!
Ах ты меня, старушенки, послушай зде,
А укроти ты сердцо богатырское,
Полно бить те мужиков новгородскиих,
Оставь ты мужиков хоть на си́мена». —
«Ай же ты, моя родна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна!
Ты была ведь, матушка, догадлива,
А ладно ты ведь, матушка, удумала,
Скочила ты на плечи да сза́ди мня.
А бы второпях есть, в озарности
Убил бы тя, старушку, не за что-то я.
Да нунь же, моя матушка, послушаю,
Когда просишь ты меня, добра молодца,
Я ведь нуньчу матушку послушаю».
Да укротил тут сердце богатырское,
Пошел-то он со матушкой домой-то тут.
А молодой Васильюшко Буславьевич
Он ходил-гулял по чисту полю,
А со тыма с дружинамы с хоробрыма,
С толсты́м Фомой еще с благоуродливым,
А с маленьким с упавеньким Потанюшкой.
Как приходит молодой Василий сын Буславьевич:
Лежит-то тут уж как ведь на чистом поли
Пустая голова человеческая.
Как тут этот Василий сын Буславьевич

Скоро к головы он подскакивал,
А своим-то он чоботом подфатывал,
Пинул он эту голову, Васильюшко.
Как улетела голова тут по подоблачью,
Пала голова тут на сыру землю,
Сама она ёму тут воспровещила:
«Да ах же ты, Василий сын Буславьевич!
Почему ж меня заразил топерь?
Лежала голова я ведь тридцать лет,
Да никто-то меня ведь не пинывал,
Да никто же как меня тут не ранивал,
Как ты-то ведь уж нунь пинул, заразил меня.
Как будешь ты гулять во чистом поли,
А не забудь-ко ты этого помистьица,
Пойдешь сюды да ты назад обратно бы,
Посмотри ты на меня, на бессчастну головушку».
Как тут гулял Васильюшко в чистом поле
А со тыма с дружинамы с хоробрыма,
Находился, нагулялся там Васильюшко,
Пошел назад туды да обратно бы
Этыим путем да дорогою.
Приходит он к уловному тому да поместьицу,
Где та голова тут лежала-то,
Как смотрит-то еще — ведь стала тут гора каменная,
Как смотрит тут Васильюшко Буслаевьевич,
Как на этой горы на каменной
Подпись-та была подписана:
«А кто-то тут через гору перескочит,
Перескочит через гору три разу,
Того-то тут да ведь Господь простит.
Ах кто-то ведь есть не пере́скочит,
Тот будет трою проклят на веку-то был».
Как тут этот Васильюшко Буславьевич —
Розгорелось ёго сердце богатырское,
Скочил-то он через гору каменну.
Как этыи дружинушки хоробрыи,
А маленькой, упавенькой Потанюшка
И толстый Фома благоуродливый,
Скакали-то оны да е со ра́товьём.
Как тот-этот Васильюшко Буславьевич
Да скочил назад еще через гору,
Да скочил он, Васильюшко, назад-пят был,
Как тут-то ведь Василей сын Буславьевич

Задел как своим чоботом сафьянныим
За тую гору да за каменну,
Поворотило как Васильюшка Буславьева
Внич его ведь, молодца, головушкой,
Как пал тут Василей о сыру землю,
Пришла тут Васильюшку горька́я смерть.
Как этыи дружинушки хоробрыи
Скакали они три разу́ о ратовья.
Как тут эты дружинушки хоробрыи
Копали тут-то яму на чистом поли
А роспростилисе с Васильюшком Буславьевым,
Спустили как тут ёго во матушку сыру землю.
Только тут Васильюшку славы поют.

№ 511

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

Жил Буслав ⟨девяносто⟩ лет,
Потом Буслав приставилсе.
И оставалось от его цядо милое,
Цядо милое, дитя любимое,
Молодой Василей, сын Буслаевиць.
Стал он на улицьку похаживать,
С малыма деткамы шуток пошуцивать:
Коего возьмет за голову — голова проць,
Коего возьме за ногу — нога та проць,
Коего возьме за руку — рука та проць.
Стали родной матушки жалобы доносить:
«На имя цесна вдова Овдотья Тимофиевна,
И уйми ты, прикроти свое цядо милое,
Цядо милое, дитя любимое!»
Думала ена своим старым разумом:
«Людям даст Бог детушек
При младых летах на спотешеньице,
При старости лет на прокормленьице —
У меня одно ты ядиное
Не слуха свою да стару матушку».
И сберализе и съеждялисе
Со всего царства да на зеленой луг,
На тое кружало на царьское,
На тое побоище великое:

Убить да Василья сына Буславьева.
Василей, сын Буславьевиць,
Спит да не пробудицце,
Незгоды над собой не ведает.
У его была дружина хоробрая,
Будит его да со крепка со сну
И не може разбудить она
Да со крепка со сну,
И ронит ему горюци слезы да на бело лице,
И выставае Василей, сын Буславьевиць,
И говорит она таковы слова:
«Што же ты долго спишь да не пробудиссе,
Незгоды над собой не ведаешь?
Над тобой е незгода великая:
Стоит силы, што церна ворона,
Убьют тибы да добра молодца».
У его сердецько разгорелосе,
Обувал он цеботы сафьянныи,
Взимал он палицю булатнюю
И выходит он на круто крыльце.
И стоит силы, што церна ворона,
У его сердецько разгорелосе
И спустилсе ен на тое кружало на царское,
На тое побоище великое,
И стал ен палицей помахивать.
Куды махне — туды улицька,
Перемахне — переулоцек.
И мужиков-то в гради мало ставицце,
Мало ставицце и мало заводицце.
Стали родной матушки да жалобы доносить:
«На имя цесна вдова Овдотья Тимофиевна,
Уйми, прикроти свое цядо милое,
Цядо милое, дитя любимое.
Пусь оставит мужиков новгороцькиих хоть на симяна!»
Думала ена своим да старым разумом:
«Спереду зайти — дак мне живой не быть,
А сзаду зайти — дак могу ль сдержать?»
И вскори пала ему на могуции плеци
И говорила ена таковы слова:
«Ай же ты, молодой Василей сын Буславьевиць,
Послухай свою да стару матушку,
Оставь мужиков новгороцькиих хоть на симяна!»
И говорил тут ен ей таковы слова:

«Спереду бы зашла — тебе живой не быть,
А сзаду зашла — дак послухаю свою стару матушку
И оставлю мужиков новгородцких хоть на симяна».
Посли этого побоища великаго
Ен спал три дни да три ноци.
Потом эты вести разносилисе
Про этое побоище великое.
Приходит тут к Василью старцище Елизарцище,
Идет он по мосту по Волхову,
Клюхою опираецце, Волхов мост колыбаетце.
И говорит: «Молодой куренок, не прокуривай,
И малой щененок, не пролайкивай,
Где е у мня е любезный хресницек,
Василей сын Буслаевиць,
И надо мне с им похристовкацце».
У Василья была дружина хоробрая,
Розбужда⟨ла⟩ его да со крепка со сну
И говорит ему да таковы слова:
«Што же ты долго спишь да не пробудиссе,
Незгоды над собой не ведаешь?
Над тобою е незгода великая:
Пришел к тебе старцище Елизарцище
И зовет тебя ко мосту ко Волхову,
И надо с тобой похристовкацце».
У его сердецько разгорелосе,
Обувал ен цеботы сафьянныи,
Взимал ен палицю да девяносто пуд
И выехал ен ко тому ко мосту ко Волхову.
И говорит ему старцище Елизарцище таковы слова:
«Ай же ты, любезной мой хресницек,
Надо мне с тобой да похристовкацце —
Не дано яицько о Христови дни,
Дак дам тебе яицько о Петрови дни».
Помахнул своей клюкою богатырскою —
Стоит Василей сын Буславьевиць,
Не стряхнецце и не сворохнецце.
У его сердецько разгорелосе:
«Ай же ты, мой хресной батюшко,
Надо мне с тобой тоже похристовкацце.
Не дано яицько о Христови дни,
Дак дам тебе яицько о Петрови дни».
Помахнул ен палицей богатырскою —
Вылетали у старцища да оци ясныи

И поплыли по Волхову
Как два голуба, два сизыих.
И тут ему ды славы поют.

№ 512

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

Во том во славном городи
Да еще жил мо́лодый боярин Дюк Степанович,
Да еще ён жил-то, ён взял приставилсе,
Приставилсе да приготовилсе.
Да оставаласе честна́ вдова Мамельфа Тимофеевна,
Да оставал(ы)се Василей сын Буслаевич.
Да еще стал ли ён во Новгород похаживать
Да с новгородскима ребятыма пошучивать:
Кого по́д ногу подпнет,
Да кого за́ руку фатит — рука прочь летит,
Да кого за́ голову фатит — голова прочь летит.
Да тут удумали думу ль мужики да новгородские
Да что идти к его да хрёсну батюшку,
Да ко тому старчищу Перегрю́мищу:
«Да ты уйми-ко своего крестного дитятка,
Да ён побил, побил да наш Новгород,
Да не оставил народу нам на си́мена!»
Да что справляетсе старчищо, снаряжаетсе,
Да одевает ён одежды тяжелые,
Да кладывает ён колокол до во сорок пуд,
На голову колокол,
Да колокольным языком подпираетсе.
Да идет о Волхов — мост да нагибаетсе.
Да приходил он на болото на Кули́ково,
Да на то́ё ли побо́ищё великое.
«Да не слепая курапа́ти, не попу́ркивай,
Да молодой ли щенок, да не поплясивай!»
Да еще так ли Василей сын Буславьевич
Да зафатил его за руки за белые,
Да проводил его в полаты белокаменные,
Да он садил его за столики дубовые,
Да хоть за ты он скатерки шелко́вые,
Да напоил ёго пивом ёго пьяным.
Да от пришел Василей во чисто́ поле́,

Приходил-то Васильюшко он на белой двор,
Да не попало оружицё уру́цьное,
Да-от попала ему да ось и тележная.
Да приходил-то Василей на болото Кули́ково —
Там новгородьски мужицьки да бьютсе-ранятсе
Да со Васильевой дружиной и со храброю.
Да что Васильевой дружины мало можетсе,
Да голова-то у дружины пиреложена,
Да руки, ноги кушакамы перевязаны.
Да он видь раз отмахнул людей — улицей,
Да ён другой видь-от отмахнул — переулоцек,
Да нунь народ, народ отряхнул, как травы́ с косы.
Да хоть удумали ль думу мужички новгородьские
Да что идти к его родитель-матушке.
Да идут они вси цело́м да поклоняютсе:
«Да ты, цёсна́ вдова Мамельфа Тимофеевна,
Да сходи-ка ты на болото на Кули́ково,
Да хошь на то ли побоище да великое,
Да ты уйми своёго рожона дитятка,
Да он побил, побил наш весь Новгород,
Да не оставил народу нам на си́мена».
Да восправляетсе матушка, снаряжаетсе,
Нунь приходила на болото на Кули́ково,
Да на тоё ли на побоищё великое,
Зафатила его за руцики белые,
Да провела его в палаты белокаменны,
Да напоила напитоцьками пьяныма,
Да повалила на кроватоцьку кисо́вую,
Да на тую перинушку пухо́вую.
Да ищё спит-то Василий, не пробудитсе,
Да от крепкого сну да не профатитсе.
Как выходил же Васильюшко на белой двор,
Да на тую ли хоть на конюшню постоялую,
Да выбирал он себе Бурушку не езжена,
Да он не езжена коня, не седлана.
Поди стал еще-то ён Бурушку обседлывать,
Поди обседлывать-обуздывать,
Да он двенадцатью подпругами подпруживал,
Ён тринадцатую-то подпругу клал продольную,
Да хоть не ради ли красы, да молодецькою,
Да ради крепости да богатырьською.
Да приезжал-то Василей во цисто́ поле́,
Да ту видь увидел да горюч камéнь.

Да выше лесушку хоть стоячего,
Да ниже облака да ён ходячего
Да еще раз-от скоцил — пере́скоцил,
Да в другой раз д' ён пере́скоцил,
Ну третей скоцил — да ён не пере́скоцил,
Ну ён задел видь церным цеботом за горюч каме́нь,
Ды и пал Василей о сыру́ землю́.
Да еще тут-то Васильюшку славы́ поют.

№ 513

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

Во том-то во городи во Киеви
Жила-была честна вдова Мамэльфа Тимофеевна,
У ней сын-то был Василей сын Буслафьевич.
Как стал-то он во Новгород поезживать,
С новгородскими ребятами поигрывать,
Кого за руку хватит — рука из плеч,
Кого под ногу пнет — нога-от прочь.
Говорят же мужики новгородские:
«Ай же ты, Василий сын Буслафьевич,
Да ты собьемся-ко с нами о велик залог:
Уж ты можь ли побить наш Новгород,
Не оставить народу нунь на си́мена?»
Говорит же Василий сын Буслафьевич:
«Да уж вы дайте дружинушку храбрую,
Да я возьмусь побить ваш весь Новгород!»
Как узнала ето да ро́дна матушка,
Да приходила она да тут во Новгород,
Да захватила за рученьки за белые,
Провела его в полату белокаменну,
Да напоила напиточкамы пьяныма.
Повалила на кроваточку кисо́вую,
Да вот на тую периночку пухо́вую.
Да уж спит ли Василей не пробудитсе,
От крепкого сну да не прохватитсе.
А на том же болоте на Кули́ковом,
А на том же побоище великоем,
Да новгородьськи мужики бьютсе-ранятсе,
А вси оны с дружинушкой хороброей.
Да уж как девушка была чернавушка,

Да чернавоцька девушка была служаноцька,
Говорит же она да таковы слова:
«Да уж ай же ты, Василей сын Буслафьевич,
Да что ты, Василей, не пробудишьсе,
Да уж от крепкого сну да не прохватишьсе?
А на том ли болоте да на Кули́ковом,
Да что на том побоище великоем,
Да новгородски мужики да бьютсе-ранятсе
Да со твоей ли дружиношкой хороброей.
Что у ваших да у дружинушка
А было-то головушка переломана,
А руки, ноги кушаками перевязаны».
Как скоцил Василей на резвы́ ноги́,
Как бросал, обувал чоботы на босу́ ногу́,
Кофтанишко, шляпочку одевал на одно ухо́,
Шубоньку одевал на одно плечо.
Воротцы дубовые выставил
Да железны решетки выломил,
Выходил же Васильюшко да на белой двор.
Да не попал ему свой червянный вяз,
А попала ему да ось и тележная,
Да как хватил Василей ось и тележную,
Побежал он на болото на Кули́ково,
Да что на тое побо́ище великое.
Да девочка бежит чернавочка,
Что чернавочка-служаночка,
Да несет она Василько свой червянной вяз.
«Уж ты на же свой червянной вяз,
Да уж ты брось-ко возьми оси тележную».
Затреска́лась вся земля да и поселенная
И побежал уж тут Васильюшко
Да что на то болото на Кули́ково,
Да на той по́боище великое,
Уж как стал же Василей попахивать,
Уж как он стал [по] народу — цела улиця,
Да в другу махнет — дак переулочек,
А народ валит, как травы́ с косы́.
А говорят мужики да новгородские
А к его же идти к хрёстну батюшку,
Да все же оны цело́м да поклонялисы:
«Молодой же старчище Елизарище,
Да ты вуйми да своего да крёсно дитятка!»
Да как справляетсе да одеваетсе

Молодой старчище Елизарище,
А на головку берет шляпку сорок пудов,
А колокольный-от язык да двадцати пяти.
А как идет-то старчище да нахмуряетсе,
А что о Волхов мост да нагибаетсе.
Как увидел Василей сын Буслафьевич
Да своего-то он да ро́дна хрёстнушка:
«Ай же ты, да хрёстной батюшко,
Да тебе не давал яицько о Христова дни,
Дам я тебе яицько о Петрова дни!»
Замахнулся Василей да с полу́силы́,
Да с полу́силы́ да с молодецькою —
Да колокол на голове не шатнетсе,
Да золоцёным кудёрышкам не стряхнутсе.
Посидел Василей сын Буслафьевич
Да замахнул се да тут со всей силой,
Да он со всей поры —
Колокол на голове рассыпалсе,
А буйна-то головка раскололасе.
Да как нацял-то Васильюшко помахивать,
Говорят-то мужики новгородские:
«Да он побьет да весь и наш Но́вый горо́д,
Да не оставит народушку да на се́мена.
Да не наб ли идти дак его матушке,
Да к честно́й вдове Мамельфе Тимофеевне!»
Все оны цело́м да поклонялисе:
«Да уже ты, матушка да ты добротушка,
Да ты уйми-ка ро́дна дитятка,
Да он побьет да наш и весь Но́вый горо́д,
Да не оставит народу нам на си́мена!»
Да что приходит его да ро́дна матушка
Да что на то́е болото на Кули́ково,
Да что на то́е на болото великое.
Как не смела идти она спереди,
Да заходила она да его по́зади,
Да захватила за рученьки за белые,
Привела она в полаты белокаменны.
Выходил Васильюшка на белый двор,
Да выбирал Василей сибе Бурушка,
Сибе Буруш(ы)ка, сибе косматушка,
Дак как стал же Бурушка обседлывать,
Как добра́ коня да он обтачивать.
Застегал он подпругамы двенадцатью,

Да что двенадцатью подпругами да продольныма.
Да как видли добра мóлодца седучи,
Да как не видали его поедучи.
Он хоромамы ли ехал ли, воротами,
На ведь прямо через стену городóвую.
Приезжал ведь Василей на Полóнь-горý,
Да там лежит голова да человеческа,
Да говорит она Васéлью таковы слова:
«Уж ты ай же, Василей сын Буслафьевич,
Ты приехал сюда вот не зачем-то,
Кто приезживал — да не уезживал,
А не уехать тибе, да дóбру мóлодцу!»
Рассердилсе Василей сын Буслафьевиць.
Да уж как пнул Василей в эту голову,
Да покатилась голова да человеческа...

Доехал до горючего камешка, стал он через камешек поскакивать, попрыгивать. Раз перескопил — не доскочил. Второй — перескочил. «Лучше буду позад себя». Как тут скочил и разбился. Тут же Василью и славы поют.

№ 514

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

Жил молодой Васильюшко Буслафьевич,
Задёрнул-то ведь ён да почестин пир:
«Как вы пожалуйте на почестный пир,
Мужики вы ведь да новгородские».
Идут к Васильюшку на почестен пир,
Идут-то все ёны́ да ворочаютсе.
Идет толстой большой да Фома-то был,
Фома-то был да видь да уродливый.
А сам собой еще и благородливый.
«Не ходи, Фома, на почéстной пер
К Васильюшку еще да ко Буслафьевичу.
Как с дубиночкой да и вязиночкой
Как хорош-то ён да и угащиват,
Как он бьё еще да буйну голову,
Переправит-то по резвы́м ногам.
Как с дубинушки дуб да не выстоит,
Как с одного только будет óдна грязь!»
Фома-то ведь ничего не спрашиват,
Идет-то ведь на почестный пер.

Стретает-от Василей Быслафьевич,
Стретает-то Фому на почестной пир.
Как взял-то ён дубиночку-вязиночку,
Ударил видь буйну голову,
Переправил он по резвы́м ногам.
Стоит Фома ище да не ша́тнетсе,
Волоса́ нисколько не воро́хнутсе.
«Ай же ты, мне брат да крестовый!»
Наливал он цяру зелена́ вина —
Как мерой была полтора ведра,
Весом цяра — полтора пуда́.
Как принимал Фома да одной рукой,
Выпивал Фома на один-то здох,
Другу-то ище да пива пьяного,
Така же была цяра, не меньшая.
Выпивал-то ён на один-то здох.
Как третью-то цяру меду сладкого
Выпивал Фома на один-то здох.
Как заходил Фома во и горенку.
Идет тут да ведь в горенку,
Упа́ленькой идет да и этот маленькой,
Упа́ленькой идё да Потанюшка.
Как мужики настрету попадалисе,
Мужики-то ведь новгородские,
Как воротились к Потане тут:
«У него есть уродина великая,
Как примет во гости тебя-то он,
Только ты, уродина, помрешь-то видь,
Как не захошь пива да меда пить,
Не захошь ты ведь зелена́ вина».
Идет Потаня-то тут не воро́чаетсе,
Приходил-то ён да белый двор.
Стрятает тут Василей Буслафьевич:
«Ай же ты, упаленькой Потанюшко,
Становись-ка, силушки попробую!»
Как берет вязинку да в руки ведь,
Ударил-то ему́ буйну голову,
Переправил тут по резвы́м ногам.
Стоит-то ведь Потанюшко — не ша́тнетсе,
Волосиночки не зворо́хнутсе.
«Спасибо тебе, братец крестовые,
Моей силушки да попробовал,
Как могутных-то плеч богатырскиих.

Заходи в мою нову горенку,
Ста́нём с тобой да гостить у мени.
У мня задёрнут да поцестный пер
А для таких гля полномочных видь,
Не гля всякого мужика-то был».
Как вот они ище принапилисе,
Вот оны ище принаелисе.
Как тут мужики новгородские
Задёрнули тут да почестный пер.
Как вси-то на перу наедаютсе,
Как вси-то на перу напиваютси,
Как стали оны да пьянохоньки,
Как вси стали́ оны виселешеньки.
Как говорит Василей Быслафьевич
Как с своимы-то братьямы крестовыма:
«А де же мои братья крестовые,
Толсто́й-большой Фома уродливой,
Фома уродливой и благородливой,
Маленькой Потаня, есть Потанюшка,
Пойдем к мужикам на почестный пер».
Пошли-то на почестный пер,
Заходят в полату белокамянну,
Как говорят мужики новгородские:
«Как вы пришли ведь к нам на почестный пер,
Да видь как ли вас не звали-то,
Как мы видь вас топерь не приглашали-то».
А говорит Василий таковы слова:
«Незваному-то гостю силы Бог прислал!»
Раздвинул мужиков новгородскиих,
Садилсе со своимы да со братьями крестовыма
В самое большое да место ведь,
Мужики только пораздвинулись.
Как тут оны еще принапилисе,
Тут оны еще прика́илисе.
Тут говорят мужики-то ведь:
«Что же нас зацем худо уго́щивал?» —
«Нет, я хорошо да уго́щивал.
У меня была дубиночка-вязиночка
А гля гостей гля видь недобрыих.
Вы зачим дубинушки и не берете зде,
А вы бы так-то нас угостили ведь!»
Как тут оны еще пораздорились,
Билисе оны о велик залог,

О велик залог, не о тысяцях,
Не о ста рублях, не во тысяцю,
А билисе оны о велик залог,
О велик залог — о головках молодецкиих:
Как с утра-то идти на Калинов мост
На ту на реченьку да на Во́лхо-то,
А надо биться тут-де, тут ратитьси.
Васильюшко-то ведь принапилсе тут,
Принапилсе да свалилсе ведь.
Прове́дела его ро́дна маменька,
Честна́ вдова Офимья Тимофиевна,
Брала его на пле́це сво́и-ты,
Тащила во по́гребы глубокие,
Замкнула ведь замки да булатныи,
Завалила его ведь как ду́бьямы,
Ду́бьямы его на ве́рех-то,
Чтобы тут Василей не повышел ведь —
Знала, что ён билсе о велик залог.
Как утром было тут да ранехонько
Выступили мужики еще новгородские
Всим-то городом Новгородом,
Собиралисе до единого
Как битьсе-дратьсе на мосту-то ведь.
А Василий да видь спит-то он,
Спит-то он, Василей, не пробудитьсе.
Его братьица да крёсто́вые,
Тот стоит большой Фома благоуродливой,
Как маленькой упа́лой Потаня ведь,
Как бились оны с мужиками новгородскими.
Как день-то бьютсе тут и не едаючи,
Другой-то день ницо́ не пиваючи,
Другой-то день ведь было, другую ночь.
Как у их головки е переломены,
Платкамы были перевенчены,
Как кушачкамы были перевязаны,
Переплеткамы перепле́тены,
Как нащелкали мужики новгородьские.
Тут проведала видь девка телятична,
Тая ли кухарка она да горнична,
Бежала ведь к Василию Быслафьеву,
А вырыла ведь ду́бья-колодья-то,
Отомкнула видь е́ти по́гребы,
Крыцяла во всю она голову:

«Ай же ты, Василей Быслафьевич,
Как спишь-то ты теперь, проклаждаешьсе,
На⟨д⟩ головушкой невзгоды да не ведаешь!
Твои-то братья были крестовые,
Как были головы переломаны,
Платкамы головки перевенчены,
Как кушачками головки перевязаны,
Переплетками перепле́тены,
Как все-то ёны́ ведь были избитые!»
Как большо́ ведь пробуждаетсе,
Как большо́ ведь тут Васильюшко.
Васильюшко ведь тут помётаетси,
В тонких-то цюлочках без чоботов,
(*Некогда*!)
В одной-то ведь рубахе без пояса.
Берет-то ён ось да зеле́зную,
Железну ось да тележные
От той ли телеги ордынскией,
Бежит-то он еще на Калинов мост,
На ту на реciньку да ведь Во́лхую,
Начал-то мужиков да охаживать.
Полетели мужики еще новгородьские
Во ту ли во ричку во быструю.
Как видят мужички — да бида пришла,
Беда пришла, беда неминучая.
Как нельзя от беды да ведь им,
С этой-то беды да повытти ведь.
Проводили ище да ведь ста́рцище,
Ста́рцищо было переломищо,
Как переломищо, переходищо,
Было ста́рцищо очень сильнёё,
Как сильнёё было да могуцёё,
Могуцёё было да видь порное.
Берет-то ён главу в пятьдесят пуд,
Колоко́л берет да во сорок пуд.
Как дали ста́рцищу злата-се́ребра:
Золота дали как цяру тут,
Другу́ дали с красным земцюгом,
Третью дали да циста золота:
«Убей-ко ты Василья Быслафьева!»
На золото-то он приоза́рилси,
Пошел-то он, колокол-то ведь,
Колокол взял да во сорок пуд,

Главу-то взял еще в пятьдесят пудов,
Идет-то он еще да на Калинов мост,
Идет-то, сам ведь тут да позваниват,
Умúльнё-то видь сам выговариват:
«Как молодой куренок поскакиват,
Молодой куренок поплясыват!
А будешь ты, куренок, поймана,
Да будешь ты, куренок, ощипана».
Так услыхал Василий Быслафьевичь:
«Ай же ты было, да ведь стáрцищо,
Стáрцищо ты, загривищо,
Переломина, перехожина,
Чего ты видь идешь, от чего грядешь?
Как не дал я яйца тебе христовьского,
А дам я тибе яйцо петровьское».
Как наскочил-то видь да Василей,
Ударил по главы́ да ему-то ведь,
Улетела видь да глáва-то,
Улетела у его тут да и́з рук-то —
Отсек ему буйну голову.
Как пал старец да во риценьку,
Во риценьку да во быструю улетел-то он,
Мужика-то ведь новгородьского
Как ах ты принял смерть себе,
Принял смерть-беду да напрасную.
Как остался Василий да живой бывал,
Стал он тут да помахивать,
Помахивать да поколачивать,
Как каляны́ стены́ пробивать начáл.
Как мужики-ты вси разбежались-то.
Видят мужики — да беда пришла,
Бежали тут к ему к ро́дной матушки:
«Ай же ты, родна́ да ведь мать его,
Уйми-тко свое да ведь дитятко-то,
Пусть он нас оставить на се́мяна.
Как тут побьет нас до ядиного!»
Как мать скорей-та ведь справляласе,
Бежала ведь на речку на Во́лхую,
На тот ли ведь еще на Калинов мост.
Как тут старуха видь пораздумала:
«Зайти-то мни к ему да видь пе́редом,
Как улечу во реченьку во быструю
Вмисто мужика новгородского».

Потом видь матушка пораздумалась:
«Зайду ведь сзади, да ведь не спереду,
Паду на плеци ведь богатырьскии,
Буду я его да видь совестить».
Взяла скоцила взади́ да ведь,
Напала его уговаривать:
«Ай же ты, мое цядо ты милое,
Послухай-ко ро́дной матери,
Не бей-ко мужиков новгородскиих,
Оставь-ко их опять да на си́мена,
Как укроти сердецько богатырьское».
Говорит-то он, воспрого́ворит:
«Спасибо ведь тебе, ро́дна маменька,
Зашла ты сзади видь, да не с пе́реда.
Зашла бы ко мне да ведь с пе́реда,
Давно бы ты лежала во ричке во Волхове».
Как укротил сирдецько богатырьское,
Пошли ёны́ теперь на отдо́х-то ведь.
Как тут-то времецко да продлило́си,
Как этот-то был тут е Буслафьевич
Поехал с дружинушкой со своей.
Взял-то видь Фому да уродлива,
Как малого Потанюшка:
«Как мы пойдем видь во чисты́ поля,
Как во чисты́ поля до во тыи
Самому́ сиби показать,
Людей-то видь нам надо посмотреть,
Сражаться ведь с каким ли бога́тырем».
Заехали оны по чисты́м полям,
Заехали, придумали на гору высокую,
На тую на шоло́му иска́чную.
Как ехали по горы́ по высокией,
Как нунь наехали на чудо ведь:
Лежит-то кость-то пропащая,
Кость-то была чоловечешна.
Начал Василей да попинывать,
А кость стала проязычивать:
«Как не пинай, Василей Буслафьевич,
Как был-то я богатый бога́тырь-то ведь,
Не хуже тебя да не меньше,
В плецях я, бога́тырь, не у́же был.
Как на этой горы́ мне ведь смерть пришла,
Да на этой горы́ тибе смерть придет».

Поехали маленько по гори́ ведь,
Лежит-то бел камень огромадныих,
На ка́меню было подписано,
На ка́меню было напицатано:
«Так кто через этот камень пере́скочит,
Тот живой отсюль да не выйдет ведь».
Скоцил-то маленькой да Потанюшка,
Потанюшка скоцил, будто рябчик ведь.
Скоцил большой Фома да уродливый,
Перескоцил, будто да рябчик ведь.
Пришло скакать Василью Буслафьеву.
Скоцил-то он тут цере́з каме́нь,
Задел ногамы своимы, да чо́ботамы,
Пал-то он на ще́лье́ головой,
Голову и расколол-то ведь.
Тут ему жизнь да кончаласи.

№ 515

ПРО ВАСИЛИЯ БУСЛАЕВИЧА

Жил Буславьюшка не старелся,
Живучись Буславьюшка преставился,
Оставалось у Буслава чадо милое,
Милое чадо роженое,
Молодой Васильюшко Буслаевич.
Стал Васильюшка похаживать,
Стал нелегкие шуточки пошучивать,
Кого возьмет за руку — рука прочь,
Кого за ногу — нога прочь,
А кого ударит по горбу —
Тот падет и сам сутулится.
И говорят тут мужики новгородские:
«Ай же ты, Василий Буславьевич,
Тебе с этой удачей молодецкою
Наквасить будет Волхова-река».
И пошел Василий со веселой улочки,
Он не весел идет домой, не радошон.
Встречает его родна матушка
Честна вдова Иринья Васильевна:
«Эх ты гой, мое рожено дитятко,
Ты зачем идешь не весел, не радошон,

Кто тебя на улочке приобидел?»
И говорит тут Василий Буславьевич
Своей государыне родной матушке:
«А никто меня на улочке не обидел,
А я кого возьму за руку — рука прочь,
Кого за ногу — нога прочь,
А кого ударю по горбу —
Тот пойдет и сам сутулится.
И говорят мне мужики новгородские,
Что мне с этой удачей молодецкою
Наквасить будет Волхова-река».
И говорит ему родна матушка
Честна вдова Иринья Васильевна:
«Зови-жалуй, Василий, на почестен пир,
Чтобы тебя во Новгороде не обидели».
И садился Василий за дубовый стол,
И писал он тут записоцки,
А записоцки приклеивал ко стрелоцкам,
А стрелоцки пущал по Новгороду.
Стали стрелоцки по улицам попадывать,
А стали люди стрелоцки посматривать,
Стали грамотные стрелоцки прочитывать:
Зовет-жалует Василий на почестен пир.
И собиралися тут мужики новгородские
К Василию Буславьевичу на почестен пир,
И собиралось их на двор много-множество,
И кричат оне Василию таковы слова:
«Ай же ты, Василий Буславьевич,
Теперь мы стали на твоем дворе,
Все мы яствушки у тебя повыедим,
Цветно платьице твое повыносим,
Красно золото повытащим».
Эти речи Василию не слюбилисе,
Как выскочил Василий со новых сеней
И хватил Василий черленый вяз,
И пошел Василий по двору,
И стал он вязом помахивать,
Новгородских мужиков стал уга́щивать.
От куда махнет — туда улица,
Перемахнет — с переулками,
Вперед просунет — площадь целая.
И лежат-то мужики тут увалами,
Увалами лежат, перевалами,

Набило мужиков, как погодою.
Наливал Василий чашу зелена вина,
Мерой чашу — полтора ведра,
А весом чашу — полтора пуда,
А сам ко чаши приговаривал:
«Кто примет эту чашу единой рукой
И выпьет чашу за единый дух,
Тот будет моя дружина храбрая».
Идет ко чаше зелена вина
Тот Потанюшка Горбатенький.
Брал он чашу одной рукой
И выпивал он чашу за единый дух.
Как выскочил Василий со новых сеней,
Хватал Василий свой черленый вяз
И ударил он Потанюшку по горбу.
Стоит Потанюшка — не окрянется,
На буйной голове кудри не ворохнутся.
И говорит Василий Буславьевич:
«Ай же ты, Потанюшко Горбатенький,
Пойдем со мной в палаты белокаменны,
Будь ты моя дружина храбрая».
И наливает он чашу зелена вина
И ставит чашу осередь двора,
А сам ко чаше приговаривает:
«Кто примет эту чашу единой рукой
И выпьет чашу за единый дух,
Тот будет дружина моя храбрая».
Мало-то идет, мало новый идет,
Идет тут Костя Новоторжанин
Ко этой чаше зелена вина.
Берет он чашу одной рукой
И выпивает чашу за единый дух.
И выскочил Василий со новых сеней,
Хватал Василий свой черленый вяз,
Он ударил Костю в буйну голову.
Стоит тут Костя — не ворохнется,
На буйной голове кудри не тряхнутся.
И говорит тут Василий Буславьевич:
«Ай же ты, Костя Новоторжанин,
Ты иди в мои палаты белокаменны,
И будешь ты моя дружина храбрая».
И наливал Василий чашу зелена вина,
Мерой чашу — полтора ведра,

А весом чашу — полтора пуда,
И ставил чашу осередь двора,
А сам ко чаше приговаривал:
«Кто примет эту чашу единой рукой
И выпьет чашу за единый дух,
Тот будет моя дружина храбрая».
Идет тут к чаше зелена вина
Хомушка Хроменький,
Берет он чашу одной рукой
И выпивает чашу за единый дух.
Как выскочил Василий со новых сеней,
Он ударил Хомушку по хромым ногам,
И стоит тут Хомушка — не крянется,
На буйной голове кудри не ворохнутся.
Говорит тут Василий Буславьевич:
«Ай же ты, Хомушка Хроменький,
Ты пойдем со мной в палаты белокаменны,
Будешь ты моя дружина храбрая».
А садилисе оне тут за дубовый стол,
Стали оне тут пити зелена вина,
Говорит им Василий таковы слова:
«Пейте-кушайте вы, молодцы, теперь досыта,
А бояться нам в Новгороде теперь некого».
А у того у князя новгородского
Заводился у него тут почетный пир,
И всем на пир есть приглашеньице,
А молодца Василия дак и не чествуют.
И говорит Василий своей матушке:
«А пойду я ко князю на почестен пир».
Говорит ему родна матушка,
Честна вдова Иринья Васильевна:
«Званому гостью место есть,
А незваному гостю места нет».
И говорит Василий Буславьевич:
«А я сам себе найду место со дружиною».
И пошел Василий к князю на почестен пир
Со своею дружиною храброю.
И зашел Василий в сени княженецкия.
Гости все за столом разом поднялисе.
Подошел Василий к столам дубовыем,
Гости многие испугалисе,
А иные по домам разбегалисе.
И садился Василий за дубовый стол,

Мало-помалу все гости собиралисе,
И все на пиру напивалисе,
И в полупире все стали хвастати:
Сильный хвастает своей силою,
Своей силою-удачей молодецкою,
Другой хвастает кони добрыя,
Третий хвастает славным отчеством,
А богатый хвастает золотой казной,
Умный хвастает старой матерью,
А безумный хвастает молодой женой.
Молодец Василий ничем не хвастает.
И говорит ему новгородский князь,
Даже всей дружине его храброей:
«А вы что, молодцы, ничем не хвастаете?»
А говорит тут Костя Новоторжанин:
«Я остался от батюшки малёшенок,
Малёшенок и зеленёшенок,
Только этим могу я похвастати».
И говорит Василий Буславьевич:
«Вот чем я, молодец, похвастаю:
Буйной головой на весь Новгород».
И многи тут бояре не поняли,
Показалосе им непонятное,
Меж собою они стали перешаптывать.
И говорит им Василий Буславьевич:
«Вот я чем, молодец, похвастаю,
Я ударюся с вами о велик заклад
Со дружиною на весь Новгород,
Если вы того не поняли,
Так расскажу я вам по правилу,
Что пойду я завтра на Волхóв мост.
Хоть свалят меня дó мосту,
То вести на казнь на смёртную,
Отрубить мне буйна голова,
Хоть свалят меня у́ мосту,
То вести на казнь на смёртную,
Отрубить мне буйну голову,
Хоть свалят меня и посеред мосту,
То вести меня на казнь на смёртную,
Отрубить мне буйну голову.
А как пройду я третью заставу —
Потом делать со́ мной будет нечего».
Так оне согласилисе,

И до утра оне распростилисе,
Что идти завтра Василию на Волхóв-мост.
И пошел Василий со честна пира,
Он не весел идет домой, не радостный,
Встречает его родна матушка,
Честна вдова Иринья Васильевна:
«Ай же ты, Василий Буславьевич,
Что же ты идешь со пиру не весел и не радошон,
Верно место тебе было не пó чину,
Или чарой тебя обнесли,
Или дурак над тобой надсмеялся-де?»
Говорит Василий Буславьевич:
«Ты, желанная моя матушка,
Ты, честна вдова Иринья Васильевна,
Ты зачем такого меня спорóдила,
Разудалого или упрямого?
А расскажу я тебе все по правилу:
Место я на пиру сам выбирал,
И чарою-то меня не обносили,
Надсмеяться надо мной не посмел дурак,
А побился я, молодец, о велик заклад
Своей головой да и на весь Новгород,
Что идти мне завтра на Волхóв мост.
Хоть свалят меня дó мосту,
То вести на казнь на смёртную,
Отрубить мне буйна голова,
Хоть свалят меня у́ мосту,
И вести на казнь на смертную,
Отрубить мне буйну голову,
И хоть свалят меня посередь мосту,
То вести на казнь на смертную,
Отрубить мне буйна голова.
А пройду я третью заáставу,
Дак со мной делать будет нечего».
И запирала его тут матушка
Во кладовоцку во железную,
И подпирала двери его черленым вязом,
И насыпала мису чиста серебра,
Вторую мису — красна золота,
Третью мису — скатна жемчуга.
И пошла она к князю со подарками.
Говорит она князю новгородскому:
«Ай же ты, новгородский князь,

Прими ты от меня дорогие подароцки,
А прости ты сына моего любимаго».
Отвечает ей новгородский князь:
«Тогда прощу, когда голову срублю».
И пошла она домой, заплакала,
Разбросала она серебро, золото и скатен жемчуг
По чисту полю,
А сама говорит таковы слова:
«Не дорого мне ни злато, ни серебро,
А дорога мне буйна головушка
Моего сына любимаго,
Молода Василья Буславьевича».
И прошла та ночка темная,
И настало утро ясное,
И собирались тут мужики колонами —
С топорами, вилами, ухватами,
А сами кричат таковы слова:
«Ай же ты, Василий Буславьевич,
Выходи-тко ты к нам на улочку,
Ты рушай же свои заветы великия».
Как выскочил тут Костя Новоторжанин,
Убил он силы сто человек,
Убил он силы и другой сто,
Убил он силы и третью сто,
Убил он силы до пятисот человек.
На смену выскочил Хомушка Хроменький,
Убил он силы сто человек,
Убил он силы и другой сто,
Убил он силы и третьо сто,
Убил он силы до пятисот.
И выскочил Потанюшка Горбатенький.
А и было у Василия Буславьевича
Служаноцка-портомойница
И мыла она платьица на реке Волхове,
И стало у девушки коромыселко поигрывать,
С головушки на головушку попрыгивать,
Убило оно силы сто человек,
Убило силы другое сто,
Убило силы и третьо сто,
Убило силы и до пятисот человек.
И подскочила к кладовоцки железноей,
И говорит она таковы слова:
«А ты спишь, Василий, прохлаждаешьси,

А твоя дружина ходит по колен в крови бродит».
Говорит Василий Буславьевич:
«Ты, любезная моя служаноцка,
Отопри-ко ты двери железныя».
Отпирала она двери железныя,
И выходил Василий на улицу,
И крицит свое дружинушки хороброей:
«Эх ты гой, дружина моя храбрая,
А вы подьте теперь опочи́в держать,
А я буду с ребятами поигрывать».
И дошел Василий до мосту,
Навстречу идет его крестовый брат,
Тридцать пуд в руках шалыга подорожная,
И говорит он Василью таковы слова:
«Молодой курей, не попархивай,
На крестового брата ты не наскакивай,
Помнишь ли как мы учились с тобой вместе грамоты,
Я над тобой был тогда большой брат,
И теперь буду над тобой больший брат».
И поднимает он шалыгу тридцать пуд,
И хочет ударить Василья в буйну голову.
Хватал Василий шалыгу правой рукой,
А пинал он брата левой ногой,
Давно у брата и души нет.
А сам к ему и приговаривал:
«Нет, — гыт, — у меня друга вернаго,
Не того ли брата крестового,
А брат пришел для себя ружье принес».
И брал Василий шалыгу подорожную,
И пошел Василий по мосту,
И доходит он до середь моста,
Ему Василий приговаривает:
«Не дал тебе яичка о Христоваго дни,
Так получил яичко о Петров дни».
И прошел Василий третью за́ставу,
И напустился Василий на дома на каменны,
И забегал тут новгородский князь,
И забегал он тут по за́дворкам.
Он бежит к вдове Ирине Васильевной:
«Ты, честна вдова Иринья Васильевна,
Призакличь ты своего сына родимого».
И выходила тут Иринья Васильевна,
Закликала она своего сына родимого,
Что ль того Василия Буславьевича.

№ 516

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

Буслав девяносто лет жил в Новом городе,
С Новым городом не здаривал,
С каменной Москвой не перечился.
Было у Буслава чадо милое
И дитя любимое — Василий Буслаевич.
И был он в малом возрости, стал пяти лет,
Стал с ребяткамы погуливать,
На улички подуривать:
За руку хватит — руки у того нет,
За голову хватит — головы у того нет.
Пошли жалобы великие Василиевой матушки.
Забрала она его в глубок погрёб,
Засыпала дверь жолтым песком.

Только в косивчато окно ему давали свет и питание. Двенадцать лет ему пополнилось, образовался он там человеком настоящим. И созвали его на почестен пир старшины новгородскии. Пир ему не пондравилса, гостёба вся не пондравилась. Тут он ударил дорогой заклад: «Вы пир сотворили Новым городом, а я один составлю пир и ко мне приходите всем городом». Начали собераця к нему на почестен пир. Он положил на ворота вывеску: «Кто вытерпит Василия раз, тот к Василию на почестный пир».

Взял вязину чермную,
Стретать стал в воротах в широких,
Собрал дружину только одиннадцать человек,
Сам — в двенадцатых.
Остальные мужички пошли охолом от ёго хоцётсы.
Когда возгордились старшины новгородские, обозлился крепко.

№ 517

ПРО ВАСИЛИЯ БУСЛАЕВИЧА

Жил Буслай в Новгороде, не спорил не вздорил, с Москвой-матушкой не перечился. Состарился и к общей радости остался у него сын Василий Буслаевич. Стал Василий ростеть и матереть, стал он на уличку похаживать, с робятами стал поигрывать. Ну игра его была не шуточна: кого ухватит за руку — без руки домой бежит, а кого ударит — на зени лежит. И стали тут на него многие жаловаться его родимой матушке, как бы она прибрала своего сынка любимого, а не спущала бы его на улицу. А все Васильюшка рос и матерел.

Повозмужал Василий Буслаевичек, стал на уличке погуливать, а с мужиками с новгородскими стал взадор говорить. Сговорились мужики новгородские побить Василия Буслаевича. И со-

бралася большая партия мужиков новгородских на Волховском мосту. И стали поджидать Василия Буслаевича, чтобы сбросить Василия в Волхов-реку. А про это Васильюшка да все узнал, распроверил все в Новгороде, что собираются мужики новгородские побить Василия Буслаевича на Волховском мосту.

Тогда Васильюшка призадумался, обдумал он очень скорешенько. От большого колокола взял под мышку язык и пошел через мост, что будут мужики с ним, значит, делать. Когда он подходил к мосту, то начали мужики набрасываться, чтобы выбросить его с моста в Волхов-реку. Но Василий их до себя не допустил, стал языком помахивать, и пошла у них драка великая.

Услыхал его да крестный батюшка, что крестник на Волховском мосту дерется с мужиками новгородскими. Вооружился его крестный батюшка; на голову клал он большой колокол, а в могучи руки взял он тоже язык от колокола. Когда заметил Василий Буслаевич, что идет его крестный батюшка, пробивается сквозь густую толпу мужиков новгородских. И уже очутился наперед мужиков новгородских его крестовый батюшка. «Здорово, мой крестовый батюшка, ты не дал мне яичка в Христова дни, а я дам тебе яичка в Петрова дни». Как замахнулся языком тяжелым и ударил по колоколу и разбил его вдребезги. А у крестного батюшки глаза на лоб выскочили и поплыли по Волхов-реки, как два гоголя.

Услыхала его родна матушка, что убил он крестна батюшка, справлялась она скорешенько, побежала она на Волховский мост, а то он добьет остальных мужиков новгороскиих. Зашла она позади своего сынка любимого и накинула ему на плечи свои руки могучие. «Спасибо, моя матушка, что пришла ты позади, а пришла бы впереди, улетела бы взаместо мужика новгородского». Повела его родна матушка со Волхову мосту, с той ли великой драки новгородскую.

Стал Васильюшка по городу похаживать, выбирать себе дружину храбрую. Вкопал он в землю дубовый столб, а на столб надел он стальной шишак и принес тяжелый конусный молот, написать подпись: «Кто этим молотом стальной шишак пробьет, тот ко мне в дружину пойдет». Идет Ванька с одной правой рукой, левой нет руки; берет молот одной правой рукой, ударил так сильно, что до половины молот ушел в шишак. Этот в его дружину годится. Потом Васька хромой о дубинку опирается, приходит к столбу, берет молот и нанес удар очень сильный тоже, молот залынул в столб.

Подобрал он дружинушку двенадцать молодцев, сам он был в тринадцатых, оседлали они себе коней что не лучшиих, а поехали они во чисто поле ратовать. Приехали они к белу-горючу каменю, где была подпись подписана: «Кто этот камень перескочит, тот поедет дальше ратовать, а кто не перескочит, тот должен домой вернутися». И увидали они у этого камня много костей лежало богатырскиих. Вся его дружинушка храбрая засомневалася: «Что же, — говорят, — нам делать?» Опускался Василий с своего коня, подходит он к бел-горючу камню, говорит он таково слово: «Вы, дружинушка моя храбрая, кто из вас да перескочит первый?» А дружина его храбрая отвечает ему: «Нет, Василий Буслаевич, твоя первая очередь». — «А когда моя первая очередь, тогда я скину с себя бронь и буду перескакивать». Снял он с себя платье верхние, разбежался, прыгнул — не допрыгнул, другой раз разбежался — перескочил, а сглозанули его ноги о камень, тут его и жизнь кончилась.

Похоронили они Василия Буслаевича, дружина его храбрая, и возвратились в свой Новгород к его родной матушке с известием не с радостным, что у бела-горюча камешка, что вот любимый сын Васильюшка сложил буйную головушку. Говорит его родна матушка: «А не для этого я тебя

родила, не для того я тебя ростила, чтобы моему сыну сложить буйну головушку у бела-горюча камешка да похорони своима товарищами».

(*Так мальком вызывавал, читаны были очень давно, родители грамоты не учили.*)

№ 518

О ВАСИЛИИ БУСЛАЕВИЧЕ

Во том ли во славном Нови городи
Жил да был Буслав да сын Иванович,
Жил да был да ён и жить преставилсе,
Жить пеставилсе да приготовился.
Оставалася чесна вдова Намельфа Тимофеёвна,
Оставалсе Василий сын Буславьевич.
Ну стал ён на улошку похаживать,
Да с новгородьскимы ребяткамы стал поигрывать:
Кого за руку да ско́пнет — дак рука с плеча,
Кого под ногу подо́пнет — дак нога долой,
Кого за голову схватит — дак и голова с плеча.
Собиралисе городьские да робятушки
Ко этой-то вдовы Намельфы Тимофеевны:
«Да уйми-ка своего рожона дитонка».
Приходил как тут Василий сын Буслаевич,
Приходил как тут Василий да на ши́рок двор,
Да приходила к нему девушка-чернавушка,
Девушка-чернавушка, ихняя служаночка:
«Ай же ты, Василий сын Буславьевич,
Да ты сходи-ка на болото на Кули́кое,
Да на то еще побоище великоё,
А на том на побоище великоем
Как новгородьски мужики да бьютьсе, славятсе,
Как твоей-то дружины да мало можетсе,
Мало можетсе да нездоровитсе.
А ней-то вся головушка приломлена,
Руки-ноги кушаками перевязаны».
(*Тоже уж, видно, не было ничего, кушаки уж вязали.*)
Приходил Василий на широк двор,
Как фатал-то Василий ось тележную,
Побежал-то Василий на поле Кули́кое,
Да на тоё на побоище великоё.
А бежит тут девушка-чернавушка,
А ихняя да девушка-служаночка:

«А как брось ты, Василий, ось тележную,
А на-ка, Васильюшка, черняный вяз».
А как взял Васильюшка черняный вяз,
Приходил-то Василий на болото на Кули́кое,
А на тоё на побоищё великоё.
Ён как сторону махнет — дак будет улочка,
А в другую поведет — дак переулочок,
А народ-то валится, как трава с косы.
А удумали мужики да новгородьскии
А сходить-ко за его да крестным батюшком,
А за этиим старчи́щем Перегрюмищей.
Ну сходили за старчи́щем Перегрюмищем.
«Ай же ты, старчище Перегрюмище,
Ай сходи-к' ты на болото на Кули́кое,
А на тоё на побоище великоё,
Ай уйми ты свой крёстно дитятка,
А не оставит нам народушку на симяна».
Ну накла́дал старчи́ще Перегрюмище
На свою голову колоко́л дак ровно ⟨сорок⟩ пуд,
Идет ён колокольным языком подпираетсе,
Да и Волхов-от мост прогибаетсе.
Приходил-от старчище Перегрюмище
Как на это на болото на Кули́кое,
Да на тоё на побоище великое.
Ен наносит колокольный-то язык на крёстно дитятко.
Как отводил-то Василий сын Буславьев,
Да отводил своим черненым вязо́м,
А отводил-то ен ведь вполсилы,
Отводил-то ен ведь впо́лпоры
Да старчищу тому Перегрюмищу.
Еще пал-то старчище Перегрюмище о сыру́ землю́,
Раскололо у старчище буйну голову.
«Ой же ты, крестный мой батюшка,
Тебе не дано яичка во Христов день,
Тебе дал я яичко во Петров день».
(*Ён с ним похристосовалсе, как допреж было́ принято.*)
Ну удумали мужички-то новгородьскии,
А надо сходить да за его родной матушкой,
За чесной вдовой Намельфой Тимофеёвной.
«А не можано ли унять своё рожоно дитятко,
Не оставит ен народушку на симяна».
Ну справлялась чесна вдова Намельфа Тимофеевна
Ды на тоё на болото, на болото на Кули́кое,

А на тоё на побоище великое.
«Ай же ты, рожоно дитятко,
Оставь-ка ты народушку на симяна». —
«Ты, чесна вдова Намельфа Тимофеевна,
А была ты родушку умного,
Отца-матери была ты разумного,
Не зашла ты с личка белого,
А зашла ты с плечка резвого.
Я, кажись, убил своего крёстна батюшка,
А с лица — все равно убил».
Ну бросил-ко Васильюшка черняный вяз,
Ну приходил-то Васильюшко в свою палату белокаменну,
И заснул ён своим крепким богатырским сном.
Выходил-то Василий да на ши́рок двор,
Выбирал ён себе Бурушка-то сивушка,
Ён облаживал да обкольчуживал
Вси двенадцати подпружна железныма,
А тринадцата подпруга — та железная,
Не ради красы-басы да молодецькую,
А ради крепости да богатырскою.
Ну садилса Василий сын Буславьевич
Ён на Бурушка, ды ён на сивушка,
Ены вид⟨е⟩ли добра молодца седучись,
А не видели удалого поедуче.
А ни он поехал ли воротами,
А ни прямо через стену городовую.
Прошла тут дороженька да конная,
Тут дороженька да лошадиная.
Приезжал-то Василий во чисто́ полё,
И во чисто поле да на Форунь-гору,
На Форунь-гору да на высокую.
А лежит тут голова да чоловичия.
Сопустился тут Васильюшка со Бурушка да со сивушка,
Ен и стал ведь ту головушку попинывать.
А говорит тут голова да чоловичеська:
«Не пинай-ка ты, Василий сын Буслаевич,
Ай той головы да чоловичию,
Еще кто ни на Форунь-гору не езживал,
А никто ведь живой-то не уезживал!»
Как пнул тут Василий ту головушку,
Улетела голова да за Форунь-гору,
А лежит тут камешек да на сырой земле,
Да ён сырёшенек, да ён белёшенек,

В на камешке на том подпи́сано: «Приезжать да перескакивать».
Ну раз от Василий скочел да ён перескочил,
Да другой-то он скочил да ён перескочил.
«Ну не честь-то фала да молодечкая,
Что перед себя да поскакивать,
Дай скочу-то уж назад себе».
Как скочил-то Васильюшка назад себе,
Да задел он черным чоботом за серой камень,
Да пал-то Василий на серой камень,
Расколол себе Василий буйну голову.

№ 519

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

Во том славном Нове городе
Да еще жил Буслав да сын Ивановиц,
Ён жил то тут да приставился,
А приставился да приготовился.
Оставалася честна вдова Намельфа Тимофеевна,
Оставался Василей сын Буславёвич.
Он стал ли в Новгород похаживать,
С новгородскима ребятамы пошучивать:
Кого за руку дёрнёт — рука прочь,
Кого под ногу подопнёт — дак ноги-то нет,
За ухо-то схватит — головы не стало.
Да приносили честной вдове Намельфи Тимофеевны:
«Приуйми да ты рожона дитятко божоно». —
«Ничёго и не могу я с ним поделати,
Не могу я никак его растити».
Да на том на болоте, на Куликовом,
На побоище да великоём
Новгородьски мужики да бьются-ранятся,
Со Васильевой дружинушкой не можутся.
Голова да вся приломана,
Руки-ноги кушаком перевязаны.
Походил-то Василий сын Буслаевич
Да на то на болото на Куликово,
А на тоё побоищё великоё,
А взял-то Василей ось тележную.
А бежит туды девушка-чернавушка:
«Брось-ко, Василиё, ось тележную,

А возьми-тко, Василей, чернявной вяз».
Бросил Василиё ось тележную,
А взял-то Василей чернявной вяз,
А пришел Василиё на болото, на Кули́ково,
А на тоё побоищё великоё:
Новгородьски мужики бьются-ранятся,
Со Васильёвой дружинушкой не можутся.
Голова-то вся приломана,
А руки-ноги кушаком перевязаны.
Ён как в сторону махнет — будет улица,
А в другую отмахнет — там переулочек,
А народ-от валится, как трава с косы.
«А пойдемьте за старчищем Перегрюмищем,
Да за ёго за крёстном батюшком».
«Пойди ты-ко, старчище Перегрюмище,
Ты уйми-ко, ты уйми крёстно дитятко —
Не оставит ён народу нам на симена».
Налагал-от старчище Перегрюмище
На головушку колокол дак ровно со́року,
Колокольним языком подпирается,
Да иде — Волков-от мостик нагибается.
Приходил-то старчище Перегрюмище
А на это на болото на Куликово,
А на тоё побоищё великоё,
Он нанес колокольнё⟨й⟩ язык
Да на Василия Буслаевиця.
Отводил-то Васильюшко да чернявный вяз,
Отводил-то ён вполсилы,
И вполсилы да полпоры —
Пал-то старчище во сыру землю,
Раскололо у старчища буйну голову.
«Ой же ты, крёстный батюшко,
Тебе не дано яичко о Христово дня —
Я дал тебе яичко о Петров день».
А сходили за его цестной вдовы:
«Ты уйми-ко ты рожоно дитятко,
Не оставит он народу нам на симена». —
Приходила цестна вдова Намельфа Тимофеевна,
Не зашла она с лицька-то белого,
А зашла она с плеча с резвого,
А захватила она сыночка за плечо за могучее:
«А брось-ко ты, Василей, чернявный вяз,
А оставь-ко ты народу на симена». —

«Ай же ты цестна вдова, Намельфа Тимофеевна,
Была роду-то ведь умного,
Отца-матери была ты разумного —
Не зашла ты с лицька белого,
А зашла ты с плецька резвого.
Я, кажись, убил да крёстно батюшку».
Но приходит Василий сын Буслаевич,
А просил-то у родители у матушки
Ай лошадушку могучую,
И выходил-то Василий на широко⟨й⟩ двор
Да выбрал себе Бурушка лошадушку,
И вовлаживал да окольчуживал
Со двенадцатью подпругами железными,
А тринадцатая подпругушка
Не ради красы-басы —
Ради крепости да богатырскоёй.
А ёны видели добра молодца сядучи,
А не видели удалого поедучи.
А стеной ли поехал он али воротами,
А не прямо через стену городовую
Прошла ископоть да тут кониная,
Подороженка да лошадиная.
Приезжал-то Василий на Форунь-гору,
На Форунь-горы-то лежит голова,
Голова-то человицеска.
Сопустился-ко Василий с лошадушки,
Стал головушку эту попихивать.
«Не пинай ты, Василий сын Буслаевич,
Еще кто сюда не езживал,
А никто да отсель да не выезжал».
Улетела голова да под Форунь-гору.
А увидел-то Васильюшко синён камень,
Стал-то Васильюшко поскакивать.
Ён ведь раз скоцил — ён перескоцил,
И другой-то ён скоцил — да перескоцил,
«Но не цесть, не фала молодецьку
Те перед сидя да не поскакивать —
Дай-ко я скацю возьму назад сидя».
Как скоцил-то Василий назад сидя,
Ай задел ён своим да черным цёботом,
Пал-то Василий да о сыру землю,
Раскололо у Василья буйну голову.
И тут-то Василию славы поют.

№ 520

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

Во том во славноем Нове городе
Да еще жил да был Буслаев да сын Иванович,
Ён ведь жил да был да жить преставилсе
Да приставилсе да приготовилсе.
Оставалась честная вдова Мамельфа Тимофеевна,
Оставался Василий да сын Буслаевич,
Стал он в Новгород похаживать,
Новгородскими ребятками поигрывать:
Кого за руку возьмё — та с конё та рука,
Да как волоса дерё — да голова долой сыплется.
И стали приходить к честной Мамельфе Тимофеевне:
«Запрети-ко своему-то сыночку Василию да Буславевичу,
Ён перебил у нас детушек».
Приходил Василий сын Буслаевич
Во своё-то поселеньицо.
«Ай же ты, честная вдова Мамельфа Тимофеевна,
Как на болоте на Куликовом
Бьются и ратятся со Васильевой дружинушкой со храброю!»
И хватил-то Василий стележину,
А бежит-то девушка-чернавушка:
«Брось-ко, ты, Васильюшка, стележину,
А возьми-ко ты, Васильюшка, да черняный вяз!»
Бросил Васильюшка стележину,
Взял-то Васильюшка да черняный вяз,
Да приходил Василий на болото на Кули́ково,
А на тое на побоище великое.
А Васильевой дружины мало можется,
Мало можется да нездоровится.
Голова-то у нее да вся переломлены,
Руки-ноги кушаками перевязаны.
А Васильюшко, что в сторону махнет —
⟨...⟩ что черленым вязом,
Дак народ ⟨...⟩,
А другого отмахнет — народ-то отвалится, как трава от косы.
Удумали новгородские мужики
Да и послали у ему-то крёстну батюшку.
Положил-то на голову колокол сорок пуд
Колом идет, колом подпирается,
Идет-то по мостичку подгибается.

Приходил-то старчище Перегримище к Василию Буслаевичу,
Заносил ён колокольню да на Василия Буслаевича,
Отводил-то Василий черняным вязом
И вполсилы да в полпоры
Раскол у старчища буйну голову,
И пал-то старчище в сыру землю.
«Ай же хрёстный мой батюшка,
Тебе не дано яицко ко Христову дню,
И дал тебе яицко во Петров день».
Опять и мужики думу думали да новгородские
Да приходили к честной вдове Мамельфе Тимофеевне:
«Ай же ты честна вдова Мамельфа Тимофеевна,
Ты сходи-тко на болото Кули́ково
А на тое побоище великое!
Не можешь ли ты унять рожоно божоно дитятко?
И не оставит ён народу нам на семена!»
Поисправилась честна вдова Мамельфа Тимофеевна
А на тое побоище великое,
Ай не зашла ёна да с лица белого,
А зашла она с плеца крутого
И захватила своего дитятка рожоного:
«И брось-ка ты, Василий сын Буслаевич,
Да ты оставь-ко хоть народу на семена!»
Бросил-то Васильюшка черняный вяз:
«Ай же ты, честна вдова Мамельфа Тимофеевна,
Роду ты ведь да разумного,
Не зашла ты ко мне со личушка белого,
А зашла ты ко мне со плечушка со крутого.
Я, кажись, убил да крёсна батюшка». (*Не христосовалсе.*)
Приходил-то Васильюшка во свою палату белокаменну,
Спал ёе крепким сном двенадцать суток.
Профатился да похаживат,
Да прощения у матушки попрашиват:
«Ай же ты, честна вдова Мамельфа Тимофеевна,
Дай ты мне прощеньице-благословленьице,
Я пойду-побреду, куда мня да голова несет».
Выходил-то Васильюшко да на широкий двор
Да выбирал себе Бурушка сивого
Да никого не мог да по себе прибрать.
Уж он выбрал Бурушка-сивушка,
Что он може владеть Васильем сыном Буслаевичем.
Ён обхаживал да окольцуживал
Что двенадцатью да всё подпругами да железными,

А тринадцата подпруга не железная,
Не ради красы-басы да молодецкоей,
Ради крепости да крепости-то русской.
Ай видели доброго молодца седучи,
А не видели его тут поедучи.
Стеной але воротамы поехал Василий сын Буслаевич,
Але прямо через стены города.
Прошло никою тут кониняя да путь-дороженька лошадиная,
Приезжал-то Василий на Форунь-гору,
А лежат тут головы да человеческие.
Как еще стал Васильюшка головушку попинывать.
Говорила да тут голова человеческа:
«Не пинай-ко ты, Василий сын Буслаевич
Да головы человеческой!
Еще никто сюда да и не хаживал да не езживал,
Да никто живой отсюда да не хаживал».
Как ⟨...⟩ головушку
Летела голова да человеческа.
И ходил-то Василий на Форунь-горы.
Лежит-то плита каменна.
Васильюшка раз скоцил да перескоцил,
Да другой скоцил да ён не перескоцил.
«Ну не цесь-хвала молодецка
Что перед себя да поскакивать,
Дай-ко я скоцу, возьму назад себя!»
Как скоцил-то Васильюшка перед себя
Да задел-то ён своим да цёрным чоботом да синий камень,
И пал-то Васильюшка во сыру землю́,
Расколол у Василья да буйну голову́,
И тут по Васильюшку да славы поют.

№ 521

О ВАСИЛИИ БУСЛАЕВЕ

Жил-то был Буслаев-то сын Иванович,
Он преставился да приготовился.
Да оставалася вдова-то да Намельфа Тимофеевна,
Да оставался сын во Новгороде,
И стал он с новгородскими ребятами
Похаживать да пошучивать:
Кого в ногу подопнет — так и нога долой,

А кого в шею наставит — и голова с плеч,
А кого за руку схватит — и рука долой.
Удумали тут мужики новгородские,
Что идти к его родитель-матушке,
К своей вдове Намельфе Тимофеевне.
Так пришли и поклонилися:
«Ой ли ты, вдова Намельфа Тимофеевна,
Так уйми-ка своего бажена дитятка,
Он побил да весь наш Новгород,
Не оставил нам он народа на семена».
Справляется Намельфа Тимофеевна, снаряжается,
И приходит на болото на Кули́кое,
На тое побоище великое.
Захватила его за ручки белые
И повела его в палаты белокаменные,
Напоила напитками пьяными.
Спит Василий, не пробудится,
От крепкого сна не прохватится.
Была у них девочка-чернавочка,
И чернавочка, ихняя служаночка.
Она ходила на Волхов мост да по воду
И увидела на болоте на Кули́коем,
На том побоище великоем:
У Васильевой дружины мало можется,
И мало можется, и нездоровится.
У Васильевой дружины головка вся приломана,
Руки-ноги кушаками перевязаны.
Прибегает девочка-чернавочка:
«Что ж ты спишь, Василий сын Буслаевич,
У твоей дружины мало можется,
Мало можется и нездоровится,
И головка у дружинушки вся проломана,
Руки-ноги кушаками перевязаны!»
Вскочил Василий на резвы ноги,
И обувал он черной чобот на босу ногу,
Одевал он кафтанишко на одно плечо,
А пуховую шапчонку на одно ухо.
И дубовые дверечки повыломил,
А железные закладки повыставил.
Выбегает Васильюшко на белый двор,
Не попало ружьишко русское,
А попала ему ось железная.
Справляется старчище, вооружается,

Накладывает он на голову сорок колокол,
Ровно сорок пудов,
Колокольним языком подпирается,
А весь Волхонский мост нагибается.
«Слепая кура не покорчилась,
А молодой щенок не поплясывай,
Приходи на болото на Кули́кое,
И на тое побоище великое».
Заносит он язык-то колокольный,
Ладит тут он Василья
Ударить да в буйну голову.
Отводил тут Василий черняным вязом —
У старчишка колокол да не пошатнулся,
Русы кудри у старчища не стряхнулися.
Заносит он язык да колокольный,
Ладит он ударить тут Василья да в буйну голову,
Отводил Василий черняным вязом
От старчища колокол-то тот пошатнулся,
И русы кудри тут у старчища стряхнулися.
Заносит он язык да колокольный,
Ладит он ударить тут Василья в буйну голову.
Заносит тут Василий свой черняный вяз
И повыше плеч своих могучиих,
И ударил он старчища в буйну голову,
И попал тут старчище о сыру землю,
Раскололась у старчища буйна голова.
«Вот тебе, да кресный батюшко,
Тебе не дано яичко о Христово дне,
Так я дам тебе яичко о Петрово дне».
Удумали тут мужики да новгородские
Пойтить к его родитель-матушке,
И вдове Намельфе Тимофеевне.
Пришли оне и поклонилися:
«Ай же ты, вдова Намельфа Тимофеевна,
Ты уйми-ка своего рожоно дитятко,
И побил он, побил весь наш Новгород!»
Справляется Намельфа, снаряжается.
Приходит на болото на Куликое,
На тое побоище великое.
Захватила его за ручки белые
И повела его в палаты белокаменные.
И Васильюшко речи не понравились,
И разговоры Василью не приглянулись.

Выходил Васильюшко на белый двор,
И выходил он на конюшню на стоялую,
Так выбирал он себе Бурушко-косматушка.
Девять лет коня не езжено,
И не езжено коня, не седлано.
Стал он Бурушка обседлывать,
Клал ему уздечку тесняную,
Клал седёлышко окованное,
Двенадцати подпругами подпруживал,
Тринадцату подпругу клал продольную,
И видели молодца, как он седлал,
Но не видели разудалого поедучи.
Двором ли он ехал иль хоромами,
Или прямо через стену городовую,
Или через ту палату белокаменну.
Так приезжал Василий на Парунь-гору,
На Парунь-гору, на высокую,
Тут стоит ведь тут горюч камень,
Но побольше лесушка стоячего,
А пониже облака ходячего.
Привязал он тут коня и ко столбу и ко точеному,
А ко колечишку золоченому,
Так лежит тут голова да человеческа
И говорит ему по-человечески:
«Ай ли ты, Василий сын Буслаевич,
Кто да кто на Парунь-гору доезживал,
Но никто живой не уезживал.
Так же ты, Василий сын Буслаевич».
Так он пнул-лягнул голову человеческу,
И покатилась голова человеческа
Под Перунь-гору под высокую.
Стал он скакать-махать через этот горюч камень.
В первый раз вскочил — он через горюч камень перескочил,
Второй раз — тоже перескочил через горюч камень.
Не ради красы да молодецкую,
А ради крепости да богатырскую:
«Что Василию скакать все наперед себя,
Дай-ка я на этот раз скачу назад себя».
Так скочил Васильюшко назад себя,
Так и задел он черными чоботами за горюч камень,
Так упал Василий о сыру землю,
Раскололась у Василья буйна голова,
И тут Васильюшко славы поют.

ПОЕЗДКА ВАСИЛИЯ БУСЛАЕВА В ИЕРУСАЛИМ (№ 522—524)

№ 522

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

Да маленький Васильюшка Буслаевич
Он ходил да гулял по чисту полю
Со своими дружинами с хоробрыми:
С толстым-то Фомой, с благоуродливым,
Да с маленьким упавеньким Потанюшкой.
Вот этот Василий сын Буслаевич,
Приходит Васильюшко близехонько:
На тоем на том на чистом поле
Лежит кость-голова человеческа.
Как этот Васильюшка подскакивал,
Своим чеботом голову подхватывал,
Пинул тут Василий эту голову,
Полетела голова по поднебесью.
Как пала голова на сыру землю,
Как тут-то голова воспровещала:
«Ах, молодой Василий сын Буслаевич!
Лежала я, голова, на сырой земле,
Лежала я, голова, тридцать лет,
Да никто меня не пинывал,
Да никто меня не заразывал,
А ты, Васильюшко, заразил меня,
Пинул ты меня по-напрасному.
Станешь-будешь гулять да во чистом поле
Со своими дружинами с хоробрыми:
С толстым Фомой, с благоуродливым,
Да с маленьким упавеньким Потанюшкой,
Не забудь-ко же ты этого поместьица,
Проиди-ка назад ты сюды-ко-ва».
Как тут Васильюшко Буслаевич
Ходил он, гулял в чистом поле
Со своима дружинами с хоробрыми:
С толстым Фомой, с благоуродливым,
Да с маленьким упавеньким Потанюшкой.
Назад-то пошел Василий мимо этого поместьица,
Так тут-то стала гора каменна,
На горе-то надпись подписана:
«Кто чрез гору перескочит, того тут еще Бог простит,

А кто чрез гору не перескочит, тот буде трои проклят на веку тот был».
Тут Васильюшко Буслаевич —
Разгорелось его сердце богатырское,
Скочил-то тут Васильюшко через гору.
А эти дружинушки хоробрые:
Толстой-то Фома, благоуродливый,
И маленький упавенький Потанюшка
Да скакали-то они еще оратовья.
А этот Васильюшка Буслаевич,
Не делал Василий повороту он.
Скочил тут Васильюшко назад пят бы —
Тут Василий сын Буслаевич
Задел он своим чеботом сафьянным
За ту гору за каменну,
Повернулся Василий вниз головушкой,
Пал тут Василий на сыру землю,
Пришла тут Васильюшку горькая смерть,
Только тут Васильюшку славы поют.
А эти дружинушки хоробрые
Скочили-то они еще три разу,
Копали они еще яму глубокую,
Зарыли Василья тут во желты пески.
А их-то слава миновалася,
А Васильева-то слава не миновалася.

№ 523

О ВАСИЛЬЕ БУСЛАВЬЕВИЧЕ

Как у молода Васильюшки Буславьева
Богатырско его сердце пожаделося,
Пожаделося сердце и разгорелося
Съездить со дружиною хороброю
На тую на матушку Ердань-реку
Ко тому ко граду Ерос<u>о́</u>лиму,
Господу Богу помолитися,
Ко Господнему гробу приложитися,
И во Ердань-реке окупатися,
А на Фавор-горе осушитися
Со своей дружиной со хороброей.
И вся его дружина хоробрая
Купались в Ердань-реке во рубашечках,

А он же, Василий Буславьевич,
Купался Василий нагим телом.
А его свет-государыня матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимофеевна,
По поезде его давала родительско благословление:
«Ай же ты, мое чадо милое!
Будешь ты у матушки Ердань-реки,
Не куплись, Васильюшка, нагим телом:
Нагим телом купался сам Исус Христос».
А он же, Васильюшка Буславьевич,
Нарушил родительско благословленьице,
Не послушал государыни матушки:
Окунался Василий нагим телом.
Скоро садились на добрых коней
И поехали на славну на Фавор-гору,
Ко тому ко каменю ко Латырю
И ко той ко церкви соборния,
Которая стоит со ⟨двенадцатью⟩ престоламы,
У того у каменя у Латыря,
На котором камени преобразился сам Исус Христос.
Не доедучись до камени до Латыря,
На том на раздолье на широкоем
Увидел Васильюшка Буславьевич
Лежащую кость богатырскую,
И начал Васильюшка Буславьевич
Кость богатырскую попинывать,
Плеткой шелковою похлестывать.
Воспроговорит кость богатырская:
«Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Ты почто меня ножкою попинываешь,
Почто меня плеткой похлестываешь?
Хотя едешь ты во церковь во соборнюю
Ко тому ко Латырю ко каменю,
Ко тому ко образу Преображенскому,
То не доехать ти до церкви соборния
И до того до каменя до Латыря,
И до того образа Преображенского».
Плюнул Васильюшка Буславьевич
На тую на кость на богатырскую,
А сам говорит таковы слова:
«Сама ты себе спала, себе сон видела!»
И так Васильюшка поезд держал
Ко той ко церкви ко соборния,

Ко тому ко каменю ко Латырю.
Не доедучись до церкви до соборния,
Увидел пред собою бел и велик камень,
И на камени подпись подписана:
«Кто перескочит трожды через бел камень,
Тот достигнет церкви соборния
И тому образу Преображенскому;
А кто не перескочит через бел камень,
Тот не достигнет церкви соборния
И тому образу Преображенскому».
Говорит Василий таково слово:
«Ай же ты, дружина моя хоробрая!
Скачите через бел-горюч камень».
И вся его дружина хоробрая
Трожды перескочила через бел камень.
Тут-то Васильюшка Буславьевич
В след дружины своя хоробрыя
Начал через бел камень перескакивать.
Раз скочил, и другой скочил
И на третий говорит дружины хоробрыя:
«Я на третий раз не передом, задом перескочу».
Скочил задом через бел-горюч камень,
И задела за камень ножка правая,
И упал Васильюшка Буславьевич
О жесток камень своима плечмы богатырскима.
И тут Василью славы поют,
И во веки тая слава не минует.

№ 524

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ

Как вьюн по чисту полю увивается,
Так Василий Буславьевич своей матери поклоняется:
«Матушка ты, Иринья Васильевна,
Дай ты мне твое благословеньице,
И дай ты мне твое прощеньице
Ехать мне во Иерусалим-город на поклоненьице,
Ведь с молоду много бито-граблено,
Под старость надо душу спасти».
И говорит ему родна матушка,
Честна вдова Иринья Васильевна:

«Если на добрые дела пойдешь,
То дам тебе прошеньице-благословеньице,
А на худые дела — не дам тебе прощеньица-благословеньица,
И не носи Василия мать сыра земля».
Но и булат от жару распаляется,
И камень от огня разгорается,
Материнское сердце умилостивляется.
Дает она много свинцу-пороху,
Как дает она запасы хлебныя,
И говорит она ему да таковы слова:
«Береги, Василий, свою буйну головушку!»
И шел Василий с дружиной храброю,
На реку он на Волхову.
И садились оне в струги легкия,
Они по́плыли по реке по Во́лхову,
А со Во́лхова — во Ладожское,
А с Ладожского — во Неву-реку,
Со Невы-реки оне в Балтийское,
А навстречу тут едут гости-корабельщики.
Говорит им Василий Буславьевич:
«Уж вы здравствуйте, гости-корабельщики,
Вы скажите мне, гости-корабельщики,
Как найти мне прямше дороженьку
Ко Иерусалиму, святому городу?»
И говорят тут гости-корабельщики,
Что пряма дорога —
«Тебе надоть ехать через море Каспийское,
Ехать будет тут семь недель,
А кругом-то ехать три года.
Только на прямой дороге, на море Каспийском,
На тех островах на прекрасныех
Стоят там атаманы-разбойницки,
Не пропущают оне купца с товарами,
Не пропущают оне рыболова с рыбою
И не пропущают богомольца с подарками,
И тебя не пропустят, Василья-молодца,
Со своей дружиною храброей».
Говорит Василий Буславьевич:
«Не верю я, молодец, ни в сон, ни в чох,
А верю я, Василька, в свой черленый вяз.
И будет Василий в Иордан-реке,
На том месте, где купался сам Иисус Христос!»
А наказывала ему матушка:

«Если будешь ты, Василий, в Иордан-реке купатися,
То не купнись ты, Василий, нагим телом —
Нагим телом купался только Иисус Христос».
И вся дружина тут его храбрая
Она выкупалась в Иордан-реке в платвицах,
А Василий окунулся нагим телом.
Теперь наб итти на Фавор-гору обсушитися
И сходить к тому храму Преображенскому
И святым иконам приложитися.
И пошли оне на Фавор-гору
И видят — лежит тут кость богатырская.
Стал тут Василий эту кость попинывать,
Стал он плетоцкой эту кость похлыстывать.
И говорит тут кость богатырская:
«Ай же ты, Василий Буславьевич,
Ты зачем пинаешь меня, мертвую?
А хоть идешь ты на Фавор-гору,
А не дойти тебе до Фавор-горы!»
Плюнул на кость Василий Буславьевич:
«Сама ты себе спала, себе сон видела,
А мне такого сна ты не сказывай!»
И дальше оне отправлялисе,
И дошли оне до камешка,
А на камешке тут написано:
«Кто перескочит три раз через камешок,
Тот дойдет и до Фавор-горы,
До того храма Преображенскаго.
А кто не перескочит через камень три раза,
Не дойти тому до Фавор-горы,
До того храма Преображенскаго».
И тут дружина храбрая
Стала прыгать через камешок.
Перепрыгнули они все по три раза.
И тут скочил Василий Буслаевич
Через бел-горюч камешок —
В перву сторону и в другу сторону.
И потом Василий похваляется:
«Прыгну третий раз я задом через камешок».
Он скочил наперед за́дом через камешок,
И задел пята́ми он за камешок,
И упал плечами богатырскими
Он во тот о белый камешок.
Тут Василию и славу поют.

САДКО СОСТЯЗАЕТСЯ С НОВГОРОДОМ (№ 525—534)

№ 525

САДКО-КУПЕЦ, БОГАТЫЙ ГОСТЬ

Во славноем во Нове-граде
Как был Садке́-купец, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;
По пирам ходил-играл Садке.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир,
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садке́ соскучился.
Как пошел Садке́ к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садке́ пере́пался,
Пошел прочь от озера во свой во Новгород.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир,
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садке соскучился.
Как пошел Садке к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садке перепался,
Пошел прочь от озера во свой во Новгород.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир,
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садке соскучился.
Как пошел Садке к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то вода всколыбалася,
Показался царь морско́й,
Вышел со Ильменя со озера,
Сам говорил таковы слова:
«Ай же ты, Садке новгородскиий!

Не знаю, чем буде тебя пожаловать
За твои за утехи за великия,
За твою-то игру нежную:
Аль бессчетной золотой казной?
А не то ступай во Новгород
И ударь о велик заклад
Заложи свою буйну голову
И выряжай с прочих купцов
Лавки товара краснаго,
И спорь, что в Ильмень-озере
Есть рыба-золоты перья.
Как ударишь о велик заклад,
И поди — свяжи шелковой невод
И приезжай ловить в Ильмень-озеро:
Дам три рыбины-золоты пера,
Тогда ты, Садке, счастлив будешь».
Пошел Садке от Ильменя от озера,
Как приходил Садке во свой во Новгород,
Позвали Садке на почестен пир.
Как тут Садке новгородский
Стал играть в гуселки яровчаты;
Как тут стали Садке попаивать,
Стали Садку поднашивать,
Как тут Садке стал похвастывать:
«Ай же вы, купцы новгородские!
Как знаю чудо чудное в Ильмень-озере:
А есть рыба-золоты перья в Ильмень-озере».
Как тут-то купцы новгородские
Говорят ему таковы слова:
«Не знаешь ты чуда-чуднаго,
Не может быть в Ильмень-озере рыба-золоты перья». —
«Ай же вы, купци новгородские!
О чем же бьете со мной о велик заклад?
Ударим-ка о велик заклад:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара краснаго».
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара краснаго.
Как тут-то связали невод шелковый
И поехали ловить в Ильмень-озеро,
Закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли рыбку-золоты перья;
Закинули другую тоньку в Ильмень-озеро,

Добыли другую рыбку-золоты перья;
Третью закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку-золоты перья.
Тут купцы новгородские
Отдали по три лавки товара краснаго.
Стал Садке поторговывать,
Стал получать барыши великие.
Во своих полатах белокаменных
Устроил Садке все по-небесному:
На небе солнце — и в палатах солнце,
На небе месяц — и в палатах месяц,
На небе звезды — и в палатах звезды.
Потом Садке-купец, богатый гость,
Зазвал к себе на почестен пир
Тыих мужиков новгородскиих
И тыих настоятелей новгородскиих:
Фому Назарьева и Луку Зиновьева.
Все на пиру наедалися,
Все на пиру напивалися,
Похвальбамы все похвалялися:
Ӣный хвастает бессчетной золотой казной,
Другой хвастает силой-удачей молодецкою,
Который хвастает добрым конем,
Который хвастает славным отечеством,
Славным отечеством, молодым молодечеством.
Умный хвастает старым батюшком,
Безумный хвастает молодой женой.
Говорят настоятели новгородские:
«Все мы на пиру наедалися,
Все на почестном напивалися,
Похвальбами все похвалялися.
Что же у нас Садке ничем не похвастает,
Что у нас Садке ничем не похваляется?»
Говорит Садке-купец, богатый гость:
«А чем мне, Садку, хвастаться,
Чем мне, Садку, похвалятися?
У меня ль золота казна не тощится,
Цветно платьице не носится,
Дружина хоробра не изменяется.
А похвастать — не похвастать бессчетной золотой казной:
На свою бессчетну золоту казну
Выкуплю товары новгородские,
Худы товары, и добрые!»

Не успел он слова вымолвить,
Как настоятели новгородские
Ударили о велик заклад
О бессчетной золотой казны,
О денежках тридцати тысячах:
Как повыкупить Садку товары новгородские,
Худые товары, и добрые,
Чтоб в Нове-граде товаров в продаже боле не было.
Ставал Садке на дру́гой день рани́м-рано́,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распущал дружину по улицам торговыим,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд.
Как повыкупил товары новгородские,
Худые товары и добрые
На свою бессчетну казну.
На другой день ставал Садке раным-рано,
Будил дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распущал дружину по улицам торговыим,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Вдвойне товаров привезено,
Вдвойне товаров принаполнено
На тую на славу на великую новгородскую.
Опять выкупал товары новгородские,
Худые товары, и добрые
На свою бессчетну золоту казну.
На третий день ставал Садке раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распущал дружину по улицам торговыим,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Втройне товаров принавезено,
Втройне товаров принаполнено,
Подоспели товары московские
На ту на великую на славу новгородскую.
Как тут Садке пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бела света:
Още повыкуплю товары московские,
Подоспеют товары заморские.
Не я, видно, купец богат новгородский —
Побогаче меня славный Новгород».
Отдавал он настоятелям новгородскиим

Денежек он тридцать тысячей.
На свою бессчетну золоту казну
Построил Садке тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленых,
На ты на корабли на черленые
Свалил товары новгородские,
Поехал Садке по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожско во Неву-реку,
А со Невы-реки во сине море.
Как поехал он по синю морю,
Воротил он в Золоту Орду,
Продавал товары новгородские,
Получал барыши великие,
Насыпал бочки-сороковки красна золота, чиста серебра,
Поезжал назад во Новгород,
Поезжал он по синю морю.
На синем море сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синем море,
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые —
А корабли нейдут с места на синем море.
Говорит Садке-купец, богатый гость
Ко своей дружины ко хоробрыя:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Как мы век по морю не ездили,
А морскому царю дани не плачивали:
Видно, царь морской от нас дани требует,
Требует дани во сине море.
Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Взымайте бочку-сороковку чиста серебра,
Спущайте бочку во сине море».
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускали бочку во сине море.
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики череленые —
А корабли нейдут с места на синем море.
Тут его дружина хоробрая
Брали бочку-сороковку красна золота,
Спускали бочку во сине море.
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые —

А корабли все нейдут с места на синем море.
Говорит Садке-купец, богатый гость:
«Видно, царь морской требует
Живой головы во сине море.
Делайте, братцы, жеребья вольжаны,
Я сам сделаю на красноем на золоте,
Всяк свои имена подписывайте,
Спущайте жеребья во сине море:
Чей жеребей ко дну пойдет.
Таковому итти в сине море».
Делали жеребья вольжаны,
А сам Садке сделал на красноем на золоте,
Всяк свое имя подписывал,
Спущали жеребья на сине море:
Как у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголем по воды пловут,
А у Садка-купца ключом на дно.
Говорит Садке-купец, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Этыя жеребья неправильны:
Делайте жеребья на красноем на золоте,
А я сделаю жеребей вольжаный».
Делали жеребья на красном на золоте,
А Садке делал жеребей вольжаный,
Всяк свое имя подписывал,
Спущали жеребья на сине море:
Как у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголем по воды пловут,
А у Садка-купца ключом на дно.
⟨...⟩
Говорит Садке-купец, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требует
Самого Садка богатаго в сине море.
Несите мою чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый».
Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый.
Он стал именице отписывать:
Кое именье отписывал Божьи́м церквам,
Иное именье нищей братии,
Иное именье молодой жены,
Остатнее именье дружины хоробрыя.

Говорил Садке-купец, богатый гость:
«Ай же братцы, дружина хоробрая!
Давайте мне гуселки яровчаты,
Поиграть-то мне в остатнее:
Больше мне в гуселки не игрывати —
Али взять мне гуселки с собой во сине море?»
Взимает он гуселки яравчаты,
Сам говорит таковы слова:
«Свалите дощечку дубову на воду,
Хоть я свалюсь на доску дубовую
Не толь мне страшно принять смерть на синем море».
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потом поезжали корабли по синю морю,
Полители, как черные вороны.
Остался Садке на синем море,
Со тоя со страсти со великия
Заснул на дощечке на ду́бовой.
Проснулся Садке во синем море,
Во синем море на самом дне.
Сквозь воду увидел пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидел Садке — во синем море
Стоит палата белокаменная,
Заходил Садке в палату белокаменную:
Сидит в палате царь морской,
Голова у царя, как куча сенная.
Говорит царь таковы слова:
«Ай же ты, Садке-купец, богатый гость!
Век ты, Садке, по морю езживал,
Мне, царю, дани не плачивал,
А нонь весь пришел ко мне во подарочках.
Скажут, мастер играть в гуселки яровчаты:
Поиграй же мне в гуселки яровчаты».
Как начал играть Садке в гуселки яровчаты,
Как начал плясать царь морской во синем море,
Как расплясался царь морской.
Играл Садке сутки, играл и другие,
Да играл ощё Садке и третьии,
А все пляшет царь морской во синем море.
Во синем море вода всколыбалася,
Со желтым песком вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синем море,
Стало много гинуть именьицев,

Стало много тонуть людей праведных,
Как стал народ молиться Миколы Можайскому.
Как тронуло Садко в плечо во правое:
«Ай же ты, Садко новгородскиий!
Полно играть в гуселышки яровчаты!»
Обернулся — глядит Садко новгородский:
Ажно стоит старик седатыий.
Говорил Садко новгородскиий:
«У меня воля не своя во синем море,
Приказано играть в гуселки яровчаты».
Говорит старик таковы слова:
«А ты струночки повырывай,
А ты шпенечки повыломай,
Скажи: „У меня струночек не случилося,
А шпенечков не пригодилося,
Не во что больше играть:
Приломалися гуселки яровчаты".
Скажет тебе царь морской:
„Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красныя девушке?"
Говори ему таковы слова:
„У меня воля не своя во синем море".
Опять скажет тебе царь морской:
„Ну, Садке, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себе девицу-красавицу".
Как станешь выбирать девицу-красавицу,
Так перво триста девиц пропусти,
И друго триста девиц пропусти,
И третье триста девиц пропусти:
Позади идет девица-красавица,
Красавица-девица Чернавушка —
Бери тую Чернаву за себя замуж.
Как ляжешь спать во перву ночь,
Не твори с женой блуда во синем море —
Останешься навеки во синем море;
А ежели не сотворишь блуда во синем море,
Ляжешь спать о девицу-красавицу,
Будешь, Садке, во Нове-граде,
А на свою бессчетну золоту казну
Построй церковь соборную Миколы Можайскому».
Садке струночки во гуселках повыдернул,
Шпенечки во яровчатых повыломал,
Говорит ему царь морской:

«Ай же ты, Садке новгородскиий!
Что же не играешь в гуселки яровчаты?» —
«У меня струночки во гуселках выдернулись,
А шпенечки во яровчатых повыломались:
А струночек запасных не случилося,
А шпенечков не пригодилося».
Говорит царь таковы слова:
«Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красныя девушке?»
Говорит ему Садке новгородскиий:
«У меня воля не своя во синем море».
Опять говорит царь морской:
«Ну, Садке, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себе девицу-красавицу».
Вставал Садке поутру ранешенько,
Поглядит — идет триста девушек красныих:
Он перво триста девиц пропустил,
И друго триста девиц пропустил,
И третье триста девиц пропустил;
Позади шла девица-красавица,
Красавица-девица Чернавушка,
Брал тую Чернаву за себя замуж.
Как прошел у них столованье почестен пир,
Как ложится спать Садке во перву ночь,
Не творит с женой блуда во синем море.
Как проснулся Садке во Нове-граде,
О реку Чернаву на крутом кряжу;
Как поглядит, ажно бежат
Свои черленые корабли по Волхову.
Поминает жена Садка со дружиной во синем море:
«Не бывать Садку со синя моря!»
А дружина поминает одного Садка:
«Остался Садке во синем море!»
А Садке стоит на крутом кряжу,
Встречает свою дружинушку со Волхова.
Тут его ли дружина сдивовалася:
«Остался Садке во синем море,
Очутился впереди нас во Нове-граде,
Встречает дружину со Волхова!»
Встретил Садке дружину хоробрую
И повел в палаты белокаменны.
Тут его жена зрадовалася,
Брала Садка за белы руки,

Целовала во уста во сахарния.
Начал Садке выгружать со черленыих со кораблей
Именьеце — бессчетну золоту казну.
Как повыгрузил со черленыих кораблей,
Состроил церкву соборнюю Миколы Можайскому.
Не стал больше ездить Садке на сине море,
Стал поживать Садке во Нове-граде.

№ 526

САДКО

А как ведь во славноём в Нове-гради,
Ай как был Садке да гусельщик-от,
Ай как не было много несчотной золотой казны,
Ай как только ён ходил по честным пирам,
Спотешал как он да купцей, бояр,
Веселил как он их на́ честны́х пирах.
Ай как тут на́д Садком топерь да случилосе,
Не зовут Садка́ уж целый день да на почестен пир,
Ай не зовут как другой день на почестен пир,
Ай как третий день не зовут да на почестен пир.
Ай как Садку топерь да соскучилось,
А пошел Садке да ко Ильме́нь он ко озеру,
Ай садился он на синь на горюч камень,
Ай как начал играть он во гусли во яровчаты,
А играл с утра как день топерь до вечера.
Ай по вечо́ру как по поздному
Ай волна уж в озере́ как сходиласе,
А как ведь вода с песком топерь смутиласе,
Ай устрашился Садке топеречку да сидети он,
Одолел как Садка страх топерь великии,
Ай пошел вон Садке да от озера,
Ай пошел Садке как во Новгород.
А опять как прошла топерь темна ночь,
Ай опять как на другой день
Не зовут Садка да на почестен пир,
А другой-то да не зовут его на почестен пир,
Ай как третий-то день не зовут на почестен пир.
Ай как опять Садку топерь да соскучилось,
А пошел Садке ко Ильме́нь да он ко озеру,
Ай садился он опять на синь да на горюч камень

У Ильме́нь да он у озера.
Ай как начал играть он опять во гусли во яровчаты,
А играл уж как с утра день до вечера.
Ай как по вечеру опять как по поздному
Ай волна уж как в озери сходиласе,
Ай как вода с песком теперь смутиласе,
Ай устрашился опять Садке да новгородскии,
Одолел Садка уж как страх теперь великии,
А как пошел опять как от Ильмень да от озера,
А как он пошел во свой да он во Но́вгород.
Ай как тут опять над ним да случилосе,
Не зовут Садка опять да на почестен пир,
Ай как тут опять другой день не зовут Садка да на почестен пир,
Ай как третий день не зовут Садка да на почестен пир.
Ай опять Садку теперь да соскучилось,
Ай пошел Садке ко Ильме́нь да ко озеру,
Ай как он садился на синь горюч камень да об озеро,
Ай как начал играть во гусли во яровчаты,
Ай как ведь опять играл он с утра до вечера.
А волна уж как в озери сходиласе,
А вода ли с песком да смутиласе,
А тут осмелился как Садке да новгородскии
А сидеть играть как он об озеро.
Ай как тут вышел царь водяной теперь со озера,
Ай как сам говорит царь водяной да таковы слова:
«Благодарим-ка, Садке да новгородскии!
А спотешил нас теперь да ты во озери,
А у мня было да как во озери,
Ай как у мня столованье да почестен пир,
Ай как всех розвеселил у мня да на честном пиру
Ай любезныих да гостей моих.
Ай как я не знаю теперь, Садка, тебя да чем пожаловать:
А ступай, Садке, теперя да во свой во Новгород,
Ай как завтра позовут тебя да на почестен пир,
Ай как будет у купца столованьё, почестен пир,
Ай как много будет купцей на пиру, много новгородскиих
Ай как будут все на пиру да напиватисе,
Будут все на пиру да наедатисе,
Ай как будут все пофальбами теперь да пофалятисе,
Ай кто чим будет теперь да фастати,
Ай кто чим будет теперь да похвалятисе:
А иной как будет фастати да несчетной золотой казной,
А как иной будет фастать добрым конем,

Иной буде фастать силой-удачей молодецкою,
А иной буде фастать моло́дый молодечеством,
А как умной-разумной да буде фастати
Старым батюшком, старой матушкой,
Ай безумный дурак да буде фастати
Ай своей он как молодой женой.
А ты, Садке, да пофастай-ко:
„А я знаю, что во Ильмень да во озери
А что есте рыба-то перья золотыи ведь".
А как будут купцы да богатыи
А с тобой да будут споровать,
А что нету рыбы такою ведь,
А что топерь да золотыи ведь.
А ты с нима бей о залог топерь великии,
Залагай свою буйную да голову,
А как с них выряжай топерь
А как лавки во ряду да во гостиноём
С дорогима да товарамы.
А потом свяжите невод да ше́лковой,
Приезжайте вы ловить да во Ильмень во озеро,
А закиньте три тони́ во Ильмень да во озери,
А я в кажну тоню дам топерь по рыбины,
Уж как перья золотыи ведь.
Ай получишь лавки во ряду да во гостиноём
С дорогима ведь товарамы;
Ай потом будешь ты, купец, Садке, как новгородскии,
А купец будешь богатыи».
Ай пошел Садке во свой да как во Новгород.
Ай как ведь да на другой день
А как по́звали Садка да на почестен пир
Ай к купцю да богатому.
Ай как тут да много сбиралосе
Ай к купцу да на почестен пир
А купцей как богатыих новгородскиих.
Ай как все топерь на пиру напивалиси,
Ай как все на пиру да наедалисе,
Ай пофальбами все пофалялисе.
А кто чем уж как теперь да фастает,
А кто чем на пиру да похваляется:
А и́ной фастае как несчотной золотой казной,
А и́ной фастае да добрым конем,
А и́ной фастае силой-удачей молодецкою,
Ай как умной топерь уж как фастает

Ай старым батюшком, старой матушкой,
Ай безумной дурак уж как фастает,
Ай как фастае да как своей молодой женой.
А сидит Садке как ничим да он не фастает,
А сидит Садке как ничим он не похваляется.
Ай как тут сидят купци богатыи новгородскии,
Ай как говорят Садку таковы слова:
«А что же, Садке, сидишь, ничим же ты не фастаешь,
Что ничим, Садке, да ты не похваляешься?»
Ай говорит Садке таковы слова:
«Ай же вы, купци богатыи новгородские!
Ай как чим мне, Садку, топерь фастати,
А как чем-то Садку похвалятися?
А нету у мня много несчотной золотой казны,
А нету у мня как прекрасной молодой жены,
А как мне Садку только есть одным да мне пофастати:
Во Ильмень да как во озери
А есте рыба как перья золотыи ведь».
Ай как тут купци богатыи новгородскии
Ай начали с ним да оны споровать,
Во Ильмень да что во озери
А нету рыбы такою что,
Чтобы были перья золотыи ведь.
Ай как говорил Садке новгородскии:
«Дак заложу я свою буйную головушку,
Боле заложить да у мня нечего».
А оны говоря: «Мы заложим в ряду да во гостиноём
Шесть купцей, шесть богатыих».
А залагали ведь как по лавочки,
С дорогима да с товарамы.
Ай тут посли этого
А связали невод шёлковой,
Ай поехали ловить как в Ильмень да как во озеро,
Ай закидывали тоню во Ильмень да ведь во озери,
А рыбу уж как добыли перья золотыи ведь;
Ай закинули другу тоню во Ильмень да ведь во озери,
Ай как добыли другую рыбину-перья золотыи ведь;
Ай закинули третью тоню во Ильмень да ведь во озери,
Ай как добыли уж как рыбинку-перья золотыи ведь.
А топерь как купци да новгородскии богатыи
Ай как видят — делать да нечего,
Ай как вышло правильнё, как говорил Садке да новгородскии,
Ай как отперлись ёны да от лавочок,

А в ряду да во гостиноём,
Ай с дорогима ведь с товарамы.
Ай как тут получил Садке да новгородскии
Ай в ряду во гостиноём
А шесть уж как лавочок с дорогима он товарамы,
Ай записался Садке в купци да в новгородскии,
Ай как стал теперь Садке купец богатыи.
А как стал торговать Садке да теперечку
В своем да он во городи,
Ай как стал ездить Садке торговать да по всем местам,
Ай по прочим городам да он по дальниим,
Ай как стал получать барыши да он великие.
Ай как тут да после этого
А женился как Садке, купец новгородскии богатыи.
А еще как Садке после этого
Ай как выстроил он полаты белокаменны,
Ай как сделал Садке да в своих он полатушках,
Ай как обделал в теремах всё да по-небесному:
Ай как на неби пекет да красное уж солнышко —
В теремах у его пекет да красно солнышко;
Ай как на неби светит млад да светёл месяц —
У ёго в теремах да млад светёл месяц;
Ай как на́ неби пекут да звезды частыи —
А у его в теремах пекут да звезды частыи.
Ай как всем изукрасил Садке свои полаты белокаменны,
Ай теперь как ведь после этого
Ай сбирал Садке столованьё да почестен пир,
Ай как всех своих купцей богатыих новгородскиих,
Ай как всех-то господ он своих новгородских,
Ай как он еще настоятелей своих да новгородскиих,
Ай как были настоятели новгородские:
Ай Лука Зиновьев ведь да Фома да Назарьев ведь;
А еще как сбирал-то он всих мужиков новгородскиих,
Ай как повел Садке столованьё, почестен пир богатыи.
А теперь как все у Садка на честно́м пиру,
Ай как все у Садка да напивалисе,
Ай как все у Садка теперь да наедалисе,
Ай похвальбами-то все да пофалялисе,
Ай кто чим на пиру уж как фастает,
Ай кто чем на пиру похваляется:
А и́ной как фастае несчотной золотой казной,
А и́ной фастае как добрым конем,
А и́ной фастае силой могучею богатырскою,

А и́ной фастае славным отечеством,
А иной фастат молодым да молодечеством,
А как умной-разумной как фастает
Старым батюшком да старой матушкой,
Ай безумный дурак уж как фастает
Ай своёй да молодой женой.
Ай как ведь Садке по полатушкам он похаживат,
Ай Садке ли-то сам да выговариват:
«Ай же вы, купци новгородские, вы богатые,
Ай же все господа новгородские,
Ай же все настоятели новгородские,
Мужики как вы да новгородские!
А у меня как вси вы на честном пиру
А вси вы у мня как пьяны-веселы,
А как вси на пиру напивалисе,
Ай как все на пиру да наедалисе,
Ай похвальбами все вы похвалялисе.
Ай кто чим у вас топерь хвастае:
А иной хвастае как былицею,
А иной фастае у вас да небылицею.
А как чем буде мне, Садку, топерь пофастати?
Ай у мня, у Садка новгородскаго,
А золота казна у мня топерь не тощится,
А цветное платьице у мня топерь не дёржится,
Ай дружинушка хоробрая не изменяется.
А столько мне, Садку, буде́ пофастати
Ай своёй мне несчетной золотой казной:
Ай на свою я несчетну золоту казну
Ай повыкуплю я как все товары новгородские,
А как все худы́ товары я, добрые,
А что не буде боле товаров в продаже во городи».
Ай как ставали тут настоятели ведь новгородские:
Ай Фома да Назарьев ведь,
А Лука да Зиновьев ведь,
Ай как тут ставали да на резвы ноги,
Ай как говорили самы ведь да таковы слова:
«Ай же ты, Садке, купец богатый новгородскии!
А о чем ли о многом бьешь с намы о велик заклад,
Ежели выкупишь товары новгородские,
Ай худы товары все, добрыи,
Чтобы не было в продаже товаров да во городи?»
Ай говорил Садке им наместо таковы слова:
«Ай же вы, настоятели новгородские!

А сколько угодно у мня фатит заложить бессчетной золотой казны»,
Ай говоря настоятели наместо новгородские:
«Ай же ты, Садке да новгородскии!
А хошь ударь с намы ты о тридцати о тысячах».
А ударил Садке о тридцати да ведь о тысячах.
Ай как все со честного пи́ру розъезжалисе,
Ай как все со честного пи́ру розбиралисе
Ай как по своим домам, по своим местам.
Ай как тут Садке, купец богатый новгородскиий,
Ай как он на другой день вставал по утру да по-раному,
Ай как ведь будил он свою ведь дружинушку хоробрую,
Ай давал как он да дружинушки
Ай как долюби он бессчетныи золоты́ казны,
А как спущал он по улицам торговыим,
Ай как сам прямо шел во гостиной ряд,
Ай как тут повыкупил он товары новгородские,
Ай худы товары все, добрые.
Ай ставал как на дру́гой день
Садке, купец богатый новгородскиий,
Ай как он будил дружинушку хоробрую,
Ай давал уж как до́люби бессчетныи золоты́ казны,
Ай как сам прямо шел во гостиный ряд:
Ай как тут много товаров принаве́зено,
Ай как много товаров принаполнено
Ай на ту на славу великую новгородскую.
Он повыкупил еще товары новгородские,
Ай худы товары все, добрые.
Ай на третий день ставал Садке, купец богатый новгородскиий,
Ай будил как он да дружинушку хоробрую,
Ай давал уж как долюби дружинушки
Ай как много несчетной золотой казны,
Ай как роспущал он дружинушку по улицам торговыим,
Ай как сам он прямо шел да во гостиный ряд:
Ай как тут на славу великую новгородскую
Ай подоспели как товары ведь московские,
Ай как тут принаполнился как гостиной ряд
Ай дорогима товарамы ведь московскима.
Ай как тут Садке теперь да пороздумался:
«Ай как я повыкуплю еще товары все московские
Ай на тую на славу великую новгородскую,
Ай подоспеют ведь как товары заморские,
Ай как ведь теперь уж как мне, Садку,
Ай не выкупить как товаров ведь

Со всёго да со бела свету.
Ай как лучше пусть не я да богатее,
А Садке, купец да новгородскиий,
Ай как пусть побогатее меня славный Новгород,
Что не мог не я да повыкупить
Ай товаров новгородскиих,
Чтобы не было продажи да во городи;
А лучше отдам я денежок тридцать тысячей,
Залог свой великиий».
А отдавал уж как денежок тридцать тысячей,
Отпирался от залогу да великаго.
А потом как построил тридцать ка́раблей,
Тридцать ка́раблей, тридцать че́рныих,
Ай как ведь свалил он товары новгородские
Ай на черныи на карабли,
Ай поехал торговать купец богатый новгородскиий
Ай как на своих на черных на ка́раблях.
А поехал он да по Волхову,
Ай со Волхова он во Ладожско,
А со Ладожскаго выплывал да во Неву-реку,
Ай как со Невы-реки как выехал на синё морё.
Ай как ехал он по синю морю́,
Ай как тут воротил он в Золоту Орду.
Ай как там продавал он товары да ведь новгородские,
Ай получал он барыши топерь великие,
Ай как насыпал он бочки ведь сороковки-ты
Ай как краснаго золота,
Ай насыпал он много бочек да чистаго серебра,
А еще насыпа́л он много бочек мелкаго он крупнаго скатняго жемчугу.
А как потом поехал он з-за Золотой Орды,
Ай как выехал топеречку опять да на синё морё,
Ай как на синем море устоялисе да черны ка́рабли,
Ай как волной-то бьет и паруса-то рвет,
Ай как ломат черны ка́рабли —
А все с места не йдут черны ка́рабли.
Ай воспроговорил Садке, купец богатый новгородскиий,
Ай ко своей он дружинушки хоробрыи:
«Ай же ты, дружина хоробрая!
Ай как сколько ни по морю ездили,
А мы морскому царю дани да не плачивали,
А топерь-то дани требует морской-то царь в синё морё».
Ай тут говорил Садке, купец богатый новгородскиий:
«Ай же ты, дружина хоробрая!

Ай возьмите-тко вы мечи-тко в синё морё
Ай как бочку-сороковку краснаго золота».
Ай как тут дружина да хоробрая
Ай как брали бочку-сороковку краснаго золота,
А мётáли бочку в синё морё.
Ай как все волной-то бьет, паруса-то рвет,
Ай ломат черны кáрабли да на синём мори —
Всё не йдут с места кáрабли да на синём мори.
Ай опять воспроговорил Садке, купец богатый новгородскиий,
Ай своей как дружинушки хоробрыи:
«Ай же ты, дружинушка моя ты хоробрая!
А видно мало этой дани царю морскому в синё морё,
Ай возьмите-тко вы мечи-тко в синё морё,
Ай как другую ведь бочку чистаго серебра».
Ай как тут дружинушка хоробрая
А кидали как дрýгую бочку в синё морё
А как чистаго да серебра.
Ай как все волной-то бьет, паруса-то рвет,
Ай ломат черны кáрабли да на синём мори —
А все не йдут с места кáрабли да на синём мори.
Ай как тут говорил Садке, купец богатый новгородскиий,
Ай как своёй он дружинушки хоробрыи:
«Ай же ты, дружина хоробрая!
А видно этой мало как дани в синё море.
А берите-тко третью бочку да крупнаго-мелкаго скатняго жемчугу,
А кидайте-тко бочку в синё морё».
А как тут дружина хоробрая
Ай как брали бочку крупнаго-мелкаго скатняго жемчугу,
А кидали бочку в синё морё.
Ай как все на синём мори стоят да черны кáрабли,
А волной-то бьет, паруса-то рвет,
Ай как все ломат черны кáрабли —
Ай все с места не йдут да черны кáрабли.
Ай как тут говорил Садке, купец богатый новгородскиий,
А своёй как дружинушки он хоробрыи:
«Ай же ты, любезная как дружинушка да хоробрая!
А, видно, морской-то царь требуе как живой головы у нас в синё морё.
Ай же ты, дружина хоробрая!
Ай возьмите-тко уж как делайте
Ай да жеребья да себе волжаны,
Ай как всяк свои и́мена вы пишите на же́ребьи,
А спущайте жеребья на синё морё,
А я сделаю себе-то я жеребей на красное-то на золото.

Ай как спустим жеребья теперь мы на синё морё,
Ай как чей у нас жеребей теперь да ко дну пойдет,
А тому итти как у нас да в синё морё».
А у всёй как у дружины хоробрыи
Ай жеребья теперь гоголём пловут,
Ай у Садка-купца, гостя богатаго, — да ключом на дно.
Ай говорил Садке таковы слова:
«Ай как эты жеребьи есть неправильни;
Ай вы сделайте жеребьи как на красное да на золото,
А я сделаю жеребей да дубовыи,
Ай как вы пишите всяк свои имена да на жеребьи,
Ай спущайте-тко жеребьи на синё морё,
Ай как чей у нас же́ребей да ко дну пойдет,
А тому как у нас итти да в синё морё».
Ай как вся тут дружинушка хоробрая
Ай спущали жеребья́ на синё морё,
Ай у всёй как у дружинушки хоробрыи
Ай как все жеребья́ как теперь да гоголём пловут,
А Садков как же́ребей да теперь ключом на дно.
Ай опять говорил Садке да таковы слова:
«А как эты жеребьи есть неправильни.
Ай же ты, дружина хоробрая!
Ай как делайте вы как жеребьи дубовыи,
Ай как сделаю я жеребей липовой,
А как будем писать мы имена все на жеребьи,
А спущать уж как будем жеребья мы на синё морё,
А теперь как в остатниих
Как чей теперь жеребей ко дну пойдет,
Ай тому как итти у нас да в синё морё».
Ай как тут вся дружина хоробрая
Ай как делали жеребьи все дубовые,
А он делал уж как жеребей себе липовой,
Ай как всяк свои имена да писали на жеребьи,
Ай спущали жеребья́ на синё морё.
А у всёй дружинушки ведь хоробрыей
Ай жеребья теперь гоголем плывут да на синём мори,
Ай у Садка, купца богатаго новгородскаго, — ключом на дно.
А как тут говорил Садке таковы слова:
«Ай как видно, Садку да делать теперь нечего,
Ай самого Садка требует царь морской да в синё морё.
Ай же ты, дружинушка моя да хоробрая любезная!
Ай возьмите-тко, вы несите-тко
Ай мою как чернильницу вы вальячную,

Ай неси-тко как перо лебединоё,
Ай несите-тко вы бумаги топерь вы мне гербовыи».
Ай как тут как дружинушка ведь хоробрая
А несли ему как чернильницу да вальячную,
Ай несли как перо лебединоё,
Ай несли как лист-бумагу как гербовую.
Ай как тут Садке, купец богатый новгородскиий,
А садился ён на ременчат стул
А к тому он к столику ко дубовому,
Ай как начал он именьица своего да он отписывать,
А как отписывал он именья по Божьим церквам,
Ай как много отписывал он именья нищей братии,
А как ино именьицо он отписывал да молодой жены,
Ай достальнёё именье отписывал дружины он хоробрыей.
Ай как сам потом заплакал ён,
Говорил ён как дружинушке хоробрыей:
«Ай же ты, дружина хоробрая да любезная!
Ай полагайте вы доску дубовую на синё морё,
А что мне свалиться Садку мне-ка на доску,
А не то как страшно мне принять смерть во синём мори».
Ай как тут он еще взимал с собой свои гусёлка яровчаты,
Ай заплакал горько, прощался ён с дружинушкой хороброю,
Ай прощался ён топеречку со всим да со белым светом,
Ай как он топеречку как прощался ведь
А со своим он с Новы́м со городом,
А потом свалился на́ доску он на дубовую,
Ай понесло как Садка на́ доски по синю морю.
Ай как тут побежали черны-ты ка́рабли,
Ай как будто полетели черны во́роны.
Ай как тут остался топерь Садке да на синем мори.
Ай как ведь со страху великаго
А заснул Садке на той доске на дубовыи.
А как ведь проснулся Садке, купец богатыи новгородскиий,
Ай в окиян-мори да на самом дни,
А увидел — скрозь воду пекет красно солнушко,
А как ведь очудилась возле полата белокаменна,
А заходил как он в полату белокаменну,
Ай сидит топерь как во полатушках
Ай как царь-то морской топерь на стули ведь,
Ай говорил царь-то морской таковы слова:
«Ай как здравствуйте, купец богатыи,
Садке да новгородскиий!
Ай как сколько ни по морю ездил ты,

Ай как морскому царю дани не плачивал в синё морё,
Ай топерь уж сам весь пришел ко мне да во подарочках.
Ах скажут, ты мастёр играть во гусли во яровчаты,
А поиграй-ко мне как в гусли во яровчаты».
А как тут Садке видит, в синем море делать нечего,
Принужон он играть как во гусли во яровчаты.
Ай как начал играть Садке как во гусли во яровчаты,
А как начал плясать царь морской топерь в синём мори,
А от него сколебалосе все синё морё
А сходиласе волна да на синём мори,
Ай как стал он розбивать много черных караблей да на синём мори,
Ай как много стало ведь тонуть народу да в синё морё,
Ай как много стало гинуть именьица да в синё морё.
А как топерь на синём мори многи люди добрыи,
Ай как многи ведь да люди православные,
От желаньица как мóлятся Миколы да Можайскому,
Ай чтобы повынес Микулай их угодник из синя́ моря.
А как тут Садка новгородскаго как чёснуло в плечо да во́ правое,
Ай как обвернулся назад Садке, купец богатый новгородскиий, —
А стоит как топерь старичок да назади уж как белыи седатыи,
Ай как говорил да старичок таковы слова:
«Ай как полно те играть, Садке, во гусли во яровчаты во синём мори».
Ай говорит Садке как наместо таковы слова:
«Ай топерь у мня не своя воля да в синём мори,
Заставляет как играть ме́ня царь морской».
Ай говорил опять старичок наместо таковы слова:
«Ай как ты, Садке, купец богатый новгородскиий,
Ай как ты струночки повырви-ко,
Как шпинёчики повы́ломай,
Ай как ты скажи топерь царю морскому ведь:
„Ай у мня струн не случилосе,
Шпинёчиков у мня не пригодилосе,
Ай как боле играть у мня не во что".
А тебе скаже как царь морской:
„Ай не угодно ли тебе, Садке, женитися в синем мори
Ай на душечке как на красной на девушке?"
Ай как ты скажи ему топерь да в синем мори,
Ай скажи: „Царь морской, как воля твоя топерь в синем мори,
Ай как что ты знашь, то и делай-ко".
Ай как он скажет тебе да топеречку:
„Ай за́утра ты приготовляйся-тко,
Ай Садке, купец богатый новгородскиий,
Ай выбирай, как скажет, ты девицу себе по уму, по разуму".

Так ты смотри, перво триста́ девиц ты стадо про́пусти,
А ты другое триста́ девиц ты стадо про́пусти,
А как третье триста́ девиц ты стадо про́пусти,
А в том стади на конци на остатнием
Ай идет как девица-красавица,
А по фамилии как Чернава-то.
Так ты эту Чернаву-то бери в замужество —
Ай тогда ты, Садке, да счастлив будешь.
Ай как лягешь спать первой ночи ведь,
А смотри, не твори блуда́ никакого-то
С той девицей со Чернавою.
Как проснешься тут ты в синем мори,
Так будешь в Нове́-граде на крутом кряжу,
А о ту о риченку о Чернаву-ту.
А ежели сотворишь как блуд ты в синем мори,
Так ты останешься на веки да в синем мори.
А когда ты будешь ведь на святой Руси,
Да во своём да ты да во городи,
Ай тогда построй ты церковь соборную
Да Николы да Можайскому,
Ай как есть я Микола Можайскиий».
А как тут потерялся теперь старичок да седатыий.
Ай как тут Садке, купец богатый новгородский, в синём мори
Ай как струночки он повы́рывал,
Шпинёчики у гусёлышек повыломал,
А не стал ведь он боле играти во гусли во яровчаты.
Ай остоялся как царь морской,
Не стал плясать он теперь в синём мори.
Ай как сам говорил уж царь таковы слова:
«А что же не играшь, Садке, купец богатый новгородскиий,
Ай во гусли ведь да во яровчаты?»
Ай говорил Садке таковы слова:
«Ай теперь струночки как я повы́рывал,
Шпинёчики я повыломал,
А у меня боле с собой ничего да не случилосе».
Ай как говорил царь морской:
«Не угодно ли тебе женитися, Садке, в синём мори,
Ай как ведь на душечке на красной да на девушке».
Ай как он наместо ведь говорил ему:
«Ай теперь как волюшка твоя надо мной в синём мори».
Ай как тут говорил уж царь морской:
«Ай же ты, Садке, купец богатый новгородскиий!
Ай за́утра выбирай себе девицу да красавицу

По уму себе да по разуму!»
Ай как дошло дело до утра ведь до раннаго,
Ай как стал Садке, купец богатый новгородскиий,
Ай как пошел выбирать себе девици-красавици,
Ай посмотрит, стоит уж как царь морской.
Ай как триста девиц повели мимо их-то ведь,
А он-то перво триста девиц да стадо пр**о́**пустил,
А друго он триста девиц да стало пр**о́**пустил,
Ай третье он триста девиц да стадо пр**о́**пустил.
А посмотрит, позади идет девица-красавица,
Ай по фамилии что как зовут Чернавою,
А он ту Чернаву любовал, брал за себя во замужество.
Ай как тут говорил царь морской таковы слова:
«Ай как ты умел да женитися, Садке, в синём мори».
А теперь как пошло у них столованье да почестен пир в синём мори,
Ай как тут прошло у них столованье да почестен пир,
А как тут ложился спать Садке, купец богатый новгородскиий,
А в синём мори он с девицею с красавицей,
А во спальней он да во тёплоей.
Ай не творил с нёй блуда никакова да заснул в сон во крепкии.
Ай как он проснулся, Садке, купец богатый новгородскиий,
Ажно очутился Садке во своем да во городи,
О реку о Чернаву на крут**о́**м кряжу.
Ай как тут увидел — бежат по Волхову
А свои да черныи да карабли,
А как ведь дружинушка как хоробрая
А поминают ведь Садка в синём мори,
Ай Садка, купца богатаго, да жена его
А поминат Садка со всей дружиною хороброю.
А как тут увидла дружинушка,
Что стоит Садке на крутом кряжу да о Волхово,
Ай как тут дружинушка вся она росчудоваласе,
Ай как тому чуду ведь сдивоваласе,
Что «оставили мы Садка да на синём мори,
А Садке впереди нас да во своем во городи».
Ай как встретил ведь Садке дружинушку хоробрую,
Вси черные тут ка́рабли,
А как теперь поздоровкались,
Пошли во полаты Садка, купца богатаго.
А как он теперечку здоровкался со своею с молодой женой.
Ай теперь как он после этого
Ай повыгрузил он со ка́раблей
А как все свое да он именьицо,

Ай повыкатил как ён всю свою да несчетну золоту казну.
Ай топерь как на свою он несчетну золоту казну
Ай как сделал церковь соборную
Николы да Можайскому,
Ай как дру́гую церковь сделал Пресвятыи Богородицы.
Ай топерь как ведь да после этого
Ай как начал Господу Богу он да молитися,
Ай о своих грехах да он прощатися.
А как боле не стал выезжать да на синё морё,
Ай как стал проживать во своем да он во городи.
Ай топерь как ведь да после этого
Ай тому да всему да славы́ поют.

№ 527

САДКО

А как во той Индеи во богатые
А был ли Садке́, купець-то богатые.
А нагрузил он трицять ко́раблей да златом-се́ребром,
А ведь приехал к купцям новгородскиим,
А привалил ко пристани корабельную.
А ведь зашел Садке́, купець богатыи,
А ведь зашел в гостиницю да познакомитьсе
А ведь со тмима со купцям да новгородьскима.
А ведь закажут купци-ты новгородьскии
А ведь своёй ли-то ёны́ пароцькой —
А ведь повыпьют-то пиво разное.
А ведь заказывал Садке́, купець богатыи,
А вдвоё заказывал, втро́ё да в еди́ное.
А ведь оны ли все понапилисе,
А ведь вси ли оны порасфалилисе.
А ведь говорил Садке́, купець да богатыи:
«А я вси ваши товары новгородскии,
А вси ваши товары я повыкуплю!»
А тут купци ли-то новгородскии
А как товару на перьвой день да наставили
А по сторону другу да матушки да Волги-реки.
А ведь как отправил-то Садке́, купець богатыи,
А всех своих ли он заку́пшыков,
А ведь и вси-то товары повыкупил,
А нагру́зили на свои да на кораблики.

А на другой-то он день, да на де́нецёк
А ведь наставили Садке́ да вдво́ё, втро́ё-то —
А вси товары-то повыкупил,
А у Садки́ ли денежок не убыло.
А ведь на третей день-то поставили
А ведь и вси ли-то тут да остатоцьки —
А вси ли товары закупили-то,
А у Садки́ ли денег-то не убыло.
Ой ведь Садке́, купець да богатые,
А ведь поехал Садке по сине́ мо́рю,
А по си́ню мо́рю-то с тридцяти он ко́раблям —
А ведь корабли́-ты на мо́ри-ты да стали все,
А ведь ко́рабль никуда не двигаитсе.
А говорил ли Садке́, купець да богатыи:
«А сколько я по морю да не езживал,
А видно, царю морьскому дани я не плацивал,
А видно, что дань с меня тре́буёт!
А ведь и кину ему боцьку с златом-се́ребром».
А ведь и кинул боцьку с златом-се́ребром,
А ведь стоя́ кинул на одном месте-то —
А никуда корабли́ ни сдвигаютсе.
«А видно, просит цярь морьской, он и страх людской,
А ведь головушку-то просит целовецью-то!»
А ведь спустили одного матроса-то —
А всё кораблики не двигаютсе.
«А видно, просит самого мине!
А вы кладите ли́сницю,
А кладите мне-ко вы долгую!
А видно, просит цярь морьской, ён да страх людской,
А самого, видно, просит меня-то ведь!»
А взял Садке́ гусёлыцько яро́вцято,
А ведь спустилсе ли Садке́ да со кора́блика,
А приходил ли — а цярь морьской, да страх людской,
А со царицей морьской да спо́руют:
«А ведь Садке́, купець да богатыи,
А разбери-тко ты, рассуди-тко ты:
А для того твои кораблики поставили,
А что на Руси дороже да ценитсе —
А ценитсе дороже злато и се́ребро
Али медь, булат-зелезо-то?»
Ведь так судил Садке́, купець да бугатыи:
«А ведь дорого на Руси злато и се́ребро,
А ведь другой злата-серебра да год не видит-то;

А как булат-то зелезо есь надобно —
А отрубить то дару Божьего рабоцьего
А цто да надо но́жицёк!»
А тут цяриця да плясала-то.
А говорила цяриця морьская-то,
А что булат-зелезо дороже злата-се́ребра,
А цярь морьской — что злато-се́ребро.
А тут и цяриця пораздо́рила:
«А ведь Садке́, купець ты богатыи,
А ведь играй-ко в гусёлышка ты яро́вцяты!»
А наця́ли танцевать — двенадцать сутоцек —
А сине морюшко скулубалосе,
А сколько народу погинуло
А ведь мира ли православного.
А тут Микулай Цюдотворець-то
А ведь явилсе им да в комнату,
А наця́л шоптать Садке́ богатому:
«А не играй в гусёлышка яро́вцяты,
А ведь не можно терпеть боле —
А ведь и столь по морям да погинуло,
А ведь заставляют мене отбити-то.
А волоци-ко по одной ты по стру́ноцьки,
А ведь скажи: „Уж ты, царь морьской, ты, страх людской,
А не́ во что играть во гусёлка самоигрыи.
А ведь спусти-тко изыти ты ми во Ки́ёв-град
А ведь купить мне новых струноцек,
А мне-ко струноцек-то шелко́выих!”»
А Микулай Цюдотворець и ушел-то ведь.
А как Садке́, купець да богатыи,
А наця́л ён по струноцьки выдергивать,
А не́ во что играть-то ведь —
А нельзя стало цярице таньцёва́ть-то ведь:
«А ведь ты, цярь морьской, ах ты, страх людской,
А ведь пусти ты меня ты во Ки́ёв-град
А съездити мне за стру́нами за шолко́выма!»
А ведь тут ли им дал волю-то.
А как объявилсе Садке́, купець богатыи,
А ведь объявилсе у города у Ки́ёва,
А у Софии у Премудрые,
А кораблики-то пошли благополуцьно ведь.

№ 528

САДКО

Как тут был-то почéстной пир. Как Садко да богатыих там своим именьем порасфастался. «Много у меня именья есть, богачесьва. Выкуплю я вси товары из Новá города, из села из Карачарова. Не наполнить на мои-ты вси деньги, не наполнить-то товара вашего». Как откупил-то Садко, купець богатыих, откупил товары он с Новá гóрода, из села-то Карачарова. Как на другой-то день он справляется, он приходит вновь на публику и там товаров втрое-вдвое очутилося. Окупил эты вси товары с Новá гóрода, с села Карачарова. Как на третий день он приходит-то — навозить стали товары с разных мест. Откупил он товары вси до единого. Втрое-вдвое очутилося. Откупил он вси товары до единого. На четвертый день товару очутилося втрое-вдвое. Как приехал Садко, купець богатыи, товар брать, как брал он товар не по разуму, не стало у нёго хватать боле суммушки. Как видит: приходит беда неминучая, как не стало у меня денежек больше хватать. Разорился купець Садко богатыих, порешил свою сумму бессчетную. Обнищал видь Садко, стал бедныим.

№ 529

САДКО

Есть на Святой Земле Садко, купец богатый,
Есть на небе звезды —
И у Садко, купца богатого, в тереме звезда.
На небе звездочка —
И у Садко, купца богатого, в тереме звездочка.
Садко, купец богатый, двадцать девять кораблей привел,
К купцам новгородскиим под товары новгородские,
Тридцатый корабль — с златом-сéребром.
И познакомился Садко, купец богатый,
С купцами новгородскима.
Купцы новгородские как с приездом
Приняли дорога гостя,
С приездом угостилиествами разными,
Разными питвами новгородскими.
А Садко, купец богатый, вдвое угостил купцов новгородских,
Наугощались и порасхвастались,
Говорят купцы новгородские:
«Как у нас товару не убуде,
А у тебя, Садко, богатый гость, денег не будет».
А говорил Садко, купец богатый:
«Как у вас товару не будет,

А у меня денег не убудет!»
Как на первый день купцы да новгородские
Выставили товары новгородские
По сторону да матушки да Волги-реки,
И по другу сторону Волги-реки.
И говорит Садко, гость богатый:
«Ай же вы, мои приказчики,
Берите-ко вы денежек по надобью,
Откупите все товары новгородские
И сгрузите на кораблики».
На второй день вдвое купцы новгородские
Вдвое товаров поставили.
И говорит Садко, купец богатый:
«Мои да приказчики,
Берите денежо́к по надобью,
Откупите все товары новгородские
И сгрузите все товары на кораблики».
И на третий де́нечек остатки все товары
На рынок поставили.
И говорит Садко, купец богатый:
«Мои приказчики,
Берите денежок по надобью
И откупите все товары новгородские,
И сгрузите все товары новгородские на кораблики».
И у купцов новгородских
Товару не стало,
А у Садко, купца богатого, денежок не убыло.
И поехал Садко, купец богатый —
Двадцать девять кораблей с товаром-то,
А тридцатый с златом-серебром —
В Индею богатую.
До среди морюшка доехали,
Царь морской, страх людской,
Поставил корабли на мори —
По морю и ходу нет,
На месте вертятся, а вперед не двигатся,
Вертятся на одном месте трое суточек.
Говорит Садко, купец богатый:
«Колько ли я по морю ни ездивал,
А царю морскому дани не плачивал.
Верно, царь морской, страх людской, просит дань —
Спустите бочку с золотом на́ воду!»
Бочки золота царь морской, страх людской, не принимает —

Всё на воды вертится.
И говорит Садко, купец богатый:
«Верно, царю морскому злата-се́ребра не надобно,
Верно, просит головушку человечью».
Одели матроса в шинель и опустили на воду,
От воды матроса отдымывает —
И корабли не двигаются.
Говорит Садко, купец богатый:
«Видно, царь морской, страх людской,
Самого меня требует!»
Спустили золотую лестницу,
Взял Садко, купец богатый, гуселышка яровчаты
И спустился по лестнице
К царю морскому, страху людскому.
И явился Садко, купец богатый,
К царю морскому, страху людскому,
И говорит Садко царь морской, страх людской:
«Долго мы тебя ждем,
У нас идет здоря с царицей».
Царь морской, страх людской, говорит,
Что на земле дороже ценится злато и серебро,
А царица морская говорит,
Что булат-железо дороже ценится.
Вот Садко, купец богатый, и судит:
«Злато-серебро и другой год не видать,
А булат-железо надо в каждый день:
Ножичек — над хлебца отрезать,
Топорок — дров нарубить».
Тут царица вскочила плясать-танцевать:
«Моя верхова!»
А Садко заставляет в гусли играть.
Двенадцать суток играл,
А море волновалось так, что корабли топило,
Наделало много сирот.
Явился Миколай-чудотворец и шопчет в ухо:
«Перестань, Садко, купец богатыи, играть».
А говорит Садко, купец богатыи,
Что «заставляют, нельзя отказаться». —
«А по струнки рви в гуслях».
Говорит Миколай-чудотворец:
«Как дорвешь до одной, скажет царь морской, страх людской,
Что ты плохо играешь». —
«А не во что играть, струны вырвалися,

А спусти меня во Киев-град за струнами».
Царь морской сказал: «Поезжяй!»
И поехал Садко, купец богатый,
И приснулося Садко, купцу богатому:
Объявился у Софии Премудрой на берегу,
И пришли корабли благополучно.
И тым былина и покончилась.

№ 530

САДКО

Как с той ли-то Индеи со богатоей,
[А наехал Садко, купец богатый,]
А привел двадцать девять кораблей под товар привел,
А тридцатой-то кораб с златом-се́ребром.
У Садко-то, купця у богатого,
А видь на неби звезда —
У Садка, купця богатого, во тереми звезда.
На неби да звездоцька —
У Садка, купця богатого, [в тереми] да звездоцька.
Как приехал Садко, купець богатый,
А ко тым ли ко купцям да новгороцкиим,
Как видь купци-то видь да новгороцкии,
А с приездом-то да его встретили,
Хорошо-то видь да познакомились,
Угостили их с приездом с-за синя моря.
Как Садко-то видь, купец да богатыи,
Он угостил купцей богатыих.
Тут же купцы-то новгороцкии,
А ведь говорили-то оны да промеж собой:
«Как у тебя, Садка, купца богатого,
У тя денежек да не будет ведь,
А у нас-то товару не убуде ведь».
Тут купцы-то видь да новгороцкии
Как поставили товары новгороцкии
По сторону другу матушки Волги-реки.
Говорил-то Садко, купець богатыи:
«Ай же, моя дружина, вы прикатщики,
А берите-ко вы денежек да по на́добью,
Откупите все товары новгороцкие».
Как брали оны денег по на́добью,

Как скупили оны все товары новгороцкии,
И сгрузили оны да на кораблики,
А второй-то день товару вдвое да поставили.
Говорил Садко, купець да богатыи:
«Ай же, моя дружина, вы прикатчики,
А берите-ко вы денежек по на́добью,
Откупите все товары новгороцкии,
А сгрузите все товары на кораблики».
Как на третей-то да на денецёк,
Как купцы-то ведь да новгороцкии,
Што было товару, всё поставили.
Говорил-то Садко, купець богатыи:
«Ай же, дружина моя, да вы прикатчики,
А берите-ко вы денежок по на́добью,
Откупите все товары новгороцкии
По сторону другу матушки-реки,
Отгрузите-ко вы да на кораблики».
Как больше товару у купцев да ставить не было,
А у Садко, купця у богатого,
У его-то денежек-то как не убыло.
Как отправилсе Садко, купець богатыи,
А возвратно в свою Индею во бога́тую.
Как захватил-то на́ мори да их царь морской,
А ведь царь морской, да ведь страх людской,
А ведь вертятця да они на мори.
Говорил Садко, купець богатыи:
«Колько видь я по морю ездивал,
А я царю морьскому дани не плацивал,
Видно, царь-то морской да и страх людской
Просит-то видь дань,
Кинемтё-ко мы боцьку с златом, с се́ребром».
Кинули боцьку с златом-се́ребром,
Не принимает ведь злата-се́ребра,
От воды боцьку кверху да выкидыват —
А кораблики на одном месте всё вертетце,
Никуды оны не двигаютце.
Говорил Садко, купец да богатыи:
«Видно, просит головушку цёловецеську».
Одели матроса-то оны во платьица,
Как спустили-то да оны на́ воду,
Как вода да ведь матроса не при́няла.
Говорит Садко, купец-то богатыи:
«Видно, самого меня, Садка, купца богатого, требует,

Как опустите-ко лисницу золоцёную».
Как спустили лисницу золоцёную,
Брал Садко [гусёлышка] да яровцяты,
И спустился Садко, купец богатыи.
Говорит-то видь царь морской и царица морска:
«Вот ты, Садко, сам прибыл к нам.
Ведь рассуди-тко нас ведь с царем морским,
У нас ведь ссора с ним стало видь».
Говорит-то Садко царь морской:
«Как злато-се́ребро дороже на Руси ценитце».
А говоря цяриця морска:
«Как булат-железо-то».
И говорит Садко, купец богатыи:
«Што дорого золото-се́ребро,
Да не видеть его другой-то целой годицек,
Как булат-то железо на всякой-то денецек,
Взять-то в руки с булата-железа ножицек,
Как отрезать-то хлебце, дару-то Божьего,
А топорик-то с булат-железа-то,
И эта на всякой-то день нам на де́ницек».
Как скоци́ла цариця мо́рская:
«Што моя-то правда вышла-то видь,
И с тобой-то, царем морским, всё-то ссорились.
Как ведь играй-то Садко, купец богатыи,
А играшь, Садко, а в гусёлышка-ты яровцяты,
Будём танцовать-то мы и будем веселитися».
Как играл Садко, купец богатыи,
То видь море-то сколибалоси,
Как колько [людей] натонуло тут,
А коль-то погинуло видь людушок!
Как играл-то Садко, купец богатыи,
А двенаццать-то целых сутоцек,
Как явился-то Микулай-цюдотворец,
Шепцет в уши-то Садку, купцу богатому:
«Как довольно играть, Садко, купец богатыи,
А не можем-то мы больше слезованьици».
А говорит Садко, купец богатыи:
«Как же не играть, как заставляют ведь?»
Говорил-то Микулай-цюдотворец-то:
«Как по струноцьки с гусёлышок да выдергивай».
Как по струноцьки Садко выдергивал.
Говорит царь-то морской:
«Што же плохо играешь, Садко, купець богатыи?»

Отвецял Садко: «Не во што стало мне-ко-ва играть,
Пирвались-то у мня струноцьки.
А ведь царь морской, ой да страх людской,
Как спусти меня да во Киев-град
Съездить мне-ко-ва туда за струнамы».
Как тут ли Садко да приснулоси,
Объявился на бережку у Софии да Примудроей,
А пришли-то корабли благополуцьно видь,
И тым быль-то видь поконцилась.

№ 531

САДКО — КУПЕЦ БОГАТЫЙ

Как во том во славном Нове городе
Жил Садко, купец богатый гос⟨т⟩ь.
Прежде у Са́дко ничего не было,
Только были гуселышка яровчаты.
Он ходил по пирам да по гостебищам
И играл в гуселышка яровчаты,
Тем кормил он свою голову,
Тем кормил он свою матушку.
Са́дко день не зовут на почесный пир,
И другой не зовут на почесный пир.
А на третий день Са́дко соскучиўся,
Он берет гуселышка яровчаты,
И пошел он к И́льмень-озеру,
И садился Са́дко на сер-горюч камень.
И начал он струночки натягивать,
Начал по струночкам поваживать,
На своих гуселышках наигрывать.
Тута в озери волна сходиласи,
Со песком вода смутиласи.
Испугался Са́дко, новгородский гос⟨т⟩ь,
Убежал ко славну Нову городу.
Садко день не зовут на почесный пир,
И другой не зовут на почесный пир.
А на третей день Са́дко соскучиўся,
Он берет гуселышка яровчаты,
Идет Са́дко к Ильмень-озеру,
И садится Са́дко на сер-горюч каме́нь.
Стал он струночки свои натягивать,

Стал по струночкам Садко́ поваживать,
На гуселышках яровчатых наигрывать —
Ильмень-озеро да сбушевалоси,
Волна сильная да в озери сходиласи,
С песком вода да помутиласи.
Устрашился Садко, испугался он,
Схватил гуселышка яровчаты
И убежал ко славну Нову городу.
И Са́дко день не зовут на почесный пир,
И другой не зовут на почесный пир.
А на третей день Са́дко соскучиу́ся,
Он берет гуселышка яровчаты,
И приходит он да к Ильмень-озеру,
И садится Са́дко на сер-горюч каме́нь.
Начал струночки он натягивать
И по струночкам начал поваживать,
На гуселышках яровчатых наигрывать.
Ильмень-озеро да сволновалоси,
Тут не спугался Са́дко, новгороцкий гос⟨т⟩ь.
Из того из озера из Ильменя
Выходит царь морской.
«А здрасвуешь, удалой доброй молодец,
Молодой ты Са́дко, новгороцкий гос⟨т⟩ь!
Хорошо играешь ты в гуселышки яровчаты,
А потешь-ко ты царя морского —
За твою работушку
Я в долгу перед тобой да не оста́нуси,
Не остануси, порассчитаюси.
Ты бери-ко, Са́дко, много золота,
Много золота да чи́ста серебра,
От меня да ты счастлив буде́шь.
А если этот подарок не пондравитца,
Ты иди-тко во славный Новгород,
Собери-тко купцов новгородскиих
И побейся с ними о велик заклад:
Ты поставь-ко гим да сво́ю буйну голову,
А с гих сторонушки проси лавки товара красного.
Ты о том побейся о велик заклад,
Что во этом ли да в Ильмень-озери
Естя рыбушка да золоты перья.
Когда побьешься ты о велик заклад,
Ты бери невода да шелковыи,
Ты закинь-ко тоньку в Ильмень-озери —

Дам тебе я рыбку-золоты́ перья.
И потом закинь вторую тонечку —
Дам вторую рыбку-золоты́ перья.
И закинь ты третью тонечку —
Дам я третью рыбку-золоты перья́».
И пошел тут Са́дко во славный Новгород.
Поутру рано-ранешенько
Приглашают Са́дко на почестен пир
Поиграть в гуселышки яровчаты.
Собералися да все купцы новгородские,
На пиру все наедалися,
На чесном все напевалися,
Чем-нибудь оне да похвалялися:
Который хвастает отцом своим да матушкой,
Идной хвастает да молодой женой,
А купцы-то новгородские
Оны хвастают да золотой казной,
Идной хвастает своим отечеством
И хорошим да молодечеством.
Один Са́дко сидит да посмирнешенько,
Он ничем да сидит не хвастает.
Тут начали Са́дку подпаивать,
Начали Садку чарочки поднашивать,
Говорят купцы да новгородские:
«А што же ты, Са́дко, новгородский гость,
А ты ничим в пиру не похвастаешь?»
Говорит ему Са́дко таковы слова:
«А чем мни, бедняку, да похвастаться?
У меня есь именья-богачесьва —
Как одне гуселышка яровчаты,
Только могу я, молодец, похвастати.
А как знаю я да чудо-чудное,
Чудо-чудное да диво-дивное:
Как во нашем есь да Ильмень-озери
Есь рыбинки да золоты́ перья́».
Говорят купцы да новгородские:
«Ты с похмелья, молодец, говоришь да таковы слова!
А мы, вековы жители да новгороцкие,
Дай век того не слыхано,
Да и век того не видано,
И на басенках того не баяно,
Никому это слово не поверится,
А никому это слово не поладитсе».

Говорит тут Са́дко, новгороцкий гость:
«Ай же вы, купцы да новгороцкие,
Все воеводы новгороцкие!
Я могу побиться о велик заклад,
Я влагаю свою да буйну голову,
А вы, купцы да новгороцкие,
Полагайте лавоцьки с товарамы».
Тут купцы да призадумались,
А ⟨три⟩ купца повыстали,
Говорят оне да таковы слова:
«Ах ты, Са́дко, новгороцкий гос⟨т⟩ь,
Полагаешь ты да буйну голову,
А мы положим на свою да на сторону
По три лавочки товара красного».
Тут согласилиси да условилиси,
Вси к условию да подписалися,
Вси воеводы новгороцкие.
Са́дко брал шелковый невод,
И пошли оны к озеру да Ильменю,
А по-сказанному, как по-писанному:
Перву тоню закинули в Ильмень-озеро —
Гим попало рыбка-золоты́ перья́.
Все купцы, воеводы новгороцкие
Тому чудушку да чудуютса,
Тому дивушку да дивуются.
Как закинул Са́дко, новгороцкий гос⟨т⟩ь,
Вторую тонечку да в Ильмень-озеро —
И втора́ попала рыбка-золоты́ перья́.
А стоят купцы да новгороцкие,
Оне за ухом да почесывают.
Закинул Са́дко третью тонецьку,
Третью тонецьку да в Ильмень-озеро —
И попала третья рыбка-золоты́ перья́.
И говорят купцы новгороцкие:
«Ай да Са́дко, новгороцкий гос⟨т⟩ь,
Теперь дело с тобой у нас покончено,
Наше дело с тобой теперь проиграно —
Ты бери наши лавоцьки с товарамы».
И стал тут Са́дко торговать товаром красным,
Получал барыши да великии.
Он построил хоромы высокии
И палаты он да гряновитыи,
Все устроил в палатах по-небесному:

На небе солнце — и в палатах сол⟨н⟩це,
А на небе месяц — и в палатах месяц,
А на небе звезды — и в палатах звезды.
И начал Са́дко богатеть.
И собрал Са́дко почестен пир,
И зазвал он всех купцов новгородскиих
И всех воевод новгороцкиих,
А сам играл в гуселышки яровчаты.
На пиру-то вси да наедалиси,
На чес⟨т⟩ном да вси да напивалиси,
Во хмелю-то вси да похвалялиси.
В перву очередь да порасхвастался
Садко, новгороцкий купец:
«Ай же вы, купцы да новгороцкие,
Все воеводы новгороцкии,
У меня, у Садко у бедного,
Теперь есь бесчетна золота казна.
На свою ли я бесчетну золоту казну
Смогу теперь повыкупить все товары новгороцкие».
И побилиси они да о велик заклад,
О велик заклад — о тридцати о тысячах.
Как по утрышку по раннему
Встает тут Садко поранешенько,
Он будит дружинушку хоробрую,
Он дает ему бесчетной золотой казны,
Отправляет их по улицам окольныим,
А по тем по лавочкам торговыим
Все скупать товары новгороцкие,
А худые товары, и добрые.
Сам Садко идет в гостиный ряд,
Закупает все товары новгороцкие.
На второе утро раным-ранешенько
Он будит своих слуг верныих,
Всю дружинушку свою хоробрую,
Ен без счета дает да золотой казны:
«Отправляйтеся-ко в славной Новгород
Как по тем по уличкам окольныим,
Как по тем по лавочкам торговыим,
Закупайте вы товары новгороцкии,
Вы худые товары, и добрые».
А сам Са́дко, да новгороцкий гость,
Прямешенько идет да в гостиный ряд,
Смотрит — вдвойне товаров там принавезено,

А вдвойне товаров принавалено.
Говорит Са́дко да он сам себе:
«Я повыкупил товары новгороцкие,
А появилися товары московския».
Он склонил да буйну голову
И пошел в свою палату белокаменну.
В третей день встает Са́дко поутру ранешенько,
Ен будит дружину хоробрую,
Им без счета дает да золотой казны,
Посылает по улицам да загородным
Закупать товары московские.
А сам прямешенько идет в гостиный ряд —
А тут втройне товаров принавезено.
Говорит Са́дко да таковы́ слова:
«Как скупил товары новгородские —
Навезли товаров да московскиих.
Я скупил товары московские —
Принавезено товаров заморскиих».
Говорит тут Садко таковы слова:
«Верно, не я богат, новгороцкий купец,
А богатее меня да славный Новгород».
Он пошел в палаты белокаменны,
Собрал купцов новгороцкиих
Оправдать да свои договоры,
С которыми побились о велик заклад,
Отдавал купцам да тридцать тысячей.
На остальну бесчетну золоту казну
Он построил кораблики червленыи
И взвалил товары новгороцкие и те товары московские,
Собрал свою дружинушку хоробрую,
Посадил на кораблики червленыи,
Зазвенели якоря булатные,
Поднимались паруса да полотнянныи.
А Са́дко, да новгороцкий купец,
Помолиўся он да Спасу-образу,
С молодой женой он прощается,
В путь-дороженьку да отправляется.
Как из славного да Нова города
Поехал Са́дко по Волхову,
Из реченьки да из Волхова —
Во озерышко да во Ладожско,
А из Ладожского озера —
Во матушку Неву-реку,

А со матушки да Невы-реки —
А во морюшко да во синее.
Он держал корабли да во пра́ву руку,
Во праву руку да в Золоту Орду.
(*Не знаю, кака Золота Орда.*)
Товары продал он да с большой прибылью,
Получил он барыши да великии:
Бочки-сороковки красна золота да чиста се́ребра
И в обратный путь поехал по сине́ морю́.
Сине морюшко да взволновалоси,
Буря сильная в морюшки сходиласи,
Со песком вода да помутиласи,
Ветер мачты гнет, паруса-те рвет —
А не йдут кораблики червленыи.
Говорит тут Са́дко таковы слова:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая,
А много я ездил по сине́ морю́,
А царю морскому дани я не плачивал —
Царь морской на меня, верно, поразгневался
И задерживат кораблики червленыи.
Уж вы слуги мои, слуги верныи,
Возьмите-тко бочку чиста се́ребра,
Вы спустите бочку во сине́ море».
И его дружинушка хоробрая
Оны взяли бочку чиста серебра,
На блоках спустили во синё морё.
Тута морюшко не усмирилоси,
А все волна в мори да сходилоси,
С песком-то вся вода смутилоси,
Ветер мачты гнет, паруса-те рвет —
А не йдут кораблики червленыи.
Говорит тут Са́дко, новгороцкий купец:
«А не по разуму царю, верно, этот подароцек.
Вы возьмите-тко да бочку чи́ста золота,
А спустите царю морскому во синё морё».
Тута слуги его верные
Оне брали бочку чиста золота
И на блока́х опустили во синё морё
А царю морскому во подарочек.
Туто морюшко не усмирилоси,
Ветер мачты гнет, паруса-те рвет —
А не йдут кораблики червленыи.
Испугался Са́дко, новгороцкий гость:

«Ай же вы, дружинушка хоробрая,
Нам придется, верно, в морюшки потóнути,
Не угодны, верно, эти подарочки,
А грозный царь морской да, верно, требует
Он живой души да человеческой.
Собирайтесь-ко, пожалуста,
В óдин круг, в одну беседушку —
Што нам делать теперь с морским царем?»
И надумали да наладили
Промеж собой да кинуть жеребей:
Кому итти да во синё морё,
Во синё морё да на само дно,
А царю морскому во служеньице.
Вся дружинушка хоробрая
Поделали жеребья кожáные
И подписали свое имя и фамилию.
А Сáдко, новгороцкий гос⟨т⟩ь,
Он сделал жеребей на красном золоти.
И спустили жеребья да во синé морé.
Всей дружинушки да хоробрыя
Жеребья́ пловут да будто гоголи
Во синём мори да поверх воды,
А Сáдко жеребей да пал во синё морё,
Во синё морё да на само дно.
Говорит тут Сáдко таковы слова:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая,
Жеребьямы мы да переменимся:
Вы себе сделайте жеребья из красна золота
И подпишите имя и фамилию,
А я сделаю себе жеребей кожаный».
Его дружинушка хоробрая
На совет на этот согласилися,
Сделали жеребья да с чиста золота,
Подписали имя и фамилию,
А Сáдко сделал себе жеребей да кожаный
И подписал свое имя и фамилию.
И спустили жеребья во синé морé.
Всей дружинушки да хоробрые
Жеребья́ стоят да поверх воды,
А Сáдко-купца да новгороцкого
Будто камешек пошел да во сине море,
Во синé море да и на само дно.
Говорит тут Сáдко таковы слова:

«Верно, царь морской да меня требует,
Надо тому делу покоритиси,
А с вамы, друзья, да распроститися.
Ай же вы, дружинушка хоро́брая,
Принесите мне поскорешенько
Вы бумажечки да гербов⟨ыи⟩,
Вы корвертички да клееные,
Перушки несити вы гусиные,
Карандашички да вы чернильные —
Я писать буду́ да завещаньице,
Я расписывать-то буду все именьица,
По частям буду писать да по долиночкам:
Перва час⟨т⟩ь идет да по Божьим церквам,
Друга час⟨т⟩ь идет да нищей братии,
Третья час⟨т⟩ь пойдет да молодой жены,
А четвертая — дружины хороброей,
Штобы в жизни было вам на вспоминаньице,
А души моей на поминаньице».
Говорит тут Садко таковы́ слова:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая,
Принесите-тко гуселышка яровчаты —
Посмотрю в последней раз да полюбуюся
На свои гуселышки яровчаты.
Не живать мне больше на бело́м свету,
Во гуселышки яровчаты не и́грывать,
А разве взять мне их да во сине́ морё?»
Говорит-то уж Са́дко таковы слова:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая,
А вы возьмите-тко дощечку дубовую».
Он лег на до́щечку дубовую,
Взял с собой гуселышка яровчаты,
И спустили его во синё морё.
Не поспел тут Са́дко и глазком моргнуть —
И пошли его кораблики червленыи.
И заснул тут Са́дко на дощечки на дубовенькой,
А проснулся Са́дко во синём мори,
Во синём мори да на самом дни,
И увидел он красно солнышко,
Освещает оно морское дно,
И увидел Са́дко во синём мори́:
Стоит палата белокаменна,
Наготово ворота открылиси,
Тут невидимы слуги появилиси,

Провели Садко да во второй этаж.
Как сидит тут царь морской,
Голова его, как куча сенная.
Говорит ему да царь морской:
«А здаствуешь, удалой доброй молодец,
А богатой купец, новгороцкий гос⟨т⟩ь!
Хорошо, што ты ко мне пожаловал,
Хорошо ты спотешал меня да в Ильмень-озери.
А потешь-ко ты меня да во синём мори,
Поиграй в гуселышки яровчаты,
Потешь морского царя».
Тут Са́дко берет гуселышки яровчаты,
Начал струночки натягивать,
Стал по струночкам поваживать,
А царь морской пляшет.
И Са́дко, московский купец,
Играет с утра день до вечера
И второй играет с утра день до вечера,
И играет день, играет с утра день до вечера.
И устал Садко, играючи,
Его рученьки не поднимаютца,
В руках пальчики да не сгибаютце,
А царь морской все пляшет,
И Садку играть он все приказывает.
Закручинился Садко, запечалился,
Повесил он свою буйну го́лову.
Спомянул он, Са́дко, свою родину,
Спомянул он Николу Можайского.
Вдруг пред ним появляется
Старичок благообразненький,
Благообразненький да весь седатенький,
Он в крестах кругом да со Еваньельем.
Говорит он Са́дку таковы слова:
«Ты устал играть да во синём мори́».
Говорит Садко да таковы слова:
«А во синём мори да не своя воля,
А неволюшка стала подневольная —
А мне приказывает играть да царь морской».
А говорит ему старицек седатенький:
«Ох ты, Са́дко, богатый гос⟨т⟩ь,
Ты послушай-ко да мое повеленьице:
Тебе царь морской будет приказывать,
Ты умей-ко ему да ответ держать,

Говори морскому царю:
„У меня во гуселышках яровчатых
У мня струночки да оборвалиси,
Ах шпенечки все да поломалисе,
А с собой у мня струночек не пригодилоси,
А шпенечков новых не случилоси".
Еще скажет тебе да царь морской:
„Не желаешь ли ты да в синём мори да поженитиси
А на душечки на красной на девицы?" —
Так ты делай-ка да как тебе велю:
Как пойдут тут девицы-красавицы:
Один табун пойдет да триста девиц —
Ты их мимо пропусти да не выбери,
И другой пройдет да триста девиц —
Ты пропусти их да не по́смотри,
И третей пройдет табун триста девиц —
И ты тех пропусти, себе не выбери.
Вслед пойдет девушка-чернавушка,
Ты, Са́дко, новгороцкий гос⟨т⟩ь,
Ты бери себе в супружницы
Эту девушку да чернавушку,
И ты будешь, Садко, в Нове городе».
Не поспел тут Са́дко оглянутиси,
А старичек седатенькой невѝдим стал.
Тутo Са́дко призадумаўся,
Закручиниуся да запечалиўся,
Вдруг явиўся к ему царь морской,
Играть в гуселышка ему приказыват,
А Са́дко тут да приосмелился,
Отвечает он морскому царю:
«Во гуселышках моих яровчатых
У мня струночки да порвалися,
А шпенечки у меня да поломáлися,
А у мня струночек да не случилоси,
А шпенечков у меня не пригодилоси».
Говорит ему тут царь морской:
«Ах же ты, Са́дко, новгороцкий гость,
А не желаешь ли в сине́м мори да поженитиси?»
Отвечает Са́дко таковы слова:
«А во сине́м мори́ у мня да не своя воля́,
Не своя воля́, а воля морского царя».
Утром поутру ранешенько
Велит царь морской выберать себе супружницу.

И идет тут девушек красивыих
Перва партия — да триста девушек,
Разодетыих да разноряженых.
Перву партию пропустил Садко́
И не выбрал себе девушки в супружницы.
И идет вторая партия —
Триста девушек-красавиц разноряжено,
Разноряжено да пуще прежнего.
Пропустил их Са́дко, не избрал ни одной.
Вот идет третья партия —
Триста девушек да лучше прежнего.
Пропустил Са́дко, ни одной не взял
Себе да во супружницы.
А позади идет девушка-чернавушка,
И он взял ее себе да во супружницы.
Тут пошло да столованьице,
И пошло тут пированьице,
Тута царь морской задал пир.
После пира пошли ены во почивальню светлую.
Как уснул тут Са́дко во синём мори,
А проснуўся Са́дко в Нове городи
На берегу у реченьки Чернавушки.
Как посмотрит он: по славному по Волхову
Как пловут его кораблики червленыи,
И видит он дружину свою хоробрую.
Срадовался он да радосью великою,
А супруга его, молода жона,
Не началаси, не дожидаласи,
Поминала Са́дко во синём мори,
А увидала Са́дко — срадоваласи.
Тут прицялили кораблики цервленыи
Ко тому ко славному Нову городу,
Выгружали товары заморскии,
Выкатали тут бочки с золотом.
А на ту бесчетну золоту казну
Как построил Са́дко церковь соборную
А тому ли Николы Можайскому.
Стал тут жить Садко́ в Нове городе,
Торговать товарами разныма.
Он не ездил больше во синё морё.
А на том былинка и закончилась.

№ 532

САДКО НОВГОРОДСКИЙ

Во славном в городе во Новгороде
Тут жил купец, богатый гость.
Но прежде у Садко имущества не было,
Одни были гусельки яровчатые,
По пирам ходил, играл на гусельках.
Садко день не зовут на почестен пир,
И другой не зовут на почестен пир,
А потом Садко соскучился,
Пошел он к Ильмен-озеру,
И садился он на бел-горюч камень,
И стал играть он во гусельки яровчаты.
В озере вода скалебалася,
И тут Садко испугался-де
И пошел он прочь от озера.
Опять день его не зовут на почестен пир,
И другой не зовут на почестен пир,
И третий не зовут на почестен пир.
Опять Садко соскучился,
Он пошел опять к Ильмен-озеру,
Садился он на бел-горюч камень,
Стал играть он в гусельки яровчатые.
В озере вода скалебалася,
И тут-то Садко испугался-де,
Пошел он прочь от озера.
Опять его день не зовут на почесный пир,
И другой не зовут на почесный пир,
И третий не зовут на почесный пир.
Опять Садко соскучился,
Он пошел к Ильмен-озеру,
И садился он на бел-горюч камень,
И стал играть он в гусельки яровчатые.
Тут в озере вода скалебалася,
Но тут Садко не устрашился-де,
Все равно играет в гусельки яровчаты.
И показался с воды тут морской царь,
А сам говорит таковы слова:
«Ай же ты, Садко-купец, богатый гость,
За твою игру за веселую
Чем мне будет тебя, молодца, пожаловать,

Или несчетной тебя золотой казной?
Ты пойди-ка теперь во свой Новгород,
Ты пойдешь к боярам на почетный пир
И похвастай ты на чесном пиру,
Что в Ильмен-озере есть рыба-золотые перышки.
Ударяйся ты с купцами о велик заклад,
Пусть купцы залогают лавки товару красного,
А ты, Садко, залогай свою буйну голову.
И свяжите вы тогда шелков невод,
И поезжайте вы ловить в Ильмен-озеро.
Дам я тебе ⟨три⟩ рыбы-золотые перышки».
И пошел Садко ко своему Новгороду,
Садко позвали на почетный пир.
И все на пиру наедалися,
И все на пиру напивалися,
А в полупире все порасхвастались:
Богатый хвастает золотой казной,
Сильный хвастает своей силою,
Иной хвастает, что кони добрые,
Умный хвастает старой матерью,
А безумный хвастает молодой женой.
Говорит тут Садко-купец, богатый гость:
«Уж вы хвастаете всё былью-небылицы,
А вот я-то чем, молодец, похвастаю,
Что есть у нас в Ильмен-озере
Рыбушка-золоты перышки».
И тут говорят купцы и бояре,
Что «нету у нас в Ильмен-озере такой рыбушки».
Говорит тут Садко-купец, богатый гость:
«Залогайте вы товару лавки красного,
А я заложу свою буйну голову,
Если добудем мы рыбу-золотые перышки,
То получу я от вас товару лавки красного,
А если не добудем мы таковой рыбушки,
То отрубите мне мою головушку».
И вот ⟨три⟩ купца согласилися,
Заложили они по ⟨три⟩ лавки товару красного,
А Садко залогает свою буйну голову.
«Нонь давайте вязать шелко́в невод».
Связали они шелко́в невод,
И поехали они ловить рыбушку в Ильмен-озеро.
Первую они тоню вытянули —
Добыли одну рыбку-золотые перья,

Вторую тоню они вытянули —
Тоже добыли одну рыбку-золоты перья.
И третью тоню вытянули —
И добыли третью рыбку-золотые перья.
И получил он товару красного
От тех купцов ⟨девять⟩ лавочек,
И стал торговать он во Новгороде,
И стал он ездить с товарама и за́ море́,
И стала денежек у него сумма несчитана,
И созывает он к себе на почестен пир
Тех мужиков новгородскиих
И тех настоятелей новгородскиих:
Фому Назарьева и Луку Зиновьева.
И все тут на пиру наедалися,
И все на пиру похвалялися:
Богатый хвастал своей казной несчитаной,
Сильный хвастает своей силою,
Своей силою да удачей молодецкою,
Иной хвастает кони добрые,
Другой хвастает славным отчеством.
Умный хвастает старой матерью,
А безумный — молодой женой.
Говорит тут Садко, теперь богатый гость:
«А вы хвастаете все небылицею,
А вот я чем, молодец, похвастаю,
Я похвастаю, молодец, золотой казной.
На свою несчетну золоту казну
Я повыкуплю товары все новгородские,
И худые товары, и добрые».
Говорят тут настоятели новгородские,
Что «не выкупить тебе товаров новгородскиих».
И тут оне об заклад побилися
О денежках о трех тысячах,
Что если выкупит Садко товары новгородские,
То будет платить ему Новгород денежек ⟨три⟩ тысячи,
А если не выкупит Садко товаров новгородскиих,
То будет он платить денежек Новгороду.
И выбирает Садко себе дружинушку
⟨Двадцать девять⟩ человек, а сам тридцатый он.
И дает им золотой казны несчитоной,
И отправляет он их ко Новгороду
Закупать товары новгородские,
И худые товары, и добрые.

А сам идет прямо в гостиный ряд.
С кажной улицы, переулочка
Все дружинушка товары сваживат.
Вдвойне, втройне товару принаведено,
Лавки, магазины все переполнены.
Он повыкупил товары уж новгородские,
Да подоспели тут товары московские,
И вставал он тут по́утру опять ранешенько,
И будил свою дружинушку храбрую,
Давал им денег несчитаные,
Отправлял их опять ко Новгороду
Закупать товары все новгородские,
Худые товары, и добрые.
А сам идет прямо в гостиный ряд,
Опять вдвойне, втройне товару принаполнено.
Он повыкупил товары и московские,
Но поспели тут товары и заморские.
И говорит тут Садко-купец, богатый гость:
«Хоть богат я, Садко-купец, богатый гость,
Но богатее меня славный Новгород.
И придется мне, верно, Новгороду покоритися».
И отдает он тут денежек ⟨три⟩ тысячи
Тем настоятелям новгородскиим:
Фомы Назарьеву, Луки Зиновьеву
Для потребности, для славна Новгорода.
И созывает тут Садко свою дружинушку,
Они стали думушку думати,
Им куда девать все товары новгородские,
Все худые товары, и добрые.
И тут оне соглашалися
Им построить корабли червленые
И ехать со товарамы за́ море.
И вот построили оны корабли червленые,
И погружали все товары новгородские,
И поплыли оне по реке по Волховой,
А со Волхова они в Ладожское,
Со Ладожского во Неву-реку,
Со Невы-реки в море Балтийское.
И уехали они за́ море,
Продовали там все товары новгородские
И худые товары, и добрые,
Нагружали они бочки серебром,
Нагружали они бочки красным золотом,

И нагружали они бочки скатным жемчугом,
И поехали обратно ко Новгороду.
И будут они посреди моря синего,
И заставала их тут буря великая.
Говорит тут Садко-купец, богатый гость:
«Долго мы по морю ездили,
Морскому царю дань не плачивали,
Бросьте-тка ему бочку чиста се́ребра».
И бросила дружина бочку чиста серебра,
Но бурей бьет, паруса рвет,
Ломает караблики червленые —
А карабли с места не йдут.
И говорит тут Садко новгородский:
«Сбросьте-ка бочку красна золота».
И бросили бочку красна золота,
Опять бурей бьет, паруса рвет,
Ломает караблики червленые,
Но корабли с места не движутся.
И говорит тут Садко новгородский:
«Бросьте вы третью бочку — скатна жемчуга».
И бросили в море бочку скатна жемчуга.
Но все равно бурей бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики червленые —
А корабли с места не двигаются.
Говорит тут Садко-купец, богатый гость:
«Верно, требует от нас морской царь живой головушки,
Сделаемте-ка мы жеребья.
Вы сделайте себе жеребья вольжаные,
А я сделаю себе на красном золоте.
Чей жеребей ко дну пойдет,
Того и самого морской царь возьмет».
И поделала дружина жеребья себе вольжаные,
А сам Садко себе сделал на красном золоте.
И бросили они жеребья во сине море.
И у той дружинушки у храброей
Как гоголи жеребья плывут поверх воды,
А у Садко новгородского ключом ко дну.
И говорит тут Садко новгородской:
«Эти жеребья, дружинушка, у нас неправильные,
Сделайте-ка вы на красном золоте,
А я себе сделаю вольжаный».
И бросили они жеребья во сине море.
У той дружинушки у храброей

Гоголем жеребья плывут поверх воды,
А у самого Садка — ключом ко дню.
И говорит тут Садко-купец, богатый гость:
«Верно, самого меня царь требует во сине море.
Принесите-ко мне чернила и бумажечку,
Я стану свое именьице расписывать,
Которое именье молодой жене,
А и часть именья нищей братии,
Да и часть именья дружины храброей,
А остальное именье по Божьим церквям.
Приносили ему чернила и бумажечку,
Расписал он тут свое именьице
Молодой жене и нищей братии,
Он дружинушки и Божьим церквям.
Потом говорит таково слово:
«А дайте-ко мне мои гусельки
Поиграть мне в их хоть последний раз».
Подовали ему его гусельки,
И говорит тут Садко, богатый гость:
«А возьму я их во синё море».
И выкатили тут во синё море
Тяжелу дощечку дубовую,
И опустили Садко на дощечку на дубовую,
И побежали тут кораблики червленые ко синю морю.
Остался Садко один во синем море
На той дощечке на дубовоей,
И заснул он на этой дощечке на дубовой,
Засыпал-то он на поверхности,
А просыпался он во синём море и на самом дне.
И видит он во синём море
Там стоят палаты огромные.
Он заходит в те палаты огромнаи,
И сидит тут царь морской призадумавшись,
А царица пред ним усмихается,
Они спор вели сами между собой,
Что на Руси будет дорого:
Булат-железо или красно золото.
И говорит тут царь Садку богатому,
Что «поспорил я с своей царицею,
Что на Руси у вас булат-железо дорого,
Подороже оно будет красного золота.
В свою очередь царица молвила,
Что на Руси булат-железо дешевле будет красна золота.

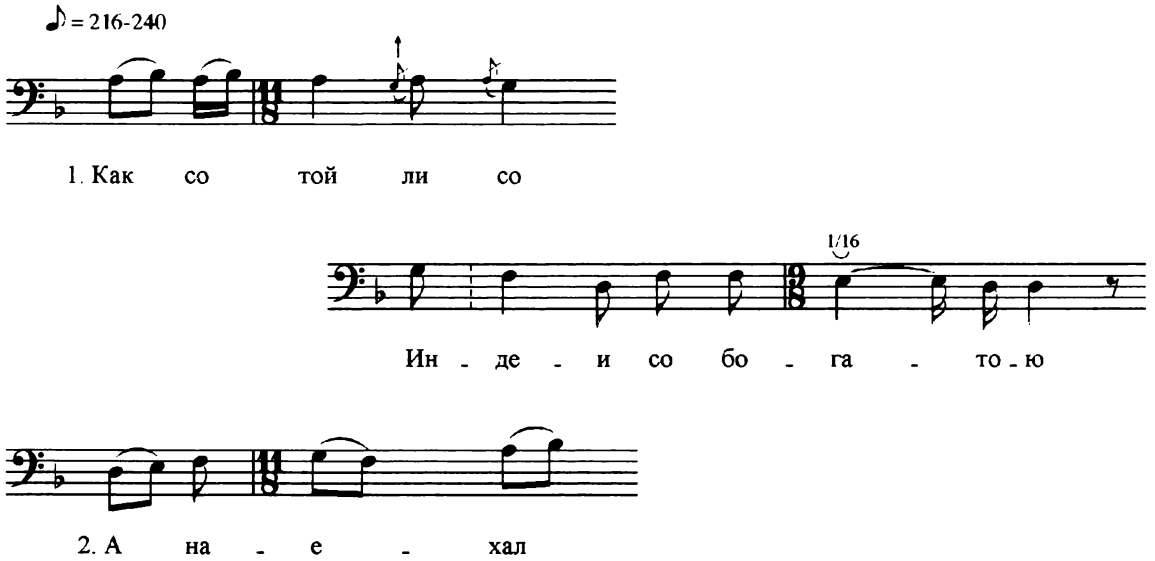
Вот за то я тебя звал, Садко, во сине море.
Ты скажи теперь, Садко, правду подлинную».
Говорит тут Садко новгородский:
«Что дороже на Руси у нас красно золото,
Но у детей оно валяется даже в люлечках,
А булат-железо найти, так надо с поиском,
Так что дорого красно золото,
Но не дешевле будет железо булатное».
И говорит тут Садку морской царь:
«Говорят, хорошо ты играешь в гусельки яровчаты,
Ты сыграй-ка мне в свои гусельки».
И стал тут Садко играть в гусельки яровчаты,
И стал тут плясать царь во синем море.
Сколебалася вода во синем море,
Стала много ломать кораблей червленых,
Стало много тонуть тут людей невинных.
А тее люди невинные православные
Они стали просить того Угодничка
Чудотворца Николая старого,
Чтобы спас он их от погибели.
И тут Святой Угодничек
Обращается он во синё морё,
И захватывает он Садку новгородского
За его за руку правую,
И говорит ему таковы слова:
«Не играй ты, Садко, во синем море,
Погубил ты душ много невинных».
И говорит тут Садко таковы слова:
«У меня воля не своя во синем море».
И говорит ему тут Святой Угодничек:
«А ты струночки-то повыдергай,
А шпенечки в гусельцах дергай,
И спросит тебя морской царь:
„Что же ты, Садко, больше не играешь про меня?"
А ты подай ответ таковой ему,
Что „у меня струночки повырвалисе,
А шпенечки в яровчатых повыломалисе,
Струн у меня заспасных не пригодилася,
И шпенечков с собой не случилася".
Тогда скажет тебе морской царь:
„Ты не хошь ли жениться во синем море?"
Ты скажи ему таковой ответ:
„Не своя волѝ у меня во синем морѐ".

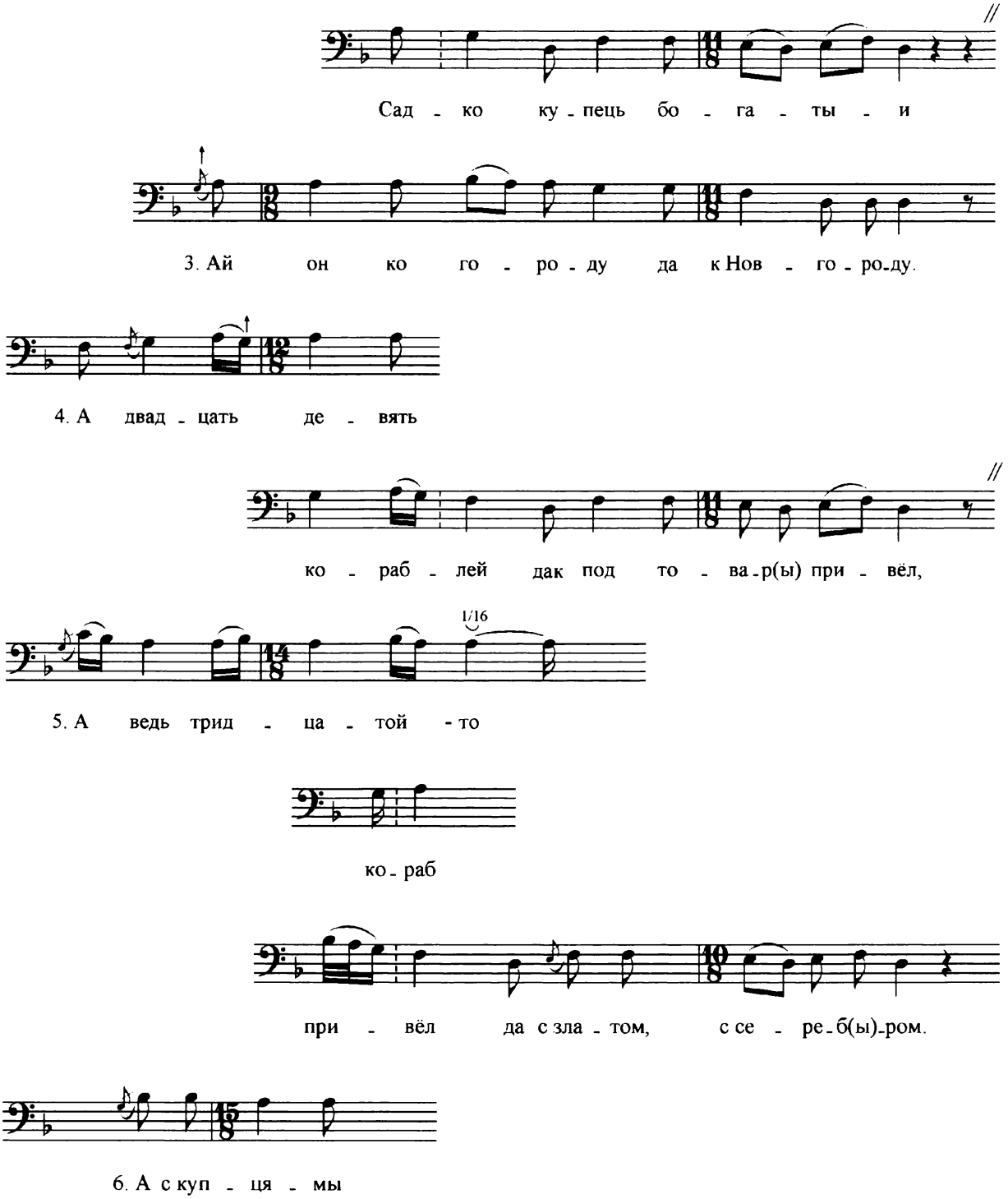
Тогда скажет тебе подводный царь:
„Ты вставай поутру ранешенько,
Выбирай себе красну девицу".
Ты запомни, Садко, мои слова:
Пропусти ты перво ⟨триста⟩ девушек,
И второе пропусти ⟨триста⟩ девушек,
И третье пропусти ⟨триста⟩ девушек,
А позади идет девушка-чернавушка,
Ты возьми ее за себя замуж,
Да и будешь ты в славном Новгороде».
И вот тут Садко-купец, богатый гость,
Он струночки со гуселек повыдергал,
И шпенечки в яровчатых он повыломал,
Призатихли гусельки яровчаты,
Перестал плясать тут подводный царь.
Говорит он тут Садку новгородскому:
«За твою игру за веселую
Чем тебя мне, молодца, пожаловать?
Я пожалую тебя во синем море,
Во синем море молодой женой.
Выбирай себе ты завтра девицу».
И вставал тут Садко ранешенько,
И проходит мимо него ⟨триста⟩ девушек,
Пропустил он первых ⟨триста⟩ девушек,
Пропустил и второе ⟨триста⟩ девушек,
Пропустил он и третье ⟨триста⟩ девушек,
А позади шла девушка-чернавушка,
И брал он ее себе во замужество,
И ложился он с ней спать двое во синем море,
А проснулся он один на реке на Волхове,
Штоль на том на белом камешке.
И вот вспоминает жена Садко
С дружиной во синём море,
А дружина вспоминает Садко одного во синем море.
А сидит Садко на реке на Волхове,
Што ль на том на белом камешке,
И смотрит он вниз на Волхову,
Ай и видит: идут его кораблики червленые
С его дружиной храброей,
И видит дружина́ храбрая
И сама тому дивуется,
Что остался Садко один во синем море,
А прежде их оказался он под Новгородом.
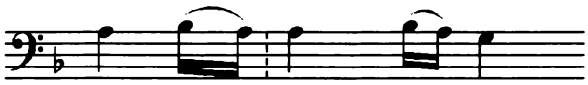
Заходил Садко во корабли червленые,
И рассказал он своей дружинушки
Про морского царя, про подводного,
Как и о чем оне с царицей вздорили,
И как выручает его некто странничек,
Называет он себя Угодником,
Что тым святым Николушкой.
И велел он поставить церковь Божию
На имя Николая Угодника,
А не велел он ездить больше по́ морю.
Итак приехал Садко в славный Новгород,
Распустил дружинушку он храбрую,
Наградил он золотой казной,
И построил он церковь Святому Угоднику
Что ль тому Николы Можайскому.
Часть именьица дал нищей братии,
Стал он жить теперь с молодой женой,
Больше на́ море не поглядыват.

№ 533
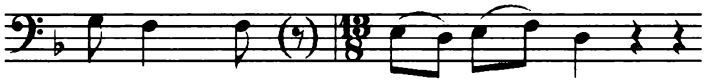
САДКО

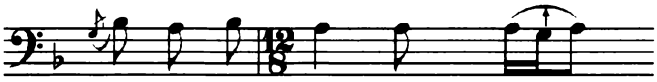

Сад - ко ку - пець бо - га - ты - и
3. Ай он ко го - ро - ду да к Нов - го - ро-ду.
4. А двад - цать де - вять
ко - раб - лей дак под то - ва-р(ы) при - вёл,
1/16
5. А ведь трид - ца - той - то
ко - раб
при - вёл да с зла - том, с се - ре-б(ы)-ром.
6. А с куп - ця - мы
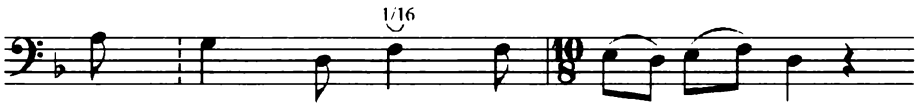

нов - го - род - ски - ма

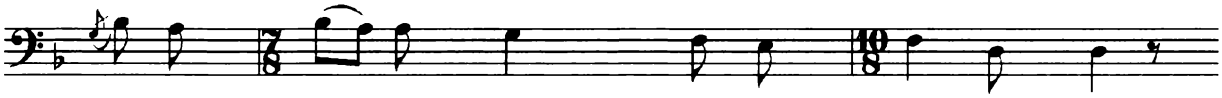
да по - зна - ко - ми - лись,
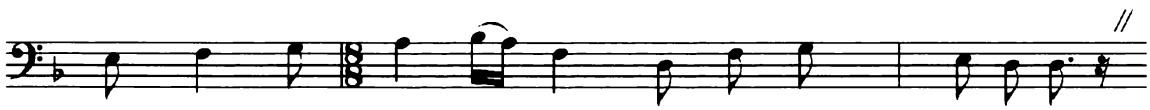

7. Как у - гос - ти - ли - то
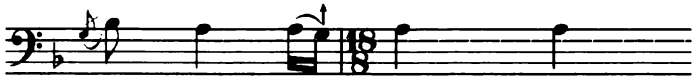

куп - ця Сад - ка бо - га - то - го
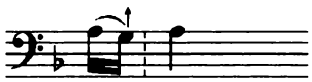

8. А ведь раз - ны - ма да на - пит - ка - мы
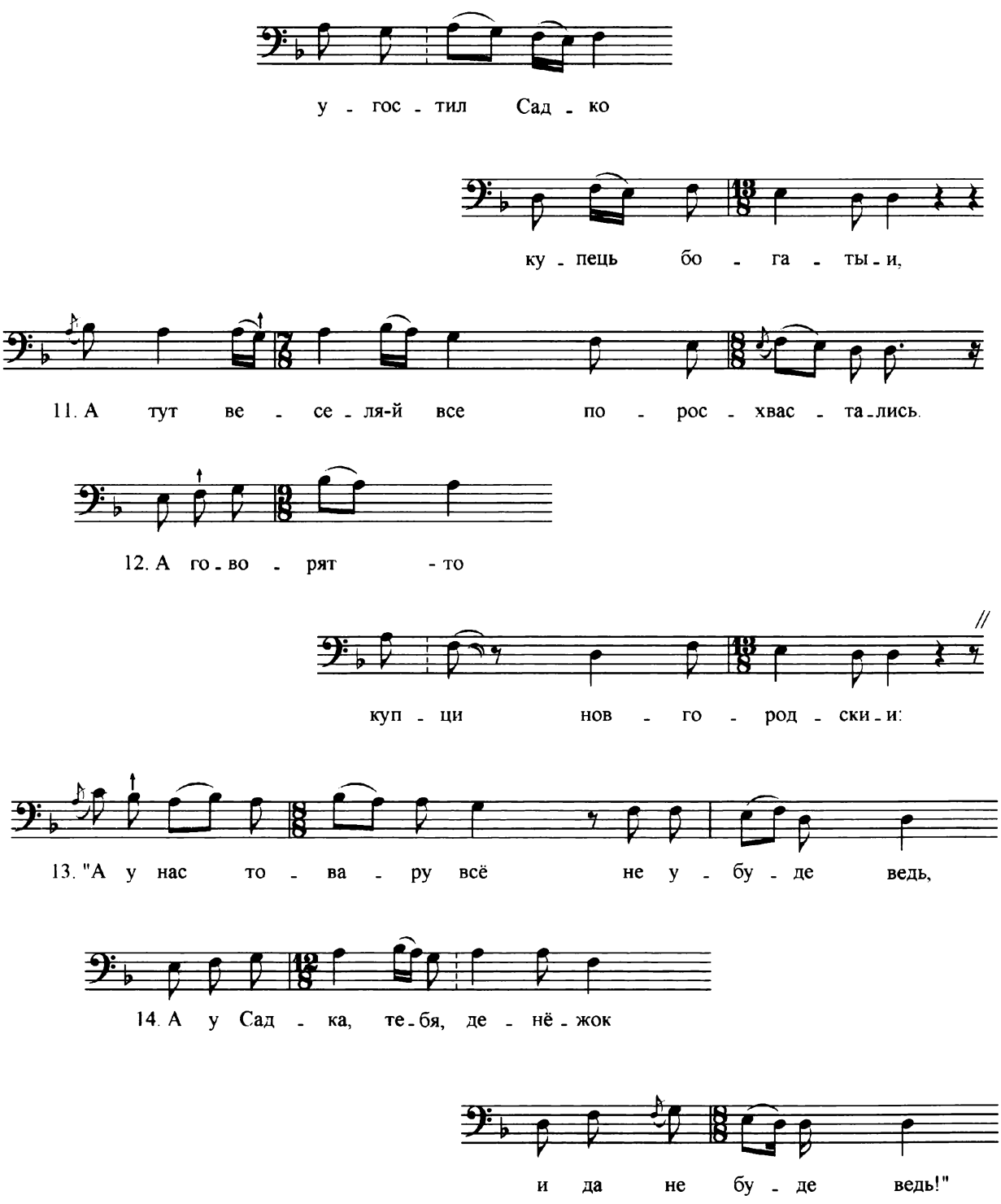

9. А ведь куп - цы - ты ведь да нов - го - родь-ски-и.
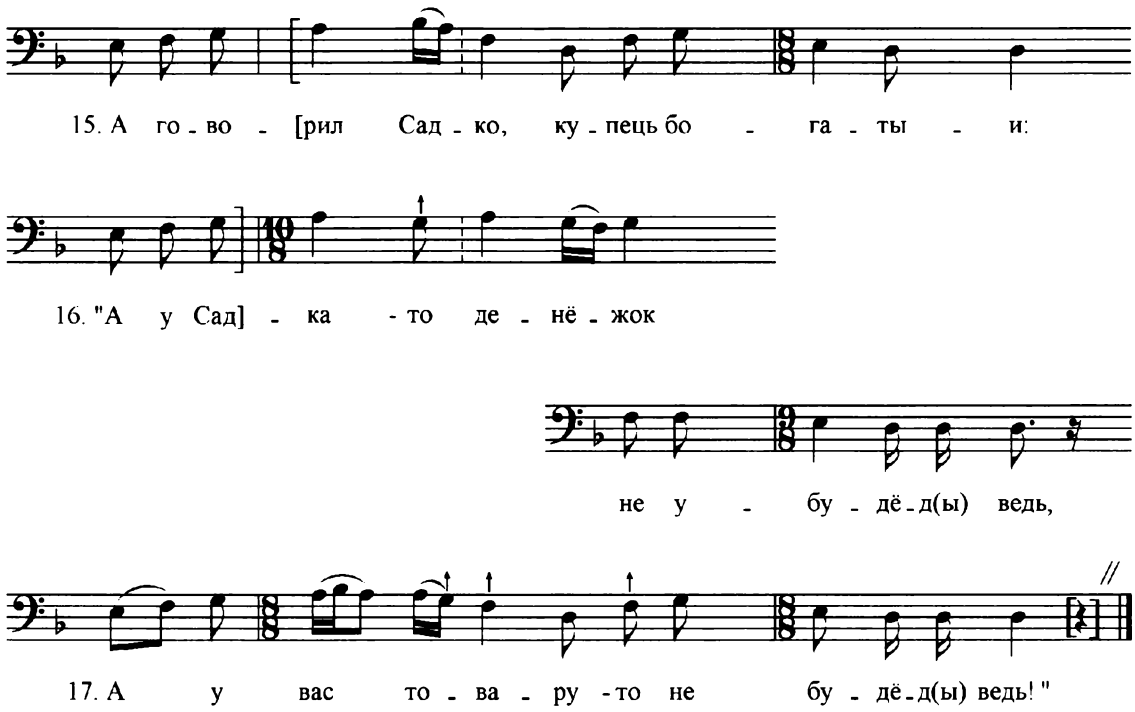

10. А на оть - мест - ку

вдво - ём
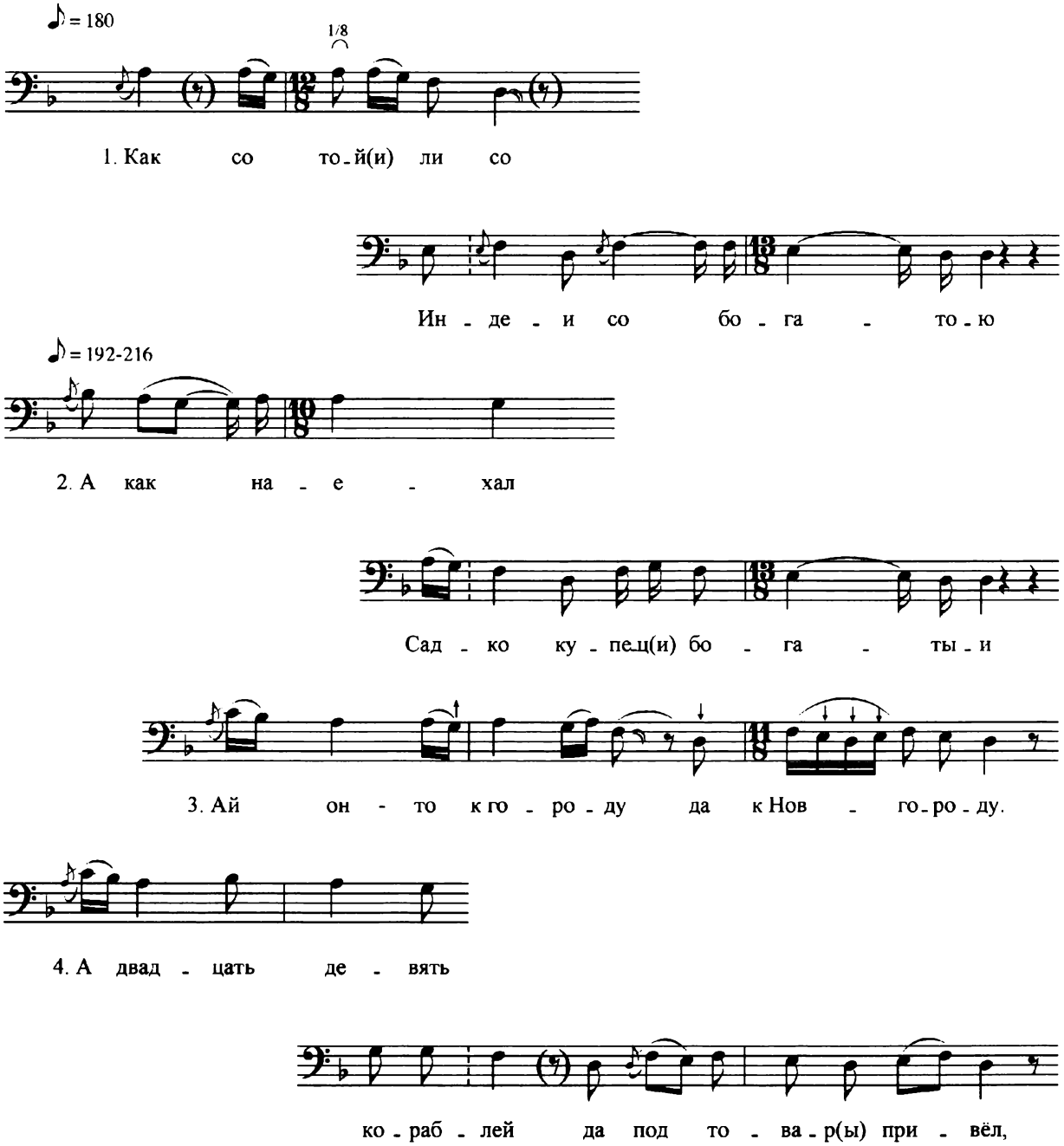

у - гос - тил Сад - ко
ку - пець бо - га - ты - и,
11. А тут ве - се - ля-й все по - рос - хвас - та - лись.
12. А го - во - рят - то
куп - ци нов - го - род - ски - и:
13. "А у нас то - ва - ру всё не у - бу - де ведь,
14. А у Сад - ка, те - бя, де - нё - жок
и да не бу - де ведь!"
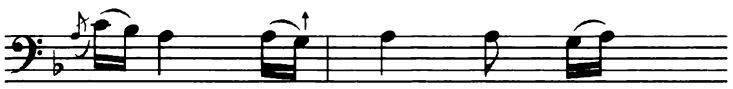

Как со той ли со Инде́и со богатою
А наехал Садко купець богатыи
Ай он ко городу да к Новгороду.
А двадцать девять кораблей дак под товар(ы) привёл,
А ведь тридцатой-то кораб привёл да с златом, с сереб(ы)ром.
А с купцямы новгородскима да познакомились,
Как угостили-то купця Садка богатого
А ведь разныма да напиткамы
А ведь купцы-ты ведь да новгородьскии.
А на отьместку вдвоём угостил Садко купець богатыи,
А тут весе́ля-й все поросхвастались.
А говорят-то купци новгородскии:
«А у нас товару всё не убуде ведь,
А у Садка, тебя, де́нёжок и да не буде ведь!»
А гово[рил Садко, купець богатыи:
«А у Сад]ка-то де́нёжок не убу́дёд(ы) ведь,
А у вас товару-то не бу́дёд(ы) ведь!»
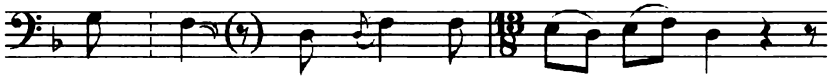
№ 534

САДКО
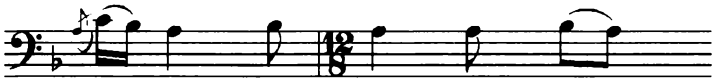

♪ = 180
1/8
1. Как со то-й(и) ли со
Ин-де-и со бо-га-то-ю
♪ = 192-216
2. А как на-е-хал
Сад-ко ку-пец(и) бо-га-ты-и
3. Ай он-то к го-ро-ду да к Нов-го-ро-ду.
4. А двад-цать де-вять
ко-раб-лей да под то-ва-р(ы) при-вёл,
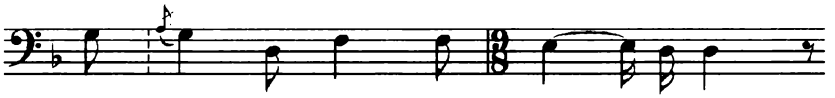

5. А как трид - ца - той - то
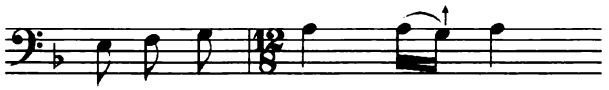

ко - раб — да с зла - том - се - реб - ром.
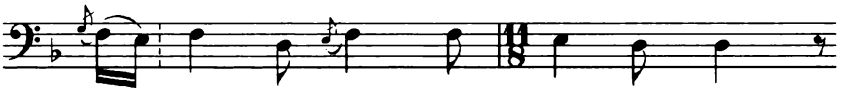

6. А по - зна - ко - мил - сэ
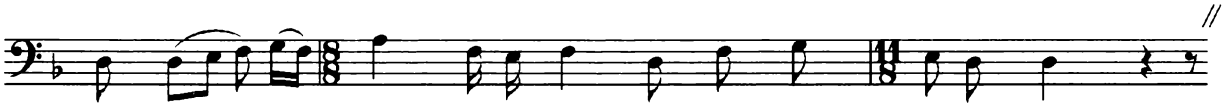

с куп - ця - мы нов - го - родь - ски-ма,
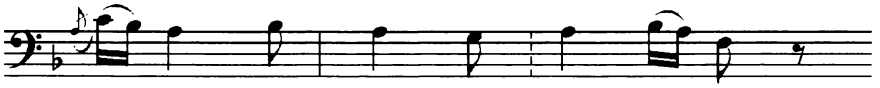

7. А у - гос - ти - ли - то
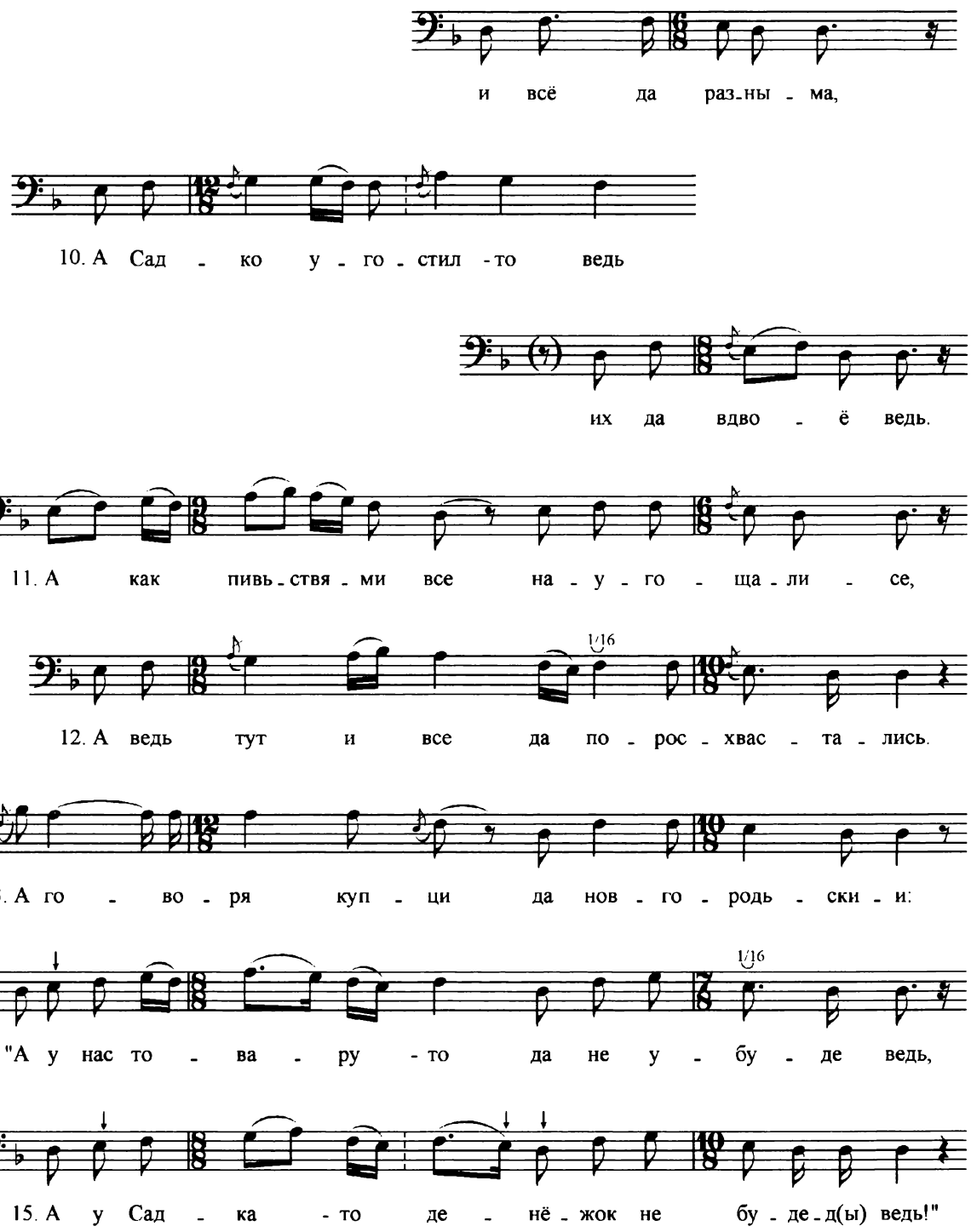

Сад - ка, куп - ця бо - га - то - го,
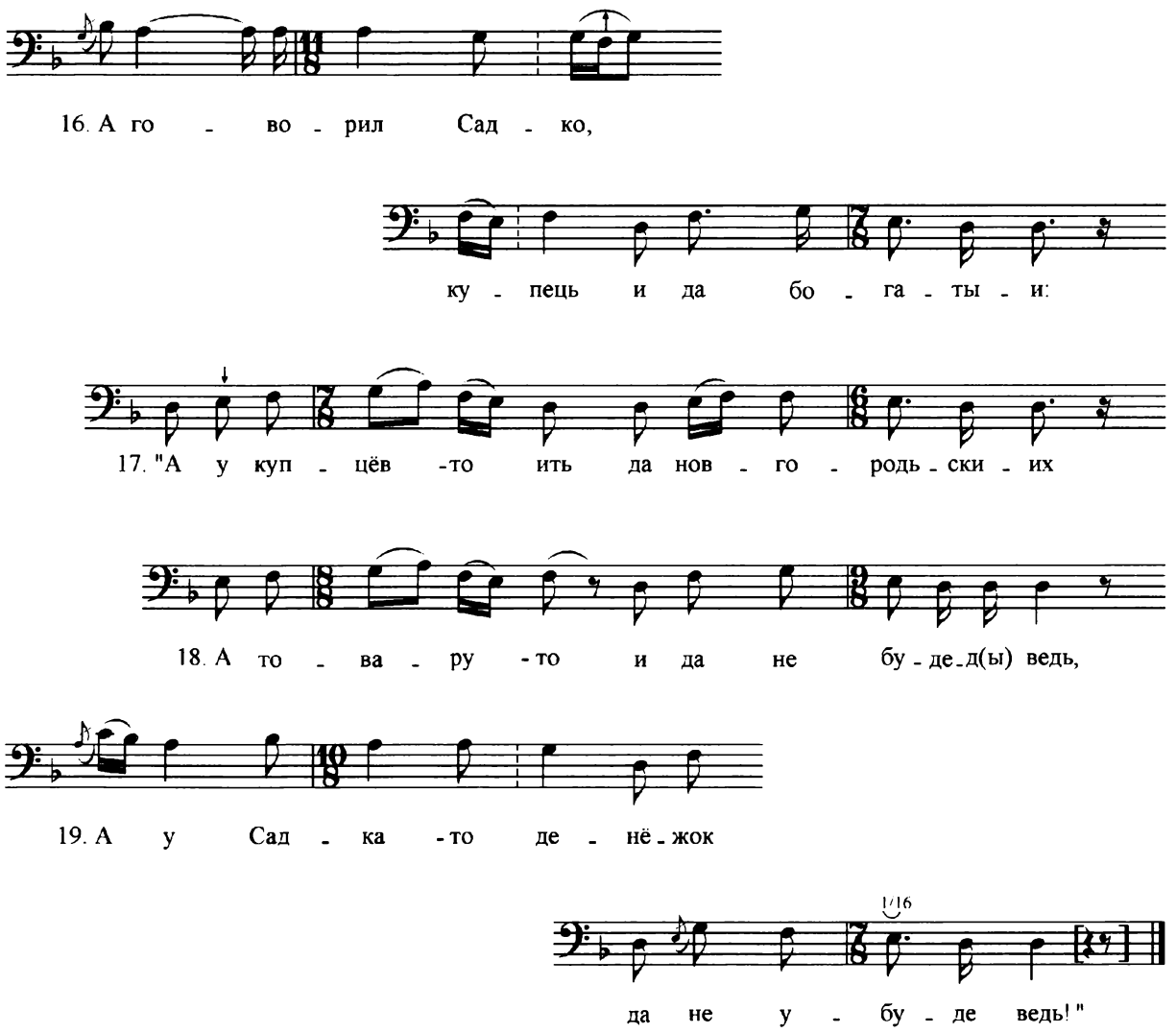

8. А со при - ез - до-м(ы)-то, да со скоп - ли-на - ми.

9. А при - ня - ли на - пит - ка - мы

и всё да раз-ны - ма,
10. А Сад - ко у - го - стил - то ведь
их да вдво - ё ведь.
11. А как пивь-ствя - ми все на - у - го - ща - ли - се,
1/16
12. А ведь тут и все да по - рос - хвас - та - лись.
13. А го - во - ря куп - ци да нов - го - родь - ски - и:
1/16
14. "А у нас то - ва - ру - то да не у - бу - де ведь,
15. А у Сад - ка - то де - нё - жок не бу - де - д(ы) ведь!"

Как со той(и) ли со Инде́и со богатою
А как наехал Садко купец(и) богатыи
Ай он-то к городу да к Новгороду.
А двадцать девять кораблей да под товар(ы) привёл,
А как тридцатой-то кораб — да с златом-серебром.
А познакомилсэ с купцямы новгородьскима,
А угостили-то Садка, купця богатого,
А со приездом(ы)-то да со скопли́нами.
А приняли напиткамы и всё да разныма,
А Садко угостил-то ведь их да вдво́ём ведь.
А как пи́вьствями все наугощалисе,

А ведь тут и все да поросхвастались.
А говоря купци да новгородьскии:
«А у нас товару-то да не убуде ведь,
А у Садка-то дéнёжок не будед(ы) ведь!»
А говорил Садко, купець и да богатыи:
«А у купцёв-то ить да новгородьскиих
А товару-то и да не будед(ы) ведь,
А у Садка-то дéнёжок да не убуде ведь!»

САДКО В ПОДВОДНОМ ЦАРСТВЕ (№ 535—537)

№ 535

САДКО

Говорит-промолвится Садкó, богатый гость:
«Это братцы, жéребья — не жеребья!
Вырежемте жеребья из красна золота,
Из того чистаго из серебра,
А кинем-ка жеребья наверх воды,
Нам кому итти да во синé морé:
Чей жеребей на дно пойдет,
Тому итти во сине море».
Вырезали жеребья из красна золота,
Из того из чистаго из серебра,
Кинули оны жеребья наверх воды,
Все-то жеребья пловут наверх воды,
А купца Садки-то на дно идет.
Тут Садко-купец, богатый гость,
Садился на дощечку на дубовую,
Пошла тая дощечка во сине море,
Приходила дощечка во сине море,
Ко царю пришла ко мóрскому,
Ко тыя царицы мóрския.
А царь со царицей спорует.
Говорит царица морская:
«Есть на Руси жéлезо булатнее.
Дороже булат-жéлезо красна золота —
Красно золото катается
У маленьких робят по зыбочкам».
Говорит царицы царь морский:
«Ай же ты, царица морская!
Дороже есть красно золото —

А булат-же́лезо катается
У маленьких робят по зыбочкам».
Споруют оны, перетакивают.
Становился Садко-купец, богатый гость,
Насупротив их с дощечкой белодубовой.
Говорил царь морский таково слово:
«Ай же ты, удалый добрый молодец,
Ты Садко-купец, богатый гость!
Ты скажи по правде, не утай собя,
Что-то у вас на Руси дется,
Булат ли же́лезо дороже красна золота,
Али красно золото дороже булат-же́леза?»
Говорит Садко-купец, богатый гость:
«Ай же ты, царь морский со царицею!
Я скажу вам правду, не утаю собя:
Дороже у нас Руси красно золото —
А булат-железо катается
У маленьких робят по зыбочкам».
Скочил царь морский на резвы ноги,
Схватил он саблю вострую,
Отсек-то царицы буйну голову.
У того ли царя у морскаго
Было две дочери прекрасныя.
Говорил царь морский таково слово:
«Ай же ты, Садко-купец, богатый гость!
Хочешь ли эде-ка поженитися?
Отдам я за тебя любимую дочь».
Говорил Садко-купец, богатый гость:
«Ай же ты, царь морской!
Взял бы я у тебя любимую дочь,
Столько надо мне достаться на святую Русь».
Говорит царь морский таково слово:
«Ай же ты, моя большая дочь!
Возьми достань Садко, купца богатаго
На матушку на святую Русь».
Приходила его любимая дочь,
Взимала Садко, купца богатого,
Достала его на матушку на святую Русь.
Тут пошел Садко-купец, богатый гость,
Поклонился и распростился с ёй:
«Ты прощай, царевна морская:
Я тебе женихом не пришел,
А ты мне в невесты не пришла».

№ 536

САДКО-КУПЕЦ НОВГОРОДСКИЙ, БОГАТЫЙ ГОСТЬ

Это сказка была. Про Дюка не знаю, но слыхала. Дюк Степанович — дед Мартышка рассказывал, про Садка слыхала, купец новгородский богатый гость. Про Василия Буслаевича не слыхала. И этот Са́дка ходил играть в одни гусе́лки яровчаты, на гуселках во синём мори. И так расплясался царь морской, что нельзя ни кораблям, ни лодкам — никому пройти на морю. Вдруг за плечами Садко объявился Микола Можаньский и сказал: «Хватит тебе играть на гуселках яровчатых».

И так расплясался царь морской, что не унять. Ну и Садко перестал играть в гуселки яровчаты. Он его унимает, Михаил Можаньский. Это сказка. И вот этот Садко поехал закупать за море тых товаров со своей дружиной крепкою. И закупил товары, и поехал домой на корабле, а корабль не идет, тонет ко дну. Садко дават дружине: «Дружья, сделаем мы по жеребью, — чей жеребей утонет на воды, тому и в море идти!»

И так и сделали. Бросили жеребья на воду. Жеребья поплыли на воды, а Садков жеребей потонул ко дну. Он опять: «Давай сделайте вы на простой доске, а я сделаю на красном золоте, — еще второй раз, чей жеребей потонет».

Бросили жеребья на воду́, и Садка жеребей потонул ко дну. И так Садко распрощался со своима друзьями, взял доску и сел со своима гуселками яровчатыми на доску, и корабли поплыли, как и раньше плыли, и так Садковы корабли уплыли — не видно, а Садко остался на доске среди моря, и Садко ушел ко дну. И там пришел царь морской и заставляет играть Садку на гуселках яровчатых. И Садка взял гуселки и стал играть. И так играет, и день играет, и ночь играет, и всё царь морской пляшет. И другой день играт, и ночь играт, и всё царь морской пляшет. И так трое суток проплясал царь морской, трое суток играл Садко, и он всё плясал в море, и даже стало заливать острова, деревни, берега. Так расплясался — волны расходилися. А корабли Садка плывут как и бури нет на море. И опять приходит Микола Можаньский, взял Садка за плеця: «Хватит играть тебе на гуселках яровчатых! Царь пляшет морской безутышно и заливает острова, деревни, берега, тонут корабли, волны ходят. И перестанешь ты играть и придет царь морской и ты скажи: „Я хочу жениться во синём морю!" Как ты скажешь, что ты хочешь жениться во синём морю, ты и перво стадо сто девушек пропусти, и второе стадо сто девушек пропусти, и третье стадо девушек пропусти, а позади идет девица-чернавоцька красавица. И ты на этой девице женись на чернавоцьке-красавице».

Перестал Садко играть. Приходит царь морской и Садка спрашивает: «Что не играешь, Садко?»

Садко отвечает: «Устал, не хочу».— «Не хочешь ли жениться во синём морю?» — «Хоцю жениться во синём морю́».— «Выбирай, какая тебе нравится. И вот я тебе дам три стада девушек».

И Садко сказал: «Ну давай, женюсь!»

Он выпустил стадо ⟨сто⟩ девушек. Эти сто девушек прошли, и Садко не выбрал себе невесты. Второе стадо — тоже Садко не выбрал себе невесты. Третье стадо прошли сто девушек, он не выбрал. А позади идет девица-чернавоцька красавица. И вот Садко эту невесту взял за руку и пришел к морскому царю: «Вот моя невеста». Ну и царь сказал: «Ну, женись».

Сыграли свадьбу, и он лег с этими гуселками и чернавицей-красавицей спать и уснул. И проснулся на берегу моря о большое, толстое бревно (*уж вместо девицы бревно толстое образовалось*), и сел на это бревно и взял свои гуселки и поминает свою дружину, что она уже потонула. Там волны ходили. А жена Садко поминает Садко с дружиной, что потонул. И хотел играть в гуселки яровчаты, а сзади Микола Мижаньский: «Не играй в гуселки яровчаты, иди встречай свою дружину с кораблями на пристани. И после этот выстрой церковь Миколы Можаньскому».

И так Садка пошел встречать свою дружину на пристань с кораблями. И его дружина удивилася, что Садка стоит на берегу встречает уже их, и корабли причаливают. И пришли к Садко в дом. И пришли, и жена даже обрадела. Стритила, угостила. И с тех пор выстроил Садко церковь Миколы Можаньскому, и больше не стал играть в гуселки яровчаты. И стали жить-поживать в своём тут городе да добра наживать. И так и нынь живут, не ста́реют.

№ 537

ПРО САДКО

Садко-купец ехал по морю, да корабль захватило. Как попал туды, у него были звончаты гуслицы, и он был на дне у морского царя и стал играть в звончаты гусли. Смотрит на море, а там уж корабли тонут — расшумелся, расплясался царь морской.

Взял он, по струнам дернул и порвал гусли. Царь морской на него закричал: «Уходи, чтобы твоего духу здесь не было!»

(*Длинна сказка, не помню всю. Ее цыган у нас рассказывал.*)

СУРОВЕЦ-СУЗДАЛЕЦ (№ 538)

№ 538

ПРО СУРОВЦА БОГАТЫРЯ

Суровец богатырь Суздаль-Суздалец
Поéзд чинил по да́личу-далéчу полю чистому,
И увидел он черна ворона,
И натягивал тетивочеи шелкóвые.
Вынимал он тугой лук со налучья,
И накладывал стрелоцку калёную,
И хочет стрелить черна ворона,
И провещится черен ворон языком человеческим,
И говорит черен ворон таковы слова:
«Ах ты, Суровец бога́тырь Суздаль-Суздалец,
Лука ты Петрович королевьской сын,
Не стреляй-ко ты черного ворона усталого,
Тебе ворона убить — не корысть получить,
А старца убить — так не спа́сенье.

Это я тебе, Суровец, пона́кажу:
Как выедешь на горы на высокия,
На высокие горы на шоломчатыя,
Бери-ко ты трубоньку подзорную,
А гляди-смотри в сторонку полудённую:
Как под тыма под горами под высокима
Стоит там сила поганая,
Поганая сила нечесливая,
Три тьмы стоит силы, три тысяци,
И три тысяци, сметы нет.
Тебе есть сократить сердце богатырьское.
Копают перекопы глубокия
И ставят копья буржомецькие:
Первой-то перекоп десяти сажон,
А дру́гой-то перекоп двадцати сажон,
А третий перекоп тридцати сажон,
А путают путни шелко́вые.
Первый-то перекоп твой добрый конь пере́скочит,
И другой-то перекоп твой добрый конь пере́скочит,
А третьего перекопа не до́скачить,
Потому-то негде бежать поля чистого.
Упадешь ты в перекопы глубокие,
Попадешь ты на копья буржомецькие,
Тут тебе и славы поют».
Первый-то перекоп он пере́скочил,
И дру́гой перекоп пере́скочил,
А третьего перекопа не до́скачил,
И упал он в перекопы глубокие,
И не попал на копья буржомецькие,
А попал во путни шелко́вые.
И наехали поганые татарева,
Сковали ему ножки ты резвые,
И связали ему руцьки ты белые,
И повезли в земельку во неверную.
Как смахнет-то руцьками белыма,
Дернет-то ножкамы резвыма,
Железа буржомецькие рассыпалися,
Путни шелко́вы сорывалися.
Схватил он татарина за ноги,
Начал татарином помахивать,
Куды махнет — туды улича валит,
Перемахнет — переулочек.
И прибил, не оставил поганых на си́мено.

НАЕЗД ЛИТОВЦЕВ (№ 539—555)

№ 539

О ДВУХ БРАТЬЯХ, ДВУХ ЛИВИКАХ И КНЯЗЕ РОМАНЕ ДМИТРИЕВИЧЕ

На Паневе было, на Уланеве,
Жило-было два брата, два ливика,
Королевских два племянника.
Воспроговорят два брата, два ливика,
Королевскиих два племянника:
«Ах ты дядюшка наш, Чимбал-король,
Чимбал-король Земли Литовския!
Дай-ка нам силы сорок тысячей,
Дай-ка нам казны сто тысячей:
Поедем мы на святую Русь
Ко князю Роману Митриевичу на почестный пир».
Воспроговорит Чимбал-король Земли Литовския:
«Ай же вы, два брата, два ливика,
Королевскиих два племянника!
Не дам я вам силы сорок тысячей
И не дам прощеньица-благословеньица,
Чтобы ехать вам на святую Русь
Ко князю Роману Митриевичу на почестный пир.
Сколько я на Русь не езживал,
А счастлив с Руси не выезживал,
Поезжайте вы во Землю во Левонскую
Ко тому ко городу ко Красному,
Ко тому селу-то ко Высокому:
Там молодцы по спальным заспалися,
А добры кони по стойлам застоялися,
Цветно платьице по вышкам залежалося,
Золота казна по погребам запасена.
Там получите удалых добрых молодцев,
Там получите добрых коней,
Там получите цветно платьице,
Там получите бессчетну золоту казну».
Тут-то два братца, два ливика,
Скоро седлали добрых коней,
Скорее того оны поезд чинят
Во тую ли Землю во Левонскую,
Ко тому ко городу Красному,
Ко тому селу-то ко Высокому.

Получили оны добрых коней,
Получили оны добрых молодцев,
Получили оны цветно платьице,
Получили оны бессчетну золоту казну.
И выехали два брата, два ливика,
Во далече-далече чисто поле,
Раздернули шатры полотняные,
Начали есть-пить, веселитися,
На той на великой на радости.
Сами говорят таково слово:
«Не честь-хвала молодецкая
Не съездить нам на святую Русь
Ко князю Роману Митриевичу на почестный пир».
Тут два брата, два ливика,
Скоро седлали добрых коней,
Брали свою дружину хоробрую,
Стрельцов удалыих добрых молодцев.
Не доедучись до князя Романа Митриевича,
Приехали ко перву селу ко Славскому.
Во том селе было три церкви,
Три церкви было соборныих,
Оны то село огнем сожгли,
Разорили ты церкви соборнии,
Черных мужичков повырубили.
Ехали оны ко второму селу Корачаеву.
Во том селе было шесть церквей,
Шесть церквей было соборниих,
Оны то село огнем сожгли,
Разорили ты церкви соборния,
Черных мужичков повырубили.
Ехали оны ко третью селу самолучшему,
Самолучшему селу Переславскому.
Во том селе было девять церквей,
Оны то село огнем сожгли,
Разорили ты церкви соборния,
Черных мужичков повырубили,
Полонили оны полоняночку,
Молоду Настасью Митриевичну
Со тым со младенцем со двумесячным.
А на той ли на великой на радости
Выезжали во далече-далече чисто поле,
На тое раздольице широкое,
Раздернули шатры полотняные,

Оны почали есть-пить, прохлаждатися.
А в ты поры было, в то время
Князя Романа Митриевича при доме не случилося:
А был-то князь за утехою,
За утехою был во чистом поле,
Опочивал князь в белом шатре.
Прилетела пташечка со чиста поля,
Она села пташица на белой шатер,
На белой шатер полотняненькой;
Она почала пташица петь-жупеть,
Петь-жупеть, выговаривать:
«Ай же ты, князь Роман Митриевич!
Спишь ты, князь, не пробудишься,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
Приехали два брата, два ливика,
Королевскиих два племянника.
Разорили оны твоих три села:
Во первом селе было три церкви,
Оны ты церкви огнем сожгли,
Черных мужичков-то повырубили;
В другом селе было шесть церквей,
Оны ты церкви огнем сожгли,
Черных мужичков-то повырубили;
Во третьем селе было девять церквей,
Оны ты церкви огнем сожгли,
Черных мужичков повырубили,
Полонили оны поляночку,
Молоду Настасью Митриевичну
Со тым со младенцем двумесячным.
А на той ли на великой на радости
Выезжали во далече-далече чисто поле,
На тое раздольице широкое,
Раздернули шатры полотняные,
Едят оны, пьют, прохлаждаются».
А тут князь Роман Митриевич
Скоро вставал он на резвы ноги,
Хватал он ножище-кинжалище,
Бросал он о дубовой стол,
О дубовой стол, о кирпичен мост,
Сквозь кирпичен мост о сыру землю,
Сам говорил таковы слова:
«Ах ты, тварь, ты, тварь поганая,
Ты, поганая тварь, нечистая!

Вам ли, щенкам, насмехатися?
Я хочу со вами, со щенками, управиться!»
Собирал он силы девять тысячей,
Приходил он ко реке ко Смородины,
Сам говорил таково слово:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая!
Делайте дело повеленое,
Режьте жеребья липовы,
Кидайте на реку на Смородину,
Всяк на своем жеребье подписывай».
Делали дело повеленое,
Резали жеребья липовы,
Кидали на реку на Смородину,
Всяк на своем жеребьи подписывал.
Которой силы быть убиты,
Тыя жеребья каменем ко дну;
Которой силы быть зранены,
Тыя жеребья против быстрины пошли;
Которой силы быть не ранены,
Тыя жеребья по воды пошли.
Встал князь Роман Митриевич,
Сам говорил таковы слова:
«Которы жеребья каменем ко дну,
Тая сила будет убитая;
Которы жеребья против быстрины пошли,
Тая сила будет поранена;
Которы жеребья по воды пошли,
Тая сила будет здравая.
Не надобно мне силы девять тысячей,
А надобно столько три тысячи».
Еще Роман силушке наказывал:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая!
Как заграю во первый након
На сыром дубу черным вороном,
Вы седлайте скоро добрых коней;
Как заграю я во второй након
На сыром дубу черным вороном,
Вы садитесь скоро на добрых коней;
Как заграю я в третий након,
Вы будьте на месте на порядноем
Во далече-далече во чистом поле».
Сам князь обвернется серым волком,
Побежал-то князь во чисто поле

Ко тым ко шатрам полотняныим,
Забежал он в конюшни во стоялыя,
У добрых коней глоточки повыхватывал,
По чисту полю поразметал;
Забежал он скоро в оружейную,
У оружьицев замочки повывертел,
По чисту полю замочки поразметал;
У тугих луков тетивочки повыкусал,
По чисту полю тетивочки поразметал.
Обвернулсся тонким белыим горносаталем,
Прибегал он скоро во белой шатер,
Как скоро забегает в белой шатер,
И увидел младенчик двумесячный,
Сам говорил таково слово:
«Ах ты, свет государыня матушка,
Молода Настасья Митриевична!
Мой-то дядюшка, князь Роман Митриевич,
Он бегает по белу шатру
Тонким белым горносталем».
Тут-то два брата, два ливика,
Начали горносталя поганивать
По белу шатру по полотняному,
Соболиной шубой приокидывать.
Тут-то ему не к суду пришло,
Не к суду пришло да не к скорой смерти.
Выскакивал из шубы в тонкой рукав,
В тонкой рукав на окошечко,
Со окошечка да на чисто поле.
Обвернулся горносталь черным вороном,
Садился черный ворон на сырой дуб,
Заграял ворон во первый након,
Тут-то два брата, два ливика,
Говорят ему таковы слова:
«Ай же ты, ворон, ворон черныий,
Черный ворон, усталыий,
Усталый ворон, упалыий!
Скоро возьмем мы туги луки,
Скоро накладем калёны стрелы,
Застрелим ти, чернаго ворона,
Кровь твою прольем по сыру дубу,
Перье твое распустим по чисту полю».
Заграял ворон во второй након,
Воспроговорят два брата, два ливика:

«Ай же ты, ворон, ворон черныий,
Черный ворон, усталыий,
Усталый ворон, упалыий!
Скоро возьмем мы туги луки,
Скоро накладем калёны стрелы,
Застрелим ти, чернаго ворона,
Кровь твою прольем по сыру дубу,
Перье твое распустим по чисту полю».
Заграял ворон в третий након,
Тут-то два брата, два ливика,
Скоро скочили оны на резвы ноги,
Приходили оны в оружейную,
Схватились оны за туги луки:
У тугих луков тетивочки повырублены,
По чисту полю тетивочки разметаны;
Хватились оны за оружьица:
У оружьицев замочки повыверчены,
По чисту полю замочки разметаны.
Хватились оны за добрых коней:
У добрых коней глоточки повыхватаны,
По чисту полю разметаны.
Тут-то два брата, два ливика,
Выбегали оны скоро на чисто поле.
Как наехала силушка Романова,
Большему брату глаза выкопали,
А меньшему брату ноги выломали,
И посадили меньшаго на большаго,
И послали к дядюшке
Чимбал-королю Земли Литовския.
Сам же князь-то приговаривал:
«Ты, безглазый, неси безногого,
А ты ему дорогу показывай!»

№ 540

О ДВУХ БРАТЬЯХ, ДВУХ ВИТНИКАХ И КНЯЗЕ РОМАНЕ ДМИТРИЕВИЧЕ

Во той Земли, в хороброй Литвы,
У Цимбала короля Литовскаго
Как было столованье-почестен пир
На своих-то на пановей,
На пановей на улановей.

Собиралися-съезжалися на почестен пир
Все его князья-боярины,
Все дьяки его думные,
Все панове и уланове
И вся поленица удалая.
Все на пиру наедалися,
Все на пиру напивалися,
Похвальбами все похвалялися.
Король по палатушке похаживает,
Ажно увидел двух своих витников-совитников,
Двух любезных королевскиих племянничков,
Увидел за столамы за дубовыма:
Не пьют они, не кушают,
Белой лебеди не рушают,
Повешены буйны головы
Ниже плеч своих могучиих,
Притуплены очи ясныя во кирпичен пол.
Говорил король таковы слова:
«Ай же вы, два витника-совитника,
Королевскиих два племянника!
Что же вы не пьете, не кушаете,
Белой лебеди не рушаете,
Повесили буйныя головы
Ниже плеч своих могучиих,
Притупили очи ясныя во кирпичен пол?
Какую же вы невзгодушку сведали,
Что же нехорошее призаслышали?
Али вас мужик-деревенщина,
Либо вас голь кабацкая,
Либо мурза-татарин поганыий
Обнес вас словамы неразумныма?
Али ествушки мои не по нраву,
Напиточки мои не по обычаю?»
Говорят они таковы слова:
«Ай же ты, родный наш дядюшка,
Цимбал король Земли Литовския!
Никакой мужик деревенщина-засельщина,
Голь кабацкая, мурза-татарин поганыий
Не обнес нас словамы неразумныма.
И все твои ествушки нам по нраву,
Все напиточки по обычаю.
Только не можем боле терпеть славы великия
Про московскаго князя Романа Дмитриевича.

Давай-ка нам прощеньице-бласловленьице,
Давай-ка нам силы-войска сорок тысячей,
Силу-войско латников-кольчужников,
Силу-войско на добрых конях».
Говорит король таковы слова:
«Не дам прощеньица-бласловленьица
И не дам силы-войска сорок тысячей.
У меня была пора — сила великая,
Не во вас, удалых добрых молодцев,
И тут я не смел ехать на святую Русь.
Колько я на Русь силу важивал,
Со святой Руси силы не выважывал,
А несчастный все выезживал.
А лучше дам вам силы-войска сорок тысячей,
Поезжайте вы во Землю во Левонскую:
Тая земля пребогатеюща,
Много есть злата и серебра,
Много есть бессчетной золотой казны,
Силы-войска-рати маломощица».
Давал им дядюшка Цимбал-король
Силы-войска сорок тысячей,
Силы-войска латников-кольчужников,
Силы-войска на добрых конях,
Отпускал их в Землю во Левонскую.
Во Земле во Левонской на бою им пришла Божья помочь:
Тыи города они огнем сожгли;
Как оттуда они погнали добрых коней стадмы-стадом,
Добрых молодцев рядым-рядом,
А красных девушек, молодых молодушек
Повели оттуль толпицами;
Несчетной золотой казны
Насыпали телеги ордынския
Красна золота, чиста серебра, скатна жемчуга.
Как выехали они на далече-далече чисто поле,
Говорили два брата, два витника-совитника,
Меньший говорил большему:
«Ай же ты, мой братец родимыий!
Поедем, братец, на святую Русь
Под матушку каменну Москву
Ко князю Роману Дмитриевичу».
Поехали два добрыих молодца
На матушку на святую Русь
Со ратью-силой великою.

Как подъехали под матушку каменну Москву,
Пожгли четыре села что ни лучшиих:
Перво село Славское,
Друго село Переславское,
Третье село Карачаево,
А четверто село, что ни лучшее, Косо-улицы.
А не смели заехать во матушку каменну Москву,
А у князя Романа Дмитриевича
Убили зятя любезнаго,
Увезли сестрицу любимую
Молоду Настасью Дмитриевичну
Со любимым племничком, ребеночком трехмесячным.
Как приезжали они ко рубежу Московскому,
Раздернули они шатры белополотняны,
Спустили добрых коней
Во московския во травки во шелковыя,
Во московския пшеницы белояровы
И стоят-дожидают осени богатыя,
Богатыя осени, хлебородныя,
Когда будет баран тучен, овес ядрен,
Когда повыростут пшеницы белояровы,
Тогда още грозят заехати
В матушку во славну каменну Москву.
И сами говорят промежу собой:
«Не смел князь Роман Дмитриевич
Показаться к нам на светлы очи».
Во славной во матушке каменной Москвы
У князя Романа Дмитриевича
Был забран столованье-почестен пир
На всех на князей, на бояр
И на русскиих могучиих богатырей.
Как пьют-едят они, проклаждаются,
Над собой невзгоды не начаются.
А летит птица-ворон мимо подоконье,
Грает ворон во всю голову
И садился супротив князя Романа Дмитриевича
На тую на яблонь на кудрявую:
«Ай же ты, князь Роман Дмитриевич!
Ешь-пьешь ты, проклаждаешься,
Над собой невзгоды не начаешься:
Наехала Литва поганая
От Цимбала короля Литовскаго,
Два витника, два совитника,

Два любезных королевскиих племянника.
Пожгли твои четыре села что ни лучшиих:
Перво село Славское,
А друго село Переславское,
Третье село Карачаево,
А четверто село, что ни лучшее, Косо-улицы.
И убили твоего зятя любимаго,
Увезли в полон сестрицу любимую,
Со любимым племничком, ребеночком трехмесячным.
И поехали они ко рубежу Московскому,
Раздернули шатры белополотняны,
Спустили добрых коней
Во московския во травки во шелковыя,
Во московския пшеницы белояровы.
А сами похваляются промежу собой:
„Что не смел князь Роман Дмитриевич
Показаться нам на ясны очи".
И стоит тут эта сила великая,
Дожидают осени богатыя,
Богатыя осени хлебородныя,
Когда будет баран тучен, овес ядрен,
Повыростут пшеницы белояровы,
Тогда още грозят заехати
Во матушку во славну каменну Москву».
Тут московский князь Роман Дмитриевич
Вставал на резвы ноги,
Сам-от говорил таковы слова:
«Ай же, моя сила-войско любезное,
И князи-бояре, дьяки думные!
Получил я весточку нерадостну:
От Цимбала короля Литовскаго
Наехала Литва поганая,
Два витника, два совитника,
Два любезных королевскиих племянника.
Пожгли четыре села что ни лучшиих,
Убили моего зятя любимаго
И увезли в полон сестрицу любимую
Со любимым племничком, ребеночком трехмесячным.
И поехали они ко рубежу Московскому
И сами похваляются промежу собой:
„Что не смел князь Роман Дмитриевич
Показаться к нам на ясны очи".
И стоит там эта сила великая,

Раздернуты шатры белополотняны,
Спущены добры кони
Во московския во травки шелковыя,
Во московския пшеницы белояровы,
Дожидают осени богатыя,
Богатыя осени хлебородныя,
Когда будет баран тучен, овес ядрен,
Повыростут пшеницы белояровы,
Тогда още грозят заехати
Во матушку во славну каменну Москву».
Говорит князь Роман Дмитриевич:
«Ах ты, молодость моя молодецкая!
Как был-то я мастер в молоду пору
По темным лесам летать черным вороном,
По чисту полю скакать серым волком,
По крутым горам тонкиим белым горносталем,
По синим морям плавать серою утушкою.
Ах ты, старость моя глубокая,
Да не в пору молодца старость состарила!
У меня ль головка состарела,
Сердце молодецкое соржавело,
Русы кудри поседатели.
Ай же, сила моя, войско сорок тысячей!
Седлайте-уздайте добрых коней
Туго-натуго и крепко-накрепко,
Поедем мы вслед с угоною
За этою щенятью белогубою,
Чтобы не хвастали матушкой каменной Москвой!»
Седлали-уздали добрых коней
Туго-натуго и крепко-накрепко,
Поехали к рубежу ко Московскому.
Как доехали до той реки до Березины,
Становился князь Роман Дмитриевич
У той реки у Березины,
Припущал силушку пить во реке во Березины,
Начала силушка пить во реке во Березины:
Котора сила пила нападкою,
Говорил князь Роман Дмитриевич:
«Той силы на бою мертвой быть»,
Отпущал назад тую силушку.
Котора сила пила шеломамы да черпушкамы,
Тую силу с собой брал.
Как выехал на далече-далече чисто поле,

Становил он силушку на чистом поле,
Сам своей силушке наказывал:
«Ай же, силушка моя великая!
Кормите-тко добрых коней,
Кормите не травкою не шелковою,
Кормите-тко пшеницей болояровой,
Кормите коней, а сами слушайте:
В коей стране я заграю черным вороном,
На первый након седлайте-уздайте добрых коней;
А заграю второй након черным вороном,
Вы садитесь на добрых коней;
А третий раз заграю черным вороном,
Так поезжайте скоро-наскоро,
Заставайте меня в живностях».
Как сам обернулся черным вороном,
Полетел он по чисту полю,
Прилетел к рубежу ко Московскому:
Стоит там Литва поганая,
Раздернуты шатры белополотняны,
Спущены добры кони
Во московские во травки во шелковыя,
Во московския пшеницы белояровы.
Обернулся он серым волком,
Добрых коней по чисту полю порозгонял,
У иных горлышко повырывал,
А иных вогнал во реку во Березину.
Обернулся тонким белыим горносталем,
Заскакивал в шатры белополотняны:
Там у них луки поразметаны,
Сабельки, оружья пораскиданы,
Сила спит крепко, не пробудится.
У тугих луков тетивочки повыкусал,
У сабелек острийца повыщипал,
У оружьицев кремешки повывертел.
Тут-то племянничек трехмесячный
Испровещился языком человеческим:
«Ай же ты, моя родная матушка,
Молода Настасья Дмитриевична!
Твой братец любимый, мой дядюшка,
Поскакивает по шатрику тонким белыим горносталем,
Выручает нас со полону, со неволюшки».
Как тут-то сила пробуждалася,
Пробуждалася она, перепалася,

Как вешняя вода всколыбалася,
Стала имать горносталя во шатриках,
Соболиныма шубкамы призакидывать.
Он по шубкам, по рукавчикам выскакивал,
На улушке обернулся черным вороном,
Вылетел во сырой дуб,
Сам заграял во всю голову,
Как сила его услышала,
Начала седлать-узадать добрых коней.
Говорят два витника, два совитника:
«Не грай, не грай, московский князь, черным вороном:
Натянем мы туги луки,
Кладем востры калёны стрелы,
Застрелим ти, черна ворона,
И спустим твою тушу на сыру землю,
И распустим твое перье по чисту полю,
И прольем твою кровь по сыру дубу,
Предадим ти смерти скорыя».
Заграял он во второй након —
Начала сила садиться на добрых коней,
Садиться на добрых коней, приготовлятися.
Говорят два витника, два совитника:
«Не грай, не грай, московский князь, черным вороном:
Натянем мы туги луки,
Кладем востры калёны стрелы,
Застрелим ти, черна ворона,
И спустим твою тушу на сыру землю,
И распустим твое перье по чисту полю,
И прольем твою кровь по чисту полю,
Предадим ти смерти скорыя».
Заграял он во третий након —
Услышала сила, наехала,
Начала сечь-рубить Литва поганая.
Тут-то Литва хватилась за оружьица:
У оружьицев все кремешки повыверчены;
Хватилась Литва за сабельки:
У сабелек острийца повыщипаны;
Хватилась Литва за копьица:
У копьецев конечики повыломаны;
Хватилась Литва за туги луки:
У тугих луков тетивочки повыкусаны.
Той порой, тыим времячком
Присекли-прирубили всю Литву поганую,

Взяли большему брату выкопали очи ясныя,
Меньшему-то брату по колен отсекли ноги резвыя,
Садили безногого на безглазаго,
Отпущали к Цимбалу, королю Литовскому,
Отпущали, сами наказывали:
«Скажите Цимбалу, королю Литовскому,
Что московский князь Роман Дмитриевич
Старостью не стареет,
Голова его не седатеет,
Сердце его не ржавеет,
Слава его ему век по веку не минует».
Как приходят во Землю во Литовскую,
Увидел их дядюшка Цимбал-король:
«Ах вы любезные два витника, два совитника!
Говорил я вам, удалым молодцам:
Не ходите вы на святую Русь
Ко князю Роману Дмитриевичу,
Князь Роман хитер-мудер,
Знает он языки ворониные,
Знает языки все птичие.
У меня была пора — сила великая,
И терпел я славу век по веку,
А вы теперь получили бесчестье великое,
Великое бесчестье, навеки нерушимое!»
Говорят они таковы слова:
«Ай же ты, родный наш дядюшка!
Не можем мы терпеть бесчестья великаго:
Казни нас казнью своеручною,
Руби нам буйны головы,
Копай нас во матушку сыру землю».
Он как брал сабельку вострую,
Рубил им буйны головы,
Копал их во матушку сыру землю.
Теперь-то двум витникам, двум совитникам,
Славу поют.

№ 541

О ДВУХ ЛИВИКАХ

На Паневе, на Уланове
Жило-было два ливика,
Королевские два племянника.

Воспроговорят два ливика,
Королевские два племянника:
«Ай же ты, наш дядюшка,
Чумбал, король Земли Литовския!
Дай-ко нам прощеньице и благословеньице
А съездить нам на святую Русь
Ко тому ко князю Роману Митриевичу».
Воспроговорит им дядюшка:
«Ай же вы, два ливика,
Королевские два племянника!
Колько ни я на святую Русь выеждивал,
А счастлив с Руси не приеждивал.
А вы лутче поедьте-тко
Ко тому ко городу ко Красному,
Ко тому селу ко Высокому:
Ижно там есте
Добры молодцы по спальням засыпалися,
А добрые кони по стойлам застоялися,
Цветно платьице по вышкам залежалося,
Золота казна по погребам заплеснела.
И получите вы того больше добрых молодцев,
И получите вы того больше добрых коней,
И получите вы того больше цветна платьица,
И получите вы того больше золотой казны».
Тут они, два ливика,
Королевские два племянника
Отъезд держат ко городу ко Красному,
Ко тому селу ко Высокому.
Получили того больше добрых молодцев,
Получили того больше добрых коней,
И получили того больше цветна платьица,
И получили того больше золотой казны,
И тут отъехали на широко далече на чисто поле
И опочив держат со великою со радостью.
Тут два ливика раздумались:
«А не честь-хвала нам молодецкая
А нам не съездить на святую Русь
Ко тому князю Роману Митриевичу».
Тут отъезд держат на святую Русь
Ко тому князю Роману Митриевичу.
Приехали к перву селу что ни лутчему,
А во том селе что ни лутчеем
Стояло три церкви соборныя,

Тут два ливика огнем прижгли;
И приехали ко втору селу что ни лутчему,
А в том селе что ни лутчеем
Стояло шесть церквей соборныих,
Соборныих и богомольныих,
И тут два ливика огнем прижгли;
И приехали к третью селу что ни лутчему,
А во том селе что ни лутчеем
Стояло девять церквей соборныих,
Соборныих и богомольныих,
И тут два ливика огнем прижгли,
И полонили они полоняночку
Молоду Настасью Митриевичну
Со тым младенцем двуемесячным.
Пришла весточка нерадостна
Ко тому князю Роману Митриевичу:
Налетела птица, мала пташица,
И садилася ко тому князю Роману Митриевичу
В зеленый сад на сырой дуб,
Распустила перья до сырой земли,
А сама стала петь-жупеть и выговаривать:
«Ай же ты, князь Роман Митриевич, есть!
Уж ты ешь-пьешь и проклаждаешься,
А над собой незгодушки не ведаешь:
Как не стало перва села и Высока,
Высока села что ни лутчаго,
А тут два ливика огнем прижгли;
И не стало у тя втора села и Высока,
Высока села что ни лутчаго,
А тут два ливика огнем прижгли;
И не стало у тя третья села Высока,
Высока села что ни лутчаго,
А тут два ливика огнем прижгли,
И полонили они полоняночку,
Молоду Настасью Митриевичну
Со тым младенцем двуемесячным».
А он кинул головушку между плечье,
А утупил ясны очи во калинов мост:
«Ай же вы, нечистые, поганые два ливика,
Королевские два племянника!
А не вам бы щенкам белогубыим
Надо мною стариком насмехатися».
А хватил ножище-кинжалище,

А ударил он во дубовый стол,
А прошло-то ножище-кинжалище,
Сквозь дубовый стол во калинов мост
И во сыру землю по черенье.
И взимал он князь Роман Митриевич
Силушки сорок тысячей,
И приехал ко той реке к Смородины.
А первая сила пила нападкою,
А другая роскатным шеломом,
А третья пила почерпугами.
И вспроговорит князь Роман Митриевич:
«Вся моя дружина вы хоробрая!
Делайте дело повеленое,
Вы слушайте большаго атамана:
И берите вы жеребья поволжаные,
И всяк имена свои подписывайте,
И спускайте жребья на ту реку на Смородину».
И коя сила пила нападкою,
А тыи жеребья каменем в воду;
А коя пила роскатным шеломом,
Тыи жеребья вниз быстрин пошли,
А коя пила почерпругами,
Тыи жеребья встреч быстрин пошли.
Говорит князь Роман Митриевич:
«А не надобно мне-ка силушки сорок тысячей,
А я возьму силы три тысячи:
А перва сила будет ранена,
А друга сила во полон взята,
А третья сила со радостью, со веселостью».
И отъезд держал от той реки от Смородины
Ко тому селу ко высокому,
Ко высокому и что не лутчему.
И обвернулся он князь Роман Митриевич
Серым волком заполниим,
Заполниим волком и подугольниим,
И заходил он к тым ливикам,
Королевским двум племянникам,
Во тыя во конюшни стоялыя,
И добрых коней повыколол,
И глоточки повыхватал.
И обвернулся он белым маленьким горносталем,
И заскакал он в оружейную,
И у оружьицев замочки повывертел,

И по чисту полю пораскидал.
И заскочил он тут во лучейную,
У тугих луков тетивочки повыщелкал
И по чисту полю пораскидал.
И заскакал он тут во белой шатер,
И стал по белу шатру побегивать,
Побегивать и похаживать,
И весь шатер стал продрагивать.
И речет младенчик двуемесячной,
Двуемесячной и двуюх годов:
«А ты спишь, родимая мать,
Молода Настасья Митриевича?
А это похаживат и проступыват
И не беленькой маленькой горносталек,
А похаживат-проступывает наш дядюшка,
Князь Роман Митриевич есть».
Эти речи ливикам не слюбилися,
И скоро ли тут от крепкаго сну пробуждалися,
И взимали тут шубу черных соболей,
И стали белаго малого горносталя поганивать,
И шубой соболиной приокидывать,
И окинули шубою соболиною.
И увертливый и догадливый
Белый маленький горносталек
Выскакивал он сквозь тонкой рукав
И на окошечко, а с окошечка и на уличку
И обернулся черным вороном,
Запольниим и подугольниим.
И слетел ворон во чисто поле,
И сел ворон на сырый дуб,
И распустил перье до самой земли,
И заграял ворон во первый након.
А зговорят тут два ливика:
«А не грай, ворон черным-черен!
А возьмем мы оружьица
И стрелим мы тебя, черна ворона,
А прольем мы кровь по сыру дубу,
Распустим перье по чисту полю».
А того ворон не спрашивает,
И заграял ворон во второй након.
Зговорят два ливика,
Королевские два племянника:
«А не грай, ворон черным-черен,

Упалый ворон и усталый!
А возьмем мы туги луки
И стрелим тебя, черна ворона,
Упалаго и усталаго.
Мы прольем кровь по сыру дубу
И распустим перье по чисту полю».
И того ворон не спрашивает,
Заграял ворон во третий након —
И вся сила нахлынула,
Двух ливиков в полон брали,
Брали в полон и избесчестили:
Одному из их глаза выкопали,
И другому руки-ноги повыломали
И сделали несчастныма уродыма,
И посадил двух ливиков
Во свою землю жить несчастныма.
И приехали они во свою землю,
А стречает их родной дядюшка,
Чумбал, король Земли Литовския:
«Живите вы теперь век свой уродамы».
И тут они два ливика
С той тоски великия кончалися.

№ 542

НАЕЗД ЛИТОВЦЕВ НА МОСКВУ

У старого короля Политовского
По три дня было пированьице.
Все на пиру наедалися,
Все на пиру напивалися,
Все на пиру порасхвасталися.
Сидят тых два малых, два витвица,
Два тыих поганых татарина,
Не едят, не пьют, не кушают,
Его белыя лебедушки не рушают.
Ходит старый король Политовский,
Сам король испроговорит:
«Что вы, два тых два малых два витвица,
Два тых любимыих племянника,
Не едите, не пьете, не кушаете,
Моей белоей лебедушки не рушаете?

Ества вам не по уму, питья не по разуму,
Аль дурак над вами насмеялся,
Пьяница вас приобозвал?» —
«Ества твои были по уму,
Питья твои по разуму,
Дурак над нами не смеялся,
Пьяница нас не обозвал,
А думаем думу крепкую,
Крепкую думу за единую:
Ехати нам в камену Москву,
В камену Москву, Золоту Орду».
Испроговорит король Политовскиий,
Что «не идьте-ка вы в камену Москву,
В камену Москву, Золоту Орду:
Я сколько в Москву не езживал,
А во целости назад не приезживал,
Силушку свою порастраторил
И ноне едва на охоту иду.
А вы поезжайте во Индеюшку богатую,
Во тую Корелу проклятую:
Разорите Индею богатую,
Тую Корелу проклятую».
Съехали во Индею богатую,
Разорили Индею богатую
И с конца в конец с головней прошли.
Воротились назад ко кресту к Леванидову,
Стали они опоцев держать,
Сами промеж собой пораздумались:
«Этим разом нам, братец, поладилось.
Поедем-ка мы в камену Москву,
В камену Москву, Золоту Орду:
Разорим-ка мы каменну Москву».
Приезжали они в каменну Москву,
Разорили три села любимыих:
Первое село Ярославское,
Другое село Переславское,
Третье село Косы-улицы.
Стали они опоцев держать.
Старый Никита Романович
Стал по палатам похаживать,
Могучими плечами поворачивать:
«Молодость моя, молодость,
Улетела моя молодость во чисто поле,

Во чисто поле ясным соколом.
Прилетела старость со чиста поля,
Со чиста поля черным вороном,
Садилась за мои плечи богатырские.
Старый пес, король Политовскиий,
Порушил свою заповедь великую:
Мне, Никиты Романову, порушать
Своя заповедь великая».
Он выходит на широк двор
И сказывает свою силу бессметную,
Бессметную силу, бессмертную:
«Я слечу во чисто поле,
Первый раз заграю черным вороном,
Чтобы вам ко мне справлятися,
Другой раз заграю черным вороном,
Чтобы вам ко мне ехати,
А третий раз заграю черным вороном,
Чтобы сила при мне была».
Он отправился во чисто поле,
Обернулся он серым волком —
Конюшек у них всех повыдавил;
Обернулся он добрым молодцем —
Замочки в оружьишках все повыщербил,
Сабелки у них все повытупил,
Тесочики у них все повыломал.
Тут прилетает к палатам белокаменным,
Заходит в палату белокаменну:
Тут сидят тых малых два витвица,
Два тых поганых татарина,
Его любимая племянница сидит за люлечкой,
Качает детище великое,
Сама испроговорит:
«Бай-люли, детище великое!
Не ведает любимый дядюшка,
Старый Никита Романович, победы великия,
Что моего мужа потребили,
А меня, младу, обесчестили!»
А ходит младенчик по избы:
«Ах ты, матушка Авдотья Ивановна,
Наш дядюшка в избушке горносталышком».
Скочили два тыих два витвица
На ножки на резвые,
Накинули шубку кунью

На того горносталышка.
Горносталь был повертлив,
В рукав горносталь выскакивал,
Обернулся горносталь черным вороном,
Вылетел черным вороном во чисто поле,
Садился он на сырой дуб,
Заграял черным вороном —
Сила к нему тут справляется.
Другой раз заграет черным вороном —
Сила к нему тут проехала.
Третий раз заграет черным вороном —
Сила при нем вся стала.
А два тыих поганых татарина,
Кинулись они за оружьица —
В оружьицах замочки повыщерблены.
Кинулись они за сабелки —
Сабелки у них повытуплены.
Кинулись они за тесочики —
Тесочки у них все повыломаны.
Кинулись они за добрых коней —
Конюшки у них повыдавлены.
Обступил тут Никита Романович
Со своею было силою бессметною,
Всех их в полон забрал,
Одному глаза выкопал,
Другому по колен ноги вырубил.
«Подьте-ка к дядюшке, хвастайте:
Разорили мы нонь каменну Москву,
Первое село Ярославское,
Второе село Переславское,
А третье — Косы-улицы.
Один носком неси,
А другой дорогу показывай!»

№ 543

НАЕЗД ЛИТОВЦЕВ

У того же короля да Политовскаго
Пированьицо было на третий день.
Вси же на пиру да напивалиси,
Вси же на честноем наедалиси,

Вси же на пиру да порасхвастались.
Сидят на пиру два малыих два витвичка,
Два тыих поганыих татарина,
Два тыих любимыих племянничка,
Не ездят оны, не пьют было, не кушают,
Его белою лебедушки не рушают.
Ходит старыи да их же дядюшка,
Тот же нунь король да Политовскии,
Политовскии король да Земли Польскии.
«Что же вы, два малыих два витвичка,
Два тыих любимыих племянничка,
Вы не ели нунь, не пили да не кушали,
Моей белою лебедушки не рушали?
Естьы-ты ли вам нуньчу не по уму,
Али питьица-ты вам да не по разуму,
Али думаете думушку вы крепкую,
Али крепкую вы думу заединую?»
Отвечали тут любимыи племяннички,
Тыи нунь поганыи татарова,
А любезному тут дядюшки,
Старому же королю да Политовскому:
«Политовский король да Земли Польскии!
Думаем мы думушку нунь крепкую,
Крепкую мы думу заединую,
Ехать нам во матушку во каменну Москву,
В каменну Москву да в Золоту Орду».
Говорит же им тут старыи нунь дядюшка,
Тот же нунь король да Политовскии
Политовскии король да Земли Польскии:
«Ай вы, два тыих, два малыих два витвичка,
Два тыих любимыих племянничка!
Вы не едьте-тко да в каменну Москву да в Золоту Орду.
Я колько ни нунь туды-ка-ва да езживал,
А во целости назад да не приезживал.
Силушку свою да поростратарю,
Сам же я король да на уход уйду.
Ай советует вам старыи нунь дядюшка,
Политовскии король да Земли Польскии:
Поезжайте-тко в Индею во богатыи,
А во ту Корелушку проклятую,
Розорите там Индеюшку богатую,
Розорите всю Корелу там проклятую!»
Два тыих, два малыих два витвичка,

Два тыих любимыих племянничка,
Два тыих поганыих татарина,
А послухали тут дядю́шки да стараго,
Стараго тут дядюшки матераго,
А того же короля да Политовскаго,
А поехали они да во Индеюшку,
А во ту было Индею во богатую,
А во ту было Корелу во проклятую.
Подъезжали тут оны да под Индеюшку,
А под ту было Индею под богатую,
А под ту было Корелу под проклятую.
Розорили тут Индею всю богатую,
Розорили всю Корелушку проклятую,
Из конца они в конец да с головней прошли.
А приходя ко кресту да Леванидову,
Стали тут татара опочив держать,
И самы себе да испроговорят:
«Ай же этыим нам разом да поладилось,
А поедем-ка мы, братцы, в каменну Москву,
В каменну Москву да в Золоту Орду!»
Приезжали тут они да в каменну Москву,
В каменную ту Москву да в Золоту Орду.
Розорили тут они да каменну Москву,
Каменну Москву да Золоту Орду:
Первое они тут сёло Ярославское,
Другое тут село Переславское,
Третье-то сёло Косы-улицы.
Стали тут татара опочив держать,
Стали тут татара хлеба кушати.
А на той было на горочки на Вшивыи
Старыи Никитушка Романович
А проведал тут же он победушку —
Розорили тут они да каменну Москву:
Первое сёло Ярославское,
Друго ето сёло Косы-улицы.
Стал он тут могучима плечами поворачивать,
Сам себи Микита испроговорит:
«Ах ты, молодость ты молодецкая!
Улетела моя молодость в чисто поле,
Во чисто поле да ясным соколом,
Прилетела ко мне старость со чиста поля,
Со чиста поля да черным вороном,
А садилась за плéчи да богатырскии!»

Тут же взял он по полатам-то похаживать,
Своей силушки Микитушка наказывать:
«Ай ты, силушка моя было бессметная,
А бессметная ты силушка бессмертная!
Улечу же нуньчу я в чисто поле,
Во чисто поле да черным вороном».
Обвернулся тут Микита черным вороном,
Улетел же тут Микита во чисто поле.
Вся же сила у татар да спать породлегла.
Обвернулся тут Микитушка серым волком —
А конюшок-то всех у них повыдавил.
Обвернулся тут Микита добрым молодцом —
Вси замочики в оружьицах повыщербил,
Сабелки у них да вси повитупил
Тесачики у них да вси повыломал.
Обвернулся он да горносталышком —
А приходит во полаты белокаменны
Ко своей было любимоей племянничке,
К той было Авдотье ко Ивановной.
А сидит его племянничка за люлечкой,
Молода Авдотья да Ивановна
«Бай люли, детищо да великоё!
Кабы ведал ты, любимыи наш дядюшка,
Старыи Никитушка Романович,
Моего бы нуньчу мужа не потребили,
А меня бы нунь младой не обесчестили».
Ходит тут младенчик трех годов,
Сам младенчик испроговорит:
«А родитель моя матушка,
Молода Авдотья да Ивановна!
Наш-то старыи тут дядюшка,
Что Никитушка да Романович,
А в избушке он у нас нунь горносталушком».
Тым же двум нунь малыим двум витвичкам,
Тым же двум поганыим татаровам,
Недосуг же им было-то хлеба кушати.
А скочили тут татара на резвы ноги,
Тяпнули тут шубку соболиную
А накинули они на горносталушка.
Горносталь же был тот поверток,
Да в рукав-то горносталь да вон выскакивал,
Что ль в окошечко да вон вымахивал,
Обвернулся он да черным вороном,

Улетел же он да во чисто поле,
А заграял он же черным вороном —
Стала тут Микитина да силушка коней седлать.
Другой раз заграял черным вороном —
Силушка тут да поехала.
Третий раз заграял черным вороном —
Вся Микитина тут силушка при ем стала.
Тых два, тыих два малыих два витвичка,
Два тыих поганых татарина,
Тут бросилиси они да за оружьица —
Тут в оружьицах замочки повыщерблены.
А бросилиси они было за сабельки —
Сабельки у них да вси повытуплены.
А бросилиси они да за тесачики —
Вси тесачики у них да нунь повыломаны.
А бросилиси они да за добрых коней —
Конюшки у них да вси задавлены.
Некуда уйти было поганым татаровам,
Обступила тут же силушка на круг же их
А того было Микитушки Романова.
Старыи Микитушка Романович
Он забрал же их, поганыих татаровей,
А забрал же он великий плен,
Попленил же силу всю татарскую,
Захватил же двух поганыих татаринов.
Одному же взял да глаза выкопал,
Другому же по коленам ноги вырубил,
А садил же брату кошелем его:
«Один поди тащи его за плечамы,
Другой поди дорогу да показывай.
Вы подьте-тко нунь к старому дядюшке,
К тому же королю да Политовскому,
А подьте-тко вы к дядюшки да хвастайте:
„Разорили мы нуньчу каменну Москву,
Каменную ту Москву да Золоту Орду:
Первое-то село Ярославское,
Другое-то сёло Переславское,
Третьей село Косы-улицы".
Подьте-тко вы к дядюшки да хвастайте!»

№ 544

НАЕЗД ЛИТОВЦЕВ

Ай на панови да на уланови́
Там жило-было два ли́вика,
Королевскиих да два племянника.
Оны думали на думу крепкую,
Оны хочут ехать во святую Русь,
Ай во матушку во каменну Москву,
К молодому князю Роману Митриевичу,
Ай к ему да на почестный пир.
Ай приходят-то оны к свое́му дядюшки,
Че́мбал-ко́ролю Земли Литовские:
«Ах ты, дядюшка да наш, Чембал-король,
Ай Чембал-король Земли Литовские,
Уж ты дай-ко нам теперь прощеньицо,
А уж ты дай-ко нам да бласловленьицо —
Хочем ехать мы да во святую Русь,
Ай во матушку да каменну Москву
Ай ко тому ко князю Роману Митриевичу,
Ай к ему-то ехать на почестный пир».
Говорит им дядюшка Чембал-король,
Ай Чембал-король Земли Литовские:
«Ай да родныи мои племяннички!
Ай не дам я вам теперь прощеньица,
Ай не дам я вам да бласловленьица
Это ехать вам да на святую Русь.
Еще кто ж езжал да на святую Русь,
Ай счастли́в с Руси да не выезживал».
Не послушали оны своёго дядюшки,
Ай уздали ведь седлали да добрых коней,
Обкольчужились скоро, облатились,
Ай садилисе оны да на добрых коней,
Приезжали-то оны да во святую Русь.
Наезжали-то в Руси оно перво́ село,
А перво село да Ярославское,
Ай перво́ село да прекраси́вое.
Ай во том сели да было три церквы,
Ай было три церквы, три соборныих.
Оны жили-были да пограбили,
Это-то село да о́гню придали.
Ай наезжали в Руси да второ село,

Ай второ село Катеринградское,
Превеликое село да прекрасивоё.
А во том сели да было шесть церквей,
Было шесть церквей да шесть соборныих.
Оны жили-были да пограбили,
Это-то село да всё огнем пожгли.
Наезжали во Русии да третьё село,
А третьё село да Косоульское,
А это́-то село да превеликое,
Превеликое село да прекрасивое.
Ай во том сели было девять церквей,
Ай девять церквей было соборныих.
Оны жили-были да пограбили,
А это́-то село всё огнем пожгли,
Полонили младу полоненочку,
А молоду Настасью да ведь Митрьевну
Со тыим младенцем двоюме́сячным;
Увезли далече во чисто поле,
За быструю реку да за Смородину.
Во чистом поли столбы росставили,
На столбы шатры оны роздернули,
Это тут-то молодцы да опочив держат.
Ай не много ли не мало столько шесть-то дней,
Как из да́леча-дале́ча, из чиста поля́
Налетела мала птица, певчий заворо́ночок,
А садился он ко князю во зеленый сад,
А в саду поет он, выговариват:
«Ай ты, молодой князь Роман Ми́триевич!
Ешь ты, пьешь да проклаждаешься,
Над собой ты ведь незгодушки не ведаешь:
Во твою-то во святую Русь
Ай приехало-то два поганыих два ливика,
Королевскии да два племянника.
Наезжали-то в Руси они перво село,
Оны жили-были да пограбили,
Оны то село да ведь огнем пожгли;
Наезжали-то в Руси они второ село,
Оны жили-были да пограбили,
Оны то село да ведь огнем пожгли;
Наезжали-то в Руси они третьё село,
Оны жили-были да пограбили,
Это-то село да ведь огнем пожгли,
Полонили младу полоненочку,

Ай твою́-то родиму сестру
Со тыим младенцем двоюмесячным
Увезли-то ведь далече во чисто поле,
За быстру реку да за Смородину».
Ай закручинился тут князь да запечалился
Еще той тоской-печалью он великою,
А хватил-то он ножищо да кинжалищо,
Кинул он ножищо во дубовой стол —
Пролетело тут ножищо скрозь дубовой стол,
Скрозь дубовый стол стало́ в кирпичный мост:
«Не дойдет-то им, щенкам, да надсмехатисе!»
Ай собирает-то он силы равно три полку,
Равно три полку да ведь тритысячных.
Поезжает тут ведь князь да Роман Ми́триевич
Ай со своей со дружиной со хороброю
Ай во да́лечо-дале́чо во чисто́ полё.
Первая дружина да едят-то пьют нападкою,
Вторая-то — шо́ломом роскатныим,
Третья дружина ели столом, скатертью.
Приезжае князь да ко быстро́й реки,
Ко быстрой реки да ко Смородины;
Ай вырезывал-то он да ведь три жеребья,
А три жеребья вырезывал, три ли́повых.
Ай спущал-то он да первы жеребьи
На быстру реку да на Смородину:
А которыи-то ели-пили да нападкою,
Тыи жеребьи да каменём ко дну —
Ай той-то дружины да убитой быть.
Ай спущает он-то вторы жеребьи́
На быструю́ реку он да на Смородину;
А которыи-то ели шо́ломом роскатныим,
Тыи жеребьи да оны вниз быстрин —
Это тая-то дружина буде во полон взята.
А спущал-то он ведь третьи жеребьи:
А которы-то ели столом, скатертью,
Тыи-ты ведь жеребьи встречу быстрин —
Это тая-то дружина да весьма храбра.
А две эты́ дружины оставляет тут,
Третью дружину за собой берет.
Выезжали они скоро во чисто́ полё;
Говорит тут младый князь Роман да Митриевич:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая!
А вы слушайте-тко бо́льшаго вота́мана,

А и делайте вы дело повеленое:
А и закричит как черный ворон на сыром дубу,
На сыром дубу да во перво́й након,
Ай вы ешьте тогда, вы кушайте;
А закричит черно́й-то ворон на сыром дубу,
На сыром дубу да во второй након,
Вы уздайте-седлайте да добрых коней;
А закричит-то черный ворон на сыром дубу,
На сыром дубу да во третей након,
А едьте ко шатрам белополотняным,
Ай возьмите вы, берите да вы ливиков,
Королевскиих возьмите вы племянников».
А сам обернулся да серым волком,
Это начал он ведь по полю побегивать,
Это начал он по чистому порыскивать,
Прибегал-то он ведь близко ко белу шатру,
Заходил скоро́ во стойлы лошадиныи,
У добрых коней головочки пото́рвал,
По чисту́ полю головочки пороскидал;
Обвернулся князь-то добрым молодцом,
Заходил-то в кладовыи оружейные,
А у оружьицов замочики повывертел,
По чисту полю замочики пороскидал;
Обвернулся белым малыим горносталём,
У тугих луков тетивочки повыщелкал.
Это начал по шатру да он побегивать,
Этот весь шатер да стал продрагивать.
Двоюмесячный младенчик проязычился:
«Маменька, маменька, не мой ли то дяденька,
Твой братец по белу шатру побегиват,
Ино бел-то шатер да весь продрагиват?»
Услыхали эти речи да ведь ливики,
Начали горно́сталя поганивать,
Соболиной е́го шубонькой закидывать,
А приокинули ведь шубой соболиною —
А повыскочил с-под шубы соболиныи,
А скочил-то он тогда да на окошечко,
Со окошечка скочил да за окошечко.
Обвернулся он тогда да черным во́роном,
Ай садился-то он да на сы́рой дуб,
Закричал-то ворон во первой након,
А во первый-то након да на сыром дубу.
Говорят-то поганыи-ты ливики:

«Ай не кричи-тко ты, черно́й ворон, да на сыром дубу!
А поберем-то ведь мы нонь туги луки,
А пострелим тебя, врана, да на сыром дубу,
А мы кровь твою-ту прольем по сыру́ дубу,
А мы перьё-то роспустим по чисту полю».
Ай закрычал тут вран да на сыром дубу,
Ай на сыром дубу да во второй након.
Говорят-то ведь тут ливики таково слово:
«Ай не кричи-тко ты, черно́й ворон, да на сыром дубу!
Ай поберем-то мы теперь свои оружьица,
Ай постре́лим мы тебя да черна ворона,
А мы кровь твою-ту про́льем по сыру́ дубу,
А мы перьё-то роспустим по чисту полю».
А и закричал тут вран да во третей након —
Наезжае тут дружинушка хоробрая.
Это тут-то ливики ведь испугалисе
А за тугие-ты луки́ да захваталисе.
А у тугих луков тетивочки пощолканы,
По чисту полю тетивочки роскиданы;
А бежали оны скоро в оружейную,
А у оружьицов замочики отверчены,
По чисту полю замочики пороскиданы;
А бежали тут во стойлу лошадиную,
А тут у их кони без голов стоят.
А спущался он да из сыра дуба,
Обвернулся он да добрым молодцом.
А взимали оны тут поганых ливиков,
А у большого-то руки сломали, глаза выкопали,
А у меньшого сломали резвы ноги до гузна,
Ай посадили тут-то меньшого на большого,
А отпустили-то да их во свою сторону.

№ 545

НАЕЗД ЛИТОВЦЕВ

Ай как у Чембала, короля у Литовскаго,
Ай как было столованье, почестен пир,
А для своих как для пановьёв, для улановьёв,
А для бурзов, поганыих татаровьев.
Ай как вси на пиру напивалисе,
Ай как вси на пиру да наедалисе,

Ай пофальбамы все пофалялисе.
Ай как ведь король по полатушкам как похаживат,
Ай король как увидел за тыма́ столамы дубовыма,
Ай увидел ён, сидят два любезныих племянника,
Ай не пьют да не кушают,
Белой лебеди да не рушают,
А сидят, повешены буйные головушки
Ай пониже своих плеч могучиих,
Ай притуплены очушки ясныи во кирпичной пол,
Призадумались удалы добры молодцы.
А говорил им как родитель, свой уж как дядюшка,
Ай Чембал, король да Литовскиий:
«Ай же вы два витничка, два советничка,
Ай два любезныих королевскиих да племянника!
Ай сидите за столамы дубовыма,
Ай как не пьете́ вы, не ку́шаёте
Белой лебеди вы не ру́шаёте,
Ай повесили буйны головы ниже плеч своих могучиих,
Ай притупили как очушки ясныи во кирпичной пол.
А разве вам как напиточки мои не по нраву-то,
А ествы мои не по обычаю,
Али мужик-деревенщина
А обнес вас словамы да нехорошима,
Али вы каку ни незгодушку сведали
Ай над своёй да над буйной головушкой,
Али вы как да в чистом поли
Аль заслышали рать-силу каку-нибудь великую?»
Ай оны говорят ему таковы слова:
«Ай же ты, родитель, ты, наш дядюшка,
Ай Чембал, король да ты Литовскиий!
Никакой ведь как мужик-деревенщина
Не обнес нас словамы нехорошима,
Никакой ведь мы незгодушки не сведали,
А никакой рать-силы великии да не наслышали
Ай как мы да в чистом поли,
Ай как ествы нам все по нраву-то,
Ай напиточки да по обычаю,
Ай как только не можем боль терпеть славы да великии
Ай про князя Романа Митриёвича:
Ай про его слава́ иде́ да великая
Ай по всим землям, по всим ордам,
Ай по всим чужим дальниим сторонушкам.
Ай родитель, ты, наш дядюшка,

Ай Чембал, король да Литовскии!
Ай давай-ко силы нам да сорок тысячей,
Ай поедем мы на святую Русь
А ко князю Роману Митриевичу,
А под матушку славну каменну Москву».
Ай говорил им уж как дядюшка:
«Ай же вы, два любезныи племянника!
А у мня была пора-сила великая,
Я не смел ехать да на святую Русь
А ко князю Роману Митриёвичу,
Ай потому что я да слыхал теперь,
Ай как князь Роман Ми́трьевич,
А во матушки славной каменной Москвы,
А как ён да хитёр-мудёр,
А как знат язы́ки как уж птичьии,
Знат ён язы́ки как врани́ныи,
А как ён мастер ведь по полям скакать,
Ай по полям скакать да он серы́м волком,
А по темныим лесам летать да черным во́роном,
А по крутым горам скакать черны́м да горносталюшком,
Ай как по синиим морям плавать серой утушкой.
Так ведь я терпел славу уж как век по́ веку,
А не смел я ехать на святую Русь.
Ай как сколько ни я слыхал, на святую Русь
А как силушки важывали,
А взад уж как силушки ввек не выважывали.
Ай как я дам вам силы ведь сорок тысячей,
А как силу-войско все ведь латничков я, кольчужничков,
А силу-войско на добрых конях,
А поезжайте-тко во Землю во Лимоньскую,
Ай как та земля есть пребогатеюща,
Ай как в той земли много есть краснаго золота,
Ай как в той земли много есть да чиста серебра,
Ай как много есть мелкаго скатняго да жемчугу,
А силы-рати в ней мало можется,
Ай как можете тую землю в полон-то взять».
Ай любезным племянники да согласилисе.
Ай как давал ведь им дядюшка
А Чембал, король Литовскиий,
Ай как силушки сорок тысячей,
Ай как силушку-войско ведь на добры́х конях,
Ай все латничков, все кольчужничков,
Ай отпущал их во Землю ведь во Лимоньскую.

Ай как отправились оны да поехали
А со всей со ратью со силой великою,
Ай как съехали во Землю ведь во Лимоньскую,
А тую землю всю в полон взяли,
Ай самого короля предали смерти да злою ведь.
Ай как с той Земли со Лимоньскией
А как по́гнали добрых коней
А стады-ты стадамы ведь;
Ай повели как добрых мо́лодцев
А ряды-ты рядами ведь;
Ай как вели моло́дыих моло́душок,
А как красныих девушок,
А и повели оны толпицами;
Ай как краснаго золота,
Ай как чистаго да се́ребра,
Ай как мелкаго скатняго да же́мчугу
А покатили многи телеги да ордынскии.
А как выехали на славное чисто полё,
Ай как на чистом поле пороздумались:
«А однакоже вышла нам путь счастливая!»
Ай два братца ведь два родимыих,
Ай два любезных королевскиих племянника,
Ай говоря как самы промеж собой:
«А однакоже, когда вышла нам путь счастливая,
Ай поедем-ка мы на святую Русь,
Ай под матушку славную каменну Москву
А ко князю Роману Митриёвичу».
Ай как взяли оны да отправились,
Ай приехали как под матушку славну каменну Москву.
А под той как под матушкой славной каменной Москвой
А розбили четыре села да что ни лучшиих:
А как перво село Лягово,
А как друго село Коротяево,
А как третьее село Карачаево,
А как четвертое село, что ни лучшее, Косы-улицы.
А у князя Романа Митриёвича
Ай убили зятя любезнаго,
Ай увезли Настасью ведь да Митриевичну
Ай со любезной как со пле́мничкой с трех да ми́сячной.
Ай увезли оны как ко рубежу ко московскому,
Ай как тут роздёрнули шатры оны да шолковы,
Ай как начали стоять добры молодцы,
А дожидают как осени богатыей хлебородныей:

Ай будет бора́н тучён да овёс ядрён,
Ай когда повыростут пшеницы ведь да белоярыи,
Ай тогда они грозятся как заехати
Ай во матушку славну каменну Москву,
А ко князю Роману ведь да Митриёвичу.
Ай говорят как самы промеж собой:
«Ай московский князь Роман Митрьевич,
Ай не смел как нам показаться на светлы очи!»
Ай во матушки славной каменной Москвы
А у князя Романа Митриёвича
А как был забран столованье-почестен пир,
Ай как для-ради своего силы-войска великаго,
Ай как для-ради своих сильних могучих бога́тырей.
А как пьет-то он, кушат, проклаждается,
Ай незгодушки великии да не начается.
А как летит во́рон черныи мимо подо́коньё,
Ай садился как супротив князя Романа Митриёвича
Ай как ворон во сад да во зеленыий,
Ай как как ён на яблонь на кудрявую,
Ай грае ворон ведь да по-враниному:
«Ай же ты, московский князь Ро́ман Митрьевич!
Пьешь ты, кушашь ведь да проклаждаешься,
Ай над собой незгодушки да не начаешься!
Ай от Чембала-короля от Литовскаго
Ай наехало два любезныих два племянника
Ай под матушку славную каменну Москву,
Ай розбили твои четыре села да что ни лучшиих:
А перво село уж как Лягово,
А друго как село да Коротяево,
Ай как третьё село да Карачаево,
А четвертоё село да Косы-улицы,
Ай убили твоего зятя любезнаго,
А увезли твою сестрицу родимую,
Ай как ведь Настасью ведь да Митриевичну,
А со своим да со младенчиком,
А со младенчиком с трех да месячным,
Ай ко рубежу ко московскому.
А стоят оны как у рубежа да у московскаго,
Ай как спущены у их добры кони
А во вашии во травки во шолковы,
А во вашии пшеници ведь да белоярыи.
Ай дожидают осени как богатыей хлебородныей,
Ай когда ведь будет боран тучён да овес ядрён,

Ай повыростут пшеницы белоярыи,
А тогда еще грозятся заехати
Ай во матушку славну каменну Москву;
А еще говорят ёны самы промеж собой:
„А что московский князь Ро́ман Митрьевич
А не смел нам показаться на светлы очи"».
А как тут московский князь Ро́ман Митрьевич
Ай ставал как он да на резвы ноги,
Ай говорил он таковы слова:
«Ай же сила, вы сила как любезная, войско сорок тысячей,
А все князи-бояра ведь,
А сенато́ры мои да думныи!
А пьете́, кушаете, проклаждаетесь,
Ай над собой незгодушки как не начаетесь.
А получил я как сейчас уж как весточку нерадостну,
А как весть-то я нехорошую:
А ведь от Чембала-короля от Литовскаго,
Ай наехало два любезныих два племянника,
Ай под нашу матушку славную каменну Москву,
Ай розбили наши четыре села да что ни лучшиих:
А перво село уж как Лягово,
А друго как село да Коротяево,
Ай как третьеё село да Карачаево,
А четвертоё село да Косы-улицы,
Ай убили моего зятя любезнаго,
А увезли мою сестрицу родимую,
Ай как ведь Настасью ведь да Митриевичну
А со своим да со младенчиком,
А со младенчиком с трех да месячным,
Ай ко рубежу ко московскому.
А стоят оны как у рубежа да у московскаго,
Ай как спущены у их добры кони
А во нашии во травки во шолковы,
А во нашии пшеницы ведь да белоярыи,
Ай дожидают осени как богатыей хлебородныей;
Ай когда ведь будет боран тучён да овёс ядрён,
Ай повыростут пшеници белоярыи,
А тогда еще грозятся заехати
Ай во матушку славну каменну Москву.
Ай же сила моя, все войско вы сорок тысячей,
А как сила-войско, латнички все, кольчужнички,
А сила-войско все на добрых конях!
А вы седлайте-тко да уздайте добрых коней

Ай крепко-накрепко, туго-на́туго,
А поедем мы за има́ вслед теперь с угоною,
Ай чтобы королевская как ще́нядь да белогубая,
А чтобы ёна могла да намы фастати,
Ай как фастати нашей матушкой славной каменной Москвой!
А теперь как мы поедем вслед да с угоною».
А сила-войско все сорок тысячей
А седлали-уздали добрых коней
Ай туго-натуго, крепко-накрепко,
А как все садилисе на добрых коней,
Ай поехали вслед с угоною.
Ай как все оны да отправились,
А отправился московский с нима́ князь Ро́ман Митрьевич.
А приезжали как оны ко реки да ко Березины,
Ай как ведь московский князь Роман Митрьевич
А припущал да свою силушку
А как пить да ко реки ко Березины,
А начала сила пить во реки во Березины,
Ай как сила пи́ла во реки во Березины,
А как смотрит на силушку
Ай московский князь Роман Митрьевич:
А как ина́ сила пьет да нападкою,
А ина сила пьет шоломамы да черпушкамы.
Ай московский князь Роман Митрьевич
Ай говорил ён да таковы слова
А силы любезною:
«Ай же сила моя вы любезная,
А сила-войско сорок тысячей!
Ай котора сила пила нападкою,
А поезжайте-тко ай взад да во матушку славную каменну Москву:
Ай той силушки на бою да мертво́й-то быть».
Ай котора сила пила шоломамы, черпушкамы,
Ай как тую силу за собой-то брал,
Ай как выехал он на да́лечо, на дале́чо на чисто полё,
Становил свою силу на чистом поли,
Ай как сам своей силы ён наказывал:
«Ай же сила любезная моя, войско сорок тысячей!
Ай вы как кормите-тко вы добрых коней,
А не травкамы вы не шолков'ма,
Ай кормите-тко пшеницамы да белоярыма,
А самы слухайте:
Ай загра́ю я перво́й након да́ по-враниному —
Ай как да седлайте-тко, уздайте-тко добрых коней;

А загра́ю я как второ́й након по-враниному —
А как вы приго́товля́йтесь-ко;
Ай заграю третье́й након как я по-враниному —
А как едьте-ко скорым-скоро, скоро-наскоро,
Ай заставайте-ко меня во живностях».
Ай как сам обвернулся он черным вороном,
Полетел как он да по чисту полю,
А прилетел как он ко рубежу ко московскому.
Ай как там у их как белы шатры да пороздёрнуты,
А там у их добры́ кони пороспущены,
Пороспущены да по чисту́ полю,
Ай у их ведь сабелки как порозмётаны,
А как оружия порозмётаны,
А как копьица вострыи порозмётаны,
Ай туги луки порозмётаны,
Ай как сила крепко спит да не пробудится.
Ай как ведь московскиий князь Ро́ман Митрьевич
Ай как о́бвернулся ён да серы́м волком,
Ай как начал ён гонять ихныих добрых коней,
Ай как начал гонять да по чисту полю,
А у и́ных горлышка ён повырвал ведь,
А иных загнал во реку да во Березину.
Ай потом как обвернулся он тонким белыим да горносталюшком,
Ай заскакивал к ним он во шатрики,
Ай как там топерь он у тугих луков
Ай тетивочки как он да повыел ведь,
А у копьицов ко́нечки да все повыломал,
У оружиев кремешки да все повывертел,
А у сабелок все остреица повыщипал.
Ай как племничка трех да месячна
А провещилась язы́ком она да по-хорошему:
«Ай же ты, родитель моя да матушка,
Ай Настасья Митриёвична!
А твой братец любезныий,
А как мой родитель да как дядюшка,
А московский князь Роман Митрьевич,
А поскакива он по шатрику
Тонким белыим да горносталюшком,
А выручае нас со полону ён великаго».
Ай как тут услышали два любезныих королевскиих
А два любезных два племянника,
А как говорят самы ведь таковы слова:
«А ставай-ка, наша сила, войско великоё,

А скорым-скоро да скоро-наскоро,
А и́майте горносталюшка да во шатриках».
А начали имать горносталюшка да во шатриках,
Ай начали да закидывать
Ай как шубкамы его да соболиныма.
Ай как он по шубоньке, по рукавчику
Ай выскакивал да он на улушку,
Ай как там обвернулся он да черным вороном,
Ай как бы летел он на сырой дуб,
Ай как заграял он да во всю голову,
Ай заграял он да по-враниному —
Ай как сила его теперь да услышала,
А седлают-уздают добрых коней.
Ай говорят два любезныих племянника,
Ай два любезныих королевскиих,
Ай Чембала-короля да Литовскаго,
Ай говорят оны таковы слова:
«Ай не грай, не грай, московский князь Ро́ман Митрьевич!
Ай как ты на сыром дубу,
На сыром дубу да черным вороном.
Ай мы натянем как свои да туги́ луки,
Ай мы кладем свои калёны стрелы,
А мы спустим твою тушу о сыру землю,
Ай роспустим твое перье по чисту полю,
А прольем твою кровь да по сыру дубу,
Предаем ти смерть уж как в чистом поли».
Ай как он заграял ведь второй након по-враниному —
Ай как сила его теперь услышала,
Ай как начали ведь садиться да на добрых коней,
Ай как начали приготовлятися.
Ай как говорят-то ведь два любезныих королевскиих племянника:
«А не грай, не грай, как московскиий
А князь Ро́ман Митрьевич черным вороном,
А как по-враниному на сыром дубу.
А как мы натянем свои да туги луки,
Ай мы кладем свои калёны стрелы,
А мы спустим твою тушу о сыру землю,
Ай роспустим твое перье по чисту полю,
А прольем твою кровь да по сыру дубу,
А предадим ти смерть как мы скорую».
Ай заграял он третье́й након да по-враниному —
Ай как сила ёго́ теперь да услышала,
Ай как ведь поехали скорым-скоро, скоро-на́скоро.

Приезжали как к Литвы да поганыей,
Ай как начали рубить оны Литву да поганую.
Ай как тут как сила да неверная,
Ай как сила ведь да литовская,
А хваталасе сила ведь да за туги́ луки —
А у тугих луков тетивочки все повы́едены;
Ай как сила хваталасе за копьица —
А у копьицов ко́нечки все повыломаны;
А сила хваталась за оружиё —
Ай у оружиёв кре́мешки все повыверчены;
А сила хваталасе за вострыи за сабелки —
Ай у сабелок все остре́ица как повыщипаны.
Ай той порою, тым как времечком
А присекли всю силушку литовскую.
Ай как изымали двух королевскиих племянников,
Ай большому брату копали ведь со лба да очи ясныи,
Ай меньшому отрубили ноги резвыи,
Ай садили безногаго на безглазаго,
Ай отпущали во Землю ведь да во Литовскую
А к Чембалу, к королю ко Литовскому.
Ай сказал московский князь Роман Митрьевич таковы слова:
«Ай же вы любезныих два королевскиих племянника!
Сойдете́ в свою Землю во Литовскую
А к своему уж к дядюшке,
К Чембалу, королю ко Литовскому,
А скажите-тко ему таковы слова:
„А что московскиий князь Ро́ман Митрьевич
А как старостью ён не стареет,
Ай голова ёго не седатает,
А сердце ёго да не ржавеет,
А слава́ ему век по веку́ да не минуется"».
Ай как тут отправились два любезныих королевскиих племянника
А в свою Землю во Литовскую.
А как князь Роман Митрьевич
Со своей он со силою
А отправился во матушку славну каменну Москву.
Ай как тут два любезныих королевскиих два племянника
Ай приходили как к родителю ко дядюшки,
А к Чембалу, королю да ко Литовскому.
А увидел их как дядюшка Чембал, король Литовскиий,
А как двух своих любезныих племянников,
А приехал как безногой на безглазоём,
Ай как сам говорил как им таковы слова:

«Ай же вы два любезныих моих да два племянничка!
А как я говорил, что не йдите-тко на славную на святую Русь
Ай под матушку славну каменну Москву
Ай ко князю Роману вы да Митриёвичу,
Ай как князь Роман Митрьевич на святой Руси хитёр-мудёр,
А что не вынести вам с Русеюшки головушок.
А как сколько ни на святую Русь как езживано,
Ай как на святую Русь силы важívано,
Ай со святой Русеи силы взад не выважívали,
А не бе́з чего от князя Романа Митриёвича».
Ай говорили ведь два любезныих королевскиих племянника:
«Ай родитель, ты наш дядюшка,
А Чембал, король Литовскиий.
Ай казни нас казенью своеручною,
Ай копай-ко нас во матушку сыру́ землю,
А не можем мы боле терпеть бесчестья да великаго,
А что мы со святой Руси
А приехал как безногой на безглазоём».
А как дядюшка Чембал, король да Литовскиий,
А хоша жалко было, только ведь казнил своих племянников
А своей казенью да своеручною,
А копал как их во матушку сыру землю,
Хоронил их со славою великою.
Ай как двум королевскиим да племянникам
А теперь да им славы́ поют.
А Дунай, Дунай да боле век не знай.

№ 546

ДВА ЛИТНИЧКА

А король-то видь Земли Литовьскиих
А задернул он да почестен пир.
А видь литнички были да литовьские,
А племяннички да королевьские
Не едят, да не пьют, да не кушают,
Белых ле́бедей да не ру́шают,
А ничм они да не похвастают.
А подходит король Земли Литовьские:
«А что же видь вы, племяннички, призадумались,
А что же вы да призамешкались,
А видь что же вам да не по разуму?»

А видь говорят племяннички литовьскии,
А племяннички да королевськии:
«Дал бы нам силушки по сорок тысячи —
А поехали бы в каменну́ Москву,
Каменну́ Москву поразорили бы,
А видь взяли бы Ивана да ведь Дмитрие́вича,
А того-то видь во по́лон видь».
А говорит-то он, этот король Литовьские:
«А гля вас все-то будет оставлено».
А давает силы по́ сорок,
А по со́рок да по тысячи,
А поехали оны в каменну́ Москву,
Они брали село все-то Славьское,
А другое село Ярославьское,
А теперь село Косы-улицьки,
А увозили ведь Настасью Митриевичну,
А со своим со малы́м сынком,
Увозили оны на чисто́ полё,
На цисто́ полё уводили-то.
А налетела тут да видь птиця вещая,
А начала тут да видь птица пожупливать,
А почала видь тут воро́на высказывать,
А, как человек, стала выговаривать:
«А как старый князь да Иван Дмитриевич,
А сидишь-ка ты за столом да за дубовым
А сидишь как ты да утоцаешьси,
А не знашь невзгодушки, не ведаешь:
А наехали литовьскии племянницьки,
А племянницьки да королевскии.
А видь брали тут село всю-то Славьское,
А другое село да Ярославьское,
А ведь третье да село Косы-улицьки,
Увозили видь да Настасью Митриевичну
Во цисто́ полё со своим сынком,
Со своим сынком да трёхме́сячным.
Как ты что же ешь-то тут, прохлаждаешьси,
Над головушкой невзгодушки да не ве́даёшь?»
Как тут Иван как был Дмитриев-то,
Скочил-то видь ён на резвы́ ноги́,
Как говорил-то ён таковы слова:
«Как не во́время ко мне старость-то,
Как не во́время старость случиласе,
Как младость-то ушла во цисты́ поля,

А старость пришла да топеричу во темны́ леса.
Как была у меня прежня молодость,
Как поймал бы литницьков литовьскиих,
Племянников-то я королевскиих!»
Как собёра́л-то видь да Иванушка,
Иванушка да видь был Дмитриев,
Как собёрал-то рать-силу великую,
Как собёра́л-то, силушки наказывал:
«Как я заграю раз черным во́роном —
Как вы справляйтесь-ко, снаряжайтесь-ко.
Как дру́гой раз заграю черным во́роном —
Так будьте-ко вы видь да у литницьков.
Как третий раз я-то заграю-то —
Имайте вы литницьков литовьскиих,
Литницьков литовьскиих, племянницьков королевскиих».
Как силушка у его приготовлена,
Прибежал-то он на цисто́ полё,
Как оввернулся он да серы́м волко́м,
У коней глотки да вырвал он,
Так тут-то кони у них замертвы́ стали́.
Как дру́гой раз-то ён оввернулся видь,
Как оввернулся тонким горно́сталём,
Как взял в луках тятивки повыгрыз он.
Как говорит ёго да сестрица-та,
Кацяет дитя да у люльки там:
«Не знат-то дядюшка твой любимыи,
Как сбавил бы он нас да топеря-то
Как с то́ёй беды ведь от великии,
От тых бы литницьков да литовьскиих».
А говорит младе́нь, воспрого́ворит:
«А дядюшка у нас недалеко есть,
Как выел он тетивки он шелко́вые».
Как литницьки-то тут пробудилисе,
Как литницьки оны прохватилисе,
Бросили видь тут да в этого горносталюшка,
Как брали оны на себе да видь шубы-то,
Шубы-то ведь бросили соболии,
Хотели горно́сталя да поймать ёго.
А у горно́сталя и повороты есть,
Как повороты были́ да скорои:
Как скоцил ён да в рукав-то ведь,
Да во тую ли во шубу соболиную,
Да выскоцил-то ён со шатра-то ведь,

Как овернулся ён черным во́роном,
Садился-то ведь ён да на сырой дуб.
Как литницьки оны да скочили-то:
«А не грайко-ко ты видь нунь, да видь черный вран,
Натянем мы ещо да видь ту́гой лук,
Убьем тебя топерь, черна во́рона,
Как будешь ты кататься по сырой земле».
Как за луки оны да схватилиси —
Тетивки вси у их да видь съидены,
Стрелить-то видь им было не́можно.
Как он другой раз заграял-то,
Заграял-то еще цёрным во́роном —
Пошел-то стук да гром народу ведь.
Как третий раз заграял цёрным во́роном —
Как за коней оны да схватились-то,
Ладили уехать на уезд-то тут,
А кони-ты лежат да за́мертвы,
У них глотки были да и порваны.
Как тут-то взяли видь как да литницьков,
Литницьков тут захватили ведь.
Как их немножко тут нака́зали:
У одного видь ноги сломали видь,
У другого да глаза ископа́лы-то.
«Как ты, слепой, неси во свои места,
Ты, с глазами, — дорожку показывай,
Показывай да ты всё рассказывай».
Как тот несет слепой во свои места,
С глазамы-то дорогу рассказывает,
Рассказыват ёму́ да всё показыват.
Как два урода-то тут да уродные
Как клянут вси оны, проклинаются:
«Как на Русь надоть и ха́живать,
Счастлв откуль не выхаживать.
Да видно нам топерь пришлось итти
Такими-то нам уродными
Во свою ведь Землю Литовьскую!»

№ 547

КОРОЛЬ ЛИТОСЬКИЙ

Ай ли у того ли короля ли да у Литоського,
А ведь и собран ли был да поцéстной пир
А как на тую ли на славу на великую.
А как приехали два братця, два родимыих,
А два племянницька, два любимыих,
А ведь того ли короля да Литоського.
А ведь сидят гостюшки, едят, пьют и кушают,
А белую лебедушку-то да рушают.
А два-то братьця сидят, два роди́мыих,
А два племянницька короля, да два любимыих,
А как сидят за столами за дубовыма,
А за есьвами, за пи́тьями медовыма,
А оны сидят, не едят, оны не пьют, не кушают,
А белой лебеди у дядюшки не рушают.
А подходил к ним-то поближе да дядюшко,
А и тот ли Чура́л, король он Литоськии,
А подходил ли ён ко столу ко дубовому:
«А ведь вы, два братця да родимыих,
А два племянницька, два любимыих!
А у своего же вы да у дядюшки
А не ядите, не пьете да не кушаете,
А ведь и белой-то лебедки не рушаете
А ведь у своего да у дядюшки!
Али вам есвы ли мои не по разуму,
А, видно, напитоцьки медовые не по́любиł»
А отвецяли ли два братця, два родимыих,
А два племянницька ответили любимыих
А и того ли короля да Литоського:
«А всё нам, дядюшка, твое да по разуму!
А мы в одну-то думушку задумались:
А во городи есь во Кра́сноём,
А как во том во селу да во бога́тоём,
А у того ли царя Романа Митрие́виця
А мо́лодци-то ведь на девушках не же́нены,
А ведь и девушки замуж да не выданы,
А до́бры кони-то в стойлах застоялисе,
А цве́тны платьиця в магазинах залежалисе,
А бессметна-то золота казна ведь та ли позапли́снела.
А ведь туда мы хочем, дядюшка, да ехати,

А молодцёв мы на девушках повы́женить,
А ведь добрых коней да повыгнати,
А цве́тно платьицё да повывезти,
А бессметоцьну золоту́ казну на Руси хочем повынести!»
А отвецял им-то ведь дядюшка,
А ведь тот ли Цюра́л, король Литоськии:
«А ведь вы, два братця ли, два родимыих,
А два племянницька вас, два любимыих,
А я не знаю, что да вам будет-то,
А ведь вашему дядюшке на святой Руси,
А на святой Руси не удавалосе!
А уж вы силушки берите-ко, армии,
А вы берите-ко ножицьки булатныи,
А режьте же́ребья вы кожа́ныи,
А вы спускайте на ту ли ре́ку на Смородину:
А которых мо́лодцёв-то да же́ребьи
А по воды́ пойдут, оны по воды́ пойдут —
А той силы со армией не надобно:
А ведь и то е́сте-то изменцики;
А ведь которых-то мо́лодцёв же́рибьи
А ведь падут оны ко дну, ка́менем падут —
А той нам силы мо́лодцёв с собой не надобно;
А ведь которые да ведь же́ребьи
А стрету́ воды пойдут —
А тая сила тых мо́лодцёв-то нам надобна!»
А набралосе ли силы сорок тысячей.
А тут ли как отправились
А есть два братця с силой, два родимыих,
А два племянницька поехали любимыих,
А ведь того ли короля да Литоського.
А ведь Казань ёны́ как огнем жгали́,
А ведь Рязань ли во поло́н брали́,
А приезжали ко городу ко Красному,
Ай ко тому ли ко селу ко богатому,
А ко цярю ли Роману Митрие́вицю,
А обстояли они силой во цисто́м поли́,
Ведь писали письмо скорописцято:
«А уж ты, цярь Роман Митрие́виц-то,
А отворяй-ко ворота широкии,
А уж ты улици да распахивай,
А дубовы столы ты вынашивай,
А ведь и разны пи́тья выстанавливай!
А как приехало два братця, два родимыих,

А два племянницька, два любимыих,
А того ли короля да Литоського,
А хоцем мóлодцёв на девушках повы́женить.
А ведь добрых коней да повы́гынать,
А ведь цвéтно платьице повы́возить,
Ведь бессметоцьну золоту́ казну на Русь повынести!»
А ведь сами лёгли́ спать, не пробудятсе,
А сила-армея лёгла́ по цисту́ полю́.
А тут цярь цитал письмо скоропи́сьцято,
А уж тут рвет свою бороду:
«А уж ты, старость, меня облéдняла!
А если бы был я не во старость-то,
А я поглядел бы, кто во цистóм поли́
А что наперед надо мной да насмехаетсе!»
А брал ли ён да востру́ саблю́,
А пошел ли глядеть ко белу́ шатру —
А оны спят ли то, не пробудятсе.
А взял у ру́зьёв замоцьки повывертел,
А во штыках носоцьки повы́пленил,
А у добрых коней горлышка он повы́шваркал,
А по цисту́ полю, где сила-армея лежит да не пробудитсе,
А ведь сонных головушек повырубил.
А ведь оны-то да от сна да пробудилисе,
А ведь хватилисе за оружьиця —
А в оружьицях у них да замоцьков нет;
А как хватились оны за востры́ штыки,
А за востры́ штыки, за востры́ сабли́ —
А в вострых штыках носоцьков нет;
А ведь хватилисе оны да за добрых коней,
Ведь хотили-то уехати —
А у одного он ножки-то повыломал,
А у другого глаза взял повыкопал.
А посадили безно́га на безглазого:
«А вы ступайте-ко, куда знаете, да безо́ всего!»
А пришли ёны да безо́ всего.
А приходили ёны ко своему дядюшке,
А говорил-то им тогда дядюшка:
«А мне-ко, вашему дядюшки,
А на святой Русиюшке ни удавалосе —
А не знал, что́ вам и буде ведь!»

№ 548

ПРО КОРОЛЯ ЛИТОВСКОГО

У короля Литовского велся, продолжался королевский пир,
Как приехало два братца, два родимыих,
Два племянничка, два любимыи,
Как того ли короля да Литовского.
А сидят на пиру у родного у дядюшки,
Не едят, не пьют, да не кушают,
Белой лебеди да не рушают.
Увидал-то ведь родный дядюшка,
Подходил-то поблизешоньку,
Как спросил-то поскорешенько:
«Как сидите два братца, два родимыих,
Два племянничка да любимыих,
На пиру сидите у родного у дядюшки,
Не едите, не пьете, не кушаете,
Белой лебеди не рушаете.
Как у вашего, видно, у родного у дядюшки
Ества вам да не по разуму,
Питва медвяные вам да не по́люби».
Отвечали два братца, два родимыих,
Два племянничка-то, два любимыих,
Как того ли короля-то Литовского:
«Нам-то, родный дядюшка,
Все-то нам твое ведь по разуму,
В одну думушку мы да позадумались,
Как увидели мы ведь да разведали:
Е на матушке, е на святой земли,
Как во городе е во Красноем,
Во селу да во богатоем,
У царя Романа Митриевича —
Добры молодцы есте неженёны,
Красны девушки замуж не выданы,
Добры кони-ти в стойлах застоялися,
Цветны платьица в магазинах залежалися,
Как бесметочна золота казна,
Тая в баночках позаплеснела.
Хочем мы, родный дядюшка, да туда ехати,
Молодцов на девушках повыженить,
Красных девушек замуж повыдати,
На добрых конях цветно платьичо повывести,

Как безметочну золоту казну
На светую ту на Руссеюшку повынести.
Как наш-то ведь родный дядюшка,
Дай-ко ты нам силы-армии,
Дай-ко ты нам благословеньице».
Говорил-то родный дядюшка:
«Не дам я вам силы-армии,
Не дам-то вам благословеньице —
Вашему родному дядюшке
На святой-то на Россеюшке не удавалоси».
На том-то былина и прикончилась.

№ 549

НАЕЗД ЛИТОВЦЕВ

Как у короля у Литовского
Вёлсе-продолжалсе королевский пер.
Вот приехало два братца, два родимыих,
Два племянничка да два любимыих,
У того аль короля да Литовского.
Как сидят на перу у родного у дядюшки,
Не едят, сидят, да не кушают,
Белой лебеди ёни не рушают.
Увидал-то видь да родной дядюшка,
Што сидят на перу два братца родимыих,
Два племянницька да два любимыих,
А у ро́дного они у дядюшки
Не едят, не пьют, ёны не кушают,
Белой лебеди ёны да не рушают.
Говорил да родной дядюшка:
«Видно, яс⟨т⟩ва вам да не по разуму,
А напиточки медвяныи у дядюшки не по́люби?»
Отвечали два братца, два родимыих:
«Ох ты, родной наш дядюшка,
Всё-то нам твое да по разуму.
Мы в одну думушку позадумались:
Мы узнали-то, мы розведали,
Как на матушки да на святой Руси
И во городи, да во Красноем,
Во селе-то е да во богатоём,
У царя-то Романа Митреевича

Добры молодцы да ведь не женены,
Красны девушки замуж не выданы,
Добры кони во стойлах застоялисе,
Цветны платья в магазинах залежалисе,
И бессметочна да золота́ казна
Тая в баночках да позаплеснела.
Хочем, дядюшка, да поехати,
Молодцов на девушках повыженивать,
Красных девушек замуж повыдати,
На добры́х конях цве́тно платье повывезти,
А бессметочну золоту казну
На светую Русеюшку повынести.
Уж ты нам ты, родной дядюшка,
Дай-ко нам да силы-армии,
[Дай-ко нам благословленьице]».
Говорил тут родной дядюшка:
«А не дам я вам да силы-армии,
А не дам я вам да розрешеньице,
Как ведь родному да дядюшки
Как на святой-то ведь Русеюшки,
На Русеюшки не удавалоси».
(*Ну а потом, верно, уж согласился.*)
«Уж ты силушка да армия,
А берите ножицки булатнии,
А режьте жеребья да вы кожа́ныи,
А спускайте на ту реку на Смородину:
А котора сила по воды пойдё,
По воды пойдё да вдоль по быстроей —
Той нам силы с собой да не надобно;
А который жеребьи паду́т да ко́ дну каменем —
Той нам силы с собой да не надобно:
Тая сила есь да всё изменщики;
А которых жеребьи стрету воды пойдут —
Тая сила нам да с со́бой надобна!»
Набролосе силы сорок тысяцей.
Как отправились два братца да родимыих,
А Казань-горо́д да ены огнем жгали,
А Рязань-горо́д тот во полон брали,
А приехали ко городу ко Красному,
Ко тому селу да ко богатому,
Ко тому царю Роману Митревичу.
Устоялись молодцы с силой во чисто́м поли́,
Обноцевалисе да во бело́м шатре.

Как писали-то письмо да скоропивчато:
«Уж ты, царь Роман Митревиц,
Как приехало к тебе два братца, два родимыих,
Два племянницька приехало любимыих
У того ль короля да ведь Литовского,
У тя молодцы ты ведь не же́нены,
Кра́сны девушки замуж да не выданы,
Добры кони у тя в стойлах застоялисе́,
Цветны платье в магазинах залежалисе,
Как бессметочна золота казна тая в банках позаплеснела.
Хочем мы молодцов на девушках да повы́женить,
Красных девушек замуж хочем повы́дати,
На добры́х конях цве́тно платьице повывезти,
А бессметочну да золоту казну
На святую Русеюшку повынести».
Вот и царь Роман да Митриее́вици,
Как цитал он письмо да скоропи́счато,
Ён ведь рвал да свою сизу бороду:
«Ох ты, старось, старось облидиела,
А не ты бы, старось, если облидиела,
Если был бы я во старо́й во степе́ни-то,
Поглядел бы я во чисто́м поли,
Во чисто́м поли, да кто оратует?»
Как он брал-то да сабли вострую,
А пошел во цисто́ полё,
Кто во ци́стом поли оратует.
Приходил-то ведь да к белому шатру,
А в шат⟨ы⟩ри спят ведь не прохватятце.
Видь в оружиях замоцьки-ты повывертел,
Во востры́х штыках носоцьки-ты повыломал,
А в вострых сабля́х востри́цу-то повыровнял,
У добрых коней горлышка повышаркал.
Уж как братья со сну пробудилися,
А схватилися оны да за оружьице —
А в оружьицах да замочков нет;
А в вострых штыках да носоцьков нет;
А в вострых саблях да востри́ца нет;
А хватилисе они да за добры́х коней,
Как хотели-то да приускакать —
Добры кони-то лежат да головок нет.
У одного-то видь да гла́за выкопаны,
У другого ноги-ты повыломаны,
Усадил безногого на безглазого:

«Вы ступайте-ко да куда знаете».
А видь силушка была да видь невинная.
(*Той и не шевелил.*)
Как пришли-то к дядюшки,
Два братца да родимыих,
Два племянничка да два любимыих,
А говорил-то им да родной дядюшка:
«Како мне-ко-ва на святой да Русеюшки,
На Русеюшки да мни не удавалосе».
Да на том былина и поконцилась.
(*Кабы им не идти да не писать бы надсмешки, так, может, и не было бы этого.*)

№ 550

О НИКИТЕ РОМАНОВЕ

Как во той ли было во храброй Литве,
У того ли у князя Чембала
Было пированьице, почетный пир
Для всех князей-бояр литовскиих.
На том пиру на почетноем
Сидели два князевых племянничка,
Сидят оне не веселые, печальние,
Повесили голову на белую грудь.
И говорит им князь таковы слова:
«Уж вы что задумались, мои племянники,
О чем вы так горюете,
Не обступлены ли мы кругом силой вражеской,
Иль не появился ли на поле богатырь,
Что с которым вы не можете справиться?»
Говорят тут князю племяннички:
«Ты, удалой князь наш родной дядюшка,
Мы не обступлены силой вражеской
И на нашем поле чистоем нет богатыря великого,
Что с которым мы не могли справиться,
А охота нам на Русь сходить
И победить-то князя московского,
Того ли Никиту Романова
Со всема его со боярами,
И разбить его всю силу ратную».
И говорит тут им дядюшка Чембал-князь:

«Дорогие вы мои племяннички,
А не советую я вам ездить в Землю Русскую
Ко тому князю Никите Романову:
Ведь много туда войска хаживало,
А не кажно войско оттуль вернулоси,
Так что знает много хитростей,
Он обернуться может птицей-соколом,
И повернуться может зверем всякиим
И водяною рыбой всякою,
Так что будет вам с ним не справиться,
Вы погубите силу всю литовскую.
А лучше возьмите-ко вы силы сорок тысяцей,
Храброй силы литовскоей
И подьте-ка вы в Землю Печенежскую:
Тая земля есть богатая,
А силой она не сильная,
Вы можете побить эту землю богатую
И захватить там богатствов разныих».
И тут соберался два племянничка
В тую Землю Печенежскую,
Они брали войска-силы сорок тысячей,
И победили оне Землю Печенежскую,
И забрали там все богатства у людей бессильныих,
И тут братья-племяннички своей силой порасхвастались,
И надумали оне итти на Землю Русскую,
Ко той ли каменной Москвы
К тому ли князю Никите Романову.
Оне заняли четыре селения
И захватили в плен князеву племянницу
С молодым князем малолетниим.
Увозили они племянницу
Ко самому ли ко рубежу,
И тут оне у рубежа остановилися.
Стали ждать они времени богатого,
Когда поспеет на Руси все растения,
Когда выжнут рожь со пшеницею,
Когда будет все обмолочено,
Чтобы тогда на Москву им двинуться
И победить князя московского,
Полонить всех добрых молодцев,
А сопротивникам срубить голову.
А в та поры́ а в каменной Москвы
А у того ли князя Романова

У него был пир навéселе,
А нелетела тут птичка-пташечка
Ко тому ли князю ко Романову,
Садилась она на подоконничек
И запела она своим голосом,
Прощебетала она по-птичьему.
И узнал тут хитрый князь,
Мудрый Никита Романович,
Что ему птичка рассказывала.
Говорит он тут своим молодцам
Всем боярам говорит да московскиим:
«Ай же вы, бояре московские,
Все удалые добрые молодцы,
А все вы пируете навéселе,
А над собой вы невзгодушки не ведаете:
Как на нашу-то Землю Русскую
Нагрянула сила литовская,
Четыре села они наших сожгли,
И увели они мою племянницу,
Стоят сейчас они у рубежа,
Дожидают оне времени богатого,
Когда поспеют рожь со пшеницею,
И будет она у нас обмолочена,
Тогда они найдут на нашу каменну Москву.
Оне хочут взять нашу каменну Москву,
Полонить вас всех добрых молодцов,
А не сдающим срубят голову.
А вы седлайте-ко теперь добрых коней,
Вы, удалые молодцы московские,
И берите оружие военное,
И поедем мы во чисто поле».
И соберались тут все воины московские,
Все удалые добры молодцы,
Садились на добрых коней,
И поехали во чисто поле,
И доехали до реки Березины.
И говорит тут Никита Романович:
«Вы рассёдлывайте-ко топерь добрых коней,
А я полечу по рубежу
Ко тому ли войску литовскому,
Всё я там поразведаю.
И вы, молодцы, только слушайте:
Как я первой раз прогаркаю —

Так вы седлайте-ко добрых коней,
А как дру́гой раз прогаркаю —
Так вы садитесь на добрых коней,
А как на третий раз прогаркаю —
Так поезжайте-ко вы к войску литовскому
И рубите-ко войско литовское».
И тут Никита Романович
Обернулся он черным вороном,
И полетел он к шатрам литовскиим.
Осмотрел шатры он все литовские:
У них оружие всё поразбросано,
Без присмотру кони ходят во чистом поли.
И тот Никита Романович
Обернулся он серым волком,
И на коней он набросился,
По чисту полю он их поразогнал,
Многим он глотки перекусывал
И многих загнал в реку Березину,
Которы тут и утопилися.
Горностаюшком Никита тут обвёртывался,
И стал он тут у луков тетивочки откусывать,
А у сабелек острея да откусывать,
От кремнёвых ружей кременья в землю закапывать.
И бежит он ко белу шатру,
К тому шатру, в котором сидит его племянница
Со своим сыном малолетниим,
И говорит она своему сыну малолетнему:
«Если бы знал об этом мой родной дядюшка,
Тот Никита Романович,
Он повыручил бы нас от силы вражеской».
И говорит тут ей малолетний сын:
«Ох ты гой еси, родна матушка,
А как наш-то родной дядюшка
Он горносталем бегат по белым шатрам».
Услыхали тут голос ребеночка
Те племяннички Чембаловы,
И скомандовали оны своему войску литовскому:
«И гимать горносталя белого».
И поднялося на ноги все войско литовское,
И закрыли горносталя белого
Большой шубой соболиною.
А Никита Романович догадлив был,
Он в рукав из шубы повыскочил

И обернулся черным вороном,
И садился он на дерево,
И прогаркал он в первый раз.
И говорят тут два племянничка
Храброго князя литовского:
«А не гаркай ты, не гаркай, черный ворон,
Убьем мы тебя из туга лука
Той ли стрелочкой калёноей».
И прогаркал тут ворон второй раз.
И говорят тут племяннички:
«А не гаркай ты, черной ворон,
Мы убьем тебя из туга лука
Той ли стрелочкой калёною».
И прогаркал ворон в третий раз.
И говорят тут племяннички а того ли князя литовского:
«Все равно мы убьем тебя из туга лука».
Но как те молодцы русские, московские,
Они по первому гарканью ворона —
Оседлали своих добрых коней;
А по второму гарканью ворона —
На добрых коней садились;
А по третьему гарканью ворона —
На литовскую силу бросалися.
И тут литовские вороны
За добрых коней они схватилися,
А не могли их найти во чистом поле,
Брали они в руки тут лука
И стали их натягивать,
Но у луков тетивочки полопали,
И хватались они за сабли вострые,
И у сабель острия все повыломаны.
А за это за все времячко
Их рубила сила руськая,
Тое ли войско московское,
И прирубило их до единого.
И подходит тут Никита Романович
К этим двум племянничкам литовским,
Он ведь старшему глаза выкопал,
А меньшему ноги отрубливал,
И посалид он меньшего на старшего,
А безногого на безглазого,
И отправил их в Землю Литовскую
Ко своему дядюшке Чембалу храброму,

И сказал им таковы слова:
«Скажите вы привет своему дядюшке
От всех князей да от русскиих,
Что пускай не ходят воевать на Землю Русскую,
Они все побеждены будут князьями русскими».

№ 551

ПРО КОРОЛЯ ЛИТОВСКОГО

Во городи как было во Литовьскоем,
Наш король-то был да Литовьский,
Собёрал-то король Литовьськиий,
Собёрал да ён да почесной бал,
А всих-то ён панов как татаровей на бал созвал.
Ну вси как пана да татарове,
А вси как тут да на балу были
У того ли короля оны Литовьского.
Сиди́ли за столамы за дубовыма
И и́ли оны, пили тут и кушали.
Почесной-то как был стал при ве́чери,
Вси пана да вси татарове
А стали как оны да при весели
У того ли короля оны Литовьського,
Пановськой силы оны татарьской порасхвастались.
У того ли короля как у Литовьського
А было два любимых племянничка,
Два сильниих могучиих бога́тыря,
Сиди́ли за столами за дубовыми
У того ли короля оны Литовьського,
А у ро́дного да тут у дядюшки,
Ну не и́ли, как не пили да не кушали,
А билой либеди ёны не рушили.
Ну приклонили как свои буйны́ головушки
Ниже плеч ёны да могучиих,
А притупили как оны да очи ясныи,
Притупили тут да во кирпицной пол.
Ну король ищё тут да Литовьськиий
По балу да ён похаживал,
А на дубовый стол да посматривал,
Ну говорит как тут король да Литовьськиий,
А говорит как ён да таковы слова,

А говорит как королевым ён племянничкам:
«А любимыи мои да племяннички,
Ну сильныи могучии бога́тыри,
А по прозваньицу вы были витнички,
А королевыи были племяннички,
Сидитё вы за столамы за дубовыма
А у родного да вы у дядюшки,
А разве кушаньи мои вам не по разуму,
А напитушки не по уму пришли,
А незгодушку как вы да зачуяли,
А рать-то силу нунь да во чисто́м поли́».
А говорят тут королевьськии племяннички,
Того ли короля ёны Литовьського,
Говорят ёны как ро́дному дядюшке
А королю оны да Литовьському:
«А родный как ты наш дядюшка,
А король ты есь да Литовьськиий,
Ну как кушанья твои нам по разуму,
А напиточки твои да по уму пришли,
Ну незгодушки как мы не зачуяли,
А рать-то силы нунь да во чисто́м поли.
Как мы не можем терпеть мы больше славушки
А от Романа мы да Митриёвича.
Ну во матушки да тут во Россиюшке,
А в Москвы-то там да билокаменной
А князь-то еще есь-то там Роман-то Митриевич,
А про его да и́дет да славушка,
Славушка идет да по белу́ свету,
А про Романа еще про Митриёвича,
А про князя про того да про московьського».
Ну говорят тут королевскии племяннички,
Ну сильнии могучии бога́тыри,
А по прозваньицу ёны были витнички,
Ну говорят королю ёны Литовьському:
«Ай ты ро́дный наш да был дядюшка,
Ай король да весь есь Литовьськиий,
А давай-ка нам силы сорок тысячей,
Всё латничков давай да кольчужничков,
А силу ты дай на добры́х конях,
Пойдем мы во матушку Россиюшку,
А в Москву-то ищё мы билокаменну
А к Роману мы как тут Митриевичу,
А ко князю мы ко московьському.

Ну Москву-то билокаменну огнем пожгем,
А Романа Митриевича во плен возьмем».
Ну говорит как тут король да Литовьскиий,
А говорит любимыим племянничкам,
Ну сильныим могучиим богатырям:
«Вы любимыи мои да нунь племяннички,
Сильныи могучии да вы богатыри,
Не идьте вы во матушку Русиюшку,
А в Москву как нунь билокамённу
Ко Роману вы ко Митриевичу,
А ко князю вы да ко московьському,
Ну Роман-то Митриевич хитёр-то есь,
Ён по темну лесу как рыскат волком серыим,
А по частым полям летат черным вороном,
По крутым горам скаче горностаюшком,
А потерпел как от его я тут славушки,
Терпел как я век да и по́веку
От Романа-то как я Митрие́вича,
А от князя тут от московьського.
А кто никак во матушку Русиюшку не езживал,
А в Москву как нунь билокамённу,
Ну к этому Роману Митриёвичу,
А ко князю ли тут да московьському,
Оттуда-то никто как живой и не приезживал».
Но говорит как тут король да Литовьскиий
А говорит любимыим племянникам:
«Ну идьте вы во Землю Лимоньскую
Там земля-то есь да богатая:
А много там как красного золота,
Много там как цистого се́рёбра,
А много там как есь скачного жемчуга».
Ну король-то еще да тут Литовьскиий
Направлял любимыих племянников,
Ну сильных могучиих бога́тырей,
По прозванью ёны да были витнички,
А во Землю как их Лимоньскую
К тому ли королю как Лимоньскому.
А дал как силы им да сорок тысячей,
Всё ратничков да всё кольчужничков,
Всё силы давал да на добры́х коня́х.
Ну ты, витнички, как тут же королевыи племяннички,
Ну сильныи могучии богатыри,
А ёны и́хали во Землю Лимоньскую,

Со панамы как ёны со татарамы,
А силы как было у их да сорок тысячей,
Всё пана былѝ да всё татарова.
Приезжали как во Землю Лимоньскую,
Разоряли Землю нунь Лимоньскую,
Убили короля оны Лимоньского,
А забёрали мужиков ёны лимоньскиих,
А мужиков-то забёрали толпами нунь,
А красных бабец да рядамы-то,
А красных девушек ёны да толпушкамы,
Отправляли как оны в Землю Литовьскую
Ко тому королю оны Литовьскому,
А ко родному оны ко дядюшке.
Ну красно золото катили нунь на телегах ордыньскиих,
Ну красна золота катили, циста сéрёбра,
Ну циста серёбра да скатна земчуга,
Ну всё оны во Землю Литовьскую.
Ну выезжали как оны на чистó полё,
Эти витнички как королевыи племяннички,
Ну сильныи могучии богáтыри,
Ну со панамы как оны со татарамы,
А силы как у их было сорок тысячей.
Говорили как ены же ищё тут таковы слова,
Говорили как оны промеж собою-то:
«А братьича были мы да рóдныи,
А рóдныи были однокровныи,
Поездка как така удацная,
Поездка пала нам счасливая,
Пойдем-ка во матушку Россиюшку,
А в Москву как мы билокамённу
А ко Роману ищё мы Митриевичу,
А ко князю как тут ко московьському».
Ну эты витнички как тут ли королевы племяннички,
Ну сильныи могучии богáтыри
Ну ехали во матушку Русиюшку,
А в Москву оны билокамённу
А к Роману как оны Митриёвичу,
А ко князю тут ко московьському,
А со панамы как оны со татарамы.
Приезжали как в Москву билокамённу,
Ну разоряли города что ни лучшии.
А в Москвы оны билокамённой
Первый город разорили ёны Лягово,

А другой город разорили Коротяево,
А третий город разорили Карачаево,
А четвёртый оны разорили Косый-то уличи.
Ну убили ёны зятя любимого
У Романа оны у Митриёвича,
А сёстру оны тут да во плен взяли́,
А Настасью оны тут да Митриевичну
А с дочéрью как с трехмисячной.
Ну эты витнички как тут же королевыи племяннички,
Ну сильныи могучии бога́тыри,
Ну отъезжали к рубежам оны московьскиим
С панамы тут да со татарамы,
А силы как было-то нунь у их сорок тысячей.
(*Не мало силы*!).
Ну приезжали к рубежам оны московьскиим,
Выходили тут оны да со добры́х коней,
Ну спускали как ёны да добрых коней
А на травку как ёны на шелко́вую,
На пшеницю ёны тут да билоярову,
Ну разбросали тут ёны свою орудию,
А раскинули палатки свои биленьки,
А стали ждать тут осени богатую,
Когда выростит боран с кучу ён,
Когда выростит ядрён овес,
Когда выростит пшёнича билоярова.
А ждут как тут оны да осени богатую.
(*Войска-то не мало — сорок тысяч, кормить чем? Запас весь вышел.*)
У Романа тут Митриевича
А в Москвы-то нунь билокамённой
А был-то у его да почесный пир,
А на пиру-то как князя-бояра на пиру были,
Вси руськии могучаи бога́тыри,
А все войско еще было любимое,
А дружина еще была храбрая
На том ли на пиру на почесноем
У Романа еще тут Митриёвича,
А у князя нунь у московьского.
А налётал-то еще тут да черно́й воро́н,
А садился еще воро́н на зеленый сад,
А на садовую да ён на яблуню,
А напротих как Романа Митриёвича.
Ворон граял еще тут по-ворониному,
А говорил как ён по-человечьему:

«А ешь да пьешь, да наслаждаессе,
Над собой невзгоды не начаешьсе».
Говорил как ён Роману Митриевичу,
А князю как тут да московьському,
А Роман-то еще есь Митриевич-то
А князь бы еще есь московьському:
«Ну теби как в Москву билокамённу,
А со города как тут со литовьського,
От того ли короля от Литовьського
Наехало как два же тут любимых племянника,
Два сильныих, могучиих бога́тыря,
А по прозва́ньицю оны да были витнички,
Королевыи были племяннички,
Со панамы как ёны со татарамы,
А силы как у их сорок тысячей.
(*Не мало силы было*!),
Ну у тебя как в Москвы билокамённой
Разорили города что ни лутшаи,
Ну убили твоего зятя́ любимого,
А сестру как твою ёны во плен взяли,
Ну с дочерью оны с трехмисячной,
Ну эты витнички, королевыи племяннички,
Отъехали как ёны к рубежам московьськиим,
Там-ко ждут ёны да осени богатую».
А Роман ищё тут Митриевич,
А скочёл-то ён тут на резвы́ ноги́,
А говорит-то ищё ён таковы слова,
Говорил князьям да боярам ён,
А руськиим могучиим богатырям,
Своему он войску любимому,
Ну дружины как говорил он храброю:
«А войско как моё же любимое,
А дружина моя была храбрая,
Получил я весточку нерадостну,
У нас как тут в Москвы белокамённой,
А со города литовьского
Наехали как того ли короля да Литовьського
Два любимых племянничка,
Два сильныих, могучиих богатыря,
По прозваньицу ёны да ведь витнички,
Ну королевыи любимыи племяннички,
Со панамы ёны со татарамы,
Ну силы как у них да сорок тысячей,

Ну разорили как Москвы белокаменной
Города ёны что ни лучшии,
Ну убили моего зятя любимого,
А сёстру как мою во плен взя́ли,
Настасью как тут Митриёвичну,
А с дочерью как оны с трехмисячной.
А отъехали оны как к рубежам московьськиим,
А ждут оны как осени богатую,
Но пойдем-ко мы след да с угоною,
К рубежам как мы да московьськиим».
Но Роман-то еще тут Митриевич-то,
А князь-то еще был московьський ён,
А в Москвы как белокамённой,
А собёрал как войско любимоё,
А собёрал как дружину храбрую,
А войска собёрал да сорок тысячей
(*Не мало старик войска закатил*!),
Всё латничков да тут кольчужничков,
А силу собёрал да на добрых коня́х,
Ну Роман-то еще тут Митриевич-то,
Со своей-то ён дружиною как с храброю,
А ехал как след да с угоною
К рубежам как ён да московьськиим.
Ну выезжали как е́ны на чисто полё,
А сустигла как тут их темна ноченька,
А Роман-то еще тут Митриевич ведь,
А князь-то как нунь да московьськиий,
А говорит-то ён войску любимому,
А говорит-то ищё ён таковы слова:
«А дружина ищё моя была храбрая,
Выходи-ка же тут со добрых коней,
А кормите-ко же вы да добрых коней,
А не травонькой да шелко́вую,
А пшеницею да вы белояровой.
А я-то как пойду по чисту полю».
Ну, дружины-то как ён наказывал:
«А дружина как была моя храбрая,
Я поутрушку как ранешенько
А закрычу как тут я черным вороном —
Вы седлайте-ко же да добрых коней;
Дру́гой раз я закрычу как черным вороном —
Вы садитесь-ка да на добры́х коней;
А в третий как закрычу я черным вороном —

Приезжайте ко мне вы на добрых конях;
Вся дружина тут моя да храбрая».
Ну, Роман-то еще тут Митриевич
А пошел как ён по чисту́ полю,
А овернулся как тут ён волком серыим,
А у панов как ён у татарове́й
А разогнал как ён коней по темну лёсу.
Ну Роман-то еще тут Митриевич-то
Прибегал как ён ко белы́м шатрам,
А там-то нуньку спали как паны да татарова,
Спали эти витнички, как тут же королевыи племяннички,
Ну сильныи, могучии бога́тыри,
А орудия у их поразбросана.
Ну Роман-то еще тут Митриевич-то
А выломал как ён сабли вострыи,
Ну притупил стальни штыки,
Ну в луках-то как ён самострельныих
Повыгрыз тут ён тя́тивки шелко́выи.
Ну, Роман тут Митриевич-то
Овернулся ён горностаюшко,
А заскакал как тут во бело́й шате́р,
А гди спали эты витнички, как тут же королевые племяннички,
Ну сильныи могучии бога́тыри,
Ну не спала как сёстрича его милая,
А Настасья еще тут Митриёвична,
А Настасья еще тут Митриёвична
А дочери тут да приговариват:
«Ну спи-ко, дочь нунь моя милая,
А спи-ко ты, дитя мое любимоё,
Ну не знат как тут, не ведат твой-то родный дядюшка,
А Роман-то тут Митриевич ведь,
Кабы знал-то, ведал-то тут Митриевич ведь,
Ну повыручил нас с невзгоды великою».
Ну младень-то еще тут воспроговорил:
«А не плачь как, моя ты ро́дна матушка,
А ту есь как мой-то родной дядюшка
А во белом шатри да горносталюшкой».
Ну эты витнички, как тут же королевыи племяннички,
А речь-то эту нунь да услышали,
Как скочили же ёны на резвы́ ноги́,
Хватили ёны шубу соболиную,
А кинули ёны на горносталюшка,
На Романа тут Митриевича.
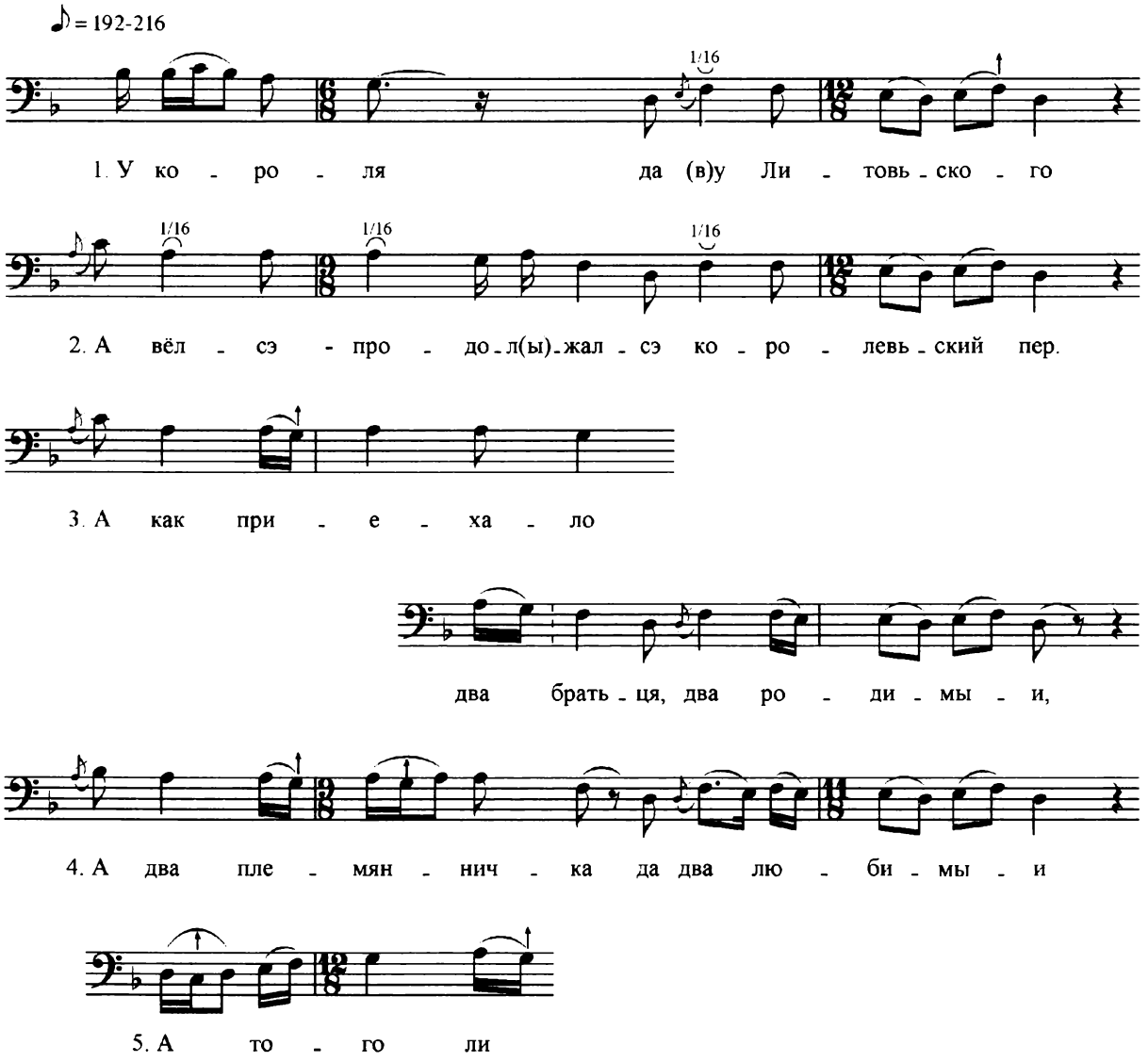
А Роман-то Митриевич как хитёр-то был,
А выскочил тут в рукав ён шубною,
Ну выскакивал как ён со бела шатра,
Овернулсе тут ён черным вороном,
А вылетал как ён на дуб на высокии,
Ну закрычал как ён по-ворониному
Ну своему как войску ён любимому,
А дружины ён да храброю —
Ну войско как его да любимое,
А дружина вся храбрая,
Ну сёдлали как ёны да добрых коней;
А Роман-то тут Митриевич
А крычал другой раз по-ворониному
Своему войску-то любимому,
А дружины да своей да и храброю.
Ну войско как его да любимое,
А была ведь всё как храбрая,
А садились как ёны на добрых коней.
А эты витнички, как королевыи племяннички,
Ну сильныи могучии богатыри,
А со панамы как ёны со татарамы
Выбегали тут со белых шатров,
Ну хватили как лука самострельныи,
А говорят ёны таковы слова:
«А черной ворон — как птица нунь поганая,
А мы тебя как сейчас убьем,
Ну тушу твою спустим на сыру землю,
А кровь-то как прольем по сыру дубу,
Ну крылья тут распутим по чисту полю».
Схватились за луки как самострельныи,
А в луках как тут были тя́тевки да тут погрызены,
Ну бросали как лука самострельныи,
А хватали тут сабли вострыи,
А сабли вострыи были у их поломаны.
Ну бросали как ены сабли вострыи,
А хватали тут ены стальни штыки,
А стальни штыки как были призатуплены.
Ну нечим тут убить как черна ворона.
Ну схватились как ены за добрых коней,
А добры кони как тут ли по темну лесу разгонены.
Ну, Роман-то еще тут Митриевич-то
Третий раз крычал еще ён по-ворониному,
Своему войску ён любимому,
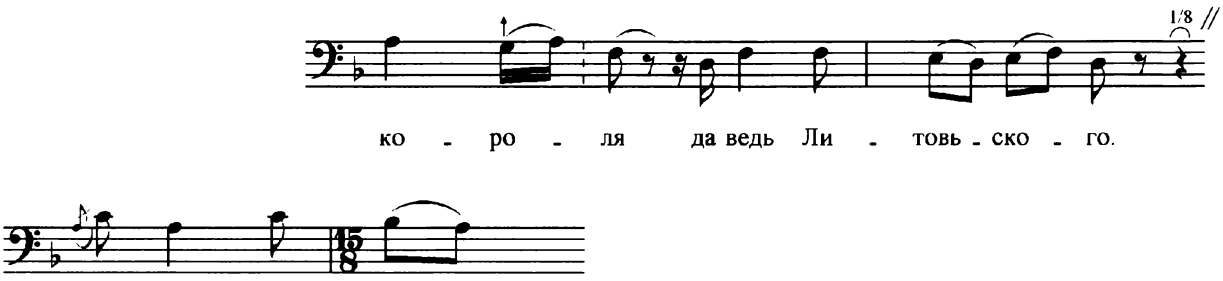
А дружины ён да храброю —
А наехала дружина его храбрая,
А как все войско было тут любимое.
Ну пересикли вси тут дороженьки,
Ну окружили панов ёны татаровей,
Открыли ены бой кроволитные.
Ну Роман тут Митриевича,
А дружинушка как была его храбрая,
А прибили всих ёны татаровей.
А Роман еще тут Митриевич-то
Етым витничкам, как ён же королевыим племянничкам,
Ну сильныим могучиим бога́тырям,
Одному-то ён сломал да резвы́ ноги́,
А другому-то копал очи ясныи,
Ну безногого садил на безглазого,
А садил как ён, приговаривал:
«Ну, безглазый, ты неси-ко безногого,
А глазамы ты дорогу показывай,
Ну подьте вы во город литовьскиий,
А ко тому ли королю да Литовьському,
А ко родному да ко дядюшки,
А не идьте во матушку Русиюшку,
А в Москву как тут билокаменну
И ко мне ко Роману Митриевичу».
А Роман-то еще тут Митриевич,
А с дружиной ён да и с храброю,
А забрал ён тут всю орудию.
Ну ехал как в Москву билокамённу,
Ну приезжал как ён во Москву билокаменну
Со дружиной со своей да с храброю,
А тут раздернул ён да почесной пир.
А вси как тут же нунь на пиру были́
У Романа нунь Митриевича,
А у князя еще тут у московьського,
Вся дружина была его храбрая
Ну на том ли на пиру на почесноём
У Романа тут у Митриёвича,
У князя нунь у московьського
Вси были́ да тут пьянешеньки,
А вси были́ как тут да веселешеньки,
А на пиру как тут да на почесноём.
А Роману Митриевичу слава как шла,
А слава как ему да по белу́ свету,
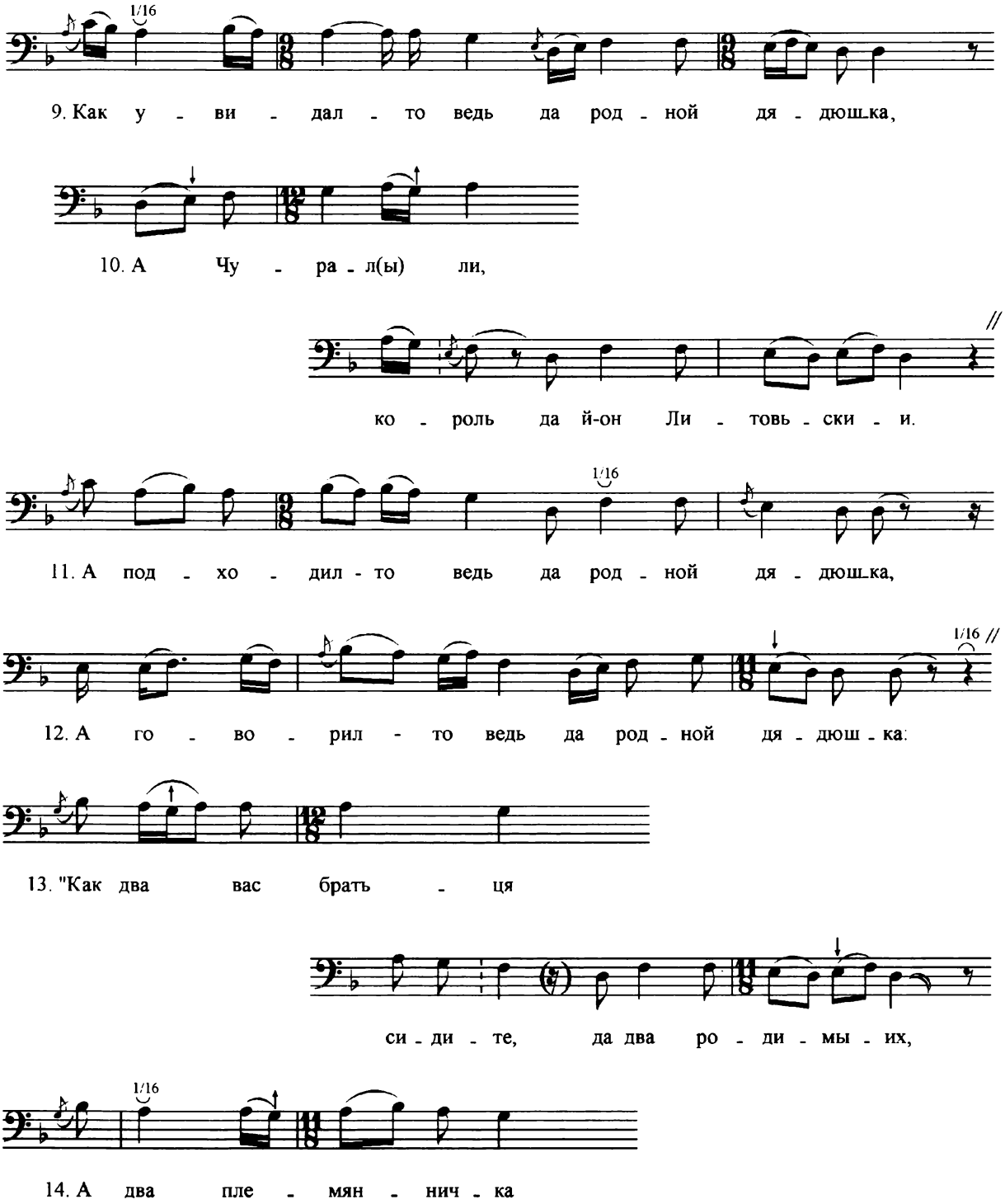
А Роман еще тут Митриевич ведь
А князю как нунь московьському
Всё тут ему слава шла да всё тут.
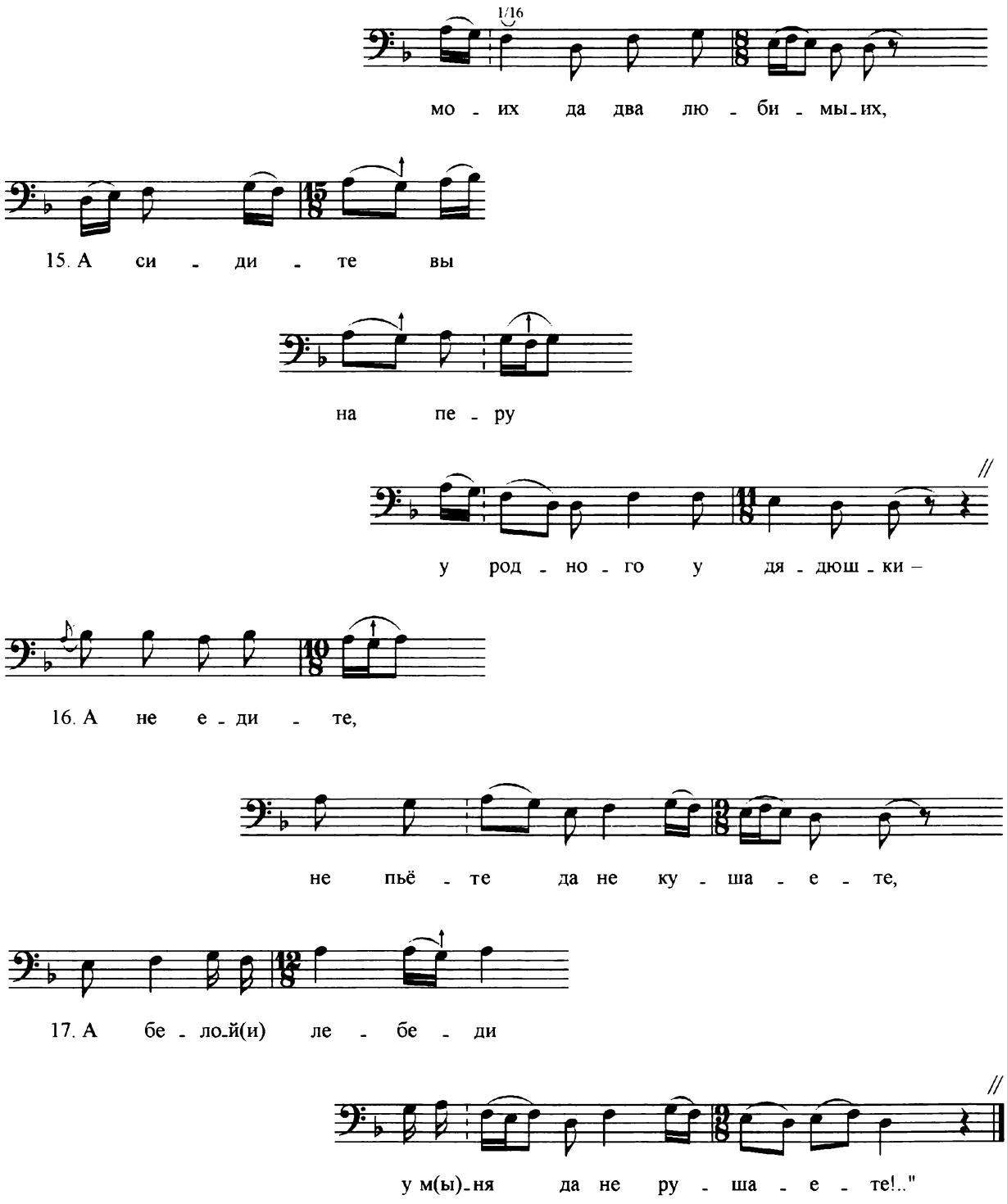
№ 552

ПРО КОРОЛЯ ЛИТОВСКОГО

1/8 //
ко - ро - ля да ведь Ли - товь - ско - го.
6. А как си - дят
на пе - ру
у род - но - го
й-о - ны у дя - дюш_ки,
7. А не е - дят си - дя,
1/16
не пьють й-о - ны, не ку - ша_ют,
1/16
1/8 //
8. А бе - лой ле - бе - ди й-о - ны не ру - ша - ют.
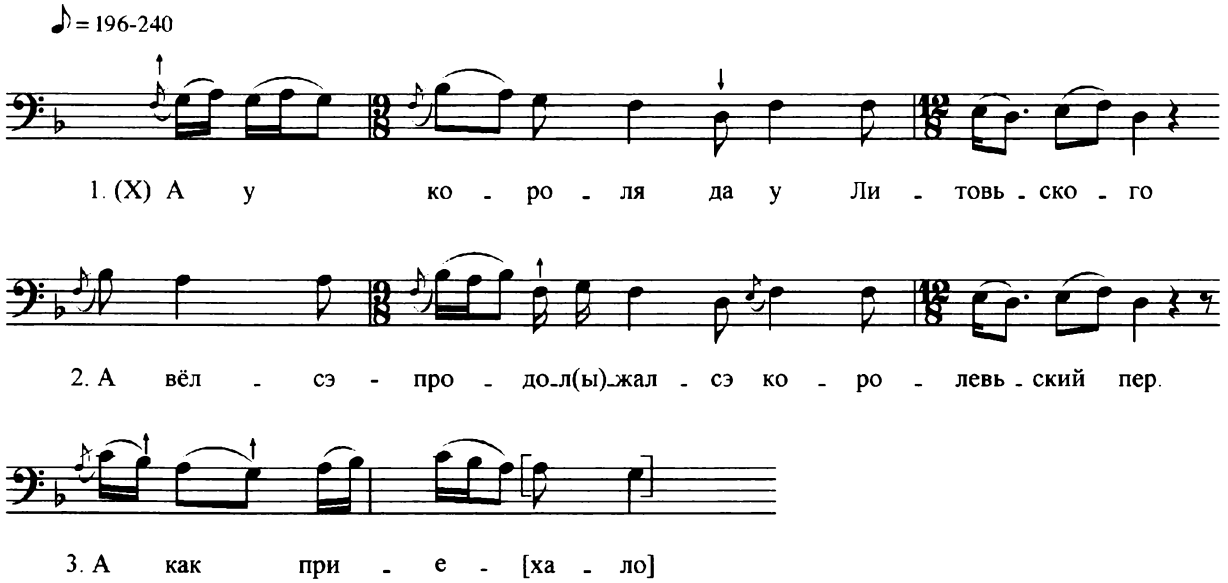

1/16
9. Как у - ви - дал - то ведь да род - ной дя - дюш-ка,
10. А Чу - ра - л(ы) ли,
ко - роль да й-он Ли - товь - ски - и.
1/16
11. А под - хо - дил - то ведь да род - ной дя - дюш-ка,
1/16
12. А го - во - рил - то ведь да род - ной дя - дюш - ка:
13. "Как два вас брать - ця
си - ди - те, да два ро - ди - мы - их,
1/16
14. А два пле - мян - нич - ка
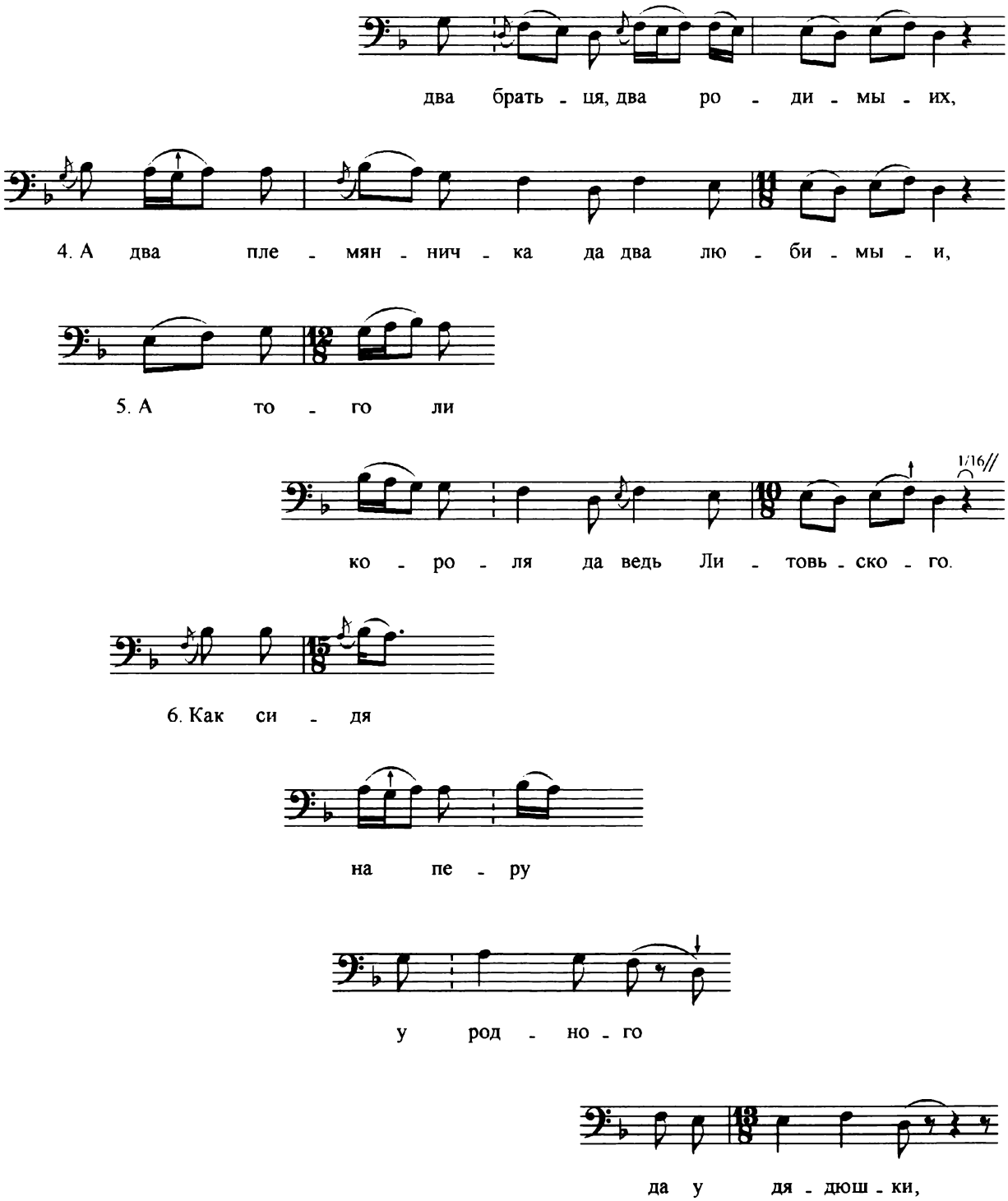

1/16
мо - их да два лю - би - мы-их,
15. А си - ди - те вы
на пе - ру
у род - но - го у дя - дюш - ки –
16. А не е - ди - те,
не пьё - те да не ку - ша - е - те,
17. А бе - ло-й(и) ле - бе - ди
у м(ы)-ня да не ру - ша - е - те!.."
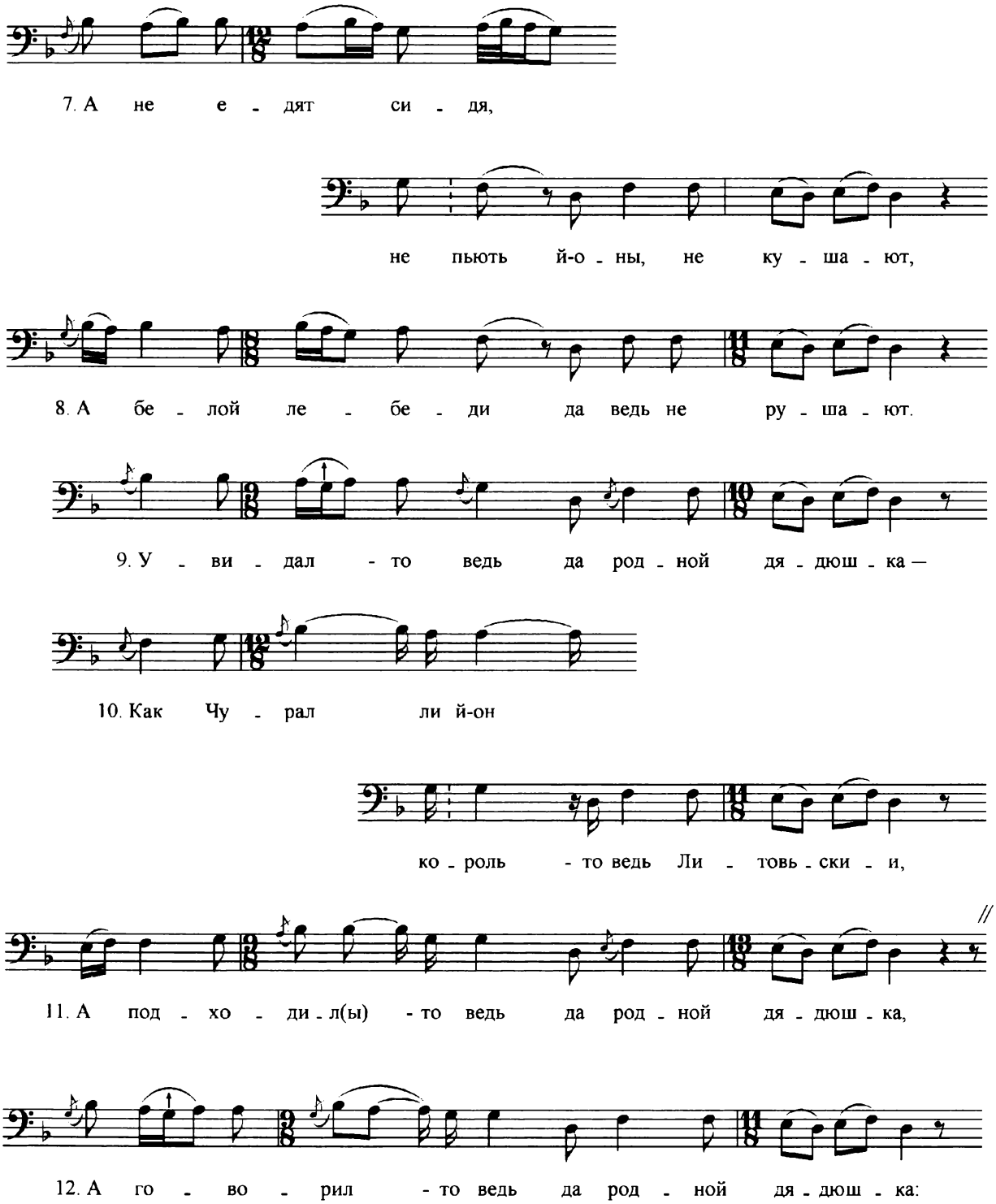
У короля да (в)у Литовьского
А вёлсэ-продол(ы)жалсэ королевьский пер.
А как приехало два братьця, два родимыи,
А два племянничка да два любимыи
А того ли короля да ведь Литовьского.
А как сидят на перу́ у ро́дного й-оны у дядюшки,
А не едят сидя́, не пьють й-оны, не кушают,
А белой лебеди й-оны не рушают.
Как увидал-то ведь да ро́дной дядюшка,
А Чура́л(ы) ли король да й-он Литовьскии,
А подходил-то ведь да ро́дной дядюшка,
А говорил-то ведь да ро́дной дядюшка:
«Как два вас братьця сидите́, да два родимыих,
А два племянничка моих да два любимыих,
А сидите́ вы на перу́ у ро́дного у дядюшки —
А не едите, не пьёте да не кушаете,
А белой(и) лебеди у м(ы)ня да не руша́ете!..»
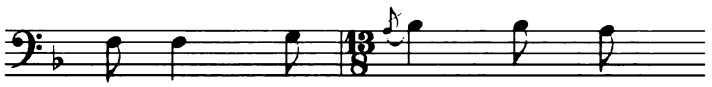
№ 553

ПРО КОРОЛЯ ЛИТОВСКОГО
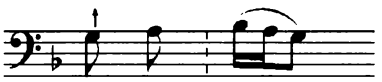

два брать - ця, два ро - ди - мы - их,
4. А два пле - мян - нич - ка да два лю - би - мы - и,
5. А то - го ли
ко - ро - ля да ведь Ли - товь - ско - го.
6. Как си - дя
на пе - ру
у род - но - го
да у дя - дюш - ки,
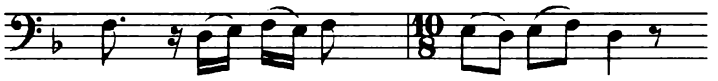

7. А не е - дят си - дя,
не пьють й-о - ны, не ку - ша - ют,
8. А бе - лой ле - бе - ди да ведь не ру - ша - ют.
9. У - ви - дал - то ведь да род - ной дя - дюш - ка —
10. Как Чу - рал ли й-он
ко - роль - то ведь Ли - товь - ски - и,
11. А под - хо - ди - л(ы) - то ведь да род - ной дя - дюш - ка,
12. А го - во - рил - то ведь да род - ной дя - дюш - ка:
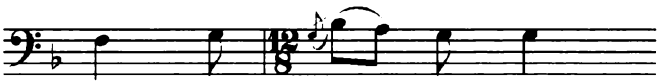

13. "Как си - ди - те - то вы
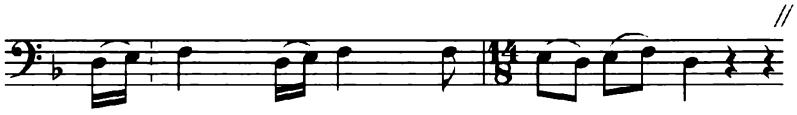

на пе - ру
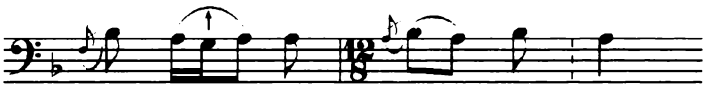

дак и ведь у дя - дюш - ки

14. Как два брать - ця - то
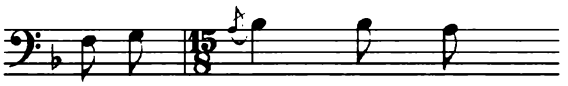

да вас да два лю - би - мы - их,
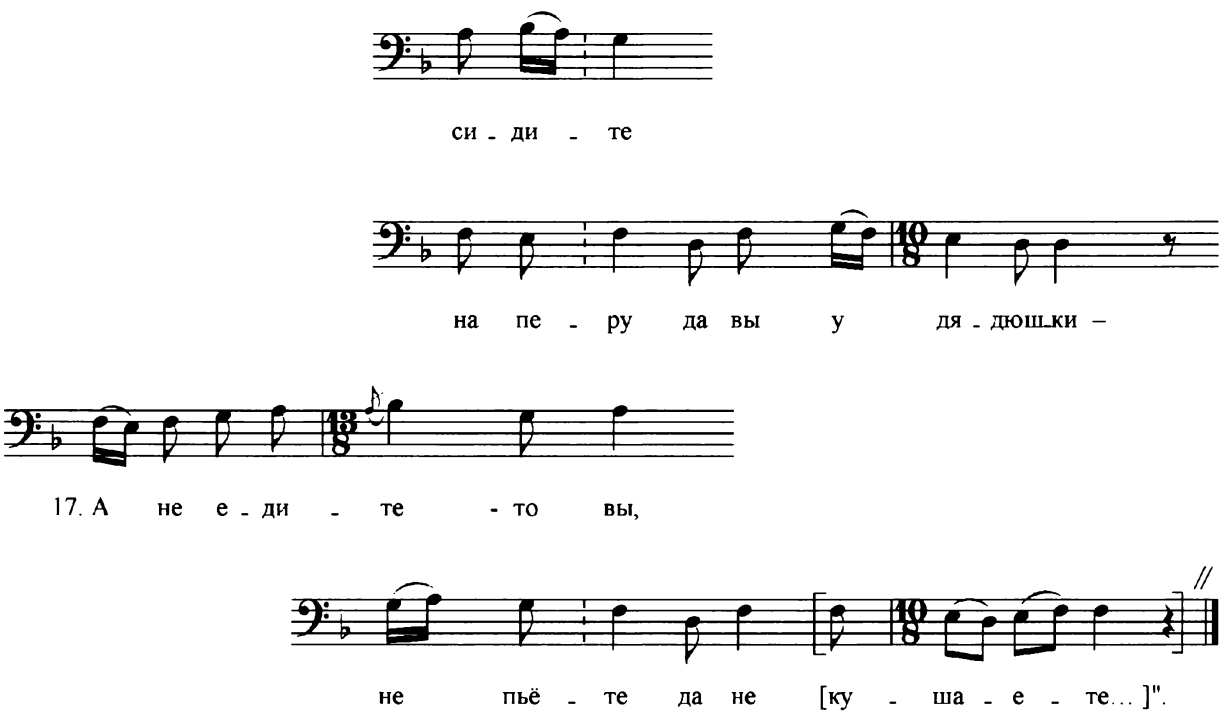

15. И два пле - мян - нич - ка

мо - их да два лю - би - мы - их,

16. А у род - но - го

(Х)А у короля да у Литовьского
А вёлсэ-продол(ы)жалсэ королевьский пер.
А как прие[хало] два братьця, два родимыих,
А два племянничка да два любимыи,
А того ли короля да ведь Литовьского.
Как сидя́ на перу у ро́дного да у дядюшки,
А не едят сидя́, не пьють й-оны, не кушают,
А белой лебеди да ведь не рушают.
Увидал-то ведь да ро́дной дядюшка —
Как Чура́л ли й-он король-то ведь Литовьскии,
А подходил(ы)-то ведь да ро́дной дядюшка,
А говорил-то ведь да ро́дной дядюшка:
«Как сидите-то вы на перу дак и ведь у дядюшки
Как два братьця-то да вас да два любимыих,
И два племянничка моих да два любимыих,
А у ро́дного сидите́ на перу́ да вы у дядюшки —
А не едите-то вы, не пьёте да не [кушаете...]».

№ 554

СИЛЕВАН, КОРОЛЬ ЗЕМЛИ ЛИТОВСКОЮ

Силеван, король Земли Литовскою,
Собрал он почестен пир,
Всих князей, всих бояровьев,
Сильниих могучиих богатырев,
Всих богатыих витязев.
Вси на пиру пьяны-веселы.
Сидят славных два витязька,
Два королевскиих племенницка,
Не едят, не пьют, ды не и кушают.
Ходит король по гривди по столовою:
«А что вы, славные витязьки мои,
Не едите, не пьете, ды и не кушаете,
Како ли зло, видно, на дядю думаете?» —
«Хоцем съездить на святую Русь повоевать». —
«Ай вы, любимыи племенницки,
Был я в молоду пору
И находился от Романа Митриевича раскоракою,
А вам буде, детушки, честь особая».
Брали силы сорок тысяцей,
Золотой казны, колько надобно,
Поехали на святую Русь.
Попленили два села пересельскиих,
Пересельскиих что не лучшиих,
Настасью Митреевичну в полон взяли
С младеньцем трехмесячным.
Пала весть Роману Митриевичу,
Что взята Настасья в полон, сестра.
Скоцил он на резвы ноги,
Фатил булатней нож,
Ткнул ножом во дубовый стол —
Проскоцил нож скрозь дубовой стол.
«Ох ты, стара седина, седата бо́рода,
Чего ты, старось, ко мне привязаласе,
Неужели улетела во цисто поле,
А во цисто поле ясным соколом,
А по памятки, по грамотки,
По глубокою своей старости?
Неужели [помыкать] мне своей старостью?
Да сходить мне во чисто́ поле

К тым славныим ко витязькам,
К тым королевскиим племенницкам».
Брал силы сорок тысяцей,
Поехал он во цисто поле,
Приехал он опять ко Почай-реки.
«Вот ты, — гов⟨ори⟩т, — сила-войско любимое!
Пейте воду со Почай-реки,
А режьте жеребьи с березины:
Которы жеребьи поверх пойдут —
Та сила зде живи,
А которы на дно падут —
Дак тая сила домой воротись».
Походит силы и наказыват:
«Вот ты, сила, слухай грай цёрного ворона,
Как раз я сграю черным вороном —
Ты, сила, справьсе да скольчужьсе;
А как другой раз сграю черным вороном —
Дак чтоб ты, сила, на конях была;
А как в третий раз сграю черным вороном —
Дак чтобы, сила, у меня была,
У меня была, дело делала».
Овернулсе он серы́м волком,
Поскакал волк по цисту полю,
Прискакал волк ко белым шатрам,
У добрых коней горла по́дорвал,
Остальных коней в полё отогнал.
Овернулсе тонким белыим горно́сталем,
У стрелоцек тетивоцки все пересе́к,
Порохову казну всю поза́моцил.
Сидит Настасья Митреевицна
Слезно уливаетсе,
А тот младенец трехмесяцной:
«Не плаць, родитель моя матушка,
Есь наш дядюшка в бело́м шатри́,
Нас с тобой повыруцит».
Нацали горно́сталя полавливать,
Куньей шубою закутывать,
Выскоцил горносталь во лево́й рукав,
Во лево́й рукав — ды с шатра долой.
Вылетел ворон на сырой дуб,
И заграял ворон.
Выходят славные витязьки:
«Ай же ты, ворон птиця вещая,

Каку ты ведаешь невзгодушку?
Возьмем туги луки́,
Пропустим крылья-перья по чисту́ полю,
А кровь прольем по сыру дубу».
Фатилисе за туги луки́ —
У тугих луков тетивоцки пересицены,
Порохова казна вся замоцена.
И другой раз заграял церным вороном —
Вдруг сила подъезжает, к нему двигаетце.
Третьей раз заграял черны́м вороном,
Смотрит ворон во цисто поле —
Бьет сила святорусская окаянныих татаровьев,
Прибили, притоптали войско литовьское.
А этым славныим витязькам,
Королевскиим племенницкам,
Одному взял глаза выкопал,
А другому по колен ноги отсек.
Садит безногого на сле́пого:
«Ты, слепой, неси его домой,
А ты, безногой, дорогу показывай.
И снесите Силеван, королю Литовскому
Низкой поклон от Романа Митриевица,
И скажите, что Роман Митриевиц
На Руси здоров старик живет».
Пошли славные витязьки
В свое царьсво Литовское,
Пришли к Силеван, королю Литовскому,
Принесли поклон от Романа Митриевича.
«Говорил же я вам:
Был я в молоду пору не вашу часу,
Да находилсе раскоракою от Романа Митриевича».

№ 555

ПРО МОНГОЛИЮ

Чемба́ла, Чемба́л, король вот Монгольскии. Собераэтцэ почетный пир, княженецкой стол. И собераэт всих князей да боя́ровей. Ну и вот, собрали́сь вси князья-боя́рова у ёго́-й, сидят-сидят, пьют да кушают (э...) за столом да веселятцэ. Сидят два его́вых любимыих племянника. Не едят, ды не пьют, да не кушают. Сидит невеселы ды голову повесили. А приходит уж этот(ы), Чемба́л ⟨...⟩, король Майго́вский, да и говорит:

«Ох вы, любимыи племянники!

Што вы не идете́, не пьете́ и не кушаэте,
Бе́лого лебедя не рушаэте,
Не пьете́ вы вина́ вы заморьскиих?
Да как же, тут такой (мм...) праздник, а вы сиди́тё невеселы,
До́бры (мм...) бе́лы... свои голову повесили?»

А говорит: «Ох ты, жаланный дядюшка! У нас, — говорит, — бы дум... большая дума надумана». Говорит: «Знаэшь, мы, — говорит, — дай ты нам, — говорит, — (э-мм...) людей — солдат сорок тысець, во́йска сорок тысецей, а золотой казны — сколько потребуетце. А мы пойдем, — говорит, — на святую Русь». А говорит(ы): ⟨...⟩ «Всю Русь, — говорит, — насквозь пройдем мы с этой силой, — говорит, — и... и царя вы́вёдём».

Ну ладно... Так(ы) и-й это и прошло. Й-он их унима́т, а им над' поехать на святую Русь. Ну, все-таки решилса-й он дать, решилса король, ⟨...⟩ король там, решилса Монгольской. Дал им(ы) й-эты во́йска любимого сорок тысецей, золотой казны — сколько им надобно, и вот й-оны и поехали к нам на лошадях (у их им машин нету).

Поехали... Едут на лошадях. Приехали на по́лё брани, белы́ шатры роскинули, лошадей поставили они там на зелену траву, всё поставили (это поле брани было раньше). Ну, и потом вдруг (э-у...) дали царю, што вот, наехали вольскоём, воева́ть приехали монголия.

Ну, а посол пришел от царя к Ильи Муромцю. «Ох, — говорит, — Илья Муромець! — говорит. — Монголия воевать наехала!» А-й он(ы), й-он лежал или сидел та́ма. Вскочил на́ резвы ноги.

«Ох, — говорит, — ста́ра старина́, седа́-та борода!
Я, — говорит, — был(ы) в молоду́ пору́, дак не в эту лосу́».

Он говорит: «А не над'ли мне, — говорит, — исще стряхнуть ста́рой старос⟨т⟩ью, а седой бородой — а съиздить во чисто́ поле?»

Схватил булатный нож,
То́рнул ⟨...⟩ нож во дубо́вой стол,
А прокати́лсы... пролетел стол во кирпичный пол.
А говорит: «Ста́ра старина́, тряхнуть мне своёй старостью?»

Ну вот, и сошел. Сошел, там со́брал тоже во́йска сколько надобно. У их там всего́ набрал запасу (уж ключи, дак обежи́ всё). Собрал, потом (э...) поехали.

Приехали ну ко Почай-реки.
«Ну, войско люби́моё!
Ешьте, пейте, кушайте.
Пейте воду со Почай-реки,
А режьте же́ребьи в бере́зины! ⟨...⟩
Бросайте (мм...) же́ребьи (мм...) во Почай-реку!
Которой же́ребей — поверх воды,
Тот оставайсе здесь,
А которой на дно паде́т,
Тот приезьжай домой!»

Это, ну, жеребья́м выделили... Ну ладно...
«Ешьте, пейте, кушайте,
Да черного ворона слушайте!

Как раз сграе́т черный ворон, штобы был вси: ла́дились-кульчужились.

Дру́гой раз сгра́ю черным во́родом, дак вы, штобы на коня́х была́ (войско на коня́х, да и...).

А если третий раз сгра́ю черным вороном, дак вы, штобы у меня были».

Ну ладно... А-от у их... от их отошел да овернулсэ волком ды поскакал в по́ли брани (там, што у м'ня где там поле брани было). Прискакал, в поле брани вси бел-шатры роскинуты: всих спать позволи́л во всём во́йска у них было. Ждут, уже скоро ле в... посол при́дет. Ай он один, Илья Муровець, приехал — волком поскакал. Пришел, да у лошадей горла вси и вырвал волк. Вырвал, лошадей всих леквидировал. Порохо́ву казну всю замочил, ну...

Потом замочил порохо́ву казну,

Ну, у тугих луков тятёвочки повырезал,

(*Раньше* ⟨...⟩ *луки были, с лука́ стреляли*)

У тугих ⟨...⟩ луко́в тяти́вочки ⟨...⟩ повырезал.

Ну ладно, делать нечего... Потом, потом-от вдруг как этого... ⟨...⟩ Прибежал й-он к шатру, а там сидят два любимых-то племянницька в шатри. Ну ладно... А овернулсэ горносталем и заскочил где в шатер. А там сидит его сестра Марья Романовна при... взя́та в плен. ⟨...⟩ С младе́нцём трехмесячным взя́та уж в плен. Сидит да плачет, слёза́мы уливаэтца. Ну, а си... у ёго маленькой трехмесячный младенець на руках прове́селсэ. «Ай, не плащь, — говорит, — родитель моя матушка! — говорит. — Во шатри-то у нас, — говорит, — здесь (э...) жаланный дядюшка. Нас с-под великой из-под невзгоды повыручит!» И на эты слова его услышили, шчо горносталь бегат по лавки. Ну ⟨...⟩ и потом(ы) взял да давай горносталя закидывать, има́ть горносталя стали. Кидали, кидали горносталя, закинули горносталя черной шубой соболиною. А ведь горносталю смерть не су́жона. ⟨...⟩ Горласта́ль выскоцил в право́й рукав, да со шатра долой. Выскоцил, дак сицяс на дуб выскоцил и сграял черным вороном. Как сграял черным во́родом, дак вся Почай-река сколыхалася. А потом как (э...)

Ку́ды сила-та там скошова́ласе,

Дак вся река Почай (м...) река сколыбаласе.

А когда как сграял второй раз, ⟨...⟩

На коне́й садилисе,

Дак ужо-й земля зашаталасе.

Ну ладно... Потом третий раз как сграял черным вороном, а войско налетело нашо. А ты́я монголия схватиласе за оружиё — у тугих луков тяти́вочки повыстреляны-й, повырезаны. Порохо́ва казна вся замо́чёна. За лошадей схватились, на уезд ехать, а ⟨...⟩ кони лёжа́т — горла вырваны. Ну, вот так и осталисе. Наши налети́ли, да взяли всих, прибили всё войско. Ну ладно... А потом й-он пришел-взял к этому шатру. А сидят два и(м) племянника. Й-он взял... «Ну, што вы, — говорит, — затеяли поехать, — говорит, — (э...) Русь свою взять? А, (э...) давай, — говорит, — што с вами делать?» (Э-мм...) Свою сестру освободил: «Ты поезьжай домой! А освободи, я-с один со с вамы росправлюся». Одному взял ноги по колено отсек, а другу́ — глаза выкопал другому. «Ну ладно, — говорит, — нынь вы поезьжайте домой(и)». А лошадей нет, никого нету. ⟨...⟩ Посадил потом ⟨...⟩ безногого на слепого. «А ты, — говори⟨т⟩, — безногой слепому дорогу показывай!» Бывало, бабушка у нас россказыват: «А поедете, — говорит, — (э... хмм...) приедете к королю Мальгольскии, дак (мм...) скажите большой привет! Илья Муромець на земли́ исщё широ́ко живе́т».

КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА (№ 556—558)

№ 556

КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА

А города было то Крякова,
А села-то ведь было Березина
Снаряжается да убирается
А Лука Петрович, королевской сын,
Да во да́лече-дале́че во чисто полё.
Он долгой день ездил до вече́ра,
А темную ночь до полуночи,
Да не мог себе наехать супротивника,
А супротивника наехать, поединщика,
Ему не с ким розъездить добра коня,
Ему не с ким ростолкать плеча богатырскаго
Да утешить мысли молодецки.
А наехал во чистом поли —
Сидит на дубу на крякновистом,
Ай сидит на дубу тут ведь чорной вран.
Ай сам-то вран — он черны́м-черён,
А крылья у ворона белым-белы,
А белы́м-белы — да будто белый снег.
Говорит Лука Петрович, королевский сын:
«Натяну я ту́гой лук розрывчатой,
Да убью я тя, чернаго ворона,
Пропущу твою кровь горячую
По тому сыру дубу да по крякновисту».
Говорит ему черный вран язы́ком человеческим:
«Ай же ты, Лука Петрович, королевский сын!
А у вас на Руси говорят пословицу:
„А старца убить — не спа́сеньё залучить,
Ай ворона убить — некакую корысть получить".
А есть как да́лече-дале́че во чисто́м поли,
А на поли было на Касимовском,
А ездит там Сокольник на добром кони:
Тебе е с ким розъездить добра коня,
Тебе е с ким ростолкать плечо богатырское
Да утешить те мысли молодецкии».
Поезжат Лука Петрович, королевский сын,
Да на тое поле на Касимовско.
Приехал он на поле на Касимовско,
Ажно видит: там Сокольник на добром кони,

А сам молодец да быв ясён сокол,
А конь тот под ним — будто лютый зверь,
Будто лютый зверь да на рогатину.
А съехались молодцы да поздоровались,
А ударились о́ны в палици булатнии,
А палици до рук да приломалисе.
А ударились оны в копья бурзомецкии —
А друг друга богатыри не ранили.
Да спустились оны́ на сыру землю
Да пошли оны пировым боём,
Пировым боём да рукопашкою,
Ай тут Лука Петрович, королевский сын,
Да сбил он Сокольника на сыру землю,
А сел он тут на белы груди,
Вынимат он ножищо-кинжалищо
И хочет пластать ему груди-ты белыи,
Вынимать у не́го сердце-то да со опеченью,
А в плечи рука да застояласи.
Говорит Лука Петрович, королевский сын:
«Да ты скажи, татарин, не трави собя:
Ты коей земли да ты коей орды,
Коего отця, коей матери,
А как тебя, молодца, именем зовут,
А как величают по отечеству?»
Говорит ему Сокольник таково слово:
«Кабы был я на твоих белых грудях,
Да не спрашивал бы ни имени, ни отчины,
А пластал бы груди твои белыи,
Вынимал бы у тя сердце со опеченью».
Богатырское сердце озверилосе,
Да хватат он ножищо-кинжалищо,
Хочет ему пластать-то груди белыи,
Вынимать у не́го сердце-то с печенью,
А в плечи рука да застояласи.
Он его спрашиват второй након:
«Да ты скажи, Сокольник, не трави себя:
Те́бя, как, молодца, зовут по имени,
Те́бя как величают по отечеству?»
«Я есть города Крякова,
А села-то есть я Березина,
Молодой Василий Петрович, королевской сын.
Когда воевали татарова-касимовцы,
Увезли меня оны в свою землю,

Увезли меня да трехгодоваго.
А у меня остался братец, королевский сын,
Лука Петрович, королевской сын, тремесячным».
Ай тут-то Лука Петрович, королевский сын,
Да скочил он на ножки на резвыи,
Да здымал он братца за ручки за белыи,
Целовал во уста сахарнии:
«Да ты здравствуй, родимый мой брателко!
Да я ведь есть Лука Петрович, королевский сын.
А я слыхал от своей матушки,
Что воевали татарова-касимовци
Да убили-то нашего батюшка,
А увезли в свою землю тебя да трехгодóваго,
А я остался в сели Березини тремесячной».
Говорит Лука Петрович, королевский сын:
«Ах ты братец, Василий Петрович-от!
Да поедем-ко мы в свою землю».
Говорит тут Василей Петрович, королевской сын:
«А поедем-ко к татаровам-касимовцам,
Убьем мы татаровей до единого,
Отместим свою кровь-ту горячую!»
Говорит тут Лука Петрович, королевский сын:
«Ай же ты Василей Петрович, королевский сын!
Да поедем-ко мы к своей матушки».
Да тут поехали оны в свою землю,
Да приезжали оны в город в Кряков-то,
Да приходил Лука Петрович к своей матушки,
Да здравствует свою матушку:
«Здравствуй ты, родитель моя матушка!
А я к тебе привез татарина-касимовца».
Говорит его родитель-та матушка:
«Не могла бы я ни слышати, ни видети,
Про злодеев касимовских татаровей». —
«Ай же ты, родитель моя матушка!
Не татарина привез к тебе касимовца —
Твоего-то сына любимаго,
Своего-то братца родимаго».

№ 557

ДВА БРАТА ИЗ КРЯКОВА

Из того было города из Крякова,
Из той ли улицы Рогатицы,
Из того ли из села да из Березины,
Из того ли двора королевского
Выезжал Петра, королевский сын,
Во тое ли во чисто поле
На тую ли охоту молодецкую.
Он проездил целый день с утра до вечера,
Он никого в поле не видывал
И серóго зайца не пугивал.
Он второй день проезжал во чистом поле,
И не видал он птицы перелетные,
Он и серого зайца не пугивал.
А на третий день поехал он ко синю морю.
И приезжает ён ко синю морю,
И видит плавает на море две лебедушки,
Через перо они золоченые.
И берет тут Петра Петровиц, королевский сын,
Как тугой ли лук да разрывчатый,
Полагает он калёну стрелу.
Говорят тут белые лебедушки:
«Ай же ты, Петра Петровиц, королевский сын,
Не стреляй ты нас, белых лебедушек,
Не пущай ты наших перушков по синю морю,
А и пуху по поднебесью
Да нашей тушици да на само дно.
Не укротить тибе этим
Своего сердца богатырского,
Есь мы не лебеди, а красны девицы,
Живем мы на етих годах уже три года,
Мы прятаемся от злодея-царя заморского,
А поезжай-ко ты во чисто поле,
Во том ли во чистом поле
На большом дубу на староем
Там сидит ворон-птица черная,
На нем крылышки черным-черны,
А на нем перышки белым-белы,
Сидит он на сыром дубу,
А крылья распустил до самой земли.

Такой птицы нигде не видано,
Про такую птицу нигде не слыхано.
Ты убей этого ворона».
И пораздумался тут Петра Петровиц, королевский сын:
«Если убью я белых лебедушок,
Пущу я ихну тушу на морское дно,
А перышки спущу по синю морю.
А тут полетит по поднебесью,
Не укротить мне этим силы богатырския».
И поехал он во чисто поле,
И приезжает ён ко сыру дубу,
И видит он на сыром дубу сидит ворон-птица черная,
На нем крылышки черным-черны,
На нем перышки белым-белы.
Сидит он на сыром дубу,
А распустил крылья до самой земли.
Эдакой птицы не видано,
Про эдаку птицу и не слыхано.
И берет он тугой лук свой разрывчатый,
И стрелочку берет он калёную,
Натянул он свой да тугой лук
И хотел спустить калёну стрелу
Во туго ли што черна ворона.
Тут говорит ему ворон-птица черная:
«Ай же ты, Петра Петровиц, королевский сын,
Не стреляй ты меня, черна ворона,
Не обливай ты дуба кровью ворониною,
И не спущай ты меня да на сыру землю.
Ты слыхал ли поговорку что ли старую:
„Черна ворона убить, что старца в келейке".
Не получишь никакой похвалы молодецкие.
А поезжай-ко ты во чисто поле,
Как во том во чистом поле
Разъезжает татарин — сильный бо́гатырь,
Похваляетца своею силою могучею,
Тут ты можешь силу поотведати».
И тут Петра Петровиц, королевский сын
Черна ворона он послушался,
Поехал он во чисто поле.
И видит он во чистом поле
Разъезжает татарин молодой,
Похваляетца он своей силою,
Он бросает свою шалыгу в вышину поднебесную,

Подъезжает к шалыге и подхватывает,
И сам шалыге приговаривает:
«Коль легко я верчу шалыгой подорожною,
Так легко буду вертеть молодцами русскими,
Богатырями сильными да могучими».
Призадумался тут Петра Петровиц, королевский сын,
Помолился он Богу-Господу,
И матери святой Богородице,
Чтобы помогли они ему справиться
С тем татарином неверным,
И заехал он к татарину,
С бела лица подъехал к нему и поздоровался.
И тут они с татарином сговорилися,
Как им сила друг у друга поотведати.
И розъехались удалы добры молодцы
По тому ли по чисту полю.
Не два ветра в поле слеталися,
Не две тучи на небе сходилися,
Сходилися-слеталися два удалых добра молодца.
Они ударились шалыгами да подорожными,
У шалыг цевья отломилися —
Они тем боем друг друга не ранили.
И второй раз они разъехались
И ударились копьями мурзамецкими.
У копьев носки позагнулися —
Они тем боем друг друга не ранили.
Тянулись через гривы лошадиные,
Один одного не перетягивал,
Лишь добры кони на колен пали.
И сходили они со добрых коней,
И сходилися они в бой рукопашечный.
И тут Петра Петрович, королевский сын,
С детства был приучен бороться на одну руку,
За ремень татарина он подхватывал
И поднимал его выше го́ловы,
И спущал его ниже пояса,
И полагал его на сыру землю.
И вынимает он ножище-кинжалище,
И здынул руку он выше буйной головы,
Он хотел пороть ему да бели груди белые.
Позастоялася его рука что ли сильная
А во том ли плече во могучеем.
И говорит Петра Петрович, королевский сын,

Что тому ли он да татарину:
«Ты скажи-скажи, удалый добрый молодец,
Ты коей земли, ты коей орды,
Коево отца и какой матери,
И как тибя, молодца, зовут именем,
Величают тибя по отечеству?»
Говорит тут татарин таковы слова:
«Тебе просто надо мной насмехатися,
Коль стоишь ты на моей груди.
Если бы я стоял на твоей груди,
Я не спрашивал бы не имени, не отчины,
А скоро бы спорол груди белые».
И говорит тут Петра Петровиц второй раз:
«Ты скажи, удалый добрый молодец,
Ты коей земли, ты коей орды,
Коево отца, коей матери,
Как тебя, молодца, именем зовут,
Величают по отечеству?»
Говорит татарин таковы слова:
«Тебе просто надо мной насмехатися,
Коль стоишь ты на моих на белых грудях,
Если бы я стоял на белых грудях,
Я бы скоро спорол груди белые».
И спросил тут Петра Петровиц, королевский сын,
Третий раз того татарина:
«Ты скажи, скажи, удалый молодец,
Ты коей земли, ты коей орды,
Коево отца, коей матери,
Как тибя, молодца, именем зовут,
Величают тибя по отечеству?»
И говорит тут татарин таковы слова:
«Когда стал ты миня спрашивать,
Я начну тибе сказывать:
Есь я из города из Крякова,
Из того ли села из Березина,
Из той ли улицы Рогатици,
Из того ли двора королевского,
Именем меня зовут Лука Петрович, королевский сын.
Увезли миня татары малолеткина
И воспитали миня до полного до возраста.
И получил силушку великую,
Приобрел я сибе коня богатырского,
И поехал я на святую Русь

Отыскать своего отца с родной матерью».
Тот выходил с [белых] грудей
Петра Петровиц, королевский сын,
И берет он татарина за руку,
И называет его братом родныим.
Он кормил его и поил его,
Сели на добрых коней и поехали
Ко тому ли городу ко Крякову.
Заезжают оны на широкий двор,
И говорит Петра Петровиц да татарину,
Тому ли брату родимому:
«Ты постой немножко на широком дворе».
И стоит Лука Петров, королевский сын,
На широком дворе,
А Петра Петровиц пошел к своей матушке.
Говорит он своей матушке:
«Ай же ты, родная моя матушка,
Я стретил во чистом поле татарина,
Я кормил его и напоил его».
И говорит ему родна матушка:
«Ой ты гой еси, чадо милое,
Молодой Петра Петровиц, королевский сын,
А ты стретил бы в поле татарина,
Не поил бы ты его и не кормил бы его,
А колол бы ты его да рогатиной,
Как колют зверя лютого.
Ведь эти злые татарове
Увезли твого брата Луку Петровица
С нашего двора да малолетниим».
Говорит Петра Петровиц, королевский сын,
Он своей государыне родной матушке:
«Я не татарина стретил во чистом поле,
А я стретил своего брата́ родимаго,
Того ли Луку да Петровица.
Он стоит теперь на широко́м дворе,
Что ль на нашем дворе королевскоем».
И выбегала тут родна матушка на широкий двор,
И увидела она сына ро́днаго,
Того ли Луку да Петровича.
И брала его за руки белые,
Вела в палаты белокаменные
И садила за столы за дубовые,
Носила она им яствушка сахарные,

А питьица носила все медьвяные,
И ложила их спать на кровати тесовые,
На тыи на перины на пуховые.

№ 558

КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА

Как из того ли города из Крякова,
Из большого села из Березева,
Из широкой улицы Рогатицы,
Из того ли двора королевского
Выезжает во чисто поле за охотою,
За той ли охотой молодецкою
Что ль дородный добрый молодец,
Ай Петро Петрович, королевский сын.
Он проездил день да по чисту полю,
Никого он в поле не видывал,
Даже зайца серого не пугивал.
И второй он день проездил по чисту полю,
Никого он в поле не наезживал,
Не видал он зайца серого да и птицы перелетной.
На третий день он поехал к морю синему,
Да и будет он как у синя моря,
Видит он на синем море,
Как плавают да две лебедушки,
Через перышко оне да были золоты.
И как тут Петро Петрович, королевский сын,
Он тугой-то лук от стремени отвязывал,
Из колчана калёну стрелу выдергивал,
Тугой лук он свой натягивал,
На тятивку калёну стрелу накладывал,
Хотел стрелить он белых лебедушок.
Но говорят ему голосом да человеческим:
«Ай же ты, Петро Петрович, королевский сын,
Не стреляй-ко ты нас, белых лебедушек.
Хоть убьешь ты нас, белых лебедушек,
Не укротишь етим плеча могучаго,
Не утешишь своего ты сердца молодецкого.
Не лебедушки мы есте да ведь белые,
Есть мы девушки да две родны сестры.
Мы скрываемсе на ваших водах тихиих

От того царя заморскаго, от татарина поганого.
Мы скрываемся да от него три года,
Улетели от него за море синее.
А поезжай-ка ты да во чисто поле,
Ко тому ли да ко сыру дубу.
Как на том ли да на сыром дубу
Сидит ворон-птица черная,
На нем перьица черным-черны,
Крылышки у ворона белым-белы.
Сидит ворон на сыром дубу,
Крылья распустил он до сырой земли».
Призадумался Петра Петрович, королевский сын,
Говорит себе он таковы слова:
«Хоть убью я белых лебедушек,
Две девичьих головки невиновные,
Только пух я пущу по поднебесью,
Пёрышки пущу я по синю морю,
Ихну тушицу пущу я на морское дно.
Не укротитце плечо мое могучее,
Не утешитце и сердце молодецкое».
И снимает он калёну стрелу,
Со тоей ли тетивочки шелковоей,
И привязывает лук он свой ко стремени,
Да и поехал он во чисто поле.
Приезжает он ко сыру дубу,
И видит он на сыром дубу
Сидит ворон-птица черная,
На нем перышки черным-черны,
На нем крылышки белым-белы,
Сидит он на сыром дубу,
А крылья спустил до сырой земли.
Такой он птицы не видывал,
Не от кого даже и не слыхивал.
И отвязывает он тугой свой лук
От того ли стремени булатнаго,
Из колчана калёну стрелу выдергиват,
Полагает на тетивочку шелковую,
А и сам себе говорит таковы слова:
«Убью я ему птицу-черна ворона,
Его пух пущу я по воздуху,
Перешки по чисту полю,
Кровь расточу по сыру дубу,
Его тушицу зарою во сыру землю».

Говорит ему птица-ворон черная
Ему голосом да человеческим:
«Уж ты гой еси, Петро Петрович, королевский сын,
Ты удалый добрый молодец,
Богатырь ты Земли Русскоей,
Поговорка на святой Руси говоритсе:
„На дороге убьешь старца — то не спасенье,
Черна ворона подстрелить — дело некорыстное".
Хоть убьешь ты меня, черна ворона,
Мой ты пух пустишь высоко по поднебесью,
Мои перышки — да по чисту полю,
Мою кров проточишь по сыру дубу,
Мою тушицу зароешь во сыру землю,
Не укротишь ты плеча своего могучаго,
И не утешишь сердца молодецкаго.
Поезжай-ка ты во стольный Киев-град
Ко тому ко князю ко Владимиру.
У того у князя у Владимира
На чесной пир гости созваны,
Они пьют, едят да прохлаждаются,
А над собой невзгодушки не ведают.
Ведь во том ли во чистом поле,
Как под самым городом под Киевом
Разъезжает паленица преудалая.
Она кличет себе да поединщика,
Против своей силы супротивничка,
Во чисто поле против себя наездника:
„Если нет мне поединщика,
Супротив моей силы супротивничка,
И во чистои поле против меня наездника,
То розорю я весь стольно Киев-град,
Божьи церкви я на дым спущу,
А князю со княгиней срублю головы"».
Призадумался Петро Петрович, королевский сын,
И говорит себе он таковы слова:
«Старца в кельи убить — то не спасенье,
И не честь-хвала убить мне черна ворона.
А лучше поеду я ко городу ко Киеву,
На то ли поле чистое под Киев-град,
И попробую я силы у наездника,
У тоей ли паленицы у удалоей».
Тут снимает он стрелочку калёную
Со той ли тетивочки шелковоей,

Лук привязывал ко стремени булатному,
Да и выехал на поле он на чистое
И увидел паленицу преудалаю.
Тут и сдрогнуло сердечко во белых грудях
У того ли молодца, Петра Петровича.
Хотел он паленицу кругом объехати,
Рассказать об ней князю Владимиру.
Он боялсе с паленицей силы померяти,
Что убьет его паленица преудалая,
Не видать ему будет родной матери.
Но остановил коня и пораздумалсе
И говорит себе таковы слова:
«Мне не честь будет от князя от Владимира,
И не похвала от всех-то людей русскиих,
Если объеду я кругом паленицу преудалую
И с наездником я силы не померяю».
Да и приправил он своего добра коня
Что ль ко той паленице преудалоей
И заехал он ему супротив лица.
Он с паленицею да поздоровался,
Да и говорит ему таковы слова:
«Как бы нам силу друг у друга отведати?»
Говорит паленица преудалая:
«Мы разъедемсе с тобой по чисту полю,
А потом станем мы и сражатисе».
И разъехались они да на пятнадцать верст.
Тут не два ветра в поле слеталисе,
Не две тучи на небе сходилисе,
Слеталисе-сходилисе два удалых добрых молодца.
Первым боем они ударились
Теми ли копьями долгомерными,
Копья у них да позагнулися —
Они тем боем друг друга не ранили.
Оне вторым боем ударились
Теми ли саблями острими,
Только сабли у них затупилисе —
И друг друга тем боем не ранили.
Они ударились палицами свинцовыми,
У палиц цевья отломилисе —
Оне тем боем друг друга не ранили,
Крепки были латы их булатные.
Тянулись через гривы лошадиные,
Один одного не перетягивал,

Только добры кони на колен пали.
Сходили оне со добра коней
И хватались в бой рукопашечный.
Тогда Петра Петрович, королевский сын,
На одну руку боротьце был приученный,
Как схватил он паленицу преудалую
За его ремни да очень крепкия,
Поднимал его повыше пояса
И полагал его на сыру землю,
Да и коленом стал на его белы груди.
Брал ножище-кинжалище в руку правую,
Поднимал руку выше своей головы
И хотел ударить во белую грудь
Тую ли паленицу да преудалую,
Но рука в плечи застояласе,
Глаза у него помрачилисе,
И говорит он паленице таковы слова:
«Расскажи ты мне, удалый молодец,
Ты коей земли, ты коей орды,
Как тебя, молодца, именем зовут,
Величают тебя да по отечеству?»
Отвечает удалый добрый молодец:
«Тебе просто надо мною надсмехатисе,
Как стоишь ты на моих грудях.
Если бы я стоял на твоих грудях,
То не стал бы я тебя спрашивать,
Скоро бы распорол тебе груди белые
И вынул бы тебе сердце с печенью».
Тогда Петра Петрович, королевский сын,
Поднимает нож выше своей головы
И хочет воткнуть в грудь широкую,
Вынуть сердце да со печенью,
Но рука в плечи застояласе,
Глаза у него помутилисе,
Стал он у паленицы еще спрашивать:
«Ты скажи мне, паленица преудалая,
Ты коей земли, ты коей орды,
Как тебя, молодца, именем зовут,
Величают тебя по отечеству?»
Отвечает паленица преудалая:
«Тебе просто надо мною надсмехатися,
Как стоишь ты на моих грудях.
Если бы я стоял на твоих грудях,

Много бы я с тобой не разговаривал,
Скоро бы распорол груди белые,
Вынул бы я у тебя сердце с печенью».
Тогда Петра Петрович, королевский сын,
Поднимает нож выше буйно головы
И хочет пороть паленице груди белые,
Но в плечи рука застояласе,
Голова его да закружиласе,
На глазах у него слезы показалисе.
Говорит он паленице таковы слова:
«Ты скажи, удалый добрый молодец,
Ты коей земли, ты коей орды,
Как тебя, молодца, именем зовут,
Величают тебя по отечеству?»
Тут заплакал паленица преудалая
И отвечает на вопрос таковы слова:
«Есть я родом из города из Крякова,
Из того села да из Березова,
Из тоей ли улицы Рогатицы,
Из того двора королевского
По имени Лука Петрович, королевский сын.
Увезли мене татары трехгодового,
Воскормили мене да выростили
До полнаго меня да оне возраста.
Да и сила у меня стала великая,
Подобрал себе коня да я могучаго
И поехал я на святую Русь,
Чтобы отыскать мне отца с матерью».
Тут Петра Петрович, королевский сын,
Он выходит со его да со белых грудей
И берет его за руку правую,
Говорит ему таковы слова:
«Уж ты здраствуй, мой родимый брат,
Что ли Лука Петрович, королевский сын!»
Он накормил его яствушками сахарними,
А питьями напоил его медовыми,
Потом сели на добрых коней да и поехали
Ко тому ко городу ко Крякову.
Заехали они как на широкий двор,
Тот Петра Петрович, королевский сын,
Он Луку оставил у коня стоять,
Сам бежит скорее к родной матери
И говорит ей таковы слова:

«Ах ты гой еси, да моя матушка,
Уж как встретилсе я в поле со татарином,
Накормил его я яствушками разными,
Напоил его питьями да медовыми».
Отвечает ему родна матушка:
«Уж ты гой еси, да чадо мое милое,
Молодой Петра Петрович, королевский сын,
Когда встретил ты в чистом поле татарина,
Не кормил бы ты, не поил его,
А отрубил бы ты ему буйну голову
За тоё, что ети злы татаровье
С нашего двора да королевского
Оне украли-увезли да трехгодового
Моего-то сына милаго,
А твоего-то брата родного,
Что ль того Луку да Петровича».
Говорит ей Петра Петрович таковы слова:
«Ох ты гой еси, да родна матушка,
Не татарина я встретил во чистом поле,
Не татарина я кормил-поил,
Встретил я во чистом поле,
Накормил-напоил во чистом поле
Твоего-то сына милаго,
А своего я брата родного,
Что ль того Луку да Петровича,
И сейчас он у нас во дворе стоит».
Как тут его родна матушка
Накинула шубу на одно плече,
В однех чулках без чоботов
Выбегала на широкий двор,
Увидала там Луку Петровича,
Своего сына родимаго,
Брала его за белы руки,
Прижимала его ко своей груди,
Целовала его в лице белое,
Вела в палаты белокаменны,
Садила за столы да за дубовые,
Наносила яствушек и разныих
И тех питьев медовыих.
Когда оне накушались,
Выходили из-за стола из-за дубового,
Уложила их спать на кровать тесовую,
Что ль на ту пустельку на пуховую.

РОЖДЕНИЕ И МОЛОДОСТЬ ЦАРЯ СОЛОМОНА (№ 559)

№ 559

РОЖДЕНИЕ И МОЛОДОСТЬ ЦАРЯ СОЛОМОНА

Вот было у мужика была лошадушка ступистая,
А не было у его телеги колесистыя,
Приходит ён к суседки порядовною,
Просил он телеги колесистою.
Ему пожертовала она на по́держку
Телегу колесистую, суседка порядовная.
Он ездил в путистую дорожку широкую,
Жеребиласе у него лошадка ступистая,
Принесла жеребеноцька ступистого.
Приезжал он с телегой к суседки порядовною,
Говорила суседка порядовная:
«А не эта кобылка принесла жеребеноцька ступистого,
А принесла моя телега колесистая». —
«А не дам я тебе, суседка спорядовная,
Не дам я жеребеноцька тебе ступистого».
А говорит суседка порядовная:
«А пойдем-ко мы с тобой к царю на суд».
А приходили они да видь к царю на суд,
А царя при доме не было,
А одна дома сидит, сидит цариця-государыня
И спрашиват у их, да у просителей:
«Ну, об цем вы ходите да просите?
А царя у нас на дому нетути».
А вот говорит удовка спорядовная:
«А держал мужик мою телегу колесистую,
А родила телега колесистая,
А родила жеребеноцька ступистого».
Да говорила цариця-государыня:
«Ай же ты, суседка да спорядовная,
А действительно телега колесистая
Родила жеребеноцька ступистого».
А была цариця-государыня,
А была ёна́ да на поноси ёй,
А ёдва́-ёдва́ ку́цёй ведь.
А говорило ведь да в ретиво́м серьце́,
А говорил в се́рьце ети́воём,
А говорил младе́нь таковы слова:

«А как судит сволоць по сволоци».
А как тяпнула она да вострой нож,
Наставила сиби да во белы́ груди́,
Во тое ли серьдецько ретѝвое:
«Заколю тебя, злодейка, брюхо татарьское!»
Говорило в брюхе да у ней не по-ладному,
А говорило в брюхе да татарьскоем:
«А ты себя заколишь, а я ребром повыскочу».
Она кинула вострой нож,
Как свалилась на кроватку на кисо́вую
И говорила таковы слова:
«Ну, мужик, мужик, мужицек ты наш,
Видно, уж родила жеребеноцька ступистого,
Видно, уж родила твоя лошадка ступистая,
А ро́дила жеребеноцька ступистого,
Поди-тко, старушка, долой да домой».
Она взя́ла да спокойно-то да там отро́дила.
Да бросилась в сарай ле́систый,
Да тяпнула младеньця с ретива́ серьця́,
А снясла кузнецю на широкий двор,
Кинула в тупа́л соломенной.
Прибегала цариця к суседу в широк сарай ле́систый,
К этому суседу спорядовному,
А давала злата-серебра сколько надобно,
А купила сибе младеньцика нового
У купця да у моло́дого.
А пошли служанки в сарай во ле́систый,
А тяпнули там младеньця соломенного,
А там руками гра́бат да уплакиват.
А оны да удивилисе,
А оны да устрашилисе,
А прибежали к кузнецю моло́дому:
«А батюшко, хозяин наш,
А что у тя в сарае слуцилосе,
А на сарае плакал дак робёноцек.
А родилсе он, робёноцек,
Да пусть-ко бу́дёт соломенной».
Во кресты-то царьские Соломо́на выпрово́дили,
Молитву наладили,
Да Иваном прозвали,
Царь Соло́менной,
Да в зыбку клали до трех годов.
Он рос-повырос от трех годов,

От трех годов да до шесть годов,
От шесть годов да до семь годов.
А он рос, умушка набирал,
А щепкамы-бабкамы поигрывал.
А собирал мальчиков больше десятоцька,
А говорил мальчикам таковы слова:
«Ай же вы, ребятки, наши мальцики,
А выберем нашим товарищем над собой-то ведь,
Надо всеми над мальциками будет царь».
Говорили мальцики таковы слова:
«Ай же ты, Иван, царь Соло́менной,
Разве мы можем брать царя с собой?
Так ли выбирают царя-то ведь?
Наб богатому — некому,
А богатого нам не хоцетси,
А бедного всегда не водитсе».
Говорил тут царь Соло́менной:
«А пойдем-ко, ребятушки, в болота топучие,
А там воркуют лягушки воркучии.
А будем на болоте топучеи
Заговаривать лягушки воркучии, могучии,
Чтобы не ворковали лягушки воркуции,
Чтобы они молцали отныне до́ века».
Да сошли на болото топуцее,
Да говорили таково слово́,
Говорили мальцики нунь нужнии,
А говорили мальцики богатыи,
А говорили мальцики князьскии,
А говорили мальцики купецецькии —
А никто никого не слухают,
А рыцят лягушки пловуции,
Рыцят-тре́скат во всю голову.
А говорил цярь Соло́менной:
«А стойте-тко, наши товарищи,
А я стану выкликать лягу́шёк пловучиих.
Ну же-ко, лягушки пловучии,
А не шумите, не воркуйте и не гаркайте,
А молцять вам, лягушкам пловуциим,
А молцять вам до единыи».
Все лягушки да задавилисе,
Никака больше не воркует, не шума́кает.
«Ну вот я, цярь Соло́менной!
Не можете ль еще сделать?

Пойдемте ко матушке к реке быстрои,
Ко тому порогу шумячему.
А вы можете сделать, чтоб стал?
Кто может сделать, чтобы ни чёла дал,
Не шумел, не гремел, да не гаркал бы,
Тот ведь будет у нас да видь цярь».
И стали его заклинать дити́,
А стали заклинать ди́ти крестьянскии,
А стали заклинать люди купецецьки,
А стали заклинать люди барьскии —
А порог шумит да все ни чёла дал,
А никого в нем да не чувствует.
Ну говорил цярь Соло́менной:
«А я стану, молцити-ко вы,
А я стану заговоривать,
Чтобы он не шумел, не гремел, не цёла дал.
А у колодушка матушки
А не шуми-ко ты, батюшка!
А молци-тко ты, не греми, не цёла дай!»
Порог замолцял, не гремит, не дробит,
Не шумит и до́ века замолцял,
Отныне и до́ века не цёла дат.
«Ну вот, что вы, люди, сами знаете,
Что я ведь цярь Соломе́нной!»

ЦАРЬ СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛОВИЧ (№ 560—565)

№ 560

О ЦАРЕ СОЛОМАНЕ

Было поганое царство Кудриянское,
Жил прекрасный король Василий Окульевич,
Не женат-то он, холост был.
Набирал к себе почестен пир,
Всех своих пановьев-улановьев, бурзов-поганых тотаров.
Всех своих князей-бояринов, сенаторов да думных,
Вельмож своих, купцов богатыих.
Как тут пошел у них столованье — почестный пир.
Было красно солнце на вечере,
Почестен пир да на весели,
Все на пиру да напивалися,

Все на пиру да наедалися,
Все на пиру да поросхвастались.
Кто чем хвастает, кто чем да похваляется:
Иной хвастат несчетной золотой казной,
Иной хвастат силой-удачей молодецкою,
Иной хвастат добрым конем,
Иной хвастат славным отечеством,
Иной хвастат молодым молодечеством,
Умный-разумный старым батюшком, старой матушкой,
Безумный дурак хвастат молодой женой.
Король по полатушки похаживает,
Король выговариват:
«Ай же вы, князя-бояра, сенаторы думные,
Вельможи, купцы богатые,
Все мои бурзы-поганы тотары!
Все у меня на честном пиру,
Все вы у меня стали веселы,
Знаете ли вы по моему плечу и по моей храбрости
Мне-ка царицу благоверную
В которой ни будь сторонушки
Или за славным синим морем.
Чтобы она была на лицо бела и румена,
Ягодицы, как маковицы,
Поскок был заюшки,
Поворот горностаюшки,
Походка лани белой златорогия,
Очи ясныя ясного сокола, пролетного заморского,
Брови черные, как черного соболя заморского,
Как будто колесом брови проведены,
Чтобы было бы вам кому клонитися,
В инной орды хвалитися?»
Как они друг за друга туляются и окучаются,
Больший за середняго,
Середний за меньшаго,
От меньшаго ответу нет.
Говорит король второй након:
«Ай же, князя-бояра,
Все бурзы-поганы тотара!
Что же вы мне ответу не держите?
Знаете либо не знаете,
Держите мне такой ответ:
Знаете ли царицу благоверную
По моему плечу да по храброму

В которой ни будь сторонушки,
Хоть за славным синим морем.
Чтобы она была на лицо бела и румена,
Ягодицы, как маковицы,
Поскок был заюшка,
Поворот горностаюшка,
Походка лани белой златорогия,
Очи ясныя ясного сокола,
Пролетного заморского,
Брови черныя, как черного соболя, заморского,
Как будто колесом брови проведены,
Чтобы было бы вам кому клонитися,
В инной орды хвалитися?»
Как они друг за друга туляются-окучаются,
Больший за средняго,
Средний за меньшаго,
От меньшаго ответу нет.
За теми столами дубовыми,
За скамейками окольними,
На том конце на нижнеем,
Сидел детина черный весь,
Как будто детина пова́реный,
Повареный, помараный,
Сидел бурза-погана тотарина,
Говорил сам таковы слова:
«Ай же батюшка,
Прекрасный король Василий Окульевич!
Знаю я тебе царицу благоверную,
Что на лице она бела и румена,
Ягодицы, как маковицы,
Поскок у ея заюшка,
Поворот у ней горностаюшка,
Походка лани белой златорогия,
Очи ясныя ясного сокола,
Пролетного заморского,
Брови черныя черного соболя заморского,
Как будто колесом брови проведены,
Есть кому нам да клонитися,
В инной орды есть кем хвалитися.
За тем как за славным синем морем,
Во том во граде Ерусолиме
У премудрого царя у Соломона
Есть прекрасная царица Соломонида».

Как говорил тут прекрасный король
Василий Окульевич:
«Ай же ты, детина повареный,
Повареный и поваленый!
Глупу ты речь, детина, говоришь:
Как можно от жива мужа да жена увезть,
Не без чего от премудрого царя да от Соломона?»
Как говорит детина повареный таковы слова:
«Ай же батюшка,
Прекрасный король Василий Окульевич,
Наложи-тка ты мне имячко другое,
Наложи-тка ты мне имя Ивашко,
Торокашко, гость заморскиий;
Построй-ка три карабля, три черныя,
Исправныя карабли, снарядныя,
Опуши-ка эти карабли лисицами,
Куницами заморскими,
Нагружай-ка эти карабли товарами,
Неоценными камешками драгоценными:
Поеду я за славное сине море,
Привезу тебе царицу Соломанью».
Как он наложил ему другое имячко —
Ивашко-Торокашко Заморянин,
Построил три карабля черныя,
Исправныя всим карабли, снарядныя,
Опушил эти карабли лисицами, куницами заморскими,
Нагружал эти карабли товарами,
Неоценными камешками драгоценныма,
Отпущал Ивашка-Торокашка за сине море,
За сине море во град во Еросалим.
Скоро скажется, да по успеху его делается.
Будет Ивашко-Торокашко за синем морем во граде Еросалиме,
Становил свои черные карабли
Во пристань во купеческу,
Брал он дороги подарочки заморския,
Он доклад держал ко царю ко Соломану.
Царя да Соломана дома не случилося:
Уехано за охотой во чисто поле.
Он доклад держал царице благоверныя,
Дарил ей дороги подарочки,
Сам говорил да таковы слова:
«Ай же ты, благоверная царица Соломанья!
Прими-ко ты мои дороги подарочки,

Дороги подарочки заморския,
Позволь поторговать во граде Еросолиме
Товарами заморскими,
Посылай-ка ты оценить обценщиков,
Ребят да молодыих,
Оценить мои черные карабли и товары заморские».
Она посылала ребят да молодыих
Оценить карабли черные
И товары заморские.
Как приходили оценщики на черные на карабли,
Они карабль ценили, они другой ценили,
На третий карабль да ценить пришли —
Как он стал убаивать,
Он стал уговаривать, около обхаживать:
«Ай же вы, ребята молоды обценщики!
Выпейти-ка наших напиточков заморскиих,
Непьяныих, сладкиих:
Во вашем Еросолиме
Нет таковых и не водится».
Им как захотелося напиточков откушати,
Как поднес он по чарочки напиточек сонныих,
И поднес им по другия,
И поднес им по третия —
Только едва успели выйти со караблей,
На крутом крежу сонны лежат.
Он опять доклад держал царице Соломаньи:
«Ай же ты, царица благоверная Соломания!
Послала ты ребят все молодыих,
Они не могли оценить моих караблей:
Напилися зелена вина
И на крутом крежу сонны лежат.
Посылай-ка ты молодых ребят,
Которые не пьют да зелена вина,
Не играют костми-картами».
Она выбирала таких да обценщиков,
Ребят да молодыих,
Которые не пьют да зелена вина,
Не играют костми-картами,
Посылала таких да обценщиков
Оценивать его карабли черные, товары заморския.
Как пришли ребята на эти на черные на карабли,
Начали товары и карабли оценивать,
Как карабль ценили и другой ценили,

И на третий пришли оценивать —
Как он стал их убаивать,
Стал да уговаривать,
Вокруг их да обхаживать:
«Ай же, ребята молодые обценщики!
Выпейте-ка вы наших напиточков заморскиих,
Сладкиих, непьяныих:
Во вашем Еросолиме
Нет таковых и не водится».
Как им захотелося откушати,
Он поднес-то им напиточков сонныих по чарочки,
Он поднес-то им по другоя,
И он поднес-то им по третей чарочки,
Опять едва вышли со караблей
И на крутом крежу заснули.
Он опять доклад держал царице благоверныя:
«Ай же ты, царица благоверная Соломания!
Не посылай больше обценщиков,
Ребят да молодыих,
Не могут оценить моих караблей:
Напьются зелена вина
И сонны лежат на крутом крежу.
Ты сама поди — оцени мои черные карабли».
Она сама да поднималася,
Приходила на черные карабли,
Стала товаров оценивать и черных караблей,
Карабль ценила она, другой ценила,
На третий карабль оценить пришла —
Как он стал убаивать,
И стал он уговаривать,
И около обхаживать:
«Ай же ты, царица благоверная Соломанья!
Выпей-ка наших напиточков сладкиих заморских непьяныих,
За ту за выслугу великую,
Что оценила мои черные карабли».
Поддергивал ей столик дубовый,
Ко столику поддергивал золотой он стул,
Садилася она на золот стул ко столику дубовому,
Как становил он напиточков
Сладкиих заморских на дубовый стол,
Все напиточки сонные.
Как начала пить она напиточков заморскиих,
Чарочку за чарочкой,

И напилась она допьяна,
Обвалилася на черноем на карабли, сонна лежит.
Он приказал отвалить черныя карабли
От берегов да во синем морем.
Поехал он славным синем морем.
Она на синем мори просыпалася,
Сама говорит да таковы слова:
«Ай же ты, Ивашко-Торокашко, гость заморскиий!
Про себя везешь или про друга?»
Он отвечал ей таковы слова:
«Ай же ты, царица благоверная!
Как можно нам держать роды царские!
А от царя к царю везу,
К королю везу ко прекрасному
Василью Окульевичу».
Как привозил он во царство Кудриянское,
Как тут прекрасный король Василий Окульевич
Как встречал Ивашка-Торокашка,
Гостя из-за синя моря с честью великою,
Сам радовался радостью великою,
Что «теперь у меня жена да прекрасная!»
Тут как прекрасный король Василий Окульевич,
Повенчался он по-своему.
Тут как пошел у них столованье — почестный пир,
Теперь как пир на радости,
На весели пир на великия,
Радуются все князи и бояря, сенаторы думные,
Вельможи, купцы богатые,
Бурзы-поганы тотара.
А как во граде во Еросолиме
Наехал Соломан-царь да из чиста поля,
Доклад держали ему да слуги верныя:
«Ай же, батюшка премудрый Соломан-царь!
Как наезжал из-за синя моря,
С того ли со царства Кудриянского,
Ивашка-Торокашко, гость-заморянин,
Увез твою царицу Соломанью
За славное за сине море,
Во то ли царство Кудриянское».
Тут Соломан-царь да пораздумался:
«Как можно от жива мужа да жена увезть,
Не без чего от меня от премудрого царя от Соломана!
Ежели мне поддаться,

Так будут надо мной смеяться
За славноем синем морем,
Во царстве Кудриянскоем».
Как сам тут взимал пастуший рог,
Выходил как сам на крутой крылец,
Заиграл как он да во пастушен рог,
Сам рожку да выговаривал:
«Ай же, сила моя — войско сорок тысячей!
Все седлайте-уздайте добрых коней,
Поедем мы с угоною во славное сине море,
Под то да царство Кудриянское!»
Сила услышала, начала седлать,
Да уздать добрых коней.
Он опять заиграл во второй након,
Во пастушей рог.
Сам рожку да выговаривал:
«Ай же, князи-бояре!
Все уздайте-седлайте добрых коней!»
Они да услышали, начали седлать
Да уздать добрых коней,
Как все они приготовляются.
Как тут-то царь да приготовился,
Опять заиграл во пастушей рог,
Рожку ли сам да выговариват:
«Ай же, князи-бояра все
И все войско сорок тысячей!
Отправляйтесь-ка во сине море,
Во поганое царство Кудриянское,
Ко поганому царству Кудриянскому!»
Все они отправились-поехали,
И поехал Соломан-царь.
Все село войско на добрых конях,
И отправился Соломан-царь.
Как поехали все во славное сине море.
Скоро скажется, по успеху дело делается.
Как будут под тем царством Кудриянскиим,
Не доехал он до царства за три поприща,
Становил он свою силушку в чистом поли,
Сам да своей силушки наказыват:
«Ай же, моя сила любезная,
Войско сорок тысячей!
А вы кормите-тко добрых коней, а сами слухайте:
А заиграю я во первой након во пастушей рог,

Так вы седлайте-уздайте добрых коней;
Как заиграю я во второй након во пастушей рог,
Так вы садитесь на добрых коней,
Приготовляйтесь-ко;
Как заиграю я в третий након во пастушей рог,
Так вы идьте скорым-скоро,
Скоро-наскоро,
Заставайте-тко меня во живности».
Как сам-то брал под полу под правую,
Пастуший рог,
А в руку брал дубину подорожную,
Пошел пешо во царство Кудриянское.
Стал подходить ко полатам королевскиим,
Как подошел ко палатам королевскиим,
Увидала царица Соломанья
Идучи царя Соломана,
Сама скоро бежала на широк двор,
Брала царя Соломана за белы руки,
Целовала во уста во сахарные,
Называла мужем любезныим, царем Соломаном,
Проводила в полаты белокаменны,
Садила за те столы за дубовыя,
Подносила ества сахарныя,
Напиток медвяныих:
«Ай же, батюшко Соломан-царь!
Ивашко-Торокашко Заморянин,
Увез он меня с обману великого.
Прекрасна короля Василья Окульевича,
Дома его не случилося:
Уехано за охотою во чисто поле.
Ай же ты, батюшко Соломан-царь!
Дай ты мне проспать остатню ночь
С королем Васильем Окульевичем:
Он охотник ездить во чисто поле за охотою,
Он завтра опять уедет во чисто поле,
Мы с тобой сядем на добрых коней
Да уедем во славный град Еросолим».
Так он говорит: «Я куда пойду?»
Она говорит: «Ты зайди-ка в сундук да в окованый».
Как он зашел в сундук да в окованый,
Она замыкала его в сундук окаваный.
По вечеру да по позднему
Как наезжал прекрасный король из чиста поля,

Приходил в свои полаты белокаменны,
Как стал разговаривать со своей женой с любезныи —
Она сидит на том сундуке,
На цари да на Соломане,
Сама говорит таковы слова:
«Ай же, батюшка прекрасный король Василий Окульевич!
Я на цари сижу да с королем говорю».
Он же говорит: «На каком ты сидишь царе?» —
«А сижу я на цари на Соломане».
Как взяла выпущала царя да Соломана.
Как говорил прекрасный король таковы слова:
«Ай же ты, назван премудрый Соломан царь!
Ты зашел под ж⟨опу⟩ под бабьину!»
Говорит царица Соломанья:
«Ай же ты, прекрасный король Василий Окульевич!
Надо казнить царя Соломана скорым-наскоро».
Говорит царь Соломан таковы слова:
«Ай же, батюшка прекрасный король Василий Окульевич!
Ты казни-тко меня не по-каличьему,
Ты казни меня по-царскому:
Как у нас на святой Руси
Царей казнят да вешают.
Ведь я теперь да никуда не уйду.
А прикажи-ка ты в чистом поле
Вкопать два столбика дубовые,
Класть грядочку кленовую,
Ко грядочки привязать три петелки шелковыя:
Первую петелку красную шелковую —
Класть буйная головушка;
Другую петелку шелку да белого —
Класть белыя рученьки;
Третью петелку шелку да черного —
Класть резвыя ноженьки».
Королю да речи прилюбилися.
Посылал как слуг да верных в чисто поле
Закопать два столбика дубовыя,
Во столбики дубовыя класть грядочка кленовая,
Ко грядочки привязать три петелки шелковыя:
Первую петелку шелку да красного,
Вторую петелку шелку да белого,
Третью да петелку шелку да черного,
Ко петелкам сделали три ступенчика роскрашены.
Как повели туды царя Соломана

Казнить да вешати.
Во первую карету садился
Прекрасный король Василий Окульевич,
Во другую карету царица Соломания,
Во третью карету Ивашко-Торокашко, гость заморянин.
Тут-то говорит прекрасный король Василий Окульевич:
«Ай ты, премудрый Соломан-царь!
Знашь ли, кто едет в трех каретах опальниих?»
Он как говорит таковы слова:
«Ай же ты, батюшка прекрасный король Василий Окульевич!
Первую карету кони везут,
Другая карета сама идет,
Третью карету черт несет
На казень на смертную».
Тому того хотелося.
Как приезжали к тем петелкам шелковыим,
Как выходили все с карет да с опальниих,
Как становился Соломан-царь на первой ступень,
Говорил царь Соломан таковы слова:
«Ай же ты, батюшка прекрасный король Василий Окульевич!
Как был-то ведь маленькой,
Как коров-то я попасывал,
Я охочь в рожка поигрывать:
Позволь-ко мне сыграть в остатьниих, во последниих?»
Говорит царица таковы слова:
«Ай же ты, прекрасный король Василий Окульевич!
Ты казни царя Соломана скорым-скоро, скорым-наскоро:
Царь Соломан хитер».
Как он говорит таковы слова:
«Ай же ты, жена моя любезная!
Одно ли дерево в лисе не темный лес, не шумячиий,
Один человек да не рать в поли.
Играй-ка ты, играй ты, Соломан-царь!»
Как заиграл-то он в первой након во пастушей рог,
Сам рожку ли выговариват:
«Приходит казень смертная царю Соломану
Во том во городе да Кудриянскоем,
А казнит его прекрасный король Василий Окульевич,
Казнит не по-каличьему, а казнит его по-царскому,
Как на святой Руси казнят царей да вешают!»
Игра ему да прилюбилася.
Как сила там его да услышала,
Начали седлать-уздать да добрых коней,

Только начала дрожать мать сыра земля.
Говорит как тут прекрасный король:
«Ай же ты, Соломан царь!
Мне как будто чудится,
Что дрожит мать сыра земля?»
Говорит как Соломан царь таковы слова:
«Прекрасный король Василий Окульевич!
От моего от рожка пастушьяго
Идет отзыв за славное сине море,
Во град да во Еросолим-то.
У меня там гусей-лебедей сорок тысячей,
Были кормленые-ученые,
Языкам человечьим приученые,
Услышали мою игру из-за синя моря,
Они вылетели на славное на сине море,
Они говорят сами промеж собою:
„Не стало у нас стараго царя Соломана,
Приходит ему казень смертная
Во той земли Кудриянския,
Казнит его король не по-каличьему,
А казнит его король все по-царскому!"
Бьют они крыльями об воду,
Волну они сделали да на синем мори,
Волна сходилась во береги:
Оттого дрожит мать сыра земля».
Как вступил-то он на другой ступень,
Говорил опять да таковы слова:
«Ай же ты, прекрасный король Василий Окульевич!
Позволь-ко ты сыграть да мне второй након:
Уж как был-то я маленькой,
Охвоч в рожка поигрывать,
Тошнешенько еще сыграть мне хочется».
Говорит царица таковы слова:
«Ай же ты, прекрасный король Василий Окульевич!
Казни скорей царя Соломана,
Скорым-скоро, скорым-наскоро:
Царь Соломан хитёр-мудёр».
Он говорит таковы слова:
«Ай же ты, жена моя любезная!
Одно ли дерево не темен лес,
Один человек с нами не рать в поли.
Играй-ка ты, играй, Соломан-царь!»
Как заиграл-то он во второй након,

В рожку ли сам да выговариват:
«Приходит казень смертная царю Соломану во царстве Кудриянском,
Казнит его прекрасный король,
Не по-каличьему казнит его, по-царскому».
Сила его да услышила,
Как начали садиться на добрых коней,
Начала дрожать да мать сыра земля.
Говорит прекрасный король да таковы слова:
«Ай же ты, премудрый Соломан-царь!
Мне как будто чудится,
Что дрожит мать сыра земля?»
Говорит опять Соломан-царь да таковы слова:
«Ай же ты, прекрасный король Василий Окульевич!
От моего рожка от пастушьяго
Идет гул по синему морю
Во град во Еросолим-от!
У меня как во граде Еросолиме
Добрых коней сорок тысячей,
Были кормленые, ученые к языкам человеческим,
Услышали тую игру из-за синя моря,
Выскочили во далече-далече во чисто поле,
Говорят они промеж собой:
Что „не стало у нас старого царя Соломана!"
Бьют они копытами о матушку сыру землю:
Оттого дрожит да мать сыра земля».
Ступил да он ступень на остатьниий-то,
Говорил как сам да таковы слова:
«Ай же ты, прекрасный король Василий Окульевич!
Как был-то я маленькой,
Коровушек попасывал,
Охвочь в рожка поигрывать:
Позволь-ко ты мне сыграть да в последниих,
Ты позволь мне сыграть в остатниих,
Мне-ка больше да не игрывать!»
Говорит царица таковы слова:
«Ай же ты, прекрасный король Василий Окульевич!
Казни царя Соломана скорым-скоро, скорым-наскоро:
Царь Соломан, смотри, хитёр-мудёр!»
Как он говорит таковы слова:
«Ай же ты, жена моя любезная!
Одно лишь дерево не темно в лесу, не шумящее,
Один человек не рать в поли.
Играй-ка ты, играй, Соломан-царь!»

Как заиграл тут Соломан-царь во пастушей рог,
Как сила тут услышала, сейчас сила наехала.
Говорит как тут Соломан-царь да таковы слова:
«Ай же ты, прекрасный король Василий Окульевич!
Гляди-ка ты на все четыре стороны:
Почто ты посеял пшеницу белояровую по чисту полю?
Налетели мои гуси-лебеди да черные вороны,
Клюют твою пшеницу белоярову!»
Инны наскакали ко петелкам шелковыим,
Во петелку во красную клали
Прекрасного короля Василья Окульевича,
Во петелку во белую клали
Царицу Соломанью,
Во петелку во черную клали
Ивашка-Торокашка, гостя заморского,
Остальную силу всю присекли на чистом поле.
Тут-то во царствии Кудриянскоем
Любое именьицо свалили на черные на карабли,
Добрых коней погнали об сине море
Стады-стадами в Еросолим-град,
Любое именьицо отпустили прямо на караблях
Через сине море в Еросолим-град,
Тое царство огнем сожгли:
Тому лишь царству славы поют.
Дунай, Дунай,
Боле век не знай!

№ 561

ЦАРЬ СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛОВИЧ

А видь царь-то видь да Трапе́тович
Задернул он да почестный пир.
А вси на перу наедаютсе,
А вси на перу да напиваютсе,
А вси на перу порасхвастались.
А красное солнышко в полдён встает,
А почестный пир вполовиночку.
А ведь красное солнышко при вечери,
А почестный пир есть при ве́сели.
А видь вси оны да порасхвастались:
Ины́й хвастает добры́м конем,

Ины́й хвастает да видь силушкой,
А ведь ины́й ухваткой молодецкоей,
А иной хвастат конем, копьем,
А иной хвастат могутным плецём.
А сидит-то царь да Трапе́тович,
Он не ест, не пьет да не кушает,
Белых ле́бедей да не рушает,
А ницем же он да не захвастает.
А сказал Ивашко-Торока́шко ведь,
Говорил царю же да Трапе́товичу таковы слова:
«Ай же ты, царь да Трапе́тович,
Не пьешь, не ешь да не кушаешь,
Белой ле́беди ни колько да не рушаешь,
А ничем же ты да не захвастывашь?» —
«И ни́чим мини да похвастати,
И ведь ни́цем — да⟨к⟩ не хвастаю.
Как у миня типерь да нунечу,
А ведь нету у меня молодой жоны,
Молодой жоны да любимо́й семьи,
И нигде мне невесты нет по разуму». —
«А ведь знаю я невесту по разуму,
Твоему я да по уму, по разуму,
У того царя да у хитрого,
А у хитрого да очинь мудрого.
А ведь есть Соло́ман да ведь хитрыих,
А царица е да Соломаниха,
Соломаниха да очунь хорошая,
По твоему плецу да могу́цёму,
А така она ростом-возрастом,
Будто сам ты да теперь-то ведь,
А така большая, урожайная,
А сама весьма она да красивая —
А собой к тибе подойдет она-то ведь». —
«Да кто того да видь да сосватает?
А хитрый царь да примудрыи,
А Соло́мон-царь да прехитрыи —
А ведь как-то у его увезешь-то тут?»
А Ивашко-Торока́шко говорит-то ведь:
«Привезу я к тебе скоро тут
А царицу видь да Соломаниху,
Соломаниху царя премудрого.
Отдавай войска мне нимношечко,
Отдавай войска мне десять,

Де́сять тысяцей мне да давают ведь
Управлять моима да кораблями ведь».
А садилсе Ивашка-Торока́шка ведь
На этыи да на кораблики,
А отправился да ён в Русиюшку,
А в Русиюшку да ён ко городу,
А ко городу да ён ко Ки́ёву.
Приехал к пристани корабельные,
Устанавливал у пристани,
У пристани ведь корабельные,
А принес подарки драгоценные,
Драгоценные подарки да подарки-то ведь
А подарил царице Соломанихе,
А подарил царице Соломаниде.
«А где же ты, царица, была матушка а русейская,
А пожалуйте ко мне-то жить теперь,
А ко мне-то всё в гости любимые
На мои-то видь да на кораблики.
А у меня вино-то есть заморьское,
А которо в Руси и век не водитсе,
А которо в Руси да и не находитсе».
А берет царица Соломанида,
А берет видь нянек-служанок ведь,
А берет как своих подручныих,
А проводят на тои ли ведь на кораблики,
А на ты кораблики к Ивашке ведь,
А и к Ивашке да Торока́шку ведь,
А поить-то стал вином-то ведь,
А вином-то все да заморскиим,
А которого в Русии век да не водитсе.
Оны пьют, попивают до́пьяна.
До того напоил царицю ведь,
А царицу ведь да Соломаниду,
Соломаниду да Соломаниху,
А свалиласи да и заснула кре́пко-на́крепко.
А наця́л служанок да вытащил,
На крутом бережку да приоставил тут:
«А видь нам-то вы да не надобны!»
А сам отправился да во полной ход,
Да поехал он да в свои места,
В свою земли́ю, зе́млю дальнюю,
В свою земли́ю к царю да видь этому,
А ко своему царю Кощайскому да Трапи́тову.

А пробудиласе царица, прохватиласи:
«А куда же ты повез, да Ивашка, меня?
А за князя, за боярина,
Аль за сильнего богаты́рина,
Аль повез меня за хо́луйка,
За холу́йку да за господьскую,
Али за себя ты повез меня?» —
«Не, повез я тебя царю-то ведь,
За царя-то ведь за Кощальского,
За того-то было Трапи́това,
А повез-то я за царя топерь».
А приехали они да во свои земли́,
А Кощай-ской царь да видь обрадовалси,
А скоро оны да повинчалисе,
А стали да быть да видь поживать.
А на то времячко да на ту порушку
А видь хитрого царя да Соло́мана
А видь дома его да не случилосе,
А видь дома его да не находитсе.
А приехал царь да к Трапи́тову:
«А где моя царица Соломани́да,
Соломани́да да Соломани́ха?» —
«А увезена да за синё море́
За того ли царя да за Трапи́това,
А Ивашка ведь да Торока́шка ведь».
А собирался-то видь Соло́ман-князь,
А собират-то рать-силу великую,
А свою-то рать, все начальство видь.
А берет все князей-бояр да думныих,
Сенато́ров-то да разумныих,
Берет рать-силушку видь смету нет.
А поехал да он во ту землю́
А ко тому царю да ко Кощайскому,
Ко царю-то ведь ко Кощальскому,
Ко Кощальскому да Трапи́тову.
Выходил-то он на крутой бережок,
И оставил он рать подалехоньку,
Не видать чтоб видь было ворогу
А во городе да во Кощайскиим,
А сам туда да приотправилси.
А заходит во горенку да новую,
Во палатушку да белокаменну.
Увидала царица да хитрая,

Соломáниха да Соломáнида,
А берет его за белы́ руки́,
А целует его во уста да сахáрныи:
«А увез меня да царь Кощáйский,
А увез меня да он нахáльнё тут,
Не могла отбиться никак-то ведь.
А поеду я да домой с тобой,
А не стану я жить во етой земли́,
Во етой земли́ да во етой Орды».
А сидят оны угощаются.
А приехал царь да ведь тот-то ведь,
Кощáйской царь да Трапéтович,
А приехал домой видь скорешенько.
А ведь тут-то царь да примудрыи:
«А куда же я нунь спасуся тут?
Отсекет он мни да буйну голову,
А только я жив да я топерь бывал». —
«Ай же царь видь да примудрыих,
Я тибя спасу да я топерь,
А тебя-то я повыручу́.
А ложись-ко в сундук в громадныих».
А ложился он да в сундук туда,
А сундук-то он да во громадныих,
А садилася сама на́ сундук.
А приходит царь да Кощáйскиих,
А Кощáйский царь да Трапéтович,
А целует царя да сретáет-то,
Обнимает царя да Кощáйскиех,
А садится она на́ сундук,
А да с ним все да разговаривать,
А сама-то тут да похвастала:
«На цари сижу да с царем говорю!»
Как уж тут царь да Кощáйскиих
Говорит-то он таковы слова:
«А какой же царь да явился-то?» —
«Премудр-то царь Соломан-царь да очень хитрые,
А попал под ⟨жопу⟩ ведь,
А попал под ⟨жопу⟩ под бабьюю,
А топерь-то он не ускочит тут,
Не ускочит он да видь не выйдет тут,
Отворяй сундук да видь скоро-то,
А мы нунь его да видь кáзним-то».
Отворяла сундук да видь скоро-то,

Выходил ведь царь да примудрые,
А примудрыи да очень хитрыи.
А хотел сказнить да буйну голову
А ведь тут-то да царю премудрыих,
А предать ему да ведь скору смерть,
А ведь царь да ведь, был-то ведь,
А Соло́ман-царь очень хитрые:
«А почто рубить мни буйну голову?
Отсекешь мне как буйну голову,
А никто не ⟨у⟩знат, да никто не знат,
Да никто-то ведь да не ведает,
А собаке буде а собачья-то,
А собачья будет славушка.
А веди-тко ты на чисто́ поле́,
А поделай три ступененьки,
Три ступененьки, три возвышены,
Да поделай-ко да три петельки,
Да три петельки шелко́выех.
А убьешь меня да в тых местах,
А ведь нехто будет не зведает,
А ведь тут молодцу да честь-слава́ —
Погубил царя да тут примудрого,
А визди тибя да будут знать».
А говорит царица Соломани́да:
«Отсеки ему да буйну голову!
Хитёр-мудёр да Соломан-царь,
Своима хитростямы да повыжил-то».
А говорит царь таковы слова:
«А ядино́ древо не темен лес,
А один-то е в поле не храброей».
А приказал построить три ведь,
Три ступеньки да парадные,
А поделать три да ведь петельки,
А ведь петельки да шелко́вые,
А повисить его да во петелки —
А тут-то ему да славу поют.
А говорит царица-та видь да таковы слова:
«Поделашь петельки ты шелко́вые,
А хитёр-мудёр да Соло́ман-царь,
Хи́тростямы повыде отсюда-ка». —
«А ядино́ дерево не темен лес,
А один-то я в поле не храброей,
А никуды я да не денуси».

А вот приготовили да видь три петельки.
А поднялся-то Соло́ман-то,
А ведь выпросил да ведь
А взыграть при после́дях во́ тур ро́г.
«А позволь-ко, царь да Кощáйскиех,
А хоть раз сыграть мни в ту игру:
А ведь рань скотинку я попасывал,
А ведь ко тому рожку привык ли мне,
А ты послушай, как буду я играть».
А ведь тут как царица-та
А говорит поскорешенько:
«А видь да Соло́ман-царь
Хитростями вы⟨й⟩де отсюду-ка!» —
«А взыграй до того-то ли ведь,
А взыграй, взыграй в ту́рий рог».
Заиграл-то ён да во ту́рий рог,
А пошел будто хряст да стук.
Заиграл-то Соло́ман-царь премудрыих,
Буде храп пошел да все стук:
«А видь гуси-да-ко просыпа́лись,
А утушки во́ воду попадали».
А ступил на другую на́ ступень.
«Позволь играть да другий-то ведь:
Смолоду я да все выигрывал,
Как скотинушку да попасывал,
А гусей-то я да заво́рожил,
Лебедей-то я да приманивал!»
А царица-то Соломáнида:
«А ведь вы скурее, поскорешенько,
А ведь тут да хитрой есть,
Хитростямы отсюду да повыйдет-то».
Заиграл в другой раз-то ведь.
А на третью да на ступеньку ведь:
«А позволь в остатне мне
А сыграть теперь да добру мо́лодцу,
А теперь видь я да жив бывал!»
А ведь просит его да [с] слезами-то.
Как зыграл-то ён да как третьей раз,
А его было, было наб да повесити.
«Погляди-ка, царь да Трипе́тович,
А назад теперь да поскорешенько:
А моя-то птица приклевала-то,
Что приклевала всю пшеницу видь,

А ведь скоро дело до тебя дойдет».
А как взглянул назад-то ведь —
А ведь рать-силушка побитая,
А кругом-то тут обошла.
А повесил их тут да во ви́селушки,
А повесил царя Кощея́ скоро́
А во первую серединною петелку.
А [в] другую — царицю-ту,
А царицу-ту да Соломани́ду.
А повесил да Ивашка-то,
А Ивашка видь да Тарака́шка ведь.
Три головки повесил в три петелки.
А отправилсе он да во свои места,
А женилсе он да на другой жены,
А и стал-то он добра наживать,
А теперь-от хорошо живут.
А царю-то и жисть кончалосе,
А слава ему короталосе.
А царю ведь века по́ веку
А слава ему да видь не кончилась,
Пока белой свет да стоит-то ведь.

№ 562

ПРО ЦАРЯ ОКУЛИЯ ОКУЛЬЕВИЧА

Царь Окулий Окульевич
Хотел во Киеви женитися:
«Кто бы, говорит, нашелся съездить мне сосватать княгиню Опраксию».
И потом говорит один молодец: «Давай я съезжу».
И говорит Окулий Окульевич: «Дак съезди.
Пускай же ты, Ивашка-Таракашка, гость заморския».
И говорит Ивашка-Таракашка таково слово:
«Окулий Окульевич,
Сострой ты мне два ка́рабля,
Два ка́рабля и два черныех,
И опуши их куницами, лисицамы,
И клади в их пития разныя заморскиех,
И клади в них злата и серебра.
И отправился Ивашка-Таракашка, гость заморские,
За славное за синё морё.
Приехал Ивашка-Таракашка, гость заморские,

Во стольно Киев-град
И стал просить общеньщиков:
«Общенить моих два ка́рабля,
Два ка́рабля и два черныех».
Приходят общеньщики,
И начал ён их ухаживать,
И начал ён их улаживать:
«Выпейте наших водочек заморскиех».
Они выпили и розвалялисе.
А царя Соло́мона дома не случилося,
Он созвал царицу Саламаниду с общеньщиком,
Начал ён их ухаживать,
Начал ён их улаживать:
«Выпейте наших водочек заморскиех,
Которых у вас и во граде нет».
Они выпили и розвалялися.
Царицу Саламаниду посадил на свои суда
Да и увез за синё морё
Царю Окулью Окульевичу.
И стали они жить-поживать
С Окульем Окульевичом царица Саламанида.
Царь Соломон приезжат домой,
А у царицы уехано к Окулью Окульевичу.
Царь Соломон собрал войска:
«Давай поеду жену искать».
Ну и приехали они с войском, он войска оставил, а сам пошел к Окулью
И взял себе трубу и говорит войскам:
«Как первый раз я вострублю, так готовьтесь,
И потом другой вострублю, так будьте близь,
А третий раз вовострублю — там где я, чтоб и вы тут были».
Ну и приходит к царицы Саламаниды, несколько живет у ней,
Там сказки расказыват — почему уехала, да почему ушла.
А царя Окулья Окульевича дома не случилося.
Вдруг идет Окулий Окульевич,
И говорит Соломон таково слово:
«Я-то куды?» — «Поди в сундук!» Он в сундук и залез,
Сама сундук заперла, на сундук села. Она и говорит:
«На цари сижу, а с другим говорю».
Говорит Окулий Окульевич: «Это кто у тебя есть?» —
«Это, — отвечает, — есть там царь Соломон».
И говорит царица Саламанида:
«Выпусть и отрубить ему буйну голову».
Выпустили. И говорит Окулий Окульевич таково слово:

«Зачим рубить ему буйну голову,
Один человек не рать в поли,
И одно дерево не темной лес».
И опять же царь Соломон говорит таково слово:
«Ты сделай, — говорит, — публичное место,
И сделай три ступенины и три петелии,
Чтобы было мне куда голова класть,
И было мне куда рука класть,
И было мне куда нога класть.
Пройде про тебя слава великая
По всим землям, по всим ордам,
Что увез царицу Саламаниду
И царя Соломона повесил он».
А царица Саламанида говорит таково слово:
«Я бы велела ему рубить буйну голову,
Хитёр, — говорит, — царь Соломон».
А Окулий Окульевич опять говорит:
«Зачем ему рубить буйну голову,
Один человек это не рать в поли,
И одно дерево не темной лес».
Окулий Окульевич сделал публичное место,
Где ви́сить царя Соломона, и пришел царь Соломон,
На перву ступенину ступил и повострубил,
Вострубел, так у синя моря будто мать-земля сколыбаласи,
Вся стороница говорит:
«Что-то под нами будто земля воздрогнула».
Царь Соломон опять говорит:
«Это узнали про меня гуси-лебеди
В синём мори да сколубалися».
На вторую ступенину ступил и сказал:
«Окулий Окульевич, позволь мне еще повострубить:
Я с молоду коровушек попасывал,
Струбить-то бы мне хотелоси».
А царица Саламанида говорит:
«Я бы велела рубить буйну голову».
А и говорит Окулий Окульевич:
«Один человек не рать в поли,
И одно дерево не темный лес,
Зачем ему рубить буйну голову?»
И на другу ступенину ступил и вовострубил,
Вострубил, дак еще больше мать-земля сколубаласи.
Вся стороница сказала:
«Под нами будто вся земля сколыбаласи». —

«Оттого, — говорит, — сколыбаласи,
Что узнали про меня гуси-лебеди,
Что принимаю я смерть напрасную».
Потом ступил на третью ступенину и спросил:
«Царь Окулий Окульевич,
Позволь мне в последний раз вовострубить:
Я с молоду коровушек попасывал,
Струбить-то мне еще хотелоси».
Говорит царь Окулий Окульевич:
«Повострубы, — говорит, — повострубы».
Вострубил царь Соломон в третий раз:
«Налетели, — говорит, — мои ясные соколы,
На ваших воронов граючеих».
Обступило войско Соломона все
Кругом, и царя Окулия Окульевича
Клал в петлю, а царицу Саламаниду в другу, а Ивашка-Таракашка в третью.
И выехал царь Соломон со своим войском.

№ 563

СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛОВИЧ

В одном царьстви в Кудриянскоем
Жил прекрасный царь Вас⟨илий⟩ Окулевич.
Собрал он почестен пир,
Вси на пиру пьяны-веселы.
Ходит он по гридни по столовою:
«Вси у мня в царьстви поженены,
Вси красны девушки замуж выданы,
А я живу, — г⟨овори⟩т, — холост-неженат».
Младший тулитце за большего,
А больший тулитце за меньшего.
«Чтоб выбрать ю и белым-бела и статн⟨ым⟩-статна,
Было бы с кем забавлятися, а мни поклонятися!»
Выскоцил Ванюха-вор Повареной:
«Вот я тебе знаю невесту,
Буде тебе с кем забавлятисе,
А нам буде кому поклонятисе.
Есь, — г⟨овори⟩т, — на Руси царица Соломáнида,
И тебе буде с ней хорошо забавлятисе,
А нам буде кому поклонятисе». —
«Ох ты, Ванюха, гой вор Повареной,

Как от жива мужа жену отнять?» —
«А не наб и отнимать,
Только съездить да взять.
Нагрузите кораб товаров драгоценныих
И перемените мне званиё:
Был Ванюха-вор Повареной,
А наложите звание — Торокашка, гость заморский».
Переменили имя — Торокашка, гость заморский.
Нагрузили кораб разныих товаров драгоценныих.
Отправилсе Ванюха за сине море,
В тое Ц⟨арст⟩во Святорусское.
Привалил кораб в Царьство Русское,
Приходит, а царя дома не слуцилосе.
«Ай же ты, царица Соломо́нида,
Поди-ко, оцени на моем корабли товары драгоценныи
И разреши мне торговать», — г⟨овори⟩т.
Царица по кораблю ходила-была,
Товары вси оценила.
Нацали царицу ага́щивать
Винамы заморскима, питьямы забудущима.
Царица напиласе
И заснула, свалиласе.
Приказал поднять па́руса,
Отправилсе кораб за сине море.
Отъехали далеко за сине море,
Царица проснуласе,
Видит, ни краю, ни берегу на синем мори.
«Ай же, Торокашка заморской,
Про себя везешь или про́ друга?» —
«Не про себя везу, — г⟨овори⟩т, — а про друга,
Везу про прекрасного царя Василья Окульева».
Тут царица задаваласе,
Тут царица снова напиваласе.
«Еду я от модривого Соломона
К прекрасному царю Василею Окульеву».
Привалил кораб к пристани корабельною.
Тут царю царица прилюбиласе,
Нацали жить, забавлятисе.
Приехал царь Соломон домой,
А царицы Соломониды и дома нет,
Увезена царица в ц⟨арст⟩во Кудрияньское.
Брал ли он силы ⟨сорок⟩ тысячей,
Золотой казны, колько надобно,

Приехал он ко Почай-реки.
«Ай ты, сила-войско любимоё,
Опочев держите у Почай-реки,
Пейте воду со Почай-реки,
Режьте жеребьи с березины,
Кидайте жеребьи на Почай-реку:
Которы жеребьи на дно падут —
Та сила воротись домой,
А которы жер⟨ебьи⟩ поверх падут —
Тая сила здесь живи.
И слухайте, — г⟨овори⟩т, — трубы пастушьи:
Как раз протрублю в турьей рог —
Как ты бы, сила, ладилась кольчуживать.
А другой раз затрублю в турьей рог —
Дак ты чтоб, сила, на конях была.
А третьей раз протрублю —
Дак чтоб сила у меня была».

Взял свой турьей рог и пошел в царьство Кудриянское. Приходит, а царя дома нет, Василья Окульева. Сидит царица одна в покои.

«Ай же ты, царица Соломонида,
Ну что же ты, царица, наделала?» —
«Не охотой я поехала —
Увезли неволею».
Вдруг идет царь Василей Окулович.
«А меня теперь куды?» —
«А поди в большой сундук, я тебя скрою».
И приходит царь Василей Окульевич.
«Ай же Василей Окульевич,
Приехал ко мне старой муж». —
«А где й-он находитце?» —
«А вот, в сундуки.
Казни Соломона скоро-наскоро».
Хватил он саблю вострую,
Хоце оттюкнуть буйну голову.
Скорилсе тут Соломон-царь:
«Не казни меня скоро-наскоро,
Сделай ты мне смерть царскую:
Сострой мне в чистом поли́
Крылецко в три ступенчика
И сделай три петелки шелковыих:
В перву петелку — голова клась,
В другу петелку — руки клась,
А в третью петелку — нога.

И повисишь ты меня,
Даёшь ты смерть мне царскую,
Про тебя пойдет слава великая,
Что задавил Соломона в петелках».
Царь приказал сделать крылечко три ступеньцика.
Впрягали коней стоялыих,
Повезли Соломона на виселицу,
Сам сел в корету, поехал впереди.
Везут Соломона на виселицу,
Говорит Соломон таковы слова:
«Перва-то корета сама бежит,
А другу-то корету конь везе,
А третью корету церт несе».
(*Жена-то сзади, дак.*)
Приехали к этым ступеньцикам,
И говорит Соломон таковы слова:
«Ай же, прекрасный царь,
Смолоду коровушек попасывал,
Охотник был в турьей рог поигрывать.
Дай при смерти мне потешитце,
В турьей рог да наигратисе».
Говорит царица Соломонида:
«Казни Соломона скоро-наскоро». —
«Ай же, Вас⟨илей⟩ Окульевич,
Едино древо не лес в поли,
Один человек не рать в поли».
Затрубел Соломон в турьей рог —
Вдруг его сила скошеваласе,
К Соломону справляласе.
«Это что сделалсе шум?» —
«Ай же, Василей Окульевич,
Это, — г⟨овори⟩т, — гуси-лебеди хлопают крыльями
По синю морю,
Слышат они трубу турьеву».
Переступил Соломон на второй ступенчик,
Опять и говорит:
«Ай Вас⟨илей⟩ Окульевич,
Дай при смерти потешитьце,
В турьей рог наигратисе». —
«А играй, Соломон, сколько хочетце».
Слышит, что сила к ему двигаетце.
Переступил Соломон на третьей ступень.
(*На остатной.*)

«Ай Василей Окульевич,
Дай при смерти натешитьце». —
«А играй, Соломон, сколько хочетце».
Нацал Соломон в турьей рог поигрывать —
Приехала сила святорусская,
Нацали охрану бить кудриярьскую.
Видит, что сила победила,
И говорит таки слова:
«Ай же ты, Василей Окульевич,
Налетели святорусские голуби,
Клюют твое пшено белоярово!»
Овернетце царь В⟨асилей⟩ Окульевиц.
Спустилсе Соломон с крилецка,
В перву петлю повесил царя В⟨асилея⟩ Ок⟨ульевича⟩,
А в другу петлю пов⟨есил⟩ Торокашка, гостя заморского,
А третью петелку — палаца немилостливого,
А царицу Соломониду привязал к двум жеребцам:
К жеребцу ногу, а к другому другую.
Нарядил жеребцей в чисто поле —
Роздернули царицу во чистом поли.
Поехал он в Царство свое Святорусское
С большой славой великою,
Что повесил царя В⟨асилея⟩ Окульева.

№ 564

ЦАРЬ СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛОВИЧ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь Василий Окулович. Царствовал он много лет и был холостой. В одно прекрасное время захотел жениться и собрал все свое царство на бал к себе. Когда напились мужики и бабы, а он ходит не пьяный.

Мужики ильны хвастают: один своим богатством, другой — молодой женой. Он ходил, слушал и говорит:

«Значит, я холостой. Не знаете мне кого-либо, чтоб ожениться?»

Все закричали:

«Не знаем, не знаем! Какую вам, ваше императорское величество?»

«А вот мне какую надо, чтобы была красным красна, статной статна, и походка была белой лебеди!»

Тут все стали серьезными — царь загадал загадку, и не знает никто, где такая птица есть.

Был один солдат, рядовой Таракашка Заморыш. «Я, — говорит, — знаю, ваше императорское величество. В таком-то царстве у царя Соломана жена». — «Как ты ей возьмешь?» — «Легко и просто».

Он очень много пил водки.

«Дай мне на три месяца отпуск и дай приказ, чтобы все трактиры, рестораны, лавки отпускали водку для меня и моих друзей бесплатно».

Вот солдат гуляет. В это время он наказывает, чтобы снарядить ⟨три⟩ корабля и нагрузить самолутшими товарами: «Я поеду торговать и привезу вам жену».

Долго ли, коротко ли он гулял. Это время прошло, он приходит домой к царю. Приходит — все готово. Команду дали ему рабочих, и он отплыл. Долго ли, коротко ли плыл, приплыл, остановил корабли и посмотрел в подзорную трубу, какой флаг у царя Соломона. Видит флаг, что царь в отлучке, одна жена дома. Пристал к пристани и послал царю Соломону письмо, что прибыли такие-то, какие цены торговать.

Вот жена посылает оценщиков оценить товары. Он их пьяными напоил, и ничего не могут сделать. Она посылает вторых, и вторых — то же самое. Тогда решила сама идти. Он подскочил к ей, завел на корабь и сам показыват товары, товары ей понравились.

Зовет гусли-самогуды. Как заиграл, она слушала гусли, потом легла и уснула. Когда схватили — [проснулась: море] синеё кругом. Видит, что дело плохо и говорит: «За себя ты меня повез или за другого? Если за себя, то брось в море, а за другого — побуду, что будет».

Когда прибыл он, привез ей, послал весть, чтоб встречали. Была встреча. Они обвенчались с царем и стали жить с Василием Окуловичем. Он ей понравился.

Царь Соломон приехал с командировки. Жены нет день, другой. Потом стал выпытывать, у тех, кто оценивал товары. Они сказали, что приходили кораблики и ее увезли. Он справился на корабь свой, взял с собой войско и поехал туды войной. Долго-коротко он ехал. Вот приехали, и он дал приказ: «Меня станут казнить, и я сыграю в турий рог. Как в ⟨третий⟩ раз сыграю, чтобы этого царя разбить в золу-пепел!»

Сам приехал, зашел во дворец, царя не было дома, одна евонная жена. Поздоровались: «Ну, как жизнь?» — «Очень хорошо. Вот мой муж идет». — «А куда же мне?» — «Не знаю, полезай в сундук!»

Он зашел в сундук, она защелкнула за щеколь, села и сидит. Вот Василий Окулович приходит. «Вася, — говорит, — угадай: на царе сижу, а на другого гляжу?» — «Какого такого царя? Если смотришь, то я, значит, муж, а сундук-то какой царь?»

Ну вот. Она маленько открыла и показала: «Вот, приехал мой муж за мной, надо его казнить». — «Как казнить?» — «Да как я уйду (*уже это царь Соломон говорит*), если ты меня в сундук закрыла? Вот назначьте мне такой-то срок, соберите все царство, чтобы видели, как будете казнить».

Царь приказ дал — насобирать народу много-много. Повели Соломона казнить. Петли сделали, три ступени сделали, повели, а он дорогой и говорит:

«Передние колеса кони везут,
А задние колеса сами бегут,
Таракашку Заморыша
Черт ли несет!»

Когда зашел он на первую ступеньку, посмотрел на все четыре стороны, поклонился: «Вот, мол, смотрите — я пас овец и могу играть в турий рог. Прошу разрешить мне сыграть в турий рог!»

Ему разрешили. Он заиграл: «Э-э-эй!» — так заиграл заунывно. На море шум поднялся. А жена говорит: «Казните его скорей, а то он такой мудрый, уидёт!»

А его войска услышали турий рог и уж к бою приготовились. Перешел царь Соломон на вторую ступень. Заиграл — шум поднялся пуще прежнего. Корабли его уже к берегу подходят. Проиграл третий раз, перешел на третью ступеньку, полсекунды уж ему жизни осталось. Поглядел назад, а его войско только косит всех, как в сенокосе. Всех перебили.

Взяли Василия Окуловича — в первую петлю, жену — во вторую петлю, а Таракашку — в третью. Так всех их и решили. Вот и сказке конец.

№ 565

ЦАРЬ СОЛОМОН

Один царь был Соломон, другой — Василий Окулович. Василий Окулович презжает в гости к нему. У него была очень красивая жена, у царя Соломона этого. Он у него жену и украл. Царь Соломон поехал жоны розыскивать. Приехал к Василию Окуловичу, жона его в сундук посадила. Приходит Василий Окулович, а она ему говорит:

«Василий Окулович, отгони загадку, я тебе загадаю: я на царе сижу, а на царя гляжу. А что это может быть?»

(*Муж как у ней под задницей.*) Он думал-думал, не може ничего отгадать: «Не могу отгадать загадку твою». — «А у меня муж в сундуке сидит!» — «Выпусти его, у нас у свиней пастуха нет, пускай свиней пасет».

А Соломон казаков с собой привез, за поляной их спрятал и сказал: «Как свисток первый дам, седлайте коней, а как второй дам — будьте начеку!»

Вот жона его говорит: «Убивай его, Василий Окулович! Он на хитростях-мудростях вылезет». — «Пусть он день пропасет, на второй мы его повесим».

Вот завтрашний день убивать будут. Соломон говорит: «Я тебе, Василий Окулович, вот что скажу: ты — царь, и я — царь, сделай яму, столб и три петли, и штобы была одна петля пеньковая, друга шолковая, третья — серебряная. Я в каку петлю захочу, в той и повешусь».

Поехали они к виселицы. Царь Соломон говорит:

«Первы колеса кони везут,
Други колеса поневоле идут,
А третьи колеса — леший несет!»

Василий Окулович роздумался, не может понять: «А что ты сказал, царь Соломон?» —

«Первые колеса — два царя едут,
Вторые колеса — Гришку-росстрижку везут (*палач, слуга их*),
А третьи колеса — жона» (*жалеет, дак убивать придется*).

Зашел он к первой петли — пеньковой: «Не такая царска голова, чтобы на такой пеньке висеть!» Солдаты стоят, всё окружили. Василий Окулович говорит: «Отдай мне, Соломон, твоей хитрости-мудрости!» — «Скоро отдам, подожди».

Ну ладно, взял шолковую петлю: «Я выше пойду». Сел на стульчик. «Ну, отдай хитрости-мудрости!» Он первый свисток подал, пальцами на солдат показывает: «Вот де, мои гуси твоё жито будут клевать!»

Второй свисток дал, казаки налетели, солдат рубят. Тут Василий Окулович испугался: «Теперь вешай меня, Соломон!»

В первую петлю повесили Василия Окуловича, во вторую петлю — Гришку-расстрижку, а в третью — жону его.

Сам Соломон домой справился.

ВАНЬКА УДОВКИН СЫН И ВОЛШАН (№ 566)

№ 566

О ВАНЬКЕ УДОВКИНЕ СЫНЕ И ЦАРЕ ВОЛШАНЕ ВОЛШАНСКОМ

Народился Ванька удовкин сын.
Приходил к царю Волшану Волшанскому,
А бьет-то Ванька удовкин сын
О той о залоге о великая:
«Ай же ты, царь Волшан Волшанович!
А есть у тебя любимая дочь,
А тая Марья есть Волшановна,
А отдай-повыдай за меня замуж.
А бью я с тобой о велик заклад:
Буду я от тебя обряжатися;
Если я не обряжуся зде,
Тожно секи буйну головушку;
А если я обряжуся зде,
Так отдать тебе любиму дочь за меня замуж».
Ударили они о велик заклад.
Пошел-то Ванька удовкин сын,
Пошел Ванька обряжатися:
Не дойдет Ваньке сидеть-то тут,
Сидеть Ваньке, усиживать,
Вставает Ванька поутру ранешенько,
Умывается Ванюшка белешенько,
Трется в миткалиново полотенышко,
Молится Миколы Можайскому,
Още Пресвятой Богородицы,
Самому Христу, Царю Небесному:
«Вы храните меня, милуйте».
Да тут опять Ваньке не дойдет сидеть,
Сидеть Ванюшке, усиживать.
Обвернулся Ванька горносталем,
Сманул Ванька в подворотенку,
Заходил в палату во царскую,

В палаты обвернулся добрым молодцем,
Целовал-миловал он Марью Волшановну,
Целует он, сам прощается:
«Прощай, свет, моя любезная,
Смогу ли я обрядитися!»
Обвернулся Ванька горносталем,
Опять он сманул в подворотенку,
Пошел-поскакал по чисту полю,
Прошел-проскакал тридевять вязов,
Тридевять вязов, тридевять цветов,
Зашел за тый ли за единый вяз,
И сидит там добрый молодец.
Вставает царь Волшан Волшанович,
Поутру вставает ранешенько,
Взимает в руки книгу волшанскую.
Начала ему книга волховать и высказывать:
«Вставал-то Ванька удовкин сын,
Вставал поутру ранешенько,
Умывался Ванюшка белешенько,
Утирался в миткалиново полотенышко,
Молился Миколы Можайскому,
Еще Пресвятой Богородицы,
Самому Христу, Царю Небесному:
„Вы храните меня, молодца, милуйте"».
Обвернулся Ванька горносталем,
Сманул Ванюшка в подворотенку,
Заходил в палату во царскую,
Во палаты обвернулся добрым молодцем,
Целовал он, миловал Марью Волшановну,
Целуется он, сам прощается:
«Прощай, свет, моя любезная,
Смогу ли я обрядитися!»
Обвернулся Ванька горносталем,
Опять сманул он в подворотенку,
Пошел-поскакал по чисту полю,
Прошел-проскакал тридевять вязов,
Тридевять вязов, тридевять цветов,
Зашел за тый ли за единый вяз,
И сидит там добрый молодец.
Проговорит царь Волшан Волшанович:
«Подите, слуги, возмите его!»
Пошли слуги и взяли его,
Привели к царю Волшану Волшановичу.

Смолился Ванька удовкин сын,
Поклонился царю Волшану Волшановичу:
«Ай же ты, царь Волшан Волшанович!
Есть ли грешному прощеньице?
Прости-тко в этой вины великоей».
Тут-то царь Волшан Волшанович,
Тут он и сам пораздумался:
Простил он Ваньке сыну удовкину.
Говорит Ванька удовкин сын:
«Ай же ты, царь Волшан Волшанович!
Ударим опять о велик заклад:
Буду еще от тебя обряжатися». —
«Ступай, Ванька удовкин сын,
Обряжайся еще во другой раз».
Ушел Ванька удовкин сын.
Вставал поутру он ранешенько,
Умывался Ванюшка белешенько,
Утирался в миткалиново полотенышко,
Молился Миколы Можайскому,
Еще Пресвятой Богородицы,
Самому Христу, Царю Небесному:
«Вы храните меня, милуйте».
Да тут опять Ваньке не дойдет сидеть,
Сидеть Ванюшке, усиживать.
Обвернулся Ванька горносталем,
Сманул Ванька в подворотенку,
Заходил в палату во царскую,
В палаты обвернулся добрым молодцем,
Целовал-миловал он Марью Волшановну,
Целует он, сам прощается:
«Прощай, свет, моя любезная,
Смогу ли я обрядитися!»
Обвернулся Ванька горносталем,
Опять он сманул в подворотенку,
Пошел-поскакал по чисту полю,
Прошел-проскакал тридевять вязов,
Тридевять вязов, тридевять цветов,
Тридевять цветов, тридевять дубов,
Зашел за тый ли за единый дуб,
И сидит там добрый молодец.
Вставает царь Волшан Волшанович,
Поутру вставает ранешенько,
Взимает в руки книгу волшанскую.

Начала ему книга волховать и высказывать:
«Вставал-то Ванька удовкин сын,
Вставал поутру ранешенько,
Умывался Ванюшка белешенько,
Утирался в миткалиново полотенышко,
Молился Миколы Можайскому,
Еще Пресвятой Богородицы,
Самому Христу, Царю Небесному:
„Вы храните меня, молодца, милуйте"».
Обвернулся Ванька горносталем,
Сманул Ванюшка в подворотенку,
Заходил в палату во царскую,
Во палаты обвернулся добрым молодцем,
Целовал он, миловал Марью Волшановну,
Целует он, сам прощается:
«Прощай, свет, моя любезная,
Смогу ли я обрядитися!»
Обвернулся Ванька горносталем,
Опять сманул он в подворотенку,
Пошел-поскакал по чисту полю,
Прошел-проскакал тридевять вязов,
Тридевять вязов, тридевять цветов,
Тридевять цветов, тридевять дубов,
Зашел за тый ли за единый дуб,
И сидит там добрый молодец.
Проговорит царь Волшан Волшанович:
«Подите, слуги, возмите его!»
Пошли слуги и взяли его,
Привели к царю Волшану Волшановичу.
Смолился Ванька удовкин сын,
Поклонился царю Волшану Волшановичу:
«Ай же ты, царь Волшан Волшанович!
Есть ли грешному прощеньице?
Прости-тко в этой вины великоей».
Тут-то царь Волшан Волшанович,
Тут он и сам пораздумался:
Простил он Ваньке сыну удовкину.
Говорит Ванька удовкин сын:
«Ай же ты, царь Волшан Волшанович!
Если не обряжуся в третий раз,
Ничего у меня не спрашивай,
А прямо секи буйну голову».
Отпустил царь Ваньку сына удовкина,

Дал ему срока-времячка третий раз,
Еще третий раз обрядится.
Опять Ванька сряжается,
Опять Ванюшка обряжается,
Обряжается Ванюшка третий раз.
Обвернулся Ванька горносталем,
Сманул Ванюшка в подворотенку,
Заходил в палату во царскую,
Во палаты обвернулся добрым молодцем,
Целовал он, миловал Марью Волшановну,
Целует он, сам прощается:
«Прощай, свет, моя любезная,
Смогу ли я обрядитися!»
Обвернулся Ванька горносталем,
Опять он сманул в подворотенку,
Пошел-поскакал по чисту полю,
Прошел-проскакал тридевять вязов,
Тридевять вязов, тридевять цветов,
И выскочил Ванька на крут бережок,
Пошел-поскакал о сине море
По этому по крутому по бережку,
Пришел-прискакал ко сыру дубу.
Сидят птицы, дети Могуль-птицы,
Сидят они — все перезябнули,
Сидят они — все перемокнули,
Сидят они — все перехолоднули.
Тут-то Ванька удовкин сын
Видит, что им беда пришла:
Перемокнут, перезябнут, перехолодуют.
Скидывал с себя цветной кафтан,
Покрывал этых детей птицы Могуль-птицы.
Налетела тут птица Могуль-птица,
Отворила ортину великую,
Хочет сглонуть-съесть Ваньку удовкина.
Смолилися же дети ейнины:
«Ай же ты, родна наша матушка!
Не тронь удала добра молодца:
Это пришел к нам батюшка,
Слободил от смерти от напрасныя;
Все бы мы перезябнули,
Все бы мы перемокнули,
Ни одного жива не было».
Тут-то птица Могуль-птица

Говорит-промолвит таковы слова:
«Ай же ты, Ванька удовкин сын!
Почему же ты зашел-загулял сюда,
А кто тебя занес сюда?»
Тут-то Ванька смолился ей:
«Ай же ты, птица, Могуль-птица!
Не можешь ли слободить от смерти напрасныя,
Обрядить от царя Волшана Волшанскаго?»
Проговорит птица Могуль-птица:
«Могу обрядить от царя Волшана Волшанскаго».
И вырвала птица из праваго из крылышка,
Из крылышка из праваго три перышка,
И вырвала она, подавает ему,
Давает огнивце во третьиих:
«Поди-ка Ванька удовкин сын,
Заходи-ка во палату во царскую
И помазуй перышками моими птичьими
Того ли царя Волшана Волшанскаго,
Помазуй, а сам выговаривай:
„Помазую я, заклинаю все твои книги волшенские
И все твои слова проклятыя".
Еще секи ты огнивце птичие
Над верхом над царем Волшаном Волшанскиим,
Секи, а сам выговаривай:
„Засекаю я, заклинаю все твои книги волшенские
И все твои слова проклятыя;
Чтобы та книга не волховала, не просказывала
Про меня, про добра про молодца".
Обрядись-ка ты под кровать ему:
Не найти ему тебя, добра молодца».
Тут-то Ваньке не дойдет сидеть,
Сидеть Ванюшке, усиживать.
Опять он бежал скорым-скоро,
Обвернулся Ванька горносталем,
Заходил во палату во царскую
И помазывал перышками птичьими
Того ли царя Волшана Волшанского,
Помазует, а сам выговаривает:
«Помазую я, заклинаю все твои книги волшенския
И все твои слова проклятыя».
И начал сечь огнивце птичие
Над верхом над царем Волшаном Волшанскиим,
Сечет, а сам выговаривает:

«Засекаю я, заклинаю все твои книги волшенския
И все твои слова проклятыя,
Чтобы та книга не волховала, не просказывала
Про меня, про добра молодца».
Сказал и сел под кровать ему.
Вставает царь Волшан Волшанович,
Поутру вставает ранешенько,
Взимает в руки книгу волшанскую.
И начала книга волховать и высказывать:
«Вставал Ванька ранешенько,
Умывался Ванька белешенько,
Утирался в миткалиново полотенышко,
Обвернулся Ванька горносталем,
Сманул Ванюшка в подворотенку,
Заходил в палату во царскую,
Во палаты обвернулся добрым молодцем,
Целовал он, миловал Марью Волшановну,
Целуется он, сам прощается:
«Прощай, свет, моя любезная,
Смогу ли я обрядитися!»
Обвернулся Ванька горносталем,
Опять он сманул в подворотенку,
Пошел-поскакал по чисту полю,
Прошел-проскакал тридевять вязов,
Тридевять вязов, тридевять цветов,
И выскочил Ванька на крут бережок,
Пошел-поскакал о сине море
По этому по крутому по бережку,
Пришел-прискакал ко сыру дубу.
Сидят птицы, дети Могуль-птицы,
Сидят они — все перезябнули,
Сидят они — все перемокнули,
Видят они — все перехолоднули.
Тут-то Ванька удовкин сын
Видит, что им беда пришла:
Перемокнут, перезябнут, перехолодуют.
Скидывал с себя цветной кафтан,
Покрывал этых детей птицы Могуль-птицы.
Налетела тут птица Могуль-птица,
Отворила ортину великую,
Хочет сглонуть-съесть Ваньку удовкина.
Смолилися же дети ейнины:
«Ай же ты, родна наша матушка!

Не тронь удала добра молодца:
Это пришел к нам батюшка,
Слободил от смерти от напрасныя;
Все бы мы перезябнули,
Все бы мы перемокнули,
Ни одного жива не было».
Тут вышел Ванька с сыра дуба,
Обвернулся Ванька горносталем,
Вошел в палату во царскую.
Говорит царь Волшан Волшаньвич:
«Подите, слуги, ищите Ваньку удовкина,
Есть Ванька в моей палаты во царския».
Искали, искали, не могли найти.
Разгорелося сердце царское:
Он взял эту книгу волшанскую,
Растопил печь до красна,
Бросил в печь книгу волшанскую,
Сам говорил таковы слова:
«Ну, Ванька удовкин сын!
Как ⟨...⟩
Так выдам за тебя любезную дочь».
Выскакал тут Ванька удовкин сын
Из-под той, с-под кроваточки царския.
Говорил царь Волшан Волшанович:
«Обрядился ты от царя Волшана Волшанского,
От той от книги волшенския:
Пора честным пирком и за свадебку».
И выдал свою любезную дочь
За того за Ваньку сына удовкина.
Стал тут Ванька жить да быть,
Жить да быть, семью сводить.
Как преставился царь Волшан Валшанович,
Попрошают его, Ваньку, на место царское.
И почал Ванюшка царствовать.

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ БЫЛИН

№ 319—566

ДУНАЙ И НАСТАСЬЯ-КОРОЛЕВИЧНА (№ 319—320)

№ 319

О Дунае Ивановиче

БПК, № 44. Рукопись в архиве не обнаружена.

Зап. Е. П. Родиной: февраль 1939 г., д. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Васильевича Кигачева, 43 лет.

«Относительно этой былины Кигачев рассказывает: „Слыхал здесь, в Заонежье, когда был в батраках, но не могу упомнить имен. В книге не приходилось читать"».

Данный текст не имеет существенных отличий от прионежской группы вариантов. Действие развивается в той же последовательности, сохранены все эпизоды. Наиболее интересные отклонения заключаются в следующем: как и в мезенских вариантах, сказочный образ младенца заменен рассказам Настасьи о его силе и уме; после смерти героев протекает только одна река, от крови Дуная. Из других особенностей былины следует отметить имя короля — Дмитрий Черниговский (обычно король Литовский), перенесенное, очевидно, из былины об Иване Годиновиче, а также гибель Настасьи от сабли мужа (ср. былину Пашковой, БПК, № 7).

Кигачев дает довольно полный вариант былины, добросовестно передает ее содержание, но отдельные эпизоды излагает слишком сжато (например, разговор на пиру о невесте для князя), опуская некоторые подробности и живописные детали (поэтическое описание внешности невесты и т. п.).

Несравненно лучше разработана вторая часть, начиная со встречи Дуная с поляницей; здесь обращает на себя внимание образное, детальное изображение поединка» (БПК, с. 492).

По мнению современного исследователя, связь текста с устной традицией Пудожского края маловероятна. Он почти наполовину состоит из «самодельных» стихов и тирад, которые не всегда удавались Н. Кигачеву. В них множество словосочетаний, невозможных в традиционных эпических песнях; многие из них невнятны и по содержанию («тебе будет жена она наглядная»; «светлорусских могучих богатырей»; «себе спущает в грудь калёну стрелу» и др.) или же представляют собой прозаические разговорные конструкции, стилизованные под народную поэзию («чтобы пришла она князю по характеру»; «то она будет круг его смеятися»; «голова у него будет разумная»; см. также ст. 25—33, 52—53, 57—58, 66—70, 109—119 и многие другие). Необычная для олонецких редакций сюжета развязка, видимо, тоже сочинена сказителем; получается, что Дунай сознательно казнит жену. В описании иноземного царства, в котором богатыри добывают невесту для князя Владимира, использованы имена собственные из «Ивана Годиновича» («Дмитрий король Черниговский»).

Некоторые оригинальные детали и формулы через книгу восходят к классическим вариантам старой записи, в местной традиции им нет сколько-нибудь близких аналогий. «Король Черниговский» возмущается тем, что сватаются к его младшей, а не старшей дочери (ср. тексты ряда кижских певцов). В чистом поле Дунай видит «брод лошадиный», «глубоко у лошади в землю грязнуто»; отправившись по этому следу, богатырь догоняет Настасью-поляницу. Это оригинальные формулы пудожгорского сказителя А. Чукова (Гильф., № 148, ст. 255—256). Даже в родственных по происхождению былинах его соседа П. Калинина находим иные поэтические образы — «ископыть лошадиная», «как стульями земля да проворочена» (Гильф., № 5, ст. 346—347). Перечисление киевских богатырей, которые, по мнению Настасьи, превосходят Дуная своими достоинствами (ст. 205—208), почти дословно совпадает с оригинальной формулой П. Северикова из Кижей (Т.—М., № 35, ст. 150—154; ср. также ст. 242—248 в былине К. Романова — Гильф., № 94). Характеристика богатыря-младенца («необыкновенного сына» Дуная и Настасьи) в ст. 250—254, вероятнее всего, навеяна соответствующим эпизодом из КД (№ 11, ст. 376—381). Особенно показательно использование Кигачевым формул, не свойственных олонецкой былинной традиции, но обычных в старинах Зимнего Берега, Мезени и Кулоя. Описание поединка Дуная и Настасьи («они тем боем друг друга не ранили»; «тянулись через гривы лошадиные...») родственно типовому изображению единоборства богатырей в архангельско-беломорских записях («тем боем друг друга не ранили», «тянулись тягами железными через степь лошадиную» и т. д.).

Мозаичный характер былины Кигачева, обилие в ней индивидуальных новаций не позволяет однозначно связать данный текст с устной эпической традицией.

№ 320

Про Дуная Ивановича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 12, ед. хр. 84, л. 850—868 (л. 6—23), черновая рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 7.

Зап. Г. Н. Париловой: июль 1939 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Анны Михайловны Пашковой, уроженки д. Ярчево Пудожского у., малограмотной, 74 лет.

«„Про Дуная не помню, от кого слышала", — говорит Пашкова. Былина о Дунае принадлежит к числу наиболее популярных, особенно в Заонежье и на Мезени (см. перечень вариантов — Аст. 1, с. 576)» (БПК, с. 467).

На первой странице рукописи отмечено рукой собирательницы: «От коробейников или от Зубова из Семенова».

Разночтения БПК, № 7

Ст. 71 А не *высваташь*; ст. 121 *есть ли любима* дочь; ст. 100 *Собирай* своих; ст. 124 *Отдай-ко Опраксу*; ст. 147 ркп. отсутствует; ст. 149 (150 ркп.) Он *скорым да скорёшенько*; ст. 208 (ст. 209 ркп.) с *неволищи*; ст. 315 (ст. 316 ркп.) Всякима *да*.

«Былина Пашковой в основном примыкает к заонежской группе вариантов: о невесте для князя Владимира говорит сам Дунай, добывает он ее с помощью Добрыни; отказ короля вызван тем, что Дунай „обнес дочь старшую" и т. п. (см. Аст. 1, с. 577).

Важнейшее отступление от заонежских вариантов — отсутствие мотива чудесных младенцев. Роль Апраксии аналогична ее роли в былине о Дунае Т. Г. Рябинина (Гильф., № 8); она признается Дунаю, что „три года Богу русскому молилася, чтобы быть за князем, за Владимиром". Наиболее близкими по

стилю и композиции вариантами являются былины о Дунае Романова (Гильф., № 34) и Иевлева (Гильф., № 102), причем это касается главным образом первой части былины. Оригинальность Пашковой заключается в том, что она опускает некоторые традиционные эпизоды и включает новые. Так, обычный заключительный эпизод состязания в стрельбе из лука в данном варианте отсутствует и заменен новым — смертью Настасьи от сабли Дуная. Эпизод добывания невесты осложнен тем, что Дунай не похищает Апраксию, а с ее согласия увозит, спустив через окно. В отличие от обычных вариантов у Пашковой король не соглашается на брак дочери с Владимиром даже после избиения его слуг богатырями; сказительница пытается правдиво изобразить горе отца, потерявшего дочь (ст. 193—214): король сначала плачет, а затем, возмущенный дерзостью богатырей, зовет на помощь старшую дочь — поляницу.

В целом былина является одним из лучших заонежских вариантов. Отсутствие сказочного мотива чудесных младенцев и снижение героического момента былины (избиение слуг короля против обыкновения показано не как борьба русских с татарами) указывает на тяготение Пашковой к былине-новелле.

Былина о Дунае имеет сюжетные параллели в эпосе других народов (Песнь о Нибелунгах, Тидрек-Сага и др.). Вс. Миллер, Лобода и другие исследователи пытались установить историческую основу былины. Таковой, по всей вероятности, являются предания о женитьбе князя Владимира Святославича на Рогнеде, в которой принимал активное участие Добрыня, а также предания о сватовстве его к византийской царевне Анне. Поэтические повествования о женитьбе Владимира имеются в летописях. Прототипом былинного Дуная некоторые исследователи (Вс. Миллер) считают воеводу волынского князя XIII в. — Дуная, имя которого неоднократно встречается в летописи» (БПК, с. 467).

Об истоках своей былины А. Пашкова не сообщила собирателям ничего определенного (БПК, с. 467). Устное ее происхождение маловероятно, поскольку данный сюжет уже во времена Рыбникова и Гильфердинга на Пудоге практически забыли, а текст Пашковой довольно велик по объему. Скорее всего, это — индивидуальная композиция, созданная сказительницей на основе общефольклорных знаний и многочисленных заимствований из книг. В композиционном плане вариант близок к редакции сюжета, бытовавшей в Кижах. Эта близость проявляется и на уровне оригинальных деталей повествования. Литовский король сетует, что, посватавшись к Опраксе-королевичне, Дунай тем самым «обнес» его старшую дочь (ст. 138—140; ср. старины К. Романова, П. Юховой и ряда других кижан). Известна Пашковой и уникальная формула Т. Рябинина — заявление невесты, что она «три года Богу русскому молилась», чтобы «быть за князем за Владимиром» (ст. 159—161). Необычная «заповедь» Настасьи выйти замуж за того, кто одолеет ее в богатырском поединке, восходит к тексту из сборника Кирши Данилова (КД, № 11, ст. 254—256). Ст. 178—179 перенесены из былины «Вольга и Микула», входившей в репертуар исполнительницы (см. СБ 16, № 20, ст. 60—61), а ст. 281—293 — из «Михайла Потыка» (см. СБ 17, № 317, ст. 190—201). Описание «боя да в рукопашную» (ст. 245—251) внешне напоминает вероломное нападение Сокольника на спящего Илью Муромца, но текстуально оно чрезвычайно близко к сцене кулачного боя в «Песне про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова. Ст. 52 в портрете красавицы — перенесение из лирических песен («А говорит она, будто рублем дарит»).

А. Пашкова заметно изменила традиционный финал былины — в ее тексте нет состязания супругов в стрельбе из лука, Дунай казнит жену за ее неуступчивость; нет и обычного в этой старине мотива чудесных младенцев. В целом неплохо владея техникой создания былинных стихов и тирад, исполнительница иногда искажала традиционные формулы («умом статна» вместо «сверстна» — ст. 25; «походочка невинная» вместо «павиная» — ст. 58) или же употребляла не свойственную народной поэзии лексику («взойдите-тко в мое да в положение» — ст. 20; «огорчил ты меня» — ст. 140; «шаль шолкова» — ст. 337).

ДУНАЙ ИВАНОВИЧ — СВАТ (№ 321—328)

В отличие от соседнего Заонежья на Пудоге эта былина не получила широкого распространения. Записана она от 5 сказителей, но тексты А. Пашковой, Н. Кигачева и П. Царева генетически связаны с печатными источниками, восходящими к заонежской традиции (см. коммент. к № 320, 324 наст. тома). В вариантах Ф. Конашкова (№ 323, 325, 326 наст. тома) также немало схождений с кижскими старинами, что можно объяснить либо его непосредственными контактами с певцами из Заонежья, либо влиянием книги. В композиционном плане пудожские тексты не выходят за рамки типовой для всего Русского Севера модификации сюжета. В обоих устных по происхождению вариантах просматривается тенденция к упрощению фабулы: Конашков опустил рассказ о конфликте Дуная с женой, а Петров ограничился рассказом о добывании невесты только для князя Владимира.

№ 321

Дунай

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 889—890 (л. 372—373), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 214, стб. 1013—1015.

Полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами проставлена пунктуация. Под текстом: «Запис⟨ано⟩ на Водлозере, 7 августа». На обороте листа помета: «№ 39. Дунай. 7 августа. Водлозеро».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 7 августа 1871 г., Водлозеро — от Алексея Петрова, крестьянина д. Пилмас-остров на Водлозере, более 50 лет (ок. 1820 г. р.).

Примечания А. Ф. Гильфердинга: после ст. 12 на полях помета: «запев-стих»; ст. 65 на полях: sic; ст. 66—67 на полях: «Сперва не мог припомнить, сказал это мне, пораздумавшись».

Разночтения Гильф., № 214

Ст. 7 вписан между строк; ст. 17 начинался: *Ай вси вы гости*; после ст. 18 зачеркнуто: *Слушайте, гости*; Ст. 42—43, 54—55 были записаны в обратном порядке и цифрами помечены к перестановке.

Сказитель усвоил только первую часть сюжета, изложил ее, не вдаваясь в подробности, а местами схематично и непоследовательно. После согласия князя Владимира послать вместе с героем «двух товарищов» излишним оказывается его предложение взять «казны» и «силы колько надобно». Самый драматичный эпизод сватовства сокращен до нескольких фраз, в которых констатируется успех этого предприятия. Как и в ряде других записей из Прионежья, Дунай сам вызывается сосватать киевскому князю достойную невесту. В былине Петрова немало нетрадиционных для этого сюжета имен собственных. Спутниками героя оказываются «Василий Буславьев» и «Ванюшечка поваренный»; в «царстве Малидоньском» правит «Николай державец», его дочь названа «Опраксией Микульевной». Исполнитель утверждал, что усвоил старину «от сторонних людей» (Гильф. III, с. 113). Небольшой объем текста (всего 72 стиха) затрудняет его сопоставительный анализ. Однако немногочисленные общеэпические формулы в нем практически не отличаются от тех, которые использовали П. Федулов, М. Нигозёркин и другие водлозерские певцы («облатились ⟨...⟩ да обкольчужились»; описание спешного выезда богатыря из города; характеристика растерявшихся участников княжеского пира, которые «туляются» друг за друга, и др.).

№ 322

Женитьба князя Владимира

РГО, р. XXV, оп. 1, ед. хр. 33, л. 15.

Зап. П. Певиным: начало 1890-х гг., д. Рим (Римское) Пудожгорского погоста — от Петра Лукича Калинина, около 65 лет.

Записи былин, переданные в 1894 г. в архив ИРГО священником П. Певиным, снабжены его пояснениями: «Приведенные ниже старины — былины, записанные со слов крестьянина Олонецкой губернии Повенецкого уезда Римской волости деревни Пудожская Гора Петра Лукина (Калинина). Этот сказитель певал свои старины Гильфердингу. „Почти все старины, — говорил сказитель, — выпел генералу (так он постоянно величал Александра Федоровича), и он записал, только не мог тогда вспомнить слов старины о женитьбе князя Владимира и богатыря Дуная Ивановича на дочерях короля Ляховицкого; после уж я опять слышал эту старину в Заонежьи и хорошенько запомнил". В этом виде, как Лукин запомнил и пропел мне старину про князя Владимира и богатыря Дуная Ивановича, она и записана мною. Вторая былина про Ставра Годиновича была записана, по словам Лукина, Гильфердингом, но я записал ее между прочим с целью проверить, если возможно, насколько тожественно может сказитель передавать одну и ту же былину через известный период времени (в последнее время Лукин, по его уверению, поет редко)».

Былина «Дунай-сват», видимо, не входила в активную часть репертуара П. Калинина; во всяком случае А. Ф. Гильфердингу сказитель ее не предложил. Эту старину можно рассматривать как еще одно доказательство того, что далеко не все эпические песни живших по соседству А. Чукова и П. Калинина восходят к одним и тем же источникам. В их вариантах много существенных расхождений. У Чукова «Настасья-королевична» является дочерью «короля Политовского», у Калинина «Опраксия-королевична» — дочь «короля Ляховинского»; ее сватают не братья Федор и Василий Ивановичи, а Дунай и Добрыня, как и в других прионежских записях. В комментируемом тексте в отличие от былины Чукова несколько раз говорится о прежней службе Дуная у литовского короля. Опраксия не только не противится сватовству за князя Владимира, но и заявляет, что она «три года Господу молиласи, чтобы быть мни за князем Владимиром» (ср. с былинами Ф. Конашкова — № 323, 326 наст. тома и Т. Рябинина из Кижей — Гильф., № 81). Необычен финал данного варианта — сестра героини Марфа приезжает домой и договаривается с Дунаем о своей свадьбе с ним (у Чукова все ограничивается женитьбой князя Владимира). П. Калинин использовал архаичную грамматическую форму «комуни» («комони», т. е. «кони»), а также редкое диалектное слово «шмонить» — «шутить, зубоскалить». Индивидуальной новацией сказителя, не имеющей аналогов в других записях былин, является «неважная» фамилия Дуная — «Рукомойников».

Публикуется впервые.

№ 323

Женитьба князя Владимира

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, тетр. 1, л. 77—87, карандашная запись Б. М. Соколова (с 1-й по 76-ю строку записана середина стихов, со строки 77 и до конца былины — полные строки); ед. хр. 34, тетр. 1, л. 51—56 об., полевая карандашная запись В. И. Яковлевой (полные строки); ф. 483, оп. 1, ед. хр. 479, л. 13—17. Опубл.: С.—Ч., № 79.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 10 июля 1928 г., пос. Устье Шалы — от Федора Андреевича Конашкова, 68 лет.

Разночтения (с 1-го по 76-й ст. — ед. хр. 34; с 77-го ст. до конца — ед. хр. 25)

Ст. 1 во городи; ст. 8 да бояра-то; ст. 9 тибе; ст. 10 нам *сильных*; ст. 25 *могуции*; ст. 27 идите-*то*; ст. 33 ставьте-ко *стулецьки*; ст. 42 купьцы; ст. 43 *заграницьныи*; ст. 45 *ли да* вы; ст. 49 саморусьскою; ст. 76 *по* разныи; ст. 78 А от затылоцька; ст. 81 *во* всей; ст. 82 *тот*; ст. 83 сын *ты* Микитинець; ст. 88 *ведь*; ст. 91 посватай-ко *ты*; ст. 107 *берите злата*; ст. 111, 112 ежжоных; ст. 113 уздецьки; ст. 114, 118 черькаськии; ст. 120 золоцёны; ст. 121 *ведь* как *тут*; ст. 132 *как он* отсутствует; ст. 136 *тому царю*; ст. 137 Дунаюшке; ст. 138 *ведь Дунаюшко* принёс; ст. 140 деветь ⟨...⟩ во полаты; ст. 141 *не* мной; ст. 143 тибя; ст. 144 царь *ли*; ст. 145 о добром *деле сватосьва*; ст. 146 *я из* Киёва; ст. 147 Владимера; ст. 148 *Ой* ведь на меньшии; ст. 150 *тут*; ст. 152 *срамил* отсутствует; ст. 154 тибе; ст. 158 богатырьскиим; ст. 159 *И* разлетелсе; ст. 162 укрываетсе; ст. 163 ребятушка; ст. 164 *Ай* убьёт; ст. 165 *Ай* у царя; ст. 166 *А* была; ст. 168 поправляетсе; ст. 169 *лёжит, поднимаютсе*; ст. 171 перемащивают; ст. 172 в окошецьки; ст. 174 заходы-*то*; ст. 177 возвышонном-то ⟨...⟩ *в* тереми; ст. 182 Владимера; ст. 184 отвецяла; ст. 188 благословеньицё; ст. 192 *ведь*; ст. 195 кто ⟨нрзб⟩, *да* катитсе; ст. 199 мени; ст. 202 разъидемся; ст. 203 которой-*то*; ст. 204 *Ай собьешь*; ст. 205 *если я* тибя; ст. 206 тибе *ли*; ст. 207 миня; ст. 208 *руби от*; ст. 211 вёрсты; ст. 221 А ведь Владимер.

Двухчастный сюжет «Дуная» в комментируемом тексте представлен в усеченном виде — нет финальных сцен спора богатыря и его жены, их состязания в стрельбе и гибели супругов; былина завершается описанием двух свадеб. В повествовании немало отступлений от традиционной схемы, некоторые детали и формулы перенесены из других эпических песен. Для характеристики иноземного царства использованы мотивы из былины «Наезд литовцев» (Конашкову она была известна — см. № 547 наст. тома). В частности, упомянут «город Красный», невеста является сестрой, а не дочерью «царя Романа Митриевиця». Портретное описание красавицы-невесты (ст. 77—79) позаимствовано из волшебных сказок (ср. аналогичные формулы в былине «Чурила и князь» колодозерского старика (№ 374 наст. тома, ст. 98) и в одном из водлозерских вариантов «Добрыни и Алёши» (СБ 16, № 102, ст. 237—238)). В начале былины необычна роль Добрыни: именно он указывает, где надо искать идеальную невесту, ему же поручается сватовство; Дуная он берет с собой как человека, прежде служившего царю Роману и знающего «заходы и выходы». Видимо, это не совсем удачная новация кого-то из Конашковых (в дальнейшем действие развивается по традиционному образцу, сватовством руководит Дунай, а не Добрыня). Заглавие эпической песни («Женитьба князя Владимира») лишь частично соответствует ее содержанию, так как Дунай тоже находит себе жену (ср. КД, № 11). Так же назвал свою былину пудожгорский певец А. Чуков (Рыбн., № 23), но у него речь действительно идет только о браке киевского князя.

В комментируемом тексте обнаруживаются схождения с оригинальными обработками сюжета, бытовавшими в районе Кижей. Роман Митриевиць укоряет Дуная за то, что, посватавшись к его младшей дочери, он «засадил старшу доць во девоцесьви». В развернутом виде этот эпизод есть только в генетически связанных между собой вариантах кижских сказителей К. Романова, П. Юховой, П. Северикова, А. Балагуриной (Гильф., № 94; Т.—М., № 33, 35; С.—Ч., № 116). И хотя данный мотив, возможно, связан с реально бытовавшими на Русском Севере свадебными обычаями, вряд ли певцы из разных регионов независимо друг от друга могли включить его в эпическую песню. Еще меньше оснований объяснять типологией мышления другое почти буквальное совпадение. Как и в рябининском изводе сюжета, Опраксия Романовна заявляет, что она «три года Господу молилася, а как бы мне попасть за князя за Владимира» (ст. 185—186). В других устных по своим истокам вариантах «Дуная» эта деталь не встречается. Приведенные факты позволяют предполагать возможность прямого воздействия заонежской традиции на творчество Ф. Конашкова (или его непосредственного предшественника). Не исключено, что шальский сказитель познакомился с кижскими обработками сюжета через книгу (будучи сам неграмот-

ным, он с помощью земляков усвоил немало книжных по происхождению былинных мотивов и целых эпизодов).

По своему художественному уровню былина о Дунае заметно уступает другим старинам Конашкова. Половина текста отведена композиционно рыхлому, многословному, изобилующему ненужными повторами описанию пира у князя Владимира; некоторые монологи и их фрагменты несут на себе печать импровизации (ст. 11—18, 135—143, 172—179), что не свойственно исполнительской манере сказителя. Вместе с тем даже в этом далеко не эталонном своем тексте, он проявил незаурядное творческое дарование. Содержание былины удачно прикреплено к началу «эпической биографии» князя Владимира — описываемые события происходят, когда «введен ён на князесьво». Оригинальны условия поединка, которые предлагает богатырю Настасья-поляница: если победит она, то Дунай должен будет взять ее «за себя замуж»; если же Настасья проиграет — «то руби со стыда мне буйну голову!» (ст. 201—209).

№ 324

Дунай Селиванович

РО ИРЛИ, р. V, кол. 27, п. 2, № 4 (№ 1), л. 43—44, перебеленная рукопись, чернила. Опубл.: Аст. 2, № 185.

Зап. М. Б. Каминской, Н. Н. Тяпонкиной: 24 июля 1932 г., д. Северская Песчанского с/с Пудожского р-на — от Петра Павловича Царева, 75 лет.

«Вариант представляет смешение сюжета о Дунае с сюжетом об Иване Годиновиче: Дунай на пиру печалится о том, что не женат, он едет в Царство Лихоимское сватать дочь царя не за князя Владимира, а за себя. На Настасью-королевичну переносятся традиционные черты Апраксии-королевичны. Роль Добрыни Никитича в исходе предприятия сохранена. Такой случай смешения родственных сюжетов не единичен. См. смешение того же сюжета с былиной о Соломане-царе в записи И. Н. Этиной из Кемского р-на (Студенч. записки, с. 18), в ней Дунай увозит Апраксу-королевишну на корабле подобно Василию Тараканову, увозящему обманом Соломанию. См. также наши записи на Мезени и Печоре (Аст. 1, № 43, 85). Наименование царя Лихоимлянского „грозным царем Иваном Васильевичем" — характерный результат такого эпического сращения имени с эпитетом, при котором употребление эпитета сейчас же вызывает и привычное имя» (Аст. 2, с. 739).

В тексте переплетаются элементы, характерные для прионежских обработок сюжетов «Дунай» и «Иван Годинович». С первой былиной связаны имя главного героя, его поездка вместе со спутниками, которые устрашают иноземного царя и силой вынуждают его согласиться на брак своей дочери с Дунаем. Первоначальный отказ будущего тестя сказитель ничем не объяснил. Со стариной об Иване Годиновиче комментируемый вариант сближает ключевой сюжетообразующий мотив: Дунай добывает невесту для себя, а не для князя Владимира (по совету последнего). П. Царев утверждал, что его учителем был знаменитый пудожгорский певец Абрам Чуков. Но как справедливо отметила А. М. Астахова, его былина о Добрыне «не имеет ничего общего с текстом Чукова. ⟨...⟩ У Царева мы видим не только совершенно иное словесное оформление, но и иную композицию с другими даже именами действующих лиц» (Аст. 2, с. 488). Так, в «Царсьве Лихоимськом» правит «царь да Лихоилян» «грозной царь Иван Васильевич»; его дочь зовут «Марьей»; отчество главного героя «Селиванович» не имеет аналогий в записях не только «Дуная», но и других русских эпических песен. По свидетельству собирателей, Царев «слышал, как читали былины по книге» (Аст. 2, с. 488). Возможно, некоторые искажения и алогизмы появились в его тексте вследствие того, что он не владел традиционной эпической фразеологией и произвольно истолковывал непривычные для его уха речевые обороты. У идеальной невесты «ясны оци у ей да в добра молодца» (?); на

княжеском пиру «инной-то хвастат седёлки со приседёлкамы» (вероятно, должно быть «сёлами со присёлкамы»). Описывая избиение вражеского войска Добрыней, Царев использовал оригинальное сравнение: «Нашу силушку-то бьют-то ведь, костром кладут» («костер» в олонецких говорах — поленница дров). Но дальше следуют строки, в которых с трудом опознается искаженная формула из былины «Василий Буслаев и новгородцы»: «Наши силушки стоять-то ведь, головушки повешаны И кушацькамы кишоцьки-то подвязаны» (ст. 75—78, 91—93). Звериный крик и змеиный свист Дуная (ст. 101—102) — ничем не обоснованное механическое перенесение из сюжета «Илья Муромец и Соловей-разбойник».

№ 325

Про князя Владимира

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, ед. хр. 10; черновая рукопись, карандаш, частично правленный чернилами.

Зап. М.А. Ивановой: 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

Повторная запись этой былины подтверждает неоднократно высказывавшееся мнение о стабильности большинства эпических песен Ф. Конашкова. Как и в других его вариантах, отец невесты — «царь Роман Митриевич», живущий «в городе Красном, в селе богатом», это перенесение из сюжета «Наезд литовцев» (см. варианты Конашкова — № 547, 549 наст. тома). Князь Владимир заявляет Дунаю: «Я влюбился да и с твоих-то слов»; герой девять лет провел в соседнем царстве и хорошо знаком с его обитателями; отец невесты говорит, что, сватаясь к младшей дочери, богатырь «отсек мне словом голову, засадил ты старшу дочь во девочество» (ср. с вариантами ряда кижских сказителей). Оригинальная деталь комментируемого текста — князю Владимиру «не давали холостому управлять Россеюшкой».

Публикуется впервые.

№ 326

Дунай

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 3, тетр. 3, ед. хр. 63, черновая рукопись, карандаш, частично правленый чернилами. Опубл.: Линевский, № 13. Вар.: С. — Ч., № 79.

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 78 лет.

Разночтения Линевский, № 13

Ст. 2 *да*; ст. 4 *Собирал-то он да почестен пир*; ст. 10 (ст. 8 ркп.) *Ен холост*; ст. 13 (ст. 11 ркп.) разным; ст. 14 (ст. 12 ркп.) *Как ездите по дальним вы*; ст. 16 (ст. 14 ркп.) *А вы*; ст. 17 (ст.15 ркп.) *не слыхали ли да*; ст. 18 (ст. 16 ркп.) *либо да*; ст. 19 (ст. 17 ркп.) *да у*; ст. 20 (ст. 18 ркп.) *красной-то*; ст. 21 (ст. 19 ркп.) *ена*; ст. 23 публикации в ркп. отсутствует; ст. 26 (ст. 23 ркп.) людишки; ст. 29 (ст. 26 ркп.) *Владимир и*; ст. 30 (ст. 27 ркп.) *да вы*; ст. 31 (ст. 28 ркп.) разным; ст. 32 (ст. 29 ркп.) да *вы*; ст. 33—32 (ст. 31 ркп.) *Не видали ли да не слыхали ли У какого у царя, у царевиця*; ст. 35 (ст. 31 ркп.) *да* у; ст. 43 (ст. 39 ркп.) Добрынюшка *да таковы слова*; ст. 46 — 47 (ст. 42—43 ркп.) *Как во городи да во красноем, как в том во селу-то да во богатоем*; ст. 48 (ст. 44 ркп.) *У царя-то*; ст. 52 (ст. 48 ркп.) *и*; ст. 53 (ст. 48 ркп.) *Как ведь иладша*; ст. 56 публикации в ркп. отсутствует; ст. 63

(ст. 58 ркп.) *да посватай-ко*; ст. 67 (ст. 62 ркп.) *А бери-тко*; ст. 68 (ст. 63 ркп.) *что надобно*; ст. 71 (ст. 66 ркп.) *не надо-то силы-армии*; ст. 73 (ст. 68 ркп.) *Уж ты*; ст. 80 (ст. 75 ркп.) *Как съезди-ко, да Дунай сын Иванович*; ст. 83 (ст. 78 ркп.) *Говорил-то Дунай да Добрынюшки*; ст. 86 (ст. 81 ркп.) с подпругами; ст. 87 (ст. 82 ркп.) стременами-то; ст. 94 (ст. 89 ркп.) седелышко-*то*; ст. 95 (ст. 90 ркп.) *Ведь* с подпругами-то; ст. 98 (ст. 93 ркп.) *да*; ст. 101 (ст. 91 ркп.) *поднялась*; ст. 106 публикации в ркп. отсутствует; ст. 108 (ст. 102 ркп.) оны; ст. 110 (ст. 104 ркп.) *А стереги-ко*; ст. 114, 121 публикации в ркп. отсутствуют; ст. 123, 126 (ст. 115, 118 ркп.) Владимира; ст. 131 (ст. 128 ркп.) *да*; ст. 132 (ст. 124 ркп.) *да*; ст. 125 ркп. в публикации отсутствует; ст. 136, 137 (ст. 129, 130 ркп.) *т*еснул; ст. 138 (ст. 131 ркп.) *на маленьки на черешки*; ст. 141 (ст. 134 ркп.) *да*; ст. 142 (ст. 135 ркп.) *Говорил*; ст. 143 (ст. 136 ркп.) *Уж ты*; ст. 144 (ст. 137 ркп.) *да*; ст. 151 публикации в ркп. отсутствует; ст. 156 (ст. 147 ркп.) *да*; ст. 158 (ст. 149 ркп.) *А тебя посватать*; ст. 159 (ст. 150 ркп.) *Как желашь идти да во*; ст. 171 (ст. 161 ркп.) Так с угона; ст. 172 (ст. 162 ркп.) *Уж ты*; ст. 178 (ст. 168 ркп.) *во супружество*; ст. 180 (ст. 172 ркп.) копьями; ст. 186 (ст. 176 ркп.) *А ведут Дуная*; ст. 188 публикации в ркп. отсутствует; ст. 189 (ст. 179 ркп.) со *великой*; ст. 190 (ст. 180 ркп.) Владимира.

«Из десяти вариантов, записанных Рыбниковым и Гильфердингом, семь приходится на район Кижей, кроме того, по одному на Выгозеро, Кенозеро, но последние находятся в резко выраженной стадии вырождения.

Вариант Конашкова не дает явного родства с текстами Рябинина, Романова и прочих сказителей, имеющих общий тип данной былины. Однако точки соприкосновения в отдельных деталях все же налицо. Это наводит на мысль о заимствовании создателем конашковского репертуара на Заонежье лишь остова сюжета и самостоятельном сложении варианта. Такое предположение подтверждается фактом, что былина (при сохранении точной сюжетной канвы) составлена по преимуществу из стихов, существующих в других номерах конашковского репертуара. Отсутствие местной пудожской традиции в отношении данной былины подтверждается и другими современными записями в Пудожье (БПК, № 7, 44), несомненно восходящими к заонежской традиции и обнаруживающими, как и текст Конашкова, некоторую близость к былинам Романова и Рябинина. В сцене Дуная и Апраксии форма встречи знакомых («поминали мы... в живности нет» и т .д.) такая же, как и в конашковском варианте. Деталью, встречаемой еще у Рябинина (в других вариантах Прионежья ее нет), будут слова:

Я три годику Господу Богу молиласи,
Как бы мне попасть за князя за Владимера.

Эти слова повторяются и в варианте Пашковой (БПК, № 7).

С вариантом Романова совпадает предложение князя взять злата-серебра и силы-армии (у Романова: «казны и силы сорок тысячей»). Инициатива в тексте Конашкова передана Добрыне, который берет в товарищи Дуная (у Романова — наоборот). На вариант Романова похоже также обоснование гнева князя:

Романов (Гильф., № 94)	Конашков
Меньшую дочь, ты просватываешь, А большую дочь чем засадил?	А засадил ты у меня старшу дочь во девочесьви.

Сцена гнева Дуная совпадает с соответствующим местом варианта Рябинина, но сделана она в конашковском стиле: описание, например, сходно со сценой гнева Ивана Грозного в былине «Иван Грозный и сын» и, несомненно, ярче, чем у Рябинина и Романова» (Линевский, с. 196—197).

Десять лет спустя после записи первого варианта былины Ф. Конашков повторил его почти без изменений. Опущен лишь один сюжетообразующий мотив (упоминание об избиении «силы-армии» Добрыней, который остался во дворе стеречь богатырских коней). Сказитель упростил и сократил чересчур много-

словные описания и монологи, отчего былина только выиграла. Популярный в Кижах мотив (недовольство отца невесты тем, что сватаются к его младшей дочери в обход старшей) дополнен оригинальной и на редкость выразительной метафорой: «Отрубил ты мни словом буйну голову!» Необычная для устной традиции концовка «А на том былинка и поконциласи» позаимствована Конашковым у хорошо известного ему П. Рябинина-Андреева; в конце 30-х гг. шальский сказитель использовал ее почти во всех своих эпических песнях.

№ 327

Женитьба князя Владимира

Архив КФАН, р. III/2, № 198.01.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация Е. И. Якубовской. Напев транспонирован на ½ тона ниже.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Федор Андреевич Конашков. „Дунай". По-Конашкову: „Женитьба князя Владимира"».

Публикуется впервые.

№ 328

Женитьба князя Владимира

Архив КФАН, р. III/2, № 199.01.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация Е. И. Якубовской. Напев транспонирован на 1 тон ниже.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Сказитель Конашков. „Дунай". По Конашкову: Былина „Женитьба князя Владимира"». Повторная запись».

Публикуется впервые.

НЕПРА И ДОН (№ 329—336)

Былина «Непра и Дон» зафиксирована собирателями только на Пудоге, все записи сделаны в районе Купецкого озера от Н. Прохорова и его преемников. Сюжет, представляющий собой переработку заключительных эпизодов былины «Дунай» с заменой имен главных героев, охарактеризован в статье «Былинная традиция Пудожского края» (см. СБ 16, с. 91 и др.). Некоторые исследователи склонны связывать возникновение былины «с древними легендами о происхождении рек» (БПК, с. 483). Эпическая песня по композиции намного сложнее преданий. Мотив зарождения реки из крови погибшего героя устойчив и в былине «Сухман», получившей на Пудоге широкое распространение, но это не привело к созданию самостоятельного произведения на данную тему. В записях «Непры и Дона» этот мотив трактуется неоднозначно. Логика развития сюжетного действия, «прозрачная» семантика имен Непры (Днепра) и Дона подсказывают, что в финале должны фигурировать две реки, названные по именам обоих героев. Между тем у Прохорова в записи П. Н. Рыбникова от крови обоих героев протекает только река Дон; в записи А. Ф. Гильфердинга и в якушевском варианте — Непра; в былине И. Фофанова упоминается только Не-

пра-река, образовавшаяся из крови Непры-королевичны; у С. Якушевой, Н. и К. Ремизовых этот мотив вообще отсутствует.

Гораздо больше оснований связывать происхождение комментируемого сюжета со второй частью старины «Дунай-сват». На позднем этапе бытования русского эпоса наряду с контаминацией произведений об одном герое (а порой и о разных персонажах) наметилась и прямо противоположная тенденция — дробление сложных по структуре былин, обособление отдельных эпизодов и превращение их в самостоятельные произведения («Туры златорогие», «Михайло Потык», «Добрыня и Змей», «Три поездки Ильи Муромца», «Садко», «Илья Муромец и голи кабацкие» как фрагмент «Ильи и Идолища», разделение контаминированных былин о Василии Буслаеве). На Пудоге это произошло и с былиной «Дунай». В трех ее вариантах повествуется только о женитьбе князя Владимира (№ 321, 323, 324 наст. тома). Тексты такого рода записаны и в соседних районах (А. Чуков, Повенец — Рыбн., № 23; И. Гурьбин, Кенозеро — Гильф., № 272); а в былине кенозерской певицы А. Артемьевой рассказывается лишь о конфликте Дуная с женой (С.—Ч., № 214). Оба пудожских варианта, сохранившие двухчастную структуру, зависимы от книжных источников (№ 319, 320 наст. тома, Кигачев, Пашкова). Косвенным свидетельством генетической связи «Непры и Дона» с «Дунаем-сватом» может служить эпитет «тихий Дон Иванович»; в других сюжетах он сочетается только с именем Дуная. Все исполнители именуют Непру «королевичной» (в былинах о Дунае Настасья — дочь Литовского короля).

№ 329

О Непре-королевичне

РГБ, ф. 125, п. 28, л. 203—204 об., беловая рукопись. Опубл.: Рыбн., 1861, № 32 «Днепра-королевична и Дон Иванович».

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., д. Бураково Купецкой вол. — от Никифора Прохорова, крестьянина д. Бураково, около 1820 г. р.

Согласно указанию собирателя, запись проходила в крестьянской избе. Былина переписана набело самим П. Н. Рыбниковым.

Разночтения рукописи с публикацией касаются фонетики: особенностей произношения «д» и «е». В примечании к ст. 9 публикации и к заглавию рукописи П. Н. Рыбников отмечает: «В пудожском говоре „ѣ" не всегда произносится как „и", потому нельзя положительно сказать о Непре ли эта былина или о Днепре» (л. 203). Буквой «Д» в имени Днепра собиратель отметил «д» непроизносимое.

В ст. 35 отмечена особенность произношения «ѣ»: слово «вернеѣе» напечатано как «верняй»; в ст. 47 отмечено «е» непроизносимое: слово «перетягивает» напечатано как «перетягиват».

Публикуемый текст — первая по времени фиксация этого сюжета. В тексте содержатся все структурные элементы второй части старины «Дунай-сват». Единственное существенное отклонение — Дон сразу целится в жену (Дунай делает это, не сумев поразить цель первыми двумя выстрелами). Такое перенесение акцентов сближает былину Н. Прохорова с балладами семейно-бытового содержания: Дон казнит жену не за то, что она превзошла его в искусстве богатырской стрельбы, а за то, что «не спохвалила своего-то мужа законного» (ст. 26—27). Но судя по стихам 31—35, стрельба из лука и в этом произведении первоначально осознавалась как состязание супругов в меткости. Комментируемый вариант хорошо сбалансирован в композиционном плане, насыщен традиционными (хотя и не оригинальными) эпическими формулами. В перечне киевских богатырей и характеристике их достоинств упомянуты славный своим «богачеством» Дюк Степанович и щеголь Чурила; былины об этих героях от сказителя не записаны. Необычная форма имени второго персонажа «Чурилище Опленкович», видимо, появилась в результате оплошно-

сти собирателя (в записи Гильфердинга — «Чурилки щапа Плёнковича» — № 330 наст. тома, ст. 28; слово «щап», т. е. щеголь, в сочетании с именем Чурилы Пленковича употребили в этой былине и земляки Прохорова Н. Ремизов и И. Фофанов).

№ 330

Непра и Дон

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 217—218 об. (л. 234—235 об.), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 50, стб. 252—254.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами раскрыты сокращения, проставлена пунктуация и сделана помета под заголовком: «(См. Рыбник⟨ова⟩, т. I, 32)». В заголовке первоначально стояло: «Днепра́ и Дон», затем «Д» зачеркнуто карандашом, а следующая за ним строчная буква «н» исправлена на прописную. На обороте последнего листа данного текста, справа внизу, черновая помета карандашом: «(θ). Дон и Днепра. Марнаволок, 26 июля». Под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же, 26 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 26 июля 1871 г., д. Марнаволок Купецкой вол. — от Никифора Прохорова, крестьянина д. Бураково Купецкой вол., 51 года (около 1820 г. р.).

Примечания А. Ф. Гильфердинга: ст. 100 под словом «сороки́» ниже: sic.

Повторная запись свидетельствует о стабильности текстов Н. Прохорова. Композиция былины осталась неизменной, почти дословно совпадают ключевые формулы (характеристика достоинств киевских богатырей, описание стрельбы из лука, портрет чудесных младенцев, наговор Дона на «любиму калёну стрелу»). Варьирование коснулось несущественных деталей повествования: в перечень киевских богатырей, идеальные качества которых «спохваляет» Непра-королевична, дополнительно включен Алёша Попович, чуть подробнее стали характеристики Добрыни и Чурилы, описание пира у князя Владимира (ст. 101—103). Некоторые словосочетания заменены синонимами (вместо «начала плакать уливаючись» — «тут-то она порасплакалась» и др.). От крови обоих героев «протекла тут да Непра-река»; в первой записи была «Дон-река». В этом можно видеть косвенное свидетельство того, что в прототексте упоминались обе реки.

№ 331

Непра-королевична

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 12, л. 54—57, полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной; ед. хр. 19, л. 46—48, полевая карандашная запись Ю. А. Самарина (середина стихов, затем им же дописаны полные строки). Опубл.: С.—Ч., № 16.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 11 июля 1928 г., д. Семеново — от Григория Алексеевича Якушева, 65 лет.

Разночтения ед. хр. 12, 19

Ст. 1 Владимер ⟨...⟩ стольня-киевской (ед. хр. 19); ст. 3 вси-*ты* на пе*ру* (пер — везде в ед. хр. 19), наедались (ед. хр. 12); ст. 4 напивались (ед. хр. 12); ст. 6 ведь (везде в ед. хр. 12), ст. 7 почестной пир (ед. хр. 19), стоял (ед. хр. 12); ст. 10 *все* (ед. хр. 19); ст. 13 *ведь да* (ед. хр. 12), видь (ед. хр. 19);

ст. 15 инной (ед. хр. 12); ст. 15—16 *хвастает отцом* (ед. хр. 19); ст. 17 ещо (ед. хр. 19); ст. 18 по́расхвасталасе (ед. хр. 19); ст. 19 *нет* на (ед. хр. 19); ст. 20 во городе во Киеве (ед. хр. 19); ст. 22—23:

Напротив-то Ивана да Михайлушки
А Потыка да сына да Иванова (ед. хр. 12);

ст. 25 *на*против-то (ед. хр. 12); ст. 26 как *есть тут* (ед. хр. 19); ст. 27 против *ли* (ед. хр. 19); ст. 28, 31 *видь* отсутствует (ед. хр. 19); ст. 31 *в* городи (ед. хр. 19); ст. 32 *да меня* (ед. хр. 12), *то видь* (ед. хр. 19); ст. 33 *ведь* (ед. хр. 12); ст. 36 *кака* же (ед. хр. 19); ст. 37 *попаласе* (ед. хр. 19); ст. 39 окажешься (ед. хр. 19); ст. 41 относили *ёны* (ед. хр. 12); ст. 44 стрелоцку (ед. хр. 19); ст. 45 чтоб во ту стульце (ед. хр. 19); ст. 47 обы (ед. хр. 19); ст. 49 кольцо (ед. хр. 12), золочёное (ед. хр. 19); ст. 57 пади-*тко* ⟨...⟩ *ни* ⟨...⟩, *ни* (ед. хр. 19); ст. 60 возмолилося (ед. хр. 19); ст. 62 сын-то *ты был* (ед. хр. 12), *Нигодинович* (ед. хр. 19); ст. 63 любимаго (ед. хр. 12); ст. 64 в *се́ребре* (ед. хр. 12), во се́ребре (ед. хр. 19); ст. 65 в *золоте* (ед. хр. 12, 19); ст. 66 *и млад* (ед. хр. 19); ст. 69 *да* (ед. хр. 19); ст. 74, 78 ножище (ед. хр. 19); ст. 78 кинжалище (ед. хр. 19); ст. 79 себи (ед. хр. 19); ст. 80 *как против* (ед. хр. 12); ст. 82 славу (ед. хр. 19).

Вариант восходит к былине Н. Прохорова (см. предшествующие тексты). Г. Якушев расширил описание княжеского пира, включив в него некоторые традиционные детали, отсутствующие у его учителя (ст. 6—9, 12—16); другие формулы, напротив, сокращены или опущены. Заметно обеднены характеристики киевских богатырей, а Добрыня Никитич и Михайло Потык оказываются носителями одних и тех же идеальных качеств (ст. 21—25). Место главного героя Дона Ивановича занял Ставер Годинович; от крови героев «протекла Непра-река», как и в более позднем по времени записи варианте Н. Прохорова. В тексте доминируют традиционные формулы и речевые обороты, но некоторые строки сказителю явно не удались (ст. 36—39, 51, 73). Описывая стрельбу из лука, Якушев не упомянул «ножище-кинжалище», в результате чего непонятно, отчего стрела раскололась надвое. Особенно неуместна замена «сера гуся» прозаическим «лапчатым гусем», разрушающая построенный на параллелизме поэтический образ (ст. 76—77).

№ 332

Про Непру-королевичну

Архив КФАН, кол. 13, ед. хр. 20=кол. 165, п. 22, ед. хр. 15, черновая рукопись, карандаш. Вар.: БПК, № 33.

Зап. И. В. Ломакиной: 1938 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Никиты Антоновича Ремизова, 61 года.

Текст представляет собой механическое по характеру соединение сюжетов «Бунт Ильи Муромца против князя Владимира» и «Непра и Дон». По содержанию и композиции он близок к другому варианту, записанному от Н. Ремизова в том же 1938 г. (№ 333). Как и в другой записи, правитель Киева именуется то князем, то царем; Илья Муромец собирается уехать «куда ни в Азию». Некоторые детали в обоих текстах близки к аналогичным элементам былин Н. Прохорова (№ 329, 330 наст. тома). Более определенно сказано о намерении Ильи Муромца убить «царя с царицею». Непра «выхваливает» киевских богатырей, но обходит вниманием своего мужа. Дон Иванович по сути дела отказывается соревноваться в меткости, сразу приказывая своей стреле поразить Непру. В комментируемом тексте появилась оригинальная деталь, явно сочиненная Ремизовым, — во дворе князя Владимира Илью Муромца «ждут почетные конюхи».

Публикуется впервые.

№ 333

Про Непру-королевичну

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 13, ед. хр. 5, л. 253—277, черновая рукопись, карандаш.

Зап. Е. П. Родиной: июль 1938 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Никиты Антоновича Ремизова, 61 года. Опубл.: БПК, № 33.

Разночтения БПК, № 33

Ст. 5 *вздёрнул*; ст. 7 А гля ради *Ильи Муромца* (смысловая ошибка в ркп.); ст. 21 у того *ли* глазища; ст. 49, 50 *слушать*; ст. 56 *Послал*; ст. 61 *ёны тут*; ст. 89 *иный*-то; ст. 90, 91 хвастает.

«В былине контаминируются два сюжета: „Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром" (см. БПК, с. 464) и „Непра и Дон". Оба сюжета разработаны довольно схематично, повествованию о Непре и Доне уделяется меньше места. Этот сюжет в виде самостоятельной былины встречается редко (см. вариант Н. Прохорова — Рыбн., № 121; Гильф., № 50), имеет близкую параллель в былине о Дунае (см. вариант Т. Г. Рябинина — Рыбн., № 70; Гильф., № 81; см. также БПК, № 7, 44).

В первой части былины — о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром — богатырь ограничивается лишь резкой угрозой по отношению к князю («убей-ко ты (стрела) царя со царицею»). Остается неясным, послал ли он стрелу, но из последующего видно, что он не мог этого сделать с таким наказом. Здесь недоговоренность, так как выпущен весь эпизод, когда Илья Муромец стреляет по теремам (см. лучшие варианты у Н. Прохорова — Рыбн., № 119; Гильф., № 47; Сорокина — Рыбн., № 127). Подробнее рассказывается о посольстве Добрыни и затем в нескольких словах, но довольно ярко изображается приход Ильи Муромца на пир («князь Ильюшеньке топерь во пояс кланяется» и т. д.). Сюжет о Непре и Доне восходит, несомненно, к редакции Н. Прохорова, но более сокращен, местами скомкан. Близости дословной здесь нет (это вообще характерно для Ремизова, свободно перекладывающего усвоенные им сюжеты), но имена героев и композиция те же. Отсутствует мотив происхождения рек от крови Непры и Дона, которым заканчивается былина Прохорова, так как сказитель, по его словам, „перезабыл". Очень коротко (в трех стихах) передана мольба Непры сохранить ей жизнь.

Генезис этого сюжета неясен. Трагическая развязка, составляющая его основу, связана с древними легендами о происхождении рек. На основе таких легенд и могла возникнуть былина» (БПК, с. 483).

Текст представляет собой необычную для устной традиции контаминацию сюжетов «Бунт Ильи Муромца против князя Владимира» и «Непра и Дон». Механическое, ничем не мотивированное соединение столь далеких по содержанию былин привело к тому, что в разных частях произведения действуют разные пары антагонистов (Илья Муромец—князь Владимир, Непра—Дон). Сказитель считал своим учителем старика Семина (БПК, с. 266, 481), репертуар которого остался неизвестным науке. Оба сюжета чрезвычайно близки к вариантам Н. Прохорова (№ 329, 330; СБ 17, № 266, 267), но содержание их передано Н. Ремизовым схематично. В первой части текста не упоминаются голи кабацкие, нет стрельбы из лука по золоченым маковкам, наговор на стрелу (ст. 12—15) воспринимается как нереализованная угроза. Во второй части произведения не описывается чудесная внешность младенцев, отсутствует мотив протекания рек от крови героев, да и причина конфликта между ними четко не сформулирована. В основном не выходя за рамки эпического канона, Ремизов использовал ряд не свойственных народной поэзии подробностей повествования (Илья намерен уехать «в другу Азию»; Дон Иванович избирает необычную форму самоубийства — пускает стрелу из лука со словами: «Пади, стрела, топереку мни прямо в грудь!»). В тексте преобладают традиционные лексические средства и былинные формулы (ст. 24—26, 60—66, 70—77 и др.), удачно использованы некоторые диалектные и просторечные слова («малыи бояра-то раком пошли»; «по-

рнея (т. е. сильнее) нет...»; «не манила, не лукавила»; «были заводыши»). Оригинально описание действий Непры-королевичны, выдержанное в фольклорном духе (ст. 92—95). Вместе с тем Ремизов использовал и новую лексику, диссонирующую со стилистикой эпической песни («пожалуста», «проступоцьки»), князя Владимира именовал «царем», а чужую страну — «Азией».

№ 334

О князе Владимире

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 6, ед. хр. 91, л. 91—93 (л. 122—124), перебеленная рукопись, чернила.

Зап. Е. А. Белавиновой: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Степаниды Васильевны Якушевой, уроженки д. Семеново Пудожского у., 56 лет.

В конце текста примечание: «Составила Якушева Степанида Васильевна».

Вариант по содержанию и композиции близок к былине Г. Якушева и, видимо, генетически восходит к нему. Дальнейшей трансформации подверглись имена собственные: «Ставер Годинович» превратился в «Легодиновича», «Непра» — в «Днепру-королевичну»; свое произведение исполнительница назвала «Былиной о князе Владимире». У Г. Якушева в финальной сцене Ставр бросается грудью на «ножищо-кинжалищо» (традиционный в прионежских эпических песнях способ самоубийства), у его жены — саблей «отсек себе буйну голову». Некоторые отличия от былины Г. Якушева, возможно, являются следствием варьирования его собственных эпических текстов. В отличие от собирателей жена сказителя могла слышать их неоднократно, отсеивая случайные оговорки. Наговор на стрелу произносит не только Ставер, но и Днепра; естественно, ее «наказ» стреле звучит иначе. В заключительной формуле сохранено традиционное сопоставление «белой лебеди» и «сера гуся» — у Якушева во второй части параллелизма появился «лапчатый гусь», резко диссонирующий с возвышенным трагизмом ситуации.

Публикуется впервые.

№ 335

Про Ставра

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 7, ед. хр. 60, л. 224—225 об. (л. 15—17), черновая рукопись, карандаш.

Зап. Н. Н. Алексеевым: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Евдокии Григорьевны Якушевой, уроженки д. Семеново Пудожского у., неграмотной, 55 лет.

Текст близок к варианту Г. Якушева, отца исполнительницы (см. № 331 наст. тома). В них совпадают некоторые детали, генетически связанные с былинами Н. Прохорова (№ 329, 330 наст. тома). На пиру героиня хвастается своей меткостью; ее муж сразу намеревается поразить ее стрелой; описывается внешность чудесного младенца. Исполнительница исказила имена главных героев: вместо «Дона Ивановича» — «Ставр», вместо «Непры-королевичны» — «Неправа», лишь в самом конце она дважды названа «Непрой». Один из мотивов перенесен из сюжета «Ставр Годинович»: на княжеском пиру героя спрашивают, почему он ничем не хвастает.

Публикуется впервые.

№ 336

Непра-королевична

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 21, ед. хр. 134, л. 35 (л. 67), перебеленная рукопись, чернила.

Зап. Г. Григорьевой: 4 июля 1961 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ксении Егоровны Ремизовой, уроженки д. Алексеево Пудожского у., неграмотной, 76 лет.

Примечание собирателя: «Слышала от мужа. Вспоминала содержание старины с трудом. На вопрос собирателя: „Не про Непру ли королевичну сказывалась старина?" — ответила: „Может быть, про Непру-королевичну. Да, пожалуй, про нее"» (л. 35).

Фрагментарный пересказ центрального эпизода былины, содержание которого исполнительница припоминала с большим трудом и очевидными неточностями. Имя одного из главных героев сохранилось только в названии текста — «Непра-королевична»; ее муж остался в тексте безымянным.

Публикуется впервые.

ДЮК СТЕПАНОВИЧ И ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ (№ 337—373)

Онего-каргопольские записи «Дюка» составляют единую версию, внутри которой практически невозможно выделить отдельные редакции. Разночтения между родственными группами вариантов незначительны, они буквально растворяются в огромном количестве совпадений, а редкие мотивы и формулы зафиксированы в разных географических пунктах обширного Олонецкого края. Специального рассмотрения заслуживает только один эпизод — дорожные приключения богатыря. В большинстве заонежских и повенецких вариантов герой на пути в Киев преодолевает три заставы: «горушки толкучие», «звери поедучие» (или «птицы поклевучие») и «змеи поклевучие» (иногда — «змея поганая о двенадцати хоботах»). В кенозерских и каргопольских былинах фигурируют такие же заставы, но кроме них галицкий боярин наезжает еще и на богатырскиую заставу — «старого казака Илью Муромца» (иногда на заставе несколько богатырей во главе с Ильей). Дюк почтительно обращается с прославленным богатырем, благодаря чему не только избегает, казалось бы, неминуемого поединка с ним, но и заручается полной поддержкой Ильи. Так же развиваются события во многих пудожских вариантах, записанных не только по соседству с Кенозерско-Каргопольским регионом, но и на Купецком озере, в устье Шалы (№ 347, 348, 362 наст. тома, Ф. Конашков, Г. Якушев, И. Фофанов и др.). На Пудоге чаще, нежели в соседних районах, упоминаются подвешенные на цепях бочки с вином; на ветру они «гогочут, как лебеди». В районе Рагнозера бытовала оригинальная модификация сюжета. В поздних по времени записях некоторые сказители заменили название «Непры-реки» «Невой». Отдельные варианты полностью или частично восходят к книжным источникам (см. коммент. к № 352, 355, 357, 371 наст. тома, М. Ширков, А. Пашкова, Н. Кигачев, Ф. Баранова).

В личном архиве Ю. И. Смирнова хранится краткий пересказ былины, записанный им в 1963 г. на Купецком озере от К. Ремизовой, жены Н. Ремизова. Сохранившиеся в ее тексте немногочисленные детали и формулы близки к варианту мужа (мать Дюка для оценки «башмак выкинула с ноги»; «хлеб не пахнет ни на пригори, ни на фою»; «звирья-то повешаны по стенам самые дорогие» — ср. № 356 наст. тома; БПК, № 37).

№ 337

Дюк Степанович

Рыбн., 1861, № 47 «О молодом боярине Дюке Степановиче».

Зап. П. Н. Рыбниковым: лето 1861 г., д. Сумозеро Филимоновской вол. — от Андрея Пантелеевича Сорокина, крестьянина д. Новинка на Сумозере, 32 лет (около 1828 г. р.).

В первом издании исполнитель былины не назван, указано только место записи: «Сумозерский погост в Пудожском уезде». По указателю О. Ф. Миллера ко всем четырем частям «Песен» былина за Сорокиным не значится. На основании сообщения П. Н. Рыбникова, согласно которому он лично записал от Сорокина две былины (№ 64 и № 74 1-й части) и неполный пересказ о Дюке, А. Е. Грузинский отнес этот текст к Сорокину (Рыбн., т. 2, с. 145—146). Но с абсолютной уверенностью утверждать, что исполнитель — именно Сорокин, вряд ли возможно. То, что запись не полная, очевидно из примечания к 411 стиху: «Не кончено».

Пояснения П. Н. Рыбникова: ст. 52 чисто серебро не зелизиет — не медеет, не меднеет, не железеет; ст. 61 не идь-ка — не езди; ст. 78 куревко — густая пыль столбом; ст. 312 «Вопрос Владимира, ответ Дюка и замечание Чурилы снова повторяются».

Пояснения издателя: ст. 203 похматкам — похваткам; ст. 226 выти — корму; ст. 375 затхнулися — затхлие, сдохлись; ст. 381 пашут — подметают.

Записи «Дюка», сделанные от Сорокина в 1861—1871 гг., свидетельствуют о композиционно-стилистической стабильности его текстов, что заставляет усомниться в справедливости закрепившейся за ним репутации сказителя-импровизатора. В первой половине былины, зафиксированной П. Н. Рыбниковым, без существенных изменений повторяются все эпизоды и мотивы, редкие детали и формулы из первой по времени записи, включая индивидуальные перенесения из других эпических песен. Близки они и по своей лексике, стилистическому оформлению. Количество расхождений незначительно, почти все они касаются факультативных элементов. В первой записи есть короткий зачин (ст. 1—5), описание расправы Ильи Муромца с конем Идолища поганого (ст. 260—264). При повторном исполнении оба фрагмента опущены. В то же время в записи Рыбникова появилось название «Палач-горы Афанасьевской» (ст. 61 и др.), добавлены некоторые стихи уточняющего характера (ст. 16, 115, 218, 308 и др.), а стихи 197, 209 из первой записи отсутствуют. Сказитель свободно владел богатым арсеналом эпических стереотипов и во время исполнения мог отдать предпочтение той или иной традиционной формуле, добавить, заменить или опустить постоянные эпитеты, отдельные слова. Насмехаясь над Дюком, Чурила прибегает к бранным характеристикам. В записи Рыбникова отсутствует стих «А это есть пастушина деревенская» (ст. 316 в предыдущем тексте), но добавлен новый штрих — «Либо волоча-голь кабацкая» (ст. 308). При повторном исполнении «ступь лошадиная» (ст. 119) заменена «следом лошадиным» (ст. 127), «сукна одинцовыя» (ст. 390) — «сукнами кармазинными» (ст. 352), «цепи железные» (ст. 452) — «цепями серебряными» (ст. 387). Формула «русскому Богу не молится» (ст. 213) слегка перефразирована: «Господу Богу не молится» (ст. 215). В ст. 51, 52, 95 появились дополнительные постоянные эпитеты «красно золото», «чисто серебро», «дорогой гвоздочек шеломчатый», а эпитеты «ковано седло черкацкое», «подпруга тринадцата продольная» опущены (ст. 43, 45 в предыдущем тексте).

Эти незначительные вариации практически не сказываются на содержании былины, на общем развитии событий и могут рассматриваться как «частичные изменения обратимого характера», проявления так называемой вибрации текста.[1] Даже замена имени матери Дюка (в первой записи «Афимья Александров-

[1] *Чистов К. В.* Народные традиции и фольклор : Очерки теории. Л., 1986. С. 150 и др.

на», во второй — «Мамелфа Тимофеевна») отнюдь не свидетельствует об импровизаторских наклонностях Сорокина — оба раза он использовал традиционные для эпических песен формы женских имен. Подобные замены изредка встречаются и у других известных певцов. Т. Рябинин называл мать Добрыни то «Офимьей Александровной», то «Мамелфой Тимофеевной» (Рыбн., № 8; Гильф., № 80); А. Чуков невесту, а потом жену князя Владимира именовал и «Настасьей-королевичной», и «Апраксией» (Рыбн., № 23; Гильф., № 149 и др.).

Наличие повторных записей позволяет выявить некоторые ошибки и неточности собирателей. В комментируемом тексте Дюк собирается выехать в чисто поле, чтобы «поразломать мне своего плеча богатырского» (ст. 14); он сетует, что в Киеве «нет мостиков-то калёныих» (ст. 381, а также 389). Это явная ошибка корреспондента Рыбникова, который вряд ли разбирался в тонкостях эпического лексикона. В записи самого Рыбникова текст зафиксирован точнее: «поразмять своего плеча богатырского», «мостики калиновы» (ст. 8 и 551); такой же постоянный эпитет отмечен А. Ф. Гильфердингом. В ст. 430 замена всего одной буквы привела к искажению смысла: «Туда не ходят вольные воздухи, оны (напитки в бочках) там заткнулися». В записи Рыбникова — «затхнулися», «не затхнутся» (ст. 375, 393); ср. у кенозерских певцов И. Сивцева-Поромского и П. Воинова — «пива не затыхаются», «затохоль великая» (Гильф., № 225, 230). Впрочем, в другом фрагменте текста и первый собиратель правильно зафиксировал этот глагол: «не затхнутся водочки сладкия» (ст. 458).

№ 338

О молодом боярине Дюке Степановиче

Рыбн., 1862, № 30 «О Дюке Степановиче».

Зап. неустановленным лицом: лето 1861 г., д. Сумозеро Филимоновской вол. — от Андрея Пантелеевича Сорокина, крестьянина д. Новинка на Сумозере, 32 лет (около 1828 г. р.).

Дополнение П. Н. Рыбникова: «Филимоновской волости Пудожского уезда. От сумозерского крестьянина Андрея Сорокина, записано в 1861 году». В отличие от предыдущего это полный текст: 871 стих. Былину П. Н. Рыбников получил в чужой записи, лично записал только «неполный пересказ» о Дюке.

Пояснения П. Н. Рыбникова: ст. 435 на фою — на хвою; ст. 481 пень залисский — «деревни, расположенные вдали от других, посреди лесов, и теперь зовутся у заонежан и пудожан „залисскими", а жители их „залешанами"» (Рыбн., ч. 3, с. LXIII).

Пояснения издателя: ст. 59 колсаны — колчаны; ст. 225 к выти — за один раз, за один корм; ст. 381 каленыих — калиновых; ст. 430 заткнулися — сделались затхлыми, здохлись; ст. 618 сдержал — издержал, потратил; ст. 703 самитом — аксамитом, бархатом; ст. 799 Ичто — Ишто, еще; ст. 822 дал ли — дал ли бы, дам ли; ст. 823 засматривал — имел попечение о Дюке; ст. 841 завел — начал было, хотел было.

Старину о галицком боярине Дюке Степановиче в исполнении Сорокина прослушали три собирателя. Один из корреспондентов П. Н. Рыбникова зафиксировал полный текст (Рыбн., № 131); Рыбников, убедившись в точности записи, ограничился первой половиной былины (№ 130); А. Ф. Гильфердинг отметил отдельные «разноречия» с полным ее вариантом (Гильф. I, с. 688—689).

Комментируемый текст — сложное по композиции произведение, содержащее все основные эпизоды, характерные для прионежско-каргопольских редакций «Дюка». В традиционное повествование в качестве вставного эпизода включена былина об Илье Муромце и Идолище поганом. Контаминация сюжетов ничем не мотивирована и художественно не оправдана, главный герой эпической песни на время оказывается «третьим лишним», пассивным наблюдателем происходящих событий. Видимо, мы имеем дело с индивидуальной новацией сказителя или его предшественника. Механическое соединение двух былин привело к

появлению алогизма: после убийства Идолища Илья Муромец и Дюк выходят «на улушку широкую», хотя действие происходит в шатре, поставленном в чистом поле. Аналогичная контаминация «Дюка» и «Ильи и Идолища» встречается только в варианте М. Нигозёркина с соседнего Водлозера (см. коммент. к № 345 наст. тома).

Текст Сорокина изобилует перенесениями из других эпических песен, что в целом не свойственно творческой манере сумозерского сказителя. Диалог героя с вещим вороном (ст. 99—116, в повторной записи Рыбникова — ст. 104—122), вероятнее всего, позаимствован из былины «Королевичи из Крякова» (ср. № 556 наст. тома, Водлозеро); встречается он и в «Суровце-Суздальце» (№ 538 наст. тома, Рындозеро), в прохоровской редакции «Добрыни и Алёши» (СБ 16, № 82, 93, Купецкое озеро). Былина «Козарин», содержащая этот эпизод, на Пудоге собирателями не зафиксирована. Формула хвастовства Дюка «швецами» и табунами коней (ст. 497—505, в повторной записи — ст. 323—330, 397—406) перенесена из былины о Ставре, но в варианте самого Сорокина (№ 422 наст. тома) она отсутствует. На руке у спящего Ильи Муромца Дюк видит «надпись богатырскую» (ст. 154), чуть позднее он говорит и о ее содержании: «У тебя на бою смерть не написана» (ст. 191). Данный мотив обычен в сюжете «Исцеление Ильи Муромца» и некоторых редакциях «Ильи и Сокольника» (эти старины в репертуар Сорокина не входили). Как и Кострюк из одноименной исторической песни, Идолище хвастается тем, что нигде не нашел достойного противника: «Проехал я Турецию и Швецию, Казань, и Рязань, и Вострахань» (ст. 231—233). Состязание богатырей в скачке: Илья Муромец отстает от Дюка, хотя «припущает ⟨...⟩ во всю пору (здесь — «прыть». — *Ю. Н.*) лошадиную» (ст. 268—271), — даже на лексическом уровне близко к соответствующему эпизоду из былины «Вольга и Микула». Однако в данном случае перенесение маловероятно: поражение киевского богатыря органично вписывается в стержневую оппозицию «Галич—Киев», к тому же этот эпизод встречается в записях «Дюка» из разных регионов Русского Севера — Каргополья (Рыбн., № 202), Кулоя (Гр. II, № 90 (302)), Зимнего Берега (Марк., № 113; Т.—М., № 49).

Сказитель использовал целый ряд формул и поэтических образов, редко встречающихся в других олонецких записях. Слуги несут над матерью Дюка «подсолнечник» (ср. варианты с Пудоги — № 362 наст. тома, В. Родин; Кенозера — Гильф., № 230; из Кижей — Гильф., № 115); раскачиваемые ветром бочки, подвешенные на цепях, «загогочут ⟨...⟩ как лебеди на тихих заводях» (ст. 455—458; то же в былинах ряда пудожан — № 339, 341, 347 наст. тома, Т. Романов, А. Савинов, Ф. Конашков, Н. Родин, а также А. Фоминой — № 343 наст. тома). Дюк предлагает Чуриле первому прыгать через Непру-реку, ибо «твой задор зашел наперед»; у других прионежских певцов — «твоя похвальба наперед зашла» (Гильф., № 9, 152; Рыбн., № 106, повенчане П. Калинин, А. Чуков и В. Лазарев; № 341, 347, 349 наст. тома, пудожане А. Савинов, П. Миронов, Ф. Конашков); Эпический аналог общеизвестной сказочной формулы «Скоро скажется, а по (у)спеху дело деется (ст. 529; вариант «тихо деется») изредка включали в тексты былин сказители с Пудоги и Каргополья (СБ 17, № 222, ст. 61, Щербаков («Илья и Идолище»); СБ 16, № 78, ст. 56, Амосов («Добрыня и Алёша»); Рыбн., № 197, ст. 109, калика из Красной Ляги). Эта формула есть и в старине о Дюке кижанина П. Семенова (С.—Ч., № 109, ст. 114, 200).

В тексте встречаются излюбленные формулы А. Сорокина. «Вязал крепки палицы на бедро свое» (ст. 60) находим еще в двух его былинах — СБ 16, № 80, ст. 49 («Добрыня и Алёша»); СБ 17, № 192, ст. 15 («Илья Муромец и Соловей-разбойник») (ср. ст. 56 в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник», записанной от Г. Сидорова, зятя Сорокина, — СБ 17, № 202). Оригинальна мотивировка выбора Добрыни в качестве посла в ст. 521—524: «Надо послать грамотой вострого, на речах разумного, с гостями почестливого» (ср. ст. 501—504 в былине «Илья и Соловей-разбойник» — СБ 17, № 192). Сорокину принадлежит не имеющее аналогов по набору поэтических образов описание чудесных пуговиц на одежде Чурилы (ст. 684—691). В ст. 126—129 четырежды повторен идеализирующий эпитет «белый» («шатер белополотняный, «лошадь белая», «белая пшеница белоярова»), что лишний раз подчеркивает исключительность эпического героя.

№ 339

Дюк Степанович

Рыбн., 1864, № 31.

Зап. неустановленным лицом: д. Пирзаковская Колодозерского у. — от Трофима Романова (прочие сведения не указаны). Получено П. Н. Рыбниковым в чужой записи.

Пояснения П. Н. Рыбникова: ст. 46 за преку — от корня «перечить» — в упрек, в укор.

На с. 186—187 П. Н. Рыбниковым указаны разночтения к былине «с пересказа Л. Богданова».

Обычный для прионежской традиции вариант; концовка былины скомкана, а некоторые типовые эпизоды отсутствуют. Относится к той группе пудожских текстов, которые содержат популярный в Кенозерско-Каргопольском крае эпизод встречи Дюка с Ильей Муромцем на пути в Киев. В деталях повествования этот фрагмент близок к вариантам А. Сорокина (№ 337, 338 наст. тома). Т. Романов использовал несколько редких мотивов и формул. Приехав в Киев, Дюк втыкает копье тупым концом в землю (ст. 89—90, ср. ст. 71—72 в былине его земляка, колодозерского старика — Рыбн., № 167); молва о красоте Киева расходится повсюду (ст. 8—9; ср. варианты ряда кижских сказителей); бочки «как белы лебеди гычут» (ст. 271; ср. тексты А. Сорокина, А. Савинова и некоторых других пудожан). Оригинальна формула сетований Дюка, что слава о красоте Чурилы не ложна, а слава о его учтивости («умеет честь отдать и поздравствовать») — ложная (ст. 191—195). Племянник князя Владимира «Шатенька», в грубой форме выражающий недоверие герою, — персонаж, не известный по другим записям былин. «Корига богатая» — искаженное «Корела богатая».

№ 340

Дюк Степанович

Барсов, с. 71 —77.

Зап. свящ. Иоанном Первенцевым: 1864 г. — от Ивана Григорьевича Захарова, крестьянина д. Большая Пога на Водлозере Куганаволокской вол., 75 лет.

Текст содержит обычный для местной традиции набор эпизодов и эпических формул. Оригинальных деталей немного. Прыгая через «Днепру широкую», Дюк вытаскивает из реки Чурилушку «со добрым конем» (ст. 200; ср. с вариантами пудожгорских сказителей П. Калинина и А. Чукова — Гильф., № 9, 152). О том, что при выпечке калачей в Киеве пользуются «помелчами сосновыми», галицкий богатырь догадался не по запаху, а потому что увидал «под колачиком сосновую иголочку» (ст. 54—55).

№ 341

Дюк Степанович

Рыбн., 1867, № 10.

Зап. П. Н. Рыбниковым: лето 1864 г. — от Анфима Савинова, крестьянина д. Ранина Гора Филимоновской вол. (сведения о возрасте отсутствуют).

Пояснения П. Н. Рыбникова: ст. 12 не едь — не езди; ст. 54 Чурила Щапленкович — «по моему мнению, Чурилище Пленкович»; ст. 60 во преку — «от корня „прек", откуда „перечить", „прекословить"»; ст. 68 «отселе былина сказывалась побывальщиной; на стихи разделена примерно».

Вторая часть былины пересказана ритмизованной прозой с сохранением большинства стихотворных формул. В тексте представлены все основные эпизоды прионежских редакций сюжета, но некоторые из них изложены схематично. А. Савинов использовал некоторые мотивы и формулы, редко встречающиеся в олонецких записях «Дюка». Ветер с моря раскачивает подвешенные на цепях бочки, отчего они, «как белые лебеди загогочут» (то же у А. Сорокина, Т. Романова и др.); Дюк понуждает Чурилу первым скакать через Непру-реку: «твоя похвальба наперед зашла» (ср. варианты А. Сорокина, Ф. Конашкова и ряда других сказителей Пудоги и Заонежья). Упоминание о том, что «печены колачики на листочиках капустных», соответствует бытовой практике крестьян. Не логично, что за Дюка ручается князь Владимир — обычно он ревностно защищает честь Киева. Примечание, согласно которому вместо «Чурилы Щапленковича» должно читаться «Чурилище Пленкович» (см. выше), не соответствует действительности. В Кижах и на западе Пудоги Чурилу часто именовали «Щапленковичем» — от «щап (т. е. «щеголь») Пленкович» (см. Гильф., № 110; С.—Ч., № 117, Кижи; № 344 наст. тома).

№ 342

Дюк

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 83—93, полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 9.

Полевая карандашная запись рукой Гильфердинга с немногими помарками.

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 24 июля 1871 г., д. Рим (Римское) Пудожгорского погоста — от Петра Лукича Калинина, 43 лет.

Разночтения Гильф., № 9

Ст. 232 испр. из: *Ты на три года пошли да на три дни;* ст. 241 испр. из: *А стоят у нас да домики точеныи;* ст. 255 испр. из: *его Бурушка проскакивал;* после ст. 288 зачеркнуто: *Отправляло тут;* ст. 344 испр. из: *Да тако же шерсть тут на Бурки да ставится, А как на Чурилкиных добрых конях;* после ст. 365 зачеркнуто: *А полати стоит Инд...;* ст. 477 испр. из: *Так век же нам тут и свой век скоротати;* ст. 560—561 испр. из: *Унял чтобы птицеков, Чтобы унял зверюшков;* ст. 616 испр. из: *Так бы нунече, Чурила, срубил мне;* ст. 634 испр. из: *А век ты там же езди по веку.*

№ 343

Дюк

РГО, р. I, л. 103—105 об. (л. 121—123 об.). Опубл.: Гильф., 1873, № 20, стб. 121—124.

Аккуратная полевая запись карандашом; дописи и пунктуация — чернилами. Над текстом зачеркнут «Ъ». Над заглавием помета наборщика; под текстом: «Запис[ано] там же, 23 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: июль 1871 г., д. Рим (Римское) Пудожгорского погоста — от Аксиньи Кузьминишны Фоминой, «лет 30».

Пояснения А. Ф. Гильфердинга: ст. 105 шоломы — крыши, потоки — желоба для стока воды.

Разночтения Гильф., № 20

Ст. 14—15 в дописи вм. *е — есте* (вписано по ошибке); ст. 30 *ты* вписано над строкой; ст. 32 *Ай надёжь на себя — ж* подчеркнуто; ст. 40—43 следовали за ст. 49, но помечены к перестановке после

ст. 39; ст. 41 начинался с *Долы*; ст. 44—45 испр. из: *У их-то*; после ст. 67 зачеркнуто *Ай же*; ст. 84 *белок[аменны]* осталось без дописи, восстановлено по аналогии с другими стихами; ст. 127 *Вл[адимира]* осталось без дописи, восстановлено по аналогии с другими стихами; ст. 151 испр. из: *Ай ты прощай*; ст. 157 испр. из: *Срубим мы ведь голову*.

Данный вариант, как и все тексты Фоминой, отличается краткостью. В нем опущены эпизоды состязания Дюка с Чурилой в силе, ловкости, нарядах и богатстве, а разработан один мотив соперничества князя Владимира с Дюком.

№ 344

Дюк

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 880—887 об. (л. 363—370 об.), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 213, стб. 1003 — 1014.

Полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами раскрыты сокращения и проставлена пунктуация. Слева над текстом зачеркнуто число «36». Под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же, 5 августа». Справа вдоль поля помета: «№ 36. Дюк. Водлозеро, 5 августа».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 5 августа 1871 г., Водлозеро — от Павла Антоновича Федулова, крестьянина д. Бостилово на Водлозере (родом с Великострова на Водлозере), 40 лет.

Пояснения А. Ф. Гильфердинга: ст. 145 к слову «веселятисе» на полях: sic; ст. 222 к словосочетанию «по чесным ребрам» на полях: sic.

Разночтения Гильф., № 213

Ст. 95 *столно* подчеркнуто *ол*, на полях помета: так попр⟨авить⟩; ст. 122 испр. из: *А еще*; ст. 271 испр. из: *Нет ли у вас в артели Дюковой матушки?*; ст. 273 испр. из: *И когда вы и́щите*; после ст. 264 зачеркнуто:

И пошли как пошли оны тут во город-от,
Ай приходят оны в город во Галичю:
«Ай же вы ведь господа обценщички,
Ай обценщички да столно-киевски».

Ст. 350 испр. из: *Оны приходят тут после об⟨еда?⟩*; ст. 397 испр. из карандашного: *чернила-ты*; ст. 398 над зачеркнутым карандашом *оценить* чернилами: *уписать*; после ст. 468 зачеркнуто: *Отправляется во город свой во га...»*; ст. 470 — 471 вписаны между строк и частью на полях; ст. 474 испр. из: *Ай на ту же честь, как у тебя гостил*, на полях пояснено: «Т. е. приезжай в гости».

Значительное число исправлений показывает, что отдельные части текста, в точности записи которых собиратель не был уверен, прослушаны дважды.

В композиционном плане вариант полностью укладывается в рамки местных редакций сюжета, отличается отточенностью эпических формул, чеканностью былинного стиха. Лишь в трех строках (ст. 58, 176, 290) встречаются гипердактилические клаузулы, во всех остальных доминирует дактиль. Для этого сказитель использовал постпозитивные частицы, прибегал к переносу ударений, что четко зафиксировал А. Ф. Гильфердинг (ст. 85, 204, 211, 215, 354 и др.). В тексте немало оригинальных поэтических образов и формул. От богатого наряда Дюковой матушки «лучи пекут» по всему городу Галичу (ст. 301—302);

если «семь раз спродать ⟨...⟩ повыкупить» весь Киев и купить на эти деньги бумаги и чернил, их все равно не хватит, чтобы описать «Дюка животы» (ст. 376—380). Герой не только брезгует киевскими подгорелыми хлебами, но и потчует князя Владимира привезенными из дома калачами (ст. 151—165). Подобная деталь есть только в былине Г. Якушева, но его формула куда менее выразительна (№ 348 наст. тома, ст. 313—325). Необычен эпитет «дорогая медь сибирская» (у других водлозерских сказителей — «казанская»). В ст. 63 П. Федулов неудачно заменил «мосточки калиновы» созвучным словосочетанием «мосточики калёныи», а в ст. 207, 223 и других традиционную Непру-реку заменил Невой-рекой. Неясен смысл формулы в ст. 464—467 во всем Киеве «не нашлось тут ведь Берестины», не могли Дюковым лапоточкам «цены тут дать». Возможно, речь идет о том, что на бересте в старину писали (ср. № 347 наст. тома, ст. 345—349; № 359 наст. тома, ст. 325—329, Ф. Конашков; № 349 наст. тома, ст. 171—175, П. Миронов).

№ 345

Дюк

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 907—911. + один чистый лист (л. 392—397), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 218, стб. 1031—1038.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами проставлена пунктуация. Слева над текстом зачеркнуто число «38», знак сказителя, справа отдельно записано название горы: «Полань-гора». Под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же, 6 августа». На обороте чистого листа: «№ 38. Дюк. Прошлой зимой приезжал старичок, ночевал у него в избе. Было человек полдесяток, от скуки спросили, не знает ли старинки, он пропел, заставил повторить раза три и перенял. Старичок провел у него только эту ночь, не знает откуда. 6 августа, Водлозеро».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 6 августа 1871 г., Водлозеро — от Матвея Федоровича Нигозёркина, крестьянина д. Чуялы на Водлозере, более 40 лет (около 1830 г. р.).

Пояснения А. Ф. Гильфердинга: ст. 25 на полях замечание певца: «Досюль женщины воевали. Это поляницы значит по-деревенски»; ст. 214 против слова «Инодолищо» помета: sic; ст. 176—183 «были пропущены певцом, который спохватился и спел их после ст. 190»; они помечены знаком вставки после ст. 175.

Разночтения Гильф, № 218

Ст. 20 испр. из: *Ай ты на то ли на местечко*; перед ст. 191 зачеркнуто: *А он скручинился да роспечалился.*

Вариант интересен объединением двух традиционных мотивов: встречи и братания Дюка с Ильей Муромцем и конфликта Ильи Муромца с Идолищем, который разрешается традиционно.

По словам исполнителя, эту былину, как и две другие эпические песни, он усвоил осенью 1870 г. от ночевавшего у него старика из-за Кенозера (Гильф. I, с. 49). Однако сопоставительный анализ текстов не подтверждает этого свидетельства. К кенозерским записям примыкает лишь отрывок из «Трех поездок Ильи Муромца» (см. СБ 17, № 274, коммент.). «Добрыня и Алёша» (СБ 16, № 82) не выходит за рамки оригинальной водлозерской редакции сюжета. Маловероятна также возможность заимствования комментируемого текста от носителей кенозерско-каргопольской традиции. С нею вариант М. Нигозёркина сближает лишь активная роль Ильи Муромца, с которым Дюк встречается на пути в Киев. Но подобные эпизоды есть и в былинах ряда пудожских певцов (см. № 339, 347, 348, 358, 362 наст. тома, Т. Романов, Ф. Конашков, Г. Якушев, И. Фофанов). Гораздо больше схождений в текстах М. Нигозёркина и А. Со-

рокина (№ 337, 338 наст. тома). Во всем Олонецком крае только у них мы находим необычную контаминацию сюжетов «Дюка» и «Ильи и Идолища» (подробнее см. коммент. к № 338 наст. тома). Оба сказителя использовали целый ряд деталей, крайне редко встречающихся в других вариантах «Дюка». У Нигозёркина герой выезжает из родного города на Палань-гору, у Сорокина — на Палач-гору Афанасьеву (ср. былины водлозёров А. Креховой «Дюк» — № 351 наст. тома и В. Пименова «Василий Буслаев» — № 513 наст. тома). Отмеченные в комментариях к старинам Сорокина алогизмы, вызванные механическим соединением разнородных сюжетов, еще более заметны в тексте Нигозёркина. Хотя действие происходит в шатре Ильи Муромца, поставленном «у реченки Смородинки», сказитель упомянул не только «лавочку брусовую», «столички дубовые», но и дубовую дверь, кирпичный пол и даже «терем-от да златоверхии» (ст. 139, 204, 213, 217, 271). У обоих певцов находим одни и те же немотивированные перенесения из других эпических песен: встреча Дюка с вещим вороном, хвастовство Идолища своими победами (кроме «Казани-Рязани» и «Вострокани» Нигозёркин упомянул еще и Чернигов, «каменну Москву» — очевидный отголосок исторических песен). Только в этих двух текстах подчеркивается, что Илья Муромец крепче, чем Дюк, заседлал своего коня. У водлозерского певца эта деталь дана в развернутом виде. Дюк при седлании

Ай подпруг кладае до двенадцати,
Ай он тринадцату натягивал продольнюю.
На коне Ильи он видит
Ай подпруг на ём есть до шестнадцати,
Ай как семнадцата натянута продольняя.

Столь поразительное сходство наводит на мысль о генетическом родстве сличаемых произведений. Преемником мог быть только Нигозёркин. Он заявил Гильфердингу, что до 1870 г. «никогда не певал былин» (Гильф. I, с. 49), а от Сорокина первые записи сделаны за десять лет до фиксации комментируемого текста. Однако былина сумозерского певца была не единственным источником эпического знания водлозерского сказителя, так как в его варианте есть и существенные отличия от нее, прежде всего в стилистическом оформлении ряда эпизодов. В данном тексте немало постоянных эпитетов, которые Сорокин ни разу не употребил во всех своих 12 эпических песнях. Это и широкораспространенные на Пудоге сочетания типа «лавочка брусовая», «железо булатное», «вострый меч», «шелковы скатерти браныи», «питья медвяныи», «пшено белоярово» (у Сорокина всегда — «пшеница белоярова»), и довольно редкие в былинах — «сапожки козловые», «медь казанская», «степи саратовские», «вельможи поляницы удалые» и др. На лексическом уровне у Сорокина и Нигозёркина отличается большинство эпических стереотипов (формулы седлания коня, вооружения богатыря, угощения вошедшего гостя, расправы с врагом и т. д.). В былине водлозерского певца чаще встречаются не свойственные фольклорному лексикону слова и обороты («компаньица», «сбруя лыцарска», «могучи храбры лыцари», «поле лыцарско», «на одре́ лежит»). Суммируя приведенные факты, можно предположить, что Нигозёркин был хорошо знаком с оригинальной стариной Сорокина (этот сказитель был известен многим водлозёрам), но наверняка он слышал и других сказителей, в том числе водлозерских, что наложило определенный отпечаток на его текст.

№ 346

Дюк Степанович

Шайжин, с. 77—80.

Зап. Н. С. Шайжиным: 1904 г., д. Ижгора Нигижемской вол. Пудожского у. — от Тихона Александровича Фешева (возраст не указан).

Текст, вероятнее всего, записан под диктовку, о чем свидетельствуют сбитый ритм, обилие прозаизмов, неудачно скомпонованные строки и целые тирады (ст. 34—38, 41—43 и др.). В других старинах Фешева ничего подобного не наблюдается. Содержание былины изложено конспективно. Сказитель не упомянул ни Киев, ни Галич; князя Владимира заменил безымянный купец (ст. 28). Гораздо более чеканными и выразительными выглядят формулы из «Дюка», которые Фешев перенес в свою старину о первой поездке Ильи Муромца (СБ 17, № 199, ст. 9—12, 67—70); в данном тексте они отсутствуют.

№ 347

Дюк

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, тетр. 1, л. 159—175, полевая карандашная запись Б. М. Соколова; ед. хр. 35, тетр. 2, л. 15—31, полевая карандашная запись В. И. Яковлевой. Опубл.: С.—Ч., № 88.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 11 июля 1928 г., пос. Устье Шалы — от Федора Андреевича Конашкова, 68 лет.

Примечание исполнителя после записи былины: «Пою стихам, так у меня горазд идет. Я пою с россыпью, не как сегодня. Мне не нравится, как сегодня пою. Самому легко, а пока неладно» (л. 175—176).

Разночтения ед. хр. 25

Ст. 5 *А цесна* вдова; ст. 6 справляешься; ст. 7 снаряжаешься; ст. 11 на солнышка князь на Владимера; ст. 19, 21 сироцьки; ст. 22 сидлал; ст. 23 складовал Дюк войлоцьки на войлоцьки; ст. 24 *Ён ли*; ст. 28 садилсе; ст. 30 нацял *Бурушко поскакивать*; ст. 31 А *широко*; ст. 33 Бурушку змолился-то; ст. 37 на *Дюка*; ст. 38 смолилси-то; ст. 40 *А* ведь-то Бурушко *стал*; ст. 45 шатер белополотняной; ст. 46 *А у* шатра; ст. 47 *ён* зоблет пшону; ст. 52 дратьсе-то; ст. 60 скоцил-*то*; ст. 61 нож *свою*; ст. 66 купить пшоны; ст. 68 *я да*; ст. 69 *А* не на то *я*; ст. 71 *штоб*; ст. 72 *А во* цистом; ст. 92 верёхнюю; ст. 93 — *кушает* отсутствует с примечанием: «Не записано» (л. 163); ст. 96 А *как*; ст. 97 под стол *плескат*; ст. 101 *ведь*; ст. 103 *как* у них *есть*; ст. 106 *ведь* ⟨...⟩ на *помяло*; ст. 110 *есть*; ст. 112 *меду-то* отсутствует; ст. 113 калацика; ст. 115 пьешь — другой хоцетси; ст. 117 *боцьки как*; ст. 130 *ведь*; ст. 131 *Как возьмись*; ст. 135 нихто-то по Дюку не руцяетсе; ст. 138 *руцяются князья*-бояра; ст. 145 платьиця; ст. 147 *А* у меня с Цюрилушкой; ст. 155 матушке; ст. 156 *во свой*; ст. 158 *во* Галицю; ст. 162 животишкама; ст. 163 сироцкама; ст. 164 сироцкома; ст. 166 сидёлышко; ст. 170 на Господень *да*; ст. 171 *на* кажной-*то* да Господень день платьиця; ст. 172 *пробежал Бурышко*; ст. 173 *ведь* тут; ст. 179 *в* последнёй-то во деницёк; ст. 180 Цюрилушка-то; ст. 181 *он*; ст. 189 Перещепил Цюрилушко; ст. 190 бояра; ст. 196 *у* Цюрилушки *да пуще*; ст. 198 *А у которого* есь ли доброй конь; ст. 199 доброй конь перескоцит церез *эту* Неву; ст. 200 *А которого*; ст. 201 *А* отрубить; ст. 203 оны; ст. 202 приходил ли-*то*; ст. 206 миня; ст. 207 церез; ст. 211 поежда*й*; ст. 212 поежжай-ко *на*перед; ст. 225 *при*несена; ст. 226 отрубят; ст. 227 просить *стал* князь черниговской; ст. 228 девки-то; ст. 230 которой конём; ст. 235 пусть гулят; ст. 237 *и Владимер*; ст. 244 у Олёши есь глаза *блядьскии*; ст. 246 *да* на; ст. 247 не дождатьсе; ст. 248 *А* ён; ст. 249 людей-*то*; ст. 252 *ведь* наклали телегу ёрдыньскую; ст. 256 времяцько; ст. 269 до церькви соборную; ст. 272 мостоцьки; ст. 271 кладены-*то ведь*; ст. 274 суконьцё оденьцёвое; ст. 281, 282, 290, 297 идёт; ст. 280, 288 здрастуйте; ст. 283 портомошици; ст. 284 церкви; ст. 291 коровници; ст. 296 здрастуйте, старо-матёры; ст. 299 клюшници; ст. 303 *да* поклоняютсе; ст. 307 *ожидают-те*; ст. 312 *ведь* сияют-то как *и* жар горит; ст. 313 *А* ёны низко *им*; ст. 320 животишкима; ст. 321 сироцькима; ст. 325 *поила их*; ст. 326 *А ведь цярыньку* пье, другой хоцетсе; ст. 330 *А по* третьем; ст. 334 приводила *где* сбруи; ст. 338 оны-*то*; ст. 339 росписали бумаги со

цернилами; ст. 340 *А ведь*; ст. 343 *списали*; ст. 344 князь Владимер *ли*; ст. 346 накупити *бумаг*; ст. 347 именьиця; ст. 348 берёзанки.

В ст. 24 ошибочное «тремахивать» исправлено на «пермахивать» по ед. хр. 25.

В целом придерживаясь типовой для пудожской традиции сюжетной схемы, сказитель использовал ряд редких мотивов и формул. Дюк выезжает в Киев на «Бурушке крылатом» (ст. 29), что помогает ему преодолеть две первые заставы и выиграть у Чурилы последнее состязание (ср. варианты Т. Рябинина из Кижей и И. Лядкова-Кропачева с Кенозера — Гильф., № 85; Рыбн., № 184). Звук, издаваемый подвешенными на цепых бочками с вином, уподобляется крику гусей-лебедей (ст. 117—122; ср. № 337—339, 341 наст. тома, А. Сорокин, Т. Романов, А. Савинов и др.). За Дюка ручается «князь черниговский» (ст. 136; у повенецких певцов П. Калинина и А. Чукова «владыка черниговский» — Гильф., № 9, 152). Сияющие под лучами солнца «кресты (в повторной записи «крыши») золоцёныи» посланцы князя Владимира поначалу принимают за пожар в городе «Галице» (ср. варианты П. Калинина, Т. Рябинина, А. Чукова — Гильф., № 9, 85, 152). Формула «Твой же задор да наперёд зашел» на лексическом уровне идентична у Конашкова, Сорокина и Миронова (№ 338, 349 наст. тома). Дюк вытаскивает из реки Чурилу вместе с его конем (ст. 221; ср. № 340 наст. тома, И. Захаров). В былине Конашкова сохранилась память о том, что до появления бумаги древние русичи писали на бересте (ст. 345—349; в повторной записи ст. 325—329 — см. следующий текст). У двух других пудожских сказителей эта формула сильно редуцирована, ее содержание проясняется только при сопоставлении с конашковским текстом (№ 344 наст. тома, ст. 464—467, П. Федулов; № 349 наст. тома, ст. 172—175, П. Миронов). Как кенозерские и некоторые пудожские певцы, Конашков подробно описал встречу Дюка с Ильей Муромцем, их братание (ст. 44—77); упомянуты и две другие заставы под Киевом — «люты звери» и «цисты (?) змеи» (ст. 32—43). Хорошо известная сказителю по другим эпическим песням «Непра-река» заменена нетрадиционной «Невой» (ст. 199).

№ 348

Дюк Степанович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 8, л. 145—148, машинопись, правленная С. П. Бородиным; ед. хр. 12, тетр. 1, л. 109—124 об., полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (вторая половина стихов); ед. хр. 25, тетр. 2, л. 236—266, полевая карандашная запись Б. М. Соколова (с 1-й по 155-ю строки — полная запись текста, со 156-й строки и до конца былины — неполные строки). Опубл.: С.—Ч., № 21.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Б. М. Соколовым: 12 июля 1928 г., д. Семеново — от Григория Алексеевича Якушева, 65 лет.

Примечания собирателей: к ст. 138, 228, 537 — (Sic!).

Разночтения ед. хр. 8, 12, 25

Ст. 2 ведь (везде в ед. хр. 8, 12, 25) Степановиць (ед. хр. 12, 25); ст. 3 а *ведь* именьицё (ед. хр. 8, 12, 25); ст. 6 цесна (ед. хр. 8, 25); ст. 9 прощеньиця (ед. хр. 25); ст. 9 благословеньиця (ед. хр. 25); ст. 10 *ай да* ⟨...⟩ мни да (ед. хр. 25); ст. 11 а *ко* (ед. хр. 25); ст. 12 на краси (ед. хр. 25); ст. 13 солнышко ⟨...⟩ князь *да* (ед. хр. 25); ст. 14 имениця богацество (ед. хр. 25); ст. 15 Степановиць (ед. хр. 25); ст. 16 Христовьскую; ст. 17 к заутрены Христосьскиих (ед. хр. 25); ст. 18 расстояньицо (ед. хр. 25); ст. 19 было *бы* триста да трицять (ед. хр. 25); ст. 20 от Галици (ед. хр. 25); ст. 21 *до города до Киева* (ед. хр. 25); ст. 23 мамушка (ед. хр. 25); ст. 24 пойдешь да (ед. хр. 25); ст. 26 *именьицё у тя* сиротьскоё (ед. хр. 8);

ст. 32 *рахматого* (ед. хр. 25); ст. 40 *церка́льскоё* (ед. хр. 25); ст. 43 продольнёе (ед. хр. 25); ст. 45 шолку-кошеванско*го* (ед. хр. 25); ст. 47 *цёрвонного* (ед. хр. 25); ст. 51 *вик* да (ед. хр. 25); ст. 52 молодець (ед. хр. 25); ст. 60, 61 триста (ед. хр. 25); ст. 63 садилсе (ед. хр. 25); ст. 67 столбом (ед. хр. 25); ст. 69 его-*то следы* (ед. хр. 25); ст. 70 мо́лодець (ед. хр. 25); ст. 71 *а ведь во* поли (ед. хр. 25); ст. 73 опускалсе (ед. хр. 25); ст. 75 до единого (ед. хр. 25); ст. 76 удалый (ед. хр. 25); ст. 79 *а у* их ⟨...⟩ отворёны (ед. хр. 25); ст. 80 у *их* (ед. хр. 25); ст. 82 *начал* ⟨...⟩ видь-*то* (ед. хр. 25); ст. 83—91 котора стрелка (ед. хр. 25); ст. 92, 93 котора стрелки (ед. хр. 25); ст. 83 ошибочно: *брат* (ед. хр. 25); ст. 87—92 *тая* (ед. хр. 25); ст. 93 десять-*та* (ед. хр. 25); ст. 94 стрелка *до* (ед. хр. 25); ст. 101 *одного* (ед. хр. 25); ст. 102—110 берёт; ст. 103 да *ведь* (ед. хр. 25); ст. 104 двух *тая* трех (ед. хр. 25); ст. 105 трех *та* цетырех (ед. хр. 25); ст. 111 берёт *ведь* (ед. хр. 25); ст. 112 *та* одиннацять (ед. хр. 25); ст. 116 *да ко* Киеву (ед. хр. 25); ст. 117 ласковову ⟨...⟩ Владимеру (ед. хр. 25); ст. 119 за́став (ед. хр. 25); ст. 121 шатри (ед. хр. 25); ст. 123 *как бы* ни заехать (ед. хр. 25); ст. 124 *а кто* прие́дет (ед. хр. 25); после ст. 124 в ед. хр. 25 ремарка: (*охрана*!); ст. 125 Степановиць; ст. 126 заходил-*то* тут *да в шатер* богатырскиих (ед. хр. 25); ст. 127 *начал* конь (ед. хр. 25); ст. 131 Ивановиць (ед. хр. 25); ст. 132 добро́й молодець (ед. хр. 25); ст. 134 отця *и* коёй (ед. хр. 25); ст. 135 царейской (ед. хр. 25); ст. 136 королейской (ед. хр. 25); ст. 139 *не* (ед. хр. 25); ст. 140 ни королевиць *я* (ед. хр. 25); ст. 142 лихомицькоих (ед. хр. 25); ст. 152 *Ильюшенька* (ед. хр. 25); ст. 162 ты *да* за (ед. хр. 12); ст. 165 рощитаться (ед. хр. 12); ст. 169 *да* (ед. хр. 12); ст. 208 *паперти* пропущено (ед. хр. 12); ст. 293 нижню (ед. хр. 8); ст. 294 верхню (ед. хр. 8); ст. 347 Мамерьфу (ед. хр. 8); ст. 410 *шолко́в* (ед. хр. 8); ст. 441 месяць (ед. хр. 8); ст. 600 шелкову (ед. хр. 12).

В тексте обнаруживаются элементы разных редакций сюжета. Как и в кенозерских вариантах, на третьей заставе Дюк встречает Илью Муромца, уклоняется от поединка с ним и благодаря своей учтивости обретает в его лице заступника. Видимо, с кенозерской традицией связано необычное для пудожских былин описание «домика» Дюка в ст. 440—444. «Хрустальные мосты» (полы), на которых трудно устоять, — уникальная деталь побывальщины Дмитриевой из Заонежья (Рыбн., № 88); к этому же источнику восходит рассказ о том, что в решающий момент Дюк снимает одетое сверху «платье похуже» и, продемонстрировав свой пышный наряд, выигрывает состязание у Чурилы. Г. Якушеву был хорошо знаком также извод водлозерского певца П. Федулова (№ 344 наст. тома). Об этом свидетельствуют очевидное композиционное сходство, совпадение оригинальных мотивов (Дюк угощает князя Владимира привезенными из дома калачами; заявляет Чуриле, что первым через реку должен прыгать тот, кто живет «на своёй земли, на своёй орды»; обиженный недоверием киевлян, он начинает ступать по лестнице «плотно-наплотно», отчего ходуном ходят сени княжеского терема). Немало схождений в лексике, в наборе постоянных эпитетов (от Галицы до Киева «было тристо да тридцать верст»; Дюк скачет на коне через башни «наугольнии, что ни большии»; на «мосты калиновы» настланы «сукна одинцёвыи», «да песоцьком были да потрясены»; Чурила называет галицкого боярина «пустохвальщиной»; «конюхи малыи», «помельця болотнии», «беломойниця-портомойниця» и др.). Не исключая возможности устного заимствования этих мотивов и подробностей, отметим все же наличие в репертуаре Якушева целого ряда былин, частично зависимых от книги, а также тот факт, что в XX в. на самом Водлозере собиратели не зафиксировали никаких следов оригинального извода Федулова. Зависимость других отмеченных выше элементов якушевского текста от печатных источников вряд ли может вызвать сомнение. Компилятивный характер комментируемого текста находит косвенное подтверждение в ряде эпизодов. К примеру, невыполнимость своей миссии посланцы князя Владимира мотивируют сразу тремя причинами: чтобы подсчитать золото, им придется провести в Галиче свою молодость; они с трудом смогли оценить башмак матери Дюка; чтобы переписать «богачесьво» галицкого боярина, надо продать «на цернил-то» Чернигов и Киев (ст. 470—495). Обычно сказители ограничиваются одной, максимум, двумя причинами.

В художественном плане «Дюк» — одна из самых слабых былин Якушева. В тексте, насчитывающем более 600 стихов, всего несколько удачно скомпанованных формул, в основном это общеэпические стереотипные описания (ст. 30—51, 83—94, 132—138, 557—558). В других случаях сказитель часто сбивался с ритма; пытаясь «выровнять» стих, отрывал эпитеты от определяемых слов, прибегал к искусственной имитации подхватов: повторам второй части первого стиха в начале следующего (ст. 213—214, 371—372, 412—413, 601—602 и др.). Порой Якушев пропускал ключевые слова (ст. 161, 172), повторял уже прозвучавший стих после следующей фразы, не имеющей к нему отношения (ст. 464—469), путался в употреблении постоянных эпитетов (ст. 229—234), терял нить повествования. В результате смысл некоторых строк трудно понять, даже зная содержание того или иного эпизода (ст. 147 «Ай же ты же хто да ведь еси ведь»; ст. 383 «А есть-то ведь я да видь-то видь»; см. также ст. 149—151, 173—180, 483—485, 489). Видимо, многие огрехи сказителя вызваны небрежностью. Он мог в одном стихе назвать мосточки «калёными», а в следующем употребить традиционный эпитет «калиновые» (ст. 242—243), перенести в былину киевского цикла название новгородской «рицьки Волхой» (ст. 583), присоединить к имени героя сразу два отчества: «Дюк Степанович да сын Иванович» (ст. 147, 227—228). В последнем случае алогизм возник из-за механического использования формулы Ф. Конашкова, хорошего друга Якушева («...Илья Муромець, ⟨...⟩ хто пожалует, дак сын Ивановиць» — С.—Ч., № 77 и др.). Совет матери героя взять в дорогу триста три стрелы вместо тридцати (ст. 53—62), вероятнее всего, восходит к нижегородской версии сюжета «Данило Ловчанин». На Купецком озере, где жил Якушев, записан единственный олонецкий вариант этой былины, но генетически он связан с печатным источником (Шайжин, с. 51).

№ 349

Дюк Степанович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 3, л. 63 об.—70 об., чистовой автограф В. И. Чичерова (чернила); ед. хр. 25, тетр. 2, л. 30—38, полевая карандашная запись Б. М. Соколова; ед. хр. 35, л. 115—131, полевая карандашная запись В. И. Яковлевой. Опубл.: С.—Ч., № 71.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 12 июля 1928 г., д. Семеново — от Павла Егоровича Миронова, 58 лет.

Разночтения ед. хр. 35

Ст. 1 Рахлинскоём; ст. 2 Рахлинского; ст. 7 оставалси; ст. 8 *туты*; ст. 29 благословленьиця; ст. 14 *в* город ли; ст. 17 помолитьсе; ст. 21 *пойдешь*; ст. 36 улицу; ст. 39 молодцу; ст. 44 *церкаськоё*; ст. 47 да *потохошенько*; ст. 61 рядком; ст. 62 *Ай* ⟨...⟩ отряхивал; ст. 65 *крёст-то*; ст. 66 *ём*; ст. 67 поклонилси; ст. 80 *ко* мне; ст. 83 будём; ст. 90, 91 Цурила ⟨...⟩ да щапо; ст. 97 ножоньки; ст. 101 поросфасталсы; ст. 111 ёму да *ведь*; ст. 112 *Ай*; ст. 114 у *мня*; ст. 115 *сапожоньки* у мня; ст. 120 *да полаты*; ст. 128 калацик ⟨...⟩ мецет; ст. 130 Чурилушко; ст. 133 *Чурила ты* ⟨...⟩ щапо; ст. 135 дятинушка; ст. 139 говорил; ст. 141, 147 колацики; ст. 145 моцят; ст. 148 по третьем; ст. 152 *ли* ⟨...⟩ хочеци; ст. 156 *хоцеци*; ст. 158 *Ай* ⟨...⟩ Чурилушка *да* щапо; ст. 159, 160 не вирь; ст. 169 да *ли-то*; ст. 173 скорописцяты; ст. 179 Дюково именьицё; ст. 181 ёго; ст. 184 клонятьсе ⟨...⟩ равняютьсе; ст. 188 *есте родная*; ст. 190, 198 удивляютьсе; ст. 208 вы *со*; ст. 211, 216 *Ёны*; ст. 218 *А* ставали; ст. 222 *ставали*; ст. 225 *ко* стойлам *ко*; ст. 232 *Ай*; ст. 233 послы *да*; ст. 234 *его*; ст. 239, 294, 309 млад *Дюк ты*; ст. 240 ён как *млад*; ст. 246 *Воротилисе*; ст. 250 *Ай* ⟨...⟩ Чурила щапо; ст. 253 *ты* не вирь; ст. 254 *А* ены; ст. 255 *ены*; ст. 258 *А приходи*; ст. 259 *во платье сменное*; ст. 261 каретушка *бы*; ст. 262 *Говорил*; ст. 265 чтобо; ст. 267 *А й говорил тут Дюк*; ст. 268 бяда; ст. 272 вирил; ст. 274 Чурилы; ст. 276 ёму; ст. 281 ён; ст. 284 исполнилосе; ст. 285 говорил

⟨...⟩ щапо; ст. 289 *во* велик; ст. 292 *ежли*; ст. 295, 321, 322, 330 щапо; ст. 297 *А ты ведь*; ст. 299 *Днепра*-река; ст. 302 *конь*; ст. 304 *ежли*; ст. 307 меня; ст. 310 *А ведь то*; ст. 315 *Как мы ведь тебя*; ст. 327 вывёз; ст. 335 не сходилсе с добром; ст. 338 на таки ⟨...⟩ позвалсе; ст. 340, 341 меня.

Былина выдержана в традицинном стиле, но иногда сказитель позволял себе избыточные повторы, употребление разговорных и просторечных оборотов речи (ст. 30—33, 85—86, 241—244, 297, 340). Содержание большинства эпизодов изложено с эпической обстоятельностью (за исключением конспективного рассказа о состязании платьем между Дюком и Чурилой в ст. 280—283). В тексте встречаются редкие детали и подробности. Уверенность героя в своем превосходстве подчеркивается тем, что он «становил коня рядом с князёвым» (ст. 60); по условиям состязания Дюк и Чурила каждый день должны не только менять платье и коней, но и приезжать в «каретушке сменной» (ст. 260). Упоминание «лесов-березок дремуциих» (ст. 173), вероятнее всего, означает, что даже бересты не хватит для того, чтобы «повызнать именьицё» Дюка. Этот мотив в развернутом виде представлен в текстах Ф. Конашкова, односельчанина П. Миронова (№ 347 наст. тома, ст. 345—349; № 359 наст. тома, ст. 325—329). Как и в былине об Илье Муромце (СБ 17, № 168), в зачине комментируемого текста П. Мироновым использована начальная формула из духовного стиха («Царство Рахлинское» обычно упоминается в пудожских вариантах сюжета «Егорий Храбрый и Змей»).

№ 350

Дюк Степанович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 4, л. 116, полевая рукопись; ф. 483, оп. 1, № 284, л. 36 об.—37, рукопись, перебеленная чернилами. Опубл.: С.—Ч., № 168.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, В. И. Чичеровым: 21 июля 1928 г., д. Колгостров на Водлозере — от Павла Осиповича Сухова, 75 лет (урожд. д. Пилмасозеро).

Примечание собирателей: «Слышал былины от своего дяди Василия Алексеевича Сухова» (С.—Ч., с. 643).

Примечание собирателей после ст. 52, 57: «Забыто сказителем».

Разночтения ед. хр. 33

Ст. 2 во *городи* во Калици; ст 7, 14 *губам*; ст. 20, 21 нациненыи; ст. 23 за синём морём; ст. 33 животишк*ама* сиротск*има*; ст. 35 к Владимеру; ст. 36 принимают; ст. 38 не хоц*ица*; ст. 46, 47 Колачик; ст. 50 душистое; ст. 54 *У вас как всё боронóю*.

Сказитель с трудом припомнил начальные эпизоды былины; смысл некоторых стихов затемнен (ст. 50—55). Упомянутая в зачине «Калица» — искаженнное «Галица». В ст. 34—37 П. Сухов почему-то перешел на повествование от первого лица, что не свойственно народной эпической поэзии.

№ 351

Дюк Степанович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 9, л. 96—94 (перевернутые листы), полная полевая карандашная запись; ед. хр. 12, тетр. 2, л. 265 об.—266, полевая рукопись (конец строк); ед. хр. 33, л. 168—170, поле-

вая карандашная запись, перебеленная чернилами; ф. 483, оп. 1, № 284, л. 57, рукопись, перебеленная чернилами. Опубл.: С.—Ч., № 188.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, В. И. Чичеровым: 22 июля 1928 г., д. Чуяла на Водлозере — от Аргапиды Яковлевны Креховой, 83 лет.

Разночтения ед. хр. 9, 284

В ед. хр. 9 название былины — «Дюк».

Ст. 1 Дюк Стёпановичь; ст. 5 местецько; ст. 6 местицько; ст. 9 Говорит ёму родитель ёго матушка; ст. 10 *Цестая*; ст. 11 Поезджай ⟨...⟩ да *мило* дитятко; ст. 15 *именьицем*; ст. 16 на гору; ст. 17 поросфасталась; ст. 20 Степановичь (ф. 483, № 284); ст. 22 пециньки (ф. 483, № 284); ст. 26 пеценьки-то; ст. 27 помяльци-ка; ст. 28 пёкём-ко; ст. 29 хотитсе; ст. 30 *горит*; ст. 31 *обченщики*; ст. 32 *Обченить* Дюкушка именьица; ст. 33 к ёго; ст. 35 Оцините у мня башмацёк; ст. 36 *обчени́те мне*.

Исполнительница смогла припомнить лишь начало былины. Видимо, в полном виде ее вариант был сходен с текстами сумозера А. Сорокина и односельчанина А. Креховой М. Нигозёркина (№ 345 наст. тома). Об этом свидетельстует упоминание «Полань-горы», на которую съезжаются «цари-царевичи, короли-королевичи».

№ 352

Дюк Степанович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 4, л. 241—223, сведенная полевая рукопись, карандаш, обведенный чернилами; ед. хр. 33, тетр. 4, л. 58 об.—49 об., сведенная рукопись (запись в два столбца: в левом — фиолетовыми чернилами и по свободной части, в правом — обведены черными чернилами по карандашной полевой записи концы строк); ед. хр. 25, тетр. 2, л. 451—455 об., полевая рукопись (в основном середина строк). Опубл.: С.—Ч., № 176.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 29 июля 1928 г., д. Канзанаволок на Водлозере — от Макара Спиридоновича Ширкова, 60 лет.

Примечания собирателей: «По указанию М. С. Ширкова, он перенял былину от Давида Епишина. Записей от Д. Епишина ни Рыбниковым, ни Гильфердингом сделано не было» (С.—Ч., № 176). «Научился у Давида Никифоровича Епишина ⟨...⟩. Поет замечательно, воодушевленно, громко» (ед. хр. 25, тетр. 2, л. 442).

«Спев Дюка, сказал: „Ведь 30 годов не слыхал. Молодой-то певал. Как слово слово родит!"» (ед. хр. 25, тетр. 2, л. 455 об.).

Разночтения ед. хр. 33

Ст. 17 познакомитса; ст. 37 *меня* буйну голову; ст. 41 [*Святой*] иконы приво́дила; ст. 49 попонку *лехкую*; ст. 60 горы-то столкнулись; ст. 62 *На горы поскакивал*; ст. 77 Галиции *проклятую*; ст. 78 *Поместья богатого*; ст. 167 *Непру*-реку; ст. 180 Около.

Текст заметно отличается от других водлозерских вариантов. Описание застав на пути в Киев (со «змеей двенадцатиглавой» на третьей заставе) сближает его с кижской и повенецкой традициями; мотив смены масти коня — с вариантами П. Калинина, А. Чукова (Гильф., № 9, 152) и пудожских сказителей А. Савинова и Ф. Конашкова. Некоторые уникальные детали сближают былину М. Ширкова со старина-

ми Т. Рябинина (Гильф., № 85 — Дюк говорит, что Чуриле легче выполнить условия состязания, так как у него под рукой запасы одежды, а «конюшни конями загорожены»), А. Чукова (от ржанья Дюкова коня зашатался княжеский терем). О зависимости комментируемого текста от книги свидетельствуют также не характерные для местной традиции слова и речевые обороты («по балам ходит», «прикащики, отъемщики», «пришпорил шпорами», «молодой конь», «заповедный луг»). Нелогичное словосочетание «Галица покляпая» (ст. 77) появилось под влиянием эпитета «береза покляпая» (т. е. наклонившаяся, кривая), нередко встречающегося в пудожских эпических песнях. Явное искажение «со тим шипом Щурилом Пленковицем» возможно только при визуальном восприятии печатного текста (должно быть «со тим щапом»). Последние строки былины даже на лексическом уровне близки к формуле из компилятивного текста в сборнике В. П. Авенариуса (первоисточник — нижегородский вариант старины «Чурила и князь» в сборнике П. В. Киреевского — Кир. IV, с. 86). Исполнитель заявил, что сказыванию былин научился у своего земляка Д. Епишина, который якобы хорошо знал Сорокина. Однако ни одна оригинальная деталь его текста не связана с былинами сумозерского певца, лишь ст. 174 («Вот Щюрила здорил, дак тебе скакать!») можно считать переделкой сорокинской формулы «твой задор зашел наперед». От Епишина былины не записывались. Ширков — большой любитель чтения, в молодости он видел какую-то «Книгу былин» (С.—Ч., с. 657—658). Судя по описанию ее внешнего вида, это мог быть сборник В. П. Авенариуса под таким заглавием. Почти все отмеченные выше мотивы и подробности имеются в «Дюке» из сборника Авенариуса, а стих Ширкова «платье у Чурилы лишь со рожками» искаженно передает отредактированную составителем формулу «на голове шапочка со рожками», восходящую к варианту Сорокина («надевал он шапочку со рогавками»).

№ 353

Дюк Степанович

РО ИРЛИ, р. V, кол. 27, п. 2, № 6 (№ 1), л. 51—52, перебеленная рукопись, чернила. Опубл.: Аст. 2, № 182.

Зап. М. Б. Каминской, Н. Н. Тяпонкиной: 25 июля 1932 г., д. Конновская Песчанского с/с Пудожского р-на — от Агриппины Матвеевны Никоновой, 88 лет.

«Вариант отличается прозаическим складом, сокращением и обеднением описаний. Ср., например, описание застав и проезда Дюка с соответствующими местами в вариантах № 9, 152 (Аст. 2) и № 159 у Гильфердинга и в нашей записи от М. К. Сарафановой (Аст. 2, № 142). Наблюдается включение обыденных бытовых образов: „женщины идут на работу", „обоз". В конечном эпизоде — характерный момент модернизации: калоша, которую нельзя оценить, — припоминание сапожек „зеленый сафьян" или „лапоток плетёных", в которых щеголяет Дюк в Киеве (Гильф., № 52, 213). Ср. Гильф., № 230, эпизод с сапогами, которых Добрыня не мог пересчитать в Галиче» (Аст. 2, с. 743—744).

Текст фрагментарный; исполнительница припомнила начало былины и кратко пересказала эпизод с оценкой имущества Дюка Степановича. Описание трех застав (на третьей путь преграждает «Змеищо што Горынчищо») сближает комментируемый вариант со старинами П. Калинина и А. Чукова (Гильф., № 9, 152) из Пудожской Горы, расположенной по соседству с родной деревней А. Никоновой. Традиционный «башмак» матери Дюка, который не могут оценить киевские послы, заменен «калошей».

№ 354

Дюк Степанович

ФА ИРЛИ, ФВ 4820.04.

Зап. М. Б. Каминской, Н. Н. Тяпонкиной: 24 июля 1932 г., д. Конновская Песчанского с/с Пудожского р-на — от Агриппины Матвеевны Никоновой, 88 лет.

Нотация Е. И. Якубовской. Напев транспонирован на 1.5 тона выше.

Публикуется впервые.

№ 355

Дюк Степанович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 12, ед. хр. 30, л. 517—533, машинопись. Опубл.: БПК, № 10. Более полный вар.: Черн., № 23.

Зап. А. Н. Антиповой: март 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Анны Михайловны Пашковой, уроженки д. Ярчево Пудожского у., малограмотной, 72 лет.

Примечание собирателя: ст. 242 масъ — масть.

Разночтения БПК, № 10

Ст. 61 *Ай же ты*; ст. 78 ркп. в публикации отсутствует; ст. 80 (ст. 81 ркп.) *за*; ст. 421 (ст. 422 ркп.) Во *каменьях*; ст. 449 (ст. 450 ркп.) бога*чество*. В ст. 453 машинописи и в БПК ст. 452 вм. Наталья Тимофеевна — *Настасья*. Начиная со ст. 80 в публикации нарушена строфика.

«Относительно этой былины Пашкова сообщила следующее: „В детстве в книге читывала, давали нам книгу о киевских богатырях".

Былина-новелла с большим социально-историческим содержанием в отличие от былин-новелл психологическо-бытового характера. Лучшие варианты былины записаны в Прионежье, где она была наиболее популярна (более 30 вариантов) и где довольно часто встречается и в настоящее время (более 20 новых записей). Список и исследование вариантов — Аст. 1, с. 582. Печатаемый текст примыкает к группе прионежских вариантов, в которых центральным эпизодом является описание богатств Дюка. Состязание его с Чурилой отходит на задний план. Роль Чурилы в варианте сведена к минимуму: он выступает лишь в качестве „подневольника" в поединке с Дюком. Гораздо активнее князь Владимир; он вызывает Дюка на хвастовство, подписывает с ним договор, по которому обязуется отдать в случае своего поражения в состязании полцарства. Сцена поединка — апофеоз силы Дюка, так как ему не находится „поединщиков" среди киевских князей-бояр и богатырей. Неудачное выступление Чурилы и следующее за ним описание богатств Дюка приводят к окончательному посрамлению князя. Симпатии сказительницы на стороне Дюка; она неоднократно подчеркивает его физическое и моральное превосходство (ст. 294—298, 309—315).

В отношении композиции интересен мотив заключения героя в погреб, сравнительно редкий в былинах на данный сюжет. То же см. в водлозерском варианте (Гильф., № 213). В былину включен вспомогательный персонаж, постоянно фигурирующий в сказках, — бабушка-задворенка. При записи былины Пашкова не могла вспомнить мотива „трех застав", который, по ее словам, раньше был ей известен.

Сюжеты былины о Дюке восходят к византийскому памфлету „Сказание об Индии богатой", который доказывает превосходство Индии над Византией (в русской письменности известен с XII—XIII вв.). По мнению Вс. Миллера (Очерки русской народной словесности. М., 1897. С. 97—122), первоначальная

песня о Дюке сложилась в Галиче, который неоднократно упоминается в былинах как родина Дюка. Возможно, что социально-историческая основа — соперничество галицких бояр с князьями в эпоху пышного расцвета Галицкой земли и ослабления Киева (XII—XIII вв.)» (БПК, с. 469—470).

Как и другие старины Пашковой, данный вариант тесно связан с печатными источниками. Он мозаичен по составу, что в значительной мере предопределено компилятивным характером книжного прототекста, использованного сказительницей. Наибольшее количество заимствований восходит к былинам Т. Рябинина (Кижи), П. Калинина и А. Чукова (Повенец), Дмитриевой (Петрозаводский у.), некоторые развернутые описания генетически связаны с кенозерской традицией (подробнее см. комментарий к повторной записи, в которой количество зависимых от книги элементов возросло почти вдвое). Большинство этих деталей и формул есть в «былине девятнадцатой» из сборника В. П. Авенариуса (Авенариус, с. 173), которая и легла в основу комментируемого текста (см.: Новиков 2001, сюжет 23, № 13).

Пашкова охотно вводила в эпические песни поэтические образы из народных лирических песен, свадебных причитаний, сказок, переносила отдельные формулы из других былинных сюжетов; нередко прибегала к сочинительству. К ее индивидуальным новациям, как правило, неудачным, следует отнести рассказ о соперничестве Дюка с Чурилой в преодолении трех застав (ст. 276—282), оценку привезенного героем имущества, временно хранившегося у «бабушки-задворенки» (ст. 314—338). Заходя в княжеский терем, Дюк ведет себя как чужеземный насильник — «на святые иконы не молится, князю солнышку да он не клонится...» (ст. 56—59), хотя тут же заявляет, что приехал послужить Владимиру «верой-правдою» (ст. 70—73). Брезгуя угощением, он «калачик берет да однем пальчиком» (?). Столь же неразборчива Пашкова и в выборе лексических средств — ее былина пестрит словами и словосочетаниями, чуждыми народной поэзии и несовместимыми с традиционным эпическим стилем («ребятиться», «ножичек перочинный», «табуны коней да бесчисленныи», «женщина пожилых лет», «платьице шелковистое», «телогреечка да черна бархата», «ковры персицкие»).

№ 356

Про Дюка Степановича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 13, ед. хр. 8, л. 348—394, черновая рукопись, карандаш, частично обведенный чернилами. Опубл.: БПК, № 37.

Зап. Е. П. Родиной: июль 1938 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Никиты Антоновича Ремизова, 61 года.

Разночтения БПК, № 37

Ст. 39 с Опраксеюшкой; ст. 64 *уж пьёшь*; ст. 66 *Дюк Степановиць*; ст. 74 *им*; ст. 75 *в* погреба; ст. 174 у *их*; в ст. 209—210 в публикации перестановка строк; ст. 237 ркп. в публикации отсутствует.

«Об этой былине Ремизов говорит: „Иногда расскажешь крайцик ребятам, а на вывозках пел и пользовался известностью: и цяйницек поставят и обед, а я рассказываю". В настоящее время он ее не поет, а только сказывает словами; в таком виде, по его словам, он и слышал от других. Это отразилось на тексте былины; отдельные стихи выпадают из ритма (ст. 59, 65, 169—170 и др.), в некоторых местах не досказано (ст. 106—110 и др.). Отъезд Дюка и особенно эпизод состязания с Чурилой конями и одеждой переданы схематично» (БПК, с. 485).

В былине встречаются редкие формулы, известные по единичным вариантам старой записи (ст. 63—77, 75, 169—170), однако они фиксировались именно на Пудоге и могли быть усвоены сказите-

лем из устной традиции. Но в его тексте есть и необычные для Пудоги детали, что позволяет предполагать книжное влияние. Дюк вытаскивает Чурилу из реки вместе с конем (ср. варианты П. Калинина и А. Чукова — Гильф., № 9, 152; а также водлозёра И. Захарова — № 340 наст. тома); он маскирует свой богатый наряд одетыми сверху «платьями нехорошими» — этот мотив имеется только в побывальщине Дмитриевой из Петрозаводского у. (Рыбн., № 88) и часто использовался составителями компилятивных былин и прозаических «сказаний» о галицком богатыре. Эту старину Ремизов сказывал, а не пел; «в таком виде, по его словам, он и слышал от других» (БПК, с. 485). В целом неплохо владея эпическими формулами, исполнитель иногда выходил за пределы традиционного былинного лексикона («костюмцик невиданный», «морьскими зверями стены завешаны», «капиталы великии», «платья форсоватыи»).

№ 357

Дюк Степанович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 1, ед. хр. 65—65а, беловая рукопись, карандаш.

Зап. М. М. Михайловым: июль 1938 г., с. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Васильевича Кигачева, 42 лет.

Сказитель сообщил собирателям, что заучил эту былину по хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия» (БПК, с. 489). С незначительными изменениями он воспроизвел один из вариантов А. Чукова (Рыбн., № 30), опустив или добавив отдельные строки, не влияющие на ход повествования. Так, в перечислении охотничьих трофеев Дюка добавились «перелетные алые утучки», в описании скачки богатырского коня появилась фраза «маленькие речки хвостом застилал» (ср. аналогичную формулу в волшебных сказках); не названы города Киев и Чернигов, жители которых ручаются за Чурилу, и т. п. Немногочисленные новации Н. Кигачева нельзя признать удачными. Илья Муромец и Добрыня Никитич именуются «мужиками-оценщиками»; вместо «князей, бояр ⟨...⟩ мелкой четы» появилось словосочетание «голь киевская» и т. п. Следуя тексту В. Оксенова, сказитель заменил «плечиком» диалектное слово «пелечко» («лопатка задней ноги животного» — Рыбн., т. 3, с. 302), использованное Чуковым. Другой диалектизм «вырутить» заменен его литературным аналогом «выронить». Подобные лексические новации, не всегда адекватные в семантическом плане, встречаются довольно часто (например, в ст. 277—291: «в церкви...»—«в храме...», «обмерли»—«умерли», «оставь людей хоть на семена»—«оставь бояр хоть на семена», «птицы певучие, клевучие»—«птицы голосистые».

Публикуется впервые.

№ 358

Про Дюка Степановича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 2, тетр. 3, ед. хр. 2, рукопись.

Опубл.: Линевский, № 16 (два контаминированных варианта в записи М. А. Ивановой и Е. П. Родиной). В наст. томе публикуются оба варианта как самостоятельные под № 358 и № 359.

Зап. М. А. Ивановой: 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

«Почти все варианты прионежских сказителей с самого начала осложнены деталями, не имеющими в дальнейшем никакого значения. Превосходный вариант Сорокина (Рыбн., № 131) начинается с описании ценности стрел Дюка, затем идет встреча его с Ильей и бой с Идолищем. Кижские варианты также начи-

наются с описания стрел, затем говорится о преодолении Дюком трех препятствий: сдвигающаяся гора, заклевывающие насмерть птицы, Змея Горынчища (Чуков, Касьянов) или застав — змеиной, звериной, пятибогатырской (Федоров-Дутиков, Корнилов, Рябинин в записях Гильфердинга и калика Латышев с Онеги). Если встреча с Ильей еще имеет композиционный смысл, так как объясняет, почему Илья Муромец в состязаниях поддерживал сторону Дюка, то все остальное (стрелы, Идолище, три препятствия по пути) не играет никакой роли в развитии сюжета о Дюке. Былина Конашкова по стройности архитектоники очень показательна для вариантов сказителя. Нет ни одной лишней сцены, не имеющей значения в дальнейшем развитии действия. Былина состоит из четырех частей: каждая предыдущая искусно связана с последующей. По структуре былина похожа на рябининскую (в записи Рыбникова), редкие детали сближают ее с вариантом Сорокина. Стройностью архитектоники вариант Конашкова выделяется и среди новых пудожских записей (БПК, № 10, 25, 37, 57, 60). Наиболее близким к нему является текст, записанный от Пашковой, в особенности начало (отъезд Дюка и хвастовство на пиру). В последующем изложении былина Пашковой, как и все другие новые записи, не имеет общих черт с публикуемым вариантом и по своему качеству значительно уступает ему» (Линевский, с. 198—199).

При повторном исполнении сказитель опустил развернутый рассказ о преодолении застав на пути в Киев, о встрече и братании Дюка с Ильей Муромцем. На дальнейшем развитии событий это не отразилось, поскольку в былине Конашкова роль покровителя героя отведена также «князю черниговскому». Добавилась эпическая концовка (ст. 330), которую шальский певец, скорее всего, позаимствовал у П. Рябинина-Андреева из Кижей во время совместных публичных выступлений в разных городах страны. Добавлена также формула «сапожок о сапожок поколачивает» (ст. 42), которую П. Д. Ухов считал характерной только для архангельской традиции.[2] Однако такой фольклорный стереотип известен и олонецкой традиции (см. исторические песни об Иване Грозном — Гильф., № 129, Кижи; С.—Ч., № 182, Пудога и др.). В повторной записи «Нева-река» заменена традиционной «Непрой-рекой» (ст. 197). Необычное словосочетание « пецька ⟨...⟩ яловцята» (ст. 87, то же в первой по времени записи), видимо, появилось в результате неудачного прикрепления к другому слову традиционного эпитета «гусли яровчатые».

№ 359

Про Дюка Степановича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 2, тетр. 3, № 54, рукопись.

Опубл.: Линевский, № 16 (два контаминированных варианта в записи М. А. Ивановой и Е. П. Родиной). В наст. томе публикуются оба варианта как самостоятельные под № 358 и № 359.

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 78 лет.

См. коммент. к № 358 наст. тома.

№ 360

Про Дюка Степановича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 74, л. 509—512, черновая рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 60.

---

[2] *Ухов П. Д.* О типических местах (loci communes) в русских народных традиционных песнях // Вестн. Московского ун-та. М., 1957. № 1. С. 102.

Зап. В.Р. Дмитриченко: август 1938 г., д. Нежино Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Емельяновича Родина, неграмотного, 84 лет.

Разночтения БПК, № 60

Ст. 11, 30 благословеньице; ст. 37 черкасное; ст. 64 *они с Чурилой*; ст. 70 обценить; ст. 99 оценить; ст. 103 Дюк Степанович; ст. 110 ркп. в публикации отсутствует; ст. 131 (ст. 132 ркп.) Сели на *почет*.

«Начало былины (сборы в дорогу и отъезд Дюка) восходит к редакции варианта у П. А. Федулова из Водлозера (Гильф., № 213). В прионежских вариантах, особенно в кижских, наиболее отчетливо проявляются социально-исторические отношения (Аст. 1, с. 583). Это имеет место и в данном варианте: богатство и удальство Дюка противопоставляется не только Чуриле, но всему Киеву (одежду «на Чурилу справляли всем Киевом»). Сторонниками Дюка являются только Илья Муромец, Василий Буслаевич и Ермак. Об их поездке оценивать имущество Дюка сказано коротко, основной эпизод — это состязание Дюка и Чурилы, окончившееся смертью Чурилы. В художественном отношении вариант значительно уступает другим записям, многие эпизоды (сборы в дорогу, описание богатства Дюка и др.) сильно сокращены, склад былины местами совершенно прозаический» (БПК, с. 499).

Небольшой по объему текст Н. Родина содержит немало оригинальных деталей и формул. Близкий к нему вариант его родственника В. Родина (№ 363 наст. тома) позволяет говорить о бытовании на Рындозере особой модификации сюжета. Возможно, она генетически связана с творчеством водлозерского сказителя Егора Шитого, которого Н. Родин считал своим учителем (БПК, с. 498); по другим источникам его имя не известно. В комментируемом тексте использована редкая формула сетований богатыря по поводу того, что он не бывал в Киеве и не видел князя Владимира; в других записях она зафиксирована в Повенецком у. (Рыбн., № 106, В. Лазарев), на Пудоге (№ 341, 344 наст. тома, А. Савинов, П. Федулов) и на Кенозере (Гильф., № 225, 230, И. Сивцев-Поромский, П. Воинов), однако все они по объему и набору деталей уступают формуле рындозерского сказителя (ст. 19—28). От свиста и «рычания» змей и «воронов граючих», «влитых» в петелки и крючки Дюковой шубы, «не слышно было звону колокольного» (ст. 120—123). Как и в ряде других пудожских записей (№ 337, 338, 341, 339 наст. тома, А. Сорокин, А. Савинов, Т. Романов), в комментируемом варианте находим образ «чиликающих» на ветру бочек, подвешенных на железных цепях; в отличие от своих земляков Родин предпочел не сравнение, а отрицательный параллелизм (ст. 51—56). В ст.71—84 использован прием повторения с нарастанием. Киевские послы видят 10, 20 и 30 девиц, которые «держат подсолнечник», и поначалу принимают служанок за хозяйку (ср. с былиной А. Сорокина — № 338 наст. тома, ст. 539—575). На связь с местной традицией указывают и другие детали текста. Посланцы князя Владимира не могут оценить башмак матери галицкого боярина (ст. 99—100; ср. варианты Г. Якушева, А. Креховой, Н. Ремизова и др.). В Киеве за Дюка ручается не только Илья Муромец, но и «млад Ермак Тимофеевич» (ст. 66—68) — персонаж версии сюжета «Илья Муромец и Калин-царь», которая неоднократно фиксировалась на соседнем Купецком озере. Конь Дюка — младший брат Чурилина коня (ст. 134—137). Сходный мотив есть в былине знаменитого Т. Рябинина из Кижей (Гильф., № 85), но знали его и пудожане А. Фадеева и В. Родин (№ 361, 363 наст. тома). Болезнь и преклонный возраст исполнителя (в момент записи ему было 84 года) помешали ему пропеть свои былины. Отсутствием такого важного стилеобразующего фактора, как эпический напев, объясняются некоторые сбои ритма, прозаические конструкции в стихах 73—87, 97—98, 101—102.

№ 361

Про Дюка Степановича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 33, л. 227—230, перебеленная рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 57.

Зап. В. Р. Дмитриченко: август 1938 г., д. Ижгора Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, уроженки д. Сарозеро Пудожского у., неграмотной, 54 лет.

Разночтения БПК, № 57

Ст. 13 поплёвы*вашь*; ст. 19 короцьк*а* на хвойку призапахнула; ст. 32 *сменных платьицах*; ст. 50 хоть коню-то *Чурилки Щаплёнковича*; ст. 53 поперёд; ст. 57 жолты кудри.

«В данном варианте дана только сюжетная основа былины, отдельные эпизоды почти не разработаны. Очень коротко сказано о выезде Дюка (6 стихов), об его имуществе (3 стиха) и состязании с Чурилой (ст. 30—58). Сохранились интересные штрихи в описании подготовки Чурилы к состязанию с Дюком: за Чурилу ручается весь Киев — это одна из историко-социальных черт былины о Дюке (противопоставление Галича-Волынца, представителем которого, очевидно, является Дюк, — Киеву), особенно ярко она проявляется в прионежских вариантах (Аст. 1, с. 583). Варианты этой былины в наших записях — БПК, № 10, 37» (БПК, с. 497—498).

Схематичный, невыразительный вариант; в конце исполнительница перешла на откровенную прозу, хотя и пыталась имитировать некое подобие былинных стихов (ст. 45—56). Как и другие тексты Фадеевой, «Дюк» записан под диктовку. Бедность деталей затрудняет выявление возможных генеалогических связей ее варианта. Лишь ст. 49—52 (конь Дюка обещает хозяину: «Не поддамся брату большему») близки к соответствующему мотиву в старине Т. Рябинина из Кижей (Гильф., № 85). Однако сходная формула (конь Дюка — младший брат Чурилиного) есть в былинах Никифора и Василия Родиных с соседнего Рындозера (№ 360, 363 наст. тома).

№ 362

О Дюке Степановиче

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 14, ед. хр. 15, черновая рукопись.

Зап. К. В. Чистовым: июль 1939 г., д. Климово Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Терентьевича Фофанова, 67 лет. Опубл.: БПК, № 25.

Разночтения БПК, № 25

Ст. 34 *для всей*; ст. 51 Степанович*а*; ст. 83 А поидúм-ка *вы*; ст. 133 *сахáрныи*.

«Данный вариант представляет собою отрывок былины о Дюке, включающий поездку его в Киев (135 стихов) и похвальбу на пиру (20 стихов). Сказитель не смог припомнить всю былину, но текст интересен тем, что здесь рассказывается о трех заставах, которые преодолевает Дюк на пути в Киев. Мотив этот встречается только в некоторых вариантах из Заонежья и Кенозера (см. Гильф., № 230 и др., Аст. 1, с. 583). В других наших записях былины о Дюке (БПК, № 10, 37, 57, 60) этот мотив не встречается. Бо-

гатырскую заставу в качестве третьего, иногда четвертого препятствия и знакомство Дюка с Ильей Муромцем до приезда в Киев встречаем в кенозерских вариантах (см. Гильф., № 225, 230, 279) и в некоторых вариантах из других районов (Гильф., № 115, Кижи; № 212, Водлозеро)» (БПК, с. 478—479).

Сказитель ограничился начальными эпизодами былины — описанием выезда богатыря из дома, преодоления им трех застав и кратким изложением диалога по поводу киевского хлеба и напитков. Однако благодаря обилию развернутых формул и эпических повторов общий объем текста довольно внушителен. И. Фофанов — один из немногих пудожских певцов, использовавших мотив трех застав на пути в Киев и встречи героя с Ильей Муромцем (ср. № 348, 347, 358, 359 наст. тома, Якушев, Конашков). В его былине, как и в старинах лучших кенозерских сказителей, Илья велит Дюку в случае беды стрелять из Киева «стрелочку подписанну» (ср. Рыбн., № 181; Гильф., № 230). Родина богатыря Галич осознается как нерусский город (ст. 3, 8).

№ 363

Дюк Степанович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 164, черновая рукопись, карандаш.

Зап. К. В. Чистовым: 21 июля 1940 г., д. Балдина Гора Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Василия Михайловича Родина, неграмотного, 70 лет.

По сообщению собирателя, В. М. Родин «былины перенял от отца. который, по его словам, знал много былин, сказок и т. д. Лет тридцать назад кто-то звал его петь былины в Петрозаводск. Не поехал. Знает сказки (больше десяти)» (л. 21). «Былина из-за крайне плохой дикции сказителя записана со сказа, напев былины отличается большим богатством вариаций. Необходимо отметить частые повторения второй половины строки (после цезуры)» (л. 41).

Пояснения собирателя: ст. 74 фастает — хвастает; ст. 82 подики — от слова «под»; ст. 125 руцяли — ручались; ст. 215, 216 «спеты ошибочно — остановки в пении не было»; ст. 228 пофальба — похвальба; ст. 255 мандёра — берег, материк; ст. 287 красный батюшка — крестный отец свадьбы.

Контаминация сюжетов «Дюк Степанович» и «Добрыня и Алёша». Композиция, набор оригинальных формул и деталей сближают этот вариант «Дюка» с былиной Н. Родина — земляка и, видимо, близкого родственника В. Родина (см. коммент. к № 360 наст. тома). В обоих текстах упоминаются «Галич» и «Корела широкая», совпадают формулы сетований героя по поводу того, что он не бывал в Киеве; за Чурилу ручаются «всим Киевом», а за Дюка — только Илья Муромец; послы князя Владимира не могут оценить «башмачик со правой ноги» матери галицкого боярина. Так же как и Н. Родин, сказитель уделил внимание описанию коней соперников. Конь Дюка — младший брат Чурилина коня (добавлена оригинальная формула: «Мне скочить вперед закону нет»), но он обещает выиграть состязание, поскольку хозяин «пал» ему «в правое копыто». Второй сюжет представляет собой конспективное изложение нескольких эпизодов из заключительной части былины. Почти все использованные Родиным детали обычны для прионежских записей, оригинально лишь указание на то, что при братании Добрыня и Алёша дали зарок:

Который из нас да вперед помрет,
А той же жены да замуж не брать.

Подобная мотивировка запрета Настасье выходить замуж за Алёшу Поповича единична для русского эпоса; возможно, она имеет архаичные корни. Исполнитель хорошо владел былинной фразеологией, по-

этому не исключено, что отдельные довольно грубые искажения могли появиться в рукописи из-за невнимательности собирателя («конюшня билодурова» вместо «белодубовой», «детина-досельщина» вместо «засельщины»). В тексте Н. Родина оба эпитета традиционны (ст. 34, 61).

Публикуется впервые.

№ 364

Дюк

Архив КФАН, р. III/2, № 177.02.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация Е. И. Якубовской. Напев транспонирован на ½ тона ниже.

Публикуется впервые.

№ 365

Дюк

Архив КФАН, р. III/2, № 61.01.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Исполняет Федор Андреевич Конашков. „Дюк". Повторная запись». На фонограмме зафиксированы еще две музыкально-поэтические строки. Однако из-за технического дефекта звукозаписи они не поддаются расшифровке.

Публикуется впервые.

№ 366

О Дюке Степановиче

Архив КФАН, ф. 1, кол. 12, ед. хр. 136, л. 124—161 (л. 1047—1083), черновая рукопись, карандаш. Опубл.: Черн., № 23. Вар.: БПК, № 10.

Зап. А. В. Белововой: 30 января 1941 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Анны Михайловны Пашковой, уроженки д. Ярчево Пудожского у., малограмотной, 75 лет.

Разночтения Черн., № 23

Ст. 51 *Приходила*; ст. 75 *Омельфа*; ст. 99 по той *ли по*; ст. 907 *молодцы, сюда* отправлены.

В ст. 289 оговорка исполнителя: А во Киеве у *нас* все не по-нашему.

«В сравнении с текстом 1937 г. текст А. М. Пашковой разросся с 477 строк до 973 за счет включения сюжетообразующих мотивов и целых их комплексов. Вследствие этого вариант превратился в версию. При исполнении в 1941 г. сказительница ввела следующие мотивы: мать Дюка сообщает о трех заставах, которые должен преодолеть Дюк (любопытно, что в БПК, № 10 Пашкова не могла вспомнить этот мотив

и другие, связанные с ним. — БПК, с. 470); Дюк преодолевает заставы; Чурила сомневается в подвиге Дюка; Дюк настаивает на своем. В то же время в тексте БПК, № 10 Владимир, а не Чурила бьется об заклад с Дюком — выезжать в новой одежде и на новых конях в поле. В БПК, № 10 нет серии мотивов, связанных с выездом соперников в поле, а мотивы преодоления Чурилой трех застав в этом варианте призваны заменить мотивы состязания богатырей у Пучай-реки (см. нашу публикацию). В записи 1941 г. подробно, в духе традиционной эпической обрядности описаны наряды Дюка и Чурилы. Большое умение варьировать текст продемонстрировала сказительница и в отношении словесной его стороны. Судя по словам самой А. М. Пашковой, эту былину она усвоила из книги (БПК, с. 469), что заметно в некоторых совершенно небылинных мотивах и деталях (например, золотые рыбки в речке у Дюка)» (Черн., с. 273—274).

По свидетельству собирательницы, во время первой записи былины «Пашкова не могла вспомнить мотива „трех застав", который, по ее словам, раньше был ей известен» (БПК, с. 470). Спустя четыре года она не только описала преодоление застав (ст. 124—167), но и охарактеризовала их в напутственном слове матери героя (ст. 89—108). Сюжет дополнен также подробным рассказом о состязании Дюка с Чурилой в перепрыгивании на конях через Пучай-реку (ст. 617—736). В обоих случаях не приходится говорить о припоминании забытого. Пашкова не просто восстановила в общих чертах содержание этих эпизодов, а с большой точностью воспроизвела весь комплекс сопутствующих им мотивов, в том числе уникальные детали текста Т. Рябинина из Кижей: «крылышки подкожные» у богатырских коней; замечание Дюка о том, что условия состязания выгодны его сопернику — он живет в Киеве «своим двором». В тексте появились новые подробности, восходящие к вариантам знаменитых олонецких певцов XIX в.: увидев сверкающие на солнце золоченые крыши, киевские послы решили, что Дюк поджег Волынь-город, дабы избежать позорного разоблачения (ст. 778—796); как и в кенозерских былинах, в состязаниях Дюка с Чурилой важная роль отведена голям кабацким, поручившимся за приезжего богатыря (ст. 370—374, 580—582, 610—616) и др. Не свойственное прионежским былинам имя матери Дюка «Наталья Тимофеевна» заменено более традиционным — «Мамельфа» («Амельфа», «Мальфа»); в зачине упомянута не только «Индия богатая», но и «Волынь-город», отсутствовавший в первом варианте. Все это позволяет предположить, что исполнительница имела книгу на руках и пользовалась ею непосредственно перед записью. Неудивительно, что при повторной записи текст увеличился в объеме в два с лишним раза.

По композиции, оформлению большинства эпизодов былина Пашковой ближе всего к текстам Т. Рябинина (Рыбн., № 16; Гильф., № 85, ст. 99—108, 202—207, 300—337, 355—361, 551—557, 568—571, 636—641, 680—693, 757—760 и др.). Некоторые детали перенесены из других эпических песен Рябинина (ст. 90—98, 214—221 из старины о первой поездке Ильи Муромца (Гильф., № 74), ст. 75—79 из «Добрыни и Василия Казимирова» (Гильф., № 80)). Ряд оригинальных подробностей восходит к былинам повенецких сказителей П. Калинина и А. Чукова (ст. 32—43, 490—493, 951—954 и др., Гильф., № 9, 152), стихи 151—154 позаимствованы из их же вариантов «Добрыни и Змея» (Гильф., № 5, 148). Перенесения из других сюжетов иногда уместны, но чаще выглядят инородными вставками и порой приводят к алогизмам (например, от шипения змей, изображенных на пуговицах Дюка, в церкви «темны лесушки к земле да приклонилися» — ст. 593). С кенозерско-каргопольской традицией связаны ст. 44—49, 879—896, а с побывальщиной Дмитриевой (Рыбн., № 88) — упоминание «рыбок золоченых» в ст. 955. В повторной записи возросло также количество индивидуальных лексических привнесений («люстры золоченыи», «цепы металличецки», «в том числе Добрынюшка Никитинеч», «тумбочки золоченыи» и т. п.). Личным домыслом Пашковой следует считать способ преодоления Дюком третьей заставы — он «перездвинул горушки столкучие» (ст. 163).

№ 367

Дюк Степанович

Архив ФК МГУ, 1957, Сев. экспед., п. 1, тетр. 1, № 6, л. 4180—4192, рукопись.

Зап. Ю. А. Новиковым, Ю. И. Смирновым: июль 1957 г., д. Остров Кривецкого с/с (Водла) — от Афанасия Гавриловича Афонина (возраст не указан).

Примечание собирателей: «Свидетельство Михаила Тимофеевича Пахомова о бытовании былин в деревне Остров в начале этого века подтверждается воспоминаниями Афанасия Гавриловича Афонина: „Дедушка был, он еще пел, да я оттуда перенял, им подтягивал: два-три человека соберутся, один поет, а другие слова подкладывают. Больше пятидесяти лет пел, потом и один, в кампании заставят". Афанасий Иванович говорил, что раньше он якобы сам пел старины, но на наши просьбы отвечал отказом под тем предлогом, что ему трудно петь. А однажды сказал: „Старины нужно круто петь, не поспеете записать". Он пытался ритмически оформить свои пересказы, но это подчас приводило к бессмыслице. Первые сказки, последовавшие за пересказами, Афанасий Гаврилович также пытался рассказывать в том же духе».

Пространный пересказ двух эпизодов из былины о Дюке осложнен кратким вступлением, посвященным молодости героя и смерти его отца. Вероятнее всего, такое начало навеяно былиной «Василий Буслаев и новгородцы». Исполнитель заменил или спутал почти все имена собственные. Действие происходит не в Киеве, а в «губернии Бессарабской»; правит в ней «царь арабский». Дюком Степановичем назван отец богатыря, а сам он, уроженец «губернии хоть Олонецкой», остался безымянным. Рассказ о недовольстве героя «чайком и закусочками» по содержанию традиционен, но в стилистическом плане далек от эпических стандартов. Например, испеченные матерью калачи противопоставляются «нашим калачам пудожским». В тексте Афонина использовано всего несколько фольклорных постоянных эпитетов, доминирует разговорно-бытовая лексика, частично связанная с городской культурой («улыбается», «фатерушка», «избушечка» вместо княжеского терема; «самоварчик», «стаканчик чайку», «заложная сумма», «официанточка» и т. п.). Попытки исполнителя придать своему повествованию стихотворную форму не увенчались успехом. Из богатейшего набора деталей и формул, характерных для этого сюжета, сохранилось всего две, указывающих на связь данного пересказа с устной фольклорной традицией. Это — упоминание повешенных на цепях «бочек золоченых», описание наряда хозяйки — «вся в золоте да в шелку» (аналогичная формула обычна в кенозерских вариантах). В деревне Остров пересказ былины о галицком боярине записан также от М. Пахомова (№ 368 наст. тома), а их односельчанка М. Кузнецова сообщила, что раньше старики часто приговаривали: «Ой, да у Дюка всё, а у нас да что? У Дюка Степановича все описать нельзя». Эти факты свидетельствуют о том, что в довоенные годы былина о Дюке была хорошо известна местным жителям.

Публикуется впервые.

№ 368

Дюк Степанович

Архив ФК МГУ, 1957, Сев. экспед., п. 1, тетр. 1, № 3, л. 4172—4173, рукопись.

Зап. Б. П. Кербелите, Ю. А. Новиковым: июль 1957 г., д. Остров Кривецкого с/с (р. Водла) — от Михаила Тимофеевича Пахомова, 74 лет.

Краткий пересказ былины. Вскользь упоминается о состязании палатьями Дюка и безымянного киевского богатыря, подробнее рассказано о том, как они на конях прыгали через реку (традиционная «Непра»

заменена «Невой»), и буквально несколькими фразами — о неудавшихся попытках посланцев князя Владимира оценить «имущество» Дюка. В решающий момент первого состязания герой «нашел в подсумке шелковы башмачки» и «опять перефорсил» своего соперника. Аналогичный мотив имеется в былине водлозерского сказителя П. Федулова (№ 344 наст. тома, ст. 455—462). Традиционный Чернигов, который надо «продать на чернила», заменен городом Смолянином (ср. город Смолягин в былине А. Сорокина «Илья Муромец и Соловей-разбойник» — СБ 17, № 192).

Публикуется впервые.

№ 369

Дюк Степанович

Архив ФК МГУ, 1957, Сев экспед., п. 1, тетр. 1, № 23, л. 4295—4296, рукопись.

Зап. Ю. А. Новиковым, Ю. И. Смирновым: июль 1957 г., д. Рагнозеро — от Елены Ивановны Алексеевой, 74 лет.

Сбивчивый и путаный пересказ сюжета. «Чуврынюшка Щаплёнкович» заменил Дюка в роли главного героя, его соперником стал Алёша Попович. Е. Алексеева все же сохранила некоторые эпические формулы, в том числе и оригинальные. Насмехаясь над киевскими калачами, Чувринюшка язвительно замечает: «Снизу гнилка, а сверху печинка». («Что падает с печи там глина, сверху», — пояснила исполнительница). С вариантом Н. Родина (№ 360 наст. тома) отдаленно перекликается описание эффекта, произведенного чудесным платьем Чувринюшки: «Надел платье, дак собаки залаяли, колокола зазвонили, вороны заграяли» (у рындозерского сказителя речь идет о свисте и «рычании» змей и воронов, «влитых» в петелки и крючки Дюковой шубы).

Публикуется впервые.

№ 370

Про Дюка Степановича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 20, ед. хр. 73, л. 93, перебеленная рукопись с правками, чернила.

Зап. А. В. Щемелевой (Беловановой): 1955 г., д. Ижгора Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, уроженки д. Сарозеро Пудожского у., неграмотной, 71 года.

При повторном исполнении А. Фадеева до предела сократила свой текст, схематично изложив основные эпизоды былины (Дюк пренебрежительно отзывается о киевских калачах и «пиве», превосходит Чурилу в изысканности нарядов и выигрывает состязание в перепрыгивании на коне через «Днепру-реку»). Исполнительница сохранила книжные по происхождению элементы, отмеченные в коммент. к № 361 наст. тома. Вопреки логике повествования, конь Дюка Степановича говорит о своем родстве только с конем Ильи Муромца, не упоминая коня Чурилы. Фадеева превратно истолковала семантику глагола «щапить» как «поить-кормить» (на самом деле «щеголять напоказ»).

Публикуется впервые.

№ 371

Дюк Степанович

Архив ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п. 1, тетр. 8, № 26, л. 8530, рукопись карандаш.

Зап. С. Ожеговой: июль 1960 г., пос. Новые Тамбицы Пудожского р-на (в паспорте ошибочно указана д. Пяльма. — *Сост.*) — от Федоры Федоровны Барановой, 80 лет.

Краткий пересказ одного эпизода из былины о Дюке; по содержанию стандартен. О книжном происхождении своего текста сообщила сама исполнительница: «Это всё сказки, в книжках были; сестры и братья, которые грамотные, читали...». Видимо, уловив созвучие слов «Чернигов» и «чернила», Ф. Баранова по той же модели построила вторую часть оригинальной формулы: «Чтобы вам описать, так Чернигов-город на чернила должен пойти, Бумаж-город на бумагушку».

Публикуется впервые.

№ 372

Дюк Степанович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 188, л. 133—135 (л. 68—70), перебеленная рукопись, карандаш.

Зап. Г. Григорьевой, И. Шараповой: 7 июля 1961 г., д. Авдеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Варвары Алексеевны Михеевой, уроженки д. Авдеево Пудожского у., грамотной, 74 лет.

Примечание собирателей: «Знает из книги. Предложила сама, когда собиратели стали спрашивать о богатыре» (л. 135).

Пересказ В. Михеевой содержит несколько эпизодов, типичных для прионежских записей этой былины. Не исключено, что исполнительница усвоила свой текст по печатному источнику (см. ее ремарку: «Там в книге еще есть, дак не помню»). Но имя Дюка Степановича было ей хорошо известно — «Ишшо пословица осталась: „Ой, не Дюковы животы!"». О бытовании этой паремии на Купецком озере говорила также землячка Михеевой К. Ремизова (см. коммент. к № 373).

Публикуется впервые.

№ 373

Дюк Степанович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 21, ед. хр. 133, л. 34 об.—35 (л. 66—67), перебеленная рукопись, чернила.

Зап. Г. Григорьевой: 4 июля 1961 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ксении Егоровны Ремизовой, уроженки д. Алексеево Пудожского у., неграмотной, 76 лет.

Примечание собирателей: «Слышала от мужа. К⟨сения⟩ Е⟨горовна⟩ вспоминала содержание былины с трудом, после того как собиратель напомнил имя Дюка Степановича. Один раз назвала его Степаном. Сказала, что Н⟨икита⟩ А⟨нтонович⟩ (Ремизов, муж Ксении Егоровны. — *Сост.*) часто пел о Дюке» (л. 35).

К. Ремизова припомнила лишь отдельные детали из былины (хвастовство Дюка хлебом, который печет его матушка, и неудачные попытки киевлян «обценить» один ее башмак). Последняя деталь восходит к

варианту Н. Ремизова, мужа рассказчицы (см. № 356 наст. тома). Как и ее землячка Н. Михеева (№ 372 наст. тома), исполнительница припомнила бытовавшую на Купецком озере поговорку: «А не Дюковы животы».

Публикуется впервые.

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ И КНЯЗЬ (№ 374)

Этот редкий сюжет известен прежде всего по тексту из сборника Кирши Данилова (КД, № 18) и кенозерским записям (Гильф., № 223, 229, 251 и др.). К ним примыкают фрагментарные варианты из Пермской и Нижегородской губерний (Мил., № 82; Кир. IV, с. 86), а также побывальщина, отрывок из которой П. Н. Рыбников привел в подстрочном примечании (Рыбн., т. 2, с. 463; место записи — Бережная Дуброва, неподалеку от впадения р. Кены в Онегу). На Пудоге записано 2 варианта, в них соединены оба сюжета о Чуриле Пленковиче, но текст А. Пашковой (№ 385 наст. тома) — книжный по происхождению. Былина колодозерского старика традиционна для кенозерской редакции сюжета, но целый ряд деталей и формул сближает ее со стариной из уральского сборника (см. коммент. к № 374 наст. тома).

№ 374

Чурило Пленкович

Рыбн., 1861, № 45.

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., д. Колодозеро Пудожского у. — от крестьянина, 90 лет (прочие сведения не указаны).

Пояснения П. Н. Рыбникова: ст. 84 источенки — разноцветные пояса, струйчатые, т. е. цвета идут в них струями, один за другим; ст. 123 самит — аксамит; ст. 210 берда — бедро.

К ст. 167 приведен отрывок из побывальщины о Чуриле, слышанной П. Н. Рыбниковым от старухи в Бережнодубровском погосте:

«Молодой Чурила Опленкович живет на Почай-реке, у креста Леванидова: есть у него семь теремов — златы верхи, вокруг теремов тын, выложен медью яровицкою; посередь двора тына ворота решатчаты, в воротах подворотенки серебрены. Ко Чуриле заезжает князь Владимир со княгиною Опраксою. И вот едет с Почай-реки дружина Чурилина: кони были темно-караковые, а седла были латынския, сапожки на молодцах сафьянные, шапочки на них — золоты верхи. Заехали молодцы во двор и потерялися. А с Почай-реки едет другая дружина сто молодцев. Впереди скачет молодец краше всех: на копье обопрется, на шестую лошадь с ходу перескакивает. Стал тут Владимир-князь поерзывать. Когда Чурила завел для князя почестен пир и дарил его дарами великими, пожаловал его князь в постельники. И стилал Чурила постели мягкия, складал крутое изголовьице, потешал князя игрою на гуселках, а княгиня Чурилу у души держала. Это князю не слюбилося: „Пришла ты, княгиня, мне в любовь, и я тебя в этой вины прощу, а то бы тебе голова сечи"».

Одна из немногих фиксаций устного по происхождению варианта этой редкой былины за пределами Кенозера. Как уже отмечалось в статье «Былинная традиция Пудожского края» (СБ 16, с. 101), текст колодозерского старика по композиции и стилю примыкает к кенозерской редакции сюжета (Колодозеро и Кенозеро разделяют всего несколько десятков километров). Однако в комментируемом варианте немало оригинальных элементов, отсутствующих в кенозерских записях; к некоторым из них близкие параллели обнаруживаются в сборнике Кирши Данилова (КД, № 8). Чурила живет неподалеку от столицы былин-

ной Руси — «в Киевце» (ст. 20 и др.; ср. «Малый Киевец» в былине Кирши Данилова и «Малый Киев» в пинежском варианте «Ильи Муромца и Соловья-разбойника» — Гр., № 38). Даже на лексическом уровне во многом идентичны описания толпы «сто молодцев», «двести молодцев», «триста молодцев»:

Булавам-то головы переломаны,
Кушакам-то буйны завязаны;
Идут-то оны в Киев-град на княжий двор
И ко князю жалобу кладут.

В уральском сборнике:

Есть молодцов за сто человек,
Есть молодцов за другое сто,
Есть молодцов за третье сто, ⟨...⟩
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьют челом, жалобу творят
(КД, № 8).

Возможно, это перенесение из старины «Василий Буслаев и новгородцы», но не исключено, что данная формула некогда была общеэпической и использовалась в разных сюжетах. В былине о Василии Буслаеве, записанной от колодозерского певца, аналогичная ситуация описана иначе:

А твоя-то дружинушка хоробрая
Во крови ходит, по колен бродит
(№ 509 наст. тома; ст. 243—244).

Тексты сходны и по макроструктуре: оба сказителя соединили в одном произведении две былины об одном герое — «Чурила и князь» и «Чурила и Катерина», одинаково и довольно убедительно мотивировали переезд героя в Киев (пораженный богатством, красотой и молодечеством Чурилы князь Владимир приглашает его к себе на службу). В уральском сборнике второй сюжет представлен начальными эпизодами, в пудожском варианте любовные похождения Чурилы описаны подробнее, но традиционный финал отсутствует — Бермята ограничивается словесным поношением в адрес любовника своей жены.

П. Н. Рыбников высоко ценил архаичность содержания былин и высокое исполнительское мастерство пудожского певца, сожалел, что болезнь помешала ему зафиксировать весь репертуар этого «слишком девяностолетнего старика» (Рыбн., т. 2, с. 430—431). Данный текст подтверждает такую оценку. Сказитель отлично владел классическим формульным стилем, богатым арсеналом постоянных эпитетов, в том числе и весьма редких («кунная (дорогая, особо ценная. — *Ю. Н.*) рыба», «кунные лисы», «узды однозолотные», «блеста позолоченная» и др.). Формула «бросала эту девицу ⟨...⟩ с косой берды да о сыру землю», возможно, связана с техническими приемами старинной борьбы. Ср. аналогичные словосочетания «подхватила-то Илью да на косу бодру» в былине Т. Рябинина из Кижей (Гильф., № 77, ст. 182—188), а также в побывальщине каргопола Латышова — «схватила его на косу бедру и бросила его во сине море» (Рыбн., № 203). Упомянутые в ст. 2 «труднички-работнички» — батраки-миряне или люди, работавшие в монастырях бесплатно, по обету. В двух случаях традиционные формулы искажены: в ст. 24 — «кунную рыбу повыдавал» (должно быть «повыдавил»); в ст. 98 — «волосинка — золота дуга, серебряная» вместо «волосинка золота, друга серебряна» (ср. с былинами других пудожских сказителей — № 323 наст. тома, «Дунай», ст. 79 и СБ 16, № 102, «Добрыня и Алёша», ст. 238). Поскольку колодозерский старик безупречно владел эпическим лексиконом, можно предположить, что эти неточности возникли по недосмотру собирателя.

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ И КАТЕРИНА (№ 375—396)

На долю Онего-Каргопольского края приходится почти две трети имеющихся записей этой былины, здесь она входит в пятерку самых популярных сюжетов, представлена их разными модификациями. Оригинальная кенозерско-каргопольская редакция какого-либо влияния на пудожскую традицию не оказала. Повенецко-толвуйская редакция зафиксирована не только в Северном Прионежье, но и в Кижах, и на Пудоге (№ 387 наст. тома, Кигачев). Пудожская редакция бытовала на восточном побережье Онежского озера и в устье Шалы (№ 377, 386, 390 наст. тома, П. Антонов, И. Фофанов, В. Родин и др.). В ней нет характерного для повенецких вариантов описания игры в шахматы; муж Катерины именуется «Вельмой Васильевичем», служанка — «девкой-телятичной»; пытаясь обмануть мужа, Катерина говорит, что найденные им вещи Чурилы принадлежат ее брату, который завещал их после его смерти «в помин души отдать»; неожиданно вернувшись из церкви, Вельма застает жену врасплох:

У ней женские волосы растрепаны,
Нежная грудь у ней показаная.

В этой модификации сюжета устойчивы некоторые формулы, встречающиеся в повенецко-толвуйской редакции. Рассказывая хозяину об измене его жены, служанка говорит, что Чурила живет с Катериной «будто брат с сестрой, будто муж с женой»; Вельма Васильевич отчитывает ее: «Знала бы, девка, коров доить, знала бы, девка, телят поить».

В конце XIX—начале XX в. в Прионежье сформировалась и получила довольно широкое распространение балладная версия сюжета. В относящихся к ней текстах действие развивается динамично; развернутые описания, обычные в других редакциях, практически отсутствуют; почти все повествование строится на диалогах; часто употребляются риторические вопросы, рифма (особенно внутренняя). Быстрый, мажорный напев, укороченный стих еще больше сближают эти варианты «Чурилы и Катерины» с лиро-эпическими песнями. В балладной версии немало оригинальных формул. В зачине нет эпической размеренности, обилия красочных деталей, свойственных другим вариантам, с первых срок действие развивается стремительно, без задержек, по балладному канону:

Ище кто-то у сенцей,
Кто у ворот теперь колотится?
Колотитсе Чурило свет Щапленкович.

Отворив «воротца раскатястые», Катерина упрекает гостя:

Ах ще же ты, Щурилушко, вчерась не бывал?
Сахарнии ества не едины стоят,
Медвяныи пива не питые.

Далее следует единственное в этой версии развернутое описание, полное внутреннего динамизма и отлившееся в рифмованные строки:

Ворона коня взяла — сама во стойла провела,
Скатны саночки взяла — да на сараець сволокла,
Золоту сбрую взяла — да на стопочку склала.

Предупрежденный служанкой, муж Катерины раньше срока возвращается из церкви, поочередно находит все вещи Чурилы, а потом и их хозяина и всякий раз спрашивает:

Катерина, это что, Николаевна, что?
Эти сани у Щурилушки видал.

Главного героя в этой версии обычно называют «Щурилушка (реже — «Чурилушка») Щипленкович», мужа Катерины — «Ермак (иногда «Ерма», «Ерман», «Еремес») Васильевич». Перечисленные выше особенности наиболее полно представлены в текстах Н. Богдановой-Зиновьевой, К. Андрианова и других кижских сказителей, а также пудожан Ф. Конашкова (вторая по времени запись — № 383 наст. тома), Т. Кузькиной, к ним примыкают варианты их земляков Д. Канавиной и К. Ремизовой (№ 393, 394 наст. тома). Первые приметы новой модификации сюжета были зафиксированы в Прионежье П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом.

Все пудожские варианты этой былины, кроме текста А. Пашковой (№ 385 наст. тома), свободны от книжного влияния. Возможно, это связано с тем, что старины о Чуриле крайне редко публиковались в популярных изданиях. Даже сказители, склонные к импровизации (П. Антонов, Г. Якушев), придерживались формульного стиля, не прибегали к индивидуальным новациям. В двух текстах соединены оба эпических сюжета о Чуриле Пленковиче (№ 374, 385 наст. тома, колодозерский старик, А. Пашкова).

№ 375

Смерть Чурилы Пленковича

Рыбн., 1864, № 26.

Зап. неустановленным лицом: д. Гагарская (Гагарка) Шальского погоста Филимоновской вол. Пудожского у. — от крестьянина этой деревни Потапа Трофимовича Антонова (Потахина), около 1801 г. р.

Получено П. Н. Рыбниковым в чужой записи.

Пояснения П. Н. Рыбникова: ст. 22 призагормовело — призаплесневело; ст. 89 пятник — крюк у ворот; ст. 129 ко стопке — вместо «стойки».

Типичный образец пудожской редакции сюжета, содержащий все отмеченные в преамбуле ее элементы, а также общую с повенецко-толвуйскими вариантами формулу упрека служанке «Знала бы, девка, коров доить...». Обычно П. Антонов заметно менял тексты своих старин при каждом исполнении, нередко сочинял целые эпизоды. Данный вариант насыщен традиционными формулами, в нем нет очевидных признаков импровизации, что подтвердила повторная запись А. Ф. Гильфердинга (см. № 377 наст. тома).

№ 376

Смерть Чурилы

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 80—82, полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 8.

Полевая карандашная запись рукой Гильфердинга, чернилами — только заглавие «Чурила» (более сложное заглавие введено в корректуре) и девять дописей в конце стихов.

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 22 июля 1871 г., д. Рим (Римское) Пудожгорского погоста — от Петра Лукича Калинина, 43 лет.

«В большинстве случаев отчество „Микулична" — поздняя карандашная поправка из первоначального „Николична"» (Никифоров I, с. 713).

Разночтения Гильф., № 213

После ст. 16 зачеркнуто: *Видели Чу*; после ст. 17 зачеркнуто: *Во чистом*; после ст. 22 зачеркнуто: *Подъезжал к.*

№ 377

Смерть Чурилы

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 309—310 об. (л. 326—328 об.), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 67, стб. 363—367.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи, а также помета под заголовком: «(См. Рыбник⟨ова⟩, т. III, 26)» — карандашом, чернилами раскрыты сокращения и проставлена пунктуация. Над текстом слева вверху зачеркнуто число «34». Под текстом: «Запис⟨ано⟩ в Пудоже, 31 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 31 июля 1871 г.: г. Пудож — от Потапа Трофимовича Антонова (Потахина), крестьянина д. Гагарки (Гагарской) Шальского погоста Филимоновской вол. Пудожского у., около 70 лет (1801 г. р.).

Пояснения А. Ф. Гильфердинга: ст. 65 к слову «челягична» на полях: sic; ст. 85 на полях: sic; ст. 98 к слову «своя» ниже: sic; ст. 138 на полях: sic.

Разночтения Гильф., № 67

Ст. 131 испр. из: *Пошел тут*; ст. 133 испр. из: *Эти лапотцы у Чурилы*.

Повторная запись (см. предыдущий текст) свидетельствует о композиционной и стилистической стабильности этой былины Антонова. Сказитель повторил не только типовые, но и индивидуальные детали и формы слов («А эту шапку на Чурилы видал, этую шапку у Чурилы слыхал»; Чурила ложится «подли бочка дочь Микулична»; служанка «башмаченка обувала на босую ногу»; «отвернулся на стенку лицовую»; перед свадьбой Вельма Васильевич «отмыл, чередил девку-челягичну»). По сравнению с первым вариантом изменений немного, все они факультативны. Добавились отдельные поясняющие стихи (ст. 79—80, 93—94, 112—113, 167—168), отсутствие которых в записи Рыбникова на содержание былины практически не повлияло. То же можно сказать и о пропущенных строках из первого текста (ст. 20—22, 97). Портрет Чурилы, открывающий запись Рыбникова (ст. 3—9), при повторном исполнении включен в монолог героя чуть позже (ст. 15—22). Лишь одно дополнение более существенно: вернувшись домой, обманутый муж заходит сначала в конюшню и видит, что его конь «приотогнан, приотведен» (ст. 95—104).

№ 378

Чурила и Катерина

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 11, л. 42 об.—44 об., полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (перемежаются полные и неполные строки). Опубл.: С.—Ч., № 51.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. М. Соколовым: 6 августа 1926 г., д. Марнаволок — от Татьяны Андреевны Кузькиной, 70 лет.

Разночтения ед. хр. 11

Ст. 1 *А* кто; ст. 6 Тоненьки чулочки; ст. 9 *А впущала*; ст. 14 Сапожки *взяла*; ст. 16 *свела*; ст. 17 *Напоила, накормила*; ст. 18 *Що*; ст. 19 *Медвяные*; ст. 20 *Сахарные питьица*; ст. 40 беленькой сорочки; вместо ст. 45, 46 *Впускала Ермака судáрь Васильевича*; ст. 50 *Я вчера*; ст. 57 *Со Щурилой они* лошадками; ст. 58 *В сарай пошел — парны*; ст. 60 *Я это* сани; ст. 61 *братец во чистом поли*; ст. 62 *Со Щу-*

рилушкой санями поменялися; ст. 63—69 помещены после ст. 52; ст. 65 *Я этту*; ст. 75 *вошел да*; ст. 81 *А* девушку.

В тексте доминируют формулы, свойственные для балладной версии сюжета, охарактеризованной в преамбуле (ст. 1—20, 47, 53—54, 58—60 и др.). Некоторые детали повествования часто встречаются в записях из Кижей и с Пудожского берега (ст. 34—35, 47—49). Обманутый муж назван «Ермаком Васильевичем» (то же в былинах Н. Богдановой-Зиновьевой из Кижей — С.—Ч., № 151; пудожанок И. Степановой из Пяльмы (архив КФАН, кол. 8, ед. хр. 36); Д. Канавиной с Лук-острова — № 394, 395 наст. тома). Пяльма и Лукостров находятся неподалеку от Марнаволока, в котором жила Кузькина. Служанка названа «девкой-черниговьской» (ст. 21, 81), видимо, от «девки-чернавки».

№ 379

Чурила и Катерина

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 11, л. 73—75, полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (неполные строки). Опубл.: С.—Ч., № 52 (в рукописи заглавие — «Чурилушка»).

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. М. Соколовым: 7 августа 1926 г., д. Марнаволок — от Авдотьи Ивановны Журавовой (возраст не указан).

По сообщению собирателей, былину о Чуриле и Катерине А. И. Журавова «переняла от своей матери, жившей в той же деревне» (С.—Ч., с. 260).

Разночтения ед. хр. 11

Ст. 2 *Да* ходит; ст. 36 *девочка*; ст. 39 осталося; ст. 40 *приходит Ермилаюшка Васильёвиць*; ст. 48 *Ай*; ст. 51 *да* брат; ст. 52 Ермилаюшка *да*; ст. 54 Чурила *да*; ст. 59 туда *же*; ст. 60 *он замуж*.

Сказительница использовала ряд деталей и формул, общих для всех прионежских редакций сюжета (ст. 14—15, 34—35, 36—38, 60), специфических примет какой-либо из них в тексте нет. Имя обманутого мужа «Ермилаюшка Васильёвиць» тяготеет к кижской традиции («Ерма», «Ермен» и т. п.), а «девушка-челегисьна» созвучно и с «девушкой-телятичной» из пудожской редакции, и с «девушкой-челядинной» из повенецко-толвуйских вариантов.

№ 380

Чурило и Катерина

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, тетр. 1, л. 183—187, полевая карандашная запись Б. М. Соколова (полные строки); ед. хр. 35, тетр. 2, л. 38—41, полевая карандашная запись В. И. Яковлевой. Опубл.: С.—Ч., № 89.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 11 июля 1928 г., пос. Устье Шалы — от Федора Андреевича Конашкова, 68 лет.

Разночтения ед. хр. 25

Ст. 5 *с* камешкам; ст. 11 *косицьято*; ст. 13 широкой; ст. 17 — *ложила* на кроватку *тесовую*; ст. 17 шолковую; ст. 22 бежала *к* Вельмы; ст. 23 *церквы́*; ст. 26 глубокии; ст. 27 жона; ст. 28 *ли* ведь; ст. 33 ло-

жиласе; ст. 34 забавляетси; ст. 35 *ли* Вельма; ст. 36 *Ай*; ст. 45 у *тя* нагольнии; ст. 46 у *тя* ⟨...⟩ волосы; ст. 51 *А эта шубонька соболиная*; ст. 52 *да* родного; ст. 55 башмацики; ст. 56 *ведь* со каменьямы; ст. 57 башмацики *да* шолковыи; ст. 58 *А ведь родного ли братця*; ст. 59 *велел ныне*; ст. 60 помре — *по души*; ст. 62 спаленке; ст. 63 *тесовые*; ст. 66 Кати Катеринушку; ст. 67 *девушку телятницу-ту взамуж*.

Обычный для местной традиции вариант, содержащий все специфические элементы пудожской редакции сюжета (ст. 21, 23, 45—46, 51—54), а также формулы, общие для многих текстов из Кижей и с Пудожского берега (ст. 19—20, 36—38). При повторной записи через 10 лет Ф. Конашков существенно переработал былину, включив в нее большинство оригинальных мотивов и формул из старины кижской сказительницы Н. Богдановой-Зиновьевой (см. коммент. к № 384 наст. тома).

№ 381

Чурила и Катерина

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 5, тетр. 6, л. 194 об.—197, перебеленная запись С. П. Бородина; ед. хр. 5, тетр. 2, л. 58 об.—60 об., полевая запись С. П. Бородина; ед. хр. 11, л. 132—136, полевая карандашная запись; ед. хр. 10, л. 43 об. —46 об., перебеленная запись С. П. Бородина; ед. хр. 12, тетр. 1, л. 29 об.—31 об., полевая карандашная запись С. П. Бородина (конец стихов); ед. хр. 19, л. 23—25, полевая карандашная запись Ю. А. Самарина (середина стихов). Опубл.: С.—Ч., № 22.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 11—12 августа 1926 г. (ед. хр. 5 и 11), д. Авдеево; повторно: 11 июля 1928 г., д. Семеново (ед. хр. 10, 12, 19) — от Григория Алексеевича Якушева, 65 лет.

Разночтения ед. хр. 5, 11

Ст. 1 *выехал* Чурилушка *да погуливат* (ед. хр. 5); ст. 2 *а на том да* (ед. хр. 5); ст. 3 *да* ⟨...⟩ *лапотки*; ст. 4 *да* семи шелко́в, семи соболёв (ед. хр. 5); ст. 5 спролетит (ед. хр. 5); ст. 6 *А под* носком яйцём (ед. хр. 5); ст. 8 *Щопленкович* (ед. хр. 5); ст. 9 *А зарыцял Чурилушка во вси голосы́*; ст. 11, 12, 48 в ед. хр. 5 (тетр. 2, 6) отсутствуют; ст. 13 *А берё(т)* Чурилу за белы́; после ст. 13 строка: *А цёлует Чурилушку в сахарнии уста* (ед. хр. 5); ст. 14 *А приводит* Чурилушку *во спаленку* (ед. хр. 5); ст. 15 *кладо́вую* (ед. хр. 5); ст. 16 тую (ед. хр. 5), ту ли *во* (ед. хр. 11); ст. 17—24:

А садит ли его за столики дубовыи,
А садит ли на лавки дубо́выи,
А за кушанья да за сахарныи,
А за питья да за медьяные:
«А ешь, Чурила, да наедайсе-ко,
А пей, Чурила, да напивайсе-ко».
А попился он да ведь до́сыти,
А наелся он да ведь до́любя,
А берет Чурилушку Щоплёнковича,
А за ты́и ведь за белыи руки́

(ед. хр. 5);

ст. 25 приводит во спаленку (ед. хр. 5); ст. 26 приводит (ед. хр. 5); ст. 27 *ко той ли*, кроватки *ко* (ед. хр. 5); ст. 28 *ко той ли постели пуховоей* (ед. хр. 5); ст. 29 *к тому ли* одеяльцу соболинову (ед. хр. 5); ст. 30 *ложись-ко, Чурилушка Щоплёнкович* (ед. хр. 5); ст. 31 живе (ед. хр. 5); ст. 32 А *ведь*

спит-то (ед. хр. 5); ст. 33 А она ⟨...⟩ забавляетси (ед. хр. 5); ст. 34 *проведала дивка тилячична* (ед. хр. 5); ст. 36 шубку (ед. хр. 5); ст. 37—39:

А бежит она ко Божьёй церквы,
А кричит она да громким голосом:
«Ай же Вельма да сын Васильевич,
Как Богу ты да молисьсе,
А во сырую землю клонишси»

(ед. хр. 5);

ст. 41—43:

А твоя-то Катя-Катеринушка
А живет-то с Чурилой, будто брат с сестрой,
Она спит-то с Чурилой, будто муж с женой.
А говорит Вельма да сын Васильевич:
Ай же ты, девка ты телячишна

(ед. хр. 5);

ст. 44 *Уж как знала бы коров кормить* (ед. хр. 5); ст. 45 *Уж как знала бы телят поить* (ед. хр. 5); ст. 46 *тя* замуж (ед. хр. 5); ст. 47 *ты* голову (ед. хр. 5); ст. 49—53:

А выходил Вельма за со Божьей церквы,
А приходил Вельма да коло́титсе,
У ворот Вельма он сдоложаетсе,
На квартиру Вельма да сам даваетсе.
А выходила Катя, Катеринушка,
Отворяла воротьця дубо́выи

(ед. хр. 5);

ст. 54 *да* вси *растрепаны* (ед. хр. 5); ст. 55 *У ей женьская была грудь пока́заная* (ед. хр. 5); ст. 60 *ведь что-то Катеньки* (ед. хр. 5); ст. 61 а *ведь что-то* (ед. хр. 5); ст. 62 он *лапотки* Чуриловы (ед. хр. 5); ст. 63 *эти я лапти у Чурилушки видал* (ед. хр. 5), *эти лапото́ки* (ед. хр. 11); ст. 64 *лапти* у Чурилушки (ед. хр. 5); ст. 65 лапотки да братьця моёго (ед. хр. 5); после ст. 66:

⟨Отправился⟩ Вельма сын Васильевич,
Увидел он там платьиця

(ед. хр. 5);

ст. 67 он шапку Чурильиную (ед. хр. 5); ст. 68 *эту я шапку* у Чурилушки (ед. хр. 5); ст. 69 *эту я шапку* у Чурилушки (ед. хр. 5); ст. 70 *этая шапка у* (ед. хр. 5); ст. 72 платьица цветныи (ед. хр. 5); ст. 73, 74 *этыи платьица* у Чурилушки (ед. хр. 5); ст. 75 *этыи платьица братьця моёго* (ед. хр. 5); ст. 77 *заходил* (ед. хр. 5); ст. 78, 79:

Во тую ли во спаленку во новую,
А во ту во спаленку кленовую

(ед хр. 5);

ст. 80 *ведь* (ед. хр. 5); ст. 81 *незгодушки* отсутствует (ед. хр. 11); ст. 82 а схватил *Вельма* (ед. хр. 5); ст. 83:

Выдернул ведь со кроватки со рыбей зуб,
А отсек ведь Чурилы буйну голову

(ед. хр. 5);

ст. 84 *А где выпала головушка Чурилиная* (ед. хр. 5), А *иде* ⟨...⟩ Чурилиная (ед. хр. 11); ст. 85 *отпади* ⟨...⟩ Катерининая (ед. хр. 5); ст. 87 *тую он девку он замуж брал* (ед. хр. 5); ст. 88 А *ведь* (ед. хр. 5); ст. 89 *они да* (ед. хр. 5).

Одна из немногих былин Г. Якушева, от начала до конца выдержанная в традиционном стиле. Лишь в двух эпитетах проявились его испровизаторские наклонности («лапти семи шелков, семи соболев», «спальня новая, спаленка кленовая»), а в одном случае сказитель ошибочно произнес былинный стих раньше времени и потом вынужден был повторить его (ст. 63 и 67—69). В ст. 34—35 Якушев переусердствовал с употреблением формально синонимичных повторов — служанка названа и «девкой телятишной», и «кухаркой да горнишной». В тексте представлены все специфические элементы, характерные для пудожской редакции сюжета (см. преамбулу). Вероятнее всего, эту старину певец усвоил от своего деда по матери П. Антонова, о чем свидетельствует не только текстуальная близость их вариантов, но и совпадение ряда редких формул (ст. 1, 73—74). Только у этих сказителей из контекста не ясно, кто произносит сентенцию: «А и ⟨г⟩де [пала] головка Чурилина, а тут [пади] головка Катеринина» (ст. 84—85 у Якушева и 158—159 у Антонова, № 377 наст. тома).

№ 382

Чурило

ФА ИРЛИ, ФВ 3499.02.

Зап. Е. В. Гиппиусом: 15 января 1934 г., Ленинград — от Федора Андреевича Конашкова, жителя д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на, 74 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова. Напев транспонирован на ½ тона ниже.

Публикуется впервые.

№ 383

Про Чурилу и Катерину

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, ед. хр. 31, черновая рукопись.

Зап. М. А. Ивановой: 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

Текст соответствует балладной версии сюжета, которая заменила в репертуаре сказителя пудожскую его редакцию (№ 380). Благодаря высокой степени стабильности текста расхождения с другими вариантами сказителя минимальны. Добавлена эпическая концовка «тым былина покончилась», усвоенная Конашковым у П. Рябинина-Андреева из Кижей. Эпитет «тонкорядная сорочка без пояса» — очевидная ошибка собирателей (в других записях от Конашкова — «тонкая льняная сорочка»).

Публикуется впервые.

№ 384

Чурила и неверная жена

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 2, ед. хр. 47, черновая рукопись, карандаш.

Опубл.: Линевский, № 17. Вар.: С.—Ч., № 89.

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 78 лет.

Разночтения Линевский, № 17

Ст. 7. *Н*иколаевна; ст. 11 воротця; ст. 13 Чурилушку *ена*; ст. 17, 18 ркп. в публикации отсутствуют; ст. 29 (ст. 31 ркп.) *Я схожу*; ст. 33 ркп. в публикации отсутствует; ст. 48 (ст. 51 ркп.) жона; ст. 49 (ст. 52 ркп.) Катерина *та да*; ст. 51 (ст. 54 ркп.) *с Чурилушкой*; ст. 52 (ст. 55 ркп.) обнимаетце да забавляетце; ст. 64 (ст. 67 ркп.) *ёна*; ст. 70 (ст. 73 ркп.) сегодня ⟨...⟩ нездоровитце; ст. 82 (ст. 85 ркп.) братця родимого; ст. 86 (ст. 89 ркп.) башмацьки шелковые; ст. 90 (ст. 93 ркп.) башмацьки; ст. 94 (ст. 97 ркп.) *тесовой*; ст. 101 (ст. 104 ркп.) *как по полу две да*; ст. 102 (ст. 105 ркп.) нацялся, повелся; ст. 104 (ст. 107 ркп.) поконцилась.

«В репертуаре Ф. А. Конашкова из серии новелл на бытовую тему об измене мужу («Иван Годинович», «Сорок калик», «Илья Муромец и жена Святогора» и др.) имеется только данная былина.

Сюжет принадлежит к числу общераспространенных. В Заонежье его знали кижанин Сарафанов и толвуяне Гришин и Тимофеев. Он встречается и у сказителей Кенозера, Моши и Онеги; варианты из этих мест сближаются с текстом сборника Кирши Данилова в следующем описании следов Чурилы:

В тот день выпадала пороха снегу белого;
И нашли они свежий след ...
Либо зайка скакал, либо бел горносталь.

Группа повенецко-пудожская (Антонов, Калинин, Котова, Конашков и Фофанов — БПК, № 27) объединена одной общей деталью — описанием шапочки Чурилы «пушистой, ушастой, завесистой». К этой группе принадлежит и вариант кижанина Сарафанова.

Большинство вариантов Прионежья имеют одну общую деталь — одно и то же отчество мужа Катерины — Васильевич (Кижи, Толвуй, Повенец, Пудожье, Кенозеро, Моша и Онега). «Бермятой Васильевичем» он назван и в сборнике Кирши Данилова. В вариантах Антонова и его соседа Конашкова он именуется «Вельмой Васильевичем». Связь этих двух вариантов заключается также в указании на шапочку «ушастую, пушистую, надвесистую» у Чурилы и в следующих стихах:

У тых воротец колотится,
У тых воротец давается.

(*Антонов*)

Как стоит у ворот да колотитце,
А колотитце стоит да даваетце.

(*Конашков*)

Других совпадающих строк нет. Таким образом, мы опять видим здесь особую конашковскую редакцию. Это подтверждается и новыми записями (БПК, № 27, 49); среди них некоторая близость с публикуемым вариантом имеет место лишь в тексте Фофанова (№ 27)» (Линевский, с. 199—200).

При повторной записи в 1938 г. Ф. Конашков исполнил новое, коренным образом переработанное произведение, в котором элементы старой редакции сюжета (см. предыдущий текст) переплетаются с заимствованиями из былины кижанки Н. Богдановой-Зиновьевой. С ней Конашков неоднократно встречался во время публичных выступлений лучших сказителей Карелии в разных городах страны. Этих заимствований так много, что второй вариант пудожского певца правомерно отнести к балладной версии сюжета. В нем заметно возросла роль диалогов, риторических вопросов, что повышает динамизм повествования,

придает ему характерную для баллад драматическую окраску (ст. 3—4, 27—35, 77—83 и др.). Конашков ввел в свою былину ряд новых эпизодов и описательных характеристик, заменил некоторые стереотипные формулы их семантическими эквивалентами. В варианте 1938 г. добавлены укоры Катерины любовнику («Что же ты, Чурила, вчерась не бывал?»); в приземленно-бытовом плане рассказано, как герой «торгуется» со служанкой, пытаясь удержать ее от доноса («Я тебе, девиця, башмацьки куплю» и т. п.), и как ревнивая хозяйка расправляется с «чернявкой» (ст. 36—43). Если в первом варианте герои передвигались по городу пешком, то во втором, как и у Богдановой, они ездят: Чурила — на вороном коне, запряженном в «санки-самокатки», Вельма Васильевич — верхом. Появилось во втором варианте и поэтическое сравнение, позаимствованное у кижской певицы (ст. 100—101). Почти буквально повторяется богдановский текст в стихах 10—14, 19—21, 27. Перемены коснулись и имен собственных. В 1928 г. Конашков называл героя «Чурилой», «Чурилушкой Пленковичем», героиню — «Катей», «Катеринушкой», «Катюшей» (без отчества), ее мужа — «Вельмой Григорьевичем», служанку — «девкой-телятницей» (все в полном соответствии с пудожской редакцией сюжета); через 10 лет набор имен заметно обновился: «Чурилушка Пленковиць, Щеголенковиць», «Катерина Микулаевна», («Миколавна»,«Николаевна»), «Вельма сын Васильевиць», «девушка да чернявушка». Все изменения навеяны былиной Богдановой, только обманутый муж сохранил обычное для пудожской традиции имя. Эпическую концовку «И тым былина тым да поконцилася» (ст. 104) Конашков позаимствовал у другого кижского певца — П. Рябинина-Андреева; в записях 1928 г. она не встречается ни разу.

№ 385

Чурила Пленкович

Архив КФАН, ф. 1, кол. 12, ед. хр. 18, л. 255—351, черновая рукопись, карандаш. Отдельные слова обведены чернилами. Опубл.: БПК, № 1.

Зап. Е. П. Родиной: июль 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Анны Михайловны Пашковой, уроженки д. Ярчево Пудожского у., малограмотной, 73 лет

Примечание собирателя: «„Опять для того, чтобы рассказать, надо подумать". Ясно, что при повторении Анна Мих⟨айловна⟩ введет много нового и повторит иначе» (л. 351—352).

Разночтение БПК, № 1

После ст. 2, 500, 678, 681, 696 ремарки отсутствуют.

При публикации в тексте нарушена строфика.

«В былине контаминируются два сюжета: „Чурила и князь", „Чурила и неверная жена", известные в самостоятельных обработках. Первый сюжет записан в немногих вариантах, второй — принадлежит к числу наиболее распространенных (см. Аст. 1, с. 641). Пашкова дает обширное повествование (944 ст.), композиционно цельное, законченное, своеобразную былину-поэму о Чуриле. В ней показано социальное неравенство, обида мужиков; встречающиеся обычно жалобы знатных киевлян на самоуправство Чурилы (см. Гильф., № 223, 229) отсутствуют. Социальный смысл былины подчеркивают и замечания сказительницы. Очень искусно в былину вплетен мотив неудавшейся любви Чурилы («Красна девушка его любушка ... А за другого замуж пошла»). Этим мотивируется психологически связь с Катериной, как следствие измены любушки. Пашкова проявляет несомненный интерес к былине-новелле: „Из былин мне больше «Чурила» нравился. В книге молодая читывала — не то, не по-нашему. От людей слышала, а начнешь — свое прибавляешь; о мужиках прибавила", — говорит она. Повторить былину слово в слово не смогла, отдель-

ные эпизоды импровизирует. Особенно следует отметить внимание Пашковой к изображаемым в этой былине крестьянам. Близкими и дорогими для нее являются образы рыболовов, охотников, любовно описывает она „неводочки", „продольнички", „силоцки", „ласточки" и т. д. Близка ей и природа, изображаемая в былине: картины непроходимых лесов, озерышки и т. д. Таким образом, осмысление сюжета с социальной точки зрения, искусная контаминация обоих сюжетов, давшая возможность создать большое эпическое произведение, красочное изображение крестьян, яркая характеристика героев — составляют основные достоинства былины и ставят ее в число лучших среди известных вариантов. Она близка к былинам кенозерских сказителей: Сивцева (Поромского) „Молодость Чурилы" и „Смерть Чурилы" (Гильф., № 223, 224) и в некоторых мотивах к вариантам Воинова («Молодость Чурилы», Гильф., № 229) и Кукшинова («Молодость Чурилы», Гильф., № 251). С вариантами Воинова и Кукшинова данный текст совпадает по своему зачину „Долог день идет к вечеру" и т. д.; по обращению к князю мужиков, которое у Пашковой, однако, более развернуто; по описанию выезда Чурилы и др. Кроме того, у Кукшинова о местонахождении Чурилы говорит „молодец Иван да Иванович", в данном варианте — „поваренок да Иван Иванович".

Ряд особенностей былины Пашковой, как-то: игра в шахматы (шашки), ответы Катерины мужу о вещах Чурилы, что они братнины, и наряду с этим отсутствие мотива улещивания служанки подарками — показывает, что вариант восходит к онежской традиции, к кенозерской группе (восточная часть бывшего Олонецкого края) (см. Аст. 1, с. 642).

Отражены ли в былине определенные конкретные исторические факты, неизвестно. По этому вопросу существует ряд довольно противоречивых гипотез. Исторический прототип Чурилы выводят из разных мест — из Сурожа (Веселовский, Ржига), из Новгорода (Владимиров) и др. Во всяком случае былина включила яркие черты древнерусского быта. Оба сюжета существуют как отдельные, самостоятельные былины; признано, что сюжет „Чурила и Катерина" более позднего происхождения (XV в.)» (БПК, с. 462—463).

В пространной (941 ст.) былине А. Пашковой соединены сюжеты «Чурила и князь» и «Чурила и Катерина». Ее связь с устной традицией, по-видимому, исключена. Исполнительница близко к тексту повторила многие эпизоды из старины И. Сивцева-Поромского (Гильф., № 223), дополнив их оригинальными деталями из вариантов других кенозерских певцов — П. Воинова (Гильф., № 230, ст. 21, 328—335, 366, 469— 470), Н. Кукшинова (дорогу к подворью Чурилы берется показать «Иван Иванович», ставший у Пашковой «поваренком» — Гильф., № 251). Многие другие схождения с кенозерскими записями отмечены Г. Н. Париловой и А. Д. Соймоновым (БПК, с. 462—463). Если задаться целью перечислить совпадения в вариантах Пашковой и кенозерских сказителей, то придется переписать почти весь комментируемый текст. Как и в других былинах исполнительницы, в данном варианте немало нетрадиционных сюжетных ходов, формул и деталей, но большинство новаций вряд ли принадлежат ей самой. Тут чувствуется «почерк» профессионала (невысокой, впрочем, квалификации), стремившегося «украсить» свой компилятивный по характеру текст псевдоисторическими деталями и именами собственными, опоэтизировать отношения между феодалами и их вассалами, что не свойственно устной эпической поэзии. Особенно показательны в этом плане ст. 110—141, 215—218, 256—263, 457—459, 480—487. Второй сюжет о Чуриле также восходит к печатным источникам. В нем нет ни одной формулы или детали, характерной для пудожской редакции сюжета, весьма популярной в этом регионе. Пашкова вновь воспроизвела кенозерскую модификацию былины, довольно точно повторив вариант И. Сивцева-Поромского. Почти буквально совпадают с прототекстом ст. 772—780, 799—803, 813—814, 820—829, 841—844, 870—882, 889—890, 926, 928— 929, 935—937. Отдельные формулы восходят к былинам других кенозерских певцов XIX в. — И. Третьякова (Гильф., № 268) и М. Тряпицына (Гильф., № 242). Некоторые фрагменты сочинены исполнительницей. В ст. 667—734 описано временное возвращение Чурилы домой, но не на «Почай-реку», как говорилось в начале текста (ст. 197—198 и др.), а «в свой Галич-град» (ст. 679). В обеих частях былины встречаются цитаты из причитаний и лирических песен (ст. 612, 675, 711—714, 720—727, 732).

№ 386

Про Чурилу Щаплёнкова

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 14, ед. хр. 2, л. 4 об.—8, беловая рукопись.

Зап. К. В. Чистовым: июль 1938 г., д. Климово Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Терентьевича Фофанова, 67 лет. Опубл.: БПК, № 27.

Разночтение БПК, № 27

Ст. 51 ркп. в публикации пропущен.

«Сюжет этой былины — Чурила и неверная жена. Типичные черты онежской группы вариантов (см. Аст. 1, с. 642) сохранились только в описании внешности Чурилы и в наличии диалога между Катериной и ее мужем, причем неизменный ответ Катерины на все вопросы мужа необычен: она отвечает не по существу, за исключением первого раза, а ссылается на свое нездоровье. Заканчивается былина популярной присказкой, но также необычной для былины («И я там был, мед пиво пил» и т. д.). Былина сохраняет некоторые местные особенности в описании одежды и домашней обстановки Катерины: «Шубонька висит на грядочки, лапоточки на лежаночки, руковички барановы на лавочки». Во многих других вариантах вместо лапоточков — „турецкого сафьяна сапожки" и т. п.» (БПК, с. 479).

В композиционном плане текст примыкает к пудожской редакции сюжета, но содержит лишь некоторые характерные для нее имена собственные и стилистические стереотипы (ст. 45, 51—54, 57—59). Сказитель не понял смысла утверждений Катерины, будто вещи Чурилы принадлежат ее брату, который велел их после его смерти «по души (или «в помин души») отдать». В былине Фофанова героиня жалуется на собственное недомогание и приговаривает: «А наладила я полдуши (?) отдать» (ст. 95, 104 и др.). В тексте использованы общеэпические формулы, которые другие пудожские певцы в этот сюжет не включали (ст. 17—22, 28—34). Развернутая юмористическая концовка (ст. 140—145) восходит к волшебным сказкам.

№ 387

Смерть Чурилы

БПК, № 49. Рукопись в архиве не обнаружена.

Зап. Е. П. Родиной: февраль 1939 г., д. Тубозеро Рындозерского с/с — от Никифора Васильевича Кигачева, 43 лет.

«„Эта слыхана была от Дмитриева Осипа Ивановича, — рассказывает Кигачев, — он теперь помер. У меня его былины". „Смерть Чурилы" (иначе «Чурила и неверная жена») — одна из наиболее популярных в Прионежье былин, встречающаяся в контаминации с сюжетом „Чурила и князь".

Публикуемый текст восходит к повенецко-выгозерской группе вариантов (см. Аст. 1, с. 642). Довольно близок к былине выгозерского сказителя Батова (Гильф, № 189); повторяет почти все ее эпизоды, иногда даже в том же словесном оформлении. Отличается от текста Батова более сжатым изложением некоторых моментов былины, например, сборов Чурилы в дорогу и др. Из отклонений от указанного варианта наиболее интересны следующие: в роли доносчицы выступает „кухарочка", а не „черная девчонка челядинная", причем она сама просит у Чурилы шубу, сапожки и т. д.; у Батова, как и обычно, Чурила обещает ей подарки за молчание. Катерина прячет Чурилу не в ларь, что характерно для выгозерских вариантов, а в

„погреба глубокие"; донос служанки Катерина объясняет мужу тем, что повздорила с ней (оригинальный мотив, характеризующий реалистические тенденции сказителя); найдя Чурилу в погребе, муж упрекает его в трусости, а себя убивает, не желая, чтобы его имя славилось „по белу свету". Это тоже мотивы необычные в обработках данного сюжета» (БПК, с. 494).

Традиционные мотивы и образы сближают былину Кигачева с повенецко-толвуйской редакцией сюжета (любовники играют в шахматы — ст. 17—22; Катерина требует, чтобы Чурила отдал ей обещанную служанке одежду, — ст. 35—41; обманутый муж выведывает у служанки все новые подробности, приговаривая: «Завела говорить — так доказывай» — ст. 69 и др.). Стихи 114—118 — переделка типовой формулы «Знала бы, девка, коров доить», которая довольно часто встречается в старинах с повенецко-толвуйского и пудожского побережья Онежского озера. Г. Н. Парилова и А.Д. Соймонов отметили близость этого текста к былине водлозерского сказителя А. Батова (Гильф., № 189). Однако большая часть указанных схождений известна и по другим записям (обманутый муж срубает голову коню Чурилы; убивает обоих любовников — Архив КФАН, кол. 8, № 130; Аст., № 171, Повенец; в некоторых текстах и на себя накладывает руки — Гильф., № 8, Повенец; Рыбн., № 84, Кижи). Лишь один нестандартный мотив из вариантов Батова и Кигачева не встречается у других прионежских сказителей — служанка-доносчица почему-то остается в церкви, и муж Катерины все время ходит туда, чтобы продолжить свои расспросы. Некоторые оригинальные элементы комментируемого текста, видимо, являются индивидуальными новациями исполнителя. Катерина прячет любовника «во погребах во глубоких, за пивными за бочками»; ее муж предлагает Чуриле поединок, победителю которого достанется Катерина. Последний мотив, возможно, навеян сюжетом «Иван Годинович». Кигачев нередко позволял себе отступления от традиционного былинного лексикона («наблюдает», «супруг старенький», «чужих жен подкарауливать», «нигде не найдешь даже признаков»).

№ 388

Про Бермяна сына Васильевича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 105, л. 75—76, перебеленная рукопись, карандаш, отдельные слова обведены чернилами.

Зап. О. Г. Большаковой, В. Р. Дмитриченко: 1940 г., д. Римское Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Пелагеи Тимофеевны Ярышевой, уроженки д. Римское Пудожского у., неграмотной, 32 лет.

Примечание собирателей: «Былина записана „с голоса"».

Типичный образец повенецкой редакции сюжета, содержащий все характерные для нее мотивы и формулы. Имя обманутого мужа «Оберьян (Оберман) Бериян сын Васильевич». Былина начинается описанием выезда Чурилы из дома; Катерина уводит его коня «в стоялу конюшенку», приговаривая при этом: «Не гля ради тебя поклоняюся, ради твоего хорошего хозяина». Любовники играют в шахматы, победителем во всех трех партиях оказывается Чурила. Оригинально описаны неудачные попытки героя подкупить служанку и реакция Катерины на возможные подарки «девке-целядинке». Перед приходом мужа героиня прячет любовника «в золоты ларцы». В финале «Бериян» казнит не только обоих любовников, но и служанку, карая ее за донос («...знала бы коров доить, а не знала бы, девцонка, чужих жон доводить!»). Некоторые традиционные формулы певица дополнила нестандартными деталями («призакурились песочики жолтенькие»; «Бериян⟨...⟩ оставил книгу недоцитанную, и он оставил Божью церковь недозапертую»).

Публикуется впервые.

№ 389

Про Чурилушку

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 130, л. 14—17 (л. 102—106), перебеленная рукопись, карандаш.

Зап. О. Г. Большаковой, В. Р. Дмитриченко: 1940 г., д. Римское Авдеевского с/с Пудожского р-на — от М. И. Хариной, неграмотной, 55 лет.

Один из самых полных вариантов повенецкой редакции сюжета, который содержит все характерные для нее элементы, отмеченные в комментарии к былине П. Ярышевой (№ 388 наст. тома), землячки М. Хариной. Сказительница использовала еще две детали, типичные для этой модификации «Чурилы и Катерины» — по словам «девки черной», незваный гость ведет себя в доме любовницы «быдто брат родной»; «Бериян» требует от служанки: «Завела коль говорить, дак договаривай, Завела коль говорить, дак доказывай!» Обманутый муж срубает головы не только всем трем участникам конфликта, но и коню Чурилы Пленковича. Описание его расправы с любовниками и служанкой построено на использовании оригинального параллелизма (ст. 83—91).

Публикуется впервые.

№ 390

Про Чурилу

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 226, черновая рукопись, карандаш, местами правленный чернилами.

Зап. Б. Е. Марголис, К. В. Чистовым: 21 июля 1940 г., д. Балдина Гора Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Михаила Васильевича Родина, неграмотного, 70 лет.

Примечание собирателей: «Былина поется очень быстро, скоморошьим мотивом».

Текст относится к пудожской редакции сюжета, содержит все типичные для нее эпизоды, а также формулы, общие для пудожской и повенецко-толвуйской редакций. Используя традиционный способ идеализации эпических героев, исполнитель нашел ему неожиданное применение: Чурила «обувает басмачки ен резиновы, да не простой резины — заграничныя».

Публикуется впервые.

№ 391

Про Чурилу и Катерину

Архив КРАН, р. III/2, № 196.01.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация Е. И. Якубовской.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Исполняет Федор Андреевич Конашков. „Чурила и неверная жена". По Конашкову: „Про Чурилу и Катерину"».

Целлулоидный диск (Архив КФАН, р. III/2, № 197.01) представляет собой механическую копию диска (Архив КФАН, р. III/2, № 196.01).

Публикуется впервые.

№ 392

Про Бермяка сына Васильевича

Архив ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п. 3, тетр. 22, № 19, л. 0092—0096, рукопись.

Зап. С. Ожеговой, А. Михеевым, В. Иевлевой: июль 1960 г., д. Римское Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Пелагеи Тимофеевны Ярышевой, 52 лет.

Публикуется впервые.

№ 393

Про Чурилушку Щаплёнковича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 21, ед. хр. 135, л. 35 об. (л. 68), перебеленная рукопись, чернила.

Зап. Г. Григорьевой: 4 июля 1961 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ксении Егоровны Ремизовой, уроженки д. Алексеево Пудожского у., неграмотной, 76 лет.

Примечание собирателя: «Слышала от мужа. Рассказала, когда собиратель напомнил имя Чурилы. К⟨сении⟩ Е⟨горовне⟩ очень хотелось вспомнить имя мужа Катерины, но так и не удалось» (л. 35 об.).

Краткий пересказ былины, содержание которой исполнительница припоминала с трудом. Вопрос обманутого мужа «Катерина, это что? Миколаевна, это что?» позволяет отнести прототекст к балладной версии сюжета. Необычна бытовая по характеру развязка — обнаруженный в спальне «дружок» убежал, а жену обманутый муж выгнал из дома.

Публикуется впервые.

№ 394

Про Щурилушку Щаплёнковича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 21 ед. хр. 244, л. 119—121 (л. 60—61 об.), перебеленная рукопись, карандаш.

Зап. Г. Григорьевой: 9 июля 1961 г., д. Лукостров Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Дарьи Михайловны Канавиной, уроженки д. Петрушевской Сельги Пудожского у., неграмотной, 66 лет.

Примечание собирателя: «Текст записан с пения»; ст. 24 «муж Д⟨арьи⟩ М⟨ихайловны⟩ А. Е. Канавин».

Небольшой по объему текст Д. Канавиной содержит все основные элементы балладной версии сюжета, охарактеризованной в преамбуле. Риторический вопрос «Кто, кто у синицек колотитсе?» становится стержневым структурообразующим элементом, предваряя появление в доме «Щурилушки Щапленковича», «девушки-чернавушки» и «Ермака сударь Васильевича». Имя «Ермак» встречается в записях из Кижей (С.—Ч., № 151; Аст. 2, № 105), Толвуя (Аст. 2, № 167; Архив КФАН, кол. 8, № 136), Пудоги (№ 378 наст. тома). Канавина назвала былину стихом, при повторном исполнении повторила ее почти дословно. Спустя два года Ю. И. Смирнов записал от нее эту старину еще раз; содержание ее практически не изменилось, но объем сократился с 51 до 36 стихов. В текстах чувствуется влияние стилистики хороводных и плясовых песен. К строке «А сертук, шляпу взяла — да на стопоцьку клала» добавилось явно не эпическое описание: «Лежит Щурилка на боку, курит трубку табаку». Ю. И. Смирнов зафиксировал свидетельство исполнительницы об истоках ее былины: «Иринья, бывало, заонежанка, по-заонежски пела». Мать ее односельчанки «Ириньи» переехала из Заонежья, «а сама тут родилась и умерла».

Публикуется впервые.

№ 395

Про Щурилушку

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 21, ед. хр. 245, л. 121—124 (л. 62—63 об.), перебеленная рукопись, карандаш.

Зап. Г. Григорьевой: 10 июля 1961 г., д. Лукостров Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Дарьи Михайловны Канавиной, уроженки д. Петрушевской Сельги Пудожского у., неграмотной, 66 лет.

Примечание собирателя: «Д⟨арья⟩ М⟨ихайловна⟩ спела былину вторично по просьбе собирателя. Она слышала ее от соседки, Ириньи Михайловны Латкиной, умершей 25 лет назад. „Ходила все ребятам моим стихи пела". Называет былину стихом. „Чурилу" знает муж Д⟨арьи⟩ М⟨ихайловны⟩, Алексей Ефимович Канавин, но он отказался спеть „стих"» (л. 124).

Публикуется впервые.

№ 396
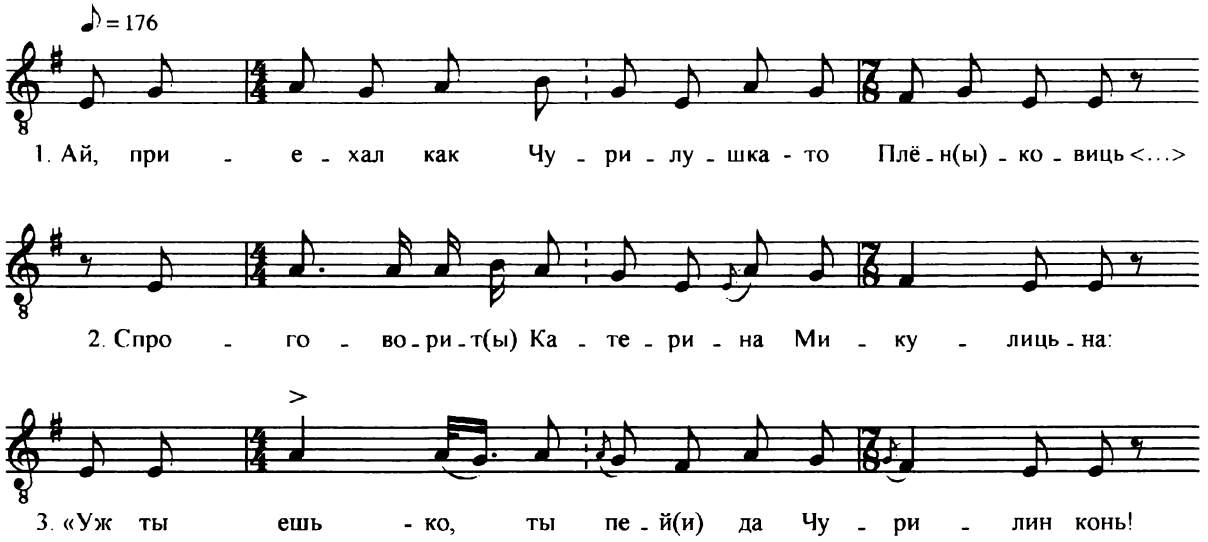
Про Катерину Микуличну
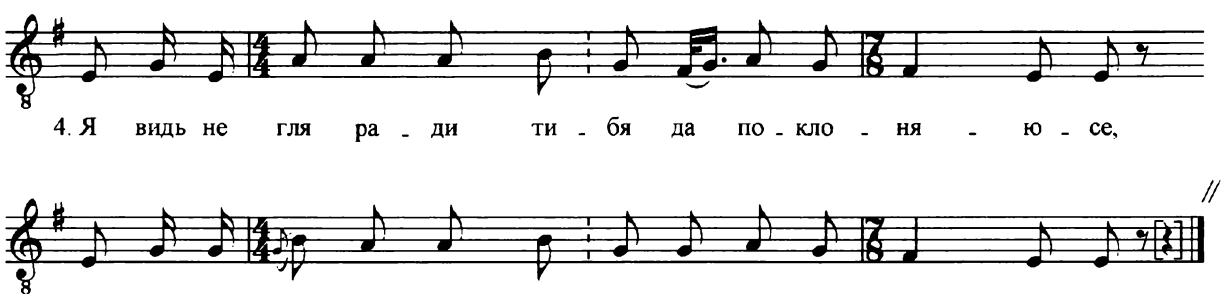
Архив Петрозаводской государственной консерватории, ед. хр. МФ 108—109, оп. 2338—2339. Былина имеет подзаголовок: «Про Чурилу».

Зап. С. Ю. Николаевой, Н. С. Рудневой: 1974 г., д. Римское Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ярышевой Пелагеи Тимофеевны, по уточненным сведениям собирателей — уроженки д. Великая Нива Медвежьегорского р-на, 66 лет.

Нотация Е. И. Якубовской.

В процессе записи былины П. Т. Ярышева повторяла некоторые эпизоды, уточняя по просьбе собирателей развитие событий. Приводим вариант напева:

Ишь, как он ушел Богу-то молитьце, а тут приехал как:
Ай, приехал как Чурилушка-то Плён(ы)ковиць ⟨...⟩
Спрогóворит(ы) Катéрина Микулицьна:
«Уж ты ешь-ко, ты пей(и) да Чурилин конь!
Я видь не гля ради тибя да поклоняюсе,
Ради т(ы)вóёго хорошого хозяина».

На данный напев исполнительница напела также фрагмент былины о Ставре, перемежая пением фрагментарный пересказ сюжета. Данная запись не поддается удовлетворительной расшифровке.

Публикуется впервые.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ (№ 397—415)

Эта сравнительно редкая былина найдена собирателями только на Русском Севере; в ряде регионов с богатой эпической традицией она не обнаружена (Кижи, Кулой); на Пинеге и Зимнем Берегу записаны едичниные тексты, но они связаны с печатными, а не устными источниками (см.: Новиков 2001, сюжет 36, № 1—5). На долю Пудоги приходится около половины всех известных науке вариантов; в отличие от других районов среди них нет ни одного фрагментарного или сюжетно незавершенного. В пудожских былинах нет даже намека на похищение героем невесты (отголоски этой древней формы брака встречаются в некоторых записях из других регионов). Соловей Будимирович и его спутники приплывают издалека, но большинством певцов осознаются как русские люди — они молятся Богу, главный герой играет на гуслях (в русском эпосе этнически «чужие» никогда этого не делают), его подарки киевскому князю и княгине обычны для былинной Руси. Дружинники Соловья Будимировича строят чудесные терема за одну ночь по инициативе своего хозяина, что не позволяет трактовать этот эпизод как предсвадебное испытание жениха. По композиции и стилю, набору поэтических формул все пудожские варианты очень близки.

№ 397

О младом Соловье сыне Будимировиче

ГИМ, ф. 56, ед. хр. 264, л. 38—44 об., полевая запись. Опубл.: Рыбн., 1862, № 31 «Соловей Будимирович».

Зап. Д. Лысановым: 1860 г., д. Сумозеро Филимоновской вол. — от Андрея Пантелеевича Сорокина, крестьянина д. Новинка на Сумозере, 32 лет. Выслушана по его записи П. Н. Рыбниковым летом 1861 г. О том, что запись произведена Д. Лысановым, мы судим по примечанию в конце рукописи (П. А. Бессонова): «Записано по поручению собирателя г. Лысановым» (л. 44 об.).

Текст написан крупным размашистым почерком на больших листах бумаги, сложенных вдвое. По всему тексту правка карандашом; карандашом, обведенным чернилами; чернилами. Карандашные исправления незначительны, касаются буквенных и отдельных пословечных правок. В опубликованном варианте 336 стихов, в рукописи 334.

Пояснения П. Н. Рыбникова: ст. 13 черного — чермного, черленого; ст. 25 кручатыя — хрущатыя; ст. 109 лачи — ларчи (?).

Пояснения издателя: ст. 11 за — из-за; ст. 117 крежок — от «кряж», бережок; ст. 259 не малтала — не поняла, не разумела, не достало у ней смыслу.

Разночтения Рыбн., № 31

Ст. 8 испр. из: *Острахань*; ст. 10 *синее* в ркп. отсутствует; ст. 15 испр. из: *Леванидого*; ст. 38 *дорогому*; ст. 46 *сын* Будимирович; ст. 47—48 *Свет* ⟨...⟩ вдова *свет* Ульяна Григорьевна; ст. 50 *по* рученьку; ст. 95 *верхныя*; ст. 140, 149 [*генералам*], [*манеры*]; ст. 311 [*сенаторов*].

Классический вариант былины, неоднократно публиковавшийся в антологиях и других популярных изданиях. Сказитель продемонстрировал богатый арсенал эпических стереотипов, особенно удались ему детализированные описания в запеве (ст. 1—43) и подробная характеристика дружинников Соловья Будимировича (ст. 50—61). В запеве обнаруживаются и некоторые элементы условности, свойственной эпическим песням. Стремясь максимально маркировать пространство, А. Сорокин не всегда точен в деталях. Рязань он считал поволжским городом, а сама река у него впадает «в море синее, во Турецкое» (т. е. Черное). Для идеализации «лисиц, куниц, черных соболей» механически использован эпитет «заморские» (как известно, именно Древняя Русь поставляла эти меха в западноевропейские страны). Родина героя названа «Землей Веденецкой»; близкие по созвучию параллели — «город Леденец» и «Земля Леденецкая» обнаруживаются только в сборнике Кирши Данилова (КД, № 1) и в одном из кулойских вариантов «Михайла Потыка» (Гр. II, № 60 (272)). Этот топоним породил в научных кругах оживленную дискуссию, не прекращающуюся до сих пор. Не исключено, что сорокинский вариант названия восходит к польскому наименованию Вены — «Wedeń» («Ведень»). Примеры проникновения польского топонима в русские эпические песни известны и по другим записям — «город Кряков» (древняя столица Польши Краков) в сюжете «Королевичи из Крякова» и в одном из архангельских вариантов былины о первой поездке Ильи Муромца (Кир. IV, с. 1); правда, во всех текстах он осознается как русский город.

По композиции комментируемый вариант чрезвычайно близок к былине Н. Прохорова с Купецкого озера, сходны в них и некоторые редкие детали (последовательность распоряжений Соловья Будимировича своей дружине; акцент на том, что таких тканей, какие подарил князю Владимиру заезжий богатырь, «во Киеве и не водится»). Другие детали сближают текст сумозерского певца с вариантами Ф. Конашкова и А. Малышевой (№ 408, 410 наст. тома; Забава удивляется чуду — «вечор было на горки пустым-пусто, ныне на горки густым-густо»), И. Захарова с Водлозера (№ 405 наст. тома; дружинники Соловья строят не только три терема, но и «гостиный двор»). В ст. 72—75 Сорокин допустил смысловую неточность. Спутники героя «во синем мори» ищут золото, серебро и жемчуг; обычно они «щупалами» и шестами измеряют глубину, чтобы не посадить корабли на подводные камни. Иногда сказитель использовал современную лексику, не свойственную эпическим песням («генералы», «манеры», «сенаторы думные», «вельможи»), а также диалектные слова («не малтала Господу Богу помолитися»).

№ 398

О Соловье Будимировиче

РГБ, ф. 125, п. 28, л. 169—174, беловая рукопись. Опубл.: Рыбн., 1861, № 54 «Соловей Будимирович».

Былина переписана крупным детским почерком с наклоном вправо: очевидно, переписчиком, пользовавшимся правленым текстом Рыбникова.

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., д. Бураково Купецкой вол. — от Никифора Прохорова, крестьянина д. Бураково, около 1820 г. р.

Пояснения П. Н. Рыбникова: ст. 23 коржины — штевны; ст. 33 луды — подводные камни.

Разночтения Рыбн., № 54

Ст. 68 хоробр*ыим*; ст. 183 Запа*в*ична.

Один из самых полных пудожских вариантов этой былины, в котором использованы практически все типовые для Прионежья элементы. Формула насмешливого укора нетерпеливой невесте («Тебе бы, девушке, ⟨...⟩ коров поить, телят кормить...») перенесена из местной редакции сюжета «Чурила и Катерина», где она адресована служанке-доносчице. Эта былина от Прохорова не записана, но саму формулу он повторил во всех трех своих вариантах «Соловья Будимировича». Две повторные записи подтверждают репутацию Н. Прохорова как сказителя творческого склада. Не выходя за рамки пудожской традиции, не меняя структуры произведения и набора эпических формул, он нередко варьировал факультативные детали повествования (см. коммент. к № 402 наст. тома).

№ 399

О Соловье Будимировиче

РГБ, ф. 125, п. 28, л. 215—223 об., беловая рукопись. Опубл.: Рыбн., 1861, № 53 «Соловей Будимирович».

Текст перебелен рукой неизвестного переписчика, крупным ровным почерком. Входит в раздел «К», где собраны былины Шальской волости, записанные от лодочника.

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., Шальский погост Пудожского у. — от крестьянина лодочника (прочие сведения не указаны).

Пояснения П. Н. Рыбникова: ст. 52 крупчатые — хрущатые (зачеркнуто); ст. 231 перепалася — испугалась.

Правка издателя ограничивается пунктуацией. Примечания издателя: ст. 14 крупчатой камки — хрущатой, плотной; ст. 15 кодолы — толстые канаты; ст. 231 перепалася — Бог знает, как девица испугалася.

Разночтения Рыбн., № 53

Ст. 199 *племянница*.

Текст по всем основным параметрам близок к другим пудожским записям былины, лишь развязка его необычна. Хотя Соловей Будимирович «хотит получить его (князя Владимира. — *Ю. Н.*) племянницу в

супружество», но «самопросватанье» невесты герою не по душе, и он уезжает из Киева (ст. 250—253; ср. варианты Т. Суханова и А. Малышевой — № 404, 410 наст. тома). «Море Волынское» заменило близкое по звучанию «море Хвалынское» (так в Древней Руси называли Каспийское море). Стилистическое оформление былины, как и в других эпических песнях шальского лодочника, соответствует самым высоким образцам сказительского мастерства.

№ 400

Соловей Будимирович

Рыбн., 1864, № 32.

Зап. неустановленным лицом: д. Гагарская (Гагарка) Шальского погоста Филимоновской вол., Пудожского у. — от крестьянина этой деревни Потапа Трофимовича Антонова (Потахина) (около 1801 г. р.).

Получено П. Н. Рыбниковым в чужой записи.

Пояснения П. Н. Рыбникова: ст. 9 черных — вм. черленых; ст. 21 кодолы — толстые канаты; ст. 133 воспрокурилося — выпитое пиво-вино теперь ударило в голову.

По содержанию, композиции и стилю текст примыкает к лучшим пудожским вариантам, несколько уступая былинам Н. Прохорова и А. Сорокина по набору оригинальных деталей. В частности, в запеве использовано меньше топонимов; не конкретизировано место, на котором за одну ночь воздвигнуты три терема (упомянуты только сады Забавы); не говорится о том, что перед отъездом Соловей Будимирович велит разобрать терема и увозит их с собой. Сказитель в основном соблюдал каноны формульного стиля.

№ 401

Соловей Будимирович

Рыбн., 1864, № 11.

Зап. П. Н. Рыбниковым: лето 1864 г., д. Ранина Гора Филимоновской вол. Пудожского у. — от Анфима Савинова, крестьянина д. Ранина Гора Филимоновской вол. (сведения о возрасте не указаны).

Примечания П. Н. Рыбникова: ст. 18 рыбавчатый — ?; ст. 40 рыть — бросать; ст. 108 раз певец пел:

Тая ль молодость Путятична
Ставай поутру ранешенько,
И умывалась белешенько...

Как и другие старины А. Савинова, «Соловей Будимирович» органично вписывается в местную эпическую традицию. Мнение О. Ф. Миллера и А. Д. Грузинского о «некотором своеобразии текстов этого певца», о том, что «параллелей к его текстам, сколь-нибудь близких, „Онежские былины" (имеется в виду сборник А. Ф. Гильфердинга. — *Ю. Н.*) не дают» (Рыбн., т. 2, с. 475), не подтверждается. Вариант Савинова содержит те же ключевые мотивы и формулы, которые встречаются в большинстве других пудожских записей. Некоторые редкие детали и подробности также известны по вариантам земляков сказителя. В запеве упоминается «море Вирянское», а не «Хвалынское» или «Черное море Турецкое» (ср. № 404 наст. тома, Т. Суханов, Водлозеро); традиционную «Волгу-реку» заменила «Нева», нередко упоминающаяся в других былинах пудожских певцов; описание стрессового состояния Забавы Путятичны в ст. 123 сходно с аналогичной формулой А. Сорокина (№ 397 наст. тома, ст. 261). Эпитет «стула рыбавчатый»,

видимо, связан с типовым словосочетанием «кроваточка рыбий зуб». Савинов ввел в былину несколько областных слов («ройте сходни на крутой берег», «али на жиру жить так?»). Сказитель упомянул «лапотцы липовые» — это дерево в Прионежье не растет (ср. баллады «Горе» кижских певцов Т. Рябинина и К. Романова — Гильф., № 90; Рыбн., № 48).

№ 402

Соловей Будимирович

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 240—244 (л. 257—261), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 53, стб. 283—289.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами раскрыты сокращения, проставлена пунктуация и сделана помета под заголовком: «(См. Рыбник⟨ова⟩, т. I, 54)». Слева над текстом зачеркнута фамилия сказителя: Прохоров. Под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же, 26 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 26 июля 1871 г., д. Марнаволок Купецкой вол. — от Никифора Прохорова, крестьянина д. Бураково Купецкой вол., 51 года (около 1820 г. р.).

Пояснения А. Ф. Гильфердинга: ст. 2 к слову «гольняя щелья»: «Щелья — скала; что значит гольняя, певец не умел объяснить в точности»; ст. 21 к слову «кадолы» на полях: «т. е. снасти — так объяснил певец»; ст. 23 к слову «коржи́нья» на полях: «По словам Прохорова, значит пропуски, крепости, для скрепа»; ст. 35 к слову «лудья»: «Луда — место, усеянное подводными камнями».

Первая повторная запись этой старины сделана от Прохорова через 11 лет после его встречи с П. Н. Рыбниковым. Композиция былины сохранилась неизменной. Варьирование коснулось немногочисленных перестановок стихов (в запеве 2 → 3; 3 → 2; 4, 5 → 6, 7; 6 → 4); некоторые строки, в первую очередь повторяющиеся, пропущены (ст. 20, 36—41, 52—56, 87—88, 103, 111, 172—173 и др.) или добавлены к более раннему тексту (ст. 33, 83—86, 100—107, 174, 192—195 и др.). А. Ф. Гильфердинг точнее П.Н. Рыбникова зафиксировал необычные формы некоторых слов («коржинья», «присталь» — у П. Н. Рыбникова «коржины»,[3] «пристань»), имена персонажей («Соловей Гудимирович» вместо «Соловей Будимирович»).

№ 403

Соловей Будимирович

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 311—312 об. (л. 329—330 об.), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 68, стб. 367—371.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст и помета под заголовком: «(См. Рыбник⟨ова⟩, т. III, 32)» — карандашом, чернилами проставлена пунктуация. Слева над текстом вверху зачеркнуто число «34», справа зачеркнута помета «Потап Антонов». Под текстом: «Записано в Шале, 29 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 29 июля 1871 г., Шальский погост Пудожского у. — от Потапа Трофимовича Антонова (Потахина), крестьянина д. Гагарки (Гагарской) Шальского погоста Филимоновской вол. Пудожского у., около 70 лет (около 1801 г. р.).

---

[3] В словаре непонятных и областных слов, составленном П. Н. Рыбниковым, указана та же форма, что и у А. Ф. Гильфердинга, — «коржинья», т. е. «штевни» (Рыбн., т. 3, с. 360).

Пояснения А. Ф. Гильфердинга: ст. 15 к слову «кадолы» на полях: снасти; ст. 52 к слову «исповóлжаный» на полях: sic; ст. 87 к слову «садох» на полях: sic.

Разночтения Гильф., № 68

Ст. 91 испр. из: *Построить мне там да ровно три терема*; ст. 33—36 шли после 30-го и помечены к перестановке. Рукопись обрывается ст. 129, ст. 130—220 публикуются по изданию 1873 г.

При повторном исполнении П. Антонов с небольшими вариациями воспроизвел свой первый вариант. Расхождения с ним принципиальной роли не играют. Сказитель опустил отдельные стихи (24—27, 32, 55—56, 70, 103—104), частично перефразировал и перенес начало запева в конец былины (ст. 215—219), добавил целый ряд строк уточняющего характера (ст. 42—46, 64—65, 90). Добавлена вовсе не обязательная, скорее, даже лишняя, в этом сюжете просьба Забавы «завести» для нее «почестный пир» (ст. 185—198). А. Ф. Гильфердинг точнее своего предшественника зафиксировал формы имен некоторых персонажей («Соловей Гудимирович», а не «Будимирович»; «Забава Утятична» наряду с «Забавой Путятичной» — ст. 86, 125, 155). Дружинники Соловья вырубают «дубья, вязья» в саду Забавы, пользуясь не только традиционными «топориками булатными», но и «кирочками, лопаточками» (ст. 104—106, 116—117).

№ 404

Соловей Будимирович

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 859—860 об. (л. 339—340 об.), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 208, стб. 976—979.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами проставлена пунктуация. Над текстом слева зачеркнуто число «37». Над заглавием записаны отдельные слова и выражения: «Веряйское», «стунчит, бунчит, прикукуйваёт», «кожаны лосиныи». Под текстом карандашом помета: «Запис⟨ано⟩ там же, 6 августа». Справа внизу: «№ 37. Соловей Будимирович. 6 августа».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 6 августа 1871 г., Водлозеро — от Трофима Ивановича Суханова, крестьянина д. Охтом-остров на Водлозере, 70 лет.

Пояснения А. Ф. Гильфердинга: ст. 104 в собину, т. е. наособицу.

В типовом для местной традиции варианте опущены некоторые монологи героя (приказы измерять глубину моря, высматривать Киев в подзорную трубу), отсутствует развернутое описание построенных дружинниками теремов. Рассказ о том, что делают в каждом тереме на корабле Соловья Будимировича, перенесен в зачин из второй части былины (ст. 16—21), он повторен в ст. 86—96. В запеве упоминается «море Веряйское» (ср. № 401 наст. тома, А. Савинов); в других вариантах чаще фигурирует «море Хвалынское» или «море Черное, Турецкое». Финал былины сказителем скомкан. Герой уезжает из Киева, о свадьбе ничего не говорится (ср. № 399, 410 наст. тома, шальский лодочник, А. Малышева). Однако текст не дает никаких оснований видеть в этом даже намек на похищение невесты (Соловей Будимирович «заманивает Забаву и уезжает с ней» — Аст. 1, с. 631).

№ 405

Соловей Будимирович

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 835—837 об. + один чистый лист (л. 308—311), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 199, стб. 952—955.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами раскрыты сокращения и проставлена пунктуация. Над текстом слева зачеркнуто число «41». Под текстом карандашом помета: «Запис⟨ано⟩ там же, 7 августа». На обороте чистого листа помета: «№ 41. Соловей Будимирович. 7 августа».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 7 августа 1871 г., д. Куганаволок на Водлозере — от Ивана Григорьевича Захарова, крестьянина д. Пога на Водлозере, 82 лет.

В ст. 145 слово «заулишек», никак не прокомментированное собирателем, возможно, в рукописи читается как «заумщик» либо «зауминен».

Разночтения Гильф., № 199

Ст. 121—122 первоначально были записаны в обратном порядке и помечены цифрами к перестановке.

Особенность данного варианта в том, что Соловей строит не только три терема, но и гостиный двор. В ст. 126 упомянут струнный смычковый музыкальный инструмент — гудок: «В третьем терему гудки гудят».

Вариант водлозерского певца представляет собой типичный образец прионежской модификации сюжета, основным районом бытования которой была Пудога. Это дает еще один повод усомниться в том, что И. Захаров усвоил свои эпические песни «на чужой стороне», чуть ли не на Волге, а сама водлозерская традиция начала формироваться лишь в конце XIX в. (Гильф. I, с. 49; С.—Ч., с. 34). В запеве былины упоминается «Непра-река», впадающая в «море Черное, Турецкое» (то же в тексте толвуйского сказителя И. Гришина — Гильф., № 36). Дружина Соловья Будимировича строит в Киеве три терема и «гостиный двор» (ср. вариант А. Сорокина — № 397 наст. тома). При первой встрече жених и невеста играют в шахматы (ст. 137—143), что необычно для данного сюжета и, вероятнее всего, является перенесением из повенецко-толвуйской или кенозерской редакции «Чурилы и Катерины». Несмотря на краткость запева и схематичное изложение некоторых эпизодов в начале и в конце повествования, в целом Захаров продемонстрировал довольно высокий уровень исполнительского мастерства.

№ 406

Женитьба Соловья Будимировича

Живая старина. 1906. Вып. 3, с. 123.

Зап. А. С. Лесковым: Купецкий приход Пудожского у. — от Никифора Уткина (прочие сведения не указаны). Под «крестьянином Уткиным» подразумевается Никифор Прохоров по прозвищу «Утка», крестьянин д. Бураково Купецкой вол. (около 1820 г. р.).

Третью по времени запись Н. Прохорова отделяют от первой более четырех десятилетий. По характеру и диапазону варьирования этот вариант соотносится с предыдущим так же, как запись А. Ф. Гильфердинга с записью П. Н. Рыбникова (см. коммент. к № 402 наст. тома). Тексты Н. Прохорова наглядно иллюстрируют тенденцию к модернизации былинной лексики. В первой записи Соловей Будимирович и его дружинники «песни поют, в гусли наигрывают» (ст. 209), во второй — «во музы́ки да во скрыпочки наигрывают» (ст. 215), а в третьей — «во музыки, в балалаечки наигрывают» (ст. 194).

№ 407

Соловей Будимирович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 5, тетр. 2, л. 55—58, полевая карандашная запись (начало стихов); ед. хр. 11, л. 218—222, полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (строки 4, 5, 7, 8 — неполные). Опубл.: С.—Ч., № 40.

Зап. С. П. Бородиным, Ю. М. Соколовым, Ю. А. Самариным: 10—11 августа 1926 г., д. Мелентьевская — от Павла Абросимовича Логинова, 87 лет.

Разночтения ед. хр. 5, 11

Ст. 1 низкии (ед. хр. 5), *поконы в* (ед. хр. 11); ст. 2 шумячии ⟨...⟩ *росмозороцки* (ед. хр. 5); ст. 3 слово *почозёроцьки* отсутствует (ед. хр. 5); ст. 4 *ах* долги канаты по (конец стиха не дописан) (ед. хр. 5); ст. 5 *ах широки врата* (ед. хр. 5); ст. 4, 5, 7, 8 неполные (ед. хр. 11); ст. 10 слово *Во́лжаны* отсутствует (ед. хр. 5, 11); ст. 12 *один был корабь* (ед. хр. 11); ст. 13, 14 *што* (ед. хр. 11); ст. 13 *все* (ед. хр. 11); вм. ст. 13—14:

Да што корабли
Корабли-то все да...

(ед. хр. 5);

ст. 16 *корма-то* ⟨...⟩ *да* (ед. хр. 5); ст. 17 кто *же* сидел-*то* (ед. хр. 5); ст. 17—18:

Кто же сидит в том корабли?
Сидел Соловей да сын Б⟨удимиров⟩

(ед. хр. 11);

ст. 18—20 отсутствуют (ед. хр. 5); ст. 19 и *своей* (ед. хр. 11); ст. 21 дружинушкой (ед. хр. 5); ст. 22 *ай* (ед. хр. 11); после ст. 22 *да берите-ко* (ед. хр. 5); ст. 23 *ай* ⟨...⟩ мерьныи (ед. хр. 5); ст. 24 *мирейти* (ед. хр. 5); ст. 25 мерьныи (ед. хр. 11); ст. 26 *мирели* (ед. хр. 5); ст. 27—30 *нрзб*; ст. 31 берите-*ко* (ед. хр. 5); ст. 32 смотрите-*слушайте* (ед. хр. 11); после ст. 32:

Да берите-ко труб⟨очки⟩

(ед. хр. 11);

ст. 34—36 отсутствуют (ед. хр. 5); ст. 38 *да* пройти ⟨...⟩ матушке (ед. хр. 5); ст. 38 *а идти-то* (ед. хр. 11); ст. 40 *пройти* (ед. хр. 11); ст. 41—44 отсутствуют, далее идет перестановка: после ст. 45 идет ст. 42а, потом ст. 43, 44 и опять ст. 45 (ед. хр. 11); ст. 41, 48 отсутствуют (ед. хр. 5); ст. 42 берет-*то* (ед. хр. 5); ст. 43 берет *он* (ед. хр. 5); ст. 45 *а* проходит (ед. хр. 5); ст. 47 *а* прими-*ко* (ед. хр. 5); ст. 50 *мелкого* (ед. хр. 5); ст. 51 *по*вернулся (ед. хр. 5); ст. 52 подает (ед. хр. 5); ст. 54 *камки* (ед. хр. 5); ст. 58 *ли* тибя *да* (ед. хр. 5); ст. 59 несчетноей (ед. хр. 5; ст. 62 *да* сёл-*то* (ед. хр. 5); ст. 65 мистичька (ед. хр. 5); после ст. 66 *серёд ми* (ед. хр. 5); ст. 67 мести (ед. хр. 5); ст. 68, 69 где (ед. хр. 5); ст. 69, 70 колачи (ед. хр. 5); ст. 73—77 *нрзб*; ст. 79 платьица цве́тьные (ед. хр. 5), пла́тьице *да* (ед. хр. 11); ст. 80 платьица лоси́ные (ед. хр. 5); ст. 81 *да* (ед. хр. 5); ст. 82 *Все-тко вы* (ед. хр. 5); ст. 84 к *10* цесам; ст. 85 скидывали (ед. хр. 5); ст. 85, 86 платьицо (ед. хр. 5); ст. 87 отсутствует (ед. хр. 5); ст. 88 *строили да делали* (ед. хр. 11); ст. 89 златоверхие (ед. хр. 5); ст. 90 *к свету* к десяти цесам (ед. хр. 5); ст. 91 *А* (ед. хр. 5); ст. 92 *глядит* (ед. хр. 5); ст. 93 будто *бы* (ед. хр. 5); после ст. 93 отсутствует ремарка (ед. хр. 5); ст. 94 пла́тьицо (ед. хр. 5); ст. 95 она *ко* (ед. хр. 5); ст. 96 во (ед. хр. 5); ст. 97 *А* (ед. хр. 5);

ст. 103 откуда ⟨...⟩ *ступай* (ед. хр. 5); после ст. 103 отсутствует ремарка (ед. хр. 5); ст. 104 *да* коров *ты* подой, *да* телят (ед. хр. 5); ст. 105 отсутствует (ед. хр. 5), в *да* тебе (ед. хр. 11); после ст. 108 отсутствует ремарка (ед. хр. 5).

В ед. хр. 11 отсутствуют ст. 4, 20, 23, 36, 37, 48, 50, 62—64, 70, 90, 98, 101, 102, 115, 123, 150, 154, 156, 162, 176, 182, 185, 187, 193, 198, 199, 203, 204, 210, 211, 225, 228, 230, 239, 240.

Сказитель считал одним из своих учителей Н. Прохорова. Данный текст подтверждает это — по композиции и стилю он чрезвычайно близок к вариантам «Утицы». Совпадают многие нестандартные формулы, редкие постоянные эпитеты; в конце былины, высмеивая «самопросватанье» княжеской племянницы, Соловей Гудимиров советует ей коров доить и телят поить (такое же, как у Прохорова, перенесение из местной редакции сюжета «Чурила и Катерина»; любопытно, что в репертуарах обоих певцов он отсутствует). Однако финальные эпизоды старины П. Логинов усвоил нетвердо, изложил их содержание схематично и частично переосмыслил. Судя по заключительной ремарке сказителя, раздосадованный легкомыслием невесты Соловей Гудимиров отказывается от сватовства и уплывает из Киева. Подобная развязка зафиксирована в устье Шалы (вариант А. Малышевой — № 410 наст. тома), но в родственных по происхождению текстах повествование завершается традиционной свадьбой.

№ 408

Василий Гудимирович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, тетр. 1, л. 177—182, полевая карандашная запись Б. М. Соколова (полные строки); ед. хр. 35, л. 32—37, полевая карандашная запись В. И. Яковлевой (полные строки). Опубл: С.—Ч., № 86, с подзаголовком «Соловей Будимирович».

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 11 июля 1928 г., пос. Устье Шалы — от Федора Андреевича Конашкова, 68 лет.

Разночтения ед. хр. 25, 35

Ст. 1 *А ведь* (ед. хр. 25); *Как* (ед. хр. 35); ст. 7 корабь (ед. хр. 25); ст. 8 *кормы кораблицёк* (ед. хр. 25); ст. 9 корабли-ты (ед. хр. 25); ст. 11 *как* на (ед. хр. 25); наресованы (ед. хр. 35); ст. 12 *А на боку* (ед. хр. 25); ст. 13 другоём ⟨...⟩ *девици* (ед. хр. 25); ст. 14 А *ведь* (ед. хр. 25), *колубнетсе* отсутствует (ед. хр. 35); ст. 15 *А молодцы* с девицями (ед. хр. 25); ст. 17 А *ведь* (ед. хр. 25); ст. 19 разныи *ли ён* ⟨...⟩ выговаривае (ед. хр. 25); ст. 21 *Ай* ⟨...⟩ шесты (ед. хр. 25); ст. 25 становились (ед. хр. 25); ст. 27 *у ко* (ед. хр. 25); ст. 30 каменьев-*то* ⟨...⟩ драгоценноих (ед. хр. 25); ст. 32 куницёю, соболем ды заморскии (ед. хр. 25); после ст. 34 неразборчивая ремарка (... *подарки послал*) (ед. хр. 25); ст. 35 *блюдо* каменьев (ед. хр. 25); ст. 38 Роман Митриевиць *ведь* (ед. хр. 25); ст. 39 А *ведь* (ед. хр. 25); ст. 41 заморьскии (ед. хр. 25); после ст. 42 ремарка (*сегодня не бежит голос*) (ед. хр. 25); ст. 47 мини (ед. хр. 25); ст. 52 робятка барышницают (ед. хр. 25); ст. 53 *А тут ли да* (ед. хр. 25); ст. 54 были-*то* (ед. хр. 25); ст. 57 верхи-*то* с ⟨...⟩ завиваютсе (ед. хр. 25); ст. 58 *ходят людушки* (ед. хр. 25); ст. 61 *вставала* отсутствует (ед. хр. 25, 35); ст. 66 сторонушке (ед. хр. 25); ст. 70 *с верхами* (ед. хр. 25); ст. 74 будь проклята я, красна (ед. хр. 25); ст. 75 я *ли дома* (ед. хр. 25); ст. 77 *слышит* (ед. хр. 25); ст. 78 *А ведь пошла* (ед. хр. 25); ст. 79 *шопотком да* (ед. хр. 25, 35); ст. 80 Васильева-*то* (ед. хр. 25); ст. 83 *и* злато (ед. хр. 25); ст. 88 красние (ед. хр. 25); ст. 91 вместо *в том* скобки с отточием (ед. хр. 25); ст. 95 играл гуселышка (ед. хр. 25); ст. 96 сидела красна (ед. хр. 25); ст. 98 красна (ед. хр. 25); ст. 99 *А посиди* ⟨...⟩ побесёдуй-ко (ед. хр. 25); ст. 101 ли-то она (ед. хр. 25); ст. 104 за сибя (ед. хр. 25); после ст. 104 ремарка

(*Сватать приехали. Это тебе поется*) (ед. хр. 25); ст. 107 *тебя* не люблю (ед. хр. 25); ст. 108 *сибя просватала* (ед. хр. 25); ст. 109 *я* приехал *ведь посватати* (ед. хр. 25); ст. 110 красна (ед. хр. 25); ст. 111 А *нет* по утрышку-*то* (ед. хр. 25); ст. 112 *Василей* отсутствует (ед. хр. 25, 35); ст. 113 сошел (ед. хр. 25); после ст. 115 в ед. хр. 25 ремарка (*Увёз! Ну, будьте довольно, только слыхал*).

В небольшом по объему тексте Ф. Конашкова представлены все основные традиционные элементы сюжета, изложенные в присущем сказителю лапидарном стиле. Некоторые редкие детали и подробности близки к вариантам односельчанки исполнителя А. Сорокина и А. Малышевой (см. коммент. к № 397, 410 наст. тома). Необычен набор имен собственных. Герой былины назван «Василием (а не Соловьем) Гудимировицем»; князя Владимира заменил царь Роман Митриевиць, а его племянницу Забаву Путятичну — «доць Настасьюшка»; два последних имени перенесены из сюжета «Наезд литовцев», входившего в репертуар Конашкова (см. № 547—549 наст. тома). Оригинальная деталь использована для описания корабля Василия Гудимировича — на его бортах «наресованы» «добры молодцы» и «красны девушки»; кораблик «как колóбнетсе, а ведь молодцы с девицами поцелуютсе». Аналогичный художественный образ есть в былине пудожанина А. Сорокина «Дюк Степанович» в описании чудесных пуговиц и петелок в одежде Чурилы Пленковича (№ 338 наст. тома, ст. 684—691). Видимо, с семейной традицией Конашковых связана еще одна уникальная подробность повествования — герой былины и его спутники привозят на своих кораблях терема златоверхие в разобранном виде, так что им не составляет труда возвести их за одну ночь.

№ 409

Соловей Владимирович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 19, л. 89 об.—93, полевая карандашная запись Ю. А. Самарина (середина стихов, дополненная им же другим карандашом до целой строки); ед. хр. 9, л. 44—50, беловой автограф; ед. хр. 12, тетр. 1, л. 125—128 об., полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (полные строки). Опубл.: С.—Ч., № 19.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 12 июля 1928 г., д. Семеново — от Григория Алексеевича Якушева, 65 лет.

Разночтения ед. хр. 9, 12, 19

Ст. 2 *из* подкамени (ед. хр. 12); ст. 4 млад *соловей*-то (ед. хр. 12); ст. 7, 8, 10 видь (ед. хр. 12); ст. 6 со храброёй (ед. хр. 12); ст. 7 *искрашёные* (ед. хр. 12); ст. 14 морьску (ед. хр. 9, 19); ст. 15 *А* чтобы ⟨...⟩ мели (ед. хр. 12); ст. 18 Киёв (ед. хр. 9, 12); ст. 21 на *оную* на ⟨...⟩ корабельнюю (ед. хр. 12), на *оную* на (ед. хр. 19); ст. 24 приходили (ед. хр. 19, 12); ст. 27 даёт ⟨...⟩ не лучшие (ед. хр. 12, 19); ст. 31 *А* говорит-то (ед. хр. 12); ст. 34 златоверьхиих (ед. хр. 12); ст. 35 верьхи с верьхами (ед. хр. 12); ст. 36 заплёталисе (ед. хр. 12); ст. 38 дубье ⟨...⟩ повымётать (ед. хр. 12), дубья (ед. хр. 19); ст. 39 земелюшки (ед. хр. 12); ст. 40 стольно-киевской (ед. хр. 12); ст. 41 любимыи (ед. хр. 12); ст. 42 тибе (ед. хр. 12, 19); ст. 44 мистецька (ед. хр. 12, 19); ст. 45 ведь-*то* (ед. хр. 12); ст. 46 *Да* против (ед. хр. 12, 19); ст. 48 дубье (ед. хр. 12); ст. 49 тут-*то* (ед. хр. 12); ст. 50, 61, 63, 78, 95, 103, 121, 122, 147, 153, 159—161 ведь (ед. хр. 12); ст. 52 одевайте-*тко* (ед. хр. 12); ст. 53 платьица (ед. хр. 12); ст. 54 платье (ед. хр. 12); ст. 56 дубья (ед. хр. 12); ст. 59 А *ведь* чтобы (ед. хр. 12); ст. 62 *тама* меня (ед. хр. 12); ст. 63 простроили (ед. хр. 12); ст. 64 златоверьхиих (ед. хр. 12, 19); ст. 65 *к утру* (ед. хр. 12); ст. 66 венки венками (ед. хр. 12); ст. 67 верьхи верьхами (ед. хр. 12); ст. 79 всих (ед. хр. 12); ст. 70 Забавишна (ед. хр. 12);

ст. 72 *а была она на* отсутствует (ед. хр. 12), а она на *посватати* (ед. хр. 19); ст. 75 в *одной* (ед. хр. 12, 19); ст. 76 ошибочно: *в подкоп* (ед. хр. 12); ст. 77 *млад* (ед. хр. 12); ст. 78, 79 да сын Владимирович (ед. хр. 12); стр. 79 Соловей (ед. хр. 12); ст. 85 *да* золоту (ед. хр. 12); ст. 87 здравствует (ед. хр. 12); ст. 88 милует *его* (ед. хр. 12); ст. 90 возьми-тко *ты* меня (ед. хр. 12); ст. 91 а всим-*то* (ед. хр. 12, 19), *девка* отсутствует (ед. хр. 12, 19); ст. 96 *А* неудобно *ись* ⟨...⟩ *есь* (ед. хр. 12), *А как* неудобно *исть* ⟨...⟩ *есь* (ед. хр. 19); ст. 97 *а то да как да князю-то ведь* (ед. хр. 12); ст. 102 цестна-поцестна (ед. хр. 12), цестно-поцёстно (ед. хр. 19); ст. 104 *у нас не хватит тут* (ед. хр. 12); ст. 105 да ведь *этому* (ед. хр. 12); ст. 106 князю-*то ко* (ед. хр. 12); ст. 108 *чесью-зачесью* (ед. хр. 19); ст. 113 *есьва* сахарьные (ед. хр. 12), *есьвы сахарние* (ед. хр. 19); ст. 116 наливает (ед. хр. 12); ст. 117 *говорит* отсутствует (ед. хр. 12); ст. 117 *млад* Соловей (ед. хр. 12); ст. 119 стольно (ед. хр. 12); ст. 126 сделати (ед. хр. 12); ст. 129 видь да (ед. хр. 12); ст. 135 *12* (цифра) (ед. хр. 12, 19); ст. 139 на перу *да раскалякались* (ед. хр. 12), расколякались (ед. хр. 19); ст. 140 фастат (ед. хр. 12); ст. 141 *А иной* фастат (ед. хр. 12); ст. 145 пришло-то *ведь* (ед. хр. 12); ст. 152 *ведь* слухайте меня (ед. хр. 12), миня (ед. хр. 19); ст. 155 а складите-*тко* (ед. хр. 12); ст. 158 да не *дом* топерь (ед. хр. 12); ст. 159 они *да ведь* (ед. хр. 12).

По содержанию былина Г. Якушева примыкает к вариантам Н. Прохорова (№ 398, 402 наст. тома); отдельные детали и подробности созвучны текстам П. Антонова (№ 400 наст. тома), который также был одним из учителей исполнителя. Сюжетная канва традиционна, но в ряде эпизодов сказитель испытывал затруднения в построении стихов и тирад, порой сбивался на немотивированные механические повторы и рубленую прозу (ст. 61—62, 77—80, 97—104, 158—161). Запев представлен разрозненными фрагментами (ст. 1—10), в ст. 52—54 трудно понять, какие же платья велит Соловей одевать своим дружинникам — цветные или рабочии. Якушев заменил отчество главного героя — Соловей Владимирович (у Н. Прохорова, П. Антонова и П. Логинова доминирует форма «Соловей Гудимирович»), имя его невесты — «Бабушка Забавична» вместо Забавы Путятичны (у Прохорова — «Любавушка Забавична», у Антонова — «Забавушка Путятична»; в былине Якушева «Добрыня и Змей» племянница князя Владимира названа «Бавушкой да Забавницей» — СБ 16, № 42); в запеве вместо Волги-реки упомянута Волхов-река, знакомая ему по сюжету «Василий Буслаев и новгородцы» (№ 514 наст. тома). В тексте заметна тенденция к модернизации лексики: «нахалуешь», «конфузно есть»; «шостики медные» и «мили» (мели) заменили традиционные «шестики мерныи» и «луды/лудья». В ст. 20 явная оговорка певца: приставая к берегу, корабельщики выкидывали «денежки серебрянны» (должно быть: сходенки).

№ 410

Соловей Будимирович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 35, тетр. 2, л. 194—200, полевая карандашная запись В. И. Яковлевой (сведенная) с заглавием: «Василий Будимирович»; ед. хр. 19, л. 154 об.—157 об., полевая запись Ю. А. Самарина (середина стихов) с указанием: «сведено в тетрадях Яковл⟨евой⟩ и Чич⟨ерова⟩ (л. 154 об.); ф. 483, оп. 1, ед. хр. 284, л. 41 об.—43, полевая карандашная запись. Опубл.: С.—Ч., № 73.

Зап. Ю. А. Самариным, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 13 июля 1928 г., д. Семеново — от Анастасии Яковлевны Малышевой, 35 лет.

Примечание собирателей: «От Мироновой Анастасии Романовны ⟨Малышева⟩ знает „Василия Буслаева", „Как царь сына казнил"» (ед. хр. 35, л. 135) (Былина о Василии Буслаеве от А. Я. Малышевой не записана. — *Сост.*).

Разночтения ед. хр. 35

Ст. 9 корабли; ст. 11 В другуём; ст. 27, 36, 45 Владимиру; ст. 32 Волги-рики; ст. 37 корабельнёю; ст. 43 камёшоцёки; ст. 44 вы да во; ст. 52 робятка; ст. 62 на гори; ст. 76 Поутру; ст. 82 Сегоднё ⟨...⟩ густым-густо; ст. 90 на гору ды на; ст. 103 поигрывать; ст. 104, 109 Путятицьна; ст. 107 Просидели тут троё; ст. 110 Ах-то; ст. 116 поднавязалосе; ст. 118 Котора; ст. 120 Пошел ён тут.

Текст обычен для местной традиции. Некоторые детали повествования сближают его с вариантами односельчанина певицы Ф. Конашкова (№ 408, 411, 412 наст. тома) и сумозерского певца А. Сорокина (№ 397 наст. тома) — упоминание горки, на которой «пироги пекут да блины продают, где маленьки ребятка барышницюют»; формула «была гора пустым-пуста — сегодня на горы густым-часта». Необычна развязка былины — недовольный «самопросватаньем» невесты, «Соловей Гудимировиць» отказывается от сватовства (ср. с вариантом П. Логинова с Купецкого озера — № 407 наст. тома). Малышева оригинально охарактеризовала эмоциональное состояние героев: «Посидели тут трое сутоцьки — показалосе им за три минутоцьки». Вместе с тем она допустила ряд смысловых неточностей. Упоминаемая в запеве Волга-река оказалась в Киеве (ст. 32); «камешек-яфонт», названный в перечислении подарков князю Владимиру (ст. 56), дал имя «горы Яфонты», на которой дружина Соловья строит чудесные терема (ст. 62, 70 и др.).

№ 411

Про Настасью Романовну и Василия Гудимировича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, ед. хр. 5, черновая рукопись.

Зап. М. А. Ивановой: 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

В основном сохранив сюжетную канву и набор поэтических формул своего первоначального варианта (№ 408 наст. тома), при повторном исполнении Ф. Конашков изменил некоторые детали повествования. В зачине былины указано количество кораблей «Василия Гудемировича» — тридцать три (то же в тексте 1938 г. — № 412 наст. тома; в записи 1928 г. эта подробность отсутствует). Расширена сцена сватовства (ст. 145—174, ср. со ст. 101—115 в первоначальном варианте и ст. 138—162 в записи 1938 г.). К именам невесты и ее отца, позаимствованным из сюжета «Наезд литовцев» («Настасья Романовна» и «Роман Митырьевич»), добавилась еще одна деталь из этой старины — упоминание «города Красного, села богатого». Некоторые разночтения между двумя записями позволяют выявить возможные ошибки собирателей.

Публикуется впервые.

№ 412

Соловей Будимирович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 2, тетр. 1, ед. хр. 50, черновая рукопись, карандаш. Опубл.: Линевский, № 19, с подзаголовком «Про Василия Будимировича». Вар.: С.—Ч., № 86.

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 78 лет.

Пояснение А. М. Линевского: ст. 22 шосты — шесты.

Разночтения Линевский, № 19

Ст. 13 молодцы; ст. 15 *Как кораблицек на водушки*; ст. 16 с девицями ⟨...⟩ поцелуютце; ст. 17 *А* хозяин; ст. 19 похаживает; ст. 21 *моя хоробрая*; ст. 34 *насыпьте-ка самоцветных*; ст. 38 *да* на пашеньки; ст. 46 *Как брали*; ст. 51 *ко* пристани; ст. 53 *несли они*; ст. 60 *немножецько* в публикации отсутствует; ст. 61 на пашеньки; ст. 69 *и* против; ст. 72 говорила-то; ст. 76 *на гороцьки, на пашеньки*; ст. 84 *Как у царя*; ст. 86 *да* подзорную; ст. 87 *Выходила Настасья на высок балхон*; ст. 89, 102 на пашеньки, *на женскую* в публикации отсутствует; ст. 92 сегодня; ст. 94 *Как* верхи-то со верхами; ст. 95 *и* дивуютце; ст. 96 *любуютце*; ст. 97 *ена, красна*; ст. 106 *Приходила ко другому ена*; ст. 107 *Васильева да его матушка*; ст. 108 со своим*а сидит со*; ст. 109 публикации в ркп. отсутствует; ст. 111 (ст. 110 ркп.) *слышит танцы, пляски*; ст. 112, 115 ркп. в публикации отсутствуют; ст. 113—116 публикации в ркп. отсутствуют; ст. 123, 124 (ст. 120, 121 ркп.) молодцы; ст. 125, 126 публикации в ркп. отсутствуют; ст. 129 (ст. 124 ркп.) *есте не женат*; ст. 130 (ст. 125 ркп.) *есь на*; ст. 132 публикации в ркп. отсутствует; ст. 137 (ст. 131 ркп.) с верным*а своимя* служанками; ст. 139 (ст. 133 ркп.) *Брал Васильюшко*; ст. 140, 141 публикации в ркп. отсутствуют; ст. 147 (ст. 140 ркп.) *как* Васильюшко; ст. 148—151 публикации в ркп. отсутствуют; ст. 158 (ст. 147 ркп.) *в платьице в многоцветное*; ст. 160 (ст. 149 ркп.) *паруса полотняныи*.

«Из шести вариантов этого сюжета Рыбников сделал пять записей в Пудожье и один в Каргопольском уезде. Гильфердинг приводит пять вариантов (один из Толвуи, два из Пудожья и два из Водлозера). Таким образом, выявляется, что сюжет не получил распространения вне восточной стороны Онежского озера.

Варианты этой былины (не считая вариантов пудожан — шальского лодочника и Антонова) прежде всего отличаются от конашковского наличием особого запева. Варианты Прохорова, Антонова и шальского лодочника обнаруживают некоторое родство с текстом Конашкова. В них отсутствует детальное описание человекоподобного вида носа корабля (вместо глаз вставлен яхонт, вместо бровей прибит соболь и т. п.), характерное для всех прочих вариантов. Текст Конашкова, тоже лишенный этого описания, содержит указание на изображение по бортам корабля девиц и молодцев — явное заимствование из описания наряда Чурилы в последний день состязания (см. Рыбн., № 16, ст. 265—268; также у Конашкова, «Дюк», ст. 172—173). Конашковский вариант обнаруживает родство с вариантом Прохорова и в отдельных деталях с текстом толвуянина Гришина. Отмечать стихи Конашкова, родственные стихам Прохорова, значило бы переписать около трех десятков стихов из ста стихов всей былины Конашкова. Но будучи родственным варианту Прохорова, конашковский вариант значительно переработан» (Линевский, с. 200—201).

В содержательном плане повторная запись, сделанная через десять лет, практически не отличается от первой (см. предыдущий текст). Единственное существенное изменение — упоминание «Индеи богатой», которая осознается как родина героя; вероятнее всего, это навеяно стариной о Дюке, входившей в репертуар Конашкова (№ 347 наст. тома). Объем былины увеличился почти на треть за счет использования некоторых развернутых описаний и повторов (ст. 45—50, 116—124, 140—159).

№ 413

Соловей Будимирович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 44, л. 30—36, беловая рукопись, карандаш.

Зап. В. Р. Дмитриченко: август 1938 г., д. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Васильевича Кигачева, 42 лет.

Публикуется впервые.

№ 414

Соловей Гудимирович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 7, ед. хр. 55, л. 214—216 (л. 5—7), перебеленная рукопись, карандаш. Опубл.: Черн., № 20. Вар.: БПК, № 73.

Зап. Н. Н. Алексеевым: февраль 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Анастасии Яковлевны Малышевой, уроженки д. Семеново Пудожского у., грамотной, 45 лет.

«По сравнению с записью 1928 г. (С.—Ч., № 73) текст сокращен в объеме (81 ст. и 120 у С.—Ч.) за счет выпадения некоторых второстепенных мотивов, например, приглашения Соловья к Забаве посидеть с ним. Пропущен также ряд строф и строк. Начало былины (до подношения подарков Владимиру и постройки теремов) мало различается в обоих вариантах. Больше изменений в серии последующих мотивов, их словесного выражения. В целом при повторном исполнении в 1938 г. былина сохранила все черты варианта 1928 г. Конец былины — самопросватанье Забавы и отказ Соловья жениться — сближает ее с другими пудожскими вариантами П. А. Логинова (С.—Ч., № 40), Ф. А. Конашкова (С.—Ч., № 86)» (Черн., с. 287).

Через десять лет А. Малышева с большой точностью повторила свой первый вариант (№ 410 наст. тома). Текст сократился в объеме за счет упрощения описаний и монологов, развернутых повторов. Изменились некоторые имена собственные: невеста названа «Еленой», а мать героя — «Настасьей дочь Софиевной» (в первой записи — молодая «Путятишна» и «Софиевна»).

№ 415

Про Василия Будимировича

Архив КФАН, р. III/2, № 187.01.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Исполняет Федор Андреевич Конашков. „Соловей Будимирович". По Конашкову: „Былина про Василия Будимировича"».

Публикуется впервые.

СОРОК КАЛИК (№ 416—419)

Эта былина занимает в репертуаре олонецких сказителей периферийное место. Из 9 вариантов, записанных в Онего-Каргопольском крае, лишь текст сумозерского певца А. Сорокина близок к традиционным стандартам. Другие исполнители, в том числе такие признанные мастера былевого эпоса, как Т. Рябинин, К. Романов, Ф. Никитин, пропускали важные эпизоды и сюжетообразующие мотивы, путали имена персонажей, сбивчиво и схематично излагали содержание старины. Во всех пудожских текстах, кроме сорокинского, скомкан финал, ничего не сказано о дальнейшей судьбе княгини Апраксии.

№ 416

Сорок калик

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 340—348 (л. 358—366), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 72, стб. 409—421.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами проставлена пунктуация. Над текстом слева зачеркнуто число «35». Под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же, 4 августа».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 4 августа 1871 г., д. Куганаволок на Водлозере — от Андрея Пантелеевича Сорокина, крестьянина д. Новинка на Сумозере, 43 лет.

Текст в 513 стихов записан без сокращений.

Пояснения А. Ф. Гильфердинга: ст. 178 к слову «лыту» на полях: sic; ст. 401 на полях справа: «Искал слова и потом только пропел „станции"».

Комментируемый вариант — лучший среди записей этой былины, сделанных не только на Пудоге, но и во всем Онего-Каргопольском крае. А. Сорокин — единственный олонецкий сказитель, подробно изложивший почти все основные эпизоды. Нет только наказания княгини Апраксии болезнью, но публичное разоблачение ее интриг является ключевым мотивом финальных сцен. Имя главного героя — Касьян Афанасьевич (ср. текст из сборника Кирши Данилова и некоторые записи из Архангельской губернии), у других олонецких певцов — Фома Иванович, Степанушко, Михайло Потык. В трактовке Сорокина калики перехожие — не обычные паломники, а богатыри, отправившиеся в Иерусалим «во своих грехах прощатися». Оригинально мотивируется отказ калик вторично зайти в княжеские палаты — они опасаются, что Апраксия повторит свой трюк с подкладыванием золотой чаши в подсумок их товарища. В тексте нет никаких примет импровизации, склонность к которой нередко приписывают этому сказителю многие исследователи. Сорокин продемонстрировал свободное владение приемами формульного стиля, богатый набор постоянных эпитетов, удачное использование эпических повторов. В былине несколько раз с небольшими вариациями повторяется формула заповеди великой; княгиня Апраксия трижды пытается совратить Касьяна и отступает только перед угрозой быть поколоченной «дубиной дорожною». Формула «кто бил поганыих идолищев» (ст. 14) свидетельствует о том, что сказитель воспринимал слово «идолище» как нарицательное, а не собственное имя существительное. Как и в былине Сорокина «Садко» (№ 525, 526 наст. тома), роль чудесного спасителя героя отведена святому Миколе Можайскому.

№ 417

Сорок калик со каликою

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 9, л. 77—79, беловая запись; ед. хр. 12, тетр. 2, л. 147—149, полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (полные строки); ед. хр. 19, л. 108—110, полевая карандашная запись Ю. А. Самарина (неполные строки, им же дополненные другим карандашом). Опубл.: С.—Ч., № 24.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 12 июля 1928 г., д. Семеново — от Григория Алексеевича Якушева, 65 лет.

Разночтения ед. хр. 12, 19

Ст. 4 *стольно* (ед. хр. 12); ст. 5 тех-*то* ведь калик (ед. хр. 12); ст. 8 за тыми ⟨...⟩ сахарные (ед. хр. 12); ст. 10 досыты (ед. хр. 12); ст. 11 долюби (ед. хр. 12); ст. 12 тут оны *ведь* эты (ед. хр. 12); ст. 13 меньшой (ед. хр. 12), *под а́таман* (ед. хр. 9), пода́таманье (ед. хр. 19); ст. 14 весьма *да* (ед. хр. 12); ст. 15 подходит-*то* (ед. хр. 12); ст. 18, 19, 38, 39, 40, 47, 72 ведь; ст. 18 не согласён (ед. хр. 12); ст. 19 не озарилсе (ед. хр. 12); ст. 21 *А* взяла *да* ведь (ед. хр. 12); ст. 25 *как вы, мои слуги* (ед. хр. 12); ст. 28 Д'отберите *цяру мою-то* [*ведь*] (ед. хр. 12); ст. 29 не простую (ед. хр. 12); ст. 31 *золотая цяра* (ед. хр. 12); ст. 32 на добрых (ед. хр. 12); ст. 34 *как слушайте, вы* калики (ед. хр. 12); ст. 36 *у царя покража* (ед. хр. 12), видь (ед. хр. 19); ст. 37 *царицы* цяру (ед. хр. 12); ст. 42 цяры (ед. хр. 12); ст. 44 *ведь* искать (ед. хр. 12); ст. 47 судить *да* (ед. хр. 12); ст. 51 *яму* [*ведь*] (ед. хр. 12); ст. 55 *видь-то* (ед. хр. 12); ст. 61 выйти-то (ед. хр. 12); ст. 72 *один вышел* (ед. хр. 12); ст. 76 выставал (ед. хр. 12); ст. 77 перихожиех (ед. хр. 12); ст. 82 *ни* (ед. хр. 12); ст. 83 за *той ёна* (ед. хр. 9, 12); ст. 86 месте (ед. хр. 12); ст. 88 царицю (ед. хр. 12).

Содержание былины изложено схематично, с явными отступлениями от традиции (нет развернутого зачина, заповеди калик перехожих; до четырех стихов сокращена драматичная сцена любовных домогательств княгини Апраксии). Отсутствуют важный сюжетообразующий мотив отъезда князя Владимира из Киева и рассказ о болезни его жены. Некоторые детали повествования явно сочинены Г. Якушевым: Апраксия подкладывает калике свою именную чашу; она именуется то княгиней (ст. 15), то царицей (ст. 24, 39—40 и др.). Описания казни героя и его освобождения (ст. 48—56, 64—76) импровизировались в момент исполнения, что привело к стилистическому разнобою, смысловым неувязкам («Как убьем-то тут да ведь смерть ему» и т. п.). Вопреки традиции все персонажи былины, кроме киевского князя и его жены, безымянны.

№ 418

Сорок калик со каликою

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 13, ед. хр. 7, л. 384—347, черновая рукопись, карандаш, частично правленный чернилами. Опубл.: БПК, № 38.

Зап. Е. П. Родиной: июль 1938 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Никиты Антоновича Ремизова, 61 года.

Пояснения собирателя: ст. 93 к слову «тацька» — пташка (в ркп. птицька. — *Сост.*).

Разночтения БПК, № 38

Ст. 4 *И* ходили; ст. 11 да *и* клиньямы; ст. 23 *грешникам*; ст. 40 Как нельзя *ли*; ст. 46 *копать-то яму*; ст. 55 *к* котомку; ст. 64 *сухошенько*; ст. 74 *их*; ст. 84 *оны с этым*; ст. 86 *отсекли*; ст. 113 *с глубокого погреба*; ст. 115 *по приказанной*; ст. 125 *Да это наш-то*; ст. 128 *у* тебя.

«Былина, разрабатывая новеллистическую тему, примыкает в то же время к духовным стихам. Известна только в 20 с небольшим вариантах. Лучший вариант из Пудожского р-на записан от А. П. Сорокина (Гильф., № 72). Новые записи из северных районов есть у Астаховой (см. Аст. 1, с. 634). Известные записи из Прионежья значительно отличаются друг от друга, большинство из них отрывочны. К числу таких относится и данный текст, сохранивший сюжетную основу, но утративший ряд эпизодов (встреча с князем

Владимиром на пути калик в Киев, многократный выезд в погоню за каликами и другие подробности их паломничества). Забыто также имя каличьего атамана.

В основу былины, как предполагают исследователи, легло местное новгородское предание XII в. о хождении сорока калик в Иерусалим. Паломничество было бытовым явлением в Древней Руси. Об этом говорят многочисленные документы, памятники литературы. На былинах сказалось воздействие и библейско-легендарных мотивов (например, история Иосифа и его братьев)» (БПК, с. 485).

По содержанию текст близок к предыдущему варианту. В нем тоже отсутствуют имена собственные (за исключением города Киева, заменившего Иерусалим); былинные князь и княгиня последовательно именуются царем и царицей. Однако Н. Ремизов полнее своего земляка изложил некоторые традиционные эпизоды, сохранил мотивы «заповеди великой», чудесного исцеления героя. В былине встречаются постоянные эпитеты, характерные для поэтики лирических песен («путистыи дороженьки», «дорожка почтовая»); в погоню за каликами перехожими отправляют «казаков множество». Жена сказителя К. Ремизова назвала свой пересказ сказкой и утверждала, что такой старины не было (см. следующий вариант). Вряд ли это соответствует действительности — Н. Ремизов использовал в своей былине не только общеэпические формулы, но и некоторые стереотипы, свойственные именно этому сюжету (содержание «заповеди великой» и описание казни нарушителя).

№ 419

Сорок калик со каликою

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 21, ед. хр. 137, л. 36—37 (л. 69—71), перебеленная рукопись, чернила. Рукопись имеет подзаголовок: «сказка».

Зап. Г. Григорьевой: 1961 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ксении Егоровны Ремизовой, уроженки д. Алексеево Пудожского у., неграмотной, 76 лет.

Примечание собирателя: «Сначала не могла вспомнить, что странники, „какие болят", назывались „каликами"» (л. 36). «Слышала от мужа. Сказала, что Н⟨икита⟩ А⟨нтонович⟩ (Ремизов Н. А. — *Сост.*) рассказывал „Сорок калик" сказкой, а старины такой не было. На самом деле Ремизов знал старину» (л. 37).

Исполнительница назвала свой сбивчивый пересказ сказкой, хотя слышала этот сюжет, скорее всего, в виде эпической песни (см. коммент. к предыдущему варианту). По содержанию ее текст повторяет былину Н. Ремизова и генетически связан с ней. Единственная новация рассказчицы — герой назван по имени, но оно не традиционно — Степан.

Публикуется впервые.

СТАВР ГОДИНОВИЧ (№ 420—459)

В Пудожском крае былина о Ставре входила в пятерку самых популярных эпических песен, по количеству записей она сопоставима с сюжетами «Дюк Степанович» и «Чурила и Катерина», уступая только старинам «Добрыня и Алёша» и «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Примерно такое же место она занимает в репертуаре сказителей западного и северного Прионежья. В восточных районах бывшей Олонецкой губернии единственный вариант записан в 1962 г., спустя сто лет после начала активной собирательской работы, но и он восходит не к устным, а к печатным источникам (см.: Новиков 2001, сюжет 38, № 8). В Онего-Каргопольском крае самым восточным пунктом устного бытования «Ставра» было Колод-

озеро. Местная версия сюжета получила у эпосоведов название прионежской; ее соотношение с более древней сибирской версией охарактеризовано во втором разделе статьи «Былинная традиция Пудожского края» (СБ 16, с. 97—98), там же приведены случаи сохранения в пудожских текстах архаичных деталей. По композиции все прионежские варианты близки друг к другу и не образуют отдельных редакций сюжета. Особенно много параллелей обнаруживается в текстах лучших повенецких сказителей А. Чукова и П. Калинина и пудожан А. Сорокина, колодозерского старика и А. Савинова. Именно эти варианты наряду с былиной из сборника Кирши Данилова через книгу оказали наибольшее влияние на вторичное бытование «Ставра» в различных областях России. В пудожско-повенецких записях отсутствует эпизод игры в шахматы, изредка встречающийся у кижских певцов (единственное исключение — книжный по происхождению вариант А. Пашковой). Нет у пудожан и развернутой похвальбы Ставра своим богатством (конями, цветным платьем и т. д.), построенной в вопросно-ответной форме и неоднократно фиксировавшейся в западных и северных районах Прионежья. Во многих пудожских текстах нестабильны имена персонажей, иногда варьируется и имя главного героя, давшего название этой старине. В поздних по времени записях нередко встречаются оригинальные детали и образы, ранее не отмеченные собирателями (см. коммент. к № 429, 428, 449, 433 наст. тома, Конашков, Миронов, Кережин, Ма́рина). Вместе с тем в них немало перенесений из других старин, а некоторые сказители по принципу механического сложения соединяли этот сюжет с другими былинами и даже с историческими песнями («Добрыня и Настасья» — СБ 16, № 124, Ефимов; «Илья Муромец и Соловей-разбойник» — СБ 17, № 297, А. Нефёдова). Как и в соседних регионах, на устное бытование «Ставра» заметное влияние оказали популярные издания былин конца XIX—начала XX в. Кроме пяти пудожских вариантов, включенных в «Указатель зависимых от книги былинных текстов» (Новиков 2001), к печатным источникам восходит старина А. Пашковой (№ 441 наст. тома).

№ 420

Ставр Годинович

Рыбн., 1861, № 42.

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., д. Колодозеро Пудожского у. — от крестьянина, 90 лет (прочие сведения не указаны).

Пояснение П. Н. Рыбникова: ст. 154 «Василиса — дочь Микулы, из до Владимировой эпохи».

Типичный образец прионежской версии сюжета; редкие детали и формулы сближают его с вариантами пудожан А. Сорокина и А. Савинова, сказителей из Пудожской Горы А. Чукова и П. Калинина (см. об этом в коммент. к предыдущему тексту). С былинами двух последних певцов есть и другие переклички. Героиня отвергает предложение Ставра тайком уехать из Киева, предпочитая добиться от князя Владимира публичного признания ее триумфа; использовано диалектное слово «жуковины» (кольца, перстни). Оригинально описание состязания в стрельбе из лука — надо попасть в заранее поставленную стрелу и расколоть ее на четыре равные частички (в других олонецких вариантах богатыри пропускают стрелу через кольцо, чтобы расколоть ее надвое «о ножично острие» — А. Сорокин и др.). Сказитель употребил редкое в былинах слово «сударь» (ср. «храбрыя сударин Илья Муромец» в былинах мошенского певца Н. Швецова — Гильф., № 304—306). Обычно эпические герои вяжут коней «ко столбику точеному, к колечку золоченому». У колодозерского старика Василиса Микулична, демонстрируя свою богатырскую стать, привязывает коня к копью, воткнутому тупым концом в землю (то же в былинах другого колодозерского сказителя Т. Романова — СБ 17, № 167 «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Дюк», № 339 наст. тома; ср. аналогичный поэтический образ в сборнике Кирши Данилова — КД, № 11). Вопреки традиции,

Забава является дочерью, а не племянницей киевского князя, что потребовало изменения ее отчества — Владимировна, а не Путятична, как обычно. Выразителен уникальный эпитет «мелкая чета, князья-бояра» (т. е. подвластные князю Владимиру крупные феодалы).

№ 421

О Ставре Годиновиче

ГИМ, ф. 56, ед. хр. 203, л. 65—69, беловая рукопись. Опубл.: Рыбн., 1862, № 19.

Текст переписан набело на плотной негладкой бумаге с желтоватым оттенком, на листах большого формата, сложенных вдвое, крупным ровным почерком неизвестного лица. Правка текста, возможно, принадлежит П. А. Бессонову, вводившему повторы последних слов стиха в начало последующей строки, за счет чего размер былины увеличивался: в рукописи текст содержит 337 стихов, в первом издании — 350. Методичность введения повторов заставляет подозревать руку редактора, а не собирателя, повторно выслушивавшего текст, зафиксированный писарем, и находившего запись «очень верною».

Зап. местным писарем: лето 1860 г., д. Сумозеро Филимоновской вол. — от Андрея Пантелеевича Сорокина, крестьянина д. Новинка на Сумозере, 32 лет (около 1828 г. р.).

Текст вторично выслушан П. Н. Рыбниковым летом 1861 г.

Разночтения Рыбн., № 19

Ст. 5 [*Для сенаторов*]; ст. 22—23 (ст. 22 ркп.) *Умный-разумный хвастат старым батюшком, Старым батюшком да старой матушкой*; ст. 49 (ст. 48 ркп.) [*генеральския*]; ст. 59 (ст. 58 ркп.) *де*; ст. 101 (ст. 100 ркп.) *подруги-ты*; ст. 111—112 (ст. 110 ркп.) *Ко солнышку князю Владимеру, Ко Владимеру на широкий двор*; ст. 121—122 (ст. 119 ркп.) *Тут вставал как солнышко Владимер князь, Вставал на резвы ноги*; ст. 134, 135 (ст. 131, 132 ркп.) [*сенаторов*]; ст. 142—143 (ст. 139 ркп.) *У него походка-та частенька, Частенька походка, ж... крутенька*; ст. 153—154 (ст. 149 ркп.) *Не угодно ли с нашими борцами с княженескими, Не угодно ли да поборотися*; ст. 155 (ст. 150 ркп.) княженескоем; ст. 173—174 (ст. 168 ркп.) *Смотри, у него походка частенька, Частенька походка, ж... крутенька*; ст. 196—197 (ст. 190 ркп.) *С вашими стрельцами пострелятися, Пострелятися во чистом поле*; ст. 208 (ст. 201 ркп.) [*казенные*]; ст. 209 (ст. 202 ркп.) *ровныя*; ст. 227—228 (ст. 220 ркп.) *У нас-то спят не по-домашнему, Не по-домашнему спят, а по-дорожнему*; ст. 246 (ст. 238 ркп.) *во баенку*; ст. 246—247 (ст. 239 ркп.) *Она одной рукой скидывалася, А другой рукой умывалася*; ст. 266—267 (ст. 257 ркп.) *Развеселит ли один стар Ставер, Стар Ставер, сын Годинович*; ст. 287—288 (ст. 277 ркп.) *Да-ко мне Ставра сходить до бела шатра, До бела шатра сходить да прогулятися?*; ст. 327—328 (ст. 316 ркп.) *Говорил как стар Ставер сын Годинович, Говорил таковыя слова.*

Один из лучших пудожских вариантов этой былины, содержащий ряд элементов, сближающих его с текстами земляков А. Сорокина — колодозерского старика (№ 420 наст. тома), А Савинова (№ 422 наст. тома) и повенецких сказителей из Пудожской Горы П. Калинина и А. Чукова (Гильф., № 7, 151). Василиста Микулична выдает себя за грозного посла иноземной державы, но сразу приезжает свататься к племяннице князя Владимира (в большинстве других прионежских записей сватовство изображается как условие отказа от невыплаченной киевлянами дани). О заключении героя в «погреба глубокие» его жене сообщает свой человек, который был при Ставре в Киеве (этой детали нет только у Савинова). В прионежской версии сюжета условия стрельбы из лука усложнены — надо не просто с большого расстояния попасть в цель (кольцо/дуб/петёнышко), но и расколоть стрелу «о ножично острице»; у всех упомянутых

сказителей, кроме Савинова, обе половинки стрелы даже по весу одинаковы. (Эта деталь, но без взвешивания частей расколотой стрелы, есть также в текстах пудожанина Г. Якушева — № 430 наст. тома и В. Щеголенка из Кижей — Рыбн., № 75). Чтобы развеселить мнимого посла, князь Владимир вынужден выпустить из темницы Ставра, ибо он мастер играть «во гусли яровчаты». Настаивает на этом сама Василиса Никулична, лишь у Сорокина инициатива исходит от других участников пира. Князь неохотно выполняет желание гостя, справедливо полагая: «Выпустить Ставра — так не видать Ставра, а не выпустить Ставра — разгневить посла». Этой формулы нет у Савинова и Калинина, но она встречается в текстах ряда других сказителей с Пудоги (№ 429, 427, 439, 440 наст. тома, Конашков, Башкиров, Ремизов, О. Дмитриев) и из Кижей (Гильф., № 169), а также в одной из записей с далекой Печоры (СБ 2, № 178).

В былине А. Сорокина в ответ на вопросы князя Владимира об участии в очередном состязании Василиста Микулишна говорит: «Горит душа, мне-ка хочется» (ср. с более полной формулой колодозерского старика: «У тя есть ли охота, горит ли душа?» — № 420 наст. тома, ст. 111, 124 и др., а также в старине о Дюке его земляка Т. Романова — № 339 наст. тома, ст. 65). Как и в текстах ряда сказителей из Кижей и Повенца (Гильф., № 21, 140 и др.), Ставр с женой живут в Чернигове. Некоторые факультативные детали, возможно, связаны с индивидуальными новациями Сорокина. Оригинально описание пира у Василисты Микулишны — на нем собраны жены «купечески, ⟨...⟩ вельможески, ⟨...⟩ генеральския» (ст. 46—49). Переодевшись в мужское платье, героиня представляется послом «Земли Веденецкия» (перенесение из сорокинского варианта «Соловья Будимировича» — № 397 наст. тома, ст. 17, 330). У невесты нетрадиционное имя — Любава (а не Забава) Путятишна, то же в его былине о Соловье Будимировиче (ст. 139 и др.; ср. «Любовь Забависьна» в тексте еще одного пудожанина С. Башкирова — № 427 наст. тома). Ставер Годинович именуется старым, а его жена — молодой; однако эта семантическая оппозиция не влияет на ход событий. Многие фрагменты (а возможно, и вся былина) записаны под диктовку, о чем свидетельствуют нарушения ритма и прозаические обороты речи (ст. 131—133, 264—265, 323 и др.).

№ 422

Ставр Годинович

Рыбн., 1867, № 6.

Зап. П. Н. Рыбниковым: лето 1864 г. — от Анфима Савинова, крестьянина д. Ранина Гора Филимоновской вол. (прочие сведения не указаны).

Пояснения П. Н. Рыбникова: ст. 140 «Предполагается и тут наущение Запавы» (так П. Н. Рыбников указывает на возможный пропуск при исполнении былины. — *Сост.*); ст. 144 мошь вм. «можешь», «хошь» вм. «хочешь».

Целый ряд редко встречающихся мотивов и формул сближает данный текст с вариантами пудожан А. Сорокина, колодозерского старика и повенецких сказителей А Чукова и П. Калинина из д. Пудожской Горы (подробнее см. коммент. к № 421 наст. тома, А. Сорокин). В описании пира А. Савинов использовал еще одну оригинальную деталь, встречающуюся только у А. Чукова («инный хвастает шелковым портом (одеждой)). Развернутая формула хвастовства Ставра (ст. 21—38) не свойственна пудожской традиции, но обычна в лучших вариантах из Кижей и Повенца (Гильф., № 7, 140 и др.). Необычна сцена узнавания супругов: «грозен посол Васильюшко вздымал свои платья по самый пуп». Но сказитель допустил здесь смысловую неувязку — Василиса Микулична не может обнажиться таким способом, поскольку она переодета «в платья мужичия».

№ 423

Илья Муромец

РГО, р. I, л. 95—96 об. (л. 113—114 об.). Опубл.: Гильф., № 16, стб. 113—115. Полевая запись Гильфердинга: текст — карандашом; дописи и пунктуация — чернилами. Слева над текстом зачеркнут «ъ». На об. л. 114 вдоль правого поля помета Гильфердинга: «Аксинья Кузминична Фомина из Рима на Пуд[ожской] горе. В Риму, 22 июля». По текстом: «Запис[ана] там же 22 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 22 июля 1871 г., д. Рим (Римское) Пудожгорского погоста — от Аксиньи Кузьминичны Фоминой, «лет 30».

Пояснения А. Ф. Гильфердинга: ст. 12 к слову «Владимиры» справа подчеркнутая помета в скобках: так; ст. 16 к словам «на вылюдьё» (т. е. в чем выйти в люди), неверно понятым наборщиком в первом издании как «возлюдьё» — на полях помета: sic; ст. 25 к слову «крепь» ниже помета: sic; ст. 45 к слову «Микулаевной» на полях помета: sic; ст. 48 на полях: sic (по-видимому, собиратель хотел подчеркнуть иное звучание слова «русскии», чем обычно: «русьскии». — *Сост.*).

Примечания издателя: ст. 55 пелечки, т. е. груди; ст. 64 послы, т. е. посол.

Разночтения Гильф., № 16

Ст. 13 испр. из: *Го́ворит*; ст. 17 испр. из: *Золотой казны у мня есть по надобью*; ст. 29 испр. из: *Ай же ты молода жена*; ст. 44 испр. из: *Ай сватала си на его дочери*; ст. 50 испр. из: *Ай же родный мой татенка*; после ст. 60 зачеркнуто: *Он тугой лук нат...*; ст. 63 испр. из: *Ай выстрелить да калёну стрелу*; ст. 69 начинался: *Глупым*; ст. 77 испр. из: *Если она да ведь женщина*; ст. 90 *послы* подчеркнуто ы; ст. 106 *Владимиры* подчеркнуто ы; ст. 110 в дописи чернилами повторена формула из предыдущего ст. 109 *Послы скорыи да земли русскии*. Стих восстановлен по карандашному варианту, зафиксированному в момент записи.

№ 424

Ставёр

РГО, р. I, л. 107—109 об. (л. 125—127 об.). Опубл.: Гильф., 1873, № 21.

Аккуратная полевая запись Гильфердинга: карандашом, дописи и пунктуация — чернилами. Под текстом помета: «Запис[ано] там же, 22 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 22 июля 1871 г., д. Рим (Римское) Пудожгорского погоста — от Домны Дмитриевны Кононовой, 69 лет.

Пояснения А. Ф. Гильфердинга: ст. 2 к слову «задернул» ниже помета: sic; ст. 10 к слову «Чернигорода» справа на полях помета: sic, место соединения двух частей слова подчеркнуто.

Примечание издателя: ст. 112 обум, т. е. обоим.

Разночтения Гильф., № 125

Ст. 40 испр. из: *Ничим он не хвастает*; ст. 49 испр. из: *А богачества у меня не было*; ст. 51 начинался: *Так хвастать*; после ст. 56 зачеркнуто: *Эти речи*; ст. 61 испр. из: *Кладите*; ст. 129 испр. из: *Он полночи спал на зголовьице*; ст. 130 испр. из: *А полночи спал головой на постелюшке*; ст. 140 испр. из: *Чтобы стрелочкой в чистом поли*; ниже зачеркнута еще одна строка: *Пущу ее во чисто поле* (певица

плохо помнила текст и частично пересказывала его прозой. — *Сост.*); ст. 143 испр. из: *Он потребовал*; ст. 149 испр. из: *ты в колечко-то попадывал*; далее исполнительница начала: *Съехались в друг раз*, а затем вставила: *Он в эти речи не вчуется*; ст. 154 испр. из: *развернула груди*; ст. 158 испр. из: *Владимир-князь ему сказал-то.*

№ 425

Ставёр

РГО, р. I, л. 55—61 (л. 73—79). Опубл.: Гильф., 1873, № 7, стб. 67—74.

Полевая запись; текст — карандашом; номер, заглавие, дописи, пунктуация, место и время записи — чернилами. Вверху слева от заголовка помета наборщика. Под текстом: «Записано там же, 23 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 23 июля 1871 г., д. Рим (Римское) Пудожгорского погоста — от Петра Лукича Калинина, 43 лет.

Пояснения А. Ф. Гильфердинга: ст. 57 к имени Василисты Никуличны на полях карандашом помета: «Сестра жены Добрыни Н[икитича]». Под текстом чернилами это замечание раскрыто подробнее: «По объяснению Калинина, эта Василиса была сестра Настасьи Никуличны, жены Добрыниной»; ст. 73 к слову «фельдмаршалам» на полях справа помета: sic.

Примечания издателя: ст. 34 казна не держится, т. е. не издерживается, не переводится; ст. 42 бояр повыманит, т. е. обманет; ст. 106 пельки — груди; ст. 108 жуковинья — места под кольцами; ст. 122 дока́ Владимир в доме гладился, т. е. ладился, собирался.

Разночтения Гильф., № 7

Ст. 33, 35, 37, 39, 41 буквально повторяют ст. 31 и вписаны в ркп. чернилами; ст. 75—76 испр. из: *Набрала дружинушки сорок молодцёв, Сорок молодцев да сорок борцов*; ст. 77 испр. из: *Сорок человек да молодых стрельцов*; *человек да* зачеркнуто и выше вписано *молодых*; ст. 103—104 испр. из: *Что у тебя, Владимир, нуньчу на уме, Что теперечу на разуме*; ст. 107 *поговоры*; ст. 128 испр. из: *Что ты скоро*; ст. 267 испр. из: *Али матушка у нас да дома померла*; со ст. 289 отчество Ставра — *Гудимович* (это изменение не было внесено в первое и в последующие издания, не вносится и в настоящий том. — *Сост.*); ст. 313 вм. *посла* ошибочно: *Ставра* (описка или оговорка исполнителя. — *Сост.*).

№ 426

О Ставре Годиновиче

РГО, р. XXV, оп. 1, ед. хр. 33, л. 15.

Зап. Петром Певиным: начало 1890-х г., д. Рим (Римское) Пудожгорского погоста — от Петра Лукича Калинина, более 60 лет.

Былины были переданы в архив РГО в 1894 г. и сопровождены пояснениями собирателя: «Приведенные ниже старины — былины, записанные со слов крестьянина Олонецкой губернии Повенецкого уезда Римской волости деревни Пудожская Гора Петра Лукина (Калинина). Этот сказитель певал свои старины Гильфердингу. „Почти все старины, — говорил сказитель, — выпел генералу (так он постоянно величал Александра Федоровича), и он записал, только не мог тогда вспомнить слов старины о женитьбе князя Владимира и богатыря Дуная Ивановича на дочерях короля Ляховицкого; после уж я опять слышал

эту старину в Заонежьи и хорошенько запомнил". В этом виде, как Лукин запомнил и пропел мне старину про князя Владимира и богатыря Дуная Ивановича, она и записана мною. Вторая былина про Ставра Годиновича была записана, по словам Лукина, Гильфердингом, но я записал ее, между прочим, с целью проверить, если возможно, насколько тожественно может сказитель передавать одну и ту же былину через известный период времени (в последнее время Лукин, по его уверению, поет редко)».

Публикуется впервые.

№ 427

Ставер Годинович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 4, л. 182—185, полевая карандашная запись (неполные строки, пропуск отдельных стихов); ед. хр. 11, л. 295—302, полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (неполные строки). Опубл.: С.—Ч., № 43.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. М. Соколовым: 11—12 августа 1926 г., д. Авдеево на Купецком озере — от Степана Александровича Башкирова, 72 лет.

Пояснение составителей к ст. 56: гривну — гридню.

Разночтения ед. хр. 4, 11

Ст. 7 *а не ест, не пьет*, ни кушает (ед. хр. 11); ст. 8 *как* а белой (ед. хр. 11); ст. 9 а *приходит* (ед. хр. 4); ст. 12 *белой лебеди* (ед. хр. 4); ст. 26 *возьмите-ко* (ед. хр. 4); ст. 32 на этоём; после ст. 32: *Родной дядюшка* (ед. хр. 4); ст. 35, 39, 44, 76, 77 отсутствуют (ед. хр. 4); ст. 36 *ай* говорит (ед. хр. 4); ст. 40 подстригай-ко *ты* (ед. хр. 4); ст. 49 *ко тому столбу* повторяется два раза; ст. 54 *ведь* она (ед. хр. 4); перестановка стихов 63, 62 (ед. хр. 4); ст. 75 говорит-*то* тут; после ст. 75 *а великая тут* (ед. хр. 4); ст. 88 борьцов (ед. хр. 4); ст. 93 повторяется дважды (ед. хр. 4); после ст. 94 отсутствует ремарка (ед. хр. 4); ст. 95 не мог-то *тут* (ед. хр. 4); ст. 96 *ай ты* (ед. хр. 4); после ст. 102 *Как пусть-ко* (ед. хр. 4); ст. 110 *батюшка* (ед. хр. 4).

Исполнитель утверждал, что свой репертуар перенял у Н. Прохорова (С.—Ч., с. 223). Его былина «Добрыня и Алёша» действительно очень близка к варианту знаменитого земляка, но старина о Ставре от «Утицы» не записана. В тексте есть некоторые детали, подтверждающие правоту С. Башкирова. Героиня в нем именуется Настасьей Микулисьной; по свидетельству собирателей, такое же имя поначалу употребил другой преемник Н. Прохорова Г. Якушев, но затем «поправился и назвал: „Василиса"» (С.—Ч., с. 162). У самого «Утицы» в былине «Добрыня и Алёша» героиня названа Василистой Микуличной. Вполне возможно, что именно этому сказителю принадлежала инициатива замены имен персонажей в обеих старинах. Башкиров усвоил тексты с этими новациями (из «Добрыни и Алёши» он припомнил только описание поединка будущих крестовых братьев, в котором жена Добрыни еще не упоминается), а Якушев, знавший гораздо больше эпических певцов, внес в свой вариант коррективы. От Н. Прохорова былина о Ставре могла быть не записана, потому что, по словам П. Н. Рыбникова, этот сказитель пренебрежительно относился к некоторым новеллистическим сюжетам, называл их «бабьими старинами» и неохотно исполнял для записи — «Ивана Годиновича» «начал мне сказывать ⟨...⟩ после особенного упрашивания» (Рыбн., т. 1, с. LXXXII). Таким образом, текст Башкирова позволяет предположительно уточнить репертуар Н. Прохорова. В нем есть и другие сравнительно редкие детали, общие с вариантом Якушева: упоминание матушки богоданной, покойчика-комнатки, в котором героиня хочет уединиться со Ставром; формула «Выпустить Ставра — не видать Ставра». Сказитель хорошо помнил первую часть былины, но затем начал сби-

ваться с ритма, нередко переходил на откровенную прозу. Некоторые необычные подробности, возможно, связаны с его индивидуальными новациями. О постигшей Ставра беде Настасье сообщает ее дядя; она просит выпустить мужа из погребов, заявляя, что он является ее крестовым братом; традиционное имя княжеской племянницы Забава Путятична изменено на Любовь Забависьну. Обращение к коню: «Ешь-ко ты, конь, наедайсе-ко...» характерно для повенецко-толвуйской редакции сюжета «Чурила и Катерина» (Гильф., № 8 и др.). В тексте встречаются отдельные отступления от традиционного былинного лексикона («гривна новая» вместо «гридни», «покойчик», «паратная лестница», «церульницьки»).

№ 428

Ставр Годинович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, тетр. 1, л. 1—11, полевая карандашная запись Б. М. Соколова; ед. хр. 32, л. 3—13, полевая карандашная запись В. Г. Чичерова (полные строки); ед. хр. 34, тетр. 1, л. 1—11, полевая карандашная запись В. И. Яковлевой. Опубл.: С.—Ч., № 72.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 9 июля 1928 г., д. Семеново — от Павла Егоровича Миронова, 58 лет.

Примечания собирателей: «Научился от старушки Настасьи Романовны Мироновой (умерла лет десять тому назад в 70 лет). Много старин знала» (ед. хр. 25, л. 1); Старушка «знала про Илью, про Ставра, Добрыню Никитича. Сам знает еще „Илью и Калина". Учился дома, по соседству» (ед. хр. 34, л. 11).

«По указанию П. Е. Миронова, „Ставра" он перенял от односельчанина Василия Андреевича Карабавина. Записей от него ни П. Н. Рыбников, ни А. Ф. Гильфердинг не делали» (С.—Ч., с. 887).

Пояснения собирателей: ст. 80 в рукописи неразборчиво; ст. 122 сулко́вую — слоновую.

Разночтения ед. хр. 250

Ст. 6 *на пи*ᶜ*ру*; ст. 14 *жлатом*; ст. 31 [*Ставра*]; ст. 40 *темницу* подчеркнуто *у*; ст. 45 *разошелса* подчеркнуто *а*, [*да поцёстен*]; ст. 47 Буслаевицъ; ст. 58 Ставёр; ст. 61 волосушка; ст. 62 платьиця мужьськии; ст. 67 *да* некла́дана; ст. 74 *А* ёна; ст. 75 палиця; ст. 76 А бросала ⟨...⟩ под облака; ст. 79 черкаськое; ст. 81 потницьки; ст. 89 А ён *крыкнул-свиснул* ⟨...⟩, *а ли крыкнул голосом богатырским*; ст. 99 тулитсе; ст. 104 *во город*; ст. 106 княгинею; ст. 118 походоцка; ст. 135 *да* в парну баёнку; ст. 138 помытьсе; ст. 153 мо́лодец; ст. 165 повешена; ст. 168 жо ты; ст. 170 игры тибе наши; ст. 175 Ставёр *да* сын; ст. 176 достать *да* на; ст. 178 сказала *ли*; ст. 184 А я *лего́к*, *лего́к*, *да на*; ст. 186, 187 *путем*; ст. 189 А вси; ст. 191 Гординович; ст. 195 А *ты хоть*; ст. 201 Ена мерой; ст. 212 киевскому.

Исполнитель — односельчанин Ф. Конашкова, одного из лучших пудожских сказителей XX в. В его варианте некоторые важные мотивы и детали совпадают с конашковскими (см. № 429 наст. тома), что позволяет предполагать их возможную генетическую связь, бытование в районе с. Семеново особого извода сюжета. Только эти два певца употребили грубоватую, но выразительную и психологически мотивированную реплику жены Ставра, раздосадованной тем, что муж не внял ее предостережениям: «Говорила я Ставру́, да говорила дураку...». В уста героини вложена еще одна рифмованная формула, адресованная князю Владимиру: «А ведь нацего меня томити ли, а ведь надо пиры да заводити бы» (у Конашкова она более чеканна: «А наце молодца томить, надо пер заводить!» — № 429 наст. тома, ст. 214, 238). Пытаясь разоблачить мнимого посла, невеста заявляет, что «говорит-то ёна будто с просвистом» (у Конашкова — «с прозвиздом» — ст. 185 и др.). Чтобы после сна яма была под плечами, «Микулицьна» ут-

ром перестилает постель. Сходное решение она принимает в былине А. Сарафанова из Кижей (Гильф., № 109 — «поутру стряхнул свою постелю пуховую»). В других вариантах Василиса среди ночи ложится ногами на изголовье. У обоих сказителей-земляков формула хвастовства героя своей женой напоминает ультиматум вражеского посла (Миронов: «а самого князя може в полон взяте»; Конашков: «могла бы весь Кеёв-град а ведь сожгать-спалить, головнёй скатить» и т. д.); обычно Ставр подчеркивает ее ум и находчивость: «князей-бояр всех повыманит, самого князя Владимира с ума сведет». Формула «Я — легок, дак на печку скок» есть только у Миронова, но ее знал и Конашков — см. его вариант «Добрыни и Алёши» («А на ножку легок да на пецьку скокок» — СБ 16, № 98, ст. 204). Некоторые нестандартные детали повествования, видимо, включены в текст Мироновым. О заточении Ставра в темницу героине сообщает его крестовый брат Василий Буслаевич; племянница князя Владимира уводит осужденного героя в свои покои и кормит-поит его (перенесение из местной редакции сюжета «Илья Муромец, Самсон и Калин-царь»); то же в книжном по происхождению варианте А. Пашковой (№ 441 наст. тома). Сцена узнавания супругов по опущенному в чару с вином обручальному кольцу перенесена из былины «Добрыня и Алёша». В тексте встречаются отдельные лексические новации («осерчал»; «завалите чуркамы, вогулкамы»).

№ 429

Ставер Годинович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, тетр. 1, л. 51—65, полевая карандашная запись Б. М. Соколова (полные строки); ед. хр. 34, тетр. 1, л. 39—46, полевая карандашная запись В. И. Яковлевой (полные строки). Опубл.: С.—Ч., № 90.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 10 июля 1928 г., пос. Устье Шалы — от Федора Андреевича Конашкова, 68 лет.

Разночтения ед. хр. 25

Ст. 1 во городе ст. 2 у Владимера; ст. 5 А по полаты; ст. 7 Разныи он *риди*; ст. 15 *сильнии*; ст. 23 А молодая жона; ст. 25, 42 сын Годиновиць; ст. 27 доброй молодець; ст. 40 за *есва медвяныи*; ст. 41 *А ведь за напитоцьки ты медовыи*; ст. 44 большую; ст. 45 *Да* не садилсы на перед *да меньшую*; ст. 46 садилсе; ст. 48 *вси* пили; ст. 49 *ведь* вси оны; ст. 50 *А ведь богатырь*; ст. 57 *А подходил*; ст. 59 *удал* доброй; ст. 77 *князей, бояр*; ст. 79 эти слова-то *слова*; ст. 82 отсутствует; ст. 83 повели *Ставра* ⟨...⟩ *в* глубокии; ст. 84 *повели его в* крепости *во* крепкие; ст. 90 сама *собе*; ст. 91 уж я боялась; ст. 93 как *не* будет; ст. 96 будет мне; ст. 99 режьте-*ко*; ст. 103 *А* ены; ст. 104 *стал* ⟨...⟩ не жонат; после 104 в скобках: *Стал не жонат молодец*; ст. 106 *Одевал*; ст. 108 *дивяноста* пуд; ст. 111 *А полагал*; ст. 113 *церкаськое*; ст. 114 подёргивал; ст. 116 садилсё; ст. 118 *ловит* палицю; ст. 119 на *лету белыма* грудьми; ст. 122 *По* цисту ⟨...⟩ поежживат; ст. 124 *имат* белыма грудьми; ст. 126 Владимер *да* стольно; ст. 127 поядин*шшике*; ст. 128 в *цисто* поле супротивника; ст. 154 оны; ст. 156 у *ней*; ст. 157 *ведь* во цисто; ст. 159 отдать-*от*; ст. 163 в свои *ли*; ст. 166 *есва*; ст. 171 крест он *кладал мало*; ст. 172 поклоны *ли то* вел; ст. 179 *выданьи*; ст. 183 миня; ст. 193 под *жопою*; ст. 197 *ты посол ли*; ст. 198 к нам *за выданью*; ст. 202 ноцюй-*ко*; ст. 204 тибе; ст. 205 А вот-то *нашел*-то; ст. 208 *А молодець*; ст. 239 идет у *них день, иде* как в полу-то дни; ст. 240 в полуперу; ст. 244 сидит *ли новобрацьныи*; ст. 245 со кнегиной; ст. 252 за дубовымы; ст. 261 *исвы мои*; ст. 262 княгинушка; ст. 263 отвецял; ст. 265 *исвы*; ст. 266 *ведь напитоцьки*; ст. 270 гусельщичка; ст. 274 во *погрёбах глубокиих*; ст. 275 насажоны; ст. 276 *зыграть* гусёлышка; ст. 277 *знают* завесть припевоцёк; ст. 282 если *не* кого; ст. 289 молодцы.

В деталях повествования вариант близок к тексту П. Миронова, односельчанина Ф. Конашкова. Обилие и характер схождений наводят на мысль об их генетическом родстве (см. коммент. к № 428 наст. тома). Разночтения не носят принципиального характера, связаны с перенесениями из других эпических песен и, вероятнее всего, являются вторичными, индивидуальными новациями сказителей-земляков. Так, Конашков именовал племянницу князя Владимира Катериной силятницей (видимо, под влиянием словосочетания девка-телятница из местной редакции сюжета «Чурила и Катерина»), а также ввел в былину отсутствующее у других олонецких певцов свадебное предложение мнимого посла, адресованное самой невесте (ст. 175—180). Текст изобилует подробными описаниями, пространными монологами и диалогами (ст. 8—17, 65—78, 105—124 и др.), что не свойственно исполнительской манере Конашкова, обычно тяготевшего к лапидарному, предельно экономному стилю. Былина начинается описанием отъезда Ставра из дома, развернутым наказом жены мужу, благодаря чему оригинальная формула «Уж я баяла Ставру, говорила дураку» органичнее, чем у Миронова, вписывается в общую канву повествования. Если у других олонецких сказителей мнимый посол выдвигает одно требование, то в комментируемом тексте он предлагает князю Владимиру на выбор — либо выплатить позапущенные «дани-запуски», либо выставить «поядинщика-супротивника», либо выдать замуж племянницу.

№ 430

Василиса Микулична

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 9, л. 16—24, беловая запись; ед. хр. 19, л. 68 об.—73, полевая карандашная запись Ю. А. Самарина (середина стихов, затем другим карандашом дописаны им же полные строки); ед. хр. 12, тетр. 1, л. 76—80 об., полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (полные строки). Опубл.: С.—Ч., № 23, с подзаголовком «Ставер Годинович».

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 11 июля 1928 г., д. Семеново — от Григория Алексеевича Якушева, 65 лет.

Пояснения собирателей: ст. 34: «Якушев сначала спел „Настасьюшка", затем поправился и назвал: „Василиса"»; ст. 43 (sic!).

Разночтения ед. хр. 9, 12, 19

Ст. 1, 26, 42, 117, 146, 154, 163 ведь (ед. хр. 12); ст. 2 *завер⟨нул⟩ он ищо* (ед. хр. 12); ст. 3 наедаются (ед. хр. 12); ст. 4 напиваютси (ед. хр. 12); ст. 6 красное (ед. хр. 12); ст. 7 *как* ⟨...⟩ стал *да* (ед. хр. 12), стал *да* (ед. хр. 19); ст. 10 ёны ⟨...⟩ да пьянёхоньки (ед. хр. 12); ст. 13 роскалякались (ед. хр. 12, 19); ст. 15, 16, 17 *иный* (ед. хр. 12); ст. 16 богатырьскою (ед. хр. 12); ст. 18 *Е*диной фастает своей-*то* (ед. хр. 12), свой-*то* (ед. хр. 9, 19); ст. 19 ищо (ед. хр. 12); ст. 22 *да* не кушает (ед. хр. 9, 12, 19); ст. 31 безумный (ед. хр. 12); ст. 39 не слюбилоси (ед. хр. 12); ст. 41 сильным *видь* (ед. хр. 12), сильным *да* (ед. хр. 19); ст. 46 ведите *его* (ед. хр. 12); ст. 48 дубьяма-колодьямы (ед. хр. 12), дубьямы (ед. хр. 9, 19); ст. 57 Василистой (ед. хр. 12); ст. 60 той *да* (ед. хр. 12); ст. 68 садилась она (ед. хр. 12), садиласе ена (ед. хр. 19); ст. 71 подрежь волоса (ед. хр. 12); ст. 72 поеду я *туда да* к (ед. хр. 9, 12, 19); ст. 75 на край *на* (ед. хр. 12); ст. 77 ищо (ед. хр. 12); ст. 78 да с такой (ед. хр. 12); ст. 79 как есь-то я *то*перь (ед. хр. 12), есть-*то* (ед. хр. 19); ст. 83 отдашь-*то* ⟨...⟩ *да* замужесьво (ед. хр. 12); ст. 85 племянница-*то* (ед. хр. 12); ст. 86 *во* замужесьво (ед. хр. 12); ст. 87 частая (ед. хр. 12); ст. 88 у его *да* (ед. хр. 9, 12, 19); ст. 90 как *тут* ⟨...⟩ догадалосе (ед. хр. 12); ст. 93 на постели (ед. хр. 12), *проснуласе* пропущено (ед. хр. 12, 19); ст. 95 принаделасе (ед. хр. 12); ст. 101 жониться (ед. хр. 12); ст. 103 ба́йну (ед. хр. 12); ст. 104 видь (ед. хр. 12); ст. 106 *ты ведь* были поворотливы (ед. хр. 12); ст. 107 княженецкие (ед. хр. 12);

ст. 108 нет конечного *да* (ед. хр. 12); ст. 110 *напариласе* (ед. хр. 9, 12, 19); ст. 112 *дак* (ед. хр. 9, 19); ст. 113 дело *мое* (ед. хр. 19), *заезное* (ед. хр. 12); ст. 114 *надо* (ед. хр. 12); ст. 115 *оны еще* (ед. хр. 12); ст. 116 *как есть да* ⟨...⟩ *видь* (ед. хр. 12); ст. 119 *кольцо* (ед. хр. 12); ст. 121 кольцо-да злаченое (ед. хр. 12), кольце-*де* злаце́ное (ед. хр. 19); ст. 123 *ведь* ровныи (ед. хр. 12), ровные (ед. хр. 19); ст. 127 *отдать-то племенницю эту* (ед. хр. 9, 12, 19); ст. 132 удалый (ед. хр. 12); ст. 134 *да* на белый *двор* (ед. хр. 12), борьцямы (ед. хр. 19); ст. 135 на тот ли *ведь* (ед. хр. 12); ст. 136 молодцев (ед. хр. 12); ст. 141 Ильюшенька-*то* (ед. хр. 12); ст. 144 *тут* (ед. хр. 12); ст. 152 очень (ед. хр. 12); ст. 153 *Иванушку* в скобках (ед. хр. 12); ст. 154 выпустили *ведь с* (ед. хр. 12); ст. 155 да *со* погребов (ед. хр. 12); ст. 156 *да глубокиих* (ед. хр. 12); ст. 157 нацял-то *И*ванушка поигрывать (ед. хр. 12); ст. 158 разыгралисе (ед. хр. 12); ст. 160 очень (ед. хр. 12); ст. 161 стольно (ед. хр. 12); ст. 162 *што* ⟨...⟩ за умыльную (ед. хр. 12); ст. 165 *бесцетной* (ед. хр. 12); ст. 167 Миколична (ед. хр. 12); ст. 168 не надо *мни* ⟨...⟩ *ничего ведь* (ед. хр. 12); ст. 169 мне ⟨...⟩ с игриком-то (ед. хр. 12); ст. 170 с игроком ⟨...⟩ с вашим (ед. хр. 12), с игра́ком (ед. хр. 19); ст. 171 *в особый покой* (ед. хр. 12); ст. 176 видь не видал (ед. хр. 12); ст. 177 меня *да* (ед. хр. 12, 19), не знашь *ведь* (ед. хр. 12); ст. 178 с тобой *да* (ед. хр. 12, 19); ст. 179 было *да* (ед. хр. 12); ст. 180 сваечка-*то* была *да* (ед. хр. 12); ст. 183 *есь* ⟨...⟩ *Миколична* (ед. хр. 12); ст. 184 поехала тебя (ед. хр. 12); ст. 186 *взял*-то ю еще (ед. хр. 12); ст. 187 *к* князю (ед. хр. 12); ст. 188 похвасталсе (ед. хр. 12), *как* пустым (ед. хр. 19); ст. 189 *я да повывела* (ед. хр. 12), тебе-то (ед. хр. 19); ст. 190 *да* всих (ед. хр. 12); ст. 191 видь (ед. хр. 9, 12, 19); ст. 192 тебя (ед. хр. 12); ст. 193 *ни* пустым (ед. хр. 12).

В целом придерживаясь обычной для Прионежья сюжетной схемы, в деталях повествования сказитель порой допускал существенные отклонения от традиции. В роли одного из главных героев Ставра Годиновича заменил Иванушко Гудиновиць. Былина об этом богатыре от Г. Якушева не записана, но она входила в репертуар Н. Прохорова, одного из его учителей. Балладу о молодце и королевичне (С.—Ч., № 28) исполнитель назвал «Иван Годинович», хотя в тексте герой именуется просто удалым добрым молодцем. В состязаниях по стрельбе из лука участвует князь Владимир (такая же деталь есть в книжном по происхождению варианте А. Пашковой (№ 441 наст. тома)), а в борьбе — Илья Муромец. Хвастая своей женой, Иванушко Гудиновиць заявляет, что она «борцев да добрых молодцев ⟨...⟩ всих бы да повырыла» («рыть» в местном говоре — бросать, откидывать). Обычно богатырские качества героини обнаруживаются только во время испытаний. Василиса просит свекровь (богоданную маменьку) обрезать ей волосы по-мужски; в других вариантах она делает это сама или обращается за помощью к слугам, «цирульницкам» и даже «фершалам». Мать или свекровь упоминается в некоторых других пудожских текстах новой записи (№ 427, 431, 449 наст. тома, Башкиров, Дмитриев, Кережин). Между ст. 63 и 64 исполнитель (или собиратели) допустил небольшой пропуск — не сказано, что герой посажен в погреба. В стилистическом плане былина Якушева далека от эпических стандартов. Многие стихи и целые тирады оформлены неряшливо (ст. 90—98, 112—114, 155—156, 168—172, 183—184), в тексте немало лексических модернизмов и бытовых словосочетаний, неуместных в героическом эпосе («оцень он играть спициально был»; «раскалу́кались»; «всим князьям да не на нос пришлось»; «вырву ведь сына любимого»; «обрадел-то» и т. п.).

№ 431

Про Владимира красного солнышка

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 4, л. 1—10, полевая рукопись, карандаш; л. 1 об.—10 об., перебелены чернилами («Ставер»); ед. хр. 20, л. 28—33, полевая рукопись, карандаш («Калин-царь»); ед. хр. 10, л. 1—9, полевая рукопись, карандаш. Опубл.: С.—Ч., № 191, с подзаголовком «Ставер Годинович».

Зап. С. П. Бородиным, Ю. А. Самариным, В. И. Чичеровым: 24 июля 1928 г., д. Рагнозеро — от Осипа Ивановича Дмитриева, 65 лет.

Перед текстом былины рукой В. И. Чичерова написано: «Осип Иванович. Про Владимира красного солнышка». В ст. 2 полевой записи (ед. хр. 33) — Владимир, далее везде в полевой и перебеленной записях — Владимер. В полевой записи (ед. хр. 33) на месте ст. 19—20 — прочерк; в перебеленной рукописи два последних слова заключены в квадратные скобки; в ст. 44, 47, 53 в полевой и перебеленной записях некоторые слова заключены в квадратные скобки.

Разночтения ед. хр. 33

Ст. 3 Начиналси; ст. 8 Безумной; ст. 12 ни пьет, ни кушает; ст. 13 Ницем; ст. 14 Владимер стольнё-киевськой; ст. 21 есь; ст. 27 женка; ст. 44 ножници; ст. 59 любимой; ст. 64 к Микулицьне; ст. 100 по-женьски; ст. 124 цяря; ст. 134, 136, 138, 145 женьщина; 158 поломал(о)се; ст. 170 Запецалилсе; ст. 175 пришла вестка; ст. 186 до Ерусóлима; ст. 192 разгневать; ст. 195 сваечки; ст. 202 мусьское.

Компилятивный по характеру текст рагнозерского сказителя восходит к печатным источникам (см.: Новиков 2001, сюжет 38, № 4). Наиболее четко просматривается его зависимость от былины из сборника Кирши Данилова (КД, № 15). Настасья Микулична выдает себя за «племянницька-посыльника собаки царя Калина» — эта уникальная деталь позаимствована составителем «Книги былин» В. П. Авенариусом из уральского сборника с заменой имени царя Етмануйла Етмануйловича. К этому же первоисточнику восходит и ряд других эпизодов и формул: описание встречи и переговоров жены Ставра с послами князя Владимира, богатырская стрельба в дуб (а не в кольцо, как в других олонецких записях) «из дорожного луцёнышка нехорошего» и др. Есть в комментируемом тексте и элементы прионежской версии сюжета, свойственные записям из Повенецко-Толвуйского края и Кижей и редко встречающиеся или вообще отсутствующие в пудожских. На княжеском пиру мнимый «племянницек царя Калина запицялилсе да закруцинилсе», чувствуя, что дома приключилась беда; он требует найти умелого игрока-музыканта, способного развеселить его. В финале былины героиня переодевается в женское платье, настаивает на возвращении в Киев. В сцене узнавания супругов используется не только обычная для пудожской традиции пара метафорических образов «сваецька золоцёная—колецько серебряно», но и характерные для записей из западного и северного Прионежья иносказания — «перышко золоцёное—церниленка серебряна». Словарный состав былины Дмитриева в основном традиционен, лишь несколько слов не гармонируют с эпическим стилем: «капитал», «посыльницек россыльный», дуб развалился «на тло» (видимо, это означает «развалился полностью, весь, сколько было» — см.: Даль 4, с. 373).

№ 432

Ставер Годинович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 7, листы не пронумерованы, полевая рукопись; ед. хр. 20, л. 73 об.—74, полевая рукопись (карандаш). Опубл.: С.—Ч., № 173.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 26 июля 1928 г., д. Пелгостров на Водлозере — от Лукерии Макаровны Приемышевой (возраст не указан).

В ед. хр. 7 инициалы исполнительницы — Приемышева А. А.

Разночтения ед. хр. 20

Ст. 7 *Доц*; ст. 15 показаласи.

Сбивчивый пересказ основных эпизодов былины о Ставре. Содержание текста традиционно, но в нем нет ни эпических формул, ни имен собственных; сохранилось лишь несколько постоянных эпитетов. В одном из финальных эпизодов традиционный «гусельщик / загусельщик» заменен музыкантом, а гусли — балалайкой.

№ 433

Женитьба Добрыни

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 20, тетр. 1, л. 78 об.—81, полевая рукопись (начало строк); ед. хр. 25, тетр. 2, л. 406—409, полевая рукопись (вторая половина строк); ед. хр. 34, тетр. 2, л. 42 об., л. 104—106, полевая рукопись (неполные строки). Опубл.: С.—Ч., № 166, с подзаголовком «Ставер Годинович».

Зап. Ю. А. Самариным, Б. М. Соколовым, В. И. Яковлевой: 27 июля 1928 г., д. Коскосалма-Подгорье на Водлозере — от Аксиньи Андреевны Мариной, родом из д. Колгостров, 97 лет.

Примечания собирателей: «Былину слышала от своего свекра Тимофея Федотовича Зверева» (С.—Ч., с. 641); при записи пропущены слова в ст. 40.

Разночтения ед. хр. 20

Ст. 28 да *разведаем*.

В небольшом по объему тексте множество примет затухания эпической традиции. Имитируя подобие былинных стихов, исполнительница порой переходила на рубленую прозу (ст. 2, 8, 33—39, 83—84 и др.); теряя нить повествования, нарушала последовательность событий (ст. 14—17 и 41—54 должны находиться в начале произведения). Из-за этой путаницы не сразу становится ясно, что Добрыне отведена роль Ставра Годиновича. Василисту Микуличну заменила Настасья, весть о заточении ее мужа в погреба приносит Олёша. А. Марина часто выходила за рамки былинного лексикона или искажала типовые словосочетания («успехи молодецкие», а не «доспехи»; «покуда князь ⟨...⟩ копался»; «реци похабные»; «женщина нас и надула»). Но даже в этом дефектном варианте сохранились некоторые оригинальные детали. В финале былины Добрыня, заменивший Ставра, хочет тайком уехать домой, но жена настаивает на возвращении в Киев (ср. с текстами колодозерского старика — № 420 наст. тома, а также повенецких сказителей А. Чукова и П. Калинина). Демонстрируя свои агрессивные намерения, Настасья на подъезде к Киеву «выкинала стрелоцьку калёну» в поле. Это аналог подбрасывания и ловли палицы в типовой характеристике вражеского нахвальщика.

№ 434

Ставер Годинович

РО ИРЛИ, р. V, кол. 27, п. 2, ед. хр. 1, л. 10—12, перебеленная рукопись, чернила.

Зап. М. Б. Каминской, Н. Н. Тяпонкиной: 21 июля 1932 г., д. Римское Медвежьегорского р-на — от Афанасия Матвеевича Денисова, 60 лет.

А. М. Астахова не включила этот текст в свой сборник «Былины Севера», «так как никаких новых моментов по сравнению с другими заонежскими вариантами он не заключает, в то же время вариант несет явные черты разложения» (Аст. 2, с. 494). Большинство оригинальных мотивов и формул близко к старинам земляков сказителя: А. Фоминой (№ 423 наст. тома) — Ставр сетует, что нет в живых его родителей; П. Калинина (№ 425 наст. тома) и А. Чукова (Гильф., № 151) — Василиста Микулична разбивает шатры под Киевом; по условиям стрельбы из лука надо разбить кольцо на две части, «чтобы были концы весом ровны, мерой ровны»; в финале былины героиня требует привести на пир «музыканта хорошего». Значительная часть текста пересказана прозой. Приметами разложения эпического стиля можно считать эпитет «горенки злоокончатые», формулы «замуравили ево дубьем-колодьем», «навстречу катит». Не исключено, что эту эпическую песню, как и другую свою старину «Вольга и Микула» (см. СБ 16, № 16, коммент.), В. Денисов усвоил из книги — как и в «Вольге и Микуле» все отмеченные выше нестандартные элементы имеются в компилятивном тексте из «Книги былин» В. П. Авенариуса (Авенариус, с. 54).

Публикуется впервые.

№ 435

Ставр Годинович

ФА ИРЛИ, ФВ 4810.04.

Зап. М. Б. Каминской, Н. Н. Тяпонкиной: 12 июня 1932 г. — от Афанасия Матвеевича Денисова, жителя д. Римское Медвежьегорского р-на, 60 лет.

Запись осуществлена в д. Харлово Фоймогубского с/с Заонежского р-на, где сказитель, вероятно, гостил. Позднее (21 июля 1932 г.) в д. Римское собиратели повторно записали от А.М. Денисова зачин этой же былины (ФА ИРЛИ, ФВ 4818.01). Оказавшаяся дефектной фонограмма не поддается расшифровке.

Нотация Е. И. Якубовской. Нотация этого же фрагмента, выполненная В. В. Коргузаловым, опубл.: Былины : Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981. № 15а.

№ 436

Ставр Годинович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 1, ед. хр. 34, черновая рукопись, карандаш, частично правленный чернилами. Опубл.: Линевский, № 14, с подзаголовком «Про Ставра сына Годиновича и про Настасью Микуличну».

Зап. М. А. Ивановой: 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

Примечание собирателя: «Фонетические особенности речи в данной записи отмечены недостаточно тщательно» (Линевский, с. 136).

Текст былины опубликован с многочисленными разночтениями, отражающими авторскую правку А. М. Линевского.

«В репертуаре сказителей Прионежья эта былина занимает видное место. В группе пудожан, по записям 1860—1870-х гг., кроме Конашкова ее знали Андрей Сорокин, колодозерский старик и Анфим Савинов. Помимо полной сохранности сюжета варианты всех трех пудожан объединяет близость их к варианту Чукова. Значительно расширяют наши представления о характере пудожской традиции новые записи

(БПК, № 11, 36, 46, 58, 63, 65). Объединяя сибирскую и прионежскую традиции (см. Аст. 1, с. 638), они указывают на целый ряд новых источников распространения былины в районе Пудожья. А. М. Пашкова, односельчанка Конашкова, называет имена сказителей М. Васильева (из Кенозера) и М. Герасимова, от которых она слышала эту былину.

Отдельными деталями конашковский вариант перекликается с другими пудожскими текстами. Так, с пудожанином Сорокиным, как и с кижанином Сарафановым, Конашкова сближает деталь — упоминание этими сказителями палицы в качестве орудия переодетой Настасьи Микуличны (см. также БПК, с. 170). С текстом колодозерского старика связывает уникальное указание на кольчужные латы мнимого посла.

Но тем не менее вариант Конашкова отличается очень большим своеобразием. Несмотря на большой размер былины (330 строк — в репертуаре Конашкова это самая крупная былина, кроме сводной об «Илье Муромце и Соловье-разбойнике»), в композицию вошло лишь одно испытание — осмотр постели посла. Нет финального эпизода с шатром, и былина заканчивается признанием посла своим мужем Ставра Годиновича на самом княжеском пиру. Эта былина Конашкова сохраняет, как и весь его репертуар, тенденцию к максимальному реализму. ⟨...⟩

По своим художественным достоинствам вариант Конашкова — один из самых лучших номеров в его репертуаре. Здесь не чувствуется ни сухости, ни поспешности в развитии действия. Действие разворачивается постепенно, хотя приемы ретардации очень ограничены и не ослабляют внимания слушателей. В художественном отношении слабым местом является конец былины, который явно скомкан» (Линевский, с. 136—137).

При повторном исполнении текст не претерпел существенных изменений; варьируются отдельные строки, чуть полнее стали некоторые формулы, благодаря чему общий объем былины увеличился на 28 стихов. Сохранились нетрадиционные имена главной героини (Настасья Микулична) и племянницы князя Владимира (Катерина селятница). Через 9 лет Конашков опустил финальное переодевание посла Земли Греческой в женское платье, но добавил ответ невесты на его свадебное предложение (ст. 215—217). Данный вариант позволяет выявить возможную ошибку первых собирателей. Формула «Ронит, подкидыват палицю булатнюю под облако...» (ст. 118), видимо, должна выглядеть иначе: «Роет, подкидывает...», как в записи 1937 г. — «Рое палицу булатьню он под облако». Глагол «рыть» в местном говоре означает «бросать, откидывать».

№ 437

Про Ставра

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, ед. хр. 55, черновая рукопись, карандаш, частично правленный чернилами.

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 78 лет.

Третья запись этой былины от Ф. Конашкова по содержанию и композиции почти не отличается от двух предшествующих (№ 429, 436 наст. тома). По сравнению с последним вариантом, зафиксированным в том же 1937 г., опущено несколько строк (ст. 31, 47, 141, 299), ст. 131—132 объединены в одну строку, добавлена фраза «По записям места были позаняты» (на пиру у князя Владимира), которая имеется в первой по времени записи и в былине Конашкова «Добрыня и Алёша» (СБ 16, № 98). Иногда сказитель использовал другие, но тоже традиционные эпические стереотипы («русы волосушки ⟨...⟩ наглаживал» вместо «желтые свои кудерышки...»; «напитоцьки разные» вместо «питва медвяные» и т. п.). Некоторые дета-

ли, совпадающие с вариантом, опубликованным в сборнике «Онежские былины», позволяют предположительно выявить отдельные погрешности, допущенные собирательницей в другой записи 1937 г. (№ 436 наст. тома). Имя героини — Настасья Микулична; традиционное словосочетание «посол Земли Греческой» заменено на «посол древнегреческий». Неточно записаны также строки «Гость молодец да не дорогою...» и «Здравствуй-ка, Владимира племянница» — должно быть «Еде молодец да не дорожкой ведь» и «Здравствуй-ка, Владимир с племянница» («с племянницей»), как в комментируемом тексте. В свою очередь в данной записи, видимо, неточно зафиксирована фраза «Владимир-князь ⟨...⟩ писал (а не «читал...», как должно быть по смыслу) письмо да скоропивчето».

Публикуется впервые.

№ 438

Про Ставра Годинова

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 14, ед. хр. 4, л. 8—16, черновая рукопись, карандаш; многие слова или части слов обведены чернилами.

Зап. И. К. Торопцевым: 1938 г., д. Ранина Гора Каршевского с/с Пудожского р-на — от Федора Михайловича Ефимова, уроженца д. Ранина Гора Пудожского у., неграмотного, 73 лет.

Особенности записи текста былины: богатыр'с'коjу (богатырскую), кн'ас' (князь), ид'оте (идите), вит'ас' (витязь) и др.

Книжный по происхождению вариант (см.: Новиков 2001, сюжет 38, № 6). Многие эпизоды восходят к тексту из сборника Кирши Данилова (встреча Василисты Микуличны с посланными за ней киевскими богатырями, содержание их переговоров, описание лука и стрельбы в дуб). Ф. Ефимов использовал необычную формулу слова «чемодан» — «чоботан», которая явно связана с «чеботаном» из былины «Алёша Попович и Тугарин» в уральском сборнике (КД, № 20, ст. 152). Некоторые детали прототекста переосмыслены: князю Владимиру не жалко города Чернигова, как жалко кленового дуба; в тексте Кирши Данилова Василиса Микулишна говорит, что не жаль ей «сыра дуба крекновиста», а жаль улетевшей в поле калёной стрелы. Во второй части былины действие развивается по схеме прионежской версии сюжета (мнимого посла испытывают постелью и баней). Особенно заметно влияние старины повенецкого сказителя А. Чукова из д. Пудожская Гора: Василиса говорит князю Владимиру, что она слыхала, будто Ставр — первый музыкант в России. Ефимов включил в свой текст несколько пословиц и необычных деталей (на гуслях сначала играет Добрыня; освободив мужа, Василиса наказывает его плетью за неразумное хвастовство). Исполнитель нередко отступал от норм устного былинного лексикона, искажал отдельные эпитеты («кленовый дуб»; «документы»; уже упоминавшийся выше «чоботан»; «гусли-самоигральцы»; традиционные «черенья ножовые» превратились в «черепушки»). О нестабильности варианта этого сказителя свидетельствует тот факт, что при повторной записи он объединил «Ставра» с сюжетом «Добрыня и Настасья» (см. следующий текст).

Публикуется впервые.

№ 439

Про Ставра

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 37, черновая рукопись. Опубл.: БПК, № 36.

Зап. В. Р. Дмитриченко: август 1938 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Никиты Антоновича Ремизова, 61 года.

Пояснение собирателя: ст. 478 тоньцы — танцы.

По сведениям В. Р. Дмитриченко, «после исполнения былины о Ставре (август 1938 г.) Ремизов уточнил: „Поется после исполнения былины:

№ 1

Как у нас было во Россиюшки
На столах было полным-полно
Находилисе вины виноградные
Лежали папиросоцки забавные
Под столом стоит зеленая водоцка
Ну поет у старицка глодоцка.

Другая:

На столах быдто вымыто
Не стоят вина виноградные
Не лежат папиросоцки забавные
Не стоит под столом зелена водоцка
Не поет у старика больше глодоцка.

№ 3

Как было то у молодца животца
Как было у его дружков приятелей
Как его да на балы приглашали тут
Ну как не стало тут у молодца животца
Не стало у его дружков приятелей
Не стали на пиры приглашать его
Не стали на балы созывать его
Живи-ко, бедной, с нищима наравни
Води-ка, бедной, ты бревна на́горби".

Последнее обозначено как „песня", видимо, ее вспомнил Ремизов по ассоциации с пиром, и ее не пели после исполнения былин» (кол. 2, ед. хр. 38, л. 189 об.—190).

Разночтения БПК, № 36

Ст. 21 Как *отправился*; ст. 27 *да боялися*; ст. 42 *молодецкой*; ст. 43 *идте*-то; ст. 52 *Как бы мне*; ст. 54, 78, 319 стольно-киевс*кому*; ст. 65 на почестен пир; ст. 76, 80 *благословеньицо*; ст. 89 *была как у его*; ст. 105 *за столы за*; ст. 118 *ён нунь*; ст. 132, 175 *руськие*; ст. 137, 252, 451, 457 *Ханааньскою*; ст. 162 *латы-кольчуги*; ст. 180, 253, 261 *Ханааньскому*; ст. 232 тут *да* скурешенько; ст. 247 Как *все ль*; ст. 263 приворотников; ст. 271 *чьей матери*; ст. 274 *Хананьской*; ст. 281 *ту*; ст. 292 запасы; ст. 295 *топерь за*; ст. 296 *Ханааньской*; ст. 297 киевськ*ому*; ст. 298 того *ли царя да Ханааньского*; ст. 300 *Ханааньскую*; ст. 306 *Ханааньская*; ст. 309 *Со тых палат*; ст. 324 *Ханааньского*; ст. 325 *воздержит*; ст. 341, 366 стольне-киевс*кого*; ст. 359 *как* не гля; ст. 361 руськ*иих*; ст. 364 *гуляли ёны*; ст. 374 *иной-то*; ст. 418 *Ставра Негодинова*; ст. 434 отправлялась; ст. 435 *к тому ли царю*; ст. 457 Вернусь *ли*; ст. 509 перевернулас*е*; ст. 514 киевск*ой*; ст. 536 не узнат*ь* тут; ст. 594 *Говорил-то топерь*.

«В настоящем варианте традиционный сюжет развертывается только с середины былины (ст. 357), с момента хвастовства Ставра своей женой на пиру у князя Владимира. В остальной своей части былина со-

вершенно отличается от известных ранее вариантов. В данном случае сказалось стремление рассказать биографию богатыря начиная с детства, для чего используются различные эпизоды и мотивы былин. Это имеет несомненную связь с циклизацией былевых песен вокруг одного героя. Аналогичные моменты проявляются и в других былинах Ремизова (см. БПК, № 31, 34).

Сказитель сам указывает, что им внесено от себя в эту былину, и не отрицает, что он пытался сделать ее более занимательной. Это характерно для Ремизова (подробнее см. БПК, с. 32). Описание детства богатыря, дающее представление о его силе, встречается в былине о Василии Буслаевиче (см. в сказках: Андреев, № 650). Но поступки Ставра имеют обратное действие, так как, по замыслу Ремизова, отец Ставра — начальник милиции, а Ставр — его помощник, „стражник", и пользуется своей силой для наведения порядка. Расправа с „хулиганами" напоминает эпизод испытания борьбой жены Ставра в Киеве, ср. в данном варианте ст. 546—655. Формулу „В карман кладет" встречаем в былинах „Илья Муромец и Святогор" и „Женитьба Добрыни", прибытие посла за богатырем — в местной былине о Рахте Рагнозерском (см. БПК, № 41, 42).

Описание отъезда богатыря традиционно. На пиру, очевидно, с целью дать представление о силе богатыря весьма необычно рассказано, каков он сам, причем „у его волосы дыбом выстали". Данное описание, а также то, что отец Ставра „начальник милиции", очевидно, внесены самим Ремизовым „для понятности и забавы". Описание поездки Ставра в Землю Ханаанскую взято из былины о Василии Казимировиче. Этот эпизод, хотя в иной связи, встречается и в другой былине Ремизова „Добрыня и Алёша" (см. БПК, № 34). Иначе, чем в былине о Василии Казимировиче, истолковано отношение Добрыни к посольству. Ставр едет один, условия поездки те же, но инициатива взять „дань-пошлины" принадлежит князю Владимиру. Обычно за это берутся богатыри, а князь им поручает отвезти дань. Мотив единоборства богатырей довольно развернут, напоминает эпизод подбора Василием Буслаевичем дружины (ср. также былину «Добрыня и Дунай», см. Аст. 1, с. 568). Обещание побежденного Добрыни дать в жены родственницу — сказочный мотив, кроме того, весь этот эпизод напоминает соответствующий мотив в карело-финских рунах. Описанием свадьбы заканчивается оригинальный текст былины.

По представлению сказителя, как видно из замысла былины, указанная часть и должна явиться рассказом о Ставре, дальше следует рассказ уже о подвигах его жены. Но и в эту традиционную часть внесены своеобразные черты. В отличие от обычных вариантов сообщение о том, что Ставр посажен в погреба, приносит Добрыня, а не слуга или конь. Это вытекает из предыдущего повествования, так же как и указание, что „жених" приезжает из Земли Ханаанской, куда ездил Ставр. Не упоминается, что приехал „грозный" посол, как это имеет место во многих вариантах (см. БПК, № 11, 46, 63), хотя приезжий и угрожает „войной пойти". Выделение на первый план испытания баней и постелью при сравнительно сокращенном эпизоде испытания борьбой характерно для прионежских вариантов, подвергавшихся, как указывают исследователи (Вс. Миллер и др.), скоморошьей обработке» (БПК, с. 484—485).

По мнению современного исследователя, почти две трети текста — непомерно растянутая индивидуальная интродукция Н. Ремизова. Подробный рассказ о молодости Ставра, о его службе в московской милиции под началом родного отца и борьбе с пьяными хулиганами, о поездке за данью в Землю Ханаанскую и женитьбе на сроднице Добрыни Никитича Катерине Никуличне занимает 356 стихов; по содержанию и стилю они не связаны с традиционной эпической поэзией. В первой части былины сказитель использовал лишь несколько постоянных эпитетов и типовых формул; даже в описаниях седлания коня и сборов героя в поход, борцовских поединков с киевскими богатырями (ст. 85—89, 182—186, 197—231) преобладает вольная импровизация, далекая от фольклорных стандартов («притопнул ⟨...⟩ сильной ногой»; «ломали ёны, сами хрястали»; Добрыню «бросил-то на землю, будто палоцку» и т. п.). Во второй части былины также немало лексических новаций («сашка вострая»; «одубел тут Владимер стольно-киевской»; «со многима она схватку делала»; «пригласите ⟨...⟩ на ужину»; «пойдем ⟨...⟩ пошопчемси» и др.), нетрадиционных деталей и смысловых неувязок (Ставр живет не в Киеве, хотя служит князю Владимиру и играет

свадьбу в его дворце; весть о его заточении Катерине приносит Добрыня; жена героя выдает себя за богатыря из Земли Ханаанской и угрожает со своим войском захватить Киев; в первой части былины ханаанский царь безропотно платит дань князю Владимиру и просит защитить его от внешних врагов).

№ 440

Ставёр Гудинович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 1, ед. хр. 59, л. 215—221, рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 63. Близкий вар.: РО ИРЛИ, кол. 165, п. 22, ед. хр. 16 (зап. И. В. Ломакиной там же в том же году).

Зап. М. М. Михайловым: июль 1938 г., д. Рагнозеро Куганаволокского с/с Пудожского р-на — от Осипа Ивановича Дмитриева, 75 лет.

Пояснения собирателя: После ст. 60 (ст. 59 ркп.) вариант:

Стали ехать поскорешеньку,
Стали приправлять коней да по-хорошему,
Уехали от доброго молодца...

После ст. 63 (ст. 62 ркп.) вариант:

Подъехала под Киев-град,
Роздернула шатер белополотняный,
Оставила свои платьица цвéтные.
Они съехали во Киев-град и закрыли ворота крепкие,
Чтобы не заехал посланник собачьего царя Калина...

После ст. 89 (ст. 91 ркп.) следует:

Положили на тую перинку пуховую,
На тую кровать на тесовую...

К ст. 139 (141 ркп.) Туженко-лученко — тугой.

К ст. 162 (ст. 164 ркп.) вариант:

Наступает Литва поганая
На собаку царя Калина.

Разночтения БПК, № 63

Ст. 23 публикации объединяет ст. 23, 24 ркп.; ст. 67 ркп. в публикации отсутствует; ст. 183 публикации объединяет ст. 185, 186 ркп.; ст. 190 публикации объединяет ст. 193, 194 ркп.

«Данный вариант представляет вторую запись, наиболее полную, первая относится к январю того же года. Оба варианта довольно слабые. Сказитель забыл былину, в отдельных местах — пропуски, в данном тексте их меньше. В тех случаях, где первая запись оказывается полнее, мы даем соответствующие строки из первого варианта под текстом. Начало былины близко к варианту А. Савинова (Рыбн., № 171), но в дальнейший текст внесены существенные изменения. Возможно, что редакция изменена самим Дмитриевым, поскольку, как видно из повторной записи, он не придерживается твердого текста.

Вариант сохраняет особенности как прионежской, так и сибирской редакции: „молода жена" приезжает в качестве грозного посла и подвергается не только испытанию стрельбой из лука, борьбой, но и по-

стелью. Эта былина сохранила сюжет лучше, чем предыдущая, но ритм местами тоже не выдерживается» (БПК, с. 500).

При повторной записи О. Дмитриев близко к тексту повторил свой первоначальный вариант (№ 431 наст. тома). Немногочисленные расхождения касаются второстепенных деталей — отдельные строки опущены (ст. 25—32, 48—50, 54—57, 93 и др.), другие добавились (ст. 20—23, 51, 56—58, 161—162 и др.). Отсутствует имя родственницы князя Владимира «Настасья», она все время именуется только по отчеству — «Путятишной». Изменено описание вторжения героини в запертый Киев — она «кулаком богатырским» сбивает запоры на воротах (в первой записи — «где хлопнет — там пройдет»). Сказитель использовал еще несколько слов, не свойственных былинному лексикону («стрельбище», «засадница», «поступок нехорошенькой»).

№ 441

Про Ставра

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 12, ед. хр. 21, л. 389—483 (л. 35—119), черновая рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 11 (при подготовке к публикации многие слова были обведены чернилами).

Зап. Е. П. Родиной: август—сентябрь 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Анны Михайловны Пашковой, уроженки д. Ярчево Пудожского у., малограмотной, 73 лет.

Пояснения собирателей: ст. 174 матушка — свекровь; ст. 206 (ст. 205 ркп.) гим — им; ст. 271 (ст. 269 ркп.) с гима — с ними.

Разночтения БПК, № 11

При публикации былины нарушена нумерация строфики (ст. 30—365); ремарка после ст. 47 ркп. в публикации отсутствует; ст. 315 ркп. в публикации отсутствует; ст. 392 (ст. 393 ркп.) *Не могу да я вновь пытать*; ремарка после 473 ркп. в публикации отсутствует.

«Относительно источника былины сказительница сообщила следующее: „Эту былину узнала еще девушкой, коробейник кенозерский пел, звали его Михаилом Васильевым. Он лучше меня пел. Заказных слов не стеснялся. Слыхала еще от Матвея Герасимова, но тот тоже не все пел".

Эта былина-новелла отличается занимательностью фабулы. Основной район распространения — Прионежье; количество вариантов из других мест незначительно. Обзор вариантов см.: Аст. 1, с. 637. Публикуемый текст соединяет в себе сибирскую и прионежскую традиции (Аст. 1, с. 638). Жена Ставра (в данном варианте Катерина Ивановна, а не Василиса Микулична, как обычно) выступает одновременно в роли грозного посла, требующего уплаты дани-пошлины, и в качестве жениха племянницы князя. Испытание баней и постелью намеренно опущено Пашковой. Окончив сказывать былину, она заметила: „Помню, что испытывали посла постелей да баней, да тое нехорошо". Таким образом, под влиянием личного вкуса сказительницы былина почти утратила следы скоморошьей обработки, и основной особенностью варианта Пашковой, как прионежского, осталось лишь сатирическое изображение князя. Пашкова описывает его страх и растерянность перед грозным послом («Тут у солнышка Владимира резвы ноженьки да подкосилиси» и т. д.), его неловкость и беспомощность в соревновании с послом и даже уличает князя во лжи. По поводу слов Владимира: „У нас невеста справляется, не неволена, а по охотушке" она заметила: „Соврал". Кончается былина насмешкой жены Ставра над Владимиром. Текст отличается оригинальными чертами. Наиболее интересными из них являются следующие: все свойства Ставровой жены перечисляются уже заранее, при хвастовстве; Забава Путятишна фигурирует в обычной роли жены князя Владимира или

его племянницы из эпизода заточения Ильи Муромца в погреб. Вариант включает мотивы, общие с другими былинами Пашковой: мотив ворона-вещуна (см. былины о Потыке, об Алёше Поповиче), метание палицы под облака (см. былину о Святогоре) и др.

В обширной литературе об этой былине отмечено широкое распространение ее ведущего мотива — переодевания в мужское платье с целью помощи мужу или жениху; указаны аналогии в литературе других стран. Вс. Миллер (Очерки русской народной словесности. М., 1897. С. 263—282) считал былину о Ставре переработкой новгородской песни или предания о заточении Владимиром Мономахом новгородского сотского Ставра (XII в.), но это недостаточно обосновано» (БПК, с. 470).

Вариант А. Пашковой не включен в «Указатель зависимых от книги былинных текстов», но для этого есть все основания. Он компилятивен по составу, содержит редкие и даже уникальные элементы, восходящие к записям из разных регионов России. С былиной из сборника Кирши Данилова связаны некоторые сюжетообразующие мотивы. Переодевшись мужчиной, жена Ставра выдает себя за грозного посла того «царя собаки Калина», который почему-то царствует «в Земле Гречецкой» (ст. 234—235); она берет с собой дружину и оставляет ее под Киевом. Видимо, с уральским сборником генетически связан и эпизод игры в шахматы с князем Владимиром (ст. 377—388). Во всем Прионежье он встречается только в былинах кижских сказителей Домны и Антона Суриковых и в книжном по происхождению варианте П. Горшкова (Аст. 2, № 159). Другие детали восходят к текстам повенецких певцов А. Фоминой (Гильф., № 16 — Ставр сетует, что у него «нету да роду племени, ни отца-то нету да не матушки»), П. Калинина и А. Чукова (Гильф., № 7, 151 — формула «Оне весом, мерой и на взгляд равны»; в ст. 59—61 речь идет о расколотой стреле, а в ст. 425—431 — о перерезанном на две равные половинки кольце). Многие новации связаны с индивидуальным творчеством исполнительницы, заимствованиями из других эпических песен и даже из других фольклорных жанров. В ст. 88—94, 116—117, 244—247 использованы поэтические образы народной лирики, ст. 178—184 перенесены из былины «Добрыня и Алёша» (такой монолог встречается у Т. Рябинина из Кижей и его внука П. Рябинина-Андреева — Рыбн., № 8, ст. 220—221 и др.). Упоминание ручных птиц, подбрасывания копья под облако (ст. 197—198, 282—288) позаимствовано из архангельско-беломорской версии сюжета «Илья Муромец и Сокольник», а развернутая характеристика прежней службы Ставра князю Владимиру (ст. 34—36) — из местной редакции былины «Добрыня и Маринка». Еще один эпизод — Забава Путятична тайком от своего дяди кормит Ставра в заключении — навеян прионежскими модификациями былины «Илья Муромец, Самсон и Калин-царь» (княгиня Апраксия спасает Илью от голодной смерти). Видимо, перенесением из других былин является образ ворона-вестника, сообщающего жене героя о постигшей того участи; Пашкова неудачно дополнила этот мотив подробностями собственного сочинения: «Если правду говоришь, то вперед госте, а неправду говоришь, так срублю голову» (ст. 127—143). Необычна формула хвастовства Ставра своей женой — в ней «запрограммированы» все испытания, которым князь Владимир позднее подвергнет мнимого посла царя Калина (ст. 48—71). Как и в других старинах А. Пашковой, в комментируемом тексте множество слов и словосочетаний, не свойственных традиционному былинному лексикону («чудо-богатырь»; «оплошал»; «супруг»; «платить не в состоянии»; «не отрекаюся»; «фигура»; «платьице орестанское»; «он впросак попал» и др.). Умолчав о своем знакомстве с печатными изданиями былин, исполнительница указала весьма сомнительный источник своего текста — «коробейник кенозерский пел» (БПК, с. 470). На Кенозере за всю более чем столетнюю историю собирания фольклора этот сюжет не был зафиксирован.

№ 442

О Ставре Годиновиче

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 4, ед. хр. 15, л. 41—42, черновая рукопись, карандаш; многие слова или части слов обведены чернилами.

Зап. И. К. Торопцевым: 1938 г., д. Ранина Гора Каршевского с/с Пудожского р-на — от Владимира Игнатьевича Ефимова, уроженца д. Ранина Гора Пудожского у., малограмотного, 70 лет.

Особенности записи текста былины: пол'о (полё), кон'а (коня), буйнуjу (буйную), jорды, којей з'омли, умнаја, jево (его), Кијеф-грат (Киев-град), дит'а (дитя), појехала, улановјоф (улановьев), јелисей (Елисей), Илја (Илья) и др.

В тексте изложены начальные эпизоды былины (более характерные для сюжета «Добрыня Никитич и поляница»): женитьба Ставра на Настасье Микуличне, богатырке, способной в дальнейшем постоять за себя и за мужа.

Публикуется впервые.

№ 443

Добрыня Никитич

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 1, ед. хр. 62а, л. 241—249, черновая рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 46.

Зап. М. М. Михайловым: июль 1938 г., д. Тубозеро Рындозерского с/с — от Никифора Васильевича Кигачева, 42 лет.

Разночтения ПС № 46

После ст. 7 пропущена строка *Все на пиру наедалися*, присутствующая в ркп.; ст. 21 (ст. 22 ркп.) *молодцу хвастати*; ст. 39 (ст. 40 ркп.) *попал во глубок погреб*; ст. 48 (ст. 49 ркп.) *длинна-женские*; ст. 106 (ст. 107 ркп.) *тут* князева; ст. 115 (ст. 116 ркп.) *этого*; ст. 118 (ст. 119 ркп.) *в столб*; ст. 160 (ст. 161 ркп.) затюрёмщиков.

«„Слышал от Ивана Никулина в лесу, когда был пастухом; в книге нет", — рассказывает Кигачев. Свою былину сказитель озаглавил „Добрыня Никитич" (ср. Гильф, № 124), так как считает, что по своему содержанию она больше подходит к Добрыне. „Здесь она подходит лучше, чем к Ставру, потому что князь Владимир не знал его жену". Вместо Ставра и Василисты Микуличны в тексте Кигачева фигурируют Добрыня и Настасья Микулична, и начинается былина пиром, устроенным в честь Добрыни, спасшего от Змея „князеву племянницу". В остальном текст Кигачева представляет собою обычную былину о Ставре, причем так же, как и варианты Пашковой, Кокуновой и др. (БПК, № 11, 65), сохраняет черты и прионежской, и сибирской традиций. Жена Добрыни (Ставра) выдает себя за посла из Рязанского Царства и требует либо уплаты дани, либо руки Забавы Путятишны. Подобно большинству прионежских вариантов, былина Кигачева носит следы скоморошьей обработки (испытание постелью), но характерное для нее испытание баней в данном варианте отсутствует.

Следует отметить также свойственные прионежской группе вариантов социальные моменты (Аст. 1, с. 638): князь сам приказывает посадить Добрыню в погреб и посылает посла за Настасьей Микуличной; кончается былина характерной фразой: „Тут-то князь Владимир и сошел с ума"» (БПК, с. 493).

Вариант генетически связан с печатными источниками (см.: Новиков 2001, сюжет 38, № 7). Упоминание «лучёнка да поломанного», описания встречи и переговоров Василисы с послом князя Владимира, возвращения последнего с полпути в Киев восходят к тексту из сборника Кирши Данилова, а диалог о музыкантах, приведший к приглашению затюремщика на пир, — к старинам повенецких сказителей А. Чукова и П. Калинина. Видимо, книжными по происхождению являются и другие эпизоды, но определить их первоисточники не представляется возможным. На сей раз Кигачев не заучил былину наизусть, как делал это в отдельных случаях, а изложил ее своими словами. Заключенный в погреб герой сообщает об этом жене письмом; живут они в Царстве Рязанском, которому киевский князь платит дань. Все эти отклонения от традиции, вероятнее всего, являются домыслами самого исполнителя.

№ 444

Про Ставерса сына Годиновича

БПК, № 65. Рукопись в архиве не обнаружена.

Зап. О. Г. Большаковой: 1938 г., д. Колово Пудожского с/с Пудожского р-на — от Евдокии Алексеевны Кокуновой, неграмотной, 60 лет.

Обычный для местной традиции вариант, насыщенный развернутыми формулами. Хотя из четырех испытаний пола мнимого посла описано только два, оба эпизода изложены достаточно подробно. Как и в ряде других пудожских записей нового времени, в былине Е. Кокуновой изменены имена ряда персонажей (Ставерс сын Годинович; Авдотья Никулишна); весть о заточении Ставра в погреба приносит ворон. Исполнительница иногда выходила за рамки эпического лексикона, в основном это касается употребления постоянных эпитетов. Характер отклонений свидетельствует о восприятии былины на слух («питья миндальные» вместо «медвяные»; «черканское седёлышко» вместо «черкасское»; «посол ряховинский» вместо «ляховинский»).

№ 445

Про Ставра

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 34, л. 162 об.—164 об. (л. 231—234), перебеленная рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 58. Вар.: Черн., № 34.

Зап. В. Р. Дмитриченко: август 1938 г., д. Ижгора Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, уроженки д. Сарозеро Пудожского у., неграмотной, 54 лет.

Разночтения БПК, № 58

Ст. 22 под черкасское; ст. 29 по-*мужскому*; ст. 38 свататься; ст. 42 не *мужичок*; ст. 57 телег ордынских.

«Вариант очень схематичен, отрывочен. Это объясняется тем, что в момент записи сказительница, как уже указывалось выше, была очень занята и второпях пропустила ряд эпизодов. Вначале она дает довольно последовательное изложение, но уже со ст. 38 начинается нарочитая скомканность, пропуск ряда стихов. Так, совершенно не ясен исход испытания баней, не досказано, почему посол принят Путятичной за женщину, не рассказано, как он попадает в Киев, и т. п.

Интересно упоминание богатыря Подтыкова (очевидно, Потык), который кладет записку коню; обычно, когда весть приносит конь, записка положена или самим Ставром или просто „своим человеком"» (БПК, с. 498).

А. Фадеева конспективно изложила содержание основных эпизодов былины. Из большого количества эпических стереотипов, характерных для пудожских записей «Ставра», исполнительница использовала только краткое описание пира и хвастовства его участников и еще одну формулу (ст. 1—12, 15—17), а также несколько постоянных эпитетов. Остальные стихи и тирады — это неудачная имитация былинного стиля. Из четырех испытаний пола мнимого жениха осталось два, каждое из них описано всего в трех строках, причем исход испытания баней не ясен. Изменено отчество главного героя (Ставёр Дигодинович). В повествование включен его «желанный дядюшка храбрый богатырь сын Подтыков» (видимо, от «Михайла Потыка»). Он посылает жене Ставра записку, вложенную под конское седло; этот мотив нередко встречается в местных редакциях сюжета «Дюк Степанович», но в тексте Фадеевой (№ 361 наст. тома) его нет. Отправляясь в Киев, героиня почему-то берет с собой «гусёлка яровчаты», к которым впоследствии даже не прикасается.

№ 446

Про Ставра Годинова

Архив КФАН, кол. 5, ед. хр. 20, л. 245—255, черновая рукопись, карандаш.

Зап. И. В. Ломакиной: 1938 г., д. Рагнозеро Куганаволокского с/с Пудожского р-на — от Осипа Ивановича Дмитриева, 75 лет.

Третья по счету запись этой былины от О. Дмитриева по содержанию близка к двум предшествующим (№ 431, 440 наст. тома). Разночтения касаются в основном ее стилистического оформления. Многие строки сказитель добавил (ст. 17, 20—21, 27, 39—41, 121) или опустил (ст. 56—60, 80—82, 96—97 в предыдущем варианте). В других случаях он заменял в традиционных формулах отдельные слова («а богатырь хвастает своей силою» — «а могутный хвастает...»; «руби волосы...» — «стриги волосы...»; «они замертво лежат» — «одва оны и живы стоят» и т. п.). Мнимый «посыльник-рассыльник царя Калина» опечален тем, что «Литва поганая» «обступила собаку царя Калина» (было «...весь Чернигов-град»). Важнейшие разночтения с этим вариантом отмечены в сборнике «Былины Пудожского края» в подстрочных примечаниях.

Публикуется впервые.

№ 447

Про Кострюка

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 42, л. 225—233 (л. 7—15, 321—329), черновая рукопись, карандаш, правки.

Зап. В. Р. Дмитриченко: 1938 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Андрея Степановича Логинова, уроженца д. Мелентьево (по другим свидетельствам — д. Алексеево) Авдеевского с/с Пудожского у., 32 лет.

Традиционный сюжет осложнен вставками — заимствованиями из других эпических песен, появление которых в этой былине ничем не мотивировано. Действие перенесено из Киева в «город Галичу» (восходит к былине о Дюке Степановиче); в роли одного из главных персонажей Ставра заменил «Кострюк

Демлюк да сын Черкасенин» (из популярной на Пудоге исторической песни о Кострюке). В формуле хвастовства героя тесно переплелись детали из разных произведений — здесь упоминаются и победы в борцовских поединках («Кострюк»), и невероятное обжорство («Илья Муромец и Идолище Поганое»), и вкусные калачи родной матери («Дюк Степанович»). Эпизоды из «Ставра» изложены исполнителем в традиционном духе, но рассказ о встрече и переговорах героини с послами из Галичи, возможно, связан с былиной из сборника Кирши Данилова. Оригинальная иносказательная формула (прозрачный намек на то, что мнимый жених — женщина) использована в финальной сцене («Вот тебе, князь, да черно бело...»).

Публикуется впервые.

№ 448

Рассказ про старину-матушку, про Ставра Негодинова

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 13, ед. хр. 14, черновая рукопись, карандаш.

Зап. И. Н. Ремизовым: 1938 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Никиты Антоновича Ремизова, уроженца д. Алексеево Пудожского у., неграмотного, 61 года.

В конце записи примечание: «Бывшая старина. Диктовал Ремезов Н. А., а писал Ремезов Н. Конец».

По содержанию текст близок к другой записи этой былины, сделанной от Н. Ремизова профессиональной фольклористкой в том же 1938 г. (№ 439 наст. тома). Сказитель отказался от неудачных попыток последовательно выдерживать стихотворный строй — вариант представляет собой частично ритмизованный пересказ сюжета. Традиционные эпизоды занимают около одной трети общего объема произведения, все остальное — результат индивидуального творчества исполнителя. Но это не импровизация в чистом виде; в содержательном плане Н. Ремизов в основном повторил начальную часть своего первого варианта. Принципиальных изменений немного. Опущены эпизоды испытания мнимого жениха баней и борьбой, их место заняло нетрадиционное состязание в пляске. До минимума сокращен диалог «Катерины Никуличны» с послом князя Владимира, а пространное описание ее поездки в Киев (ст. 40—99 в БПК) сжато до нескольких предложений. В тексте добавились некоторые нетрадиционные детали. Не дождавшись отца, служившего «в Москвы в милиции начальником», Ставер сдает задержанных им пьяниц «скорой помощи»; князь Владимир «говорит, как рублем дарит»; героиня спрашивает у него: «Есть у тебя плясец Ставер Негодинович».

Публикуется впервые.

№ 449

Добрынюшка Микитич

КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 56, черновая рукопись, карандаш.

Зап. Г. Н. Париловой: 1940 г., д. Бураково Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Андреевича Кережина, неграмотного, 78 лет.

Примечание собирателя: «Иван Андреевич начал петь былину, но скоро устал и перешел на сказ. Я просила рассказывать стихом, но он не смог. „Стихом только петь могу". А петь ему было очень трудно».

Текст записан от 78-летнего сказителя, который к тому же страдал одышкой. Это помешало И. Кережину пропеть былину до конца, заключительные эпизоды он рассказал прозой. Как и во многих других

пудожских записях 30—40-х гг. XX в., изменены имена некоторых персонажей. Место Ставра Годиновича и Василисы Микуличны заняла другая былинная супружеская пара — Добрыня и Настасья. Несмотря на эти очевидные признаки разрушения традиции, сказителю удалось сохранить оригинальные элементы, ранее не фиксировавшиеся не только в Олонецком крае, но и на всем Русском Севере. Былина начинается кратким запевом о Волге-реке, в котором использованы некоторые детали скоморошьей концовки, характерной для местной редакции сюжета «Василий Игнатьевич и Батыга». Еще больший интерес представляет уникальное испытание пола хомутами и «пялами» (пяльцами) женскими. Об архаичности этого мотива и близких параллелях в песенном и сказочном фольклоре славян см. второй раздел статьи «Былинная традиция Пудожского края» (СБ 16, с. 98).

Публикуется впервые.

№ 450

Про Ставера сына Годиновича и про Настасью Микуличну

Архив КФАН, р. III, № 200.01.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет. Нотация А. Ю. Кастрова.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Поет Федор Андреевич Конашков. „Ставр". По Конашкову: „Про Ставе́ра сына Годиновича и про Настасью Микуличну"».

Публикуется впервые.

№ 451

Про Ставра сына Годиновича и про Настасью Микуличну

Архив КФАН, р. III/2, № 201.01.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова. Транспонировано на 1 тон ниже.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Исполняет Федор Андреевич Конашков. „Ставр". По Конашкову: „Про Ставра сына Годиновича и про Настасью Микуличну". Повторная запись».

Следующая повторная запись фрагмента былины (27 строк) была выполнена на целлулоидном диске Архива КФАН, р. III/2, № 202.01 с техническими дефектами (сбиты дорожки). Расшифровка данной фонограммы возможна лишь при условии существенной реконструкции музыкально-поэтического текста. В настоящем издании эта запись не учитывается.

Публикуется впервые.

№ 452

Про Ставра

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 17, ед. хр. 101, л. 26—27, черновая рукопись, чернила.

Зап. А. В. Белованової: 10 августа 1946 г., д. Ранина Гора Каршевского с/с Пудожского р-на — от Федора Михайловича Ефимова, уроженца д. Ранина Гора Пудожского у., неграмотного, 81 года.

Повторная запись «Ставра», как и необычная его контаминация с сюжетом «Добрыня и Настасья» наглядно свидетельствует о неустойчивости вариантов Ф. Ефимова. В данном тексте действие перенесено в Чернигов, хвастовство Ставра начинается с недовольства хлебцем, которым его угощают у князя Владимира (перенесение из былины о Дюке Степановиче). За Василисой Никуличной отправляются 12 киевских богатырей (в первой записи их было 40).

Публикуется впервые.

№ 453

Про Ставра Годиновича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 20, ед. хр. 75, л. 95—96, черновая рукопись, карандаш. Опубл.: Черн., № 34. Вар.: БПК, № 58.

Зап. А. В. Щемелевой (Беловановой): июль 1955 г., д. Ижгора Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, уроженки д. Сарозеро Пудожского у., неграмотной, 71 года.

«Вариант 1955 г. схематичнее, чем вариант (записанный. — *Г. Ч.*) Париловой—Соймоновым (БПК, № 58): выпали мотивы выспрашивания князем Владимиром имени-отчества жены Ставра, мотивы состязания жены Ставра с борцами и некоторые второстепенные мотивы. Еще большему варьированию подверглась словесная сторона былины. В примечаниях к записи 1938 г. скомканность текста объясняется занятостью сказительницы во время исполнения. Сведений об условиях сказывания былины в 1955 г. нет, поэтому можно предположить, что былина вообще была слабо усвоена А.Л. Фадеевой и со временем все больше забывалась» (Черн., с. 289).

При повторном исполнении былины А. Фадеева употребила традиционное отчество главного героя — Ставр Годинович, а не Дигодинович, как в первой по времени записи; она опустила некоторые детали повествования, дважды переходила на прозу.

№ 454

Ставер Годинович

Архив ФК МГУ, 1957, Сев. экспед., п. 1, тетр. 1, № 24, л. 4296—4297. Рукопись.

Зап. Ю. А. Новиковым, Ю. И. Смирновым: июль 1957 г., д. Рагнозеро — от Елены Ивановны Алексеевой, 74 лет.

Исполнительница с трудом припомнила содержание некоторых эпизодов из былины о Ставре, порой не останавливаясь перед явными домыслами. Настасья Митриёвична переодевается в мужицкие платья и сватается к «королёвне», чтобы отомстить за убийство своего мужа. Традиционные эпические формулы сохранились лишь в самом конце повествования.

Публикуется впервые.

№ 455

Ставёр

Архив ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п. 1, т. 8, № 22, л. 8523—8528, рукопись, карандаш.

Зап. С. Ожеговой: 17 июля 1960 г., пос. Новые Тамбицы Пудожского р-на — от Федоры Федоровны Барановой, 80 лет.

Сбивчивый, фрагментарный пересказ сюжета, видимо восходящий к печатным источникам, с которыми связаны почти все тексты Ф. Барановой (см.: Новиков 2001, сюжет 38, № 1). В финальной сцене, как и в вариантах повенецких сказителей А. Чукова и П. Калинина, муж хочет ехать домой, а жена настаивает на возвращении: «Нет, надо свадьбу доиграть». С былиной из сборника Кирши Данилова связано упоминание войска, которое героиня оставила за поляной. Необычное для этого сюжета испытание — перепрыгивание на конях через реку — позаимствовано из былины о Дюке Степановиче («еще и за волосы одного вытащила»). Личными новациями исполнительницы являются и другие отклонения от традиции (главный герой назван Вороженином, племянница князя Владимира — Путеей; состязаясь с киевскими богатырями в стрельбе, героиня двенадцать пуль всадила в мишень, а они — «кто куда»).

Публикуется впервые.

№ 456

Про Ставра Годинова

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 83, ед. хр. 58, л. 230—238, перебеленная рукопись, карандаш.

Зап. Т. И. Сенькиной: 1975 г., д. Авдеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Михаила Осиповича Дмитриева, уроженца д. Рагнозеро Пудожского у., грамотного, 69 лет.

Перед исполнением М. О. Дмитриев пояснил: «Ну, она не сказка, а вроде повести».

Комментируемый текст представляет собой пересказ былин отца сказителя, О. Дмитриева (№ 431, 440, 446 наст. тома). Прототексты в значительной степени зависимы от «Книги былин» В. П. Авенариуса. М. Дмитриев использовал нетрадиционную рифмованную формулу: «Он не ест, не пьет, челом не бьет», а также ряд разговорных конструкций, не свойственных языку фольклорных произведений («нет у меня таких средств»; «такой представительный человек»; «лучонко дорожный ⟨...⟩ по щербенке разлетелся»).

Публикуется впервые.

№ 457

Ставр Годинович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 98, ед. хр. 79, машинопись (расшифровка кассеты 2440, дор. 2).

Зап. Т. И. Сенькиной, Т. С. Курец: май 1976 г., д. Авдеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Михаила Осиповича Дмитриева, уроженца д. Рагнозеро Пудожского у., грамотного, 70 лет.

Повторная запись пересказа М. Дмитриева, сделанная в том же 1975 г., что и первая его фиксация (см. предыдущий текст). Исполнитель использовал ряд не свойственных былинному лексикону слов, отсутствующих в первом варианте («держава»; у Владимира «холодный пот прошел по всему телу»; Ставер играет «на тальяночке»). М. Дмитриев, как и в первоначальной записи, включил в повествование сказочную концовку: «И вот сказочка вся эта», добавив к ней еще одну сказочную формулу: «Далеко ли, близко, высоко ли, низко, скоро сказка сказывается, по успехам дело диетца».

Публикуется впервые.

№ 458

Ставер Годинович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 21, ед. хр. 136, л. 36—37 (л. 69), перебеленная рукопись, чернила.

Зап. Г. Григорьевой: 4 июля 1961 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ксении Егоровны Ремизовой, уроженки д. Алексеево Пудожского у., неграмотной, 76 лет.

Примечание Г. Григорьевой: «Рассказала, когда собиратель напомнил имя Ставра» (л. 36).

Публикуется впервые.

№ 459

Ставёр Годиновичь

ФА ИРЛИ, МФ 2712.37—2713.01.

Зап. А. Ю. Кастровым, А. Н. Мартыновой, А. В. Осиповым, А. Д. Троицкой: 29 января 1986 г., г. Петрозаводск — от Ольги Александровны Играковой, уроженки д. Старое Сигово Пудожской вол. Пудожского у., 79 лет.

Расшифровка А. Ю. Кастрова.

Пояснение исполнительницы: «Бабушка так нам рассказывала, как я сеця говорю. ⟨...⟩ Вси-й она сказкой говорила, не пела-й она, не пела» (ФА ИРЛИ, МФ 2712.37).

В пересказе О. Играковой переплетаются мотивы и формулы из былин «Ставр Годинович» и «Добрыня и Алёша». Нет эпизода хвастовства мужа своей женой, которое обычно провоцирует конфликт с князем Владимиром. Переодетая в мужское платье жена на пиру садится «на запечку», она именуется «скоморошиной легкой» — эти детали встречаются в ряде пудожских вариантов «Добрыни и Алёши». В тексте нет традиционных состязаний героини с киевлянами в борьбе и стрельбе из лука — эти эпизоды заменены бесконечными состязаниями в плясках. В пересказе использованы географические названия («Белорусь», «Ленинград») и другая не свойственная эпическому жанру лексика («водка»; «центр»; «пуховики»; «ямщик»; «тройка»; «упалили (уехали) домой»).

Публикуется впервые.

ИВАН ГОДИНОВИЧ (№ 460—466)

На Пудоге бытовала общая для всего Онего-Каргопольского края модификация этого сюжета. В большинстве записанных текстов устойчиво повторяются основные эпизоды и мотивы, имена собственные, поэтические формулы. Обычно главный герой — племянник князя Владимира; добывать невесту он отправляется в сопровождении целого войска (или слуги), которых посылает в Киев еще до встречи со своим соперником. Гибель «Кощея Трипетовича» от собственной стрелы в сущности ничем не мотивирована. Чернигов в большинстве вариантов — чужеземный город. В некоторых текстах он расположен за морем. Отец невесты враждебно относится к Ивану Годиновичу, из-за чего в ряде вариантов богатырь его убивает. В былинах, записанных от П. Логинова, его троюродного брата А. Логинова и Д. Лукина, содержатся нестандартные элементы, обнаруживающие сходство с текстами из Каргополья и Архангельско-Беломорского регионов.

№ 460

О Иване Годиновиче

РГБ, ф. 125, п. 28, л. 204 об., 207 об., беловая рукопись. Опубл.: Рыбн., 1861, № 33 «Иван Годинович».

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., д. Бураково Купецкой вол. — от Никифора Прохорова, крестьянина д. Бураково, около 1820 г. р.

Былина перебелена П. Н. Рыбниковым. Редакторская правка П. А. Бессонова ограничивается выделением в тексте красных строк и разбивкой на разделы.

Былина об Иване Годиновиче записана от Н. Прохорова дважды — П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом. Сказитель пренебрежительно назвал ее «бабьей стариной» и, судя по всему, исполнял редко и неохотно. Рыбникову он спел «Ивана Годиновича» «не иначе, как после особенного упрашиванья» (Рыбн., т. 1, с. 62—63). Видимо, этим объясняется тот факт, что повторная запись, близкая к первоначальной по содержанию, заметно отличается от нее по набору поэтических формул и подробностей повествования (см. коммент. к № 462 наст. тома). Основные эпизоды и мотивы в вариантах Н. Прохорова обычны для местной традиции, но некоторые детали оригинальны. Получив отказ отца невесты, богатырь не убивает его или его слуг, а устрашает — с такой силой втыкает «ножище во дубовый стол», что стол разлетается «во все стороны». Непомерное проявление гнева характерно для местных модификаций сюжета «Наезд литовцев» и, видимо, позаимствовано из этой былины. Желание Кощея убить ворона мотивируется тем, что вещая птица предрекает ему поражение в соперничестве за обладание Марьей Дмитриевичной. Перед стрельбой из лука Кощей сначала натягивает «тетивочку шелковую», а потом накладывает стрелу. Аналогичным образом богатыри поступают в других старинах Н. Прохорова (СБ 17, № 191 «Илья Муромец и Соловей-разбойник»; СБ 17, № 266 «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» и др.) и ряда других севернорусских сказителей. Видимо, эпические певцы описывают предварительную подготовку оружия к бою (для этого надо согнуть «тугий лук» и натянуть тетиву на его «рога»). В некоторых текстах подобная интерпретация действий очевидна (СБ 1, № 42 и др.).

№ 461

Иван Годинович

Рыбн., 1864, № 23.

Зап. неустановленным лицом: д. Пирзаковская Колодозерского у. — от Трофима Романова (прочие сведения не указаны). Получено П. Н. Рыбниковым в чужой записи.

При публикации в тексте нарушена нумерация со ст. 135.

Пояснения П. Н. Рыбникова: ст. 143 (ст. 138 ркп.) гуркают — воркуют; ст. 145 (ст. 140 ркп.) надзолу дают — досаждают; ст. 173 (ст. 168 ркп.) не с удробою — не робея.

В типовом по содержанию и композиции варианте былины встречаются оригинальные элементы, отсутствующие или весьма редкие в других пудожских записях. Иван Гудинович верхом на коне едет свататься в Чернигов, который расположен «за славным за синим морем» (ст. 24); отец невесты, «Дмитрий гость торговый», наотрез отказывает ему, издевательски советуя жениться на дворовой собаке (то же в нескольких кенозерских записях — Гильф., № 256, 293; С.—Ч., № 257). Соперник богатыря по-сказочному именуется «Кощеем Бессмертным»; перед поединком он уповает на «Божью помочь», явно не будучи

христианином. Сказитель использовал много выразительных поэтических формул, в том числе с диалектизмами: «У нас записи-то с ним пописаны, К записям у нас руки приложены...»; «станем со мной бой держать»; «И одолела Иванушка Гудиныча Женска сила да богатырская»; «...назолу дают»; «от своих рук Кощею и смерть пришла». Слово «сто» выполняет функции имени существительного, а не числительного («...силы четыре ста»). Финальные строки характерны для прионежских записей былин о неудачном сватовстве (подробнее об этом см.: ДиА, с. 421). Силой увозя невесту, Иван Годинович обращается с ней не самым учтивым образом: «Настасью Митриевну в тороки вязал». После ст. 34 очевидный пропуск: не сообщается о том, что князь Владимир дал герою четыреста воинов (в ст. 90 богатырь отсылает назад в Киев «силу княженецкую»).

№ 462

Иван Годинович

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 219—222 об. (л. 236—239 об.), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 51, стб. 255—259.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами раскрыты сокращения, проставлена пунктуация и отредактировано примечание, записанное карандашом первоначально в такой редакции: «Иван Фепонов говорит, что он певал эту же былину с тою только разницею, что И⟨ван⟩ Год⟨енович⟩ не взял...». Далее текст совпадает с отредактированным: «Прослушавший эту былину Иван Фепонов (см. ниже, XIII) заметил, что и сам ее певал в прежнее время, с тою только разницею, что Иван Годенович (так он произносил это имя) не взял предложенной ему Владимиром силы 40 тысячей и казны, а выпросил себе только в товарищи одного „Ефимка-па́ромка"». Под заголовком чернилами помета: «(См. Рыбник⟨ова⟩, т. I, № 33)». Справа внизу на обороте последнего листа данного текста черновая помета: «(θ). Иван Годинович. Марнаволок, 23 июля». Под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же, 27 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 27 июля 1871 г., д. Марнаволок Купецкой вол. — от Никифора Прохорова, крестьянина д. Бураково Купецкой вол., 51 года (около 1820 г. р.).

Повторная запись по содержанию близка к первоначальной (№ 460 наст. тома). Однако лексический состав многих формул отличается от состава, зафиксированного Рыбниковым. Некоторые эпические стереотипы заменены другими, тоже традиционными (ст. 30—32 в записи Рыбникова и ст. 33—36 в комментируемом тексте; ст. 78—79 и ст. 101—105; ст. 123 и ст. 163; ст. 163—165 и ст. 224). В текст былины введен монолог Ивана Годиновича, повествующего князю Владимиру о своем неудачном сватовстве (ст. 211—223). «Купец Митриищ»» живет за морем, он не демонстрирует негативного отношения к киевскому богатырю и даже сожалеет, что тот опоздал со сватовством к его дочери. Сказитель опустил ст. 15—16, 37—39, 61, 85—86 и ряд других, имеющихся в записи Рыбникова, но в то же время включил в былину немало дополнительных деталей (ст. 28—29, 54, 60—65, 72, 121—124, 130—131, 151—152, 156, 187—188 и др.).

№ 463

Иван Годинович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 11, л. 94—104, полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (неполные строки, в основном начальные слова стихов). В рукописи Э. Г. Бородиной отсутствуют строки: 4,

20, 23, 36, 37, 48, 50, 62—64, 70, 90, 98, 101, 102, 115, 123, 150, 154, 156, 162, 176, 182, 185, 187, 193, 198, 199, 203, 204, 210, 211, 225, 228, 230, 239, 240. Опубл.: С.—Ч., № 41.

Зап. Э. Г. Бородиной, С. П. Бородиным, Ю. М. Соколовым, Ю. А. Самариным: 10—11 августа 1926 г., д. Мелентьевская — от Павла Абросимовича Логинова, 87 лет.

Разночтения ед. хр. 11

Ст. 3 *заведен*; ст. 4, 5 *князья*; ст. 6, 7 имянитыи; ст. 7 *поляници*; ст. 11 *хвастат*; ст. 19, 24 *лебеди*; ст. 25 ницем *да* не; ст. 3 время, *говорит*, тиби; ст. 31 выбирай-*ко соби невесту*; ст. 32 а нету ⟨...⟩ соби; ст. 35 *тая* Настасья; ст. 57 *стали сéдлать*; ст. 58 *стали кладывать*; ст. 60 седёлышка черкальские; ст. 68 оны *да* на; ст. 74 на *вси да*; ст. 77 *бил им челом*; ст. 88 аль *купцы*; ст. 97 а *мы есь*; ст. 105 *што* же; ст. 109 мы, *говорит*, не; ст. 111 а есть, *говорит*, у меня; ст. 113 *цим* во цюжу́ землю; ст. 118 разгорелося; ст. 121 *откатил головку он*; ст. 124 посадили; ст. 126 *только и сватались*; ст. 127 *приехали оны*; ст. 130 *курит*; ст. 131 *ожидает с княгинюю*; ст. 139 *зацим*; ст. 144 *сел на добра коня*; ст. 147 по *яблоням*; ст. 149 второй *оны* раз *поразъехались*; ст. 151 *по кольцам*; ст. 153 третий раз *они*; ст. 158 *сшибил*; ст. 159 *того царя*; ст. 160 *садился*; ст. 163 Настасья *да*; ст. 166 *со* Иваном *тебе быть* портомойницей; ст. 167 а *со* мной; ст. 168 *взяла*; ст. 174 привяжем-*ко*; ст. 175 да *привяжем*; ст. 179 Ивана; ст. 190 заснул *же*; ст. 192 прилетают *же*; ст. 194 *оны*; ст. 196 *жить*; ст. 200 со *голубушкой*; ст. 201 Кощя́й *да сын*; ст. 202 *из Киева*; ст. 205 *ты на коня*; ст. 208 *стрелки*; ст. 212 не *полетела*; ст. 214 девиця *в шатри*; ст. 215 от одного *бережка я*; ст. 222 ничего *девице не ответилсе*; ст. 226 *а* сабля из руки; ст. 231 теперь, *говорит*, я; ст. 232 взял *ей язык*; ст. 235 не надо *мни*; после ст. 236: *и руки отсек*; ст. 237 эти мни; ст. 240 теперь, *говорит*, Настасья; после ст. 241:

Пойди хоть за царя за царевича,
Дунай, Дунай, да боле ницего не знай;

ст. 244 да боле; после ст. 244 ремарка (*Некоторые забыл, да не вспомнить*).

Вариант П. Логинова, а также былины его троюродного брата А. Логинова (№ 466 наст. тома) и каргопольского калики из Красной Ляги (Рыбн., № 195) составляют особую редакцию сюжета, насыщенную рядом оригинальных мотивов и формул. Отправляясь добывать невесту, Иван Годинович берет с собой «Ефимка, слугу-паромка» (калика из Красной Ляги), «Ефимку, слугу-парумку» (П. Логинов), «слугу Офимку-пазумку» (А. Логинов). Обычно же с ним едет «сила», в выгозерских записях — киевские богатыри (только в тексте Т. Рябинина, как и в некоторых других его старинах, героя сопровождает «паробок любимый»). Во всех полных вариантах былины, победив своего противника, Иван Годинович просит Настасью принести из шатра нож. У Логиновых и калики из Красной Ляги эта деталь отсутствует. Кощей Трапетович и Настасья привязывают богатыря к ракитовому кусту (у других сказителей — к дубу). Кощей стреляет в голубей по просьбе Настасьи, которая опасается, что они посланы из Киева и, если их отпустить, русские богатыри приедут на помощь Ивану Годиновичу. Героя нечаянно освобождает сама Настасья (сабля выпадает из ее задрожавших рук и разрубает «тетивочки шелковые», опутывавшие Ивана Годиновича). После обычной для этого сюжета жестокой расправы с коварной невестой богатырь с ядовитой иронией советует:

«На-тко, Настасья Дмитриевна,
Хоть замуж пойди, хоть вдовой живи,
А мне ты теперь не надобна!» (калика из Красной Ляги)

«Теперь, Настасья Митриевна,
Хошь за царя иди, хошь за князя,

Хошь за князя, хошь за боярина,
Хошь за боярина, хошь за богатыря!» (П. Логинов)

Аналогичный эпизод есть в старине И. Мяхнина из Поморья (Марк., № 253). Текст А. Логинова заканчивается освобождением героя, сцена расправы с Настасьей в нем опущена. Совпадение других деталей, не столь редких в этой былине, тождество сюжетной схемы, имен собственных позволяет утверждать, что все три варианта имеют общий источник. Логиновы, вероятнее всего, сказители-передатчики. Прочие их былины тесно связаны с эпической традицией Купецкого озера, да и в «Иване Годиновиче» немало характерных для этой традиции постоянных формул. Варианты Логиновых полнее и детализированнее текста бродячего каргопольского певца, а он перенимал эпические песни не только у себя на родине, но и в других районах бывшей Олонецкой губернии. В частности, в его «Добрыне и Алёше» переплетаются элементы кенозерской и кижской эпических традиций (Рыбн., № 193). Видимо, былину об Иване Годиновиче он усвоил на Купецком озере, где бывал довольно часто (по пути в Кижи либо на Шуньгскую ярмарку).

Однако в каргопольской записи отсутствуют некоторые нестандартные детали и словосочетания, имеющиеся в текстах обоих пудожских сказителей. Среди пирующих у князя Владимира упомянуты «гости приходящие»; Кощей пытается заставить плененного богатыря стать его слугой. Узнав о том, что Настасья просватана за Кощея, Иван Годинович произносит: «Чем во цюжу землю, так лучше отдать во свою землю». Он убивает отца Настасьи: махнул саблей — «откатилась головка, как пуговка». Последняя формула была известна и каргопольскому калике — ст. 120 в его былине «Добрыня и Алёша» (Рыбн., № 193). Есть основания полагать, что вариант П. Логинова, более подробный и развернутый, ближе к прототексту, нежели былина его родственника. В частности, подробнее описаны хвастовство гостей на пиру у князя Владимира (ст. 8—16 у П. Логинова и ст. 6—8 у А. Логинова) и поединок Ивана Годиновича с Кощеем (ст. 144—160 и ст. 90—95). В художественный арсенал сказителя входило немало традиционных эпических формул, но в некоторых фрагментах преобладают прозаизмы (ст. 29—30, 52—54, 109—110, 205 и др.).

№ 464

Сорок князей

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, л. 35—39, полевая карандашная запись Б. М. Соколова (полные строки); ед. хр. 32, тетр. 1, л. 33 об.—36 об., чистовой автограф; ед. хр. 32, л. 33—37, полевая карандашная запись; ед. хр. 34, тетр. 1, л. 34 об.—37 об. Опубл.: С.—Ч., № 65. Текст имеет подзаголовок: «Женитьба Ивана Годиновича».

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 9 июля 1928 г., д. Семеново — от Анны Антиповны Соловьевой (Соловьихи), 85 лет.

Былина подготовлена к публикации В. И. Чичеровым только по своей записи (ед. хр. 32) без учета одновременной записи Б. М. Соколовым и В. И. Яковлевой.

Разночтения ед. хр. 25 и 32

Ст. 3, 4 поцесный (ед. хр. 12); ст. 4 *поцесноем* (ед. хр. 25, 32); ст. 6 нужной ⟨...⟩ хфастат (ед. хр. 25); ст. 7 А умной-*то* (ед. хр. 25); ст. 9, 16 доброй молодець (ед. хр. 25); ст. 13 богацесьвом (ед. хр. 25); ст. 14 *И* ён ⟨...⟩ своёй (ед. хр. 25); ст. 18 Ницего (ед. хр. 25); ст. 25 *мне* не любо (ед. хр. 25); ст. 27 тибе (ед. хр. 25); ст. 28 *тибе да есь* (ед. хр. 25); ст. 32 купця (ед. хр. 25); ст. 34 ёго (ед. хр. 25); ст. 35 Микулицна (ед. хр. 32, п. з.); ст. 36 *Ёна* собой *да* (ед. хр. 25); ст. 40 ёна (ед. хр. 25); ст. 46 *удал да доброй*

(ед. хр. 25); ст. 48, 55—57, 63 *сибе* (ед. хр. 25); ст. 49 Молодцов бери *да* (ед. хр. 25); ст. 54 Выбирай-*ко-те* себе (ед. хр. 25); ст. 56 по плецю (ед. хр. 25); ст. 69 седёлышко (ед. хр. 25); ст. 70 церкальское (ед. хр. 25); ст. 71 у *их* золоцёные (ед. хр. 25); ст. 72 у *их* шолковыи (ед. хр. 25); ст. 75 *Еще видли конец сядлуци* (ед. хр. 32, п. э.); ст. 76 на коней (ед. хр. 25); ст. 79 *град* отсутствует (ед. хр. 25); ст. 80 купцу (ед. хр. 32, п. э.); ст. 84 *даите* (ед. хр. 25, 32), возьмём (ед. хр. 25); ст. 86 возьмём ⟨...⟩ увезём (ед. хр. 25); ст. 87 *А как* ⟨...⟩ *е*ны (ед. хр. 25), *по*пугались *они* (ед. хр. 32, п. э.); ст. 89 Микулицну (ед. хр. 32, п. э.).

В текст былины после ст. 81 внесен ст. из. ед. хр. 25.

В небольшом по объему варианте былины А. Соловьева использовала довольно редкую формулу: «Где любо — не дают (невесту. — *Ю. Н.*), а где не любо, хоть две да три бери!». Однако в целом ее текст заметно уступает другим пудожским записям «Ивана Годиновича» по художественному уровню. Сюжетная схема упрощена — испугавшись угроз богатыря, отец невесты отдает ему свою дочь. Отсутствует весь комплекс мотивов, связанных с соперничеством Ивана Годиновича и Кощея, который вообще ни разу не упомянут. Былинный князь Владимир заменен «грозным царем Иваном Васильевичем». Некоторые формулы далеки от традиционных фольклорных стереотипов и, скорее, имитируют стилистику народных эпических песен (ст. 35—44, 48—51, 56—58, 63—66, 73, 85—86).

№ 465

Иван Годинович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 4, л. 66—78, полевая рукопись (сведенная запись: начало строк вписано чернилами, конец — карандаш, обведенный чернилами); ед. хр. 10, л. 68—71, полевая рукопись (начало строки записано карандашом, конец — чернилами); ед. хр. 20, л. 52 об.—58 об., полевая рукопись, карандаш (неполные строки, в основном — начало). Опубл.: С.—Ч., № 200.

Зап. С. П. Бородиным, Ю. А. Самариным, В. И. Чичеровым: 24 июля 1928 г., д. Рагнозеро — от Дмитрия Ивановича Лукина, 73 лет.

По сведениям собирателей, былина была перенята сказителем от деда, Василия Лукича Лукина.

В полевой записи (ед. хр. 33, ед. хр. 10) в ст. 76, 88 — «Настасья Микулицьна»; в ст. 53, 97, 239, 246 отдельные слова заключены в квадратные скобки.

Разночтения ед. хр. 33

Ст. 8 А безумной ⟨...⟩ жёной; ст. 25 дядюшко; ст. 37 батюшко; ст. 41 Митриевиця; ст. 51 мни; ст. 60 *сиби*; ст. 93 *Ай а* отсутствует; ст. 97, 104, 131, 153 королевьский; ст. 143 тотаровей; ст. 178 тык; ст. 186 на симяна; ст. 199, 206 шелковую; ст. 203 женьская; ст. 204 с коня *выскоцить*; ст. 234 Этои.

Традиционный сюжет этой эпической песни осложнен вставными эпизодами, не имеющими аналогов в других ее вариантах. В ст. 109—174 описаны безуспешные попытки литовских богатырей вывести из-за стола и казнить Ивана Годиновича. Такой эпизод известен по былине «Никита Заолешанин» из Архангельского уезда (Кир. IV, с. 46) и контаминированным текстам пудожан А. Сорокина и А. Пантелеева (СБ 17, № 192, 198 «Илья Муромец и Соловей-разбойник» + «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром»). Непосредственное заимствование от А. Сорокина, проживавшего неподалеку от Рагнозера, родины Д. Лукина, маловероятно: на лексическом уровне соответствующие фрагменты былин этих сказителей заметно отличаются. Расправа с Настасьей происходит у воды, что А. М. Астахова обоснованно сочла

специфической чертой эпических традиций северо-восточных регионов Архангельского края (Аст. 1, с. 586). В былине Лукина этот эпизод развернут в трехчастную картину: богатырь велит изменившей ему женщине подать намеренно выроненную им плеть, затем — «шляпочку пуховую», и наконец, приказывает принести ключевой воды (ст. 194—241). Отец невесты Митрий Митриевиць оказывается литовским королем (ст. 11—12, 54, 74 и др.), что, возможно, объясняется косвенным влиянием сюжета «Дунай-сват». На желанную невесту указывает не сам Иван Годинович, как в других вариантах этой старины, а безымянный «добрый молодец» (ситуация, характерная для былины о Дунае). Сказитель пропустил весь комплекс мотивов, связанных с единоборством богатыря и его соперника, с изменой Настасьи. Видимо, этот пропуск случаен, так как, расправляясь с невестой, Иван Годинович упрекает ее в измене («руки ⟨...⟩ обнимали поганого татарина...» и т. д.). Д. Лукин продемонстрировал высокий уровень исполнительского мастерства, использовал оригинальные поэтические образы («...Прибил до единого татарина, Не оставил ён никакого голоса»; см. также ст. 112—121, 226—229, 255—260). Отдельные стихи, по всей вероятности, следствие неудачной импровизации (ст. 30—31, 42, 182—184). Словосочетания «лошадушка ступистая», «брусовая лавоцька» могут быть заимствованы из народных лирических песен.

№ 466

Про Ивана Гудёнога

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 40, л. 213—225 (л. 307—320), черновая рукопись, карандаш, правки. Опубл.: Черн., № 41.

Зап. В. Р. Дмитриченко: 1938 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Андрея Степановича Логинова, уроженца д. Мелентьево (по другим свидетельствам — д. Алексеево) Пудожского у., 32 лет.

Разночтения Черн., № 41

Ст. 26 полаты; ст. 28 ркп. в публикации разбит на две строки; ст. 30 (ст. 29 ркп.) заскакал; после ст. 101 в ркп. зачеркнут отрывок:

«Эй, Иванушко Годенович,
А прости меня».
А выходит тот Иванушко
А с грозой да без милости.
Закричал же он да второй же раз...

«Вариант А. С. Логинова близок к вариантам Т. Романова (Рыбн. № 145), Н. Прохорова (Рыбн., № 122; Гильф., № 51), от которого П. А. Логинов (С.—Ч., № 4) усвоил былины. Сравнение текстов П. А. Логинова и А. С. Логинова дает основание говорить либо об одном источнике былины, либо об усвоении былины об Иване Годиновиче одним сказителем от другого. Это подтверждается сходством весьма специфических для этих вариантов мотивов стрельбы Кощея в голубя с голубкой, освобождения Ивана Годинова (сабля сама разрезает путы). Отдельные детали, имена персонажей, например Ефимка-паромка, также доказывают генетическую близость вариантов обоих Логиновых. Вариант А. С., как и П. А. Логинова, — достаточно полный и завершенный» (Черн., с. 277).

ДАНИЛА БЕЛЫЙ (ИНДЕЯ БОГАТАЯ) (№ 467—470)

Можно предположить, что сюжет «Данила Белый» — попытка сложения локальной версии новой былины, действующие лица которой (царь Данила Белый и Ивашка Белая Епанча) зафиксированы в русской литературе, в повести о Еруслане Лазаревиче.

№ 467

Про Индею богатую

РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 479, л. 13—17, карандашная запись. Опубл.: С.—Ч., № 92.

Зап. внуком Ф. А. Конашкова Александром Петровичем Конашковым: осень 1928 г., место записи не указано — от Федора Андреевича Конашкова, 68 лет.

Разночтение ед. хр. 479

Ст. 26 проежжаго.

Текст представляет собой стихотворную обработку фрагмента сказки «Еруслан Лазаревич», через лубок получившей довольно широкое распространение в устной фольклорной традиции. От Ф. Конашкова эта былина записана 4 раза (см. № 468—470 наст. тома). Во всех четырех текстах действие перенесено в «Индею богатую». Такой топоним встречается в сюжетах «Волх Всеславьевич» и «Дюк Степанович», но в записанных от Конашкова вариантах этих былин его нет. Ключевой эпизод комментируемого произведения — поединок героя со стражем, охраняющим границы иноземного царства. Главного героя (Еруслана Лазаревича) заменил другой персонаж этой сказки — Данила Белый. В отличие от других вариантов сюжета поединок Данилы Белого с Ивашкой Сорочинским завершается в записи 1937 г. примирением, а в двух последующих (полных) записях — братанием соперников, оказавшихся достойными друг друга («у нас ⟨...⟩ силы на равни»). Благодаря удачному обрамлению (по просьбе своей дочери-невесты Данила отправляется «во Индею богатую» и там покупает ей приданое) повествование приобрело стройность и завершенность. В тексте 1937 г. рассказу о поездке богатыря предшествует описание пира у индейского царя, на котором «Ивашко» вызывается стоять на заставе (ст. 1—27). Имя этого персонажа варьируется: «Ивашка Сарачинскиих» (1928), «Ивашка, Белая Епанча, Сорочинская Шапка» (1937), «Ивашка Сорочинских» (1938), «Ивашка, Белая Парьчя, Шапка Сорочин(и)ская» (1940). По мнению ряда исследователей, художественные средства описания не выходят за рамки традиции: постоянные эпитеты, тавтологические обороты, повторы и т. п. широко применяются в былине. На фоне былинного повествования выделяется просьба Данилы к Ивашке: «Дай мне пропуск съездить в лавочки торговые». Можно указать еще несколько словосочетаний, чуждых фольклорной стилистике (ст. 6, 34, 69, 73—74, 95). Сказитель сообщил собирателям, что усвоил это произведение от Н. Прохорова. «Это единственный случай, когда Конашков отметил связь своего репертуара с иным источником» (Линевский, с. 201). Однако старина Конашкова кардинально отличается от соответствующего фрагмента в былине Г. Якушева (С.—Ч., № 31, ст. 290—329), указывавшего на Прохорова как на главного своего учителя. От самого Прохорова это произведение не записывалось.

№ 468

Данила Белый

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 2, тетр. 1, ед. хр. 4, черновая рукопись, карандаш, частично правленый чернилами. Опубл.: Линевский, № 20. Вар. зап. Е. П. Родиной в 1938 г. (см. № 469 наст. тома).

Зап. М. А. Ивановой: 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

Примечания А. М. Линевского: ст. 32 Данилы не прилюбилосе — оговорка сказителя, надо — Ивашке; ст. 33 И говорит Данила Белый — то же.

Разночтения Линевский, № 20

Ст. 1 *от*правляется; ст. 8 во богатой; ст. 12 перстеньки; ст. 15, 16 (вм. ст. 15—17 ркп.): *А доехал Данила Белый в Индею во богатую, А доезжает он до Индею богатую*; ст. 18 (ст. 19 ркп.) *оберегает*; ст. 21 (ст. 22 ркп.) *не проезжего*; ст. 22 (ст. 23—24 ркп.) *и*; ст. 23 (ст. 25—26 ркп.) *он Ивашке*; ст. 27 (ст. 29—30 ркп.) *И хлыстнул плеткой Ивашку Сорочинскую*; ст. 32 (ст. 36 ркп.) *Данилы*; ст. 33 (ст. 37 ркп.) *Данила Белый*; ст. 36—37 в ркп. отсутствуют; ст. 39 (ст. 42 ркп.) *Да вместо и*; ст. 41 (ст. 44 ркп.) вместо; ст. 42 (ст. 45 ркп.) коп*ьеми*; ст. 43 (ст. 46 ркп.) *А у обоих копьи да согнулись*; ст. 46 (ст. 49 ркп.) *Сядем-ко со мной да посоветуем*; ст. 50 ркп. в публикации отсутствует; ст. 47 (ст. 51 ркп.) *тут*; ст. 48 (вм. ст. 52—53 ркп.) *Тридцать лет стоял на страже*; ст. 54 (ст. 59 ркп.) *да*; ст. 58 (ст. 63 ркп.) посове*туй*; ст. 60 (ст. 65 ркп.) могучие; ст. 61 (ст. 67 ркп.) *Мне-ка таких, как ты*; ст. 65 (ст. 70 ркп.) Поезжай.

«Аналогий этому сюжету в Прионежье не найдено. Законно допустить, что перед нами попытка самостоятельного сложения на месте новой былины, действующие лица которой (царь Данила Белый и Ивашка Белая Епанча) зафиксированы в русской литературе в повести о Еруслане Лазаревиче. Фрагмент интересен тем, что Ф. А. Конашков сам заявил о заимствовании его от „Утки", т. е. Никифора Прохорова. Это единственный случай, когда Конашков отметил связь своего репертуара с иным сказителем» (Линевский, с. 201).

Повторная запись в основном аналогична первоначальной (№ 467 наст. тома). Сказитель опустил вводный эпизод, повествующий о пире у индейского царя (ст. 1—27).

№ 469

Про Данила Белого

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, ед. хр. 46, черновая рукопись, карандаш.

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 78 лет.

Примечание собирателя: «Завершающие слова, после того как Конашков пропел былину: „Эту [былину] неловко на мотив брать. Сказкой можно рассказать"».

Третья по счету запись былины, по содержанию и стилю близка к двум более ранним (№ 467, 468 наст. тома).

Публикуется впервые.

№ 470

Про Данилу Белого

Архив КФАН, р. III/2, № 204.01.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Исполняет Федор Андреевич Конашков. Отрывок варианта, названного Конашковым „Былина про Данилу Белого"».

Начало былины о Даниле Белом, близкое к более ранним по времени записям от Ф. Конашкова (№ 467—469 наст. тома).

Публикуется впервые.

ХОТЕН БЛУДОВИЧ (№ 471—474)

Былина о Хотене Блудовиче, довольно популярная в соседних регионах, на Пудоге дореволюционными собирателями не зафиксирована. Зато обе записи советского времени сделаны именно здесь; правда, вариант Н. Кигачева, вероятнее всего, восходит к печатным, а не к устным источникам. Второй текст записан от М. Мякишева. В молодые годы он был свидетелем приезда А. Ф. Гильфердинга (в Марнаволоке собиратель записывал старины от Н. Прохорова), но сказать о том, что он знает былины, по молодости лет Мякишев постеснялся (С.—Ч., с. 228). Как и другие тексты этого сказителя, «Хотен Блудович» выдержан в традиционном стиле. В деталях повествования он во многом сходен со старинами из Кижей и Пудожской Горы, заметно отличаясь от кенозерско-каргопольских вариантов.

№ 471

Хотен Блудович

РГО, р. I, л. 101—102 (л. 119—120). Опубл.: Гильф., 1873, № 19, стб. 119—121.

Аккуратная полевая запись; текст (без сокращений), номер, заглавие, место и дата записи — карандашом, чернилами проставлена пунктуация. Слева над текстом зачеркнуть «ъ». Под текстом помета Гильфердинга: «Запис⟨ано⟩ там же, 24 июля». На л. 102 об. помета: «Ъ. Хотен, 24 июля, д. Рим».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 24 июля 1871 г., д. Рим (Римское) Пудожгорского погоста — от Аксиньи Кузьминишны Фоминой, «30 лет».

Разночтения Гильф., № 19

Ст. 64 *Упаси*; к этому же стиху справа на полях помета: sic; над ст. 67 *За себя замуж* зачеркнуто; ст. 69 испр. из: *Как ты*.

Текст содержит все типичные для прионежской модификации сюжета мотивы и формулы, за исключением битвы богатыря с братьями «Чайной девицы Часовичны», о пленении которых кратко сообщается лишь в самом конце произведения. Угроза Хотена выдать девушку замуж «за служку за панютушку» сближает былину А. Фоминой с некоторыми другими записями с Пудожского берега (№ 472 наст. тома)

и из Кижей (Рыбн., № 45, 54). С первым вариантом совпадает даже неточное словоупотребление в одной из эпических формул («с молодым Котёнком перевидеться» вместо «переведаться»). Князь Владимир является братом «Часовой вдовы». Необычна развязка повествования: Хотен Блудович «покорил-то стольнего князя Владимира», а Чайну Часовичну выдал замуж за своего слугу. Формула: «Как же ты да напиваласи, Так же нуне да прохмеляйся-тко», вероятно, перенесена исполнительницей из ее старины о Ставре, где эта фраза выглядит органичнее (№ 423, ст. 34—35).

№ 472

Хотен Блудович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 11, л. 32—36, полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (начала стихов). Опубл.: С.—Ч., № 46.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. М. Соколовым, Ю. А. Самариным: 6—7 августа 1926 г., д. Марнаволок — от Максима Степановича Мякишева, 81 года.

Разночтения ед. хр. 11

Ст. 4 на кня́зев; ст. 7 А *у*; ст. 11 *да* Авдотья; ст. 32 а *сама*; ст. 173 тут-то *и*.

По композиции, набору поэтических формул и деталей текст примыкает записям из соседних районов Прионежья. Особенно близки к нему варианты Л. Богданова из Кижей (Рыбн., № 53) и А. Фоминой из д. Пудожская Гора (№ 471 наст. тома). С былиной повенецкой певицы совпадают формула: «А я захощю — за себя хващю, а нет — так за мила слу́жку Пани́тушку» (то же у Т. Рябинина и А. Сарафанова из Кижей), вызов Хотена братьям Цяйной Цясовицьни: «Пошли-тко их во цистоё во полё со мной, со Котёнком перевидеться!» (вм. «переведаться», т. е. сразиться). С былиной Богданова вариант М. Мякишева сближают оригинальный эпитет «Авдотья Часова́я вдова, а злая баба и зубатая»; наказ богатыря Панютушку/Панюточке следить за тем, как братья поедут по чистому полю: «А едут оны буде одным полко́м — то дума у них будет обцяя, а едут оны — тот наперед, другой наперед, а каждому надобно повыславиться — то дума у них нуньку разная» (ст. 115—119). Последнюю формулу (с незначительными лексическими вариациями) использовали также кижане Т. Рябинин, Т. Иевлев и А. Сарафанов. Схождения с записями из соседних районов отчасти объясняются тем, что деревня Марнаволок расположена на Пудожском берегу, в нескольких десятках километров от Пудожской Горы — родины Фоминой; через нее проходил «зимник», соединявший Восточное Прионежье с Кижами. Мякишев наверняка общался со сказителями из этих мест, в частности, собиратели отметили, что «Рябининых («Рябинкиных» по-местному) он помнит очень хорошо» (С.—Ч., с. 228). Исполнитель довольно подробно изложил содержание основных эпизодов былины, но финальные сцены у него скомканы. Не ясно, чем завершился конфликт героя с матерью потенциальной невесты.

№ 473

Горден Блудович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 10, ед. хр. 24, черновая рукопись, карандаш.

Зап. Н. В. Микишановым: 14 февраля 1939 г., с. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Васильевича Кигачева, 43 лет.

Примечание исполнителя: «Слышал от стариков. В „Народной поэзии" не было. У нас, видишь, ее боялись сказывать, там против князя есть».

По композиции первая по времени запись этой былины Н. Кигачева близка к повторной (№ 474 наст. тома), но по лексическому оформлению многих эпизодов заметно отличается от нее. Опущены ст. 16, 18—19, 22—23, 27, 39—43 и др., добавились ст. 1—5, 15, 89—92. Сказитель включил в повествование эпизод собственного сочинения — посланные князем Владимиром воины не могут поднять шалыгу Хотена Блудовича, а он «вертит ее в руках, как перышко». Требование героя засыпать золотом «костыль» (восходит к варианту Т. Иевлева из Кижей — Рыбн., № 72) заменено пожеланием засыпать золотом его слугу («паробка»). В тексте появилось еще одно схождение с былиной Иевлева — «Часовая жена» уговаривает князя Владимира назвать ее дочь своей племянницей. В процессе исполнения этой старины Кигачев часто сбивался на прозу, использовал бранные слова (ст. 25 и 62), а также разговорно-бытовую лексику, не свойственную языку эпических песен («сын распутный», «обругала меня бранью-руганью», «наблюдай за ихним ты выездом», «воины храбрые», «в придаток дай», «стекла светлые»).

Публикуется впервые.

№ 474

Горден Блудович

БПК, № 48. Установить точный шифр рукописи не удалось.

Зап. Н. В. Микишановым: февраль 1939 г. в д. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Васильевича Кигачева, 43 лет.

«„Эту былину я слышал малолетним от разных стариков, — вспоминает Кигачев, — сложил по примеру других былин: худые слова заменил хорошими". Былина относится к числу малопопулярных; основные районы распространения: Прионежье, Кенозеро, Моша; несколькими вариантами представлена на Мезени, Печоре, на Белом море (перечень вариантов см. Аст. 1, с. 669). В настоящее время былина о Хотене встречается редко. Помимо нашего варианта известны записи на Печоре в 1929 г. (см. Аст. 1, с. 533) и в Пудожском крае (экспедиция Гос. Акад. худ. наук, 1927 г.).

Былина Кигачева содержит характерные для онежских вариантов мотивы: Чайна Часовична сидит в хрустальном тереме, Горден ставит непременным условием женитьбы обсыпание золотом его „костыля" (Аст. 1, с. 640). Данный вариант восходит к редакции Терентия Иевлева (Рыбн., № 711), содержит те же основные эпизоды, но более прозаичен и лишен некоторых живописных деталей предполагаемого прототипа (сокращен зачин, рассказ Часовой вдовы о достоинствах дочери). Следует отметить также замену имени Хотена — Горденом (форма, известная по варианту КД, № 17) и своеобразную трактовку некоторых событий в тексте Кигачева. Так, напр⟨имер⟩, Иевлев коротко сообщает о пленении трех из девяти братьев Чайны; в нашем варианте полоненными оказываются шесть братьев, и Кигачев подробно рассказывает об их дальнейшей судьбе (ст. 135—150 и дальше). Отсюда более четкая, чем у Иевлева, мотивировка действий Часовой жены, которая просит князя помочь „сыновей из плену вывести". Интересной особенностью былины является ответ войска на предложение Гордена сдаться в плен: „Смертный бой держать нам ведь не́ по что, княженецкий род нам защищать не́ за что", а также полное иронии обращение парубка к князю Владимиру:

„Прими-ка ты, князь, подарочки
От молодца Гордена Блудовича,
Сорок тысяч войска полоненного".

Именно эти социально заостренные моменты имел в виду сказитель, заметивший как-то по поводу былины о Хотене: „У нас, видишь, ее боялись сказывать, там против князя есть". В былине отражены и представлены в колоритных реалистических зарисовках некоторые характерные черты древнего городского быта: ссоры на званых обедах, чванство родом и богатством, местничество. Относительно места и времени сложения былины существует несколько концепций, приписывающих ее то к Киеву (Бессонов), то к Москве (Халанский), то к Новгороду (Вс. Миллер)» (БПК, с. 493—494).

Текст не включен в указатель «Былина и книга», но вероятность его генетической связи с печатными источниками весьма высока. С вариантом другого пудожанина М. Мякишева совпадают лишь типовые для всего Прионежья элементы; оригинальные детали и формулы те же, что и в былине кижанина Т. Иевлева, внука знаменитого Ильи Елустафьева (Рыбн., № 71). Особенно близки к ней ст. 83—86, 90—98, 111—119, 208—211, 242—247, а также обещание героя «отсмеять» насмешку оскорбительницы его матери. Примечательно, что текст Н. Кигачева оказывается гораздо ближе к варианту Иевлева, нежели былина другого преемника И. Елустафьева, К. Романова (Рыбн., № 44), в которой есть только первая из указанных формул. Имя героя Горден, скорее всего, восходит к сборнику Кирши Данилова (КД, № 17); в других олонецких записях былины такая его форма не встречается. Некоторые описания и монологи по содержанию и оформлению настолько нетрадиционны, что их можно квалифицировать как личное сочинительство исполнителя (ст. 29—36, 138—145, 175—182). Сомнительны указания Кигачева на источники его варианта: «Эту былину я слышал малолетним от разных стариков, сложил по примеру других былин: худые слова заменил хорошими». Вряд ли соответствует действительности заявление сказителя о том, что старину о Хотене Блудовиче якобы «боялись сказывать, там против князя есть» (БПК, с. 494). Во-первых, Кигачев был слишком молод для подобных обобщений (он родился в 1886 г.). А во-вторых, наличие куда более резких антикняжеских инвектив нисколько не отразилось на бытовании таких сюжетов, как «Бунт Ильи Муромца против князя Владимира», «Сухман», «Данила Ловчанин» и др.

ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН (№ 475)

Былина об Иване Гостином сыне не пользовалась в Онего-Каргопольском крае особой популярностью, но единичные ее варианты записаны почти во всех регионах этого обширного ареала. В центре повествования — спор между князем Владимиром, который похваляется своими конями, и его гостем, который завершается вызовом на состязание. Условия состязания — доскакать из Киева до Чернигова между заутреней и обедней. В части текстов дело не доходит до скачек: «Бурушко косматый» калечит или распугивает лучших жеребцов князя Владимира и тот вынужден признать свое поражение. Единственный пудожский вариант не выходит за рамки местной традиции.

№ 475

Иван Гостиный сын

БПК, № 45. Рукопись в архиве не обнаружена.

Зап. Е. П. Родиной: февраль 1939 г., д. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Васильевича Кигачева, 43 лет.

«Былина известна в небольшом количестве вариантов, но встречается, однако, почти везде, где проводилась запись (см. Аст. 1, с. 588—589). В печорском и южных вариантах в отличие от всех остальных, включая настоящий, дано само состязание конями. На севере с именем того же героя связан сюжет о про-

даже матерью своего сына. Данный вариант является первой и пока единственной записью из Пудожского края. Исполнив былину, Кигачев сказал: „Слыхал от стариков, еще в книгах не видал, вот «Русский фольклор» (хрестоматия проф. Н. П. Андреева) — тоже нет". По началу текст ближе всего к былине В. Аксенова (Гильф, № 133). Как и в ней, действие развертывается с хвастовства князя, Иван Гостиный сын решается на состязание лишь после вызова князя. В других вариантах из Онежского края (Гильф., № 136; Рыбн., № 97) Иван первый хвастает конем. В варианте нет встречающегося обычно описания впечатления, произведенного „Бурушкой косматеньким" на бояр и князя (Гильф., № 133, ст. 95—105), но зато подробно рассказывается, как он разогнал княжеских коней. Отсутствует и диалог между Иваном и конем и связанный с этим эпизод выезда богатыря, когда конь рвет ему шубу, что как раз особенно тщательно разработано у Аксенова. Былина, однако, не короче по количеству стихов других вариантов из Онежского края. Это объясняется введением рассказа конюхов, благодаря чему следует повторение картины разгона коней. Рассказ этот необходим по ходу повествования. Приказ князя собрать коней трактуется как обман, что усиливает социальную сторону варианта. Закладом служит обещание обеих сторон уплатить три тысячи рублей; чаще Иван Гостиный сын закладывает свою „буйну голову".

Как отмечает А. М. Астахова, „пафос былины — в посрамлении князя" (Аст. 1, с. 588); это видно и из данного варианта, князь вынужден признать: „Не устоять мне, молодец, супротив тебя".

Генезис былины неясен. А. Н. Веселовский, рассматривая оба сюжета об Иване Гостином сыне и привлекая ряд других материалов, находил связь со старофранцузским романом об Ираклии (*Веселовский А. Н.* Южнорусские былины. СПб., 1884. Т. 4. С. 37—68). Возражая ему, Вс. Миллер в эпизоде состязания конями усматривал отголоски воспоминаний о Владимире Мономахе, увлекавшемся конскими скачками, а возникновение былины относил к Новгороду XV—XVI вв. (*Миллер Вс.* Очерки русской народной словесности. М., 1897. С. 232—262). Концепция Миллера в свое время подверглась критике; указывалось, что былина имеет черты не столь новгородские, сколь общеэпические, и относить ее к Новгороду нет оснований» (БПК, с. 492 — 493).

СУХМАН (№ 476—491)

Пудога — основной район бытования этого сравнительно редкого сюжета. В других регионах бывшей Олонецкой губернии он не обнаружен собирателями, лишь в былине «Дюк Степанович» кенозерского певца И. Лядкова-Кропачева Сухман сын Одихмантьевич назван в числе богатырей, стоящих на заставе под Киевом (Рыбн., № 184, ст. 54). За пределами Онего-Каргопольского края записаны единичные тексты, многие из них через книгу восходят к классическому варианту шальского лодочника (№ 476 наст. тома); по набору оригинальных деталей и формул они ближе к нему, нежели былины земляков пудожского сказителя (см.: Новиков 2001, сюжет 43, № 1, 2, 4—8). Однако в прошлом старина о Сухмане, видимо, была распространена гораздо шире. Об этом косвенно свидетельствует популярная повесть об этом герое (см.: *Малышев В. И.* Из истории русской повести XVII века. М.; Л., 1956), а также география записей устных по происхождению вариантов былины — от Карельского берега в Беломорье до Алтая. Сухан-богатырь сын Домантьевич упоминается и в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник» из сборника Кирши Данилова (КД, № 49, ст. 147). Все пудожские записи «Сухмана» принадлежат к одной редакции сюжета, но некоторые различия в композиции, словесном оформлении отдельных эпизодов, именах собственных позволяют выделить несколько ее модификаций. К первой относятся старины шальского лодочника, И. Фофанова (№ 476, 488 наст. тома), а также примыкающие к ним вторая по времени запись от Ф. Конашкова (№ 483 наст. тома) и книжные по происхождению варианты И. Мишкина и Н. Кигачева (№ 485, 486 наст. тома). Текст П. Антонова (№ 477 наст. тома) не только в деталях повествования, но и по структуре заметно отличается от старины шальского лодочника, однако наиболее существенное рас-

хождение (рассказ о стычке Ильи Муромца с Идолищем) не имеет отношения к традиционному сюжету и, скорее всего, является следствием импровизации Антонова. К этому изводу отчасти тяготеют былины Г. Якушева и М. Дорохиной (№ 480, 478 наст. тома). Третий тип обработки сюжета представлен единственным вариантом Ф. Конашкова (№ 479 наст. тома). Во всех трех пудожских модификациях «Сухмана» преобладают общие элементы, прослеживается процесс взаимной диффузии оригинальных деталей и подробностей. Объясняется это тем, что былина бытовала в небольшом ареале — в устье Шалы (низовья р. Водлы) и на Купецком озере. Между ними всего несколько десятков километров, многие сказители были знакомы друг с другом и наверняка не раз слышали эту старину в исполнении своих соседей. Так, от Г. Якушева с Купецкого озера большинство эпических песен записано в д. Семеново в низовьях Водлы, где он плотничал летом 1928 г. (С.—Ч., с. 69). А проживавший в этом селении Ф. Конашков в конце 30-х гг. XX в. кардинальным образом переработал свой первоначальный вариант «Сухмана», многое позаимствовав у И. Фофанова с Купецкого озера (см. коммент. к № 483 наст. тома).

№ 476

О Сухмантие Дихмантьевиче

РГБ, ф. 125, п. 28, л. 245—248 об. (конец тетради), беловая рукопись. Опубл.: Рыбн., 1861, № 6.

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., Шальский погост Пудожского у. — от крестьянина лодочника (прочие сведения не указаны).

Текст переписан набело собирателем.

Редактором произведена правка фонетики: в ст. 64, 74, 82, 88, 104, 118, 135 «Днепра-река» П. Н. Рыбниковым везде написана с непроизносимым «д». П. А. Бессоновым особенность произношения «д» отмечена в примечании к первому употреблению слова (ст. 64), и далее везде исправлено на «Непра».

Пояснения издателя: ст. 5 паленица, поленица, поляница — удалая голова, что рыскает по полю ради подвигов; ст. 26 рядобная — не по ряду; ст. 93 комель — корень; ст. 167 облочкана — расщеплена, оббита.

Вариант шальского лодочника по праву считается эталонным образцом этой былины. Именно он многократно перепечатывался в учебных хрестоматиях, антологиях, популярных изданиях русских эпических песен, лег в основу обработки Л.Н. Толстого, включенной в книги для чтения, дополнившие его знаменитую «Новую азбуку». Текст пудожского сказителя оказал решающее влияние на вторичное бытование сюжета — с ним генетически связаны все книжные по происхождению варианты «Сухмана». Певец из Шальского погоста, имя которого так и осталось неизвестным науке, безупречно владел классическим формульным стилем, умело использовал эпические повторы и клише, богатый набор постоянных эпитетов. Отдавая предпочтение архаичным словам и грамматическим формам («течи по-старому»; «али пьяница надсмеялся ти?»; «взимает» и т. п.), он дозированно включал в поэтический текст некоторые диалектизмы («днем мосты мостят, а ночью я повырою»; «на лозиночки дубиночка облочкана»). Все это придает былине шальского певца особый колорит; она воспринимается как «что-то стародавнее, забытое нашим поколением» (так П. Н. Рыбников охарактеризовал свои впечатления от первой услышанной им старины — Рыбн., т. 1, с. LXIX). В эпической песне, насчитывающей почти 200 стихов, исполнитель допустил лишь одну незначительную смысловую неточность. Отправляясь на охоту, Сухмантий «взимает» палицу воинскую, а татарское войско избивает вырванным с корнями дубом (обычно богатыри делают это, когда под рукой не оказывается боевого оружия). Необычна форма имени героя — Сухмантий Одихмантьевич. Такое отчество изредка встречается в прионежских записях «Ильи Муромца и Соловья-разбойника» (Т. Ря-

бинин из Кижей — Гильф., № 74; пудожанин А. Савинов — СБ 17, № 193), знал его и кенозерский сказитель И. Лядков-Кропачев (Рыбн., № 184 «Дюк Степанович»). А вот имя героя в других записях несколько иное — Сухман, Сохман, Сохмат, Долмант (от отчества Домантьевич). Но в двух случаях (ст. 29 и 162) шальский лодочник назвал богатыря Сухманом; так же именуется и река, которая протекла от его крови (ст. 196). Видимо, форма Сухмантий является индивидуальной новацией сказителя или его предшественника. Это имя, как и ряд оригинальных формул, служит достаточно надежным индикатором для выявления зависимых от комментируемого текста вариантов.

№ 477

Сухман

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 284—287 (л. 301—304 об.), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 63, стб. 334—338.

Полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом; чернилами раскрыты сокращения и проставлена пунктуация. Над текстом слева зачеркнуто число «34». Под текстом помета: «Запис⟨ано⟩ в Пудоже, 31 июля». На обороте последнего листа текста помета карандашом: «№ 34. Сухман. 31 июля, Пудож».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 31 июля 1871 г., Пудож — от Потапа Трофимовича Антонова (Потахина), крестьянина д. Гагарки (Гагарской) Шальского погоста Филимоновской вол. Пудожского у., около 70 лет (около 1801 г. р.).

Пояснения А. Ф. Гильфердинга: ст. 117—154: «При повторении были кряду, он это пропустил, видно, забыл настоящую роль двух оставшихся татар».

Разночтения Гильф., № 63

Текст прослушан дважды. Первый вариант начала:

Во славном городе во Киеви
При ласкове князе при Владимире...;

ст. 23 испр. из: *стольно*; ст. 24—25 испр. из: *Дай-ко мне времечки день с утра-ко мне*; ст. 34 испр. из: *По тыим по тихим по заводям*; ст. 41 испр. из: *А стоит-то ведь сила*; ст. 75, 88, 104, 105, 115, 195 вписаны между строк; ст. 100 *ведь-то* написано над зачеркнутым *как*; ст. 103—107 испр. из:

Сходил старой Илья Муромец,
Сходил туда как сын Иванович
Ко той ко силы поганыи,
Ко той ли ко силы все неверныи;

ст. 165 испр. из: *Кровью та дубина приомарана*; после ст. 179 зачеркнуто: *Выходил Сухман сын Д[олмантьевич] Со [тых погребов со глубокиих], Со [тых ли со тёмниц со темныих]. Которыи ведь были Сухману тут Две ра́ны даны незносный От тыих татаровей поганыих*; ст. 181 вписан между строк; ст. 183 испр. из: *Тебя жалует*; ст. 185 испр. из: *Города дават*; ст. 186 испр. из: *Присела дават*; ст. 191 вписан между строк; ст. 192 испр. из: *Не надо городов*; ст. 193 испр. из: *И присела не надо*; ст. 194 испр. из: *Не надо бы мне золотой казны*; ст. 195 вписан между строк. Соответственно записанное собирателем при первом прослушивании окончание былины после ст. 179 выглядело следующим образом:

Выходил Сухман сын Д[олманьевич]
Со [тых погребов со глубокиих],
Со [тых ли со тёмниц со темныих];
Которыи ведь были Сухману тут
Две раны даны незносный
От тыих татаровей поганыих.
Воспроговорят ему вси князи-бóяра:
«За твои услуги великии
Тебя жалует Владимир столен-киевской
Золотой казной тебя долюби.
Города дават с пригородкамы,
Присела дават со приселкамы».
Выходит Сухман сын Долматьевич
Со[тых погребов со глубокиих],
Со[тых ли со темниц со темныих],
Говорит Сухман таково слово:
«Не надо городов с пригородкамы,
И присела не надо с приселкамы,
Не надо бы мне золотой казны».
От тых от ран от великиих
Выдергал он листочики макóвыи:
«Протеки от ран от великиих,
Протеки Сухман-река ты кровавая!»

Многие подробности повествования и некоторые формулы («за вершинку брал — с комля сок бежал»; упоминание маковых листочков, сорокатысячного вражеского войска и др.) сближают вариант П. Антонова с былиной шальского лодочника из соседней деревни. Однако между ними немало существенных расхождений. Часть из них можно объяснить восприятием былин из разных, хотя и близких источников (форма имени героя — Сухман; описание дубиночки-вязиночки; отсутствие рассказа о противодействии Непры-реки татарам; открытое недоверие к словам Сухмана — у шальского лодочника оно в подтексте; поездка Ильи Муромца, а не Добрыни на поле боя). Другие разночтения вызваны частичным забвением этой старины Антоновым и его неудачной попыткой включить в нее на правах вставного эпизода рассказ о столкновении Ильи Муромца с татарами, заменившими Идолище поганое. Илья отправляется к месту событий пешком, а не едет, так как в сюжете «Илья и Идолище» он выдает себя за калику перехожую. В этом эпизоде место Идолища заняли два татарина, которые во время битвы с Сухманом «за кустья завалялися», а теперь «выскакивают со шатра полотнянаго», попадают ножом «во дверь дубовую» и т. п. Сказитель не упомянул о ранении главного героя, но, видимо, это случайный пропуск. В финале былины богатырь выдергивает из ран «листочки маковыи», от его крови протекает Сухман-река; к тому же в самом близком по композиции и стилю варианте Г. Якушева, внука П. Антонова, этот эпизод имеется (см. № 480 наст. тома).

№ 478

Сухмантий

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 3, л. 33 об.—34 об., чистовой автограф В. И. Чичерова (запись чернилами); ед. хр. 32, тетр. 1, л. 72—75, полевая полная карандашная запись В. И. Чичерова; ед. хр. 34, тетр. 1, л. 35 об.—37, полевая карандашная запись В. И. Яковлевой. В ед. хр. 32 заглавие: «Про Сухмантия Домантовича». Опубл.: С.—Ч., № 69.

Зап. Э. Г. Бородиной, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 10 июля 1928 г., д. Семеново — от Марии Васильевны Дорохиной, 69 лет.

Примечание собирателей: «Былину выучила от отца, „умершего в девятом десятке"» (ед. хр. 32, л. 66).

Разночтения ед. хр. 32

Ст. 3 напивалисе; ст. 4 ены; ст. 5 порасхвасталисе; ст. 13 живем; ст. 47 Долмантович; ст. 52 *весь-то*; после ст. 52 — *как не убил ни гуся, ни лебедя*; ст. 53 — *Ем ему-то*; ст. 57 в погребов холодное; ст. 62 кровывыи.

Текст примыкает к вариантам П. Антонова и Г. Якушева. Герой назван Сухманом Долмантовичем, нет диалога богатыря с Непрой-рекой; дважды упомянуто Индолище; описание дуба («дубина великого» — ст. 34—36) также близко к соответствующей формуле Антонова. Но в отличие от этих двух сказителей М. Дорохина сохранила типовое описание борьбы Непры-реки с татарами («Ёны́ днем-то ёны́ [мосты] повы́мостят, и на но́чь-то их она повыносет» — то же у шальского лодочника, Ф. Конашкова, И. Фофанова). Маковые листочки, которыми Сухман обычно «затупывает» полученные раны, заменены листочками лавровыми. Некоторые эпизоды изложены схематично, но в целом вариант Дорохиной выдержан в традиционном духе. Лишь ст. 60 получился у нее корявым и невыразительным.

№ 479

Сохман

РГАЛИ, ф. 1456. оп. 1, ед. хр. 25. тетр. 1. л. 198—202, полевая карандашная запись Б. М. Соколова (полные строки); ед. хр. 35, тетр. 2, л. 49 об.—55, полевая карандашная запись В. И. Яковлевой; ед. хр. 10, л. 14 об.—18 об., беловой автограф. Опубл.: С.—Ч., № 84.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 11 июля 1928 г., пос. Устье Шалы — от Федора Андреевича Конашкова, 68 лет.

Разночтения ед. хр. 35

Ст. 1 во славноём; ст. 4 поцёсной; ст. 6 *сильныи*; ст. 17 *целую* малу утушку; ст. 22 *ведь*; ст. 29 сомутилосе; ст. 30 отвецяла; ст. 31 *не старому*; ст. 34 мною; ст. 40 *А то и* я ведь; ст. 44 *деревцё дубовыи*; ст. 46 вси; ст. 47 *ведь* ты, которыи; ст. 50 тотара; ст. 54 лисьяма; ст. 56 [*без гуся*]; ст. 58 *ко Владимиру*; ст. 65 ко князю *ли* ко; ст. 66 поцёсной; ст. 68 *с* цисты; ст. 73 *текё*; ст. 74 Ай вода-*то* ⟨...⟩ смутилисе; ст. 82 *мосты* отсутствуют; ст. 83 с силушки-*то*; ст. 86 тут-*ко* богатыри; ст. 89, 91 привезь; ст. 95 по заслуги; ст. 97 надсмеялсё-*то*; после ст. 99 ремарка (*худая аль хорошая*?).

Текст принадлежит к той же редакции сюжета, что и вариант шальского лодочника; незначительные расхождения между ними, видимо, связаны с особенностями семейной традиции Конашковых. Необычно отчество героя — «Сохман сын Рёхматовичь» (то же у И. Фофанова). Богатырь сам, без нажима со стороны князя Владимира, вызывается съездить на охоту и изловить серую «малу утушку», его рассказ о столкновении с татарами проверяет Добрыня. Оригинальный мотив использован для гиперболизации силы Сохмана — «деревцё дубовые», которым он перебил вражеское войско, Добрыня не мог «от земе одрать»

(«отодрать, поднять» — см. повторную запись). Финал былины скомкан — пропущено запоздалое предложение награды, из-за чего не мотивированной оказывается адресованная князю Владимиру сентенция Сохмана: «А по приезду нас, молодцов, жалуют».

№ 480

Долман Долмантович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 12, тетр. 1, л. 85—87, полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (вторая половина стихов). Опубл.: С.—Ч., № 15 (текст имеет подзаголовок «Сухман»).

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 11 июля 1928 г., д. Семеново — от Григория Алексеевича Якушева, 65 лет.

В рукописи — Долмант Долмантьевич.

Сходство ряда деталей и формул свидетельствует о генетическом родстве варианта Г. Якушева с текстом его деда по матери П. Антонова (см. № 477 наст. тома). Финальный эпизод («сокрутившись» каликой перехожей, Илья Муромец посохом убивает уцелевших в битве татар) навеян стариной «Илья Муромец и Идолище», перенесения из которой еще более очевидны в былине Антонова. У деда и внука совпадает отчество главного героя; от него Якушев образовал и имя — Долман сын Долманович; у обоих сказителей раны богатырю наносят два (а не три, как у шальского лодочника) уцелевших татарина; отвечая на упреки князя Владимира, он заявляет: «Да ни того дела ли мне деяло, да ни до того дела ведь было мне» (у Антонова — «Не до того мне-ка нынь деялось!», у шальского лодочника — «Мне, мол, было не до лебедушки»). Некоторые отклонения от традиции, видимо, связаны с индивидуальными привнесениями сказителя. На княжеском пиру богатырь обещает убить гуся да лебедя (обычно — привезти лебедушку живьем в руках, как у Антонова и шальского лодочника); он вырвал «дуб да со кореньями, отбил-то сучья видь кулаком своим». Долман то ездит на коне (ст. 31, 60 и др.), то ходит пешком (ст. 35 «Идё в лес Долман на трое суточки»). Якушев описал ранение богатыря татарами, что позволяет считать отсутствие этого эпизода у Антонова случайным пропуском. Но в комментируемом тексте опущена драматичная, чрезвычайно важная в смысловом отношении сцена самоубийства богатыря — он просто скончался от ран еще до отъезда Ильи Муромца на место битвы с татарами. Финальная формула «Ильи-то видь славушка не минуется», вероятнее всего, усвоена от Н. Прохорова — еще одного учителя Якушева (см. № 522 наст. тома, «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим», ст. 60—61). Одна из формул, видимо, неточно записана собирателями — вырвав дуб, богатырь «за вершинку взял — в лесок бежал». У других пудожских сказителей: «за вершинку брал — с комля сок бежал». Трудно поверить, что севернорусский крестьянин мог не понять слово «комель», тем более что Якушев по зимам обычно «уходил работать на лесозаготовки» (С.—Ч., с. 69).

№ 481

Про Сохмана Рехмантьевича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, ед. хр. 7, черновая рукопись.

Зап. М. А. Ивановой: 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

Вариант близок к другим записям этой былины, сделанным от Ф. Конашкова. Лишь несколько незначительных расхождений отличают его от записи 1938 г. (№ 482 наст. тома). В тексте нет краткого

описания пира у князя Владимира, былина начинается с его поручения «Сохману» добыть гусей-лебедей для его стола. В первой по времени записи (№ 479 наст. тома) князь спрашивает гостей, кто из них согласился бы выполнить его поручение. Отсутствует перенесение из сюжета «Вольга и Микула» (ст. 34), более развернутым стал ответ Непры-реки на вопрос богатыря. Опущены ст. 67—69, добавились ст. 39—42, 47, 58.

Публикуется впервые.

№ 482

Про Сохмана Рехмантьевича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, ед. хр. 64, черновая рукопись.

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 78 лет.

Публикуется впервые.

№ 483

Сухман Рехмантьевич

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 3, тетр. 4, ед. хр. 64, черновая рукопись, карандаш. Опубл.: Линевский, № 8. Вар.: С.—Ч., № 84.

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 78 лет.

«Эта былина встречалась и в 60—70-х гг. прошлого века (XIX. — *Сост.*) крайне редко, Рыбников и Гильфердинг записали ее по одному разу в Пудожье. Новых записей 9, из них 3 — в сборнике „Былины Пудожского края" (№ 23, 68, 69).

Изучение текстов пудожских сказителей — Антонова, шальского лодочника, как справедливо указывает редактор 2-го издания „Песен" Рыбникова А. Е. Грузинский, выявляет один и тот же источник. Учителем деда Антонова был слепой калика Мина. Вариант шальского лодочника во многих местах почти дословно совпадает с конашковским текстом. Последний лишь почти вдвое короче текста шальского лодочника (109 строк и 198 строк). Вместе с тем по некоторым своеобразным деталям вариант Конашкова особенно близок к одному из лучших прионежских вариантов, записанному от Фофанова (БПК, № 23 — 240 строк). Оба текста отличаются от былин Антонова и шальского лодочника в следующем:

у Фофанова и Конашкова	у Антонова и шальского лодочника
Как в беломорских вариантах, Сухман выезжает по поручению князя, что значительно усиливает вину последнего в развязке событий.	Сухман выезжает, расхваставшись на пиру.
Раны Сухман получает в бою.	Раны получает после боя от трех татар.
Упоминание о других богатырях, кроме Добрыни, отсутствует.	Упоминаются, кроме Добрыни, другие богатыри.

Это заставляет предполагать, что тексты Фофанова и Конашковых восходят к другому источнику, чем варианты Антонова и шальского лодочника.

Былину о Сухмане Федор Андреевич помнил слабее всех прочих номеров своего репертуара. При проверке в конце 1939 г. оказалось, что сказитель забыл начало былины и попросил меня прочесть „по тетрадке". Пришлось прочитать строк десять начала, после чего Федор Андреевич стал петь былину» (Линевский, с. 192—193).

Спустя 10 лет после первой записи Ф. Конашков внес в свой текст существенные коррективы. Полнее и логичнее стала финальная сцена. Другие изменения, вероятнее всего, позаимствованы из былины И. Фофанова (№ 488 наст. тома), с которым шальский сказитель был хорошо знаком. Князь Владимир посылает Сохмана на Непру-реку, чтобы набить гусей-лебедей для княжеского стола (в первой записи богатырь сам вызвался привезти живых птиц, место охоты не конкретизировано). Непра-река советует герою вырвать из земли «дубиночку-вязиночку» (было — «деревцё дубовые») и «повыщелкать вражескую силушку» (то же у Фофанова в ст. 76—80); добавлена обычная для местной традиции формула: «За вершинку брал, да с комля сок бежал» (ср. ст. 84—85 у Фофанова). В обоих вариантах князь Владимир не верит богатырю: «Пустым ты ведь хвастаешь» и посылает Добрыню поглядеть «бахвальство Сохманово».

№ 484

Сухмат Одихматьевич

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 5, ед. хр. 16 (ИРЛИ, кол. 165, п. 22, № 17), черновая рукопись. Опубл.: БПК, № 69.

Зап. И. В. Ломакиной: февраль 1938 г., д. Мелентьево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Михаила Андреевича Павкова, 47 лет.

«Восходит к редакции варианта П. Т. Антонова (Гильф., № 63, см. также Рыбн., № 148), одного из трех известных сказителей, передавших свои былины Г. А. Якушеву. Павков, восстанавливая в памяти слышанную им когда-то от Якушева былину, внес некоторые изменения. Вместо эпизода заточения Сухмата, богатырь изгоняется князем, уезжает в поле и просит Илью Муромца и Добрыню съездить на место битвы с татарами. Ранение он получает во время боя; характерно, что вместо стрел Сухмату „две пули в грудь попали"» (БПК, с. 503).

В тексте переплетаются оригинальные детали и формулы, свойственные двум пудожским модификациям сюжета (шальский лодочник и П. Антонов). С былиной первого сказителя совпадают имя и отчество героя — Сухматий Одихматьевич; описание его охоты на двух тихих заводях (Антонов ограничился краткой констатацией того, что на заводях он не нашел птиц). Как и в варианте Антонова, богатырь просит у князя дать ему сутки для охоты — «дай же мне да времечка немножечко, день с утра и весь до вечера» (ср. ст. 24—25 в № 477 наст. тома); проверять его рассказ о поездке отправляется не только Добрыня, но и Илья Муромец. М. Павков был односельчанином Г. Якушева, внука Антонова; от него в молодости перенял ряд эпических песен (БПК, с. 503) и былинный напев («мотив» — БПК, с. 445). Это подтверждается наличием в его былине оригинальной детали, видимо включенной в старину Якушевым, — вырвав «дуб да со кореньямы», богатырь в том дубу «сучки да кулаком ломал». В комментируемом тексте немало примет затухания традиции. Павков переосмыслил некоторые типовые мотивы. Татары ранили Сухмана во время битвы, а не после нее, из засады; не поверив богатырю, князь Владимир изгоняет его из Киева, а потом посылает Илью и Добрыню искать его. Нередко сказитель выходил за рамки былинного лексикона («две пули в грудь попали»; «посланники чуть не изумилися»; «направлялись на поиски» и др.).

№ 485

О Сохмане

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 20 , ед. хр. 26, черновая рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 68.

Зап. И. К. Торопцевым: февраль 1938 г., д. Каршево (д. Великодворская) Каршевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Федоровича Мишкина, 65 лет.

Былина «О Сохмане» «не имеет близких вариантов среди опубликованных ранее и, вероятно, усвоена Мишкиным из устной традиции или заучена также по книге, но пересказана своеобразно. ⟨...⟩ В данном варианте ряд эпизодов, известных по большинству записей, выпущен, а некоторые только намечены: упоминаются поездка Сохмана на охоту, обращение к реке и тому подобное. В традиционную композицию внесены существенные изменения: хвастая на пиру, Сохман обещает не только привезти гусей-лебедей, но и побить силу татарскую; недоверие к его подвигу высказывает весь Киев. Заканчивается былина отъездом богатыря, его гибель может только подразумеваться (обычно Сухман гибнет от ран, см. БПК, № 23)» (БПК, с. 502).

Составители сборника «Былины Пудожского края» Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонов полагали, что былина «усвоена Мишкиным из устной традиции или заучена также по книге, но пересказана своеобразно» (БПК, с. 502). Вторая версия представляется более достоверной. Все другие эпические тексты сказителя восходят к печатным источникам (см., например, коммент. к № 517 наст. тома, «Василий Буслаев и новгородцы»). В его «Сухмане» немало буквальных совпадений с вариантом шальского лодочника; у других пудожских сказителей эти детали и формулы варьируются. Герой назван Сухманом Одихмантьевичем; его дубина разбита на лозиночки; те же речевые обороты использованы в финальной сцене («А теперь не видать ему меня во ясны очи»; Сухман-река потечет «от моей крови горячяя и от напрасная»). Своеобразие былины Мишкина связано с индивидуальными привнесениями, которые по большей части не имеют аналогов в устных по происхождению вариантах. На пиру герой не только обещает добыть для княжеского стола водоплавающих птиц, но и перебить «вражью силу татарскую» (в других записях встреча с татарами всегда неожиданна); рассказу Сухмана не поверил весь Киев-град. В тексте доминирует лексика, не свойственная языку фольклорных произведений («хмельное вино»; «разгневался ⟨...⟩ ярче пламени»; «три татарина скрылися, ⟨...⟩ притаилися»; «сгоряча убил трех татаринов»; «объездный отряд» и др.). Многие стихи выдержаны в псевдофольклорном стиле, характерном для книжных обработок русских былин (ст. 29, 37, 50—51, 59—63 и др.). Вариант не включен в указатель «Былина и книга».

№ 486

Сухмантий Адихмантьевич

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 1, ед. хр. 61, черновая рукопись, карандаш.

Зап. М. М. Михайловым: июль 1938 г., д. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Васильевича Кигачева, 42 лет.

Публикуется впервые.

№ 487

Сухмантий Одихмантович

Архив КФАН, р. III/2, ГП № 064.01.

Зап. К. Ф. Беловой: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Никифора Васильевича Кигачева, уроженца д. Тубозеро Пудожского у., 44 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова. Напев транспонирован на ½ тона выше.

Публикуется впервые.

№ 488

Сухман Рехментьевич

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 14, ед. хр. 16, черновая рукопись. Опубл.: БПК, № 23.

Зап. К. В. Чистовым: июль 1939 г., д. Климово Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Терентьевича Фофанова, 68 лет.

Примечание собирателя: после ст. 123 «Повторить это место полностью сказитель не захотел».

Разночтение БПК, № 23

Ст. 154 ркп. в публикации отсутствует.

«В варианте Фофанова сохранены все основные особенности традиционного сюжета. Отступления незначительны. В отличие от вариантов из Шалы отсутствует эпизод с тремя (двумя) татарами, которые в варианте, записанном Рыбниковым, ранят Сухмана уже после боя, а в варианте, записанном Гильфердингом, дерутся с Ильей Муромцем. В данном тексте раны Сухман получает в бою. Кроме того, у Фофанова отсутствует хвастовство на пиру, Сухман вызывается ехать не сам, а получает поручение от князя, как в беломорских вариантах. Это усиливает несправедливость князя по отношению к Сухману. Обращает на себя внимание необычайно волнующий, тщательно разработанный диалог Сухмана с татарами и с Непрой-рекой.

Генезис былины неясен. В характеристике князя, наделенного чертами деспотизма, и в отдельных бытовых деталях исследователи видят отражение обстановки Московской Руси, однако по общему своему содержанию и характеру былина примыкает к основному героическому циклу, отразившему борьбу с татарами. Конец былины представляет собою поэтическую легенду о происхождении рек; встречается в былинах о Доне и Непре и о Дунае» (БПК, с. 477).

Вариант относится к той же модификации сюжета, что и былина шальского лодочника. В нем отсутствует лишь один важный компонент — протекание реки от крови Сухмана; остальные различия немногочисленны и непринципиальны. Но еще больше схождений, в том числе и на лексическом уровне, с повторной записью от Ф. Конашкова (их перечень см. в коммент. к № 483 наст. тома). Вместе с Конашковым, от которого в 1938 г. была записана другая обработка сюжета, они выступали на конференции сказителей в мае—июне 1939 г., да и ранее наверняка не раз встречались друг с другом. Совокупность этих фактов наводит на мысль, что именно контакты с Фофановым подтолкнули Конашкова на переработку своей былины (см. аналогичный случай с усвоением новой версии «Чурилы и Катерины» — коммент. к № 384 наст. тома). В свою очередь певец с Купецкого озера позаимствовал у земляка некоторые нестандартные элементы — отчество героя «Рехментьевич», отсутствующее в других записях этой старины; возможно, и ориги-

нальную деталь повествования — Добрыня не может поднять огромную дубину Сухмана. Как и другие былины Фофанова, текст отличается стройной композицией, обилием развернутых эпических формул и повторов, точным подбором деталей, благодаря чему он в два с лишним раза превосходит вариант Конашкова по объему. Собиратели отметили, что певец не захотел полностью повторять рассказ героя о своей поездке, опустив диалог с Непрой-рекой (БПК, с. 228). Лишь изредка сказитель позволял себе выходить за пределы традиционного былинного лексикона («пир продолжительный», «лук самострельный»).

№ 489

Сухман Рехмантьевич

Архив КФАН, р. III/2, № 190.01.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова. Напев транспонирован на ½ тона ниже.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Поет Конашков. „Сухман Рехмантьевич"».

Публикуется впервые.

№ 490

Сухман Рехмантьевич

Архив КФАН, р. III/2, № 191.01.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова. Напев транспонирован на 1 тон ниже.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Поет Конашков. Былина „Сухман Рехмантьевич"».

Публикуется впервые.

№ 491

Сухман Рехмантьевич

Архив КФАН, р. III/2, № 207.01.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова. Напев транспонирован на ½ тона ниже.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Федор Андреевич. „Сухман Рехмантьевич". Повторная запись».

Публикуется впервые.

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ И БАТЫГА (№ 492—506)

На всей территории бывшей Олонецкой губернии бытовала одна модификация сюжета «Василий Игнатьевич и Батыга». Записанные здесь тексты включают типовой набор устойчивых мотивов и формул и различаются в основном по объему. Одни сказители усвоили более полные варианты былины, другим для изложения ключевых элементов сюжета достаточно было нескольких десятков стихов. Это касается не только старин, записанных от разных исполнителей, но и повторных записей, сделанных от одного и того же певца (см., например, варианты И. Фепонова, П. Антонова, Ф. Конашкова).

Большинство текстов из Онего-Каргопольского края начинается запевом о турице и турятах, который хотя и связан с зачином (нашествие Батыги на Киев), но логически не согласован с содержанием былины. Плачущая Богородица (или «стена городовая») предрекает беду, «невзгодушку над Киевом», но в итоге столкновение с врагами заканчивается для русских благополучно. Многие сказители завершают повествование «скоморошьей» концовкой объемом от нескольких стихов до 17 строк (в повторной записи от И. Фепонова). В ней использованы различные географические названия (Москва, Новгород, Ярославль, Питер, Белозерская сторона), в том числе и местные (Пудож, Онега-река, Лёкшмозеро, Почозеро и др.). Почти во всех пудожских вариантах турица объясняет своим детям, что судьбу Киева оплакивает не красная девица (Богородица), а «сама стена городовая». Вряд ли логично видеть в этом позднейшую замену христианских реалий языческими, как считают некоторые исследователи. Как правило, с течением времени в фольклорных произведениях происходит не процесс архаизации образов, а их модернизация и демифологизация. Тем более что образ «стены городовой», являющейся в облике красной девицы, использовали все пудожские сказители, кроме Г. Якушева (в его варианте нет запева о турах) и Д. Минина.

Вражеское войско наезжает на конях и живет в шатрах. Главного героя пудожские певцы обычно называют Василием Игнатьевичем. В текстах устойчивы многие эпические формулы, имена царя Батыги и его приближенных. Сходство былин исполнителей-земляков ввело в заблуждение такого маститого текстолога, как П. Д. Ухов. Сопоставив типические места в былине И. Фепонова и безымянной записи из деревни Большой Двор Песчанской волости (№ 492, 493 наст. тома), исследователь посчитал последний вариант повторной записью былины Фепонова (*Ухов П. Д.* Атрибуции русских былин. М., 1970. С. 137—138). Между тем П.Н. Рыбников подробно описал курьезные обстоятельства знакомства с безымянным исполнителем, который не имел никакого отношения к Ивану Фепонову (см. коммент. к № 479). К тому же собиратель уже был знаком с бродячим певцом (встречался с ним на Шуньгской ярмарке) и узнал бы его (Рыбн., т. 1, с. 64—65).

В былинах Г. Якушева и его друга Ф. Конашкова встречаются отдельные элементы, характерные для эпической традиции северо-восточных регионов Европейского Севера России (враги приплывают на кораблях; главный герой именуется «Василием, горькой пьяницей»).

№ 492

Василий Игнатьевич

РГБ, ф. 125, п. 28, л. 167—169, беловая рукопись. Опубл.: Рыбн., 1861, № 29.

В РГБ в рукописном виде хранится лишь перебеленный переписчиком отрывок былины о Василии Игнатьевиче, ее конец (л. 169), недостающая часть текста восполнена корректурными листами (л. 167—168). Рукописный отрывок (л. 169) содержит ст. 95—115.

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., д. Большой Двор Песчанской вол. — от крестьянина, имя которого собиратель не сообщил.

Об обстоятельствах записи П. Н. Рыбников подробно пишет в «Заметке собирателя»: певец, боясь наказания за «пожганый лес», попытался бежать от собирателя, но Рыбников успокоил его, уверив, что до него «касательного дела» не имеет. Былина была записана П. Н. Рыбниковым в дорожных условиях: «Я уселся на пень, он расположился подле меня и пропел мне тут же былину о Василье Игнатьевиче». В «Записной книжке» П. Н. Рыбников, разделяя сказителей на мастеров, калик и простых любителей, относит боязливого певца из деревни Большой Двор к последней категории, хотя отмечает, что репертуар его не так уж беден: «знает пять или шесть старин». Других былин П. Н. Рыбников от него не записал, так как, по его мнению, они «не представляли ничего особенно интересного» (Рыбн., т. 1, с. 64—65).

Пояснения П. Н. Рыбникова: «Ст. 26 Сравни выше былину № 20, с. 106, 107, где турицы обращены в Турец-землю, в турок (имеется в виду вариант былины «Об Илье Муромце и Ермаке Тимофеевиче» Т. Г. Рябинина. — *Сост.*); ст. 39 Судя по разноречию, записанному в Бережной Дуброве Пудожского уезда, здесь пропущено:

Самсон богатырь на Святых на горах,
Микита Романов на желтых на песках,
Илья с Добрыней во чистом поле гуляет,
Одна объявилась голь кабацкая.

Ст. 41 По тому же разноречию здесь следует вставка:

Приводили ко князю ко Владимиру.
Говорил Василий таковы слова:
„Солнышко Владимир стольно-киевский!
Налей-ка чару опохмельную,
Опохмель калику перехожую,
Постою я за славен Киев-град
И за дом Пресвятыя Богородицы,
И за тую веру християнскую".
Наливали ему чару зелена вина,
Другу наливали пива пьянаго,
Третью наливали меду яраго,
Сливали питье в одно место,
Объявилося питья полпята ведра,
Берет калика одной рукой,
Выпивал калика на единый дух.

Ст. 79 У Батыги силы четыре сорока тысяч, поэтому и поезды Василья повторяются четыре раза. Так как описание следующих поездов повторяется слово в слово после стиха: „Тут-то Василий стал выспрашивать", — то мы прямо переходим к четвертому поезду; ст. 93 ладать — владать».

Разночтение Рыбн., № 29

Ст. 107 каменье.

Текст типичен для местной традиции. Как отмечено в преамбуле, П. Д. Ухов ошибочно посчитал его повторной записью от И. Фепонова (*Ухов П. Д.* Атрибуции русских былин. С. 137—138). Однако в былинах этих сказителей, помимо многочисленных схождений, имеются разночтения. Отдельные строки опущены или сформулированы по-другому (ст. 14—16, 73—74 в варианте Фепонова и ст. 40, 103—105 в комментируемом тексте). Есть расхождения и в концовке былины, которую наиболее подробно зафиксировал А. Ф. Гильфердинг (№ 496 наст. тома).

№ 493

Василий Игнатьевич

ГИМ, ф. 56, ед. хр. 264, л. 13, беловая рукопись. Опубл.: Рыбн., 1862, № 10.

Зап. П. Н. Рыбниковым: январь 1861 г., Шуньга Повенецкого у., во время зимней ярмарки — от Ивана Федоровича Фепонова, слепого крестьянина д. Мелентьевской Купецкой вол. Пудожского у., 50 лет.

Ст. 1—66 печатаются по 2-й части первого издания «Песен», ст. 67—76 — сверены с перебеленной рукописью, сохранившей только отрывок в 10 стихов, не имеющих разночтений с публикацией. Об обстоятельствах записи см. в «Заметке собирателя», в ней Рыбников называет былину: «О Васильюшке Игнатьевиче».

Текст былины записан П. Н. Рыбниковым на Шуньгской ярмарке, где он познакомился со слепым певцом, «каликой перехожей» с Купецкого озера. Иван Фепонов, которого собиратель оградил от преследований полиции, видимо, чувствовал себя скованным и не продемонстрировал в полной мере присущего ему исполнительского мастерства. Через 10 лет, при встрече с А. Ф. Гильфердингом, объем этой былины увеличился в два с половиной раза. Благодаря внесенным дополнениям, вариант Фепонова стал одной из лучших пудожских записей этого сюжета (№ 496 наст. тома). В комментируемом тексте большинство деталей и поэтических формул повторяет соответствующие фрагменты повторной записи, но их набор гораздо беднее.

№ 494

Батыга Батыгович и Василий Игнатьевич

Рыбн., 1864, № 37.

Зап. неустановленным лицом: д. Гагарская (Гагарка) Шальского погоста Филимоновской вол. Пудожского у. — от крестьянина этой деревни Потапа Трофимовича Антонова (Потахина), более 60 лет (около 1801 г. р.). Получено Рыбниковым в чужой записи.

Пояснения П. Н. Рыбникова к тексту могут свидетельствовать о том, что собиратель в сентябре—октябре 1864 г. вторично выслушал эту былину при встрече с Потахиным: ст. 26 со тыим — вариант: «черным»; ст. 63 полтора — вариант: «полпята пуда и полпята ведра».

Былина, полученная П. Н. Рыбниковым в чужой записи, существенно отличается от повторной фиксации, сделанной А. Ф. Гильфердингом (№ 497 наст. тома). По содержанию и стилю она примыкает к другим пудожским вариантам, включая такие важные подробности, как перечень предводителей вражеского войска, олицетворение «стены городовой», имена русских богатырей, временно разъехавшихся из Киева, и др. Некоторые словосочетания не характерны для эпической традиции Пудожского края и фольклорного стиля в целом; возможно, они являются новациями сказителя, склонного к импровизации («чара пьяная», «лук натяжный», «клал стрелочки в подзолоточки», «великою страстью ухраняется, огненным щитом обороняется»). Некоторые нестандартные детали и эпизоды, по-видимому, — плод индивидуального творчества П. Антонова («Василий ⟨...⟩ пропил-промотал приданое женино»; чтобы опохмелиться, он незваным приходит в палаты князя Владимира; Батыга последовательно именуется не «царем», как обычно, а «князем»; уезжая «во свою землю», он сетует, что «в Киеве богатырев сметы нет»).

№ 495

Василий Игнатьевич и Батыга

РГО, р. I, л. 99—100 об. (л. 117—118 об.). Опубл.: Гильф., 1873, № 18, стб. 117—119. «Василий Игнатьевич». Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст и примечания записаны карандашом, чернилами сделаны дописи и проставлена пунктуация.

Слева над текстом зачеркнут «ъ», а справа зачеркнуты стихи:

Резвыма ногама да во Пучай-реку,
Буйной головой в ракитов куст.

Правее на полях замечено: «Еще пела сокращенно о поездке Добрыни и женитьбе Олёши совсем сходно (по строкам) с Лукиным (с Калининым. — *Сост.*) — только с этим вариантом». На л. 100 об. внизу помета карандашом: «Ъ. Василий Игнатьевич. У нее же записаны поездка Добрыни и Кострюк. В Риму 23 июля». Под текстом: «Записана там же, 23 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 23 июля 1871 г., д. Рим (Римское) Пудожгорского погоста — от Аксиньи Кузьминишны Фоминой «30 лет».

Пояснения А. Ф. Гильфердинга: ст. 11 только — т. е. столько; ст. 31 в слове «Косогоры» «ы» подчеркнуто, и справа на полях помета: sic.

Разночтение Гильф., № 18

Ст. 32 испр. из: *у синя́го у моря́*; ст. 47 испр. из: *кораблечиковы*; ст. 80 испр. из: *А и стал-то ведь силушки пору́бливати́*.

Одна из лучших в художественном плане былин А. Фоминой — стройная по композиции, насыщенная традиционными эпическими формулами. В тексте опущен лишь один существенный мотив — не говорится о том, что Василий «пропил-промотал» богатырского коня, одежду и воинское снаряжение. Некоторые второстепенные детали и формулы варианта А. Фоминой находят параллели в записях с Пудожского берега (№ 492, 496 наст. тома) и Повенецкого побережья Онежского озера (Гильф., № 41); ср.: турица объясняет своим детушкам: «Не девица ходит душа красная, Плаче стена да городовая»; Батыга Батыгович «заклинается» впредь нападать на Киев. Только Фомина (ст. 47) и Фепонов (ст. 83) упоминают «солдат каравульныих». Перечисляя богатырей, разъехавшихся из Киева, певица исказила имя Святогора: «Косогоры-богатырь» (у Фепонова — «Святополк»).

№ 496

Василий Игнатьевич и Батыга

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 272—275 (л. 289—292), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 60, стб. 321—325.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами раскрыты сокращения, проставлена пунктуация и сделана помета под заголовком: «(См. Рыбник⟨ова⟩, т. II, 10)». Над текстом слева зачеркнута буква «Я». На обороте последнего листа данного текста слева вверху примечание: «Я. Батыга. Легкий размер, 28 июля, Шала». Под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же, 28 июля». В конце листа — запись карандашом и чернилами: «Последние стихи суть, по замечанию ска-

зителя, — это „небылица", которую старый калика Мещанинов, учитель Фепонова, певал после этой былины».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 28 июля 1871 г., Шальский погост Пудожского у. — от Ивана Федоровича Фепонова, слепого крестьянина д. Мелентьевской Купецкой вол. Пудожского у., 50 лет.

Пояснения А. Ф. Гильфердинга: ст. 52 к слову «Святополк» ниже: sic; ст. 80 к слову «Сергиевич» на полях: так попр⟨авить⟩.

Разночтения Гильф., № 60

Ст. 36 испр. из: *А из с-под той ли страны с-под восточныя*; ст. 161 вписан между строк; в ст. 162, 167 записаны только начала повторяющейся формулы.

Данный вариант по объему заметно превосходит первоначальную запись (№ 493 наст. тома). Добавились следующие эпизоды: развернутое вступление — диалог турицы златорогой с турятами о городской стене, предчувствующей над Киевом «невзгодушку великую» (ст. 1—35); перечисление богатырей, уехавших из Киева (ст. 52—55); рассказ об истреблении Василием второй и третьей «силы сорок тысяцей», полученных от Батыги (ст. 131—173). Завершается былина едва ли не самой пространной в прионежских записях «скоморошьей» концовкой (ст. 180—196), отсутствующей в записи П. Н. Рыбникова. Фепонов включил в повествование ряд новых деталей (ст. 60—63, 86—87, 107—110, 119—120). Пропущены либо изменены лишь отдельные строки, не влияющие на развитие сюжета (ст. 29, 53). Изменено на русское отчество вражеского царя: Батыга Сергеевич вместо прежнего Батыги Батыговича (то же в былине каргопольского сказителя калики из Красной Ляги — Рыбн., № 194). Вместо слова «речи» появился диалектизм «лясы» (ст. 109 и др.). Введено не свойственное былинному стилю словосочетание «солдаты караульные» (ст. 83; то же — в старине А. Фоминой, № 495 наст. тома). В перечислении отсутствующих в Киеве богатырей вместо традиционного Святогора упомянут Святополк (ст. 52). Опираясь на этот единичный факт, А. Ф. Гильфердинг выдвинул гипотезу о генетической связи образа былинного Святогора со Святополком Великоморавским (Гильф. III, с. 83—84). Но, вероятнее всего, сказитель всего лишь обмолвился или ошибся. Имя Святополка, но не Великоморавского, а киевского, могло быть знакомо Фепонову, профессиональному исполнителю духовных стихов, по сюжету «Борис и Глеб», и он механически перенес его в былину о Василии Игнатьевиче.

№ 497

Василий Игнатьевич и Батыга

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 304—308 (л. 321—325), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 66, стб. 358—363.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи, помета под заголовком: «(См. Рыбник⟨ова⟩, т. III, 37)» — карандашом, чернилами раскрыты сокращения и проставлена пунктуация. Слева над текстом зачеркнуто число «34». Под текстом: «Запис⟨ано⟩ в Шале, 29 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 29 июля 1871 г., Шальский погост Пудожского у. — от Потапа Трофимовича Антонова (Потахина), крестьянина д. Гагарки (Гагарской) Шальского погоста Филимоновской вол. Пудожского у., около 70 лет.

Пояснения А. Ф. Гильфердинга: ст. 95 к словосочетанию «на упрягу» на полях: sic; ст. 254 к слову «бал» на полях: sic.

Разночтения Гильф., № 66

После ст. 7 вставлено: *А и не только читала, вдвоем плакала*; ст. 31—32 вписаны на полях; ст. 34 испр. из: *Дай-ка мне-ка-ва со Киева*; ст. 76 испр. из: *стрелу он под в подзолотку клал*, справа на полях: sic; ст. 82 испр. из: *подъехал*; ст. 126 *К*[*орабликовича*] раскрыто сокращение; ст. 122—123 по ошибке перечеркнуты и восстановлены точками; ст. 132 испр. из: *К*[*орабликовича*], *-ича* зачеркнуто карандашом; ст. 156 испр. из: *Поворот ён держит сам на ручику на правую*; ст. 205 испр. из: *выспрошу*; ст. 206 испр. из: *невзлюбилоси*; ст. 207 испр. из: *ко* Киёву; ст. 221 испр. из: *подъезжает*; после ст. 244 зачеркнуто: *Ставали слуги его верныи.*

В повторной записи этой былины определенно просматриваются следы импровизации сказителя, чем отчасти объясняется увеличение ее объема со 172 до 264 стихов. Завершив традиционный сюжет строками из былинной концовки (ст. 188—191), П. Антонов решает продолжить повествование, поведав о поединке богатыря с Батыгой, об истреблении остатков вражеского войска (ст. 192—222) и добавив развернутую постпозицию: благодарность князя Владимира Василию за совершенные им подвиги (ст. 223—264). Сказитель включил в былину некоторые новые подробности (ст. 51, 66—81): похмельную «пьяную чару» богатырю подносят слуги князя Владимира, а не он сам, как было в первоначальной записи. Во второй части текста лишь в отдельных фрагментах использованы фольклорные стереотипы, все остальное — имитация былинного стиля («я поеду ведь нонь да спрошу его», «на храброго воина военного», «отсек ⟨...⟩ буйну голову ⟨...⟩ по кореню»).

№ 498

Василий Игнатьевич и Батыга

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 3, л. 41 об., беловой автограф В. И. Чичерова (запись чернилами); ед. хр. 35, л. 55—57, полевая карандашная запись. Опубл.: С.—Ч., № 94.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 11 июля 1928 г., пос. Устье Шалы — от Данилы Ивановича Минина, 55 лет.

Примечание собирателей: «Научился у братана своего Поляковского с Бекетовщины ⟨...⟩ Спеть согласился легко» (ф. 1456, ед. хр. 35, л. 55).

Разночтения ед. хр. 35

Ст. 4 *туриця*; ст. 10 А читала; ст. 12 она *ли*; ст. 14 Батыга *Багытовиць*; ст. 15 *Богатыговицем*; ст. 16 *со* Корабликовым; ст. 17 *ли* зятем *с* Тороканьщиковым; ст. 18 зятем *со* Скородумщицьком; ст. 24 спотягатьсе; после ст. 24 ремарка: (*Эх, вот черт его возьми, забыл, как обманула его голь кабацкая*); ст. 27 *Натянул*; ст. 28 *тут*; ст. 29 *И*; ст. 30 нелутшиих; ст. 31 не *лутшиих голов* да самолутшиих; ст. 36 *жопу*; ст. 41 *А* здесь.

Текст фрагментарен, в нем отсутствует ряд традиционных для Пудоги эпизодов и мотивов. Сопровождающий Батыгу дьяк-выдумщик превращается в «Скородумщицька». Плачущая «красна девица» не ассоциируется со «стеной городовой», как в большинстве других прионежских вариантов. Возможно, влиянием Ф. Конашкова, который был приятелем Д. Минина и предложил ему спеть собирателям эту былину (С.—Ч., с. 410), объясняется появление в комментируемом тексте оригинальной детали: Батыга сетует, что в Киеве «богатыри да все омманщики» (см. № 499 наст. тома, ст. 35). Сходный мотив имеется также в былине Г. Якушева, еще одного приятеля Конашкова (№ 500 наст. тома).

№ 499

Василий Игнатьевич и Батыга

РГАЛИ, ф. 1456. оп. 1, ед. хр. 25, тетр. 1, л. 157—159, полевая карандашная запись Б. М. Соколова (полные строки); ед. хр. 35, л. 13а—14а, полевая карандашная запись В. И. Яковлевой (неполные строки). Опубл.: С.—Ч., № 83.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 11 июля 1928 г., пос. Устье Шалы — от Федора Андреевича Конашкова, 68 лет.

Разночтения ед. хр. 25

Ст. 1 *Из*-под; ст. 3 *выходила*; ст. 11 иваньгельски; ст. 12 *ле*; ст. 17 собиралсе; ст. 23 один *же*; ст. 24 *здраствуй*; ст. 27 *А и* ⟨...⟩ мёду-*то*; ст. 30 вышол; ст. 33 *А ведь* ⟨...⟩ *ли стрелоцьку*; ст. 35 это ⟨...⟩ омманьщики.

Эта эпическая песня записывалась от Ф. Конашкова 6 раз; два последних варианта фрагментарные (начало былины, записанное музыковедами для фиксации напева). Комментируемый текст короче трех последующих полных вариантов (№ 502—504 наст. тома), но содержит практически все имеющиеся в них мотивы и формулы, в том числе и сравнительно редкие. Характеризуя беззащитность Киева, сказитель использовал оригинальную формулу: «Вси богатыри во Киеви по разъездам-то». Василий по собственной инициативе отправляется во вражеский стан, просит Батыгу напоить его вином, пивом и медом и лишь после этого стреляет из лука по его шатрам. Убегая из Киева, Батыга называет русских богатырей «обманщиками» (аналогичная деталь есть в былинах Д. Минина и Г. Якушева, приятелей Конашкова — № 498, 500 наст. тома). Только в этом варианте предводитель вражеского войска упрекает героя в неблагодарности: «Я поил-кормил его...». В двух случаях сказитель использовал не характерные для местной традиции элементы. Василий именуется «горьким пьяницей» (ст. 24), что свойственно пинежским и мезенским вариантам. Батыга с войском приезжает в Киев на кораблях — подобная деталь в старых записях встречается лишь в одном тексте из Архангельского уезда, в котором начало «Василия Игнатьевича и Батыги» соединено с основным сюжетом «Илья Муромец и Калин-царь» (Кир. IV, с. 38). Наиболее вероятный источник этих деталей — книга. Аналогичные схождения с архангельско-беломорской традицией есть и в былине Г. Якушева (№ 500 наст. тома).

№ 500

Ботыса Батыгович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 12, тетр. 1, л. 56—58 об., полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной; ед. хр. 19, л. 48—51, полевая карандашная запись Ю. А. Самарина (середина стихов, затем другим карандашом им дополнены строки). Опубл.: С.—Ч., № 14 «Ботыса Батыгович (Василий Игнатьевич и Батыга)».

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 11 июля 1928 г., д. Семеново — от Григория Алексеевича Якушева, 65 лет.

Разночтения ед. хр. 12, 19

Название былины испр. из: *Ботыян Ботиянови*, потом написано: *Ботыга Ботыгович* (это имя героя везде в ед. хр. 12).

Ст. 1 Батыса (ед. хр. 19); ст. 2 у Батысы *40* (цифра) (ед. хр. 19); ст. 6 *40* (цифра) (ед. хр. 12); ст. 7, 71 Торокана Корабликова (ед. хр. 19), Кораблинова (ед. хр. 12); ст. 8, 9, 76, 81, 84, 96, 101 40 тысяцей (ед. хр. 19); ст. 10 *на*ехали (ед. хр. 12, 19), *на* (ед. хр. 19); ст. 11 ведь (везде в ед. хр. 12); ст. 12 Володимера (ед. хр. 19), Владимера *в* (ед. хр. 12); ст. 17 ко столбицку точеному (ед. хр. 12); ст. 18 к кольцу (ед. хр. 12); ст. 23 *да* (ед. хр. 12, 19); ст. 24 *крести* опущено (ед. хр. 12, 19 (со знаком ?)); ст. 29 *а* (ед. хр. 12); ст. 32 во городи-*то* (ед. хр. 12), во городи *да* (ед. хр. 19); ст. 34 что (ед. хр. 12); ст. 36 поле (ед. хр. 12); ст. 37 *был во Святых* (ед. хр. 12); ст. 39 Василей (ед. хр. 12); ст. 41 у его (ед. хр. 12); ст. 42 похмелитсе (ед. хр. 12); ст. 44 *князь* пропущено (ед. хр. 12, 19); ст. 47 наше (ед. хр. 12); ст. 53 *я* (ед. хр. 12); ст. 55 а тот ⟨...⟩ цяру (ед. хр. 12); ст. 57 цяра (ед. хр. 12); ст. 60 *да* (ед. хр. 12); ст. 68, 69 сыну-ту (ед. хр. 12); ст. 72 головушки (ед. хр. 12); ст. 78 *а* (ед. хр. 12); ст. 81 *а отдал он* (ед. хр. 12); ст. 86 а *во* той (ед. хр. 12); ст. 87 пропущен (ед. хр. 19); ст. 88 дай-*ка* мне (ед. хр. 12); ст. 101 дай-ко (ед. хр. 12); после ст. 101 *А как я поеду я видь у князя-то* (ед. хр. 12, 19); ст. 107 цисто (ед. хр. 12); ст. 108 а прибил-присек (ед. хр. 12); ст. 110 он-де (ед. хр. 19); ст. 112 *Как* (ед. хр. 12, 19); ст. 115 Васильюшко (ед. хр. 19); ст. 116 а Руссеюшку он (конечные слова отсутствуют) (ед. хр. 12, 19); ст. 118—119 читаются плохо (ед. хр. 12); ст. 120 во городи (ед. хр. 12); ст. 121 *О* такие; конечная ремарка отсутствует (ед. хр. 12).

Многие сюжетообразующие элементы былины Г. Якушева не выходят за рамки прионежской версии этой эпической песни. Но вместе с тем в ней немало отклонений от местной традиции, частично связанных с заимствованиями из печатных источников, частично — с индивидуальными новациями сказителя. Словосочетание «наше село прекрасное» перенесено из былины «Илья Муромец и Калин-царь» Н. Прохорова, главного учителя Якушева (см. СБ 17, № 241). Василий обещает Ботысе взять в плен князя Владимира; истребив сорокатысячное войско захватчиков, он убеждает вражеского предводителя, будто бы «полгорода ⟨...⟩ разорил». Г. Якушев использовал те же, вероятно книжные по происхождению мотивы, что и Ф. Конашков (Ботыса сын Батыгович с войском приплывает в Киев на кораблях; прозвище главного героя — «Василий горький пьяница», ср. № 499 наст. тома). Скорее всего, Якушев позаимствовал эти детали у своего земляка (у Конашкова элементы архангельско-беломорской традиции представлены в более развернутом виде). Эти два сказителя не раз слышали былины друг друга и даже соревновались, поочередно выступая перед аудиторией с одними и теми же старинами (С.—Ч., с. 344). Как и в текстах Д. Минина и Ф. Конашкова (№ 498, 499 наст. тома), вражеский предводитель обвиняет киевских богатырей в обмане (у Якушева — «...а такие есь да мошенники»). В стилистическом плане комментируемый вариант далек от совершенства. Некоторые стихи и тирады перегружены избыточными повторами и оформлены так неудачно, что порой трудно понять их смысл (ст. 1—6, 14—15, 28—31, 42—43, 91—93, 114—119).

№ 501

Василий и Табатыга

РО ИРЛИ, р.V, кол. 27, п.2, № 7 (№ 1), л. 53—53 об., перебеленная рукопись, чернила. Опубл.: Аст. 2, № 181 «Василий Игнатьев».

Зап. М. Б. Каминской, Н. Н. Тяпонкиной: 25 июля 1932 г., д. Конновская Песчанского с/с Пудожского р-на — от Агриппины Матвеевны Никоновой, 88 лет.

«Один из вариантов данной былины, записанный в Прионежье в советское время. Обнаруживает забывание былины: врагу Табатыге приписываются поступки и слова Василия Игнатьева (ср. печатаемый вариант с № 116 у Гильфердинга). Действие получает неожиданный поворот: Василий напаивает Табатыгу и тот сам рубит свою рать. Образ Владимира выпал совсем. Несмотря на все изменения и сильное сокращение, ясна близость варианта к прионежской группе. Кроме изменения сюжета, видим отдельные искажения в именах и словах: „книга Ледовидовая" из „Леванидовая" (см. Гильф., № 69; Рыбн., т. 1, с. 209); от креста Леванидова, из-под которого выбегают туры (см. Гильф., № 41 и 66); Табатыга Табатыгин вместо обычного в Прионежье Батыги Батыговича; Василий Игнатьев превратился в Василия Буслаева; но „дьячок-издумщик" — ближе к первоначальному — „большому сдумщику" (Гильф., № 258), из которого в прионежских вариантах в порядке этимологического осмысления явился дьячок-выдумщик (ср. еще «дьячок зловыдумчивый» у Гильф., № 181)» (Аст. 2, с. 708).

№ 502

Про туров-златорогов

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, ед. хр. 38, черновая рукопись.

Зап. М. А. Ивановой: 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

Текст в основном повторяет первоначальную запись (№ 499 наст. тома), дополняя ее некоторыми подробностями. Названы по именам русские богатыри, временно разъехавшиеся из Киева; говорится о родственниках и приближенных Батыги Батыговича, которых убил Василий.

Публикуется впервые.

№ 503

Про туров-златорогов

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, ед. хр. 56, черновая рукопись.

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 78 лет.

В конце былины примечание исполнителя: «„Про Батыгу" это я слыхал в церкви и цитал годов пятьдесят назад».

Текст близок к другим записям этой былины, сделанным ранее от Ф. Конашкова (№ 499, 502 наст. тома). Добавились оригинальная формула

А не с ким-то Батыгушки потягаться,
А не с ким Батыгушки-то потяпатьсе,

а также ироническое упоминание подарков жене и дочери — вместо обещанных «шубки соболиной» и «одеялышек шелка чистого» они получили тела убитых Василием сына Батыговича и зятя Таракана Корабликова. Вероятно, данный мотив навеян былиной «Волх Всеславьевич», которая входила в репертуар сказителя (СБ 16, № 3, ст. 22—25). Неизвестная по более ранним записям от Конашкова эпическая концовка «А и тым былиноцька покончилась», скорее всего, усвоена сказителем от П. Рябинина-Андреева во время совместных публичных выступлений перед общественностью Карелии.

Публикуется впервые.

№ 504

Василий Игнатьевич и Батыга

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 3, тетр. 4, ед. хр. 66, черновая рукопись, карандаш. Опубл.: Линевский, № 9. Вар.: С.—Ч., № 83.

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 78 лет.

Разночтения Линевский, № 9

Ст. 2 *цетыре тура*; ст. 8 *Видели мы во Киеве-то*; ст. 9 *А* ⟨...⟩ *мы* ⟨...⟩ *ай*; ст. 10 *а на*; ст. 12 *всё*; ст. 13 *а*; ст. 18 *да*; ст. 19 Батыговиць; ст. 25 *Да* у ⟨...⟩ *да*; ст. 26 *У дъяцька ведь-то у выдумщичка*; ст. 27 *Как* силы-*то*; ст. 28 в ркп. отсутствует; ст. 29 с ким-*то* батыгушки; ст. 30—32 (вм. ст. 29—31 ркп.) *Все-то сильныи, а все могуции Всеи богатыри и да поразъездались*; ст. 32 *живе*; ст. 33 *А Самсон да Илья*; ст. 34—36 в ркп. отсутствуют; ст. 37 Василей *к Батыга* на кораблики; ст. 38 *Здравствуй*, Батыга *да* Батыговиць; ст. 39 *Проздравляю тя*; ст. 40 в ркп. отсутствует; ст. 41 *Ты другу* ⟨...⟩ *а*; ст. 42 *ты*; после ст. 42 в печатном тексте пропущено: *Тут-то с приезду Батыга да Батыгович*; ст. 43 (ст. 44 ркп.) *Батыга*; ст. 44 (ст. 45 ркп.) *Как другу* ⟨...⟩ *налил а*; ст. 45 (ст. 46 ркп.) *ведь* ⟨...⟩ *а*; ст. 46 (ст. 47 ркп.) *Выпивал-то*; ст. 47 (ст. 48 ркп.) *Выходил*; после ст. 47 (ст. 48 ркп.) в печатном тексте: *Натягал тятивку ту шолковую, Во тугом луку потугешенько, Направлял стрелоцку калёную прямешенько*; ст. 51 (ст. 49 ркп.) Спустил Василей стрелоцьку; ст. 52 (ст. 50 ркп.) *Как*; ст. 53 (ст. 51 ркп.) *Василий* у Батыгушки *две головки*; ст. 55 (ст. 53—54 ркп.) *Как на лучшиих две головки, самолучшие*; ст. 56 публикации в ркп. отсутствует; ст. 57 (ст. 56 ркп.) *Убил зятя у Батыги Тараканцикова*; ст. 58 (ст. 56 ркп.) *тут*; ст. 59 (ст. 58 ркп.) русскии *есь* ⟨...⟩ *а* все *ены* омманщики; ст. 61 ркп. в публикации отсутствует; ст. 62—64 публикации в ркп. отсутствуют; ст. 65 в печатном тексте пропущен конец: *ко своей пристани*; ст. 66 *ко пристани да государскою*; ст. 67 публикации в ркп. отсутствует; ст. 68 стреця*ют со приездом и дорогих гостей.*

«Данный сюжет, известный во всех былинных очагах, принадлежит к циклу героических. Былина о Василье Игнатьеве обычно включает в качестве запева предание о Богородице, озабоченной предстоящими невзгодами Киева. Эта легенда получила в Поморье и среди казачества самостоятельное развитие. В конашковском варианте, как и других прионежских, она представляет вводную сцену встречи „туров золоторогих" со „турицей-матушкой".

В репертуаре десяти сказителей Пудожья мы находим этот сюжет только у двух — у Антонова и Фепонова. Крайне показательно, что Антонов усвоил былины от калики, а Фепонов сам калика. У Рыбникова есть также запись от каргопольского калики из Красной Ляги (Рыбн., № 194). Следовательно, во всех этих случаях сюжет сохранился в основном в среде профессиональных певцов духовных песен. Другие сказители этой былины Прионежья: „Корнилов Семен с 13 лет слепой" (Рыбн., т. 1. с. 422), Прохоров (Толвуй) „Слепец... пропитывается частью мирским подаянием" (Гильф. I, с. 364), Воинов (Кенозеро) „в молодости живал в работниках" (Гильф. III, с. 203). Про Фомину данных нет. В списке „хороших и относительно зажиточных" крестьян у Гильфердинга кроме Потапа Антонова мы встречаем лишь Петра Воинова. Но и последний, как отмечает сам Гильфердинг, в молодости жил в батраках. В сборнике „Былины Пудожского края" этот сюжет отсутствует. Текст Конашкова — один из самых кратких (ср. Рыбн., № 174; Гильф., № 116). Сопоставление варианта Конашкова с текстами пудожских сказителей (Антонов, Фепонов) показывает ряд совпадений, но сюжет в основном значительно переработан. Будучи несомненно в родстве с вариантом Фепонова (Гильф., № 60), он сокращен более чем вдвое (179 и 75 строк). Перера-

ботка коснулась всего текста, при довольно значительной стойкости самих стихов. Основное сокращение — отброшено трехкратное уничтожение Василием войска, получаемого Батыгой для взятия Киева. Сюжет упрощен — убийство сына и зятя вынуждает Батыгу вернуться в свое государство» (Линевский, с. 193—194).

Сказитель близко к тексту повторил свой предыдущий вариант, включая впервые появившиеся в нем дополнения (см. коммент. к № 502 наст. тома). Но в первой формуле он опустил второй стих.

№ 505

Василий Игнатьев и Батыга

Архив КФАН, р. III/2, № 189.01.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация Е. И. Якубовской.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Поет орденоносец Федор Андреевич Конашков. „Василий Игнатьев и Батыга". По Конашкову „Былина про ту́ров-золоторогов"».

Начало былины о Василии Игнатьевиче и Батыге, содержащее обычный для прионежской традиции запев о турах.

Публикуется впервые.

№ 506

Про туров-золоторогов

Архив КФАН, р. III/2, № 209.01.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация Е. И. Якубовской. Напев транспонирован на 1 тон ниже.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Исполняет Федор Андреевич Конашков. „Василий Андреевич (?) и Батыга". По Конашкову: „Былина про туро́в-золоторо́гов". Повторная запись».

Повторная запись запева из былины «Василий Игнатьевич и Батыга» (см. № 505 наст. тома).

Публикуется впервые.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ И НОВГОРОДЦЫ (№ 507—521)

Прионежье и в первую очередь Пудога — один из центров активного бытования былин о Василии Буслаеве. Особенно часто здесь записывался сюжет «Василий Буслаев и новгородцы». Правда, в большинстве текстов не упоминается отец богатыря, а его миролюбивый характер не противопоставляется буйным выходкам сына. Большинство текстов контаминированные, но путешествие героя в Иерусалим, как правило, описывается кратко и невыразительно. Композиционная схема, набор имен собственных и эпических формул, содержание многочисленных диалогов в пудожских записях этой былины традиционны. Наиболее полные, богатые оригинальными деталями варианты записаны от безымянных сказителей — шаль-

ского лодочника и колодозерского старика. В тексте последнего певца встречаются редкие элементы, не характерные для местной традиции, но зафиксированные в других регионах Русского Севера (Мезень, Северный Урал), а также уникальные формулы, не имеющие в русском эпосе близких параллелей. К середине XX в. эта эпическая песня сохранилась лишь на Водлозере; достаточно полные варианты записаны также от Х. Пименовой, переселившейся с Водлозера на Сумозеро. Былины Н. Кигачева и И.Мишкина восходят не к устной традиции Пудожского края, а к печатным источникам.

№ 507

О Василии Буслаевиче

РГБ, ф. 125, п. 28, л. 229—236 об., беловая рукопись. Опубл.: Рыбн., 1861, № 56 «Василий Буслаев».

Текст перебелен до ст. 167 включительно каллиграфическим почерком неизвестного лица, со ст. 168 почерк, вероятно, П. Н. Рыбникова, переписывавшего былину с черновой записи. По тетради входит в раздел «К»: былины Шальской волости, записанные от лодочника.

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., Шальский погост Пудожского у. — от крестьянина лодочника (прочие сведения не указаны).

Разночтения Рыбн., № 56

Ст. 7 *милое*; ст. 82 коромысламы; ст. 152 *милое*; ст. 153 Василия; ст. 167 *милое*; ст. 175 *свому*; ст. 197, 198 *дни* (в ркп. *днѣ*, «ѣ» означает «и». — *Сост.*); ст. 233 Буслаевьвич; ст. 247 Буслаевьвич.

Правка издателя: ст. 33—34 воинских, *воинских и рыцарских наук* взято в скобки черными чернилами.

В былине шальского лодочника содержатся практически все эпизоды и мотивы, характерные для местной эпической традиции. Нет только испытания Василием Буслаевым его дружинников. Некоторые подробности лишь изредка встречаются у других сказителей. Названы поименно новгородский воевода «Николай Зиновьевич» и «старшина Фома Родионович»; упомянут «монастырь Сергеев», в котором пребывает крестный батюшка Василия — «старчище Пилигримище» (ст. 162—165); описывается активное участие девки-чернявки в укрощении строптивых мужиков. Текст отличается выразительностью поэтического языка, обилием нестандартных формул («попятили дружину Васильеву», «долиною в две сажени печатныих»; см. также ст. 3—5, 74—76, 112—114, 130—132, 239—246). Оригинальные гиперболы использованы певцом, дабы обрисовать последствия учиненного Василием Буслаевым побоища. От крови убитых им новгородцев в Волхове «на целую на версту мерную» вода смешалась с кровью. Единственное отклонение от норм фольклорного стиля — слово «рыцарские» в ст. 34.

№ 508

О Василии Буслаевиче

РГБ, ф. 125, п. 28, л. 194 об.—199, беловая рукопись. Опубл.: Рыбн., 1861, № 57 «Василий Буслаевич».

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., д. Бураково Купецкой вол. — от крестьянина д. Бураково Никифора Прохорова (около 1820 г. р.).

Текст переписан набело, почерком неизвестного лица, опубликован в соответствии с рукописью.
Пояснение П. Н. Рыбникова: ст. 7 черным-то — вм. черленым.
Пояснение составителей: ст. 32 сутычь — вплоть (Рыбн., 1864, с. LIII).

Былина «Василий Буслаев и новгородцы» не принадлежит к числу лучших старин Н. Прохорова. Наряду с чеканными эпическими формулами (ст. 8—9, 50—55, 164—166, 169—170) в тексте немало рыхлых, тяготеющих к прозе фрагментов (ст. 34, 58—64, 77—82). Сказитель не описал детство богатыря, повествование начинается с выбора им дружинников. Конфликт с «мужиками новгородскими» возникает из-за того, что Василий прогнал их со своего пира; в отместку они устраивают свой пир и не приглашают на него Василия. Служанка, сообщающая хозяину о бедственном положении его «дружинушки хороброй», названа «кухаркой-хлебницей, удалой портомойницей». Оригинально мотивировано решение богатыря прекратить избиение новгородцев: «А послушал тебя, родну матушку, Не послухать мне закон не дает». Здесь слово «закон» означает принятые в эпическом мире неписаные правила поведения героев; ср. формулу: «А нельзя закон переступить» (нельзя не послушаться крестового брата) в былине Н. Прохорова «Бунт Ильи Муромца против князя Владимира» (СБ 17, № 266).

№ 509

Василий Буслаев

Рыбн., 1861, № 55.
Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., д. Колодозеро Пудожского у. — от крестьянина, 90 лет (прочие сведения не указаны).
Пояснения П. Н. Рыбникова: ст. 77 мало — вскоре; новóй — другой; ст. 86 не крянется — не тронется; ст. 137 в большой угол: большой угол, или большо-угол, — где поставлены иконы; верно-угол — ближе к дверям; печнó-угол, или пестный угол, — против устья печки.

По сообщению П. Н. Рыбникова, перед исполнением былины старик-крестьянин рассказал: «У Буслава долго не было детей. Стоснулся Буслав, садился на бел-горюч камень, повесил буйную головушку, утупил очушки во сыру землю, думал про себя, удумливал: как бы породить ему любимое детище. Объявилась ему бабища матерая и говорила таковы слова: „Эх ты, Буслав Сеславьевич! Не мог ты дотерпеть трех месяцев, износу детищу не было бы! Ступай-ка к Авдотье Васильевны, бери за груди за белыя ⟨...⟩ заигрывай. Понесет она детища любимое, сильнаго могучаго богатыря"».

Комментируемый текст — один из лучших вариантов этой былины, зафиксированных за всю историю собирания русских эпических песен. Он выделяется стройностью композиции, обилием редких и уникальных мотивов и формул, совершенством поэтического языка. Прозаическое вступление, в котором рассказывается о зачатии и рождении богатыря, — единственная параллель к финальной сцене «Дуная» в сборнике Кирши Данилова (КД, № 11, ст. 376—381). В этом фрагменте сохранились явные следы стихотворного строя. Чтобы созвать гостей к себе на пир, Василий «стрелял по Новугороду» стрелами с привязанными к ним «ярлыками скорописчатыми». В азарте боя с новгородцами он «напустился ⟨...⟩ на домы каменные» (ср. с былиной Г. Якушева, № 514 наст. тома). Василия унимает его мать по просьбе Богородицы. Необычная для олонецкой эпической традиции формула содержится в описании стремительного вторжения богатыря в княжеские палаты: «Он левой ногой во гридню столовую, А правой ногой за дубовый стол, ⟨...⟩ во большой угол». Аналогичные детали находим в некоторых архангельско-беломорских записях (СБ 4, № 97, ст. 49—51; № 159, ст. 71—72 и др.). Архаичная форма «не весел, не радошен» (ст. 17, 23 и др.) изредка встречается в кенозерских былинах и в сборнике Кирши Данилова. Со стилисти-

кой древнерусских воинских повестей текст пудожского певца сближает гипербола, передающая эпический размах побоища на мосту через Волхов (дружина Василия «по крови ходит, по колен бродит»). Сказитель (или его предшественник) усложнил композицию этой былины. Василия Буслаева пытается остановить не только крестовый батюшка, как и у других певцов (ст. 288—310), но и старший крестовый брат (ст. 262—285). Убив его, богатырь завладевает его «ружьем» (оружием) — «шалыгой девяноста пуд». В перебранках с обоими противниками Василий-богатырь произносит одну и ту же фразу, не имеющую аналогов в других записях: «Тебя ли черт несет навстрету мне? А у нас-то ведь дело деется: Головами, братец (батюшка), играемся». Инициатор спора с новгородцами не Василий Буслаев, как обычно, а его соратник, Костя Новоторжанин. Чеканными, нередко повторяющимися эпическими формулами певец характеризует «нелегкие шуточки» Василия Буслаева (ст. 7—11, 26—29); угрозы новгородских мужиков («наквасити река будет Волхова» — ст. 14—15, 30—31); испытание героем своих будущих дружинников (ст. 79, 115); их бой с новгородцами. Последняя формула почти без изменений перенесена в рассказ об избиении «силы» служанкой Василия Буслаева (ст. 224—230, 233—238). Колодозерскому старику принадлежит уникальная по глубине психологического содержания сцена. Когда новгородский князь не взял у матери Василия выкуп и отказался помириться с ним («Тожно прощу, когда голову срублю!»), Авдотья Васильевна рассеяла «даровья» по чисту полю, приговаривая: «Не дорого мне ни золото, ни серебро, ни скатен жемчуг, А дорога мне буйная головушка Своего сына любимого...». В основном не выходя за рамки былинного лексикона, исполнитель иногда пользуется разговорно-бытовыми конструкциями (упоминание «увалов, перевалов» в ст. 55, 73, 74; формула «набило мужиков, как погодою» в ст. 75). В местном говоре перевалы — валы, в которые сгребают скошенную и подсушенную траву для окончательной просушки; погода — ненастье, непогода. Описывая испытание богатырем своих дружинников, колодозерский старик допускает смысловую неточность. Василий бьет «червленым вязом» Костю Новоторжанина по горбу, Потанюшку Хроменького — по хромым ногам, Хомушку Горбатенького — «того и бить не шел». По горбу логичнее бить не Костю Новоторжанина, а Хомушку Горбатенького. В ст. 65 ошибка собирателя: новгородские мужики намереваются «повытащить» у Василия «красно золото». Должно быть — «повытощить». В «Словаре непонятных и областных слов»: «тощиться — истощаться» (Рыбн., т. 3, с. 311).

№ 510

Василий Буслаевич

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 245—249 об. (л. 262—266 об.), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 54, стб. 289—295.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами раскрыты сокращения, проставлена пунктуация и сделана помета под заголовком: «(См. Рыбник⟨ова⟩, т. I, 57)». Слева над текстом зачеркнута буква «θ». Под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же, 26 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 26 июля 1871 г., д. Марнаволок — от Никифора Прохорова, крестьянина д. Бураково Купецкой вол., 51 года (ок. 1820 г. р.).

Пояснения А. Ф. Гильфердинга: ст. 55 к слову «зарко-то» на полях: «задорно»; ст. 182 к словосочетанию «не запурхивай» справа на полях: «не заскакивай высоко» (в первом издании подчеркнута принадлежность этого примечания Н. Прохорову: «т. е. не заскакивай высоко (объяснение певца)». — *Сост.*); ст. 277 к словосочетанию «со ра́товьём» на полях: «подпоркою, жердью» (отредактированный вар. первого издания: «т. е. с жердью, которая им служила опорою». — *Сост.*); ст. 280 к словосочетанию «назад-пят» на полях: «sic, спиною назад» (в первом издании это примечание развернуто: «Назад-пят — назад пятами, т. е. обернувшись не лицом, а спиною (так объяснил Прохоров»). — *Сост.*); ст. 285 к слову «внич» на полях: «навзничь».

В первом издании имеются также примечания к другим словам: ст. 12 к слову «упавому»: упавый — красивый; ст. 50 к слову «наб»: наб — надобно; ст. 56 к слову «концать»: т. е. с ним покончить; ст. 252 к слову «помистьица»: т. е. этого места.

Разночтение Гильф., № 54

Ст. 127 испр. из: *придворную*.

При повторном исполнении Н. Прохоров присоединил к былине «Василий Буслаев и новгородцы» сюжет о паломничестве героя в Иерусалим, который в начале XX в. от него записали в качестве самостоятельной эпической песни (№ 522 наст. тома). Сопоставление этих вариантов свидетельствует о том, что вторая часть сводного текста у Прохорова весьма устойчива, чего нельзя сказать о первой, «новгородской» его части. Сказитель полнее описал пир у Василия Буслаева (ст. 1—7), переставил некоторые фрагменты, добавил отдельные детали (ст. 113, 127—128), изменил мотивировку решения богатыря прекратить побоище. Опущено упоминание Кирилловского монастыря, в котором живет старчище Пилигримище. Старинная форма слова «кур» заменена современным «дитя» (ст. 182). «Кухарка-хлебница, портомойница» названа «девкой придворной». В «иерусалимской» части былины изменения незначительны (см. коммент. к № 522 наст. тома).

№ 511

Василий Буслаевич

Шайжин, с. 60—64.

Зап. Н. С. Шайжиным: д. Росляково Нигижемской вол. Пудожского у. — от Ивана Федоровича Митюшина, 69 лет.

«Иван Федорович Митюшин — крестьянин д. Росляковой ⟨...⟩. Былинам он научился от Тита Егоровича Красильникова, захожего портного, умершего лет 20 назад. От того же портного усвоили былины ныне тоже умершие отец и братья Ивана Федоровича» (Шайжин, с. 168).

Сказитель изложил содержание основных эпизодов былины с отступлениями от традиции. Мать унимает Василия Буслаева до вмешательства «хресного батюшка»; в уста «старчища Елизарища» вложена метафорическая формула: «...не дано яицько о Христови дни...», и лишь потом ее повторяет богатырь. Имя «Елизарище» встречается в былинах ряда других певцов (№ 513 наст. тома). В тексте не описан набор Василием Буслаевым дружинников, их участие в состязании с новгородцами. Сказитель дважды употребил словосочетание «дружина хоробрая», но оба раза, имея в виду не соратников героя, а его служанку (ст. 29, 83). И. Митюшину неизвестно точное значение слова «кружало» («кружало царское, ⟨...⟩ побоище великое» — ст. 23—24, 47—48). Оригинальный поэтический образ использован для описания расправы Василия Буслаева с крестным батюшкой: от удара палицей у «старчища» вылетают глаза и плывут по Волхову, «как два голуба, два сизыих». Аналогичная формула есть в пересказе И. Мишкина (№ 517 наст. тома) и в былине «Илья Муромец и Идолище поганое», записанной от Щербакова из д. Кулгала близ Пудожа (СБ 17, № 222, ст. 158—159). Сравнение толпы новгородских мужиков с «силой што черна ворона» сближает комментируемый текст со старинами сказителей Рябининых из Кижей (Гильф., № 74 и др.). Одна из деталей позаимствована из духовного стиха «Егорий Храбрый и Змей» (Василий просыпается «со крепка сна», когда ему на лицо падают «горюци слезы» служанки). Некоторые эпизоды и подробности повествования не имеют аналогов в других записях, не вписываются они и в рамки былинного канона. Ве-

роятнее всего, эти фрагменты текста сочинены И. Митюшиным: для испытания дружинников Василий использует стальной шишак, который надо пробить одним ударом «тяжелого конусного молота»; «крестовый батюшка» богатыря «пробирается сквозь толпу мужиков новгородских».

№ 512

Василий Буслаевич

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 7, тетр. 1, листы не пронумерованы, полевая рукопись; ед. хр. 20, л. 75—77, полевая рукопись. Опубл.: С.—Ч., № 174.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 26 июля 1928 г., д. Быковская на Водлозере — от Варвары Ивановны Чуркиной, 49 лет.

Примечание собирателей: «Переняла былины от своего отца Ивана Родионовича» (С.—Ч., с. 655).

Разночтения ед. хр. 7

Ст. 28 *же и*; ст. 37 *оси*; ст. 51 сходи-*ко*; ст. 64 *ни* пробудитсе.

В обоих сюжетах, включенных исполнительницей в состав контаминированной былины о Василии Буслаеве, отсутствует ряд важных эпизодов, многие традиционные детали опущены или искажены. Отцом Василия Буслаевича назван «молодый боярин Дюк Степанович»; бой богатыря с «мужиками новгородскими» происходит «на болоте на Куликовом»; герой не убивает своего крестного отца, а уводит его домой и угощает пивом; позднее мать так же усмиряет его самого. Другие эпизоды из сюжета «Василий Буслаев и новгородцы» в тексте отсутствуют. В сюжете «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим» герой погибает, пытаясь в третий раз перескочить «горючь камень» в чистом поле. Дружинники Василия вскользь упомянуты лишь в ст. 39—41. Вариант Чуркиной близок к контаминированным былинам В. Пименова, Х. Пименовой, А. Пименова и, видимо, восходит к тому же первоисточнику (см. коммент. к № 513, 518—521 наст. тома).

№ 513

Василий Буслаевич

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 7, тетр. 1, листы не пронумерованы; ед. хр. 20, л. 64 об.—67, полевая рукопись (неполные строки); л. 67—70 об., карандашная запись (полные строки). Опубл.: С.—Ч., № 171.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 26 июля 1928 г., д. Пелгостров на Водлозере — от Василия Андреевича Пименова (возраст не указан).

Примечание собирателей: «Перенял былину от местного сказителя, старика Ивана Родионовича» (фамилия не указана) (С.—Ч., с. 651).

Разночтения ед. хр. 20

Ст. 14 храброю; ст. 28 дружиношкой; ст 126 не уезживал; в ст. 129 [*пнул*].

В. Пименов сообщил собирателям, что перенял былину от местного сказителя (С.—Ч., с. 651). Вероятнее всего, «старик Иван Родионович» — отец односельчанки Пименова, Варвары Чуркиной (см.

№ 512 наст. тома). Отчество «Родионович» достаточно редкое, маловероятно, чтобы в маленькой водлозерской деревушке жили два сказителя-тезки. К тому же в вариантах В. Чуркиной и В. Пименова обнаруживается немало параллелей, в том числе совпадения редких элементов. В обоих текстах Василий бьется с новгородцами «на болоте на Кули́ковом», во втором сюжете не упоминаются дружинники Василия. Некоторые традиционные мотивы и детали Пименов запомнил лучше Чуркиной. Подробнее рассказано о том, как в отсутствие своего предводителя состязается с новгородцами его «дружинушка хоробрая» (ст. 25—41); служанка подает хозяину «червлянной вяз», советуя отбросить «ось тележную»; назван по имени крестный отец Василия — «старчище Елизарище» (то же в былинах И. Митюшина — № 511 наст. тома; Т. Рябинина — Рыбн., № 17). Правда, старец почему-то назван «молодым» (ст. 70). В. Чуркин использует редкую эпическую формулу «народ валит, как травы с косы» (об избиении богатырем новгородцев). В тексте упомянут Волхов мост; герой живет в Киеве, хотя и «наезживает во Новгород» (ст. 1—4). Вместо синонимичной фразы «бьются-ратятся» сказитель употребил словосочетание «бьются-ранятся» (ст. 27). К вариантам В. Пименова и В. Чуркиной примыкают былины А. Пименова (№ 521 наст. тома) и Х. Пименовой (см. № 518—520 наст. тома), выросшей на том же Пелгострове и, как она утверждала, учившейся сказыванию старин у Василия Андреевича Пименова (НБ, с. 379).

№ 514

Василий Буслаевич

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 9, л. 2—15, полевая карандашная запись; ед. хр. 12, тетр. 1, л. 66—72 об., полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной; ед. хр. 19, л. 58—65, полевая карандашная запись Ю. А. Самарина (середина стихов затем дополнена им же до полных строк). Опубл.: С.—Ч., № 25.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 1 августа 1928 г., д. Семеново — от Григория Алексеевича Якушева, 65 лет.

Примечание собирателей: ст. 180 (sic!).

Разночтения ед. хр. 9, 12

Ст. 2 поцестный пир (ед. хр. 12); ст. 7 толстый (ед. хр. 12); ст. 8 уродливой (ед. хр. 12); ст. 9 благородливой (ед. хр. 12); ст. 10 на почестный (ед. хр. 12); ст. 11 еще был Буслафьевич (ед. хр. 9, 12); ст. 14 достае еще и (ед. хр. 12); ст. 19 пир (ед. хр. 9); ст. 22 дубину (ед. хр. 12); ст. 18, 47, 194, 206, 230, 231, 234, 237, 247, 278 ведь (ед. хр. 12); ст. 25 еще (ед. хр. 12); ст. 26 зворохнутсе (ед. хр. 19), зборотнутсе (ед. хр. 12); ст. 29 было (ед. хр. 12); ст. 30 была (ед. хр. 12); ст. 32, 35, 37 вздох (ед. хр. 12); ст. 42 мужики-то (ед. хр. 12); ст. 44 к Потанюшке (ед. хр. 12); ст. 48 меду (ед. хр. 12); ст. 50 Фома (ед. хр. 12); ст. 51 белой (ед. хр. 12); ст. 52 стретает (ед. хр. 12); ст. 53 Фома да (ед. хр. 12); ст. 59 не взворохнутсе (ед. хр. 12); ст. 62 богатырьскиих (ед. хр. 12); ст. 65 почестный (ед. хр. 12); ст. 66 полномочных; ст. 74 пьянёхоньки (ед. хр. 9, 12); ст. 75 веселёшеньки (ед. хр. 12); ст. 77 ли-то (ед. хр. 12), мы-то (ед. хр. 19); ст. 91 развинул (ед. хр. 12, 19); ст. 92 со братьямы (ед. хр. 12); ст. 93 да большое (ед. хр. 12); ст. 95 тут-то ведь (ед. хр. 12); ст. 96 Как тут оны еще принаилисе (ед. хр. 12); ст. 97 мужики-ты (ед. хр. 9); ст. 102 отсутствует (ед. хр. 12); ст. 98 вы зачим (ед. хр. 12); ст. 106 1000 (цифра); ст. 103 ни о ⟨...⟩ во тысячих (ед. хр. 12); ст. 111 на Волхой-то (ед. хр. 12, 19); ст. 112 да ⟨...⟩ ратитси (ед. хр. 12); ст. 113, 120, 145—147, 224, 248, 275 видь (ед. хр. 12); ст. 122 тот (ед. хр. 12); ст. 127 вси (ед. хр. 12); ст. 129 Васильюшко (ед. хр. 12); ст. 132 да уродлив был (ед. хр. 12); ст. 134 как бился он ⟨...⟩ с новгородськими (ед. хр. 12); ст. 138 с перелома (ед. хр. 12); ст. 139, 154 перевенчаны (ед. хр. 12);

ст. 143 *да* ⟨...⟩ *телятична* (ед. хр. 12); ст. 145 к Василью (ед. хр. 12); ст. 143 от*мнула* ⟨...⟩ эти погребы (ед. хр. 12); ст. 150 *ты* пропущено (ед. хр. 12); ст. 151 *над* головушкой *да* (ед. хр. 12); ст. 140, 155 *ушач*ками (ед. хр. 12); ст. 157 оны ⟨...⟩ избитыи (ед. хр. 12); ст. 158 *тут* пробуждает*ся* (ед. хр. 12); ст. 160 пометается (ед. хр. 9); ст. 161 цюлоцках (ед. хр. 12); после ст. 161 отсутствует ремарка (ед. хр. 12); ст. 163 он (ед. хр. 12); ст. 164 *зелезную* ⟨...⟩ да *телезные* (ед. хр. 12); ст. 165 ордынски*и* (ед. хр. 12); ст. 168 на*пал-то* (ед. хр. 12); ст. 170 во *рецьку* (ед. хр. 12, 19); ст. 171 беда (ед. хр. 12); ст. 172 неминучаю (ед. хр. 12); ст. 175 проведали (ед. хр. 12); ст. 178, 179 сильноё (ед. хр. 12); ст. 181 он (ед. хр. 12); ст. 182 [*кол*]ок*о́л* (ед. хр. 12); *окол* (ед. хр. 19); ст. 197 *напоимана* (ед. хр. 12); ст. 198 ощипаной (ед. хр. 19); ст. 203 *да* (ед. хр. 12); ст. 204 христовьського (ед. хр. 12); ст. 205 петровьськое (ед. хр. 12, 19); ст. 210 *он ему отсек да буйну голову* (ед. хр. 12); ст. 211 пал-*то* (ед. хр. 12); ст. 212 улетел-*то* (ед. хр. 12, 19), *он* на новой строке с прочерком, можно прочитать как отдельную строку: *Улетел-то он да во быструю* (ед. хр. 12); ст. 214 как-*та* (ед. хр. 12); ст. 216 как *стал-то* (ед. хр. 12, 19); ст. 219 *каменны* (ед. хр. 12, 19); ст. 221 *б*ида (ед. хр. 12); ст. 222 *его* (ед. хр. 12); ст. 225 остав*ит* на с*и*мяна (ед. хр. 12); ст. 227 в*и*дь *да* (ед. хр. 12); ст. 232 как улецу во реценьку (ед. хр. 12); ст. 238 *сзади* (ед. хр. 12); ст. 239 напала-*то* (ед. хр. 12); ст. 243 *топерь* (ед. хр. 12); ст. 245 *ен* (ед. хр. 12); ст. 248, 275 мни (ед. хр. 12); ст. 249 *речки* (ед. хр. 12); после ст. 249 *Унесло бы то рецьки по Волхове* (ед. хр. 12); ст. 250 сердецько (ед. хр. 12); ст. 251 на от*дых*-то (ед. хр. 12); ст. 261 *ни* (ед. хр. 12); ст. 264 *тыи* (ед. хр. 12); ст. 267, 269 *да* (ед. хр. 12); ст. 268 было человечешна (ед. хр. 12); ст. 279, 280 на камени (ед. хр. 12); ст. 281 *как* (ед. хр. 12); ст. 282 *со горы по*выйдет (ед. хр. 12), *весь* (ед. хр. 19); после ст. 282:

А кто через камень не перескочит,
Тот живой отсюль да не выйдет ведь
(ед. хр. 12);

ст. 285 уродливой; ст. 289 своим*а* (ед. хр. 12); ст. 291 кончалоси (ед. хр. 19).

Былина Г. Якушева примыкает к текстам его главного учителя Н. Прохорова (см. № 508, 510, 522 наст. тома). Первый сюжет у обоих сказителей начинается с описания пира в доме Василия Буслаева и выбора им дружинников; во втором не упоминается город Иерусалим. В этих вариантах совпадает подавляющее большинство сюжетообразующих элементов, имена соратников Василия и другие подробности повествования. В стилистическом плане отдельные фрагменты старины Якушева неравноценны. Он использует немало строк и тирад, выдержанных в традициях формульного стиля (ст. 55—59, 131—137, 178—180 и др.). Но вместе с тем нередко искажает эпические стереотипы до такой степени, что трудно понять смысл некоторых фраз (ст. 16—17, 45—49, 105—109, 158—159, 171—174, 200—205, 227—228 и др.). Вопреки логике, изменено содержание надписи на камне («Кто через этот камень перескочит, тот живой отсюда да не выйдет ведь»). По всей вероятности, сказитель был знаком не только с былиной Н. Прохорова, но и с другими изводами обоих сюжетов. В его варианте есть редкая деталь — в азарте боя Василий Буслаев «каляны (вместо «каменны») стены пробивать начал» (ср. с текстом колодозерского старика — № 509 наст. тома). Краткое повествование погибшего богатыря, череп которого «попинывает» Василий, о своих былых подвигах (ст. 270—276) сближает старину пудожского певца с записями с Мезени, Печоры (СБ 4, № 192 и др.). Упоминание «девки телятичны» вместо традиционной «девушки-чернавушки» — перенесение из местной редакции сюжета «Чурила и Катерина», а название «Калинов мост» и формула «...самому себя показать, людей ⟨...⟩ посмотреть» заимствованы из волшебных сказок.

№ 515

Про Василия Буслаевича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 24, беловая рукопись, карандаш и машинопись.

Зап. В. Р. Дмитриченко: август 1938 г., с. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Васильевича Кигачева, 42 лет.

Былина генетически восходит к тексту шальского лодочника (№ 507 наст. тома), повторяя его почти дословно. Некоторые мотивы опущены (ст. 36—43, 132—145, 160—167), но в целом это не отразилось на содержании произведения. Авторские нововведения тоже не играют существенной роли: это либо избыточные повторы (ст. 66—72, 86—92, 106—113), либо традиционные формулы, известные сказителю по другим былинам (хвастовство на пиру в ст. 154—160). Они дополнены фрагментами собственного сочинения («И много тут бояре не поняли, Показалось им непонятным, Меж собой стали перешаптывать»; «Если вы того не поняли, Так расскажу я вам по правилу»). Кигачев заменяет отдельные слова, далеко не всегда удачно: вместо словосочетания «клеточка железная» появляется «кладовочка железная». Изменено имя матери героя («Иринья Васильевна»), прозвища некоторых дружинников («Потанюшка Горбатенький», «Хомушка Хроменький»).

Публикуется впервые.

№ 516

Василий Буслаевич

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 4, ед. хр. 45, л. 17, черновая рукопись, карандаш с правками, текст перечеркнут крест-накрест.

Зап. Г. Ф. Нефедовым: 1938 г., д. Ялгансельга Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Петра Никитича Журавлева, уроженца д. Ялгансельга Пудожского у., неграмотного, 63 лет.

Примечание собирателя: «Знает содержание и путает, совершенно невозможно записывать».

Сказитель припомнил лишь начало традиционного сюжета, включив в него подробности собственного сочинения (заточив буйного сына, мать Василия до двенадцати лет кормит его через окошечко).

Публикуется впервые.

№ 517

Про Василия Буслаевича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 48, черновая рукопись.

Зап. Г. Н. Париловой: 1940 г., д. Каршево (д. Великодворская) Каршевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Федоровича Мишкина, 67 лет.

Пересказав два сюжета о Василии Буслаеве, исполнитель заметил: «Так: мальком вызыбывал, читаны были очень давно». Первоисточник второй части, изложенной конспективно, установить пока не удалось. Первая часть — рассказ о столкновении героя с новгородцами — зависима от текста Т. Иевлева из Кижей (Гильф., № 103): Василий отбивается от новгородцев колокольным языком. Еще один прототекст, к которому восходит вариант И. Мишкина, — старина шальского лодочника: начальные стихи и сцена укрощения разбушевавшегося богатыря (№ 507 наст. тома). Прослеживаются в былине и элементы мест-

ной традиции: после могучего удара Василия «у крестного батюшки глаза на лоб выскочили и поплыли по Волхов-реки, как два гоголя»; ср. записанные от земляков сказителя былины «Василий Буслаев» (№ 511 наст. тома); «Илья Муромец и Идолище поганое» (СБ 17, № 222, Щербаков).

Публикуется впервые.

№ 518

О Василии Буслаевиче

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 157, черновая рукопись, карандаш.

Зап. Ю. М. Агулянским, Б. Е. Марголис, К. В. Чистовым: 7 июня 1940 г., д. Новинка (Сумозеро) Пудожского с/с Пудожского р-на — от Хавроньи Макаровны Пименовой, неграмотной, 65 лет.

По уточнению Х. М. Пименовой, былину она «слышала лет двенадцати от Червова (умер) в Водлозере. Исполняла раньше про себя. На людях исполнила в первый раз».

Пояснения собирателей: ст. 9 скопнет — схватит; ст. 29 фатал-то — хватал; ст. 122 фала — хвала; ст. 126 чобот — обувь.

От Х. Пименовой, уже в зрелом возрасте переехавшей жить с Водлозера на Сумозеро, эта былина записана три раза. За два десятилетия она почти не изменилась ни по объему, ни по содержанию. Самые близкие к ней варианты В. Чуркиной, В. Пименова, А. Пименова записаны на Водлозере, в Пелгострове, родной деревне Х. Пименовой (№ 512, 513, 521 наст. тома). У всех упомянутых сказителей бой с новгородскими мужиками происходит не на мосту через реку Волхов, а «на болоте на Кули́ковом»; служанка приносит Василию «чернявой» («черненый») вяз, чтобы заменить впопыхах схваченную богатырем «ось тележную». Один и тот же поэтический образ использован для описания боя Василия с новгородцами: «народ-то валится, как трава с косы». Богатырь отправляется в последнюю поездку верхом на коне; роковой третий прыжок через камень он совершает «назад себя» (во второй по счету записи от Х. Пименовой ошибочно — «назад сидя»).

Публикуется впервые.

№ 519

Василий Буслаевич

Архив ФК МГУ, 1957, Сев. экспед., п. 1, тетр. 1, № 20, л. 4271—4277, рукопись. Опубл.: НБ, № 6.

Зап. Б. П. Кербелите, Е. А. Костюхиным, Ю. А. Новиковым, С. С. Ожеговой: июль 1957 г., д. Новинка (Сумозеро) — от Хавроньи Макаровны Пименовой, неграмотной, 82 лет.

Примечание собирателей: «Согласно пояснению Х. М. Пименовой, девушка-чернавушка — „ихняя служаночка"».

Разночтения НБ, № 6

Ст. 2 Ивановичь; ст. 3, 4 преставился; ст. 12 Намельфы; ст. 13 рожоно; ст. 41 за крестным; ст. 48 *ище*; ст. 54 чернявной; ст. 77, 93, 96, 98, 109, 111 Василей; ст. 96 *Спустился*-ко; ст. 107 *да поскакивать*.

Первую публикацию этой былины Ю. И. Смирнов снабдил следующим комментарием: «Печатается по копии из личного архива Ю.Смирнова (см. и Архив кафедры фольклора МГУ, 1957, пудожский маршрут, тетр.1, № 20). ⟨...⟩ Повторная и почти идентичная запись от нее же была сделана в 1960 г. Х. М. Пименова — уроженка д. Пелгостров в центральной части Водлозера, находящегося в 40 км к се-

веру от Сумозера. На родине она и переняла былину, по ее словам, от В. А. Пименова, от которого записывали „Василия Буслаевича" в 1928 г. (С.—Ч., № 171) ⟨...⟩ Сходный, но с худшим началом вариант студенты МГУ записали в 1957 г. уже на самом Пелгострове, от сестры сумозерской певицы Лукерьи Макаровны Приемышевой, от которой в 1928 г. был записан только пересказ былины „Ставер Годинович" (С.—Ч., № 173).

При сличении текстов обнаруживается, что они действительно относятся к одной версии, причем самым ранним известным ее исполнителем назван старик Иван Родионович, умерший лет в 70, где-то в начале XX в. Однако утверждать прямую текстуальную связь текста Х. М. Пименовой с былиной названного ею певца мы воздерживаемся, несмотря на многие текстуальные совпадения. У нее нет двух важных эпизодов (предложение новгородских мужиков устроить бой «о велик залог»; увод Василия матерью с побоища и усыпления его), описанных В. А. Пименовым. Но зато ею чуть полнее дано начало, подчеркнуто, что старчище первым замахивается на своего крестника, подробнее дан эпизод с униманием Василия, вся последующая часть былины до конца. Все это можно было бы объяснить забывчивостью обоих исполнителей, но этим никак не объясняется несовпадение имен: у Х. М. Пименовой старчище назван Перегрюмищем, а у В. А. Пименова — Елизарищем; у первой Василий уезжает на Фору́нь-гору (ср. Фаво́р-гора в других вариантах этой былины и в духовных стихах типа «Голубиной книги»), у второго — на Поло́нь-гору. А это значит, что наша певица слышала былину в исполнении не одного сказителя. Для публикуемой версии примечателен немотивированный и без дружины отъезд Василия Буслаевича на гору, причем он совершает путешествие не на корабле, а на коне» (НБ, с. 379).

№ 520

Василий Буслаевич

Архив ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п. 2, тетр. 18, № 27, л. 9806—9815, рукопись карандашом.

Зап. Т. Ярембаш, Ю. Грейдингом: июль 1960 г., д. Новинка (Сумозеро) — от Хавроньи Макаровны Пименовой (возраст не указан; в 1957 г. Х. М. Пименовой было 82 года. — *Сост.*).

Вариант почти без изменений повторяет две предшествующие по времени записи (№ 518, 519 наст. тома). В ст. 21, 23 — ошибка собирателей: традиционное словосочетание «ось тележная» (ср. два других варианта Х. Пименовой) заменено словом «стележина».

Публикуется впервые.

№ 521

О Василии Буслаеве

Из личного архива Н. А. Криничной.

Зап. Н. А. Криничной, В. И. Пулькиным: 15 июля 1965 г., д. Пелгостров Куганаволокского с/с Пудожского р-на — от Алексея Кузьмича Пименова, местного уроженца, неграмотного, 77 лет.

По содержанию и композиции текст примыкает к записям, сделанным от земляков сказителя. Он особенно близок к былинам В. Чуркиной, В. Пименова, в меньшей степени — Х. Пименовой (№ 512, 513, 518—520 наст. тома). Во всех перечисленных вариантах Василий сражается с новгородцами «на болоте Куликоем, на том побоище великоем». В финале былины он в одиночку, без дружинников выезжает из дома на Бурушке-косматушке/сивушке. У А. и В. Пименовых совпадают формулы «девочка-чернавочка, ⟨...⟩ служаночка»; «не попало ружьишко русское/червянный вяз, а попала ему ось тележная»; Василий

«пнул-лягнул голову человеческу». Упоминается Парунь/Полонь-гора. Другие фрагменты сближают комментируемый текст со стариной В. Чуркиной: «он преставился да приготовился» (об отце Василия Буслаева); крестный отец «колокольним языком подпирается, а весь Волхонский мост нагибается»; «горюч камень» — «побольше лесушка стоячего, пониже облака ходячего»; прыгая через него «назад себя», богатырь задевает за камень «черными чоботами».

Публикуется впервые.

ПОЕЗДКА ВАСИЛИЯ БУСЛАЕВА В ИЕРУСАЛИМ (№ 522—524)

Былина о паломничестве Василия Буслаева в Палестину записывалась на Пудоге гораздо реже первого, «новгородского» сюжета. В большинстве текстов повествуется лишь о смерти богатыря у «белого горючего камешка». Город Иерусалим, гроб Господень, «Ердан-река» упоминаются только в варианте шальского лодочника, у других сказителей действие перенесено «во чисто поле».

№ 522

Василий Буслаевич

Живая старина. 1906. Вып. 3, отд. 2. С. 128. Публикация имеет подзаголовок: «Смерть Василья».

Зап. А. С. Лесковым: Купецкий приход Пудожского у. — от Никифора Прохорова, крестьянина д. Бураково Купецкой вол. (точное время записи и возраст исполнителя не указаны) (около 1820 г. р.).

При третьей встрече с собирателем Н. Прохоров спел старину о поездке Василия Буслаева в Иерусалим как самостоятельное произведение. П. Н. Рыбников записал от него только сюжет «Василий Буслаев и новгородцы» (№ 508 наст. тома); А. Ф. Гильфердинг — былину, в которой объединены два сюжета о Василии Буслаеве (№ 510 наст. тома). Сопоставление комментируемого текста с вариантом из сборника Гильфердинга свидетельствует о его стабильности у Н. Прохорова: большинство мотивов и формул идентично. Опущен ст. 267, добавился ст. 47; подробности повествования факультативны и не влияют на развитие действия. Оригинальна концовка третьей записи — один из редких случаев прямой оценки поступков героя сказителем. Осторожные спутники Василия Буслаева прыгают через «гору камену», опираясь на «оратовья» (ратовья, т. е. копья) и благополучно возвращаются в Новгород. Но их отчаянный предводитель дерзко бросает вызов судьбе и погибает. Однако в заключительных стихах воспето не благоразумие, а «безумство храбрых»: «А их-то слава миновалася, А Васильева-то слава не миновалася». Частично такая формула представлена в былине шальского лодочника (№ 507 наст. тома). Этот эпический стереотип, впервые зафиксированный в начале XVIII в. (БЗП, № 31), встречается в эпических песнях других пудожских певцов (С.—Ч., № 45—48, М. Мякишев; СБ 16, № 70, И. Фофанов; см. также его историческую песню «Кострюк» — БПК, № 28, ст. 100).

№ 523

О Василье Буславьевиче

РГБ, ф. 125, п. 28, л. 236 об.—238 об., беловая рукопись. Опубл.: Рыбн., 1861, № 60.

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., Шальский погост Пудожского у. — от крестьянина лодочника (прочие сведения не указаны).

Текст переписан собирателем набело.

Разночтения рукописного и опубликованного текстов: незначительные изменения в пунктуации, выделение редактором красных строк.

Текст обычен для местной эпической традиции. Поездка богатыря в «Еросолим» мотивирована его стремлением приобщиться к христианским святыням. Некоторые мотивы не имеют близких параллелей в других записях былины. Запрет «купаться нагим телом» в «Ердан-реке» исходит от матери Василия Буслаева. Описана соборная церковь Преображения на Фавор-горе (ст. 28—33), до которой герою не суждено было добраться. Причина гибели богатыря — его непомерная самоуверенность. Вначале он пренебрежительно пинает «кость богатырскую», затем пытается перескочить через «бел горюч камень» не «передом», а «задом». Последняя строка былины («И во веки тая слава не минует») близка к аналогичной формуле в одном из вариантов Н. Прохорова и ряда пудожских сказителей (см. коммент. к № 522 наст. тома).

№ 524

Про Василия Буслаевича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 24, беловая рукопись, карандаш и машинопись.

Зап. В. Р. Дмитриченко: август 1938 г., с. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Васильевича Кигачева, 42 лет.

Публикуется впервые.

САДКО СОСТЯЗАЕТСЯ С НОВГОРОДОМ (№ 525—534)

О былой популярности старины Садко в Онего-Каргопольском крае свидетельствует тот факт, что она были зафиксирована собирателями практически во всех его регионах. Однако значительное число текстов фрагментарно, схематично, иногда пересказано прозой. В них немало отступлений от традиционных стереотипов. Даже от таких мастеров былевой поэзии, как Н. Прохоров, П. Калинин, Г. Якушев, Ф. Конашков, записаны старины, в содержательном и художественном плане заметно уступающие среднему уровню их былин. Единственное исключение — великолепные варианты сумозерского певца Андрея Пантелеймоновича Сорокина, родом из деревни Ченежи в среднем течении реки Водлы. Записанные П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом, они по праву считаются лучшими образцами эпических песен о Садко. «Более полных и высокохудожественных вариантов этой былины последующие собиратели уже не находили, — полагает Ю. И. Смирнов. — Наряду с вариантами из сборника Кирши Данилова текст А. Сорокина быстро стал хрестоматийным, его многократно перепечатывали в разных популярных изданиях. К нему чаще всего обращались ученые, дабы подкрепить свои суждения обо всех вариантах былины „Садко", и его читали в севернорусских деревнях, что приводило к частичному или полному освоению его содержания и к попыткам передать новым собирателям освоенное как продукт местной традиции» (НБ, с. 396—397).

В указателе «Былина и книга» отмечено восемь связанных с печатными источниками текстов. Семь из них в той или иной мере зависимы от старин сумозерского сказителя (см.: Новиков 2001, с. 172—174).

Текст А. П. Сорокина содержит все сюжеты, посвященные Садко, «причем первый сюжет у него как бы удвоен и отчасти совмещен со вторым из-за того, что Садко дважды спорит с новгородцами» (НБ, с. 397). Традиционность такой комбинации эпизодов и мотивов косвенно подтверждает старина печорского певца П. Торопова (СБ 2, № 255). Считать ее даже «отчасти книжной» (мнение Ю. И. Смирнова), зависимой от сорокинского извода вряд ли правомерно. В деталях повествования первая часть этого произ-

ведения отличается от вариантов пудожского сказителя, но вторая и третья части полностью укладываются в рамки печорской эпической традиции (подробнее см. СБ 2, № 255 и коммент. на с. 500—501). А. Ф. Гильфердинг прослушал, но, к сожалению, не записал пересказ М. Меньшиковой с Кенозера, отметив, что ее текст одинаков по содержанию «с напечатанным выше под № 70», т. е. с былиной Сорокина (Гильф. III, с. 444). Сводную былину А. Ф. Гильфердинг записал в Пудожгорской волости от П. Калинина (СБ 16, № 13), но в ней приключения Садко в подводном царстве предшествуют рассказу о его внезапном обогащении. Все перипетии повествования о Садко содержатся в прозаическом варианте «крестьянки Дмитриевны» из Северного Прионежья, правда, вторая часть в нем сжата до одного предложения — «Потом он взяў, закупиў в Новигороди в три дня всю, весь товар, што было...» (НБ, № 30).

В отличие от архангельско-беломорских былин в пудожских записях Садко проигрывает спор новгородским купцам, не сумев выкупить в их лавках все товары (единственное исключение — варианты Ф. Конашкова).

№ 525

Садко-купец, богатый гость

Рыбн., 1861, № 64.

Зап. неустановленным лицом: лето 1861 г., д. Сумозеро Филимоновской вол. — от Андрея Пантелеевича Сорокина, крестьянина д. Новинка на Сумозере, 32 лет (около 1828 г. р.).

Пояснения П. Н. Рыбникова: ст. 101 иный — единый, один; ст. 238 «Этим не оканчивается испытание: Садко предлагает дружине сделать жеребья дубовые, а сам делает липовый; потом дружина делает жеребья липовые, а он дубовый (так П. Н. Рыбников пересказывает пропущенное место, в издании отмеченное отточием. — *Сост.*)».

Былина записана от А. Сорокина двумя собирателями — П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом (см. № 526 наст. тома). В комментируемом тексте и в повторной записи немало деталей и формул, отсутствующих или крайне редких в других вариантах «Садко». Повествуя о втором споре героя с новгородскими купцами, сказитель упоминает «настоятелей ⟨...⟩ Фому Назарьева и Луку Зиновьева» (вероятнее всего, эти имена перенесены из сюжета «Василий Буслаев и новгородцы»). Садко возвращается из подводного мира «на белый свет» во время сна, что традиционно для этой старины. Но в варианте А. Сорокина герой попадает во сне и во владения морского царя; ср. тексты повенецкого сказителя В. Лазарева (Рыбн., № 108) и Ф. Пономарева с Зимнего Берега (Марк., № 95). Оказавшись «во синем мори на самом дне», Садко «сквозь воду увидел красное солнышко, вечернюю зорю, зорю утреннюю». Это — уникальная деталь комментируемого текста. Судя по всему, сказитель различает повелителя Ильмень-озера и владыку «синего моря». Видимо, вполне логично, что в записи А. Ф. Гильфердинга в «новгородской» части былины фигурирует не морской царь, а царь водяной (ст. 54—55). В обоих текстах, записанных от Сорокина, морской царь прямо объявляет, что захватил Садко в наказание за долги: «Век ты, Садке, по морю езживал, Мне царю дани не плачивал». О музыкальном даровании Садко он слышал от других: «Скажут, мастер играть в гусли яровчаты». (В устах персонажа, который в первой части былины восторгается «игрой нежною» Садко-гусляра, подобная фраза неуместна.) Сказитель воспринимает переход героя из привычного мира в подводное царство как разновидность смерти («...Не толь страшно мне принять смерть на синем море»; то же в повторной записи — см. ст. 437). Микола Можайский предупреждает своего подопечного, чтобы после женитьбы на девице-чернавушке он «не творил с ней блуда». Ср.: «брак с существом иного мира навсегда лишает пришельца возможности вернуться в свой мир» (Пропп—Путилов, т. 1, с. 537). В других вариантах былины отголоски этого древнего поверья не прослеживаются, но у Сорокина

сказано определенно: «Останешься на веки во синем море» (в повторной записи эта фраза отсутствует). Эпитет «красавица-девица чернавушка», вероятнее всего, является индивидуальной новацией сказителя. Другие певцы использовали прямо противоположные характеристики: «чернавушка ⟨...⟩ да шолудьянушка» (Марк., № 95), «почернее всех» (Рыбн., № 108), «девица, коей хуже нет, ⟨...⟩ коей чернее нет» (Гильф., № 174). Эти детали органично вписываются в круг архаичных представлений о том, что в ином мире истинно ценные вещи выглядят неказисто (ржавая лампа Аладина; щепки и рыбья чешуя, попавшие в сети Садко и превратившиеся потом в золото и серебро). «Чернава — это служанка, выполняющая черную работу. ⟨...⟩ Певец сохранил слово, но переиначил его смысл и связанный с ним образ» (НБ, с. 400). В тексте, записанном А. Ф. Гильфердингом, морской царь отдает должное прозорливости Садко: «Ты умел да женитися, Садке, в синём мори». Первая часть формулы похвальбы Садко на пиру (ст. 116—119) созвучна монологу Ставра у ряда прионежских сказителей (Рыбн., № 14; Гильф., № 109 и др.). Сравнение головы морского царя с «кучей сенной» аналогично характеристике Соловья-разбойника и других эпических противников героя (Рыбн., № 196 «Михайло Потык»; С.—Ч., № 199 «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и др.).

№ 526

Садко

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 324—332 (л. 340—348), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 70, стб. 384—399.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами проставлена пунктуация. Слева над текстом зачеркнуто число «35». Под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же, 1 августа».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 1 августа 1871 г., д. Сумозеро Филимоновской вол. — от Андрея Пантелеевича Сорокина, крестьянина д. Новинка на Сумозере, 43 лет (около 1828 г. р.).

Разночтения Гильф., № 70

Ст. 50 испр. из: *А опять волна*; ст. 68 испр. из: *будет все*; ст. 126 Садку; ст. 203 испр. из: *Умной-разумной*; ст. 225 *казна* отсутствует; ст. 293 испр. из: *Что не мог да я да повыкупить*; ст. 576 испр. из: *А жена, дружинушка Садка встречают*.

Повторная запись «Садко» служит веским аргументом в пользу того, что А. Сорокин не был сказителем-импровизатором, как считают некоторые исследователи. В его вариантах, разделенных по времени записи 11-летним промежутком, многие формулы и тирады совпадают почти дословно. Нет заметных расхождений и в содержании былины. Значительная разница в объеме (387 стихов в сборнике П. Н. Рыбникова и 601 — в сборнике А. Ф. Гильфердинга) отчасти объясняется обстоятельствами записи, на что указывает Ю. И. Смирнов: «А. П. Сорокин очень подробно описывает события на море и особенно жеребьевку. Вероятно, тому, кто сделал запись (кажется, это был безвестный писарь, исполнявший приказ П. Н. Рыбникова), наскучило писать повторы, что привело к пропуску в записи после ст. 239 и подстрочному примечанию, неизвестно кем сделанному:[4] „Этим не оканчивается испытание: Садко предлагает дру-

[4] Рыбн., т. 2, с. 249. Ни о каком «приказе» П. Н. Рыбникова говорить не приходится. В «Заметке собирателя» он сообщает, что не смог зафиксировать весь репертуар сумозерского певца. «Несносная боль в руке ⟨...⟩ принудила меня просить г. Шиша найти какого-нибудь писца для записи остального» (Рыбн., т. 2, с. 66).

жине сделать жеребья дубовые, а сам делает липовый; потом дружина делает жеребья липовые, а он — дубовый"» (НБ, с. 398). Пропущенный писарем эпизод зафиксирован А. Ф. Гильфердингом (ст. 394—411). Видимо, это не единственный случай «стяжения» текста. В повторной записи содержатся существенные детали, отсутствующие в первоначальном варианте. В ст. 173 вскользь говорится о женитьбе разбогатевшего героя; в ст. 560 морской царь отдает должное предусмотрительности Садко, который выбрал единственно возможный способ вернуться «на белый свет»: «Ты умел да женитися ⟨...⟩ во синем море». В ст. 525, изложив герою план его спасения, Микола Можайский «теряется» (исчезает, становится невидимым). Некоторые дополнения, вероятнее всего, продиктованы приверженностью певца к троекратным повторам. По приказу Садко его спутники вслед за бочками с золотом и серебром бросают в море бочку с жемчугом (ст. 352—364). В дополнение к «волжаным» и золотым жребиям они изготавливают «жеребья дубовые». Удачно истолковано сказителем чудесное обогащение Садко: таким способом водяной царь благодарит гусляра, «развеселившего» гостей искусной игрой (ст. 57—61).

Приведенные примеры подтверждают общую закономерность: как правило, былины в сборнике А. Ф. Гильфердинга полнее и качественнее записей П. Н. Рыбникова (или его корреспондентов) отчасти потому, что они фиксировались с пения. Но в случае с «Садко» картина не столь однозначна — составители многих антологий и хрестоматий отдавали предпочтение рыбниковскому варианту. Дополнения А. Сорокина, сделанные при повторной записи, не всегда художественно оправданы; многие из них факультативны, приводят к избыточному многословию, перегружены незначимыми словами. См., например, ст. 93—97, 124—131 в первоначальной записи и ст. 185—193, 294—250 в повторной. При повторной записи сказитель без особой нужды трижды повторил развернутую формулу хвастовства гостей на пиру (ст. 64—79, 102—119, 194—208). В первом варианте она использована только один раз (ст. 98—107). Сюжетно не мотивировано решение Садко по возвращении в Новгород кроме соборной церкви «Миколы да Можайского» построить храм в честь Пресвятой Богородицы.

№ 527

Садко

РГАЛИ, ф. 1456, ед. хр. 34, тетр. 1, л. 56 об.—59, полевая карандашная запись В. И. Яковлевой (полные строки); ед. хр. 25, тетр. 1, л. 89—94 и 198—202, полевая карандашная запись (полные строки). Опубл.: С.—Ч., № 91.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 10 июля 1928 г., пос. Устье Шалы — от Федора Андреевича Конашкова, 68 лет.

Разночтения ед. хр. 25

Ст. 10 *оны*; ст. 22 отправилсе; ст. 38 двигаетсе; ст. 54 А видно *самого меня* цярь морьской; ст. 108 корабл*и*-ты.

В тексте Ф. Конашкова представлены вторая и третья части сводной былины «Садко». В них немало отступлений от традиции. Главного героя сказитель изображает купцом, прибывающим с товарами в Новгород из «той Индеи да богатые». Место Волхова заняла близкая по звучанию «матушка да Волга-река». Спор о том, что он сумеет выкупить в Новгороде все товары, инициирует сам Садко; в записях, сделанных от Конашкова через 10—12 лет, зачинщики — новгородские купцы. В отличие от других прионежских вариантов, герою удается сдержать данное им слово. Уникальна мотивировка остановки кораблей в открытом

море: морской царь хочет, чтобы Садко разрешил его спор с женой о том, что больше ценится на Руси — булат или золото («А для того твои кораблики поставили»). В других вариантах Конашкова этот мотив отсутствует. Лишь в записи 1937 г. (№ 529 наст. тома) имеется намек на него: «Долго мы тебя ждем...». Обычно спор морского царя с царицей в былинах о Садко вторичен. Основная причина остановки кораблей — неуплата даней хозяину водной стихии. Не имеет аналогов в других записях и попытка героя откупиться от морского царя, отправив в подводное царство матроса. Как и во многих других текстах, «Микулай цюдотворець» подсказывает Садко способ выбраться на белый свет, но герой оказывается не в Новгороде, а в Киеве, «у Софии у Премудрыи». В тексте встречаются слова и выражения, не свойственные былинному стилю («гостиниця», «закупщыки», «царь морской, он и страх людской», «матрос», «комната»).

№ 528

Садко

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 12, тетр. 2, л. 183—183 об., полевая карандашная запись; ед. хр. 9, л. 64—65, полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной; ед. хр. 19, л. 142 об.—143; ф. 483, оп. 1, ед. хр. 479, л. 6, машинопись. Опубл.: С.—Ч., № 26.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 12 июля 1928 г., д. Семеново; ф. 483, ед. хр. 479 — зап. в д. Мелентьевской — от Григория Алексеевича Якушева, 65 лет.

Разночтения ед. хр. 12, 19

Ст. 2 богач*ества* (ед. хр. 19); ст. 3 *мни* на мои-ты деньги *великие*, не наполнить *мни* товара (ед. хр. 19); ст. 6 *от*купил (ед. хр. 19); ст. 7 *при*возить, *откупил он товары* отсутствует (ед. хр. 12); ст. 8 *как товаров там* втрое-вдвое (ед. хр. 12); ст. 9 брал-*то* (ед. хр. 19); ст. 10 *что* денежек *не стало* (ед. хр. 12).

Исполнитель пересказал прозой один из ключевых эпизодов былины: герой пытается выкупить в Новгороде все товары. Три дня ему это удается, но на четвертый день «Садко богатыих» вынужден признать свое поражение. В тексте отсутствуют приметы стихотворного склада, не сказано, с кем герой поспорил и почему, выкупив множество товаров, он «обнищал ⟨...⟩ стал бедныим». Стилистически пересказ Г. Якушева далек от эпических канонов, в нем встречаются не свойственные фольклорным произведениям слова («публика», «суммушка»). Название «село Карачарово», вероятно, позаимствовано из сюжета «Исцеление Ильи Муромца». С творческим наследием главных учителей Г. Якушева (Н. Прохорова, П. Антонова, И. Фепонова) его текст не связан. Былина о Садко записана от Прохорова, но это лишь третья часть сводного сюжета (№ 535 наст. тома «Садко в подводном царстве»).

№ 529

Садко

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 2, тетр. 1, ед. хр. 30, черновая рукопись, карандаш. Опубл.: Линевский, № 18а. Вар.: С.—Ч., № 91.

Зап. М. А. Ивановой: 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

Текст по содержанию близок к записи, сделанной от сказителя годом позже (№ 530 наст. тома). В нем сохранилось всего несколько былинных формул и постоянных эпитетов, доминируют прозаизмы и разговорная лексика («познакомился», «приказчики», «одели матроса в шинель», «пришли корабли благополучно»).

№ 530

Садко

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 2, тетр. 1, ед. хр. 48, черновая рукопись, карандаш. Опубл.: Линевский, № 18. Вар.: С.—Ч., № 91.

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 78 лет.

Примечание исполнителя: ст. 125 «эту на голос труднее брать».

В публикации нарушена нумерация строк.

Разночтения Линевский, № 18

Ст. 1, 2 переставлены; ст. 3 под товар *привел*; ст. 4 *тридесятый*-то кораб-*то*; ст. 5 публикации в ркп. отсутствует; ст. 7 (ст. 6 ркп.) ведь; ст. 8 (ст. 7 ркп.) во тереми-*то ведь*; ст. 21 (ст. 20 ркп.) Садка, купця; ст. 30 (ст. 29 ркп.) откупить; ст. 34 (ст. 33 ркп.) *На* второй-то; ст. 52 (ст. 51 ркп.) отправился; ст. 53, 55 публикации в ркп. отсутствуют; ст. 54 ркп. в публикации отсутствует; ст. 60 (ст. 57 ркп.) кольско, *чай*; ст. 67 (ст. 64 ркп.) *кверху боцьку*; ст. 76 (ст. 73 ркп.) *царь морской* требует; ст. 78 (ст. 75 ркп.) спустили-*ко*; ст. 80 (ст. 77 ркп.) *по золотой ён по леснице*; ст. 81 публикации в ркп. отсутствует; ст. 82 (ст. 78 ркп.) морьска; ст. 84 (ст. 80 ркп.) морьским; в ст. 86 публикации оговорка сказителя: *Говорит-то Садко, купец богатыи*; ст. 88 (ст. 84 ркп.) А *говорит* цяриця-*то* морьска; ст. 89 (ст. 85 ркп.) булат-железо *дороже ведь*; ст. 92 (ст. 88 ркп.) видать; ст. 93 (ст. 89 ркп.) железо-*ка*; ст. 98 (ст. 94 ркп.) морьская; ст. 102 (ст. 98 ркп.) игр*ай*; ст. 105 публикации в ркп. отсутствует; ст. 106 (ст. 101 ркп.) море-то *видь*; ст. 107 (ст. 102 ркп.) *Как* колько; ст. 124 (ст. 119 ркп.) *да ты же ведь страх*; ст. 125 (ст. 120 ркп.) меня *съездить*; ст. 126 публикации в ркп. отсутствует; ст. 127 (ст. 122 ркп.) струнами; ст. 129 (ст. 123 ркп.) Примудрой.

«Былина „Садко", по Конашкову, дается в двух вариантах: первый записан „с голоса", второй со слов, что отразилось на качестве последнего текста: в нем налицо разложение стиха» (Линевский, с. 200).

В содержательном плане эта запись практически не отличается от первоначальной (№ 527 наст. тома). Добавлено невыразительное описание терема Садко (ст. 6—10). Сказитель уточняет: нагрузив свои корабли новгородскими товарами, герой отправляется «возвратно в свою Индею богатую», а морской царь не принимает и «боцьку с златом с серебром», и матроса, которого намеревались отправить в подводное царство. Текст завершает эпическая концовка, усвоенная Ф. Конашковым от П. Рябинина-Андреева.

№ 531

Садко купец богатый

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 12, ед. хр. 16, рукопись.

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Анны Михайловны Пашковой, уроженки д. Ярчево Пудожского у., малограмотной, 73 лет.

Как отмечали петрозаводские фольклористы, источник текста указала сама исполнительница — это хрестоматия А. Я. Острогорского «Живое слово» (Живое слово : Книга для изучения родного языка. Ч. 3 / Сост. А. Я. Острогорский. Пг., 1916). «Пашкова заучила „Садко" в 1938 г., т. е. в год записи от нее былин» (БПК, с. 462). Сказительница близко к тексту повторила варианты А. Сорокина (№ 525, 526 наст. тома), творчески объединив их. И в Ильмень-озере, и в открытом море Садко встречается с морским царем; вступая в спор с героем по поводу «рыбки-золотые перья», три новгородских купца закладывают «по три лавочки товара красного» (ср. № 525 наст. тома; в повторной записи купцы закладывают шесть лавок, сколько их участвует в споре, не сказано — ср. № 526 наст. тома). Не упомянуты дубовые и липовые жребии; голова морского царя не сравнивается с «кучей сенной»; на морском дне герой видит «пекучись красно солнышко» (ср. № 525 наст. тома). К записи Гильфердинга комментируемый текст отсылают формулы «знаю чудо-чудное да диво-дивное»; указание на то, что после разговора с Садко Микола Можайский «невидим стал». Исполнительница отождествляет водяного царя из Ильмень-озера с царем «моря синего». Заполучив Садко в свои владения, он признается: «Хорошо ты спотешал меня да в Ильмень-озери». Как и в других старинах, в былине о Садко Пашкова дает волю своей фантазии, вводя в нее детали собственного сочинения и нестандартную лексику (бочку с серебром «на блоках спустили во синё морё»; играя на пирах, Садко-гусельщик «тем кормит ⟨...⟩ свою матушку». Микола Можайский — «старичок благообразненькой да весь седатенькой, весь в крестах кругом да со Еваньельем». Наряду с купцами в тексте упоминаются воеводы новгородские. «Жеребья волжаные» (сделанные из прутьев таволги) заменены «жеребьями кожаными».

Публикуется впервые.

№ 532

Садко новгородский

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 1, ед. хр. 64—64а, беловая рукопись, карандаш.

Зап. М. М. Михайловым: июль 1938 г., с. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Васильевича Кигачева, 42 лет.

Предположительно Н. Кигачев заучил былину А. Сорокина по хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия» (БПК, с. 488). В этот текст он включил эпизод, зависимый от старины Н. Прохорова (с былиной Прохорова перекликается объяснение Садко, почему булат ценится дороже золота — № 535 наст. тома, ст. 244—261). Сказитель сохранил оригинальные детали и формулы, отличающие первый вариант былины Сорокина (ср. № 525 наст. тома). На берегу Ильмень-озера Садко садится «на бел-горюч камень» (в повторной записи — «на синь-горюч камень»). В споре с Садко новгородские купцы закладывают 3 лавки с товарами (в повторной записи — 6 купцов «по лавочке»). Отправляясь на морское дно, герой просит своих товарищей принести ему гусли (в повторной записи — берет их сам). Н. Кигачев ввел в былину ряд мотивов и подробностей собственного сочинения. Из Невы-реки корабли выплывают не в безы-

мянное «сине море», а в «море Балтийское»; в финале произведения Садко просыпается на берегу Волхова, а не реки Чернавы. В тексте встречается немало лексических модернизмов («почетный пир», «и стало денежек у него сумма несчитана», «заставала их тут буря великая», «в свою очередь царица молвила», «скажи ⟨...⟩ правду подлинную» и др.).

Публикуется впервые.

№ 533

Садко

Архив КФАН, р. III/2, № 213.01.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Исполняет Федор Андреевич Конашков. „Садко"».

Начало былины о Садко, записанное для фиксации ее напева.

Публикуется впервые.

№ 534

Садко

Архив КФАН, Р III/2, № 211.01.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова. Напев транспонирован на 1 тон ниже.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Поет сказитель Конашков. „Садко". Повторная запись».

Целлулоидный диск Архива КФАН, р. III/2, № 212.01 представляет собой механическую копию диска Архива КФАН, р. III/2, № 211.01.

Повторная запись начала былины о Садко, идентичная предыдущей (см. № 533 наст. тома).

Публикуется впервые.

САДКО В ПОДВОДНОМ ЦАРСТВЕ (№ 535—537)

Пудожские сказители по-разному объясняют стремление морского царя разлучить героя «со белым светом». Доминирует мотивировка, согласно которой Садко много лет плавал по морю, а его владыке «дани не плачивал». Но в некоторых текстах Садко нужен морскому царю, дабы разрешить его спор с женой о том, что больше ценится на Руси — булат или золото. В роли духовного покровителя, помогающего герою освободиться от власти морского царя, выступает Микола Можайский.

Пудожские записи этой былины, как и варианты из других регионов Прионежья, не дают оснований считать сюжет «Садко в подводном царстве» эпической песней о сватовстве, как полагал В. Я. Пропп. Ни в одном из текстов стремление к браку с девушкой из подводного мира не декларируется как изначальная цель героя. Напротив, он пускается во всяческие ухищрения, чтобы остаться на корабле, а потом — вер-

нуться на святую Русь. Женитьба — лишь способ добиться истинной цели. По совету Миколы Можайского (а не по собственной инициативе) Садко имитирует женитьбу; женившись, он навсегда останется в подводном мире.

№ 535

Садко

РГБ, ф. 125, п. 28, л. 46 об.—48, полевая запись. Опубл.: Рыбн., 1861, № 62 «Садко-купец, богатый гость».

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., д. Бураково Купецкой вол. — от Никифора Прохорова (около 1820 г. р.).

Текст без заглавия помещен в подготовительной тетради после былины о Садко, записанной от Т. Г. Рябинина, как ее дополнение. В примечании к ст. 1 П.Н.Рыбников поясняет: «Это также отрывок, но продолжающий предыдущее, когда Садков корабль стал на море и начали бросать жеребья, чьею смертью выкупать беду» (л. 46 об.).

Пояснение издателя: ст. 62 достань — доставь.

Разночтения Рыбн., № 62

Ст. 50 *У того ли у царя морскаго*; ст. 52 *Говорил царь таково слово.*

Н. Прохоров удержал в памяти отдельные фрагменты былины «Садко в подводном царстве». В тексте не мотивирована необходимость жеребьевки. Все ее участники изготавливают одинаковые жребии; о надписывании на жребиях имен ничего не сказано. Необычна развязка спора морского царя и его жены о ценности золота и булата. Садко принимает сторону морского царя (отдает предпочтение золоту — ст. 44—46), и тот срубает царице голову (то же в тексте П. Калинина из Пудожгорской волости — СБ 16, № 13). Концовка былины, скорее всего, плод индивидуального творчества Прохорова (морской царь отпускает Садко на святую Русь; провожает Садко морская царевна, от брака с которой он отказался).

№ 536

Садко-купец новгородский, богатый гость

Архив ФК МГУ, 1957, Сев. экспед., п. 1, тетр. 1, № 9, л. 4195—4200, рукопись. Опубл. (с примечанием: «из личного архива Ю. Смирнова»): НБ, № 29.

Зап. С. С. Ожеговой, Ю. А. Новиковым, Ю. И. Смирновым: июль 1957 г., д. Кривцы Кривецкого с/с (р. Водла) — от Дарьи Филипповны Маташовой, неграмотной, родом из д. Отовозеро, 58 лет.

Текст, хранящийся в архиве Ю. И. Смирнова, и текст из архива кафедры фольклора МГУ восходят к одному исполнению пересказа былины о Садко, однако сравнение этих двух записей выявляет некоторые расхождения, в частности, сокращены пояснения рассказчицы в самом начале текста. Вместо разнобоя в имени главного героя (в записи, хранящейся в МГУ), в публикации Ю. И. Смирнова он неизменно называется «Са́дка», с соответствующими формами косвенных падежей (однако при этом сохраняются «Садков жребий» и «Садковы корабли», как и в записи из архива кафедры фольклора). Имеется значительное ко-

личество случаев, когда в одном из текстов обозначено ударение, а в другом оно не проставлено; то же касается и несовпадений в употреблении букв е/ё — эти разночтения мы особо не оговариваем.

Разночтения НБ, № 29

Ст. 4 *по* морю; ст. 8 *Микола*; ст. 13 Давайте; ст. 14 жеребий; ст. 18 заставлят; ст. 19 так *играт*, и день *играт*, и ночь *играт*; ст. 23 за плецька; ст. 24 играть, *Садка*, тебе ⟨...⟩ *заливат*; ст. 28 девиця-чернавоцька красавиця; ст. 28—29 *на* чернавоцьке; ст. 30—31 *не играшь, Садка, больше в гуселки яровчаты*?; ст. 32—33 Хочу жениться; ст. 39 *И вот, царь морской*; ст. 40 с гуселками *с яровчатыми*; ст. 40 *и с молодой женой*, чернавицей-красавицей; ст. 42 *поминат*; ст. 43 *и* [*Садка*] хотел; ст. 46 встречать *своёй дружины*; ст. 46—47 дружина удивилась; ст. 47—48 к Садке, *вся дружина Садки*.

Несоответствия могут быть вызваны тем, что тексты в архиве кафедры фольклора МГУ и личном архиве Ю. И. Смирнова являются двумя чистовыми редакциями полевой записи, переписанными набело разными собирателями (С. С. Ожеговой и Ю. И. Смирновым), а при выполнении подобной работы разными людьми, как показывает опыт, редко возникают одинаковые тексты.

Согласно комментарию Ю. И. Смирнова, «в 20—30-х гг. в д. Отовозеро, находившейся в юго-восточном углу Пудоги и к 1957 г. переставшей существовать, бытовала заметная эпическая традиция. Среди стариков, певших старины и рассказывавших сказки на деревенских сборищах, выделялся Степан Васильевич Полин, по прозвищу Мартыха («дед Мартышка», как его называла Дарья Филипповна Маташова). Умер он в 1931 г., примерно 55—60 лет от роду. От него-то, по ее словам, Д. Ф. Маташова и слышала „сказку" про Са́дку. Добрая и отзывчивая женщина, рассказчица охотно делилась с собирателями своими фольклорными знаниями, но недостаток опыта не позволил им как следует поработать с рассказчицей: необходимо было сделать еще хотя бы одну повторную запись и добиться пояснений рассказчицы по ходу текста. Текст Д. Ф. Маташовой содержит все три сюжета (выделяемых фольклористами в былинах о Садко. — *Сост.*). Внешне он сходен с сорокинским, однако уже как последующая эволюционная ступенька. Его особенность заключается в том, что Микола Можаньский с самого начала принимается опекать героя. Благодаря этому четко определяются две линии поведения Садки. Первая — это линия Садки-язычника, которому нравится забавлять морского царя. О награде со стороны морского царя здесь не говорится, но тут, возможно, виноваты собиратели, не спросившие рассказчицу о том, как обогатился Садка. Выбери Садка окончательно этот путь, и он навсегда останется у морского царя.

Другая линия — линия Садки-христианина, послушно следующего приказам и советам Миколы Можаньского. Этим противопоставлением Садки-язычника и Садки-христианина и изначально активной ролью Николы Можайского текст Д. Ф. Маташовой эволюционно предшествует печорским вариантам, где роль Николы стала самодовлеющей (см. НБ, № 38—40). Садка навсегда отказывается играть в гуселки яровчаты, о чем говорится только у Д. Ф. Маташовой, но зато остается жить на земле, в богатстве и почете. В этом слышится отзвук отношения церкви, яростно осуждавшей гусляров и скоморохов, „бесовские пляски и игры". В отличие от сорокинского и некоторых других вариантов чернавица тут превращается не в реку, а в большое толстое бревно. Этим „сказка" Д. Ф. Маташовой перекликается с быличками, в которых угощение водяного (лешего, черта), если его перекрестить, если на него взглянуть глазами христианина, оказывается дрянью» (НБ, с. 401—402).

№ 537

Про Садко

Архив ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п. 2, тетр. 10, № 34, л. 8783—8784, рукопись карандашом. Опубл.: НБ, № 46 «Садко».

Зап. Б. А. Исадченко, Н. В. Муратовым: 9 июля 1960 г., д. Челмужи — от Александры Антоновны Суриковой, неграмотной, 57 лет.

Примечание собирателей: «От А. А. Суриковой записаны песни, баллады, много хороших сказок».

Разночтения НБ, № 46

Ст. 1—2 звончатые гуслицы; ст. 5 *духу не было.*

Последняя фраза комментария рассказчицы в НБ опущена.

По мнению Ю. И. Смирнова, собиратели, «не имея опыта, не смогли записать от рассказчицы более полный текст. Между тем запись любопытна своим сходством с одним печорским вариантом (см. НБ, № 39) мотивами самостоятельного поведения Садка в подводном царстве и ответной реакцией морского царя. Такие переклички независимых текстов, зафиксированные на значительном расстоянии друг от друга, не могут быть случайными. Причина отмеченного сходства, возможно, заключается в том, что не только Новгородская метрополия, но и Обонежье, давно обжитое новгородцами, поставляло переселенцев в дальние северо-восточные районы Севера, включая Печору. Эти переселенцы и уносили с собой усвоенные эпические песни» (НБ, с. 415).

СУРОВЕЦ-СУЗДАЛЕЦ (№ 538)

За всю историю собирания эта былина зафиксирована всего в нескольких вариантах. Прозвище героя связано с древним городом Суздалем, редко упоминающимся в русском эпосе (братья Суздальцы в ряде архангельских записей «Камского побоища» — Гр. II, № 64 (276), 91 (303); Суздаль-град в печорской старине «Алёша Попович и Тугарин» — СБ 1, № 115). Сюжет предельно прост по композиции — описывается один подвиг героя, освобождающего Русь от вражеского нашествия. Несмотря на небольшое количество записей «Суровец-Суздалец» найден в разных, далеко отстоящих друг от друга регионах (Поволжье — Кир. III, с. 107; Т.—М., № 65; Пудога — № 538 наст. тома; Урал — КД, № 58; один текст непаспортизирован — Кир. III, с. 110). Эти факты позволяют предполагать, что мы имеем дело с архаичной структурой и достаточно древним сюжетом, который в прошлом, видимо, был довольно популярным, но со временем уступил позиции другим старинам об отражении вражеского нашествия («Илья Муромец и Калин-царь», «Василий Игнатьевич и Батыга», «Михайло Данилович» и др.).

№ 538

Про Суровца богатыря

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 27, рукопись. Опубл.: БПК, № 59.

Зап. В. Р. Дмитриченко: 1938 г., д. Нежино Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Емельяновича Родина, уроженца д. Нежино, неграмотного, 84 лет.

Как и другие записи этой былины, пудожский вариант несложен по структуре, повествование строится на одном конфликте. Подробно описаны лишь выезд богатыря, его встреча с вещим вороном и сражение с татарской силой. Все эти компоненты сюжета — типовые для русского эпоса. Предводитель вражеского войска по имени не назван. В момент записи Н. Родину было 84 года. Он пропел три былины, болезненное состояние рындозерского сказителя не позволило собирателям продолжить работу с ним. По словам Родина, раньше он знал много старин, усвоил их от водлозерского певца Егора Шитого (БПК, с. 498), имя которого по другим источникам науке неизвестно. О связи комментируемого варианта с местной традицией свидетельствуют некоторые характерные для нее детали. Как и в прионежско-каргопольских былинах о вражеском нашествии, татары копают «перекопы глубокие» (ср. Рыбн., № 104, 141 и др.); в поволжских текстах они копают копи/рвы и ставят в них «поторчи вострые». Родин употребил редкий в олонецких старинах эпитет «черный ворон усталый»; близкие параллели к нему обнаруживаются в текстах некоторых других пудожских сказителей (шальский лодочник: «черный ворон усталыий, ⟨...⟩ упалыий» — № 539 наст. тома, ст. 200—202; П. Антонов: «ворон черным-черен, упалый ворон и усталый» — № 541 наст. тома, ст. 175—176). Необычно удвоение имени главного героя — «Суровец богатырь Суздаль-Суздалец» (ср. с именем одного из братьев в прионежских записях былины «Королевичи из Крякова», в том числе и в водлозерском ее варианте — № 556 наст. тома). Однако не исключена связь этого текста с упомянутыми выше записями с Урала и Поволжья. Об этом, в частности, свидетельствуют нетрадиционные для Прионежья форма имени героя «Суровец-Суздалец», словосочетание «поéзд чинил», описание вражеского войска в ст. 21—24. Возможно, они позаимствованы пудожским певцом из книжных источников. Две другие былины Родина традиционны по содержанию и стилю, в них есть редкие детали и формулы, свойственные водлозерским вариантам и текстам А. Сорокина с соседнего Сумозера (см. коммент. к № 337, 338, 560 наст. тома, «Дюк», «О царе Соломане»).

НАЕЗД ЛИТОВЦЕВ (№ 539—555)

Эта былина найдена собирателями в трех далеко отстоящих друг от друга регионах. Большинство вариантов (16, без учета повторных записей) приходится на долю Прионежья; 4 раза данный сюжет фиксировался на Печоре и 3 — в Восточной Сибири, в низовьях реки Индигирки. В этой эпической песне содержится немало архаичных мотивов и образов, в том числе и характерных для догосударственных форм эпоса. В отличие от других былин в «Наезде литовцев» антагонисты главного героя не названы по именам. Подобно Волху Всеславьевичу, русский князь всегда изображается как оборотень, превращающийся в зверей и птиц. Эти его качества следует признать изначальными в былинном сюжете, так как они играют решающую роль в развитии и разрешении основного конфликта. В Прионежье героя нередко наделяют еще одним чудесным даром, характерным для многих эпических персонажей, — способностью понимать язык зверей и птиц (ср. с сюжетами «Козарин», «Добрыня и Змей», «Иван гостиный сын» и др.). В былинах всех трех регионов князь Роман освобождает из плена свою сестру и малолетнего племянника. Такая роль дяди по матери, возможно, связана с эпохой матриархата. Достаточно древним по своим истокам является также изображение жеребьевки с использованием «формулы невозможного»: деревянные жребии лучших воинов плывут по реке против течения. Популярная в античном и арабском мире притча «хромец на слепце» послужила основой для описания расправы с литовскими королевичами (безногий несет безглазого). Некоторые олонецкие сказители перенесли этот мотив в другие эпические песни (Рыбн., № 12, Пудога; С.—Ч., № 106, Кижи; Гильф., № 304, Моша). В «Наезде литовцев» указанные элементы тесно переплетаются с реалиями позднего средневековья, чего нет в других былинах. Особенно многочисленны подобные детали и имена собственные в прионежских, прежде всего в пудожских записях. «Наезд литовцев» — единственная русская эпическая песня, в которой устойчиво упоминается огнестрельное оружие и

«пороховая казна». Почти в половине прионежских старин литовские королевичи предпринимают военный поход на Москву, что тоже не свойственно эпическому канону, но вызывает вполне естественные ассоциации с реальной историей. Кроме Литвы, в текстах упоминаются также Ливония (туда литовские королевичи отправляются в свой первый поход); город Серебрянск, на Печоре — Бранск, Обранской и даже реальный Брянск; порубежная река Березина (приток Днепра, а не Немана), служившая в средние века границей между русскими землями и Великим княжеством Литовским. Обилие элементов, связанных с разными эпохами, свидетельствует о длительной и динамичной эволюции этой эпической песни, отразившей сложные взаимоотношения средневековой Руси с Великим княжеством Литовским. Речь идет не о Ливонской войне, как полагал В. Я. Пропп, а о периоде расцвета литовского государства двумя веками ранее.

Из 16 прионежских записей «Наезда литовцев» 11 сделано на Пудоге, последние по времени тексты зафиксированы здесь в 1947 и 1986 гг. Пудожские варианты близки по композиции и содержанию основных эпизодов, но различаются деталями повествования, эпическими формулами, именами собственными, которых в этом произведении довольно много. Учитывая эти составляющие, в местной традиции можно выделить по крайней мере две модификации сюжета. К «шальской» редакции, бытовавшей на восточном берегу Онежского озера и Купецком озере, относятся старины шальского лодочника, П. Антонова, И. Фепонова и примыкающие к ним менее полные варианты П. Калинина, Г. Якушева и Ф. Конашкова. «Сорокинскую» редакцию составляют варианты А. Сорокина, А. Портнягина, И. Фофанова, Н. Кигачева, О. Играковой; все они записаны восточнее. «Наезд литовцев» в исполнении шальского лодочника, А. Сорокина, И. Фепонова неоднократно публиковался в различных антологиях былин, хрестоматиях и других популярных изданиях. К былине первого из названных певцов восходит текст К. Кудрова из западного Прионежья (Аст. 2, № 152); по ряду параметров он оказывается к ней ближе, нежели варианты земляков этого сказителя.

№ 539

О двух братьях, двух ливиках и князе Романе Дмитриевиче

Рыбн., 1861, № 73.

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., Шальский погост Пудожского у. — от крестьянина лодочника (прочие сведения не указаны).

Один из лучших вариантов этой былины, содержащий все основные элементы шальской редакции сюжета. Как и в большинстве других пудожских записей, имя литовского короля — Чембал, по его совету племянники вместо Руси сначала совершают набег «во Землю во Левонскую» и лишь затем разоряют три села князя Романа Митриевича, берут в плен его сестру и малолетнего племянника. Королевичей сказитель назвал «ливиками» (то же у пудожан П. Антонова, И. Фепонова, Г. Якушева, а также у И. Касьянова и П. Прохорова из западного и северного Прионежья — Т.—М., № 69; Гильф., № 42). Возможно, это слово связано с названием одного из карельских племен («ливики») или с этнонимом «ливы». Литовские королевичи используют метафорический образ для обозначения военного похода на Русь: своему дяде они говорят, что собираются «ко князю Роману Митриевичу на почестный пир» (то же в былине толвуйского сказителя П. Прохорова). Величина разоренных литовцами русских поселений определяется количеством имеющихся в них «церквей соборных» — 3, 6 и 9 (то же в текстах П. Антонова и П. Прохорова). В русском эпосе аналогичные гиперболы подчеркивают огромные размеры боярского двора Дюка Степановича (СБ 6, № 61; СБ 4, № 143; Рыбн., № 107, Кулой, Мезень, Прионежье) и чудесного Сокола-корабля (Т.—М., № 16; Мил., № 17, Вологодская губерния, Енисейский округ). Как и в старинах ряда других пудожских сказителей (И. Фепонов, А. Сорокин, П. Антонов), в былине шальского лодочника князь Ро-

ман, узнав о бесчинствах литовских королевичей, называет их «щенками». Формула «черный ворон усталый, упалый» («кормящийся падалью» — Рыбн., т. 3, с. 325) сближает комментируемый текст с вариантом П. Антонова, а начальный стих «На Паневе было, на Уланове» — с былинами этого же сказителя и А. Сорокина. Шальский лодочник использовал ряд других областных слов и словосочетаний: «вышка» (чердак — Рыбн., т. 3, 291); «петь-жупеть»; «кирпичен мост» (пол — Рыбн., т. 3, с. 298); «во первой након» (раз — Рыбн., т. 3, с. 298); «на месте на порядноем» (условленном, заранее оговоренном); «глаза выкопали» (выкололи). Повествование выдержано в традиционном формульном стиле, изобилует оригинальными поэтическими образами, многие из которых отсутствуют у земляков шальского лодочника (см., например, ст. 32—33, 53—54, 90—91, 190—191). Единственная логическая неувязка допущена в описании отбора лучших воинов для погони за врагами (ст. 129—151). Правильнее было бы считать, что «будут здравы» те дружинники, «липовые жеребья», которых, вопреки законам природы, «против воды пошли».

№ 540

О двух братьях, двух витниках и князе Романе Дмитриевиче

Рыбн., 1861, № 74.

Зап. П. Н. Рыбниковым: 1860 г., д. Сумозеро Филимоновской вол. — от Андрея Пантелеевича Сорокина, крестьянина д. Новинка на Сумозере, 32 лет (около 1828 г. р.).

Помета П. Н. Рыбникова: «Сумозерская волость».

Пояснение П. Н. Рыбникова к заглавию: витник — ветник.

Лучший вариант той модификации сюжета, которая бытовала в центральных районах Пудоги (см. также № 550, 551, 554 наст. тома). Литовские королевичи («витники-совитники») предпринимают захватнический поход в соседнюю Землю Левонскую. Затем отправляются «под матушку каменну Москву», разоряют четыре лучших села князя Романа (в шальской редакции сюжета — три) и убивают его зятя (последняя деталь имеется только в текстах И. Фофанова и П. Калинина из Пудожгорской волости — № 551, 542, 543 наст. тома). Затем они останавливаются на пограничной реке Березине (см. также былины Н. Кигачева — № 550 наст. тома и кижанина К. Романова — Рыбн., № 46; в других вариантах фигурируют условные эпические гидронимы «Пучай-река» или «речка Смородинка»). Как и в старинах И. Фофанова и Н. Кигачева, королевичи ждут «богатой осени хлебородныя», чтобы совершить новый набег на Русь; герой не умерщвляет, а разгоняет «по чисту полю» их коней. К варианту И. Фофанова близка и мотивировка похода племянников литовского короля — они «не могут боле терпеть» славу князя Романа. А. Сорокину принадлежат наиболее полные и художественно выразительные варианты ряда традиционных формул: отказ литовского короля содействовать походу его племянников на Русь (ст. 54—61); описание «богатой осени хлебородной» (ст. 109—114); поэтичный плач князя Романа о старости (ст. 189—199); наказ королевичам передать их дяде, что «московский князь ⟨...⟩ старостью не стареет, ⟨...⟩ сердце его не ржавеет...» (ст. 312—317). Некоторые детали и формулы известны только по записям от сумозерского певца. Разорив в отсутствие князя Романа его села, самонадеянные захватчики похваляются, что их противник испугался и «не смел ⟨...⟩ показаться к нам на светлы очи». Вняв мольбе опозоренных племянников, литовский король «рубит им буйны головы». В эпические стереотипы Сорокин нередко вводит указание на то, в каком государстве происходит действие. Среди гостей литовского короля упоминается «мурза татарин поганый». Иногда сказитель механически переносит на «чуждое» общество приметы Древней Руси (на пиру у короля Цимбала присутствуют не только «панове и уланове», но и «все дьяки его думные»). Подобно некоторым кижским певцам (Т. Рябинин и др.), исполнитель именует Литву «хороброй».

№ 541

О двух ливиках

Рыбн., 1864, № 51.

Зап. неустановленным лицом: д. Гагарская (Гагарка) Шальского погоста Филимоновской вол. Пудожского у. — от крестьянина этой деревни Потапа Трофимовича Антонова (Потахина), более 60 лет (около 1801 г. р.).

Получено П. Н. Рыбниковым в чужой записи.

К опубликованному тексту собиратель приводит незначительное разночтение, возможно указывающее на прослушивание самим Рыбниковым в сентябре—октябре 1864 г. полученного ранее текста («Ино весь шатер стал продрагивать» — ст. 140).

Вариант принадлежит к шальской редакции сюжета и в основном сходен с былинами шальского лодочника и в меньшей степени — И. Фепонова (№ 539, 540 наст. тома). В тексте не перечислены русские села, подвергшиеся разорению, не сказано, где находится князь Роман во время набега чужеземцев. Город Красный и село Высокое перенесены в соседнее, не названное сказителем государство, в которое вторглись литовские королевичи до похода на Русь. Воины князя Романа по-разному пьют воду из реки Смородины («нападкою», «шеломом», «почерпугами»). Но в отличие от былин А. Сорокина, И. Фепонова (№ 540, 544 наст. тома) и К. Романова из Кижей (Рыбн., № 46) этот мотив полностью не раскрыт — поведение дружинников не трактуется как предсказание их судьбы в предстоящей битве (ср. тексты еще двух пудожских сказителей А. Портнягина и О. Играковой — № 554, 555 наст. тома). П. Антонов — один из немногих сказителей, который счел необходимым подчеркнуть, что русские воины подписали «жеребья поволжаные» своими именами. Князь Роман обзывает литовских королевичей «щенками белогубыми» (ср. аналогичное ругательство «щенядь да белогубая» в былине А. Сорокина — ст. 224). Ст. 103—104 («Делайте дело повеленое, Вы слушайте большаго атамана...»), видимо, перенесены из сюжета «Соловей Будимирович», где эта формула органична (ср. текст П. Антонова — № 400 наст. тома, ст. 3—31, 107—108). В «Наезде литовцев» ее использовали также шальский лодочник (ст. 130) и И. Фепонов (ст. 125—126). В художественном плане комментируемый текст заметно уступает старине шальского лодочника. П. Антонов не всегда удачно компонует былинные строки (ст. 19, 118, 128, 184, 189—191, 195). А. Е. Грузинский, редактор второго издания сборника П. Н. Рыбникова, справедливо отметил «некоторую витиеватость выражений» этого певца, доходящую иногда «до прямой курьезности» (Рыбн., т. 2, с. 402). Необычен финал былины — литовские королевичи «с той тоски великия кончалися». В текстах А. Сорокина опозоренных племянников казнит дядя. Как и в других своих старинах, в «Наезде литовцев» Антонов иногда использует церковнославянизмы («Ижно там есте...»; «...и речет младенчик двуемесячный»).

№ 542

Наезд литовцев на Москву

Рыбн., 1867, № 17.

Зап. местным писарем: д. Рим (Римское) Пудожгорского погоста — от Петра Лукича Калинина, около 40 лет.

Пояснения П. Н. Рыбникова: ст. 6 «В других былинах: два витвика, два ливика»; ст. 83 тесочики — тесаки, короткие сабли.

Первая по времени запись этой былины от П. Калинина в основном идентична повторной (см. коммент. к № 543 наст. тома). Относительная ее краткость (134 стиха против 174 в сборнике А. Ф. Гильфердинга) во многом объясняется непрофессионализмом собирателя, местного писаря, а также тем, что былина, по всей видимости, записывалась не с пения, а под диктовку сказителя. При повторном исполнении певец опустил описание гневной реакции героя на весть о набеге литовцев (ст. 63—66) и его наказ дружинникам прислушиваться к сигналам своего предводителя («Первый раз заграю черным вороном, Чтобы вам ко мне справлятися...»). Однако впоследствии дружина действует в полном соответствии с его замыслом (ст. 108—113 в первой записи и ст. 135—142 во второй). Неопытный собиратель допустил несколько ошибок: «И ноне едва на охоту иду» (в записи Гильфердинга — «...сам же я король да на уход уйду»); «в руках горносталь выскакивал» («в рукав...»); «тесочики» (вместо «тесачиков»).

№ 543

Наезд литовцев

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 102—104 об., полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 12.

Полевая карандашная запись рукой Гильфердинга, почти без помарок, но с дописями чернилами. Чернилами — заглавие, и под ним: «(см. Рыбн⟨ников⟩, т. VI, 17)»; далее дата: 23 июля 1871 г.

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 23 июля 1871 г., д. Рим (Римское) Пудожгорского погоста — от Петра Лукича Калинина, 43 лет.

Примечания А. Ф. Гильфердинга: ст. 75 «По объяснению певца, эти села составляли первоначально Москву, а после описываемого здесь разгрома она стала строиться городом»; ст. 163 на полях пояснение: «т. е. на спину».

Разночтения Гильфердинг, № 12

Ст. 43 вписан между строк; после ст. 59 зачеркнуто: *Из конца они*; ст. 85 испр. из: *Стал он могучима тут плечами поворачивать.*

Повторная запись былины от этого исполнителя (см. № 542 наст. тома). «Наезд литовцев» не относится к числу лучших старин П. Калинина. В обоих вариантах отсутствуют некоторые важные сюжетообразующие мотивы. Литовский король не предупреждает племянников о том, что Никита Романович способен превращаться в зверей и птиц; не говорится о пленении литовцами родственников героя, об отборе дружинников с помощью жеребьевки; не упоминаются традиционные в этом сюжете птицы-вестники и пограничная река, у которой останавливается вражеское войско. Сказитель произвольно и не всегда логично заменял типовые топонимы и этнонимы. Литовские королевичи именуются «погаными татаровами»; они предпринимают военный поход «в каменну Москву да в Золоту Орду», предварительно разорив «Индеюшку богатую, Корелу проклятую» (в лучших вариантах соседняя земля названа Ливонией). Их дядя — «Политовский король да Земли Польскии» (ср. ст. 19 и другие в исторической песне П. Калинина «Гришка Отрепьев» — Гильф., № 14). Никита Романович узнает о дерзком набеге «на той было на горочки на Вшивыи» (механическое перенесение из старины «Соловей Будимирович», которая от Калинина не записывалась; этот топоним встречается в его песне о гневе Ивана Грозного на сына — Гильф., № 13, ст. 96 и др.). Разорив русскую землю, «поганыи (т. е. язычники) татара» останавливаются «у креста Леванидова» (в былинах «Леванидов крест» — традиционное место сбора или ночлега русских богатырей-христиан). В тексте встречаются нестандартные детали повествования. Главный герой именуется не князем Романом, как обычно, а «старыим Микитушкой Романовичем» (заимствование из упоминавшейся выше песни

об Иване Грозном — см. ст. 134, 205 и другие в записи от Калинина). Племянница князя (а не сестра, как обычно) названа Авдотьей Ивановной (в подавляющем большинстве других записей — Настасья Митриевична). Она жалуется, что захватчики «потребили» ее мужа; в других вариантах былины этот персонаж упоминается редко (см. № 540, 545, 551 наст. тома, А. Сорокин, И. Фофанов). В одной из финальных сцен действие происходит в «избушке» (у других певцов — в шатре). Расправившись с королевичами, Никита Романович «садил кошелем» (т. е. на спину) безногого брата на безглазого. Редкая и весьма выразительная формула использована в описании разорения «Индеи богатой»: «Из конца в конец они да с головней прошли».

№ 544

Наезд литовцев

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 276—279 (л. 293—296), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 61, стб. 325—329.

Полевая запись; номер, заглавие, текст — карандашом, чернилами — дата и место записи, сокращения и пунктуация. На обороте последнего листа данного текста, слева вверху помета: «Я. Ливики. Размер выдержанный, 28 июля, Шала». Под текстом чернилами помета: «Запис⟨ано⟩ там же, 28 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 28 июля 1871 г., Шальский погост Пудожского у. — от Ивана Федоровича Фепонова, слепого крестьянина д. Мелентьевской Купецкой вол. Пудожского у., 50 лет.

Пояснения А. Ф. Гильфердинга: ст. 1 на полях: так; ст. 64 к слову «заворо́ночок» на полях: sic; ст. 99 к слову «нападкою» на полях: «по-скотски, не берут в руки»; ст. 100 к словам «шоломом роскатным» на полях: «т. е. лежа»; ст. 179 к слову «постре́лим» слева на полях: «так попр⟨авить⟩»; ст. 182 слева на полях: так; ст. 193 «по-видимому, нужно: да и с сыра».

Разночтения Гильф, № 61

Ст. 33, 64, 113, 117 вписаны между строк; в ст. 57, 60, 95, 121, 122, 143—146, 150, 183, 187 зачеркнуты начальные *А* и *Ай*, в ст. 63 — *И*.

Былина И. Фепонова принадлежит к той же версии сюжета, что и варианты его земляков: шальского лодочника и П. Антонова (№ 539, 541 наст. тома). В них совпадают или очень близки инициальная формула «Ай на панови да на уланови»; имя литовского короля — «Чембал»; название пограничной реки — «Смородина»; упоминание трех, шести и девяти соборных церквей, украшающих «превеликие да преславные» села князя Романа; перенесение из старины о Соловье Будимировиче княжеского наказа воинам: «А вы слушайте-тко большого вотамана...». Литовские королевичи названы «ливиками»; они хранят огнестрельное оружие «в кладовых оружейных». Как и в былине И. Фофанова, князь Роман отбирает лучших дружинников для борьбы с литовцами двумя способами: он наблюдает за тем, как они пьют воду из реки, и пускает по воде «липовые жеребья». Эти мотивы имеются также в текстах А. Портнягина и О. Играковой (№ 554, 555 наст. тома), но первый из них не трактуется этими сказителями как предсказание участи воинов в предстоящей битве.

№ 545

Наезд литовцев

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 333—339 (л. 349—357), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 71, стб. 399—409.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами проставлена только пунктуация и указаны буквальные совпадения стихов: «Повторить, отчеркнутое от А до Е» (л. 336); «Повторить, что отчеркнуто выше от В до Г» (л. 338 об.). Над текстом слева зачеркнуто число «35». Под текстом: «Запис⟨ано⟩ в Куга-наволоке на Водлозере, 4 августа».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 4 августа 1871 г., д. Куганаволок на Водлозере — от Андрея Пантелеевича Сорокина, крестьянина д. Новинка на Сумозере, 43 лет (около 1828 г. р.).

Текст исполнялся дважды.

Разночтения Гильф., № 71

Ст. 124 испр. из: *перво*; ст. 125 испр. из: *друго*; ст. 126 испр. из: *третье*; ст. 161 к словам *Ай под* на полях доб. *нашу*; ст. 162 на полях доб. *наши*; ст. 167 на полях доб. *моего*; ст. 168 на полях доб. *мою*.

Эта былина А. Сорокина в сборнике П. Н. Рыбникова насчитывает 341 стих, а в сборнике А. Ф. Гильфердинга — 419 стихов. По своей структуре, содержанию, основным эпическим стереотипам оба варианта почти идентичны. Существенных различий немного: во второй записи, сделанной от А. Сорокина, пропущен плач Романа о старости; заменены названия двух сел, разоренных литовскими королевичами. Предупреждение дяди королевичей о том, что русский князь — оборотень, перенесено в начало текста (ст. 60—70), что выглядит гораздо логичнее запоздалых сетований по этому поводу (ср. первую запись, № 540 наст. тома). Не упомянуто о том, что, разгоняя коней вражеских воинов, князь Роман часть из них «вогнал во реку во Березину». В повторной записи изменены некоторые имена собственные («король Чимбал», «Земля Лимоньская»). Видимо, А. Ф. Гильфердинг зафиксировал текст точнее своего предшественника: ср. «Землю Лимоньскую» в близком к сорокинскому варианте И. Фофанова (№ 551 наст. тома). Такое варьирование свойственно многим старинам Т. Рябинина, Н. Прохорова, А. Чукова и других классиков русского эпоса. Увеличение объема былины объясняется и тем, что А. Ф. Гильфердинг записывал ее «с голоса», — при пении Сорокин охотнее пользовался повторами, чуть подробнее излагал некоторые эпизоды.

№ 546

Два литничка

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 12, тетр. 1, л. 48—51, полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (полные строки); ед. хр. 19, л. 40 об.—43 об., полевая карандашная запись Ю. А. Самарина (середины стихов, потом им же другим карандашом дописаны полные строки). Опубл.: С.—Ч., № 17 «Два литничка (Князь Роман и братья Ливики)».

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 11 июля 1928 г., д. Семеново — от Григория Алексеевича Якушева, 65 лет.

Примечание собирателей: «Любимая былина Г. А. Якушева» (ед. хр. 12, л. 48; ед. хр. 19, л. 40 об.).

Разночтения ед. хр. 12, 19

Ст. 1, 50 ведь (ед. хр. 12), литовских (ед. хр. 19); ст. 3 ведь (ед. хр. 19), летнички (ед. хр. 12); ст. 4 отсутствует начальное *А*; ст. 5 *не едят, не пьют и кушают* (ед. хр. 19); ст. 6 *они* да не (ед. хр. 19); ст. 7 *не цем они да не хвастают* (ед. хр. 19); ст. 9 *видь* ⟨...⟩ *да* (ед. хр. 19); ст. 10 *что вы* (ед. хр. 19); ст. 14 *а* дал (ед. хр. 19), *40* (цифра) (ед. хр. 12); ст. 15 А поехали *в* (ед. хр. 12), поехали *да* в (ед. хр. 19); ст. 16 поразорели бы (ед. хр. 19); ст. 17 взяли *бы* (ед. хр. 12), *видь* (ед. хр. 19); ст. 21, 22 тысяче (ед. хр. 12); ст. 22 сорок *де* (ед. хр. 19); ст. 24 всю-то (ед. хр. 12); ст. 25:

А друго село всю село Ярославьское,
А третье село Косы-улучки (ед. хр. 19);

ст. 25 *а друго село все село* (ед. хр. 12); ст. 26, 43 улушки (ед. хр. 12); ст. 31 птица (ед. хр. 19); ст. 34 *цоловик* (ед. хр. 19); ст. 35 Иван *М*итриевич (ед. хр. 19); ст. 36 за дубовыем (ед. хр. 12); ст. 40 королевьскии (ед. хр. 12); ст. 48 *да* невзгодушки (ед. хр. 12); ст. 56 каб (ед. хр. 12); ст. 57 летницьков (ед. хр. 12); ст. 58 королесскиих (ед. хр. 19); ст. 62 *соберал-то* (ед. хр. 12); ст. 63, 65, 98, 101 черным (ед. хр. 12); ст. 76—77:

Как взял в луках тонким горносталем-то
Как тут тятивки повыгрыз он,
Тятивки все да повыгрыз он (ед. хр. 19);

ст. 77 в луках *как тут* тятивки (ед. хр. 12); ст. 79 кацят-*то* дитя (ед. хр. 12); ст. 80 *она-то* твой (ед. хр. 12, 19); ст. 81 сбавил *он* нас *да* теперь-то (ед. хр. 12, 19); ст. 82 *от ведь* (ед. хр. 19); ст. 83 от *тыих* (ед. хр. 12), литовскиих (ед. хр. 19); ст. 86 *вывез* (ед. хр. 12); ст. 89 *да этого* (ед. хр. 12); ст. 90 *селе* (ед. хр. 12, 19), шубу (ед. хр. 12); ст. 91 шубу-то ⟨...⟩ соболия (ед. хр. 12); ст. 92 поймать-*то* (ед. хр. 12); ст. 93 горносталя (ед. хр. 12, 19); ст. 102 еще (ед. хр. 12), *ищо* да ведь (ед. хр. 19); ст. 108 раз-*то* (ед. хр. 12), раз *да* (ед. хр. 19); ст. 109 чорным (ед. хр. 19); ст. 110 пошел-то ⟨...⟩ *грём* (ед. хр. 12); ст. 114 а кони-то ⟨...⟩ *мертвые* (ед. хр. 12); ст. 116 *ведь как взяли* да летницьков (ед. хр. 19); ст. 120 ископали-то (ед. хр. 12); ст. 124 тот снесе (ед. хр. 19); ст. 125 с глазами (ед. хр. 12); ст. 126 *да* (ед. хр. 12); ст. 127 как *2* урода *да* (ед. хр. 12); ст. 129 *а* ⟨...⟩ *глянут* (ед. хр. 19), *нападати* (ед. хр. 12); ст. 130 *не выхаживать* отсутствует (ед. хр. 12); ст. 130—132:

А как на Русь да нападаты-хаживать,
Щастлив оттуль таперь да пришлось идти
Да видно нам-то ведь как да уродами (ед. хр. 19);

ст. 131—132 *Да видно нам да уродами* (ед. хр. 12).

Вариант Г. Якушева и по содержанию, и по художественному оформлению заметно уступает былинам большинства пудожских сказителей: не назван по имени литовский король, не описан военный поход литовских королевичей в соседнее государство, не рассказано об отборе русских ратников для погони за вражеской силой. Традиционного князя Романа заменил «Иван Дмитриевич», о его проникновении в шатер королевичей не упомянуто. Поэтический плач Романа (Ивана) о старости превратился в бессвязный монолог, смысл которого трудно понять (ст. 52—58). В тексте встречаются избыточные повторы (ст. 37—38, 47—48), он изобилует прозаизмами; во многих строках лишь имитируется стихотворный былинный строй (ст. 17—18, 88—92, 110, 129—133). Некоторые слова и фразы диссонируют с фольклорной стилистикой: «кони у них замертвы стали»; «будешь ты кататься по сырой земле»; «два урода-то тут да уродные» (видимо, заимствование из былины П. Антонова, деда Якушева по матери, — № 541 наст. тома, ст. 189, 195). Описывая жестокое наказание литовских королевичей, сказитель допускает сомнительную иронию («как их немножко тут наказали» — одному ноги сломали, а другому «глаза ископали-то»).

№ 547

Король Литоський

РГАЛИ, ф. 1456. оп. 1, ед. хр. 25. тетр. 1, л. 151—156, полевая карандашная запись Б. М. Соколова (полные строки); ед. хр. 35. тетр. 2, л. 9—13 об., полевая карандашная запись В. И. Яковлевой. Опубл.: С.—Ч., № 85 «Король Литоський (Князь Роман и братья ливики)». В рукописи название — «О двух королевичах литовьскиих».

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 11 июля 1928 г., пос. Устье Шалы — от Федора Андреевича Конашкова, 68 лет.

Разночтения ед. хр. 25

Ст. 1 *А* у того; ст. 2 поцесной пир; ст. 8 *белу*; ст. 11 *оны за*; ст. 12 *как* за *ёсвама*; ст. 16 *ведь* и тот; ст. 18 *два* родимыих; ст. 28 *ведь* того; ст. 29 всё *ведь* ⟨...⟩ твоё да *по́люби*; ст. 31 *как* во городи; ст. 33 *ли-то у*; ст. 39 хоцем; ст. 40 молодцов-*то*; ст. 43 на Русь хоцем; ст. 45 *Чурал*; ст. 49 *А вашему*; ст. 53 жеребьи; ст. 55 молодцов; ст. 59 *которых молодцов* жеребьи; ст. 61 молодцов; ст. 62 *эти*; ст. 64 молодцов *нам*; ст. 65 тысяцей; ст. 67 А *ле*; ст. 63 поехало; ст. 75 поле; ст. 84 *ведь* того; ст. 86 отсутствует; ст. 87 платьицёв *по Русь* повыносить; после ст. 87 *На добрых конях золоту казну уганивать*; ст. 88 *у тя* на Русь; ст. 91 *цярь* заключено в угловые скобки; ст. 92 *как*; ст. 95 хто; ст. 103 *летит не* пробудитсе; ст. 104 головушок; ст. 105 от *сну*; ст. 107 *ведь* в оружьицях; ст. 110 *ведь* в вострых; ст. 112 *А ведь*; ст. 114 *он* ⟨...⟩ *повыхлопал*; ст. 117, 118 оны; ст. 119 *ли им-то да*; ст. 120 вашому; ст. 121 не удавалосе; ст. 122 не знаю.

В былине Ф. Конашкова традиционная сюжетная схема подверглась значительным переделкам. В ней не говорится об отлучке царя Романа Митриевиця, «заменившего» князя Романа; «жеребья кожаные» пускают по реке Смородине литовские, а не русские воины. Характеристика Ливонии, которая не способна противостоять врагам, перенесена на русский город Красный (ст. 31—43). Эта формула близка к сходным описаниям в былинах шальского лодочника и П. Антонова, земляков Конашкова (№ 539, 541 наст. тома). Снят ключевой мотив оборотничества главного героя: он портит «рузья» и «штыки», умертвляет коней литовских королевичей, незаметно пробравшись ночью к их шатру. Более того, он в одиночку губит вражескую сорокатысячную «силу-армию» (дружина царя Романа в тексте вообще не упоминается). Отсутствует и рассказ о пленении сестры и племянника Романа Митриевиця. В небольшом по объему тексте (122 ст.) немало заимствований: ст. 70—71 перенесены из исторических песен, ст. 76—81 — из былинных сюжетов о нашествии татар на Киев. Сказитель допускает логическую неточность. Литовские королевичи намерены разграбить на святой Руси принадлежащие царю Роману «город Красный и село богатое», но захваченную «золоту казну» собираются «на Русь повынести». «Общие места» былевого эпоса Конашков оформил в полном соответствии с устной традицией, а некоторые «переходные места», характерные только для этого сюжета, изложил очень невыразительно (ст. 93—96, 116—117).

№ 548

Про короля Литовского

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, ед. хр. 39, черновая рукопись, карандаш.

Зап. М. А. Ивановой: 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

Начало былины, в котором сказитель воспроизвел переговоры литовского короля с племянниками. Текст аналогичен первой по времени записи (№ 547 наст. тома). Добавилась лишь одна несущественная формула: королевичи рассказывают своему дяде о том, что они «увидели-разведали» о Русской Земле.

Публикуется впервые.

№ 549

Наезд литовцев

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 2, тетр. 4, ед. хр. 45, черновая рукопись, частично правленная чернилами. Опубл.: Линевский, № 10. Вар.: С.—Ч., № 85.

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 78 лет.

Примечание собирателя (после окончания записи): «Былина записана с голоса. В варианте, записанном Ивановой, нет конца. При вторичном исполнении опять не пел конца. Но по просьбе исполнил».

Примечание публикатора: ст. 72 (ст. 68 ркп.) «При пении в 1939 г. этот стих Конашков пропустил».

Разночтения Линевский, № 10

Ст. 2, 6, 10 пир; ст. 6 у родного *да*; ст. 8 *оны*; ст. 10 *два родимыих*; ст. 12 *И* у; ст. 17 не *по любви*; ст. 23 *А как есть на святой на Русеюшки*; ст. 25 *Как* во *том* ⟨...⟩ *да*; ст. 33 публикации в ркп. отсутствует; ст. 35 (ст. 34 ркп.) повыженити; ст. 39 (ст. 38 ркп.) *да повывезти*; ст. 41, 53 публикации в ркп. отсутствуют; ст. 54 (ст. 52 ркп.) *А которых*; ст. 57 (ст. 55 ркп.) А которых *молодцов*; ст. 58, 59 публикации в ркп. отсутствуют; ст. 60 (ст. 56 ркп.) *с собой не надобно*; ст. 61 (ст. 57 ркп.) Та *же* сила *есть*; ст. 64 (ст. 60 ркп.) Набралосе-*то ведь*; ст. 66, 67 публикации в ркп. отсутствуют; после ст. 70 пропущено: *Ко тому селу да ко богатому* (ст. 65 ркп.); ст. 72 (ст. 67 ркп.) *молодцы да во чистóм полú*; ст. 74 (ст. 69 ркп.) скорописчато; ст. 79 (ст. 74 ркп.) *Как* молодцы *у тя*; ст. 82 (ст. 77 ркп.) *платиця*; ст. 85 (ст. 80 ркп.) *хочем замуж*; ст. 88 (ст. 83 ркп.) *на Русеюшку*; ст. 88 ркп. в публикации пропущен; ст. 92 (ст. 87 ркп.) *обледеела*; ст. 96 (ст. 92 ркп.) *ён брал-то за саблю*; ст. 103 (ст. 99 ркп.) *попленил*; ст. 105 (ст. 101 ркп.) *прохватились*; ст. 106 публикации в ркп. отсутствует; ст. 112 (ст. 107 ркп.) да приуехати; ст. 116 (ст. 111 ркп.) *Уходил* безногого да; ст. 117 (ст. 112 ркп.) *Вы ступайте куда, куда*; ст. 121 (ст. 115 ркп.) *два родимыих*; ст. 124 (ст. 118 ркп.) *Как мне когда на святой на Русеюшке.*

Текст едва ли не дословно совпадает с предыдущими записями, сделанными от Ф. Конашкова (№ 547, 548 наст. тома). Сохранена формула «мы узнали-то, мы разведали...», впервые зафиксированная в 1937 г. Добавилась индивидуальная деталь — расправившись с литовскими королевичами, русский царь «не шевелил их силушку невинную» (ст. 117—118). Текст завершается эпической концовкой «Да на том былина и поконцилась», которую сказитель усвоил у П. Рябинина-Андреева во второй половине 30-х гг. XIX в.

№ 550

О Никите Романовиче

БПК, № 43. Рукопись в архиве не обнаружена.

Зап. Е. П. Родиной: февраль 1939 г., д. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Васильевича Кигачева, 43 лет.

Пояснение собирателя: ст. 149 гимать — имать, ловить.

«Сказитель говорит: „Слышал от какого-то старика в деревне Бураково и еще со слов Фофанова. В книжке ее (былины) не видал". Данный вариант, так же как и у Фофанова (см. БПК, № 24), восходит к редакции А. П. Сорокина (Рыбн., № 135; Гильф., № 71). Первые три стиха совпадают почти дословно с вариантом Сорокина, помещенным в сборнике Рыбникова. Сохранено имя литовского короля (князя) „Чимбал", название реки „Березина", у которой останавливаются оба войска, чего нет у Фофанова. Но вместе с этим вариант схематичен. ⟨...⟩. У Кигачева сохранены все эпизоды былины Сорокина, но изложены очень коротко; в этом отличие его от Фофанова, который, допуская отдельные сокращения (см. БПК, с. 232), более тщательно разрабатывает основные эпизоды» (БПК, с. 491).

№ 551

Про короля Литовского

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 14, ед. хр. 13, черновая рукопись. Опубл.: БПК, № 24.

Зап. К. В. Чистовым: июль 1939 г., д. Климово Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Терентьевича Фофанова, 67 лет.

При публикации в тексте нарушена нумерация на одну строку.

Пояснения собирателя: ст. 200 напротих — напротив; ст. 291 овернулся — обернулся.

«Былина встречается редко, большинство записей из Онежского края (10 из 12, некоторые повторные) (см. Аст. 1, с. 623). Данный вариант близок к тексту А. П. Сорокина (Рыбн., № 135; Гильф., № 71). В начале былины, как и у Сорокина, встречается мотив оборотничества, проникший из былины о Волхе (Аст. 1, с. 623); дословно повторяется ряд стихов ⟨...⟩. Былина Фофанова только на два стиха короче былины Сорокина, но все же в содержании имеется существенное сокращение: выпущен интересный эпизод у реки, которая является рубежом, — подбор дружины путем проверки способа питья. Кроме того, значительно сокращен конец былины — расправа князя Романа с врагами и возвращение братьев в Литву. Оба этих мотива имеют литературные параллели: библейский рассказ о Гедеоне и древнюю притчу о хромом на слепце (см.: *Жданов И. Н.* Русский былевой эпос. СПб., 1895. С. 425—525). Былина сохранила четкую историческую основу, в ней нашла свое отражение борьба западно-русских областей с литовскими князьями в XII—XIII вв. Остается спорным лишь вопрос об определенном историческом деятеле, явившемся прообразом князя. Высказывалось предположение, что это мог быть или Роман Мстиславович Галицкий, конец XII в. (точка зрения И. Жданова), или Роман Михайлович Брянский, вторая половина XIII в. (точка зрения А. Маркова и Н. Коробки). Следует указать на актуальность темы этой былины в народных массах. Так, отголоски подобных событий, имеющих место на протяжении ряда веков, сохранились в многочисленных легендах и преданиях, записанных в Карелии о поляках и шведах (см. «Олонецкие губернские ведомости», «Олонецкий сборник» и другие местные издания)» (БПК, с. 477—478).

Былина И. Фофанова наиболее близка к вариантам А. Сорокина (№ 540, 545 наст. тома). В ней имеются почти все оригинальные элементы сорокинского текста (присутствие «панов и татар» на пиру у литовского короля, их участие в походе на «Землю Лимоньскую»; мотивировка желания королевичей разорить «Россиюшку» — они не могут «терпеть славушки» ее правителя; убийство зятя князя Романа; ожидание «осени богатую» на московском рубеже). Не менее многочисленны совпадения на лексическом уровне (литовские королевичи именуются «витничками»; вещий ворон садится «на яблуню»; и литовское, и русское войско составляют «сорок тысячей ⟨...⟩ ратничков да всё кольчужников»; князь Роман не убивает, а разгоняет «по темну лесу» коней, принадлежащих вражеским воинам). В текстах сказителей-земляков

обнаруживаются и разночтения, но они не играют существенной роли. В финал былины сказитель включает сцену пира: герой со своими дружинниками празднует победу. Комментируемый текст ближе к тому варианту былины Сорокина, который записал А. Ф. Гильфердинг (№ 545 наст. тома). Об этом свидетельствуют названия русских сел «Лягово» и «Коротяево», заменившие села «Славское» и «Переславское» из записи, опубликованной П. Н. Рыбниковым; перенесение мотива оборотничества князя Романа из конца произведения в его начало.

№ 552

Про короля Литовского

ФА ИРЛИ, ДЛ 235.01 (Архив КФАН, р. III/2, № 205.01).

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова. Напев транспонирован на 1 тон ниже.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Про короля Литовского».

Начало былины, записанное для фиксации ее напева. По содержанию текст идентичен предыдущим вариантам Конашкова.

Публикуется впервые.

№ 553

Про короля Литовского

ФА ИРЛИ, ДЛ 238.01 (Архив КФАН, р. III/2, № 188.01).

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Исполняет орденоносец Конашков. „Наезд литовцев". По Конашкову: „Про короля Литовского". Повторная запись».

Первые 17 стихов былины, записанные для фиксации ее напева. По содержанию они не отличаются от других вариантов Ф. Конашкова.

Публикуется впервые.

№ 554

Силеван, король Земли Литовскою

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 17 ед. хр. 97, л. 11—13 об., перебеленная рукопись, карандаш. Опубл.: Черн., № 27.

Зап. А. В. Белововой: 1945 г., д. Старое Сигово Пудожского с/с Пудожского р-на — от Александра Андреевича Портнягина, уроженца д. Сигово Пудожского у., 78 лет (по данным каталога Архива КФАН; А. В. Белованова датирует запись 1947 г. — см. Черн., с. 285).

Примечание составителей: В ркп. в ст. 38 слово неразборчиво. Дано близкое прочтение — «помыкать».

«Текст А. А. Портнягина сохранил основные мотивы былины о наезде литовцев. По ряду специфических для данного текста мотивов (опускание «жеребьев» в воду, формы оборотничества князя Романа) он сближается с былинами пудожских сказителей П. Антонова (Рыбн., № 164), шальского лодочника (Рыбн., № 52), И. Фепонова (Гильф., № 61)» (Черн., с. 285).

Варианты А. Портнягина и его односельчанки О. Играковой (№ 555 наст. тома) примыкают к той редакции сюжета, которая в пудожской традиции представлена былинами А. Сорокина, Н. Кигачева, И. Фофанова (№ 540, 545, 550, 551 наст. тома). Сказитель — житель деревни Сигово, расположенной неподалеку от деревни Ченежи, родины Сорокина, поэтому близость их текстов вполне объяснима. В комментируемом варианте традиционная сюжетная схема упрощена (опущено описание набега литовских королевичей на Ливонию; не перечислены разграбленные ими русские села; не сказано, кто сообщает об этом князю Роману — Портнягин ограничился краткой констатацией факта: «...пала весть»). Русский князь отбирает дружинников для погони за врагами посредством жребиев, пущенных по Почай-реке. Князь предлагает своей «силе»: «Пейте воду со Почай-реки» (намек на испытание водой), но далее эта тема не развернута. Необычно имя литовского короля — «Силеван». Традиционное прозвище королевичей «витники/витнички» заменено словом «витязьки», не характерным для народной поэзии. В русских былинах «витязи» фигурируют только в сибирской записи Л. Мея (Кир. IV, с. 108 — сюжет «Камское побоище»). В былине А. Портнягина немало лексических схождений с пересказом О. Играковой (см. коммент. к № 555 наст. тома). Неразборчивое слово «Неужели ... мне своей старостью» (ст. 38) предположительно можно восстановить с привлечением аналогичных сцен в былинах земляков Портнягина. «А то пошатаю своей старостью глубокою» (СБ 16, № 80, ст. 262 — А. Сорокин «Добрыня и Алёша»); «стряхнуть старой старос⟨т⟩ью» (№ 555 наст. тома — О. Игракова «Наезд литовцев»).

№ 555

Про Монголию

ФА ИРЛИ, МФ 2713.02.

Зап. А. Ю. Кастровым, А. Н. Мартыновой, А. В. Осиповым, А. Д. Троицкой: 29 января 1986 г., г. Петрозаводск — от Ольги Александровны Играковой, уроженки д. Старое Сигово Пудожской вол. Пудожского у., 79 лет.

Расшифровка А. Ю. Кастрова.

Пояснения собирателей: Майговский — монгольский; лоса́ — гладь и тишь на воде; вородом — вороном.

Самая последняя по времени запись этой былины (1986). Текст демонстрирует распадение традиции. Большая часть ключевых сцен пересказана прозой. Чембал из литовского короля превратился в монгольского, несколько эпизодов связано с былинами о татарском нашествии на Киев. Русский царь получает вражеский ультиматум, Илья Муромец с дружиной истребляет войско захватчиков, изгоняет его предводителей. Сестра богатыря, взятая в плен монгольскими королевичами, названа «Марьей Романовной». Типовые элементы в основном совпадают с былиной Александра Портнягина (№ 554 наст. тома), односельчанина исполнительницы. Весьма сходны формулы «режьте жеребья с Березины»; «замочил порохову казну»; упоминание Почай-реки; предложение опозоренным и жестоко наказанным королевичам передать «большой привет» своему дяде (у Портнягина — «снести низкий поклон»).

Публикуется впервые.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА (№ 556—558)

Былина о случайной встрече и поединке разлученных татарами братьев пользовалась популярностью в Кижах, единичные записи сделаны в других районах бывшей Олонецкой губернии. За ее пределами эта эпическая песня собирателями не зафиксирована, возможно потому, что сходная сюжетная ситуация (брат спасает сестру-полонянку) реализуется в старине «Козарин». В Кенозерско-Каргопольском крае наряду с «Королевичами из Крякова» (Гильф., № 302) отмечено бытование сюжета «Братья Дородовичи», повествующего о встрече разлученных родственников (Гильф., № 247, 252).

№ 556

Королевичи из Крякова

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 838—840 об. + один чистый лист (л. 312—315), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 200, стб. 955—957.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами раскрыты сокращения и проставлена пунктуация. Над текстом слева зачеркнуто число «41». Под текстом карандашом помета: «Запис⟨ано⟩ там же, 7 августа». На обороте чистого листа помета: «№ 41. Королевичи из Крякова. 7 августа».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 7 августа 1871 г., д. Куганаволок на Водлозере — от Ивана Григорьевича Захарова, крестьянина д. Пога на Водлозере, 82 лет.

Вариант И. Захарова в основном близок к другим записям из Принежско-Каргопольского края. Главные герои — Лука и Василий Петровичи, королевичи из города Крякова (Кракова, древней столицы Польши), который осознается как русский город. В тексте упоминаются «поле Касимовско» и «татарова касимовцы» — отголоски исторических реалий эпохи позднего средневековья. (Касимов — город в низовьях Оки, на порубежье Московского княжества и Казанского ханства). Аналогичные названия имеются в старинах сказителей других регионов — С. Неклюдиной из Кижей (Мил., № 71, ст. 46 и др.), выгозёра Ф. Захарова (Гильф., № 182, ст. 20 и др.) и каргопола Е. Завала (Гильф., № 302, ст. 77 и др.). Как и у ряда прионежских певцов, эпический противник ассоциируется с «татарином» (ст. 58). Захаров также называет его «Сокольником» (ст. 31 и др.). В Архангельско-Беломорском крае это имя обычно звучит в сюжете о бое Ильи Муромца с сыном. В Прионежье и Кенозерско-Каргопольском регионе оно практически не известно или бытует в измененной форме — «Соловников» (СБ 17, № 231). И. Захаров демонстрирует умелое владение классическим формульным стилем; его вариант насыщен оригинальными поэтическими образами (ст. 6—11, 32—33, 38—41, 48—49, 68). Ст. 101—102, возможно, позаимствованы из местной редакции духовного стиха «Муки Егория Храброго».

№ 557

Два брата из Крякова

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 10, ед. хр. 25, черновая рукопись, карандаш.

Зап. Н. В. Микишановым: 1939 г., с. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Васильевича Кигачева, 43 лет.

Текст Н. Кигачева совпадает с былинами Т. Рябинина (Рыбн., № 22; Гильф., № 87), не уступая, а порой даже превосходя в этом отношении тексты потомков знаменитого певца. Кигачев использует не только типовые детали и формулы кижской редакции сюжета, но и сугубо «рябининские» детали, не имеющие аналогов в других записях этой былины: Петр Петрович, королевский сын, намеревается застрелить из лука двух лебедушек, которые оказываются девушками, спасающимися от «злодея, царя заморского» (у Рябинина — от «пана от поганого»); о беспечности пирующего князя Владимира, не готового к защите Киева от «татарина», герою сообщает вещий ворон, и др. Как и у кижского сказителя, в былине Кигачева не согласованы между собой два фрагмента: сначала говорится о намерении Луки Петровича разорить Киев, срубить головы «князю со княгиней», а потом — о его страстном желании отыскать на святой Руси своих родителей. Отступлений от рябининского прототекста немного. Угрозы татарина «вертеть» русскими богатырями так же легко, как он вертит «шалыгой подрожною», и повествование о том, что во время поединка королевичи «тянулись через гривы лошадиные», не характерны для прионежской эпической традиции, но часто встречаются в записях из Архангельско-Беломорского края. Вопрос о том, мог ли Кигачев усвоить эти детали из устной традиции, остается открытым.

Публикуется впервые.

№ 558

Королевичи из Крякова

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 10, ед. хр. 25а, черновая рукопись, карандаш.

Зап. А. Д. Соймоновым: 5 января 1940 г., с. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Васильевича Кигачева, 44 лет.

При повторной записи Н. Кигачев с большой точностью воспроизвел свой первоначальный вариант, добавив к нему лишь отдельные подробности. Некоторые из них, по-видимому, плод индивидуального творчества исполнителя (девушки-лебедушки «через перышко они да были золоты»; перед поединком с неузнанным наездником у героя «содрогнуло сердечко во белых грудях»).

Публикуется впервые.

РОЖДЕНИЕ И МОЛОДОСТЬ ЦАРЯ СОЛОМОНА (№ 559)

В сюжете былины «О рождении и молодости царя Соломона» использованы некоторые мотивы сказаний о судах царя Соломона. Имя библейского царя по законам «народной этимологии» связывается с «соломой», поскольку мать подбросила его в «тупал» — сарай для соломы (пояснение исполнителя — см. С.—Ч., с. 927).

№ 559

Рождение и молодость царя Соломона

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 4, л. 41—48, полевая рукопись, карандаш; л. 40 об.—47 об., перебеленная чернилами; ед. хр. 20, л. 40 об.—43 об., полевая рукопись, карандаш; ед. хр. 10,, л. 43—49, полевая рукопись, карандаш (неполные строки). Опубл.: С.—Ч., № 201.

Зап. С. П. Бородиным, Ю. А. Самариным, В. И. Чичеровым: 24 июля 1928 г., д. Рагнозеро — от Дмитрия Ивановича Лукина, 73 лет.

Примечание собирателей: «По указанию Д. И. Лукина, былина перенята им от рагнозерского сказителя Федора Алексеевича Мишина. От Ф. А. Мишина ни Рыбников, ни Гильфердинг записей не делали» (С.—Ч., с. 897).

Разночтения ед. хр. 20

Ст. 1 *Вот было* отсутствует; ст. 3 *он*; ст. 3, 10 порядовную; ст. 17 с тобой *да*; ст. 18 оны; ст. 55, 59 ле́систой; ст. 56 младе*ня*; ст. 60 спорядово*му*; ст. 75 царьсво; ст. 94 богато*го*; ст. 95 не хоце*ли*; ст. 96 не водице; ст. 98 топучею; ст. 140 А у матушка.

Д. Лукину в целом неплохо удалось стилизовать свое произведение под эпическую песню, но иногда он сбивался на прозу (ст. 5, 49, 59, 72—74, 76—79, 143—144 и др.), использовал не свойственные былинам просторечия, диалектную лексику, словосочетания из народных причитаний («лошадушка ступистая», «телега колесистая», «порог шумячий», «тупал соломенный», «суседка спорядная»). Традиционная былина об этом герое «Соломан и Василий Окулович» собирателями на Рагнозере не зафиксирована.

ЦАРЬ СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛОВИЧ (№ 560—565)

Большинство записей этой былины сделано в бывшей Олонецкой губернии. На Пудоге бытовала та же редакции сюжета, что и в соседнем Кенозерско-Каргопольском крае. От прионежской она отличается более подробной разработкой традиционных эпизодов, обилием ярких художественных деталей. Здесь нет только двух мотивов, типичных для заонежской традиции (у царя Соломана люди и кони крылатые; чтобы он хитростью-мудростью не ушел от казни, Соломанида предлагает третью петлю сделать из ее пояса). В пудожских и кенозерских записях оригинальных мотивов и образов гораздо больше. Царица Соломанида не сразу приходит на корабль «Торокашки, гостя заморского», сначала его товары описывают обценщики, но всякий раз он их спаивает. Усевшись на сундук или ларь, в котором спрятался Соломан, царица намекает Василию Окуловичу: «На царе сижу, с царем говорю» (в кенозерских записях — «на царя гляжу»). Когда Василий Окулович, Торокашка и Соломонида едут к месту казни, Соломан говорит:

Первую карету кони везут,
Другая карета сама идет,
Третью карету черт несет
На казень на смертную (А. Сорокин).

Успокаивая Соломаниду, опасающуюся хитростей своего первого мужа и настаивающую на немедленной его казни, Василий Окулович самоуверенно заявляет:

Едино древо не лес в поли,
Один человек не рать в поли (А. Портнягин).

Интересный поэтический образ использован в конце былины: видя подоспевшую ему на выручку дружину, расправляющуюся с воинами Василия Окуловича, Соломан иронически упрекает своего соперника:

«Почто ты посеял пшеницу белояровую по чисту полю?
Налетели мои гуси-лебеди да черные вороны,
Клюют твою пшеницу белоярову!» (А. Сорокин).

В пудожских текстах отсутствует рассказ о вещем сне царицы, имеющийся в былинах большинства кенозерских сказителей (И. Сивцев-Поромский — Рыбн., № 183 и др.). Таким образом, пудожско-кенозерская редакция сюжета, в основном совпадая с заонежской по композиции, гораздо богаче разного рода иносказаниями, развернутыми метафорическими образами, что вполне соответствует содержанию былины, повествующей о премудром царе Соломане.

№ 560

О царе Соломане

ГИМ, ф. 56, ед. хр. 264, л. 73—84 об., полевая запись. Опубл.: Рыбн., 1862, № 53 «О царе Соломане, царице Саламании и прекрасном царе Василье Окульевиче».

Зап. Д. Лысановым: 1860 г., д. Сумозеро Филимоновской вол. — от Андрея Пантелеевича Сорокина, крестьянина д. Новинка на Сумозере, 32 лет (около 1828 г. р.). Выслушана по его записи П. Н. Рыбниковым летом 1861 г. То, что запись принадлежит Лысанову, следует из приписки редактора в конце былины: «Записано по поручению собирателя г. Лысановым» (л. 84 об.).

Правка по всему тексту: при публикации опускалась частица «да» и вводились повторы: последние слова предыдущего стиха повторялись в начале следующего, — объем былины возрос с 558 стихов в рукописи до 579 в первой публикации.

Разночтения Рыбн., № 53

Ст. 6, 10—14 *да* опущено; ст. 6 [*сенаторов*]; ст. 10 *был на весели*; ст. 20—21 (ст. 20 ркп.) *Умный-разумный старым батюшком, Старым батюшком и старой матушкой*; ст. 25 (ст. 24 ркп.) [*сенаторы*]; ст. 36 (ст. 35 ркп.) был *бы*; ст. 39—40 (ст. 38 ркп.) *Очи ясныя яснаго сокола, Пролетнаго сокола, заморскаго*; ст. 61 (ст. 59 ркп.) был *бы*; ст. 65 (ст. 63 ркп.) Пролетнаго *сокола*; ст. 82 (ст. 80 ркп.) Ай же ты, *наш*; ст. 86 (ст. 84 ркп.) *маковицы*; ст. 91 (ст. 89 ркп.) Пролетнаго *сокола*; ст. 98 (ст. 96 ркп.) Соломана; ст. 101 (ст. 99 ркп.) *Говорил* Василий; ст. 106 (ст. 104 ркп.) Соломана; ст. 108 (ст. 106 ркп.) Ай *ты, наш* батюшка; ст. 112 (ст. 110 ркп.) *Ивашко-Торокашко*; ст. 113 (ст. 111 ркп.) черные; ст. 114 (ст. 112 ркп.) Исправные ⟨...⟩, снарядные; ст. 116 (ст. 114 ркп.) *Лисицами-куницами*; ст. 120 (ст. 118 ркп.) Соломанию; ст. 123 (ст. 121 ркп.) *три черные*; ст. 124 (ст. 122 ркп.) исправные ⟨...⟩ снарядные; ст. 125—126 (ст. 123 ркп.) лисицами, *Лисицами-куницами заморскими*; ст. 128 (ст. 125 ркп.) драгоценными; ст. 130 (ст. 127 ркп.) Еросолим; ст. 132—133 (ст. 129 ркп.) *Будет Ивашко-Торокашко за синим морем, За синим морем во граде Еросолиме*; ст. 136, 145 (ст. 132, 141 ркп.) заморские; ст. 149 (ст. 145 ркп.) *Обценщиков*, ребят; ст. 150—151 (ст. 146 ркп.) *Оценить мои черные карабли, Черные карабли и товары заморские*; ст. 159—160 (ст. 154 ркп.) *Он стал уговаривать, Уговаривать, около обхаживать*; ст. 186—187 (ст. 180 ркп.) *Оценивать его карабли черные, Черные карабли, товары заморские*; ст. 205 (ст.198 ркп.) *сонны лежат*; ст. 216—217 (ст. 209 ркп.) *Стала товаров оценивать, Товаров и черных караблей*; ст. 224—225 (ст. 214 ркп.) *Выпей-ка наших напиточков сладкиих, Сладкиих, заморских, непьяныих*; ст. 230—231 (ст. 221 ркп.) *Садилася она на золот стул, Садилася ко столику дубовому*; ст. 236 (ст. 226 ркп.) чарочку *пить*; ст. 238—239 (ст. 228 ркп.) *Обвалилася на черноем на карабли, Обвалилася, сонна лежит*; ст. 240 (ст. 229 ркп.) черные; ст. 250 (ст. 239 ркп.) *к королю*; ст. 256—257 (ст. 245 ркп.) *Гостя из-за синя моря, Встречал с честью великою*; ст. 270 (ст. 258 ркп.) верные; ст. 265 (ст. 253 ркп.) [*сенаторы*]; ст. 285 (ст. 273 ркп.) пастушей; ст. 288 (ст. 276 ркп.) *в* рожку; ст. 294, 301 (ст. 282, 289 ркп.) *Седлать* да; ст. 296 (ст. 284 ркп.) *Заиграл* во; ст. 297 (ст. 285 ркп.) *в* рожку; ст. 298 (ст. 286 ркп.) Ай же *вы*; ст. 305 (ст. 293 ркп.) *В* рожку; ст. 322 (ст. 310 ркп.) *Си-*

ла-войско; ст. 323—324 (ст. 311 ркп.) *Вы кормите-тко добрых коней, Вы кормите, а сами слухайте*; ст. 329 (ст. 316 ркп.) *Садитесь*, приготовляйтесь-ко; ст. 332 (ст. 319 ркп.) *Скорым-скоро*, скоро; ст. 335 (ст. 322 ркп.) *Брал он*; ст. 344 (ст. 331 ркп.) сахарныя; ст. 345—346 (ст. 332 ркп.) *Называла мужем любезным, Любезным мужем царем Соломаном*; ст. 348 (ст. 334 ркп.) дубовые; ст. 360—361 (ст. 346 ркп.) *Он охотник ездить во чисто поле, Во чисто поле за охотою*; ст. 364 (ст. 349 ркп.) *во славный*; ст. 406—407 (ст. 391—392 ркп.) дубовые; ст. 415 (ст. 400 ркп.) *садилися*; ст. 418—419 (ст. 403 ркп.) *Во третью карету Ивашко-Торокашко, Ивашко-Торокашко, гость заморянин*; ст. 438—439 (ст. 422 ркп.) *Позволь-ко мне сыграть в остатьниих, В остатьниих, во последниих*; ст. 442—444 (ст. 425—426 ркп.) *Ты казни царя Соломана скорым-скоро, Скорым-скоро, скорым-наскоро: Царь Соломан хитер-то есть*; ст. 447—448 (ст. 429 ркп.) *Одно ли дерево в лисе не темный лес, Не темный лес, не шумячиий*; ст. 452 (ст. 433 ркп.) *в рожку*; ст. 463 (после ст. 443 ркп.) *Прекрасный король Василий Окульевич*; ст. 479 (ст. 454 ркп.) приученые; ст. 506—507 (ст. 486 ркп.) *Приходит казень смертная царю Соломану Во том во царстве Кудриянскоем*; ст. 520 (ст. 499 ркп.) *по синю*; ст. 521 (ст. 500 ркп.) *Еросолимо-т*; ст. 524—525 (ст. 503 ркп.) *Были кормленые-ученые, К языкам человеческим приученые*; ст. 543—544 (ст. 521 ркп.) *Казни царя Соломана скорым-скоро, Скорым-скоро, скорым-наскоро*; ст. 548—549 (ст. 525 ркп.) *Одно лишь дерево не темно в лесу, Не темно в лесу, не шумящее*; ст. 556—557 (ст. 533 ркп.) *Почто ты посеял пшеницу белояровую, Посеял по чисту полю*; ст. 559—560 (ст. 534 ркп.) *Налетели мои гуси-лебеди, Гуси-лебеди да черные вороны*.

Самый полный пудожский вариант этой былины, содержащий все отмеченные в преамбуле элементы местной редакции сюжета; нет только вещего сна Соломаниды, отсутствующего и у других пудожских сказителей. Певец использовал практически все иносказательные ремарки и монологи персонажей, характерные для данного сюжета. Они безупречно скомпонованы и не содержат никаких примет импровизационной манеры исполнения, нередко приписываемой А. Сорокину. Об этом же свидетельствует стабильность повторяющихся формул, к которым охотно прибегал сказитель (ст. 25—44, 50—69, 84—95, 152—171, 185—205 и др.). Не ясно, почему «детина поваренный», вызвавшись похитить Соломаниду, просит Василия Окульевича наложить ему «имячко другое» (ст. 108—112). Но это не новация Сорокина, поскольку такой же мотив находим в былине его земляка А. Портнягина (№ 563 наст. тома). Типична для местной традиции и формула быстротекущего времени: «Скоро сказывается, да по успеху дело делается» (ст. 130, 316) — своеобразный аналог сказочной формулы: «Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается». Она встречается в другой былине сумозерского певца — «Дюк Степанович» (№ 337 наст. тома, ст. 529) и в старинах ряда сказителей с Пудоги («Добрыня и Алёша» — СБ 16, № 78, ст. 56, 78; «Илья Муромец и Идолище» — СБ 17, № 222, ст. 61), из Заонежья (С.—Ч., № 108, ст. 114, 200) и Каргополья (Рыбн., № 197, ст. 109; Т.—М., № 11, между ст. 198—199 — формула по ошибке была пропущена при печатании). Нет отступлений от традиции и в композиции былины. Лишь одна подробность необычна — Василий Окульевич правит Царством Кудриянским (видимо, перенос из прионежской редакции так называемого большого духовного стиха о Георгии Победоносце, где мучитель святого именуется царищем Кудриянищем).

В отличие от архангельско-беломорских записей былины, в которых Соломан с войском отправляется за похищенной женой по морю, в прионежско-каргопольских вариантах он движется по суше. Однако в финале комментируемого варианта «черные карабли» все же упоминаются — на них отправляют часть «именьица» Василия Окульевича (ст. 571). В северо-восточной редакции сюжета христианские обычаи (а царь Соломан осознается как представитель христианского мира) противопоставляются обычаям неверных; в прионежской традиции эти мотивы отсутствуют. Но в тексте Сорокина все же просматривается семантическая оппозиция «свои—чужие». Василий Окульевич приглашает на пир «своих пановьев-улановьев, своих князей-бояринов»; при этом богатыри — непременные участники пиров у князя Владимира — не

упоминаются (ст. 4—7). С похищенной Соломаньей повенчался он «по-своему» (ср. с вариантами некоторых кенозерских певцов: ведет ее «во кирку соборную», «принимали по-своему златые венцы» — Рыбн., № 183, ст. 180—181).

№ 561

Царь Соломан и Василий Окулович

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 10, л. 47 об.—59 об., перебеленная рукопись; ед. хр. 12, тетр. 1, л. 59—65 об., полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (полные строки); ед. хр. 19, л. 51—58, полевая карандашная запись Ю. А. Самарина (полные строки). Опубл.: С.—Ч., № 27.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 11 июля 1928 г., д. Семеново — от Григория Алексеевича Якушева, 65 лет.

Примечание собирателей: ст. 117 (sic!).

Разночтения ед. хр. 10, 19

Ст. 21 Трапетов*у* (ед. хр. 10); ст. 27 ницем *да* не (ед. хр. 10); ст. 51, 52 С*а*ламаниху (ед. хр. 19); ст. 53 *нимошечко* (ед. хр. 19); ст. 69 русс*и*йская (ед. хр. 10); ст. 79 тое (ед. хр. 10); ст. 87 царицю (ед. хр. 10); ст. 101 богат*и*рина (ед. хр. 10); ст. 127 *раздумныих* (ед. хр. 19); ст. 175 *явися* (ед. хр. 10); ст. 176 хитр*и*е (ед. хр. 10); ст. 186 скознить (ед. хр. 10); ст. 193 не *у*знат (ед. хр. 19); ст. 213 а один-то *я* (ед. хр. 10); в ст. 236 как, выйде (ед. хр. 19); ст. 239 хитростямы (ед. хр. 19); ст. 245 будь (ед. хр. 10); ст. 246 *по*сыпались (ед. хр. 10, 19); ст. 250 *не* выигрывал (ед. хр. 10), не *вы*грывал (ед. хр. 19); ст. 253 приманывал (ед. хр. 10); ст. 263 *да* слезами-то (ед. хр. 10).

По содержанию и композиции вариант не выходит за рамки местной традиции, однако в художественном плане заметно уступает лучшим пудожским вариантам. Сказитель именует соперника царя Соломана «Кощайским царем да Трапатовичем» — перенесение из былины «Иван Годинович», которая от Якушева не записана, но входила в репертуар его главного учителя Н. Прохорова (№ 462 наст. тома). В данном тексте не всегда соблюдаются эпические стандарты. На пиру гость расспрашивает хозяина, почему он «не пьет да не кушает, ничем не хвастает» (ст. 20—25); обычно это прерогатива хозяина. Слишком поздно, только в ст. 113—116 сообщается о том, что Соломана нет дома. Многие стихи и целые тирады неумело скомпонованы, что порой затемняет их смысл (ст. 34—44, 129—132, 189—190, 193—196 и др.). Охотно используя подхваты, Якушев часто отрывает сказуемые от прямых дополнений, постоянные эпитеты от определяемых слов и т. п. (ст. 54—55, 59—61, 63—64, 82—83, 214—215 и др.). Как и многие другие былины исполнителя, текст перегружен нетрадиционной лексикой («начальство»; «бояре думные, сенаторы разумные»; «увез ⟨...⟩нахальнё»; «ступени возвышены» и др.).

№ 562

Про царя Окулия Окульевича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 74а, л. 512—514 об., черновая рукопись. Опубл.: БПК, № 61.

Зап. В. Р. Дмитриченко: август 1938 г., д. Нежино Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Емельяновича Родина, уроженца д. Нежино, неграмотного, 84 лет.

Примечание собирателя: «Слышал от Егора Шитого из Водозера» (л. 514 об.).

Разночтения БПК, № 61

Ст. 11 *лисицами*; ст. 23 ркп. в публикации отсутствует; ст. 31 публикации в ркп. отсутствует; ст. 44—45 объединены в одну строку; ст. 45 (ст. 46 ркп.) *вострублю*; ст. 47 (ст. 48 ркп.) *у ней, сказки*; ст. 50, 62, 71 (ст. 51, 63, 72 ркп.) *Саламон*; ст. 71 (ст. 72 ркп.) *повисил*; ст. 89 (ст. 90 ркп.) *по*вострубить; ст. 98 (ст. 99 ркп.) *по*вострубил; ст. 99 (ст. 100 ркп.) *И* вострубил; ст. 104 (ст. 105 ркп.) *да* напрасную; ст. 107 (ст. 108 ркп.) *по*вострубить; ст. 110 ркп. в публикации отсутствует; ст. 113 (ст. 115 ркп.) пропущено: *Обступило войско Соломана все.*

«Былина встречается сравнительно редко, записи исключительно из северных районов; известны сказочные обработки (см.: Андреев, № 905). Наибольшими поэтическими достоинствами обладают варианты из Прионежья; обзор и изучение вариантов см. Аст. 1, с. 632—633.

В Пудожском районе среди старых записей известен только один вариант от А. П. Сорокина (Рыбн., № 137). Настоящий вариант восходит к той же редакции, но является более коротким и схематичным. Выпущено описание пира, на котором царь просит достать ему жену и говорит, какими достоинствами она должна обладать. Схематично описание путешествия Ивашки-Таракашки. Переход на прозу в описании встречи Соломона с женой имеет место и у Сорокина: „Так он говорит: «Я куда пойду?» Она говорит: «Ты зайди в сундук да окованный»", у Родина в тех же выражениях: „И говорит Соломон таковы слова: «Я-то куды?» — «Поди в сундук». Он залез в сундук".

Менее красочно и не так подробно, как у Сорокина, рассказано о Соломоне, идущем на казнь. В обоих случаях царю при приближении войска кажется, что земля дрожит, но в данном варианте Соломон говорит дважды о гусях-лебедях, а в третий раз о ясных соколах; у Сорокина это место разработано более подробно и несколько иначе: сперва говорится о добрых конях, потом о гусях-лебедях, упоминания о ясных соколах нет. Как и в былине о Дюке, стих местами переходит в прозу.

Сюжет былины имеет связь с песенными и прозаическими обработками сказаний о царе Соломоне, пришедших на Русь из Византии и Западной Европы. Совпадение имени Васьки Таракашки (в данном варианте Ивашка-Таракашка) с именем московского купца Василия Тараканова (XV в.), хорошо известного новгородцам, дало повод отнести возникновение былины к Новгороду первой половины XVI в. (*Миллер Вс.* Очерки русской народной словесности. М., 1924. Т. 3. С. 174—202). Однако вопрос о месте и времени оформления преданий о Соломоне в былину окончательно не решен» (БПК, с. 499).

В кратком, но традиционном по содержанию варианте Н. Родина действие приурочено к Киеву (обычно Соломан живет в Иерусалиме); соперник героя назван Окулием Окульевичем, встречаются другие проявления забвения традиции. Сказитель часто сбивался на прозу, лишь имитируя стихотворный строй (ст. 3—4, 46—47 и др.). В тексте заметна тенденция к модернизации лексики (пастуший рог заменен трубой).

№ 563

Соломан и Василий Окулович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 17 ед. хр. 96, л. 8—10 об., перебеленная рукопись, карандаш. Опубл.: Черн., № 26.

Зап. А. В. Белованової: 1945 г., д. Старое Сигово Пудожского с/с Пудожского р-на — от Александра Андреевича Портнягина, уроженца д. Сигово Пудожского у., 78 лет.

Разночтения Черн., № 26

Ст. 22 А не *над*; ст. 26 Поваренной; ст. 34, 60, Соломанида; ст. 59 Соломан; ст. 61 *Кудриянское*; ст. 91 *ён*; ст. 100 ступенцика; ст. 109 ступенчика; ст. 118 ступеньчикам; ст. 123 потешитьсе; ст. 128 *Одно*; ст. 147 натешитьсе; ст. 148 хочетсе.

«Текст Портнягина хорошо сохранил большинство основных мотивов былины о Соломане. Некоторая сжатость не позволяет подыскать достаточно близкие параллели к тексту, особенно из Пудожского района, где былина не была столь популярна, как в Заонежье. Правда, по ряду специфических деталей, фразеологизмов вариант А. А. Портнягина сближается с вариантами Е. П. Родиной (БПК, № 61) и А. Сорокина (Рыбн., № 137). Сказитель использовал в тексте мотивы из других былин: мотив деревянных жеребьев, которые бросают в воду воины Соломана («Садко» или «Наезд литовцев» — см. былину А. А. Портнягина, Черн., № 27), расправа с Соломанидой, которую привязывают к жеребцам (по традиции ее кладут в третью петельку). „Топонимика" былины также заимствована из других былин: Василий живет в царстве Кудриянском (духовный стих о Егории), Соломан приезжает к Пучай-реке («Добрыня и Змей», «Дюк»)» (Черн., с. 287—288).

Исполнитель жил в д. Старое Сигово, по соседству с Ченежами, родиной А. Сорокина (оттуда этот певец переселился на Сумозеро). Тексты земляков близки по многим параметрам. В них совпадают не только типовые, но и оригинальные мотивы и детали, отсутствующие у других олонецких сказителей. Василий Окульевич правит «царьством Кудриянским»; «Ванюха-вор Повареной» (у Сорокина он не назван по имени) просит переменить ему звание на «Торокашку, гостя заморского». Композиция былины упрощена. Соломанида сразу отправляется на корабли Торокашки описывать «товары драгоценныи» (у Сорокина сначала две неудачные попытки сделать это предпринимают царские слуги). Иначе, нежели у сумозерского певца, описана казнь неверной жены. По приказу Соломана ее привязали к двум жеребцам и «роздернули во чистом поли», а в третьей петле повесили «палаца немилостливого». Текст отличается высоким художественным уровнем, уступая в этом плане только варианту Сорокина. Исполнитель продемонстрировал отличное владение приемами формульного стиля, умело использовал эпические повторы, богатый набор постоянных эпитетов. Лишь в одном эпизоде он ненадолго сбился на прозаический пересказ, иногда вводил в былинное повествование разговорно-бытовые обороты («оттюкнуть буйну голову»; «скорилсе»; «вдруг его сила скошеваласе»). А. Портнягин — единственный сказитель, включивший в эту старину эпизод с отбором воинов для похода — они бросают березовые жребии в Почай-реку: чьи жребии тонут, тех Соломан отправляет домой (ст. 65—73). Смысл жеребьевки в тексте не раскрыт, но по былине «Наезд литовцев» известно, что с ее помощью предводитель определяет судьбу своих ратников: кто из них погибнет в предстоящей битве, а кто уцелеет. Эта старина входила в репертуар Портнягина (см. № 554 наст. тома), жеребьевка описана в ней так же, как и в комментируемом тексте. У Сорокина аналогичная сцена есть только в «Наезде литовцев», причем принцип отбора дружинников иной: их боеспособность определяется по тому, кто каким способом пьет воду из реки Березины. Исходя из этих наблюдений, правомерно предположить,

что включение данного эпизода в старину о царе Соломане — личная новация А. Портнягина или его непосредственного предшественника. Варианты обоих сказителей несомненно родственны по происхождению, но восходят к разным источникам.

№ 564

Царь Соломон и Василий Окулович

Архив ФК МГУ, 1959, Сев. экспед., тетр. 29, № 51, л. 4647—4657, рукопись карандашом.

Зап. М. Полидвой: лето 1959 г., д. Чуркина Гора Корбозерского с/с — от Павла Федоровича Белонина, 73 лет.

Примечание собирателя: «Нервный, больной человек. Только что я вошла, он сразу же буквально выпалил несколько сказок и больше от него ничего не удалось добиться. Он твердил, что ничего не помнит больше. Сказки слышал в армии, почти совсем их не рассказывает. Живет с женой, дети (3 человека) уехали, сам он прошел две войны; грамотный» (л. 4657).

Вариант занимает промежуточное положение между пересказом былины и сказкой на былинный сюжет. П. Белонин назвал его «сказкой» и, видимо, слышал уже в прозаической форме. Однако примет сказочного стиля в его тексте немного — зачин «В некотором царстве, в некотором государстве» и заключительная фраза «Вот и сказке конец». В пересказе сохранены все основные эпизоды былинного сюжета, традиционные имена персонажей, многие стихотворные эпические формулы. Одна из них указывает на связь текста с кенозерской былинной традицией — жена Соломона говорит Василию Окуловичу: «На царе сижу, а на другого гляжу» (Корбозеро, где жил Белонин, находится всего в двадцати с небольшим километрах от Кенозера). Торокашка Заморенин оригинальным способом определяет, что Соломон в отъезде: в подзорную трубу смотрит, какой флаг у Соломона. Видит флаг, что царь в отлучке, одна жена дома. С прозаической формой бытования связано обилие слов, чуждых былинному лексикону («Ваше императорское величество», «солдат», «рядовой», «трактиры», «рестораны», «командировка» и др.).

Публикуется впервые.

№ 565

Царь Соломон

Архив ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п.1, тетр. 8, № 27, л. 8532—8537, рукопись карандашом.

Зап. С. Ожеговой: 17 июля 1960 г., п. Новые Тамбицы Пудожского р-на — от Федоры Федоровны Барановой, 80 лет.

Исполнительница кратко изложила содержание ключевых эпизодов былины; как и П. Белонин (см. предыдущий текст), назвала свое произведение сказкой. О связи ее варианта с устной традицией свидетельствует оригинальная формула: «Я на царе сижу, а на царя гляжу», встречающаяся в ряде кенозерских записей. В тексте сохранились отдельные эпические формулы: «Первы колеса кони везут»; «Мои гуси твое жито будут клевать». В небольшом по объему варианте немало более или менее современной лексики: дружинников заменили казаки, турий рог — свисток. В роли наперсника Василия Окуловича вместо Торокашки Заморенина выступает «Гришка-росстрижка», персонаж популярной в Прионежье исторической песни о временах Смуты. Оригинальна замена черта лешим в одной из традиционных формул: «Третьи колеса леший несет».

Публикуется впервые.

ВАНЬКА УДОВКИН СЫН И ВОЛШАН (№ 566)

№ 566

О Ваньке удовкине сыне и царе Волшане Волшанском

РГБ, ф. 125, п. 28, л. 184—190 об., беловая рукопись. Опубл.: Рыбн., 1861, № 76.

Перебелено неизвестным переписчиком.

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., д. Бураково Купецкой вол. — от Никифора Прохорова, крестьянина д. Бураково, около 1820 г. р.

Примечание собирателя: ст. 217 дает огнивце во третьиих — «вероятно, Могуль-птица дает Ваньке еще что-нибудь во-вторых».

Примечания издателя: ст. 30 сманул — махнул; ст. 193 отворила ортину великую — рот, пасть.

Разночтения Рыбн., № 76

Ст. 38 *Опять сманул*; ст. 112 вставлен другим почерком (Рыбникова?); ст. 140 вставлен другим почерком (Рыбникова?); ст. 182 *к* сыру.

Комментируя это позднее былинное новообразование, известное в единственной записи от Н. Прохорова, В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов подчеркивали его генетическую связь с волшебной сказкой о Елене Прекрасной (АТ 329). Текст Н. Прохорова примыкает к той версии сказки, в которой герой должен прятаться не от своей невесты, а от ее отца, наделенного атрибутами волшебника. Сказитель назвал его «Волшаном Волшановичем». П. А. Бессонов возводил это имя к «Волотоману Волотомановичу, персонажу духовного стиха „Голубиная книга" и ряда других произведений» (Рыбн., т. 2, с. 145). Однако, скорее всего, оно связано с глаголами «волшить, волховать» (колдовать, чаровать) и производными от них «волх», «волхвит», «волховит» (Даль 1, с. 210). По мнению В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова, «в былине сказочный сюжет несколько упрощен. В целом же здесь ⟨...⟩ переложение сказки в былину сделано искусно: былина отличается стройностью композиции, сюжетной завершенностью, выдержанностью эпического стиля повествования» (Пропп—Путилов, т. 2, с. 499). Прохоров почти дословно воспроизводит повторяющиеся фрагменты былины (см. ст. 29—43, 56—70, 99—114). В этом тексте, как и в других его эпических песнях, проявилось пристрастие сказителя к синонимичным повторам («отдай-повыдай», «целовал-миловал», «пошел-поскакал», «дал ему срока-времячка», «сглонуть-съесть» и др.). Формула: «Если ли грешному прощеньице?», вероятнее всего, позаимствована из исторической песни «Гнев Ивана Грозного на сына» (ср. Гильф., № 13, ст. 248 и др.). Рифмованную сказочную концовку «Стал тут Ванька жить да быть, ⟨...⟩ детей сводить» певец использовал в финале старины «О Соловье Будимировиче» (№ 398 наст. тома).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Григорий Алексеевич Якушев. Фотография из фондов Государственного литературного музея (Фонд негативов, 48499п), 1928 г.

2. Утро в д. Семеново. Фотография Е. Белякова, 2011 г.

3. Запись былины С. П. Бородиным и Ю. А. Самариным от Г. А. Якушева в д. Семеново, 1928 г. Фотография из архива экспедиции под руководством Б. М. и Ю. М. Соколовых. Опубл.: Онежские былины. М., 1948. С. 8.

4. В избе Конашковых. Фотография из фондов Государственного литературного музея (Фонд негативов, 48495 п), 1928 г.

5. Вид с колокольни часовни Илии Пророка в д. Пяльме. Фотография Е. Белякова, 2011 г.

6. Рыбаки. Пудожский у. Фотография из фондов Государственного литературного музея (Фонд негативов, 48481п), 1928 г.

7. Водлозеро, д. Качнаволок (Куганаволок). Водлозерский национальный парк. Фотография В. Ларионова, 2004 г.

8. М. А. Сахатарова в родной деревне Ярчево, 1975 г. Фотография Т. И. Сенькиной и В. П. Кузнецовой (АКНЦ, к. 82, №280 — фотоальбом, л. 4).

9. Летний день в д. Ярчево. Фотография Е. Белякова, 2011 г.

10. Поклонный крест на Водлозере. Фотография В. Ларионова, 2004 г.

11. Всесоюзный съезд сказителей (1938 г.). В центре снимка — Ф. А. Конашков.

12. Кадриль. Фотография из фондов Государственного литературного музея (Фонд негативов, 48466п), 1928 г.

13. Р. Илекса. Водлозерский национальный парк. Фотография В. Ларионова, 2013 г.

14. Охотник на Рагнозере. Фотография из фондов Государственного литературного музея (Фонд негативов, 48498п), 1928 г.

15. Курная изба на Водлозере. Фотография из фондов Государственного литературного музея (Рукописный фонд, 442-110-17), 1928 г.

16. А. Н. Камерилова, сказительница из д. Филимоновской (АКНЦ, ф. 1, оп. 45, № 66 — фотоальбом, л. 12).

17. Часовня Илии Пророка, д. Пяльма. Фотография Е. Белякова, 2011 г.

18. Утро в д. Качнаволок (Куганаволок). Фотография В. Ларионова, 2004 г.

19. Р. Илекса. Фотография В. Ларионова, 2004 г.

20. Околица д. Авдеево. Фотография Е. Белякова, 2011 г.

21. И. П. Савинкова, сказительница из д. Семеново (АКНЦ, ф. 1, оп. 45, № 66 — фотоальбом, л. 26).

22. Погост д. Шалы. Фотография Е. Белякова, 2011 г.

23. Крестьянский инвентарь, д. Бураково. Фотография Е. Белякова, 2011 г.

24. Лодочных дел мастер из д. Качнаволок (Куганаволок). Фотография В. Ларионова, 2004 г.

25. Баньки в д. Пяльме. Фотография Е. Белованова, 2011 г.

26. Водлозеро. Фотография В. Ларионова, 2004 г.

27. Ильинский погост на Водлозере. Фотография В. Ларионова, 2004 г.

29. Крестный ход в Ильин день (2 августа). Ильинский погост на Водлозере. Фотография В. Ларионова, 2009 г.

30. Праздничная служба в Ильин день (2 августа). Ильинский погост на Водлозере. Фотография В. Ларионова, 2009 г.

31. Крестный ход в Ильин день (2 августа). Ильинский погост на Водлозере. Фотография В. Ларионова, 2009 г.

32. Ильинский погост на Водлозере. Фотография В. Ларионова, 2010 г.

33. Осень на р. Илексе. Фотография В. Ларионова, 2004 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПУБЛИКАЦИИ

Азадовский	—	Былины и исторические песни из Южной Сибири / Записи С. И. Гуляева. Ред., вступ. статья, коммент. М. К. Азадовского. Новосибирск, 1939.
Азб.	—	*Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.
Авенариус, 1893	—	Книга былин : Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии / Сост. В. П. Авенариус. 3-е изд. М., 1893.
Андреев	—	*Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне / Изд. РГО. Л., 1929.
AT	—	The types of the folktale : A classification & bibliographie : Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen / Transl., enlarged S. Thompson. 2nd revision. Helsinki, 1961 (Folklore fellow Communications; N 184).
Аст. 1	—	Былины Севера / Зап., вступ. статья, коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938.
Аст. 2	—	Былины Севера / Зап., вступ. статья, коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951.
Астахова. Итоги	—	*Астахова А. М.* Былины : Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966.
Барсов	—	Памятники народного творчества в Олонецкой губернии : Об олонецком песнетворчестве [Е. В. Барсов]. Былины. — Духовные стихи. — Свадебные обычаи в Толвуйской волости / Сост. Е. В. Барсов; С примеч. Л. Н. Майкова. СПб., 1873.
БЗП	—	Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960.
БПЗБ	—	Былины Печоры и Зимнего Берега / Изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов; Вступ. статья, коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1961.
БПК	—	Былины Пудожского края / Подгот. текстов, статьи, коммент. Г. Н. Париловой, А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941.
Гильф., 1873	—	Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года : С двумя портретами онеж⟨ских⟩ рапсодов и напевами былин / Предисл. П. Гильтебрандта. СПб., 1873.
Гильф. I	—	Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. 4-е изд. / Под ред. А. М. Астаховой; Вступ. статья В. Г. Базанова; Подгот. текстов, коммент. А. И. Никифорова, Г. С. Виноградова. М.; Л., 1949. Т. 1.
Гильф. II	—	Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. 4-е изд. / Под ред. А. М. Астаховой; Вступ. статья В. Г. Базанова; Подгот. текстов, коммент. А. И. Никифорова, Г. С. Виноградова. М.; Л., 1950. Т. 2.
Гильф. III	—	Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. 4-е изд. / Под ред. А. М. Астаховой; Вступ. статья В. Г. Базанова; Подгот. текстов, коммент. А. И. Никифорова, Г. С. Виноградова. М.; Л., 1951. Т. 3.
Гр. I	—	Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1900 гг. С напевами, записанными посредством фонографа. Т. 1, ч. 1: Поморье; ч. 2: Пинега. СПб., 1904.
Гр. II	—	Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым. Т. 2: Кулой. Прага, 1939.
Гр. III	—	Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа; с картой распространения старин на Крайнем Севере Европейской России. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.

Гул. — Былины и песни Южной Сибири / Собрание С. И. Гуляева. Новосибирск, 1952.

Даль 1 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. М., 1863. Ч. 1.

Даль 2 — Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. М., 1865. Ч. 2.

Даль 4 — Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. М., 1866. Ч. 4.

Даль. Пословицы — *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957.

ДиА — Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М., 1974.

Добровольский—Коргузалов — Былины : Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981.

Едемский, 1912 — *Едемский М.* Семнадцать сказок, записанных в Тотемском уезде Вологодской губернии, в 1905—1908 гг. // Живая старина. 1912. Вып. 2—4. С. 221—258.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

Карамзин I — *Карамзин Н. М.* История государства Российского : В 4 т. М., 1988. Т. 1.

Каспари — Бесплатная премия журнала «Родина» 1894 г. Вып. 1: Русские былины и сказания про богатырей древнекиевского периода. В новом общедоступном изложении / Изд. А. Каспари. СПб., 1894.

КД — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е доп. изд. / Подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М., 1977.

Кир. I — Песни, собранные П. В. Киреевским / Изд. О-вом любителей российской словесности. М., 1860. Вып. 1.

Кир. II — Песни, собранные П. В. Киреевским / Изд. О-вом любителей российской словесности. М., 1861. Вып. 2—3.

Кир. IV — Песни, собранные П. В. Киреевским / Изд. О-вом любителей российской словесности. М., 1862. Вып. 4.

Королькова 1969 — Русские народные сказки : Сказки, рассказанные воронежской сказочницей Н. А. Корольковой. М., 1969.

Крюк. — Былины Марфы Крюковой / Зап., коммент. Э. Бородина, Р. Липец; Вводн. статья Р. Липец; Ред., предисл. Ю. Соколова. М., 1939 [Т. 1]; М., 1941. Т. 2.

Линевский — Сказитель Ф. А. Конашков / Подгот. текстов, вводн. статья, коммент. А. М. Линевского; Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948.

Марк. — Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.

Мил. — Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. проф. В. Ф. Миллера, при ближайшем участии Е. Н. Елеонской, А. В. Маркова. М., 1908.

НБ — Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М., 1978. (Сер. «Литературные памятники»).

Никифоров I — Примечания / Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. 4-е изд. / Под ред. А. М. Астаховой; Вступ. статья В. Г. Базанова; Подгот. текстов, коммент. А. И. Никифорова, Г. С. Виноградова. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 702—731.

Никифоров III — Примечания / Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. 4-е изд. / Под ред. А. М. Астаховой; Вступ. статья В. Г. Базанова; Подгот. текстов, коммент. А. И. Никифорова, Г. С. Виноградова. М.; Л., 1949. Т. 3. С. 634—664.

Новиков 2001	—	*Новиков Ю. А.* Былина и книга : Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных текстов. 2-е изд., доп. М., 2001.
НП	—	Народная поэзия : Былины. Песни. Духовные стихи / С введением и объяснительным словарем; Сост. А. Оксенов. 2-е изд. СПб., 1898.
Онч.	—	Печорские былины / Записал Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.
Пропп	—	*Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М., 1957.
Пропп—Путилов	—	Былины : В 2 т. / Подгот. текста, вступ. статья, коммент. В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова. М., 1958.
РБЭ	—	*Астахова А. М.* Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948.
Рыбн., 1861	—	Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 1: Народные былины, старины и побывальщины. М., 1861.
Рыбн., 1862	—	Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 2: Народные былины, старины и побывальщины. М., 1862.
Рыбн., 1864	—	Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 3: Народные былины, старины, побывальщины и песни. Петрозаводск, 1864.
Рыбн., 1867	—	Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 4: Народные былины, старины, побывальщины и песни. СПб., 1867.
Рыбн.	—	Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Под ред. А. Е. Грузинского. 2-е изд. М., 1909. Т. 1; 1910. Т. 2, 3.
С.—Ч.	—	Онежские былины / Подбор былин, науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч., словарь В. И. Чичерова. М., 1948.
СБ 1, СБ 2	—	Свод русского фольклора : Былины : В 25 т. Т. 1—2: Былины Печоры / Корпус текстов подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова; Отв. ред. тома А. А. Горелов. СПб.; М., 2001.
СБ 4	—	Свод русского фольклора : Былины : В 25 т. Т. 4: Былины Мезени / Корпус текстов, коммент. подгот. А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов; Отв. ред. тома А. А. Горелов. СПб.; М., 2004.
СБ 16	—	Свод русского фольклора : Былины : В 25 т. Т. 16: Былины Пудоги / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. СПб.; М., 2013.
Соколов	—	*Соколов Б.* Сказители. М., 1925.
Т.—М.	—	Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова, В. Ф. Миллера. М., 1894.
ФРУ	—	Фольклор Русского Устья / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев, М. Ф. Дружинина, Ю. Н. Дьяконова, В. И. Жекулина, Р. В. Каменецкая, В. В. Митрофанова, М. А. Никифорова, А. Н. Розов, А. Г. Чикачев. Л., 1986.
Харузин 1894	—	*Харузин Н. Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии // Олонецкий сборник : В 4 вып. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 302—346.
Черн.	—	Русские эпические песни Карелии / Подгот. Н. Г. Черняева; Под ред. Б. Н. Путилова. Петрозаводск, 1981.
Чичеров	—	*Чичеров В. И.* Школы сказителей Заонежья. М., 1982.
Чистов	—	*Чистов К. В.* Русские сказители Карелии : Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980. С. 211—256.
Шайжин 1906	—	*Шайжин Н. С.* Олонецкий фольклор : Былины : (Критико-библиографический обзор былин и 14 новых былинных записей). Петрозаводск, 1906.

УЧРЕЖДЕНИЯ, АРХИВЫ

АКНЦ	—	Архив Карельского научного центра РАН
ГАХН	—	Государственная академия художественных наук
ГИМ	—	Государственный исторический музей
ИРГО	—	Императорское русское географическое общество
ИРЛИ	—	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
КНИИ	—	Карельский научно-исследовательский институт
КФАН	—	Карельский филиал Академии наук СССР (позднее Карельский научный центр РАН)
ЛО	—	Ленинградское отделение Музыкального фонда России
МФ	—	Магнитофонный фонд записей Фонограммархива ИРЛИ
НИИК	—	Научно-исследовательский институт культуры (КАССР)
РАН	—	Российская Академия наук
РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	—	Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ	—	Российская государственная библиотека
РГО	—	Русское географическое общество
РО БАН	—	Рукописный отдел Библиотеки Академии наук
РО ИРЛИ	—	Рукописный отдел ИРЛИ
СПФ АРАН	—	Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ФА ИРЛИ	—	Фонограммархив ИРЛИ
ФК МГУ	—	Фольклорный кабинет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
ФВ	—	Фонд фонографических валиков (цилиндров) Фонограммархива ИРЛИ

Кроме общеупотребительных и библиографических сокращений в комментариях использованы следующие:

вар.	—	вариант
вм.	—	вместо
ДЛ	—	диск лабораторный
кол.	—	коллекция
п.	—	папка
ркп.	—	рукопись
п. з.	—	полевая запись
р.	—	разряд
с/с	—	сельский совет
ст.	—	стих, строка
стб.	—	столбец
тетр.	—	тетрадь
ф.	—	фонд
фол.	—	фолиант

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕКСТЫ БЫЛИН

Дунай и Настасья-королевишна (№ 319—320) . 7
Дунай Иванович — сват (№ 321—328) 21
Непра и Дон (№ 329—336 55
Дюк Степанович и Чурила Пленкович (№ 337—373). 72
Чурила Пленкович и князь (№ 374) 297
Чурила Пленкович и Катерина (№ 375—396) . 302
Соловей Будимирович (№ 397—415) 393
Сорок калик (№ 416—419) 477
Ставр Годинович (№ 420—459) 495
Иван Годинович (№ 460—466) 670
Данила Белый (Индея богатая) (№ 467—470). 703
Хотен Блудович (№ 471—474) 713
Иван Гостиный сын (№ 475). 731
Сухман (№ 476—491). 734
Василий Игнатьевич и Батыга (№ 492—506) . 790
Василий Буслаев и новгородцы (№ 507—521) . 836
Поездка Василия Буслаева в Иерусалим (№ 522—524). 899
Садко состязается с Новгородом (№ 525—534) 905
Садко в подводном царстве (№ 535—537) . . . 966
Суровец-суздалец (№ 538). 969
Наезд литовцев (№ 539—555). 971
Королевичи из Крякова (№ 556—558). 1051
Рождение и молодость царя Соломона (№ 559). 1066
Царь Соломан и Василий Окулович (№ 560—565). 1069
Ванька удовкин сын и Волшан (№ 566) 1099
Комментарии к текстам былин 1107
Список иллюстраций 1291
Список сокращений 1293

Научное издание

СВОД РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

СЕРИЯ «БЫЛИНЫ
В 25 ТОМАХ»

БЫЛИНЫ ПУДОГИ

**Том 18,
книга 1**

Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук

Редактор издательства *А. И. Строева*. Художник *Л. А. Яценко*. Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Н. И. Журавлева, М. Н. Сенина* и *Е. В. Шестакова*. Компьютерная верстка *Т. Н. Поповой*

Подписано к печати 25.11.2015. Формат 84 × 108 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Академическая.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 138.2. Уч.-изд. л. 84. Тираж 800 экз. Тип. зак. № 3840

Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука».
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

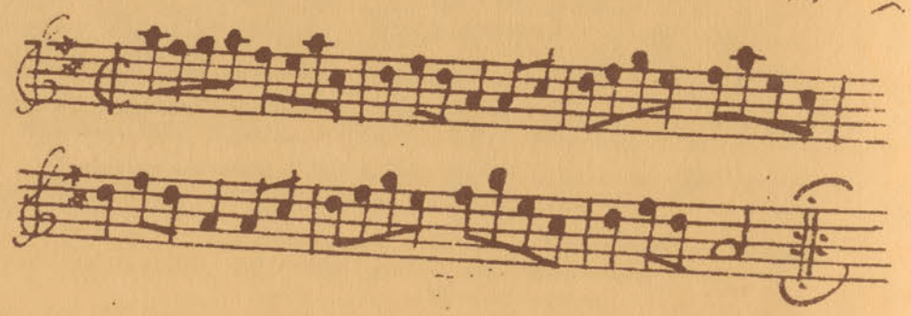
Первая Академическая типография «Наука». 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-038240-4

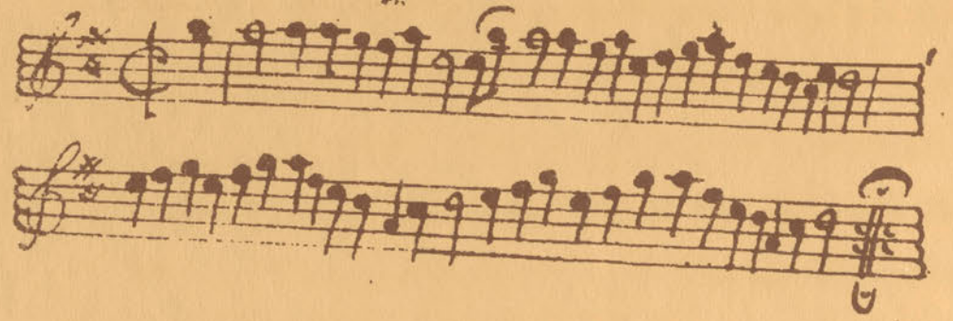
дубу пришобостолъ писшая свинья надубу-
тнѣзло свила надубу тнѣзло свила пустеки ота
свила сивинныхъ торосятоголъ торосятоголъ
толосатинныхъ тодубу онѣ всѣ развѣчалися —
авгоду онѣ глѣдятъ притонути хотятъ вголѣ
глѣдятъ — убѣгати хотятъ аитоги столу-
тюлю поравли вѣдутъ аисѣрои волиъ напорнѣ
стоитъ апрасна лицица потапитактъ —>
лотъ вправо дѣрти хотѣ вѣво затѣмъ нуда жаиъ
онѣ нанего глѣдятъ умѣкати хотятъ высотна
тали побила вихбурѣ летитъ аигортливидолъ
сто лубѣзя лѣтаетъ бурою породу вюлтаетъ насилъ
вступѣ цурица обѣстѣлася тодшѣлаиъ тапурова
нцо снѣла восну отца отѣлилася аитто стфина
то цѣлнѣ,

Садко Богатой Гостѣ

Послѣдной матушкѣ волѣ́рѣ аГуляѣ
садко молодѣцъ тутъ двенадцать лѣтъ
нищай надлобой притти испорби садко невидавалъ
авѣ молодѣцъ возздровѣ прѣбывалъ заходило
молодцу побывати вокове городѣ отрѣвалъ
хлѣба велики супрой ампалью напомлъ Ево —

Халкнъ царь

Да изорды золотои земли истое молозей=
бо богатыя пала подымалася злои палинъ царь=
злои палинъ царь налиновитъ на столному городу=
кошеку сострою силою стоганою нахушелъ онъ до=
шелъ за семь верстъ становился палинъ убѣстра
нѣтра збиралося силы насто верстъ вовсѣ
тѣ четыре стороны. Залѣгъ мать сыра земля
нетопѣтнула. Загѣмъ нрастутитца. а отому было
ополонилося. а месецъ солнцо толкрынула. невидѣ=
луча свѣта бѣлова а духу татарлова нелюдно
прѣщенымъ нали живымъ быть. Садилъ палинъ
нарѣлистѣ стулъ писалъ ерлыки скоропищетъ
постолному городу кошеку полаплану князю владимиру
сто выбралъ татарина выше всѣхъ а сверо=
тетъ татаринъ трехъ садѣнъ голова на татарине
стипкои шапкѣ. которои шапкѣ сорока вездѣ
пролежъ тѣлами насая садѣнъ а мудрости слово
написано сто возлѣтъ палинъ царь постолной
шевъ градъ владимира князя вполонъ полонѣ
бодби церкви нагыбитъ пуститъ а дѣтъ тому
татарину. ерлыки скоропищеты исослалъ сво=
ивѣтъ. на море садился татаринъ на уобра
поля тобхалъ городу кошкеву полаплову=